

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с 1998 года
Выходит один раз в два месяца

№ 4 (35)

Август 2012

ISSN 1991-5497

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.В. Петров – д-р пед. наук, проф., академик ПАНИ, член межд-го союза журналистов (г. Горно-Алтайск)

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

А.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Р.В. Опарин – кан. пед. наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

М.Г. Чухрова – д-р мед. наук, проф. (г. Новосибирск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Н.С. Часовских – канд. пед. наук, член межд-го союза журналистов (г. Горно-Алтайск)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Л.Г. Тырса (г. Горно-Алтайск)

ВЕДУЩИЙ МЕНЕДЖЕР ЖУРНАЛА

С.Х. Марабян – член-корр. ПАНИ (г. Горно-Алтайск)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА
В.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

КОРРЕКТОР

Н.А. Куликова – канд. филол. наук (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «РМНКО»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649006, г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический,
№ 68, офис 301, редколлегия журнала
«Мир науки, культуры, образования»

Тел.: 8 (388-22) 4-74-44;
Факс: 8 (388-22) 4-74-44;
E-mail: mnko@mail.ru; <http://amnko.ru/>

Индекс научного цитирования:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

Журнал зарегистрирован в:

✓ Роскомнадзоре РФ
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-49955 от 23.05.2012 г.
✓ International Centre ISSN, Paris - France
✓ Журнал включен в «Перечень ведущих
рецензируемых изданий ВАК РФ»
по направлениям: Педагогика, Психология,
Филология, Искусствоведение, Культурология,
Философия, История, Социология, Экономика,
Юриспруденция, Медицина, Экология

Подписано в печать 24.08.2012

Формат 60x84/8. Усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Зак. №

© Редакция журнала «Мир науки, культуры,
образования», 2012

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.Л. Кудрина** – председатель редакционного совета, доктор педагогических наук, профессор, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусства (г. Кемерово)
- В.Г. Бабин** – кандидат исторических наук, доцент, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)
- В.Л. Петухов** – доктор биологических наук, профессор (г. Новосибирск)
- Ю.И. Винокуров** – доктор географических наук, профессор, директор института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
- В.М. Лопаткин** – доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
- А.С. Кондыков** – профессор, ректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
- Ф.Н. Ключев** – профессор, ректор ЧИРПО (г. Челябинск)
- С.Н. Скоринов** – доктор культурологии, профессор, ректор ХГИИиК (г. Хабаровск)
- Ш.А. Амонашвили** – доктор психологических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)
- А.В. Усова** – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Челябинск)
- В.И. Загвязинский** – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Тюмень)
- Д. Чевалир** – доктор филологических наук, профессор штата Мерилэнд (США)
- Д. Майкельсон** – доктор филологических наук, профессор (США)
- И. Сербан** – доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 (г. Париж)
- Б.В. Новиков** – доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)
- У. Грисволд** – доктор педагогических наук, профессор университета штата Канзас (США)
- Ю. Подгорецкий** – доктор педагогических наук, профессор университета Ополски (г. Ополе, Польша)
- М.С. Панин** – доктор биологических наук, профессор (Казахстан)
- Р.Т. Раевский** – доктор педагогических наук, профессор (г. Одесса, Украина)
- М.Г. Чухрова** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- Д. Батчулуун** – доктор философских наук, профессор (г. Ховд, Монголия)
- О.О. Сеницына** – доктор медицинских наук, зам. директора НИИ ЭЧИГОС им. А.Н. Сытина Рамн (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Ю.В. Сенько** – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
- П.И. Костенко** – доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)
- А.С. Прутченков** – доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
- С.Д. Каракозов** – доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
- В.И. Долгова** – доктор психологических наук, профессор (г. Челябинск)
- Н.Е. Мусинова** – кандидат искусствоведения, доцент (г. Кострома)
- В.В. Гафаров** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- А.В. Пузанов** – доктор биологических наук, профессор (г. Барнаул)
- Д.Л. Штуден** – доктор культурологии, профессор (г. Новосибирск)
- В.И. Хаснулин** – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
- Н.А. Мешков** – доктор медицинских наук, профессор (г. Москва)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Дизайн обложки: П.Г. Белозерцев.

В оформлении использованы стихи Б. Бедорова, Т. Маршалоной, П. Валери.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А		Золотарева Л.Р. 30		Николаева С.А. 318	
Авдеева Ю.В. 49		Золотых Н.С. 34		Нургазина А.Б. 89	
Агавелян О.К. 198		Зубаирова И.Г. 107		Орешака О.В. 288	
Акошева М.К. 89		Зувев И.В. 234		П	
Александрова М.Л. 51		И		Панов Д.О. 275, 279, 280	
Алексеев И.А. 303		Иваненко Г.С. 78		Паштаев Б.Д. 207	
Аль-Отаиби Бадер Тарахиб 117		Иванов К.К. 323		Пельганчук Т.А. 288	
Андреев В.Н. 142		Исмаилова Г.К. 112		Петелин А.С. 205	
Андреев Н.В. 142		К		Петрова Н.Ф. 209	
Артемкина Е.В. 330		Капина О.А. 164		Пирогова А.В. 91	
Ашихмина Т.А. 53		Каракозов С.Д. 236, 242		Полосин Н.Н. 16	
Б		Карташевич И.С. 110		Полякова Е.А. 18	
Бабаева Э.С. 200		Кизесова И.В. 190		Прохоров С.А. 34	
Балахнина Л.В. 21		Киреева Д.М. 78		Р	
Бахтин М.В. 120		Клещева И.В. 167		Раисова А.Б. 239	
Бибик В.Л. 145		Коваленко И.П. 290		Рыбинцева Г.В. 130	
Бондаренко Е.Н. 333		Кожина О.В. 98		Рязанцева И.М. 162	
Борзенко И.Л. 249		Короткевич О.С. 315		С	
Брейгер Ю.М. 54		Косолапова Т.В. 81		Савицкая Н.И. 225	
В		Косполова Н.Э. 7		Савчук Д.А. 318	
Виницкая Н.В. 24		Костякова Ю.Б. 255		Самброс В.В. 303	
Власов М.С. 5		Кравцова Л.А. 13		Самдан З.Б. 93	
Воевода М.И. 285		Кравцова Т.А. 114		Сезёва Н.И. 37	
Волкова Н.Г. 147		Кукуева Г.В. 110		Скибицкая И.Ю. 211	
Г		Кулешова Ю.А. 171		Скибицкий Э.Г. 171, 211	
Гагулин И.В. 275, 277, 279, 280, 285		Куликова Л.Г. 236, 242		Смолина А.Н. 95	
Галее Р.Р. 308		Кульбах О.С. 178		Смолина Т.Л. 187	
Гафаров В.В. 275, 277, 279, 280, 282, 285		Куппа Н.С. 83		Софронова М.Н. 21	
Гафарова А.В. 275, 277, 279, 280, 282, 285		Куприянова И.В. 266		Т	
Гейвондян М.Э. 290		Л		Татарина В.В. 282	
Глазунов Н.Г. 122		Лазарев А.А. 181		Терентьев А.А. 216	
Горбачев И.В. 311		Левин Г.Г. 86		Терентьева О.Г. 216	
Горлов С.М. 335		Легенчук Д.В. 183		Толбатова Ю.В. 219	
Горохова Е.В. 282		Леонов В.А. 44		Трощинина Е.А. 187	
Горяев В.Г. 126		Лепилин А.В. 290		Ф	
Гранкова Н.Н. 57		Липустина О.М. 185		Фебенчукова А.В. 220	
Гринёва М.И. 39		Лисовская Н.Б. 187		Филиппова И.Н. 102	
Громова Е.А. 275, 277, 279, 280, 285		Лобазов Д.В. 190		Фирсов С.А. 293	
Грохотов И.О. 288		Лопаткин В.М. 242		Фотиева И.В. 136	
Губанов С.А. 59		Лосева И.Н. 128, 130		Х	
Гунзунова Б.А. 150		Лутченко Т.Г. 193		Харлов М.А. 222	
Д		Лыткин В.В. 133		Хаснулин В.И. 295	
Давыденко А.В. 139		М		Хаснулина А.В. 295	
Дёгтева В.В. 62		Магин В.А. 197		Чагина Е.Г. 308	
Дергачев В.В. 64		Мазаева Ю.А. 198		Чаптыкова Ю.И. 71	
Доминова Т.Н. 155		Майнагашева Н.С. 71		Чугунекова А.Н. 104	
Дубровина О.С. 158		Макарихина И.М. 241		Чуркин М.К. 261	
Дудышева Е.В. 160		Макота Е.М. 245		Чухрова М.Г. 225	
Е		Максимец С.В. 3		Ш	
Егоров А.С. 162		Максимов В.Н. 285		Шаров А.С. 137	
Егоров В.И. 300, 303		Малыгин А.А. 311		Шахбазов П.З. 343	
Елтанская Е.А. 67		Мамонтова О.С. 258		Швец Н.А. 228	
Ефанова Ю.В. 315		Мареев Г.О. 290		Шевляков Е.Г. 42	
Ефимова Л.С. 71		Мареев О.В. 290		Шестакова И.В. 46	
Ефременков А.А. 311		Мельберт А.А. 300, 303		Шибаев В.П. 232	
Ж		Минзер И.В. 200		Шрайбер А.Н. 272	
Жидких А.А. 326		Миннегалиев М.М. 203		Ю	
Жуань Юн Чэнь 26		Мирохина А.А. 341		Юдин Н.С. 285	
Журавлева Л.А. 337		Михайлов А.В. 300, 303		Юдина Е.В. 288	
З		Мишакова Т.М. 285		Юровских С.С. 213	
Запекина Н.В. 337		Н		Я	
Зинкевич Е.Р. 178		Назаров Ф.Г. 234		Яковлева С.Л. 98	
		Нарожных К.Н. 315			
		Невзорова М.С. 205			

Раздел 1

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ - доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА - кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 101:7.01

Maksimets S.V. FREEDOM AS NECESSARY CONDITION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT. Article is devoted to freedom subject in the conditions of the educational environment. In article the following problems are analyzed: the analysis of concept of freedom is given, freedom problem in education is stated, dependence of freedom on education etc. is investigated. Article is addressed to experts in the field of philosophy, and also is of interest for laymen.

Key words: freedom, free will, educational environment.

С.В. Максимец, ст. преп., Современный технический институт, г. Рязань, E-mail: svmavk@mail.ru

СВОБОДА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Статья посвящена теме свободы в условиях образовательной среды. В статье анализируются следующие проблемы: дается анализ понятия свободы, излагается проблема свободы в образовании, исследуется зависимость свободы от образования и т.д. Статья адресована специалистам в области философии, а также представляет интерес для широкого круга читателей.

Ключевые слова: свобода, свобода воли, образовательная среда.

Свобода — в абсолютном смысле, течение событий таким образом, что воля каждого действующего лица в этих событиях не подверглась насилию со стороны воли других. Свобода — в самом общем смысле, наличие возможности выбора, вариантов исхода события. Свобода есть один из видов проявления случайности, направляемое свободой воли (намеренность воли, осознанная свобода) или стохастическим законом (непредсказуемость исхода события, неосознанная свобода). В этике понятие «свобода» связано с наличием свободной воли человека. Свобода воли налагает на человека ответственность и вменяет в заслугу его слова и поступки [1, с. 37]. Этика направлена на осознание человеком своей свободы и связанной с ней ответственностью. В праве свобода связана не просто с ответственностью субъекта за свои деяния, но и с мерой ответственности — степени вменяемости или невменяемости поступка.

Свобода — средство для достижения цели и смысла жизни человека.

Творчество в общем смысле — процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности или итог создания субъективно нового. Основным критерий, отличающий творчество от изготовления (производства) — уникальность его результата. В процессе творчества автор вкладывает в материал некие несводимые к трудовым операциям или логическому выводу возможности, выражает в конечном результате какие-то аспекты своей личности. Именно этот факт придаёт продуктам творчества дополнительную ценность в сравнении с продуктами производства.

Свобода творчества — принцип, согласно которому автор вправе свободно выбирать направление своего творчества, темы, предметы для описания, применять любые изобразительные средства и художественные приёмы, которые он считает подходящими для достижения избранной творческой цели. Рассматривается как одно из проявлений фундаментального принципа свободы слова, предполагающего право каждого на свободное высказывание своих мыслей.

Принцип свободы творчества находится в достаточно сложных и неоднозначных отношениях с общественной моралью, религией и государственной политикой, в частности, с принципом терпимости.

Воспитание — целенаправленное формирование личности в целях подготовки её к активному участию в общественной и культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями. По определению академика И.П. Павлова, воспитание — это механизм обеспечения сохранения исторической памяти популяции.

Образование — социальный институт, выполняющий функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщения его к культуре. В широком смысле слова, образование — процесс или продукт формирования ума, характера или физических способностей личности. В техническом смысле образование — это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передает свое культурное наследие — накопленное знание, ценности и навыки — от одного поколения другому.

Понятие «свобода» является настолько важным в педагогике, что даже породило такую категорию как «педагогика свободы». Это не есть точно определенная педагогическая концепция или, скажем, особая отрасль педагогической теории. Скорее, в качестве педагогики свободы можно понимать некий культурно-образовательный импульс, живое течение в образовательной мысли и в образовательной практике, которое проявляется в самых различных формах и основную ценность образования видит в ценности свободы. Идея свободы, ценности свободы выступают в области образования на различных планах, и обычно их рассматривают в аспектах:

- а) свободы личности ребенка,
- б) свободы учительского труда,
- в) свободы школы как основной «ячейки» педагогического сообщества. Безусловно, все ярусы идеи образовательной свободы взаимосвязаны. Очевидна неестественность и проблематичность ситуации, если свободную личность должен взращи-

вать несвободный педагог, равно как вряд ли можно ожидать расцвета свободы учителя, если школа в целом существенно будет несвободна как общественный институт.

Становление педагогики свободы проходило и продолжает проходить нелегкий путь.

На современном этапе развития общества особую актуальность приобретают проблемы реформирования системы образования, методологии и технологии организации учебно-воспитательного процесса в образовательных заведениях различного типа [2, с. 69]. Система образования – это наиболее общая педагогическая система (все социальные институты, выполняющие образовательно-воспитательные функции и объединяющиеся в систему образования, являются подсистемами общей педагогической системы).

Совершенствование педагогической системы возможно по двум путям: интенсивному и экстенсивному. Интенсивный путь – это развитие педагогической системы за счет ее собственных ресурсов, а экстенсивный – за счет привлечения дополнительных мощностей: новых средств, оборудования, информационных технологий, перераспределения времени на различные виды учебной деятельности, дифференциации и индивидуализации классной работы и т. д.

Проблема современной системы образования направила вектор исследования на необходимость специальной подготовки педагога ВУЗа не только как предметника, но и как организатора педагогического процесса и образовательной среды.

На современном этапе развития общества ему необходимы педагоги, не только ощущающие себя участниками общего взаимодействия, но и обладающий развитым креативным мышлением. С этой позиции можно сделать вывод о насущной необходимости воспитания креативно - мыслящего педагога, способного:

- воспринимать и обрабатывать знания;
- транслировать знания сообразно всем типам восприятия и переработки информации;

- наполнять образовательную среду двумя жизнеобеспечивающими потоками: информацией и гуманной энергией, что соответствует закону сохранения жизни, сформулированному Ю.Н. Куражовским: «Жизнь может существовать только в процессе движения через живое тело потоков вещества, энергии и информации» [2].

Это уже не просто креативность, а интегральная креативность (многоступенчатая).

Повышение роли креативности в образовании приводит к усложнению управления, т.к. наладить гибкое вариативное управление несравненно труднее, чем жесткое и однозначное. Но оно более органично самому процессу воспитания молодежи и эволюции вообще. Образование – это общение умов и душ при обоюдном эволюционном восхождении, это обратная связь, сила которой и является основой образования.

«Воспитывает не сам воспитатель, а среда», — писал А.С. Макаренко.

Среда – это субстанция, которая обладает определенными свойствами, влияющими на перенос взаимодействия между объектами.

Социальная среда – это субстанция, окружающая человека в данный момент и обусловленная совокупность факторов, способных оказывать прямое или косвенное, немедленное или отдаленное воздействие на сознание – мышление, чувства – интуицию, а также на процесс обучения – воспитания человека.

Основное становление, а следовательно, воспитание личности должно происходить в образовательной среде учебного заведения. Но учебное заведение детерминировано потребностями государства. Поэтому Платон, составляя свою первую полную образовательную систему, рассматривал идеальное воспитание в идеальном государстве.

Образовательная среда группы, являясь внутренней средой вузовской системы, составляет внешнюю среду для любой развивающейся в ней личности, в том числе и педагога, пересекаясь и взаимодействуя, в свою очередь, с личной средой каждого, в которую входит все психическое, духовное, социальное и культурное окружение индивидуума [3, с. 84].

Среда образования и среда обитания не поддаются четкому разграничению, но все-таки это не одно и то же. Жизнедеятельность – это повседневная деятельность и отдых, способ существования человека. Обучение в процессе становления личности – это деятельность самосовершенствования, которая проходит и в среде обитания, и в среде образования, которых, в свою очередь, может быть несколько.

Мы имеем в виду ту образовательную среду, в которой непосредственно происходит педагогический процесс как процесс взаимодействия педагогов и студентов и, которая, прежде все-

го, обусловлена существующей государственной системой, которой является среда классического ВУЗа. ВУЗ – это коллективный субъект воспитания.

Находясь в составе среды обитания, образовательная среда обладает теми же свойствами, что и целое, только в своеобразной концентрации.

Нам известно, что в общей системе «человек – среда обитания» совершается непрерывный обмен тремя потоками. Происходит это в соответствии с законом Ю.Н. Куражовского. В системе «человек – среда образования» происходит (должен происходить) непрерывный обмен в основном двумя потоками: энергией и информацией. В этом коренное отличие системы «среда образования» от системы «среда обитания».

Образовательная среда и личность педагога должны рассматриваться как единая макросистема, равновесное состояние которой есть необходимое условие выживания обучающейся группы студентов как ее микросистемы, состоящей, в свою очередь, из множественности микросистем – личностей студентов.

Исходя из двух предопределяющих миров креативности (чувстве и интеллекте), образовательная среда обязана быть креативной в силу своей предопределенности.

Характерные особенности системы образования и способ ее существования в обществе в большой мере определяются государственным устройством и приоритетами данной страны. Некоторые страны, например Голландия, тратят на образование больше трети национального бюджета, что позволяет им создать в высшей степени разнообразную и современную систему образования. Но какой бы ни была система государства в целом, в данном ВУЗе и в данной группе образовательная среда наполняется возглавляющим ее педагогом, а значит, от него и зависит.

И так как нельзя с точностью заранее расписать путь становления и развития личности, необходимо (и можно) проектировать желаемые свойства образовательной среды, такие как комфортность, свобода, «борокко креативности».

Рассмотрим интересное нас свойство образовательной среды — свободу.

Свобода – сложнейший и глубоко противоречивый феномен жизни человека и общества, имеющий величайшую притягательность и являющийся в то же время тяжким бременем. Для педагогики, так же как и для социальной философии – это один из самых «больных» вопросов. Реализация свободы в одинаковой степени для всех неодинаковых от природы субъектов обычно приводит к росту неравенства и несправедливости. А реализация в неодинаковой степени воспринимается как несвобода, ущемление прав личности. Эта проблема соотношения свободы и равенства для всех, приводящего к слепой уравниловке и не допускающего подавления неугодных, стоит перед каждым мыслящим педагогом.

Что значит равенство в образовании? «От каждого по способностям, а всем высший бал»? Но это абсурд. И что значит свобода в образовании? «Разрешено все, что не запрещено»? Но это в рамках «свободы от», которая, по сути, является логикой раба, оставшегося без надсмотрщика. Конечно, мы говорим не об этой свободе.

Существеннейшей характеристикой свободы является ее внутренняя определенность. Студент любое педагогическое взаимодействие сочтет грубым воздействием, если оно не примет во внимание его внутренней потребности быть личностью и иметь свободу для ее реализации. Поэтому, решая вопрос о свободе, приходится ориентироваться на ту или иную систему ценностей.

Первой (и основной) ценностью является, несомненно, человек во всем многообразии его жизни и деятельности. Это представление возникло не сразу, а стало итогом довольно длительной эволюции общественного сознания. Убеждение, что каждый человек самодостаточен независимо от его возраста, пола, расы, нации, происхождения и т.п., возникло и укрепилось либо в сравнении человека с высшей ценностью (Бог, Дух), либо в силу действия общих закономерностей жизни общества. Образовательный процесс – это формирование (а, следовательно, и производство) идей и человека, его знаниево-духовного облика. К тому же время обучения в ВУЗе – период социализации личности, ее самосознания и самооценности. Вопрос этот до чрезвычайности сложный. Понятие ценности человека – универсальное, и его нельзя сводить к чистому утилитаризму, т.е. «полезности», студента как будущего педагога для общества. Студент – будущий педагог должен почувствовать, что он сам по себе нужен обществу как человек – личность. Попытки делить людей на «нужных» и «ненужных» порочны по самой сути, потому что их реализация неминуемо порождает произвол, ве-

душий к деградации и человека, и общества. Будущий педагог должен понять, что ценность самой человеческой личности как уникальности в определенном смысле выше всего того, что делает или говорит данный человек. Ее нельзя свести к труду или творчеству, а уж тем более – к признанию – непризнанию со стороны педагогов или группы. История многократно доказывает, что как объективные критерии плодов труда, актов творчества, так и их субъективная оценка со стороны современников грешат односторонностью. Истинный масштаб и направленность деяний и помыслов многих личностей становится очевидным спустя много лет, а то и столетий. Ценность многих трудов исто-

рических деятелей как бы непрерывно возрастает; в то же время немало примеров, когда время развенчивает дутые авторитеты. Суметь дать свободу для проявления лучших качеств в формирующемся человеке и не стать «Сатурном, своих детей пожирающим», если материализация проявленных особенностей не совместиться с собственными представлениями и проявлениями, и есть педагогическая свобода.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что основной ценностью образования признается свободное развитие личности в соответствии с ее способностями и склонностями.

Библиографический список

1. Алексеев, П.В. *Философия* / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М., 2001.
2. Бережная, И.Ф. *Воспитательная среда вуза – фактор профессионального образования специалиста* // *Воспитательная среда вуза как фактор профессионального становления специалиста: матер. межрегион. науч.-практ. конф.* / под ред. И.Ф. Бережной, Л.А. Кунаковской. – Воронеж, 2004.
3. Дронова, Т.А. *Формирование интегрально-креативного стиля мышления будущих педагогов в образовательной среде вуза: монография.* – М.; Воронеж, 2007.

Bibliography

1. Alekseev, P.V. *Filosofiya* / P.V. Alekseev, A.V. Panin. – M., 2001.
2. Berezhnaya, I.F. *Vospitatelnaya sreda vuza – faktor professional'nogo obrazovaniya specialista* // *Vospitatelnaya sreda vuza kak faktor professional'nogo stanovleniya specialista: mater. mezhregion. nauch.-prakt. konf.* / pod red. I.F. Berezhnoy, L.A. Kunakovskoy. – Voronezh, 2004.
3. Dronova, T.A. *Formirovanie integralno-kreativnogo stilya mihsleniya budutikh pedagogov v obrazovatel'noy srede vuza: monografiya.* – M.; Voronezh, 2007.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 008:379.85

Vlasov M.S. **THE DATABASE «BIYSK – THE GATES OF ALTAY» AS INNOVATION PRODUCT.** The author provides a basis for creating the database «Biysk – the Gates of Altay – 2011», based on studies of social, cultural, scientific and educational life of this city until 2011, for promotion of Biysk as a «touristic brand».

Key words: cultural tourism, innovation in tourism, a database, Biysk.

М.С. Власов, канд. филол. наук, доц. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru

БАЗА ДАННЫХ «БИЙСК – ВОРОТА АЛТАЯ» КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ

Автор статьи дает обоснование разработки базы данных «Бийск – Ворота Алтая - 2011», основанной на результатах исследований социальной, культурной и научно-образовательной жизни города до 2011 года и способствующей продвижению Бийска как «туристического бренда».

Ключевые слова: культурный туризм, инновации в туризме, база данных, Бийск.

Цель данной статьи – представить информацию о литературных и информационно-телекоммуникационных источниках, раскрывающих туристический потенциал города Бийска и обосновать необходимость разработки базы данных «Бийск – Ворота Алтая - 2011» как инновационного продукта.

Научную основу разрабатываемой нами базы данных составили, прежде всего, материалы энциклопедии «Бийск» [1], а также работ, посвященных истории города Бийска [2; 3]. Отдельные исторические факты, используемые в базе, зафиксированы в отчетах о НИР ФГБОУ ВПО «АГАО». В качестве электронных аналогов разрабатываемого нами продукта можно назвать ряд интернет-ресурсов, посвященных истории, культуре и природе Бийска, ориентированных на конкретный круг пользователей – туристов и гостей города. Остановимся на анализе этих ресурсов более подробно.

Веб-сайт Администрации города Бийска «Бийск - Золотые Ворота Алтая» (<http://www.altai-welcome.ru/>). На данный момент это наиболее полный ресурс, отражающий «туристический паспорт» города. Панель навигации снабжена краткой справочно-исторической и географической информацией об Алтае, местоположении Бийска; расписанием и схемами автомобильных, автобусных, железнодорожных и авиа-сообщений, информацией о гостиницах и торговых точках города, контактами банковских и экстренных служб города. Фрагментарно представлена информация о достопримечательностях и некоторых известных людях города, фармацевтической отрасли и проекте туристической зоны «Золотые ворота». На сайте представлен также экскурсионный путеводитель «Бийск - легенды старого города», демонстрирующий авторский экскурсионный маршрут по историческим достопримечательностям Бийска, подготов-

ленный Администрацией города Бийска, Бийским краеведческим музеем им. В.В.Бианки и Музеем истории Алтайской духовной миссии.

Следующий источник - веб-сайт «Туризм Алтай» (<http://tourismaltai.ru/allsites/biysksity.html>). Его достоинством является наличие каталога гостиниц и турфирм Алтайского края и Республики Алтай. Бийск представлен на данном сайте незначительно: есть краткая справочно-историческая информация о городе, перечислены отдельные достопримечательности и предлагаемые экскурсии. Ресурс дополнен несколькими фотографиями города и двумя видеороликами портала «You Tube», один из которых представляет собой фото-презентацию города, а во втором дается обзорная информация об истории возникновения Бийска, презентуются фотографии исторической части города, и завершается материал рассказом о селе Сроетки как родине писателя В.М. Шукшина.

Необходимо остановиться на сайте города Бийска, разработанном Бийским технологическим институтом (<http://www.biysk.secna.ru/>). Панель навигации снабжена ссылками «Бийская крепость», «Купеческий Бийск», «Советский Бийск», «Современный Бийск», «История в фотографиях», «История в лицах», «По улицам города», «Пройдя» по которым пользователь может ознакомиться со справочными статьями, дающие общее представление о том или ином фрагменте истории города. Указанные статьи объединены в раздел «Исторический». В разделе «Туристический» доступна информация о маршруте «Малое золотое кольцо Алтая», единичных достопримечательностях Бийска (Народном доме, пассажах купцов Фирсова и Второва, памятниках Петру I, святым Петру и Февронье Муромским). В разделе «Культурный» можно получить справочную ин-

формацию о театрах города и Бийском краеведческом музее. Раздел «Развлекательный» снабжен краткой информацией о кинотеатрах, игровых комнатах и других местах отдыха в городе. Раздел «Научный» представлен всего лишь одной статьей энциклопедического характера о Бийске как наукограде Российской Федерации, в которой основной акцент сделан на истории становления города как научно-промышленного центра страны.

Достаточно емко и информативно представлен туристско-экскурсионный потенциал города на «неспециальном» сайте «Свадебные услуги Бийска» (<http://www.uslugialtaya.ru/uslugialtaya/istoriya-bijska/>). Среди статей здесь можно найти следующие: «История Бийской крепости», «Бийск купеческий», «Краткий словарь достопримечательностей города Бийска», «Бийск революционный», «Бийск довоенный», «Бийск периода Великой Отечественной войны», «Создание военно-промышленного комплекса в Бийске», «Бийск - наукоград», «Экскурсии по Бийску», «100 чудес Бийска». Отметим, что на сайте отсутствуют ссылки на источники, использованные при подготовке указанных статей, поэтому их достоверность, в том числе и историческую, устанавливать достаточно трудоемко, тем более рядовому читателю.

Заслуживают внимания и веб-ресурсы, опирающиеся на 3-D технологии (http://www.altay3dtour.ru/content/files/tours/biysk/tour_biysk.html). Они позволяют, на наш взгляд, несколько усилить общее впечатление о том или ином туробъекте, однако не дают полной информации и, самое главное, мотивации к его посещению.

Отдельно можно назвать веб-страницы, посвященные обзорному описанию Бийска. Так, например, на страницах литературного блога «Алтай – жемчужина Земли» читателям предлагается небольшой комментарий под названием «Бийск – Золотые Ворота Алтая» (<http://altaizhemchuzhina.ru/glavnye-dostoprimechatelnosti/biysk-zolotyie-vorota-altaya>). Обзорная справочно-историческая статья о Бийске размещена на странице сайта «Страна. Ру» (<http://strana.ru/places/51197>). Фотообзор автобусной экскурсии по Бийску представлен на сайте турагентства «Вокруг Света» (http://www.altaiivs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17&Itemid=22). Отдельные экскурсии по Бийску представлены на веб-сайте курорта Белокуриха (<http://pilgrim22.ru/category/excursion/>).

Кроме этого, Бийск как потенциальный туробъект представлен в справочно-информационных системах, например «Алтай Медиа» (http://altaimedia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=50), «Алтай-информ.пф» (<http://алтай-информ.пф/index.php/goroda-kraya/bijsk.html>), «Инвестиционном портале Сибири и Дальнего Востока» (<http://riagn.ru/cities/10?view=about>), официальном сайте Администрации Алтайского края (<http://www.altairregion22.ru/info/tour/byisk/>).

Веб-ресурсы о Бийске на иностранном языке как потенциальном туристическом городе представлены лишь на страницах официального сайта Администрации Алтайского края в форме краткой исторической справки о городе (<http://www.altairregion22.ru/en/tourism/biysk/>), а также на страницах общеизвестных он-лайн энциклопедий («Wikipedia», «Britannica» и других). Анализ указанных ресурсов показал, что сведения о Бийске как туристическом объекте крайне скудны и фрагментарны. На наш взгляд, город Бийск в исследованном нами фрагменте Глобальной Сети не позиционирует себя как потенциальный туристический объект.

Практика туристических фирм показывает, для того, чтобы туристы чаще останавливались в Бийске, он должен, как минимум иметь достаточно информации о конкретном, новом для него объекте, яснить, чем этот объект может быть интересен ему, и выбрать данный объект из перечня альтернативных объектов, оценив его преимущества и недостатки. Но главное - без особых проблем получить доступ к искомому объекту.

Предлагаемое нами решение последней проблемы сформировано в идее создания базы данных, представляющей сведения о городе Бийске как совокупности туристических объектов, его истории и культуре, включающей справочно-историческую информацию об известных гражданах, учреждениях, памятниках архитектуры города, а также фотографии, комментарии, тематические справки о наиболее привлекательных объектах.

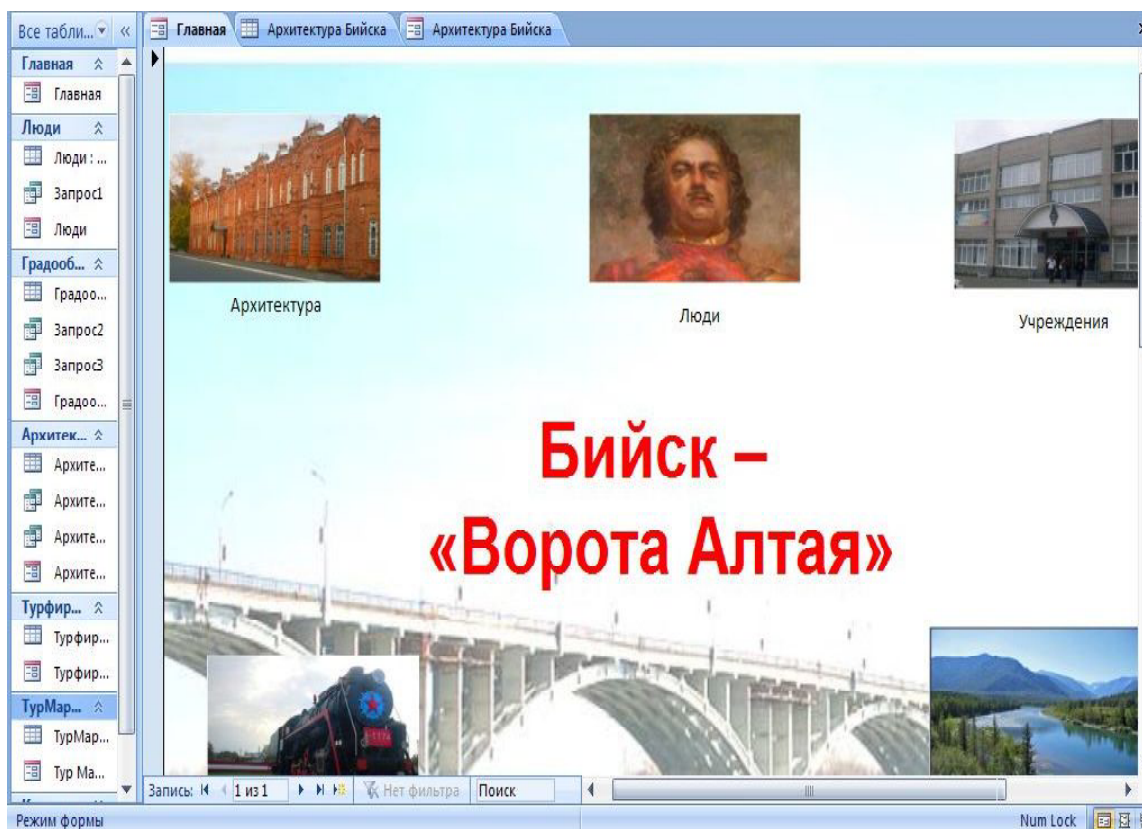

Рис. 1. Главная страница базы данных «Бийск – Ворота Алтая – 2011»
(© ФГБОУ ВПО «АГАО», Мокрецова Л.А., Власов М.С.)

В базу включаются интереснейшие факты из жизни бийских градоначальников и купцов, деятелей культуры и образования, ученых (сейчас база содержит 147 справок о таких людях).

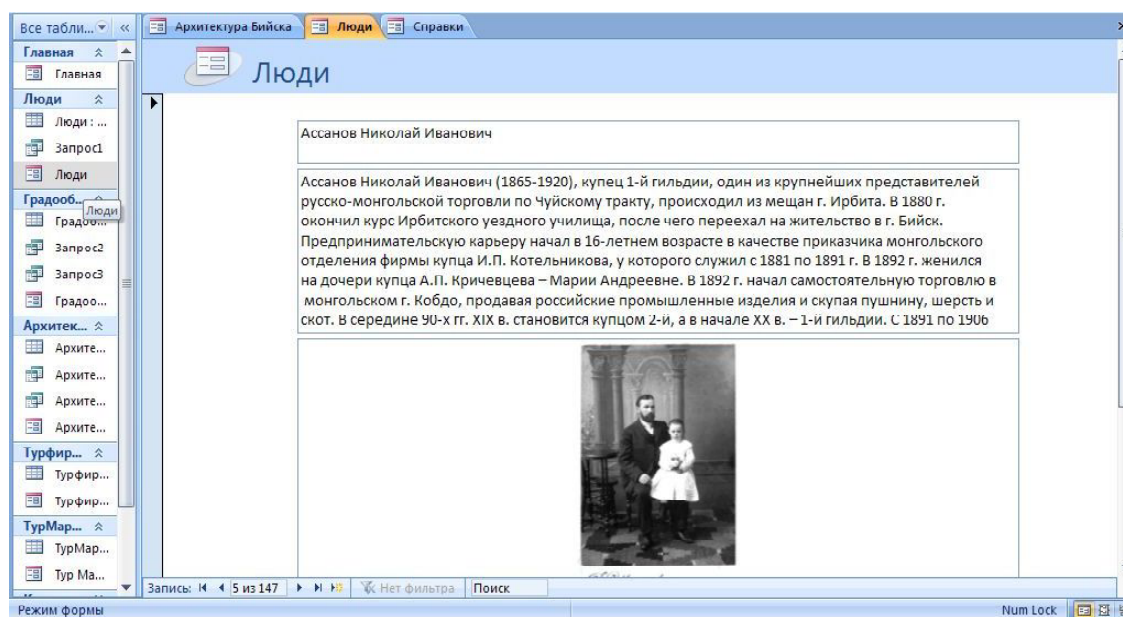

Рис. 2. Фрагмент раздела базы данных «Люди»

Пользователь базы может получить представление об истории архитектурных памятников Бийска, первых фабриках и современных предприятиях города, общественной жизни города разных периодов истории с 1709 года. Отдельные разделы базы содержат уникальный исторический материал, полученный молодыми исследователями. Например, в ней использованы результаты проекта РГНФ, выполненного аспиранткой кафедры отечественной истории А.Ю. Юдиной. Она обнаружила новые факты относительно деятельности эвакогоспиталей в городе

Бийске в период Великой Отечественной войны, что, на наш взгляд, представляет значительный интерес не только для историков, но и для туристов и гостей города, что особенно актуально в Год Российской истории.

Таким образом, разработка и дальнейшее администрирование базы данных «Бийск – Ворота Алтая» является не только продуктом, собирающим страницы истории города в единый формат, но и перспективным инновационным продуктом, предназначенным для внедрения в туристический и экскурсионный бизнес.

Библиографический список

1. Бийск: энциклопедия / гл. ред. К.Г. Колтаков, В.П. Никишаева. – Бийск, 2009.
2. Бийские градоначальники: исторические очерки / отв. ред. В.В. Буланichev; науч. ред. А. В. Литягина. – Бийск, 2002.
3. Бийский Вестник: 300-летию Бийска посвящается. – Бийск. – 2009. – №1-2.

Bibliography

1. Biysk: ehnciklopediya / gl. red. K.G. Koltakov, V.P. Nikishaeva. – Biysk, 2009.
2. Biyskie gradonachalniki: istoricheskie ocherki / otv. red. V.V. Bulanichev; nauch. red. A. V. Lityagina. – Biysk, 2002.
3. Biyskiy Vestnik: 300-letiyu Biyska posvyataetsya. – Biysk. – 2009. – №1-2.

Статья поступила в редакцию 07.06.12

УДК 39:572

Natalia E.K. ANTHROPOLOGISM AND ANTHROPOLOGICAL TYPE IN RESTORATION. The main idea of the article is the anthropological foundation at the restoration. At this research we can show new scientific and artistic technologies in the icon restoration and new means modificatory vision restoration problems. We see anthropological means as the main factor in ascription and restoration and the main way to evoke information from lay of unique objects. Especially when we tell about iconography by Siberian icons.

This research demonstrate its actuality by the way some examples of actions anthropological laws. The name of greatest icon painter Mikhail Kovrigin sounds in this article for the first time.

Key words: anthropological type, anthropologism, ascription, authorship, evolution, icon, image, likeness, Mother of God, representation of face, restoration, school.

Н.Э. Косполова, соискатель, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, E-mail: koospol@yandex.ru

ПРИЕМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ В РЕСТАВРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье дается оценка применения инновационных методов в реставрации. Вводится в научный оборот прием антропологической аналогии как один из реставрационных методов, ускоряющих процесс атрибуции. На примере слабо изученных сибирских икон доказывается актуальность антропологического метода в системе документирования музейного предмета и в разработке концепций единого авторства. Отмечается продуктивность его в сочетании с искусствоведческими и с естественнонаучными исследованиями.

Ключевые слова: авторство, антропологический тип, Богоматерь, икона, иконописная школа, личное письмо, подобие, эволюция.

Данный материал раскрывает возможности метода, в научной реставрации применяющегося впервые, на примере сибирских народных писем. Это актуально ввиду слабой изученности сибирского иконописания и узости применяемых методов исследования [1; 2]. Смена парадигм и экспорт естественнонаучных методов в искусствоведение дают право постановки вопроса о расширении понятия «инновация в реставрации» [3; 4; 5, с. 677].

Отрицающая процесс разрушения процессом созидания, выявляющая взаимообусловленность внешней и внутренней стороны предмета, реставрация все более расширяет сегмент для исследований. Философские категории части и целого применительно к реставрации объективируются как на начальном этапе – преодоления разрушенного, так и в совокупности методов, затрагивающих целостность объекта реставрационных исследований (метод непарных дубликатов, дублирование и т.д.) [6; 7].

Воссоздание образа, искаженного временем, по принципу достоверности по отношению к первоначальному облику и внутреннему составу – сущность реставрации [8]. Явления реставрационного процесса – весь комплекс предреставрационных, реставрационных и аналитических мероприятий, химических и физических исследований [9]. Проникающая в реалии прошлого, реставрация соотносится с будущим, и если рассматривать ее как многоуровневую деятельность, мы можем прогнозировать результаты исследований в движении от гипотетического к истинному [10].

Поздний, по сравнению с Европой, переход к методам научного обследования памятников искусства в России [11, с. 5] обуславливает эволюционную закономерность инновационных подходов в реставрации как отрицание устаревших концепций новыми парадигмами [12; 13].

Предпосылками инноваций в реставрационных исследованиях можно считать активизировавшееся на рубеже тысячелетий применение новых методов в разных отраслях реставрации, повторяющее на новом уровне развития аналогичный скачок рубежа XIX – XX вв. [14; 15]. Инновации рубежа XX – XXI вв. – Любимцев А. [16]; Сарабьянов В. [17]; Рыбников А.С. [18]; Сорокатый Н. [19]; Пищик И.И. [20] и др. характеризуются как технические. Инновации в теории реставрации, требующие особой креативности исследователя, остаются за пределами исследований.

Нетрудно спрогнозировать качественный скачок в области теории фундаментальных реставрационных исследований в ходе

накопления знаний в сфере практической реставрации [21, с. 41], а также развитие реставрационной мысли в сторону синтеза с междисциплинарными исследованиями. Если мы обозначим, что инновация – заимствование системой из среды или смежной системы новых (не свойственных этой системе) принципов развития, то это заимствование произойдет по принципу подобия на основе системы признаков.

«Заимствованная инновация» данного исследования – в эпицентре дискурса исторических наук (школа менталитета), дискурса философии (герменевтика) дискурса искусствоведения и культурологии – антропологизм [22, с. 439]. Предположим, что «антропологический циркуль» способен подтвердить или опровергнуть гипотезу о едином авторстве.

Объектом исследования избрана икона, многозначная как сакральный предмет, как произведение искусства, как документ конкретного события на конкретной территории и как экспонат [23]. Поступая на реставрацию, икона «включает» помимо информативности репрезентативность, аттрактивность и экспрессивность.

Анализ коллекции икон Богоматери Тюменского краеведческого музея выявил спонтанное объединение в группу икон Богоматери с характерным типом лика [24]. Указанная группа отличалась от других сформированных групп в соотношении, аналогичном разнице Новгородских писем и Московской школы [25] и касающемся стиливого различия [26]. В продолжение традиции общепринятых обозначений стиля (Московская школа, Невьянская школа и т.д.) для обозначения выделенной группы икон ТОКМ был избран термин «Тюменская иконописная школа» или «Тюменская школа» [27].

Отличие «Тюменской школы» – максимальная локализация объемов в трактовке фигур святых при высокой беглости исполнения, дающая высокую репрезентативность в экспозиционном дизайне. Скоростные приемы в иконописании, исследованные А. Н. Овчинниковым [28], в группе сибирских икон представляют особую значимость на фоне Невьянских и Рафаиловских писем, до настоящего времени считавшихся классическими для Сибирского региона [29]. Лаконизм «Тюменской школы» контрастирует с детализацией упомянутых «классических» писем.

Первыми отнесенные к группе «Тюменская школа» иконы «Не рыдай Мене, Мати...» и «Троеручица» [30; 31] (рис. 1) задали импульс к поиску антропологической однотипности доминирующих образов и типов предстоящих святых в группе.

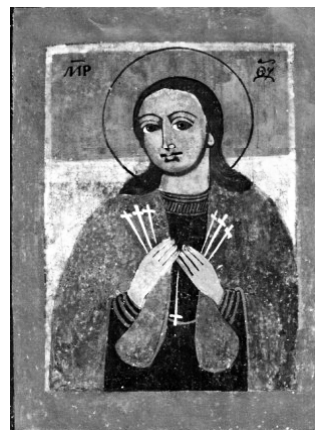

Рис. 1-3

Троеручица запомнилась московским исследователям в период стажировки тюменских реставраторов в ВХНРЦ им. академика Грабаря печальным обликом с огромными глазами [32], (рис. 1). В период экспонирования иконы на выставке «Сибирские реликвии в Московском Кремле» в научном паспорте иконы в графе «автор» стояло «неизвестен» [33; 34].

Поступившая на реставрацию в ТОКМ «Богородица Казанская» (рис. 2) оказалась максимально близка «перевернутой кальке» «Троеручицы». Обе иконы обнаруживали редкое сходство. Реставрация иконы Семистрельная (рис. 3) из Нижнетагдинского окружного краеведческого музея (НОКМ) познакомила еще с одной работой предполагаемого «неизвестного мастера». За исключением отсутствия у нижнетагдинской Семистрельной мафория – канонизированного одеяния Богоматери [35], она полностью повторяла поворот в s, и характер письма Троеручицы как вольная авторская интерпретация выше упомянутого изображения.

«Виртуальный ряд» описанных икон обнаруживал как единство подхода к изображаемому, так и единство изображаемого: единство антропологии лика. Малая вариативность женского образа показывала, что кальками мастер не пользовался: Семистрельная – более полнолика, чем аскетичная Троеручица; а Троеручица, в свою очередь, «взрослее» Тихвинской. Холодный колорит иконы «Богородица Тихвинская» (рис. 5), обусловленный пожеланием заказчика, ученическим периодом написания либо иным фактором, на других иконах исследуемой группы не встречается.

К моменту атрибуции Тихвинской гипотеза, что автор всех исследуемых икон – местный профессионал-личник, требовала подтверждения. Суть исследования сводилась к антропологической экспертизе, реализация которой состоялась, когда стало возможным сравнить описанные иконы с поступившим в реставрацию «Николай Чудотворцем» [36], (рис. 4).

Рис. 4

Семистрельная, изображенная без мафория, в сравнении с Николой Чудотворцем показывала идентичную трактовку волос и добавляла к стилизованному и общему антропологическому анализу важную количественную составляющую: решение однотипных надбровных дуг, губ, носа, волос и глаз Семистрельной и Св. Николы, лаконичные разделки, скоростная манера написания и преобладание линейной схематичности в изображении фонов и одеяний, выбор пигментов, определяющих единообразие санкири – первого слоя личного письма [37] убеждали в высокой вероятности единого авторства. Определялись и единые антропологические признаки [38, 39, с. 435].

Сходные по антропологии типы среди изображенных на иконах святых Тюменской школы [40] – не редкость. Сходные как по технике и стилю, так и по трактовке антропологической группы, где изображения святых отражают особенности сибиряков этого периода с высоким лбом, мощным округлым подбородком и карими глазами. Но даже внутри «протогруппы» икон с прообразами-сибиряками выбранные нами для исследования иконы отстоят отдельно [41]. Их отличает выраженная персонификация объекта, подтвержденная антропологическим анализом, выявившим у изображаемых персонажей единый череповый тип, исходя из терминологии Башмакова [42, с. 435]. Это интуитивно угадываемое пропорциональное подобие, для которого реставратору-исследователю необходимо и достаточно быть художником, интуитивно мыслящим на уровне дифференциации руки отдельных мастеров [43, с. 144].

Личное письмо икон «Богоматерь Семистрельная», «Св. Никола Чудотворец», «Богоматерь Тихвинская», «Богоматерь Казанская» и «Троеручица» говорит о едином авторстве и едином антропологическом типе. Оба положения в сумме дают необходимую и достаточную информацию для атрибуции.

Но доказательство единого авторства невозможно без синтеза подходов [44, с. 439]. В реставрации – процессе, касающемся как внутренней, так и внешней стороны, физические исследования актуальны не менее аналитических, включая истолкование текста оборотной стороны иконы, анализ характера древесины, шпонок, наличие надписей [45].

В ходе физических исследований на обороте «Николы Чудотворца» обнаружился процарапанный поперек волокон древесины текст: «Работа Михаила Ковригина/Николу 30» [46; 47]. Стиль подписи соответствует формам обозначения авторства [48; 49, с. 163; 50, с. 541].

Обычно имя автора на иконе не указывалось. На обороте обозначалась адресация иконы, чтобы не спутать ее с другими, предназначенными в разные места; имя лица, заказавшего икону и стоимость работы. На иконе мог быть процарапан рисунок-эскиз, например, схематичное изображение убруса на обороте иконы «Спас Нерукотворный» [51]. Имя автора скрывалось, лишь исключительные обстоятельства могли заставить иконника в послушании подписаться. Причина подписи могла быть династического характера: на поддужных колоколах оставляли свои имена тюменские колокольники Илья и Лука Каркины.

Редкая как явление в Урало-Сибирском регионе авторская подпись поставила вопрос об артельном письме [52], но мало-

вероятно, что Ковригин писал иконы в составе артели. Если «доличную работу» выполнял ученик, то, учитывая высокий уровень личного письма и условные прописи фонов, придется сделать вывод, что с учеником этим Ковригин не расставался на протяжении длительного периода (от юной Тихвинской до Семистрельной), что еще менее вероятно. Во время создания рассматриваемых икон артельное писание в Сибири угасает, трансформируясь в мелкие группы вплоть до иконописцев-одиночек [53]. Манера артельной работы, когда встречается разная палеография у икон одного «личника», в нашем случае исключена: палеография описываемых икон идентична, фоны имеют единую символику; предстоящие и доминирующие святые однотипны. Даже если Ковригин принадлежал династии, не исключаемой в описываемый период у старообрядцев Приисетья и Вагая, характер письма говорит о том, что икона писалась одним мастером, одаренным в исполнении личного письма и, возможно, отличающимся при жизни настолько, что среди набирающих силу местных тюменской и ряда других современных ей школ этот духовно-художественный опыт определял подъем сибирского иконописания. Предпосылки этого подъема лежат в наличии духовной базы [54], которая могла питать взлеты иконописного подвижничества периода Ковригинских писем. Ковригинские иконы на фоне множества икон ряда коллекций сибирских музеев дают представление об особом состоянии духа, незамутненного мирскими реалиями.

Фамилия Ковригин относится к Вагайскому району – местам поселения старообрядцев [55]. Старообрядчество определяло деятельность династий и одиночек вроде Ковригина так, как исихазм келейного уровня предшествовал возникновению рублевских шедевров [56, с. 53] или «новое благочестие» Кузанского предварило достижения Возрождения [57, с. 52, 62; 58, с. 146; 59, с. 31]. Старообрядчество способствовало сравнительно медленной адаптации исконных традиций на местной почве.

Избегавший влияния невянских и строгоновских писем мастер исповедовал иконописью старообрядческое «древнее благочестие». Баланс духовного компонента и силы эстетического воздействия, экспрессивный лаконизм продолжают у него традицию северных писем, далекую от стилистики титулованных современников – географических соседей [60, с. 15; 61].

Трактовка ликов Христа, Богоматери и Николы Чудотворца с неизменными пропорциями лица повторяются на всех описываемых иконах: у Богоматери это удлиненный нос, круглые дуги надбровий, глубокие укрупненные глазницы, «византийские» карие глаза, мягко округленный подбородок, высокий лоб, четких линий монолитная шея, прямая и твердая линия иносчески непорочного рта, чуть более крупного, чем в византийском каноне [62, с. 131].

Анализ композиции заставляет предположить, что «Никола Чудотворец», «Семистрельная» и «Троеручица» написаны позднее, чем остальные иконы, так как единым символическим компонентом этих икон становится деление на верхний и нижний ряд, заимствованное у Николы Чудотворца [63].

В эволюции женского образа – возрастание градации смирения параллельно изменению возраста. Если облик «Тихвинс-

кой» отрочески-прямолинеен и полон юношеского максимализма [64, с. 125], (рис. 5), то «Семистрельная», «Троеручица» и «Богоматерь Казанская» символизируют два этапа материнства: пик его превозносящей все живое энергии [65, с. 126], апеллирующий к антропоцентрической программе Возрождения, обо-

жествляющей человека, [66, с. 52, 86; 67] в образе житейски-мудрой и просветленной Семистрельной [68], (рис. 4); и исполненное стоицизма материнство с оттенком трагической предопределенности у Казанской и – гармонизированное – у Троеручицы (рис. 1-3); [69].

Рис. 5

Тихвинская – «внимающая», Казанская – «сгорбленная» (рис. 5) и Семистрельная – «милующая» (рис. 6). Троеручица – «собеседница» суммирует их качества, максимально обнаруживая «дух скупости на мелкие формы и назойливую орнаментку», который определился в русском иконописании древнерусским северным зодчеством [70, с. 15] и оказал влияние опосредованно на сибирские письма. Пропорциональное соотношение деталей делает Троеручицу наиболее монументальной, сочетающей архитектурную весомость силуэта, графически отделенного от фона и по пропорциям созвучного типам древнерусского

северного зодчества, с византийскими ликами и созерцательностью и миссионерской этикой «древнего благочестия». Другие «ковригинские мадонны» менее аскетичны.

Разнообразие эмоциональной наполненности «ковригинских мадонн» – от экспрессии до сдержанной лирики – оттеняет «невозможность» художника изменить черты ликов и избежать созерцания одного и того же образа. Это делает схожим его подход с мастерами Возрождения и не противоречит возрожденческой антропоцентрической концепции в целом [71, с. 64; 72, с. 146; 73].

Рис. 6

Подобно Рафаэлю, «размножившему» облик любимой, Ковригин переносил обаяние «сибирской модели» в каждую новую икону, распознавая прототип. Единый прототип выводит исследование на качественно новый уровень, так как ценность прообраза лежит в области эстетических закономерностей. Эстетические градации Михаила Ковригина пролегают параллельно

достижениям Возрождения [74, с. 27; 75, с. 14; 76]. Экспрессия местных писем редко поднималась до уровня [77; 78; 79, с. 15], сравнимого с классическими образцами [80, 81, с. 13]. Аппетитивность вершины Ковригинского творчества – иконы «Богоматерь Троеручица» – уравнивает ее с лучшими образцами иконописи [82, с. 144].

Ценность образов Ковригина predetermined в равной степени своеобразием его художественного языка [83, с. 222] и выбором вдохновившего его прообраза. Усовершенствованный путь к идентификации единого авторства на основе выявленной ярко выраженной персонификации доминирующего иконописного образа лицевой стороны параллельно и в тесной связи с традиционным анализом оборотной стороны оправдал себя результативной атрибуцией и установлением авторства [84].

Антропологизм прочтения орнаментов на сахах и малицах и сличения подлинника и копии расширяет свой потенциал до

уровня анализа сакральных систем [85, с. 26, 31; 86, с. 39]. Антропологический ракурс «оживляет» документ, даже если документ – икона.

Не искажая реставрационной этики, прием антропологической аналогии корректирует направление исследовательской мысли, примиряя ряд технологических методик реставрации с инновационными импульсами в сфере искусствоведения. Расширяя предметную базу указанного метода, мы включаем спонтанные процессы, помогающие восполнить обширные лакуны в поле изучения богатого открытиями материала.

Библиографический список

1. Мануйлова, И.А. Истоки формирования и основные особенности Сибирской иконы // Традиции и современность: сб. науч. статей. – Тюмень, 1998.
2. Чупин, В.А. Из истории иконописи в Западной Сибири (обзор коллекции ТОКМ) // Ежегодник ТОКМ, 1993. – Новосибирск, 1997.
3. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М., 2003.
4. Косполова, Н.Э. Образ как элемент открытой системы в экспозиции «Север – открытый космос» // Ежегодник ТОКМ – 2000. – Тюмень, 2001.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
6. Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода. – Л., 1979.
7. Косполова, Н.Э. Новое в методике научной обработки коллекции икон //Словцовские чтения-2001: тезисы научно-практич. конф. – Тюмень, 2001.
8. Косполова, Н.Э. Новая находка: еще одна икона круга иконописца Ковригина // Материалы XVI Всер. н/п конф. – Тюмень, 2004. – Ч. 2.
9. Косполова, Н.Э. Реставрация и реставрационная мастерская провинциального краеведческого музея // Тез. докл. н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 1997.
10. Рожко, К.Г. Проблема уровней и диалектика. – Тюмень, 1992.
11. Грабарь, И.Э. История русского искусства. – М., 2009.
12. Зотов, А. Ф. Западная философия XX века: учеб. пособие / А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвиль. – М., 1998.
13. История философии: сб. ст. / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д., 2007.
14. Вздорнов, Г.И. История открытия и изучения средневековой живописи. XIX век. – М., 1986.
15. Олсуфьев, Ю.А. Обзор методов лечения древней монументальной живописи // Сов. Музей. – 1935. – №5.
16. Любимцев, А. Как сохранить памятники деревянного зодчества // Музей. – 2008. – № 2.
17. Сарабянов, В. Реставрация и исследование фресок собора Антониева монастыря в Новгороде // Музей. – 2006. – № 5.
18. Рыбников, А.С. Реставрация крепостной стены Борисоглебского монастыря // Музей. – 2006. – № 1.
19. Сорокатый, Н. Возвращение Саваофа. Обновление росписей в соборе Казанского монастыря в Тамбове // Музей. – 2006. – №3.
20. Пищик, И.И. Древесиноведение на службе экспедиции // Мир музея. – 2009. – № 9.
21. Популярные чтения по философии: сб. ст. / под ред. В.А. Карпушина. – М., 1973.
22. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М., 1988.
23. Косполова, Н.Э. Образ как элемент открытой системы в экспозиции «Север – открытый космос» // Ежегодник ТОКМ – 2000. – Тюмень, 2001.
24. Косполова, Н.Э. Явления самоорганизации в формировании коллекции икон ТОКМ. Образ Богородицы // Тез. докл. XII Всер. н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 2000.
25. Мнев, Н.Е. Искусство Московской Руси. Вторая половина XV – XVII вв. – М., 1965.
26. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М., 1988.
27. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
28. Овчинников, А.Н. Общность принципов письма в средневековых восточнохристианских фресках и миниатюрах // Памятники русского искусства: исследования и реставрация. – М., 1987.
29. Мануйлова, И.А. Истоки формирования и основные особенности Сибирской иконы // Традиции и современность: сб. науч. статей. – Тюмень, 1998.
30. Косполова, Н.Э. Символика поминального обряда и особенности иконографии «Не рыдай Мене, Мати...» // Материалы н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 1998.
31. Косполова, Н.Э. Явления самоорганизации в формировании коллекции икон ТОКМ. Образ Богородицы // Тез. докл. XII Всер. н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 2000.
32. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
33. Павленко, В.В. Сибирские реликвии в Московском Кремле // Мир музея. – 2001. – № 4.
34. Косполова, Н.Э. «Краснушка» Михаила Ковригина – народная сибирская икона // Сибирская православная газета. – 2010. – сент., №9.
35. Филатов, В.В. Словарь изографа. – М., 1997.
36. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
37. Филатов, В.В. Словарь изографа. – М., 1997.
38. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
39. Русская идея: сб. ст. / под ред. М. А. Маслина. – М., 1992.
40. Косполова, Н.Э. Явления самоорганизации в формировании коллекции икон ТОКМ. Образ Богородицы // Тез. докл. XII Всер. н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 2000.
41. Косполова, Н.Э. Новая находка: еще одна икона круга иконописца Ковригина // Материалы XVI Всер. н/п конф. – Тюмень, 2004. – Ч. 2.
42. Русская идея: сб. ст. / под ред. М. А. Маслина. – М., 1992.
43. Лазарев, В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. – М., 1983.
44. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М., 1988.
45. Реставрация икон: метод. рекомендации / М.В. Наумова [и др.]. – М., 1993.
46. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
47. Косполова, Н.Э. Сравнительный анализ и атрибуционные выводы по иконам «Троеручица», «Богородица Казанская» и «Никола Чудотворец» //Материалы XV Всер. н/п конф. Словцовские чтения. – Тюмень, 2003. – Ч. 2.
48. Косполова, Н.Э. «Краснушка» Михаила Ковригина – народная сибирская икона // Сибирская православная газета. – 2010. – № 9.
49. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М., 2001. – Т. 2.
50. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
51. Косполова, Н.Э. «Краснушка» Михаила Ковригина – народная сибирская икона // Сибирская православная газета. – 2010. – сент., №9.
52. Писал Семен Спиридонов / авт.-сост. С.И. Масленицын. – М., 1980.
53. Чупин, В.А. Из истории иконописи в Западной Сибири (обзор коллекции ТОКМ) // Ежегодник ТОКМ, 1993. – Новосибирск, 1997.
54. Лазарев, В.Н. Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. Архитектура. Скульптура. Живопись. Трактаты. – М., 1979.
55. Кутафин, П. Монастырский хлеб – на Вагайской земле // Врата Сибири, лит.-худ. и истор.-краевед. альманах. – 2007. – № 1.
56. Балакина, Т.И. История русской культуры. – М., 1995.
57. Горфункель, А.Х. Философия эпохи Возрождения: учеб. пособие. – М., 1980.
58. История философии: сб. ст. / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д., 2007.
59. Лазарев, В.Н. Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. Архитектура. Скульптура. Живопись. Трактаты. – М., 1979.

60. Грабарь, И.Э. История русского искусства. – М., 2009.
61. Косполова, Н.Э. Новая находка: еще одна икона круга иконописца Ковригина // Материалы XVI Всер. н/п конф. Тюмень. – Тюмень, 2004. – Ч. 2.
62. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М., 2005.
63. Мануйлова, И.А. Истоки формирования и основные особенности Сибирской иконы // Традиции и современность: сб. науч. статей. – Тюмень, 1998.
64. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
65. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
66. Горфункель, А.Х. Философия эпохи Возрождения: учеб. пособие. – М., 1980.
67. Лазарев, В.Н. Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. Архитектура. Скульптура. Живопись. Трактаты. – М., 1979.
68. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
69. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
70. Грабарь, И.Э. История русского искусства. – М., 2009.
71. Горфункель, А.Х. Философия эпохи Возрождения: учеб. пособие. – М., 1980.
72. История философии: сб. ст. / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д., 2007.
73. Дворжак, Макс. История Итальянского искусства в эпоху Возрождения. XIV – XV в. / под ред. Е.И. Ротенберга. – М., 1978.
74. Лазарев, В.Н. Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. Архитектура. Скульптура. Живопись. Трактаты. – М., 1979.
75. Толстых, В.И. Эстетическое воспитание / В.И. Толстых, Б.А. Эренграсс, К.А. Макаров. – М., 1984.
76. Дворжак, Макс. История Итальянского искусства в эпоху Возрождения. XIV – XV в. / под ред. Е.И. Ротенберга. – М., 1978.
77. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
78. Косполова, Н.Э. Явления самоорганизации в формировании коллекции икон ТОКМ. Образ Богородицы // Тез. докл. XII Всер. н/п конф. Словоцкие чтения. – Тюмень, 2000.
79. Толстых, В.И. Эстетическое воспитание / В.И. Толстых, Б.А. Эренграсс, К.А. Макаров. – М., 1984.
80. Вздорнов, Г.И. История открытия и изучения средневековой живописи. XIX в. – М., 1986.
81. Вздорнов, Г.И. Феофан Грек. – М., 1983.
82. Лазарев, В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. – М., 1983.
83. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М., 1988.
84. Косполова, Н.Э. Неизвестный иконописец Ковригин // ЛИК: литературно-краеведческий альманах. – Тюмень, 2012.
85. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
86. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М., 2003.

Bibliography

1. Manuylova, I.A. Istoki formirovaniya i osnovniye osobennosti Sibirskoy ikon // Tradicii i sovremennost': sb. nauch. statey. – Tyumenj, 1998.
2. Chupin, V.A. Iz istorii ikonopisi v Zapadnoy Sibiri (obzor kolekcii TOKM) // Ezhegodnik TOKM, 1993. – Novosibirsk, 1997.
3. Kononenko, B.I. Bol'shoy tolkoviy slovar' po kulturologii. – M., 2003.
4. Kospelova, N.Eh. Obraz kak ehlement otkrihtoy sistemih v ehkspozicicii «Sever - otkrihtiy kosmos» // Ezhegodnik TOKM - 2000. – Tyumenj, 2001.
5. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovar' russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1999.
6. Komplektovanie, nauchnoe opisaniye i ehkspozicionno-vihstavochneya propaganda ehntograficheskikh materialov sovremennogo perioda. – L., 1979.
7. Kospelova, N.Eh. Novoe v metodike nauchnoy obrabotki kolekcii ikon // Slovcovskie chteniya-2001: tezisih nauchno-praktich. konf. – Tyumenj, 2001.
8. Kospelova, N.Eh. Novaya nakhodka: ethe odna ikona kruga ikonopisca Kovrigina // Materialih KhVI Vser. n/p konf. – Tyumenj, 2004. – Ch. 2.
9. Kospelova, N.Eh. Restavraciya i restavracionnaya masterskaya provincial'nogo kraevedcheskogo muzeya // Tez. dokl. n/p konf. Slovcovskie chteniya. – Tyumenj, 1997.
10. Rozhko, K.G. Problema urovney i dialektika. – Tyumenj, 1992.
11. Grabarj, I.Eh. Istoriya russkogo iskusstva. – M., 2009.
12. Zotov, A. F. Zapadnaya filosofiya KhKh veka: ucheb. posobie / A.F. Zotov, Yu.K. Melvilj. – M., 1998.
13. Istoriya filosofii: sb. st. / pod red. V.P. Kokhanovskogo. – Rostov n/D., 2007.
14. Vzdorinov, G.I. Istoriya otkrihtiya i izucheniya srednevekovoy zhivopisi. KhKh vek. – M., 1986.
15. Olsufjev, Yu.A. Obzor metodov lecheniya drevney monumentalnoy zhivopisi // Sov. Muzeyj. – 1935. – №5.
16. Lyubimcev, A. Kak sokhraniti pamyatniki derevyannogo zodchestva // Muzeyj. – 2008. – № 2.
17. Sarabjyanov, V. Restavraciya i issledovanie fresok sobora Antonieva monastihrya v Novgorode // Muzeyj. – 2006. – № 5.
18. Rihbnikov, A.S. Restavraciya krepostnoy stenih Borisoglebskogo monastihrya // Muzeyj. – 2006. – № 1.
19. Sorokatihij, N. Vozvrathenie Savaofa. Obnovlenie rospisey v sobore Kazanskogo monastihrya v Tambove // Muzeyj. – 2006. – №3.
20. Pitihik, I.I. Drevesinovedenie na sluzhbe ehkspertizih // Mir muzeya. – 2009. – № 9.
21. Populyarniye chteniya po filosofii: sb. st. / pod red. V.A. Karpushina. – M., 1973.
22. Borev, Yu.B. Ehstetika. – M., 1988.
23. Kospelova, N.Eh. Obraz kak ehlement otkrihtoy sistemih v ehkspozicicii «Sever - otkrihtiy kosmos» // Ezhegodnik TOKM - 2000. – Tyumenj, 2001.
24. Kospelova, N.Eh. Yavleniya samoorganizacii v formirovanii kolekcii ikon TOKM. Obraz Bogomateri // Tez. dokl. KhII Vser. n/p konf. Slovcovskie chteniya. – Tyumenj, 2000.
25. Mneva, N.E. Iskusstvo Moskovskoy Rusi. Vtoraya polovina KhV – KhVII vv. – M., 1965.
26. Borev, Yu.B. Ehstetika. – M., 1988.
27. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisek Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. – Tyumenj, 2012.
28. Ovchinnikov, A.N. Obthnost' principov pisjma v srednevekovihkh vostochnokhristianskikh freskakh i miniatyurakh // Pamyatniki russkogo iskusstva: issledovaniya i restavraciya. – M., 1987.
29. Manuylova, I.A. Istoki formirovaniya i osnovniye osobennosti Sibirskoy ikon // Tradicii i sovremennost': sb. nauch. statey. – Tyumenj, 1998.
30. Kospelova, N.Eh. Simvolika pominal'nogo obryada i osobennosti ikonografii «Ne rihday Mene, Mati...» // Materialih n/p konf. Slovcovskie chteniya. – Tyumenj, 1998.
31. Kospelova, N.Eh. Yavleniya samoorganizacii v formirovanii kolekcii ikon TOKM. Obraz Bogomateri // Tez. dokl. KhII Vser. n/p konf. Slovcovskie chteniya. – Tyumenj, 2000.
32. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisek Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. – Tyumenj, 2012.
33. Pavlenko, V.V. Sibirskie relikvi v Moskovskom Kreml'e // Mir muzeya. – 2001. – № 4.
34. Kospelova, N.Eh. «Krasnushka» Mikhaila Kovrigina – narodnaya sibirskaya ikona // Sibirskaya pravoslavnaya gazeta. – 2010. – sent., №9.
35. Filatov, V.V. Slovarj izografa. – M., 1997.
36. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisek Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. – Tyumenj, 2012.
37. Filatov, V.V. Slovarj izografa. – M., 1997.
38. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisek Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. – Tyumenj, 2012.
39. Russkaya ideya: sb. st. / pod red. M. A. Maslina. – M., 1992.
40. Kospelova, N.Eh. Yavleniya samoorganizacii v formirovanii kolekcii ikon TOKM. Obraz Bogomateri // Tez. dokl. KhII Vser. n/p konf. Slovcovskie chteniya. – Tyumenj, 2000.
41. Kospelova, N.Eh. Novaya nakhodka: ethe odna ikona kruga ikonopisca Kovrigina // Materialih KhVI Vser. n/p konf. – Tyumenj, 2004. – Ch. 2.
42. Russkaya ideya: sb. st. / pod red. M. A. Maslina. – M., 1992.
43. Lazarev, V.N. Russkaya ikonopisj ot istokov do nachala KhVI v. – M., 1983.

44. Borev, Yu.B. Ehstetika. - M., 1988.
45. Restavraciya ikon: metod. rekomendacii / M.V. Naumova [i dr.]. - M., 1993.
46. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
47. Kospelova, N.Eh. Sravnitelnyy analiz i atribucionniye vkhvodi po ikonam «Troeruchica», «Bogomaterj Kazanskaya» i «Nikola Chudotvorec» // Materialih KhV Vser. n/p konf. Slovcovskie chteniya. - Tyumenj, 2003. - Ch. 2.
48. Kospelova, N.Eh. «Krasnushka» Mikhaila Kovrigina - narodnaya sibirskaya ikona // Sibirskaya pravoslavnaya gazeta. - 2010. - № 9.
49. Efremova, T.F. Noviy tolkovno-slovoobrazovatelnyy slovarj russkogo yazihka. - M., 2001. - T. 2.
50. Ozhegov, S.I. Tolkovnyy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. - M., 1999.
51. Kospelova, N.Eh. «Krasnushka» Mikhaila Kovrigina - narodnaya sibirskaya ikona // Sibirskaya pravoslavnaya gazeta. - 2010. - sent., №9.
52. Pisal Semen Spiridonov / avt.-sost. S.I. Maslenicyn. - M., 1980.
53. Chupin, V.A. Iz istorii ikonopisi v Zapadnoy Sibiri (obzor kolekcii TOKM) // Ezhegodnik TOKM, 1993. - Novosibirsk, 1997.
54. Lazarev, V.N. Nachalo rannego Vozrozhdeniya v ital'yanskom iskusstve. Arkhitektura. Skuljptura. Zhivopisj. Traktatih. - M., 1979.
55. Kutafin, P. Monastirskiy khleb - na Vagajskoy zemle // Vrata Sibiri, lit.-khud. i istor.-kraeved. aljmanakh. - 2007. - № 1.
56. Balakina, T.I. Istoriya russkoy kul'turi. - M., 1995.
57. Gorfunkel', A.Kh. Filosofiya ehpkhi Vozrozhdeniya: ucheb. posobie. - M., 1980.
58. Istoriya filosofii: sb. st. / pod red. V.P. Kokhanovskogo. - Rostov n/D., 2007.
59. Lazarev, V.N. Nachalo rannego Vozrozhdeniya v ital'yanskom iskusstve. Arkhitektura. Skuljptura. Zhivopisj. Traktatih. - M., 1979.
60. Grabarj, I.Eh. Istoriya russkogo iskusstva. - M., 2009.
61. Kospelova, N.Eh. Novaya nakhodka: ethe odna ikona kruga ikonopisca Kovrigina // Materialih KhVI Vser. n/p konf. Tyumenj. - Tyumenj, 2004. - Ch. 2.
62. Kreydlin, G.E. Muzhchini i zhentini v neverbalnoy kommunikacii. - M., 2005.
63. Manuylova, I.A. Istoki formirovaniya i osnovniye osobennosti Sibirskoy ikonih // Tradicii i sovremennostj: sb. nauch. statej. - Tyumenj, 1998.
64. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
65. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
66. Gorfunkel', A.Kh. Filosofiya ehpkhi Vozrozhdeniya: ucheb. posobie. - M., 1980.
67. Lazarev, V.N. Nachalo rannego Vozrozhdeniya v ital'yanskom iskusstve. Arkhitektura. Skuljptura. Zhivopisj. Traktatih. - M., 1979.
68. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
69. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
70. Grabarj, I.Eh. Istoriya russkogo iskusstva. - M., 2009.
71. Gorfunkel', A.Kh. Filosofiya ehpkhi Vozrozhdeniya: ucheb. posobie. - M., 1980.
72. Istoriya filosofii: sb. st. / pod red. V.P. Kokhanovskogo. - Rostov n/D., 2007.
73. Dvorzhak, Maks. Istoriya Ital'yanskogo iskusstva v ehpkhu Vozrozhdeniya. KhIV - KhV v. / pod red. E.I. Rotenberga. - M., 1978.
74. Lazarev, V.N. Nachalo rannego Vozrozhdeniya v ital'yanskom iskusstve. Arkhitektura. Skuljptura. Zhivopisj. Traktatih. - M., 1979.
75. Tolstikh, V.I. Ehsteticheskoe vospitanie / V.I. Tolstikh, B.A. Ehrengross, K.A. Makarov. - M., 1984.
76. Dvorzhak, Maks. Istoriya Ital'yanskogo iskusstva v ehpkhu Vozrozhdeniya. KhIV - KhV v. / pod red. E.I. Rotenberga. - M., 1978.
77. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
78. Kospelova, N.Eh. Yavleniya samoorganizacii v formirovanii kolekcii ikon TOKM. Obraz Bogomateri // Tez. dokl. KhII Vser. n/p konf. Slovcovskie chteniya. - Tyumenj, 2000.
79. Tolstikh, V.I. Ehsteticheskoe vospitanie / V.I. Tolstikh, B.A. Ehrengross, K.A. Makarov. - M., 1984.
80. Vzdornov, G.I. Istoriya otkriitiya i izucheniya srednevekovoy zhivopisi. KhKh v. - M., 1986.
81. Vzdornov, G.I. Feofan Grek. - M., 1983.
82. Lazarev, V.N. Russkaya ikonopisj ot istokov do nachala KhVI v. - M., 1983.
83. Borev, Yu.B. Ehstetika. - M., 1988.
84. Kospelova, N.Eh. Neizvestniy ikonopisec Kovrigin // LIK: literaturno-kraevedcheskiy aljmanakh. - Tyumenj, 2012.
85. Ozhegov, S.I. Tolkovnyy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. - M., 1999.
86. Kononenko, B.I. Boljshoy tolkovnyy slovarj po kul'turologii. - M., 2003.

Статья поступила в редакцию 14.07.12

УДК 069.02:622.33

Kravtsova L.A. MUSEUMIFICATION AS A FORM OF ACTUALIZATION OF THE COAL INDUSTRY HERITAGE IN THE EUROPEAN COUNTRIES. In the article the author has analyzed the experience of museumification of the coal industry heritage in the European countries. Social and economic, historic and cultural prerequisites of actualization of this heritage are shown. On the base of the considered examples in the article the author makes the conclusion that practice of museumification of the coal industry heritage in the European countries is an actual phenomenon of the contemporary culture.

Key words: museumification, actualization of the heritage, museum, a museum practice, heritage of the coal industry.

Л.А. Кравцова, зав. Музеем угля Федерального гос. бюджетного учреждения науки Института угля Сибирского отделения РАН, г. Кемерово, E-mail: Kravtsovala@yandex.ru

МУЗЕЕФИКАЦИЯ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В статье автором проанализирован опыт музеефикации наследия угольной отрасли в европейских странах. Показаны социально-экономические и историко-культурные предпосылки актуализации данного наследия. На основании рассмотренных в работе примеров автор делает вывод, что практика музеефикации наследия угольной отрасли является актуальным явлением современной культуры.

Ключевые слова: Музеефикация, актуализация наследия, музей, музейная практика, наследие угольной отрасли.

В современном многомерном мировом культурном пространстве происходят трансформации мировоззренческих оснований, изменения в социально-духовной сфере, развитие новых культурных форм, что неизбежно влияет на отношение общества к актуальным проблемам музееведения. Среди современных социокультурных институтов музею принадлежит особое место

в сохранении социальной памяти. С развитием общества происходит расширение сфер документирования, включающих современные социально-экономические процессы. Одной из актуальных тем музеефикации наследия стало «стремительное расширение спектра объектов наследия, с которыми работают музеи» [1, с. 10].

В условиях глобальных трансформаций в современном обществе и культуре трактовка культурного наследия меняется, приобретая более широкое его толкование. Мысль о том, что способы взаимодействия общества и природы – важнейшая часть культурного наследия, составляющая вклад в мировую культуру, получает все большее признание. Музей, как специфический социальный институт, являющийся «мостом в прошлое» и имеющий фундаментальное предназначение – «сохранять и транслировать из прошлого в будущее главные ценности и достижения» [2, с. 82], включается в актуальный для настоящего времени процесс документирования многообразного научно-технического и промышленного наследия. Подтверждением этому является наличие музеев определенных профилей на отдельных взятых территориях. На современном этапе развития социокультурного пространства сформировалось «новое и перспективное направление музейного дела – сохранение и актуализация памятников научно-технического и индустриального наследия», которое соединилось с перспективным методом его популяризации – музеефикацией [3, с. 409].

Среди всего многообразия наследия научно-технических отраслей, горно-угольное занимает особое место в силу своей значимости для промышленности в XIX–XXI вв. Ископаемый уголь сыграл важную роль в индустриальном и социально-экономическом развитии мировой экономики. В рассматриваемый период, именно динамика угледобывающих технологий обусловила развитие всех других отраслей горной промышленности, а также энергетики, металлургии, машиностроения, химии [4]. В ходе индустриализации в странах-углепроизводителях сформировался огромный пласт наследия угольной отрасли, сохранение и популяризация которого является актуальной задачей современного периода. Одним из основных способов решения данной проблемы является музеефикация.

Анализируя европейский опыт создания специализированных музеев, документирующих и транслирующих наследие угольной отрасли, следует определить способствовавшие этому социально-экономические предпосылки. По мнению автора, одной из таких предпосылок стала реструктуризация угольной промышленности, начавшаяся во второй половине XX века. Согласно данным отечественных специалистов в области реструктуризации угольной отрасли «мировая угольная промышленность, пройдя этапы промышленной революции XVIII–XIX вв. и стремительного индустриального прогресса в XX веке, оставила в современной цивилизации огромный пласт промышленного наследия» [5, с. 20]. Реформы угольной отрасли привели к закрытию огромного количества шахт и разрезов, ставших неотъемлемой частью истории не только угледобывающих регионов, но и в целом истории промышленности и научно-технического прогресса. Так, например, «в 2005 году Великобритания «отсчитала» 20 лет как угольная промышленность фактически прекратила свое существование» [6, с. 13]. В Германии за тот же период количество шахт уменьшилось в 16 раз, численность персонала сократилась в 24 раза [4]. Проводимые преобразования были столь масштабны, что обратили на себя внимание государственных деятелей, специалистов в области горного дела и культуры, ученых и широкой общественности, что обусловило поиск оптимальных форм сохранения и популяризации данного наследия. Уникальные промышленного облика угледобывающих регионов, связанная с оставшимися после закрытия предприятий на шахтных копрах, особой архитектурой индустриальных поселений, техногенным «лунным» ландшафтом, вековыми промышленными зданиями, образцовыми закрытыми шахтами, способствовала актуализации горно-угольного наследия. Решение данной проблемы было найдено в реализации проектов музеефикации исторически значимых предприятий. Созданные музеи стали центрами документирования, изучения и трансляции региональной истории угольной отрасли. Примерами европейских музеев, возникших в результате реструктуризации угольной отрасли, могут служить британский Национальный музей каменного угля «Big Pit: National Coal Museum» («Биг Пит: Национальный музей угля») и немецкие музеи «Deutsches Bergbau-Museum Bochum» («Немецкий музей горного дела»), «Zeche Zollern II/IV» («Цехе Цоллерн II/IV»), «Zollverein Schacht XII» («Цольферайн Шахта XII»).

Освещая причины и условия создания данных европейских музеев, следует отметить то, что особую роль в этом процессе сыграло общественное движение, возникшее как следствие борьбы против фактической утраты наследия угольной промышленности. С точки зрения автора, опыт Великобритании в этом отношении наиболее показателен. Инициированное общественностью страны движение против бесследного уничтожения в промышленных городах фабрично-заводских зданий выдвинуло

проблему сохранения индустриального наследия на государственный уровень. Сопровождаемое научным обоснованием ученых-историков, музеологов, движение своевременно включилось в оформление союзов с собственниками земли, промышленными компаниями, финансирующими проекты индустриальной археологии [7, с. 5]. При этом фрагменты старых горных машин, орудий ручного труда, документы, видеоматериалы были систематизированы в коллекции, положившие начало фондовым собраниям создаваемых музеев. Анализ официальных сайтов музеев и публикаций показал, что в горных музеях Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса сохранены фрагменты реальных горных выработок и горнодобывающей техники. Следует подчеркнуть, что, по мнению сотрудников Государственного политехнического музея при Национальном техническом университете Украины «КПИ» («Киевский политехнический институт») Н.В. Писаревской и Л.С. Ильасова, Англия отличается наличием многочисленных общественных организаций, деятельность которых направлена на сохранение памятников культуры [8]. Наиболее ярким примером может служить музей «Big Pit: National Coal Museum», основанный по инициативе общественности и при поддержке Национального музея Уэльса. Музеефикация шахты «Big Pit...», расположенной на девяностометровой глубине была обоснована необходимостью сохранения валлийского наследия угольной промышленности. В 2000 году, в знак признания международного значения музея в документировании угольной и железорудной промышленности музей был включен в реестр уникального промышленного наследия, охраняемого ЮНЕСКО, с 1 февраля 2001 года «Big Pit...» стал частью «Amgueddfa Cymru» – Национального музея Уэльса, а в 2004 году ему была присвоена премия «Музей года» [9].

Актуальность процесса музеефикации наследия угольной отрасли можно показать и на примере Германии. По инициативе общественности и благодаря целенаправленной культурной политике государства эта страна сегодня располагает крупнейшими музеями, документирующими данное наследие. Так, под провозглашенным властями страны лозунгом «Kunst/Kultur statt Kolle», что означает «Искусство/Культура вместо угля», в угледобывающей Рурской области в конце XX века произошли значительные социокультурные изменения. В 1980 году в Германии вступил в действие Закон о защите и сохранении памятников индустриального наследия [10]. Под руководством министра экономики земли Северный Рейн – Вестфалия был разработан «Стратегический план туризма Рурской области». Начиная с 1999 г. там стал функционировать туристический маршрут «Route Industriekultur» («Маршрут промышленного наследия»), посвященный промышленной культуре и ставший символом региона. Научное документирование угольной отрасли в этом проекте осуществляют: «Deutsches Bergbau-Museum Bochum» («Немецкий музей горного дела») в городе Бохум, бывшая шахта – ныне музей-памятник «Zeche Zollern II/IV» («Цехе Цоллерн II/IV») в Дортмунде, «Zollverein Schacht XII» («Цольферайн Шахта XII») в Эссене [11].

История «Немецкого музея горного дела», по данным официального сайта, восходит корнями к инициативе Вестфальской горной кассы («Westfälische Berggewerkschaftskasse»), решившей в 1868 году создать стационарную выставку «Горнопромышленные принадлежности». Новую жизнь музей получил благодаря целенаправленной культурной политике руководства страны, создавшего в 1970-е гг. в г. Бохум музей, ставший рекреационным туристическим центром европейского значения и мировым научным центром истории горного дела и металлургии. Структура научных подразделений музея имеет статус научно-исследовательского института. Этот музей способствует сохранению наследия угольной отрасли, истории шахтерского региона и восстановлению его экономики после более чем 20-летнего периода реструктуризации угольной промышленности в Германии. Данный музей является ансамблевым, его комплексы расположены под открытым небом на территории парка и в подземном пространстве горной выработки. Одной из достопримечательностей музея является специально перевезенный сохранившийся копер высотой 71 метр, построенный в свое время для производственных целей одной из шахт Дортмунда. «Немецкий музей горного дела» стал не только символом угледобывающего города, представляющим историко-культурное наследие угольной отрасли, но и одним из крупнейших комплексов музеев горного профиля в мировом культурном пространстве [11; 12].

В создании немецкого музея «Zeche Zollern II/IV» («Цехе Цоллерн») заметную роль сыграла «активная гражданская позиция» [11, с. 36] жителей Дортмунда в период начавшейся реструктуризации угольной отрасли, которая позволила добиться

для образцовой и престижной шахты, построенной на рубеже XIX-XX вв. «статуса памятника как первого промышленного сооружения Германии» [11, с. 36]. Причина особой значимости этого промышленного музея-памятника кроется в необычной архитектуре и истории предприятия.

Музей «Zollverein Schacht XII» был организован после окончания проектного срока эксплуатации предприятия и в рамках проводимой правительством Германии культурной политики. Согласно данным журнала «Уголь», предприятие «Zollverein Schacht XII», на котором работало 5000 человек, закончило свою работу в декабре 1986 года в связи с завершением предполагаемого срока службы [13]. Земельными властями Северного Рейна - Вестфалии было принято решение о присвоении шахте, углеобогатительному цеху и коксовым печам (т.е. комплексу производств) статуса промышленного архитектурного памятника. Для его поддержания в надлежащем оригинальном состоянии и поиска новых возможностей использования был создан специальный фонд. В результате предпринятых мер, все здания, сооружения и помещения были отреставрированы, организован крупнейший промышленный музей-завод [14]. Причиной такого отношения к данному объекту наследия послужило то, что в начале 30-х гг. XX века индустриальный комплекс «Zollverein Schacht XII» являлся самым современным профильным производством в мире. В 1930-х гг. «Цольферайн» был удостоен звания «красивейшей шахты мира». В Эссене при постройке комплексного производства архитекторам школы Баухауз (Фриц Шупп, Мартин Кремер) удалось создать своего рода образцовый пример шахтной архитектуры, на который впоследствии ориентировались строители многих других горнодобывающих комплексов в Рурской области [11]. Сегодня музейфицированный завод «Цольферайн» является уникальным памятником индустриальной архитектуры. Эти обстоятельства повлияли на решение ЮНЕСКО в 2001 году включить «Цольферайн» в реестр Всемирного культурного наследия [15].

В XX веке Рурский регион перестал быть главным угледобывающим и горно-металлургическим районом страны. Острота социально-экономических последствий реструктуризации угольной отрасли, общественное и государственное участие за несколько десятилетий превратили умиривший горнодобывающий район в уникальную территорию, обладающую перспективами развития в культурной и экономической сфере.

Организация комплексного Голландского горного музея, документирующего весь период существования угольной отрасли Нижнерейнского буроугольного и Лимбургского каменноугольного бассейнов, во многом была обусловлена фактом завершения угледобычи в стране. В память о социальной значимости угольной отрасли был создан музей, на официальном сайте которого указывалось, что «угольная история послужила развитию страны, занятости населения, строительству жилья в угледобываю-

щих районах, развитию энергетики Лимбурга и Нидерландов» [16]. История угледобычи Голландии, как части горного дела, представит в музее для современников и будущих поколений комплексно, в общей структуре историко-культурного наследия.

Говоря о причинах актуализации наследия угольной отрасли, нельзя обойти вниманием процессы мемориализации горных объектов. Горнодобывающая промышленность всех стран мира имеет документальные свидетельства аварий и катастроф, которые в некоторых случаях имели трагические последствия. Это послужило предпосылкой организации мемориальных экспозиций, документирующих события, связанные с несчастными случаями при горной добыче, с целью увековечения памяти о шахтерах и героизме шахтерской профессии. В качестве подтверждения следует обратиться к опыту создания музея-мемориала на базе закрытой шахты «Буа де Казье» (Бельгия). На ней 8 августа 1956 г. произошел подземный пожар, унесший жизни 262 шахтеров. Позднее в память о погибших на закрытом после трагедии предприятии был организован горный музей-мемориал. Основанный в исторической среде производственного комплекса шахты, музей документирует не только трагическое событие, историю предприятия, но и основные аспекты технического развития процесса угледобычи [13].

Таким образом, можно констатировать, что музейфикация наследия угольной отрасли в европейских странах, обусловленная комплексом предпосылок (мировой процесс реструктуризации, общественное движение, культурная политика некоторых государств, окончание срока эксплуатации предприятия, отрасли или угольного бассейна, мемориализация), стала важной и обоснованной тенденцией современных культурных процессов. Актуализация горно-угольного наследия в современной музейной практике европейских стран осуществляется при помощи двух основных подходов: прекращение работы предприятия и организация на его базе музея; перепрофилирование объекта или его части под новые функции. Обязательным элементом обоих способов музейфикации является сохранение наиболее ценных конструкций, инженерных решений, дизайна, архитектурного облика, составляющих элементы наследия [5].

Возникшие преимущественно в XX веке, горно-угольные музеи объединяет общая цель – сохранение, популяризация и использование наследия угольной отрасли в современной культуре. Реализуя свои социокультурные функции, они способствуют формированию социокультурного пространства, повышению образовательного уровня социума и сохранению многообразия общемирового историко-культурного наследия. Все вышесказанное свидетельствует, что европейская практика музейфикации наследия угольной отрасли посредством создания горно-угольных музеев, ставших востребованными социокультурными институтами, является актуальным историко-культурным явлением современности и культурной нормой общества.

Библиографический список

1. Каулен, М.Е. Музей и наследие // Музей. - 2009. - № 5.
2. Кулемзин, А.М. Музеи – мосты между временами и культурами // Вестник Кемеровского гос. университета культуры и искусств. – 2007. - № 2.
3. Музейное дело России / под. ред. М.Е. Каулен, И.М. Косовой, А.А. Сундиевой. - М., 2010.
4. Агапов, А.Е. Углепромышленное наследие в контексте истории угольной промышленности России, ее реструктуризации и закрытия шахт / А.Е. Агапов, А.А. Рожков, В.Д. Грунь // Уголь. – 2009. - № 3.
5. Попов, В.Н. К вопросу о сохранении промышленного наследия углепромышленных регионов / В.Н. Попов, А.А. Рожков, В.Д. Грунь, А.В. Черни // Уголь. – 2005. - № 3.
6. Рожков, А.А. Реструктуризация создала предпосылки для развития отрасли // Сибирский уголь в XXI веке. – 2008. - № 1.
7. Запарий, В.В. Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТICCIH) // Экономическая история. – 2008. - № 6.
8. Писаревская, Н.В. Современный технический музей и его место в обществе / Н.В. Писаревская, Л.С.Ильясов // Технические музеи как инструмент сохранения исторического наследия и важный элемент развития мировой цивилизации: сб. научн. тр. Межд. н/п конф. – Донецк, 2010.
9. Big Pit: National Coal Museum [Э/п]. – Р/д: <http://www.museumwales.ac.uk/en/bigpit/>
10. Карабасов, Ю.С. Индустриальная культура: от классического музея до технолэнда. / Ю.С. Карабасов, П.И. Черноусов, Н.А. Коротченко // Технические музеи как инструмент сохранения исторического наследия и важный элемент развития мировой цивилизации: сб. научн. тр. Межд. н/п конф. – Донецк, 2010.
11. Озерова, Д. Музейфикация промышленных объектов в Руре // Музей. – 2009. - №10.
12. Deutsches Bergbau-Museum Bochum [Э/п]. – Р/д: <http://www.bergbaumuseum.de/dhtml/frame17.htm>
13. Попов, В.Н. Горные музеи: мировой опыт и актуальность сохранения горно-промышленного наследия в России / В.Н.Попов, А.А.Рожков, В.Д. Грунь // Уголь. – 2007. - №3.
14. UNESCO-Welterbe Zollverein - Das kulturelle Herz des Ruhrgebiets. [Э/п]. – Р/д: <http://www.zollverein.de/>
15. DW-WORLD.DE DEUTSCHE WELTE Памятники ЮНЕСКО: «Цольферайн» - эталон промышленной архитектуры [Э/п]. – Р/д: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3458764,00.html>
16. Nederlands Hijmuseum Heerlen [Э/п]. – Р/д: <http://www.nederlandsminmuseum.eu/>

Bibliographi

1. Kaulen, M.E. Muzej i nasledie // Muzej. - 2009. - № 5.
2. Kulemzin, A.M. Muzei – mostih mezhdu vremenami i kuljturami // Vestnik Kemerovskogo gos. universiteta kuljturh i iskusstv. – 2007. - № 2.
3. Muzejnoe delo Rossii / pod. red. M.E. Kaulen, I.M. Kosovoj, A.A. Sundievoj - M., 2010.
4. Agapov, A.E. Uglepromishlennoe nasledie v kontekste istorii ugoľnoj promishlennosti Rossii, ee restruktizacii i zakrihtiya shakht / A.E. Agapov, A.A. Rozhkov, V.D. Grunj // Ugoľ. – 2009. - № 3.
5. Popov, V.N. K voprosu o sokhraneni promishlennogo naslediya uglepromishlennihkh regionov / V.N. Popov, A.A. Rozhkov, V.D. Grunj, A.V. Cherni // Ugoľ. – 2005. - № 3.

6. Rozhkov, A.A. Restrukturizatsiya sozdala predposilki dlya razvitiya otrasli // Sibirskiy ugol' v XXI veke. – 2008. – № 1.
7. Zapariy, V.V. Mezhdunarodniy komitet po sokhraneniyu industrial'nogo naslediya (TICCIH) // Ekonomicheskaya istoriya. – 2008. – № 6.
8. Pisarevskaya, N.V. Sovremenniy tekhnicheskij muzej i ego mesto v obshchestve / N.V. Pisarevskaya, L.S. Ilyasov // Tekhnicheskie muzei kak instrument sokhraneniya istoricheskogo naslediya i vazhniy ehlement razvitiya mirovoy civilizatsii: sb. nauchn. tr. Mezhd. n/p konf. – Doneck, 2010.
9. Big Pit: National Coal Museum [Eh/r]. – R/d: <http://www.museumwales.ac.uk/en/bigpit/>
10. Karabasov, Yu.S. Industrial'naya kul'tura: ot klassicheskogo muzeya do tekhnolehnda. / Yu.S. Karabasov, P.I. Chernousov, N.A. Korotchenko // Tekhnicheskie muzei kak instrument sokhraneniya istoricheskogo naslediya i vazhniy ehlement razvitiya mirovoy civilizatsii: sb. nauchn. tr. Mezhd. n/p konf. – Doneck, 2010.
11. Ozerova, D. Muzeifikatsiya promyshlennikh objektov v Rure // Muzei. – 2009. – №10.
12. Deutsches Bergbau-Museum Bochum [Eh/r]. – R/d: <http://www.bergbaumuseum.de/dhtml/frame17.htm>
13. Popov, V.N. Gornye muzei: mirovoy opit i aktualnost' sokhraneniya gorno-promyshlennogo naslediya v Rossii / V.N. Popov, A.A. Rozhkov, V.D. Grun' // Ugol'. – 2007. – №3.
14. UNESCO-Welterbe Zollverein - Das kulturelle Herz des Ruhrgebiets. [Eh/r]. – R/d: <http://www.zollverein.de/>
15. DW-WORLD.DE DEUTSCHE WELLES Pamyatniki YuNESKO: «Colliery» - ehkhalon promyshlennoy arkhitektury [Eh/r]. – R/d: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3458764,00.html>
16. Nederlands Hjemmuseum Heerlen [Eh/r]. – R/d: <http://www.nederlandsminnuseum.eu/>

Статья поступила в редакцию 28.05.12

УДК 304.5

Polosin N.N. THE SUBJECTIVE SCOPE OF CULTURAL ANTHROPOLOGY: EPISTEMOLOGICAL ASPECT. The article is devoted to the analysis of modern substantive priorities of the cultural anthropology in epistemological aspect. The article considers the modern actual problems of cultural anthropology as a sphere of scientific studies in the Humanities, the prospects for application of the conceptual basis of this scientific discipline in the theory of knowledge and in the system of Sciences about the culture and society are examined, the epistemological the potential of cultural anthropology as an academic discipline.

Key words: cultural anthropology, the science of culture and society, epistemology.

Н.Н. Полосин, канд. пед. наук, докторант Московского гос. университета культуры и искусств, г. Москва, E-mail: polosin.nikolay@mail.ru

ПРЕДМЕТНАЯ СФЕРА КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу современных предметных приоритетов культурной антропологии в гносеологическом аспекте. В статье рассматривается современная актуальная проблематика культурной антропологии как сферы научно-гуманитарных исследований, перспективы применения концептуальных оснований данной научной дисциплины в теории познания и в системе наук о культуре и обществе, обобщается гносеологический потенциал культурной антропологии как научной дисциплины.

Ключевые слова: культурная антропология, науки о культуре и обществе, гносеология.

В современных условиях культурная антропология как научная дисциплина представляет собой интенсивно развивающееся направление исследований специфики и трендов развития национальных культур, а также особенностей различных аспектов культуры. Начиная с момента своего появления, данная научная дисциплина претерпела неоднократные трансформации, создавшие ту ее форму, которая характерна для культурно-антропологических изысканий наших дней. В работах И.Н. Грибанова или Л.Э. Ванда [1; 2] культурная антропология характеризуется как целостное направление гуманитарного и гуманистического анализа происхождения и развития культуры. Американские антропологи последних трех десятилетий, как обобщает И.В. Командорова [3], концентрируют свое внимание на проблемах контактов представителей разных культур и народов в условиях тесного взаимодействия.

Можно обратить внимание на тот факт, что на протяжении всего времени функционирования культурной антропологии, в ней наблюдался процесс повышения уровня и качества обобщения, усиления внимания к общим и типическим признакам эволюции культур, в связи с чем можно утверждать, что данной научной дисциплиной выработан ряд предметных приоритетов и гносеологических принципов, способных оказывать влияние не только на систему наук и представлений о культуре и обществе, но и на все научное знание в целом. Эти принципы проецируются в научные и социальные функции данной дисциплины.

Гносеологическая значимость предметных изысканий культурной антропологии проявляется и в том, что данную научную сферу интересовал и продолжает интересоваться человек, существо которого часто пытаются раскрыть с помощью его культурной среды. В связи с тем, что социальное и культурное в широком понимании этих терминов, поведение человека складывается под воздействием культурной окружающей среды, культурная антропология поставила во главу угла вопрос о характерных чертах каждой культуры и культуры человечества в целом, соединив

в своих подходах категориальную специфику единичного, общего и всеобщего. Культурная антропология, особенно последнее время, стремилась к анализу фундаментальных проблем, к построению предельно широких систематизированных концепций, объединяющих подчас далеко не смежные области. Подобный предельно широкий подход может быть спроецирован на теорию познания в целом, уже обладающую потенциалом пересмотра принципов основания деления отраслей знания, построения интегральных сфер, объединенных целостностью социальной и гуманитарной значимостью их объекта и предмета.

Беспристрастность учета фактического материала в соединении с высоким гносеологическим потенциалом делает, по нашему мнению, данную дисциплину наиболее адекватным концептуальным ядром прикладных исследований в гуманитарной сфере. Именно поэтому в настоящей статье мы предпринимаем опыт формулирования основных принципов предметной сферы культурной антропологии, значимых для теории познания и всей системы гуманитарных наук в целом:

1. Все национальные культуры человечества сформировались в уникальных природных, экономических, политических, идеологических и иных условиях, что делает их специфику закономерной и объективно необходимой. Каждая культура такова, какой она единственно может быть, и не может быть никакой иной.

2. Целенаправленное воздействие на процессы культурного развития каждого конкретного этноса извне априори деструктивно, так как созидательный потенциал культуры коренится в ней самой, не будучи связан с внешними для нее факторами. Это – не обоснование культурного сепаратизма или автаркии, но учет объективных черт каждой культуры.

3. Взаимодействие между национальными культурами может быть конструктивным только в случае полного учета всех исторически сложившихся особенностей каждой этнической культуры, а также при полном приятии его взаимотрансформирующего влияния всеми членами этнического общества. Невозможность добиться тотального (всем обществом) приятия транс-

формации под воздействием иной культуры всегда будет оставаться основанием сепаратистских тенденций.

4. Уникальность этнической культуры развивается в единстве и взаимодополнительности с общими свойствами, присущими всем национальным культурам, что делает диалог между культурами возможным пропорционально доле общего во взаимодействующих культурах. Уникальные черты этнических культур в межкультурном взаимодействии могут придавать взаимодействию как комплементарный, так и конфликтный характер.

5. Взаимодействие этнических культур носит характер конвенционального процесса, то есть исторически складывающегося баланса отношений, в котором естественным образом происходит разделение ролей представителей взаимодействующих культур, а общий фон взаимодействия диалектически приобретает черты обеих культур пропорционально активности представителей каждой культуры. Таким образом, можно говорить о разделении функций взаимодействующих этносов.

6. Национальная культура – целостное образование, в котором его уникальные качества распространяются на все его составляющие, при том, что отдельные стороны национальной культуры имеют больший потенциал влияния на культуру как систему, чем другие. Наиболее значимой частью национальной культуры является этническая ментальность, в которой отражены особенности доминирующего мировоззрения, способы взаимодействия с контекстом (социальным, природным и т.д.), принципы мышления и отношения к действительности и т.д.

7. Доминирующая составляющая культуры – исторически сложившаяся этническая ментальность, придает всем производным от нее культурным феноменам (религиозным системам, политическому устройству, научной картине мира, экономическим отношениям и пр.) характерные черты, делающие эти компоненты культуры отличающимися от этноса к этносу.

8. Ментальность этноса концентрирует в себе основные константы культуры, отражая в себе нравственные, эстетические, технологические и иные приоритеты этноса, формируя, таким образом, схематическую модель путей развития данной этнической культуры, особенности ее взаимодействия с другими и ее функциональную специализацию в целом культуры человечества.

9. Взаимодействие национальных картин мира, основ мировоззрения и видения своего места в мире определяет те составляющие культуры, которые привычно считаются объективными и независимыми от субъективных особенностей человека. Национальные научные картины мира заметно различаются от этноса к этносу, что проявляется не только в социально-гуманитарной сфере, но и в точных науках. Так, в Китае до эпохи Мин не пользовались понятием нуля, что не мешало производить точные расчеты и создавать сложнейшие технические устройства.

10. Существование целостной культуры человечества как конвенционального единства различающихся этнических культур, заполняющих специфические «экологические ниши» и выполняющих свои уникальные функции позволяет экстраполировать данное представление и на все компоненты целостной культуры человечества. Таким образом, можно говорить о конвенциональной взаимодополнительности религий, национальных научных парадигм, политических и экономических систем и т.д.

11. Принцип динамической конвенциональности, характерный для культурно-антропологического видения проблем взаимодействия этнических культур, позволяет находить оптимальные способы взаимодействия различающихся и зачастую противоречивых этнических сообществ путем выявления комплементарных сфер их взаимодействия.

12. В области научного знания принцип динамической конвенциональности дает возможность считать любое данное состояние научной дисциплины частью целого, формируемого из национальных научных парадигм, в котором максимальным приближением к истине может обладать только само целое, но ни одна из его частей.

Сама культурно-антропологическая постановка вопроса о функциональной специализации этнических культур, и соответственно, их представителей, имеет многочисленные прикладные приложения. Так, рассматривая проблемы современных миграционных потоков в Россию / из России, можно прогнозировать национальный и профессиональный состав, а также количество потоков трудовых мигрантов, чьи передвижения, как хорошо известно, определяются не только экономическими и политическими факторами. Изучение этнической ментальности с позиций учета социальной активности ее носителей позволяет прогнозировать влияние диаспор на климат межнациональных отношений в стране, на перспективные тенденции развития культуры и социальных процессов многонациональных государств. Экстраполяция принципа динамической конвенциональности на развитие науки в стране позволяет выявлять точки роста и стагнации, определять тупиковые направления исследований и своевременно избегать их. Более того, данный принцип позволяет по-новому оценить возможности поиска научной истины в условиях априорной неполноты и парциальности каждой данной научной сферы.

Как можно убедиться, современная культурная антропология обладает высоким прогностическим потенциалом, и может применяться как методологическое основание как проектирования социальных процессов, так и развития научного знания. Наука, изучающая собственно человеческий способ бытия, должна занять свое место фундамента исследований компонентов этого бытия – общества, науки, религии, государства.

Библиографический список

1. Грибанов, И.Н. Культурная типология сквозь призму философско-антропологических концепций. – Ростов-на-Дону, 2008.
2. Ванд, Л.Э. Культурная антропология и духовная природа русской ойкумены. – М., 2010.
3. Комадорова, И.В. Американская культурная антропология о факторах социокультурной динамики. – М., 2005.
4. Гендролис, Э. Социальная и культурная антропология (Обзор основных направлений и методов). – Вильнюс, 1984.

Bibliography

1. Gribanov, I.N. Kul'turnaya tipologiya skvozj prizmu filosofsko-antropologicheskikh koncepcij. – Rostov-na-Donu, 2008.
2. Vand, L.Eh. Kul'turnaya antropologiya i dukhovnaya priroda russkoj ojkumenih. – M., 2010.
3. Komadorova, I.V. Amerikanskaya kul'turnaya antropologiya o faktorakh sociokul'turnoj dinamiki. – M., 2005.
4. Gendrolis, Eh. Socialjnaya i kul'turnaya antropologiya (Obzor osnovnihk napravlenij i metodov). – Viljnyus, 1984.

Статья поступила в редакцию 23.06.12

УДК 006.99 (577.11) 001.5: 261

Poljakova E.A. SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES AS THE MAIN COMPONENT OF TOBOLSK CHURCH ANTIQUITIES STOREHOUSE IN THE EARLY 20TH CENTURY.

In this article the author considers the scientific-research activity and identifies its role in the development of antiquities storehouse. Scientific research, as a result of which were discovered monuments of the Siberian spiritual literature and information on the history of the Tobolsk diocese, are described and catalogued the museum funds, contributed to the beginning of the publishing activity of the archive. Definition of prospects of scientific-research activity stipulated the creation of the archive archaeographic commission, engaged in the study of written monuments of the diocese and the introduction of them into the scientific circulation.

Key words: the Tobolsk church antiquities storehouse, the archive commission, the description of funds, publishing activities, monuments of the Siberian spiritual writing, research, cataloguing funds.

Е.А. Полякова, канд. культурол., доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: elena2873@mail.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТОБОЛЬСКОГО ЦЕРКОВНОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА В НАЧАЛЕ XX В.

В данной статье автор рассматривает научно-исследовательскую деятельность как фактор развития Тобольского церковного древлехранилища. Научные изыскания, в результате которых были выявлены памятники сибирской духовной письменности и сведения по истории Тобольской епархии, описаны и каталогизированы фонды музея, способствовали началу издательской деятельности древлехранилища. Определение перспектив научно-исследовательской деятельности обусловило создание при древлехранилище археографической комиссии, занимавшейся изучением письменных памятников епархии и введением их в научный оборот.

Ключевые слова: Тобольское церковное древлехранилище, архивная комиссия; описание фондов, издательская деятельность, памятники сибирской духовной письменности, научные исследования, каталогизация фондов.

Научно-исследовательская деятельность является неотъемлемой частью деятельности любого музея, его базисом. Являясь обязательным процессом в ходе реализации функции документирования, научно-исследовательская деятельность, как правило, предшествует формированию экспозиционно-выставочного пространства, а затем вносит в него определенные коррективы.

Тобольское церковное древлехранилище было основано по инициативе Преосвященного Антония, епископа Тобольского и Сибирского. В 1899 г. Тобольское епархиальное Братство святого великомученика Димитрия Солунского, имевшего свой задачей: «заботиться о приведении в известность и сохранении вещественных памятников церковной старины, имеющих в церквах Тобольской епархии или у частных лиц» обратилось ко всем священнослужителям епархии с просьбой «доставлять в Совет Братства сведения о таковых памятниках, по особо составленной для сей цели программе».

Когда желаемые сведения были получены и систематизированы, Совет Братства обратился в Тобольскую Духовную Консисторию с ходатайством об особом распоряжении, направленном на тщательное сохранение вещественных памятников церковной старины, находящихся в пределах Тобольской епархии. Братство просило «строго воспретить таковые поновлять, исправлять, видоизменять, а тем более продавать или же совсем уничтожать без ведома и согласия епархиального начальства» [1, с. 398].

Древлехранилище было открыто в октябре 1902 года. Согласно §§18-20 Устава, хранителем был избран и утвержден его Преосвященством преподаватель Тобольского епархиального женского училища, кандидат богословия, священник Александр Юрьевский. На церемонии открытия им была произнесена речь, в которой, среди прочего, он указал, что церковное древлехранилище преследует не только охранно-сохранительные, но и научные цели, связанные с популяризацией и развитием археологической науки и местного краеведения, предусматривающие «изучение Тобольской епархии в ее историческом прошлом». Данная направленность работы древлехранилища должна самым наилучшим образом сказаться на просвещении народа «в духе Православной церкви», что особенно касалось языческого населения Сибири и повышении научного и культурного уровня учащихся и людей, занимающихся научными исследованиями [1, с. 408].

С первых дней работы в должности хранителя, А. Юрьевский особое внимание уделял научно-исследовательской работе музея. Будучи высокообразованным человеком он, как никто другой, понимал важность научных исследований для формирования имиджа музея и определения перспектив его развития. Вскоре после открытия древлехранилища в 23 номере Тобольской епархиальных ведомостей была опубликована его статья «Об издании книжек церковно-исторического и церковно-археологического содержания, под общим заглавием «Тобольское церковное древлехранилище» (Далее – «ТЦД») [2, с. 426-433], в которой было объявлено о начале работы над указанной серией при содействии Тобольского епархиального Братства. Братство брало на себя обязательства финансового характера, связанные с изданием материалов; оно планировало, чтобы, все выпуски «ТЦД» имели цветную обложку и свою нумерацию, каждый отдельный выпуск этой серии выходил бы в свет в количестве 500 экземпляров, их выпуски были бы «не значительными по объему... – в размере от 2 до 4 печатных листов, т.е. от 32 до 64 страниц», а цена составляла «от 15 до 30 коп. за экземпляр» [2, с. 428]. В соответствии с планами издателей, книги должны были не только поступать в продажу, но и «весьма значительное количество экземпляров каждого выпуска будет совершенно бесплатно рассылаться разным лицам и в разные учреждения, как то самим авторам статей, действительным и почетным членам ЦД, в библиотеки духовно-учебных заведений, духовных журна-

лов, епархиальных братств и т.д.» [2, с. 433].

Социальная миссия нового издания заключалась в том, чтобы «предохранить имеющие впредь появляться на страницах ТЕВ (Тобольские епархиальные ведомости. Здесь и далее ТЕВ) сочинения местного церковно-исторического и церковно-археологического содержания от скорого забвения», «дать им более широкое распространение как в пределах нашей епархии, так и вне ее» и «поощрять труды и изыскания по изучению истории и современного состояния церкви в Тобольской епархии». Далее автор указывал, что данная серия не будет самостоятельным изданием, выпуски «ТЦД» будут лишь «отдельными оттисками тех, печатающихся в ТЕВ, статей, которые носят церковно-исторический характер» [2, с. 426]. В составе выпуска планировалось публиковать несколько статей различных авторов и в связи с этим не устанавливать четких сроков публикаций, а издавать их «по мере накопления статей». Публиковаться в серии будут статьи, отобранные по усмотрению хранителя древлехранилища и «даже без заявления ... автора», а лица, не желающие, чтобы их сочинения были внесены, ... благоволят своевременно делать о том оговорку в своих письмах на имя г-на редактора Епархиальных ведомостей» [2, с. 427].

В своей статье хранитель обращался «к священнослужителям епархии, наставникам духовно-учебных заведений, и ко всем вообще интеллигентам, интересующимся судьбами нашей епархии» с просьбой «принять участие в разработке местных церковно-исторических и археологических вопросов». Отмечая значительные заслуги в изучении истории края таких исследователей прошлого как Н.А. Абрамов, прот. А. Сулоцкий, автор статьи указывал на то, что «все-таки еще остается множество вопросов из истории нашей епархии невыясненных, нерешенных, неисследованных» и в связи с этим предлагая «потрудиться в этой области». Но, будучи опытным в области научных изысканий исследователем, А. Юрьевский не просто ограничился таким сообщением-воззванием, а подготовил и обосновал те темы, которые необходимо исследовать, дополнив их краткими историографическими справками и примерами того, как это реализуется в других епархиях. Все это свидетельствует о достаточно высоком научном уровне проделанной им предварительной работы. Среди направлений, вынесенных им для научных исследований, присутствовали следующие: «Историко-статистическое описание всех приходов Тобольской епархии», «Исторические исследования о существующих и упраздненных монастырях Тобольской епархии», «Биографии Тобольских архиереев и других духовных деятелей – миссионеров, проповедников, добрых пастырей, подвижников благочестия, настоятелей монастырей, местных духовных писателей, ректоров и наиболее видных преподавателей духовно-учебных заведений», «Распространение христианства среди инородцев Западной Сибири», «История духовно-учебных заведений Тобольской епархии», «История административных учреждений и должностей в Тобольской епархии», «История предметов религиозного почитания».

В заключении статьи А. Юрьевский обосновывает несомненную пользу планируемого издания для науки: «Во-первых, оно будет способствовать наиболее широкому распространению исторических сведений о Тобольской епархии среди лиц, интересующихся русской церковной историей и вообще духовной наукой. Оно, во-вторых, облегчит для лиц, работающих по тому или иному вопросу из области русской церковной истории, приобретение помещающихся в Епархиальных ведомостях статей по истории Тобольской епархии и пользование ими. Но пользование таковыми статьями для лиц, живущих в Тобольской епархии, сопряжено бывало ... с большими затруднениями, вследствие того, что ведомости печатаются в весьма ограниченном количестве и не пользуются широкой распространенностью, а также и вследствие того, что отдельными оттисками указанные статьи не выходили в свет. ... устранить эти затруднения ... можно только изданием ... книжек ЦД. В-третьих, издание озна-

ченных книжек естественно может послужить к ознакомлению жителей г. Тобольска и Тобольской епархии с церковной стариной их родины» [2, с. 432].

Уже через два месяца существования древлехранилища, в отчете от 31 декабря 1902 г., в пункте «издания ЦД», было указано о выходе в свет первого номера, содержавшего шесть статей: «Тобольское церковное древлехранилище», «Об издании книжек церковно-исторического и церковно-археологического содержания под общим названием «ТЦД», «Протодеякон Матвей Мартынов», «Драгоценные автографы св. Д. Ростовского», «Редкие памятники сибирской духовной письменности первой половины XVII века» и «Гиштория или сказание о явлении и о чудесах Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии Одигитрии Казанския в Сибири, в царствовавшем граде Тобольске, на нижнем посаде, во обители Знаменского монастыря». Все статьи были написаны А. Юрьевским, и занимали 52 страницы [3, с. 68]. Особая значимость данного издания заключалась в том, что впервые был введен в научный оборот, открытый автором в архивах Тобольской консистории, древний памятник духовной литературы в Сибири – «Гиштория...». В нем повествовалось о видении послушнику Тобольского Знаменского монастыря Иоанникию; о прославлении и 43 чудесах, свершившихся перед иконой Казанской Божией Матери, которая была главной святыней Тобольского Знаменского монастыря. Источник свидетельствует, что прославление этой иконы началось в 1661 г. в г. Тобольске. В тот период город и его окрестности заполнили неизвестные насекомые, приносящие вред и людям и скоту, а шедшие проливные дожди грозили населению голодом. Предание гласит, что послушнику Знаменского монастыря явился неизвестный святой, который объяснил, что причиной гнева Божьего является сквернословие и табакокурение жителей Тобольска и повелел Иоанникию рассказать о видении «архимандриту и всему священному собору и правителю града того первое заведение Пресвятой Богородицы, что бы строили церковь в три дня и на четвертый день освятили ее во имя Пречистой Богородицы Казанской» и внесли в нее указанный образ, который хранился ликом к стене в чулане Воздвиженской приходской церкви. Также, неизвестный святой повелел в Знаменском монастыре праздновать, с проведением крестного хода, Пресвятую Богородицу три раза в год 22 октября (Казанская икона Божьей Матери), во вторник светлой седмицы (Иверская икона Божьей Матери) и 8 июня (Ярославская и Урюпинская иконы Божьей Матери) [4]. Несколько экземпляров первого выпуска были разосланы в образовательные и научные учреждения России в обмен на их издания, тем более, «что некоторые учреждения, например, церковно-археологические музеи при академиях Московской и Киевской, Смоленский церковно-археологический комитет, Ростовский музей церковных древностей и др., уже удостоили ТЦД своими изданиями» [3, с. 69].

Научно-исследовательская деятельность первых месяцев существования музея не ограничилась изданием материалов церковно-исторического характера. В ее рамках хранителем музея было начато составление «Указателя для обозрения вещественных памятников ТЦД», издание которого планировалось начать уже с 1903 г. [3, с. 69]. Первые шаги в этой области открыли ее перспективы и показали невозможность ее ведения силами лишь только хранителя древлехранилища. 23 января 1903 года ректором Тобольской духовной семинарии, протоиереем П. Головиным, инспектором Д. Матвеевым и прочими действительными членами церковного древлехранилища (12 человек) на имя Преосвященнейшего Антония, епископа Тобольского и Сибирского была подана докладная записка о создании при древлехранилище специальной «подкомиссии для разборки накопившегося церковно-исторического материала сосредоточенного в архивах консистории, семинарии и монастырях Тобольской епархии». Обосновывалась эта просьба следующим образом: «Возникшее недавно церковное древлехранилище мало помалу пополняется ценным археологическим и историческим материалом» и с целью разборки оного ... и для того, чтобы сделать эту работу систематической, правильной» необходимо специальная комиссия, так как ее деятельность «будет способствовать составлению истории Сибири» [5, с. 174]. В записке также был представлен проект, того, чем должна будет заниматься комиссия. По свидетельству источника, её членам вменялось в обязанность распространение собственных научных работ (рефератов; записок) выполненных ими на основе изучения конкретных объектов (различных архивов) за 10-летний период; исследование, по возможности (например, при случайной командировке или паломнической поездке), научного значения архивов отдаленных монастырей; ведение переписки с частными лицами и научными учреждениями; подготовка трудов по истории Сибири к печати [5, с. 175].

Его Преосвященство счел, что подобные меры «принесут большую пользу при изучении истории христианства Сибири и послужат со временем» основой для составления «как истории Тобольской епархии, так и отчасти истории и прочих епархий, входивших некогда в состав Тобольской» и одобрил предлагаемый проект резолюцией от 26 января 1903 г. и [5, с. 176]. 23 марта 1903 года на общем собрании членов Тобольского епархиального Братства было утверждено решение о формировании вспомогательной комиссии «из лиц, изъявивших на то свое согласие» с целью «разборки памятных церковной старины, находящихся в архивах семинарии, консистории, церковью и монастырями Тобольской епархии» [6, с. 96]. С этого момента Архивная комиссия стала официальным структурным подразделением Братства, наряду с древлехранилищем.

На заседании комиссии, состоявшемся 18 мая 1903 года, было решено «просить о ректора семинарии прот. П. Головина и преподавателя женского епархиального училища свящ. А. Юрьевского принять на себя – первого должность председателя, а последнего – должность делопроизводителя» [5, с. 176]. Также члены комиссии постановили, что библиотеку архивной комиссии необходимо «приурочить к Тобольскому церковному древлехранилищу в виду того, что члены Архивной комиссии есть вместе с тем и члены церковного древлехранилища», и предоставлять в нее будущие «отдельные оттки историко-археологических трудов» членов комиссии [5, с. 176]. Для дальнейшей, более продуктивной работы, было предложено «просить хранителя ТЦД А. Юрьевского и, слушавшего курсы историко-археологического института в С.-Петербурге, г. Жукова» в течение лета 1903 г. составить список книг историко-археологического и палеографического содержания «для приобретения таковых в библиотеку ЦД» [5, с. 179]. На протокол собрания последовала резолюция епископа Антония: «1903 года мая 28 дня. Утверждается» [5, с. 180]. В дальнейшем, вплоть до 1908 г., научно-исследовательская деятельность древлехранилища и архивной комиссии были тесно связаны. Это объяснялось и сходными задачами учреждений, и фактически одинаковым составом членов.

К концу октября 1904 г., согласно данным отчета, вышли в свет очередные выпуски «Тобольского церковного древлехранилища». Так, в третьем номере (апрель 1904 г.), вниманию читателей предлагались статьи А. Юрьевского («Икона Всемилоостивого Спаса, что в Тобольском кафедральном соборе, и сказание от бывших от нее чудесах», «ТЦД в 1902-03 г. и Тобольская Архивная комиссия»); прот. А. Грамматина («Епископ Иустин»); Н.А. Бирюкова («ТДС при ректоре Геннадии») - всего 50 стр. [7, с. 81]. В четвертом номере (сентябрь 1904 г.) были представлены работы А. Юрьевского («Упраздненные монастыри Тобольского края», «Зосимо-Савватиевский Тобольский монастырь», «Покровский Туринский монастырь»; «Ильинский Тюменский монастырь») и Н.А. Бирюкова («ТДС при ректоре Вениамине») - всего 65 стр. [7, с. 82].

Кроме указанных сборников продолжилась публикация «Указателя для обозрения вещественных памятников ТЦД» под редакцией А. Юрьевского [7, с. 82]. Всего с 1902-по 1909 вышло в свет 7 выпусков «ТЦД» [8, с. 72]. Специфика научно-исследовательской деятельности древлехранилища была обусловлена субъективным фактором – личной инициативой хранителя. Как свидетельствуют источники, большая часть научных публикаций «ТЦД» принадлежала именно А. Юрьевскому, среди которых присутствовали и исторические, и биографические, и источниковедческие и такие, как «Гиштория». Безусловно, в изданиях «ТЦД» присутствовали и работы других авторов – А.П. Архангельского, А.Н. Грамматина, Н. Скосырева и пр. Научный вклад хранителя ТЦД можно поставить на одну ступень с Н.А. Бирюковым - известным исследователем автором многих трудов по истории Тобольской епархии, который был действительным членом церковного древлехранилища и долгие годы возглавлял научно-поисковую работу Архивной комиссии.

Кроме того, начиная с 1903 года А. Юрьевский принимался за составление «Указателя для обозрения вещественных памятников Тобольского епархиального древлехранилища». Первые результаты его работы были опубликованы в Тобольских епархиальных ведомостях (№2 за 1903 г.) и подробно характеризовали имеющиеся в фондах престолы, потиры и диски. Работа над указателем (и периодическая его публикация) продолжалась до 1908 г.

С 1909 года деятельность древлехранилища претерпевает некоторые изменения. В августе месяце заведующим музеем, вместо священника А. Юрьевского был назначен преподаватель женского епархиального училища П.М. Доброхотов. А. Юрьевский по-прежнему оставался членом церковного древлехранилища, но основная его деятельность была уже связана с Архи-

вной комиссией, делопроизводителем которой он являлся [9, с. 97]. Наиболее ярко сложившуюся ситуацию характеризуют отчеты о состоянии Тобольского церковного древлехранилища. Начиная с конца 1909 года сведений о результатах научных исследований, публикациях в них больше представлено не было [9, с. 98]. П.М. Доброхотов, как хранитель музея, занимался преимущественно работой по обслуживанию посетителей, а не научными изысканиями. (Более подробные данные по его работе приведены в статье «Тобольское церковное древлехранилище: история становления и развития» [10]).

Положение несколько изменилось в 1911 г. в связи с назначением на должность руководителя музея преподавателя семинарии, Василия Рождественского [10]. Сфера его научной деятельности касалась, прежде всего, насущных нужд и была связана с научным описанием отделов музея. В. Рождественский продолжил работу А. Юрьевского по составлению хронологической описи. С 1 марта 1912 года В. Рождественский начинает составлять подробное описание предметов из отделов церковного древлехранилища. Уже к 1 октября им описано 6 отделов музея, в которых были представлены вещественные и изобразительные источники [11, с. 168]. В конце 1913 года было начато описание самого важного отдела рукописей, старопечатных книг и грамот [12, с. 181-182], продолжавшееся вплоть до 1917 года [13, с. 104]. Данный отдел был самым богатым и многочисленным по объёму, помимо старопечатных и рукописных книг в него входили личные архивы жителей Тобольска. Особенно объёмными были архивы рукописей, оставшиеся от протоиереев А. Сулоцкого и С. Знаменского. Работа затруднялась тем, что прежде, чем начать описание их надо было систематизировать, но ввиду новых поступлений рукописных материалов (особенно А. Сулоцкого) работа периодически приостанавливалась [13, с. 104]. Помимо прочего, неблагоприятные условия труда (холод, сырость) также препятствовали полноценной работе [14, с. 105]. С 1911 по 1917 гг. им были систематизированы и описаны все отделы музея. В. Рождественский планировал опубликовать составленный им систематический каталог фондов музея. Ещё в отчетах за 1913-1914 гг., он указывал, что «описание приближается к концу, половина уже переписана набело и в скором времени поступит к публикации в ТЕВ» [14, с. 105]. Но были или не были реализованы его планы, засвидетельствовать не представляется возможным ввиду отсутствия сведений.

Последним источником, позволяющим судить о направленности научно исследовательской деятельности ТЦД было объявление в №1 ТЕВ за 1917 г., о том, что Братство ищет кого-либо для составления историко-статистического описания церквей

и монастырей епархии (486) к 300-летию юбилею Тобольской епархии, который будет праздноваться в 1920 г. [15, с. 10]. Данную заметку можно трактовать двояко: либо Братство просто хотело привлечь к научным исследованиям местную интеллигенцию, либо у Археологической комиссии просто не хватало собственных исследователей, а те которые имелись, были загружены другой работой. Автор настоящего исследования склоняется ко второй точке зрения ввиду ряда фактов: во-первых, шла первая мировая война, и соответственно материальные и людские ресурсы были ограничены, во-вторых, положение древлехранилища в последние годы резко ухудшилось (не отапливалось и не ремонтировалось, оборудование не закупалось, издания «ТЦД» не выпускались и пр.); в-третьих, А. Юрьевский, работавший в данной сфере, вышел из состава комиссии, т.к. покинул г. Тобольск.

Подводя итоги, следует отметить следующее: древлехранилище и созданная при нем археологическая комиссия существовали достаточно замкнуто, т.к. не смогли привлечь к своей деятельности широкий круг общественности и приходского духовенства. Условия хранения фондов древлехранилища были неудовлетворительными, особенно на последнем этапе его существования, а организация и уровень научных исследований зависели от личного фактора (работы хранителя и контроля архиерея) и были нестабильны. Тем не менее, научно исследовательская деятельность была той основной составляющей, благодаря которой стала возможной реализация образовательной и просветительной миссии музея. В ходе научно-исследовательской работы, были описаны и систематизированы данные по истории епархии, которые транслировались широкому кругу общественности. Особую ценность представляли историко-статистические издания, история Кондинской миссии и упраздненных монастырей епархии (прот. А.И. Юрьевский); работы по историографии Тобольской епархии (прот. А.И. Юрьевского, А.И. Городкова, В.А. Ивановского и В.А. Рождественского); фундаментальное исследование Н.А. Бирюкова «Очерки из истории Тобольской Духовной семинарии». В фондах древлехранилища были собраны, систематизированы и изучены материалы, характеризующие историю распространения христианства в Сибири, которые привлекали внимание российских и зарубежных исследователей, а также миссионеров Братства. Вплоть до 1916 г. (когда при Томском ЦАО было основано древлехранилище ЦАО) Тобольское церковное древлехранилище было единственным на территории западной Сибири, выполнявшим охранно-сохранительную и научно-исследовательскую функции по отношению к памятникам истории православной культуры.

Библиографический список

1. Тобольское церковное древлехранилище // ТЕВ. – 1902. – № 22.
2. Об издании книжек церковно-исторического и церковно-археологического содержания // ТЕВ. – 1902 – № 23.
3. Отчет о состоянии ТЦД со дня его открытия и по 31 декабря 1902 г. // ТЕВ. – 1903 – № 6.
4. Отчёт о деятельности Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1905/06 год. // Сайт выпускников ТДС [Э/р]. – Р/д: <http://www.tds.net.ru>
5. Докладная записка // ТЕВ. – 1903. – № 13.
6. Протокол общего собрания ТЕВ 23 марта 1903 год // ТЕВ. – 1903 – № 7.
7. Отчет о состоянии Тобольского церковного древлехранилища с 26 окт. 1903 г. по 26 окт. 1904 г. // ТЕВ. – 1905. – № 4.
8. Дубинский С.Р. Тобольское церковное древлехранилище // Религия и церковь в Сибири: тезисы и материалы научной конференции. – Тюмень, 1990.
9. Отчет о состоянии ТЦД за 1908 – 1909 год // ТЕВ. – 1910. – № 6.
10. Полякова, Е.А. Тобольское церковное древлехранилище: история становления и развития // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2.
11. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1911-12 г. // ТЕВ. – 1913. – № 8.
12. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1912-13 г. // ТЕВ. – 1914. – № 9.
13. Отчет о деятельности Тобольского Свято-Иоанно-Димитриевского православно-церковного братства за 1916-1917 год // ТЕВ. – 1918. – № 6.
14. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1913-14 г. // ТЕВ. – 1915. – № 7.
15. От совета Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского // ТЕВ. – 1917. – № 1.

Bibliography

1. Toboljskoe cerkovnoe drevlekhranilitshe // TEV. – 1902. – № 22.
2. Ob izdani knizhek cerkovno-istoricheskogo i cerkovno-arkheologicheskogo soderzhaniya // TEV. – 1902 – № 23.
3. Otchet o sostoyanii TCD so dnya ego otrikhtiya i po 31 dekabrya 1902 g. // TEV. – 1903 – № 6.
4. Otchyt o deyatel'nosti Bratstva sv. velikomuchenika Dimitriya Solunskogo za 1905/06 god. // Sayt vihpusnikov TDS [Eh/r]. – R/d: <http://www.tds.net.ru>
5. Dokladnaya zapiska // TEV. – 1903. – № 13.
6. Protokol obthego sobraniya TEV 23 marta 1903 god // TEV. – 1903 – № 7.
7. Otchet o sostoyanii Toboljskogo cerkovnogo drevlekhranilitsa s 26 okt. 1903 g. po 26 okt. 1904 g. // TEV. – 1905. – № 4.
8. Dubinskij S.R. Toboljskoe cerkovnoe drevlekhranilitshe // Religiya i cerkovj v Sibiri: tezish i materialih nauchnoy konferencii. – Tyumenj, 1990.
9. Otchet o sostoyanii TCD za 1908 – 1909 god // TEV. – 1910. – № 6.
10. Polyakova, E.A. Toboljskoe cerkovnoe drevlekhranilitshe: istoriya stanovleniya i razvitiya // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2012. – № 2.
11. Otchet o deyatel'nosti Toboljskogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1911-12 g. // TEV. – 1913. – № 8.
12. Otchet o deyatel'nosti Toboljskogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1912-13 g. // TEV. – 1914. – № 9.
13. Otchet o deyatel'nosti Toboljskogo Svyato-Ioanno-Dimitrievskogo pravoslavno-cerkovnogo bratstva za 1916-1917 god // TEV. – 1918. – № 6.
14. Otchet o deyatel'nosti Toboljskogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1913-14 g. // TEV. – 1915. – № 7.
15. Ot soveta Toboljskogo Eparkhial'nogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo // TEV. – 1917. – № 1.

Статья поступила в редакцию 12.04.12

Раздел 2

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Редактор раздела:

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

УДК 7.01:94

Sofronova M.N., Balakhina L.B. VESTIMENTARY TERMINOLOGY: HISTORICAL PERSPECTIVE. We attempted to «mechanical» combination of domestic and foreign terminologies vestimentary area. Research definitions of cultural values provided a two level application of the «costume» as the material due to the image.

Key words: vestimentary terminology, definition, the notions of fashion, style, dress, “silhouette”. “style”, носибельные предметы, одежды человека, культурная миссия костюма, манера одеваться, образ внешности человека, костюм в системе искусства, модный наряд.

Л.В. Балахнина, соискатель ТГСПА им. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: strannik406@mail.ru;

М.Н. Софронова, канд. искусств., доц., зам. директора ГАУК ТО «ТИАМЗ», г. Тобольск,

E-mail: avdienko-m@mail.ru

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ВЕСТИМЕНТАРНОЙ МОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе произведена попытка «механического» совмещения терминов отечественной и зарубежной терминологий в вестиментарной области. Исследование дефиниций культурологического значения выделило двухуровневое применение «костюма», как материально обусловленного образа.

Ключевые слова: вестиментарная терминология, дефиниции «костюм», «мода», «силуэт», «фасон», носибельные предметы, одежда человека, культурная миссия костюма, манера одеваться, образ внешности человека, костюм в системе искусства, модный наряд.

Современный разговорный язык весьма насыщен терминами, которые имеют непосредственные отношение к вестиментарной области, то есть к сфере, касающейся одежды человека. И то, что вчера еще имело прямую связь с ношением платья, сегодня уже вышло за обозначенные границы. Понятие «мода» имеет отношение не только к тому, что человек на себя надевает, но и к образу жизни, следовательно, данная дефиниция имеет в культурологическом значении достаточно широкие границы. На первый взгляд кажущееся весьма конкретное понятие «костюм», за которым, как правило, подразумевают два и более носибельных предмета, связанных между собой композиционно, так же может быть использовано и в широком смысле, вбирая в себя социальную, политическую окраску, в целом демонстрируя некую культурную миссию.

Попытка «механического» совмещения терминологий в вестиментарной области, привела к пониманию того, что в отечественной науке дефиниции не только совпадают с европейскими, но и, между российскими исследователями, не существуют общего мнения относительно трактовки термина «костюм». В меньшей степени это касается терминов «мода» и «силуэт». Оказалось важным проследить историю возникновения значений, стоящих за вышеозначенными терминами, и произвести совмещение отечественной и европейской терминологий, чтобы определить их значение в системе ценностей культуры.

Данные термины имеют франко- и англо-язычное происхождение. Причем, близко к современным дефинициям по смысловой нагрузке эти понятия стали звучать не ранее середины XIX века. Терминологический аппарат вестиментарной моды [1] формировался на базе французского языка, так как Франция была законодательницей в этой области, начиная с эпохи Нового времени. Однако этимология слов уходит в более древние времена. В современном Международном словаре моды сказано, что первое упоминание слова «мода» в значении «коллективной манеры одевания» датируется 1482 годом. Это слово произош-

ло от латинского «modus», что значит мера, модуль, манера. Именно в таком значении оно встречается с 1393 года.

Смысловая форма «a la mode nouvelle», что означало следовать новинкам в одежде, трансформировалось, начиная с 1549 года, в «etre a la mode» (быть в моде). А это уже новая семантическая окраска слова, несущая в себе инновационный заряд. Термин «мода» с 1692 года стал свидетельствовать о принадлежности к кругу профессий, связанных с изготовлением и ношением костюма. А также словом «мода» стали обозначать фасон платья.

Поэтому не менее интересна этимология этого слова. В латинском *facio* имело отношение к вестиментарной области, в дальнейшем эта корневая основа встречалась в старофранцузском *fasion* (*factio, facere, faire*), а уже в XV веке слово *fagon* во французском языке, использовалось применительно к «манере одеваться» [1].

Следовательно, можно сделать вывод, что эти слова и мода, и фасон к XV веку имели практически одно значение, но в структуре слова «мода» изначально был более широкий социальный смысл, характеризующий некий поведенческий порядок и нормы, используемые человеком в обществе. Хотя следует констатировать, что английское *fashion* с конца XV и вплоть до XVIII века использовалось в значении *обычай, нравы*.

В XVIII веке понятию «мода» впервые дается научное определение. Так, Словарь Французской Академии (*Le Dictionnaire de l'Academie Franfaise*) определяет «моду» как образ действий по отношению к вещам, влияющим на социальное устройство, поведение, образ жизни и «капризы» людей. Говоря о том, что каждый человек может вести себя так, как ему нравится, употребляли выражение «Каждый живет по моде». Однако уже вскоре понятие «мода» означало не только особенности поведения и привычки, но и манеру одеваться, наряжаться. Слово стало служить для обозначения роскоши и украшения внешности. В этом смысле мода – это тот человеческий феномен, возника-

ющий из желания понравиться, формирует внешность человека, выделяет его на фоне общества. Тем не менее понятие «мода», сохраняло свои широкие рамки, имея спектр применения от архитектуры, музыки и грамматики до гастрономии. И если к концу XVIII века модой являлась «проходящая привычка, зависящая от вкуса и каприза...», то уже в 1835 году определение «моды» как явления связанного с вестиментарными формами становится основным. Теперь ему отводится место в начале статьи, где говорится, что слово используется в устной речи во множественном числе: «моды» для обозначения модного женского наряда. Появляются и новые употребления этого слова, такие как, «Торговля модой. Магазин моды. Продукция моды. У этой женщины есть вкус, она задает моду (*elle fait bien les modes*)». В издании 1878 года ничего в статье «мода» не меняется.

Для сравнения дефиниции «моды» в издании Словаря Академии, современному исследуемому периоду, был привлечен Большой толковый словарь философской дефиниции, содержащий ряд важных уточнений: «Отказ современной философской науки рассматривать *accident* – случайность, в качестве синонима моды небезосновательно. Слово «случайность», по сути, используется для обозначения непредвиденного, неожиданного, в то время как, первопричина и сущность моды проистекает из человеческой природы. Слово *феномен*, предлагаемое некоторыми философами тоже не является исчерпывающим. Феномен – это все то, что попадает в область ощущений, либо сознания; это некий факт, имеющий или не имеющий основание быть в предмете, его представляющем. Мода, наоборот, принадлежит существу определенного вида и не принадлежит никому больше; она заключена в основных качествах этого существа, его специфической природе, происхождении...» Далее: «Мы не ставим перед собой цель проследить вариации моды в costume, так как costume посвящена отдельная и объемная статья» [2].

Из вышеприведенного анализа следует, что к середине XIX века понятие моды как констатация периодической смены форм женского костюма, сложилось как одно из основных значений слова «мода», но не рассматривалось как массовое явление.

В Британской Энциклопедии за 1910 год можно найти определение слова «фасон». В нем говорится, что: «*fashion* ... – это процесс изготовления, а также действия по изготовлению вещей». Это слово применимо также к очертанию предметов. В быденной и повседневной речи, оно чаще всего, используется для обозначения подхода к созданию вещи, и применяется по отношению к манере, обычаю или характерной черте, возникающей в тот или иной период общества.

Анализируя отечественные источники, следует отметить, что в русский язык понятие мода вошло относительно рано, возможно уже в XVII веке. В дальнейшем, минимум через полтора века, оно было осмысленно народным сознанием и аккумулировано в пословицах. Так, толковый словарь Владимира Даля констатирует, что слово заимствовано из французского языка и характеризует «ходящий обычай; временную изменчивую прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах» [3].

Далее автор приводит вошедшие в быт пословицы, раскрывающие смысловую наполненность слова: «По моде и мыш в комод» и «По старой вере, да по новой моде» [4]. Данный энциклопедический источник свидетельствует, что в русском понимании значение этого слова есть широкий культурологический аспект, и в то же время оно связано с вестиментарными основами. Такое подтверждение находится в типичных многочисленных речевых оборотах, характерных для XIX века: «модный чепец...», «она модно одевается, рядиться по моде». Более того, слово настолько пришло к вкусу россиянам, что в некоторых случаях оно обрело нарицательный смысл, характеризуя детали костюма. «Модой» называли девичий головной платок, погородскому повязанный концами вперед, а «модочкой» – головную повязку из черного шелкового платочка.

Несомненно, эти детали костюма бытовали, прежде всего, в городской среде, ибо она не только быстро приспосабливалась к инновациям, но и по-своему их перерабатывала. Выше обозначенный процесс, при котором, речевой оборот, поступивший из внешней среды, в русской культуре получает свою семантическую окраску, подчеркивает специфику российской ментальности. Причем, в дореволюционной России, мода в широком смысле отражала господство в определенный временной промежуток тех или иных вкусов в любой области народной жизни. В советское время с присущей ему социальной нивелировкой происходит некая упрощенность понятия. Энциклопедичес-

кие источники дают, относительно, короткие, но по своему емкие определения, где мода – это непродолжительное господство в какой-либо общественной среде определенных вкусов (главным образом, во внешних формах быта, особенно в одежде). В широком смысле – непрочная, быстро проходящая, популярность.

Только к 90-м годам XX века исследователи отходят от социальной вулгаризации такого общественного понятия как мода, характеризуя его как эстетический идеал, принятый большей частью общества в конкретный исторический период [2, с. 331–332]. Но, тем не менее, стереотипы меняются значительно медленнее, поэтому для большинства авторов «любая модная тенденция есть поверхностное, нетворческое приспособление к временному стандарту, уподобление красоты средним эстетическим потребностям, расхожему вкусу...» [2, с. 332] или другими словами «стремление посредственности быть «как все»...». Можно отметить, что не только несколько негативный характер присутствует в этой формулировке, но и в некоторой степени механический подход.

Сменяемость одних вкусов другими, устоявшихся тенденций новыми, свидетельствует о такой категории присущей моде как динамика. Ошибочным является заявление о «поверхностном и нетворческом приспособлении» новых вкусов относительно старых. В противоположность можно сказать: всякое старое когда-то было новым, но являлось оно нетворческим или поверхностным подлежит сомнению. Как раз напротив, жизнь во всей своей динамике – это творческий процесс, для которого нужна все время новая среда, ибо если эта среда отсутствует, вступают в силу консервативные элементы, которые в результате и приводят жизнь к неким усредненным вкусам, позволяя «посредственности быть «как все». Именно это позволяет увидеть то, что у рассматриваемого явления более сложная структура и спектр проявлений. «Мода – одна из знаковых систем», – считает культуролог С.Я. Левит, то есть те визуальные образы, которые получает человек благодаря моде, помогают настраивать взаимодействие в обществе. Следовательно, мода обладает межличностной и межгрупповой коммуникативной функцией. Коммуникативный цикл моды состоит, в частности, в постоянной циркуляции специфических «сообщений» и функций социальной адаптации: «...служит одним из средств приобщения индивида к социальному и культурному опыту» [3].

Именно благодаря моде в определенное время некие вкусы и нравы получают самое большое распространение, пользуются наибольшей популярностью и признанием большинства.

Невзирая на идеологические взгляды исследователей, все они отмечают такой присущий моде элемент, как замена одних тенденций, принятых в обществе, на другие – новые. То есть, сменяемость – это еще одна категория, присущая данному явлению. С появлением новой моды одежда, как и другие предметы, функционирующие в жизненном цикле, характерные для предшествующей моды, частично или значительно теряют свою эстетическую ценность с одной стороны, а с другой – прежнюю денежную стоимость. Это позволяет выделить в понятии «мода» эстетическую и экономическую функции.

Итак, мода – смена форм, особенно в вестиментарной области, которая происходит от естественного стремления людей к обновлению в жизни: связана с постоянно меняющимися потребностями, в том числе эстетическими, и общим развитием общества. Пьер Карден сказал: «Мода – это... обновление! Принцип, которому известна природа! Дерево сбрасывает старую листву, человек – наскучившую одежду. Когда вещи становятся слишком привычными, люди от них быстрее устают. Мода спасает от утомительного единообразия. Люди должны нравиться друг другу: быть красиво одетыми, хорошо выглядеть – естественная потребность» [5]. Данное замечание маэстро ярко характеризует социальную и психологическую функции моды, заложенные в самой ее сущности.

Мода влияет на взаимоотношения не только между людьми, но и характеризует взаимосвязь между человеком и вещью, предметной средой в целом. Здесь есть место новизне и подражанию, причем не всегда новому, но всегда необычному, креативному, что в свою очередь помогает проявиться индивиду, подчеркнуть степень своей незаурядности.

В сознании современного человека слово «костюм» имеет строго вестиментарную область применения. Однако, этимологические изыскания позволили определить, что данная дефиниция уходит своими корнями в античную культуру. В Словаре Академии за 1760 год говорится, что это «слово, заимствованно из итальянского языка и обозначает обычаи и нравы разных времен, мест, к которым обращается художник. Здесь же приводится пример: «Римская школа лучше отображает костюм, чем ху-

дожественная школа Ломбардии», цитата свидетельствует о нераздельной двойственности понятия костюм в бытовых характеристиках одежды человека. В энциклопедии Дидро и Д'Аламбера 1754 года костюм также не отделяется от *costume* и *coutume*, что значит обычай, быт, культура. То есть, комплекса предметов одежды еще нет, но приведен пример употребления, утверждающий использование слова для обозначения вестиментарных форм в живописи: «...Дюрер одевает Христа в костюм своих современников» [6].

И если в середине XVIII века слово костюм употребляется в разговоре о литературе и театре, то после Великой французской революции используют «особенно для обозначения нарядов» [7].

Вводится также новое слово *costumier*. Это тот, кто продает или дает напрокат театральные костюмы, бальные наряды. Тем самым утверждается связь понятия «костюм» с театром. Издание 1835 года четко определяет «костюм» в вестиментарной области, используя слово в значении манеры одеваться [8], характеризую национальные и культурные особенности в одежде той или иной страны: «костюм женщин этой страны довольно красочный или римский, древнегреческий, французский костюм».

К 70-м годам XIX века слово «костюм» используют в устной речи, прежде всего, для обозначения одежды, кроме того, этим словом обозначают театальный костюм, костюм для бала и маскарада. То есть оно бытует в той сфере жизни, когда нужно выделить вестиментарные формы публичного характера, когда в них есть ролевой элемент.

Вслед за этим, костюмом стали обозначать официальную форму одежды, призванную выделить персону, обремененную общественным положением или публичную личность. Например, это мог быть костюм пэра Франции, депутата, мэра, судьи. Быть в костюме теперь значило быть *при исполнении*. Следовательно, под костюмом подразумевался комплекс предметов, обладающих идентификационными функциями. Очевидна «игровая» роль костюма в социуме – слово использовалось, прежде всего, для обозначения ритуального комплекса и униформы.

В 1869 году словарь Ларусса привел подробную этимологию исследуемого слова: «...итальянское слово *costume* (произносимое по-французски *costoume*)» проникло во французский язык, «вероятно, одновременно с итальянской комедией (*dell'arte*)». В старофранцузском языке оно звучало как *coustume*, в последствии преобразовавшись в английское *custom* и французское *coutume*. Все перечисленные формы восходят к латинскому *consuetudo* (простонародному *consuetumen*), что значило «обычай». Этим словом обозначали, по сути, все материальные проявления обычаев и нравов, а также идеологию социума: управление, милицию, религию, науку и искусство. Возможно поэтому итальянское *costume*, было заимствовано театром, и вошло в его язык, закрепилось как театальный термин, под которым понималась не только одежда персонажей, но и все аксессуары сцены. Факт проникновения слова «костюм» в театральную среду неслучаен, ибо для создания образа на сцене требуется погружение в эпоху, среду. Зритель почувствует правду жизни, если обычаи и нравы будут соответствовать историческому времени.

В российских дореволюционных терминологических источниках костюм понимался, прежде всего, как одежда человека. На это указывают Ф. Павленков [6] и Владимир Даль, при этом последний указывает, что костюм имеет отличительные характеристики: «театальный, маскарадный», подчеркивая его специфику. Изменения произошли только к концу XX – началу XXI века, когда одно за другим вышли энциклопедические издания посвященные моде и истории костюма. Так, Л.В. Орленко [8] предлагает два значения слова: «Костюм – это система предметов и элементов одежды, обуви, аксессуаров, отражающая социальную и национальную принадлежность человека, его пол, возраст, занятие, профессию». Или «костюм – это комплект, состоящий из пиджака (жакета), брюк (юбки), жилета. Сегодня это наиболее популярный вид деловой одежды». По мнению автора, в это понятие входят одежда и обувь, прическа и косме-

тика, головной убор, перчатки, украшения. Однако, следует добавить, что аксессуары: пояса, сумки, зонты, трости, веера и другие предметы, также являются частью костюма.

Близка к этой точки зрения позиция Н.М. Мерцаловой, она приводит этимологию слова, а затем уточняет: слово «означает... позже «платье», а также используется (в значении пара)». Андреева, автор Энциклопедии моды, в некотором смысле синтезирует два вышеприведенных значения: «Костюм (франц.) – в широком смысле – одежда, в узком – единый ансамбль, элементы которого объединены какой-то общей чертой, как то цвет, отделка, фактура материала и прочие».

Развернутое определение с большим количеством примеров дает Большая Российская энциклопедия. Причем костюм рассматривается в ней как термин применимый исключительно по отношению к театру и кино: «Костюм – самостоятельная область творчества театального художника, воплощающего в нём мир образов – остросоциальных, сатирических, гротесковых, трагических, сказочных». Это определение близко подходит к высказыванию «Костюм как элемент и продукт материальной культуры – это своеобразный экран, на который проецируются в зримой и яркой форме все аспекты культуры, то есть социальный, материальный, технический и духовный уровни развития общества».

Анализируя столь основательно устоявшийся в русском языке термин костюм, можно констатировать, что, пройдя относительно долгий путь развития, он прочно закрепился в области вестиментарных форм как материально обусловленный образ, имея при этом два уровня применения. В первом случае слово является синонимом одежды, состоящей из двух и более частей, и имеет широкое бытовое употребление. Во втором случае, термин костюм используется в социокультурном значении, отражая процесс изменения моды. Тогда затрагиваются все культурологические аспекты: стиль и форма, манеры ношения и поведения. Становится очевидным, что данный термин вплотную подходит к понятию мода. Иными словами, мода существует в форме костюма, она материализуется в его формах. В тоже время костюм, как ничто другое, призван отражать сугубо личностное начало, которое несет в себе человек. То есть, он своего рода лицо человека, его сущность и индивидуальность. Следовательно, костюм кроме социальной, эстетической и экономической характеристик, выявленных при анализе понятия мода, обладает еще психологической, возрастной характеристикой, с одной стороны. А с другой, в нем сохраняются консервативные элементы, позволяющие удерживать стремительно распадающийся «маятник» моды. Именно в костюме зафиксирован стереотип представления о том, как должен выглядеть, что должен носить человек. Эти сложившиеся правила и нормы этикета существуют как социальная и психологическая база для сохранения равновесия в обществе.

Как бы ни развивалось искусство того или иного народа в достижении высоких форм и профессионального разнообразия, но непреложным остается наличие национального костюма с его своеобразием и особенностями, в которых выражена ментальная составляющая этноса. Следовательно, кроме выше перечисленных функций костюма в нем есть национальный компонент.

Эстетическую культуру формируют художественные образы, ярче всего они проявляются в произведениях искусства. И здесь, несомненно, прав В.И. Сидоренко утверждая, что «костюм входит в систему искусства», реализуясь в рамках декоративно-прикладного вида изобразительного искусства [9].

Таким образом, можно сказать, что костюм есть продукт материальной культуры. При этом мода «своеобразный экран, на который проецируются» все аспекты культуры, а костюм – зримая и яркая форма, в которую эти аспекты обличены. Следовательно, и мода, и костюм призваны отражать социальный, материальный, технический и духовный уровни развития общества. Здесь правомерно вспомнить высказывание Т. Арманд «...если бы исчезло все и остался только женский костюм, то по нему можно было бы восстановить до известной степени эстетическую культуру прошедших эпох» [10].

Библиографический список

1. Барт, Р. Система Моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. — М., 2003.
2. Власов, В.Г. Стили в искусстве. Словарь: архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура. — СПб., 1995.
3. Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. — СПб., 1998. — Т. 2.
4. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. — СПб., 1881. — Т. 2.
5. Карден // Неделя. — 1975. — № 38.
6. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. — СПб., 1911.
7. Le dictionnaire de l'Academie françoise, dddie au Roy. 1-er ed. 2 vol. — Т. I. — Paris: Vve J. B. Coignard et J. B. Coignard, 1694.
8. Орленко, Л.В. Терминологический словарь одежды. — Л., 1996.

9. Сидоренко, В.И. История стиля в искусстве и costume. — Ростов-на-Дону, 2004.
10. Арманд, Т. Орнаментация ткани. — М.; Л., 1931.
11. Ibid. — P. 357.
12. Encyclopedic ou Dictionnaire Raisonne des Sciences, des Arts et des Metiers / Par une societe de gens de lettres ; mis en ordre & publie par M. Diderot, et quant a la partie mathematique, par M. D'Alembert. 17 vols, et 4 vols, suppl — T. 4. — 1754.
13. Dictionnaire de l'Academie frangaise, revu, corr. el augm. par l'Academie elle-meme. 5 edition. — 2 vol. — T. 1. — Paris: J.J. Smits, an VII (1798).
14. Dictionnaire de l'Academie frangaise / Institut de France. 6e edition. — 2 vol. — T. 1. — Paris: Firmin-Didot freres, 1835.

Bibliography

1. Bart, R. Sistema Modih: statji po semiotike kuljturih / per. s fr., vstup. st. i sost. S.N. Zenkina. — M., 2003.
2. Vlasov, V.G. Stili v iskusstve. Slovarj: arkhitektura, grafika, dekorativno-prikladnoe iskusstvo, zhivopisj, skulptura. — SPb., 1995.
3. Kuljturologiya. XX vek. Ehnciklopediya: v 2 t. — SPb., 1998. — T. 2.
4. Tolkovihj slovarj zhivogo velikorusskogo yazihka Vladimira Dalja: v 4 t. — SPb., 1881. — T. 2.
5. Karden // Nedelya. — 1975. — № 38.
6. Ehnciklopedicheskiy slovarj F. Pavlenkova. — SPb., 1911.
7. Le dictionnaire de l'Academie franqoise, dddie au Roy. 1-er ed. 2 vol. — T. I. — Paris: Vve J. B. Coignard et J. B. Coignard, 1694.
8. Orlenko, J.I.V. Terminologicheskij slovarj odezhdih. — L., 1996.
9. Sidorenko, V.I. Istoriya stilya v iskusstve i kostyume. — Rostov-na-Donu, 2004.
10. Armand, T. Ornamentaciya tkani. — M.; L., 1931.
11. Ibid. — P. 357.
12. Encyclopedic ou Dictionnaire Raisonne des Sciences, des Arts et des Metiers / Par une societe de gens de lettres ; mis en ordre & publie par M. Diderot, et quant a la partie mathematique, par M. D'Alembert. 17 vols, et 4 vols, suppl — T. 4. — 1754.
13. Dictionnaire de l'Academie frangaise, revu, corr. el augm. par l'Academie elle-meme. 5 edition. — 2 vol. — T. 1. — Paris: J.J. Smits, an VII (1798).
14. Dictionnaire de l'Academie frangaise / Institut de France. 6e edition. — 2 vol. — T. 1. — Paris: Firmin-Didot freres, 1835.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 7.04

Vinitskaya N.V. TRADITIONS OF RUSSIAN COMIC CULTURA IN THE ART POTAPOVA. The article is devoted to the work of the famous Siberian art master A. Potapov, continues and develops the traditions of national culture and comic folk prints.

Key words: folklore, folk art, fine art, tradition, culture humor.

Н.В. Веницкая, канд. искусств., доц. АГАО им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: Natigor007@yandex.ru

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПОТАПОВА

Статья посвящена творчеству известного сибирского художника А. Потапова, продолжающего и развивающего традиции национальной смеховой культуры и народной гравюры.

Ключевые слова: фольклор, народное творчество, изобразительное искусство, традиция, смеховая культура.

Искусство как форма духовной жизни общества, как один из способов освоения мира, никогда не останавливалось на достигнутом. Изменение творческих методов и художественных стилей строилось нередко на отрицании или возобновлении определенной традиции. Она могла быть переосмыслена с учетом новых требований общественного сознания и эстетического вкуса, но основа непременно угадывалась.

Не находя выражения в «образе жизни», национальная специфика может проявляться в культурных феноменах и произведениях искусства. В связи с этим особенный интерес представляет творчество тех художников, «национальный» характер которых проявляется ярко и самобытно. Нередко происходит при этом обращение и воссоздание в собственных, авторских произведениях мифологических и фольклорных традиций народа.

«Фольклор — одна из форм культуры, которая берет свое начало в мифологическом потенциале синкретических культур и которая является постоянным вдохновляющим и стимулирующим фактором в последующих культурах», — по определению румынского ученого А. Тэнасе [1, с. 33].

Нужно отметить, что именно в XX веке пришло осознание всей сложности фольклора как части духовной жизни общества. Она состоит в том, что фольклор вбирает в себя различные отрасли народных знаний: философию, религию, искусство, мораль, обряды, литературу, социальную, юридическую, художественную сторону бытия. Таким образом, фольклор объединяет в себе все существующие формы общественного сознания. Он, своего рода синкретическая форма общественного сознания, которую сближает с искусством образная форма выражения.

Еще в 60-е годы прошлого столетия Л. Емельянов ставил вопрос о месте фольклора, как специфической формы общественного сознания в системе национальной культуры. Термин «фольклорное сознание» встречается в работах Б. Путилова, В. Яковлева, В. Найдыша. Был предложен взгляд на фольклор

как на систему целостного восприятия мира, где слиты воедино философия и религия, мифология и искусство. Спецификой фольклора, также как и искусства является то, что демонстрация ценностей, знаний и догм осуществляется не только путем использования вербального языка. А особый интерес для исследователей представляют те жанры фольклора, которые способны объединить различные виды искусства. Синкретичность фольклора как его основополагающая черта должна быть учтена при описании народных обрядов, праздников и лубочных росписей.

Лубок — самобытный жанр изобразительного искусства. В нем соединились изобразительное искусство и литература, устная народная традиция и песенное творчество. Он неразрывно связан с фольклором и смеховой культурой народа. Русский рисованный лубок представляет собой одну из разновидностей изобразительного примитива. По технике исполнения он тесно связан с иконописью. Мастерами были взяты за основу исполнения яркая красочность и принцип локального расположения цвета, но по характеру изображенных сюжетов и образов избран прямо противоположный строй. Аскетизму и сдержанности иконы противопоставлялся безудержный мир телесного начала и языческого веселья. В нем отразились народные представления о красоте и гармонии, миропорядке и нравственности. И это сближает его с традицией декоративно-прикладного творчества и отраженных в нем эстетических предпочтений народа.

Возникновение и распространение лубка приходится на середину XVII — начало XX века. Традиция эта оказалась настолько значительна, что влияние ее можно проследить и в творчестве художников-станковистов, и в советском искусстве плаката, и в книжной графике. Русские художники рубежа XIX–XX вв. по выражению Аллатова [2], «воодушевлены были возможностью говорить о народе тем самым (или почти тем самым)

языком красок, каким он говорил сам о себе». Так появляются знаменитые работы Б. Кустодиева и Ф. Малявина. Их утонченной красочности и праздничности противостоит нарочито грубое и упрощенное творчество «бубновалетцев», также глубоко фольклорное по своей основе.

Лубочные листы как самостоятельные графические произведения перестали выпускаться в России в 1918. В советское время традиция «народных картинок» была переосмыслена, но не исчезла совсем. В сериях плакатов, посвященных событиям гражданской и Великой Отечественной войны, используется «лубочная» манера сочетания изображения и текста, яркого броского изображения и не менее броского текстового сопровождения.

Другой подход к использованию традиций лубка можно обнаружить в творчестве Татьяны Алексеевны Мавриной (1902–1996). Она единственная из российских писателей и художников, была удостоена высшей награды в области литературы для детей – в 1976 году за вклад в иллюстрирование детских книг. Ее стиль тесно связан с народными традициями, декоративность и «переинтонирование» лубочных приемов придают ему неповторимый колорит и самобытный характер.

Рубеж XX–XXI веков – это новый всплеск интереса к фольклору. Идеи глобализации мирового пространства словно уравновешиваются особым пониманием необходимости сохранения, развития и передачи своеобразия культурных ценностей каждого отдельного народа, зафиксированных в его искусстве. Так заново просыпается интерес к ремеслам и промыслам, декоративно-прикладному искусству и музыкальному творчеству народа. И нет ничего удивительного, что интерес к лубку как форме искусства ярко представляющей народный тип мышления и образ мыслей, устойчиво занимает свою нишу в среде исследователей и художников.

В 1982 г. в Москве образовалось товарищество художников – «Мастерская народной графики», насчитывающее свыше 100 мастеров. Появляются новые исследовательские работы, посвященные народной графике: А.Г. Сакович «Русская гравюра 16–17 веков. Русская народная картинка» (1987), Б.М. Соколов «Художественный язык русского лубка» (2000). В 1989 г. крупнейший на сегодняшний день исследователь лубка В. Пензин открыл в Москве первый Музей народной графики.

Одним из художников, возрождающих традицию народной графики на Алтае, стал Александр Потапов. Его работы представлены графическими сериями «Русские пословицы», «Масленица» и «Сибирская свадьба», обращены к славянскому язычеству и с тревогой размышляют о будущем (серия «Сохраним природу»). В этом парадокс и специфика жанра – смеяться и оставаться серьезным одновременно.

Лубок тесно связан со смеховой культурой народа. Термин «смеховая культура» широко используется исследователями комического и смехового мира М.М. Бахтиным, Д.С. Лихачевым, В.Я. Проппом и др. В фундаментальных культурологических трудах раскрывается феномен смеха именно через его изучение в контексте историко-культурного подхода. «Каждая эпоха и каждый народ обладает особым, специфическим для них чувством юмора и комического, которые иногда непонятны и недоступны для других эпох» [3]. Обобщенно, но ярко рисует лубок народные типы.

Анализируя произведения, связанные со смеховой культурой, нужно учитывать философские и эстетические особенности категории комического, особенности психологии народа и нормы внешнего быта. «Проблему комизма невозможно изучать вне психологии смеха и восприятия комического» – отмечал Пропп [4, с. 16].

«...смех имеет актуальное значение для осмысления истории культуры образа жизни в целом. Обличая зло, освещая обширные пласты человеческой жизни, модели поведения, типы личности, смеховая культура не только описывает современное ей общество, но и дает ему нравственную оценку, важную для понимания сущности культуры в целом» – считает Пешкова [3].

Силой, противостоявшей официальной культуре в Древней Руси, являлся смех скоморохов. Веселье само по себе одобрялось: «Кто людей веселит, за того весь свет стоит», «Веселье лучше богатства» – гласили пословицы. Однако к носителям смеховой культуры отношение было неоднозначным: «Скоморох голос на гудке настроит, а жития своего не устроит», «Бог дал попу, черт скомороха».

Считалось, что скоморохи, исполнители музыки светского содержания, были неразрывно связаны с языческой традицией. А потому «искусство скоморохов, несмотря на то, что оно не ограничивалось этой сферой, воспринималось как идолослужение, идольское обрядовое игрище» [5, с. 21]. А значит борьба со

скоморошеством, как проявлением язычества, в государстве имевшем прочную православную основу, была неизбежна. Но вопреки запретам и ограничениям искоренить его так и не удалось. Как и любое явление культуры, скоморошество переживало эволюцию. «Средневековое по сути своей явление, оно в XVII веке постепенно из «игрищ» превращается в «позорища», другими словами, в искусство народного музыкального театра» [5, с. 24]. Как явление, имеющее глубоко национальную основу, оно нашло отражение и в профессиональном искусстве. В качестве второстепенного героя в опере Серова «Вражья сила» упоминается Вожак медведя. «Кучкисты» не только включают скоморохов в действие оперы, но наделяют именами (образ становится персонифицированным) и начинают использовать народную традицию парного характера персонажей, берущей свое начало от ярких представителей смехового мира Руси Фомы и Еремы. В опере «Князь Игорь» комическую ноту вносят гудочки Скула и Ерошка, а в «Садко» Римского-Корсакова Дуда и Сопель.

Традиция скоморошества нашла свое отражение и в творчестве А. Потапова. Четыре фигуры расположены почти зеркально и образуют единый симметричный ансамбль. Он словно изнутри освещен солнцем-вышивкой на рубахе, солнцем на небосклоне и счастливой улыбкой самого юного участника скоморошья ансамбля. Молодость и радость, свет и веселье, стирают все запреты, побеждают блеклые краски будней и вносят в жизнь шутку, радость, праздник.

Одежда выдает в центральном персонаже скомороха и в «Ярилинских гульбищах». Целая панорама народных увеселений предстает перед зрителем. И чинные игры молодежи в «Ручеек», и разудалый перепляс. Но и в моменты веселья и радости не забывают о духовном. Это характерная черта, связанная с устойчивым русским «двоеверием». Языческие Святыни обрамлены христианскими праздниками (Рождество и Крещение), Масленичное веселье завершается Прощеным днем и предвосхищает пост. Телесное начало не отрицалось, но и не считалось первостепенным. Красота внешняя в народном понимании неотделима была от красоты духовной. А она, как правило, вытекала из христианских добродетелей. На синтез языческих и православных традиций обращает внимание А.Пешкова: «Православный этап развития смеховой культуры характерен уже двойственным смехом, соединяющим в себе как древние телесные традиции, так и духовно ориентированные каноны православия» [3]. И не случайно в «Ярилинских игрищах» присутствует храм, возвышающийся над участниками языческого обряда. Объединение двух традиций (иконописной и декоративно-прикладной) в этой работе реализовано не только в сюжетно-образной, но и в художественно-образительной сфере. Золотой фон – традиция иконописная, имеющая сложное символическое значение. Это цвет и свет сияния Божественной славы. Крупные стилизованные тюльпанообразные цветы – традиция, связанная с декоративно-прикладным узором. Фольклор и искусство церковное противопоставляют и сравнивают искусствоведы и историки, а в жизни обычного человека они слиты в «двоеверие», сложное и привычное соединение, существующее уже не один век.

Художник уделяет большое внимание народным праздникам. В русской культуре до сих пор сохранились обычаи, связанные со смехом и карнавалом, – Святки, Масленица, Ночь на Ивана Купала. Русская карнавальная традиция воспринималась как серьезное нарушение церковной морали, но после праздничных отступлений от норм будничной жизни требовалось очищение телесное и духовное (Крещение после Святок, пост после Масленицы). Всякая душа празднику рада – отмечает пословица [6, с. 262]. Языческие символы и народные орнаменты наполняют работу А. Потапова «Масленица – прощенное воскресенье» (1999). Два, противоположно направленных колеса – символ солнца как напоминание о существовании двух начал: земном и небесном, телесном и духовном. И не случайно направлены они в противоположные стороны. Горящее колесо (символ Масленицы) должно катиться с горы вниз, но безнадежно увязло в снегу. Зима ли это, которая не спешит уходить и протаскивается с людьми или материально-телесное начало, притягивающее их к земле. Противопоставлено оно парящему на другом колесе (или солнечном диске) человеку, воспарившему и над заснеженной обыденностью деревенской жизни, и над веселой суетой односельчан вокруг соломенного чучела. Устремленный в чистую небесную синеву этот диск окружен замысловатыми растительными узорами. В этих крупных тюльпанах, переливающихся всеми цветами радуги, остро чувствуется народное влияние. Нежно-сиреневые и голубые оттенки цветов, трактующиеся обычно как цвета высокой духовности, противопостав-

лены красно-оранжевым всполохам горящего колеса. Огонь земных страстей и духовный свет вечности обрамляют дорогу жизни, по которой и несет людей стремительная тройка коней (прошлое, настоящее, будущее). Жизнь обычного человека проходит между двух этих противоположностей, но всегда наполнена надеждами на теплое, цветущее лето, мысли о котором невольно возникают при взгляде на врата (цвета молодой зелени), под которыми должны пронестись сани.

Смех может быть разным. Пропп указывает на следующие его виды: радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый т.д. Посмеяться и осмеять – это разные формы поведения в жизни и разные задачи в искусстве.

Были образы и темы, которые чаще всего подвергались осмеянию. Смешными и забавными могут оказаться наружность человека, его лицо, фигура, движения. Комическими и достойными осмеяния могут представляться его суждения, в которых он проявляет недостаток ума. Особую область насмешки представляют негативные стороны характера человека, его отрицательные поступки.

Лубок изображает не конкретного человека, а определенный тип людей, характеров и одновременно отношение к ним общества. Щегольство, грубость и невежество, осуждаемые в народной культуре, осмеивались в сказках, пословицах и, конечно, мастерами лубочной гравюры. «Нос поднял, а сапоги на посохе. На грош амуниции, а на рубль амбиции. Посади дурака за стол – он и ноги на стол» – этот лист не просто перечисляет негативные черты характера. Вдалеке виден силуэт одинокого дерева как напоминание о том, что люди такие в обществе не

ценятся, осуждаются, избегаются. Еще одно изображение «второго» плана – символ города современного, большого и безликого. Однообразные устремленные к небу бесцветные дома как напоминание о том, что человек не должен отрываться от земли, своих корней, родной культуры, не должен забывать об этических нормах, складывавшихся веками.

Лубок тесно связан со смеховой культурой, но проблемы которые он освещает совсем не шуточные. И не случайно Алпатов писал [2]: «До сих пор совсем еще недооценена роль в истории русского жанра народного лубка. Между тем в лубках мы находим изображение горестей труженика-крестьянина, печальной судьбы крестьянской женщины, народных обычаев и обрядов».

Значение творчества А. Потапова не только в возрождении национального вида изобразительного искусства, но и в реабилитации национальных представлений о красоте и цели жизненного пути человека, народных взглядов на нормы поведения в семье и обществе. Идеал женщины связан с образом матери большой дружной семьи («Семеро семейка, да не скиснется горох»), хорошей хозяйки («Ах, жнецы, мои, жнецы...»), заборной и жизнерадостной плясуньи и певуньи («Ярилинские гульбища»).

Образ мужчины, заслуживающего уважения – это образ хозяина и мастера, крепко стоящего на земле и заботящегося о ней. Человек, связанный с ремеслом или земледелием всегда изображен решительным и трудолюбивым, окруженным другими людьми, также занятыми делом и многочисленными предметами труда. Его движения уверенные, взгляд открытый, поступь твердая.

Глубоко символический, многогранный мир русского фольклора трудно отразить в академической манере. Лубки Потапова – это продолжение народной традиции и по форме, и по содержанию. Это гимн крепкой семье, честному труду, бережному отношению к природе. Это гимн русской культуре.

Библиографический список

1. Тэнэсе, А. Культура и религия. – М., 1975.
2. Алпатов, М.В. Этюды по истории русского искусства. – М., 1967. – Т. 2.
3. Пешкова, А.В. Русская смеховая культура (Истоки и становление (XI-XVIII вв.)): автореф. дис. ... канд. культурологических наук. – М., 2004.
4. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Собр. Тр. / под ред. Ю.С. Рассказова. – М., 1999.
5. Музыкальная эстетика России XIX-XVIII веков / сост. А.И. Рогов. – М., 1973.
6. Пословицы русского народа // Сб. В. Даля. – М., 1984. – Т. 2.

Bibliography

1. Tehnase, A. Kuljtura i religiya. – M., 1975.
2. Alpatov, M.V. Ehtyudih po istorii russkogo iskusstva. – M., 1967. – T. 2.
3. Peshkova, A.V. Russkaya smekhovaya kuljtura (Istoki i stanovlenie (XI-XVIII vv.)): avtoref. dis. ... kand. kuljturologicheskikh nauk. – M., 2004.
4. Propp, V.Ya. Problemih komizma i smekha. Ritualnijnyj smekh v foljklоре (po povodu skazki o Nesmeyane) // Sobr. Tr. / pod red. Yu.S. Rasskazova. – M., 1999.
5. Muzihkajlnaya ehstetika Rossii XIX-XVIII vekov / sost. A.I. Rogov. – M., 1973.
6. Poslovichih russkogo naroda // Sb. V. Dalja. – M., 1984. – T. 2.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 78

Ruan Yongchen. THE BEIJING OPERA AS A SYTHETIC SCENE ART (on the basis of Ba Wang Bie Ji). The article focuses on the synthesis as a base of Beijing opera. The essence of the Beijing Opera synthesis is the idea that "one in all and all in one". Theatre synthesis in the performances of the most famous Chinese art gives an unique sample of arts interaction on scene. Separate arts involved in the performance connect, do not merge together, that is each component of the arts remains itself, fully retains its properties without mixing with others.

Key words: Beijing opera, Ba Wang Bie Ji, synthesis, Chinese theatre.

Жуань Юн Чэнь, аспирант каф. музыкального театра Российского университета театрального искусства – ГИТИС, г. Москва, E-mail – china-kino@mail.ru

ПЕКИНСКАЯ ОПЕРА КАК СИНТЕТИЧЕСКОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВО (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СПЕКТАКЛЯ BA WANG BIE JI – «БА УАН ПРОЩАЕТСЯ С ЮЙ ЦЗИ»¹).

В статье рассматривается синтетизм как основа Пекинской оперы. Суть синтетизма Пекинской оперы заключается в мысли о том, что «одно во всем и все в одном». Театральный синтез в спектаклях наиболее известной

¹ В монографии Сюй Чэнбэя «Пекинская опера» этот спектакль назван «Прощание всемогущего Бавана с любимой». Возможно, этот перевод кажется более красивым, однако перевод «Ба Уан прощается с Юй Цзи» более точен.

разновидности китайского театра дает уникальный образец взаимодействия искусств на сцене. Отдельные искусства, вовлеченные в спектакль, соединяются, не сливаясь воедино, то есть каждое из составляющих искусств остается самим собой, в полной мере сохраняет свои свойства, не смешиваясь с другими.

Ключевые слова: Пекинская опера, «Ба Уан прощается с Юй Цзи», синтетизм, китайский театр.

Восточный театралный синтез, в том числе и китайский, в своих классических формах представляет собой наиболее архаичный тип сценического синтеза, когда обнажается сам процесс художественного синтезирования действительности, когда этому процессу придается вещественность и телесность, осязаемость (что сближает восточную театральную культуру с античной). «Пекинская опера является театром прямого показа, когда показаны не только события драмы, не только характеры, не только судьбы, но доведены до зримой очевидности даже абстрактные величины» [1, с. 20].

В настоящей статье будет представлена попытка анализа одного из самых известных спектаклей Пекинской оперы «Ба Уан прощается с Юй Цзи» с точки зрения синтеза искусств в одном спектакле. Подобных попыток еще не предпринималось в российском театроведении, так как до настоящего времени Пекинская опера рассматривалась только как вокальный жанр, тогда как вокал не являлся основным средством выражения в китайском театре.

В течение спектакля многие искусства, сплавляясь в единое целое, порождают зрелище, стержнем, осью которого является сам процесс творчества как неделимая деятельность человека. Иными словами, качество полноты в равной мере присутствует и в жесте актера и во всем спектакле, и в малом, и в великом, и в частности, и в целом.

Изобразительное искусство в китайском театре находит свое выражение и в традиционном сочетании красок, и в традиционных картинных позах актеров, и в подчеркнутым изяществе движений и жестов актеров, словно сошедших с полотен картин в стиле гохуа². Влияние циркового искусства очевидно в батальных сценах, в значительной мере построенных на акробатике и жонглировании. Своеобразна роль музыки в спектакле. Она равноправна с остальными компонентами спектакля, не господствует над остальными, но при этом выполняет функцию дирижера и ведущего, солиста и аккомпаниатора.

В центре представления находится актер, который с самого детства овладевает искусством пения, речитатива, танца, акробатики, грима. В дальнейшем, на протяжении всей жизни, он совершенствует эти умения, утончая и обогащая свое мастерство. Вырастает универсальный мастер, жизнь которого всецело ориентирована на творчество и который одновременно не оторван от жизни, а видит ее сквозь призму своего ремесла.

«Актер пекинской оперы – актер синтетический. Он должен быть совершенен в равной мере во всех искусствах и показать их все в установленной соотносительности, а не в смешении. Он делает зрителя свидетелем самого процесса художественного синтезирования образа из действительности средствами канонических и символических приемов изображения» [1, с. 34].

Актер театра переживания копит в себе разные умения, но не показывает их перед публикой напрямую, что не означает, что эти скрытые от глаз зрителей умения не участвовали в создании сценического образа. Актер театра переживания не менее синтетичен, чем актер театра представления, коим и является Пекинская опера. Просто совершающийся в нем процесс собирания жизненных впечатлений в сценический образ, остается скрытым от наших глаз. Зрителям он представляет результат. Актер же Пекинской оперы демонстрирует перед зрителями все свои умения, выставляет себя наиболее выгодным образом, и эту явленность актерских умений и талантов (как в опере, в балете, в спорте), он обнажает перед зрителями, делает осязаемым сам ход, последовательность художественного синтезирования действительности в образы. На сцене театра Пекинской оперы зритель воочию видит, как поэтическое слово обогащается и дополняется пластическими и музыкальными образами.

Синтетизм спектакля Пекинской оперы можно увидеть, проанализировав один из лучших образцов китайского театралного искусства – спектакль «Ба Уан прощается Юй Цзи».

Сюжет пьесы, хорошо известный всем почитателям Пекинской оперы, основан на реальных исторических событиях зимы 202 г. до н.э.

Для более полного понимания обстоятельств пьесы необходимо привести описание того исторического события, венцом которого являются трагические события, изображенные в пьесе.

Закончилась эпоха Чин, и в государстве сложилась ситуация междоусобицы, полная мятежей и войн. Правитель государ-

ства Чу, деспотичный, надменный и заносчивый Сян Ю, прозванный за свой характер Ба Уаном (дословный перевод – Деспотичный император), борется за трон с Лю Баном. Ба Уан провоцирует войну.

Сюжет спектакля начинается в тот момент, когда Ба Уан и его войско оказываются в тупике: далее отступать некуда – река преградила их путь, а вокруг армия неприятеля. Это последняя ночь, когда Ба Уан может принять окончательное решение. Он приходит в свой шатер, чтобы отдохнуть, набраться сил и подумать над сложившимся положением.

Многие воины армии Ба Уана родом из других провинций, и сейчас, проиграв войну, они думают о своей родине. Противник Ба Уана Лю Бан идет на военную хитрость: он приглашает музыкантов, которые играют мелодии тех областей, откуда родом солдаты армии Ба Уана, вследствие чего многие из них покидают войско, а император узнает об этом.

Расстроенный и уставший Ба Уан приходит в свой шатер, где его ждет любящая и любимая Юй Цзи. Юй Цзи понимает, что ее муж проиграл войну и что она ничем не может ему помочь, она предлагает ему выпить вина и расслабиться. При этом она думает о том, что ей необходимо избавить мужа от заботы о себе: без нее военачальнику будет легче принять любое решение в последний день проигранной войны. Самоубийство – единственное, чем она может помочь мужу.

Пьеса подробно показывает лишь момент, когда Ба Уан приходит в шатер, Юй Цзи предлагает ему вино и они пьют. Женщина ничего не говорит о самоубийстве, чтобы не расстраивать любимого мужа. Она лишь предлагает ему развлечься и танцует с мечом³. Во время танца она убивает себя.

Пьеса на основе этого исторического сюжета впервые появилась в репертуаре Пекинской оперы в 1921 году и называлась «Чу Хан Жен», то есть «Война Чу и Хан»⁴. В момент появления пьесы состояла из 20 актов, однако игравшей в ней Мей Лан Фан сократила ее до 2-х часов, убрав большое количество вокальных эпизодов. Премьера обновленной пьесы с названием «Ба Уан прощается с Юй Цзи» состоялась 15 февраля 1922 года в Пекине. Роль Юй Цзи исполнял Мей Лан Фан, а роль императора Ба Уана – Ян Сяо Лоу. Пьеса имела большой успех. В последующие десять лет Мей Лан Фан продолжал работать над спектаклем, добиваясь идеального исполнения. Пьеса популярна до настоящего времени и является образцом системы Мей.

Главными выразительными средствами спектакля являются вокал и танец. Вокал пьесы торжественный, изящный, волнующий, танец, соединяясь с мастерством ушу, отражает настроение и переживания героини. Моменты, когда Юй Цзи предлагает Ба Уану выпить вина или ее танец с мечом, имеют высокую ценность в искусстве Пекинской оперы.

Спектакль воспевает чувство совершенной любви, сюжет преисполнен трагического пафоса. Главная роль в пьесе принадлежит Юй Цзи, пожертвовавшей собой во имя любви, и Ба Уану. То есть главные роли принадлежат амплуа Д'ан⁵ и Цзин⁶.

«Юй Цзи – одна из особых ролей в репертуаре Мей Лан Фана. Можно сказать, что эта роль – образец актерского мастерства Мей Лан Фана. В его исполнении образ Юй Цзи был великолепен и роскошен, голос актера был красив» [2, с. 50].

Для этого образа Мей Лан Фан самостоятельно разработал форму одежды, стиль игры и пения и танца, опираясь на собственный анализ исторических событий и обстоятельств героини в сложившейся ситуации. Можно сказать, что он тщательно проанализировал предлагаемые обстоятельства во время работы над образом. Он показал героине не только доброй, сме-

² Гохуа – техника и стиль традиционной китайской живописи, в которой используются тушь и водяные краски для изображения на шелке или бумаге.

³ Танец с мечом – один из традиционных придворных женских танцев.

⁴ Чу – государство, которым управлял Ба Уан, Хан – государство Лю Бан.

⁵ Д'ан (в научной литературе о китайском театре более принято наименование «дань», но нам кажется, что написание Д'ан лучше передает китайское произношение) – женская роль.

⁶ Цзин – амплуа героя-мужчины большой силы воли. Цзин – это характерные мужские роли с особыми, необычными моральными качествами и наружностью, представляющие образы чиновников, генералов, мифических персонажей, богатых людей.

лой, решительной, дальновидной и питающей отвращение к войне женщиной, но и дамой с изысканными манерами и безупречной осанкой, то есть достойную, изящную, роскошную, важную женщину высшего общества.

Таким образом, созданный Мей Лан Фаном персонаж отличается глубиной проработки. Великий актер заострил внимание на создавшейся обстановке и на отношении героини к императору. Он считал, что у Юй Цзи есть два статуса: 1. любимая жена военачальника, 2. советник государственного мужа. Поэтому во время исполнения роли, оборачиваясь к императору, она должна натянуто, принужденно улыбаться. Подобная улыбка помогает зрителю понять, что она красиво улыбается, но в этой улыбке видна подавленность. Когда Юй Цзи поворачивается к императору спиной, то ее брови нахмурены, а лицо приобретает холодное выражение, что передает душевную тяжесть. Это состояние героини выражается во фразе: «Лицом к императору показывает счастье, спиной к императору – говорит о трагедии». Подобные внутренние переживания Мей Лан Фан передавал особыми движениями, что давало прекрасный сценический эффект.

Самая главная часть спектакля – танец императрицы с мечами. Мей Лан Фан исполнял этот танец не страстно, не демонстрируя мастерство кунг-фу, но принимая красивые, изящные позы, от начала до конца связанные с образом персонажа. Этот танец говорил о чувствах императрицы.

Развязкой спектакля является смерть Юй Цзи, мужественно совершившей самоубийство ради любви к императору.

Мей Лан Фан в течение многих лет исполнял танец с мечами, и эта часть спектакля всегда была наиболее интересной для зрителя, а значит и наиболее популярной. Также этот танец с мечами оказался интересен и за рубежом.

Улыбка императрицы и ее разновидности в этом спектакле имеют особое значение. В первый раз Юй Цзи улыбается, когда она предлагает императору выпить вина. Ситуация начала спектакля – известно, что война проиграна, и вокруг враги, но еще не известно, что им не суждено быть вместе, поэтому ее улыбка хоть и натянутая, но легкая, дающая императору возможность успокоиться. Императрица предлагает императору выпить, чтобы успокоить его. Однако акцент делается не на вино, а на улыбку, которая может успокоить Ба Уана.

В момент, когда музыканты начинают играть мелодии других провинций, то есть психологически воздействовать на солдат, император понимает, что все кончено. До этого момента была надежда на спасение, однако теперь надежды пропадают окончательно. Сейчас улыбка императрицы должна подбодрить императора, Юй Цзи говорит о том, что такие моменты случаются в жизни, что нужно переждать несколько дней и придет подмога, и тогда возможно будет продолжить борьбу. В этот момент улыбка становится решительной, мужественной, а ее глаза начинают бегать – знак того, что скоро придет поддержка, и судьба возможно изменится. Бегающие глаза – символ сильной веры.

Когда Юй Цзи во второй раз предлагает Ба Уану выпить, она уже понимает, что ей не избежать смерти, и ее улыбка становится искусственной, принужденной. Так, в первый раз Юй Цзи предлагает Ба Уану просто выпить немного вина, то во второй раз она предлагает ему выпить побольше. И после этого улыбка почти пропадает с ее лица, и чувствуется трагизм ситуации.

Однако во время танца с мечами улыбка все же в последний раз проскальзывает по ее лицу. Это улыбка сдержанной грусти, показывающая императору, что надо отдохнуть, успокоиться душой. Это – последняя улыбка перед смертью, слабая, но очень простая.

Таким образом, улыбка императрицы не только символизирует душевное состояние героини, но и отражает нарастание трагичности в спектакле.

Что касается вокальной части, то большая часть спектакля построена на речитативе, однако в наиболее напряженных моментах герои начинают петь, так как вокал в Пекинской опере всегда выражает наибольший накал чувств, которые невозможно выразить просто словами.

Композиционно спектакль можно разделить на 4 части:

Первую часть можно обозначить по-русски как «Вокруг враги» (Ши миен май фу⁷).

Вторую часть – Сы Миен Чу Гэ – можно перевести, как «Песни страны Чу»⁸.

Третья часть – Хе Ся Бей Гэ – «Грустная песня».⁹

Четвертая часть – Цзюнь Ву Юй Гэ. – Танец императрицы Юй Цзи.

Спектакль представляет собой величественную и трогательную историю о беззаветной любви и мужестве любящей женщины.

Уже в начале спектакля Юй Цзи находится в раздумьях, ей становится ясно, что и она уже устала, и народу тяжело. Сопровождая императора во всех его военных кампаниях, она стала ему не просто женой, но и фронтовым товарищем, они имеют общие устремления, они связаны общими делами и целями. В ситуации, когда война проиграна, она оказывает ему моральную поддержку. Однако в данный момент она понимает, что становится для него обузой.

В спектакле создается образ нежной, красивой, но одновременно сильной и мужественной героини, являющейся воплощением китайского идеала настоящей женщины.

Третья часть – наиболее важная, трагическая, кульминационная часть спектакля. Зрители сходятся во мнении, что это наиболее трогательная часть.

Попробуем проанализировать классическое исполнение этого эпизода¹⁰.

Ба Уан:

Ай йа – фэй ци а. – Ой, жена.

Для удобства анализа вторую половину фразы запишем так: фэй (1) ци (2) а (3). Во время пения (1) и (2) звук неровный, он поднимается и падает, а на (3) идет снизу вверх, что передает тяжесть давящей ситуации.

Следующие фазы:

Кан ци чинь синь – *Посмотри на сложившуюся ситуацию*
Чжун ши ни уо фэн бие жи ши лэ – *Нам придется расстаться* – ся

При пропевании этих двух фраз голос актера передает скорбь и страдание. Императрица Юй Цзи закрыла лицо и плачет. Император продолжает петь:

*Мы с тобой более 10 лет любим и уважаем друг друга,
Но скоро нам предстоит расстаться.*

«Скоро» – обозначается иероглифом Чжоу, «расстаться» – иероглифом Ли. Эти два иероглифа герой поет дрожащим голосом, чтобы показать душевную скорбь. Императрица отвечает Ба Уану тем, что предлагает ему выпить:

*Я приготовила вина,
хотела выпить с императором еще несколько чарок.*

При этом она грустно качает головой, и делает смысловое ударение на слово «чарок».

Император:

Тогда дай вина.

Он произносить эту фразу очень низким и хриплым голосом, особый акцент, почти до крика делается на иероглиф, обозначающий «дай» («лай»). Это крик выражает беспомощность, так как в сложившейся ситуации помочь может только вино.

Слуги приносят вино, Ба Уан и Юй Цзи стоят лицом друг к другу. Они делают три шага через паузу, сначала Ба Уан шагает вперед, а Юй Цзи отступает назад, потом они меняются и Юй Цзи делает три шага вперед, а Ба Уан – назад, иногда они отворачивают голову в желании заплакать.

Движение Юй Цзи вперед показывает тяжелую, но сильную любовь, двигаясь вперед, она хочет оградить мужа от опасности. Это не просто шаги. Эти движения можно сравнить с танго. Скорость, темп-ритм, выражение лица императрицы – все передает чувство скорби. Зритель чувствует, что где бы ни находились эти двое, они всегда любят друг друга, и, несмотря на трагизм положения, они продолжают проявлять огромную любовь друг к другу.

Очень важно, чтобы актер действительно проживал роль. Если актер не будет жить в роли, то ему будет трудно передать чувство такой силы в столь трагических обстоятельствах.

После, когда они сидят, наливая вино в чарку, Юй Цзи не может выпить вино и выливает вино на пол, Ба Уан выпивает вино и сердито бросает чарку назад, восклицая: «Эй!» – выражая, таким образом, безнадежность положения. Ба Уан начинает петь. Во время его пения Юй Цзи танцует. Этот момент – воспоминание прекрасного времени их любви. В последней фразе армии император в отчаянии берет Юй Цзи за руку. Последний звук исполнитель тянет очень долго, и его голос дрожит, показывая безнадежность ситуации.

⁷ Ши Миен Май Фу. Ши – это 10, но также это слово метафорически обозначает «много». Миен – сторона. Май фу – устроить засаду. То есть дословный перевод – «по всем сторонам засада».

⁸ Сы Миен Чу Гэ. Сы – 4, миен – стороны, Чу – название государства, Гэ – песня. То есть во второй части представлен момент, когда вражеские музыканты играют родные песни солдат армии Ба Уана.

⁹ Хе Ся Бей Гэ. «Хэ ся» – название места во вражеском стане, где находятся император и императрица. Бей гэ – грустная песня.

¹⁰ Мы будем приводить китайское произношение в русской транслитерации и с переводом для удобства восприятия.

Перед тем, как начать танцевать с мечом, Императрица произносит фразу, смысл которой можно передать как «Я начну», и в последнем звуке фразы ее голос дрожит в ответ императору. Однако этот ответ воспринимается сильнее, как настоящее чувство, беззвучный плач героини.

И все же два похожих приема (дрожание звука на конце фразы) совершенно различны.

Дальнейший танец Юй Цзи с мечом, сопровождающийся пением императора, создает сильный сценический эффект.

Императрица держит меч в руке и легко шагает по сцене, вдруг ее ноги ослабевают, и она падает, опираясь на меч. Она плачет, утирая слезы, чувствуется тяжесть, которая лежит на сердце Юй Цзи, танцующей свой последний танец перед любимым мужем и императором.

В это время Ба Уан продолжает пить вино в одиночестве.

Увидев императора в таком состоянии, Юй Цзи с тоской качает головой, слегка притоптывая и разводя руками. Она отворачивается к зрителю спиной и на короткое время уходит со сцены, а возвращается уже собравшись с духом. В ее глазах отражается сила души, осанка становится гордой. Юй Цзи полна решимости.

В танце с мечом отражается ее любовь к императору. Зритель ощущает трогательность момента. Она слегка улыбается и начинает петь.

В танце исполнитель работает двумя мечами. Прекращая пение, Юй Цзи постепенно увеличивает скорость, техника владения мечами столь искусна, что кажется необъяснимым волшебством. В танце используются всевозможные удары, вращения, 8-образные движения обоими мечами в разные стороны. Зритель не успевает уследить взглядом за всеми движениями, а скорость движений все возрастает. С возрастанием скорости движений, увеличивается и острота чувств. В какой-то момент Юй Цзи отходит назад и открывает оба меча, ее корпус чуть наклоняется вперед – это показывает ее душевную и физическую усталость.

Танец, исполняемый Юй Цзи, в китайской традиции называется «меч-танец». Это связано с тем, что это не просто танец с мечом, который исполняется, чтобы продемонстрировать мастерство кунг-фу. У «меч-танца» иные задачи. Исполняя свой танец, Юй Цзи передает те самые переживания, которые испытывает женщина, прощаясь с любимым мужем, идущая ради него на смерть. Кроме того, «меч-танец» – это самый напряженный момент спектакля, отражающий его атмосферу, поэтому мастерство кунг-фу, с помощью которого актер передает переживания героини, должно быть не просто ярким, но отточенным до мелочей.

Техника владения мечом – одна из сложнейших в кунг-фу, однако в данном случае техническое мастерство усложняется тем, что с помощью движений актер должен передать сложнейшие переживания героини в последние мгновения своей жизни. «Если актер не проживает роль, то в танце он не передаст чувств, а покажет лишь технику, и ценность искусства будет потеряна» [2, с. 54].

После «меч-танца» Юй Цзи произносит 4 фразы:

Враги уже рядом.

Вокруг все поют чужие песни.

Дух императора уничтожен.

Как мне жить дальше?!

Произнеся эти фразы, Юй Цзи убивает себя.

На этом спектакль заканчивается.

Спектакль «Ба Уан прощается с Юй Цзи» представляет собой классический спектакль Пекинской оперы, в котором представлены разные направления актерского мастерства от пения до блестящего владения мастерством кунг-фу.

И все же образы героев и атмосфера спектакля создаются не только через мастерство, но и посредством иных средств выражения. В данном спектакле персонажи носят особые костюмы, созданные специально для них, так как оба персонажа – люди непростые и имеют особый склад характера.

Так как у спектакля было несколько редакций, то и костюмы менялись и совершенствовались от раза к разу.

Ба Уан одет в черно-белый костюм – показатель его силы. Черный и белый – основные цвета, они контрастны. Сочетание этих цветов имеет множество значений, среди них – красиво и страшно. Кроме того в восприятии зрителя, если человек одет во все черное, то он характеризуется, как вор или убийца, поэтому в случае с Ба Уаном черный оттеняется белым. Головной убор Ба Уана отражает его дерзкий и деспотичный характер.

В течение спектакля Ба Уан переодевается. Если в начале спектакля полководец одет в военную форму, за спиной видны флаги, что обозначает его как действующего военачальника,

который только что вернулся с поля боя, то, придя в шатер к Юй Цзи, он снимает амуницию и меняет головной убор, что дает возможность зрителям почувствовать не военную, а более спокойную атмосферу, кроме того, смена костюма помогает снять ощущение его дерзкого и деспотичного характера.

Цвета Юй Цзи – желтый и красный. Желтый – символ принадлежности к императорской семье, а красный символизирует женственность. По сравнению с первой постановкой пьесы некоторые элементы костюмы императрицы были изменены. Так, специально были облегчены головной убор и латы героини.

Таким образом, костюм раскрывает характер персонажей, помогая актерам создать объемный образ.

Как и большинство спектаклей Пекинской оперы, этот имеет свои каноны, которые считаются классическими, признанными знатоками Пекинской оперы как лучше всего передающие переживания героев и атмосферу спектакля.

В спектакле имеется несколько важных моментов, отсутствие которых может привести к ухудшению качества спектакля в целом. Одним из таких моментов является появление императора в шатре в самом начале спектакля. Юй Цзи должна привлечь к нему внимание, спросить о его делах, также важны некоторые моменты по ходу спектакля, например, изменение улыбки в течение спектакля, в тех эпизодах, когда она успокаивает императора, сочувствие должно выражаться не только в словах, но и во взгляде, важные шаги назад и вперед перед началом танца с мечом, очень важное значение имеет дрожание голоса и многие другие моменты. «Большое внимание уделяется основному актерскому мастерству, например, пению или походке, так как с их помощью можно хорошо передать образ персонажа и привлечь внимание зрителей от начала до конца представления. Все это имеет большое значение, так как искусство – это не всегда личное творчество, часто хорошее повторение уже придуманного – тоже является искусством» [3, с. 55].

Классические пьесы Пекинской оперы играют с учетом лучших находок предыдущих исполнителей, так как удачные решения роли необходимо учитывать и использовать, если актер решил исполнять пьесу классического репертуара. При работе над ролью необходимо исследовать творчество предыдущих исполнителей данной роли и взять у них лучшее, ведь спектакль не должен быть хуже, чем предыдущие его варианты, так как зрители сравнивают игру актеров. В Пекинской опере очень важны преемственность и традиция. Однако при этом традиции необходимо развивать.

В перечисленных выше важных моментах спектакля называются переживания героини, то есть актер должен не изображать, а чувствовать состояние героя и его изменения. Если использовать термины русской театральной школы, то можно говорить о том, что актер должен проживать роль, а не использовать штампы. Голос должен быть мелодичным, волнующим, так как чувства всегда отражаются в голосе.

В пьесе есть еще один важный момент: перед своим танцем императрица произносит фразу, смысл которой при переводе на русский язык заключается в следующем: «Мне стыдно показать свой скромный талант», скромность – характерная для китайцев черта, поэтому такая фраза вполне закономерна в устах женщины. Однако этот смысл может быть выражен по-китайски двумя способами:

1) Xian chou le (Сян чоу ле) – продемонстрировать свои скромные таланты;

2) Chu Chou le (Чу чоу ле) – становится позором.

На китайском эти фразы являются синонимами. Однако глубинный смысл их имеет разные оттенки. Исполняя роль Юй Цзи Мей Лан Фан всегда произносил эту фразу в первом варианте, и требовал никогда не произносить второго. Однако есть актеры, которые при исполнении этого момента произносят вторую фразу, что меняет смысл. Иероглиф xian имеет серьезный и тяжелый смысл, что связано идеей прощания навек, что и произойдет в конце пьесы, когда погибнет императрица.

Кроме того, согласно фонетическим законам китайского языка при сочетании xian и le le может дрожать, а если использовать Chu Chou le, то звук будет небрежным и простым, что не соответствует трагизму ситуации и дрожанию le не будет. Важно правильное звучание. Будут ли согласны зрители со вторым вариантом фразы, будет ли он правдивым в данной ситуации? То есть если актер хочет изменить иероглиф, то он должен задуматься о том, что он хочет передать. Изменив один иероглиф, он изменяет всю мысль. Таким образом, с самого начала необходимо сочувствовать событиям в ней происходящим.

Конечно, некоторые актеры могут придумывать свои интерпретации исполнения образа, однако нужно помнить, что новая

интерпретация может вызвать протест зрителей, и спектакль будет провальным. Итак, важна преемственность традиций, но и развивать традиции также необходимо.

Пекинская опера – не только искусство традиции, это в большей степени искусство условности, изучение которых может привести к глубокому пониманию спектакля, именно в условностях зритель видит интерес к игре актеров.

Так, в начале спектакля «Ба Уан прощается с Юй Цзи» император возвращается в свой шатер, и Юй Цзи встречая его, приветствует, уступает ему место у стола, готовит ему чашу с вином – все эти действия – условности, которые можно играть интересно и по-разному. Актеру необходимо найти в этом жизнь, тогда зритель не будет чувствовать условности, а смотреть за процессом с интересом. Например, совершая эти действия, императрица может одновременно общаться с императором, а когда он садится за стол, спрашивать об обстоятельствах на фронте. Актер использует разные виды улыбки, чтобы императору не было грустно. В этом случае зритель будет чувствовать естественность момента. Все это небольшие актерские импровизации, которые придают жизненность спектаклю.

Из-за условности Пекинской оперы многие молодые зрители не хотят сейчас посещать спектакли, поэтому живая игра – большая творческая задача для актеров.

С другой стороны, в условности есть и своя целесообразность. Пекинская опера – искусство традиции, и невозможно поставить классическую пьесу по-новому, как это делается в европейском театре. Так, император наблюдает за танцем Юй Цзи, лишь слегка поглядывая за ней, он не может это делать иначе, например, пристально вглядываясь или пританцовывая, – это бы отвлекло внимание от зрителя от танцующей героини, а император не был бы похож на императора.

Итак, спектакль «Ба Уан прощается с Юй Цзи» – классическая пьеса из репертуара Пекинской оперы, имеющая свою

историю. Приходя на спектакль зритель оценивает мастерство актера амплуа Д'ан – Юй Цзи, сравнивая его игру с классическим исполнением этой роли. Актер, имеющий в своем репертуаре роль Юй Цзи, должен не просто хорошо владеть основами актерского мастерства Пекинской оперы – вокалом, движением, мимикой – но быть превосходным мастером кунг-фу, способным выполнить сложнейшие движения «меч-танца» – центральной сцены спектакля, являющейся выражением не только духовного мира и переживаний персонажа, но и атмосферы всей пьесы в целом.

Итак, независимое сосуществование искусств в Пекинской опере, обеспечивается тем, что каждое искусство представлено во вполне развитой и законченной форме, само содержит в себе многие культурные богатства, является целостным. Самостоятельной художественностью обладают и танцы, и вокальные арии, и костюмы. «В основе синтеза искусств спектакля Пекинской оперы лежит общая для китайской философии идея о том, что в единичном должно заключаться всеобщее, а во всеобщем – единичное» [3, с. 60].

Итак, суть синтетизма Пекинской оперы заключается в мысли о том, что «одно во всем и все в одном». Театральный синтез в спектаклях наиболее известной разновидности китайского театра дает уникальный образец взаимодействия искусств на сцене. Отдельные искусства, вовлеченные в спектакль, соединяются не сливаясь воедино, то есть каждое из составляющих искусств остается самим собой, в полной мере сохраняет свои свойства, не смешиваясь с другими. Но в то же время искусства соединены органически, не составляя все же совершенно объединенных искусств. И наконец, искусства соединяются в неизменном и неискаженном виде, каждое в полной мере сохраняет свои свойства. В этих трех качествах: неслитности, нераздельности и неизменности – заключено своеобразие взаимодействия искусств в театре Пекинской оперы.

Библиографический список

1. Анарина, Н.Г. Японский театр как синтетическое искусство (к постановке проблемы). – М., 1993.
2. Сюй, Чэнбэй Пекинская опера. – Межконтинентальное издательство Китая, 2003.
3. Jin Ju lui pai jumu hui cui, Wen hua yi shu Chuban she, 1989. – Разные направления в репертуаре Пекинской оперы. – Издательство культуры и искусства, 1989.

Bibliography

1. Anarina, N.G. Yaponskiy teatr kak sinteticheskoe iskusstvo (k postanovke problemih). – M., 1993.
2. Syuyj, Chehnbehuj Pekinskaya opera. – Mezkhkontinentalnoe izdatelstvo Kitaya, 2003.
3. Jin Ju lui pai jumu hui cui, Wen hua yi shu Chuban she, 1989. – Raznihe napravleniya v repertuare Pekinskoy operih. – Izdatelstvo kul'turih i iskusstva, 1989.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 7.072.2

Zolotareva L.R. **CONCEPTUALIZATION OF «THEME OF ABAI» IN ART.** The article considered conceptualization of «Theme of Abai» in the creative art works of Kazakhstan and Saryarka artists. Varied image of Abai in painting of A. Kasteyev, A. Galimbaeva, I. Isabaev, E. Sidorkin, R. Esirkeev, S. Kalmakhanov, A. Osipenko, M. Aliykaparov is represented.

Key words: conceptualization of «Theme of Abai», Kazakhstan and Saryarka artists, varied image of Abai in painting, graphic art, Abai – akyn, enlightener and philosopher.

Л.Р. Золотарева, канд. пед. наук, проф. КарГУ, г. Караганда, E-mail: zolotareva-larisa@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ «ТЕМЫ АБАЯ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В статье рассматривается осмысление «темы Абая» в изобразительном творчестве художников Казахстана, Сарыарки. Воссоздан многогранный образ Абая в творчестве А. Кастеева, А. Галимбаевой, И. Исабаева, Е. Сидоркина, Р. Есиркеева, С. Калмаханова, А. Осипенко, М. Алиякпарова и др.

Ключевые слова: осмысление «темы Абая», художники Казахстана, Сарыарки, многогранный образ Абая в живописи и графике, Абай – поэт-мыслитель, философ, гуманист-просветитель.

Абай Кунанбаев – светило и мерило в развитии национальной культуры Казахстана.

Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...

Судьба Абая – акына, просветителя и философа самобытна и значительна. Образ Абая, его жизнь и творчество послужили

для многих деятелей искусства Казахстана темой их произведений. С большим вдохновением создают они его образ в живописи, графике и скульптуре. Работать над ним сложно, так как рисунков с натуры нет. Поэтому воссоздание образа великого человека – это передача своего видения Абая.

Живописные и графические произведения можно систематизировать следующим образом: иллюстрации об Абая Кунан-

баеве; иллюстрации по мотивам произведений Абая; сцены из жизни Абая; портреты и жанровые картины.

Абая не стало на рубеже двух веков, в 1904 году, когда уже довольно ясно обнаружилось противоречие нового со старым, когда прекрасная супруга Айгерим у самой могилы Абая плакала свою вдохновенную песнь скорби – так Абай вступил в бессмертие.

Ауэзову в то время было семь лет, и он только начинал вглядываться в окружающий мир. Самое примечательное, что будущий писатель успел увидеть живого Абая, начавшего угасать под тяжестью тоски и горя. А через двадцать с лишним лет появился художник, чье воображение также властно захватило личность и судьба Абая – Евгений Матвеевич Сидоркин, иллюстратор романа-эпопеи «Путь Абая», создавший произведение графического искусства, не только порожденное содержанием романа, но и созвучное его художественным образам.

В атмосферу романа, народной жизни партиархально-родового Казахстана, вводит суперобложка первой книги. Перед зрителем «проходит» поток людей, заполняя всю поверхность листа. По мнению самого Е.М. Сидоркина, в суперобложке должен быть заключен основной смысл книги. Она должна передавать ее «дух, настроение», поэтому он не изображает ни одного конкретного персонажа. Читатель не должен узнавать портреты героев книги. Эти люди – частица казахского народа, исторической эпохи, о которой рассказывает писатель.

Художник создал двадцать три листа иллюстраций и четыре листа суперобложки в технике литографии. К бесспорным творческим удачам относятся листы «Кунанбай», «Текежан», «Джуг», «Женские образы», «Невеста», «Мелодия», «У могилы». Интересен лист, где художник изображает самого Абая (первая иллюстрация ко 2-й части первой книги). Абай изображен в момент задумчивого состояния, творящего. Передаче состояния способствуют пластические приемы: зритель угадывает позу сидящего Абая; выразителен жест приподнятой руки мыслителя, держащей перо. «...Ночь прошла без слов. Лишь на рассвете Абай ненадолго прилегло, не чувствуя усталости. Вскоре снова вернулся к столу, заваленному раскрытыми книгами...».

Для каждой иллюстрации Е.Сидоркин нашел индивидуальное композиционное решение, опираясь на сюжетную основу произведения. Реалистичность образа достигается с помощью простой, полной силы и эмоциональной выразительности формы.

Иллюстрации, подобно фрагментам большого полотна, раскрывают общую картину, захватывают огромностью действующих в них людских масс, масштабностью событий. Автолитографии Сидоркина, подобно роману, могут быть названы народной эпопеей; они являются ценным вкладом в историю казахского искусства и литературы [1, с. 202].

Созвучна работам Е.Сидоркина линогравюра «Мухтар Ауэзов» Исатай Исабаева. Своеобразна композиция произведения: в центре изображен писатель с книгой в руках, как бы размышляющий о судьбе своего народа. Вокруг него разворачиваются различные сюжеты из эпопеи «Путь Абая»: молодость и женитьба Абая, его встреча с наставником; Абай, дающий наставление своим ученикам.

Большинство графических произведений создано по мотивам произведений Абая. Среди них – иллюстрации к сборнику стихов Абая Кулахмета Ходжикува; линогравюра Адила Рахманова «Лето», выполненная в станковой манере. А. Рахманову присуще обобщенное восприятие образов, монументальность. Художник показал жизнь казахов на месте летнего пастбища джайлау: время радости, счастья, тепла и любви. Это ощущение мира сумел передать А. Рахманов в своей работе; такое же настроение царит в стихотворениях Абая «Лето» и «Джайлау».

По мотивам произведений Абая выполнил в технике офорта и линогравюры серию работ Исатай Исабаев. Замечателен офорт «Абай» (лист из серии «Абай», 1976). Образ Абая художник показывает в неразрывной связи с народом, с землей, в единстве с природой. Объединяющим центром двухчастной композиции является идол, олицетворяющий дух предков. Думается, что художник хотел показать Абая, познающим мудрость предков, землю, народные традиции.

Пластической завершенностью отличается иллюстрация к стихотворению Абая Кунанбаева «Охота с беркутом на лисицу» В.А. Григорьева. Три основных образа создают один целостный: всадник, беркут, лисица. Внутреннее пространство передается средствами энергичных штрихов – зигзагообразных, прямых. Вся композиция строится на ясном соотношении черного и белого пятен и дает ощущение простора степи, энергии движения, динамики формы.

В работе графика Кадырбека Каметова «Качели» (из серии «По мотивам стихов Абая», 1986) воплощены молодость, кра-

сота и счастье юности. Выполнена она свободно, в изящной манере.

Не прошли мимо актуальной темы и карагандинские художники-графики – В.Н. Малькевич, Т.А. Кенесбаев, создавшие портреты Абая.

Одним из первых, кто обратился к образу Абая в живописи, был Абылхан Кастеев. В 1945 году он создает поколенный портрет юного Абая с книгой в руках. Портрет выдержан в сдержанной коричневатой-зеленой гамме. Образная убедительность портрета не потеряла своего значения и сейчас. Художник подчеркнул целеустремленность, духовность, небывалую тягу к знаниям. Отличительная особенность жанровых полотен А. Кастеева – связь человека с окружающей средой, с пейзажем. Так изображен Абай Кунанбаев в картине «Абай у юрты»: на фоне родного аула, необъятной казахской степи, с томиком А.С. Пушкина – своего верного учителя. Известно, что в 1889 году Абай перевел несколько отрывков из «Евгения Онегина». Литературоведы отмечают, с каким поразительным мастерством преодолевал он трудности в передаче литературного текста, смело создавая свои художественные образы.

К теме Абая обращается Айша Галимбаева. Плодотворной была работа А. Галимбаевой над дипломом по окончании Всесоюзного государственного института кинематографии. Это эскизы декораций, костюмов и раскадровки к киносценарию М. Ауэзова «Песни Абая» (1949). Для изучения материалов к кинофильму Галимбаева работала в музеях, ездила на этюды по местам Абая, делала десятки зарисовок. Большинство окончательных эскизов декораций были решены как станковые произведения. В многочисленных вариантах отдельных сцен показаны разнообразные эпизоды из жизни казахского аула, пейзажи. Здесь, несомненно, сказались впечатления детства – степные просторы, шум и суетность перекочевок, айтысы, нежные девушки и смелые джигиты. Вместе с тем в сюжетную канву будущего фильма вплетались и драматические ситуации: «Наказание» – любимый ученик Абая Айдар и его возлюбленная Ажар нарушили строгие законы шариата, за что безжалостно наказаны.

С особым вдохновением А. Галимбаева создает сцены из жизни самого Абая: «На кургане», «Абай в степи», «Абай в юрте». Любознательно передает художница те особенности обстановки и быта, которые были характерны для Абая и в целом для жизни казахов конца XIX века.

И хотя дипломная работа не получила осуществления на экране, образ Абая надолго заинтересовал Айшу Галимбаеву. Завершив работу над киносценарием, она написала «Портрет Абая» (1949); в последующие годы – «Абай за работой» (1960), находящиеся ныне в музее МХАТ. В 1966 – 1967 годах А. Галимбаева заново сделала десять больших станковых листов на сюжеты из кинофильма «Песни Абая»: «Суд биев», «Свадебный вечер», «Смерть Айдары», «Айтыс», «Встреча» и др. Листы отличаются декоративностью, выразительностью художественных компонентов, эпичностью переданного чувства и жизнеутверждающей интонацией.

Творчество Абая, его личность всегда привлекали художников Сарыарки. Как же воплощен ими этот «человек-загадка», «маяк своего народа»? Художники изображают его то возвышенным, то сосредоточенно-серьезным, то глубоко задумчивым, часто на фоне степи – чем каждый раз подчеркивается его связь с землей, с родиной, где он родился, и которая стала частью его жизни и поэзии. Таковы при всем различии эмоционально-образного строя портретные изображения Абая в творчестве живописцев старшего поколения: Раймкула Есиркеева, Сейтмаха-на Калмаханова, Андрея Осипенко.

Одним из первых произведений, посвященных казахскому просветителю и поэту, стало полотно Раймкула Есиркеева, одного из старейших художников региона (1921–1980). В искусстве Есиркеева главным жанром стал композиционный портрет, где окружающая обстановка, в которой изображен персонаж, дополняет рассказ о человеке. Р. Есиркеев непритязательно скромно и просто говорит о людях своей земли. Художник создает обобщенный, возвышенный образ Абая (1968). Он изображает Абая с книгой в руках, в накинута на плечи бешмете на фоне родных гор и степи. Стремление раскрыть мятежную душу Абая, передать атмосферу тревожного и бурного времени заставляют Есиркеева ввести в картину впечатление движения – вольный ветер развеивает одежду, тербит волосы, волнует ковыль. Написанный широким уверенным мазком, в едином цветовом ключе, портрет передает достоверность образа Абая.

По-своему осмыслил образ Абая в своей серии портретов Сейтмахан Калмаханов. Три портретных изображения Абая – своего рода олицетворение этапов жизненного пути: молодости, зрелости, мудрости.

С. Калмаханов показывает Абая подростком («Ибрагим», 1994); оживают страницы жизни юного Абая, когда он уходит из медресе, поступает в русскую приходскую школу и занимается самообразованием, много читает. В портрете удачно сочетаются конкретность и символика. Ибрагим изображен пишущим, в тёплой атмосфере, и сосредоточенным, озарённым светом. Художник вводит несколько атрибутов, но они многоговорящи: на столе – книги, чернильница, лист бумаги, в руке Ибрагима – перо, на стене – домбра. Ибрагим «пишущий» – будущий мыслитель, домбра на фоне стены словно говорит о будущем композиторе.

На С. Калмаханова особое впечатление оказывают «Слова назидания», созданные Абаем в последнее десятилетие жизни. «Слова назидания» представляют наставления мудреца, познавшего законы жизни; он пишет о науке, о знании, о значении образования и культуры. И в следующей картине «Абай» (1994) художник показал его как видного деятеля Великой степи, зрелого, мудрого и решительного, осознавшего силу своей поэзии и общественной деятельности, понимающего великую роль просвещения в жизни своего народа. Благодаря укрупнённости масштаба, герой максимально приближен в композиции к зрителю; неторопливое ритмическое расположение объёмов и цвета придают образу уверенное спокойствие. Колорит основан на противопоставлении двух дополнительных цветов – вишнёвого и зелёного. Однако художник добивается гармонии в их сочетании. Отношение вишнёвого к зелёному не кажется резким, контраст смягчён золотым отворотом халата. Белый цвет сорочки воплощает мудрость и чистоту мысли. В этом портрете нет дополнительных деталей – всё внимание зрителя сосредоточено на облике Абая.

Создана и третья работа «Абай» (1994). Абай не молод, даже стар, изображён с книгой в руках – со своими «знаниями и назиданиями»; он как бы назидает, говорит потомкам о значении знаний в жизни человека, но вместе с тем и о преградах и запретах, встречающихся на его пути. Художник изобразил Абая на фоне неба, что символизирует величие мыслителя, его вечную связь с родиной. Выразительное цветовое решение, ясное композиционное решение портрета, исполненного лаконично, способствуют впечатлению завершенности образа – характера.

Иная художественная концепция образа Абая у Андрея Осипенко. Деятельный темперамент художника передаётся творчеству. Художнику претит созерцательность в искусстве; изображение человека вне драматической ситуации для него не приемлемо. Живописец отражает сложность жизни через метафору; для лучших его произведений характерна метафоричность, глубина обобщения, поэтическая выразительность. Значительное явление – триптих, воплощающий Абая: «Акын» (Поэт) – «Просветитель» – «Мыслитель» (1995). Картины пронизаны собственным художником философским мироощущением. Замысел картин постигается не прямолинейно, а в процессе ассоциативных сопоставлений, размышлений; художник программирует сам процесс восприятия. Для выявления замысла не случайно избрана форма триптиха. Каждая из его частей раскрывает богатство дарования Абая – поэта, просветителя и мыслителя. Любая из деталей в картинах, их взаимосвязь, цветовое решение обретают символическое звучание. Работа написана в экспрессивной манере; широкие живописные массы чёрного, интенсивно жёлтого цвета, разряженные пятна приглушённого красного, объединяют своим ритмом цветопластику картин, вносят в эти полотна настроение напряжённости, передают стихию творчества («Акын»), активной просветительской деятельности («Просветитель»), силу и глубину мысли («Мыслитель»). Ощущение свободной жизни цвета, динамичное, артистическое письмо, пластичность формы – отличительные качества этого произведения.

Библиографический список

1. Золотарева, Л.Р. История искусств Казахстана. – Караганда, 2000.
2. Алиякпаров, М.Т. Прикосновение: альбом. – Калининград, 1997.

Bibliography

1. Zolotareva, L.R. Istoriya iskusstv Kazakhstana. – Karaganda, 2000.
2. Aliyaparov, M.T. Prikosnovenie: aljbm. – Kaliningrad, 1997.

Цветопластика триптиха, мощная и контрастная, воскрешает в памяти «громадные шаги» титанической литературной и общественной деятельности Абая. В поэтическом творчестве великого акына казахская степь предстаёт в своём величии и страдании, в светлой и мрачной окраске. Абая увлекает степная природа (стихи о временах года), жизнь людей в родной степи, полная противоречий и контрастов. «Не для забавы я слагаю стих», – писал Абай. Поэт понимал, что поэзия доступна лишь людям, у которых «зрячие сердца, открыты души для певца», тем, кто песне «сердцем рад», «кто ценит слово».

Слово не волнует сытого глупца,

Видят мудрость только зрячие сердца.

Творчество, нравственность и культура для Абая неразделимы.

Обратимся к ретроспективным записям из дневника «Ступени к счастью» ученого и художника Макаша Алиякпарова: «Время шло, и я не заметил, как приблизилась дата 150-летия со дня рождения Абая. Подспудная мысль о том, что не годится быть в стороне, когда весь народ готовится чествовать великого поэта, как бы подстегнула меня, послужила внутренним толчком. Собравшись с духом, я принялся за дело... Вот и весь секрет выставки, состоявшейся в Караганде весной 1994 года. В том же году на свои личные средства я опубликовал буклет-каталог «По местам Абая», где были собраны изображения местности, где родился Абай, его зимовки, места захоронения и многое другое, имеющее историческую основу. Кроме того, я принял участие в республиканской и областной выставках живописи; в апреле 1995 года по приглашению посла Казахстана в России Таира Мансурова открылась моя выставка в Москве. В этом же году, 8–9 августа, в зале заседаний Дома правительства прошла посвященная 150-летию со дня рождения Абая большая выставка моих работ. Ее организаторы — Национальная академия наук Республики Казахстан, Министерство культуры и Союз художников РК... Для меня было большим счастьем слышать, как высоко оценили мои картины генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, известный писатель Чингиз Айтматов, заместитель премьер-министра Республики Казахстан Имангали Тасмагамбетов и др.

В книге С. Оразалинова «Земля Абая» и вышедшем под эгидой ЮНЕСКО альбоме «Абай. Жизнь. Время. Искусство» репродуцирован ряд моих картин, посвященных Абаю. В Италии, в Милане, прошла моя выставка, посвященная Абаю, в связи с этим вышел проспект «Макаш Алиякпаров».

В 1995 году я посвятил ряд своих произведений образу Шакарима. Это «Допрос», «Елимай», «Повторное захоронение Шакарима», «Кулагер», «Забывший», «Паук», «Портрет, оставленный потомкам» и множество графических работ.

Я чувствую себя счастливым. Доказательство — мои работы, которые, подобны ручейкам, впадают в бескрайний океан, называемый Абай. Я всегда буду благодарен родной земле и родному народу, вдохновляющим и окрыляющим мою кисть! [2, 52–53].

В произведениях живописцев Казахстана Абай предстаёт как поэт-мыслитель, философ, гуманист-просветитель, взывающий «к порывам юные сердца», живущий трагедиями и надеждами своего народа.

К порывам юные сердца зову,

Я человечность ставлю во главу...

В настоящее время рождается новый подъём в воссоздании «темы Абая», многогранный образ которого дает возможность художникам погрузиться в исследование бездн и высот его человеческой судьбы.

Статья поступила в редакцию 10.05.12

УДК 7. 067

Zolotykh N.S. THE ROLE OF THE ART DYNASTIES IN ART LIFE OF THE ALTAI IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTRY. This article discusses the nature of concepts: «Tradition», «Continuity», «Art Life», «Dynasty». As well as the formation of the Altai, in the second half of XX century, of art dynasties and its features in the context of local traditions.

Key words: *dynasty, art dynasty, art life of and traditions.*

Н.С. Золотых, аспирант ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: nad5142@yandex.ru

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИНАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается сущность понятий: «Традиция», «Преемственность», «Художественная жизнь», «Династия». А также процесс формирования на Алтае, во второй половине XX века, художественных династий и его особенности в контексте отечественных традиций.

Ключевые слова: *династия, художественные династии, художественная жизнь, традиции.*

В истории различных народов заключена культурная память, и каждое поколение опирается на то, что было создано предшественниками. Благодаря традициям формируется художественная жизнь современного общества. Где важным звеном, в цепи преемственности является понятие «династии».

«Традиция» – одна из актуальных проблем современного искусства, которая широко обсуждается в научных изданиях. Этот факт обусловлен возможностью исчезновения самобытных культур, тесно связанных с традициями. «Традиция» определяется как – совокупность социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение, и сохраняющиеся в определенном сообществе в течение длительного времени» [1].

Культурные традиции (как историческая память) – являются непременным условием для существования и развития культуры, а также включают в себя преемственность, усвоение положительных результатов предшествующей деятельности.

«Преемственность» – категория общеполитическая. В связи с этим, она имеет методологическое значение для всей культуры, как материальной, так и духовной. А также выражает объективную связь различных явлений. «Преемственность» – история опредмечивания и последовательного раскрытия человека, достижения человеческого совершенства в художественной деятельности» [2, с. 219].

«Художественность» – особенность искусства, отличающаяся от других форм, отражением и познанием жизни через образы. В узком смысле «художественностью» называют «высокое качество произведения искусства и литературы, определяющее его общественное значение» [3, с. 298]. Художественность произведения определяется реальной действительностью и особенностью характеров произведения.

Традиции, преемственность, художественная жизнь, являются неотъемлемой частью понятия династия. Слово «династия» греческого происхождения. В древней Элладе «династиями» называли людей обладавших властью. В толковом словаре великорусского языка В. Даля дается следующее определение понятия «династии» «ж. греч. род, дом, говоря о государстве; поколение, из которого вышло несколько последовательно царствовавших лиц» [1].

В словаре Н. Абрамова и Д.Н. Ушакова – похожее определение понятия «династия» – «это, поколения царствующих лиц из одного дома: династии Рамзесов, Бурбонов, Бонапартов, Романовых; в поднебесной более поэтично – династии северной и западной Цзинь» [1].

Со временем понятие «династия» приобретает более широкое значение. В современном мире, определение династия значительно видоизменилось. Повсеместно с правящими домами появляются дворянские и купеческие династии, а также династиями стали называть представителей одной и той же профессии, в связи с этим появляются династии деятелей науки и искусства. Позже их стали различать по категориям: «королевская династия», «артистическая династия», «музыкальная династия», «семейная династия», «художественная династия» и многие другие. Возникновение различных категорий династий является неотъемлемой частью истории России. Влияние выходцев из династических домов, а также их потомков имело, важную роль для развития страны и государства.

Неизмеримый вклад в развитии искусства и культуры привнесла категория «Художественной династии». В данную категорию включаются только члены семей художников – живописцев и скульпторов» Категория «Художественные династии» – творчество нескольких поколений художников одной семьи, что

придает им особую смысловую и эстетическую значимость, наглядно демонстрируя непрерывность традиций в искусстве» [1].

Важную роль в отечественной культуре определили: династия Клодтов, династия Бенуа – Лансере – Серебряковых, династия Аргуновых, династия Брюлловых, династия Васнецовых, династия Маковских. Это незначительная часть мастеров вошла в историю искусства немало памятных страниц.

В течении XX века произошли значительные перемены в региональной культуре России. В Сибири вследствие формирования университетского образования, художественной среды обозначались тенденции роста творческого потенциала, становление художественных школ, а также нового явления – рождение и развитие художественных династий.

На сегодняшний день, на территории Сибири сформировалось несколько художественных династий: г. Новосибирск (династия Миловановых), г. Омск (династия Беловых – Некрасовых), г. Иркутск (династия Шпирко), г. Новокузнецк (династия Храбрых), г. Томск (династия Панаркиных), г. Чита (династия Чемсо), г. Кызыл (династия Байынды), г. Барнаул (династия Октябрьей, династия Щетинных), г. Новоалтайск (династия Хайрулиновых), г. Бийск (династия Бралгиных, династия Коробейниковых, династия Еровиковых, династия Ибрагимовых – Ивановых).

Художественная жизнь Алтая развивалась в уникальных условиях, связанных с историческим своеобразием края. «В современной социо – культурной ситуации важным моментом является осмысление общественно – духовного уровня, одним из ярких показателей которого является динамика явлений художественной культуры региона» [4, с. 84]. Открытие выставочных залов и музеев, способствовало активизации художественной жизни. Для этого времени характерен культурный обмен.

Все это способствовало оживлению творческой жизни Алтая. Вследствие чего к началу XXI века на Алтае, также зарождаются художественные династии: г. Барнаул (династия Щетинных, династия Октябрьей), г. Новоалтайск (династия Хайрулиновых), г. Бийск (династия Еровиковых, династия Коробейниковых, династия Бралгиных и династии Ибрагимовых – Ивановых).

Художественные династии алтайского края сформировались из поколения алтайских художников, родившихся в конце десятилетий – начале тридцатых годов XX века. Среди современников, основателей династий «П. Щетинина, Е. З. Ибрагимова, Л. Иванова, Р. Хайрулинова, Ю. Бралгина, П. Еровикова, Ю. Коробейникова, крупные, широко известные художники Н.И. Иванов, С.И. Чернов, Г.Ф. Борунов, Ф.С. Торхов, а также талантливые и не менее заслуживающие внимания, но иного темперамента живописцы Н.И. Суриков, Г.Т. Тарский, Д.Л. Комаров, М.Ф. Жеребцов, В.И. Голдырев, П.С. Панарин, В.А. Зотеев, П.Г. Кортиков, Ф.А. Филонов, М.Я. Будкеев» [5, с. 119]. Каждое имя значительно, весомо, масштабно.

Творчество художников 30-х годов проросло на алтайской земле, черпая истоки мастерства в традициях национальной художественной школы, сложившейся во второй половине XIX века. Эти традиции адаптировались к исторической ситуации, формируя особенности советской художественной школы, опираясь на гуманистические идеалы русского искусства.

На рубеже XX – XXI столетий формы деятельности художественных династий значительно расширились и наполнились новым содержанием. Это время вхождения в формирующийся художественный рынок.

В искусстве Алтая можно выделить две ведущие тенденции. «Одна продолжает и развивает традицию реалистического отечественного искусства, другая объявляет эту традицию от-

жившей, предлагая новые технологии и новые способы творческого самовыражения: арт. – объекты, инсталляции, компьютерное искусство и многие другие. Изменение культурного контекста влекут за собой поиск новых форм анализа действительности и произведений искусства» [6, с. 4].

Художественные салоны, галереи, «возникают на Алтае в рамках общей концепции развития современного художественного рынка России. Возникновение творческих салонов повлияло на формирование традиций семейного бизнеса, «на основе художественных династий и нового типа художника-предпринимателя, деятеля современной художественной жизни и рынка» [6, с. 5]. Ярким примером служит художественная династия Щетининых. В 2003 году представителем второго поколения А.П. Щетининым была открыта художественная галерея. Это

первая частная галерея современного искусства на Алтае, таким образом, художник явился основоположником галерейного движения в Алтайском крае. «Выставочная деятельность галереи протекает не только интенсивно, но и новаторски концептуально. Арт-галерея художественной династии Щетининых широко развивает свою деятельность, тесно сотрудничает с художниками, музеями, школами искусств, вузами» [6, с. 5].

Таким образом, создание галереи Щетининых способствовало формированию арт. – рынка в Алтайском края и в Сибирском регионе.

Художественные династии – это уникальное явление в Сибири, которое продолжает художественные традиции изобразительного искусства, передавая их из поколения в поколения, оставляя заметный след в истории искусства России.

Библиографический список

1. Исследовано в России. Википедия свободная энциклопедия [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Суханов, И.В. Обычай, традиция и преемственность поколений. – М., 1976.
3. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М., 1969.
4. Степанская, Т.М. Культурное наследие Сибири: архитектура, изобразительное искусство. – Барнаул, 2005.
5. Степанская, Т.М. Русская художественная традиция в искусстве Сибири (конец XX – начало XXI вв.). – Барнаул, 2009.
6. Вильчик, Н. Особенности развития арт-рынка Сибирского региона // Арт-менеджер. – 2003. – № 2.

Bibliography

1. Issledovano v Rossii. Vikipediya svobodnaya ehnciklopediya [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Sukhanov, I.V. Obichai, tradiciya i preemstvennostj pokolenij. – M., 1976.
3. Borev, Yu.B. Ehstetika. – M., 1969.
4. Stepanskaya, T.M. Kulturnoe nasledie Sibiri: arkhitektura, izobraziteljnoe iskusstvo. – Barnaul, 2005.
5. Stepanskaya, T.M. Russkaya khudozhestvennaya tradiciya v iskusstve Sibiri (konec XX – nachalo XXI vv.). – Barnaul, 2009.
6. Viljchik, N. Osobennosti razvitiya art-rihnka Sibirskogo regiona // Art-menedzher. – 2003. – № 2.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 75.05:39

Prokhorov S.A. ETHNIC AND GEOGRAPHICAL SOURCES OF PAINTING WHICH GIVE RISE TO THE NATIONAL ORIGINALITY ART SCHOOLS. The article discusses the historical formed geographically – ethnic character of painting especially the perception of color and its symbolic value, as reflected in the canvases of artists. It is proved that the formation of superethnic art schools promotes proximity of nations and nation states, and hence their common geopolitical and cultural components that, in the paintings of artists superethnos a high degree of integration of national schools into the global artistic culture. Identified the need to study the historical development of globalization and its influence on the national identity of art schools the mental space of the artist to create paintings, as well as the need to analyze trends and to conduct a futuristic outlook of the world of painting.

Key words: art, painting, art history, theory of art, art education.

С.А. Прохоров, зав. каф. института архитектуры и дизайна АлтГТУ им. И.И. Ползунова, канд. психол. наук, проф., член СХ России, Заслуженный работник культуры РФ, г. Барнаул, E-mail: prokh64@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЖИВОПИСИ ПОРАЖАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛ

В статье рассматривается, исторически сложившийся территориально-этнический характер живописи, особенности восприятия цвета и его символического значения, отраженный в живописных полотнах художников. Отмечено, что образованию суперэтнических художественных школ способствует территориальная близость наций и национальных государств, а значит общность их геополитических и культурных составляющих, что в живописных произведениях художников суперэтнуса характерна высокая степень интегрированности национальных школ в общемировую художественную культуру. Обозначена необходимость изучения исторического развития процесса глобализации и влияния ее на национальное своеобразие художественных школ, ментальное пространство художника, на создание живописных произведений, а также необходимость анализировать тенденции развития отечественной художественной школы в контексте футуристического прогноза мирового развития живописи.

Ключевые слова: искусство, живопись, история искусства, теория искусства, художественное образование.

В настоящее время выявляется необходимость фундаментального изучения полиэтнических особенностей и тенденций в искусстве, изучение искусства как самостоятельного феномена каждой цивилизации. Национальное своеобразие в искусстве, его истоки – это многогранный и одновременно деликатный и тонкий вопрос. В публикациях поднимаются вопросы истории искусства, этнографии, которые совершенствуют и реконструируют теорию и историю искусства. Однако этнокультурная традиция в живописи зачастую сокрыта от исследователей, как пред-

мет исследования. Трудность изучения состоит в том, что этнокультурные проявления «законсервированы» в прочном бытовом укладе и мировоззрении этноса.

Этнос (от греческого *ἔθνος* – народ) – группа людей, объединённых общими признаками: объективными либо субъективными. Различные направления в этнологии включают в эти признаки происхождение, язык, культуру, территорию проживания, самосознание и другие. В русском языке синонимом термина «этнос» долгое время было понятие «народ» [1]. Основы тео-

рии этноса были заложены в 1920-х С.М. Широкогоровым. Он рассматривал этнос как основную форму существования локальных групп человечества, а основными признаками его считал «единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни» [2].

Лев Гумелев в своей пассионарной теории этногенеза «этнос» трактовал как естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения – коллектив людей. Этнос является одним из видов этнических систем, всегда входит в состав суперэтносов, и состоит из субэтносов, конвуксий и консорций, уникальное сочетание ландшафтов, в котором образовался этнос, называется его месторазвитием [3].

Сторонники примордиализма предполагают, что этническая принадлежность человека является объективной данностью, имеющей свою основу в природе или в обществе, этничность запрограммирована генетически, в основе ее кровное родство. Этнос является общностью с реально существующими, регистрируемыми признаками. Можно указать на признаки, по которым индивид принадлежит к данному этносу, и по которым один этнос отличается от другого [4].

Сторонники эволюционно-исторического направления рассматривают этносы как социальные сообщества, возникшие в результате исторического процесса.

В дуалистической теории этнос получил название «этникос» и понимался как «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)» [5].

С этих позиций рассматривается следующая иерархическая градация этносов:

- род – группа людей, которая основана на кровных связях;
- племя – этнос эпохи первобытнообщинного строя или периода его разложения;

- народность – окончательно не сформировавшееся сообщество людей, объединённых общим пространством, культурой, языком и так далее, в котором ещё присутствуют значительные внутренние различия;

- нация – в настоящее время чаще всего используемое понятие в этнографической литературе. Соответствует развитому индустриальному и постиндустриальному обществу с сильной самоидентификацией. При этом в советской этнографии было принято деление на социалистические и капиталистические нации, которое в результате крушения социалистической системы потеряло смысл;

- суперэтнос – по мнению некоторых специалистов, новая форма этноса, формирующаяся в контексте процесса глобализации. Для суперэтноса характерна высокая степень интеграции наднациональных культурных, экономических, конфессиональных и экономических связей. В ряде случаев образованию суперэтносов способствует территориальная близость наций и национальных государств, а значит общность их геополитических целей. По некоторым прогнозам, суперэтнос станет главным субъектом мировой политики XXI века, оттеснив на вторые роли нации и национальные государства [6].

Исходя из этого живопись, как и другие виды искусств, может выполнять познавательную, эстетическую, религиозную, идеологическую, социально-воспитательную или документальную функции. Живопись отражает своеобразный «портрет» этноса. Посредством изучения традиционной живописи этноса можно постичь глубокие пласты национального самосознания что, несомненно, важно в раскрытии и понимании цивилизационной миссии этноса.

Живопись имеет этнические и географические истоки, национальные черты которые отражаются в живописных произведениях, а также формируют национальное своеобразие художественных школ. В этом смысле можно говорить о территориально – этническом характере живописи, особенностях восприятия цвета и его символическом значении, отраженном в живописных полотнах художников. Региональный, национальный аспект, сложившийся столетиями звучит в самих названиях определяющих смысл общих понятий в истории искусства, несущих и живописное своеобразие: Европейская школа живописи, живопись народов Африки, живопись народов Дальнего Востока (Китай, Япония) и т. д. Эти школы невозможно перепутать, настолько они ярки и своеобразны своей индивидуальностью. Этнические признаки живописи отражаются в произведениях всех народов проживающих на одной территории и имеющих общую культуру. Они отличаются по колориту, композиционным приемам, смысловым нагрузкам, повествованием, техническим при-

емам, восприятием мира, отношению к вероисповедованию. Чем больше по времени происходит замкнутость территории, тем ярче происходит формирование и сохранение национальных черт и этнических характеристик в живописи данной конкретной географической области проживания людей. Так формируется национальное своеобразие художественных школ.

Однако основное и первостепенное выразительное и содержательное значение в живописи имеет цвет, имеющий мощную силу воздействия на психику и восприятия живописи, он так же имеет природные этнические корни. У каждого народа свои особенности восприятия и трактовки цвета. У некоторых народов живопись, по той или иной причине, не обладая достаточными пластическими и выразительными качествами, привлекает в свой арсенал чисто повествовательную, «литературную» составляющую. Тем не менее, эволюционируя вместе с человеком и со всем миром, живопись приобретает новые качества, новые пластические формы.

Живопись обладает явными признаками самостоятельных пластических этнических характеристик определяющих живописную технику, характерный мазок, предоставляющий большой диапазон индивидуальных пластических возможностей. Характерным примером для рассмотрения этнического, географического своеобразия в живописи, порождающего национальные своеобразие художественных школ в целом, является Японская и Африканская живопись, а также суперэтническая Европейская живопись.

Африканская живопись является ярким примером национальной, этнической живописи. В ее основе лежит особое географическое расположение континента, особенности государственного устройства африканских стран, с их яркими межплеменными отношениями. Этнические и культурные традиции племен до сих пор играют важнейшую роль во всех сферах жизни. В живописи жителей различных государств Африки так же сохраняются этнические, индивидуальные черты. Своеобразная живопись традиционных художественных африканских школ Северной африки (Арабские страны, Египет), Южной или Тропической Африки (наскальные фрески Сахары), Западной Африки (Судан, Гвинейское побережье), Восточной части (бассейн Гонго) имеют свои индивидуальные черты по которым можно без труда определить принадлежность живописи к той или иной этнической группе и отражающие родоплеменные отношения. Современная наука достаточно серьезно продвинулась в изучении этнического различия первобытной наскальной живописи Центральной и Восточной Сахаре, долины Нила, Эфиопии, Танзании, Малави, Зимбабве, Ботсване, Намибии, ЮАР.

До конца XIX века африканская живопись и искусство рассматривались только с точки зрения этнической и относились к категории «примитивного». Однако новый взгляд на африканское искусство принесла волна авангардизма 20 годов XX века – с тех пор его начинают рассматривать исключительно с эстетической точки зрения. Общей чертой африканского искусства, в том числе и живописи, является – некий «африканский стиль». Африканский стиль – это воплощение динамики, экспрессии, бьющей через край жизненная энергия [7]. Цвета Африки – яркие, теплые, порой даже жаркие, – напоминают африканские пустыни и саванны, палящее солнце. Это в первую очередь цвета пламени: оттенки красного, желтого, оранжевого, кирпичного, а также все оттенки коричневого: от песчаного, палевого и терракотового до цвета обугленного дерева. Широко используется контраст красного и черного. Оливковый и цвет топленого молока словно противостоят «обжигающим» солнечным и «жженым» оттенкам [8].

Другим примером, ярко выраженных этнических и географических черт в искусстве, можно предложить живопись жителей японских островов. Живопись в Японии изначально использовалась в прикладных сферах: росписи ширм, сдвижных экранов, для иллюстрации книг. Постепенно в живописи становятся все более редкими цветные изображения – их вытесняет монохромная живопись и живопись тушью, точнее отражающая суровые представления дзен-буддизма об основах мироздания. Техника и стиль произведений, колористический и композиционный строй, графические приемы носят индивидуальные черты присущие жителем Дальнего Востока. Живопись японских художников, их мироощущение, понимание картины мира, культуры – можно трактовать как этническое искусство, связанное с географическим расположением, порождающее национальное своеобразие конкретной художественной школы. В современное время сильное влияние европейского образа жизни и культуры привело к возникновению живописного направления *йота*, в то время как традиционная японская живопись отделилась в другое отдельное направление, *нихонга* [9].

Для живописных произведений суперэтнуса характерна высокая степень интегрированности национальных школ в общемировую художественную культуру. Образованию суперэтнических художественных школ способствует территориальная близость наций и национальных государств, а значит общность их геополитических и культурных составляющих. Примером живописи суперэтнуса является Европейская школа живописи. В современных условиях задача живописных школ как средства и способов самовыражения испытывает на себе явное влияние развития общего познавательного художественного процесса, влияния многих сторон мировоззрения и общекультурного пространства деятельности человека его творческой среды. Несмотря на индивидуальные признаки европейских живописных школ, в которую входят Итальянская, Французская, Испанская, Австрийская, Бельгийская, Английская, Венгерская, Германская, Норвежская, Польская, Финская, Голандская, Чешская, Швейцарская, Шведская, Шотландская, живопись Дании, существуют надэтнические общие художественные приемы и черты, живописные характеристики объединяющие живопись этих стран в единую суперэтническую живописную школу.

Переосмысление функций живописи в контексте суперэтнуса, как творческого процесса, прошло через отрицание идеологических и академических догм живописи. По мнению многих художников, искусствоведов, философов XX века формирующих новое для того времени, понимание искусства и его задач – живопись это глубинный иррациональный процесс. Процесс глобализации, развитие компьютерных технологий, стирание границ между государствами, культурных границ между народами приводят к стиранию этнической индивидуальности в произведениях живописи. Сегодня живописные произведения художников объединены общим мировоззрением не только суперэтнуса (европейского, мусульманского, российского суперэтнуса), но и суперэтнуса глобального мирового масштаба. Даже на территории Сибири, среди русских художников мы видим написанные картины на африканские, индийские, арабские и т. п. темы произведений. Эти художники не принадлежат не этнически, не географически к культурам этих народов, они перенимают индивидуальность живописных приемов, цветовосприятия и мироощущения, подражая живописи характерной другим этническим груп-

пам. С другой стороны Европейский стиль живописи проник во все части земного шара. Это произошло посредством интеграции европейской школы художественного образования в мировую и распространения европейских культурных ценностей. Возможно, что глобальное взаимопроникновение культур всех континентов и народов, выраженных в живописных произведениях, приведет к стиранию этнических индивидуальностей художников, в целом, к нивелированию этнического своеобразия в живописи. При всем этом останется индивидуальность мастера как личности и его ментальность как гражданина мира. Возникает необходимость изучения исторического развития процесса глобализации и влияния ее на национальное своеобразие художественных школ, ментальное пространство художника, на создание живописных произведений, а также анализировать тенденции и проводить футуристический прогноз мирового развития живописи. Не исключено, что в таком процессе стирания межэтнических и географических границ может «утонуть» веками сложившееся этническое своеобразие культуры того или иного народа.

В настоящее время при изучении этнической специфики художественной культуры отдельных народов этнографов и искусствоведов объединяет историко-генетический и стадийный подходы, применение в своих исследованиях исторического, социологического, сравнительного, антропологического и культурологического методов. Объединяющим является и метод полевого исследования, предполагающий длительное пребывание исследователя в месте проживания изучаемого этноса. В работах искусствоведов и этнографов расставляются разные акценты. Так, искусствоведы большое внимание уделяют детальному и всестороннему изучению искусства каждого народа в отдельности; их интересует процесс и механизмы взаимодействия типов художественных культур, а в итоге – роль тех или иных этнокультурных традиций в формировании национальной специфики искусства этнических групп [10].

В России на современном уровне тенденции и возможное стирание граней национальных, этнических, территориальных особенностей живописных школ можно проследить на примере интеграции отечественных художественных образовательных программ в «Болонский процесс».

Голандская школа живописи

Хеда Виллем Клас

Французская школа живописи

Жан Фрагонар

Африканская

Боб Марли

Приложения
Японская школа

Хисикава Моронобу

Библиографический список

1. Этнос [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org>
2. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск, 2003.
3. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб., 2001
4. Коркмазов, А.Ю. Проблема этноса и этничности в науке: в поисках парадигмы // Сб. науч. тр. – Ставрополь, 2004. – Вып. 1 (11). – Серия: Гуманитарные науки.
5. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 2008
6. Этнос [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Современное урбанистическое искусство народов Африки [Э/р]. – Р/д: <http://www.m-kultura.ru/sovremennoe-urbanisticheskoe-iskusstvo-narodov-afriki/>
8. Современное урбанистическое искусство народов Африки [Э/р]. – Р/д: <http://www.m-kultura.ru/sovremennoe-urbanisticheskoe-iskusstvo-narodov-afriki/>
9. Живопись Японии [Э/р]. – Р/д: <http://www.kultura-yaponii.ru/paint.html/>
10. Степанская, Т.М. Традиции и современность в творческом наследии художников Алтая // Наследие и современность. – Барнаул, 2006.

Bibliography

1. Ehtnos [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org>
2. Sociologiya: ehnciklopediya / sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Eveljkin, G.N. Sokolova, O.V. Terethenko. – Minsk, 2003.
3. Gumilyov, L.N. Ehtnogenez i biosfera Zemli. – SPb., 2001
4. Korkmazov, A.Yu. Problema ehtnosa i ehtnichnosti v nauke: v poiskakh paradigmi // Sb. nauch. tr. – Stavropolj, 2004. – Vihp. 1 (11). – Seriya: Gumanitarihi nauki.
5. Bromlej, Yu.V. Ocherki teorii ehtnosa. – M., 2008
6. Ehtnos [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

7. Sovremennoe urbanisticheskoe iskusstvo narodov Afriki [Eh/r]. – R/d: <http://www.m-kultura.ru/sovremennoe-urbanisticheskoe-iskusstvo-narodov-afriki/>
8. Sovremennoe urbanisticheskoe iskusstvo narodov Afriki [Eh/r]. – R/d: <http://www.m-kultura.ru/sovremennoe-urbanisticheskoe-iskusstvo-narodov-afriki/>
9. Zhivopisj Yaponii [Eh/r]. – R/d: <http://www.kultura-yaponii.ru/paint.html/>
10. Stepan'skaya, T.M. Tradicii i sovremennostj v tvorcheskom nasledii khudozhnikov Altaya // Nasledie i sovremennostj. – Barnaul, 2006.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 7.03(571.12)

Sezeva N.I. THE TYUMEN CARPET CRAFT IN THE SECOND HALF OF XIX – BEG. XX CENTURIES. The purpose of this communication is characteristic of the period of greatest prosperity and the formation of major artistic and stylistic features of the Tyumen carpet trade.

Key words: archival and documentary sources, Western Siberia, carpet craft, artisanal and industrial exhibitions, carpet-masters, Tyumen pile carpet, Tyumen district, Tobolsk Province, Tyumen, styles and types of carpets.

Н.И. Сезёва, канд. искусств., зав. отделом художественной культуры и искусства края в ГАУК ТО «Музейный комплекс» Тюменский музей изобразительных искусств, г. Тюмень, E-mail: sezevani@yandex.ru

ТЮМЕНСКИЙ КОВРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Целью данного сообщения является характеристика периода наивысшего расцвета и формирования основных художественно-стилистических особенностей тюменского коврового промысла.

Ключевые слова: архивно-документальные источники, Западная Сибирь, ковровый промысел, кустарно-промышленные выставки, мастерицы-ковровщицы, тюменский махровый ковер, Тюменский уезд, Тобольская губерния, Тюмень, типы и виды ковров.

До начала XX века Тюмень была одним из самых крупных промышленных купеческих городов Сибири. Масса горожан занималась производством или промыслами, связанными с торговлей. Искусство тюменского ручного ковроткачества, наряду с другими художественными ремеслами и промыслами, было широко распространено во многих деревнях и селах Тюменского уезда Тобольской губернии, начиная с XVIII столетия. Свидетельства этого мы находим в многочисленных источниках: на страницах столичных и сибирских газет, журналов, в архивных документах, многочисленных путевых записках, письмах, дневниках, статистических отчетах, памятных книжках.

Во второй половине XIX в. тюменский ковровый промысел переживает период своего наивысшего расцвета. Он становится местной достопримечательностью и гордостью края. Как писала в 1873 году «Камско-Волжская газета», «...выделка ковров составляет характеристическую особенность Тюмени и ее округа...».

Производством ковров занимались порой целые деревни и села Тюменского уезда. «Каждое крестьянское семейство, как бы они ни были бедны, имеют свою «фабрику», как с гордостью отзываются они о своем ремесле, хотя нередко вся фабрика заключается в одном самодельном станке» [1].

Если в 1864 г. ковров изготовлялось 20 тысяч штук, то в 1884 г. их количество возросло до 50 тысяч [2, с. 146]. За период с 1885 по 1891 год к 34 селам, вырабатывающим ковры, присоединилось еще 24, в которых ковровым промыслом занималось 3.780 человек. По свидетельству С.А. Давыдовой: «Такой численностью мастериц-ковровщиц ни один центр производства ковров в европейской России не обладает» [3, с. 295].

Напротив, в 1860-1890-х годах, в связи с открытием железных дорог и значительным сокращением ямской гоньбы, производство ковров в других русских ковровых центрах (Курской, Воронежской, Орловской, Саратовской губерниях) почти полностью прекратилось.

Тюменские ковры ручной работы: насундучники, настольники, попонки, покрывала, санные махровые ковры «с прекрасными и яркими цветами», гладкие паласы-тропинки, шерстяные дорожки «в розу», «в пешку» или «кругами», пользовались большим спросом у местного населения – крестьян, ремесленников, а также у городских жителей (мещан, купцов, чиновников). Особенно высоко ценились «за чистоту отделки и прочность красок» изделия мастериц из богатых торговых сел Каменское и Успенское (Кармацкое), а также деревни Кулаково – центральной усадьбы Троицкой волости Тюменского уезда.

Основная масса ковров, как и раньше, продавалась на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, откуда сибирские ковры распространялись по всей стране и даже вывозились за грани-

цу. Продавались сибирские ковры и в столичных магазинах. Например, в магазинах Елпатов, специализировавшихся на торговле восточными товарами, можно было приобрести и тюменские ковры «с пышным разнообразием растительного рисунка на черном фоне и длинным ворсом, исполненные в так называемой «махровой технике».

Для русской художественной культуры второй половины XIX века характерен интерес к народному искусству. Во многих губернских и уездных городах повсеместно были созданы общественные и государственные организации, музеи и научные общества, в задачу которых входило изучение и возрождение местных кустарных ремесел и промыслов.

В начале 1860-х гг. известный русский революционер-демократ, публицист и общественный деятель Н. В. Шелгунов предпринял специальное путешествие по городам Западной Сибири. В период пребывания в Тюмени, заинтересовавшись ковровым промыслом, Шелгунов собрал интересные сведения об истории его возникновения, статистический материал о степени его распространения, а также первым из исследователей подробно описал технику изготовления сибирского махрового ковра.

В статье, опубликованной в столичном журнале «Русское слово», Н.В. Шелгунов впервые ставит вопрос о необходимости открытия в Тюмени ковровых мастерских и рисовальной школы, об усовершенствовании ткацких станков и улучшении ковровых рисунков. «Стоило бы ввести два – три станка простого, но лучшего устройства, чем существующие в Тюмени; научить десяток баб разным ковровым тканям, завести школу рисования, и тюменские ковры, пожалуй, не уступили бы берлинским. И всю эту революцию в местном производстве можно сделать в один, два, а в три года иметь своих рисовальщиц и тысячи ковровых узоров. Чтобы производство тюменских ковров вышло из своего азиатского застоя, нужно, чтобы появилась одна светлая голова и дала производству новый толчок» [4, с. 9].

Через несколько лет в Тюмени благодаря энергии и усилиям членов либерально-демократического кружка «Молодая Сибирь», в первую очередь его создателя и вдохновителя К.Н. Высоцкого, была организована «в громадных размерах» с «новейшими приспособлениями» ковровая мастерская, куда были приглашены девочки из окрестных деревень и сел, издавна занимавшихся ковроткачеством.

К.Н. Высоцкий также наладил тесные контакты со многими ковровщицами округа. Эти отношения с кустарями строились на новой основе, то есть на полном доверии мастерицам, их владению техникой, природному таланту. Как вспоминал один из членов кружка: «...Высоцкий выписывал разные руководства, всевозможные рисунки и краски и все это рассылал для опытов более толковым своим многочисленным знакомым коверницам

в уезде. При посредстве своих знакомых специалистов он также давал мастерицам всевозможные советы, указания и даже материальную помощь в виде временных ссуд, кредитов и пр.» [5].

Впервые изделия тюменских ковровщиц с большим успехом были показаны на кустарно-промышленных выставках, которые были организованы в Тюмени в 1868 и 1871 гг. при активном участии кружка Высоцкого.

Основу кустарно-промышленной выставки составили «ковры всех сортов – гладкие и махровые: большие цветные ковры, насундучники, настольники, тропинки, палазы, покроем, а также различные брани, пестряди, половики», которые экспонировались в специально отведенном большом зале. Многие изделия деревенских мастериц из Каменской, Троицкой, Успенской волостей были награждены Министерством государственных имуществ серебряными и бронзовыми медалями, похвальными листами от комитета выставки. Лучшими «по величине, доброте и изяществу отделки» были признаны: «цветной ковер из русской овечьей шерсти» крестьянки из села Каменское Марья Насекиной, половой ковер и тропинка Пелагеи Лазаревой из деревни Кулаково Троицкой волости. Потомственная ковровщица Меланья Чукмалдина удостоилась чести преподнести «сиятельному» гостю выставки великому князю Владимиру Александровичу ковер, «вытканый ею специально к его приезду».

В составленном и отпечатанном в типографии Высоцкого каталоге выставки отмечалось, что «ковровое производство в Тюмени за последние годы заметно совершенствуется. Таких превосходных ковров, какие были на нынешней выставке, прежде не было. Между тем, способ производства по-прежнему – ручной и самый простой крестьянский; усовершенствование заметно в узоре, в красках и прочности» [6, с. 85]. «Ковры, впервые вытканые по правильному канвовому рисунку, конечно, составят эпоху в этом деле», – пишет корреспондент столичного журнала «Всемирная иллюстрация» [7].

Успех крестьянских ковров на выставках свидетельствовал не только о широком распространении этого промысла в Тюменском округе, высоких художественных достоинствах этих изделий, но и о появлении талантливых мастериц, способных создавать новые ковровые композиции.

Благодаря деятельности членов кружка с 1870-х гг. тюменский ковровый промысел получил широкую известность не только в Сибири, но и далеко за ее пределами. Работы тюменских ковровщиц были отмечены на крупных выставках: Всероссийской мануфактурной в Петербурге (1870) и Всемирной в Вене (1873) [8].

Два «махровых ковра по канвовому узору», исполненные мастерицами Н.Вяткиной и А.Лазаревой из Каменской волости, «за плотность, прочность и изящный рисунок» были награждены бронзовыми медалями на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 г. [9, с. 161].

Большая коллекция – 20 авторских тюменских ковров из Каменской, Успенской, Троицкой, Липчинской, Червишевской, Тугулымской волостей Тюменского уезда – представляла раздел «Кустарная промышленность Сибири» на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге (1887).

Библиографический список

1. Друг народа. – 1875. – № 3.
2. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. – Тобольск, 1884.
3. Давыдова, С.А. Очерк производства ковров в Сибири // Кустарная промышленность в России (женские промыслы). – СПб., 1913.
4. Шелгунов, Н.В. Сибирь по большой дороге // Русское слово. – 1862. – № 5.
5. Сибирская торговая газета. – 1912. – № 10.
6. Описание публичной выставки в г. Тюмени в 1871 году. – Омск. 1872.
7. Всемирная иллюстрация. – 1868. – № 148.
8. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 32. Д. 765.
9. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – СПб., 1883. – Вып. IX.
10. Тарасов, И. Описание Урало-Сибирской научно-промышленной выставки в 1887 году в Екатеринбурге. – СПб., 1888.
11. Давыдова, С.А. Очерк производства ковров в Сибири // Кустарная промышленность в России (женские промыслы). – СПб., 1913.
12. Русское народное искусство на II Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г. – Петроград, 1914.

Bibliography

1. Drug naroda. – 1875. – № 3.
2. Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1884 god. – Tobol'sk, 1884.
3. Davydova, S.A. Ocherk proizvodstva kovrov v Sibiri // Kustarnaya promyshlennost' v Rossii (zhenskie promyshlennosti). – SPb., 1913.
4. Shelgunov, N.V. Sibir' po bol'shoy doroge // Russkoe slovo. – 1862. – № 5.
5. Sibirskaya trgovaya gazeta. – 1912. – № 10.
6. Opisanie publichnoy vkhstavki v g. Tyumeni v 1871 godu. – Omsk. 1872.
7. Vsemirnaya illyustratsiya. – 1868. – № 148.
8. TF GATO. F. 152. Op. 32. D. 765.
9. Trudih komissii po issledovaniyu kustarnoy promyshlennosti v Rossii. – SPb., 1883. – Vihp. IX.
10. Tarasov, I. Opisanie Uralo-Sibirskoy nauchno-promyshlennoy vkhstavki v 1887 godu v Ekaterinburge. – SPb., 1888.
11. Davydova, S.A. Ocherk proizvodstva kovrov v Sibiri // Kustarnaya promyshlennost' v Rossii (zhenskie promyshlennosti). – SPb., 1913.
12. Russkoe narodnoe iskusstvo na II Vserossiyskoy kustarnoy vkhstavke v Petrograde v 1913 g. – Petrograd, 1914.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 781.5

Grineva M. MUSICAL FORM IN THE INDIVIDUAL PROJECT IN DENISSOV'S WORKS. The article is devoted to a phenomenon named «individual project» that turned out to be new in its form for the music of the second half of the 20th century. Most attention is paid to musical pieces by Edisson Denissov, the leader of Russian vanguard in the second half of the previous century. Musical form in Denissov's individual project is examined in its characteristic features.

Key words: E. Denisov, individual project, musical form in the second half of the 20th century.

М.И. Гринёва, аспирантка Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, E-mail: grin_s_m@mail.ru

ФОРМА ПО ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ПРОЕКТУ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДЕНИСОВА

Статья посвящена новому явлению в области формы в музыке второй половины XX века, который получил название «индивидуальный проект». В центре внимания сочинения лидера отечественного авангардного движения второй половины прошлого столетия Эдисона Денисова. Форма по индивидуальному проекту у Денисова рассматривается с точки зрения характерных особенностей.

Ключевые слова: Э. Денисов, индивидуальный проект, современная музыка, музыкальная форма во второй половине XX века.

В XX веке, если сопоставить его с предшествующим столетием, совершился мощный скачок в сторону максимальной свободы и непредсказуемости творчества. Само понятие «художественное произведение» во второй половине XX столетия нередко размывается, что проявилось во всех видах искусства. Некогда обязательная эстетическая функция готового творения порой оказывается чуть ли не второстепенной. «Антиэстетичность» выражается как в материале, с которым работает автор, так и в той форме, которая придаётся в итоге готовому артефакту. Меняется и способ его преподнесения слушателю, зрителю или читателю, появляются инсталляция, хэппенинг, перформанс.

Названные явления современного искусства вызывают к жизни новые определения, способные их обозначить. В теоретическом музыкознании к подобным случаям можно отнести выражение «индивидуальный проект» (ИП), предложенное Ю. Холоповым [1, с. 20]. Известный исследователь применил это выражение, говоря о творчестве лидера отечественного авангарда 60-80-х годов Эдисона Денисова, в стиле которого выделил «предпочтение поисков новых форм индивидуального проекта» [1]. Подчеркнув важность названного явления, Холопов, однако, не дал его объяснения, применительно к творчеству Денисова.

Цель данной статьи – определить, как понимается и трактуется «форма по индивидуальному проекту» самим композитором – Эдисоном Денисовым. Для её достижения необходимо предварительно решить и другую задачу – совершить краткий экскурс в теорию музыки и выяснить, что представляет собой явление «индивидуального проекта» в более широком смысле, как коррелирует названное понятие с другими определениями современной теории.

Приступая к решению поставленной цели, отметим, что, прежде всего, сами композиторы осознали важность и необходимость нового поворота в области современного музыкального формообразования. Д. Лигети, например, подчёркивал: «не существует больше установленных схем формы; каждое конкретное произведение соответственно историческому положению дел вынужденно имеет неповторимую, только ему одному свойственную форму целого» [2, с. 197]. София Губайдулина отмечает, что «форма должна быть единичной, соответствующей принципу здесь и сейчас» [цит.по: 3, с. 266].

Денисов размышляя о воплощении авторской идеи заметил следующее: «Каждый композитор делает собственный выбор, **индивидуальный** выбор во множестве звуковых объектов и устанавливает между ними определенную систему соответствий, упорядочивая это множество и создавая **форму** сочинения» (*курсив Э. Денисова*) [4, с. 17].

Ряд исследователей музыки XX века активно отреагировали на композиторские поиски и эксперименты в области формообразования: «С середины XX столетия в области музыкальных форм принцип типизации явно уступает место принципу индивидуализации» [5, с. 17]. При этом «реализация индивидуального замысла захватывает все уровни формы, не оставляя поводов для традиционных музыкальных форм» [6, с. 453]. Индивидуализация форм сопровождалась преобразованием самой звуковой материи: «Новый материал противился старым приёмам

оформления, требовал создания своих, новообразованных, только ему присущих структур» [7, с. 72].

В. Ценова в адрес индивидуализации формы применяет термин «инопараметровые», подчёркивая, что это «группа музыкальных форм, ведущими параметрами которых оказываются не традиционные для классико-романтических композиционных структур гармония, ритм и тематизм, а иные элементы» [8, с. 108]. В основе организации формы может лежать какой-либо принцип, индивидуально избранный композитором, как ведущий формообразующий: параметр sonority, «параметр экспрессии», ритмики, звуковысотности, сериализма, и др. Каждый из выделенных аспектов специально рассматривается в книге В. Холоповой [6].

Кардинальные изменения произошли и с самим музыкальным звуком. Наряду с существующими четырьмя сторонами измерения звука – высотой, громкостью, артикуляцией, продолжительностью – возникает необходимость учёта пятого измерения, отвечающего за распределение звука в пространстве. Важное значение в создании музыкального опуса во второй половине XX века приобретают современные технические средства. Новый материал, привлечение технических средств – служат для раскрытия новых ракурсов музыкально-содержательных концепций.

Новациями отмечена область поиска новых условий концертного бытования: произведения рассчитаны на исполнение не в концертном зале, а в специально оборудованных помещениях; на музыкантов помимо задачи игры на инструментах часто возлагается актёрская функция; в акт исполнения могут вовлекаться слушатели, и даже случайные прохожие.

В связи со всем упомянутым выше в адрес сочинений как отечественных, так и зарубежных композиторов XX века всё чаще стали появляться понятия, в которых исследователи пытались охарактеризовать новые процессы: «индивидуально творимые формы» [7, с. 72], «полная индивидуализация музыкальной композиции» [6, с. 453]. Ю. Холопов же говорит о «формах индивидуального проекта» («ИП»), называя это феноменом новой формы Новейшей музыки: «одно из его коренных свойств – неповторяемость формы, её «одноразовость», что полностью порождает с феноменом традиционной формы» [9, с. 260].

РевOLUTIONные изменения в области музыкальной формы в XX веке музыковеды стремятся осмыслить в контексте общей типологии форм. Так, например, Т. Кюрегян предлагает различать: «типичные формы классико-романтической ориентации; типовые формы неклассической ориентации; нетиповые свободные сочиняемые формы» [10, с. 201].

Подводя некоторый итог сказанному, отметим, что приведенные определения – «индивидуальный проект», «индивидуально творимые формы», «инопараметровые» формы – являются синонимами и обозначают одно и то же явление в области музыкальной формы во второй половине XX века.

Одними из первых в нашей стране, кто обратился к форме по индивидуальному проекту, были такие яркие представители отечественного музыкального авангарда второй половины XX века, как: А. Волконский, Л. Грабовский, С. Губайдулина, А. Шнитке, Э. Денисов. В творчестве Денисова произведения в «форме по индивидуальному проекту» составляют весьма обширную группу.

У каждого композитора есть своя мотивация при работе над сочинениями, форма которых являет собой пример «индивидуального проекта». Какая идея руководила Денисовым при работе над созданием опусов такого рода?

Главенствующую идею своего творчества автор выразил в одном из интервью, озаглавленном «Нужно искать новую красоту». Мысль о стремлении к красоте, о поиске красоты композитор подчёркивал неоднократно: «Я не воспринимаю музыку из которой изгнана красота» [11, с. 10], или иными словами: «Красота – одно из самых важных понятий в искусстве. В наше время у многих композиторов ощутимо стремление к поиску новой красоты. При этом речь идёт не только о красоте звучания, которая, конечно, не имеет ничего общего с красотой» [12, с. 39].

В чём для Денисова заключена идея красоты? В своих статьях композитор отметил некоторые принципы, обязательные, по его мнению, для искусства XX века: форма не должна следовать схеме, форма проявится в процессе сочинения: «Форма должна рождаться сама собой, в процессе сочинения» [11, с. 31], или подобное: «Считаю, что когда сочиняешь, то не нужно думать о форме как о чём-то предзаданном. Форма есть то, что ещё только должно родиться в процессе создания музыки; музыкальная форма всегда уникальна, нет двух сочинений в одной и той же форме» [13, с. 68]. Особо значимы для Денисова драматургические задачи сочинения: «Драматургические принципы важнее, чем схема, и надо развивать их, а не моделировать схему» [11, с. 31].

В денисовском понимании можно выделить несколько инструментов для создания новой музыкальной красоты. Прежде всего – это расширение современного оркестра с целью появления новых звучаний: «То, что современный оркестр становится зачастую тесен для точного воплощения новых идей, вполне естественно» [14, с. 47]; и обращение к различным типам техник, как к способу расширения способов оперирования материалом: «Советские композиторы в последние годы начинают всё шире и шире экспериментировать, расширяя рамки своего музыкального языка и применяя новые типы техник, родившиеся в XX веке, и в этом можно видеть хороший залог против основной опасности, грозившей нашей музыке в послевоенные годы, – опасности академизации» [15, с. 34].

Важнейшую роль отводит Денисов и новому параметру, стремясь в каждом сочинении к созданию особого многомерного музыкального пространства: «Кроме того, для меня очень важно пространство. Я терпеть не могу, где музыкальное пространство одномерно» [16, с. 58].

Красота мыслилась композитором через расширение материала искусства. В сочинениях Денисова эта идея проявилась по-разному. Один из аспектов – привлечение немusических предметов в качестве музыкальных. Также композитор считал, что в музыке XX столетия необходимо «введение в оркестр плёнки, как одного из обязательных звуковых компонентов» [14, с. 48]. Уже в 1964 году в своём «опусе номер один», как сам композитор говорил о «Солнце инков», автор впервые обратился к возможности звукозаписывающей техники. Присутствие плёнки в авангардном сочинении утвердилось как яркий эффект, открывающий широкий спектр новых звуковых и драматургических возможностей. Необычность идеи состоит в том, что в «Солнце инков» вокальная партия, исполняемая сопрано, чередуется с трёхголосным канонem, воспроизводимым через магнитофон. Сам канон – это записанный на магнитофонную плёнку один и тот же мужской голос в квинту с предыдущей партией. Этот звуковой эффект создаёт немusическую в прежние времена полифонию в новом пространственном измерении, позволяя в одновременности услышать в трёх голосах одного исполнителя.

К числу интереснейших образцов композиции по индивидуальному проекту можно отнести «Пение птиц» для подготовленного фортепиано и магнитофонной плёнки – единственное в своём роде произведение в творческом наследии Денисова, в котором соединились принципы электронной и конкретной музыки. Созданное в 1969 году, оно связано с работой Денисова в электронной студии при музее Скрябина. «Пение птиц» воплотило в жизнь сразу две идеи композитора. Одна из них – обращение к звукозаписывающей технике, вторая идея выражена в воплощении особого музыкального пространства. В этом сочинении «натуральные» звуки природы даны в записи, а «искусственные» звуки препарированных инструментов звучат в настоящем времени. Смысл произведения заключён в том, чтобы приблизить звучание инструментов к звучанию естественной природы.

Идея создания особого музыкального пространства присутствует и в «Трёх отрывках из Нового Завета». Необычность про-

изведения наглядно проявляется на уровне его концепции. По замыслу композитора три части этого опуса исполняются между частями мессы Окегема. Таким образом, в едином пространстве-времени формы-проекта соединяются два исторически разных музыкальных произведения: месса XV века и музыка XX века. Однако, при всей разности композиторских методов и стилистических особенностей сочинения Окегема и текста композитора XX века, Денисов здесь всё же максимально приблизился к полифоническому стилю представителя нидерландской школы. Проблема своеобразного диалога стилей эпох – та особая, найденная композитором индивидуальная форма, соединяющая музыкальные пласты разных веков.

Особое музыкальное пространство возникает и в пьесе «На пелене застывшего пруда» для 9 инструментов (флейты, гобоя, кларнета, трубы, валторны, тромбона, фортепиано, арфы, виброфона) и магнитофонной плёнки. Это второй случай в жизни Денисова, связанный с работой в студии звукозаписи. Сочинение появилось в 1991 году, когда технические возможности современной аппаратуры вышли на новый уровень, что позволило производить новые манипуляции с музыкальным звуком. Индивидуальность авторского замысла проявилась в создании звука нового качества: собственно сам музыкальный звук и стал предметом изобретения – звук, который не имеет аналога в природе, и создан в музыкально-акустической лаборатории.

Звуковое пространство этого опуса весьма необычно, на него помимо создания самой материи звука влияет так же особое расположение на сцене исполнителей и зрителей. Музыкальный материал произведения состоит из сопоставления двух звуковых пластов – инструментального (которое исполняется «здесь и сейчас») и электронного (записанного на плёнку). Запись на магнитофоне транслируется на весь зал через 16 динамиков, которые установлены по периметру зала. Исполнительно-инструменталисты составляют три группы (по три исполнителя в каждой), которые расположены треугольником на сцене. Благодаря особому распределению динамиков по периметру зала, звук, доносящийся из динамиков, создаёт замкнутое звуковое кольцо и окружает зрителей и группы исполнителей на сцене. Такая организация звука в пространстве как бы обволакивает слушателя, рассеивая звук, создавая стереоэффект, что само по себе необычно, так как чаще всего слушатель воспринимает звук из одного источника – со сцены.

Форма по индивидуальному проекту получает неординарные воплощения в сочинениях, относящихся к инструментальному театру: «Голубая тетрадь» и «Пароход плывёт мимо пристани».

Говоря об опусе «Пароход плывёт мимо пристани» сам композитор отмечал, что это «чисто театральная пьеса» [17, с. 343]. Действие, разворачивающееся на сцене, направлено на создание атмосферы шумового «простецкого» народного гулянья 20-30-х годов XX века. Для этого композитор обратился к необычному инструментальному составу: шесть ударников, баянист и... расстроенное фортепиано. Помимо традиционных ударных инструментов ещё одну специфическую группу составляют предметы, которые, по сути, музыкальными инструментами не являются: стиральные доски и «сковородофон». Сам композитор подчёркивал, что в этом сочинении он стремился донести и политический подтекст, для чего обратился к цитатному материалу популярных советских песен.

Сочетание шумового оркестра и цитат советской музыки 20-30-х годов создают особое звуковое оформление, на фоне которого разворачивается театральное представление: на сцене «пионеры» в кумачовых рубашках маршируют и выстраивают пирамиды. Возникает своеобразная аллюзия с событиями опрделенной эпохи.

Уникальность формы-проекта в «Голубой тетради» раскрывается через неординарное сочетание цвета, света, возможностей инструментального театра, оригинальной текстовой основы. Литературным источником сочинения послужили проза Даниила Хармса и поэзия Александра Введенского. Оба автора – представители движения ОБЭРИУ, участники которого в первой трети XX века мыслили себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и её предметов» [18, с. 242-243]. Тексты представителей этого направления построены на «столкновении словесных смыслов», а в основе сюжетной канвы текстов – нарушение логических и причинно-следственных связей. Именно подобные, сложно организованные, внутренне противоречивые, ироничные тексты понадобились Денисову для реализации своего замысла. Сам композитор говорил, что «Голубая тетрадь» – это «сочинение-аллегория, которое связано с Россией, с тем, что происходит в нашей стране уже долгие годы» [17, с. 306].

Особую атмосферу «Голубой тетради» подчеркивает и необычный состав исполнителей. Помимо традиционных академических инструментов (скрипка, виолончель, фортепиано) в него входят подготовленное фортепиано и три группы колоколов (традиционные *Campane*, и две группы подготовленных колоколов – *Glass chimes* – из стеклянных предметов – и *Tubes metalliques* – из металлических предметов). Кроме исполнителей-инструменталистов в проекте задействованы Сопрано (вокализует поэзию Введенского) и Чтец (читает прозу Хармса). Таким противопоставлением композитор подчеркивает особенности каждого из текстов: мелодичность поэтического и чеканность прозаического текста, лишенного какого-либо намёка на музыкальную интонацию. Сочинение построено на чередовании номеров, исполняемых Чтецом и Сопрано. Всего один раз за цикл (№ 2 «Рыжий человек») происходит наложение текста прозаического и стихотворного, чем особо выделена абсурдность ситуации, описываемой в тексте.

Особенности инструментального театра в «Голубой тетради» проявились в обращении к нестандартным приёмам актёрской игры, которыми наделяются как солисты – Сопрано и Чтец, так и исполнители-инструменталисты. Например, № 5 «Тюк!» – это сценка, которую разыгрывают солисты, перевоплощаясь в ярких персонажей абсурдного мира Даниила Хармса. Инструменталисты же в этом номере вместо игры на инструментах, беззвучно «играют» на деках инструментов.

«Голубая тетрадь» – произведение, которое предполагает достаточно сложные постановочные условия, что связано с присутствием цветового сопровождения на протяжении всего цикла. Цвет – один из важнейших компонентов, раскрывающих драматургию произведения. Уже сам заголовок сочинения «Голубая тетрадь» – настраивает слушателя на важное значение определенного цвета. И действительно, голубой цвет является драматургически значимым, к нему направлено всё развитие и в кульминации именно этот цвет, как воплощение идеи неба, божественного присутствия, «заливает» всю сцену. Музыкальный язык сочинения также подчеркивает важность идеи цвета

в этом опусе и ориентирован на музыкальную красочность – сонорику.

Возвращаясь к словам Холопова, в которых исследователь отмечает в творчестве Денисова тенденцию к поискам «новых форм индивидуального проекта», отметим, что сами сочинения композитора – ярчайшие тому подтверждения. Обязательный компонент сочинений по ИП – это, прежде всего, яркая концепция, для воплощения которой автор и прибегает к индивидуализированной форме. Выбор средств при этом всегда не просто индивидуален, но единично уникален, и работает на создание особой звуковой и визуальной палитры.

Денисов не был одинок в своих устремлениях. Композиторы второй половины XX – начала XXI века находятся в постоянном поиске новых средств, способных в полной степени выразить некую оригинальную концепцию сочинения. Именно эти оригинальные концепции и их индивидуальное воплощение в каждом отдельном случае рождает особую композицию, не имеющую себе подобных – форму по индивидуальному проекту.

Тем не менее, имя Эдисона Денисова в области экспериментального музыкального творчества в рамках отечественной музыки стоит на особом месте. В ряде случаев автор был первопроходцем, он самостоятельно осваивал и применял возможности, которые давала новая электронная техника, инструментальный театр, синтез музыки, света, цвета, движения, и т. д. А в ряде случаев он был первопроходцем не только в отечественной, но и в мировой музыке в целом. В каждом отдельном случае это позволяло создавать композиции, единичные в своём роде.

В данной работе новыми являются следующие положения и результаты: выявлен комплекс, характерный для эстетического кредо Денисова, лежащий в основе его творческого метода и являющийся базой его трактовки музыкальной формы; найден комплекс средств организации формы по «индивидуальному проекту» у Денисова; на основе анализа теоретической литературы сделан вывод о синонимичности ряда теоретических понятий («индивидуальный проект», «индивидуально творимые формы», «инопараметровые» формы).

Библиографический список

1. Холопов, Ю.Н. К истории современной отечественной музыки: «Денисовская волна» // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
2. Лигети, Д. Форма в новой музыке // Дьёрдь Лигети. Личность и творчество: сб. ст. – М., 1993.
3. Кюрегян, Т.С. Музыкальная форма // Теория современной композиции / отв. ред. В. Ценова. – М., 2005. – Ч. 2. – Гл. IX.
4. Денисов, Э.В. Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М., 1986.
5. Холопова, В.Н. К проблеме музыкальных форм 60-70-х годов XX века // Современное искусство музыкальной композиции: сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. – М., 1985. – Вып. 79.
6. Холопова, В.Н. Формы музыкальных произведений: учеб. пособие. – СПб., 1999.
7. Кюрегян, Т.С. Нетиповые формы в современной музыке 50-70-х годов // Проблемы музыкальной науки: сб.тр. – М., 1989. – Вып. 7.
8. Ценова, В.С. О современной систематике музыкальных форм // *Laudamus*. – М., 1992.
9. Холопов, Ю.Н. Новые формы Новейшей музыки // Теоретическое музыкознание на рубеже веков: сб. ст. / сост. и науч. ред. Е.Н. Дулова. – М., 2002.
10. Кюрегян, Т.С. Форма в музыке XVII-XX веков. – М., 1998.
11. Денисов, Э.В. Неизвестный Денисов: из записных книжек (1980/81-1986, 1995). – М., 1997.
12. Денисов, Э.В. Нужно искать новую красоту // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
13. Денисов, Э.В. Классическое – неклассическое // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
14. Денисов, Э.В. Оркестр – сегодня // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
15. Денисов, Э.В. Новая техника – это не мода // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
16. Денисов, Э.В. О Первой симфонии // Свет. Добро. Вечность. Памяти Эдисона Денисова: статьи, воспоминания, материалы. – М., 1999.
17. Шульгин, Д.И. Признание Эдисона Денисова. По материалам бесед. – М., 2004.
18. Друскина, Л.С. Обзираться? – Чинари! // Музыкальная академия. – 1995. – № 4–5.

Bibliography

1. Kholopov, Yu.N. K istorii sovremennoy otechestvennoy muziki: «Denisovskaya volna» // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.
2. Ligeti, D. Forma v novoy muzike // Djordj Ligeti. Lichnostj i tvorchestvo: sb. st. – M., 1993.
3. Kyuregyan, T.S. Muzikalnaya forma // Teoriya sovremennoj kompozicii / otv. red. V. Cenova. – M., 2005. – Ch. 2. – Gl. IX.
4. Denisov, E.V. Sovremennaya muzika i problemih ehvolucii kompozitorskoj tekhniki. – M., 1986.
5. Kholopova, V.N. K probleme muzikalnih form 60-70-kh godov KhKh veka // Sovremennoe iskusstvo muzikalnoj kompozicii: sb. tr. GMPi im. Gnesinihkh. – M., 1985. – Vihp. 79.
6. Kholopova, V.N. Formih muzikalnihkh proizvedenij: ucheb. posobie. – SPb., 1999.
7. Kyuregyan, T.S. Netipovih formih v sovremennoj muzike 50-70-kh godov // Problemih muzikalnoj nauki: sb.tr. – M., 1989. – Vihp. 7.
8. Cenova, V.S. O sovremennoj sistematike muzikalnihkh form // *Laudamus*. – M., 1992.
9. Kholopov, Yu.N. Novih formih Novejshej muziki // Teoreticheskoe muzikoznanie na rubezhe vekov: sb. st. / sost. i nauch. red. E.N. Dulova. – Mn., 2002.
10. Kyuregyan, T.S. Forma v muzike XVII-XX vekov. – M., 1998.
11. Denisov, E.V. Neizvestnih Denisov: iz zapisnih knizek (1980/81-1986, 1995). – M., 1997.
12. Denisov, E.V. Nuzhno iskat novuyu krasotu // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.

13. Denisov, Eh.V. Klassicheskoe – neklassicheskoe // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.
14. Denisov, Eh.V. Orkestr – segodnya // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.
15. Denisov, Eh.V. Novaya tekhnika – ehto ne moda // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.
16. Denisov, Eh.V. O Pervoy simfonii // Svet. Dobro. Vechnostj. Pamyati Ehdisona Denisova: statji, vospominaniya, materialih. – M., 1999.
17. Shuljgin, D.I. Priznanie Ehdisona Denisova. Po materialam besed. – M., 2004.
18. Druskina, L.S. Obekhritiuh? – Chinari! // Muzihkajlnaya akademiya. – 1995. – № 4–5.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 784.049.1:82 (470)

Shevlyakov E.G. PHILOSOPHIC LYRIC POETRY IN CONTEMPORARY NATIVE COMPOSERS MUSIC. ILLUSTRATED BY «PUSHKIN'S LIRIC POETRY» BY BORIS TSHAIKOVSKY AND «SIX POEMS OF MARINA CVETAYEVA» BY DMITRY SHOSTAKOVICH. In the article it is reviewed "Pushkin's" cycle by B.Tchaikovsky and "Cvetaeva's" one by D.Shostakovich. Interpretations of philosophic lyric poetry selected by them are also analyzed here. In the musical-poetic resolution personal and social problems, intellectuality, not trivial but accurate organization of description are sorted out.

Key words: lyric poetry, modernity, intellectuality.

Е.Г. Шевляков, академик Академии гуманитарных наук, д-р искусств., проф. каф. истории музыки Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, E-mail: rostcons@aanet.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА В МУЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ. НА ПРИМЕРЕ «ЛИРИКИ ПУШКИНА» БОРИСА ЧАЙКОВСКОГО И «ШЕСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ» ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

В статье рассматриваются «пушкинский» цикл Б. Чайковского и «цветаевский» Д. Шостаковича. Анализируются трактовки отобранной ими философской лирики. В музыкально-поэтическом решении выделяются личностная и социальная проблемность, интеллектуальность, не тривиальная, но чёткая организованность изложения.

Ключевые слова: лирика, современность, интеллектуальность.

Известный музыковед Г. Орджоникидзе при анализе музыки Г. Свиридова высказал мысль, имеющую, несомненно, и более широкое значение: «Социальное и индивидуально-субъективное выступают в такой трактовке личности не как антагонистические начала, а в слитности. Более того, устремленность героя в самом субъективном моменте обнаруживает социальную характерность, а завладевшие им общественные идеи приобретают значение и окраску движения собственной души» [1, с. 32].

Подобная слитность в лирике по-особому интравертна. Вся многоуровневая диалектика индивидуального и социального «развернута» на внутренний мир человека. Личность, сама в большой мере сформированная культурной средой, сложившись и окрепнув, сама в свою очередь преломляет ее, творчески преобразуя в сознании с позиций своей внутренней структуры. Внутрличностная система ценностей проецируется на воспринимаемый слепок действительности, которая видится «согласно движению собственной души». При таком подходе тем более возрастают требования к субъективной стороне рассматриваемого двуединства. Чем сложнее и масштабнее общие проблемы, попадающие в орбиту личностного сознания, тем более развитым, зрелым должен быть внутренний мир осознающего. Отражение социума тем художественно верней и глубинней, чем более значима личность, чем выше ее масштаб.

Стержнем содержания «Лирики Пушкина» Б. Чайковского является образ самого поэта, его размышления о важных для него жизненных явлениях и, прежде всего, о самом предназначении художника, смысле его деятельности. Композитор ищет в поэзии Пушкина нравственную позицию, принцип подхода к разным сторонам жизни, будь то любовные переживания или углубленные размышления наедине с собой. Вслед за поэтом композитор видит мир с ясной и умной сдержанностью, требовательно судит его, соразмеряя его масштаб с масштабом собственного отношения к действительности, с мерой своей личности. Оценка жизненных явлений идёт не то чтобы вразрез, но глубже привычных норм их понимания. Осознание и собственных побуждений, и межличностных связей лишено щадящей романтической дымки, но, при полной трезвости взгляда, не лишается сдержанной и умной одухотворённости.

Видимо, закономерно, что для этого цикла избраны не юношеские пылкие стихи, а размышления зрелой поры. Ясности взгляда не заслоняет «священный сладостный обман» (№ 3, «Талисман»), не обольщает «восторженных похвал минутный шум» (№ 4, «Поэту»). Порой возникает не сомнение, но проверка сомнением, искус скептицизма по отношению к априорному признанию значимости творческого дара (и самой жизни), элемент своего рода критической проверки фундаментальных истин (№ 1, «Эхо», № 2, «Дар напрасный»). Поэтическая интонация не лишена сожаления об уходящем, будь то любовь или завершённый труд (№ 5, «Твой образ», № 7, «Труд»). Но это сожаление лишено оттенка жалобы. Художник принимает переходящую жизни как одну из её неизбежных сторон, она приносит в его миропонимание трагические обертоны, но не заслоняет ценности жизни вообще. При всей трезвости, даже некоторой ироничности взгляда, тем более прочными, объективно реальными предстают стержневые жизненные и художественные ценности.

Таким позитивным началом, пронизывающим всё содержание цикла, является раскрытие и утверждение нравственной позиции поэта, в которой понимание несовершенств отношений художника и общества сплетается с убеждённой в необходимости, более того, кровной органичности для человека самого творческого подхода к жизни. А значит и установление каких-то иных, более подлинных социально-коммуникативных связей взамен признанных поверхностными и негодными: «Иные, лучшие мне дороги права» (№ 8, «Не дорого ценю... /из Пиндемонти/»). Эта позиция предполагает утверждение ценности и богатства самой творческой личности, её независимости от общепринятых суждений, её права на отстаивание собственного подхода. «Ты сам свой высший суд; всех строже оценить умеешь ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник?» (№ 4, «Поэту»). Достоинство художника, его устойчивость по отношению к «смеху толпы холодной» принимается как необходимое свойство самого творческого мышления. Но с другой стороны, отвергая поверхностные, клишированные социальные коммуникации, он одновременно нащупывает иные, более глубокие. Сама природа творческого дара требует включения его в

широкую эстетическую и этическую систему, превышающую индивидуальное, пусть даже гениальное сознание. Отвергая «суд глупца», поэт устремляется к противоположной сфере, к высшим проявлениям одухотворённости: «пред созданными искусствами и вдохновлённы трепещи радостно в восторгах умиления, вот счастье! Вот права...» (№ 8, «Не дорого ценю... /из Пиндемонти/»). Действительно, «ты сам свой высший суд» – но не только по личным законам. В конце концов, всё то высокое, что вырабатывает сознание художника, есть не только его достоинство, равно как не только его порождение. Уже сама потребность облагородить и преобразовать связи между художником и миром свидетельствует о горячем осознании необходимости таких связей, о поисках истинной, а не мнимой и поверхностной социальной коммуникабельности.

Такая нравственная позиция может быть определена как единство личного достоинства художника и его социальной ответственности.

Подобная интеллектуально-философская проблематика потребовала от композитора особой тактичности, «ненаигранности» подхода. Музыкальное решение цикла Б.Чайковского в уравновешенно соразмерном, объективном характере, со строго выдержанными эмоциональными пропорциями. Композитор не избегает индивидуального и конкретного, однако самый характер изложения тяготеет к устоявшейся отработанности основного контура, общее преобладает над частным. Более того, сами конкретизирующие детали, когда они вводятся, предстают не отдельными штрихами, но как выразительная закономерность, как общий принцип для данного локального отрезка звучания. Например, декламационно-речевые, близкие к ораторским интонации в 4-й части, «Поэту», пронизывают и формируют всю вокальную линию, временами захватывая и фортепианную фактуру. Они есть не отдельные вкрапления, но ведущая закономерность мелодического развёртывания, общий здесь принцип движения.

Психологическая интонационная детализация в музыке нередко идёт бок о бок с детализацией речевой, эмоциональная точность музыкальной артикуляции, как правило, связана, порою даже обусловлена точностью воспроизведения поэтической речи. Эта взаимосвязь закономерна и сущностна. Интонация стихотворения важнейший фактор поэтической выразительности, способный уточнять или даже видоизменять смысл произносимых слов. Точность её воспроизведения, естественность речевой артикуляции – один из возможных и важных путей музыкального прочтения поэзии.

В «Лирике Пушкина» Б.Чайковского, в том числе в 4-й части «Поэту», это не только отмеченные выше ораторские усиления тона, стихотворно-речевые «буквализмы» – скажем, ритмические и звуковысотные выделенные возгласы «поэт!» (тт. 3-4), «ты царь» (тт. 23-24), «доволен?» (тт. 47-48). На первый взгляд менее заметны, но тем же стремлением к поэтически-речевой точности обусловлены такие интонационно-мелодические факторы, как твёрдость кадансовых окончаний, ямбические предварения основных ритмических ударений или строгая, словно слегка скандированная простота мелодических контуров – как выражение уверенной призывности ораторского тона стихотворения. Максимальное внимание уделено также и структурным особенностям первоисточника.

При всём этом произведение лишено крайности речевой выразительности вместо музыкальной, по жанровой природе это монолог в данной части цикла, не только монолог в иных частях, но не стихотворения с музыкой.

В ряде частей изложение открыто тяготеет к классической в своей основе обобщённости мелодического и фактурного движения. Стилю Б. Чайковского в целом и этому произведению в частности свойственны эмоциональная уравновешенность, своего рода интеллектуальная опосредованность, позволяющая «держать в уме» основную образно-смысловую доминанту сочинения, соизмерять разнонаправленные интонационные усиления и, при всей характерности отдельных деталей, избегать чрезмерного удаления от основного эмоционального стержня. «Интонационные подробности» не нарушают общего мелодико-интонационного склада.

Композитор широко использует распространённые, «объективированные» интонационно-мелодические обороты, что особенно явно проступает в кадансовых зонах, и не менее типовые формы фактурного изложения у фортепиано. Метроритмическая и структурная организованность часто приближена к своим наиболее законченным и упорядоченным формам, композиционное строение разделов и целых частей обладает внутренне уравновешенной завершенностью. Характер и изложение, как целого, так и отдельных выразительных средств, при-

ёмов формирует качество классической законченности, внутренней соразмерности и – как результат – объективности выражения. Не случайна в этом смысле постоянно возникающая возможность соотнесения языка цикла с выработанными в классической вокальной лирике и ставшими широко распространёнными нормами музыкального изложения.

Вместе с тем, устоявшиеся нормы постоянно пронизываются внутренними напряжениями, локальными нарушениями закономерностей, которые приближают язык к остро современной музыкальной речи. Это относится к мелодике, к вкрапленным в неё диссонантным по интервалу скачкам, как бы «выбывающим» движение из установленных рамок (например, в кульминациях мелодических фраз 1-й части, «Эхо»). К гармонии с её свободными неприготовленными переходами в отдалённые тональные сферы (показательны в этом смысле тональные «скопления» в рамках однотерцового и полной хроматической систем в «Эхо» и в 4-й части «Твой образ»). К резким переченьям, возникающим в результате движения линейных отрезков (например, в «Талисмане»). Тем более, что подобные напряжения возникают не как изолированные штрихи, но как некая система, опять-таки общая закономерность движения, способствующая общей динамизации изложения. Они не опровергают общей логики строения, но, усложняя, подчёркивают и, в конечном счёте, укрепляют её.

Все подобные напряжения возникают не как самоцель. В соотнесённости с общим тоном выражения они действительны именно потому, что «работают» на него. Они «не способны поколебать самый принцип, но они-то и образуют питательную среду, в которой он полноправно существует» [2, с. 20].

В силу такой подспудной динамичности сама объективность тона счастливо избегает рассудочности. Выразительный строй цикла изнутри расцвечен и накалён, в нём ощущается постоянное движение при всей кажущейся «неподвижности» языка, подобно тому, как чувствуется работа мысли при внешне неподвижном лице. Внутренняя энергия не вырывается вовне, не разрушает общее «дисциплинированности мышления»; тем интереснее общий результат, «страстное беспристрастие» (А.Андреев).

Синтез личного и широко, социально проблемного в высшей мере был присущ музыке Д. Шостаковича. В том числе, он глубоко раскрыт в его Вокальном цикле на стихи Марины Цветаевой.

И здесь в основе тема творчества, тема и достоинства, и ответственности художника. Однако, если сравнить с «Лирикой Пушкина» Б.Чайковского, взамен спокойно-выверенной жизненной позиции здесь напряжённость нравственных исканий, обострённое чувство личности в её собственных противоречиях, в её отношениях с окружающей средой. Тон высказываний здесь горячее, характерна большая интравертность, преобладает психологическая субъективность.

Например, «Диалог Гамлета с совестью» (3-я часть цикла), это взгляд вовнутрь души, укор совести тем более жестокий, что на него нет оправдания. Начинаясь с тихой и трагической ноты, движение образа ведёт ещё дальше, к чувству боли, вины, к пониманию зыбкости и неубедительности самозащиты.

Механистичность ритмической пульсации попеременно у голоса и фортепиано, по-особому тихая «стаккатность» имеют какой-то призрачный характер, в безостановочности движения не эмоциональная нейтральность экзерсисной моторики, но – через нее – болезненная взбудораженность дум. Это хоровод бесов в горячем мозгу. Соппротивление такому гнетущему состоянию оказывается ирреальным, каждое последующее возращение «голосу совести» звучит все тише, тише – пока окончательно не сливается с ним. И тогда функцию завершения берет на себя обрамляющее часть инструментальное построение, своего рода трансформированная сарабанда, в котором жанровые черты медленно-тяжелого траурного движения усугублены безопорными хроматическими блужданиями в сложном ладо-функциональном контексте.

Но такая безысходная по эмоционально окраске интравертность, «высокая температура» переживания – лишь одна из граней образного строя цикла. Психологически конфликтная устремленность внутренней жизни предстает и как порождение ее внешних условий, и как нравственный камerton, определяющий отношение к ним. Между миром внутри человека и миром вовне постоянны горячие, тревожные токи связей. В содержании цикла своя концептуальная динамика, постепенное движение от локальных интравертных проявлений к охвату широких и, по сути, фундаментальных для человека проблем.

Потому столь остро воспринимается жалкая несовместимость казенно-царственных потуг с подлинным духовным величием («Поэт и царь»), трусливая несправедливость воровских

похорон поэта («Нет, бил барабан...»). Конечным результатом этой сложно подвизной диалектики является утверждение подлинных индивидуально- и социально-нравственных законов, утверждение мира художника и всего художественного мира как явлений детерминированных и необходимых в культуре, истории.

Подобное нравственно-философское прорастание хорошо прослеживается в 5-й части, «Нет, бил барабан...» и от нее к финалу. В V части призрачно-колкие стаккато фортепианной артикуляции, экспрессивный ритмический пунктир с угловатой интерваликой в мелодии, прерывистая торопливость речитации и общая «бесовская призрачность» тихого звучания прямо перекликаются с «Диалогом...». Однако исподволь ритмический пунктир преобразуется в солдафонские маршевые построения, стучащие стаккато фортепиано сгущаются в барабанную дробь – зло обретает плоть и узнаваемость, у него проступает социальное лицо. «Не диво ли – и на тишайшем из лож / Прейти поднадзорным мальчишкой?» Противостояние становится зримым, с чертами изобразительной и фабульной конкретности, объективной, при всех опосредованиях, жанровости. Выразительность покидает только субъективную сферу, в ней, наряду с самовыражением, проступают элементы театрализованного показа.

Но композитор ведет нас дальше, к пониманию не просто цельности, но и *прочности* высших проявлений духовного – какие бы мощные противодействия ему не приходилось преодолевать. В финале цикла, «Анне Ахматовой», приоткрывается уже эпическая грань. Конечно, субъективное, конфликтно-психологическое начало не исчезает вовсе, да и трудно было бы представить и у М. Цветаевой, и у Д. Шостаковича даже и торжество вне обостренного и чаще всего трагического «чувства личности». Но при всем этом, финал цикла – и это не просто парадокс, а мучительно вызревший катарсис – решен в редком для Д. Шостаковича жанре оды-посвящения. Помимо общей логики

концепционного развития, это подсказано еще и свойствами цветаевского стихотворения – его зачином высокого стиля («О муза плача, прекраснейшая из муз!»), особенностями его лексики и синтаксиса, ритмической свободой, как бы ораторски импровизационной, безударных слогов при строжайшей организованности ударных. А собственно музыкальная выразительность определяется хорально-гимническим складом фортепианной фактуры, одической мерностью вокальной декламации, размеренностью структурного ритма; в тихом звучании гармонически насыщенных вертикалей порой угадываются дальние отзвуки колокольности.

Два вокальных цикла, «пушкинский» и «цветаевский», не только созданы разными авторами, хотя и в близкое, приблизительно одно время. В них совпадает отнюдь не всё, есть различия концепционные, драматургические, иные. К тому же они вовсе не единственны в рассматриваемой широкой тенденции – достаточно вспомнить, как много «поэтов-философов», от В. Шекспира до А. Блока, до Ф.Г. Лорки, столь интересны современным композиторам.

Но при всех различиях некое глубинное родство всё же есть. Оно не в схожести конкретных жанровых, процессуально-драматургических, музыкально-речевых решений – его природа комплексная.

Вместе взятые особенности образного строя и музыкально-выразительных средств, такие как художественная и социальная проблемность и значимость, объективность подхода и насыщенность размышлением, избегание, даже опровержение устоявшихся мыслительных стереотипов при внутренней организованности выражения, строгая, но внутренне динамичная логическая упорядоченность в сочетании с индивидуальными художественными чертами – всё это взятое вместе формирует качество, которое искусствоведами всё чаще определяется как «интеллектуальность в искусстве».

Библиографический список

1. Орджоникидзе, Г. Проблема личности в музыке Свиридова // Георгий Свиридов. М., 1971.
2. Андреев, А. Вокальный цикл Б.Чайковского «Лирика Пушкина» // Советская музыка. – 1976. – № 6.

Bibliography

1. Ordzhonikidze, G. Problema lichnosti v muzhke Sviridova // Georgiy Sviridov. M., 1971.
2. Andreev, A. Vokal'niy cikl B.Chaykovskogo «Lirika Pushkina» // Sovetskaya muzhka. – 1976. – № 6.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 78.07(091)

Leonov V.A. MUSIC EDUCATION IN ROSTOV-ON-DON OF A XIX-TH CENTURY. In the musical past of Russia the XIX-th century takes especially important place. At this time there was a national composer school, conservatories, musical schools have been opened, the Imperial Russian musical society is based, and there was a three-level structure of music education. Process of formation of the first and second steps of the given formation is covered in Rostov-on-Don. The professional qualifications received by graduates of musical school of that time are shown.

Key words: Russia, aXIX-th century, music education, professional qualifications.

В.А. Леонов, д-р искусствовед., проф. каф. дух. и уд. инструментов Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, E-mail: lenvas2@rambler.ru

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ XIX ВЕКА

В музыкальном прошлом России XIX век занимает особо важное место. В это время сложилась национальная композиторская школа, были открыты консерватории, музыкальные училища, основано Императорское Русское музыкальное общество, сложилась трехуровневая структура музыкального образования. Освещен процесс формирования первой и второй ступеней данного образования в Ростове-на-Дону. Показаны профессиональные квалификации, получаемые выпускниками музыкального училища того времени.

Ключевые слова: Россия, XIX век, музыкальное образование, профессиональные квалификации.

В музыкальном прошлом России XIX век занимает особо важное место. В это время сложилась национальная композиторская школа, были открыты консерватории, музыкальные училища, основано Императорское Русское музыкальное общество и т.д.

Несомненно, живительным источником музыкальной жизни в России была периферия. Именно оттуда Императорские театры черпали талантливых исполнителей. Однако в историческом плане музыкальная жизнь вне столиц освещена пока еще весьма скудно, особенно в той ее части, которая касается под-

готовки кадров. Не является исключением в данном отношении и Ростов-на-Дону, где ретроспектива обучения музыкантов и певцов рассматривалась лишь дважды [1; 2]

Музыкальное исполнительство, как род деятельности, немислимо без хорошо налаженной подготовки профессиональных кадров. Эту истину довольно скоро осознали в Новочеркаске. В Донской столице было положено начало подготовке оркестровых музыкантов.

Согласно сметам войсковых расходов [3; 4], в 1850-е годы войсковая инструментальная капелла имела 12 учеников – «ма-

полетков», которым определили жалование в 43 рубля серебром каждому за год учебы. В этих же сметах указаны затраты на отопление музыкальной школы, состоящей при резервных дивизионах Донских гвардейских полков. Данное учебное заведение готовило исполнителей на медных духовых инструментах.

Вне войсковых подразделений сравнительно массовое обучение оркестровых музыкантов впервые началось в Ростовском реальном училище, открывшемся в 1873 году.

Директора училища — Е.С. Каменский (1873-79), Н.Г. Урусов (1879-81), П.Л. Балтин (1882-84), Н.М. Сарандинаки (1885-94), А.М. Ширяев (1895 — до конца века) заботились не только о соответствующих знаниях учащихся, но и об их уровне культурного развития. В училище было организовано обучение музыке, пению, танцам.

Спустя 3 года после открытия реального училища в нем уже был оркестровый класс, в котором обучались 13 человек, в том числе по одному — на флейте, кларнете, корнете, валторне, тубе, контрабасе, виолончели, струнном альте, а также 5 скрипачей. Класс существовал на частные средства.

К концу XIX века училище превратилось в крупный образовательный центр с двумя библиотеками, двумя музеями, физическим кабинетом и прочими учебными подразделениями. Развивалась и материальная база обучения музыке. Правда, преподавание было отдано духовым инструментам (в течение десятилетий в училище существовал духовой оркестр довольно большого состава). «Собрание инструментов для преподавания музыки» [5, с. 13] заключало в себе 50 «предметов», в том числе: рояль — 1, скрипки — 5, струнный альт — 1, виолончели — 3, контрабас — 1 (в сравнении с 1876 годом количество струнных смычковых инструментов пополнилось лишь двумя виолончелями), флейты — 2, кларнеты — 4, валторны — 3, тромбоны — 2, корнеты — 3, тенор, баритон, альты — 3, тубы строя Фа — 3 и еще 17 других инструментов.

Статус преподавателей училища был очень высоким: из двадцати двух штатных учителей, работавших в конце века, 10 имели чин Статского Советника и 3 — Надворного Советника. Три преподавателя музыки не входили в штат, потому их общественное положение выглядело не столь уважаемым. Весьма скромным было и образование данных учителей. Преподаватели музыки — С. Дмитриев (пение), А. Сысоев (струнные смычковые инструменты) и А. Пивоваров (духовые инструменты) получили «домашнее воспитание». Иначе говоря, все они изначально имели низкий уровень музыкального и общего образования, т. к. домашнее воспитание в Ростове того времени было поставлено плохо, что подтвердили приемные экзамены в Петровское реальное училище [5].

Во второй половине 1870-х годов открыло свои Музыкальные классы Ростовское музыкальное общество. Правление РМО хотело начать обучение теории музыки и игре на различных музыкальных инструментах с первого февраля 1878 года. В классы принимались лица обоего пола, без возрастных ограничений. Любителям музыки предоставлялся широкий выбор специальностей с дифференцированной платой за обучение и точно установленным количеством занятий в неделю [6].

Тот или иной класс открывался при наличии четырех и более учащихся, за исключением духовых инструментов. Обучающиеся в специальном классе бесплатно пользовались классами элементарной теории музыки и хора. Учебный год длился 10 месяцев. Окончившие курс обучения должны были получать аттестат. Казалось бы, можно говорить об основании первого в Ростове учебного заведения, дающего музыкальное образование и существующего на частные средства. На самом же деле к весне 1879 года были сформированы лишь классы скрипки и духовых инструментов. Всего же в учебном заведении РМО значились 12 человек, в том числе по специальностям: флейта — 1, гобой — 1, фагот — 1, виолончель — 1, высшая теория музыки — 2, фортепиано — 2, скрипка — 4 (класс Броневского В.А.). Конечно, продолжал работать и хоровой класс, но в нем были 12 человек, вероятно, все тех же, которые учились другим специальностям, пользуясь уроками хора бесплатно [6].

Наряду с учебным заведением, открытым и опекаемым РМО, в Ростове проявилась тенденция к созданию частных музыкальных школ. Первый шаг в данном направлении сделала «свободный художник» А.О. Иванова (певица). В 1884 году она получила разрешение на открытие музыкальных классов, а уже через год «утвержденная Министерством внутренних дел Музыкальная школа свободного художника А.О. Ивановой» [7], разместившаяся на Большой Садовой улице в доме № 42, объявила о начале занятий с 1 сентября 1885 года. В школе обучались игре на оркестровых инструментах, фортепиано, сольному и хоровому пению. В числе теоретических предметов впервые было названо сольфеджио. Преподавание велось по методу Петер-

бургской консерватории. В целом, Иванова создала учебное заведение, вполне соответствующее современным представлениям о музыкальной школе.

В заведении А.О. Ивановой так же, как и в классах РМО, существовал хор, состоящий из учащихся других специальностей. Причем взрослые, желающие петь в хоре (без обучения игре на каком-либо музыкальном инструменте), получали уроки бесплатно.

Школа А.О. Ивановой имела своей «целью подготовку молодых людей к поступлению в Петербургскую и Московскую консерватории» [7]. Плата за обучение была дифференцированной; в ее размере проявилась не только коммерческая способность певицы, но и знание человеческой психологии. Так, к примеру, стоимость месячного курса колебалась от 4 до 15 рублей, а годового — от 10 до 85 рублей. В частности, родители ребенка, желающего научиться пению в хоре, в первом случае платили 4 рубля в месяц, тогда как при годовой оплате месячное обучение обходилось в 1 рубль: кратное увеличение стоимости уроков распространялось на все специальности.

Спустя 6 лет после открытия школы А.О. Ивановой, в 1891 году появилась частная школа Саяр-Вашкевича, в которой (кроме всего прочего) велось обучение аккомпанементу и игре в ансамбле. Затем основал свои классы фортепианной игры О.О. Фон-Фриче, появились курсы С.С. Когбетлиева, музыкальная школа М.А. Вульфмана (фортепиано, струнные, духовые) [2].

В начале 1890-х годов финансовое положение Ростовского музыкального общества окрепло настолько, что позволяло открыть музыкальные классы, соответствующие высоким требованиям ИРМО, предъявляемым к поступающим на старшие курсы консерватории.

Инициатором создания в 1894 году классов нового типа стал Э.И. Иваньский — пианист, высокообразованный музыкант, обладавший к тому же хорошими организаторскими способностями. РМО открыло обучение по всем требовавшимся в то время специальностям за сравнительно умеренную плату. Иваньский привлек к преподаванию опытных и известных в Ростове музыкантов. Он и возглавлял данные классы в течение первых двух лет.

В 1895 году в учебном заведении РМО по новым программам занимались 78 человек по специальностям: фагот — 2, корнет-а-пистон — 2, скрипка — 17, виолончель — 2, контрабас — 4, сольное пение — 10, фортепиано — 41. Нетрудно заметить существенное увеличение числа пианистов по сравнению с 1870-ми годами, что свидетельствует, во-первых, о возрастании роли домашнего (т.е. бытового) музицирования в структуре музыкальной культуры города, во-вторых, о снижении роли частных учителей-одиночек в деле обучения игре и пению.

Вряд ли кому-нибудь удастся узнать какие разногласия возникли и что за трения произошли между Э.И. Иваньским и руководством музыкального общества. Но до преобразования РМО в Ростовское отделение Императорского Русского музыкального общества (РО ИРМО) Иваньский открыл уже музыкальные курсы, разместившиеся, как и первое его детище, в здании на углу Московской улицы и Казанского переулка. А классы Музыкального Общества, которые теперь возглавил не менее достойный музыкант — М.Л. Пресман, оказались вынужденными переехать в дом Риделя.

Учебный процесс в заведении РО ИРМО продолжал совершенствоваться. Конечной целью этого совершенствования стало преобразование классов в музыкальное училище.

Юридически музыкальное училище было основано в 1900 году: именно тогда правительство установило профессиональные квалификации, которые могли присваиваться выпускникам. Ученики, успешно сдавшие выпускные экзамены, впредь получали аттестаты первой и второй степени. Аттестат первой степени вручался отличникам и предоставлял право занимать должности в структуре просвещения: учитель музыки, управляющий хорами, преподаватель общеобразовательных дисциплин в приходском или начальном училище. Все иные выпускники получали аттестаты второй степени, не позволявшие претендовать на место преподавателя приходских или начальных училищ.

Высокий и определенный статус специалиста, окончившего училище, поставил само учебное заведение вне конкуренции с другими музыкально-образовательными учреждениями Области войска Донского. Но, одновременно, увеличилась и плата за каждый год учебы: она равнялась 100-150 рублям.

Музыкальные школы и курсы тоже нашли свое место в зародившейся структуре образования, которая приобрела в России конца XIX века традиционную для XX столетия трехступенчатую форму (школа, училище, вузы). В Ростове произошло расхождение уровней обучения, вследствие чего музыкальное училище заняло более высокое иерархическое положение.

Библиографический список

1. Черных, М.П. Музыкальная жизнь Ростова-на-Дону от середины XVIII до 20-х годов XX столетий (пути развития, особенности музыкального уклада): дис. ... канд. искусствоведения.- М., 1993.
2. Леонов, В.А. Ростов и Новочеркасск XIX века. Хроника музыкального исполнительства / В.А. Леонов, И.Д. Палкина. – Ростов-на-Дону, 1999.
3. Ф. 301, оп.15, ед.хр. 211. Смета войсковым доходам и расходам Донского войска на 1855 г. – ГАРО.
4. Ф. 301, оп.15, ед.хр. 212. Смета войсковым доходам и расходам войска Донского на 1856 г. – ГАРО.
5. Исторический очерк деятельности Ростовского-на-Дону «Петровского» реального училища за время с 1873 по 1898 год. – Ростов-на-Дону, 1898.
6. По поводу общего собрания членов Ростовского музыкального общества 11 октября 1879 г. // Донская пчела. – 1879. – № 80.
7. Объявление // Донская пчела. – 1885. – № 65.

Bibliography

1. Chernikh, M.P. Muzikal'naya zhizn' Rostova-na-Donu ot serediny XVIII do 20-kh godov XX stoletiy (puti razvitiya, osobennosti muzikal'nogo uklada): dis. ... kand. iskusstvovedeniya.- M., 1993.
2. Leonov, V.A. Rostov i Novocherkassk XIX veka. Khronika muzikal'nogo ispolnitelstva / V.A. Leonov, I.D. Palkina. – Rostov-na Donu, 1999.
3. F. 301, op.15, ed.khr. 211. Smeta voyskovykh dokhodam i rashodam Donskogo voyska na 1855 g. – GARO.
4. F. 301, op.15, ed.khr. 212. Smeta voyskovykh dokhodam i rashodam voyska Donskogo na 1856 g. – GARO.
5. Istoricheskiy ocherk deyatel'nosti Rostovskogo-na-Donu «Petrovskogo» real'nogo uchil'itza za vremya s 1873 po 1898 god. – Rostov-na-Donu, 1898.
6. Po povodu obshnego sobraniya chlenov Rostovskogo muzikal'nogo obshchestva 11 oktyabrya 1879 g. // Donskaya pchela. – 1879. – № 80.
7. Objyavlenie // Donskaya pchela. – 1885. – № 65.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 7.094

Schestakova I.V. POETICS OF V. SCHUKSCHIN FILM «THERE LIVES SUCH A GUY». This paper analyzes the architectonics and semantics of the film, the features of the author's style director, describes methods of installation personnel.

Key words: art, neo-realism, narrative, poetics, style, script, editing, film.

И.В. Шестакова, доц. АлтГУ, канд. культурол., г. Барнаул, E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

ПОЭТИКА ФИЛЬМА В. ШУКШИНА «ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ»

В работе проанализированы архитектура и семантика фильма, рассмотрены особенности авторского стиля режиссера, описаны приемы монтажа кадров.

Ключевые слова: искусство, неореализм, рассказ, поэтика, стиль, сценарий, монтаж, фильм.

Истоки стилистики первого фильма В. Шукшина «Живет такой парень» исследователи справедливо связывают с итальянским неореализмом, который «сумел смиренно приблизиться к ранее утраченной итальянским кино реальности жизни; он показал, что и случайно взятый с улицы человек, если его сделать носителем подлинного лирического вдохновения, может стать поэтическим символом гораздо лучшим, чем актер, в распоряжении которого остаются лишь формальные ресурсы его ремесла» [1, с. 247].

Журнал «Искусство кино» в 2003 г. организовал «круглый стол», посвященный неореализму, предложив его участникам – известным кинорежиссерам – выразить свое понимание этого течения и с сегодняшней точки зрения определить степень его влияния на отечественный кинематограф. А. Балабанов, А. Зельдович, Н. Лебедев, В. Огородников, В. Хотиненко отметили такие художественные особенности этого направления как «показ жизни как она есть», «зачастую съемки на улицах», «работа с непрофессиональными актерами, со средой, почти не отличимой от той, что их окружала», «правда жизни, правда чувств», «сознательное, подчеркнутое внимание к простым вещам», «внимание к маленькому человеку», «обнаженность человеческого бытия, сочувствие к людям» [2, с. 134-145]. Сценарист и режиссер А. Велединский даже видит Шукшина среди его приверженцев. Сам же В. Шукшин в своих статьях и интервью не упоминает об итальянских неореалистах как источнике своего творчества, но в самом тексте фильма делает прямые и косвенные отсылки к их произведениям. Так, в сцене визита Пашки к Кате Лизуновой упоминается фильм «Дайте мужа Анне Закео» одного из основоположников итальянского неореализма Дж. Де Сантиса, который в советском прокате шел под названием «Утраченные иллюзии».

В то же время в литературной основе источники режиссерского стиля В. Шукшина коренятся в неотредационализме течения русской литературы 1950-1960-х годов. «Деревенская проза» возрождала традиции И. Тургенева, Л. Толстого, Н. Лескова, И. Бунина и других. Ее характерной особенностью был «регионализм», утверждавший идеи «малой родины» и «истинной России», сохранившей свою самостоятельность на окраинах ее без-

граничных просторов: В. Белов воспеваает русский Север, В. Астафьев – Урал, С. Залыгин – Иртыш, В. Распутин – Восточную Сибирь. В. Шукшин открывает в своей прозе Алтай. Свою первую полнометражную киноленту он посвящает своей малой родине.

Целью данного исследования является анализ архитектуры и семантики фильма «Живет такой парень», особенностей режиссерского стиля В. Шукшина. Основной методологический принцип – опора на тексты сценария и фильма.

На первых кадрах киноленты [3] мы видим карту-схему во весь экран с отмеченным крупно Бийском, через который следует Чуйский тракт – одна из главных автомагистралей Алтайского края, соединяющая Россию с Монголией. Карта, смещаясь в сторону вниз, оказывается дорожным щитом-указателем, за которым разворачивается панорама алтайского предгорья с опоясывающей его светлой лентой тракта.

Неореалистическое безначалие «потока жизни» В. Шукшин воспроизводит известным уже приемом движущихся на переднем плане титров, тогда как на втором плане течет, суетится обыденная жизнь людей далекого провинциального поселка. Движение людей по широкой лестнице от «Чайной» повторяет ритм текущих строк.

Кроме того, В. Шукшин пытается создать семантическое единство титров и «натурного подстрочника»: спускающийся по ступеням пожилой шофер, оглядываясь на вход в «Чайную», окликает еще скрытого героя: «Павел!». В этот же момент в титрах следует список действующих лиц и исполнителей. Название фильма не начинается, а завершает движение титров. Его пропись крупным планом совпадает на экране с крупным планом лица главного героя, сидящего в кабине движущегося по тракту грузовика, что создает семантический акцент в названии: живет *вот* такой парень – красивый русский молодец, шофер Чуйского тракта, житель еще неведомой миру российской окраины. Путь его лежит в глубины края. Щедрые натурные съемки демонстрируют первозданную мощь и красоту алтайской природы. Когда оператор, прочитав сценарий, захотел высказать свои соображения по поводу драматургии и стилистики картины, В. Шукшин «хотя и застенчиво, – вспоминает В. Гинзбург, –

но в то же время с какой-то, как мне тогда показалось, нетерпеливой неприязнью попросил отложить этот разговор: «Сначала съездим на Чуйский тракт, в деревню, посмотришь людей, Катунь, а потом поговорим!». Думая об этом впоследствии, я был бесконечно благодарен Шукшину за то, что сначала он познакомил меня с прототипами своих героев, открыл мне неповторимую красоту Алтая, влюбил меня в то, что было ему бесконечно дорого. И постепенно с меня слетали привычные представления, возникали новые образы» [4, с. 215]. Только после увиденного своими глазами оператор примет решение о некоторых изобразительных моментах.

В тоже время человек в фильме В. Шукшина не умалывается, не поглощается природой, не растворяется в ней. В панорамных кадрах человек или предмет «не болтается» в центре. Движение автомашины снимается сзади, «от зрителя», видящего ее в удаляющейся перспективе, сливающейся с трактом. При этом создается впечатление, что не машина мчится по извилистому тракту, а лента дороги стремительно несет, увлекает ее в свои повороты. Вместе с тем, режиссер тщательно выстраивает ритмику монтажа в дорожных сценах, дотошно чередуя широкие панорамные кадры с крупными планами лиц сидящих в кабине грузовика, акцентируя соразмерность человека и природы. В последнем смысле выразителен кадр в сцене «На пароме»: на фоне широкого речного простора с темными склонами гор вдали крупным планом в одном ряду даются в профиль голова лошади, передние части двух грузовиков и люди – как выражение идеи естественного равноправия, равновесия и единства всех составляющих мирового универсума.

Помимо зрелищно-географической функции пейзажи в фильме В. Шукшина несут значительную технологическую нагрузку. Заимствованный романтиками из фольклора прием образного психологического параллелизма является характерным для творческой манеры В. Шукшина. Вот Пашка Колокольников, устроив счастье Нasti с инженером и потеряв надежду на собственную удачу в любви («мне с хорошими бабами не везет»), «идет на Катунь – пожаловаться родной реке». Пашка сидит одиноко на берегу спиной к зрителю, лицо – в пол-оборота – почти не видно, но его душевное состояние передают сильное движение и шум реки, тревожные в темноте осенней ночи. В следующем кадре – та же река, но уже в свете ясного утра, в широком разливе, сверкающая бликами. Пашка на пароме, склоняясь над водой, облокотившись на перила, все еще задумчивый, но взгляд устремлен вперед на приближающийся берег, где стоит в ожидании попутной машины городская женщина. И вот уже ее миловидное лицо подано крупным планом рядом с пашкиным в кабине машины. Он, вполне счастливый, «пирамидонит» с женщиной: река смыла печаль, а дорога вернула душевный покой и надежду. В этой смене настроений героя, переданных через параллельные образы и состояния природы, находит полное визуальное выражение высказанная в сценарии философская сентенция автора: «Жить все равно надо, даже если очень обидно» [5, с. 238].

И другие пейзажи в фильме не самоценны, не несут описательности этнографического очерка, не затягивают действие. Живописные, они входят в кадр как бы между прочим, всегда мотивированы той или иной художественной необходимостью, приправленные то смехом, то грустью. В одной из сцен колонна машин останавливается у опасного обрыва, чтобы помянуть погибшего здесь шофера. Пашка с Кондратом спускаются к реке, сидят у костерка. Съемка со спины по направлению их взгляда на реку позволяет зрителю увидеть таинственно-суровую мощь Катунь, зажатой в ущелье. Так В. Шукшин добивается решения довольно сложной для кинематографа задачи, как в течение короткого экранного времени, не останавливая движения событий, не замедляя заданного с первых кадров темпа, перевести из литературного сценария на язык кино поэтическое описание природы.

Собственно, тракт и река организуют пространство-время действия, связывают фрагментарную, эпизодическую композицию, которая, в свою очередь, строится по законам художественного монтажа. Как писал Андрей Тарковский, «особенность монтажа в кино состоит в том, что он сочленяет время, запечатленное в отдельных кусках. <...> В кино режиссер проявляет свою индивидуальность прежде всего через ощущение времени, через ритм. <...> А поскольку ощущение времени есть органически присущее режиссеру восприятие жизни, а временное напряжение в монтируемых кусках <...> только и диктует ту или иную склейку, то монтаж как раз ярче всего обнаруживает почерк того или иного режиссера. Через монтаж выражается отношение режиссера к своему замыслу, в монтаже получает свое окончательное воплощение мировоззрение художника» [6, с. 84].

В. Шукшин в своем фильме создает ощущение непрерывного стремительного движения жизни ритмическим чередованием общих, средних и крупных планов, обязательным движением внутри кадра посредством свободного перемещения либо снимаемых объектов, либо камеры. Психологическое напряжение в эпизоде «Похищение невесты» передает параллельный монтаж коротких кадров одновременного действия разных героев в разных местах: инженер Гена и Настя ссорятся в библиотеке // Пашка в доме председателя замысливает «украсть» Настю; инженер в своей комнате в душевном расстройстве // Пашка выводит машину с автобазы; инженер мечется в беспокойстве по комнате, не находя себе места // Пашка лезет в окно комнаты Нasti. Усиливает экспрессию сцены обертонный монтаж: громкий звук хлопающей двери в библиотеке и в доме председателя семантически связывает параллельные кадры.

Обертонный монтаж наблюдается в сцене рассказа старухи о голой бабе, заказавшей шоферу белый саван, которая монтируется со сном героя, где он видит Настю Платонову тоже в белом. Тот же прием обертонного монтажа – в соединении последних сцен, «разных по содержанию, варьирующих одно положение и настроение героя: Пашка лежит на кровати в больной палате «с открытыми глазами, о чем-то думает, потом «засыпает», видит сон, потом просыпается и снова «лежит с открытыми глазами» [7, с. 119]. Обертонный монтаж соединяет реальный и онейрический планы: парадный костюм героя составляет неизменная новенькая фуражка с высоким околышком, которую он не снимает даже на танцах и в библиотеке, и галифе. Этот костюмный мотив развивается, получая логическое завершение во сне о генерале, появляющимся в полном военном облачении.

Показательна сцена фантазий главного героя, когда волшебством кинематографа в комнате Катки Лизуновой происходят чудесные преобразования. Режиссер использует вертикальный монтаж: в воображении Пашки предстают картины красивой жизни, сопровождающиеся голосом городской женщины, дающей советы о современном интерьере. В сценарии достаточно бегло описана сцена, когда герой видит себя во фраке и цилиндре, с тросточкой и сигарой, а вместо Катки появляется какая-то французенка. Именно визуальные возможности кинематографа подскажут Шукшину-режиссеру обогатить этот эпизод в самом фильме различными деталями.

Необходимая по ходу действия статика персонажей (диалог, внутреннее состояние) неизменно сопровождается движущимся фоном – течением реки, движением машины по тракту. Кроме того, на содержательном уровне образы реки и тракта в зрелищной форме выражают философско-поэтическую концепцию времени, как она излагается в литературном сценарии: «И вот несутся они в горах рядом – река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это – влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе... Хочется очеловечить и дорогу, и реку» [5, с. 225]. Движение времени как стремительно обновляющейся жизни осуществляется в вечном взаимодействии человека и природы.

Фильмовый герой Пашка Колокольников в этом эпизоде явно не совпадал со своим придурковатым прототипом из рассказа «Гринька Малюгин». Достаточно увидеть красивое, мужественное лицо шофера, стоящего на подножке машины с пылающими бочками в кузове. Поэтому первые критики и современные последователи творчества Шукшина охотно разделяют досаду режиссера, считая, вслед за ним, сцену с подвигом его неудачей.

На наш взгляд, эта сцена в фильме и уместна, и необходима, картина без нее много потерял бы и в созерцательном, и в техническом решении. Во-первых, смертельно опасный поступок Пашки в конце его пути обусловлен, независимо от автора, волей архетипического сюжета инициации героя. Инициация, в широком смысле, «переход индивида из одного статуса в другой, <...> в узком смысле – переход в число взрослых брачно-способных» [8, с. 543]. Этот переход в фильме В. Шукшина совершается постепенно, незаметно накапливая новое качество героя, которое проявляется в последнем смертельном испытании. Метафора смерти и нового рождения в фильме почти натурализована, по сравнению со сценарием. В последнем сразу после падения горящей машины в обрыв мы видим Пашку, лежащего на земле. Он пытается подняться, но чувствует «коленную боль»: «Мм... ногу сломал – сказал он сам себе». Его окружают люди, обсуждают событие. Пашку подняли, понесли. В фильме эта сцена сокращена. Пашка, стоящий на подножке мчащейся машины, вдруг исчезает, так что возникает мысль, что он погиб. В следующем кадре – Пашка, как новорожденный,

в постели в белоснежной распашонке с туго «запеленутой», забинтованной ногой. Тут же мы узнаем, что переход в новое качество совершился: обыкновенный шофер стал героем. Еще одно «новое качество» знаменует сон Пашки в больнице, где он видит себя в своем «гареме» генералом, способным излечить от сердечных страданий всех когда-либо встреченных им женщин. Киновед К.Л. Рудницкий указывает, что сцена «генеральского» сна заимствована из картины Ф. Феллини «8 S» [9, с. 113], но это не интертекстуальная игра. В фильме В. Шукшина она точно вписывается в схему архетипического сюжета: «Известную связь с инициацией имеют указания на повышенный эротизм героя (знак его силы и знак достигнутой зрелости)» [8, с. 544]. Также и фантазии Пашки о полете на Луну выражают ощущение им своего нового общественного статуса.

Во-вторых, в реальном плане поступок Пашки диктуется волей его характера, экстравертного, импульсивного, в любой ситуации «развивающего бурную деятельность», и подвиг его необходим как наиболее полное выявление полезного коэффициента его жизнотворческого потенциала. В-третьих, эта эффектная сцена тем не менее по своей разработке не выпадает из общего стиля. Поведение Пашки в начале эпизода обыденное, никак не предполагающее героического поступка. Вот он входит в контору бензохранилища, шоферы его приветствуют не по имени, а по кличке: «Привет, Пирамидон!». Он привычно «пирамидонит» с девушкой за стойкой. Когда начался пожар, он вместе с другими бежит из конторы, спасаясь от угрозы взрыва. Затем его голова маячит в заднем ряду толпы растерянных водителей. «Бурную» деятельность развивает не он, а пожилой начальник, который кидается в контору, выбегает с огнетушителем, пытаясь побудить людей к действию. Но толпа стоит, глядя на разгорающееся пламя пожара. Впереди стоящий шофер говорит, утирая пот со лба: «Эх, сколько добра пропадает!». И, словно в ответ на эту реплику, Пашка, расталкивая людей, бежит мимо ошалевшего начальника к машине с горящими бочками. Связав действие героя со словами шофера, В. Шукшин, может быть, несколько нарочито придает поступку Колокольникова сознательный характер. В то же время эффективность сцены, когда пылающая машина с грохотом срывается с обрыва, снижена комическим поведением бабки, полоскавшей в реке белье недалеко от места ее взрыва.

В конечном счете, необходимость подвига диктовалась законами «самого массового» и самого зрелищного искусства кино,

которое без этой сцены потеряло бы один из самых «экстремальных», всецело «киношных» кадров, еще редких и поэтому ценных до вторжения в российское культурное пространство американских боевиков.

Еще на стадии обсуждения литературного сценария С.А. Герасимов посоветовал Шукшину донести до зрителя внутренний опыт человеческого созревания героя в более открытой, прямой форме: ввести в финал фильма сцену встречи с умным человеком, от которого «услышал бы одну фразу, которая заставила бы его вздрогнуть – он нашел бы свой идеал не в барышне. <... > Ночью он мог вступить в разговор с этим человеком, и зритель бы это услышал. Ему бы эта фраза засела как заноза в голову» [10, с. 80]. Так, в больничной сцене появился учитель, которого не было ни в первом варианте литературного сценария, ни в режиссерском сценарии. Чтобы избежать назидательности, Шукшин прибегает к своеобразному иносказанию: учитель читает «школьное сочинение мальчика, называя его счастливым человеком» и сопоставляет с ним Пашку: «Ты тоже счастливый, только ... учиться тебе надо. Хороший ты парень, врешь складно... А знаний мало» [5, с. 260]. Тем самым обозначен переход в характере героя от «ребяческого» отношения к жизни к серьезному и сознательному решению жизненных задач.

Сцена в больнице на подготовительных этапах к фильму неоднократно переделывалась. Так, по режиссерскому сценарию, как и в рассказе «Гринька Малюгин», Пашку должна была навестить мать, приехавшая из родной деревни Суртайка. В другом варианте в палату вваливалась толпа шоферов с автобазы, где работает Пашка, но в фильм вошла новая сцена с учителем.

Фильм «Живет такой парень» стал новым самобытным произведением, в котором В. Шукшин продемонстрировал владение приемами синтеза двух видов искусств – литературы и кинематографа. Поэтика кино стимулировала развитие, усложнение архитектоники фильма, обеспечивая его зримость и динамичность. В рамках неореалистического показа «потока жизни» режиссер, в основном, снимает на природе, в бытовых условиях, показывая неприукрашенную жизнь сельчан. Для его творческой манеры характерным является прием образного психологического параллелизма, использование наряду с параллельным обертонного монтажа кадров, соединяющего реальный и онейрический планы.

Библиографический список

1. Кино Италии: Неореализм: пер. с итал. – М., 1989.
2. Я и Росселлини // Искусство кино. – 2003. – № 11.
3. Живет такой парень [Видеозапись]: художественный фильм / автор сценария и режиссер В. Шукшин; киностудия им. М. Горького, 1964. – М.: Крупный план, 2008. – 100 мин.
4. Гинзбург, В. Ученическая тетрадь в колленковом переплете // О Шукшине. Экран и жизнь: Сб. – М., 1979.
5. Шукшин, В.М. // Собр. Соч.: в 8 т.: Рассказы 1958. – 1964. – Т. 1.
6. Посевная компания. Живет такой парень. – Барнаул, 2009.
7. Тарковский, А. Уроки кинорежиссуры: уч. пособие. – М., 1993.
8. Шукшинская энциклопедия / под ред. С.М. Козловой. – Барнаул, 2011.
9. Левинтон, Г.А. Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. – М., 1987. – Т. 1.
10. Рудницкий, К.Л. Проза и экран: Заметки о режиссуре В. Шукшина // Искусство кино. – 1977. – № 3.
11. В. Шукшин. Жизнь в кино. Сборник документов / сост. И.А. Коротков, Е.В. Огнева, В.И. Фомин // Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. – Барнаул, 1992.

Bibliography

1. Kino Itali: Neorealizm: per. s ital. – M., 1989.
2. Ya i Rossellini // Iskusstvo kino. – 2003. – № 11.
3. Zhivet takoyj parenj [Videozapis]: khudozhestvennij fil'm / avtor scenariya i rezhisser V. Shukshin; kinostudiya im. M. Gor'kogo, 1964. – M.: Krupnij plan, 2008. – 100 min.
4. Ginzburg, V. Uchenicheskaya tetrad' v kolenkovom pereplete // O Shukshine. Ehkran i zhiznj: Sb. – M., 1979.
5. Shukshin, V.M. // Sobr. Soch.: v 8 t.: Rasskazih 1958. – 1964. – T. 1.
6. Posevnaya kompaniya. Zhivet takoyj parenj. – Barnaul, 2009.
7. Tarkovskij, A. Uroki kinorezhissuri: uch. posobie. – M., 1993.
8. Shukshinskaya ehnciklopediya / pod red. S.M. Kozlovoy. – Barnaul, 2011.
9. Levinton, G.A. Iniciaciya i mifih // Mifih narodov mira. Ehnciklopediya. – M., 1987. – T. 1.
10. Rudnickij, K.L. Proza i ehkran: Zametki o rezhissure V. Shukshina // Iskusstvo kino. – 1977. – № 3.
11. V. Shukshin. Zhiznj v kino. Sbornik dokumentov / sost. I.A. Korotkov, E.V. Ogneva, V.I. Fomin // Kozlova S.M. Poetika rasskazov V.M. Shukshina. – Barnaul, 1992.

Статья поступила в редакцию 17.06.12

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 801

Avdeeva Y.V. **EXPERIMENTAL RESEARCH OF SPEECH OF PEOPLE UNDER ALCOHOL INFLUENCE.** The article deals with speech changes of people under alcohol influence. The authors of the article analyzed statements belonged to tested men and women of different ages, sex and level of education. Some common regular occurrences typical for people with alcohol intoxication were revealed by the author.

Key words: alcohol influence, speech, speech changes, human's brain, long pauses, verb predominance, the breaking of grammatical links.

Ю.В. Авдеева, аспирант каф. русского языка ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Буйск, E-mail: tiamie@yandex.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ СИТУАТИВНОГО АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы появления речевых нарушений у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Автором статьи были проанализированы высказывания испытуемых разного пола, возраста и уровня образования с целью обнаружения закономерностей, характерных для речи людей в состоянии алкогольного опьянения.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, речь, речевые нарушения, головной мозг, длительные паузы, преобладание глаголов, нарушение грамматических связей.

В связи с тем, что данная статья посвящена исследованию речи людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, мы считаем необходимым для начала кратко пояснить физиологию воздействия алкоголя на человеческий мозг, остановиться на возможных причинах появления речевых нарушений у выпивших людей и необходимости их изучения.

Увеличение употребления алкоголя является в одной из главных проблем современного общества. Масштабы и темпы распространения алкоголизма ставят под вопрос сохранение физического и морального здоровья большой части населения не только нашей страны, но и всего мира.

В настоящее время «в понятие алкоголизм вкладывается не только медико-биологическое, но и социальное содержание» [1, с. 7]. Значительная распространенность злоупотребления алкоголем является сложной многосторонней проблемой, которая включает в себя медицинские, психологические, языковые, социальные, экономические и другие аспекты. Комплексный подход к данной проблеме требует ее изучения на стыке сразу нескольких наук, в том числе и современной лингвистики.

Одной из главных особенностей негативного действия алкоголя является его способность вызывать как психическую, так и физиологическую зависимости, «что не может не отражаться на функциональном состоянии головного мозга» [2, с. 85].

Этиловый спирт, действуя в основном на ЦНС, вызывает определенное нервное возбуждение. Проанализировав работы по биологии и медицине, описывающие влияние этилового спирта на организм человека, мы можем сделать вывод о том, что «в первую очередь под действием алкоголя нарушается деятельность коры больших полушарий головного мозга, а при повышении его концентрации в крови поражаются клетки спинного и продолговатого мозга» [3, с. 21], происходит угнетение тормозных процессов коры больших полушарий и высвобождение

подкорковых центров, что является причиной алкогольного возбуждения. Кроме того, снижается работоспособность корковых клеток, приводящая к сбоям в сложных условных связях. В современной науке есть данные о том, «что алкоголь, в первую очередь, поражает те мозговые структуры, которые являются ответственными за высшие психические функции, традиционно связанные с левым полушарием и формирующиеся позднее правополушарных» [2, с. 87].

Все изменения, происходящие в головном мозге, отражаются на психике человека. О процессах, происходящих в психике, до определенной степени можно судить по явлениям, происходящим в его языке. Принимая во внимание то, что под действием алкоголя наиболее уязвимыми являются мозговые структуры, находящиеся преимущественно в левом полушарии мозга, которое традиционно связывают с речевой деятельностью, можно предположить, что лингвистическое изучение языка людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, является хорошей возможностью поиска новых путей решения проблемы алкогольного опьянения.

В рамках данной статьи представляется актуальным более подробно остановиться на самом понятии алкогольного опьянения.

По данным энциклопедического словаря медицинских терминов под редакцией Б.В. Петровского, «алкоголизм – это систематическое неумеренное употребление спиртных напитков в дозах, вызывающих алкогольное опьянение» [4, с. 39].

Алкогольное опьянение – это «симптомакомплекс психических, вегетативных и неврологических расстройств, обусловленный психотропным действием спиртных напитков» [3, с. 30].

По данным различных источников алкогольное опьянение разделяют на три группы:

1) простое алкогольное опьянение;

- 2) измененные формы простого алкогольного опьянения;
- 3) патологическое опьянение.

В нашем исследовании мы рассматриваем речь людей, находящихся в состоянии простого алкогольного опьянения, не страдающих алкоголизмом. Поэтому данное состояние мы считаем возможным назвать простым ситуативным опьянением, которое не ведет к каким-либо серьезным органическим поражениям ни головного мозга, ни центральной или периферической нервной системы.

Простое алкогольное опьянение характеризуется различными соматическими, неврологическими и психическими расстройствами, проявляющимися после приема алкоголя. Данное понятие изначально применялось в судебно-психиатрической практике для ограничения от «временных расстройств психической деятельности, нередко возникающих на фоне опьянения» [3, с. 20].

Медики выделяют три степени алкогольного опьянения: легкая степень (концентрация алкоголя в крови составляет 0,3‰ – 1,5‰), средняя степень опьянения (концентрация алкоголя в крови составляет 1,5‰ – 2,5‰), тяжелая степень опьянения (концентрация алкоголя в крови составляет 2,5‰ – 5‰). Концентрация алкоголя в крови выше 6‰ считается смертельной.

Степень алкогольного опьянения величина – довольно относительная и обусловлена множеством факторов, такими как количество принятого алкоголя, концентрация его в крови, вес тела, наличие или отсутствие заболеваний и т. д. По данным многочисленных исследований (В.А. Балакин, 1962; О.М. Зорастров, 1975 и др.) далеко не всегда существует четкая связь между степенью опьянения, количеством алкоголя в крови и проявлениями опьянения, поэтому мы не считаем необходимым измерять количество алкоголя в крови какими – либо лабораторными или инструментальными методами, а степень опьянения определяем по ее клиническим проявлениям.

В зависимости от количества принятого алкоголя и функционального состояния организма выделяется 3 степени простого алкогольного опьянения:

1. Легкая степень опьянения характеризуется улучшением настроения, чувством бодрости, стремлением к общению. Ослабляется тормозящая функция ЦНС, усиливается жестикуляция, появляется размашистость в движениях, теряется их четкость и точность, снижается способность к концентрации внимания. Темп мышления ускоряется, однако оно становится непоследовательным, появляются поверхностные ассоциации, речь становится более быстрой и громкой, но без заметных нарушений артикуляции.

2. Характерным признаком средней степени опьянения является резкие изменения в поведении. Часто появляется раздражительность, которая сменяется чувством злости и обиды, возможны немотивированные подъемы настроения, на поступки все большее влияние оказывают аффективные нарушения. Внимание человека переключается медленно, движения заторможены, координация движений нарушена, мимика невыразительна. Углубляются расстройства мышления. Из-за изменений в слуховом восприятии речь становится громкой и смазанной (дизартрия).

При тяжелой степени опьянения наблюдаются различные симптомы оглушения, в тяжелых случаях – алкогольная кома. Речь становится малопонятной, наблюдается бессмысленное бормотание.

Для определения характерных особенностей нами была обследована речь 32 человек (20 мужчин и 12 женщин) в средней степени простого алкогольного опьянения в возрасте от 21 до 56 лет. Все они имеют образование от средне-специального до высшего и не имеют отклонений в обычной речи. Обследование проводилось методом наблюдения, речь фиксировалась на диктофон. Для определения наступления нужной степени опьянения и подходящего момента записи мы руководствовались симптомакомплексом средней степени опьянения.

Нами были записаны обычные разговоры на различную произвольную тематику, вследствие чего результаты можно считать частично относительными, так как многие особенности речи сильно коррелируют с индивидуальными особенностями испытуемых (пол, возраст, воспитание, уровень образования и эрудиции, настроение и т. д.). Но, несмотря на это нам удалось выявить некоторые особенности, характерные для всех испытуемых. Приводимые примеры не связаны между собой и принадлежат разным респондентам. Рядом с каждым высказыванием мы посчитали необходимым указать пол, возраст и образование говорящего. Стилистика, грамматика и лексическое оформление всех приведенных примеров сохранены.

По нашим наблюдениям, наиболее ранний и заметный индикатор наступления алкогольного опьянения – появление в речи большого количества немотивированных пауз, длительность которых увеличивается пропорционально усилению опьянения, однако скорость речи по сравнению с «трезвым» состоянием снижается незначительно:

«...где-то вот анекдоты... вот анекдоты... рецепты... погода...» (жен., 26, высшее образование.);

«... в день мне приходят штук 30 – 40 приходят писем... ну вот вообще в день... в том смысле как скидывают» (жен., 31, средне-профессиональное образование).

Одновременно с появлением пауз у большинства испытуемых наблюдается удлинение гласных звуков в словах (как глаголах, так и существительных):

«Я живу своей жизнью... нормально я ... я, например, прихожу домооой, приношу деееенги все домой, ну там заныкал там пятьсот, ну штуку... остальные отдаю...» (муж., 26, средне-профессиональное образование).

Наличие данных явлений в речи позволяет предположить определенные нарушения в процессах мышления и порождения речи. О нарушениях в механизме осмысления говорит наличие повторений в высказываниях выпивших людей:

«... ну например, я вот например, вот...» (муж., 26, средне – профессиональное образование);

«Я говорю, Паша... ты не устал тут с дедушкой – то, пойдем говорю, он грнит нет, нет, нет не устал... я говорю пойдем по стопочке выпьем...» (жен., 54, средне-профессиональное образование);

«... свою страницу создаешь... то есть свою на майле... на майле, на яндексе, на любом... там у тебя стоят... уже стоят галочки стоят... вот...» (муж., 32, высшее образование).

Для ситуативного опьянения характерно повторение имен слов, повторений целых фраз или частей фразы нами замечено не было. Наличие повторов при нарушении в механизме осмысления закономерно, так как осмысление реализуется через аналитико-синтетическую деятельность коры больших полушарий головного мозга, чья работа нарушается при приеме алкоголя в первую очередь.

Характерным для речи людей в состоянии алкогольного опьянения является преобладание сегментированных предложений, способом связи в которых является паратаксис:

«Мы тут в карты играли, тишина такая... чет затихла...» (чет – в значении «почему – то» муж., 49, начальное-профессиональное образование);

«Ты копался, я там чета помогал...» (муж., 46, средне-профессиональное образование).

В лексическом плане в высказываниях подобного рода отмечается явная языковая недостаточность с выраженным преобладанием указательно – заместительной и служебной лексики. Нарушение семантических связей, замена существительных местоимениями и союзами часто приводят к полной потери смысла в высказывании:

«Дед Катюхе отдает этот, он работал тогда механиком... и это там у него такая типа компьютера, как нашего шас, там 12 вольт...» (муж., 50, начальное-профессиональное образование);

«...чет затихла... да, ниче платье новое... ну понятно... раз затихла, ну...» (муж., 49, начальное-профессиональное образование).

В большинстве высказываний обращает на себя внимание такое явление, как эмболофразии. Можно предположить, что в речи выпившего человека эти слова – «паразиты» играют роль своеобразной границы, разделяющей фразу на определенные, понятные иногда только испытуемым, части и помогают процессу мышления и речеобразования.

«ну, просто интересно...вот... ну, готовлю» (жен., 31, высшее образование);

«...а она че вот, чтобы вот был...» (муж., 45, средне-профессиональное образование).

Характерным для речи людей в состоянии алкогольного опьянения является преобладание глаголов над существительными.

«...сразу зайдешь... на них внимание обращаешь... че тебе нада...» (муж., 27, начальное-профессиональное образование);

«... ну посидел с пацанами, пива попил, водки попил...» (муж., 28, средне – профессиональное образование);

«... меня хотели на повара – кондитера, но потом че – та перезовали, понапугали...» (муж., 24, средне-профессиональное образование).

Еще одна лексическая особенность подобных высказываний – это появление сниженной и ненормативной лексики. Нами замечено, что количество и качество бранных слов в речи как у

мужчин, так и у женщин полностью зависит от уровня образования, воспитания и общей эрудиции испытуемых, но даже у тех, для кого не характерно использование в обычной речи ненормативной лексики, она появляется в состоянии алкогольного опьянения. Количество подобной лексики прямо пропорционально количеству выпитого алкоголя:

«ну, короче... какая-то хрень...короче» (муж., 24, высшее образование);

«бывает, бывает я внатуре ни куда не влазию, но это бл... ни, ни реально и ни просто так...» (муж., 31, средне-профессиональное образование);

«тебя – то не вытащишь нах..., ты там работаешь, все время или не работаешь, ху... тебя знает, так что не вытащишь тебя...» (муж., 21, начальное-профессиональное образование).

В фонетическом плане можно наблюдать дизартрию, «смазанность» речи, попытки проговаривания отдельных звуков, выпадение срединных звуков в слове.

Подытоживая выше сказанное, можно утверждать, что у человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, имеются нарушения во всех основных подсистемах, входящих

в состав речи. Нарушения лексической подсистемы представлено резким изменением лексической составляющей речи: обеднением лексического состава, преимущественным использованием языковых единиц с узкой сферой референции, преобладанием глаголов над существительными, использованием ненормативной лексики, большого количества междометий, местоимений и союзов, нехарактерное для испытуемых в нормальной речи. Нарушения грамматической системы проявляются в неадекватном употреблении грамматических средств при построении предложения, нарушениях в словообразовании, ошибках в словосочетаниях. Семантическая подсистема представлена явными нарушениями восприятия речи и планирования речевого высказывания: наличие неоправданно большого количества пауз, повторений и т.д.

В дальнейшем, нами планируется проанализировать фонетическую составляющую речи у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, выявить: какие фонетические деформации появляются в речи, насколько они устойчивы и как долго будут сохраняться в динамике ситуативного опьянения.

Библиографический список

1. Лисицын, Ю.П.. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты) / Ю.П. Лисицын, Н.Я. Копыт. – М., 1978.
2. Оруджев, Н.Я. Состояние когнитивных процессов у лиц, употребляющих психоактивные вещества / Н.Я. Оруджев, Э.Г. Иванчук // Социальная и клиническая психиатрия. – 2001. – Т. 11. – № 1.
3. Морозов, Г.В. Алкоголизм (руководство для врачей). – М., 1983.
4. Петровский, Б.В. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. – М., 1982. – Т. 1. А.

Bibliography

1. Lisicihn, Yu.P.. Alkogolizm (socialjno-gigienicheskie aspekth) / Yu.P. Lisicihn, N.Ya. Kopyht. – М., 1978.
2. Orudzhev, N.Ya. Sostoyanie kognitivnihkh processov u lic, upotrebyayutikhk psikhoaktivnihe veshchestva / N.Ya. Orudzhev, Eh.G. Ivanchuk // Socialjnaya i klinicheskaya psikhiatriya. – 2001. – Т. 11. – № 1.
3. Morozov, G.V. Alkogolizm (rukovodstvo dlya vracheyj). – М., 1983.
4. Petrovskiy, B.V. Ehnciklopedicheskiy slovarj medicinskih terminov: v 3 t. – М., 1982. – Т.1.А.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81.00

Alexandrova M.L. THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE CONSTRUCTIONS OF THE COPULA. The author analyzes the concept of the copula in the world (mostly European) linguistics. Explores the views of Aristotle, the grammarians of Port-Royal, Russian linguists and the concepts of the XX century.

Key words: copula, functions of the copula, ancient concepts of the copula, medieval concepts of the copula, modern concepts of the copula, Russian theory of the copula, European theory of the copula.

М.Л. Александрова, аспирант кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета института иностранных языков, г. Москва, E-mail: alexandrova.m@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА СВЯЗОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье автор анализирует концепции связки в мировой (преимущественно европейской) лингвистике. Рассматриваются взгляды Аристотеля, грамматистов Пор-Рояля, российских лингвистов и концепции XX века.

Ключевые слова: связка, функции связки, античные концепции связки, средневековые концепции связки, современные концепции связки, русские теории связки, европейские теории связки.

Традиционно возникновение понятия связки относят к античности – к трудам греческих мыслителей. Связка считалась необходимым компонентом предложения-суждения, который выражает присущность или неприсущность признака предмету, чем придает высказыванию истинное или ложное значение: «истинное и ложное имеются при связывании и разъединении» [1, с. 93]. Поскольку истинность суждения определяется отношением к действительности, считалось, что первичным для связки является значение бытия, выраженное глаголом «быть».

Уже Аристотель полагал, что связка утратила вещественное значение и рассматривалась как синкатегорематическое (незнаменательное) слово (функция которого заключается в соединении двух имен), которое присоединяется как нечто третье, без самостоятельной семантики. Оно указывает лишь на связь, которую нельзя мыслить без связываемых частей. Предполагается, что впервые в качестве самостоятельного и универсального элемента суждения связка была выделена комментатором Аристотеля Александром Афродизийским (II-III вв.).

Таким образом, в античных теориях связки прослеживается определенная непоследовательность: с одной стороны, признак

предикативности приписывался тому члену предложения, который связка присоединяет к субъекту (то есть предикату), а с другой — связка выделялась в качестве автономного элемента предложения-суждения.

Идеи Аристотелевой логики прямо или косвенно (посредством римских грамматик) вошли в логико-грамматические трактаты схоластов, чьи взгляды группировались вокруг двух концепций: теории ингерентности и теории тождества. Согласно теории ингерентности (присущности) связка указывает на то, что субъект суждения является знаком, замещающим индивидуальные объекты, т.е. понимается материально или экстенционально, а предикат — обозначением общей категории, универсалии, иными словами, понимается формально или интенционально. К XIV в. большое распространение получает номиналистическая точка зрения (теория тождества). По мнению представителей данной теории (У. Оккам, И. Буридан, Николай из Отрекура и другие), связка идентифицирует экстенционалы двух термов (имен) — субъекта и предиката. Суждение является истинным тогда, когда субъект и предикат относятся к одному и тому же

объекту действительности; семантическая природа субъекта и предиката считается в этом случае однородной [2, с. 258].

Концепции связки, сложившиеся в античную и средневековую эпоху, нашли продолжение во всеобщих (спекулятивных) грамматиках. Грамматисты Пор-Рояля полагают, что только один глагол «*к^{те} быть*» сохранил «употребление для обозначения связи, при помощи которой мы соединяем в нашем сознании два члена предложения» [3, с. 148]. Связка имеет основное значение глагола, соединяющееся в его семантике со значением признака. А также, грамматисты указывают, что связка, занимая положение между обязательными членами предложения субъектом и атрибутом, утверждает присущность атрибута субъекту.

В XVIII – XIX вв. русские лингвисты (М.В. Ломоносов, Л.-Г. Якоб, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и другие) придерживались концепций европейских всеобщих грамматик. Наблюдается общая тенденция к выделению в предложении двух частей: подлежащего и сказуемого, между которыми, однако, должна быть связка, которая соединяет их в одно целое. «Всякое предложение состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым» [4, с. 222], однако «между подлежащим и сказуемым должна быть связка» – утверждает А.Х. Востоков [4, с. 223]. Значение связки рассматривалось как входящее в состав предиката и имеющее с ним совместное выражение. Таким образом, связка более не выделялась в качестве автономного, универсального и постоянного компонента предложения, а признавалась лишь компонентом составного именного сказуемого. А.А. Потебня определил связку как «особое слово, заключающее в себе предикативную связь, но важное не само по себе, а как средство присоединения атрибута к подлежащему» [5, с. 116]. В исследованиях лингвистов указанного периода, отмечено, что связка имеет две функции: формальную – выражение синтагматической связи (согласования) между подлежащим и сказуемым (категории лица, числа, классный показатель, согласовательный маркер) и содержательную – утверждение истинности суждения (время, модальность). В западной лингвистике, представителями которой являются Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Ф. Бопп, Н. Хомский и другие, связка также имеет две функции: в соответствии с первой грамматическая связка обозначает только отношение между субъектом и предикатом; в соответствии со второй она выражает качество, которое соединяется с субъектом [2, с. 116].

В XX в. лингвисты, исследуя различные уровни структуры предложения и его конкретную реализацию, возвращаются к универсальным интерпретациям. Следствием является появление трех основных точек зрения: 1) логическая структура предложения двучленна и состоит из пропозиции и предикативного или модального значения, актуализующего пропозицию; 2) связка – совокупность определенных грамматических значений, выде-

ляющаяся в виде отдельного узла в составе предиката; 3) связка – конститутивный компонент предложения, в логическом представлении которого она занимает вершинное положение.

Джон Лайонз в результате анализа грамматического строя предложения в индоевропейских языках, вывел следующую структурную схему: Sub + Vcop + Compl. Она представляет собой типовую пропозицию «предмет и его характеристика», где Sub – субъект, Vcop – связочный глагол, Compl – комплемент (адъективное или субстантивное имя, характеризующее субъект). Под комплементом понимается «предикативное дополнение, которое является синтаксически необходимым для того, чтобы дополнить, завершить структуру предиката» [6, с. 366]. Если в позиции предиката функционирует номинативная языковая единица (имя), не обладающая способностью передавать грамматическое указание на признаки времени, модальности и т. д., то для выражения предикативной функции (предикативного отношения между субъектом и предикатом) грамматикой порождается «фиктивный глагол», именуемый в традиционной грамматике связочным.

На протяжении нескольких тысячелетий связка как лингвистическое явление вызывало интерес многих как отечественных, так и зарубежных исследователей. Эволюция самих связок, как лексических единиц, а также более детальное рассмотрение связочных глаголов и конструкций в синтаксической структуре предложения порождали различные толкования. В результате чего в современном языкознании оформились два основных подхода к определению сущности связочного глагола и его функций: грамматический и лексико-грамматический. Сторонниками первого, классического подхода, являются многие признанные отечественные лингвисты (В.В. Виноградов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба), по мнению которых связка обладает лишь грамматическим значением, которое исключает возможность реализации какого-либо лексического наполнения. Однако, Н.Ю. Шведова, В.Н. Белоусов, Г.К. Касимова, М.М. Коробова и другие лингвисты выражают сомнение по поводу определения связочного глагола как единственно «оформителя грамматической предикативности» и являются сторонниками лексико-грамматического подхода. Однако наличие сторонников у каждого из подходов свидетельствует об отсутствии однозначного решения данной проблемы в настоящее время.

Таким образом, как показывает анализ лингвистической и философской литературы, понятие связки, как правило, ассоциируется с глаголом «*быть*» и основные исследования по данной проблематике проходили либо в философском ключе, либо как исследования связки глагольного характера. Подобное традиционное рассмотрение не может подтверждаться материалом языков, где связка не является обязательной, таких как русский и китайский, чему посвящено наше дальнейшее исследование.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. Категории. Об истолковании.
2. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964.
3. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло. – М., 1998.
4. Востоков, А.Х. Сокращенная русская грамматика. – СПб., 1852.
5. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – Т.1-2.
6. Лайонз, Джон Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М., 1978.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Bibliography

1. Aristotelj. Sochineniya: v 4 t. – M., 1978. – T. 2. Kategorii. Ob istolkovanii.
2. Zvegincev, V.A. Istoriya yazhkoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. – M., 1964.
3. Arno, A. Grammatika obthaya i racionaljnaya Por-Royalaya / A. Arno, Kl. Lanslo. – M., 1998.
4. Vostokov, A.Kh. Sokrathennaya russkaya grammatika. – SPb., 1852.
5. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike. – M., 1958. – T.1-2.
6. Layonz, Dzhon Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku / per. s angl. pod red. i s predisloviev V.A. Zveginceva. – M., 1978.
7. Akhmanova, O.S. Slovarj lingvisticheskikh terminov. – M., 1966.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК800:001.12/.18

Ashihmina T.A. THE FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE. The problem of the formation of the communicative competence of higher school students in the aspect of integrative understanding of speech communication on the basis of the development of the communicative abilities which are interfaced with three communicative models – social, psychological, lingvo-pragmatical – is considered in the article.

Key words: speech communication, linguistic person, communicative culture, communicative abilities, communicative competence.

Т.А. Ашихмина, канд. филол. наук, доц. ФГБОУВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: ta_aschichmina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности студентов высшей школы в аспекте интегративного понимания речевой коммуникации на основе развития коммуникативных умений, сопряженных с тремя коммуникативными моделями – социальной, психологической, лингво-прагматической.

Ключевые слова: речевая коммуникация, языковая личность, коммуникативная культура, коммуникативные умения, коммуникативные компетенции, коммуникативная компетентность.

Переход высшего профессионального образования на компетентностный подход в обучении предъявляет набор требований к формированию базовых знаний, умений, навыков в основной сфере межличностного общения – речевой коммуникации. Результатами освоения основных образовательных программ бакалавриата направления «Педагогическое образование» должны стать сформированные общекультурные и профессиональные компетенции в сфере коммуникации, проявляющиеся в готовности логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; в способности использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии; во владении основами речевой профессиональной культуры; в способности к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания [1, с. 5-6]. Одной из проблем работы над коммуникативной компетентностью является отсутствие в нормативных документах четких критериев, на основе которых должны формироваться определяемые ФГОСом компетенции.

Речевая коммуникация рассматривается в современной лингвистике как категория интегративная (О.Я. Гойхман, А.К. Михальская и др.). Суть интегративности – в теснейшей связи всех компонентов речевой коммуникации в процессе движения к её цели: от способа высказывания через коммуникативные стратегии и тактики, выстраивание контактоустанавливающих речевых поступков, реализацию языковых единиц [2]. В каждом из компонентов проявляется уровень коммуникативной компетентности носителя языка, который выступает в процессе коммуникации в качестве языковой личности, которую Ю.Н. Караулов трактует как «вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через язык, через дискурс» [3, с. 9]. В аспекте интегративного подхода к речевой коммуникации языковая личность интерпретируется как многоуровневый и многогранный феномен. Н.Е. Пиванова, отмечая эту особенность, выделяет в языковой личности уровни активной личности, задействованные в процессе коммуникации. Неповторимость языковой личности определяется уровнем развития всех её деятельностных аспектов, уникальной взаимообусловленностью ценностных ориентиров (общей культурой личности), комбинацией языковых проявлений, характерных для индивидуального стиля общения. Развитие этих качеств личности связано с формированием коммуникативной компетентности как основы коммуникативной культуры – категории, сопрягающей с понятиями «коммуникативная компетентность» (С.Л. Братченко, Ю.Н. Емельянова, Е.В. Руденский), «коммуникативная компетенция» (М.Н. Вятютнев), «культура речи» (Л.А. Введенская, Б.Н. Головин), «культура речевого общения» (О.М. Казарцева), «культура речевого поведения» (А.К. Михальская).

Понятия «компетенция» и «компетентность» семантически дифференцируются. Понятие «компетенция» чаще применяется для обозначения образовательного результата и формы сочетания знаний, умений, навыков. Под компетентностью обычно понимается интегральное качество личности. Вполне очевидно, что коммуникативная компетентность обуславливает знание языковых норм, этических правил, искусство владения речью в гармоничном единстве всех средств общения – вербальных, паралингвистических, экстралингвистических – как основу создания успешного с точки зрения целевой установки высказывания. Показателем её сформированности становится коммуникативная культура, которую в педагогическом аспекте Г.К. Селевко определяет феноменом, представляющим собой позицию личности и уровень профессионального развития [5]. Формирование коммуникативной компетентности предполагает формирование базовых знаний, умений, навыков в трех областях речевой коммуникации: профессиональной культуры речи, коммуникативной культуры, коммуникативного поведения. Коммуни-

кативная компетентность реализуется через коммуникативные умения, которые предполагают владение умственными и практическими действиями, направленными на установление и поддержание целесообразных взаимоотношений с людьми в процессе учебной, а затем и профессиональной деятельности. Таким образом, коммуникативные умения и навыки являются ключом и к успешной профессиональной деятельности субъекта, и к успешной жизни в целом. Формирование коммуникативной компетентности в условиях вуза есть не что иное, как расширение в сфере речевой коммуникации круга общекультурных компетенций языковой личности и формирование профессиональной коммуникативной компетентности.

Изучению коммуникативной компетентности студентов посвящено множество публикаций (Н.Н. Хачатурян и К.Н. Кошко [6], А.Д. Чурсина [7] и др.). В них отмечаются наиболее типичные коммуникативные недочеты. У многих студентов не сформированы коммуникативные и интерактивные умения и навыки; недостаточно развиты лексикон и речь; отсутствует чувствительность к вербальной и невербальной экспрессии собеседников; отсутствует гибкость ролевых позиций в общении; не развиты социальная наблюдательность, социальная рефлексия, осознание себя как субъекта общения; не сформировано владение техникой обратной связи; не сформирована асертивность. Отмеченные исследователями признаки низкой коммуникативной культуры свойственны студентам разных специальностей (направлений), они стабильны, регулярно проявляются в коммуникации конкретных лиц и осложняют процесс овладения профессиональными коммуникативными умениями. Указанные ошибки соотносятся с коммуникативным, перцептивным, интерактивным аспектами общения. Задачи формирования коммуникативной компетентности языковой личности будущего педагога могут эффективно решаться при условии формирования коммуникативных умений, сопрягающихся с личностными и профессиональными компетенциями, при этом планирование работы должно строиться дифференцированно с учетом названных аспектов.

Различные типы коммуникативных умений описаны лингвистами, педагогами, психологами. Так, С.В. Костромин утверждает, что специфику коммуникативной компетентности в структуре психодиагностической деятельности педагога отражает сочетание «социально-перцептивные умения – аффективно-эмпатийная регуляция – навыки конструктивного общения» [8]. Н.А. Моревы к критериям коммуникативных умений относит социальную компетентность [9], формирующую так называемый социальный интеллект, являющийся универсальным для специалистов, работающих с другими людьми. Г.М. Андреева выделяет три группы коммуникативных умений [10]: собственно коммуникативные – цели, мотивы, средства и стимулы общения, умения четко излагать мысли, аргументировать, анализировать высказывания; перцептивные – эмпатия, рефлексия, умения правильно интерпретировать информацию; интерактивные – умения соотносить рациональные и эмоциональные факторы в общении, самоорганизация в общении. В.А. Тищенко составила обобщенную модель, в которой выделила два блока коммуникативных умений – общие и специальные [11]. Развитие общих коммуникативных умений сопряжено с развитием личностных новообразований как в сфере интеллекта, так и в сфере доминирующих профессионально значимых характеристик. Реализация специальных компетенций связана с профессиональной деятельностью. С.С. Савичев выделил уровни, критерии и педагогические условия формирования коммуникативной компетентности студентов высшей школы [12].

Анализ исследований показывает, что в основе выделения типов коммуникативных умений – прагматический подход, согласно которому речевая коммуникация представляет собой

интеграцию трех моделей – социальной, психологической и лингво-прагматической. Каждый тип коммуникативных умений сопрягается с одной из них: к структуре социальной модели относятся правила человеческого взаимодействия, обеспечивающие связи внутри социальной системы; психологическая модель строится на основе регулирующей роли психологического контекста взаимоотношений субъектов коммуникации в каждой конкретной коммуникативной ситуации; лингво-прагматическая модель включает нормативный, коммуникативный и этический аспекты речевой культуры.

Формирование коммуникативной компетентности студентов направления «Педагогическое образование» целесообразно осуществлять через систему дисциплин по выбору, каждая из которых соответствует одному из аспектов общения – коммуни-

кативному, перцептивному, интерактивному. Содержание каждой дисциплины должно разрабатываться, во-первых, с учетом интегративности речевой коммуникации, во-вторых, с учетом выявленных коммуникативных «лакун» обучающихся. Это позволит вооружить студентов компетенциями в трех областях: в профессиональной культуре речи они овладеют фундаментальными знаниями в конкретной профессиональной сфере, умениями вести профессиональный диалог и управлять им; в коммуникативной культуре – усовершенствуют речевую культуру, культуру мышления, эмоциональную культуру; в коммуникативном поведении – овладеют паралингвистическими средствами общения. Овладение коммуникативной компетентностью создаст будущему педагогу условия для успешной карьеры, позволит стать конкурентоспособной личностью в лингвоактивной профессии.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование [Э/р]. – Р/д: <http://минобрнауки.рф>.
2. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация: учебник / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М., 2008.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010.
4. Пивонова, Н.Е. Языковая личность и проблема коммуникативной компетентности // Речевые и письменные коммуникации: учебно-методическое пособие. – СПб., 2005.
5. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2-х т. – М., 2006. – Т.1.
6. Хачатурян, Н.Н. Особенности коммуникативной компетентности студентов различных специальностей / Н.Н. Хачатурян, К.Н. Кошко [Э/р]. – Р/д: de.dstu.edu.ru.
7. Чурсина, А.Д. Формирование коммуникативно-познавательных умений у студентов средствами новых информационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2002.
8. Костромин, С. Коммуникативная компетентность педагога как фактор успешности его диагностической деятельности // Психологическая наука и образование. – 2007. – №3.
9. Морева, Н.А. Тренинг педагогического общения: учеб. пособие. – М., 2003.
10. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник. – М., 1994.
11. Тищенко, В.А. Классификация коммуникативных умений студентов [Э/р]. – Р/д: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007>
12. Савичев, С.С. Проблема развития коммуникативной компетентности студентов высшей школы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5. – Т. 12.

Bibliography

1. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart viysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie [Eh/r]. – R/d: <http://minobrnauki.rf>.
2. Goykhman, O.Ya. Rechevaya kommunikaciya: uchebnik / O.Ya. Goykhman, T.M. Nadeina. – M., 2008.
3. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazhik i yazhkovaya lichnostj. – M., 2010.
4. Pivonova, N.E. Yazhkovaya lichnostj i problema kommunikativnoj kompetentnosti // Rechevihe i pisjmenne kommunikacii: uchebno-metodicheskoe posobie. – SPb., 2005.
5. Selevko, G.K. Ehnciklopediya obrazovatel'niyh tekhnologiy: v 2-kh t. – M., 2006. – T.1.
6. Khachaturyan, N.N. Osobennosti kommunikativnoj kompetentnosti studentov razlichnihk specialnostey / N.N. Khachaturyan, K.N. Koshko [Eh/r]. – R/d: de.dstu.edu.ru.
7. Chursina, A.D. Formirovanie kommunikativno-poznavatel'niyh umeniy u studentov sredstvami novihk informacionnihk tekhnologiy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Chelyabinsk, 2002.
8. Kostromin, S. Kommunikativnaya kompetentnostj pedagoga kak faktor uspehnosti ego diagnosticheskoy deyatel'nosti // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2007. – №3.
9. Moreva, N.A. Trening pedagogicheskogo obtheniya: ucheb. posobie. – M., 2003.
10. Andreeva, G.M. Social'naya psikhologiya: uchebnik. – M., 1994.
11. Titchenko, V.A. Klassifikaciya kommunikativnihk umeniy studentov [Eh/r]. – R/d: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007>
12. Savichev, S.S. Problema razvitiya kommunikativnoj kompetentnosti studentov viysshey shkoli // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. – 2010. – № 5. – Т. 12.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 821.161.1' 0.09

Breyger J.M. RUSSIAN FOLK TALE AS A REFLECTION OF SPIRITUAL CULTURE OF THE NATION. The paper refers to the transmission characteristics of spiritual culture and life of people in the Russian fairy tales. We describe the various means of expression, creating images of fabulous heroes, of Russian nature, of life of the Russian people.

Key words: a fairy tale, spiritual culture, ethnic culture, folk tradition, the poetics of fairy tales, picture of Russian life, the heroic image of the Russian hero, obsolete words, epithets.

Ю.М. Брейгер, соискатель ВолГУ, г. Волгоград, E-mail: julia.breyger@mail.ru

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИИ

В работе говорится об особенностях передачи духовной культуры и быта народа в русских волшебных сказках. Описаны различные выразительные средства, создающие образы сказочных героев, русской природы, быта русского народа.

Ключевые слова: волшебная сказка, духовная культура, этническая культура, фольклорная традиция, поэтика сказки, картина русского быта, героический образ русского богатыря, устаревшие слова, эпитеты.

На основе проведенных исследований нами выявлены фольклорные особенности русских сказок на лексическом и синтаксическом уровнях, выделены лексико-семантические средства, с помощью которых в сказочном дискурсе создается колорит древней Руси, раскрывается внутренний мир народной сказки во всем богатстве его значений.

Фольклорная сказка передает не только героические народные образы и сюжеты, но и духовную культуру нации. Представление русского народа об окружающем мире, события, связанные с историей Руси, находят свое отражение в русском фольклоре и, в частности, в волшебных сказках. В сказке открывается мир наших предков во всех его особенностях (быт, традиционные занятия и ремесла, народные праздники и обряды). Б.А. Рыбаков отмечает, что «Религиозная сущность обрядов-игр давно уже выветрилась, символическое звучание орнамента забылось, волшебные (т.е. созданные волхвами-волшебниками) сказки утратили свой мифологический смысл, но даже бессознательно повторяемые потомками формы архаичного языческого творчества представляют огромный интерес, во-первых, как яркий компонент позднейшей (XIX-XX вв.) крестьянской культуры, а во-вторых, как неоценимая сокровищница сведений о многотысячелетнем пути познания мира нашими отдаленными предками» [1, с. 782].

Духовная культура и быт русского народа выражается в сказках с помощью разных художественных средств, что нашло отражение в своеобразии русской фольклорной традиции. Рассмотрим, прежде всего, особенности структурной организации русского сказочного текста. На синтаксико-стилистическом уровне характерно употребление устоявшихся традиционных зачинов, которые сразу же настраивают слушателя на сказочный лад, сосредотачивают его внимание, например: *жили – были, в некотором царстве, в некотором государстве*, и другие. Традиционные концовки подводят итог повествованию, повествование о «воцарении» положительного героя и наказании вредителя: *«Тут царь разгневался, приказал воеводу плетью прогнать, а Ивана обвенчал с Марьей-красой – долгой косой тем же вечером»*. Наиболее распространенные виды награды, которые получает главный герой – это женитьба на царевне и получение богатства (царства, наследства), что также находит отражение в концовке: *«Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена-малого юныша и сделал своим наследником»*. Наградой может быть и преобразование героя, как в сказке «Сивка-бурка», где Иванушка-дурачок за свою скромность, ловкость, силу и сноровку получает в жены Елену Прекрасную и преобразается внешне: *«Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец-молодцом, прямо и не узнаешь!»*. Для концовок характерны фольклорные сказочные формулы: *«И стали они жить-поживать, добра наживать»*, *«И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»*, *«Стали они жить-поживать да горя не знают»*, *«И устроили они пир на весь мир»*, *«Тем и сказке конец...»*, *«...тем и сказка кончается»*, *«Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец»*, *«Веселым пирком да за свадебку»*. Иногда сказочник дает свою оценку повествованию, выражая свое отношение к героям: *«Знамо Господь покарает за великую жадность»*.

Следует отметить большое количество слов с уменьшительно-ласкательным значением: *дитяtko, Фролушка, рады-раде-хоньки, лебедушка, ребятушки, матушка, батюшка, мамушки и нянюшки, Морозушко, лапушка*; лексика, традиционно описывающей красоту природы: *трав-а-мурав-а, заповедные луга*. Для сказочного дискурса характерны также старинные формы приветствий: *«Многодетно здравствуй, государь!»*, *«Исполать вам, добрые молодцы!»* (Исполать – Хвала, слава).

Образность и красочность народной речи передается в русских сказках поговорками, небылицами, присказками: *«Земля слухом полнится»*, *«Двум смертям не бывать, а одной не миновать»*, *«Куда иголка, туда и ниточка»*, *«Утро вечера мудренее»*, *«Тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих»*, *«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*, *«Ни в сказке сказать, ни пером описать»*.

К фольклорным особенностям русских народных сказок мы отнесли и характерный для них вид повтора – удвоение понятий (тавтология), например, в зачине сказки: *Жил-был, Жил да был, Жили-были, Жила-была, В некотором царстве, в некотором государстве; Живало-бывало, В царстве-государстве, Не в каком царстве, не в каком государстве*. Удвоение понятия используется не только для активизации внимания, но и для эмоционального воздействия. Мы выделили следующие функции таких повторов на основе удвоения понятий: передача устоя-

вшихся сказочных зачинов; описание действия: *поплакал-поплакал, потужил-погоревал, спать-почивать, жить-поживать, живет-величается, разболелась-расхворалась, грыз-грыз, судят-рядят, придумывают-пригадывают, были-побывали, выдали-повидали, целовать-обнимать, заплакал-запечапился, ездил-ездил, спит-лежит богатырь, звать-величать, бились-рапились*; описание психологического состояния: *тоска-печаль, печаль-кручина, один-одишешенек, горько-горько, рады-раде-хоньки, беда-напасть, беда-невзгода*; описание исторических и этнических реалий: *плита-камень, батюшка-царь*; передача архаических наименований: *рать-сила, мед-пиво, пир-столованье, бились-рапились, дань-окуп*; описание природы: *пни-колоды, мхи-болота, трава-мурава*; усиление характеристики образа, процесса, качества: *служить верой-правдой, путь-дорога, дорога прямохожая-прямоезжая, огонь-жар, любо-дорого, ждет поры-времени, жив-здоров, вкривь да вкось, скорым-скоро, судьба-доля, роду-племени, беда-невзгода*.

Для характеристики сказочных персонажей используются постоянные эпитеты, восходящие к фольклорной традиции: *красная девица, добрый молодец; сильный, могучий царь, бедная молодница, пригожая вдовица, прекрасная княжна, убогий старик, Иванушка-дурачок* и др.

Следует отметить также общую приподнятость сказочной речи в русских сказках. В этой связи, по мнению В.П. Аникина, есть основание для вывода о стилиевой структуре волшебных сказок как романтических историй: «Их рассказы предстанут перед нами как увлеченные необычным вымыслом повествования. Передача волшебного мира сочетается с яркими бытовыми картинками: от этого сочетания вымысел обретает бытовую достоверность, а бытовая правда рассказа проникается элементами чуда» [2, с. 161].

Передача своеобразия народного быта и духовной культуры прослеживается по следующим направлениям:

- в устаревших словах [3], например: *бабушка-задворенка* (от «задворный» – находящийся за двором, позади двора. Задворный человек – дворовой, живший на барском задворке), *наедки* (закуски, лакомства), *вырыскнул* (выскочил), *гости* (купцы), *дань-окуп* (окуп = выкуп), *девка-чернавка* (служанка, выполнявшая черную работу), *девушка-поковка* (служанка, в обязанности которой входили уборка покоя – комнаты и прислуживание госпоже), зверь *прыскачий* (быстрый, стремительный); кабацкая *теребень* (постоянный посетитель кабака, завсегдатай), *кармазинное* (ярко-красное) сукно; нанести чести великую *поруку* (осрамить, опозорить), *поленица* (в русском бытовом эпосе – богатырь (мужчина или женщина), *росснани* (развилье, распутье где дорога расходится надвое или более) и др.

- в традиционных фольклорных формулах: *за тридевять земель, в тридесятом царстве; на море-океане, на острове Буяне; пир на весь мир; за темные леса, высокие горы; молочная река, кисельные берега; веселым пирком да за свадебку; расти не по дням, а по часам; долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли;*

- в разговорной и диалектной лексике: *напрочь* (совсем, окончательно), *тужить* (горевать, тосковать, скорбеть, печалиться), *чаять* (думать, полагать, надеяться, ожидать, предполагать), *зардеться* (вспыхнуть румянцем, покраснеть): «Спрашивает он: – Какая у вас беда-невзгода? О чем весь народ тужит?». «Подъехал к ней Лазарь Лазаревич: – Здравствуй, девица-душа!»;

- в наименованиях сказочных существ (и предметов): *Жар-птица, Баба-яга – костяная нога, Сивка-бурка, вещий каурка; избушка на курьих ножках, Идолище семиглавье, Змей-Горыныч, Кошеч Бессмертный, Чудо-юдо, поганое чудище;*

- в традиционных именах сказочных героев и злодеев: *Елена Премудрая, Иван-царевич, Василиса Премудрая;*

- в описании дома, интерьера: расписные палаты, каменный дворец с золотой крышей, палаты белокаменные; столы дубовые, скатерти бранные; скатерти узорчатые, барский дом, горница, боярский терем, русская печь, изба, русская банька, заваленка, чулан.

- в описании национальной одежды и национальной кухни: *красный кафтан, соболя шуба, сарафаны пестрые, напитки медовые, хлеб-соль, каравай, лапти;*

- в описании русского национального героя, его боевых подвигов и действий: *буйна голова, писаный красавец, добрый молодец, богатырские подвиги, боевая палица, дубины тяжелые, добрый конь богатырский, мечи булатные, меч-кладенец, сбруя ратная, смертный бой, пудовая палица; калена стрела, копье долгомерное;*

- в описании национальных занятий и обычаев: *колоть дро-*

ва, топить русскую печь, ходить за водой к реке (к колодезю), поить-кормить скот, дрова и воду в избу носить, мести избу, купаться в русской бане.

Исторический колорит древней Руси передается с помощью многих лексических и лексико-синтаксических средств. Изобразительные средства, употребляемые в русских волшебных сказках, создают выразительную картину быта русского народа и героических подвигов русских богатырей. Яркие эпитеты используются сказочниками для передачи героизма главных героев, их богатырской силы, стремления к справедливости. Являясь символом героизма и справедливости, богатырь в сказках часто обладает гиперболизированными характеристиками, что передается многочисленными эпитетами и сравнениями. Так, молодой богатырь Еруслан рос не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался, а его отец, Еруслан Лазаревич, был настолько силен, что обычный конь не мог его выдержать: «А вот коня по мне у нас в конюшне не нашлось. Всех до одного испытал. Выведут конюхи какого, брошу на холку руку – сразу на колени упадет». Герой так описывает битву с врагом: *Стал я их бить, как траву косить*. Характерна внешность героя-богатыря: «а сила у него была непомерная», «могучие плечи», «плечо богатырское».

Благодаря присутствию эпитетов в народной волшебной сказке создаются яркие, запоминающиеся сказочные образы не только положительных главных героев, но и антагонистов, в том числе враждебных волшебных чудовищ. Главный герой побеждает *трехглавого морского змея*, у которого *все три пасти разинуты, зубы оскалены, шестеро глаз злобой горят*.

Героический образ богатыря создается не только описанием его внешнего вида и его битвы с врагом, но и его боевых доспехов, его коня. Как правило, конь у богатыря – *волшебный, добрый конь богатырский*. У Еруслана Лазаревича он даже носит имя «Орош Вещий». Типична лексика, номинирующая доспехи русских богатырей: *доспехи ратные, боевая палица, меч острый, мечи булатный, меч-кладенец, сбруя ратная, палица; копы долгомерное, шлем*. Бой, который ведет герой – смертный.

Средства художественной изобразительности являются основой для создания и других сказочных образов. В русских сказках мы встречаем многочисленные описания женской красоты, для этого используются эпитеты, образные сравнения и другие приемы. Женская красота вызывает восхищение и уважение, отсюда и обращение к девушке: *девица-душа, девица-красавица*; в сказках ее называют *красной девицей-душой, глаза у нее с поволокою, брови черные, соболиные, идет, как лебедушка плывет!* Но встречается и другой образ женщины – это не только красавица, но и богатырь. Царь-девица, которую повстречал Еруслан Лазаревич, отличается яркой красотой: *Глаза у поленицы соколиные, брови черного соболя, личико белое, румяное, из-под шлема спадают косы русые до пояса*. Но ее также называют *поленицей*, что в русском былевом эпосе означало

«богатырь» (мужчина или женщина). И герой увидел, что она сидит на коне «как влитая», а на голове шлем.

Частое употребление устаревших слов, значение которых уже утрачено в современном языке, позволяет лучше воссоздать сказочное волшебное пространство, поместить героев в волшебное прошлое. Например, многочисленны термины, относящиеся к военному делу: *витязь, ратник, поленица* – устаревшие наименования воинов; также *поле брани, палица* и другие. Архаичны наименования помещений: *горница, опочивальня, покои, хоромы*, а также слуг в богатом доме: *мамушки, сенная девушка, девка-покоевка, бабушка-задворенка*. В сказках встречаются устаревшие, но редко употребительные в современном языке слова, такие как *темница* (тюрьма), *супостат* (недруг); но встречаются и лексемы, совсем вышедшие из употребления: *ражий* (здоровый, крепкий), *вырыскнул* (выскочил), «нанести чести великую *поруху*», то есть «осрамить, опозорить». Интересна история выражения «калики перехожие». Оно бытует в былинах и сказках. Так назывались странники, паломники, которые ходили по святым местам и жили подаяниями. Атрибуты этих странников – посох, ветхое платье. Предполагают несколько вариантов происхождения слова «калики»: от «калиги» («калуги») – назв. обуви странников (лат. caliga – сапог); от «калека» – нищий, увечный; от ит. calico – бедный.

Поэтика русских сказок передается множеством эпитетов, передающих образ света, огня, чистоты, радости: *солнечный, золотой, серебряный, светлый, блестящий и др.* Особенно много выражений с лексемой «золотой»: конь *златогривый, золотые яблоки, золотая клетка, золотая узда*; синее море, *золотой песок; золотой трон, золотая колесница, золотая казна, золотое блюдо, позолоченная карета, бусы золоченые, крыльцо золотое, соболя шуба вся в золоте, в серебре; Баба-яга – золотая нога*; яблоки висят наливные, листья шумят *золотые*, веточки гнутся серебряные; терем с *золотой* крышей; перо *золотое* у селезня; конь – одна шерстинка серебряная, другая *золотая*; *золотой* перстень; царевна-краса, *золотая* коса; *золотая* коса, непокрытая краса; решетка *золотая*, сад зеленый.

Таким образом, в русских волшебных сказках широко используются различные выразительные средства, создающие неповторимый образ русского героя, русской природы и мира, которые окружают героев. Художественная ценность русской народной сказки определяется образностью обрисовки как положительных героев, так и вредителей, использованием художественных средств, отражающих русскую этническую культуру. Сказочники используют образные выражения: пословицы, поговорки, «живую» разговорную речь. Русские сказки насыщены колоритными эпитетами, сравнениями, метафорами, гиперболами, фразеологическими оборотами, которые делают их более образными, эмоциональными, колоритными. Сказки имеют устоявшиеся десятилетиями традиционные зачины и концовки. Зачины настраивают слушателя на сказочный лад, концовки же, завершают повествование, часто носят поучительный характер.

Библиографический список

1. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987.
2. Анкин, В.П. Русская народная сказка. – М., 1984.
3. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000.

Источники

1. Русские народные сказки [Э/п]. – Р/д: <http://lib.rus.ec/b/122559>
2. Волшебные сказки [Э/п]. – Р/д: <http://www.ru-skazki.ru/fairy-tales.html>.

Bibliography

1. Rihbakov, B.A. Yazichestvo drevney Rusi. – M., 1987.
2. Anikin, V.P. Russkaya narodnaya skazka. – M., 1984.
3. Bol'shoyj tolkovihiy slovarj russkogo yazihka. – SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 801

Grankova N.N. THE SUBJECT OF EMOTIVELY NEUTRAL AND EVOCATIVELY MARKED SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE. The paper is dedicated to the analysis of the subject matter of emotively neutral and evocatively marked substandard vocabulary. The source of investigation includes the lexicographical literature and the modern texts belonging to the belles-lettres and publicistic styles. The aim of the research is to define the spheres of the actual usage of the linguistic phenomena in question.

Key words: emotively neutral substandard vocabulary, evocatively marked substandard vocabulary, standard vocabulary, jargon, slang, invective, obscene words, vulgarisms.

Н.Н. Гранкова, канд. филол. наук ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: natascha297@mail.ru

ТЕМАТИКА ЭМОТИВНО-НЕЙТРАЛЬНОЙ И ЭКСПРЕССИВНО-МАРКИРОВАННОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается тематика группы эмотивно-нейтральной и экспрессивной маркированной сниженной лексики на основе лексикографических источников и современных текстов художественного и публицистического стилей с целью определения актуальных сфер употребления исследуемого языкового явления.

Ключевые слова: эмотивно-нейтральная сниженная лексика, экспрессивно-маркированная сниженная лексика, тематическая дифференциация, разговорная лексика, жаргон, молодежный сленг, инвективы, обценная лексика, вульгаризмы.

В рамках данной статьи представляется актуальным сначала определение сфер употребления сниженных лексических единиц (эмотивно-нейтральной групп) на основе анализа лексикографических источников, с целью выявления тематики исследуемых лексем.

Разговорная лексика, жаргон и сленг относятся в статье к эмотивно-нейтральной группе, поскольку использование каждой составляющей характеризуется достаточной стабильностью, постоянством, определенной социальной конвенциональностью, что обеспечивает внутрисистемное межличностное понимание. Вместе с тем, дифференциация этих групп проводится в работе на основе выделения таких признаков, как широта диапазона использования (разговорная лексика), кодифицированный характер (жаргон), экономический и игровой аспекты формирования (сленг).

Разговорная лексика – это слова и выражения, которые употребляются при непосредственном общении и характеризуются сниженной стилистической окраской [1, с. 509]. Наиболее общими признаками разговорной лексики является ее большая эмоциональная окрашенность по сравнению с общей литературно-книжной лексикой и ограниченность ее употребления, в основном, диалогической формой речи, в непринужденной беседе.

Жаргон – это язык какой-либо социальной группы, за исключением возрастного фактора, последний, вслед за Г. Эманом, рассматривается в данной работе как сленг – язык молодежи [2, с. 8].

Для дифференциации сниженной лексики по тематическому признаку были проанализированы русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломийца (специализированное лингвистическое издательство «Восток – Запад» 2005) (2000 лексических единиц) [3] и словарь-разговорник не-

мецкого языка (2008) (1500 лексических единиц) [4]. Выбор анализируемых источников был обусловлен актуальностью даты издания, а также тем, что авторы при создании словаря привлекали Интернет-словари, которые непрерывно отражают изменения словарного состава языка. Сначала была выявлена тематическая направленность эмотивно-нейтральной сниженной лексики:

1. Учеба (*Abi, die Niete* и др.).
2. Техника (*Fahrlappen, Addy* и др.).
3. Наркомания (*Nade, Fixe, Hammer, Kanone* и др.).
4. Тело человека (*Bollen, Denkkapparat, Denkkapparillo, Globus* и др.).
5. Криминальный мир (*Knuppetherapie* и др.).
6. Положительные эмоции (*tiffig, kravolta* и др.).
7. Окружающий мир (*Warteraum, Watch, Kalbungs-Date* и др.).
8. Ментальная деятельность человека (*kapieren, mit einem Fickfack kommen* и др.).
9. Глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей (*abcoolen, krallen, sich abschalten, einpennen* и др.).
10. Характеристика внешности личности (*Schoko-Cross, Dusseltier, Bodenturner, Punker, Laschi, Torte* и др.).

Далее был проведен количественный подсчет лексических единиц эмотивно-нейтральной группы для того, чтобы определить, в каком процентном соотношении находятся лексические единицы сниженного стиля по тематической дифференциации. Расчеты проводились по формуле Б.Н. Головина [5]. За 100 % было взято 1200 эмотивно-нейтральных лексем, представленных в словаре 2005 года и 500 лексем словаря 2008 года, отдельно по каждому лексикографическому источнику. Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Процентное соотношение тематической дифференциации
эмотивно-нейтральных лексических единиц

№	Тематика	Эмотивно-нейтральные лексические единицы					
		Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломийца (2005)			Словарь-разговорник немецкого языка (2008)		
		Разговорные лексемы	Сленг	Жаргон	Разговорные лексемы	Сленг	Жаргон
1.	учеба	-	3 %	-	-	-	-
2.	техника	2 %	-	-	-	-	-
3.	наркомания	-	5 %	-	-	4 %	5 %
4.	тело человека	7 %	-	-	4 %	-	-
5.	криминальный мир	-	-	4 %	-	-	-
6.	положительные эмоции	9 %	3 %	-	-	-	-
7.	окружающий мир	21 %	-	-	7 %	-	6 %
8.	ментальная деятельность человека	13 %	1 %	3 %	8 %	4 %	-
9.	глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей	14 %	3 %	-	17 %	5 %	3 %
10.	характеристика внешности личности	12 %	-	-	28 %	9 %	-

Тематическая дифференциация сниженных лексических единиц в лексикографическом источнике Е.А. Коломийца представлена более разнообразно, чем в словаре-разговорнике, так как в последнем преобладают лексические единицы экспрессивно-маркированной группы (обценная лексика, вульгаризмы, инвективы). Разговорные лексические единицы употребляются во всех группах, кроме сферы учебы, наркомании и криминала. Это обусловлено социальными характеристиками группы, а именно ее членами, которые используют, либо создают специфические для их речи лексемы, чтобы «скрыть» информацию от общества, быть понятыми, но только в своем социуме, окружении.

Тематическая дифференциация сниженной лексики эмотивно-нейтральной группы на основе фактологии почти совпадает с тематикой лексикографических источников, за исключением учебного и технического процессов. Фактический материал был объединен по следующим темам:

1. Наркомания: *Das war Quatsch, denn überall im Kino wurde getuschelt, gejoht und geraschelt, außerdem stank es nach Hasch* [6, с. 123].

2. Тело человека: *Sie hat Busen und Hintern* [7, с. 88].

3. Криминальный мир: *Kommissarin Jasmin Crampe von der Kripo Kün wandte sich der blonden Frau zu, die weinend in einem Ohrensessel kauerte* [8, с. 28].

4. Положительные эмоции: *Ich fühlte mich pudelwohl und nie einsam* [9, с. 11].

5. Окружающий мир: *Ich bringe dich gleich die Karte* [6, с. 39].

6. Ментальная деятельность человека: *Hätte ich auch keinen Bock drauf* [6, с. 187].

7. Глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей: *Oder sie schipperten mit ihrem selbst gebauten Paddelboot* [10, с. 15].

8. Характеристика внешности личности: *Ich bin nämlich eine Romantikerin – und eine ziemlich sentimentale Kuh / lacht* [9, с. 11].

Сопоставление тематических сфер употребления сниженных лексических единиц лексикографических источников с фак-

тологией позволило не только определить сферы функционирования изучаемых лексем, но и выявить приоритетные области. Разговорные лексические единицы, несмотря на свою общепотребительность, не представлены в определенных сферах, а именно, учеба, наркомания и криминал.

В качестве экспрессивно-маркированной лексики в работе рассматриваются обценные языковые единицы, вульгаризмы, инвективы, обладающие способностью к усилению воздействия в акте коммуникации, что обусловлено имманентной отрицательной коннотацией. Они образуют самый низший пласт лексических единиц по причине своей ярко выраженной сниженностью, которая маркирована высокой экспрессивностью.

Сфера употребления экспрессивно-маркированных сниженных лексических единиц была выявлена на основе анализа русско-немецкого словаря современного молодежного жаргона Е.А. Коломиец (2005) [3] и словаря-разговорника немецкого языка (2008) [4]. В процессе работы отдельно по каждому лексикографическому источнику за 100 % было принято 800 лексических единиц из первого источника и 1500 лексемы из второго источника. Далее сниженные лексические единицы исследуемой группы были классифицированы по тематическим признакам, в результате чего определились следующие тематические сферы употребления лексем:

1. отрицательные эмоции (*ekelhaft, scheißegal, scheuЯlich* и др.);

2. окружающий мир (*Besöfnis, Gudelmasse, Plastilin, Puff* и др.);

3. психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий (*in die Fresse hauen, kotzen, rьpsen* и др.);

4. характеристика умственных или поведенческих качеств личности (*Luschi, Inselaffe, Kuttenscheißer* и др.);

5. интимные отношения человека (*Fernrohr, Oasch mit Ohren, Nutte, ficken, geigen* и др.).

Результаты количественного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Процентное соотношение тематической дифференциации экспрессивно-маркированных лексических единиц

№	Тематика	Экспрессивно-маркированные лексемы					
		Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломиец (2005)			Словарь-разговорник немецкого языка (2008)		
		Обценная лексика	Вульгаризмы	Инвективы	Обценная лексика	Вульгаризмы	Инвективы
1.	отрицательные эмоции	-	21 %	-	-	15 %	-
2.	окружающий мир	-	17 %	-	-	24 %	-
3.	психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий	-	37 %	-	-	20 %	-
4.	характеристика умственных или поведенческих качеств личности	-	10 %	7 %	5 %	10 %	19 %
5.	интимные отношения человека	8 %	-	-	19 %	7 %	-

Сопоставление лексикографических источников с позиции представления в них экспрессивно-маркированной лексики не обнаруживает никаких-либо принципиальных отличий. Представленная таблица демонстрирует тот факт, что в группе экспрессивно-маркированной сниженной лексики вульгаризмы доминируют во всех сферах, что связано с их «относительной» нейтральностью по сравнению с обценными лексическими единицами.

Тематическая дифференциация сниженной лексики экспрессивно-маркированной группы на основе анализа фактического материала идентична сферам употребления сниженных лексем лексикографических источников, что обусловлено малым количеством тематических групп. Фактический материал был объединен по следующим тематикам:

1) отрицательные эмоции: Also mir ist das *scheiRegal* [6, с. 49];

2) окружающий мир: Soll ich jetzt das *ScheiЯ-Imbis-Hotel* verteidigen [7, с. 53];

3) психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий: *Halt die Klappe*, ich will den Film sehen [7, с. 123];

4) характеристика умственных или поведенческих качеств личности: Und jetzt *hau ab, du Arschmade* [6, с. 101];

5) интимные отношения человека: Ich habe meine Sachen zusammengepackt und warte darauf, dass Mutter und Lucas von ihrem *Quicky* im Wald zurückkommen [7, с. 120].

Библиографический список

1. Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д., 2008.
2. Ehmann, H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. – München, CH Beck, 2005.
3. Коломиец, Е.А. Русско-немецкий словарь современного немецкого жаргона: около 2000 слов и выражений. – М., 2005.
4. Немецкий сленг. Словарь-разговорник. – М., 2008.
5. Головин, Б.Н. Язык и статистика. – М., 1971.
6. Regener, S. Herr Lehmann. – München: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003.
7. Townsend, S. Das Intimleben des Adrian Mole, 13 s Jahre. – PуЯneck: GGP Media GmbH, 2002.
8. Neues für die Frauen: Zeitschrift / unter Redaktion M. Cramer. – § 8/9. Bad Honnef : Cramer's GmbH, 2009.
9. Frau und Freizeit: Zeitschrift / unter Redaktion S.-C. Guthlein. – § 5. – Hamburg : SCG Verlag Ltd., 2009.
10. Juma: Jugenmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – § 1. – Kūln: TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2005.

Bibliography

1. Starichenok, V.D. Boljshoyj lingvisticheskiy slovarj. – Rostov n/D., 2008.
2. Ehmann, H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. – München, CH Beck, 2005.
3. Kolomiec, E.A. Russko-nemeckij slovarj sovremennogo nemeckogo zhargona: okolo 2000 slov i vihrzhenij. – M., 2005.
4. Nemeckij sleng. Slovarj-razgovornik. – M., 2008.
5. Golovin, B.N. Yazhik i statistika. – M., 1971.
6. Regener, S. Herr Lehmann. – München: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003.
7. Townsend, S. Das Intimleben des Adrian Mole, 13 ? Jahre. – Po?neck: GGP Media GmbH, 2002.
8. Neues für die Frauen: Zeitschrift / unter Redaktion M. Cramer. – § 8/9. Bad Honnef : Cramer's GmbH, 2009.
9. Frau und Freizeit: Zeitschrift / unter Redaktion S.-C. Guthlein. – § 5. – Hamburg : SCG Verlag Ltd., 2009.
10. Juma: Jugenmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – § 1. – Kōln: TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2005.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 83

Gubanov S.A. THE COGNITIVE MECHANISMS OF GENERATION OF EPITHETS IN M. TSVETAeva's IDIOLECT.

The functioning and mechanisms of generation of epithets in M. Tsvetaeva's poetry is being suggested in the article. The special attention is paid to cognitive nature of metaphorical/ figurative epithet and it's activity in verbalisation of the basic for poet concepts in the mental sphere 'man'. The central mechanism of generation of epithets is metonymy.

Key words: epithet, M.Tcvetaeva, methonimy, discourse, idiostyle, the converse adjective.

С.А. Губанов, канд. филол. наук, доц. каф. философии НОУ ВПО «Международный институт рынка», г. Самара, E-mail: gubanov5@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭПИТЕТА В ИДИОЛЕКТЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается функционирование и механизмы образования эпитета в творчестве М.Цветаевой. Обращается внимание на когнитивный вектор переноса эпитетов и его участие в вербализации базовых для поэта концептов в ментальной сфере «человек». Доказывается, что центральным механизмом в образовании перенесенного эпитета является метонимия.

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, метонимия, дискурс, идиостиль, смещенное определение.

Среди изобразительно-выразительных и образных средств русского языка эпитет занимает далеко не последнее место. По употребительности данный троп является одним из лидеров, наряду с метафорой и метонимией. Вместе с тем внимание, которое уделяется эпитету в научной литературе, как лингвисти-

Диахронический подход в изучении различных видов сниженной лексики, представленной в лексикографических источниках, позволил выявить системнообусловленную связь между количественным и качественным показателями по тематическому фактору. Характеристика внутренних (умственных или поведенческих) качеств личности осуществляется вульгарными, инвективными и обценными лексемами, а характеристика внешности – разговорными или сленговыми. Причина подобной полярности заключается в том, что интеллект и характер индивида представляют человеческое «Я», оскорбление которого достигает нужной цели вне зависимости ситуации. Если внешний фактор человек может изменить, то внутренний остается с ним на протяжении всей жизни.

В процессе появления лексических новообразований рассматриваемого стилистического уровня расширяется тематический блок языковых единиц эмоционально-нейтральной группы (молодежный сленг, разговорные и жаргонные лексемы) при устойчивости низшего (вульгарные, обценные, инвективные лексические единицы). Анализ фактологии позволяет установить, что немецкая сниженная лексика имеет тенденцию к абстрагированию засчет стремления коммуникантов к сокрытию информации от «непосвященных». При этом увеличивается вес устойчивых образований, предназначенных для конкретных групп пользователей.

ческой, так и литературоведческой, кажется нам недостаточным. Описание данного языкового феномена ограничивается его определением и иллюстрациями употребления либо постоянного эпитета, либо окказиональных определений.

На наш взгляд, выявление сущности эпитета, механизмов его порождения и функционирования, способов его бытования в художественном тексте возможно в полном объеме, с опорой на рассмотрение его составе идиолекта того или иного писателя или поэта. Такого рода исследование предполагает рассмотрение следующих проблем: что такое эпитет в сравнении с другими изобразительно-выразительными и художественными средствами, с одной стороны; что есть эпитет в сравнении с логическим, обыкновенным определением, с другой стороны; каковы принципы порождения эпитета; являются ли они универсальными для эпитета или специфичны для идиолекта конкретного писателя; выдерживается ли типология эпитетов, принятая в поэтике, при рассмотрении данного феномена в творчестве конкретного писателя; существуют ли особые способы построения эпитетов, особые типы эпитетов; как на примере отдельного художественного средства можно говорить о моделировании и понимании мира художником слова.

В статье рассматриваются когнитивные механизмы образования переносного эпитета в лирике М. Цветаевой с опорой на достижения когнитивной лингвистики. Эпитет анализируется, исходя из его моделирующих возможностей, — участия в вербализации базовых художественных концептов.

В свете когнитивной парадигмы художественный концепт смысляется как сложный знак, который выражает знания писателя о фрагменте действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление набора ключевых слов текста, определение базового концепта и описание обозначаемого ими концептуального пространства [1, с. 59].

В исследовании рассмотрены основные, базовые для цветавского творчества концепты, находящие свою вербализацию посредством эпифрастического единства, в составе которого находится метонимический эпитет. Ключевые концепты мы условно разделили на две группы: конкретные и абстрактные. Конкретные представлены следующими ментально-вербальными образованиями:

1. Концепты субсферы «человек»:
 - глаза — 296 единиц;
 - рука — 133 единицы;
 - рот (уста) — 102 единицы;
 - лоб — 21 единица;
 - кровь — 13 единиц.
2. Концепты субсферы «артефакты»:
 - дом — 198 единиц;
 - город — 68 единиц.
3. Концепты субсферы «природа»:
 - деревья — 90 единиц.

Абстрактные понятия, связанные, так или иначе, с внутренним человеком и его деятельностью, представлены в лирике М. Цветаевой в составе комплексов с эпитетом не так массово и богато, как конкретные сущности — части тела человека: это *душа* (97 единиц) и *любовь* (50 единиц). Другие представлено менее часто (*печаль* 23, *тоска* 17, *сон* 15, *память* 14, *совесть* 11).

Нами выбраны базовые, частотные для творчества М.И. Цветаевой концепты, вербализованные посредством эпифразы. При этом избрана самая продуктивная ментальная сфера — «человек» в силу особого внимания, уделяемого поэтом изображению «внутреннего» и «внешнего» человека.

Ментальная модель «человек» является основной сферой бытования наиболее значимых категорий для М.И. Цветаевой. Данный факт объясняется общей логикой языка, антропоцентричного по своей природе, и поэтическим миром художника слова, для которого телесное ощущение мира является одним из основных способов его интерпретации. М.П. Оudinцова пишет: «Человек — это живое существо, разделенное на две в принципе отделяемые друг от друга субстанции — тело и душу, каждая из которых совмещает в себе прямо противоположные начала активности и пассивности. Человек — это наделенное разумом, волей, речью активное, т.е. действующее по своему выбору «я» и в то же время это инертная вещь — пространство, вмещающее разнообразных предметов, субстанций, материальных (физических) и идеальных (духовных), таких, например, как физические и духовные: мозг, сердце, кровь, нутро, грудь, ощущения, таких уникально духовных, как душа, совесть, память, ум, сознание, мысль, воображение, чувства и черты личности: любовь, мудрость, доброта, зависть, ненависть, тоска, радость и многие другие. В человеке — духовном пространстве — размещается не только всё собственно человеческое, но в пределе — вся Вселенная, всё, что входит в сознание личности в субъек-

тивных образах природы, живых и неживых предметов, микро- и макромира, космоса» [2, с. 65].

В последнее время так называемая лингвистическая антропология, изучающая различные стороны жизни человека, которые представлены в языковом коде, а также ставящая целью рассмотреть языковую картину внутреннего мира человека, приходит к выводу о том, что данная языковая картина мира может быть представлена как фрагмент наивной анатомии и физиологии, как система внешних симптомов внутренних состояний, как некий универсум-микрокосм и как «образная грамматика интросознания» [1; 2].

Наивная анатомия и физиология внутреннего человека исходит из универсального принципа, постулируемого когнитивной лингвистикой, который гласит о том, что в основе языка лежит телесный опыт человека. Таким образом, внутренняя сфера жизни человека строится по модели внешнего человека. Многие концепты психики человека находят свою языковую репрезентацию в выражениях, характеризующих внешнюю представленность человека (сердце кровью обливается). Исследователи склонны видеть проявление характерной черты архаического языкового сознания, «для которого естественно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности», «поэтому утрата или отсутствие органа может квалифицироваться в языке как утрата или отсутствие закреплённых за ним функций человека: потерять голову, обезуметь...» [3, с. 23]. Выделяют органы душевной жизни человека с опорой на предложенный Е.В. Урысон перечень приписываемых им признаков, типичных для физических органов: закреплённость за определённой функцией, способность испытывать физические ощущения, возможность мыслиться как вместилище, компактность, локализация, функционирование независимо от воли субъекта, контролируемость субъектом [4]. Устройство внутреннего человека включает душу, дух, сердце, ум, рассудок, разум (описаны Марченко), память, совесть, воображение, фантазия, волю, способность, чувства [1], печень, грудь (=сердце) (см. работы Д.Н. Шмелёва). Как показала Е.В. Урысон, наиболее сходна с материальными органами душа: она обладает всеми признаками физического органа. Необходимо подчеркнуть квалификацию души, ума, духа и других подобных концептов в качестве квазиорганов. Тем не менее, данные «органоиды», «как бы органы» весьма часто и регулярно переносят на себя функции других органов, тесно связанных с ними (ум — мозг, мышление) или метонимически им уподобленных (душа — сердце, ум (*разумная душа*)).

Внутренний человек представлен в языке не просто как набор органов, но и как сложная система, целостный организм. Все составляющие его части обеспечивают нормальную жизнь благодаря согласованной работе всех систем организма.

Симптоматика внутреннего человека, внешние проявления внутренних процессов, и в первую очередь процессов эмоционально-психологических, описана многими лингвистами [4], но когнитивных исследований данной субсферы пока не имеется. Знаками внутреннего человека называют предикаты разной частеречной принадлежности, объединённые общим корнем вид, номинации отдельных деталей внешнего облика человека (глаза, рот, лицо, походка, речь). Данные концепты сочетаются с оценочными эпитетами типа «умные глаза», «угрюмое лицо», «добродушное лицо» и т.д. Как показала Л.Б. Никитина, объектами непрямых характеристик интеллектуальной деятельности человека могут служить номинации результатов деятельности (*умная работа*) и развёрнутые описания поступков, действий, которые «оцениваются носителями языка в связи с интеллектуальной ипостасью и её активным, определяющим влиянием» [5, с. 131].

Микрокосм внутреннего человека включает в себя все основные объекты живой и неживой природы: стихии (*в пылу страсти*), растения (*расцветающая любовь*), животных (*совесть лжёт*), человека (*воспитание чувств*) и т.д.

В антропологии внутреннего человека базовым следует признать принцип единства (а потому, возможность установления метафорических и метонимических подобий) внешнего и внутреннего аспектов человека.

Внешняя выраженность внутреннего состояния человека наиболее ярко репрезентируется в аффективных моделях, которые ориентированы на передачу сообщения о состоянии субъекта, которое выражается в его внешнем облике. Это проявляется в постпозиционной позиции прилагательного, которая переводит признак в позицию предиката (*он задумчив*).

Остановимся на вербализации основных для творчества М. Цветаевой концептов ментальной сферы «человек» посредством эпифразы. Таковых концептов три: *глаза*, *рука* и *рот*.

1. Концепт *глаза* посредством употребления метонимического эпитета дает полное представление о человеке и его эмоциях.

Ему в задумчивые глазки // Взглянула ... [6, т. 1, с. 24]; *Памятливыми глазами // Впилась – народ замер* [6, т. 1, с. 226]; *У мамы сегодня печальные глазки* [6, т. 1, с. 103]; *Глазами, не зная желаящими ...* [6, т. 2, с. 225]; *И обо всех – в аллеях и гостиных // Вас жаждущих глазах* [6, т. 1, с. 186]; *И глаза твои, грустные, те же* [6, т. 1, с. 72]; *... что этих слишком гневных глаз // Не вынося, боялись люди* [6, т. 1, с. 71]; *Братец в радушии трет // Сонные глазки ручонкой* [6, т. 1, с. 47].

Неразгаданный взгляд... [6, т. 1, с. 132]; *И синий взгляд, пронзительный и робок* [6, т. 1, с. 313]; *Юный ли взгляд мой тяжел?* [6, т. 1, с. 252]; *Не тот же бесстрастный, оценивающий, любопытствующий взгляд* [6, т. 4, с. 62]; *Не правда ли? – // Лынущий, мнущий // Взгляд* [6, т. 3, с. 39]; *Взор твой черней, взор твой зоркий* [6, т. 3, с. 344]; *Скрытные твои ресницы...* [6, т. 3, с. 192]; *На завитки ресниц // Невинных и наглых...* *Заглядывая один человек ...* [6, т. 1, с. 319].

Как показал анализ, большая часть эпитетов, зафиксированных в контексте указанных субстантивов, репрезентантов концепта «глаза», представляют собой результат переноса качеств с человека на его глаза, части глаз (*веки, зрачок, ресницы, завитки ресниц, веки*), их состояние (*взор, взгляд, слезы*).

Наиболее частотны в контексте названных существительных следующие эпитеты:

- печальный, грустный (98 единиц);
- задумчивый (36 единиц);
- юный (21 единиц).

Преобладание эпитетов *печальный, грустный* свидетельствует о том, что для поэта важно эмоциональное состояние субъекта; в лексемах, воплощающих концепт *глаза*, актуализируется значение «*глаза – зеркало души*». Не менее важной характеристикой субъекта является и мыслительная, сопряженная с внутренними переживаниями и потому не выступающая в чистом виде (*задумчивый*). Сема наивности, чистоты вербализируется в определении *юный*.

Экспансия определения на смежные реалии в поэзии М. Цветаевой реализуется тотально, массово в сравнении с обычной нехудожественной речью. Это объясняется необычайной свободой в переносе признаков, отсутствием скованности нормами сочетаемости определений с определяемым словом. К примеру, выражение *памятливые глаза* явно окказионально, но вполне закономерно в рамках описываемой нами тенденции. Поэту важно увидеть в глазах любимого человека прошлое; с другой стороны, возможна интерпретация данного выражения и как *глаза, способные многое помнить*. Таким образом, выражение вызывает целый шлейф ассоциаций и возможных толкований.

В таких словосочетаниях эпитет выступает в метонимическом значении «такой, который выражает данное свойство/состоя-

ние человека». Значение эпитета можно трактовать двояко: «такой, который выражает данное свойство/состояние человека» и как «такой, который сочетается/выступает совместно с данным состоянием человека» (*невинные и наглые глаза*).

Набор определений во всех микроконцептах, воплощающих концепт *глаза* (глаза, взгляд, ресницы и др.), одинаков, что говорит о единой тенденции переноса определения – процесса наделяния основными, ключевыми качествами человека не только концепта *глаза*, но и его частей, проявлений, продуктов деятельности (слезы).

2. Концепт *рука*.

Безумные руки тянешь, и снегом – конь [6, т. 3, с. 20]; *... Рукой заспанной ресницы трет, // Теперь правому плечу – черед* [6, т. 3, с. 243]; *Сам нежные руки целует себе* [6, т. 3, с. 237]; *Смелыми руками – вдоль перил витых* [6, т. 3, с. 227]; *А рука-то занемелая, // А рука-то сонная...* [6, т. 2, с. 215]; *Ревнивая длань – твой праздник* [6, т. 3, с. 21]; *Длинной рукой незрячей, // Гладя раскиданный стан...* [6, т. 1, с. 358]; *Руки ... старческие, не знающие стыда* [6, т. 2, с. 147]; *И движенья рук невинных – // слишком злы* [6, т. 1, с. 421]; *Пальцы в жгут...*; *В чем опьяненным объять // Ты обрела забытье* [6, т. 1, с. 142]; *Ломал ли в пьяном кулаке // Мои пронзительные пальцы* [6, т. 1, с. 328].

В концепте *рука* подчеркивается ее деятельная природа, активность; отсюда частотность эпитетов *смелый, безумный*.

Вновь отметим тенденцию к выделению интересующего поэта признака с помощью метонимического конструирования эпитета. В выражении *рукою робкой надавливать звонок* подчеркивается ощущение (робость) при совершении действия, которое, в свою очередь, переносится на орудие действия – руку.

3. Концепт *рот*.

Только и памятьлив, что на песни // Рот твой улыбочивый [6, т. 1, с. 277]; *И целует, целует мой рот поющий* [6, т. 1, с. 326]; *Запечатленный, как рот оракула – // Рот твой, гадавший многим* [6, т. 2, с. 240]; *Та гора хотела губ девственных* [6, т. 3, с. 24]; *От дум, что веки не скажешь словами, // Печально дрожали капризные губки* [6, т. 1, с. 55]; *Встречались ли в поцелуе // их жалобные уста* [8, т. 1, с. 358]; *Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка* [6, т. 1, с. 132]; *... Не надует гордых губ* [6, т. 1, с. 117]; *Не губы, жмущиеся жадно // К руке чужой ... (о приборе)* [6, т. 2, с. 117]; *Печальные губы мы помним...* [6, т. 1, с. 101].

Рассматриваемый концепт важен для поэта в силу функциональности человеческого органа, рта – с его помощью можно говорить, петь и т.д.

Все три базовых концепта располагают сходным набором определений, которые сочетаются с их именами, в лирике М. Цветаевой. Данный факт говорит о том, что при глобальном рассмотрении векторов переноса эпитета можно увидеть когнитивные основания метонимических определений: с человека как целого происходит перенос на его часть (орган) принципиально любого психического свойства или состояния.

Библиографический список

1. Бабенко, Л.Б. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Б. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М., 2006.
2. Одинцова, М.П. Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологический философский очерк (на материале русского языка) / под ред. М.П.Одинцовой. – Омск, 2000. – Ч.1.
3. Коськина, Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: дисс. ...канд. филол. наук. – Омск, 2004.
4. Урысон, Е.В. Языковая картина мира обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2.
5. Никитина, Л.Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. – Омск, 2003.
6. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. – М., 1994.

Bibliography

1. Babenko, L.B. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta / L.B. Babenko, Yu.V. Kazarin. – M., 2006.
2. Odincova, M.P. Yazykovye obrazy «vnutrennego cheloveka» // Yazyk. Chelovek. Kartina mira: lingvoantropologicheskij filosofskij ocherk (na materiale russkogo yazyka) / pod red. M.P.Odincovoy. – Omsk, 2000. – Ch.1.
3. Kosjina, E.V. Vnutrennij chelovek v russkoy yazykovoy kartine mira: obrazno-associativniy i pragmalingvisticheskiy potencial semanticheskikh kategoriy «prostranstvo», «subjekt», «objekt», «instrument»: diss. ...kand. filol. nauk. – Omsk, 2004.
4. Urihson, E.V. Yazykovaya kartina mira obikhodniye predstavleniya (modelj vospriyatiya v russkom yazyke) // Voprosih yazykoznaniya. – 1998. – № 2.
5. Nikitina, L.B. Obraz homo sapiens v russkoy yazykovoy kartine mira. – Omsk, 2003.
6. Cvetaeva, M.I. Sbranie sochineniy: v 7 t. / sost., podgot. teksta i komment. A.A. Saakyanc i L.A. Mnukhina. – M., 1994.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 821.161.1-31

Degteva V.V. CREATIVE WORKS BY VASILY GROSSMAN: MODERN APPROACHES AND CONCEPTIONS. In the article author analyses modern approaches to studying of creative works by V. Grossman. The main directions of researches are called, specifics of the European and Russian reflection is specified. Also author allocates prospects of further research of key subjects of prose by the author.

Key words: V. Grossman, criticism, creative works, themes of socialist construction, war, concentration camps.

В.В. Дёгтева, аспирант каф. русской и зарубежной литературы Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, E-mail: degteva_90@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ.

В работе представлен аналитический обзор современных подходов к изучению творчества В. Гроссмана. Названы основные направления исследований, указана специфика европейской и отечественной рефлексии. Выделены перспективы дальнейшего исследования ключевых тем прозы автора.

Ключевые слова: В. Гроссман, критика, творчество, темы социалистического строительства, войны, лагеря.

Творчество В.С. Гроссмана, находящееся под запретом несколько десятков лет, – пример заново открытой литературы. Произведения писателя становятся доступны лишь с 1989 года, но и теперь нельзя говорить о литературоведческой традиции, сложившейся вокруг прозы автора: в отечественном литературоведении исследования представлены разрозненно, в виде единичных статей, заметок, обзорных глав монографий. В то же время, при более глубоком рассмотрении творческой истории писателя, становится очевидным, что многие магистральные темы русской литературы второй половины XX века начались с его текстов.

Цель данной статьи – представить аналитический обзор современного состояния литературоведения, занимающегося творчеством В. Гроссмана, наметить возможные перспективы изучения текстов художника.

Задачи:

- систематизировать имеющиеся подходы к исследованию прозы автора;
- наметить важнейшие темы творчества В. Гроссмана и перспективу их изучения;

Анализ текстов автора производился, как правило, в рамках парадигмы, актуальной для постсоветского социокультурного пространства, во многом сконцентрированного на отрицании советского опыта и поисках путей его преодоления, изживания.

Творческая биография В. Гроссмана охватывает период в 30 лет. За это время мировоззрение художника прошло колоссальную эволюцию. Он входит в литературу как писатель, искренне верующий в постулаты соцреализма, а уходит как автор, отвергнутый властью, во многом непонятый и неоцененный читателями.

В настоящее время практически не изучен ранний период творчества мастера, охватывающий 1930-е – начало 1940-х годов. Данный этап является стартовой площадкой писательского пути, идеи, постулируемые в этот период, обыгрываются и обсуждаются в последующих текстах. Уже здесь художником проговорены принципиально важные темы, означена иерархия ценностей – честность, трудолюбие, взаимовыручка, доброта. Данные понятия формально не отрицались в рамках становящейся советской идеологии, которой Гроссман был увлечен, но трактовались особым образом, в соответствии с требованиями времени. Наиболее ярко, полно черты соцреалистического канона проявлены в романе «Степан Кольчугин» (1937-1940): это и положительный образ главного героя, и пространственно-временная организация повествования (закрепленная вертикаль, гора как символ преодоления трудностей, восхождения персонажа и др.), и распределение действующих лиц по ролям-функциям, выявленным и описанным К. Кларк в работе «Советский роман: история как ритуал».

Наряду с элементами соцреалистической поэтики уже в ранних произведениях очевиден своеобразный эффект многоголосия. Принцип «у каждого своя правда» – один из организующих в тексте: голос царского генерала звучит наравне с голосом пролетария Степана, несмотря на то, что они находятся по разные стороны баррикад.

Исследовательница соцреалистического канона – К. Кларк – приводит роман «Степан Кольчугин» в качестве примера ортодоксального соцреализма [1], анализирует пространственную

организацию текста, систему персонажей, сюжетные схемы, в целом соответствующие требованиям канон. Однако поэтика соцреализма более актуальна для первой части романа, написанной В. Гроссманом еще до войны. Во второй части акценты смещаются, что связано с передачей функции главного героя от рабочего Степана Кольчугина к интеллигенту Серёже Кравченко.

Вслед за изменением ведущего персонажа меняется и его окружение. В первой части романа действуют заданные соцреализмом сюжетные коллизии (потеря родителя, подмена коллективом родной семьи, перенос функции отца на идеологического наставника, утрата религиозной веры и приобретение веры в Бога-вождя, утрата/отказ от любви в пользу дела). Во второй части эти схемы не функционируют: Серёжа, как и Степан, хочет служить делу революции, но он из полной состоятельной интеллигентной семьи врача, ценящей память о своих предках, их культуре, Серёжа испытывает большое любовное чувство, женится, участвует в войне на стороне царской России, потому что так велит ему долг и честь. Таким образом, Гроссмана более интересуют развитие идеи революции не в рабочих кругах, а в кругах интеллигенции. А. Бочаров настаивает на присутствии уже в ранних текстах автора антикоммунистических настроений [2].

Анализируя существующие работы по изучению творчества Гроссмана 1930-1940-х годов можно отметить, что его прозу либо причисляют к ортодоксальному соцреализму (К. Кларк), либо, напротив, отрицают ее причастность к пропаганде идей социализма (А. Бочаров). Очевидно, что для осмысления индивидуального писательского стиля необходимо проанализировать ранние произведения автора в контексте его мировоззренческой эволюции.

Отдельным направлением в изучении творчества Гроссмана является анализ темы войны в произведениях 1940-1950-х годов. Будучи военным корреспондентом, писатель много писал о войне, его диалогия «Жизнь и судьба» освещает события Сталинграда. Военной теме в творчестве Гроссмана посвящены работы Б. Ланина, В. Кулиша, В. Оскоцкого. В своих текстах писатель отчасти разрушает официальный монохромный военный миф, изображая войну и с неприглядной стороны.

В анализе батальной тематики у Гроссмана существуют противоположные точки зрения, сложившиеся исторически. Роман «За правое дело», посвященный событиям войны, подвергся после выхода жесткой критике со стороны редакторов, членов Союза писателей. Произведение ругают за слабую идейность, малое число эпизодов, посвященных Сталину, отсутствие идеологически «правильных» персонажей: «Вы говорите о сокровищнице человеческих характеров, которая щедро раскрылась за этот год войны. Это верно, но, мне кажется, вы не использовали одну сторону вопроса – подчеркнуть победу нашего строя, при котором таланты черпаются из всех слоев общества, а 50 и 70 и, в связи с этим, из этой среды могут большие люди выйти» [3, с. 15]. По настоянию цензоров Гроссман многое изменил, вписал канонически заданных героев, эпизоды про Сталина.

Спустя десятилетия А. Солженицын посвятил диалогии («За правое дело» и «Жизнь и судьба») две статьи, в которых отмечает в качестве недостатка излишнюю идеологичность текстов, избыток восхваления Сталина: «А уж Сталин-то, Сталин! Жалкая речь его 3 июля 1941 приведена в романе почти полностью».

тью, но для укрепления её хлипкого хребта – наворожены куски декламации от автора. «В этой убежденности была вера в силу народной воли» [4, с. 155]. Подчеркнем, критика произведений Гроссмана исторически и идеологически детерминирована. При анализе темы войны в творчестве писателя необходимо отталкиваться от авторского замысла, принимать во внимание существующие цензурные ограничения, с которыми автор вынужден был считаться, чтобы иметь доступ к читателю.

Значительная по объему литература, написанная о В. Гроссмане, – воспоминания, мемуары, свидетельства друзей, родственников, очевидцев. Ф. Губер – приемный сын писателя – выпустил книгу воспоминаний «Память и письма» (2007), в которой привел часть личного архива В. Гроссмана, свои воспоминания о нем, его жизни и времени. Большое издание С. Липкина «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» вышло в 1990 году. Автор был близким другом писателя, в подробностях рассказывает о его жизни, друзьях, женах, о его отношениях с издательствами, с властью, переживаниях и привычках. Биографические заметки о В. Гроссмане оставили Ю. Дружников, Е. Короткова-Гроссман, Б. Ямпольский, Г. Померанц.

При изучении творчества Гроссмана необходимо учитывать его биографическую составляющую, выходить на уровень анализа текста как явления социокультуры, принимая во внимание исторические, социальные, идеологические факты, связанные с автором.

Одна из центральных тем, которая находит отражение в главном романе художника «Жизнь и судьба», вызывает наибольшее внимание со стороны исследователей – тема лагеря, тюрьмы, взаимодействия пенитенциарной системы и личности. В современном представлении данная проблема связана в большей степени с творчеством таких авторов, как А. Солженицын и В. Шаламов. Если сравнивать в контексте прозу А. Солженицына и прозу В. Гроссмана, то слова, взятые из рецензии на работу Ф. Эллина «Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic» (1994), охарактеризуют их соотношение довольно точно: «An eminent Soviet scholar said, "Solzhenitsyn writes for the hour, Grossman writes for the age" — («Выдающийся советский ученый заметил: "Солженицын пишет для времени, Гроссман пишет для вечности"» — В.Д.) [5].

Тема лагеря в художественном мире В. Гроссмана выходит за рамки конкретной эпохи. Безусловно, в поздних текстах писателя можно обнаружить критику Советского государства, тоталитаризма, однако ведущими для мастера становятся экзистенциальные проблемы человеческого бытия. Здесь Гроссман близок Шаламову и раннему Солженицыну – автору гениального «Одного дня Ивана Денисовича» [6]. Социальные и политические условия нивелируются, оставляя «голого» человека в качестве основного объекта анализа. Гроссман сближает фашизм и сталинизм как две тоталитарные системы, в которых самоопределение индивидуума сталкивается с мощной машиной власти, с развитой системой наказаний, человек «овнешняется», формируется, становится легко управляем. Сегодня в сближении двух систем критика видит в основном порицание тоталитаризма, сопоставление образов Советской России и гитлеровской Германии, приравнивание личности Сталина к личности Гитлера по степени жестокости, изощренности.

Для отечественной критической мысли признание сходства режимов Гитлера и Сталина достаточно болезненно, дискуссионно: советское прошлое не ассоциируется с ужасами немецкого нацизма. В отечественном опыте изучения лагерной прозы данная тема не является ведущей. Тем временем западное литературоведение напрямую говорит о тождестве двух исторических периодов как эпох тоталитаризма. В европейской гуманитарной науке Освенцим и Колыма давно стоят на одной ступени [6]. Зарубежные исследователи интересуются темой лагеря в творчестве А. Солженицына, в текстах Ю. Домбровского, В. Шаламова, Е. Гинзбург и др.

В. Гроссман же привлекает внимание западных интеллектуалов еще и потому, что связывает мощное влияние и быстрое распространение тоталитаризма в России XX века со спецификой национального менталитета. В поздней повести «Все течет» автор рассуждает на тему русской души, восклицая: «О, русская душа – тысячелетняя раба». Художник подчеркивает рабские отношения между властью и человеком, заложенные многолетней историей и присутствующие скорее на генетическом уровне. Д. Ранкур-Лаферьер в своем психоаналитическом исследовании русского менталитета через призму литературы открыто использует понятия «мазохизм» и «садомазохизм» в описании центральных персонажей русской литературы [7]. В качестве примера исследователь приводит и героев произведений В. Гроссмана. Из зарубежных литературоведов можно отметить английского ученого Ф. Эллина, чья работа «Vasily Grossman: The

Genesis and Evolution of a Russian Heretic» (1994) является первым крупным исследованием творчества Гроссмана, и американского профессора Джона Гаррарда, который выпустил несколько работ, посвященных писателю: «The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman, with Dr. Carol Garrard» (Simon & Schuster: NY, 1996).

Близко к теме лагеря в творчестве В. Гроссмана стоит и тема социального устройства. Данной проблематике посвящена интересная работа Б. Ланина «Идеи "открытого общества" в творчестве Василия Гроссмана» (1997). Исследователь накладывает концепцию Карла Поппера об открытом обществе на поздние тексты В. Гроссмана и выделяет сходные идеи: «В этом пункте перекличка между идеями Карла Поппера и Василия Гроссмана обретает удивительно точный характер. Создается впечатление, что два мыслителя не полемизируют, но в незримом соавторстве уточняют важнейшую для понимания открытого общества дефиницию» [8, с. 24]. Также в работе есть отсылки к концепциям Гераклита, Пифагора, которые становятся ключом к прозе писателя. Тем самым утверждается существование текстов Гроссмана в мировом философско-культурном пространстве. Соответственно изучение поэтики и проблематики творчества автора должно осуществляться с позиций более глубоких, учитывающих философский контекст, мировоззрение, выраженные через текст.

Особое место в творчестве Гроссмана занимают проблемы этнопоэтики, тема еврейства. Мать художника погибла на Украине в еврейском гетто, Василий Семенович тяжело переживал ее смерть, о чем не раз писал в своих произведениях. Авторы, затрагивающие тему еврейства, делают акцент на том, что В. Гроссман одним из первых осмелился высказать правду о массовых уничтожениях евреев, нередко упоминация «Черной книги» (1946), над которой Гроссман работал вместе с И. Эренбургом. Еврейская тема в творчестве В. Гроссмана затронута в статьях М. Липовецкого, Ш. Маркиша, Н. Елиной, М. Гензелевой.

В работах Ш. Маркиша подчеркнуто еврейство писателя: «...еврейская судьба русского писателя Василия Гроссмана перевернула его жизнь, заставила заново, по-новому взглянуть и на историю, частью которой он оказался, и на свои долги перед этой историей, перед народом, к которому он принадлежал» [9]. Исследователь настаивает на национальной специфике творчества художника. Некоторые, однако, критикуют В. Гроссмана за его сочувствие еврейскому народу. А. Казинцев, в статье «История – объединяющая или разобщающая» (1988) пишет: «Мне трудно принять жесткую, нет – жесткую избирательность писателя, видящего в переполненной трагедии народов историю первой половины XX века только трагедию евреев» [9, с. 145]. Анализ «еврейского вопроса» в существующих исследованиях, в основном, вращается вокруг проблем национальной принадлежности писателя и его русофобии. В то же самое время образы евреев – отдельная тема, заслуживающая пристального внимания.

Начиная с самого первого рассказа «В городе Бердичеве» (1934), художник вводит в повествование героев-евреев. Писатель не отдает им главное место в системе персонажей, но наделяет константными чертами, которые складываются в единый образ еврея, имеющий свою эволюцию. Здесь можно упомянуть образы Хаима Тутера из рассказа «В городе Бердичеве», который становится носителем вечных ценностей – семьи, очага, любви к детям, вере. В других ранних произведениях есть детали, указывающие на еврейство ключевых (хоть и не главных) положительных персонажей – комиссар Верхотурский из рассказа «Четыре дня» (1935), революционер Абрам Бахмутский из романа «Степан Кольчугин» (1937-1940). Некоторые наблюдения на этот счет есть в работе А. Бочарова «Жизнь. Творчество. Судьба» (1990), однако проблема до сих пор не получила всестороннего осмысления.

Таким образом, сегодня мы можем говорить о нескольких направлениях изучения творчества В. Гроссмана: это изучение его ранних произведений в контексте поэтики соцреализма, исследование тем войны, лагеря, «еврейского вопроса», прошедшие через всю прозу. Радикальным является взгляд западных исследователей на содержательную сторону текстов писателя. Зарубежная филология занимается изучением национального вопроса, представленного в произведениях Гроссмана, видит его разрешение через призму ведущих тем автора.

В настоящее время представляется актуальным анализ творчества художника в социокультурном аспекте. Необходимо учитывать историческую, социальную, идеологическую, философскую специфику мировоззрения писателя. Подобное исследование позволит глубже раскрыть авторскую модель мира Гроссмана, предложенную им в поздних текстах, заполнить существующие пробелы в опыте изучения наследия мастера.

Библиографический список

1. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал. — Екатеринбург, 2002.
2. Бочаров, А. Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. — М., 1989.
3. Симонов, К. Замечания и отзывы К.М. Симонова, А.А. Фадеева и др. о романе В.С. Гроссмана «За правое дело» (1948 – 1954) // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2 Ед. 9.
4. Солженицын, А. Дилогия Василия Гроссмана: из «Литературной коллекции» // Новый мир. — 2003. — №8.
5. [Э/р]. — Р/д: <http://www.barnesandnoble.com/w/vasiliy-grossman-frank-ellis/1000633280?ean=9780854968305>
6. Ковтун, Н. Тема отлучения от свободы в ранней новеллистике А. Солженицына // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 1.
7. Нива, Ж. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. — М., 1999.
8. Ланин, Б.А. Идеи «открытого общества» в творчестве Василия Гроссмана. — М., 1997.
9. Маркиш, Ш. Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или об универсальности рабства и свободы в двадцатом веке // Иерусалимский журнал. — 2004. — №18.
10. Казинцев, А. История — объединяющая или разобщающая // Наш современник. — 1988. — № 11.

Bibliography

1. Klark, K. Sovetskiy roman: istoriya kak ritual. — Ekaterinburg, 2002.
2. Bocharov, A. Vasilij Grossman. Zhizn, tvorchestvo, sud'ba. — M., 1989.
3. Simonov, K. Zamechaniya i otzivi K.M. Simonova, A.A. Fadeeva i dr. o romane V.S. Grossmana «Za pravoe delo» (1948 – 1954) // RGLI. F. 1710. Op. 2 Ed. 9.
4. Solzhenichin, A. Dilogiya Vasilija Grossmana: iz «Literaturnoy kolekcii» // Noviy mir. — 2003. — №8.
5. [Eh/r]. — R/d: <http://www.barnesandnoble.com/w/vasiliy-grossman-frank-ellis/1000633280?ean=9780854968305>
6. Kovtun, N. Tema otlučeniya ot svobodih v ranney novellistike A. Solzhenichina // Sibirskiy filologicheskij zhurnal. — 2012. — № 1.
7. Niva, Zh. Vozvrashchenie v Evropu. Statji o russkoy literature. — M., 1999.
8. Lanin, B.A. Idei «otkrihtogo obthestva» v tvorchestve Vasilija Grossmana. — M., 1997.
9. Markish, Sh. Tragediya ili triumf Vasilija Grossmana, ili ob universalnosti rabstva i svobodih v dvadcatom veke // Ierusalimskiy zhurnal. — 2004. — №18.
10. Kazincev, A. Istoriya — objhedinayuthaya ili razobthayuthaya // Nash sovremennik. — 1988. — № 11.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 82.09

Dergachev V.V. TRAVEL GENRE TRADITIONS IN THE WORKS OF XIX CENTURY RUSSIAN TRAVELERS ON EXAMPLE OF WORKS OF A.S. NOROV. The author describes literary features of scantily explored works written by distinguished philologist and bibliophile A.S. Norov which refer to travel genre and also traces there travel genre traditions.

Key words: travel genre, literary text, semantic overtone, time, space.

В.В. Дергачев, аспирант ИМЛИ РАН, г. Москва, E-mail: vdergachoff@gmail.com

ТРАДИЦИИ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. НОРОВА

Автор описывает идейно-художественные особенности малоисследованных произведений выдающегося филолога и библиофила А.С. Норова, относящихся к жанру путешествий, а также прослеживает в них традиции жанра «хождение».

Ключевые слова: жанр путешествий, художественный текст, семантический обертон, время, пространство.

Жанр путешествий, как известно, появился на заре истории русской литературы — первым датированным «Хожением» является «Хождение игумена Даниила в святую Землю». Известно, что древнерусская литература, как и любая средневековая литература, была довольно строго ориентирована на образец, по которому следует составлять сочинения того или иного жанра, что отражает, прежде всего, особенности мировоззрения средневекового человека. Каноничность свойственна не только основным вероучительным сочинениям, но и традиционным жанрам средневековой христианской книжности: житиям, Словам, поучениям, а также и хождениям. Большинство дореволюционных ученых, рассматривавших оригинальные древнерусские произведения, указывали на наличие в них элементов прямого и косвенного текстологического заимствования из предшествовавшей византийской литературы. Представления отечественных медиевистов XIX века о «вторичности» древнерусской литературы вызваны, прежде всего, не учетом того, что для средневековых произведений характерна эстетика «подражания» или «поэтика уподоблений» [1]. В то же время очевидно, что при отсутствии специальных теоретических сочинений, трактовавших в Средние века правила составления тех или иных литературных жанров, книжники, хранившие в сознании так называемые «имитационные модели», заимствованные из предшествующих переводных и оригинальных текстов, воспроизводили их в своих сочинениях. Именно поэтому исследование традиции первых древнерусских хождений представляется важным

и актуальным: рассмотрение закономерностей сюжетно-композиционного строения текстов хождений позволяет выявить версии моделей, которые легли в основу произведений, по своему жанру принадлежащих к путешествию.

Игумен одного из южно-русских монастырей Даниил в начале XII века совершил паломничество в Святую землю, Палестину, о чем оставил первые в истории древнерусской письменности записи: «*Житие и хождение Даниила Русьскихъ земли игумена*» [2]. По предположению исследователей, Даниил мог быть выходцем из Киево-Печерского монастыря, ставшим затем игуменом одного из Черниговских монастырей. Путешествие в Палестину, в землю библейских и евангельских событий, Даниил начинал и заканчивал в Константинополе, а продолжалось оно около двух лет. Интерес к Святым местам Даниил объяснил так: «*Похотехъ видети святыи град Иерусалимъ и Землю обетованную*», ту землю, «*куда же Христос Богъ нашъ походи своими ногами и велика чюдеса показа по местомъ темъ святымъ*» [3].

Главной заслугой Даниила можно считать очень подробное, подкрепленное библейскими и евангельскими сюжетами, описание (почти топографическое исследование!) христианских святынь Иерусалима и церковных обрядов в начале XII века. Рядом с Иерусалимом есть гора Елеонская, сообщает Даниил, «*на той горе ссѣдаютъ с конь вси людие и поставляютъ крестыци ту и поклоняются святому Въскресению на дозоре граду. И бываеъ тогда радость велика всякому христианину, видевше святыи град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитые бываеъ от вер-*

ных человек», потому что на этом месте «Христос Бог наш претрпе страсти нас ради грешных».

Даниил обнаруживает реальные географические пункты, казалось бы, ирреальных понятий: на месте избияния камнями Стефана Первомученика, где сохранился гроб его, «есть гора камена плоска проселася в распятие Христова; то зоветься Адъ; есть близъ стены градныя». Мертвое море описано как преисподняя: оно «не имать в себе никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии [устрицы — В. Д.]... изходит бо из дна моря того смола черемная веру воды тоя... и смрад исходит из моря того, яко от серы горяща; *ту бо есть мука под морем темъ*». Посещает Даниил Лавру Саввы Освященного и знаменитую пещеру, где находится церковь Богородицы. «И ту пещеру показа Богъ святому Саве столпом огненным». Об этом чуде, как мы знаем, упоминал Нестор в «Житии Феодосия Печерского». О сохранении нетленных мощей праведников Даниил сообщает, что в Лавре святого Саввы, рядом с гробом самого Саввы «лежат мнози святии отци, *телесы яко живи*... и благоухание от них исходит несказанно».

Даниилу довелось стать свидетелем возжигания Святого огня у Гроба Господня в праздник Воскресения Христова. Он был потрясен увиденным чудом. Внезапное исхождение огня подобно «обожению» человеческой плоти и ее посмертному воскресению: невидимо «сходит с небеси» «святый свет». Даниил не склонен, однако, к богословской метафизике, он стремится как можно точнее описать увиденное и передать свои ощущения. Вот люди в ожидании божественного огня собираются в церкви и кричат «Господи, помилуй!» так громко, что начинает «греметь всему месту тому от вопля людей тех». Затем они начинают проливать слезы очищения. Потом начинается праздничная служба на Великую субботу. Епископы, среди которых и православный, несколько раз заглядывают во время богослужебных чтений за двери Гроба Господня, «и не узре света». Но вот «внезапу прииде туча мала от востока лицъ и ста над верхом непокрытым» церкви Воскресения Христова, «и дождь малъ над Гробом Святымъ», и смочи ны добре стоящих на Гробе. И тогда внезапно восия светъ святыи во Гробе Святемъ: изиде блистание страшно и светло из Гроба Господня Святого».

Но, как пишет Даниил, несмотря на все увиденные им чудеса, «и Богъ тому послух и Святыи Гробъ Господень, яко во всех местехъ святыхъ *не забыхъ именъ* князь русских, и княгинь, и детей ихъ, епископъ, игумень, и боярь, и детей моихъ духовных, и всехъ христианъ николи же не забылъ есмь; но во всехъ святыхъ местехъ *поминалъ* есмь: первее поклонялся есмь за князей за всех, и потомъ о своихъ гресехъ помолился есмь». Здесь, без сомнения, указывается на существование ритуала церковного поминовения усопших. Труд Даниила, вслед за «Повестью временныхъ летъ», донес до нас самые ранние известия о существовании в русской церковной практике Помянников, предшественников Синодиков. Таким образом, память о предках, *поминание* их, входят в «цивилизующий» круг, в норму жизни христианина, в его картину мира, составленную из единства прошлого и настоящего.

Рукописное собрание А.С. Норова, хранящееся в Отделе рукописей РГБ под № 201, насчитывает 57 рукописных памятников разных жанров, многие из которых имеют большую библиографическую ценность. Незаурядная личность собирателя коллекции, человека ученого, писателя, библиофила, героя войны 1812 года, министра народного просвещения, председателя Археологической комиссии, несомненно, повлияла на разнообразие и исключительный интерес экспонатов. Обладавший незаурядными лингвистическими способностями, знавший в совершенстве французский, английский, немецкий, итальянский, латинский, греческий и древнееврейский языки А.С. Норов много путешествовал и написал замечательные книги в жанре записок путешественника. После своего первого путешествия по Европе, когда он побывал в Германии, Франции и Италии, в 1822 г. А.С. Норов написал двухтомное описание Сицилии. Он много переводил, писал стихи, но излюбленным его жанром стал жанр путешествия [4; 5; 6; 7; 8]. Первой его книгой в жанре записок путешественника стало «Путешествие по Сицилии в 1822 г.», опубликованное в 1828 г. в популярной петербургской типографии Сытина.

«Путешествие по Сицилии» А.С. Норова полностью соответствует жанру, заявленному в названии. Этот жанр как некий канон строения определяет ожидания читателя и особенности формы текста. Индивидуальность рассматриваемого произведения состоит в том, что жанр путешествия, путевых записок, на который указывает сам автор во введении, на протяжении повествования имеет обширные элегические вкрапления, дополненные стихами, также принадлежащими перу А.С. Норова.

Художественный текст есть всегда адресованное сообщение: это форма коммуникации «автор-читатель». Ожидания читателя всегда связаны с жанром произведения, который определяется автором и обуславливает типизированные принципы построения текста: «Сицилия есть одно из тех мест земного шара, которые сильно действуют на воображение. Многие гении древности обязаны ей своим вдохновением... Я останусь довольным, если книга моя пробудит в читателях те мечты, кои родила во мне земля сия» [4, с. 5]. В.М. Гуминский выделил в произведениях, принадлежащих по жанру к путешествиям, очень важную составляющую: «Идея свободы пронизывает все уровни художественной структуры "путешествия" и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. С другой стороны, она подсудно разрушает замкнутость "путешествия" как автономного художественного текста и стремится вывести произведение за пределы литературного ряда как такового» [9, с. 173].

Изображенный в художественном тексте мир соотносится с действительностью лишь опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора: «Высокие красоты природы погружаютъ меня скоро въ задумчивость, и часто, вместо того, чтобы прилеплять къ здешнему миру, возносятся въ неизвѣстный, который. Будучи такъ непонятенъ разуму, близокъ сердцу и какъ будто бы знакомъ ему...» [4, с. 53]. Граница между художественным и нехудожественным текстом становится здесь зыбкой: «Окруженный неизъяснимыми красотами природы, которая ежеминутно терялась уже въ тумане отдаленности, я старался напечатлеть ихъ въ своей памяти; не примечалъ происходящаго вокругъ меня — и не могъ отвести отъ нихъ глазъ...» [4, с. 51]. Вымысел иногда присутствует в чистом виде, иногда он соотносится с реальностью.

Художественный текст не только разворачивается во времени, но и сам создает модель пространственно-временных отношений, порождает тот или иной образ времени и пространства. «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [10, с. 406].

Взаимодействие реального и воображаемого, размытость их границ обуславливают своеобразие временных отношений в тексте: «Такимъ образомъ, не смотря на гнѣвъ Сциллы, вошли мы въ Мессинскій проливъ и приближились къ городу. Я не упоминаю еще здѣсь о Харибдѣ, ибо сие другое чудовище находится при выходе изъ канала въ Ионійское море» [4, с. 243]. Частично снимается характерное для этого жанра противопоставление «теперь-тогда»: для автора не существует жестких границ между прошлым, настоящим и будущим. «Предание, коего начало сокрыто в самых отдаленныхъ векахъ, повествуетъ, что гиганты были первыми обитателями Сицилии... Наконецъ, я скажу словами Фукидида: «Древнейшие обитатели некоторой части сей страны были Киклопы и Лестригоны»» [4, с. 1, 3]. Или: «Термины построен на развалинахъ *Гимерійскихъ термосъ* или *банъ*, при устьѣ реки того же имени. Горячая вода сего города, славившаяся въ древности, не потеряли своихъ целебныхъ свойствъ, и привлекаютъ туда болящихъ. Повествуютъ, что Геркулесъ, обтекая Сицилию и утомясь путемъ, остановился на этомъ месте, где услужливыя Нимфы источили изъ земли два теплые потока, для его бани» [4, с. 226].

Художественный текст — это часть культуры и поэтому он связан с другими текстами, которые преобразуются или частично используются в нем, служат для выражения его смыслов. А.С. Норов, человек энциклопедически образованный, буквально пронизывает свое повествование реминисценциями из мировой классики. Так, во введении к «Путешествию на Сицилию» он приводит отрывок из «Одиссеи», доказывая утверждения Фукидида о древних мифологических обитателях острова: «Удрученные печалию, мы приплыли к берегам грозных и своевольных киклопов». Сразу за ним следует диалог Улисса и Силена из Эврипида. Продолжают повествования отрывки из древнеримских мифов, отрывки из Энеиды, Силлы Италика и пр. Географические зарисовки сменяются стихотворениями, элегическими описаниями природы, вставными приключенческими новеллами. Автор воспринимает природу и памятники искусства Сицилии через многослойные культурные пласты: «Раскройте Фукидида, раскройте Цицерона, превозносящихъ сей самый Сегестъ (один из знатнейшихъ городовъ Греческихъ колоній), укаженный роскошными храмами Дианы, Венеры, Цереры, Энея, — сравните ихъ описанія съ видимымъ вами зрелищемъ, и вы не скоро выйдете изъ задумчивости...» [4, с. 201–202].

Иногда он апеллирует к вполне реалистическим зарисовкам, оставленным путешественниками по Сицилии. Так, испытывая невыносимую жажду и лютый зной в местечке Алькамо, А.С. Норов обращается к весьма натуралистическим зарисов-

кам некоего географа: «Я невольно вспомнил тогда, и признать совершенно истинными, жалобы Клуверия, на понесенные им труды въ его путешествии по Сицилии. Сей ученый Географъ обошелъ пешкомъ весь островъ – и вотъ какъ онъ говоритъ, простосердечнымъ своимъ слогомъ: “Медленное путешествие мое было чрезвычайно затруднительно; но тягость онаго превышаетъ всякое вероятие; тело мое весьма часто подвержено было голоду и жажде, и не имело покровища даже по ночамъ. Дух мой смущался безпрестаннымъ опасениемъ, и даже жизнь моя подвергалась частымъ бедствиямъ; но все сие, съ помощью Всемогущаго Бога и по неизреченному его милосердию, я превозмогъ» [4, с. 202–203]. Такого рода реалистические и даже, порой, натуралистические описания увиденных мест и зарисовки нравов встречаются в «Путешествии по Сицилии» повсеместно. Это подтверждает вывод В.М. Гуминского: «Нельзя, например, сказать, что “путешествия” в какой-то момент целиком “превратились” из документального жанра в художественный – ведь и в XIX, и в XX вв., когда это предполагаемое превращение уже явно было позади, в литературе “путешествий” по-прежнему рядом с литературными соседствуют “ученые” путешествия, другие формы далекие от литературы как таковой» [9, с. 172].

В Путешествии по Сицилии приводится набор интереснейших исторических источников, таких как, например, грамота Роджера, графа Калабрии и Сицилии, данная Агригентскому епископу после окончательного истребления сарацинов. За описанием конкретного события А.С. Норов часто делает философские обобщения: «Все вышеозначенное писал я, Рогер, и все сие утверждено Папою Урбином 1099 г. октября 6-го в Бари». Это показывает всю силу Папского влияния на Сицилийских властителей, с той поры, как славный Роберт признал себя вассалом от Папы Николая II» [4, с. 122]. Или же: «Архитектура Палермских зданий не представлять особеннаго характера, но есть слитокъ вкуса Испанскаго съ Мавританскимъ; то же почти можно сказать и о характере нации, который, сверхъ природной своей оригинальности, носить отпечатокъ двухъ народовъ, долго владычествовавшихъ въ Сицилии» [4, с. 65].

Членение временного континуума у А.С. Норова носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности. «Высокие красоты природы погружают меня скоро в задумчивость, и часто, вместо того, чтобы приносить к здешнему миру, возносят в неизвестный, который, будучи так непонятен разуму, близок сердцу и как будто бы знаком ему» [4, с. 52–53]. На их основе повествователь переходит от «настоящего ныне существующих вещей» к «настоящему бывших вещей», хранящихся в памяти, но не утрачивающих своей реальности. Текст строится на взаимопереходах от форм прошедшего времени к формам настоящего, при этом значения последних усложняются, а функции обогащаются. А.С. Норов не столько повествует об истории загадочного острова, сколько моделирует прошлое. В тексте реализуется такой «семантический обертон», как отсутствие четких временных границ. В сочетании же с лексическими конкретизаторами со значением длительности или постоянства формы настоящего приобретают вневременное значение и утверждают победу памяти над временем. Употребление настоящего и регулярные переключения временных планов создают в тексте «Путешествия по Сицилии» эстетический эффект сосуществования событий и явлений, относящихся к разным темпоральным плоскостям; их характеристики в результате приобретают текучесть, подвижность, цикличность и накладываются друг на друга. «Вправо... стоит храм Согласия, в совершенной целостности – как памятник величия Агригента, который, высокими стенами своими (говорит Вергилий) далеко возвещал о себе, плывущим по Ливийскому морю» [4, с. 125]. Взаимодействие и взаимопроникновение разных временных планов характерны и для синтаксической организации текста.

Сопоставление и взаимодействие разных временных планов делают повествование А.С. Норова предельно объемным и усиливают многомерность художественных образов и языковую игру в тексте. Для А.С. Норова характерно после описания увиденных им мест или событий делать свое философское заключение. Иногда оно касается важных онтологических тем. Так, после описания монастыря капуцинов и подземных галерей, наполненных мумифицированными трупами монахов, он делает такой вывод: «Мне кажется, что сей обрядъ – обнаруживать мертвецовъ, оскорбляетъ законъ Природы. Смерть есть великое таинство, изъ благоговения къ коему, принадлежащее ей не должно видеть света; по крайней мере таковое жилище усопшихъ не должно быть зрелищемъ для любопытныхъ, но единственно для размышляющихъ надъ смертию» [4, с. 82–83]. Для русского дворянина XIX века такой интерес и сакральное уважение к эсхатологической тематике были совершенно естественны. Недаром А.С. Норов так поразило «одно здание смерти», встреченное им в Северной Италии: «Посещая недавно, въ северной Итали, берега Требии, прославленные Аннибаломъ и Суворовымъ, я виделъ, на равнине битвы, скромную церковь, подъ сводами коей устроена весьма замечательная часовня, въ память храбрыхъ, павшихъ на той земле. Тамъ все стены, все украшения и все принадлежности, составлены изъ череповъ и костей убиенныхъ... Головы французовъ, Россиянъ, Германцевъ и, можетъ быть, Римлянъ и Карфагенцевъ, составляютъ въ ужасномъ смещении, одно здание смерти! а у входа, кружка для сборовъ, съ надписью: Per gli animi del Purgatorio! т.е. для душъ находящихся въ чистилище!» [4, с. 83]. Такое обилие восклищательных предложений не характерно для манеры повествования А.С. Норова, из чего напрашивается вывод о том, что обилие материальных образов смерти потрясло путешественника.

В 1830-е гг. А.С. Норов путешествовал по Востоку. Он посетил Египет, Нубию, Палестину, Сирию, а также Малую Азию. Путешествия, совершенные в 30-е гг. по Востоку, он описал в своих выдающихся трудах [6]. В 1861 г. он вновь ездил в Палестину и описал путешествие в очерке «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А.С. Норова» [7]. Все его труды в жанре путешествия выдержали по несколько изданий и переводились на иностранные языки.

Как правило, в произведениях А.С. Норова, написанных в жанре путешествия, описание временной последовательности носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности. Автор не столько описывает историю, сколько моделирует прошлое. В тексте отсутствуют четкие временные границы. Автор как бы утверждает победу памяти над временем. Характерной чертой повествования А.С. Норова является также наличие философских заключений после описания увиденных им мест или событий. Исторические факты оказываются нерелевантными для повествования, а вымысел и воображение побеждают реальность. Линейность времени сменяется последовательностью картин прошлого. Живое и подробное описание природы, памятников архитектуры, жизни и взаимоотношения людей, документальность наблюдений писателя сочетается с мифологемами.

Такие принципы построения текста и его временная организация, преобразующие исходную жанровую форму, характерны уже для первого русского датированного путешествия – «Хожения игумена Даниила», что говорит о преемственности традиций произведения А.С. Норова и сближает его с лучшими мировыми образцами «духовного путешествия». Следует упомянуть, что в рукописной коллекции А.С. Норова, дарованной им Румянцевскому музею, находятся несколько ранних списков «Хожения игумена Даниила», а один из них он перевел на французский язык, дополнил подробными комментариями и издал.

Библиографический список

1. Панченко, О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН России (Пушкинский Дом). – СПб., 2003. – Т. 54.
2. Творогов, О.В. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1: XI – первая половина XIV в.
3. Хожение игумена Даниила / подгот. текста, перевод и коммент. Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 2000. – Т. 4: XII век.
4. Норов, А.С. Путешествие по Сицилии в 1822 г. – СПб., 1828. – Ч. 1.
5. Норов, А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 г. – СПб., 1838.
6. Норов, А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. – СПб., 1840. Переизд.: М., 2008.
7. Норов, А.С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. – СПб., 1847.
8. Норов, А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А.С. Норова. – СПб., 1878.
9. Гуминский, В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979.
10. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.

Bibliography

1. Panchenko, O.V. Poehtika upodobleniy (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoy agiografii, ehpi-deyktike i gimnografii // Trudih Otdela drevnerusskoy literaturih Instituta russkoy literaturih AN Rossii (Pushkinskiy Dom). – SPb., 2003. – T. 54.
2. Torogov, O.V. Daniil // Slovarj knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. – L., 1987. – Vihp. 1: XI— pervaya polovina XIV v.
3. Khozhdenie igumena Daniila / podgot. teksta, perevod i komment. G.M. Prokhorova // Biblioteka literaturih Drevney Rusi. – SPb., 2000. – T. 4: XII vek.
4. Norov, A.S. Puteshestvie po Sicilii v 1822 g. – SPb., 1828. – Ch. 1.
5. Norov, A.S. Puteshestvie po Svyatoy zemle v 1835 g. – SPb., 1838.
6. Norov, A.S. Puteshestvie po Egiptu i Nubii v 1834–1835 gg. – SPb., 1840. Pereizd.: M., 2008.
7. Norov, A.S. Puteshestvie k semi cerkvam, upominaemihm v Apokalipsise. – SPb., 1847.
8. Norov, A.S. Ierusalim i Sinaj. Zapiski vtorogo puteshestiya na vostok A.S. Norova. – SPb., 1878.
9. Guminskiy, V.M. Problema genezisa i razvitiya zhanra puteshestviy v russkoy literature: dis. ... kand. filol. Nauk. – M., 1979.
10. Bakhtin, M.M. Voprosih literaturih i ehstetiki. – M., 1975.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811.111'37

Eltanskaya E.A. DISCURSIVE PRACTICE IMPACT ON NOTIONAL TRANSFORMATIONS IN NOTION SEMANTIC STRUCTURE OF SPATIODYNAMIC PREPOSITIONS. The work analyzes representation of spatial relations including lexical level, theoretical problems of specification of preposition semantics are touched upon, the work also presents notional instrument basing on spatial notions defined within the research, determines basic semantic transformations – modulation and derivation, gives examples of semantic analysis of prepositions.

Key words: semantic structure, spatiodynamic prepositions, discourse, modulation transformations, derivation transformations, categorial seme, integral seme.

Е.А. Елтанская, канд. филол. наук, доц., зав. каф. английского языка Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: yeltanskaya@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СРЕДЫ НА СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИНАМИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ

В работе анализируется представленность в языке пространственных отношений, в том числе на лексическом уровне, затрагиваются теоретические проблемы описания семантики предлогов, представлен понятийный аппарат, опирающийся на пространственные понятия, которые были определены в ходе исследования, определены основные семантические трансформации – модуляция и деривация, даны примеры семантического анализа исследуемых предлогов.

Ключевые слова: семантическая структура, пространственно-динамические предлоги, дискурс, модуляционные изменения, деривационные изменения, категориальная сема, интегральная сема.

Проблема репрезентации пространственных отношений давно интересует ученых в рамках представления языковой картины мира. Очевидно, что категории времени и пространства являются неотъемлемой составляющей языковой картины мира.

В данной статье мы рассматриваем пространственно-динамические предлоги с точки зрения выражения ими пространственных отношений. Пространственные отношения в самом общем виде – соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого ориентира – локума.

Изучению локативных отношений в языке посвящено много работ, охватывающих как современное состояние языка, так и его историю. Но до сих пор остается много спорных вопросов, нет полной классификации языковых средств, отражающих категорию пространства.

В отечественной лингвистике характеристика пространственных предлогов представлена фрагментарно. В центре внимания исследователей находится описание их синтаксических функций и условий употребления [1; 2; 3; 4]; рассматриваются семантические особенности английских и русских пространственных предлогов и наречий [5]; дается подробная характеристика отдельных предлогов, выражающих пространственные отношения [6]; на материале немецкого языка подробно анализируются различные предлоги в сочетании с глаголами, обозначающими основные способы перемещения в пространстве [7]. В зарубежной лингвистике последних десятилетий семантическому описанию пространственных предлогов посвящено значительное количество работ [8; 9; 10; 11; 12; 13], в которых представлены различные подходы к описанию процессов перемещения в пространстве и языковые средства, выражающие пространственные отношения.

Рассмотрев работы, посвященные анализу семантики пространственных предлогов, в которых представлено разнообразие теоретических подходов, мы пришли к выводу о том, что используемый в них метаязык описания нельзя считать полностью

адекватным из-за недостаточности ячеек классификационной сетки семантических компонентов, составляющих значения исследуемых предлогов. В своем исследовании мы использовали понятийный аппарат, разработанный с учетом достижений современной лингвистики в области пространственной семантики и установления сетевых отношений. Наш понятийный аппарат опирается на выделенные в предшествующих работах по данной проблематике понятия, а также на пространственные понятия, которые были определены в ходе данного исследования.

Впервые мы рассмотрим семантическую структуру пространственно-динамических предлогов как комплекс разноуровневых признаков; установим закономерности модуляционных и/или деривационных изменений в семантической структуре данных предлогов; определим механизмы выявления сходства и различия в функционировании синонимически близких предлогов.

С теоретической точки зрения значимость исследования заключается в развитии основных положений лексической семантики, в разработке вопросов, касающихся проблемы формирования переносных значений предлогов. Сведения об изменениях в семантической структуре английских пространственных-динамических предлогов могут оказаться полезными в лексикографической практике.

Описание движения из исходного пункта предполагает минимум два понятия: одно понятие соотносится с движущимся объектом, другое понятие соотносится с исходным пунктом движения. Первое понятие нами было обозначено символом *У*. *У* – это движущийся или локализуемый объект, занимающий определенную позицию в пространстве. *А* – исходный пункт движения, *В* – конечный пункт движения. Кроме того, мы обозначили пространство, в котором движется *У*, символом *С*.

Для описания семантики анализируемых предлогов в случае, когда *У* движется не сам, а удаляется кем-то из исходного пункта, нами было введено понятие субъекта, осуществляюще-

го изменение пространственного нахождения Y -ка путем его перемещения. Это понятие было обозначено символом X . Были приняты также дополнительные символы P и R , где P – это цель, с которой происходит движение объекта, а R – это результат, полученный от движения объекта Y [14, с. 87].

Для анализа семантической структуры были выбраны следующие единицы – английские пространственно-динамические предлоги «across», «over», «through», «from», «out of», «off», так как они наиболее часто употребляемы в юридическом и экономическом дискурсах (типах институционального дискурса), которые объединены общей категориальной семьей (КС) «перемещение в пространстве», реализуемой в интегральных семах (ИС), которые в свою очередь конкретизируются в ряде дифференциальных признаков (ДП).

Так, в случае исследуемых нами предлогов интегральными компонентами данных предлогов является информация о характере пространства, цели перемещения, характере объекта, характере траектории перемещения. Выявление дифференциальных компонентов значения этих предлогов является целью проводимого нами исследования.

Лексическое значение предлогов представляет собой структуру, компоненты которой находятся в иерархических отношениях друг с другом. Тип структуры значения предлогов «across», «over», «through», «from», «out of» и «off» можно представить в виде пространственной сетки. Отдельные элементы пространственной сетки представляют собой компоненты значения пространственных предлогов. Интегральные семы и дифференциальные признаки семантической структуры данных предлогов, показывают, из чего складываются значения пространственных предлогов. Системность лексического значения пространственных предлогов заключается в повторяемости семантических компонентов [14, с. 88].

Анализ лексикографических источников привел нас к выводу о том, что словарные статьи не дают всей необходимой информации о различиях в значениях исследуемых предлогов и четкого представления об условиях их употребления. В статьях недостаточно точно показаны особенности денотативной ситуации, требующие своего обозначения конкретным предлогом. Значение одного предлога определяется через другой синонимический предлог без установления условий его употребления. Так, в словаре Macmillan Essential Dictionary значения предлогов формулируются следующим образом: «**through**» – «1. entering something at the one end or side and leaving it at the other; 2. going into an area and moving across it or within it», «**across**» – «from one side of a space, area, or line to the other side of it», «**over**» – «a word meaning across, used especially when saying that someone goes across something and also above something at the same time», «**from**» – «starting at a particular place, position or condition», «**out of**» – «something or someone is removed from inside something, leaves somewhere», «**off**» – «away from a particular person or thing» [15].

Мы использовали процедуру вертикального анализа значений для исследования семантической структуры предлогов, так как система предлогов английского языка образует иерархию, и у предлогов, являющихся предметом нашего изучения, интегральные и дифференциальные компоненты семантической структуры находятся как в отношениях подчинения, так и связаны друг с другом другими, не пересекающимися отношениями.

Безусловно, можно сравнить предлоги в горизонтальном измерении, то есть сравнить предлоги друг с другом. Мы считаем, что процедура горизонтального анализа значений предлогов с опорой на метод компонентного анализа позволяет наиболее адекватно описывать семантику предлогов. Применение данной методики для анализа семантики пространственных предлогов позволяет получить информацию о дифференциальных компонентах значения анализируемых предлогов, и, следовательно, установить условия контекстного употребления предлогов, и, в свою очередь, сформулировать словарные статьи исследуемых предлогов. И хотя пространство, цель, характер объекта, характер траектории перемещения в каждом конкретном случае различны, нам представляется возможным говорить о пересечении значений данных предлогов. Предлоги отличаются друг от друга по характеру выражаемых ими отношений, в нашем случае пространственных.

Исследуемые нами предлоги часто употребляются в современном английском языке, однако их семантическая структура все же недостаточно ясна. Проанализировав словарные статьи данных предлогов, мы пришли к выводу о том, что толкования предлогов через называние других предлогов является типичным для лексикографической практики.

Однако нас интересовало прежде всего употребление данных пространственно-динамических предлогов в юридическом и экономическом дискурсе. И здесь уместно затронуть проблему многозначности слова.

Семантика слова, закономерности и механизм развития у него переносных значений, модификация смысла слова в речи (тексте) неизменно привлекают внимание лингвистов и исследуются с применением разнообразных методов и приемов в зависимости от целей исследования, от приверженности ученого тому или иному научному направлению.

Сам факт существования семантической структуры многозначного слова не является общепризнанным; в лингвистике имеют место концепции, отрицающие полисемию как таковую. Различные подходы к явлению многозначности укладываются в два направления.

Первое из них, не признающее полисемию, неоднородно, так как явление многозначности отрицается либо с позиций общего значения, либо с позиций полной самостоятельности, суть которого заключается в теории, что сколько значений, столько и слов.

Второе направление, представители которого признают полисемию как один из важнейших факторов функционирования и развития языка, является преобладающим. Существование полисемантического слова как явления системного характера оканчивается признанным большинством лингвистов.

Вопрос же о том, каким образом отдельные значения объединяются в границах многозначного слова, оказывается во многом дискуссионным. В современной лексикологии можно отметить два подхода к решению вопроса об обеспечении целостности семантической структуры полисеманта, ее семантического единства.

Сторонники первого из указанных подходов видят единство семантической структуры многозначного слова, прежде всего, в наличии определенного инварианта, общего значения [16; 17]. Сторонники второго подхода, решая вопрос о семантическом единстве многозначного слова, видят целостность семантической структуры не в наличии общего значения, а в существовании внутренней связи между отдельными значениями [Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.]. И.В. Арнольд, А.А. Уфимцева, С.В. Кацнельсон, Д.Н. Шмелев и др. считают, что значения отдельных ЛСВ многозначного слова не сводимы к единому инварианту. Такой инвариант просто отсутствует. Наличие общего семантического признака «запрещается» структурой каждого отдельного значения многозначного слова, представляющего собой сложную структуру, включающую интенционал значения, импликационал и т.д. [18, с. 25-30]. Практически любой семантический признак, входящий в одну из этих частей, может стать источником семантического варьирования.

Отмеченные точки зрения, по сути, не противоречат друг другу, так как при наличии общих элементов у всех значений слова, то есть при наличии основной стержневой линии организации внутрисловного содержания полисемантов, большинство из них имеет дополнительные, не проходящие через всю структуру линии связи, что и позволяет некоторым исследователям сделать вывод о том, что многозначные слова образуют содержательные связи попарно.

Проблема иерархии значений в составе внутрисловной парадигмы не раз затрагивалась языковедами. Само признание иерархичности семантической структуры многозначного слова требует постановки вопроса о различиях в статусе значений составляющих его лексико-семантических вариантов.

Лексико-семантическая парадигма многозначного слова представляет собой совокупность его лексико-семантических вариантов во взаимосвязях и взаимоотношениях их значений. Значения многозначного слова имеют различный статус.

Центральное положение в семантической структуре многозначного слова занимает исходное (основное, главное) значение. Все производные (неосновные, вторичные) значения, так или иначе, зависят от главного.

В подавляющем большинстве работ по лексикологии существуют указания именно на лингвистические критерии выделения основного и неосновного значений.

По-видимому, проблема реальности выявления общих закономерностей, согласно которым происходит изменение значения слова, непосредственно связана со спецификой понимания лексикой как системы, с признанием системной организованности лексико-семантического уровня языка. Следует заметить, что в работах при анализе лексических единиц исследователи часто отождествляют понятия «семантическая структура» и «смысловая структура», а иногда даже рассматривают дан-

ные понятия как равнозначные [19, с. 23]. В нашей работе при рассмотрении семантической структуры конкретного предложения вслед за Н.Л. Шамне, используется подход, в соответствии с которым разграничивается структура слова, сложившаяся в системе языка, – семантическая структура и структура словоформы, функционирующая в контексте, – смысловую структуру [20]. В соответствии с этим подходом мы разграничиваем прямое и переносное значение слова. В отличие от прямого значения, переносное значение обнаруживает вторичную соотносительность с действительностью.

Многочисленное слово характеризует особая связь между значениями, в которых наличие общего компонента напоминает отношения между производящим и производным словом при словообразовании. Иными словами, значения слов обусловлены деривационными отношениями, отражающими их связь с другими значениями в сложной иерархической структуре полисемантического слова.

В рамках семантического словообразования, которое характеризуется как деривационные изменения семантической структуры производящей основы без участия деривационных аффиксов, происходит, как правило, включение производной основы в другой лексический разряд в результате обособления одного из ЛСВ производящей основы. По мнению некоторых исследователей, изменения, имеющие место в семантической структуре слова, могут носить не только деривационный характер. Выделяются два типа семантических изменений, когда говорят о словообразовательных процессах. Во-первых, это изменения в мотивационных связях, во-вторых, это процессы, которые выходят за границы мотивационных отношений. Однако в подобных случаях не указываются точные критерии, на основании которых можно установить, что данные процессы «выходят» за рамки мотивационных отношений, поэтому мы считаем подобный подход не совсем продуктивным.

Деривацией в широком смысле в лингвистике именуются «... моделируемые процессы образования языковых единиц» [21, с. 171]. В настоящее время более актуальным стал тезис о семантическом характере всех деривационных процессов. Еще Г. Колшанский говорил о необходимости вместо терминов «лексическая деривация», «синтаксическая деривация» вести речь о семантической деривации [22]. Подобный подход коррелирует с новейшими представлениями о семантике как о глобальном явлении языка, нечленимом на уровни, а выделяемом в качестве самостоятельного яруса, который пронизывает номинативно-грамматическое языковое пространство. Деривационные отношения в наиболее широком понимании этого термина обнаруживаются на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях языка, связывая их единицы в качестве начальных и конечных звеньев деривационных процессов; в них вовлечены также элементы фонетического уровня языка, которые являются базой разнообразных переосмыслений слова как в речи, так и в языке.

Термин «семантическая деривация» также широко используется в работах представителей Московской семантической школы [23; 24; 25]. Особое внимание обращается на тот факт, что «... в основе регулярной многозначности лежит семантическая деривация» [26, с. 3]. Данный термин отражает не столько процесс, сколько результат, т.е. конкретный факт семантических переходов (изменений).

Рассмотренные выше подходы к определению термина «семантическая деривация» и ее составляющих, тем не менее, не представляется нам полным. При таком подходе как можно более полно фиксируются разнообразные изменения значения на разных уровнях в зависимости от изменения составляющих каждого конкретного высказывания, однако не рассматривается или рассматривается в недостаточной степени вопрос о причинах порождения данного явления, а также точного разграничения каждого из типов семантических изменений в семантической структуре слова.

Вслед за Н.Л. Шамне, под семантической структурой слова нами понимается «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [27]. Семантическая структура слова не остается неизменной, она постоянно видоизменяется, что часто связано с функционированием словоформы в различных контекстах. Понятие семантической структуры слова тесно связано с понятием многозначности. Исследователи приводят различные определения многозначности, однако всеми признается, что значение многозначности слова представляет собой совокупность ЛСВ, которые объединяются общностью семантических признаков. ЛСВ находятся между собой в определенных отношениях.

Именно для разграничения изменений недеривационного и деривационного характера, рассматривающихся в рамках семантического словообразования, С.П. Лопушанской был предложен термин «семантическая модуляция», в результате чего появилась возможность выделения и описания отдельно двух типов изменений, происходящих в семантической структуре слова – изменений в рамках семантической модуляции и изменений в рамках семантической деривации.

Термин «семантическая модуляция» трактуется как такое изменение в семантической структуре слова, при котором сохраняется категориальная лексическая сема, реализуются синонимические отношения данного слова, сложившиеся в рамках исходной ЛСГ [28, с. 80-81]. Семантическая деривация – это процесс, приводящий к полному разрушению категориальной семы и образованию новых лексических единиц, входящих в другие ЛСГ.

Семантическая модуляция отличается от семантической деривации тем, что она «не затрагивает ядерных признаков функционально-семантического поля, ..., устанавливает синонимические отношения в пределах одной ЛСГ на основе какой-либо потенциальной семы, изменившей функцию дифференциального признака, который становится интегральным» [29, с. 8]. Причем порогом для семантической модуляции можно считать изменения в смысловой структуре функционирующей словоформы, при которых интегральная лексическая сема реализуется хотя бы в одном дифференциальном признаке [29, 17].

С понятиями «семантическая модуляция» и «семантическая деривация» тесно связаны критерии разграничения частичного и полного переноса в значении слова. Если имеет место нейтрализация одной из интегральных сем, то предлог остается в составе данной ЛСГ, и это позволяет говорить о наличии процесса семантической модуляции, а если фиксируется разрушение категориальной семы, то наблюдаемый процесс обозначается как семантическая деривация. В рамках данного подхода становится возможным детальное и комплексное исследование значений пространственно-динамических предлогов английского языка.

В семантической структуре английских предлогов перемещения, функционирующих в прямом и переносном значениях, выделяется общая категориальная сема «перемещение в пространстве» (КСпп), которая на лексическом уровне реализуется в интегральных семах (ИС) «характер пространства», «цель перемещения», «характер траектории перемещения»; на грамматическом уровне – в интегральной семе «характер объекта». В свою очередь, интегральные семы конкретизируются в ряде дифференциальных признаков (ДП) (см. таблицу 1) [30, с. 104].

В проводимом исследовании мы рассматриваем пространственно-динамические предлоги в художественном дискурсе, где данные предлоги употребляются в прямом значении, а также обнаруживают модуляционные изменения в своей смысловой структуре; и в подтипах институционального дискурса – юридическом и экономическом, где представлены деривационные изменения смысловой структуры пространственно-динамических предлогов.

Рассмотрим следующие примеры анализа пространственно-динамических предлогов: *I hadn't told anyone everything that was running through my mind about what might happen in London* – Я никому не стал рассказывать всего того, что вертелось у меня в голове по поводу возможного развития событий в Лондоне и *An interesting thought flashed through my mind* – Интересная мысль промелькнула у меня в голове (*lingvo.ru*). На грамматическом уровне интегральная сема «характер объекта» выражена дифференциальными признаками «неодушевленный объект» и «абстрактный объект», так как Y – это «everything» «все то, что вертелось в голове» в предложении *I hadn't told anyone everything that was running through my mind about what might happen in London* и «thought» «мысль» в предложении *An interesting thought flashed through my mind*. На лексическом уровне дифференциальные признаки «замкнутость пространства», «заполненность пространства» и «абстрактное пространство» реализуют интегральную сему «характер пространства», так как мы имеем в виду в обоих случаях голову человека, которую представляем как вмещающую мысли, идеи и т.п. Дифференциальный признак «абстрактное пространство» актуален, потому что в английском языке слово «mind» отличается от «head» именно наличием коннотативного элемента абстрактности в своем значении. Интегральная сема «цель перемещения» выражена дифференциальным признаком «невыход за пределы пространства», так как выражения «вертеться в голове» и «промелькнуть в голове» не дают нам дополнительной информации о выходе объекта Y за пределы пространства S. Направленная семантика

Таблица 1

Семантическая структура пространственно-динамических предлогов с категориальной семой «перемещение в пространстве» на лексическом и грамматическом уровнях

Категориально-лексическая сема «перемещение в пространстве»				
Лексический уровень				Грамматический уровень
Интегральные семы	Характер пространства	Цель перемещения	Характер траектории перемещения	Характер объекта
Дифференциальные признаки	1) замкнутость-незамкнутость пространства, 2) заполненность-незаполненность пространства, 3) объемное-необъемное (плоское) пространство, 4) физическое-абстрактное пространство	1) наличие-отсутствие информации о достижении конечного результата. 2) выход-выход за пределы пространства (сферы деятельности), 3) средство достижения цели, 4) получение прибыли, 5) сопоставление-различие, 6) более высокое положение, 7) предмет мысли-спора	1) движение по дугообразной траектории, 2) движение по прямолинейной траектории, 3) движение внутри пространства, 4) движение от релятума S, 5) движение из внутреннего пространства релятума S, 6) движение от релятума S, ведущее к потере контакта m/y Y и S, 7) источник/причина движения, 8) способ передачи движения, 9) в, через (в переносном значении), 10) выделение части из целого	1) одушевленный, 2) неодушевленный, 3) конкретный, 4) абстрактный

у предлога «through» присутствует в проанализированных примерах, и мы говорим о наличии модуляционных изменений в семантической структуре данного предлога.

Таким образом, анализ примеров с пространственным предлогом «through» демонстрирует, что интегральная сема «характер пространства» является релевантной для данного предлога, так как в ряде случаев существуют ограничения на употребление предлога «through», например, когда пространство представляет собой нечто очень твердое, точку или линию в пространстве, т.е. такое пространство S, движение внутри которого невозможно: «through the rock» или «through the border». Важными дифференциальными компонентами семантической структуры предлога «through» является информация о движении внутри пространства S, которое геометрически не характеризуется как нечто твердое, не представляет собой точку или линию; и информация о том, что движущийся объект Y стремится выйти за пределы пространства S. «Физический контакт» (невозможно пробиться сквозь толпу, не вступая в соприкосновение с людьми, составля-

ющими толпу) мы также считаем принадлежностью денотативной ситуации, а не лексического значения предлогов, и поэтому не выделяем в отдельный дифференциальный признак.

Итак, интегральная сема «характер пространства» выделена нами в качестве релевантной для предлога «through», так как она актуализируется в двух проанализированных выше примерах (и во всех примерах, проанализированных в ходе исследования). А реализация интегральной семы «характер объекта» дифференциальными признаками «неодушевленный объект» и «абстрактный объект» влияет на изменения модуляционного характера в семантической структуре предлога «through», что в свою очередь, отличает представленность семантической структуры данного предлога от других предлогов.

Анализируя подобным образом предложения с исследуемыми предлогами, мы приходим к выводу о наличии или отсутствии модуляционных и/или деривационных изменений в семантической структуре пространственно-динамических предлогов в зависимости от дискурсивной среды.

Библиографический список

1. Астафьева, Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления. – Пермь, 1974.
2. Борковская, И.Б. Предлоги в английском языке. Выражение объектных отношений / И.Б. Борковская, Е.А. Рейнман, Н.В. Успенская. – Л., 1973.
3. Гззян, Д.М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
4. Рейнман, Е.А. Английские предлоги. Значения и функции. – Л., 1982.
5. Маляр, Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. – Munchen, 1998.
6. Плунгян, В.А. Полисемия служебных слов: предлоги «через» и «сквозь» / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня. – М., 1996. – Вып. 1.
7. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
8. Bennett, D.C. Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics / D.C. Bennett. – London, 1975. – V. XII.
9. Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P.N. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976.
10. Lindkvist, K.G. A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. – Stockholm, 1976.
11. Talmy, L. How Language Structures Space. Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – N.Y., L., 1983.
12. Herskovits, A. Language and spatial cognition. – Cambridge, 1986.
13. Jakendoff, R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jakendoff, B. Landau // Napoli D. Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman. – New Jersey, 1991.
14. Шамне, Н.Л. Дискурсивная среда пространственной динамики / Н.Л. Шамне, Е.А. Елтанская. – Волгоград, 2011.
15. Macmillan Essential Dictionary. For Advanced Learners. International Student edition. – London, 2006.
16. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962.
17. Новиков, Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.
18. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М., 1982.
19. Стернин, И.А. О выявлении национально-культурной специфики семантики слова. – Иваново, 1984.
20. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
21. Косова, В.А. Деривация и ее место в языковой системе // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1988. – Т. 135. Языковая семантика и образ мира.
22. Колшанский, Г.В. Общетеоретические проблемы исследования языкового значения // Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. – М., 1976.
23. Падучева, Е.В. К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4.
24. Зализняк, А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2.
25. Розина, Р.И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2.
26. Падучева, Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5.

27. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
28. Лопушанская, С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград, 1990.
29. Лопушанская, С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 1996. – Сер. 2: Филология. Вып. 1.
30. Шамне, Н.Л. Дискурсивная среда пространственной динамики / Н.Л. Шамне, Е.А. Елтанская. – Волгоград, 2011.

Bibliography

1. Astafjeva, N.I. Predlogi v russkom yazihke i osobennosti ikh upotrebleniya. – Perm, 1974.
2. Borkovskaya, I.B. Predlogi v anglijskom yazihke. Vihrazhenie objektivnykh otnoshenij / I.B. Borkovskaya, E.A. Reyjn-man, N.V. Uspenskaya. – L., 1973.
3. Gzgyan, D.M. Funkciya predloga v sostave semanticheskoy struktury vihskazivaniya: avtoref. Dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1989.
4. Reyjnman, E.A. Anglijskie predlogi. Znacheniya i funkci. – L., 1982.
5. Malyar, T.N. Prostranstvenno-distancionnye predlogi i narechiya v russkom i anglijskom yazihkakh / T.N. Malyar, O.N. Seliverstova. – Munchen, 1998.
6. Plungyan, V.A. Polisemiya sluzhebnykh slov: predlogi «cherez» i «skvoz» / V.A. Plungyan, E.V. Rakhilina // Rusistika segodnya. – M., 1996. – Vihp. 1.
7. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
8. Bennett, D.C. Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics / D.C. Bennett. – London, 1975. – V. XII.
9. Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P.N. Johnson-Laird. –Cambridge, 1976.
10. Lindkvist, K.G. A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur.–Stockholm, 1976.
11. Talmy, L. How Language Structures Space. Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – N.Y., L., 1983.
12. Herskovits, A. Language and spatial cognition. – Cambridge, 1986.
13. Jakendoff, R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jakendoff, B. Landau // Napoli D. Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman. –New Jersey, 1991.
14. Shamne, N.L. Diskursivnaya sreda prostranstvennoy dinamiki / N.L. Shamne, E.A. Eltanskaya. – Volgograd, 2011.
15. Macmillan Essential Dictionary. For Advanced Learners. International Student edition. – London, 2006.
16. Levkovskaya, K.A. Teoriya slova, principii ee postroyeniya i aspektih izucheniya leksicheskogo materiala. – M., 1962.
17. Novikov, L.A. Semantika russkogo yazihka. – M., 1982.
18. Nikitin, M.V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika). – M., 1982.
19. Sternin, I.A. O vyjavlenii nacionaljno-kulturnoy specifiky semantiki slova. – Ivanovo, 1984.
20. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
21. Kosova, V.A. Derivatsiya i ee mesto v yazihkovoy sisteme // Ucheniye zapiski Kazanskogo universiteta. – Kazanj, 1988. – T. 135. Yazihkovaya semantika i obraz mira.
22. Kolshanskiy, G.V. Obteoreticheskie problemih issledovaniya yazihkovogo znacheniya // Principih i metodih semanticheskikh issledovaniy: sb. st. – M., 1976.
23. Paducheva, E.V. K strukture semanticheskogo polya «Vospriyatie» (na materiale glagolov vospriyatiya v russkom yazihke) // Voprosih yazihkoznaniya. – 2001. – № 4.
24. Zaliznyak, A.A. Fenomen mnogoznachnosti i sposobih ego opisaniya // Voprosih yazihkoznaniya. – 2004. – № 2.
25. Rozina, R.I. Kategorialniy sdvig aktantov v semanticheskoy derivatsii // Voprosih yazihkoznaniya. – 2002. – № 2.
26. Paducheva, E.V. Paradigma regul'yarnoy mnogoznachnosti glagolov zvuka // Voprosih yazihkoznaniya. – 1998. – № 5.
27. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
28. Lopushanskaya, S.P. Razvitie i funkcionirovanie drevnerusskogo glagola. – Volgograd, 1990.
29. Lopushanskaya, S.P. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyislitelnyy process // Vestnik VolGU. – Volgograd, 1996. – Ser. 2: Filologiya. Vihp. 1.
30. Shamne, N.L. Diskursivnaya sreda prostranstvennoy dinamiki / N.L. Shamne, E.A. Eltanskaya. – Volgograd, 2011.

Статья поступила в редакцию 13.07.12

УДК 801.6:7.031

Efimova L.S., Mainagaheva N.S., Haptikova Y.I. KHAKASS FOLKLORE IN KATANOV'S MATERIALS: STUDYING AND PRESERVATION PROBLEMS. The article considers the problem of study of Khakas folklore on the basis of the first Khakas scholar N.F. Katanov's (1862-1922) records during his expeditions in 1888-1892, 1896-1899. The Authors stress that bulinas, legends, folk songs, tales, oath, ceremony and shaman poetry are insufficiently studied. The authors of the article raise the questions of re-edition of the works and publication of unpublished manuscripts of the scholar, also the problems of study, preservation of folklore not only by Khakas but other Turkic peoples.

Key words: genres of folklore, Khakas folklore, folkloristics, folklore of Turkic peoples.

Л.С. Ефимова, канд. филол. наук, доц. СВФУ, г. Якутск, E-mail: Ludmilaxoso@mail.ru;

Н.С. Майнагашева, канд. филол. наук, с.н.с. ХакНИИЯЛИ, г. Абакан, E-mail: Nina_71@inbox.ru;

Ю.И. Чаптыкова, н.с. ХакНИИЯЛИ, г. Абакан, E-mail: yuliya-hakasia@mail.ru

ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР В МАТЕРИАЛАХ Н.Ф. КАТАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

В работе рассмотрены проблемы изучения хакасского фольклора на основе записей первого хакасского учёного Н.Ф. Катанова (1862–1922) во время его экспедиций в 1888-1892, 1896 и 1899 гг. Авторы подчёркивают недостаточную изученность быличек, легенд, преданий, народных песен, рассказов, клятв, обрядовой и шаманской поэзии. В статье актуализируются вопросы переиздания трудов и публикации неизданных рукописей учёного, также проблемы изучения, сохранения фольклора не только хакасов, но и других тюркских народов.

Ключевые слова: жанры фольклора, хакасский фольклор, фольклористика, фольклор тюрко-язычных народов.

В этом году научная общечеловечность Российской Федерации отметила 150-летний юбилей со дня рождения ведущего в свое время тюрколога-лингвиста, магистра турецко-татарской словесности, доктора сравнительного языкознания, великого сына хакасского народа Николая Федоровича Катанова.

По воспоминаниям современников, коллег, друзей, родных и близких, это был великолепный знаток почти всех европейских и азиатских языков, а в своих сравнительных материалах он приводил 114 языков, наречий и диалектов. Николай Федорович был исследователем удивительной работоспособности. Например, в период «с февраля 1891 года по май 1892 года собрал 120 сказок, 90 рассказов, свыше 500 четверостиший, 153 песни, свыше 600 пословиц, около 70 поверий, 38 загадок, свыше 900 толкований снов и других материалов». Сразу обрабатывал свои полевые материалы. «В 1889 и 1890 годы сдавал по 3 рукописи» [1, с. 27]. Направлениями его научно-исследовательской деятельности были:

- 1) язык тюркских народов;
- 2) фольклор, его жанры;
- 3) религия, философские взгляды;
- 4) материальная культура, быт, культурные предметы и вещи;
- 5) социально-культурные, товарно-денежные отношения племен;
- 6) социальная структура племен, управление, их родственные и родоплеменные отношения;
- 7) элементы психологии народов, межличностные, межэтнические отношения;
- 8) педагогические взгляды отдельных племен [2, с. 45].

При его жизни в период с 1885 по 1921 г. опубликована 181 работа [3, с. 25]. По общей сложности, он является автором 382 научных трудов в области археологии, истории, этнографии, языкознания, литературы, статистики восточных народов, более всего турецко-татарского корня. Кроме того, рукописных (неизданных) работ у него осталось до 15000 страниц, написанных во вторую долю листа писчей бумаги [4, с. 22].

На современном этапе все больше возрастает интерес к феномену его научной деятельности и общественной жизни, хотя в некоторое время его имя было в забвении. В данной статье авторы предпочитают остановиться лишь на проблемах изучения и сохранения жанров хакасского фольклора на основе материалов, собранных Н.Ф. Катановым во время своих экспедиций в 1889-1892, 1896, 1899 г. на родине – в Минусинском округе Енисейской губернии.

Одним из первых на фольклорные записи Н.Ф. Катанова обратил внимание его не менее талантливый земляк этнограф С.Д. Майнагашев, который по ложному обвинению был арестован и расстрелян в 1920 году, когда ему было всего 34 года. Будучи студентом общественно-юридического факультета Московского городского народного университета Шаняевского, С.Д. Майнагашев в 1913 году написал статью, которая так и осталась не опубликованной. Позднее рукопись была обнаружена А.Н. Гладышевским и опубликована в 2004 году в газете «Хакасия». В своей рукописи совсем еще молодой Степан Дмитриевич высказал ряд замечаний по поводу публикации фольклорных материалов Катанова, опубликованных в IX части «Образцов народной литературы тюркских племен». Он писал, что Н.Ф. Катанов «в литературных вещах не всегда бережно обращается с содержанием. Записывать надо, как говорит рассказчик, а не так, как сказал бы собиратель». Его второе замечание касается проблемы перевода хакасских текстов. Он пишет, что «не безупречен и перевод Катанова собранных им вещей на русский язык». Далее приводит пример из молитвенных слов во время нагорного жертвоприношения, где отмечает, что «в переводе представляется, как будто люди обращаются с молитвой к самой березе, однако в тексте такой мысли совершенно нет, березе люди не поклоняются, а водрузивши березу, поклоняются богам. Насколько важно это различие для изучения религии народа само собою очевидно» [5]. С.Д. Майнагашев при этом высоко оценил вклад первого хакасского ученого в изучение культуры народа.

В 1951 году Н.А. Баскаков, отмечая вклад Н.Ф. Катанова в изучение хакасского языка и устного народного творчества, признавал, что у него «значительная часть работ посвящена хакасскому фольклору» [6, с. 93-94]. По изучению жизни, деятельности и наследия Н.Ф. Катанова, по нашим данным, издано три монографии [1; 2; 7]. Вышли в свет сборники статей, в том числе, материалы и сообщения, составленные Н.Г. Доможаковым [8], сборник «Катановских чтений» [9], материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину» [10], Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова [11], Между-

народного семинара [12]. В этом году изданы материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию ученого [13]. В советское и постсоветское времена были переизданы тексты отдельных глав из IX части «Образцов народной литературы тюркских племен» [14; 15; 16; 17; 18].

Н.Ф. Катанова как фольклориста первым охарактеризовал П.А. Трояков [19]. Он признал его собирателем, научным пропагандистом фольклора тюркских народов и ценил максимальную точность записей. Автор статьи уловил два аспекта в изучении фольклорных произведений у Катанова: «во-первых, устное народное творчество является самобытным искусством народа, уходящим в его древнюю историю. Следовательно, фольклор, в частности, генезис путей развития сюжетов следует изучать, исходя из древних истоков воззрений народа». В размышлениях Катанова он рассмотрел и второй аспект изучения устного народного творчества о том, что «в процессе исторического развития и взаимных общений народов в фольклоре может иметь место заимствованный пласт, более или менее органически вошедший в основной арсенал» [19; с. 146-147]. В.Е. Майногашева, оценивая научное наследие Николая Федоровича, пишет, что он «собрал и оставил потомкам богатый шаманский фольклор». Она высоко оценивает изданные и переведенные Катановым на русский язык богатырские поэмы хакасов, помимо этого признает добротные образцы паспортизации информаторов, данные исследователем. Далее автор замечает, что «богатырским поэмам родного народа он посвятил, еще, будучи студентом, обзорную статью «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», где отстаивает их самобытность, «не подвергнувшуюся еще влиянию чужого элемента (татарского, русского, монгольского)». Этот замечательный труд был первый раз издан в Санкт-Петербурге в 1885 году, тогда, как в то время в фольклористике России господствовала теория компаративистов...» [20, с. 173-175]. В.В. Миндибекова охарактеризовала Н.Ф. Катанова как исследователя фольклора тюрко-язычных народов Сибири. Она отмечает, что в научный оборот им были введены все жанры хакасского фольклора: богатырские сказания, образцы различных видов сказок, мифы – былички, легенды и предания, множество песен, тахпахов, пословицы, загадки, заклинания, толкования снов, фразы из разговорной речи [21, с. 58], хотя толкования снов, фразы из разговорной речи не являются жанрами фольклора. В свое время С.Н. Иванов достаточно точно указал все жанры хакасского фольклора, собранные Катановым: песни, сказки, загадки, шаманские молитвы, рассказы, пословицы, сказания, клятвы и предания [1, с. 26]. Фольклористы ХакНИИ-ЯЛИ в коллективной работе рассматривают «зафиксированные Н.Ф. Катановым фрагменты свадебного обряда сагайцев, песни, пожелания (*алгаастар*), речитативы свата или же свахи, относящиеся к свадебному обряду», также малые жанры фольклора (пословицы и поговорки, загадки). В свое время он зафиксировал около 400 загадок» [22, с. 171-173]. Проблему жанровой сущности материалов Катанова поднимает литературовед А.Л. Кошелева. Она, рассмотрев самые различные архетипы, делает вывод, что «в обрядовой народной литературе наиболее полно, системно проявляется генетика национального менталитета» [22, с. 177]. А.Н. Гладышевский, оценивая вклад исследователя в изучение шаманизма хакасов, пишет: «Первая научная работа Катанова-гимназиста была посвящена проблеме шаманизма, «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени», опубликована в книге Г.Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии». Материалы по хакасскому фольклору Николай Федорович изложил в ряде своих работ и отчетов: «Бубен и колотушка по описанию минусинских татар» (Томск, 1890), «Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 01 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии» (Казань, 1897), «Шаманское нагорное жертвоприношение» (журнал «Православный Благовестник», № 24 1897), «Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии летом 1897 года» (Казань, 1900)» [23, с. 70]. Таким образом, на основе записей Н.Ф. Катанова хакасскими фольклористами были рассмотрены героические сказания [24], малые жанры – пословицы, поговорки, загадки [25], свадебный обряд, свадебные благопожелания [26] и сказочный фольклор [27]. К сожалению, до сих пор без внимания исследователей все еще остаются мифы, былички, легенды, предания, народные песни, рассказы, клятвы, обрядовая и шаманская поэзия, широко представленная в материалах исследователя.

Проблема изучения жанров фольклора на основе столь богатого и широкого материала Н.Ф. Катанова, порой представляется весьма трудной и в силу малодоступности первоисточника. Собранные им тексты, опубликованные В.В. Радловым во II части «Образцов народной литературы тюркских племен»

в 1907 году так и не переиздавались. Из переизданий отдельных глав в 1963, 1996, 1997, 2000, 2004 гг. хочется выделить более качественное издание 2000 года на хакасском, русском, турецком языках при финансовой поддержке Международной организации ТЮРКСОЙ Турецкой Республики. Попытки переизданий только отдельных глав работы можно объяснить не только финансовыми проблемами, также и трудностями чтения текстовых материалов в транскрипции О.Н. Бетлингга и В.В. Радлова, которой затрудняются пользоваться современные исследователи. Здесь следует упомянуть опыт переиздания с помощью современных информационных технологий «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского в 2008 году. Данным словарем, изданным в свое время в транскрипции О.Н. Бетлингга, успешно пользуются до сих пор тюркологи всего мира. Также можем привести пример репринтного издания алтайских текстов из «Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» В.В. Радлова в 2006 году в Республике Алтай. Отрадно, что в последнее время Правительство Республики Хакасия (Глава Правительства – В.М. Зимин) вместе с сотрудниками ХакНИИЯЛИ (директор – В.Н. Тугужекова) и Хакасского государственного университета, носящего имя Н.Ф. Катанова (ректор – О.Н. Штыгашева), ведут работу по переизданию II части «Образцов народной литературы тюркских племен» и поиска других материалов фольклорного наследия тюркских народов, собранных своим великим земляком. В будущем следовало бы и рассмотреть вопрос о публикации неизданных рукописей Н.Ф. Катанова, где имеются не менее интересные и значимые материалы по языку, истории, этнографии, фольклору, мифологии, религии многих тюркоязычных народов не только России, но и Евразии. Вопросы по переизданию ранее изданных и изданию неопубликованных трудов исследователя представляются нам не только интересами одной Республики Хакасия, в этом должны быть заинтересованы и те республики и регионы, материалы которых были собраны

этим удивительным и поистине увлеченным исследователем тюркского мира.

Из фольклорных материалов хакасов, записанных Н.Ф. Катановым, на сегодня исследована лишь малая их часть. Недостаточно изученными остаются мифы, былички, легенды, предания, народные песни, рассказы, клятвы, обрядовая и шаманская поэзия. П.А. Трояков в свое время совершенно справедливо уловил мысль исследователя о сравнительном изучении фольклора тюркских народов Сибири, Восточного Туркестана и северной Монголии [19, с. 144], которая остается актуальной и поныне. Записи Катанова на современном этапе приобретают наибольшую ценность и в силу того, что некоторые народы – носители тех фольклорных традиций, из уст которых он зафиксировал материалы, давно уже ассимилировались или исчезают (например, карагасы или тофалары). Исчезают и когда-то активно бытовавшие жанры хакасского фольклора. По тонкому замечанию В.Е. Майногашевой, он «проявил прозорливость этнографа и фольклориста, записав многие тексты шаманов. Не будь его записей, мы бы остались без этого фольклора. Уже через 10-20 лет после его записей наступили годы жестоких гонений на шаманов и репрессий против них, в результате чего почти не осталось классических служителей древнего культа, а ведь их заклинивание своей высокой поэтичностью сродни древним индийским гимнам огню» [20, с. 174]. С каждым годом уходят, редут носители эпических и фольклорных традиций, забываются специфические особенности исполнения богатых сказаний, народных песен не только хакасов, но и тюркских народов.

Таким образом, проблема изучения, сохранения устного народного творчества в контексте фольклорного наследия тюркоязычных народов России, также народов, живущих за её пределами, записанного и оставленного грядущим поколениям в конце XIX – начале XX века великим сыном хакасского народа – Н.Ф. Катановым – представляется весьма актуальной и на заре XXI века.

Библиографический список

1. Иванов, С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерки жизни и деятельности). – М., 1973.
2. Султанбаева, К.И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель. – Абакан, 2009.
3. Катанов, Н.Ф. Автобиография и библиография. – М.; Абакан, 1997.
4. Через тернии к звездам / сост. Иптышев А.В. – Аскиз, 2012.
5. Гладышевский, А.Н. Почему рукопись не была опубликована? Из наследия первого хакасского этнографа С.Д. Майногашева // Хакасия. – 2004. – 20 октября.
6. Баскаков, Н.А. К истории изучения хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1951. – Вып. 2.
7. Валеев, Р.М. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии / Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова [и др.]. – Казань; Абакан, 2008-2009.
8. Н.Ф. Катанов: материалы и сообщения. – Абакан, 1958.
9. Катановские чтения: сб. ст. – Казань, 1998.
10. Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину»: сб. ст. – М., 2003.
11. Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф., посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2003.
12. Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения Международного научного семинара. – Казань, 2006.
13. Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: материалы Международной конф. 2012: в 2 т. – Абакан, 2012.
14. Катанов, Н.Ф. Хакасский фольклор. – Абакан, 1963.
15. Катанов, Н.Ф. Золотая книга. Алтын пікір. Благословительные гимны – алгасы. – Абакан, 1996.
16. Катанов, Н.Ф. Свадебный обряд. – Абакан, 1997.
17. Катанов, Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии. На хакасском, турецком и русском языках. – Анкара, 2000.
18. Катанов, Н.Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004.
19. Трояков, П.А. Н.Ф. Катанов – фольклорист // Ученые записки. – Абакан. – 1964. – X (серия филологическая).
20. Майногашева, В.Е. К вопросу о Н.Ф. Катанове – фольклористе // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
21. Миндибекова, В.В. Н.Ф. Катанов как исследователь фольклора тюрко-язычных народов Сибири // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного науч. семинара. – Казань: Алма-Лит, 2006.
22. Ачитаева, Л.К. Изучение хакасского фольклора / Л.К. Ачитаева, С.К. Кулумаева, В.Е. Майногашева [и др.] // Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань; Абакан, 2008-2009.
23. Кошелева, А.Л. Содержательная и эстетическая специфика жанровых циклов в книге Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» / Р.М. Валеев, А.Л. Кошелева, В.Н. Тугужекова [и др.] // Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань; Абакан, 2008-2009.
24. Гладышевский, А.Н. О шаманизме в работах Н.Ф. Катанова // Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину: материалы научно-практич. конф.: сборник статей. – М., 2003.
25. Майногашева, В.Е. Хакасское героическое сказание «Алтын Арыг»: автореф. Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1967.
26. Ачитаева, Л.К. Малые жанры хакасского фольклора, собранные Н.Ф. Катановым // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
27. Кулумаева, С.К. Материалы Н.Ф. Катанова по свадебному обряду хакасов // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
28. Торокова, Е.С. «Образцы народной литературы тюркских племен», собранные Н.Ф. Катановым как источник изучения сказочного фольклора хакасов // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.

Bibliography

1. Ivanov, S.N. Nikolay Fedorovich Katanov (Ocherki zhizni i deyatel'nosti). – M., 1973.
2. Sultanbaeva, K.I. Nikolay Fedorovich Katanov – vihdayuthiyysya uchenihy-vostokoved, tyurkolog, prosvetitel'. – Abakan, 2009.
3. Katanov, N.F. Avtobiografiya i bibliografiya. – M.; Abakan, 1997.
4. Cherez terni k zvezdam / sost. Iptihshev A.V. – Askiz, 2012.
5. Gladihshevskiy, A.N. Pochemu rukopisj ne bihla opubl'tkovana? Iz naslediya pervogo khakasskogo ehtnografa S.D. Mayjnasheva // Khakasiya. – 2004. – 20 oktyabrya.
6. Baskakov, N.A. K istorii izucheniya khakasskogo yazihka // Ucheniye zapiski KhakNIIYaLI. – Abakan, 1951. – Vihp. 2.
7. Valeev, R.M. N.F. Katanov i gumanitariye nauki na rubezhe vekov. Ocherki istorii rossijskoj tyurkologii / R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova [i dr.]. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
8. N.F. Katanov: materialih i soobtheniya. – Abakan, 1958.
9. Katanovskie chteniya: sb. st. – Kazanj, 1998.
10. Materialih nauchno-prakticheskoy konferencii «Vozvrathenie naslediya N.F. Katanova na rodinu»: sb. st. – M., 2003.
11. Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf., posvyathennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya N.F. Katanova. – Abakan, 2003.
12. Nasledie N.F. Katanova: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: Dokladih i soobtheniya Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. – Kazanj, 2006.
13. Nasledie khakasskogo uchenogo, tyurkologa, doktora sravnitel'nogo yazihkoznaniya, vostokoveda Nikolaya Fedorovicha Katanova: materialih Mezhdunarodnoj konf. 2012: v 2 t. – Abakan, 2012.
14. Katanov, N.F. Khakasskiy fol'klor. – Abakan, 1963.
15. Katanov, N.F. Zolotaya kniga. Altihn pichik. Blagoslovitel'niye gimni – algasih. – Abakan, 1996.
16. Katanov, N.F. Svadebnihy obryad. – Abakan, 1997.
17. Katanov, N.F. Izbranniye nauchniye trudi. Teksti khakasskogo fol'klora i ehtnografii. Na khakasskom, tureckom i russkom yazihkakh. – Ankara, 2000.
18. Katanov, N.F. Izbranniye trudi o Khakasii i sopredel'nykh territoriyakh. – Abakan, 2004.
19. Troyakov, P.A. N.F. Katanov – fol'klorist // Ucheniye zapiski. – Abakan. – 1964. – X (seriya filologicheskaya).
20. Mayjnasheva, V.E. K voprosu o N.F. Katanove – fol'kloriste // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
21. Mindibekova, V.V. N.F. Katanov kak issledovatel' fol'klora tyurko-yazihchnikh narodov Sibiri // Nasledie N.F. Katanova: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: dokladih i soobtheniya Mezhdunarodnogo nauch. seminar. – Kazanj; Alma-Lit, 2006.
22. Achitaeva, L.K. Izuchenie khakasskogo fol'klora / L.K. Achitaeva, S.K. Kulumaeva, V.E. Mayjnasheva [i dr.] // N.F. Katanov i gumanitariye nauki na rubezhe vekov. Ocherki istorii rossijskoj tyurkologii. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
23. Kosheleva, A.L. Soderzhatelnaya i ehsteticheskaya specifiya zhanrovikh ciklov v knige N.F. Katanova «Obrazci narodnoj literatury tyurkskikh plemen» / R.M. Valeev, A.L. Kosheleva, V.N. Tuguzhekova [i dr.] // N.F. Katanov i gumanitariye nauki na rubezhe vekov: ocherki istorii rossijskoj tyurkologii. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
24. Gladihshevskiy, A.N. O shamanizme v rabotakh N.F. Katanova // Vozvrathenie naslediya N.F. Katanova na rodinu: materialih nauchno-praktich. konf.: sbornik statej. – M., 2003.
25. Mayjnasheva, V.E. Khakasskoe geroicheskoe skazanie «Altihn Arihg»: avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1967.
26. Achitaeva, L.K. Maliye zhanri khakasskogo fol'klora, sobranniye N.F. Katanovim // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
27. Kulumaeva, S.K. Materialih N.F. Katanova po svadebnomu obryadu khakasov // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
28. Torokova, E.S. «Obrazci narodnoj literatury tyurkskikh plemen», sobranniye N.F. Katanovim kak istochnik izucheniya skazochnogo fol'klora khakasov // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 417

Ivanenko G.S. THE NOTIONS OF VALUE, MEANING, UNDERSTANDING, PERCEPTION, INTERPRETATION OF THE TEXT IN CONCEPT OF THE TARGET LEGAL LANGUAGE RESEARCH. Value, meaning, understanding, perception, interpretation discussed in the text for the analysis of conflict in the text of the proceedings. Consideration of the applicability of these categories in the expert to form a conceptual unit, which underlies the concept of the target legal language research.

Key words: judicial linguistic research, text, discourse, encoding, decoding, meaning, understanding, perception, interpreting the text, the subjective and objective.

Г.С. Иваненко, канд. филол. наук, доц., докторант каф. русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского гос. педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: gala.april@mail.ru

ПОНЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ, СМЫСЛА, ПОНИМАНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛЕВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе рассматриваются понятия: значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация – в аспекте декодировки текста, вызвавшего судебное разбирательство. Анализ взглядов на названные категории сквозь призму их применимости в конкретных экспертных целях приводит к формированию понятийного аппарата, положенного в основу концепции целевого лингвистического судебного исследования.

Ключевые слова: судебное лингвистическое исследование, текст, дискурс, кодировка, декодировка, значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация текста, субъективное, объективное.

Перечисленные в названии статьи понятия: **значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация** – далеко не однозначно рассматриваются современной наукой, несмотря на достаточно пристальное внимание к ним на протяжении последних трех десятилетий. Разнообразие взглядов на данные категории определяется не только спецификой использующей их научной дисциплины (лингвистики, шире – филологии, психолингвистики), но и ракурсом рассмотрения. Для произведений речи одной из основных коррелятивных категорий, обуслови-

вающих, несмотря на целостность объекта анализа, определенную противопоставленность подходов, является оппозиция: кодировка – декодировка. Процессы порождения и получения речевой информации являются звеньями одной цепи, но это далеко не означает, что анализ того и другого позволяет всегда подвести эти величины под общий знаменатель. Такая математическая точность возможна только в случае идеального речевого акта, то есть такого, при котором интенция отправителя информации стопроцентно декодирована получателем. Для этого не-

обходимо множество условий, среди которых на первом месте находятся общность используемого в общении кода двух сторон – тождественность языковой структуры, идентичность речевых систем, этико-стилистических культур, и, безусловно, общность затекстовых знаний в рамках предмета речи.

Вопросы, связанные с адекватностью декодировки текста, наиболее актуальны при осуществлении специфического лингвистического исследования – судебного. Остановимся на конкретном виде судебной лингвистической экспертизы – семантическом исследовании, включающем в доказательную базу по процессам различных типов. Целевое лингвистическое исследование будет состоятельным только в том случае, если будет базироваться на принципах лингвистического анализа, составляющих в совокупности концепцию. Для создания такой концепции необходимо определиться с пониманием определяющих в рассматриваемом аспекте категорий.

Значение [1] – это то, что открывается в предмете и является объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Человек живет в мире значений, которые открыты для него в каждом слове другими людьми. Но сам он не в состоянии усвоить все значения всех слов или даже некоторые значения в их полном объеме.

Значение предшествует наиболее развитой его форме – понятию – и выступает в единстве с личностным смыслом и чувственной тканью, образуя структуру индивидуального сознания.

Личностный смысл – это переживание субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива. По словам В.П. Белянина, «это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня» [2, с. 104].

Некоторые лингвисты считают это противопоставление упрощенным, поскольку значения также подвержены широкому варьированию – «по линии коллективного и индивидуального, узуального и окказионального, нормативного и аномального, языкового и речевого, внеконтекстуального и контекстуального» [3, с. 39]. Мы же согласимся со мнением В.И. Шаховского и В.И. Карасика: «соотношение значения и смысла не противоречит концепции диалектического единства стабильной и вариативной части значения» [4]. Однако в целом разрабатываемая М.В. Никитиным теория значения представляется логичной, целостной и практически ценной для решения задачи – создания концептуальной базы целевого лингвистического исследования. Автор обосновывает противопоставление двух типов значимых ситуаций и, соответственно, выделение двух типов значений – импликационного и знакового. Первый тип моделирует естественную связь между фактами, второй тип отражает условную, собственно знаковую связь. При этом естественная связь между сущностями может быть основана и на знаковой базе. Такая вторичная импликация выступает в качестве «значимой среды, в которую погружены собственно знаковые значения высказываний и текстов» [3, с. 18]. Наряду с импликационным и знаковым значениями автор выделяет в качестве основных типов когнитивные и прагматические значения, отражающие диалектику объективного и субъективного опыта. Отмечено, что «исходными являются прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и ощущаемого человеком» [3, с. 20]. Критике со стороны автора новой концепции значения подвергается теория Ч. Пирса относительно трех сторон знака: семантики, синтактики и прагматики, принятая во многих работах современных языковедов. М.В. Никитин считает недостатками пирсовской концепции отсутствие разграничения денотативного и сигнификативного значений, гетерогенность прагматики, формальную природу синтактики. Однако при всей противоречивости и сама теория Ч. Пирса, и вытекающее из нее разграничение значения и смысла имеют практическое значение для рассмотрения и научно обоснованного решения нашей проблемы.

Вопрос дифференциации значения и смысла рассматривали многие лингвисты. Так, классик отечественного языкознания В.А. Звегинцев в монографии «Предложение и его отношение к языку и речи», глубоко и многоаспектно размышляя о многих лингвистических понятиях, в том числе и о понятии «смысл», дает такое его определение: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл» [5, с.193]. Эти слова прямо соотносятся с требованием к лингвистической экспертизе рассматривать не только слова в контексте предложения, предложение в контексте текста, но и текст в контексте жизненных реалий, в ситуативном контексте, в контексте печатного издания, преподносимого видео- или аудио – ряда, то есть в дискурсе. Концептуаль-

но близко понимание *смысла* в работах родоначальника отечественной Н.И. Жинкина [6, с. 13]: «Смыслом мы будем называть такое информационное образование, которое направлено на определенный предмет действительности». Примечательно, что в этом определении *смысл* дефинируется через понятие *информация*.

Когда мы говорим об отдельной языковой единице, мы можем для разделения инвариантного и индивидуального употреблять соответственно дифференцирующие понятия *значение* и *смысл*. В отношении же текста как сложного единства вообще неприменимо, как нам представляется, понятие «значение», относимое к отдельной языковой единице и характеризующееся, при всей возможной многокомпонентности, одноплановостью, цельностью. Применительно к тексту можно говорить только о смысле, очевидно, не совсем о том «личностном смысле» Белянина, а о смысле как содержательной квинтэссенции, выводимой из взаимодействия множественных значений носителями языка.

А.К. Жолковский и И.А. Мельчук пытаются определить ключевые категории *текст* и *смысл*: «Понятие текста в разъяснении, видимо, не нуждается. Что же касается **смысла**, то здесь мы тоже будем исходить из некоторого достаточно тривиального представления, которое должно, на наш взгляд, лежать в основе современной лингвистической семантики. Бесспорно, что в первую очередь владение смыслом проявляется у говорящего в умении выразить одно и то же по-разному, а у слушающего – в умении отождествлять смысл разных по форме высказываний, понять, что они сообщают то же самое. Отсюда, **СМЫСЛ** есть то общее, что имеется у всех различных высказываний, признаваемых и используемых носителями языка в качестве равнозначных, или, короче, смысл есть инвариант синонимических преобразований (перифраз). Таким образом, смысл предстает как конструкт – пучок соответствий между реальными равнозначными высказываниями (фиксируемый, когда нужно, с помощью специальной символики – «семантической записи») [7, с. 7].

Разделяем мысль В.А. Звегинцева о том, что в конкретном дискурсе «предложение и его смысл настолько слитны, настолько связаны друг с другом внутридискурсными отношениями (которые... есть вместе с тем выражение ситуативной ориентированности), что не допускают отсоединения друг от друга и отдельных манипуляций над каждым из них» [5, с. 197]. Под манипуляциями понимаются в контексте различные синонимичные замены.

К тому же, даже принимая теоретический взгляд на проблему смысла Мельчука-Жолковского, следует понимать, что определение смысла дается с точки зрения кодировки речи, и его жизнеспособность определена этим ракурсом. С позиций же декодировки нельзя не признать практической неприменимости предложенного понимания. Мы не можем выявить инвариант в том случае, когда не имеем возможности сравнить синонимические преобразования. На практике при необходимости проанализировать текст на предмет выявления смысла исследователь лишен возможности теоретически идеального моделирования. Напротив, различными интерпретаторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки, претендующие на синонимичность с первичным текстом.

Соглашаясь в целом с критическими замечаниями В.А. Звегинцева, направленными на «действующую модель языка («смысл – текст» А.К. Жолковского и И.А. Мельчука, вычленим в их определении смысла то рациональное зерно, которое способствует решению поставленных задач. Важным в определении Мельчука и Жолковского для создания концепции лингвистического исследования в аспекте типовой декодировки является снятие с понятия *смысл* печати субъективизма. Слово «инвариант» представляется ценным, хотя мы использовали его в несколько ином аспекте при определении *смысла*.

В.А. Звегинцев, ставя в центр семантической системы предложение и рассматривая последнее как феномен языковой системы и речевой практики, определяет через его посредство смысл: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл. Если такого согласования нет, то у предложения (точнее, псевдопредложения), хотя оно организуется по всем правилам языка, наличествует только псевдосмысл» [5, с. 193].

Такое, казалось бы, очевидное представление о том, что дискурс привязывает предложение к ситуации, вне которой не существует смысла предложения, не является сегодня очевидным в практике лингвистических экспертиз. Сложившееся требование признать порочащими конкретные фразы, как и предложить для опровержения определенные цитаты из конфликтного текста, совершенно противоречит логике формирования смысла: «Изъятие предложения из дискурса и превращение его

в псевдопредложение означает переключение мира мысли в мир языка, что сопровождается процессом абстрактизации как самого смысла предложения, так и значения составляющих его единиц. С этого момента мысль теряет свою подвижность – фиксируется, как нечто отрешенное от человека, существующее независимо от него – в языке» [5, с. 200].

В связи с определением понятия «смысл» В.А. Звегинцев затрагивает еще два аспекта проблемы, вычлененных нами из его концепции в силу связанности с целями осуществляемого исследования.

Первый аспект – непризнание «неграмматических» предложений и признание наличия смысла у всего, что реально было сказано: «Но верховным принципом для речи является не язык с его «нормами», а смысл, который в свою очередь есть представитель интересов главного руководителя всей этой деятельности – мысли» [5, с. 176]. Лингвисты – последователи Хомского и Карнапа признают достойным семантического анализа только материал, соответствующий нормам языка, забывая о том, что, во-первых, сами эти нормы не были первичны, а появились как результат анализа того же реального речевого материала, и нельзя исключать несовершенства выведенной системы; во-вторых, норма динамична, как динамичны сами закономерности речевой практики; в-третьих, даже предложение или текст, построенные с нарушением грамматических или стилистических норм, являются воплощением акта коммуникации, реализуют какую-либо стратегию и несут какой-либо смысл.

Поясним, с какой позицией мы дискутируем в настоящий момент. Рассматривая конфликтный текст, лингвист выявляет его «неграмматичность», несоответствие или неполное соответствие нормам языка, в результате чего ставит на нем клеймо «ущербного» текста, с чем объективно нет смысла спорить, но из этого делается вывод о невозможности проанализировать неграмотную конструкцию, что вызывает категорическое несогласие. Грамматически ненормативная конструкция может провоцировать неоднозначное понимание, но в таком случае лингвист может выявить возможные варианты смысла. Текст может быть нелогичным, плохо выстроенным, эклектичным, но, если это не искусственно сконструированный материал, он неизбежно реализует какую-либо интенцию и, следовательно, выражает какой-либо смысл, явно или неявно, при помощи пресуппозиций и импликаций, но выражает.

Наличие смысла – константная характеристика любого естественного текста, а необходимость и возможность выявить этот смысл – константная характеристика любого лингвистического анализа текста семантической направленности, в том числе судебной экспертизы соответствующего типа.

Второй аспект, связанный с проблемой смысла, выделенный нами в концепции В.А. Звегинцева, – вопрос о принципиальной постижимости смысла. В судебных заседаниях неоднократно возникал вопрос о способности анализируемого текста выразить законченный смысл. Сторонники «незаконченного смысла» апеллируют к понятию «восприятие», придавая ему исключительно индивидуально-психологический смысл и полностью отказывая в объективных закономерностях. Автор – говорит в таком случае – только задал тему разговора, – а читатель развивает ее в направлении, зависящем от его интеллектуального и культурного уровня, личных ассоциаций и других субъективных факторов.

Такая логика размышления была представлена в процессе о распространении экстремистских материалов (дело НБП в Челябинске). В текстах изображались многочисленные сцены насилия над представителями различных групп населения и прямым текстом говорилось о необходимости насилия как формы выражения социального протеста. Филологическая сущность защиты обвиняемых прежде всего основывалась на том, что натуралистичные жестокие сцены должны вызвать у читателя отвращение и побудить обратную реакцию.

Такая позиция по сути отрицает возможность определенной декодировки текста, а следовательно, объективный характер реализованного в речи языка как знаковой системы. В таком подходе неоправданно смешиваются категории совершенно различной природы.

Реакция на текст, отношение к тексту, его оценка, отклик на него – явления индивидуальные, воплощающиеся во множественных субъективных реализациях, хотя и в этой сфере можно наблюдать определенную типизированность.

Смысл же текста – категория объективного порядка, основанная на закономерностях реализации значений языковых единиц. Отрицание объективной природы смысла по сути означает отрицание коммуникативной функции языка. Невозможно отрицать, что понимание смысла различными реципиентами не бу-

дет абсолютно идентичным, что зависит от множества факторов, однако диапазон этих различий у носителей одного языка, одной культуры не может быть бесконечным и ограничен рамками допустимых толкований, обусловленных значениями языковых единиц всех уровней и пресуппозициями, на которые указывает знаковая система текста. А вот диапазон реакций на текст, типов отношений, оценок и личностных ассоциаций действительно неограничен.

Наличие возможных интерпретаций текста, обусловленное неидеальной кодировкой автором смысла или намеренно созданной двусмысленностью, не отрицает выдвинутого тезиса об объективном характере смысла и о его принципиальной постижимости. Два, редко три, только гипотетически возможно – более – принципиально выражаемых смысла – это как раз показатель выявляемости смысла. Обозначенные варианты возможного по законам языка понимания очерчивают определенный круг, отвергая находящиеся за его пределами смыслы. Возможны случаи абсолютной неадекватности декодировки смысла текста, отражающие патологию в усвоении языковой системы и интересные лингвисту, психологу и психиатру в совершенно ином аспекте.

Вторым филологическим доводом в упомянутом деле о распространении экстремистских материалов был тезис о «незаконченности смысла» конфликтных статей, об открытом финале и перспективе домысливания. По сути этот довод перекликается с первым. Ответом на это положение может послужить достаточно категоричное высказывание В.А. Звегинцева: «Нет никакой надобности отдельно говорить о законченности смысла: если он существует, он всегда закончен. Незаконченного же смысла или какого-нибудь «полусмысла» не может быть» [5, с. 177]. Полностью солидаризируясь с автором высказывания, добавим, что смысл – вполне материальная сущность, прямо названная или логически выводимая из приведенных языковых знаков. Повторяем, смысл текста не есть отношение к тексту или размышления по поводу высказанных в нем идей. Реакция на текст, оценка текста, отношение к идеям, высказанным в тексте, – совершенно иные субстанции. Смысл текста – категория объективная, а реакция на текст – субъективная.

Смысл текста можно представить как ответ в алгебраической задаче, которая может иметь различную степень сложности. Но если читатель текста при помощи универсального компьютера – сознания постигает смысл интуитивно, то лингвист-эксперт вскрывает все те шаги, этапы осмысления, которые лежат в основе итогового результата – содержательной сущности (включая все ее компоненты) полученной информации.

Смысл текста и отдельного его фрагмента обусловлен рядом экстралингвистических факторов: временем его получения реципиентом, социальными, экономическими и политическими процессами на территории распространения информации. Так, любое известное классическое высказывание может приобрести новый смысл в конкретных обстоятельствах. В каждом регионе происходят какие-то события, которые широко освещаются местными СМИ и известны всем жителям этой территории. Каждое СМИ создает свою информационную ткань, в которой так или иначе, в большей или меньшей степени все сообщения взаимосвязаны и день за днем цепляются друг за друга подобно звеньям одной цепи. Впрочем, связь эта гораздо более сложная, нелинейная. Переклички между информационными блоками могут осуществляться и на значительных временных расстояниях. Интертекстуальные ссылки на ранее рассмотренные события обогащают новыми компонентами смыслы новых сюжетов, но восприняты они будут в полной мере только носителями тождественного информационного поля. На практике общность информационного поля, как правило, формируется стихийно по административно-территориальному (региональному) принципу.

Подобна территориальной и социальная обусловленность смысловой декодировки текста. Признан факт профессионально-социальной дифференциации нашего общества. Значительная часть информации распространяется в специфических средах: артистической, коммерческой, научной, уголовной, др. Известный любому коммерсанту в городе скандал может остаться незамеченным педагогами, сообщение о скандальном увольнении в государственной структуре не войдет в фоновые знания городской богемы. Следовательно, всяческие намеки не это событие, косвенные указания, метафоры, перифразы, сравнения и другие металогические средства не помогут изначально абсолютно неосведомленному реципиенту в полной мере декодировать смысл имплицитного высказывания.

Не противоречит ли тезис о детерминированности воспринимаемого реципиентом смысла информации рядом названных факторов тезису о принципиальной объективности и постижи-

мости смысла? Как нам представляется, названные тезисы следуют рассматривать в соответствии с одним из общих принципов анализа текста в ракурсе координации общего и частного. Действительно, не каждый реципиент в силу ряда обстоятельств: уровня образованности, осведомленности в каких-либо вопросах – способен адекватно декодировать смысл распространенной информации. Однако это не означает самой невозможности такой декодировки. Лингвист же, анализирующий представленный для анализа конфликтный текст, должен учитывать в процессе экспликации смысла специфику исследуемого информационного поля в его территориальном и социально-профессиональном аспекте. Иными словами, качественная лингвистическая декодировка текста возможна только при учете всех возможных пресуппозиций. Анализ, основанный исключительно на словарных значениях и узуальных употреблениях, рискует оказаться поверхностным.

Таким образом, определяя понятие **смысл** для использования в юрислингвистической практике при осуществлении семантических экспертиз, мы опираемся на несколько постулатов:

1. Смысл объективен, а потому постигаем, выводим из языковой структуры текста.
2. Смысл текста представляет собой инвариант возможных по законам языка пониманий.
3. Смысл рассматриваемого речевого произведения характеризуется целостностью и законченностью.
4. Смысл отдельного предложения или фрагмента необходимо рассматривать в дискурсе, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.
5. Смысл текста далеко не всегда представлен конкретным предложением или фрагментом и в целях экспликации требует дополнительного оформления средствами естественного языка.
6. Смысл текста исторически, территориально и социально обусловлен.

Смысл текста (в аспекте судебного лингвистического исследования) мы определяем как основанное на языковых законах и на пресуппозициях типовое, инвариантное понимание носителями языка информации, заложенной в тексте.

Конечный итог анализа языковых элементов – выявление их **значений**, в комплексе с пресуппозитивными знаниями и выявленными импликациями формирующих **смысл** информации.

Прежде всего эти теоретические положения являются основой чрезвычайно важного для процессов по защите чести и достоинства постулата о допустимости несовпадения интенции говорящего и понимания объекта высказывания. При возникновении такого несовпадения, вернее, при заявлении (отражающем или не отражающем истинное намерение) ответчиком о несовпадении сообщенного и воспринятого («Это Вы так поняли, а мы имели в виду другое»), допускаются две крайности.

Обозначенная нами проблема по сути есть проблема соотношения **смысла** как личностной категории (смысл для меня) и **смысла** как категории объективного порядка (как текст понят большинством). Значение – постоянная часть содержания знаков – реализуется в различных смыслах – достояниях индивидов, в личностных категориях (в первом значении). Так что же должен выявлять лингвист в своем анализе: инвариантное значение или личностный смысл?

Одна крайность – прочтение и интерпретация текста, основанные исключительно на субъективном восприятии истца, абсолютизация личностного смысла без учета каких-либо объективных приемов декодировки текста, позволяющих выявить и его значение, и, соответственно, константную часть воспринимаемой основной массой реципиентов информации. В этом случае происходит абсолютизация субъективно выявленного смысла, личностного восприятия, последствия чего в полной мере ощущает на себе ответчик.

Другая крайность – непризнание правовой системой возможности неоднозначного восприятия текста, обусловленного его объективной амфиболией (двузначностью) – результатом случайного или намеренного со стороны авторов текста отсутствия необходимых конкретизаторов. При возможности (вероятной или преобладающей) восприятия реципиентами речи смысла, порочащего чью-либо репутацию, нематериальные права, интересы этого лица должны быть защищены либо опровержением, либо разъяснением.

В связи с понятием «**смысл**» нельзя не обратиться к понятию «**восприятие**», вызывающему активную дискуссию и в лингвистике, и в праве, в частности в судебном процессе по защите чести, достоинства и деловой репутации. Прочитаем высказывание, отражающее довольно типичный взгляд на эту семантико-коммуникативную категорию: «Восприятие направленности текста – понимание текста (передачи) читателями (зритель-

ми). Восприятие не может быть предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как спорным в таких разбирательствах является текст, а не его восприятие. Для определения хотя бы «усредненного» восприятия необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования. Восприятие как вкусы, а о вкусах не спорят» [8].

Анализ функционирования понятия «восприятие» позволяет выявить диаметрально противоположные его трактовки.

1. Во-первых, как индивидуальная и неповторимая, обусловленная личностными качествами, опытом жизни, уровнем образованности, психологическим состоянием и другими факторами система вызываемых текстом ассоциаций и реакций.

2. Во-вторых, как типовое и закономерное выведение из текста определенного смысла. В данном случае уместно вспомнить о восхождении в генезисе слов *восприятие, приятие, понимание* к одному корню со значением собственности. То знание, что было у предающего информацию, *перенято, принято, воспринято* реципиентами.

Два приведенных значения, только что названные нами противоположными, противопоставлены только на основании критерия объективности/субъективности. В практике реализации реального процесса получения читателями, слушателями, зрителями информации осуществляется восприятие в обоих этих значениях в комплексе. Безусловно, в какой-то части понимание, то есть восприятие, будет индивидуальным, но нельзя отрицать и константной части восприятия, основанной на закономерной реализующей себя в речи языковых значениях единиц различных уровней. Более того, существуют закономерности в экспликации подтекста при восприятии, вполне выводимые логически и лингвистически. Фоновые знания реципиентов также имеют достаточную площадь пересечения, что позволяет сделать вывод о типовом понимании текста. Например, жители области знают, как правило, в лицо губернатора, и его фотография или карикатурное изображение с очевидностью будут связаны с его личностью.

Приведенное утверждение о том, что восприятие текста как понимание текста не может быть предметом лингвистической экспертизы, представляется неубедительным. Полагаем, что спорным в делах о защите чести и достоинства является не текст, как данность, факт, а именно восприятие текста и всего конфликтного дискурса той аудиторией, на которую он был направлен, которой был адресован. Аналогичное мнение высказывает Н.В. Обелюнас, говоря о конфликте интерпретаций как основе правового конфликта. [9, с. 9]. Конфликтный дискурс является **объектом** экспертизы, **предметом** же ее, на наш взгляд, должно быть именно типовое понимание, массовое восприятие текста, основанное на законах декодировки.

Не будем забывать, что в рассматриваемой ситуации судебное разбирательство вызвано не замыслом автора, не неким «объективным» комплексом значений, содержащихся в материале, а реальным пониманием смысла текста окружающими. Сами слова «понимание» и «восприятие» объединены характеристикой процесса декодировки текста, а различаются ее аспектами: понимание ориентировано на рациональный аспект, а восприятие – на эмоциональный. Ни то, ни другое слово не исключают субъективного компонента в структуре своей семантики, однако ни то, ни другое в то же время не исключают сочетаемости: «объективное понимание», «объективное восприятие», «адекватное понимание», «адекватное восприятие». В этих точках пересекается представление об инвариантном компоненте информации, заложенном в текст автором и извлеченном из него реципиентом. Это и есть смысл текста.

Как нам представляется, в контексте наших изысканий понятия «понимания» и «восприятия», при всех своих различиях, характеризуют объем и качество реально транслированной читателем (слушателем, зрителем) информации. Именно этот параметр – объем, качество, конкретные составляющие (рациональные, эмоциональные, прагматические) полученной информации – и должен выявлять в ходе лингвистического исследования лингвист. Однако в силу многозначности слов «понимание» и «восприятие», а также по причине их явной принадлежности сфере декодировки избираем для словесного обозначения той сущности, которую в ходе своего анализа стремится извлечь из текста филолог, термин «смысл». Он аккумулирует позицию декодировки и декодировки текста. Смысл закладывается и извлекается, смысл программируется и понимается, выражается и воспринимается. Инвариантный смысл не включает случайного, возможного, вероятно-личностного и субъективного, но аккумулирует все закономерное.

Семантическое лингвистическое исследование востребовано в тех случаях, когда имеет место конфликт интерпретаций.

Какая из интерпретаций отражает тот смысл, то понимание и восприятие, которые в массе своей должны иметь место в среде определенного круга реципиентов конкретного издания в определенном месте, если осуществлять декодировку по законам языка с учетом ситуативного контекста? На этот вопрос должна отвечать лингвистическая экспертиза. Безусловно, для идеального точного ответа действительно «необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования». Однако именно разработкой методик декодирования текста, выведением обобщенных законов восприятия и занимаются все коммуникативные направления лингвистики: стилистика, лингвопрагматика, лингвокогнитология, коммуникативный синтаксис, семантический синтаксис.

Текст же не может быть спорным, он объективно существует как данность. Спорным является именно его восприятие, понимание, представленное в ходе судебного разбирательства как минимум двумя вариантами. Стороны в суде оспаривают значение каких-либо языковых единиц, а как следствие – заложенный в тексте смысл и, соответственно, содержание воспринятой массовой читателем (слушателем, зрителем) информации.

Поэтому именно **смысл текста**, отражающий типовое восприятие, понимание текста реципиентами, и является **предметом любой лингвистической экспертизы семантического типа**, в том числе судебной лингвистической экспертизы при рассмотрении вызвавшего конфликт текста.

Говоря о значении и смысле, понимании и восприятии, нельзя обойти вниманием и понятие «**интерпретация**», которое, как и все вышеперечисленные, имеет не одно значение и употребляется в речи, в том числе в судебном дискурсе, в совершенно различных значениях, в ряде случаев диаметрально противоположных.

Библиографический список

1. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.
2. Белянин, В.П. Психолингвистика. – М., 2003.
3. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988.
4. Шаховский, В.И. Критика и библиография / В.И. Шаховский, В.И. Карасик // Филологические науки. – 1990. – № 2.
5. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976.
6. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
7. Жолковский, А.К. К построению действующей модели языка смысл – текст / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1969. – Вып. 11.
8. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2004.
9. Обелюнас, Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2012.
10. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М., 1995.

Bibliographi

1. Leontjev, A.A. Osnovih psikholingvistiki. – М., 1997.
2. Belyanin, V.P. Psikholingvistika. – М., 2003.
3. Nikitin, M.V. Osnovih lingvisticheskoy teorii znacheniya. – М., 1988.
4. Shakhovskiy, V.I. Kritika i bibliografiya / V.I. Shakhovskiy, V.I. Karasik // Filologicheskie nauki. – 1990. – № 2.
5. Zvegincev, V.A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazhku i rechi. – М., 1976.
6. Zhinkin, N.I. Rechj kak provodnik informacii. – М., 1982.
7. Zholkovskiy, A.K. K postroeniyu deystvuyuthey modeli yazihka smihsl – tekst / A.K. Zholkovskiy, I.A. Meljchuk // Ma-shinnihy perevod i prikladnaya lingvistika. – М., 1969. – Vihp. 11.
8. Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ehkspertizh / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. – М., 2004.
9. Obelyunas, N.V. Konflikt interpretacij tekstov v aspekte oppozicii sobitiynoy i ocenochnoy informacii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI): avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Barnaul, 2012.
10. Riker, P. Konflikt interpretacij: ocherki o germenevtike. – М., 1995.

Статья поступила в редакцию 06.06.12

УДК 81'373.612.2

Kireeva D.M. THE ORIGIN OF THE BLENDING THEORY. The aim of this paper is to offer a brief overview of the origin of the Blending Theory and to explain how this approach can be applied to the understanding of the metaphorical expressions. The general frame of the reference used is that of cognitive semantics.

Key words: mental spaces, many-space model, generic space, input spaces, blended space or blend.

Д.М. Киреева, канд. филол. наук, ст. преп. каф. английского языка ГАГУ, г. Горно-Алтайск,
E-mail: DaryaMKireeva@gmail.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Целью настоящей статьи является краткое рассмотрение происхождения теории концептуальной интеграции и объяснение того, как данный подход может быть использован для понимания метафорических выражений. Статья выполнена в русле когнитивной семантики.

Ключевые слова: ментальные пространства, многопространственная модель, родовое пространство (РП), входные пространства (ВП), выходное смешанное пространство (ВСП) или бленд.

Концептуальная интеграция (conceptual integration or conceptual blending) – это теоретический подход, разработанный Ж. Фоконье и М. Тернером и созданный для объяснения того, как происходит интеграция информации, накопленной человеческим опытом.

Теория ментальных пространств локализует значение в ментальных репрезентациях говорящих и выстраивает (в сознании) лингвистические структуры как сигналы, которые побуждают говорящих устанавливать элементы в референциальной структуре. Элементы в ментальных пространствах только опосредованно относятся к объектам в реальном мире. Теория ментальных пространств не только рассматривает значение в лингвистике, но и может быть применена для объяснения значения в других доменах, включающих математику, жесты, музыку и др. [1, с. 176].

Ментальные пространства содержат частичные репрезентации сущностей и отношений любого сценария как воспринимаемого, воображаемого, хранящегося в памяти или как-то иначе понимаемого говорящим. Вследствие того, что один и тот же сценарий можно по-разному выстроить в сознании, ментальные пространства часто используются для разделения поступающей информации об элементах в референциальной репрезентации [1, с. 176-177].

Ж. Фоконье (цит. по [2, с. 172]) отмечает, что ментальное пространство представляет собой среду концептуализации и мышления. Тем самым любой конкретной ситуации, находящейся в процессе становления, в нашей концептуализации соответствует ментальное пространство. К ментальным пространствам относятся, например, непосредственно данная нам реальность – так, как мы ее понимаем; вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах, и т.д.; прошлое или будущее ситуаций; гипотетические ситуации; сфера абстрактных категорий, например, область общих понятий (экономика, политика, физика), область математических концептов и т.д.

Дж. Лакофф [2, с. 172-173] отмечает, что ментальные пространства обладают следующими основными свойствами: они могут включать ментальные сущности; могут структурироваться когнитивными моделями; могут быть связаны с другими пространствами теми структурами, которые Ж. Фоконье называет коннекторами (connectors); способны расширяться т.к. в процессе когнитивной деятельности к ним могут присоединяться другие сущности и другие ИКМы (Идеализированные Когнитивные Модели).

Дж. Лакофф далее замечает, что согласно Ж. Фоконье, в когнитивных процессах, основанных на ментальных пространствах, используются следующие стратегии: устранение имеющихся в пространстве противоречий; максимально возможное увеличение общих базовых предпосылок (background assumptions) смежных пространств; перемещение элементов, находящихся в центре внимания данного пространства, на задний план в будущих пространствах.

На основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона была разработана теория, получившая название «Теория концептуальной интеграции» (Conceptual Integration Theory или Blending Theory). Важно отметить, что не все метафоры можно анализировать исходя из теоретических принципов теории концептуальной интеграции. К блендам нельзя относить базовые или первичные метафоры (primary metaphors), которые, как отмечает Дж. Грейди [3, с. 84-85], напрямую связаны с универсальным человеческим опытом, независимым от особенностей культуры.

Обратим внимание на элементы концептуальной интеграции. Основатели рассматриваемого подхода М. Тернер и Ж. Фоконье предложили многопространственную модель (many-space model) метафоры, которая явилась альтернативой двухдоменной модели (two-domain model). В рамках последней метафора основывается на взаимодействии двух концептуальных пространств – области цель и области источник. Важно отметить, что реальная структура знаний о мире, которая задействуется в метафоре, необязательно открывает возможность конструирования и интерпретации метафоры на основе только этих двух пространств. Например, случается, что определенное знание более низкого уровня является общим для каждого пространства и действует в качестве посредника между концептуальными сферами. Зачастую продуктом метафоры становится новое концептуальное пространство, которое структурно выводится из взаимодействия пространств источника и цели, но при этом обладает своим собственным концептуальным существованием. Схема концептуальной интеграции, предложенная Ж. Фоконье и М. Тернером, предоставляет теоретический аппарат для описания всех этих возможностей. В рамках данной схемы два традиционных входных пространства (input spaces) дополняются двумя дополнительными: *родовым пространством* (generic space) и выходным *смешанным пространством* (blended space). Взаимодействие содержательных пространств, приводящее к концептуальному смешению, показано на рис. 1.

Два **входных пространства** (ВП 1, ВП 2) содержат прототипические черты концептов, которые участвуют в процессе интеграции. В. Крофт и Д.А. Круз [4, с. 207] отмечают, что входные пространства соотносятся с областью источник и областью цель в теории концептуальной метафоры.

Родовое пространство (РП) служит медиатором между содержанием входных пространств и содержит в себе атрибуты концептов, которые присутствуют в обоих входных пространствах. Родовое пространство устанавливает аналоговые коннекторы между входными пространствами, которые представлены жирными линиями в схеме интеграции. Коннекторы производятся посредством подстраивания (matching), т.е. такой концептуальной операции, которая ответственна за идентификацию межпространственных аналогов во входных пространствах. Коннекторы устанавливаются между подходящими элементами на основе тождества, роли, а также на базе метафоры [5, с. 409].

В модели Ж. Фоконье и М. Тернера [6 с. 47] эти пространства комбинируются посредством образно-схематического выстраивания концепта и производят еще одно, независимое **выходное смешанное пространство** (ВСП) или **бленд**, несущее результирующую интегрированную структуру. *Важно отметить, что не все элементы и отношения проецируются из входных пространств в бленд, иначе говоря, происходит выборочная проекция (selective projection)*. В смешанном пространстве формируется новая или эмерджентная структура посредством смешения концептуального материала входных пространств.

Эмерджентная структура генерируется через композицию (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). Когда происходит композиция, осуществляется проекция содержаний из каждого входного пространства в выходное смешанное пространство. Необходимо обратить внимание на то, что в этот процесс вовлечены личностное понима-

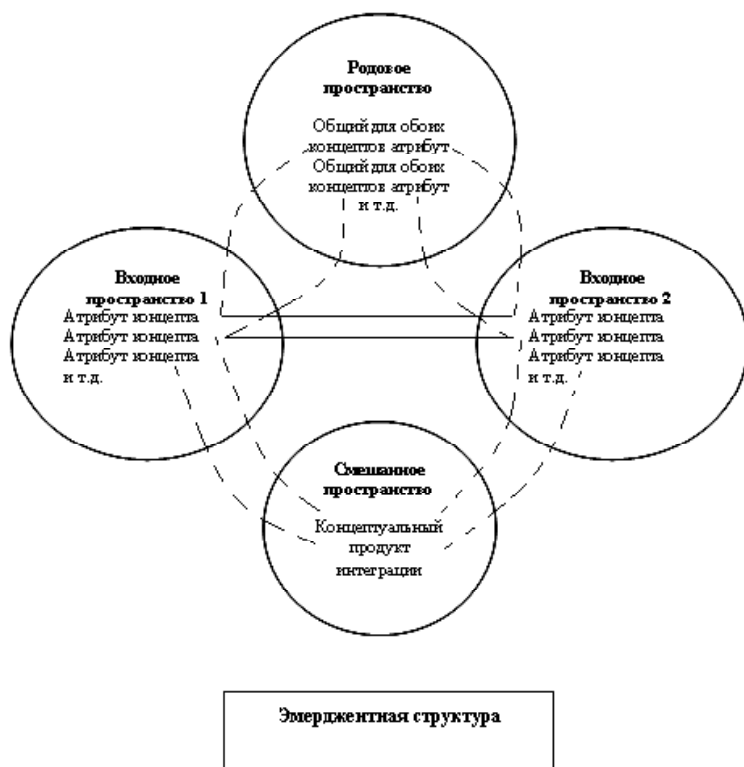

Рис. 1. Схема модели смешанных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера

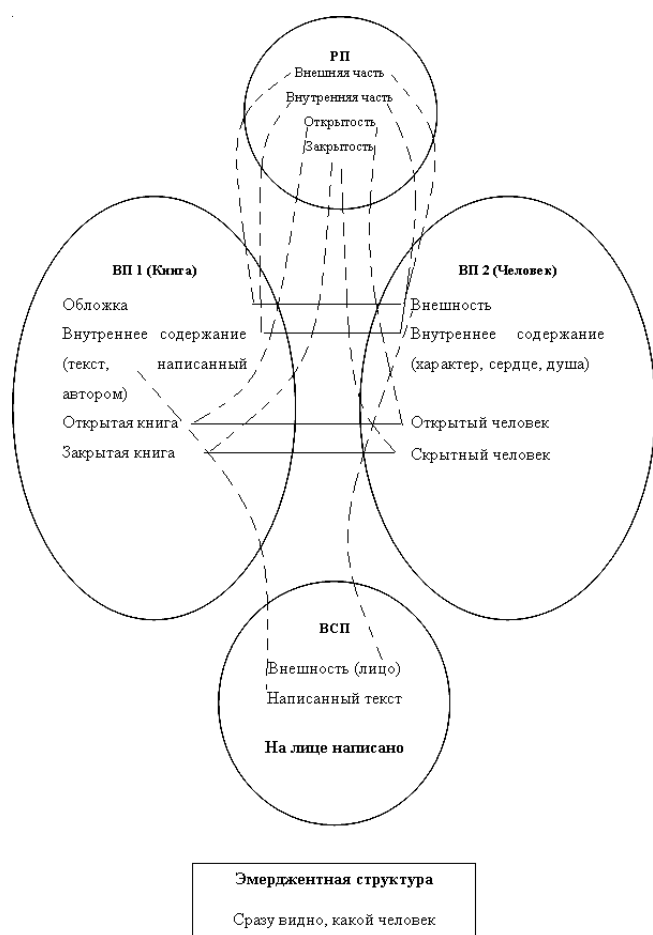

Рис. 2. Схема «На лице написано»

ние и ассоциации, которыми владеет субъект. Завершение – процесс, в результате которого полученное смешанное выходное пространство, а именно структура, спроецированная от ВП 1 и ВП 2, соотносится с информацией в долгосрочной памяти. Развитие – последующее мысленное моделирование и формирование смешанного концепта [3, с. 107]. После того как устанавливаются связи с долгосрочным знанием о данном смешении, мы можем развивать и строить дальнейшие возможные пространственные модели по различным траекториям, основываясь на условиях оптимальности, отмеченных Ж. Фоконье и М. Тернером [7, с. 477-478].

Для иллюстрации вышесказанного проанализируем метафорическое выражение *It's written all over somebody's face/На лице написано*. Данное выражение является блендом, основанным на такой концептуальной метафоре как MAN IS A BOOK/ЧЕЛОВЕК – ЭТО КНИГА. Атрибуты ВП 1 (книга) соотносятся с атрибутами ВП 2 (человек) следующим образом: обложка книги соответствует внешности человека; внутреннее содержание книги (текст, написанный автором) – внутреннему содержанию человека (характер, сердце, душа); открытая книга – открытому человеку; закрытая книга – скрытому человеку. В бленд проецируется такой атрибут из ВП 1, как внутреннее содержание, т. е. текст, написанный автором, а из ВП 2 внешность человека, а именно лицо как часть головы, привлекающая внимание (salient), и по которой судят о внешности. Таким образом, каждый из организующих фреймов вносит свой вклад в бленд и, благодаря этой проекции, получаем *It's written all over somebody's face/На лице написано*. Эмерджентное значение ('сразу видно, какой человек') представляет собой дополнительную структуру, обеспеченную блендом (рис. 2).

Итак, концептуальная интеграция – это основная умственная способность, которая приводит к глобальному проникновению в суть концепта. Концептуальная интеграция играет основополагающую роль в процессе конструирования значения. Цель данной мыслительной операции состоит в выстраивании частичных соответствий между входными ментальными пространствами и в выборочной проекции атрибутов каждого из ВП в новое смешанное пространство (бленд), где происходит возникновение эмерджентной структуры. Следовательно, теория концептуальной интеграции – это шаг вперед как в разработке интерпретации концептуальных метафор, так и в рассмотрении отдельных метафорических выражений.

Библиографический список

1. Coulson, S. Blending Basics / S. Coulson, T. Oakley // *Cognitive Linguistics* 11 – 3/4, 2000.
2. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М., 2004.
3. Grady, J. Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in cognitive linguistics* / G. Steen and R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999.
4. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse – Cambridge University Press, 2004.
5. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green – Edinburgh University Press, 2006.
6. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002.
7. Fauconnier, G. *Metaphor, Metonymy, and Binding* / G. Fauconnier, M. Turner // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. By Reni Dirven; Ralf Pürings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Bibliography

1. Coulson, S. Blending Basics / S. Coulson, T. Oakley // *Cognitive Linguistics* 11 – 3/4, 2000.
2. Lakoff, Dzh. *Zhenthinih, ogonj i opasnihe vethi: Chto kategorii yazyhka govoryat nam o mihshlenii* / per. s angl. I.B. Shatunovskogo. – M., 2004.
3. Grady, J. Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in cognitive linguistics* / G. Steen and R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999.
4. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse – Cambridge University Press, 2004.
5. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green – Edinburgh University Press, 2006.
6. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002.
7. Fauconnier, G. *Metaphor, Metonymy, and Binding* / G. Fauconnier, M. Turner // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. By Rene Dirven; Ralf Porings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Статья поступила в редакцию 09.07.12

УДК 81

Kosolapova T.V. GENDER PECULIARITIES OF INDIVIDUAL PERSONALITY REALIZATION IN THE TEXTS OF ENGLISH RÉSUMÉS. In the article lexical peculiarities of the not-template meaningful blocks, which are specific for men and women are analyzed, individual author's characteristics of resume texts are defined.

Key words: resume, meaningful block, style individualization, employment (career) objective, summary of qualifications, core strengths, work experience.

T.B. Косолапова, преп. каф. лингвистики и МКК Самарской гос. академии культуры и искусств, г. Самара, E-mail: kosolapova.tatyana.valeryevna@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются лексические особенности нешаблонных смысловых блоков резюме, характерные для мужчин и женщин, определяются индивидуальные авторские особенности текста резюме.

Ключевые слова: резюме, смысловой блок, индивидуализация стиля, цель резюме, квалификации, сильные стороны, опыт работы.

В настоящее время развитие документной лингвистики неизменно происходит в сопряжении с изменяющимися социокультурными условиями развития общества. Комплекс новых современных условий существования англоязычного документооборота, особенно в секторе частной деловой документации, порождает необходимость в привлечении новых методов и подходов к изучению текстов деловых документов. Резюме является ярким примером частной деловой документации, совмещающее в себе традиционное шаблонное оформление и новые тенденции в структурно-композиционной организации и лексических особенностях текстов. Несмотря на наличие определенного рода шаблона в оформлении резюме, их тексты содержат индивидуальные особенности, посредством которых проявляется авторское своеобразие лексического материала. В этом случае несомненно актуальным является привлечение методов гендерного исследования к текстам англоязычных резюме. Для современной документной лингвистики становится уже недостаточным описание типологических и компонентных характеристик частных документов, она требует нового лингвистического подхода к описанию их личностно-ориентированных коммуникативных особенностей, который и предлагается в настоящей статье. Разработанный нами структурно-личностный подход для анализа текстов частной деловой документации на английском языке представляет собой научную новизну исследования. Подход основан на изучении лингвистических признаков индивидуализации стиля и личностной ориентации информации в текстах англоязычной частной деловой документации на уровнях имплицитной и эксплицитной. Научная проблема состоит в том, что резюме как деловой документ частного характера нуждается в комплексном лингвистическом описании не только его типологических и структурно-композиционных, но и прагматико-речевых характеристик. Более того, тексты резюме необходимо анализировать с позиции их гендерной ориентированности. Результаты гендерного лингвистического исследования текстов англоязычных резюме представляются возможными для применения в практике преподавания иностранного языка в языковом вузе, в теоретических курсах документной лингвистики, стилистики, в спецкурсах по деловому общению и гендерному анализу, автороверческой лингвистической экспертизе текста, планированию речевого взаимодействия для гармонизации деловых межкультурных контактов.

В последнее 10-15 лет наблюдается интенсивный прирост трудов по изучению гендерных особенностей, реализуемых в профессиональной сфере. Одной из первых работ, которая внесла неоспоримый вклад в исследование проявления гендера на рабочем месте, является работа Д. Таннен «Talking from 9 to 5: Women and Men at Work». Автор анализирует речь мужчин и женщин в различных профессиональных ситуациях – при решении проблем, в отношениях, когда женщина является руководителем, пытается дать объяснение, почему мужчины и женщины обращаются к разным стратегиям коммуникативного взаимодействия на работе. В своей книге Таннен придерживается мнения, что гендер не является основным фактором выбора того или иного коммуникативного поведения, а представлен элементом комплекса личностных факторов (территориальных, классовых, этнических, религиозных, возрастных и духовных). Таннен отмечает, что стратегии общения у мужчин и женщин на рабочем месте представляют собой коммуникативные ритуалы (conversational rituals), которые реализуются как коммуникативные тенденции и не являются абсолютными нормами речевого поведения. Женщинам труднее находить подходящие коммуникативные тенденции, поскольку они исторически позже вошли в группу работающих являются по мнению Таннен «исторически не типичными работниками» [1, с. 21-132].

О гендерных особенностях проявления власти и дискриминации женщин на рабочем месте говорит Г. Брэдли в книге «Gender and power in the workplace». Используя оригинальный лингвистический материал, собранный на основе интервью мужчин и женщин из пяти общественных организаций, автор рассматривает, как гендерные процессы проявляются в различных

профессиональных сферах. Автор разрабатывает новый подход в изучении стратегий получения власти и подавление мужского доминирования у женщин и гендерные стратегии мужчин, пытающихся сдерживать женские «посягательства» на власть. Сейчас этот подход активно используется в западных исследованиях комплексного проявления властных отношений на работе между мужчинами и женщинами [2, с. 45-128].

Стратегии успешности мужчин и женщин – одно из наиболее популярных направлений как в западной, так и в отечественной науках. Основной сферой интересов исследований является анализ мужских поведенческих установок, лингвистическое осмысление речи руководителей-мужчин и создание на базе маскулинных стратегий успешности их женские варианты, помогающие женщинам продвигаться по карьерной лестнице. По мнению М. Брезински, высокостатусная работа всегда оценивается обществом как мужская. Женщины, желающие иметь равные шансы на борьбу за лидерство и добиться успеха в карьере, интуитивно подстраивают свое профессиональное поведение и речь под мужские установки [3, с. 118-149].

Интересны исследования мужчин, направленные на помощь женщинам в получении желаемой руководящей должности. Так, Л. Франкел в двух книгах под общим названием «Nice girls don't get it» изучает наиболее распространенные ошибки, мешающие женщинам добиться успеха. Автор считает, что для женщины создать благоприятное впечатление и быть милой гораздо важнее, чем добиться успеха [4; 5].

Все вышеперечисленные исследования касаются, по большей части, гендерных аспектов устной деловой коммуникации, а также исследованию профессионального тезауруса и социокультурных особенностей, проявляемых в профессиональной сфере. Степень изученности проявления гендера в письменной деловой коммуникации на наш взгляд представляется крайне малой и практически не исследованной. Однако несомненный интерес представляют не только нормы функционирования устной речи в профессиональной сфере мужчин и женщин, стратегии успешности, но и особенности письменной речи мужчин и женщин в профессиональной сфере.

Настоящее исследование текстов англоязычных резюме на предмет проявления в них гендерных особенностей вносит вклад в изучение письменной профессиональной коммуникации. Для исследования нами были отобраны 536 резюме на английском языке, выбранных методом сплошной выборки с англоязычных электронных бирж труда, где они были размещены в период с 2006 по 2011 гг.

Нами определено, что тексты резюме обладают достаточной стандартизированной шаблонной структурой, однако степень шаблонности содержащихся в них компонентов различна. Так, установлено, что такие смысловые блоки резюме как EDUCATION AND / OR TRAINING, AWARDS AND HONORS, MILITARY SERVICE, RELATED OR EXTRACURRICULAR ACTIVITIES, SPECIAL SKILLS, PERSONAL DATA, REFERENCES, TECHNICAL SKILLS, CAREER ACHIEVEMENTS, PROFESSIONAL DEVELOPMENT, INTERNSHIPS, MEMBERSHIPS, PORTFOLIO, ABILITIES, TRAINING COURSES стандартизированы и составляются мужчинами и женщинами по единому шаблону, а блоки EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS, WORK EXPERIENCE не стандартизированы и не являются шаблонами по написанию. Выделенные четыре блока несут индивидуальную информацию о соискателе, которая варьируется в зависимости от выбранной должности, условий работы, полученных знаний и умений. Это некий взгляд на себя и свой профессиональный опыт со стороны. В блоках EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS соискатель характеризует себя как высококвалифицированного сотрудника, выделяет свои личностные и профессиональные качества, в блоке WORK EXPERIENCE описывает подробности опыта работы и перечисляет достигнутые успехи. В настоящей статье рассматриваются гендерные особенности лексических единиц, используемых в блоках EMPLOYMENT (OR CAREER)

OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS, т.к. в текстах именно этих блоков наиболее ярко выражается репрезентация гендерных факторов проявления индивидуально-личностного автора резюме. Слова и выражения из этих блоков несут в себе помимо основных значений «дополнительные оттенки», присутствующие в той или иной степени соискателям-мужчинам или соискателям-женщинам и характеризующие их.

Для исследования гендерных языковых особенностей, реализуемых в нешаблонных смысловых блоках EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS нами отобрано 727 единиц, включающих в себя отдельные слова, словосочетания и синтаксические конструкции. Слова и выражения из этих частей мы условно разделяем в исследовании на четыре смысловые группы: «Профессиональный опыт и образование» (176 единиц), «Коммуникативные навыки» (75 единиц), «Профессиональные навыки и умения» (192 единицы) и «Личностные качества и предпочтения» (284 единицы). Все выражения мы разделяем на два больших блока – слова и выражения, отобранные из мужских резюме, и слова и выражения, отобранные из женских резюме.

В группе «Профессиональный опыт и образование» собраны лексические единицы, связанные с описанием полученного образования, основного опыта работы, дополнительных аспектов учебы и работы. Опыт работы традиционно обозначается словами *track record, background, experience, career track, record, career*. Они представляют собой группу контекстуальных синонимов, поскольку синонимичны и взаимозаменяемы только в рамках текста документа. В равной степени мужчинами и женщинами используются только слова *experience* и *career*. Среди прочих вариантов обозначения опыта работы в женских резюме преимущественно встречаются слова *track record* и *background*, а в мужских – выражение *career track* или слово *record*. При описании опыта работы женщины используют прилагательные *broad, diversified, comprehensive, diverse, proven, significant, successful, comprehensive, impressive, solid, strong, growing professional, progressively responsible, skilled professional*, а мужчины – *early, IT, pioneering, significant, specialized, versatile, progressively leadership, cross-platform, broad, extensive, well-rounded, impressive, outstanding, accomplished, exemplary*.

Женщины, составляя резюме, уделяют больше внимания описанию полученного образования, чем мужчины. Для обозначения академического опыта в резюме обычно используются лексические единицы *knowledge, foundation, training, expertise, academic background, qualifications*. Первые четыре слова используются мужчинами и женщинами равнозначно, выражение *academic background* используется преимущественно в женских резюме, а слово *qualifications* чаще встречается в мужских резюме. Помимо них в резюме мужчин и женщин для описания образования используются глагольные конструкции *be qualified, be educated in, be strong in, be experienced in, be expert in, be practiced in, be professionally trained*. Мужчины стремятся дать комплексное описание своего профессионального опыта и образования, поэтому в их резюме частотны случаи употребления выражений типа *a unique combination of, rich mix of, unique blend of skills and experience, unique mix of experience and knowledge*.

Анализ языкового материала данной группы показал, что женщины имеют тенденцию к более детальному перечислению своих успехов, уделяя равное внимание как полученному образованию, так и профессиональному опыту. Мужчины же склонны к описанию больше опыта, чем образования. Однако при выборе слов и выражений для описания своих заслуг мужчины проявляют большую изобретательность и разнообразие в использовании языковых единиц, чем женщины.

Группа «Коммуникативные навыки» является самой малочисленной из всех представленных групп. На наш взгляд, это связано с тем, что описание коммуникативных способностей соискателя является второстепенной задачей и связано исключительно с характером профессиональной сферы и занимаемой должности. При перечислении основных коммуникативных навыков в резюме мужчин и женщин наблюдается сходство в использовании основных слов и выражений.

Мужчины и женщины среди основных навыков этой группы в равной степени указывают замечательные коммуникативные способности (*excellent / outstanding communication skills, proven ability to communicate effectively, superior telephone and customer service skills, excellent reporting skills*), навыки межличностного общения (*strong / excellent / solid / well-developed interpersonal skills, strong negotiating skills, excellent client relations skills, strong people skills*), умение владеть письменной и устной речью (*oral and written communication skills, be praised for written and verbal communication skills, superior written skills, written and oral fluency*),

владение иностранным языком (*bilingual, multilingual, fluent / semi-fluent in, basic understanding of (languages)*) и прочие навыки общения с людьми (*open communication, consultative sales style, caring and diplomatic communication manner, ability to break down cross-cultural communication barriers, comfortable communication, intercommunication skills, adept at communicating effectively, communicate warmly and diplomatically*).

Женщины в большей степени склонны выражать свою готовность к активному сотрудничеству в коллективе, находить общий язык с коллегами, чем мужчины. В своих резюме они зачастую указывают, что не только способны строить позитивные отношения, но и общаться с людьми, принадлежащими к разным социальным классам, имеющим разное происхождение и находящимся с соискателем в различных должностных отношениях. Для этого женщины используют подобные указанным синтаксические конструкции: *ability to establish and maintain solid relationships with co-workers, effectively collaborate with all levels of staff members, effectively communicate with people of all ages and cultural origin, inherent ability to manage all types of personalities*. При составлении резюме мужчины также уделяют особое внимание построению отношений, однако при описании навыков общения в коллективе указывают в основном умение находить общий язык с «ключевыми людьми», важными, например, для будущей компании или производства. Примером могут послужить синтаксические конструкции типа *cultivate and maintain relationships with key-industry people, talent for forging strong relationships with key decision-makers*.

В целом лингвистический анализ этой группы выявил, что женщины уделяют больше внимания описанию своих коммуникативных способностей, чем мужчины. Большое число лексических единиц и синтаксических конструкций для описания навыков общения в коллективе в резюме женщин свидетельствует о том, что они в большей степени нацелены на кооперативные отношения с коллегами «на равных», не проявляя признаков доминирования в коллективе. Мужчины описывают свои коммуникативные навыки более обобщенными фразами, отмечая, что готовы на активное сотрудничество с коллегами, которые потенциально могли бы оказаться полезными для реализации поставленных производственных задач.

В группе «Профессиональные навыки и умения» мужчины и женщины используют лексические единицы, обозначающие навыки организационной работы, решение производственных проблем, реализацию поставленных целей, навыки работы в коллективе. Среди навыков организационной работы женщины чаще отмечают умение адаптироваться к новым изменяющимся производственным условиям, сохранять спокойствие в рабочей обстановке, строить доверительные отношения с коллегами и клиентами, проявлять лидерские качества, эффективно работать, решать одновременно несколько задач. Мужчины в своих резюме уделяют особое внимание умению работать самостоятельно и руководить коллегами, поддерживать позитивные отношения с клиентами, активно работать над рядом задач одновременно, быть настроенным на эффективную работу. Особое внимание в резюме как мужчин, так и женщин занимает перечень профессиональных способностей соискателя. Для этого в мужских и женских резюме используются синтаксические конструкции с компонентами «*skills*», «*ability*», «*be able to*» и «*adapt*». Женщинами чаще используются фразы с компонентом «*skills*», а мужчинами с компонентом «*ability*», остальные компоненты используются мужчинами и женщинами в равной степени.

Исследованный лексический материал этой группы показал различие в употреблении слов и выражений в группе профессиональных навыков и умений, которое наблюдается в мужских и женских резюме. Мужчины в большей степени, чем женщины, внимательны и детальны при перечислении своих профессиональных качеств. В мужских резюме также проявляется большее разнообразие в использовании синтаксических конструкций для перечисления профессиональных навыков.

Самой многочисленной по количеству слов и выражений из всех четырех выделенных групп является группа «Личностные качества и предпочтения». При описании личностных качеств и характеристики своих предпочтений соискателями используются преимущественно прилагательные, существительные и простые синтаксические конструкции. В абсолютном большинстве женских резюме выявлены простые прилагательные, выражающие такие качества, как энергичность, надежность, умение сотрудничать, например: *accomplished, caring, collaborative, dynamic, energetic, enthusiastic, positive, reliable, trustworthy, well-versed, hands-on, sensitive to needs, versatile*. Несколько реже можно встретить прилагательные, определяющие соискателя-женщину как умного, исполнительного работника, например: *enterprising, executive, diligent, empathetic, innovative, proactive,*

savvy. Небольшое количество женских резюме в графе описания личностных качеств содержат прилагательные, которые определяют точность, тщательность работы женщины, ее физические или личностные качества.

Среди простых прилагательных, встречающихся в мужских резюме, самыми распространенными являются прилагательные, выражающие в своем большинстве профессиональные качества – ум, работоспособность, эффективность, предприимчивость, талант, например: *analytical, direct, dynamic, energetic, entrepreneurial, intelligent, meticulous, motivated, numerate, poised, productive, professional, progressive, resourceful, successful, talented, visionary*. На втором месте по частотности употребления стоят прилагательные, характеризующие гибкость, надежность, дружелюбие, общительность, например: *capable, competent, diplomatic, friendly, accountable, innovative, knowledgeable, outgoing, participate, tactful, thorough, trustworthy*. В ограниченном количестве отмечены случаи употребления прилагательных, относящихся к сфере общественных отношений и сотрудничества, например: *courteous, conversant, devoted, drug-free, encouraging, fast, firm, organized, patient, personable, selfless, physically fit*.

Мужчины и женщины активно используют не только разнобразные прилагательные, но и существительные. К примеру, описывая себя, женщины часто позиционируются как профессионалы, члены групп, специалисты по решению задач, организаторы в коллективе, волонтеры, инициативные работники, быстро обучающиеся всему новому. Мужчины видят себя в качестве членов команды, лидеров, готовых к переездам, разработчиков, экспертов, исследователей рынка, стратегов, тактиков, инвесторов, исполнителей, презентаторов, специалистов по решению проблем, инициативных работников, тактичных помощников, первоклассных специалистов, способных улаживать конфликты.

В целом женщины при описании своих личностных характеристик более детальные, чем мужчины. Главной целью женского резюме является установление позитивных, доверительных отношений с коллегами и клиентами. Согласно резюме, для женщины желания и предпочтения клиентов важнее, чем собственные. Например, в резюме медсестры мы встречаем фразу «*commit to clinical excellence and a philosophy of "the patient comes*

first"», которая свидетельствует о том, что интересы пациента для этой медсестры стоят на первом месте. Такой «философией работы», определяющей, что клиент всегда главнее, пронизано большинство женских резюме. Мужчины также уделяют большое внимание интересам клиентов, однако главной целью работы ставят решение трудных задач, повышение коэффициента работоспособности, улучшение показателей прибыли и т.д. В одном из мужских резюме мы встречаем фразу: «*I disprove the words "It can't be done!"*», таким образом выражающую, что на работе нет неразрешимых задач. Подобные элементы «завышенной самооценки» встречаются в абсолютном большинстве мужских резюме.

Стилистический анализ текстов блоков EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS позволил выявить некоторые специфические гендерные особенности. Женщины при составлении резюме используют более нормированный язык, чем мужчины. Нейтральный стиль изложения с элементами деловой лексики является преобладающим в женских резюме. В ходе исследования текстов женских резюме слов, представляющих разговорную речь, не выявлено. Однако мужчины при описании опыта работы наряду с нейтральной лексикой используют разговорные слова и выражения. Используя разговорную лексику, мужчины стараются «приблизиться» к работодателю, вступить в равноправный диалог, показать, что они готовы к двухстороннему, взаимовыгодному профессиональному сотрудничеству. Доказательством этого служат не только разговорные слова, но и общая стилистика изложения материала. Женщины, наоборот, строгим стилем изложения материала стараются сделать резюме еще более профессиональным, отражающим большой опыт работы, при этом сохраняя профессиональную субординацию работодателя и подчиненного.

Специфика выделенных гендерных особенностей, реализуемых в средствах и способах организации текстов резюме, дают возможность говорить об индивидуально-авторском своеобразии, проявляемое при написании данных деловых документов частного характера. Помимо шаблонной формы построения материала, резюме обладают индивидуальными гендерными особенностями, которые необходимо учитывать при написании этих деловых документов.

Библиографический список

1. Tannen, D. Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace // Language, Sex, and Power. – N.Y., Avon, 1994.
2. Bradley, H. Gender and Power in the Workplace: Analysing the Impact of Economic Change. – England: Palgrave Macmillan, 1998.
3. Brzezinski, M. Knowing your value: women, money, and getting what you're worth. – N.Y., Weinstein Books Publishing, 2011.
4. Frankel, L.P. Nice Girls don't get the corner office: 101 Unconscious mistakes women make that sabotage their careers. – N.Y., Time Warner Book Group, 2004.
5. Frankel, L.P. Nice girls don't get it: 99 ways to win the respect you deserve, the success you've earned, and the life you want / L.P. Frankel. – N.Y., Time Warner Book Group, 2007.

Bibliography

1. Tannen, D. Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace // Language, Sex, and Power. – N.Y., Avon, 1994.
2. Bradley, H. Gender and Power in the Workplace: Analysing the Impact of Economic Change. – England: Palgrave Macmillan, 1998.
3. Brzezinski, M. Knowing your value: women, money, and getting what you're worth. – N.Y., Weinstein Books Publishing, 2011.
4. Frankel, L.P. Nice Girls don't get the corner office: 101 Unconscious mistakes women make that sabotage their careers. – N.Y., Time Warner Book Group, 2004.
5. Frankel, L.P. Nice girls don't get it: 99 ways to win the respect you deserve, the success you've earned, and the life you want / L.P. Frankel. – N.Y., Time Warner Book Group, 2007.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811.111

Kuppa N.S. COMPOUND VERBAL PREDICATE AS A FORM OF INDICATION THE INTENTIONAL MEANINGS.

The article aims at researching the grammatical and lexical means of expression intentionality in the English language. The semantics of the intentional verbs as the first part of a compound verbal predicate and all the factors of their distribution are being thoroughly discussed.

Key words: intention, intentionality, compound verbal predicate, grammatical and lexical means, verbs of intention, attempt, preparation, desire.

Н.С. Куппа, аспирант Лингвистического института АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: knaties@mail.ru

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

В статье представлены грамматические и лексические средства выражения интенциональности в современном английском языке. Автор анализирует семантику интенциональных глаголов в составе составного глагольного сказуемого и выделяет основные условия их функционирования.

Ключевые слова: намерение, интенциональность, составное глагольное сказуемое, грамматические и лексические средства, глаголы намерения, попытки, подготовки, желания.

Интенциональность является неотъемлемым признаком человеческой деятельности, так как все действия индивида, в том числе и речевая деятельность, осуществляется с определенной целью – идеальным или реальным предметом сознательного или бессознательного стремления субъекта, с помощью которого говорящий может получить желаемый результат.

Понятие интенциональности возникло впервые в рамках философии сознания, где оно рассматривается как важнейшее свойство сознания, благодаря которому его состояние характеризуется как имеющее содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающее определенный вид установки по отношению к этому содержанию [1, с. 7]. Под понятие интенциональности подводится все многообразие форм, в которых сознание может быть направлено на объекты объективной (или вымышленной) реальности. Поскольку намерение рассматривается как ингерентная составляющая выражения того или иного значения, в ходе философского анализа была сформулирована проблема выражения значения, в силу многоаспектности которой ее рамки расширились и естественным образом охватили область лингвистики. Объект исследования в этом случае позиционируется как пограничный, или переходный сегмент, а основные вопросы группируются в двух направлениях: вокруг языковой экспликации интенциональности как ментального состояния и в ракурсе уяснения интенциональности собственно речевого выражения.

В современных определениях термина интенциональности учеными акцентируются различные аспекты данного понятия. По определению логика Г. Грайса, интенциональность, характеризующая речевой акт, представляет собой намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение. Естественно, что условием успеха распознавания намерения индивида является его включенность в языковое сообщество [2]. Дж. Серль, следуя философской традиции, отмечает наличие множественности форм интенциональности, под которой понимается широкий спектр ментальных состояний, связанных с обращенностью сознания вовне, а не на самого себя. Он разграничивает понятия Интенциональности и интенции, отмечая, что намерение совершить какое-либо действие является лишь одной из форм интенциональности наряду с верой, желанием и т.п. [3, с. 18].

Понятие интенции является вектором активности человека, направленной на удовлетворение той или иной потребности, и носит сознательно-волевой характер побуждения к деятельности, в том числе и речевой, сохраняясь в течение длительного времени. Такое понимание интенции приравнивает его к понятию мотива – потребности выразить в речевом высказывании определенное содержание. Являясь исходным моментом суждения, мотив отражает направленность сознания, воли, чувства индивида на предмет речевой деятельности, причинами возникновения которой могут выступать потребности личности, мировоззрения, убеждения, идеалы и интересы индивида, социальные роли и установки. Таким образом, мотив – это внутреннее осознанное побуждение, отражающее готовность человека к речевому действию или поступку.

Отмечается, что мотив представляет собой результат степени осознания причин возникновения деятельности, а также намерения достижения цели, поскольку и то и другое может быть разной степени выраженности. В роли своеобразного стержня выступает вектор «мотив-намерение», организующий всю систему психических процессов и состояний, которые включаются в деятельность посредством мотивационной установки. Мотивационная установка является запланированным, но отсроченным намерением, которое будет осуществлено при появлении нужной ситуации, повода. По сути – это скрытое состояние доминанты, готовность к реализации намерения [4, с. 87].

В языковой репрезентации намерение может быть эксплицированным или имплицитным, то есть формально не представленным, но содержательно выводимым из контекста на основании присутствия в нем определенных маркеров. Используя непрямой, завуалированный способ выражения своего намерения, говорящий рассчитывает как на коммуникативный опыт адресата, так и на действие коммуникативной имплицитности – пресуппозиции, ситуативных и фоновых знаний собеседника. Пример: *I'm supposed to call him in four hours, to be exact* [Grisham, p. 304].

Под эксплицитностью понимается выраженность элементов языка и связей между ними. Эксплицитное намерение мо-

жет иметь специальные средства выражения: прямую или косвенную номинацию, фразеологизм или стилистические приемы: *He wants to cut a deal, and rather quickly* [Grisham, p. 292].

Впервые намерение говорящего с выбором грамматической формы, несущей определенную семантико-прагматическую функцию, связал А.В. Бондарко. Согласно разрабатываемой им теории, намерение характеризуется двумя признаками:

- 1) аспект актуальной связи данного значения с намерением говорящего в акте речи;
- 2) аспект смысловой информативности.

Так, намерение говорящего лежит в основе выражаемого в процессе речи и «готового» содержания, обладающего информативной значимостью. С другой стороны, смысловая информативность данного значения является необходимым условием использования в речи для реализации намерений говорящего [5, с. 29-36].

Являясь осознанным состоянием, предвосхищающим действие, намерение может быть определено, как значение, которое не является облигаторным в актуализации, как, например, время или характер протекания действия.

Известно, что состояния намерения могут быть эксплицированы следующими языковыми единицами: полнозначными и служебными словами, синтаксическими и лексико-синтаксическими конструкциями, глаголами речи, местоимениями, междометиями, модальными словами и частицами, побудительными, вопросительными и оптативными предложениями и синтаксическими структурами [6, с. 2]. В английском языке интенциональность включает разноуровневые единицы (грамматические и лексические), которые взаимодействуют на основе общности функции. К таким средствам можно отнести:

- грамматические обороты “to be going to + V inf”, “to be willing to + V inf”;
- временные формы Present Indefinite и Future Indefinite;
- собственно интенциональные глаголы в структуре составного глагольного сказуемого.

Наиболее близкими к интенциональным глаголам в передаче намерения являются грамматические конструкции “to be going to + V inf” и реже “to be willing to + V inf”. Например: *It was interesting – most interesting – and then Soames was so clever that they were sure he would do something with those pictures if anybody could; but what was his plan now that he had won his case: was he going to leave London at once and live in the country, or what was he going to do?* [Galsworthy, p. 347].

Так, конструкция “to be going to” согласно толковому словарю в своем непосредственном значении “to intend to do something”, “to be about to do something” [7, с. 606] выражает уже не действие, а намерение совершения действия в ближайшем будущем.

Временные формы Present Indefinite и Future Indefinite также являются средствами выражения интенциональности в английском языке, в связи с их способностью выражать действие в будущем времени. Значение намерения совершить действие, в данном случае, имплицитно благодаря переосмыслению, т. к. в запланированном будущем действии субъекта, импликационалом выступает желание и намерение деятеля совершить данное, конкретное действие: “*I'd go straight up to the rector and tell him about it after dinner*” [Joyce, p. 57].

В представленном примере форма Present Indefinite выражает готовность субъекта выполнить конкретное действие “to go and tell” в будущем. Принятое говорящим твердое решение его совершить, как установленный план действия отображает запланированность, и как следствие намерение и желание его осуществить.

Репрезентация значения намерения в английском языке более всего связана с лексическим значением глагола, определяющим степень готовности произвести действие. В дистрибутивном плане глаголы намерения не являются самодостаточными, поскольку они обозначают «признак признака». Актуализационная комбинаторика глаголов намерения определяется моделью V int + V inf (глагол намерения + инфинитив). Таким образом, в структуре составного глагольного сказуемого, глаголы намерения являются ядерными, а инфинитивные группы – адьюнктивными или зависимыми. Например: *... while little Publius – who James delighted to say was not a bit like his father – skipping along under his lee, would try to get him to bet another penny that it never would, having found that it always did* [Galsworthy, p. 301].

Наличие семы [намерения] в интенциональном глаголе "to try" может быть выявлено, в первую очередь, с помощью дефиниционного анализа глагола. Первоочередным значением глагола "to try" является значение попытки совершения действия "to attempt", включающее значение приложения усилий к выполнению конкретной задачи "to effort", которое может рассматриваться как действие с положительным "to achieve" или отрицательным "to fail" результатами. Если действие ориентировано на успешный исход действия, то в семантику глагола "to achieve" включается значение тщательного планирования совершения действия "to plan", желание и намерение выполнения поставленной задачи "to intent". Таким образом, попытка осуществить конкретное действие "try to get him to bet another penny" включает в себя намерение и желание субъекта как необходимое условие его успешного выполнения. Схематично данная цепочка может быть представлена следующим образом:

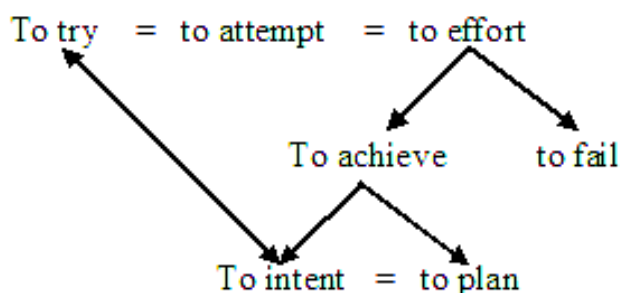

Рис. 1. Модель 1

Ситуация принятия решения осуществить действие, выраженная с помощью соответствующих глаголов (decide, resolve, determine, rule, settle), позволяет судить о том, какой логикой руководствовался субъект при принятии решения осуществить замысел, а также дает представление о планах субъекта на будущее: *For some minutes she could decide to make use of it, at last she let herself in and left the door open that anyone who came might see she was there on business* [Galsworthy, p. 360].

Глагол "to decide" в контексте данной ситуации обозначает результат анализа субъектом ситуации, и, как следствие, формирование окончательного решения о претворении в жизнь задуманного.

Семантика глаголов, обозначающих предварительную подготовку к осуществлению действия (arrange, plan, plot, prepare, project, design, meditate), имплицитно формирует в сознании субъекта самого намерения, его формы, метода реализации намерения, и также порядка достижения желаемого: *And then she plan to go first to Phil's aunt, Mrs. Baynes, and failing information there, to Irene herself* [Galsworthy, p. 259].

Интенциональный глагол "to plan" служит для демонстрации запланированности действия "to go first to Mrs. Baynes, and to Irene herself", что указывает на направленность осуществления четко продуманного намерения.

Глаголы подгруппы желания совершить действие (desire, want, yearn, wish, covet, crave, long, pine) включают в себе общее значение желательности задуманного и употребляются в таких ситуациях, где нет необходимости передавать степень интенсивности стремлений: *I want to go home. Please come and take me home* [Joyce, p. 17].

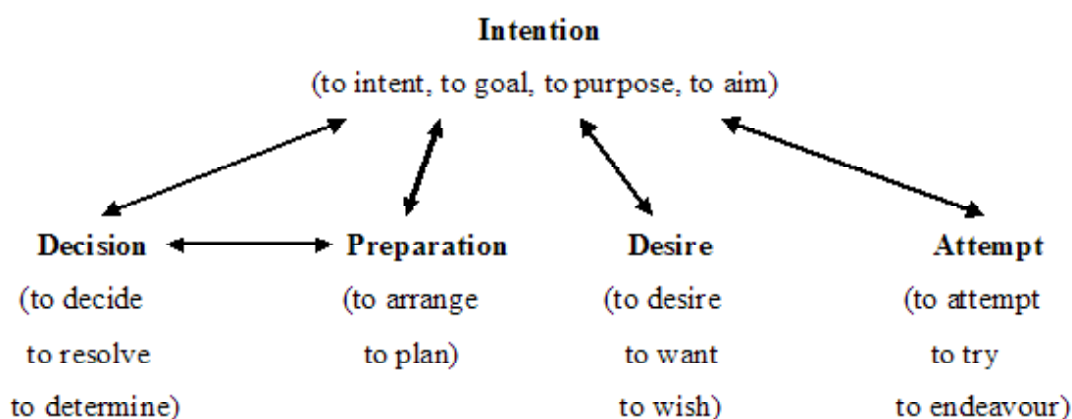

Рис. 2. Модель 2

Корпус глаголов намерения, которые встречаются в структуре двусоставного глагольного сказуемого, неоднороден. По критерию «стадии намерения» субклассификация включает собственно интенциональные глаголы (intend, mean, aim), глаголы, обозначающие сформированное решение осуществить действие (decide, resolve, determine), глаголы, обозначающие предварительную подготовку к осуществлению действия (arrange, plan, plot, prepare), глаголы желания совершить действие (desire, want, yearn, wish, long, pine), и глаголы попытки (attempt, endeavour, try) [8, с. 60].

Собственно интенциональные глаголы, обозначающие желание осуществить действие (intend, mean, aim), имеют широкое многообразие индивидуальных значений отдельных единиц, однако признак внутреннего проявления намерения совершить действие, объединяет их в единое целое. Особенностью глаголов представленной подгруппы являются их сочетаемостные возможности, выражающиеся в том, что, передавая идею намерения, они могут сочетаться только с теми действиями, которые действительно можно осуществить: *"Cheap or not, I mean to have it, he thought"* [Galsworthy, p. 70].

Являясь смысловым центром предложения, интенциональный глагол "to mean" в структуре составного глагольного сказуемого выражает внутреннюю направленность субъектом на осуществление действия, характеризующегося твердой решимостью, имплицитно открытое признание говорящим своего намерения, и осмысления субъектом возможностей его осуществления.

Выбор лексических единиц обусловлен эмоциональным состоянием говорящего: в данном примере глагол желания в совокупности с вежливой формой передачи просьбы и эпитетом передают потребность субъекта в его отъезде домой.

Последняя подгруппа, а именно глаголы попытки (attempt, endeavour, try, struggle, strive, exert), отображает различные аспекты ситуации, которые характеризуется материализацией принятой субъектом целеустановки в виде попытки осуществления задуманного им действия. Например: *We knew perfectly well or course that though it was bound to come to the light he would find considerable difficulty in endeavouring to try to endeavour to ascertain the spiritual plenipotentiary and so we knew of course perfectly well* [Joyce, p. 122].

Составное глагольное сказуемое "endeavouring to try to endeavour to ascertain" с гиперсемой [намерение] имплицитно наличие в ситуации усилий, прилагаемых конкретным лицом с целью реализации действия – покинуть церковь. В примере глагол "to try" выражает намерение совершения действия с учетом определенных препятствий, мешающих выполнению действия и, как следствие, отсутствие полной уверенности в успехе.

Графически все представленные группы глаголов намерения можно обозначить с помощью следующей модели:

Представленная модель четко демонстрирует, что ядром глаголов намерения являются собственно интенциональные глаголы, стрелки показывают зависимость компонентов от данной группы глаголов и взаимодействие глагольных элементов между собой.

Специфика интенциональных глаголов определяется тем, что значение намерения зависит от окружения. Окружение, в котором данные глаголы выражают значение интенциональности, состоит из имени, обозначающего одушевленное лицо, и второго компонента двусоставного глагольного сказуемого – неличной формы глагола (инфинитива), которое называет действие, на которое направлено намерение субъекта. Если данные условия окружения не соблюдены, структуры с данными глаголами не выражают значение интенциональности. Например: *He did not want to believe that she was really avoiding them – it would mean too much* [Galsworthy, 90]. *"I can't see what it is, said Bosinney, you want one of Littermaster's houses – one of the pretty and commodious sort ..."* [Galsworthy, p. 110].

Представленные примеры демонстрируют, что при несоблюдении условий окружения, т. е. в данном случае, вне структуры составного глагольного сказуемого, собственно интенциональный глагол "to mean" и глагол желания совершить действие "to want" теряют значение намерения.

Библиографический список

1. Шакирова, Э.Р. Интенция говорящего и аспект ее реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.
2. Грейс, Г.П. Логика и речевое общение. – М., 1985.
3. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний. – М., 1987.
4. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2003.
5. Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике. – М., 1994.
6. Кобозева, И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания: теоретические предпосылки // Материалы конференции Диалог 2003 – Протвино, 2003.
7. Рунделл, М. Толковый словарь английского языка Макмиллан. – Л., 2002.
8. Казыдуб, Н.Н. Интенциональные глаголы (семантика, парадигматика, синтагматика). – Л., 1991.

Bibliography

1. Shakirova, E.R. Intenciya govoryatogo i aspekt ee realizacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2003.
2. Grayjs, G.P. Logika i rechevoe obshenie. – M., 1985.
3. Serlj, Dzh. Priroda intencionalnihkh sostoyaniy. – M., 1987.
4. Iljin, E.P. Motivaciya i motivih. – SPb., 2003.
5. Bondarko, A.V. K probleme intencionalnosti v grammatike. – M., 1994.
6. Kobozeva, I.M. K raspoznavaniyu intencionalnogo komponenta smysla vihskazivaniya: teoreticheskie predposylki // Materialih konferencii Dialog 2003 – Protvino, 2003.
7. Rundell, M. Tolkovihyj slovarj angliyskogo yazihka Makmillan. – L., 2002.
8. Kazhdub, N.N. Intencionalnihe glagoli (semantika, paradigmatica, sintagmatika). – L., 1991.

Статья поступила в редакцию 13.06.12

УДК. 811.512.157

Levin G.G. TURKIC AND MONGOLIAN LEXICAL ELEMENTS IN NUMERALS OF THE ANCIENT TURKIC AND YAKUT LANGUAGES. Interconnection of the Yakut and ancient Turkic languages in some lexical semantic group is compared in this paper. The main aim of the paper is to determine the criteria of interactions between the Yakut and ancient Turkic languages. The eastern Turkic and Mongol languages were used as comparative material. Qualitative-statistical and structural semantic peculiarities of lexical parallels are described in detail. Stability and inconstancy of stem structures and character of inconstancy of lexical meanings of reflexes in concrete structural types are determined here.

Key words: lexical semantic group, turkic and Mongol languages, Yakut language, structural semantic peculiarities, numerals.

Г.Г. Левин, канд. филол. наук, доц., каф. якутского языка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: Levgerger@yandex.ru

ТЮРКСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассмотрена взаимосвязь якутского и древнетюркского языков в именах числительных. В качестве сравнительного материала привлечены материалы восточно-тюркских и монгольских языков. Проведено определение критериев взаимоотношения между якутским и древнетюркским языками. Сделан подробный анализ количественно-статистических и структурно-семантических особенностей имен числительных. Определена устойчивость и изменчивость структурных оформлений основ и характер изменчивости лексических значений имен числительных в конкретных структурных типах.

Ключевые слова: лексико-семантические группы, тюркские и монгольские языки, якутский язык, структурно-семантические особенности, имена числительные.

Как известно, имена числительные относятся к устойчивому пласту лексической системы любого языка. Количественные числительные якутского языка в основном совпадают с соот-

ветствующими числительными древнетюркского и современных тюркских языков. При сравнительном анализе выявляются лишь незначительные отклонения преимущественно фонетического

характера, например, як. **biir** // др. тюрк. **bir** «один», як. **bids** // др. тюрк. **bids** «пять». Определяется близость якутских и древнетюркских имен числительных также в названиях составных числительных: як. **a'is uon** // др. тюрк. **sdkiz on** «восемьдесят», як. **otut orduga biir** // др. тюрк. **otuz artuqi bir** «тридцать один». Счет с помощью слова **orduga** в якутском языке считается архаичным, типичным для ранней ступени освоения десятичной системы исчисления.

Вопросы сравнительного изучения имен числительных тюркских и якутского языков затрагивались в работах О.Н. Бетлинга, Л.Н. Харитонова, Э.Р. Тенишева, Г.Г. Левина, Е.И. Избековой [1-5]. Однако вопросы общего количества параллелей в именах числительных, количества тюрко-монгольских репрезентаций (имен числительных); критерии устойчивости структурных оформлений и устойчивости структурно-семантической и структурно-фонетической канвы тюрко-монгольских имен числительных все еще остаются изученными слабо.

Количественно-статистическая характеристика. В древнетюркских письменных памятниках выявлено 17 имен числительных, из них 16(94,1%) имеют лексические параллели в якутском языке. Количественное соотношение лексических параллелей в письменных памятниках представляется так: в орхонских текстах из 17 имен числительных в якутском языке лексические рефлексy имеют 16(94,1%), в енисейских эпитафиях из 16 отмечается 15(93,7%), в восточно-туркестанских текстах из 15 выявляется 14(93,3%).

Односложные основы

VC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **üč** 'три' // як. **üs**, ср.: алт., хак., кирг., уйг. **üč**, тув. **üš** 'три'; 2) орх., ен., уйг.(рун.) **on** 'десять' // як. **uon** 'десять', ср.: алт., хак., тув., кирг., уйг. **on** 'десять';

CVC: 1) орх., ен. **biñ**, уйг. (рун.) **miñ** 'тысяча' // як. **muñ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.', ср.: алт., хак., тув. **muñ**, кирг., уйг. **miñ** 'тысяча', монг., бур. **mangan**, ср.-монг. **manqan**, **milan**, м.-п. **milEan** 'тысяча' 2) орх., ен., уйг. (рун.) **bir** 'один' // як. **biir** 'один', ср. алт., тув., кирг., уйг. **bir** 'один, единица', монг. **bür** 'каждый, всякий', бур., м.-п. **büri**, ср.-монг. **huri** 'каждый, все', п.-монг. **büri** 'каждый, все'; 3) орх. **bäs**, ен., уйг(рун.) **bäs** 'пять' // як. **biäs** 'пять', ср.: алт., тув., кирг. **beş**, хак. **pis**, уйг. **беш** 'пять'; 4) орх., ен., уйг(рун.) **jüz** 'сто' // як. **süüs** 'сто', ср.: алт. **d'üc**, хак., тув. **čüs**, кирг. **žüz**, уйг. **jüz** 'сто; сотня'.

CVCC: орх., ен., уйг. (рун.) **tört** 'четыре' // як. **tüört** 'четыре', ср.: алт., хак., кирг., уйг. **tört**, тув. **dört**, монг. **döröv**, бур. **dürbe**, ср.-монг. **dörben** 'четыре', п.-монг. **dörbe** 'четыре'.

Двухсложные основы

VCV: орх., ен. **äki** 'два', уйг(рун.) **iki** // як. **ikki** 'два', ср.: алт., кирг. **äki**, хак. **iki**, тув. **iji**, уйг. **ikki** 'два', монг. **ixer**, бур. **exir**, п.-монг. **eker** 'близнецы'.

VCVC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **otuz** 'тридцать' // як. **otut** 'тридцать', ср.: алт. **odus**, хак. **otis**, кирг. **otuz**, уйг. **ottuz** 'тридцать'; 2) орх., ен. **älig** 'пятьдесят' // як. **ilii** 'рука', ср.: алт. **öliü**, хак. **ilig**, кирг. **äliü**, уйг. **ëlik** 'пятьдесят'.

CVCV: орх., ен., уйг. (рун.) **jiti** // як. **sättä** 'семь', ср.: алт. **d'eti**, хак. **čiti**, тув. **čedi** чеди, кирг. **žeti**, уйг. **jëttë** 'семь'.

VCCV: орх., ен., уйг. (рун.) **altı** 'шесть' // як. **alta** 'шесть', ср.: алт., хак., кирг. **altı**, тув. **aldı**, уйг. **altë** 'шесть'.

CVCVC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **säkiz** 'восемь' // як. **ağis** 'восемь', ср.: алт., кирг. **segis**, хак. **sigis**, тув. **ses**, уйг. **sëkkiz** 'восемь'; 2) орх., ен., уйг. (рун.) **tokuz** 'девять' // як. **toğus** 'девять', ср.: алт., кирг. **toğus**, хак. **toğis**, тув. **tos**, уйг. **toqquz** 'девять'; 3) орх., уйг. (рун.) **tümän** 'десять тысяч' // як. **ütümän** 'много, большой', ср.: алт. **tümän**, хак. **tüben**, кирг. **tümön** 'несметное количество, тьма, множество', тув. **tümen** 'десять тысяч; тьма, множество', уйг. **tümän** 'десять тысяч', монг. **tümen** 'десять тысяч; тьма, бесчисленное множество', бур., ср.-монг., п.-монг. **tümen** 'десять тысяч'.

Трехсложная основа

CVCVCCV: орх. ен. **jäğirmi**, уйг. (рун.) **jigirmi** 'двадцать' // як. **süürbä** 'двадцать', ср.: алт. черн. **jirme**, алт. **d'irmä**, хак. **čibirgi**, тув. **čäärbi**, кирг. **žijirma**, уйг. **jigirmä** 'двадцать', п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Основы, не имеющие в якутском языке параллелей

CVCC: орх., ен. **qırq** 'сорок', ср.: алт., кирг. **qırq**, хак. **qirıq**, уйг. **qiriq** 'сорок', монг. **qoriul** 'все двадцать', бур., ср.-монг., м.-п. **xori(n)** 'двадцать'.

Количественный анализ якутских и тюрко-монгольских лексических параллелей дан в нижеследующих таблицах.

Таблица 1

Количественная характеристика якутских параллелей по отношению к тюркским и монгольским рефлексам

Языки	Количество соответствий (%)			Общая сумма (%)
	Якутский язык			
	ОС	ДС	ТС	
Алтайский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Хакасский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Тувинский	7(100,0)	6(75,0)	1(100,0)	16/14(87,5)
Киргизский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Уйгурский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Халха- монгольский	3(50,0)	2(25,0)	0	16/5(31,2)
Бурятский	3(50,0)	2(25,0)	0	16/5(31,2)
Средне- монгольский	3(50,0)	1(12,5)	0	16/4(25,0)
Письменно- монгольский	3(50,0)	2(25)	1(100,0)	16/6(37,5)

Некоторые исследователи отмечают, что в якутском языке отсутствуют параллели к тюркским числительным **miK** 'тысяча', **tymdn** 'десять тысяч', вместо них употребляются заимствованные из русского языка **ты·ыыныча** «тысяча», **уон ты·ыыныча** «десять тысяч» [2]. Мы считаем, что древнетюркские числительные **miK** 'тысяча', **tymdn** 'десять тысяч' в якутском языке имеют лексические аналоги: як. **muK** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.', як. **tymdn** 'много, большой'. В этой связи эти числительные были включены в общий список древнетюрко-якутских параллелей.

Как видно из таблицы 1, в памятниках древнетюркской письменности количество имен числительных не имеет существенных различий. По количеству выявленных лексических рефлексов к якутскому языку близко находятся все тюркские языки, кроме тувинского языка. В этом плане из группы монгольских языков к якутскому близко стоит письменно-монгольский язык. Абсолютное количество лексических параллелей во всех тюркских языках и большинство лексических рефлексов в монгольских языках отмечаются в односложных основах.

Таблица 2

Количественная характеристика тюркских рефлексов по отношению к древнетюркским параллелям

ДТЯ	Количество соответствий (%)					
	Всего ОС/ДС/ТС	Алтайский	Хакасский	Тувинский	Киргизский	Уйгурский
ДТП	8/8/1	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)	7/6/1 (82,3)	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)
ОП	8/8/1	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)	7/6/1 (82,3)	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)
ЕП	8/7/1	8/7/1 (100,0)	8/7/1 (100,0)	7/5/1 (81,2)	8/7/1 (100,0)	8/7/1 (100,0)
ВТП	7/7/1	7/7/1 (100,0)	7/7/1 (100,0)	7/6/1 (93,3)	7/7/1 (100,0)	7/7/1 (100,0)

Таблица 3

Количественная характеристика монгольских рефлексов по отношению к древнетюркским параллелям

ДТЯ	Количество соответствий (%)				
	Всего ОС/ДС/ТС	Халха-монгольский язык	Бурятский язык	Средне-монгольский язык	Письменно-монгольский язык
ДТП	8/8/1	4/2/0 (35,2)	4/2/0 (35,2)	4/1/0 (29,4)	4/2/1 (41,1)
ОП	8/8/1	4/2/0 (35,2)	4/2/0 (35,2)	4/1/0 (29,4)	4/2/1 (41,1)
ЕП	8/7/1	4/1/0 (31,2)	4/1/0 (31,2)	4/0/0 (25,0)	4/1/1 (37,5)
ВТП	7/7/1	3/2/0 (33,3)	3/2/0 (33,3)	3/1/0 (26,6)	3/2/1 (40,0)

Из таблиц 2, 3 видно, что по количеству лексических рефлексов к древнетюркскому языку близко стоят все исследуемые тюркские языки, кроме тувинского языка. В тувинском языке отсутствуют параллели к древнетюркским числительным **отуз** 'тридцать', **длг** 'пятьдесят'. Из группы монгольских языков к древнетюркскому языку наиболее близко находится письменномонгольский язык.

Структурная и семантическая характеристика. Древнетюркские основы представлены структурными типами: ОС: VC – 2, CVC – 4, CVCC – 2; ДС: VCV – 1, VCV – 2, CVCV – 1, VCCV – 1, CVCVC – 3; ТС: CVCVCCV – 1. Распределение якутских параллелей по структурным типам выглядит следующим образом: в ОС: VC-2, CVC-4, CVCC-1; в ДС: VCV-1, VCV-2, CVCV-1, VCCV-1, CVCVC-3; ТС: CVCVCCV-1. Как видно, во всех структурах, кроме структурного типа CVCC, выявляется абсолютное количество лексических рефлексов.

Из выявленных 16[ОС – 7 / ДС – 8 / ТС – 1] древнетюркско-якутских параллелей совпадение структурного типа основы отмечается в 10(62,5%) случаях, в том числе в ОС–7(100%), в ДС–3(37,5%), ТС – 0. Сходство структуры древне-тюркских параллелей в тюркских и монгольских языках представляется так: в алтайском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 14 [ОС – 7 / ДС – 7/ТС – 0](82,3%), в хакаском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] (100%), в тувинском из 14 [ОС – 7/ДС – 6/ТС – 1] в 11 [ОС – 7/ДС – 4/ТС – 0] (78,5%), в киргизском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 16 [ОС – 8/ДС – 7/ТС – 1] (94,1%), в уйгурском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 11 [ОС – 8/ДС – 2/ТС – 1] (64,7%), в халха-монгольском из 6 [ОС – 4/ДС – 2] в 2[ОС – 1/ДС – 1/ТС – 0] (33,3%), в бурятском из 6 [ОС – 4/ДС – 2] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (16,6%), в средне-монгольском из 5 [ОС – 4/ДС – 1] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (25%), в письменномонгольском из 7 [ОС – 4/ДС – 2/ТС – 1] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (14,2%).

Итак, абсолютное число лексических рефлексов тождественных с древнетюркскими параллелями отмечается в хакаском языке, а наибольшее количество в киргизском языке. В этом плане из группы монгольских языков к текстам древнетюркских памятников более близкое расположение имеет халха-монгольский язык.

В якутском языке изменения структуры лексических параллелей отмечается в следующих основах: в ДС: VCV: др.тюрк. **äki** // як. **ikki**; VCV: др.тюрк. **älig** // як. **ilii**; CVCV: др.тюрк. **jiti** // як. **sättä**; CVCVC: др.тюрк. **säkiz** // як. **ağis**; CVCVC: др.тюрк. **tümän** // як. **ütümän**; в ТС: CVCVCCV: др.тюрк. **jägirmi** // як. **süürbä**. Структурные сдвиги в якутском языке произошли: а) при выпадении [g]: др.тюрк. **älig** // як. **ilii**; б) при выпадении начального [s]: др.тюрк. **säkiz** // як. **ağis**; в) при геминации согласных: др.тюрк. **jiti** // як. **sättä**, г) при появлении начального гласного [ü]: **ütümän**.

Рассмотрение устойчивости структурных типов якутских и тюрко-монгольских параллелей показывает, что большое количество лексических рефлексов, соразмерных с якутскими формами, выявляется в алтайском языке (81,2%). Меньшее количество обнаруживается в тувинском (64,2%) и уйгурском (62,5%) языках. В этом отношении из монгольской группы к якутскому языку наиболее близок халха-монгольский язык (20%). В остальных языках данный показатель таков: в киргизском — 75%, в хакаском — 68,7%, в бурятском, среднемонгольском, письменномонгольском — 0%.

Сравнительный анализ семантических особенностей имен числительных показывает, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в тувинском, киргизском, уйгурском языках (по 100%), в алтайском, хакаском (по 91,4%). Якутский язык несколько отдален (81,2%). В этом отношении из монгольских языков более приближен среднемонгольский (60%), в остальных монгольских языках данный показатель равен 50%. Здесь наблюдаются оппозиционные к древнетюркским формам якутско-тюркские параллели: як. **ikki** // уйг. **ikki**; як. **sättä** // уйг. **jättä**; як. **süürbä** // алт. **d'irmä**, тув. **čäärbi**.

Сравнительный анализ семантических особенностей имен числительных показывает, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в тувинском, киргизском, уйгурском языках (по 100%), в алтайском, хакаском (по 91,4%). Якутский язык несколько отдален (81,2%). В этом отношении из монгольских языков более приближен среднемонгольский (60%), в остальных монгольских языках данный показатель равен 50%.

В якутском языке семантические изменения выявляются в следующих единицах: ЗЛИ: ОС CVC — др.-тюрк. **bir** 'тысяча' //

як. **muŋ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.'; ДС VCV — др.-тюрк. **älig** 'пятьдесят' // як. **ilii** 'рука'; НЛИ: CVCVC — др.-тюрк. **tümän** 'десять тысяч' // як. **ütümän** 'много, большой'. В тюркских и монгольских языках семантические изменения обнаруживаются так: ЗЛИ: ОС CVC — др.-тюрк. **bir** 'один' // монг. **bür** 'каждый, всякий', бур., м.-п. **büri**, ср.-монг. **burī** 'каждый, все', м.-п. **büri** 'каждый, все'; CVCC — др.-тюрк. **qırq** 'сорок' // монг. хориул 'все двадцать', бур. хог(и) 'двадцать', монг. **qoriul** 'все двадцать', бур., ср.-монг., м.-п. **xori(n)** 'двадцать'; НЛИ: ДС VCV — др.-тюрк. **äki** 'два' монг. **ixer**, бур. **exir**, п.-монг. **ekeri** 'близнецы'; CVCVC — др.-тюрк. **tümän** 'десять тысяч' // алт. **tümän**, хак. **tüben**, кирг. **tümön** 'несметное количество, тьма, множество'; ТС CVCVCCV — др.-тюрк. **jägirmi** 'двадцать' // п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Анализ устойчивости и изменчивости лексических значений тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским формам показывает, что высокий процент лексических единиц с УЛЗ выявляется в алтайском и хакаском языках (по 87,5%). Здесь более отдаленную позицию занимают уйгурский и киргизский (81,2%) языки. Из группы монгольских языков к якутскому довольно близким оказался среднемонгольский (25%). В алтайском и хакаском языках УЛЗ рефлексов наблюдается в двухсложных основах, а в остальных тюркских и монгольских языках — в односложных.

По отношению к якутским лексическим единицам семантические изменения имеют следующие тюрко-монгольские основы: а) в тюркских языках (якутские формы даны по структурным типам древнетюркских аналогов): ЗЛИ: CVC: як. **muŋ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.' // алт., хак., тув. **muŋ**, кирг., уйг. **min** 'тысяча'; VCV: як. **ilii** * 'рука' // алт. **ölü**, хак. **ilig**, кирг. **älüü**, уйг. **Ellik** 'пятьдесят'; в монгольских языках: ЗЛИ: CVC: як. **muŋ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.' // монг. **mangan**, бур. **manga(n)**, ср.-монг. **manqan**, **milan**, м.-п. **milēan** 'тысяча'; як. **bir** 'один' // монг. **bür**, бур. **büri**, ср.-монг. **burī**, м.-п. **büri** 'каждый, все'; НЛИ: VCV: як. **ikki** * 'два' // монг. **ixer** 'близнецы', бур. **exir** 'близнецы', п.-монг. **ekeri** 'близнецы'; CVCVC: як. **ütümän** * 'много, большой' // монг. **tümen** 'десять тысяч; тьма, бесчисленное множество', бур., ср.-монг., м.-п. **tümen** 'десять тысяч'; CVCVCCV: як. **süürbä** * 'двадцать' // п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Рассмотрение устойчивости структурно-семантической канвы (или, УССК) тюркских и монгольских рефлексов показал, что в отношении якутских параллелей большой процент УССК тюрко-монгольских рефлексов выявляется в текстах восточно-туркестанских памятников и в тувинском языке (по 64,2%). В монгольских языках подобные рефлексы не наблюдаются. Этот показатель в остальных тюркских языках несколько ниже: в орхонских текстах, в хакаском, киргизском языках — по 56,2%, в енисейских эпиграфках — 60%, в алтайском, уйгурском языках — по 62,5%.

Устойчивость фоно-семантической канвы (или, абсолютная идентичность рефлексов) параллелей по отношению к якутским репрезентациям наблюдается в уйгурской форме: як. **ikki** 'два' // уйг. **ikki** 'два'.

Таким образом, анализ количественно-структурных и структурно-семантических особенностей тюрко-монгольских имен числительных показывает, что к якутскому языку ближе всего из тюркской группы хакаский и алтайский языки, из монгольской группы — халха-монгольский. К текстам древнетюркских памятников близко находятся киргизский, хакаский и халха-монгольский и средне-монгольский языки. Определяется обособленность исторического развития якутских и тувинских имен числительных среди тюркских аналогов.

Список условных сокращений

Условные обозначения памятников и языков
орх. — орхонские памятники
ен. — енисейские памятники
уйг. (рун.) — восточно-туркестанские памятники
алт. — алтайский язык
бур. — бурятский язык
д.-тюрк. — древнетюркский язык
кирг. — киргизский язык
монг. — халха-монгольский язык
ср.-монг. — средне-монгольский язык
тув. — тувинский язык

п.-монг. — письменно-монгольский язык
уйг. — уйгурский язык
хак. — хакасский язык

Прочие сокращения
V — гласный

С — согласный
ОС — односложные
ДС — двусложные
ТС — трехсложные
ЗЛИ — заметные лексические изменения
НЛИ — незначительные лексические значения

Библиографический список

1. Бетлингк, О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1990.
2. Грамматика современного якутского литературного языка (Фонетика и морфология). — М., 1982.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Морфология). — М., 1988.
4. Левин, Г.Г. Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков (В сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). — Новосибирск, 2001.
5. Избекова, Е.И. Числительные в олонхо. Структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2000.

Bibliography

1. Bettingk, O.N. O yazyhke yakutov. — Novosibirsk, 1990.
2. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyhka (Fonetika i morfologiya). — M., 1982.
3. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazyhkov (Morfologiya). — M., 1988.
4. Levin, G.G. Leksiko-semanticheskie paralleli orkhonsko-tyurkskogo i yakutskogo yazyhkov (V sravnitel'nom plane s altajskim, khakasskim, tuvinskim yazyhkami). — Novosibirsk, 2001.
5. Izbekova, E.I. Chislitel'nihe v olonkho. Struktura i semantika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Yakutsk, 2000.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 82. 091

Nurgazina A.B., Akosheva M.K. THE CONCEPT «SOUL» IN THE AUTHOR'S WORLD THINKING BY ALEXANDER BLOCK. This article is devoted to the notion of the author's world thinking; there is analyzed the concept *soul* on the material of poetry by Alexander Block; there is revealed the structure of the concept features, there are emphasized cognitive models.

Key words: author's world thinking, concept, symbol, the real world, the mental world, predicates.

А.Б. Нургазина, ст. преп. каф. русской филологии ПГУ им. С. Торайгырова, г. Павлодар,
E-mail: v-taisova@mail.ru; **М.К. Акошева**, ассоциированный проф., ПГУ им. С. Торайгырова,
г. Павлодар, E-mail: akmar2809@mail.ru

КОНЦЕПТ «ДУША» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. БЛОКА

В статье рассматривается понятие авторской картины мира; на материале лирики А.Блока исследуется концепт внутреннего мира *душа*; выявляется структура признаков концепта, выделяются когнитивные модели.

Ключевые слова: авторская картина мира, концепт, символ, мир реальный, мир ментальный, предикаты.

Современное понимание индивидуально-авторского концепта определяется связью концепта как вида ментальной репрезентации с единицами универсального предметного кода. Единицы универсального предметного кода характеризуются И.А. Стерниным как «нейрофизиологический субстрат мышления, кодирующего концепты в сознании индивида, к которым относятся чувственные образы, схемы, картины, представления, эмоциональные состояния», что, по сути, является типологией художественных концептов [1, с. 70].

На наш взгляд, индивидуально авторским концептом является единица поэтического сознания и вариант национального концепта, результатом познавательной (когнитивной) деятельности художником окружающего мира и несет комплексную информацию об отраженном предмете. Выступая как компонент индивидуального сознания, индивидуально-авторский концепт является в то же время составляющей коллективного национального сознания, отражает особенности национальной картины мира.

Отличительной особенностью авторской картины мира А. Блока является особое восприятие души. Душа, по определению Ф.С. Капицы, есть мифологический двойник человека, олицетворяющий его жизненную силу. Душу обычно представляют в виде «маленького человечка с прозрачным телом или ребенка с крылышками» [2, с. 124]. Согласно христианским представлениям, Бог наделяет человека душой, и пока человек живет, душа находится в его теле: вместе с человеком она растет, питаясь паром пищи, после смерти же душа покидает тело и возносится к Богу.

По представлениям древних,местилищем души была птица, которая сама нередко выступала как символ души. Ср. и.-е. «утка», русск. Утка, но и.-е. «дышать; дух»; англ. «утка», но русск. Дух; англ. «галка», но нем. «дух»; брет. «дышать»; гот. «голубь», но гот. «дух, душа» (относительно второй части рассматриваемого

слова ср. др.-инд. «дух, разум»; др. англ. «дух, разум», др. англ. «дыхание»; русск. Удод, но осет. «душа») [3, с. 145].

В лирике поэта концепт души выступает как «внутренний человек», мир которого богат и разнообразен. Душа, как и сам человек, наделяется определенными признаками, правилами существования, особыми функциями.

В блоковском восприятии душа в некоторых контекстах сравнивается или отождествляется с птицей. Предикаты, используемые для описания «птичьих» свойств души, разнообразны:

- предикаты движения / полета:

Ко мне незримый дух слетел, Открывший полных звуков море... [4, Т.1., с. 47]; *Пусть разрушается тело — душа пролетит над пустыней, Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней* [4, Т.1, с. 49]; *Как ты можешь летать и кружиться Без любви, без души, без лица?* [4, Т.2., с. 163]; *И душа, летя на север Золотой пчелой, В алый сон, в медовый клевер Ляжет на покой* [4, Т.1, с. 321]; *Ум полон томного бессилья, Душа летит, летит* [4, Т.1, с. 102]; *И на розовом облаке грез В вышине чью-то душу пронес Молодой, народившийся бог* [4, Т.1, с. 78];

- умение трепетать: *В те дни, когда душа трепещет / Избытком жизненных тревог, / В каких-то дальних сферах блещет / Мне твой, далекая, чертог* [4, Т.1, с. 89];

- наличие крыльев, как символ свободы: *И отдых, милый отдых Легко прильнул ко мне. И воздох, вольный воздох Вдохнул на простыне. Прости, крылатый дух! Лети, бессмертный пух!* [4, Т.2, с. 110]; *А красотой без слов повелено: «Гори, гори. Живи, живи. Пускай крыло души прострелено — Кровь обгазит аптарь любви»* [4, Т.2, с. 178]; *Сомненья нет: мои печали, Моя тоска о прошлых днях Душе покой глубокий дали, Отняв крыла широкий взмах* [4, Т.1, с. 77]; *В душе — кружащийся танец Моих улетевших дней* [4, Т.1, с. 297]; *...На безысходные обманы Душа напрасно понеслась: И взоры дев, и рестораны Погаснут все — в урочный час* [4, Т.1, с. 421];

- душа поет, как птица: *Моя душа тогда лишь гимн поет...* [4, Т.1, с. 62]; *Ты как заря, невятно догорала В его душе – и пела обо мне* [4, Т.1, с. 207]; *Когда же мне пела она про любовь, То песня в душе отзывалась...* [4, Т.1, с. 50]; *Моя душа вся тает в песнях дальних, И я могу тогда прочесть в ночных звездах Мою судьбу и повесть дней печальных...* [4, Т.1, с. 74]; *И я, дичившийся доселе Очей пронзительных твоих, Взглянул... И наши души спели В те дни один и тот же стих* [4, Т.2, с. 179].

Мы наблюдаем сравнение души с музыкальным инструментом, возможно, это связано со способностью издавать звуки – гармоничные и напевные: *И напев заглушенный и юный В затонной затроне тиши Усыпленные жизнью струны Напряженной, как арфа, души* [4, Т.2, с. 182];

- душа замолкает: *Полна усталого томленья, Душа замолкла, не поет* [4, Т.1, с. 103]; *Душа молчит. В холодном небе Все те же звезды ей горят* [4, Т.1, с. 132]; *Душа смирилась и заглохла В убогом рубище земли* [4, Т.1, с. 118]. Особенность души проявляется в способности восприятия внешнего мира зрением, слухом, обонянием. Для выражения этого признака используются различные языковые средства.

Душа обладает зрением: *И те же явственные звуки Меня зовут из камыша. И те же матовые руки Провидит вещая душа* [4, Т.1, с. 371];

- у души есть глаза: *Как в годы юности, не знаю Бездонных чар твоей души* [4, Т.2, с. 179];

- душа может быть слепой: *И, может быть, в преданьях темных Его слепой души, впотьмах – Хранилась память глаз огромных И крыл, изломанных в горах...* [4, Т.2, с. 309]; *И вот – опять сияют свечи, Душа одна, душа слепа...* [4, Т.1, с. 424]; *Я привык, что над этой постелью Наклонялся лишь пристальный враг И душа для видений ослепла* [4, Т.2, с. 160];

- душа наделена слухом: *Но, вперяясь во мелу сиротливо, Надышаться блаженством спеша, Отдаленного шума прилива Уж не может не слышать душа* [4, Т.2, с. 268]; *Неустающим слухом ловит Далекий зов другой души...* [4, Т.1, с. 132];

- душа может быть глухой: *Миры летят. Года летят. Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз. А ты, душа, усталая, глухая, О счастья твердишь, – который раз?* [4, Т.2, с. 181]; *А ты, душа... душа глухая... Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...* [4, Т.2, с. 98];

- душа умеет отвечать: *Когда и ты душой ответишь ей, С тобой мы связаны любовью* [4, Т.1, с. 124]; *Черный Гундине не со мною... Голос друга... Клич души!* [4, Т.1, с. 126];

- у души есть вкус: *За верность старинному чину! За то, чтобы жить не спеша! Авось, и распарит кручину Хлебнувшая чаю душа!* [4, Т.2, с. 247].

Для исследуемого концепта устойчивым представляется когнитивная модель «эмоция-пространство-вместитель»: *Бездна – душа моя; сердце твоё Скроется в этой пустыне...* [4, Т.1, с. 82]; *В моей душе, как келья, душею Все эти песни родились* [4, Т.2, с. 260].

Наполнение души или содержимое, т.е., то, что находится в ней, душа – сосуд: *А душа моя – той же любовью полна...* [4, Т.2, с. 243]; *И полнитесь душа тревожно и напрасно Воспоминаньем дальним и прекрасным* [4, Т.1, с. 101]; *Хожу по камням старых плит, Душа опять полна терзаний...* [4, Т.1, с. 96]; *И, снова обонув их, мы глядим С молитвенной и полной душою На тихо уходящий силуэт Красавицы под всеми парусами...* [4, Т.2, с. 52]; *Пьяна от веселого шума, Душа небывалым полна... Со мною – весенняя дума, Я знаю, что Ты не одна...* [4, Т.1, с. 271]; *Так, одинокой, легкой тенью Перед душою, полной зла, Свои благие исцеленья Она однажды пронесла* [4, Т.1, с. 135]; *Когда-то полная тобою Душа тоскует о тебе* [4, Т.1, с. 120]; *Найдешь в душе опустошенной Вновь образ матери склоненный* [4, Т.2, с. 312]; *Но скорбью наполнилась в ответ Душа, истерзанная песней* [4, Т.1, с. 108]; *Но не боюсь смотреть в упор, В душе – бездумность и беспечность! Там – вихрем разметен костер, Но искры улетели в вечность...* [4, Т.1, с. 345]; *В моей душе лежит сокровище, И ключ поручен только мне!* [4, Т.1, с. 394]; *В тайник души проникла плесень* [4, Т.1, с. 416].

Всем живым существам свойственен возраст. *Пусть душа твоя мгновенна – Над тобою неизменна Гордость юная твоя, Верность женская моя* [4, Т.1, с. 364].

Широко представлены признаки «возраста» души (детство, юность, молодость, старость):

Было время надежды и веры большой – Был я прост и доверчив, как ты. Шел я к людям с открытой и детской душой, Не пугаясь людской клеветы... [4, Т.2, с. 251]; *Отец от первых лет сознанья В душе ребенка оставлял Тяжелые воспомина-*

нья – Отца он никогда не знал [4, Т.2, с. 306]; *Милый друг! Ты юною душою / Так чиста! Спи пока! Душа моя с тобою, Красота!* [4, Т.1, с. 65]; *Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, Молодеет душа. И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку. Не дыша* [4, Т.2, с. 180]; *Как будто в смутном сне душа Его застыла молодая...* [4, Т.2, с. 303]; *Душа больная, но молодая, Страшась себя (она права), Искала утешенья: чужды Ей становились все слова* [4, Т.2, с. 294]; *Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою... Дух молодой пролетит над пустыней бесплодных терзаний...* [4, Т.1, с. 63]; *Но все пошло неотвратимо Своим путем. Уж лист, шурша, Крутился. И не удержимо У дома старилась душа* [4, Т.2, с. 297]; *Душа не избегает невидимого тленья. Так, каждый день стареется она...* [4, Т.1, с. 88]; *О, сладко вспомнить безнадёжность: Мечтать и жить в твоей глуши; Уйти в твой древний зной и в нежность Своей стареющей души...* [4, Т.2, с. 123]; *Я стар душой. Какой-то жребий черный – Мой долгий путь* [4, Т.1, с. 71];

В следующем примере мы наблюдаем женские признаки души, подразделяющиеся по возрастному критерию, что выражается в когнитивной модели «душа – девочка»: *Так! Погибай-те! Что в вас толку? Пускай лишь раз, былым дыша, О вас поплачет втихомолку Шалуныя девочка – душа...* [4, Т.2, с. 147].

Когнитивная модель «душа – огонь» является одной из продуктивных.

Душа характеризуется через признаки

- «сгорания»: *Еще вернутся мысли, споры, Но будет скучно и темно; К чему спускаться на окнах шторы? День догорел в душе давно* [4, Т.2, с. 115]; *Он узнал, о чем душа сгорала, Заглянул в бледнеющую высь* [4, Т.1, с. 222]; *Позволь же мне сгорать душою И пламенеть озем мечты...* [4, Т.1, с. 115]; *И я горел душой, а ты была темна* [4, Т.1, с. 114]; *К чему спускаться на окнах шторы? День догорел в душе давно* [4, Т.2, с. 115]; *Если дух твой горит беспокойно, Отгоняй вдохновения прочь* [4, Т.1, с. 116]; *Душа горела, голос пел, В вечерний час звуча рассветом* [4, Т.1, с. 70]; *О, поверь моей молитве, В ней душа моя горит!* [4, Т.1, с. 134];

- «пламени»: *И сама та душа, что, пылая, ждала, Треволненьем отдаться спеша, – И враждой, и любовью она изошла, И сгорела она, та душа* [4, Т.2, с. 252];

- «опаленности»: *Горящий факел к снегу, к небу вознесла Моя душа, – Тобой, Тобой, Тобой распалена* [4, Т.1, с. 276]; *Порой мне холод душу леденит, И я молчу; порой же ветер знойный Мне душу бедную мою дыханием палит, И я зову – бесщастный, спокойный...* [4, Т.1, с. 75]; *И только звенящая снится И душу палящая тень...* [4, Т.2, с. 65];

- «кипения»: *Души кипящий гнев смири, Как я проклятую отвагу. Остался красный зов зари И верность голубому* [4, Т.1, с. 289];

- «сожжения/выжигания»: *А шальной ветер, носясь над далью, – Хотел он выжечь душу мне...* [4, Т.2, с. 151].

Признаки «вещества» души выражены сравнениями и метафорами: душа сравнивается или отождествляется с воском, искрой, огнем, пламенем, костром, жаром, углем, снопом: *И кто поймет, и кто узнает, Что ты сказала мне: молчи...* *Что воск души блаженной тает На яром пламени свечи...* [4, Т.2, с. 72]; *Но не боюсь смотреть в упор, В душе – бездумность и беспечность! Там – вихрем разметен костер, Но искры улетели в вечность...* [4, Т.1, с. 345]; *Но вечно пламень вечный и живой Дрожит в душе, на миг не угасая* [4, Т.1, с. 53]; *Легкий ветер повеял нам очи... Если можешь, костер потуши! Потуши в сумасшедшие ночи Распылавшийся уголь души!* [4, Т.2, с. 188]; *Пускай же все пройдет неспешно, Что в мире свято, что грешно, Сквозь жар души, сквозь хлад ума* [4, Т.2, с. 274]. *Так лежу три дня без движенья. И взываю к песку: «Задуши!»* *Но тело хранит от истленья Красноватый уголь души* [4, Т.1, с. 280]; *Из огня душа твоя скована И вселенской мечте предана* [4, Т.1, с. 293]; *Я знаю женщину. В ее душе Был сноп огня. В походке – ветер. В глазах – два моря скорби и страстей И вся она была из легкой персти – Дрожащая и гибкая* [4, Т.2, с. 43].

Структура концепта душа формируется также климатическими признаками природы:

- «погода»: *Долго ль песни заунывной Ты над берегом ждала. И какой реке разливной Душу-бурю предала?* [4, Т.2, с. 44]; *Углубись еще бесстрастней В сумрак духа своего...* [4, Т.1, с. 255]; *Не легли еще тени вечерние, А луна уж блестит на воде. Все туманнее, все суевернее На душе и на сердце – везде* [4, Т.1, с. 82]; *И в суете непобедимой Душа туманам предана...* [4, Т.1, с. 104]; «время года»: *Дух пряный марта был в лунном круге Под тальным снегом хрустел песок* [4, Т.2, с. 151]; *О, если бы хоть миг был светел Бесцельный май твоей души* [4, Т.1, с. 226]; *В моей душе любви весна Не сменит*

бурного ненастья [4, Т. 1, с. 45]; Дыханием живящей бури Дохни в удушливой глуши, На вечеряющей лазури, Для вечеряющей души [4, Т. 1, с. 104]; Твоя душа уже в целях; Ее коснулись вихрь и бури; Моя воляна: так тонкий прах По ветру носится в лазури [4, Т. 1, с. 47]; Вы не измучены душевною грозой [4, Т. 1, с. 54];

- звучание души: шелест, звон: В тенях траурной ольхи Сладко дышат мне духи, В листьях матовых шурша, Шелестит еще душа [4, Т. 2, с. 133]; Мой час молитвенный недолог – Заутра обуюет сон. Еще звенит в душе осколок Былых и будущих времен [4, Т. 1, с. 316].

Библиографический список

1. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999.
2. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. — М., 2001.
3. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. — М., 1997.
4. Блок, А.А. // Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л., 1960-1963.

Bibliography

1. Popova, Z.D. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh / Z.D. Popova, I.A. Sternin. — Voronezh, 1999.
2. Kapitsa, F.S. Slavyanskie tradicionniye verovaniya, prazdniki i rituali: Spravochnik. — M., 2001.
3. Stepanov, Yu.S. Konstanti: slovarj russkoy kul'turi. — M., 1997.
4. Blok, A.A. // Sobr. soch.: v 8 t. — M.; L., 1960-1963.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81

Pirogova A.V. TOPONYMIC ASPECT IN CENSUS BOOKS OF MUSCOVY'S TOWNS IN THE FIRST THIRD OF XVII CENTURY. The present article dwells upon toponymic aspect in census books of Muscovy's towns in the first third of XVII century. The research outlined main principles of naming toponymic objects, showed productivity of locative and possessive toponyms, presented variants of church naming. It was proved that an affixal way of word-building, a semantic derivation and syntactic derivation are used in naming toponyms.

Key words: formal writing, formal speech, census book, toponymic nomination, naming principle, feature of motivation, type of toponym, locative toponym, possessive toponym, qualitative toponym, urbanonym, hodonym, urban khoronym.

А.В. Пирогова, соискатель каф. филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского гос. гуманитарного университета, г. Нижневартковск, E-mail: arina-pirogova@yandex.ru

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОЗОРНЫХ КНИГ ГОРОДОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

В настоящей работе рассматривается топонимическое пространство дозорных книг городов Московского государства первой трети XVII в. Определены принципы номинации топообъектов; выявлена продуктивность локативных и посессивных топонимов, вариантность храмоименований; среди способов номинации топонимов употребительны аффиксальный способ, семантическая деривация, синтаксическая деривация.

Ключевые слова: деловая письменность, деловая речь, дозорная книга, топонимическая номинация, принцип номинации, способ номинации, мотивирующий признак, тип топонима, локативный топоним, посессивный топоним, квалитативный топоним, урбаноним, годоним, городской хороним, экклезионим.

В XVI – XVII вв. деловая речь претерпевает значительные изменения: XVI – XVII вв. – время становления и развития языка великорусской народности, образования русского национального языка и начала складывания норм литературного русского языка нового времени. В эволюции языка в этот период значительную роль играли стилистические традиции, складывавшиеся внутри одной из важнейших функциональных разновидностей языка – в деловой речи. Это было следствием отражения в деловой письменности всех сторон социально-экономической жизни народа, ее демократичности, следствием бурного развития центрального и местного делопроизводства в Московском государстве XVI – XVII вв. [1].

Дозорные книги (далее ДК) появились в приказном делопроизводстве в 70-е годы XVI века. ДК – финансовый документ, в котором фиксировались состояние тягла городского населения, определялись реальные и потенциальные лица для налогообложения по данным дозора [2]. Языковеды данные документы относят к регистрационной документации, к фиксирующим деловым текстам, придающим юридический статус какому-либо событию. Количество лингвистических работ, в которых используются материалы ДК, невелико, в основном, в последнее время – в работах по исторической лексикологии, исторической стилистике, функциональной антропонимике.

В основу формуляра ДК городов положены разные принципы описания, в том числе – территориальный. В связи с этим ономастическое пространство рассматриваемых лингвистических источников включает и топонимическую номинацию. Рассмотрим топонимы ДК городов Московского государства первой трети XVII века с точки зрения принципов номинации. Языковеды выделяют три основных принципа номинации: номинация объекта по связи его с окружающими объектами; номинация по связи с человеком; номинация по свойствам и качествам называемого объекта. Соответственно выделяются следующие типы топонимов: *локативные* (получившие название по связи со смежными объектами); *посессивные* (получившие название по связи с человеком); *квалитативные* (названные по свойствам и качествам называемого объекта) [3].

Рассматривая топонимы городских ДК, охарактеризуем такие типы урбанонимов, как годонимы (наименования улиц), городские хоронимы (наименования районов города, слобод), экклезионимы (названия церквей соборов, монастырей).

Локативные топонимы, возникшие в результате именования объекта по смежному топообъекту, выявлены в Дозорной книге г. Можайска 1616 г. (далее ДКМож 1616) [4], Дозорной книге г. Вологды (далее ДКВол) [5], Дозорной книге г. Боровска (далее ДКБор) [6], Дозорной книге г. Ростова (далее ДКРос) [7], Дозор-

ной книге г. Тобольска (далее ДК Тоб) [8], Дозорной книге г. Твери (далее ДКТв) [9].

В основе локативных наименований слободки, сорока, улиц, прихода, ворот лежат названия церкви или монастыря, например: в слободке Стретенской [ДКМож 1616, л. 89]; въ Богоявленской слободке [ДКМож 1616, л. 87]; слободка Спасская [ДКРос, л. 90]; въ Пятницкой улице [ДКБор, л. 2]; въ Спасской улице [ДКБор, л. 3]; въ Воскресенской улице [ДКТоб: л. 49]; в Никольском приходе [ДКБор, л. 3]; по Никольские ворота [ДКТв, л. 17]; къ Благовещенским воротам [ДКТв, л. 17].

В качестве смежного мог выступать другой топообъект: 1) уточнение расположение объекта по течению реки, например: въ слободке Усть-Можай (устье р.ки – исток) [9, л. с. 514] [ДКМож 1616, л. 85]; 2) расположение объекта в пространстве, например: на Заволжском посаде [ДКТв, л. 37]; 3) наименование города, например: в Устюжской улице [ДКТоб, л. 47 об.]; от Володимирских ворот [ДКТв, л. 14]; 4) объект рельефа, например: в Заямье («заямный, за ямою находящийся» [10, с. 570]); 5) наименование района города, например: в Козленском сороку [ДКВол: 355, л. 1 об.].

Принцип номинации, основанный на связи с человеком, также используется при наименовании топообъектов (хоронимы, годонимы), например: «Слободка, что была Ивановская...», слободка, что была Микитицкая новая...» [ДКМож 1616, л. 78]; «В Носатинской слободке» [ДКМож 1616, л. 87]; «Въ Федоровском сороку... въ Егорьевской приходе...» [ДКБор, л. 3].

В основе наименований может быть указание на место жительства лица, его занятие, например: в Пермской улице [ДКТоб: л. 52 об.]; в Гостинной улице («гость – иноземный или иногородный купец, живущий и торгующий не там, где прописан» [там же, с. 386]) [ДКТоб: л. 50 об.].

Квалитативные топонимы также отражены в ДК; их номинация осуществляется через ряд признаков: 1) размер объекта, например: по Большой улице [ДКТв, л. 17]; Большой мост [ДКТоб: л. 31 об.]; Большая Клушинская улица [ДКМож 1616, л. 91]; 2) форма и конфигурация, например: Широкие улицы [ДКВол: 355, л. 1 об.]; в тупике («тупик, глухой закоулок, непроходная улица» [там же, с. 443]) [ДКТоб: л. 49 об.]; 3) осмысление объекта в пространстве через время, например: в Новой улице [ДКТоб: л. 42 об.]; старая ямская [ДКБор, л. 10]; в бывшей Владычье слободе [ДКВол: 354, л. 1 об.]; 4) местоположение объекта, например: слободка Набережная («набережная – находящаяся на берегу» [там же, с. 378]); на Загородном посаде [ДКТв, л. 29]; в Заболотке; 5) характеристика объекта по строению, например: на Мостовой улице [ДКРос, л. 3]; 6) характеристика объекта по наличию или отсутствию в них лиц, дворов, например: «... въ соборке Пустой, что была Четверодворская...» (пустой порожний, ничем не занятый, простой) [ДКМож 1616, л. 92]; 7) качественные характеристики топообъекта, например: на Пробойной улице («пробивать, пробить, проколотить, продырить ударом» [ДКРос, л. 2]; 8) характеристика по порядку следования за другим топообъектом, например: в Третьей улице [ДКТоб: л. 50 об.]; на Первой улице [ДКТоб: л. 53 об.].

Библиографический список

1. Дерягин, В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписи XVI–XVII вв.) источники по истории русского языка. – М., 1976.
2. Мазурин, М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
3. Попова, И.Н. Переписная книга Вологды 1711 г. как жанр и лингвистический источник: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2002.
4. Дозорные книги г. Можайска 1614 и 1616 гг. // Архимандрит Дионисий Можайские акты. – СПб., 1892.
5. Гневашев, Д.Е. Дозорная книга Вологодского уезда кн.П.Б.Волконского и подъячего Л. Софонова 1616/17 г. как исторический источник // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI – XIX вв. – Вологда, 2003.
6. Дозорная книга г. Боровска 1621г. // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII вв. – М., 1888.
7. Титов, А.А. Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. – М., 1880.
8. Дозорная книга г. Тобольска. 1624 г. // РГАДА Сибирский приказ. – Ф.214. Дело 3, 1-74 л.
9. Дозорная книга г. Твери / сост. В.Н. Сторожев. – Тверь, 1890.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2005.
11. Камкин, А.В. Православная церковь на Севере России // Очерки истории до 1917 года. – Вологда, 1992.

Bibliography

1. Deryagin, V.Ya. Variirovanie yazykhovikh sredstv v tekstakh delovoy pis'mennosti (vazhskie denezhnye otpisi XVI–XVII vv.) istochniki po istorii russkogo yazyka. – M., 1976.
2. Mazurin, M.D. Opisi imusthestva srednerusskikh monastihrey XVII veka kak istochnik istoricheskoy leksikologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2000.
3. Popova, I.N. Perepisnaya kniga Vologdih 1711 g. kak zhanr i lingvisticheskiy istochnik: dis. ... kand. filol. nauk. – Vologda, 2002.
4. Dozorniye knigi g. Mozhayjska 1614 i 1616 gg. // Arkhimandrit Dionisiy Mozhayskie akti. – SPb., 1892.
5. Gnevashev, D.E. Dozornaya kniga Vologodskogo uezda kn.P.B.Volkonskogo i podjyachego L. Sofonova 1616/17 g. kak istoricheskiy istochnik // Materialih XIII Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo sovethaniya po voprosam izucheniya i izdaniya piscovihkh knig i drugih istoriko-geograficheskikh istochnikov po istorii Rossii XVI – XIX vv. – Vologda, 2003.

Отдельно следует остановиться на принципах храмоименования. Православные храмоименования можно свести к пяти принципам: 1) Господские храмоименования, т.е. освященные во имя Господа или каких-либо событий его жизни; 2) архангельские, т.е. освященные во имя архангельских чинов; 3) Богородичные, т.е. освященные во имя Богородицы или каких-либо событий ее жизни; 4) пророческие или апостольские; 5) храмы, освященные во имя различных святых или святынь [10, с. 16].

В ДКБор, ДКТоб зафиксированы Господские храмоименования (13), например: храм во имя Рождества Христова [ДКБор, л. 33]; [ДКТоб, л. 69 об.]. Богородичные храмоименования выявлены в ДКТоб, ДКБор (12), например: Соборная церковь Благовещения Пречистыя Богородицы [ДКБор, л. 1]; церковь во имя Рождества Пречистыя Богородицы [ДКТоб, л. 32 об.]; церковь во имя Успения Пречистыя Богородицы [ДКТоб, л. 60 об.]; церковь Знамение Пречистыя Богородицы Новгороцкие [ДКТоб, л. 66 об.]; храмоименования, освященные во имя различных святых или святынь, являются самыми многочисленными в ДКБор, ДКТоб, (28), например: церковь Николы Чудотворца [ДКБор, л. 1]; церковь великомученика Христова Георгия [ДКБор, л. 2]; церковь Софии Премудрости Божией [ДКТоб, л. 8]; церковь во имя Николы Чудотворца [ДКТоб, л. 27 об.]; церковь св. страстотерпца Бориса и Глба [ДКБор, л. 5].

Наименования монастырей зафиксированы в ДКБор, ДКТоб, например: Рождественной девичь монастырь [ДКБор, л. 2]; Знаменский монастырь [ДКТоб, л. 66]. В рассматриваемых ДК содержится характеристика по местоположению церквей, например: «У Николы чудотворца на Сполье...» [ДКРос, л. 2]; «а посад жъ въ спасской улиц была церковь Прелбражения Спасова...» [ДКБор, л. 2]; «В городе церковь Вознесения Господня...» [ДКТоб, л. 1].

В ряде ДК отмечены традиционные принципы именования городских объектов. Наиболее употребительны топонимы локативные (связаны с наименованием церкви и т.д.) и посессивные (отантропонимические хоронимы и годонимы). В ДК разных городов отражены квалитативные топонимы, в основе которых характеристики размеров, форм объектов и т.д.

В ДК разных городов выявлены варианты наименования церквей. В ряде ДК основное храмоименование дополняется характеристикой топообъекта по его местоположению (используются ряды однородных членов предложения с обстоятельством-объектным значением, пространственные предлоги и т.д.); в ДКТоб – выявлены разговорные варианты храмоименования и т.д. Среди способов номинации топонимов продуктивны аффиксальный, самантический деривация, синтаксическая деривация.

Перспективны исследования по теме, связанные с введением в научный оборот ДК Юга Московского государства первой трети XVII в.; сопоставление ДК с родственными источниками (писцовыми книгами, переписными книгами); с разработкой проблем генезиса русской деловой речи в целом.

6. Dozornaya kniga g. Borovska 1621g. // Borovsk. Materialih dlya istorii goroda XVII i XVIII vv. – M., 1888.
7. Titov, A.A. Dozorniye i perepisniye knigi drevnego goroda Rostova. – M., 1880.
8. Dozornaya kniga g. Tobolska. 1624 g. // RGADA Sibirskiy prikaz. – F.214. Delo 3, 1-74 l.
9. Dozornaya kniga g. Tveri / sost. V.N. Storozhev. – Tverj, 1890.
10. Dalj, V.I. Tolkovihy slovarj zhivogo velikorusskogo yazhka: v 4 t. – M., 2005.
11. Kamkin, A.V. Pravoslavnaya cerkovj na Severe Rossii // Ocherki istorii do 1917 goda. – Vologda, 1992.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК-399.5

Samdan Z.B. AREAL CORRELATIONS OF TERMINOLOGICAL DEFINITIONS OF MYTH IN FOLKLORE OF TURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF INNER ASIA. The author makes an attempt to develop a new term for designation of the notion of myth in the study of Tuvan folklore through a comparative analysis of folk and scientific terms in Turco-Mongolian folklore. The topicality of the problem lies in the fact that scientific definition of myth and its varieties became much needed in order to establish differences between genres of non-tale prose and give a more precise and well grounded classification. In the result of this comparative analysis, the author has come to a conclusion that folk terms designating the notion of myth in the folklore of the given area go back to general lexemes and express main traits of a myth: remoteness of the event taking place in the story, belief in its credibility, and a narrative character of the performance.

Key Words: Turco-Mongolian folklore, general definitions of a myth, folk and scientific terminologies, Tuvan specifics.

З.Б. Самдан, канд. филол. наук, с.н.с., в.н.с. сектора фольклора Тувинского института гуманитарных исследований, г. Кызыл, E-mail: uranda@rambler.ru

АРЕАЛЬНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ МИФА В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Путем сопоставительного анализа народных и научных терминов в тюрко-монгольском фольклоре автор пытается выработать новый термин для обозначения понятия «миф» в тувинской фольклористике. Актуальность проблемы заключается в том, что научное определение мифа стало остро необходимым для установления различий между жанрами сказочной прозы и более точной и обоснованной её классификации. В результате сопоставительного анализа автор приходит к выводу, что народные термины, обозначающие понятие «миф» в фольклоре данного ареала, восходят к общим лексемам и выражают основные признаки мифа – давность происходящего события, веру в его достоверность и повествовательный характер исполнения.

Ключевые слова: тюрко-монгольский фольклор общие определения мифа народная научная терминология тувинская специфика.

Традиционная мифология у тувинцев, как и у многих коренных народов Сибири, сохранилась до наших дней в виде самостоятельных, отчасти несколько трансформированных, мифологических сюжетов, а также довольно устойчивых мифологических напластований в структуре архаической эпик. Поэтическая ткань тувинской эпической и сказочной архаики героического сказания, богатырской и волшебной сказки – насыщена мифологическими образами, мотивами и символами, что свидетельствует о развитой в прошлом мифологической системе тувинцев.

Научная публикация текстов сказочной и несказочной прозы в томах тувинского национального корпуса 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Тувинские народные сказки», «Тувинские героические сказания», «Мифы, легенды и предания тувинцев» [1], а также сборника «Чылбыга Айны канчап сырыпканыл?» («Почему Чылбыга проглотила Луну?») в серии «Аас чогаалың тураскаалдары» («Памятники фольклора») [2] – подтверждает не только факт распространенности и живого бытования до современности архаической эпик тувинцев, но и открывает широкую возможность для теоретического осмысления вопросов тувинской мифологии.

Из-за малоизученности мифологии тувинцев, как и мифологии других тюрко-монгольских народов, в их языках и фольклористической науке нет общепринятых научных терминов «мифология», «миф», а также не имеется дифференцированных названий внутрижанровых групп и подгрупп несказочной прозы.

Одним из основных источников реконструкции фольклорной системы жанров могут служить народные термины, при помощи которых различия между группами текстов обозначались самими носителями традиции. Отношение самих исполнителей и слушателей к группировке текстов по каким-либо существенным признакам, к сходству или различию бытующих в традиции произведений сформировались еще в архаическое время.

Как полагают исследователи архаического фольклора, нет уверенности в полноте и непротиворечивости этих терминов по

нескольким причинам. Во-первых, носители фольклора не обязаны были формулировать различия между жанрами именно в названиях. Во-вторых, народные обозначения не были выявлены собирателями с достаточной полнотой. В-третьих, трудно разграничить лексемы, имеющие «терминологическое значение», от описательных обозначений [3, с. 62]. По мнению этих авторов, жанровая номенклатура фольклора, как правило, не универсальна, даже в родственных национальных традициях, в данном случае в фольклоре тюрко-монгольских народов, она подчас сильно различается.

В фольклорной традиции родственных по языку, религии и культуре с тувинцами тюрко-монгольских народов старинные повествования, близкие по жанровым признакам русским мифам, легендам и преданиям, т.е. жанрам несказочной прозы, в народной терминологии называли по-разному, и обычно общим и для мифа, и для легенды, и для предания собирательным названием. Тюркоязычные народы называли их в следующих вариантах: якуты *келсээн*, алтайцы *кел-кучундар*, хакасы *кил-чоох*, шорцы *пуруңу чооктар*, тувинцы *тоолчургу чугаалар*. Монголоязычные народы: монголы *домо*, буряты *домог*, калмыки *домъе*.

Как видно из приведенных обозначений несказочной прозы, общими лексемами у тюркоязычных народов Сибири являются *кел* в разных диалектных вариациях – *кел*, *кил*, ср. с тув. *хел* и *чоох* – *чоох*, *чоок*, *чугаа*.

В историко-этнографическом словаре В.Я. Бутанаева слово *кил* имеет три значения: кил I – форма, одежда, пальто; кил (кибiр) II – обычай, закон; кил III – слово; слово *чоох* также три значения: разговор, речь, рассказ [4, с. 69, 221].

Тувинское слово *чугаа* имеет такое же значение: разговор, речь, рассказ.

Обобщенно тюркское слово *кил-чоох* можно перевести как «облеченный в особую форму, узаконенный, отшлифованный (временем) образцовый рассказ, т.е. старинный, древнейший рассказ».

В тюрко-монгольском фольклоре, есть еще один общий по-звучанию, но обозначающий разные жанры термин: монгольский *домох* (миф), бурятский *домоог* (миф), тувинский (Северо-Западной Монголии) *домак*, хакасский *нымах* (сказка), *алалты-нымах* (героическое сказание), киргизский *жомок* (произведение богатого эпоса), который имеет общее значение «повествование, сказание». Здесь налицо тюрко-монгольское языковое и фольклорное взаимовлияние. Очевидно, они происходят от одного древнетюркского корня. Можно предположить, что предки тюрко-монгольских этносов словами типа *домох*, *кип-чоох* называли краткое прозаическое повествование о каком-либо событии.

Сами носители фольклора, в отличие от фольклористов, без труда определяют к какой группе относится то или иное произведение их репертуара. Поэтому исследователи считают, что «нет никаких сомнений в том, что термины, которые удалось зафиксировать, отражают (пусть и не всегда полно) очень важные и принципиальные параметры жанрового пространства фольклора. В них присутствует осознание, с одной стороны, интегрированных, укрупненных «родовых» общностей, а с другой – более узко дифференцированных групп произведений, тоже различающихся терминологически – как внутри этих родовых объединений, так и вне их» [5, с. 63].

Для различения мифа от других жанров несказочной прозы в частности, и повествовательного фольклора в целом, перед его исследователями возникает необходимость наряду с международным термином «миф» ввести специальные термины на национальных языках народов Сибири.

В связи с подготовкой к изданию цикла томов несказочной прозы в национальных корпусах 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» перед сибирской и дальневосточной фольклористикой встала неотложная задача по созданию на основе народных терминов новых научных терминов. Поскольку без дифференциации разных сюжетно-тематических групп и подгрупп по специфическим устойчивым признакам невозможна классификация системы традиционной мифологии коренных народов Сибири.

Так, например, в первых томах серии по несказочной прозе появились более дифференцированные новые термины. Авторы якутского тома миф обозначают термином *келсээн* (*кэлсэл, сэһэн*). В отдельном сборнике якутских мифологических текстов, подготовленном Н.А. Алексеевым, миф он обозначил термином *өс-номох* [6, с. 39]. Алтайские мифологические рассказы К.В. Яданова в своем исследовании выделила термином *сооюн*. В.Е. Майногашева для обозначения разных поджанровых групп хакасских мифов предлагает словосочетания *чир-чай-аан* *пяткеннеңер*, *хулайлардаңар*, *эзлердеңер* *кип-чоохтар* [7, с. 50]. А.И. Чудояков вслед за Н.П. Дыренковой старинные рассказы шорцев назвал *пурунгу чоохтар* и дал свою трактовку семантике терминов *пурунгу* что означает «древний, ранний» и *чоох* – «рассказ», беседа, повествование» [8, с. 6].

Собиратели и исследователи тувинского повествовательного фольклора зафиксировали от его носителей ряд народных терминов, обозначающих рассказы мифологического содержания. Эти произведения носителями фольклора называются по-разному: *дил будер шагда чугаалар* (рассказы времен сотворе-

ния мира), *эрте-бурун шагның чугаалары* (рассказы древнейших времен), *эдеп чугаалар* (старинные рассказы), *коргунчуг, сүртенчиг чугаалар* (страшные, потрясающие рассказы); *хоруг-луг чугаалар* (запретные рассказы) и т.п.

Как видно из вышеприведенных описательных народных терминов, устойчивым для обозначения старинных рассказов является слово *чугаалар* (рассказы). Связь названий жанров прозаического фольклора с семантикой говорения вообще характерна для многих языков, в том числе и для тувинского.

В повествовательных традициях многих народов как важнейший аспект, отраженный в жанровой терминологии фольклора, авторы исследования «Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике» выделяют информационный: «Исполнение произведения является передачей некоего сообщения – из прошлого в настоящее, от предков к потомкам, от богов (духов) к людям, и, соответственно, в семантике жанрового термина заключены такие понятия, как «сообщение, известие, весть» [9, с. 91].

Общим признаком этих произведений является безусловная для носителей реальность описываемых событий.

В тувинской фольклористике для обозначения понятия «миф» предложено несколько терминов: Д.С. Куулар и Ч.Ч. Куулар называют легенду и миф одним общим термином *тоолчургу чугаа* (букв. сказочные рассказы), Ю.Л. Аранчин – *кара чугаа* (простой рассказ), М.Б. Кенин-Лопсан – *торулга* (сказание). В вышеприведенных терминах, на наш взгляд, имеются некоторые несоответствия. Термин *тоолчургу чугаа* не дифференцирован, обозначает два неравнозначных понятия – и миф, и легенду; *кара чугаа* совпадает с понятием разговорная речь; слово *торулга* характерно только для определенной местности (Хөндергей).

Как пишет Эрика Таубе, центральские тувинцы, проживающие в Северо-Западной Монголии, миф называют словом «*домак*» [10, с. 18]. Это, может быть, свидетельствует о том, что у тувинцев, у которых много общего с жизнью соседних монголов, раньше существовали определенные повествования с особым названием *домак*. Поэтому по идее можно было бы называть миф в тувинской фольклористике словом *домак*. Однако, учитывая то обстоятельство, что в современном тувинском языке это слово стало применяться для обозначения лингвистического понятия «предложение», напрашивается другой термин, однотипный с уже устоявшимися в тувинской фольклористике терминами *тоолчургу чугаа* (легенда), *төөгү чугаа* (предание), *солун чугаа* (устный рассказ). Исходя из вышеуказанных народных определений и устоявшейся в тувинской фольклористике традиции включать слово *чугаа* в качестве ключевого компонента словосочетания для обозначения жанров несказочной прозы, можно назвать миф термином *бурунгу чугаа* (старинный рассказ). Но этот термин может иметь собирательное значение – и миф, и легенда, и предание. Поэтому мы предлагаем называть миф одним сложным словом *бурун-чугаа* (древнейший рассказ). Этот термин, на наш взгляд, как наиболее понятный и ёмкий, отвечает основным критериям мифа – подчеркивает давность происходящего события и веру в его достоверность, а также повествовательный характер произведения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 11-14-17004а/Т

Библиографический список

1. Тувинские народные сказки / сост. и автор вступ. ст. З.Б. Самдан. – Новосибирск, 1994; Тувинские героические сказания / сост. и автор вступ. ст. С.М. Орус-оол. – Новосибирск, 1997; Мифы, легенды и предания тувинцев / сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск, 2010.
2. Чылбыга Айны канчап сырыпканыл? Тыва улусту* бурун-чугаалары (Почему Чылбыга проглотила Луну? Сб. тувинских мифов) / сост. и автор вступ. ст. З.Б. Самдан. – Кызыл, 2004. – (Аас чогаалыны* тураскаалдары).
3. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
4. Бутанаев, В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
5. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
6. Якутские мифы – Саха *с-номохторо /сост. и автор вступ. ст. Н.А. Алексеев. – Новосибирск, 2004.
7. Майногашева, В.Е. Хакасские сказители и певцы. – Абакан, 2000.
8. Чудояков, А.И. Девять бубнов шамана. – Кемерово, 1989.
9. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
10. Сказки и предания алтайских тувинцев / сост. и автор вступ. ст. Эрика Таубе. – М., 1994.

Bibliography

1. Tuvinskie narodnihe skazki / sost. i avtor vstup. st. Z.B. Samdan. – Novosibirsk, 1994; Tuvinskie geroicheskie skazaniya / sost. i avtor vstup. st. S.M. Orus-ool. – Novosibirsk, 1997; Mifih, legendih i predaniya tvincev / sost. N.A. Alekseev, D.S. Kuular, Z.B. Samdan, Zh.M. Yusha. – Novosibirsk, 2010.

2. Chihlbihga Ajynih kanchap sihihrihpanih? Tihva ulustu? burun-chugaalarih (Pochemu Chihlbihga proglotila Lunu? Sb. tuvinskikh mifov) / sost. i avtor vstup. st. Z.B. Samdan. – Kihzihi, 2004. – (Aas chogaalinih? turaskaaldarih).
3. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
4. Butanaev, V.Ya. Khakassko-russkiy istoriko-ehnotograficheskiy slovarj. – Abakan, 1999.
5. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
6. Yakutskie mifih – Sakha ?s-nomokhtoro / sost. i avtor vstup. st. N.A. Alekseev. – Novosibirsk, 2004.
7. Maynogasheva, V.E. Khakasskie skaziteli i pevcih. – Abakan, 2000.
8. Chudoyakov, A.I. Devyatj bubnov shamana. – Kemerovo, 1989.
9. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
10. Skazki i predaniya altajskikh tuvincev / sost. i avtor vstup. st. Ehrika Taube. – M., 1994.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 003. 007+800

Smolina A. PARALOGICAL AND PARAONTOLOGICAL DEVICES IN ERNST THEODOR AMADEUS HOFFMAN'S WORKS. The article deals with paralogical and paraontological devices functioning in E.T.A. Hoffmann's texts, the specific ways E.T.A. Hoffmann used the devices are defined, the potential of paralogics and paraontology to deal with different stylistic tasks is characterized.

Key words: paralogical device, paraontological device, law of logic, ironical characteristic, satirical image, grotesque image.

**А.Н. Смолина, доц. каф. Русского языка и речевой коммуникации СФУ, г. Красноярск,
E-mail: angelic2009@mail.ru**

ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА ТЕОДОРА АМАДЕЯ ГОФМАНА

В работе рассматриваются вопросы, связанные с функционированием паралогических и параонтологических приёмов в текстах Э.Т.А. Гофмана; определяется специфика их использования Э.Т.А. Гофманом; выявляются возможности паралогики и параонтологии в выполнении различных стилистических заданий.

Ключевые слова: паралогический приём, параонтологический приём, закон логики, сатирическая характеристика, ироническая характеристика, сатирический образ, гротескный образ.

Творчеству немецкого писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана посвящены труды многих учёных-литературоведов, как зарубежных, так и российских. Здесь важно назвать работы немецких исследователей Т. Крамера и Ф. Фюмана [1; 2]. Среди российских исследователей и писателей в течение многих лет сохраняется интерес к произведениям Э.Т.А. Гофмана, его художественным методам, социальной позиции, идеям. В.Г. Белинский о творчестве Гофмана в «Отечественных записках» пишет: «В его рассказах, по-видимому, диких, страшных, нелепых, всегда видна глубочайшая разумность. В своих элементарных духах поэтически олицетворял он таинственные силы природы; в своих добрых и злых гениях, чудаках и волшебниках поэтически олицетворял он стороны жизни, светлые и темные ощущения, желания и стремления, невидимо живущие в недрах человеческой души» [3]. А.И. Герцен, характеризуя произведения Гофмана, говорит: «Три элемента жизни человеческой служат основой большей части сочинений Гофмана, и эти же элементы составляют душу самого автора: внутренняя жизнь артиста, дивные психические явления и действия сверхъестественные. Всё это с одной стороны погружено в чёрные волны мистицизма, с другой – растворено юмором живым, острым, жгучим» [4]. О том, что в произведениях Гофмана всегда затрагивается внутренний мир одухотворённого человека, об интересе писателя к психологии и сверхъестественным явлениям пишут и современные литературоведы, лингвисты, философы. А.С. Дмитриев отмечает, что «фантастика является важнейшим компонентом мировоззренческой и эстетической системы подавляющего большинства романтиков» [5]. И добавляет, рассматривая изображение конфликта между мечтой и действительностью в их произведениях применительно к Э.Т.А. Гофману: «Гофман <...> в полном соответствии с принципами романтического мировоззрения и эстетики утверждает несовместимость идеала с действительностью, несовместимость подлинно высокого искусства как наиболее полного выражения этого идеала с реальной обыденной жизнью» [5]. Конфликт художника и общества мы, действительно, видим во всех больших и малых произведениях автора. Очень ярко это звучит в «Песочном человеке», где молодой человек Натанаэль – чужак на взгляд окружающих – не может найти общий язык, как с близкими, так и с дальними ему людьми, жизнь которых наполнена прозой и которые многое в его речах воспринимают как игру воображения. Столкновение мечты и реальности мы видим и в повествовании о Цахесе, и в «Золотом горшке». Есть черты, которые делают произведения Гофмана осо-

бенными. Это соединение мистики и реальности; гротескных уродливых форм и тонких психологических характеристик; лёгкого юмора и сатиры, переходящей в сарказм; образы чудаков, одухотворённых страстью к искусству, и филистеров, заурядных людей с узким обывательским кругозором; сказочных фей и мерзких уродцев.

Если посмотреть обзорно на литературу, посвящённую Гофману, то можно увидеть, что в большей части работ рассматриваются ключевые для понимания творчества писателя вопросы. Прежде всего, авторы обращаются к биографии писателя: в повестях и рассказах Гофмана находит отражение его любовь к музыке и профессиональное занятие ею, узнаваемые в гротескных или ироничных образах чиновники, учёные и студенты, а в одухотворённых чудаках, увлечённых музыкой и поэзией, мы узнаём самого автора. Отображение мира искусства и фантастические элементы в повествовании также отмечаются многими исследователями (А.И. Герценом, Ф. Фюманом, А.С. Дмитриевым, и другими). Заметно обращение к иронии, сатире и гротеску Гофмана. Есть ряд работ о технике комического писателя. Например, диссертация А.В. Скобелева «Особенности сатиры и проблема комического в творчестве Э.Т.А. Гофмана» [6].

В данной статье рассматриваются вопросы, которые, как представляется, в отношении творчества Гофмана недостаточно изучены, хотя отчасти они и связаны с сатирической составляющей его произведений. Речь пойдёт о паралогике и параонтологии в произведениях Гофмана. Цель работы – описать функционирование паралогических и параонтологических приёмов в сказочных повестях Гофмана. Исследование проводилось на материале произведений «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», «Песочный человек», «Золотой горшок». Здесь важно заметить, что новизна и значимость исследования заключается не только в том, что мы обращаемся к неизученному вопросу о паралогических приёмах в творчестве Гофмана, но и в том, что функционирование паралогических приёмов в целом в текстах разных стилей и жанров не вполне исследовано. Причём, необходимо сказать, что в современной лингвистике тема паралогики весьма востребована. В частности, активно разрабатывается учение о паралогике в риторике Е.В. Клюевым [7].

В определениях паралогического и параонтологического приёмов мы опираемся на точку зрения Г.А. Копниной, которая под паралогическими приёмами понимает «прагматически мотивированные отступления от законов и правил формальной логики» [8, с. 421]. К параонтологическим Г.А. Копнина относит «при-

ёмы, построенные на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека» и «приёмы, построенные на отклонении от наших представлений о том мире, который окружает человека, т. е. о явлениях природы, о поведении человека и т. д.» [8, с. 460–461]. Приёмы, основанные на отклонении от норм онтологии, также называют «приёмами нарочито неправдоподобного описания» (работы В.П. Москвина) [9, с. 44].

Рассматривая паралогию в произведениях Э.Т.А. Гофмана, мы обращались к отклонениям от четырёх законов логики. Закона тождества, который гласит: всякое суждение в процессе доказательства должно оставаться неизменным (т.е. тождественным самому себе). Закона противоречия (непротиворечия), который гласит: не могут быть одновременно истинными два суждения, одно из которых что-либо утверждает, а другое отрицает это. Закона исключённого третьего: из двух противоположных суждений одно – истинное, другое – ложное, третьего не дано. Закона достаточного основания: всякое суждение должно быть обосновано с помощью другого суждения, истинность которого уже доказана.

Основное стилистическое задание, с которым используются паралогические приёмы – создание иронических и сатирических характеристик. Паралогика, чаще всего, становится средством сатирического изображения объекта или явления. В частности, к ней автор прибегает с целью критики общественных явлений. Так, например, скептическое отношение к реализации идей просвещения, к тому, как это осуществлялось «на местах», выражено так: *«Прежде чем мы приступим к просвещению, то есть прикажем вырубить леса, сделать реку судоходной, развести картофель, улучшить сельские школы, насадить акации и тополя, научить юношество распевать на два голоса утренние и вечерние молитвы, проложить шоссейные дороги и пригласить оспу, – прежде надлежит изгнать из государства всех людей опасного образа мыслей <...>»*. В приведённом примере нарушается **закон достаточного основания**. Данный закон требует, чтобы тезис с необходимостью вытекал из основания. Как видим, в этом примере так не происходит: просвещение, понимаемое как передача знаний, распространение знаний и культуры (по словарю С.И. Ожегова), явно не заключается в вырубке лесов, насаждении акаций, распевании молитв на два голоса. Автор текста сознательно сужает понятие просвещения и включает в его определение элементы, не являющиеся необходимыми, внося в повествование критику, негативную оценку, подвергая осмеянию просветительскую деятельность власти.

Высмеивая пороки человека и общества, в частности чиновничество и угодничество, Гофман также зачастую прибегает к нарушению логических законов. Например, показывая придворных географа и историка на приёме у князя, писатель обращает внимание на их слепое соглашательство, желание угодить, ни в чём не противоречить вышестоящему, пусть это даже будет расхождением со здравым смыслом: *«Придворный географ вместе с историком должны были представить обстоятельные сообщения об этой стране. Они оба согласились на том, что Джиннистан – прежалкая страна, без культуры, просвещения, учёности, акаций и прививки оспы, и даже, по правде говоря, вовсе не существует»*. В уничтожении страны Джиннистан географ и историк доходят до абсурда: заявляя в конечном итоге, что её вовсе нет, хотя первоначально речь шла только о ничтожности этой страны. Здесь мы наблюдаем нарушение **закона тождества**: выдвинутое первоначально суждение о том, что *«Джиннистан прежалкая страна»* в процессе доказательства было изменено. Такой приём в риторике называется **апофазия**. Суть данного приёма заключается именно в том, что автор речи «меняет или опровергает высказанную им ранее мысль» [10, с. 53], то есть сам опровергает то, что только что утверждал [11, с. 89].

Прибегая к паралогике, автор выражает и свое отношение к современной науке и учёным. Рисуя образ естествоиспытателя Моша Терпина, Гофман пишет о его научных открытиях так: *«Начало его славе положило удачное выведение им после многочисленных физических опытов заключение, что темнота происходит преимущественно от недостатка света»*. Здесь мы видим отклонение от **закона достаточного основания**, заключающееся в совмещении причины и следствия. Е.В. Падучева обозначила схему построения этого приёма так: **А, потому что А** [12, с. 91]. Ничтожность открытий

Моша Терпина показана писателем через тривиальность, тавтологичность и логическую дефектность его умозаключений.

Изображая Циннобера, олицетворяющего ничтожного человека, в короткое время сделавшего блестящую карьеру путём присвоения чужих трудов и талантов, путём обмана и подлога,

Гофман прибегает к отклонению от закона противоречия: *«Циннобер при этом вёл себя весьма непристойно. Он дубасил маленькими ножонками по толстому животу профессора и пищал: – Пусты меня, пусты меня! Мне больно, больно, больно! Я выцарапаю тебе глаза, я прокушу тебе нос! – Нет! – вскричал профессор, опуская малыша на диван. – Нет, милый друг, к чему такая чрезмерная скромность»*. Здесь мы наблюдаем противоречие, создающее комический эффект. Цахесу приписываются поступки, несовместимые с чрезмерной скромностью, которой его наделяет профессор. По этой причине здесь также усматривается нарушение закона исключённого третьего, которое в риторике именуется **синециозисом**, т.е. «объединением противоположных понятий в единое смысловое целое, без явного противопоставления, приписывание одному и тому же предмету (лицу) противоположных качеств» [11, с. 88]).

Подобный пример иронической характеристики мы видим и в сцене разговора Цахеса с князем Барсануфом:

«<...> князь Барсануф заметил ему: «Не пренебрегайте чрезмерно вашей причёской, дорогой министр, я пришлю к вам своего куафера». На что Циннобер весьма учтиво ответил, что он велит этого парня, когда тот заявится, выбросить в окошко. «Великая душа! К вам и не подступиться!» – промолвил князь и горько заплакал». Здесь мы видим два момента, содержащих взаимоисключающие явления: *Циннобер весьма учтиво ответил, что он велит этого парня, когда тот заявится, выбросить в окошко* (учтивое поведение не предполагает хамства и насилия) и характеристика поведения Цахеса князем: *«Великая душа!»*, что явно противоречит его грубости.

Очевидно, что в приведённых примерах автор использует нарушение законов логики с целью создания сатирического гротескного образа Цахеса, однако здесь также усматривается обличение подобоострастного отношения к людям более высокого статуса, ведь Цахес стал министром Циннобером.

Паралогические приёмы помогают автору создать карикатурный образ Цахеса, бездарного ничтожества, обладающего раздутым самолюбием, чванливостью и кичливостью. Магия феи Розабельверде даёт ему возможность выглядеть в глазах окружающих статным красавцем, наделённым талантами и ясным умом. Цахес делает блестящую административную карьеру: не закончив даже обучение в университете, он становится важным лицом, чиновником высокого уровня и, в довершение всего, первым министром. Присвоение плодов чужого труда и таланта – способ продвижения Цахеса по служебной лестнице и в личной жизни. Так с помощью художественных средств автор изображает один из самых существенных пороков современного Гофману общественного устройства.

Своё отрицательное отношение к ничтожным людям, добивающимся успеха путём подлога и низких средств: обмана, кражи плодов интеллектуального труда, Гофман выражает нарушением закона тождества. Мош Терпин, мечтающий о свадьбе своей дочери Кандиды и министра Циннобера, рассуждает: *«<...> могло ли мне выпасть большее счастье, чем случай, приведший в мой дом достойнейшего тайного советника по особым делам ещё студентом? Он женится на моей дочери, он станет моим зятем, через него я войду в милость к нашему славному князю Барсануфу и буду подниматься по лестнице, по которой взбирается мой превосходный крошка Циннобер»*. И далее он говорит: *«<...> как погляжу я на этого малыша по особым делам»*. В начале рассуждений о Циннобере говорится как о **достойнейшем тайном советнике по особым делам**, в конце как о **малыше по особым делам**. Сама фраза *«малыш по особым делам»* звучит весьма иронично, **нарушение тождества** в именовании Циннобера усиливает комизм, прежде всего, из-за несоответствия его внутренних и внешних свойств занимаемой должности.

К паралогике автор прибегает и при отображении другой проблемы общества – бедственного положения простого народа, манипулирования их сознанием со стороны власти: *«профессору <...> приходилось, когда град побьёт поля, поспешно выезжать в деревню, чтобы объяснить княжеским арендаторам, отчего случается град, дабы и этим глупым пентюхам малость перепало от науки и они могли впредь остерегаться подобных бедствий и не требовать увольнения от арендной платы по причине несчастья, в коем никто, кроме них самих, не повинен»*. Приведённый отрывок – прекрасный пример демагогии представителя власти, который с помощью безосновательных суждений пытается затуманить сознание зависимых людей в корыстных целях. Обвинение арендаторов в том, что они сами виноваты в дурной погоде, в том, что на них обрушился град – софистическая уловка, в основе которой

мы наблюдаем, прежде всего, **нарушение закона достаточного основания**.

Нарушение закона достаточного основания писатель обычно использует, как было показано выше, с целью создания сатирической характеристики тех объектов и явлений, которые не приемлет, прежде всего, это филистерство и филистеры. Неприятие людьми искусства эпохи Гофмана мира пошлых прозаических мешан – филистеров, как их называли тогда в Германии, в целом свойственно немецким романтикам. Гофман, заостряя их черты сведением к абсурду через нарушение логических законов, придаёт гротескную карикатурность образам. Однако нарушение закона достаточного основания используется автором и при описании любимых героев – одухотворённых чудиков, поскольку они также являются частью общества и, следовательно, могут быть подвержены его порокам. Такой пример мы находим в описании студента Бальтазара: *«На нём был зубчатый воротник из тончайших брюссельских кружев, короткий камзол рубчатого бархата с прорезанными рукавами. Притом он был во французских сапожках с высокими острыми каблуками и серебряной бахромой, в английской шляпе тончайшего кастора и в датских перчатках. Итак, он был одет совсем по-немецки...»*. В приведённом примере автор на основании того, что молодой человек был одет в брюссельские, французские, английские и датские вещи, делает заключение, что *«он был одет совсем по-немецки»*, что звучит абсурдно. Из описания со всей необходимостью не следует (как этого требует закон достаточного основания), что герой был одет по-немецки, мы наблюдаем неоправданный вывод. Помимо этого здесь также нарушается **закон противоречия**, поскольку первая часть высказывания (описание) противоречит второй (суждению). Всё это служит, с одной стороны, созданию лёгкой иронии, направленной в адрес Бальтазара, с другой стороны, показывает общественный порок – склонность германских молодых людей ко всему заграничному. По логике приведённого описания быть одетым во французское, английское и иное заграничное – одно из основных свойств германской молодёжи.

Интересен и пример описания студента Ансельма и его злоключений. Ансельм, чувствуя себя рождённым под несчастливой звездой и преследуемым злым роком, произносит такой внутренний монолог: *«А ведь это верно, что я родился на свет для всевозможных испытаний и бедствий! Я уже не говорю о том, что я никогда не попадал в бобовые короли, что я ни разу не угадал верно в чёт и нечет, что мои бутерброды всегда падают на землю намавленной стороной, – обо всех этих злополучиях я не стану и говорить <...>»*. Приведённый пример относится к «самофальсифицируемым высказываниям», в которых одновременно утверждается и отрицается какой-либо факт. Данные высказывания представляют собой **паралепсис**, при помощи которого говорящий упоминает то, о чём обещает молчать. Такие высказывания часто начинаются со слов: *«Я не буду даже упомянуть о...», «Я ни слова не скажу о...», «Я не буду говорить о том, что...»*. В повествовании о неудачах Ансельма паралепсис играет важную роль в создании образности и создаёт лёгкую иронию.

На параонтологии, или неправдоподобию, строится большинство произведений автора, так как в каждом из них мы видим элементы сказки. Параонтология Гофмана имеет свои особенности. Прежде всего, скажем о том, что нарочитое неправдоподобие, гипреболизация, гротеск помогают автору колоритнее и глубже отобразить существующие в обществе противоречия и проблемы. Так, фантастический карикатурно-гротескный образ Цахеса даёт читателю возможность увидеть общественный порок во всём его безобразии. Действительно, во все времена в различных социумах встречается такое явление: человек, не обладающий ни умом, ни талантами, ни нравственным началом оказывается на вершине этого социума благодаря разным причинам: покровительство знатных особ, интеллектуальное воровство, клевета, доносы и другое. Утрируя уродливость Цахеса, заостряя черты до сказочности и гротеска, автор не просто привлекает внимание, он заставляет нас задуматься о справедливости общественного устройства, взаимоотношениях в обществе. Приведём пример описания Циннобера: *«Голова глубоко ушла в плечи, на месте спины торчал нарост, похожий на тыкеу, а сразу от груди шли ножки, тонкие, как прутья орешника, так что весь он напоминал раздвоенную редьку. Незоркий глаз не различил бы лица, но, взглядевшись пристальнее, можно было приметить длинный острый нос, выдававшийся из-под чёрных спутанных волос, да маленькие чёрные искрящиеся глазёнки, – что вместе с морщинистыми, совсем страшескими чертами лица, казалось, обличало маленького альмана»*. А вот Циннобер на экзамене: *«Испитание началось <...>*

Циннобер ничего не знал, ровным счётом ничего, вместо ответа он силел и квакал и нёс какую-то невнятную околесицу, которую никто не мог разобрать, и так как при этом он непристойно корячился и дрыгал ногами, то несколько раз падал с высокого стула, так что мне пришлось его подымать и сажать на место». В обоих примерах мы наблюдаем приёмы, построенные на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека, или антропосферные.

Их использование мотивировано такими авторскими заданиями, как создание негативного отталкивающего образа, выражение отрицательной оценки, формирование отношения читателя к персонажу и его действиям. Нарочитое неправдоподобие в изображении Циннобера – средство сатиры и сарказма в отношении, прежде всего, общественной системы, в которой подобные Цинноберу достигают вершин благодаря покровительству и мошенничеству. Утрирование внешнего уродства Цахеса необходимо Гофману, чтобы подчеркнуть безобразие общественных явлений, которые он олицетворяет.

В повествовании о Циннобере фантастический элемент присутствует не только в сюжетных линиях, связанных с этим персонажем и его покровителем феей Розабельверде. Волшебные элементы и магические явления возникают и как авторское средство наказания для реалистичных, обычных героев. Так наказан за повышенное самомнение, снобизм и скептическое отношение ко всему, а в особенности к сверхъестественному, студент Фабиан. Параонтология в ситуации с Фабианом также является средством авторской иронии: *«Фабиан, к своему удивлению, заметил, что его коротенький сюртучок вытянулся сзади до самой земли, а рукава, прежде достаточно длинные, собрались сборками у локтей. – Тысяча чертей, да что же это такое? – вскричал он и стал оттягивать и обдергивать рукава и расправлять плечи. Сперва это как будто помогло, но едва только друзья прошли городские ворота, как рукава опять полезли кверху сборками, а полы стали расти, так что вскоре, невзирая на все оттягивания, обдергивания и пошевеливания, рукава собрались у самых плеч, выставляя напоказ голые руки Фабиана, а сзади волочился шлейф, который всё более и более удлинялся»*.

В «Песочном человеке» приём нарочитого неправдоподобия в изображении человека и мира используется для выражения протеста против механического бездушия, подменяющего подлинные человеческие отношения в обществе. Механическая девушка Олимпия, практически ничем не отличающаяся от обычной, в конечном итоге приводит главного героя, впечатлительного и ранимого Натанаэля, к сумасшествию. Когда герой понимает, что был влюблён в куклу, бездушный механизм, и видит её с вырванными глазами, ту, которая для него была живой и любимой, ради которой он оставил другую девушку, он сходит с ума и лишает себя жизни. В ситуации с куклой, которая живёт среди людей, ведёт себя как обычная девушка (поёт, играет на фортепиано, танцует и т.п.) мы видим приём, построенный на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека и приёме, построенный на отклонении от наших представлений о мире, который окружает человека. Вот описание Олимпии как обычной девушки: *«Олимпия являлась в богатом наряде, выбранном с большим вкусом. <...> играла на фортепиано с величайшей безлостью, а также пропела одну браурную арию чистым, <...> похожим на хрустальный колокольчик голосом. <...> Натанаэль приметил, с какой тоской глядит она на него, как всякий звук сперва возникает в полном любви взоре <...>»*. А вот финальные сцены, в которых мы видим Олимпию в руках её создателей: *«Профессор держал за плечи какую-то женскую фигуру, итальянец Коппола тянул её за ноги, оба тащили и дёргали в разные стороны <...> Коппола с нечеловеческой силой вырвал из рук Спаланцани фигуру и нанёс ею профессору такой жестокий удар, что тот зашатался и упал навзничь на стол <...> Коппола взвалил на плечи фигуру и <...> торопливо сбежал по лестнице, так что слышно было, как отвратительно свесившиеся ноги Олимпии с деревянными стуком бились и громыхали по ступеням. Натанаэль оцепенел – слишком явственно видел он теперь, что смертельно бледное восковое лицо Олимпии лишено глаз, на их месте чернели две впадины: она была безжизненной куклой <...> Натанаэль увидел на полу кровавые глаза, устремившие на него неподвижный взор»*. Столкновение мечты и реальности (Олимпия была для героя мечтой), осознание ужаса обмана, которому он подвергся, понимание того, что его возлюбленная – автомат, а также вид растерзанной мечты, – всё это приводит героя к трагедии. А сама трагедия Натанаэля символизирует столкновение впечатлительного человека с бездушным миром.

Подведём итог: писатель Эрнст Теодор Амадей Гофман использует паралогические и параонтологические приёмы с различными стилистическими заданиями. Паралогические приёмы чаще всего становятся средством создания комического эффекта (юмористических, иронических, сатирических характеристик); средством создания необычной, гротескной образности; также используются как способ выражения авторской оценки и личного отношения к общественным порокам; как приём, передаю-

щий абсурдность действительности. Параонтологические приёмы вносят сказочный элемент, способствуют созданию фантастического мира и яркой необычной образности, служат средством выражения отношения автора к реальной жизни, которую он не принимал в том виде, в котором её наблюдал. Можно сказать, что ирреальность – способ ухода автора от действительности, которую он не приемлет. Помимо этого параонтология становится средством создания комического эффекта.

Библиографический список

1. Крамер, Т. Гротеск Э.Т.А. Гофмана. – М., 1971.
2. Фюман, Ф. Э.Т.А. Гофман // Встреча: антология. – М., 1983.
3. Белинский, В.Г. Ярчук (.) собака-духовидец. Сочин. Александрова (Дуровой) [Э/р]. – Р/д: <http://rusbook.com.ua>.
4. Герцен, А.И. Гофман (Н.П. Огарёву) [Э/р]. – Р/д: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0340.shtml
5. Дмитриев, А.С. Эрнст Теодор Амадей Гофман [Э/р]. – Р/д: <http://gofman.krossw.ru>
6. Скобелев, А.В. Особенности сатиры и проблема комического в творчестве Э.Т.А. Гофмана: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1984.
7. Ключев, Е.В. Риторика. – М., 1999.
8. Копнина, Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. – М., 2009.
9. Москвин, В.П. Стилистика русского языка. – Волгоград, 2001.
10. Апофазия // А.П. Квятковский. Школьный поэтический словарь. – М., 1998.
11. Филиппов, А.В. Публичная речь в понятиях и выражениях / А.В. Филиппов, Н.Н. Романова. – М., 2002.
12. Падучева, Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Л. Кэрролла // Семиотика и информатика: сб. статей. – М., 1982. – Вып. 18.

Bibliography

1. Kramer, T. Grotesk Eh.T.A. Gofmana. – M., 1971.
2. Fyuman, F. Eh.T.A. Gofman // Vstrecha: antologiya. – M., 1983.
3. Belinskiy, V.G. Yarchuk (.) sobaka-dukhovidec. Sochin. Aleksandrova (Durovoy) [Eh/r]. – R/d: <http://rusbook.com.ua>.
4. Gercen, A.I. Gofman (N.P. Ogaryovu) [Eh/r]. – R/d: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0340.shtml
5. Dmitriev, A.S. Ehrnst Teodor Amadey Gofman [Eh/r]. – R/d: <http://gofman.krossw.ru>
6. Skobelev, A.V. Osobennosti satirih i problema komicheskogo v tvorchestve Eh.T.A. Gofmana: dis. ...kand. filol. nauk. – Voronezh, 1984.
7. Klyuev, E.V. Ritorika. – M., 1999.
8. Kopnina, G.A. Ritoricheskie priyomih sovremennogo russkogo literaturnogo yazihka: opiht sistemnogo opisaniya: monografiya. – M., 2009.
9. Moskvina, V.P. Stilistika russkogo yazihka. – Volgograd, 2001.
10. Apofaziya // A.P. Kvyatkovskiy. Shkolniy poehticheskij slovarj. – M., 1998.
11. Filippov, A.V. Publchnaya rechj v ponyatiyah i vihrzheniyakh / A.V. Filippov, N.N. Romanova. – M., 2002.
12. Paducheva, E.V. Tema yazihkovoy kommunikacii v skazkakh L. Kehrrolla // Semiotika i informatika: sb. statey. – M., 1982. – Vihp. 18.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81'25 (06)

Yakovleva S.L., Kozhinova O.V. SUBTITLES AS A FORM OF AUDIO-VISUAL TRANSLATION: TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AND PROPER NAMES. The article deals with the translation of culture-specific vocabulary and proper names from French into English and Russian in the subtitles to the film «*Le Fabuleux Destin D'Amélie Poulain*».

Key words: subtitles, translation, culture-specific vocabulary, proper names, French, English, Russian.

С.Л. Яковлева, канд. пед. наук, доц., зав. каф. иноязычной речевой коммуникации Марийского гос. университета, г. Йошкар-Ола; **О.В. Кожина**, переводчик-фрилансер, г. Йошкар-Ола, E-mail: zavkaf1@gmail.com

СУБТИТРЫ КАК ВИД АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА: ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ И ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В статье рассматриваются основные приемы передачи реалий и имен собственных с французского на английский и русский языки к субтитрам франко-немецкого фильма «Амели».

Ключевые слова: субтитры, прием перевода, реалии, имена собственные, французский, английский, русский языки.

В последнее десятилетие в отечественном и зарубежном переводе все большее внимание уделяется проблеме перевода аудиовизуальных произведений. Это связано с процессами глобализации и значительным увеличением контактов между странами и культурами. В век информационных технологий человек воспринимает большую часть информации посредством зрительных и слуховых каналов. В количественном отношении сегодня аудиовизуальные переводы (далее – АВП) занимают едва ли не ведущее место в переводческой практике, что вполне закономерно. Во-первых, аудитория получателей такого перевода весьма широка благодаря распространенности телевидения и Интернета. Во-вторых, производится большое количество медиа-продукции, импортируемой в другие страны и культуры: игровые и документальные фильмы, телепередачи разнообразной тематики, сериалы, новости, концерты, реалити-шоу и т. д. В-третьих, АВП легко воспринимается получателем (на

телеэкране, в кинотеатре, на DVD). Несмотря на значительный интерес лингвистов к проблеме аудиовизуального перевода и довольно большое число работ, посвященной этой теме, целостной характеристики перевода аудиовизуальных произведений и их отличительных свойств дано не было, и проблема до конца не изучена, что обуславливает актуальность исследования.

Цель работы: определить понятие аудиовизуального перевода, охарактеризовать его основные свойства, проанализировать лингвистические и экстралингвистические особенности субтитрования как одного из самых распространенных видов АВП.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач: 1) обобщить имеющиеся в лингвистической литературе данные о понятии аудиовизуального перевода; 2) выделить виды аудиовизуального перевода; 3) изучить историю развития субтитрования; 4) выделить особенности перевода посредством субтитрования на английском и русском языках.

В зарубежном переводоведении большое внимание проблеме аудиовизуального перевода уделяют европейские исследователи, в частности, Я. Иварссон, который опубликовал одну из первых работ, посвященных исключительно субтитрованию [1] и стал одним из авторов стандартов субтитрования для организации *ES/ST* (Европейская ассоциация по изучению экранного перевода). Французский исследователь И. Гамбье занимается проблемой определения и развития АВП в системе науки о переводе и уделяет внимание проблеме цензуры на телевидении [2; 3; 4]. Активное исследование субтитрования начинается в 1980-х гг., в частности, Л. Марло выделяет трудности разного уровня, усложняющие работу переводчика: технологические, психологические, эстетические и лингвистические [5]. В последующие годы выходит в свет большое число изданий по проблемам АВП, объединяющих исследования разных ученых. Одним из ведущих специалистов на сегодняшний день и редактором многих изданий по АВП является испанский ученый Х. Диас Синтас, исследующий проблему классификации видов аудиовизуального перевода; оформление субтитров на экране телевизора и мониторе компьютера; феномен любительского субтитрования в Интернете; сравнительный анализ субтитров с другими видами АВП (преимущественно, с дубляжом и закадровым переводом) и определение преимуществ и недостатков субтитров [6; 7; 8; 9]. Значительная часть материалов, использованных в работе, была опубликована в канадском периодическом издании для переводчиков *Meta* на французском и английском языках.

Научная новизна работы состоит в осуществлении сравнительного анализа лингвистических характеристик субтитрования на английский и русский языки с французского языка.

Теоретическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут послужить материалом для дальнейших исследований в области аудиовизуального перевода и субтитрования.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в курсах по теории перевода, практическому курсу перевода по английскому, французскому и другим языкам.

В качестве материала исследования был выбран французский художественный фильм «*Le Fabuleux Destin D'Amélie Poulain*» («Необыкновенная судьба Амели Пулен», Франция-Германия, 2001) – романтическая комедия Жан-Пьера Жёне. В англоязычных странах этот фильм известен под названием «*Amélie from Montmartre*», а в русском прокате назывался просто «Амели» (в некоторых переводах также – «Амели с Монмартра»); ограничение по возрасту до 17 лет по системе рейтингов Американской киноассоциации (*Rated R for sexual content*).

Объектом анализа стали тексты субтитров к фильму «Амели» на французском, английском и русском языках, представленные на сайтах www.subscene.com и www.opensubtitles.org. Для удобства проведения работы субтитры на трех языках были объединены и разделены по фразам.

На основе теоретического материала были выделены основные лингвистические особенности субтитрования, которые распределены по соответствующим типам: передача реалий (безэквивалентной лексики), имён собственных, инвективной лексики, терминов, идиоматических выражений.

Перевод реалий (безэквивалентной лексики)

При осуществлении аудиовизуального перевода в целом, и перевода кинофильмов в частности, одной из главных задач переводчика является сохранение национального колорита и культурного своеобразия оригинала [10, с. 108]. При этом в фильме может встречаться большое количество безэквивалентной лексики, или реалий, перевод которых представляет некоторую сложность. Известные исследователи в области безэквивалентной лексики, С.И. Влахов и С.П. Флорин считают, что реалиями можно назвать «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [10, с. 80].

При переводе художественного текста, к которому можно отнести художественный фильм, по мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, следует применять следующие приемы: 1) транскрипция (и транслитерация); 2) перевод (замена): а) неологизм; б) калька; в) полукалька; г) освоение; д) семантический неологизм; 2. Замена реалий; 3) приблизительный перевод: а) родовидовая замена; б) функциональный аналог; в) описание, объяснение, толкование; 4) контекстуальный перевод.

Выбор того или иного приема перевода реалий зависит от используемого вида аудиовизуального перевода, степени информированности целевой аудитории и личных предпочтений переводчика. Очевидным является тот факт, что оптимальным спо-

собом передачи реалий являются такие переводческие преобразования, реализации которых требуют наименьших экранного времени и места. Транскрипция и транслитерация могут быть использованы в том случае, если скрывающиеся за ними понятия не играют ключевой роли в развитии сюжета картины [11, с. 136]. Приблизительный или контекстуальный перевод предпочтительнее, чем переводческие неологизмы, так как помогают зрителям быстрее вникнуть в суть кинодиалога. Приведем примеры встречающихся реалий в фильме «Амели» и проанализируем их перевод на английский и русский языки.

Briser la croûte d'une crème brûlée avec la pointe d'une petite cuillère. – Cracking *crème brûlée* with a teaspoon. – Сломать **сахарную корочку** чайной ложкой.

В английском переводе название десерта совпадает с французским аналогом, а в переводе на русский язык дается описательный перевод. Сделано это видимо потому, что у русских зрителей слово *крем-брюле* больше ассоциируется с мороженым, нежели с французским десертом из заварного крема с карамельной корочкой.

Et hop! Envolés tous les deux dans la pampa! – Off they flew to **South America**. – И, хоп! – смылись **за океан**.

Слово *пампа*, или *пампасы*, означает степь на юго-востоке Южной Америки. В данном случае переводчики на английский и на русский языки использовали прием родовидовой замены и заменили содержание реалии единицей с более широким значением (Южная Америка, за океаном). Однако в русском переводе вполне можно было использовать слово *пампасы*, так как оно довольно хорошо известно российскому зрителю и не вызвало бы непонимания.

C'est qu'on est de bon, aujourd'hui, Madame Suzanne? – Des endives au gratin. What's on the menu today, Suzanne? – **Endives au gratin**. Что у вас сегодня, мадам Сюзанна? – **Запеканка из спаржи**. *Dans les endives au gratin, à tous coups, y a de béchamel?* – "Au gratin" means **white sauce**, right? – А запеканку поливают **белым соусом «Бешамель»?**

Блюдо, которое подает в своем кафе мадам Сюзанна, можно перевести на русский как «запеченный эндивий». *Endive* означает растение *эндивий*, или *цикорий салатный*, листья которого употребляются в пищу и широко используются в блюдах французской кухни. Русские переводчики предложили функциональный аналог *спаржа*, что позволило создать у читателя сходное качественное представление. Во втором случае переводчики прибегают к использованию толкования, поясняя, что зачастую под названием «бешамель» подразумевают соус белого цвета.

Ah, chez Marion on fait de la glace au calisson. – **Sugarplum ice cream!** – Мадам Марион делает **мороженое**.

Калиссоны (Calisson) – традиционная провансальская сладость, которая изготавливается на специальной фабрике в городе Экс-ан-Прованс. В состав входят миндаль, засахаренные фрукты и слой сахарной глазури, по вкусовым качествам она напоминает марципан. Калиссоны продаются в виде продолговатых конфет, а также добавляются в десерты, например, в мороженое. В английском и русском переводе путем генерализации был подобран вариант *мороженое* (английский перевод дополнен функциональным аналогом *sugarplum*, означающим *круглый леденец*).

On arrive chez le fromager. 12,90 le Picodon d'Ardèche et 23.50 le Cabécou du Poitou! – Now the cheese shop. **Picodons** are 12.90, **Cabécous** 23.50. – Проходим сыры. «**Пикадон**» – 12.90 и «**Кабеку**» – 23.50.

Во Франции производится большое количество сыров, большинство из которых называются по названию места, где они производятся. При переводе названий сыров на английский и русский языки обычно используется прием транскрипции и генерализации.

Un Kir Aligoté, une Moresque et deux menthes à l'eau. – One **kir aligoté**, one **mauresque**, and two **mint sodas**. – Так! «**Алиготе**» и «**Мятную**»! И две **воды с сиропом**!

Kir – коктейль из белого сухого вина, в данном случае – из винограда сорта *Алиготе*. При переводе неизвестная российскому зрителю реалия передается посредством подбора функционального аналога (винный коктейль – вино). Кир часто подается в виде аперитива, поэтому в одной из фраз фильма был предложен именно этот аналог (*On la voit servir un kir à Hipolito, l'écrivain raté* – А вот она несёт **аперитив** неудавшемуся писателю Ипполито).

Такой же метод был применен к переводу коктейлей *Moresque* и *menthe à l'eau*. Словом *moresque* (мавританский) французы называют коктейль на основе анисовой водки *pastis* с добавлением ячменного *оршада*, безалкогольного напитка. При передаче реалии на русский язык был сделан выбор в пользу функционального аналога. Пастис может употребляться в виде различных коктейлей. Кроме «мореск» популярны коктейли «попугай» (*perroquet*) с мятным сиропом, «канари» (*canari*) – с лимоном, «осенний лист» (*feuille morte*) – с мятным и гранатовым сиропом, «томат» – с сиропом «Гренадин». Переводчик сделал выбор в пользу популярного коктейля «попугай» и заменил его в переводе словом «мятная». Таким образом, название коктейля с мятным сиропом *menthe à l'eau* пришлось передать посредством родовидовой замены, словосочетанием *вода с сиропом*, не уточняя, с каким именно. В английском переводе применен минус-приём (*kir aligoté* и *mauresque*), а также подобран функциональный аналог (*mint soda* – *содовая с мятным сиропом*).

Un Tac-O-Tac, s'il vous plaît. – A scratch card, please. – Лотерейный билет, пожалуйста.

В данном примере речь идет о французской лотерее *Tac-O-Tac*, появившейся в 1984 г. и существовавшей первоначально в виде телевизионной лотереи (как, например, *Спортлото* в России). В 1993 г. из телевизионной лотерея превратилась в мгновенную, цена билета выросла с 10 до 20 франков. В английском переводе был подобран функциональный аналог (*scratch card* – *билет мгновенной лотереи*), а на русском путем родовидовой замены был подобран еще более широкий аналог – *лотерейный билет*.

Un petit vin chaud avec des Spéculoos. – Mulled wine and ginger biscuits. – Тёплое вино, а вот и печенюшки.

В следующем случае встречается название пряного хрустящего печенья *Spéculoos* (в русском языке – *спекулос* или *спекюлос*). В английском переводе использован приблизительный перевод, а именно – описательный перевод (*ginger biscuit* – *имбирное печенье*). Для приготовления печенья *спекулос* кроме имбиря необходимы белый перец, корица, гвоздика, кардамон и мускатный орех. Русские переводчики использовали прием родовидовой замены, обозначив реалию общим словом *печенюшки*. Уменьшительный суффикс был, очевидно, добавлен, чтобы подчеркнуть отношение Рэмона Дюфаеля к Амели, сходное с отеческой заботой.

...pour un type qui va passer le reste de ses jours à manger du bortsch...avec un stupide cache-pot sur la tête! – who'll eat borscht all his life in a hat like a tea cosy. – ...который будет до конца своих дней жрать борщ и носить на голове дурацкий горшок?

Реалия *борщ* – *овощной суп*, распространённый среди народов Восточной Европы, был передана посредством калькирования на французском (*bortsch*) и английском (*borscht*) языках.

Таким образом, основным приемами передачи реалий в переводе в анализируемом нами фильме являются родовидовая замена и функциональный аналог.

Перевод имен собственных

При передаче имен собственных переводчику приходится делать выбор между транскрипцией и транслитерацией, либо применить оба варианта. Ответить на основной вопрос – транскрибировать или переводить – зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста. Это позволяет рассматривать 1) имена-знаки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект, 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием и 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп [10, с. 218].

Единицы первой группы всегда транскрибируются. Как исключение, имя собственное, точная транскрипция которого почему-либо неудобна. Единицы второй группы обладают определенным содержанием, которое обуславливает возможность их перевода. Они как транскрибируются, так и переводятся. Имена собственные третьей группы, как правило, подлежат транскрипции; перевод, подстановка или любое отступление от этого правила допустимы, когда имя собственное должно в той или иной степени приобрести и черты имени нарицательного.

Большинство имен собственных в фильме «Амели» принадлежит к первой группе, и они были переданы на русский язык транскрипцией. При переводе на английский был использован

минус-приём и сохранена оригинальная орфография имён. Приведем некоторые примеры передачи имен собственных на английский и русский языках:

Eugène Koler, après l'enterrement de son ami, Émile Maginot. – returning from his best friend's funeral, Eugène Colère – Эжен Колер, вернувшись с похорон своего лучшего друга Эмиля Мажино;

pourvu d'un chromosome X de M. Raphael Poulain... – a sperm with one X chromosome, belonging to Raphaël Poulain, – принадлежащий господину Рафаэлю Пулену;

atteignait l'ovule de Mme Poulain, née Amandine Fouet. – made a dash for an egg in his wife Amandine. – вырвался на свободу и настиг яйцеклетку, принадлежащую госпоже Амандине Пулен, в девичестве Фуэ.

9 mois plus tard naissait Amélie Poulain. – Nine months later, Amélie Poulain was born. – Через 9 месяцев родилась Амели Пулен.

Hélas, ce n'est pas un nouveau-né qui tombe du ciel mais une touriste québécoise, Marguerite Bouchard, résolue à en finir avec la vie. – alas, not a baby boy, but Marguerite, a tourist from Quebec, bent on ending her life. – Увы, это не долгожданный младенец, а Маргарита Бушар, самоубийца из Канады.

Elle, c'est Suzanne, la patronne. – That's Suzanne, the owner. – Это Сюзанна – владелица кафе.

Au tabac, c'est Georgette, la malade imaginaire. – Georgette is the tobacconist. She's a hypochondriac. – В табачном отделе – Жоржетта, мнимая больная.

Voilà Gina, la collègue d'Amélie. Sa grand-mère était guérisseuse. – Gina works with Amélie. Her grandmother was a healer. – А вот Джина, тоже официантка, её бабушка была знахаркой.

On la voit servir un kir à Hipolito, l'écrivain raté. – She's bringing a kir to Hipolito, a failed writer. – А вот она несёт аперитив неудавшемуся писателю Ипполито.

Lui, qui les observe d'air mauvais, c'est Joseph. – Scowling at them is Joseph. – Мужчина, который с мрачным видом следит за ними, это Жозеф.

Et enfin, voilà Philomène, l'hôtesse de l'air. – And here's Philomène, an air hostess. – И наконец, Филомена. Она стюардесса.

Amélie garde son chat Rodrigue quand elle part. – Amélie looks after her cat Rodrigue when she's away. – Когда она улетает, её кот Родриго держит у себя Амели.

Allez voir l'épicier, Collignon. – Ask Collignon, the grocer. – А то, что вас интересует, может знать Колиньон.

Le crétin, c'est Lucien. – The "cretin" is Lucien. – Кретин – это Люсьен.

Alors, Camus, 2e droite. – Right. Camus...2nd floor on the right. – Так, Каму... 3-й этаж, справа.

C'étaient des gens du Pas-de-Calais. – Bredoteau. C'est tout ce que j'ai à dire! – They were from the Pas de Calais. Bredoteau. What more can I say? – Они приехали с севера. Бредото! А я что сказал?

Ce garçon qui farfouille sous le photomaton s'appelle Nino Quincampoix. – Groping under the photo booth is Nino Quincampoix. – Юношу, вытаскивающего что-то из-под фотоаппарата, зовут Нино Кенконпуа.

Vous savez, on m'appelle l'homme de verre. Mais mon nom, c'est Raymond Dufayel. – They call me the Glass Man, but my name is Raymond Dufayel. – Меня прозвали "стеклянным человеком". Но моё имя Рэмон Дюфазель.

Tenez, Dominique Bretodeau. 27, rue Mouffetard. – Here. Dominique Bretodeau, 27 Rue Mouffetard. – Держите. Доминик Бретодо. 27, улица Муфтар.

Les combinaisons de la tante Josette... – Aunt Josette's slips. – Комбинация тёти Жозетты.

Il paraît qu'elle a eu un enfant, un garçon. Il s'appelle Lucas. – I heard she had a child, a boy. His name is Lucas. – Говорят, она родила сына. Его зовут Люка.

Alors, Eva! C'est pour quand, ces cafés? – Eva! Where are those coffees? – Эва, ну, ты даёшь! И где же кофе?

Au même instant, sur un banc du square La Villette, Félix L'Herbier découvre... – Meanwhile, on a bench in Villette Square, Félix Lerbier learns... – В тот же миг Феликс Лербье, сидя в сквере, обнаруживает...

Переводчики на русский язык наряду с транскрипцией применили русификацию имён, где таковая была возможна:

Amandine – Амандина, *Marguerite* – Маргарита, *Suzanne* – Сюзанна, *Georgette* – Жоржетта, *Philomine* – Филомена, *Rodrigue* – Родриго.

Основную трудность для переводчика кинофильмов представляет перевод имен собственных четырех типов, таких как: 1) прецедентные антропимы; 2) имена королевских особ; 3) имена исторических персоналий, мало известных зрителю; 4) восточные имена собственные, требующие опосредованного перевода.

В анализируемом нами фильме «Амели» встречаются имена собственные трех категорий. Рассмотрим переводческие трудности, связанные с их передачей на языке перевода.

Под прецедентными антропимами в аудиовизуальном переводе мы подразумеваем имена и обращения, выполняющие интертекстуальную функцию, а также имена персонажей фильмов-экранизаций. В последнем случае переводчику следует сохранять традиционные варианты перевода имен, которые встречаются в соответствующих переводных литературных изданиях [12, с. 214]. К прецедентным антропимам можно отнести «говорящие имена» (по С.И. Влахову и С.П. Флорину) с более или менее уловимой внутренней формой. «Говорящие имена» подразделяются на следующие категории: 1) не подлежащие переводу, так как их назывная функция преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания), 2) подлежащие переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание, и 3) требующие такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение (каламбур) [10, с. 210].

Moi, je m'appelle Madeleine Wallace. – My name's **Madeleine Wells**. – Моя девичья фамилия **Фонтана**.

On dit: "Pleurer comme une madeleine", hein? – Madeleine, like Mary Magdalene. She wept, right? – На роду написано плакать. Так ведь говорят?

Et Wallace... C'est les fontaines Wallace... C'est vous dire si j'étais prédestinée aux larmes! – And **Wells as in water**. Talk about being born to cry! – Наверное, поэтому у меня **слёзы, как из фонтана**, и льются.

В имени и фамилии консьержки содержится игра слов и аллюзии, которые необходимо сохранить для оказания необходимого эффекта на зрителя. Сравним: в оригинале говорится *Moi, je m'appelle Madeleine Wallace. On dit: "Pleurer comme une madeleine", hein?* (Меня зовут Мадлен Уолес. Говорят, «плакать, как Мария Магдалена», ведь так? – перевод наш). И в английских субтитрах читаем *My name's Madeleine Wells. Madeleine, like Mary Magdalene. She wept, right?* (Меня зовут Мадлен Фонтейн. Мадлен – как Мария Магдалена, она ведь плакала? – перевод наш). При сравнении подстрочного перевода двух вариантов видно, что игра слов *Мадлен – Мария Магдалена* английским переводчиком удалась.

Вторая сложность заключается в аллюзии на фонтанчики Уоллеса в Париже (*fontaines Wallace*): *Et Wallace... C'est les fontaines Wallace... C'est vous dire si j'étais prédestinée aux larmes!* (А Уолес – это как фонтанчики Уоллеса... Видно, слезы

мне предназначены судьбой. – перевод наш). В английской версии видим: *And Wells as in water. Talk about being born to cry!* (А Фонтейн – та же вода. На роду написано плакать! – перевод наш). Отступив от оригинального намека на фонтанчики Уоллеса, английским переводчикам удалось сохранить тему слез. Русские переводчики поступили несколько иначе. Они решили опустить аллюзию на библейского персонажа и обыграть лишь тему слез и фонтана. *Моя девичья фамилия Фонтана. На роду написано плакать. Так ведь говорят? Наверное, поэтому у меня слёзы, как из фонтана, и льются*. При этом далее в фильме консьержку называют «мадам Фонтан» (*Bonjour, Mme Wallace. Comment ça va ce matin?* – Как Ваши дела, мадам Фонтан?).

La Princesse de Galles, Lady Di, est morte cette nuit à Paris dans un accident de voiture. – **Lady Di, Princess of Wales**, died in a car crash in Paris last night. – Сегодня вечером в автокатастрофе погибла **принцесса Диана**.

Elle se trouvait avec son ami, le milliardaire saoudien, Dodi Fayed, mort lui aussi. – with her companion **Dodi Al Fayed**... – С ней вместе в машине находился её друг, **сын миллиардера, Доди Аль Файед**.

Ряд имен королевских особ – представителей правящих династий, имеют традиционные русские формы, которые и должны использоваться в переводе [10, с. 216]. Имя принцессы Уэльской Дианы и Доди Аль Файеда, благодаря широкому вниманию со стороны средств массовой информации, известно по всему миру, поэтому особых сложностей для перевода не представляет.

La victoire de Federico Bahamontes dans le Tour de France 1959. – **Federico Bahamontes** winning the Tour de France in '59. – Победа **Федерико Богомантеса** в Тур де Франс 1959 года.

Антропимы третьего типа (имена исторических персоналий, мало известных зрителю) следует передавать их прямыми соответствиями в переводящем языке, осуществляя поиск устойчивого варианта перевода в энциклопедиях и специальной литературе [13, с. 89].

Le seul ami d'Amélie s'appelle "le Cachalot". – Amélie has one friend, **Blubber**. – Единственного друга Амели зовут **Кашалот**.

Lui, c'est l'homme de verre. – They call him the Glass Man. – Это стеклянный человек.

Основными приемами передачи иностранных имен в аудиовизуальном переводе, как и в художественном переводе, являются транскрипция и транслитерация, однако при передаче кличек и прозвищ более уместен именно перевод (*cachalot – blubber – кашалот* и *l'homme de verre – Glass Man – стеклянный человек*).

Как видно из приведенных примеров, основным приемом передачи имен собственных на английский и русский языки является транскрипция, причем при переводе на английский часто используется минус-прием (отсутствие перевода), при котором на языке перевода сохраняется орфография исходного языка. На русском языке перевод осуществлен посредством транскрипции, с соблюдением норм переводящего языка.

Библиографический список

- Ivarsson, Jan, Carroll, Mary. Code of Good Subtitling Practice. Approved at the meeting of the European Association for Studies in Screen Translation in Berlin. – Berlin, 1998. – 17.10.
- Gambier, Yves. Adaptation: une ambiguïté à interroger/Meta: journal des traducteurs // Meta: Translators' Journal. – 1992. – Vol. 37. – № 3.
- Gambier, Yves. Les censures dans la traduction audiovisuelle // TTR: traduction, terminologie, rédaction. – 2002. – Vol. 15. – № 2.
- Gambier, Yves. La traduction audiovisuelle: un genre en expansion // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 2004. – Vol. 49. – № 1.
- Marleau, Lucien. Les sous-titres... un mal nécessaire // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1982. – Vol. 27. – № 3.
- Diaz Cintas, Jorge. Back to the Future in Subtitling/MuTra 2005 – Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings – EU-High-Level Scientific Conference Series, 2005.
- Diaz Cintas, Jorge. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement // The Journal of Specialised Translation. – 2004. – Issue 1. – January.
- Diaz Cintas, Jorge. The ever-changing world of subtitling: some major developments. Research on Translation for Subtitling in Spain and Italy. John D. Sanderson (ed.). – University of Alicante, 2005.
- Diaz Cintas, Jorge. Munoz Sanchez, Pablo. Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment // The Journal of Specialised Translation. – 2006 – Issue 6. – July.
- Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М., 1980.
- Blinn, Milka D. Dubbed or Duped? Path Dependence in the German Film Market: An Inquiry into the Origins, Persistence, and Effects of the Dubbing Standard in Germany. – Berlin, 2009.
- Круглый стол в редакции «Мостов». Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. Мосты. – М., 2005. – № 4(8).
- Card, Lorin. Je vois ce que vous voulez dire: un essai sur la notion de l'équivalence dans les sous-titres de 37e 2 le matin et de Au revoir les enfants // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1998. – Vol. 43. – № 2.

Bibliography

- Ivarsson, Jan, Carroll, Mary. Code of Good Subtitling Practice. Approved at the meeting of the European Association for Studies in Screen Translation in Berlin. – Berlin, 1998. – 17.10.

2. Gambier, Yves. Adaptation: une ambiguïté à interroger/Meta : journal des traducteurs // Meta: Translators' Journal. – 1992. – Vol. 37. – № 3.
3. Gambier, Yves. Les censures dans la traduction audiovisuelle // TTR: traduction, terminologie, redaction. – 2002. – Vol. 15. – № 2.
4. Gambier, Yves. La traduction audiovisuelle: un genre en expansion // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 2004. – Vol. 49. – № 1.
5. Marleau, Lucien. Les sous-titres... un mal nécessaire // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1982. – Vol. 27. – № 3.
6. Diaz Cintas, Jorge. Back to the Future in Subtitling/MuTra 2005 – Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings – EU-High-Level Scientific Conference Series, 2005.
7. Diaz Cintas, Jorge. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement // The Journal of Specialised Translation. – 2004. – Issue 1. – January.
8. Diaz Cintas, Jorge. The ever-changing world of subtitling: some major developments. Research on Translation for Subtitling in Spain and Italy. John D. Sanderson (ed.). – University of Alicante, 2005.
9. Diaz Cintas, Jorge. Munoz Sanchez, Pablo. Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment // The Journal of Specialised Translation. – 2006 – Issue 6. – July.
10. Vlahov, S.I. Neperevodimoe v perevode / S.I. Vlahov, S.P. Florin. – M., 1980.
11. Blinn, Milka D. Dubbed or Duped? Path Dependence in the German Film Market: An Inquiry into the Origins, Persistence, and Effects of the Dubbing Standard in Germany. – Berlin, 2009.
12. Kruglihiy stol v redakcii «Mostov». Kinoperevod: malo chto ot Boga, mnogo chego ot Goblina. Mostih. – M., 2005. – № 4(8).
13. Card, Lorin. Je vois ce que vous voulez dire : un essai sur la notion de l'équivalence dans les sous-titres de 37°2 le matin et de Au revoir les enfants // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1998. – Vol. 43. – № 2.

Статья поступила в редакцию: 08.05.12

УДК 81'25

Filippova I.N. **VERBAL REDUNDANCY IN THE INTERPRETATION'S THEORY.** The article reveals translation's problems of redundancy under bilanguage conditions. The advantage of integrated interpretative-transformational approach to translation is proved, primary techniques of translation and translation universals' influence dealing with redundancy are revealed.

Key words: redundancy, translation, interpretation, transformation, translation universals.

И.Н. Филиппова, канд. филол. наук, доц., ФГОУ ВПО Московский гос. областной университет,
E-mail: inf.perevod@gmail.com

ВЕРБАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОНИЗМА

В статье рассмотрены проблемы перевода избыточности в двуязычии. Доказано преимущество комплексно-го интерпретативно-трансформационного перевода, выявлены основные приемы и действие универсалий перевода при передаче избыточности.

Ключевые слова: избыточность, перевод, интерпретация, трансформация, переводческие универсалии.

В современном переводоведении интерпретативный подход обретает все больше сторонников и получает дальнейшее развитие отдельных положений в рамках разнообразного языкового материала (разных языковых пар и комбинациях перевода) и разнообразных ситуациях межъязыковой коммуникации (разных формах и видах перевода). В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного поиску оптимального перевода избыточности (выбору стратегии, подхода, отдельных приемов) в немецко-русской и русско-немецкой комбинациях.

В двуязычной коммуникации, опосредованной переводом, избыточность традиционно рассматривается с двух сторон: как множественность и кратность языкового кода и как чрезмерность и прогнозируемость экстралингвистической информации, составляющей предмет коммуникации. В настоящем исследовании предлагается комплексный подход к избыточности, интегрирующий названные полярные точки зрения, апеллирующий к сопряжению лингвистической и экстралингвистической избыточности. Взаимопроникновение и взаимозависимость избыточности, заданной в системе языка, и избыточности, заданной в предметной ситуации и условиях коммуникации, являются одним из факторов, осложняющих изучение этого многогранного феномена. При комплексном подходе расширяются границы объекта анализа, дифференцируются его отдельные манифестации, детализируется классификация [1, с. 150-155]. Отход от линейного синкретичного рассмотрения избыточности позволяет раскрыть ее иерархическую организацию [2, с. 121-135] и на ее основе прогнозировать и оптимизировать переводческую деятельность, достигнуть адекватного перевода и таким образом содействовать эффективной коммуникации.

Среди онтологических свойств избыточности, обременяющих ее анализ, следует особо отметить два принципиальных свойства. Наибольшие затруднения в классификации и типологизации избыточности детерминирует синкретичность ее манифестаций: *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie* [3, с. 31]. Избыточность нерелевантной информации о местонахождении словаря Дудена представлена в сочетании *steht im*

Bücherregal в купе с избыточностью указания на род и падеж подлежащего *Der Duden* (с одной стороны) и дополнения *im Bücherregal* (с другой стороны) и избыточностью указания на долготу гласного в условно закрытом слове *steht*. Кумулятивный характер проявляется в тесном взаимодействии форм избыточности в речевом континууме, создающем комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных элементов в тексте и текстов в свертковом коммуникативном пространстве. **TRIPOLIS:** *Angesichts der gefährlichen Lage in Libyen haben zahlreiche Staaten ihre Anstrengungen verstärkt, eigene Staatsbürger aus dem nordafrikanischen Land herauszuholen. Nach Angaben des Auswärtigen Amtes in Berlin soll eine weitere Lufthansa-Maschine Ausreisewillige in Tripolis abholen. Auch der erneute Einsatz von zwei Bundeswehrflugzeugen sei geplant. Die Türkei holte in einer ersten Aktion rund 3000 ihrer Staatsbürger mit zwei Fähren aus der libyschen Stadt Bengasi ab. US-Bürger werden nach Angaben der Regierung in Washington zunächst nach Malta gebracht. Tausende Arbeiter aus Indien, China und anderen asiatischen Staaten sollen auf dem Landweg, per Schiff oder mit Flugzeugen aus Libyen evakuiert werden* [4]. На уровне текста здесь вычленились сопряженные формы избыточности: кратность указания на место событий *Libyen ~ das nordafrikanische Land* и кратность указания на процесс *herauszuholen ~ abholen ~ bringen ~ evakuieren*. Очевидная сложность избыточности, нерешенность многих вопросов ее онтологии обуславливает актуальность сравнительно-сопоставительного анализа ее передачи в двуязычии и требует обратиться к поиску методологической переводоведческой базы.

Интерпретационизм, отдельные аспекты которого развивались отечественными (Т.И. Бодрова-Гоженмос, Л. Виссон, З.Д. Львовская; Р.К. Миньяр-Белоручев; Г.Э. Мирам; Л.Л. Нелюбин, Г.В. Чернов) и зарубежными теоретиками перевода (Е.-А. Гутт, М. Lederer, Е.А. Ниде, Д. Сеleskoitch), имеет, главным образом, следующие преимущества перед трансформационно-субститутивной моделью перевода:

- отход от семантико-структурного параллелизма [5, с. 230], предполагающий большую свободу в отношении пере-

дачи собственно материальной стороны исходного текста (далее ИТ);

- большее внимание к экстралингвистическим составляющим предметной ситуации коммуникации (социокультурным, лингвокогнитивным, этнопсихоллингвистическим аспектам);
- большее внимание к содержательно-идеальной (прагматической, интенциональной) стороне ИТ.

В переводоведении принято конфронтировать интерпретационизм и трансформации. Трансформационный перевод понимается как преобразование материальной стороны ИТ (объектов и структур всех языковых уровней, т.е. лексем, синтаксических единиц, фразеологем и т.п.) в объекты и структуры ПЯ. Интерпретационизм рассматривает смысл (концепт, информацию) как главный предмет коммуникации, опосредованной переводом. Однако, при внимательном анализе обнаруживается не столь существенное противоречие между названными подходами. Думается, что в практике перевода отказ от жесткой дихотомии трансформационного и интерпретативного подходов позволяет выявить их комплементарную взаимосвязь. Рассмотрение трансформации как технологии перевода, а интерпретации – как идейной, абстрагированной, теоретической базы перевода может служить комплексным подходом, оптимизирующим процесс перевода и аппроксимирующим его результат.

Такой подход позволяет имплицировать избыточность языкового кода в ИТ, реализованную различными моделями, и нивелировать факты избыточности в тексте перевода (далее ПТ) для облегчения процесса коммуникации. Так, в ИТ *Menschen, die nicht lesen und schreiben können, gibt es nicht nur in armen Entwicklungsländern, sondern auch im reichen Industrieland Deutschland* [6] представлен «формальный повтор» на морфемно-морфологическом уровне системы языка, где типичной для немецкого языка манифестацией избыточности служит дублирование морфем. При сравнительно-сопоставительном анализе констатируется большее распространение такой модели и ее частных манифестаций в немецком языке в силу более активного словосложения (чем в русском языке). При субституции избыточность эксплицируется и копируется в ПТ: «Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в такой богатой и процветающей стране как Германия». Прямая тавтология может быть завуалирована как скрытый повтор «Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в таком богатом и процветающем государстве как Германия». Однако это не существенное изменение для качества перевода. Очевидно, что информация, содержащаяся в дублированной морфеме *-land (Industrieland)* не представляет интереса, поскольку когнитивной компетенции любого потенциального адресата ПТ достаточно для понимания того, что Германия – страна. Этот сегмент избыточен, лишь обременяет коммуникацию и должен быть изъят. При большем внимании к содержательной стороне ИТ такую модель избыточности следует устранить из-за расхождения языковых систем конфронтируемых языков. Тогда избыточность языкового кода получает нулевую манифестацию, т.е. становится нивелируемой: «Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в богатой и процветающей Германии». В данном случае проявляется действие такой переводческой универсалии как нормализация или консерватизм [7], т.е. приведение текста к нормам литературного ПЯ. Полная реализация стратегии нормализации приводит к строгой стандартизации ПТ [8] и утрате маркеров неаутентичности текста [9, с. 195], свидетельствующих о высоком качестве перевода.

При обращении к иным моделям избыточности, экстралингвистическим, переводческая задача существенно усложняется, т.к. избыточность в текстовом континууме приобретает новые черты. Например, в реализации модели «прагматическая множественность» избыточность, выходя за рамки языкового кода, получает дополнительную смысловую нагрузку и служит реализацией интенции автора: *Ob ein Vorname genehmigt wird, entscheidet Rodriguez nach drei einfachen Kriterien: Erstens muss der Name als Vorname erkennbar sein, zweitens muss man dem Namen ein Geschlecht zuordnen können und schließlich muss der Name zum Wohle des Kindes sein. "Whisky" wurde zum Beispiel abgelehnt, weil das Kind nicht schon von der Wiege an als Trinker stigmatisiert werden darf. "Schulze" ist nicht erlaubt, weil es ein Nachname ist* [10]. Коррелирующую с дискурсом избыточность возможно сохранить при субститутивном переводе: «О допустимости имени Родригес судит по трем простым критериям: во-первых, имя должно быть именем, во-вторых имя должно соотноситься с полом, и, наконец, имя должно быть ре-

бенку во благо. Например "Виски" было отвергнуто, т.к. ребенка нельзя с рождения ассоциировать с алкоголиком. "Шульце" недопустимо, т.к. это фамилия». При такой передаче нивелируется только последний факт избыточности, манифестация «формального повтора», детерминируемая только языковой системой (фамилия в ПТ). Остальные факты избыточности копируются в ПТ, значительно осложняя его восприятие. Для облегчения коммуникации необходима импликация этих фактов избыточности и множественные трансформации текстового материала: «О допустимости имени Родригес судит по трем простым критериям: во-первых, это должно быть имя, а не фамилия как, например, Шульце, во-вторых, оно должно соотноситься с полом ребенка, и, наконец, оно не должно ему вредить как, например, "Виски", т.к. ребенка с рождения будут ассоциировать с алкоголиком». Тенденцию к упрощению вербализации смысла в переводе принято рассматривать как симплификацию [11; 12].

К экстралингвистическим манифестациям избыточности относятся также языковые факты, связанные с проявлением политкорректности в отношении гендерного аспекта, имеющем особое значение в немецкоязычном социуме и составляющем «норму языкового поведения – код соответствующего языка» [13, с. 114]. Эта проблема представляет интерес при передаче гендерной эвфемии с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. В немецко-русской комбинации отмечается тенденция к импликации: *Da denke ich auch an unsere Soldatinnen und Soldaten in Afghanistan* [14]. В системе русского языка имеется возможность деривации существительного *солдат* в женский род (*солдатка*), но полученная единица не является семантическим эквивалентом исходной. Информация, содержащаяся в ИТ и принципиально значимая для носителей ИЯ, может быть представлена в форме приложения: «В связи с этим я думаю и о наших военнослужащих в Афганистане, мужчинах и женщинах». В русскоязычном социуме политкорректность менее развита, поэтому уточнение о гендерном различии военнослужащих вызывает у адресата ПТ замешательство, отвлекая его внимание от основного содержания и создавая ситуацию, близкую к коммуникативной неудаче. Во избежание эксплицитной избыточности, не имеющей релевантного значения для адресата ПТ, следует ее изъять: «В связи с этим я думаю и о наших военнослужащих в Афганистане». Данный пример ярко иллюстрирует тесную связь симплификации и нормализации, т.к. приведение ПТ в соответствие с нормами ПЯ допускает упрощение ПТ и обуславливает устранение избыточных элементов.

Важно отметить, что в русско-немецкой комбинации наблюдается обратная тенденция, выраженная в экспликации гендерной эвфемии. *Уважаемые профессора!* Экстралингвистический контекст предполагает присутствие (или гипотетическую возможность присутствия) в академической аудитории лиц и мужского и женского пола. Однако в данном случае языковая норма отфильтровывает потенциальную деривацию существительного *профессор* в женский род, что обусловлено историко-культурными особенностями. При переводе необходимо учесть данные различия и эксплицировать скрытую информацию: «*Hochgeehrte Professorinnen und Professoren!*» Это отражение экспликации, общей тенденции – эксплицировать информацию, имплицитно представленную в исходном тексте [15, с. 60], порождать тексты, более эксплицитные, чем оригинал [16, с. 71]. В данном примере усматривается «обязательная экспликация» [17, с. 82] или «уточнение» [18, с. 34].

Степень дискретности описания предметной ситуации также формирует базу расхождений фактов избыточности в конфронтируемых языках. Под предметной ситуацией понимается обозначение описываемых в тексте предметов и связей между ними, обусловленных социокультурной традицией. «Носители разных языков по-разному воспринимают факты и явления, поскольку эти явления по-разному выражены и сформулированы на их языках» [19, с. 44]. В связи с этим одни и те же факты и явления получают разное отражение в русском и немецком языках, допуская возможность выразить одно и то же содержание подробно и пространно или кратко и емко. Экстралингвистическая избыточность, детерминируемая национальными стереотипами на дескриптивном уровне, определяет различную степень прецизирования признаков описываемой предметной ситуации. *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie* [3, с. 31]. Для адресата ПТ информация о местонахождении словаря (на книжной полке, на полке в книжном шкафу) является нерелевантной, очевидной и, следовательно, коммуникативно избыточной. При ее изъятии и нулевой передаче семантически бедного глагола *stehen* восприятие пропозиции о наличии словаря в каждой семье существенно облегчается: «Сейчас, пожа-

луй, нет такой семьи, где бы не было словаря Дудена». По аналогии с классификацией экспликации, предложенной К. Клауди, такую форму симплификации следовало бы считать прагматической.

Подводя итоги сравнительно-сопоставительного анализа, необходимо подчеркнуть, что в целом единство интерпретации и трансформации представляется более перспективным для передачи избыточности, позволяя облегчить межъязыковую и межкультурную коммуникацию. Представленный анализ фактов избыточности и особенностей их передачи в немецко-русской и русско-немецкой комбинациях перевода позволяет сделать следующие выводы:

1. Избыточность является объективной переводческой проблемой, т.к. в конструируемых языках ее манифестация детерминирована, различием систем и норм языков, а также лингвокультурологическими, лингвокогнитивными и этнопсихолингвистическими особенностями презентации информации в ИТ и ПТ.

2. Основные приемы передачи избыточности сопряжены с комбинацией перевода и моделью избыточности. Импликация языковой избыточности отражает общую тенденцию нормализации. Изъятие или экспликация экстралингвистической избыточности детерминируются степенью ее коммуникативной значимости: передача нерелевантной информации обнаруживает тенденцию симплификации, релевантной – тенденцию экспликации).

Библиографический список

1. Филиппова, И.Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного университета. – 2011. – № 1. – Серия: Лингвистика.
2. Филиппова, И.Н. Иерархическая организация вербальной избыточности // Проблемы теории языка и переводоведения. – 2012. – № 39.
3. Kurz und bündig. Deutschlandsbild. – Leipzig, 1988.
4. Tripolis // Langsam gesprochene Nachrichten. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14861919,00.html>
5. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003.
6. Entezari, M. 7,5 Millionen Analphabeten in Deutschland. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15438644,00.html>
7. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. – Amsterdam, 1996.
8. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. – Bar Ilan, 2005.
9. Кошкин, Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2006.
10. Arnold, R. Unmögliche und mögliche Vornamen. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5448467,00.html>
11. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. – Tel Aviv, 1991.
12. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. – Manchester, 1995.
13. Белл, Р.Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. – М., 1980.
14. Feiertagsansprache von Bundespräsident Horst Köhler. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5053821,00.html>
15. Toury, G. In search of a Theory of Translation. – Tel Aviv, 1980.
16. Chesterman, A. The Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. – Philadelphia/Amsterdam, 1997.
17. Klaudy K. Explication. Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by M. Baker – London/New York, 1998.
18. Dimitrova, B. Expertise and Explication in the Translation Process. – Amsterdam/Philadelphia, 2005.
19. Виссон, Л. Синхронный перевод с русского на английский. – М., 1999.

Bibliography

1. Filippova, I.N. Klassifikacija verbalnoj izbihtchnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 1. – Seriya: Lingvistika.
2. Filippova, I.N. Ierarkhicheskaya organizaciya verbalnoj izbihtchnosti // Problemih teorii yazihka i perevodovedeniya. – 2012. – № 39.
3. Kurz und bündig. Deutschlandsbild. – Leipzig, 1988.
4. Tripolis // Langsam gesprochene Nachrichten. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14861919,00.html>
5. Nelyubin, L.L. Tolkovihy perevodovedcheskiy slovarj. – M., 2003.
6. Entezari, M. 7,5 Millionen Analphabeten in Deutschland. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15438644,00.html>
7. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. – Amsterdam, 1996.
8. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. – Bar Ilan, 2005.
9. Koshkin, R.K. Osobennosti normativnoj deviacii v perevodnom diskurse: avtoref. dis... kand. filol. nauk. – M., 2006.
10. Arnold, R. Unmögliche und mögliche Vornamen. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5448467,00.html>
11. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. – Tel Aviv, 1991.
12. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. – Manchester, 1995.
13. Bell, R.T. Sociolingvistika: celi, metodih i problemih. – M., 1980.
14. Feiertagsansprache von Bundespräsident Horst Köhler. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5053821,00.html>
15. Toury, G. In search of a Theory of Translation. – Tel Aviv, 1980.
16. Chesterman, A. The Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. – Philadelphia/Amsterdam, 1997.
17. Klaudy K. Explication. Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by M. Baker – London/New York, 1998.
18. Dimitrova, B. Expertise and Explication in the Translation Process. – Amsterdam/Philadelphia, 2005.
19. Visson, L. Sinkhronnihy perevod s russkogo na anglijskiy. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811. 512.153

Chugunekova A.N. **MODELS OF THE MOVEMENT, FOCUSED RATHER CERTAIN SPATIAL OBJECT** (on a material of Khakass language). In this article the models of a simple sentence constructed on the block diagram of $N=1$ $N=1/4$ $V=дв$ are described. These models characterize the movement, focused rather spatial object. Five models are revealed and analysed: model of overcoming of an obstacle, model of complete coverage of space, movement model along spatial object, movement model up on spatial object, movement model down on spatial object.

Key words: movement predicates, localizer, uncertain and accusative cases, models of overcoming of an obstacle, model of complete coverage of space, movement model along spatial object, movement model up on spatial object, movement model down on spatial object.

А.Н. Чугунекова, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА)

В статье описаны модели простого предложения, построенные по структурной схеме $N=1$ $N=1/4$ $V=дв$. Эти модели характеризуют движение, ориентированное относительно пространственного объекта. Выявлено и про-

анализировано пять моделей: модель преодоления препятствия, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту, модель движения вниз по пространственному объекту.

Ключевые слова: предикаты движения, локализатор, неопределенный и винительный падежи, модели преодоления препятствия, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту, модель движения вниз по пространственному объекту.

Задачей настоящей статьи является описание моделей простого предложения, формируемых глаголами движения. Модель понимается нами в соответствии с тем, как это понятие трактуется в работах новосибирской синтаксической школы: план выражения модели есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция [1, с. 7]. Все необходимые компоненты структурной схемы фиксируются в ней при помощи условных символов, которые соответствуют частям речи и содержат грамматические дескрипторы нижнего индекса.

Модели движения являются наиболее многочисленным и разнообразным блоком моделей. Этот блок моделей включает:

1) модели, которые описывают путь субъекта или объекта: направление движения из/в какую-либо точку пространства и трассу движения; 2) модели, описывающие движение относительно определенной точки пространства, а именно преодоление, полный охват пространства или движение в обход пространственного объекта. Основанием для выделения этих двух блоков моделей служит их типовое значение. Структурные схемы данных моделей различаются [2, с. 87-88].

Вторая группа моделей, отличается от других моделей движения тем, что характеризует движение, ориентированное относительно определенного пространственного объекта [2, с. 147]. Эта модель не сочетается ни с координатой старта, ни с координатой финиша и ни с координатой трассы движения.

Структурной особенностью моделей этой группы является наличие объекта, выраженного винительным и неопределенным падежом имени.

Структурная схема описываемой модели движения имеет следующий вид: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=\partial\partial\}$.

В этой формуле символ $N=1$ представляет форму неопределенного падежа, подлежащего конструкции, $N=1/4$ – локализатор в неопределенном ($=0$) и винительном ($=N\text{Ы}$) падежах, $V=\partial\partial$ – глагол движения (предикат).

Первый компонент этой модели, активный субъект, представляется именем в неопределенном падеже, обозначающим человека и животных. Второй – пространственный объект, выраженный именем в винительном (или неопределенном) падежах. Предикатами в данной модели выступают глаголы движения (далее – ГД).

В хакасском языке это следующие ГД: *кис*= '1) переходить что-либо; 2) переправляться через что-либо'; *алта*= '1) перешагивать; 2) перелезть'; *ас*= 'переваливать'; *йм*= '1) проходить, пробираться; 2) пролезать, проникать'; *урт*= ЛСВ 'проходить, миновать'; *тобыр*= ЛСВ 'пробираться'; *ибир*= ЛСВ '1) обходить, объезжать, окружая, обгибая кого-либо, что-либо; 2) пройти по всему пространству чего-либо; исходить'; 3) объезжать, побывать во многих местах'; *чир сал*= 'обойти, объехать'; *хаста*= 'ходить (ездить) вдоль чего-либо'; *тцсте*= 'идти по подножию, краю чего-либо'.

Выбор между неопределенным и винительным падежами определяется желанием говорящего подчеркнуть определенность преодолеваемого пространства (винительный падеж) или, напротив, его неопределенность, втянутость в семантическую структуру глагола и характеризующий оттенок у имени пространства. Винительному падежу в большей степени свойственно значение полного преодоления пространства, в то время как неопределенный падеж чаще имеет значение трассы движения [3, с. 110].

В хакасском языке выделяются пять моделей движения, ориентированного относительно пространственного объекта: модель преодоления пространства, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту и модель движения вниз по пространственному объекту.

Основанием для выделения этих моделей является их типовое значение.

1. Модель преодоления препятствия

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=\partial\partial\}$.

Пропозиция данной модели – «преодоление движущимся субъектом какого-либо пространственного объекта» [2, с. 148]. В состав этой модели включаются три компонента: 1) предикат

движения; 2) преодолеваемый объект; 3) активный субъект. Субъект представляется одушевленным именем, преодолеваемый объект выражается именем, обозначающим пространственный ориентир.

Предикатом в данной модели в хакасском языке являются глаголы движения, которые инкорпорируют значение преодолеваемого пространства.

Преодолеваемое пространство – это векторно-линейная координата, обозначающая сопостранственность с пространством, выраженным опорным локумом, и достижение его «противоположной стороны» как результат движения при фактичности значения локативного предиката [3, с. 111]. Препятствие предстает как прямой объект действия: *перейти реку, проехать станцию, остановку*; сходные сдвиги представления о движении связаны и с «круговым» движением типа обойти лужу и т.п. [4, с. 51].

Приведем примеры:

Олар даа пу сын=ны асчаттырлар (ФБ, ТО, 68) 'И они тоже переваливают этот хребет'; *Пайаагы суухах=ты кис парды* (СЧ, АЕХ, 4) 'Ты же речку перешел'; *Прайзы чол=0 кискеннер* 'Все переходили дорогу'.

Семантическое варьирование модели преодоления препятствия

Семантическое варьирование модели обусловлено значением, входящих в нее компонентов, а именно лексическим значением глагола, формирующего предикат модели, и имени, выступающего в качестве преодолеваемого объекта [2, с. 148].

В хакасском языке выделяются четыре семантических варианта модели преодолеваемого объекта:

1. Вариант со значением преодоления препятствия определенным образом, а именно *вплава и пешком*. Данный вариант в хакасском языке формируется глаголами: *кис*= '1) перейти что-либо; 2) переправляться через что-либо'; *ас*= 'переваливать через что-либо'.

В хакасском языке при глаголе *кис*= преодолеваемым объектом является *водное пространство* и *дорога*. Например: *Камзар улуу чол=ны кискен* (ИТ, Т, 7) 'Камзар перешел широкую улицу'; *Амды мин чухыхтар=ны кисчем* (ХП, 1) 'Теперь я переправляюсь через речушки'; *Пүүн мин нинченче хатап суг=0 кискем* 'Сегодня я несколько раз переправлялся через реку'; *Хайдаг-да кизи суг=0 кисче* 'Какой-то человек переплывает реку'; *Сохырах, хузуриин пулгал ала, чол=0 кисче* 'Сохырах, виляя хвостом, переходит дорогу'.

2. Вариант со значением преодоления *седловины горы, перевала, горы*. Данный вариант формируется глаголом *ас*= 'переваливать через что-либо'.

Преодоление какой-либо вершины представляет собой двусторонний процесс. Первая фаза – движение вверх до вершины, вторая – движение вниз, спуск: *Пис угаа пззик таг=ны асхабыс* 'Мы перевалили очень высокую гору'; *Олар улуу пил=н асханнар* (ХО, 86) 'Они перешли большой перевал'; *Гришаның аттары ам-амох пил=0 ас килерлер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Гришины кони вот-вот переправятся через перевал'; *Нинчен-нинчен хатап таг=0 асхам* 'Несколько раз переваливал через гору'.

1. Вариант со значением преодоления *порога дома, невысокого забора*. Данный вариант формируется глаголом *алта*= '1) перешагивать; 2) перелезть'. Например: *Оолаиас иркен=н чалчау алтабысча* 'Мальчик быстро перешагивает через порог'; *Чуртың иркінін алтабысхан* (ХЧ, 7) '[Он] перешагнул порог дома'.

2. Вариант со значением преодоления *густого леса, тайги, широкого поля*. Данный вариант формируется глаголами *йт*= ЛСВ 'проходить, пробираться, пересекать (поле)' и *тобыр*= ЛСВ 'проходить, пробираться, пробиваться через что-либо'.

Например: *Хойыг агас=ты йтерге* (ХРС, 330) 'Проходить (пробираться) через густой лес'; *Хараа тооза аухылар кизи ирт полбас тайга=ны тобырганнар* 'Всю ночь охотники преодолевали непроходимую тайгу'.

2. Модель полного охвата пространства

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=дв\}$.

Пропозиция данной модели – «охват движением определенного пространственного объекта». В состав данной модели, также как и в предыдущей модели, входят три компонента: 1) *предикат движения*; 2) *объект-локатив* – *некоторый статический пространственный объект, относительно которого происходит движение*; 3) *субъект*. Субъект представлен одушевленным именем, объект-локатив – пространственным именем.

В качестве предиката в данной модели используются ГД со значением полного охвата движением определенного пространственного объекта: *ибір=* в ЛСВ 'пройти, проехать по всему пространству *чего-либо*'; *исходить*, *чөр сал=* 'обойти, объехать'.

Приведем пример реализации этой модели:

Чир=0 ибйрерге (ХРС, 113) 'Объездить весь мир'.

Семантическое варьирование модели полного охвата пространства

Семантическое варьирование модели полного охвата пространства обусловлено значением предиката.

В хакасском языке выделяются два варианта модели:

1. Вариант со значением охвата движением поверхности земли. Этот вариант модели формируется при помощи глаголов *ибір=* в ЛСВ 'пройти по всему пространству *чего-либо*'; *исходить*, *чөр сал=* 'обойти, объездить'.

Например: *Ниче хати Орис пабызынаң пу чазылар=ны ибйр салған* (ТБ, О, 18) 'Сколько раз уже Орис с отцом обошла эти поля'; *Сини көрәлөп, прай аал=ны ибйрдим* (СЧ, АЕХ, 118) 'Тебя разыскивая, всё село обошёл'; *Кичее пу чазы=ны прай чагаң чөр салған* (ХЧ, 68) 'Вчера все это поле обошел пешком'; *Он чыл мының аллында прай Хакасия=ны ибйр салгабыс* (ХЧ, 3) 'Десять лет тому назад объездили всю Хакасию'.

2. Вариант со значением охвата движением пространства по круговой траектории, который формируется при помощи глагола *ибір=* в ЛСВ 'обходить, объезжать, окружая, огибая *что-либо*': *Көл=0 ибйрерге* (ХРС, 113) 'Объехать озеро'; *Аал=0 ибйрерге* (ХРС, 113) 'Обойти [всё] село'; *Хайзы аңнар кун тооза чазы=0 ибйр чөрчелер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Некоторые звери целый день ходят вокруг поля'; *А мин ибй=ни пасха саринаң ибйргем* (КТ, 170) 'А я дом обошел с другой стороны'; *Ала саасханнар ла аал аразы=н ибйрчелер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Только сороки-белобоки облетают все село'.

3. Модель движения вдоль пространственного объекта

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вдоль пространственного объекта». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) огибаемый объект; 3) субъект. Субъект представлен одушевленным именем, объект – пространственным или предметным именем.

В качестве предиката в модели используются ГД, инкорпорирующие значение движение вдоль, мимо пространственного объекта: *хаста=* 'ходить (ездить) вдоль *чего-либо*' и *төсте=* 'идти по подножию, краю *чего-либо*'.

Приведем пример реализации модели:

Чол=0 хастурга (ХРС, 820) 'Идти вдоль дороги'.

Семантическое варьирование модели движения вдоль пространственного объекта

Семантическое варьирование данной модели обусловлено значением глагольного предиката.

Выделяются три варианта модели:

1. Вариант со значением движения вдоль *чего-либо*, который формируется при помощи глагола *хаста=* 'ходить (ездить) вдоль *чего-л.*'

Библиографический список

- Серээдар, Н.Ч. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири / Н.Ч. Серээдар, Е.К. Скрибник, М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1996.
- Шилова, В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2.
- Невская, И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск, 2005.
- Черемисина, М.И. Модель (гипермодель) описания действия $\{N=1 \ N=4 \ (N=7) \ Vtr\}$ // Языки коренных народов Сибири / под. ред. М.И. Черемисиной, Е.К. Скрибник. – Новосибирск, 1998.

Bibliography

- Serehehdar, N.Ch. Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozheniy nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviya v tyurkskikh yazykhakh Yuzhnoy Sibiri / N.Ch. Serehehdar, E.K. Skribnik, M.I. Cheremisina. – Novosibirsk, 1996.
- Shilova, V.V. Prostranstvenniye modeli ehlementarnykh prostykh predlozheniy v neneckom yazyhke. – Novosibirsk, 2003. – Ch. 2.
- Nevskaya, I.A. Prostranstvenniye otnosheniya v tyurkskikh yazykhakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyhka). – Novosibirsk, 2005.
- Cheremisina, M.I. Modelj (gipermodelj) opisaniya deystviya $\{N=1 \ N=4 \ (N=7) \ Vtr\}$ // Yazyki korennnykh narodov Sibiri / pod. red. M.I. Cheremisinoj, E.K. Skribnik. – Novosibirsk, 1998.

Например: *Хыстар кооп=0 хастап килчелер* (СЧ, АЕХ, 24) 'Девушки идут вдоль канавы'; *Суғ=0 хастурга* (ХРС, 820) 'Идти по берегу'; *Хана=0 хастурга* (ХРС, 820) 'Ходить вдоль забора'.

2. Вариант со значением движения по подножию горы, который формируется при помощи глагола *төсте=* 'идти по подножию, краю *чего-л.*'

Например: *Ах тайга=ны төстөп парды* (фолькл.) 'Он ехал по подножию белой тайги'; *Көк тайга=ны төстөп парарга* (ХРС, 666) 'Ехать (идти) по краю зеленой тайги'.

3. Модель движения вверх по пространственному объекту

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1 + чоғар \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вверх по пространственному объекту». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) объект, в качестве которого выступает *река, гора* – трасса перемещения; 3) субъект.

Субъект представляется одушевленным именем. Объект движения передается именем в неопределенном падеже в сочетании с пространственным послелогом *чоғар* 'вверх'.

В качестве предиката в данной модели чаще используются глаголы направленного движения: *пар=* «идти, ехать», *чүгүр=* «бежать, бегать», *сых=* 'подниматься'.

Например: *Суғ=0 чоғар парыбысханнар* 'Ушли вверх по течению реки'; *Түлгүчек холл=0 чоғар чүгүрйискен* 'Лисичка убежала вверх по лугу'.

4. Модель движения вниз по пространственному объекту

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1+индйре \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вниз по пространственному объекту». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) объект, в качестве которого выступает *река, гора* – трасса перемещения; 3) субъект.

Субъект представляется одушевленным именем. Объект движения передается именем в неопределенном падеже в сочетании с пространственным послелогом *индйре* 'вниз'.

В качестве предиката в данной модели чаще используются следующие глаголы движения: *пар=* «идти, ехать», *чөр=* «идти, уходить», *чүгүр=* «бежать, бегать».

Например: *Маллар суғ=0 индйре парыбысханнар* 'Скот ушел вниз по течению реки'; *Аттар тағ=0 индйре чүгүрйискеннер* 'Кони убежали вниз под гору'.

Несмотря на то, что в четвертой и пятой моделях явно присутствует локализатор с семантикой трассы передвижения, мы описали их отдельно от этих моделей. Указанные глаголы требуют употребления объекта в неопределенном падеже в сочетании с пространственными послелогам.

Таким образом, в данной статье рассмотрены модели движения, которые описывают движение активного субъекта относительно определенного пространства. В хакасском языке таких моделей выявлено пять, которые в свою очередь имеют семантические модели.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФНФ (проект № 12-04-00245)

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК: 811.512.141.366

Zubairova I.G. MORPHEMIC STRUCTURE OF LITERARY TERMS IN THE BASHKIR LANGUAGE. The morphemic structure of literary terms of the Bashkir language has been considered in this article. The work on classification of literary terms to root and derivative words has been carried out. The derivative words functioning in the Bashkir language are classified on simple derivative words, compound complex words, the combined compound words, the abbreviated words, pair words, repetitive words. Each group of words has been analyzed from the point of word-formation structure.

Key words: root words, derivative words, simple derivative words, compound complex words, the combined compound words, the abbreviated words, pair words, repetitive words.

И.Г. Зубаирова, аспирант Стерлитамакской гос. педагогической академии им. З. Бишовой, учитель МАОУ «СОШ №21», г. Стерлитамак, E-mail: ilzidka@yandex.ru

МОРФЕМНОЕ СТРОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассмотрено морфемное строение, литературоведческих терминов башкирского языка. Проведена работа по классификации литературоведческих терминов на корневые и производные слова. Производные слова классифицированы на простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова. Каждая группа слов проанализирована с точки зрения словообразовательной структуры.

Ключевые слова: литературоведческие термины, корневые слова, производные слова, простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова.

В башкирском языке слова по своей словообразовательной структуре подразделяются на две группы: корневые (непроизводные) и производные слова. И корневые, и производные слова характеризуются по словообразовательной и морфемной структурам.

По словообразовательной структуре литературоведческие термины делятся на следующие группы: 1) корневые слова; 2) производные слова. Производные слова в свою очередь, можно разделить на следующие группы: простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова [1, с. 92].

1. Корневые слова. С точки зрения словообразования корневое слово – это слово, являющееся первичным по своему происхождению и не имеющее никакого образовательного отношения к другому слову; оно содержит в себе основное лексическое значение: *һуу* 'вода', *аҡ* 'белый', *өс* 'три'.

С точки зрения морфемного строения корневое слово состоит лишь из одного корня; при этом в составе отсутствуют словообразующие аффиксы, могут быть присоединены только формообразующие и словоизменяющие аффиксы: *һуу* 'вода', *һуу-за* 'на воде', *күк* 'синий', *күк-һөл* 'синеватый'.

Среди литературоведческих терминов башкирского языка нами выявлено 268 корневых слов. По своему происхождению они относятся к нескольким языковым пластам:

1) собственно башкирские слова (15 слов): *иртәк* 'эпос', *ижек* 'слог', *йөкмәткә* 'содержание', *йыр* 'песня', *киҫәк* 'часть', *ҡобайыр* 'кубаир', *ҡомартҡы* 'памятник', *өзләү* 'горловое пение', *таҫмаҡ* 'чапушка', *һамаҡ* 'прибаутка', *шаршау* 'действие' и др.;

2) литературоведческие термины, заимствованные из арабского языка (39 слов): *альманах*, *ғәзәл* 'газель', *кинәйә* 'иносказание', *китап* 'книга', *кәтип* 'литератор', *касида* 'касыда', *ода*, *кафия* 'рифма', *хисса* 'рассказ', *мөнәжәт* 'мунажат', *мәғһиә* 'дифирамб', *мәкәл* 'половица', *мәрсиә* 'элегия', *мәһнәуи* 'двуступице', *мәсәл* 'басня', *нәсәр* 'новелла', *риуәйәт* 'предание', *робағи* 'рубаи', *сәнғәт* 'искусство', *тәнҡит* 'критика', *фажиғә* 'трагедия', *хикәйә* 'рассказ', *хыял* 'воображение', *хәтирә* 'воспоминание', *шағир* 'поэт', *шығыр* 'стихотворение', *әзип* 'писатель', *әзәбиәт* 'литература', *әкиәт* 'сказка' и др.;

3) литературоведческие термины заимствованные из русского языка (8 слов): *былина*, *образ*, *очерк*, *повесть*, *припев*, *слово*, *стопа*, *художник*;

4) термины, заимствованные из персидского языка: *дастан*, *диван*, *илһам* 'вдохновение', *парса* 'миниатюра' и др.

5) литературоведческие термины, заимствованные из иностранных языков через русский язык:

- корневые слова, заимствованные из греческого языка (61 слова): *аксиома*, *аналест*, *анекдот*, *алокопа*, *гимн*, *гlossa*,

- дактиль*, *дифирамб*, *драма*, *идея*, *идиома*, *катарсис*, *литота*, *метод*, *метр*, *миф*, *ода*, *парадокс*, *пародия*, *пауза*, *пафос*, *пегас*, *период*, *позма*, *поэт*, *псалом*, *ритм*, *риторика*, *рифма*, *сарказм*, *символ*, *синекдоха*, *стиль*, *строфа*, *талант*, *тезис*, *тема*, *тип*, *троп*, *характер*, *хор*, *хорей*, *хроника*, *цикл*, *элегия*, *эпопея*, *эпос*, *ямб* и др.;

- литературоведческие термины, заимствованные из латинского языка (30 слов): *комментарий*, *консонанс*, *константа*, *конфликт*, *концепт*, *легенда*, *манифест*, *менестрель*, *октава*, *пастораль*, *персонаж*, *плагиат*, *проза*, *сатира*, *структура*, *текст*, *термин*, *фабула*, *фигура*, *финал*, *форма*, *цезура*, *цензура*, *цитата* и др.;

- корневые слова, заимствованные из французского языка (38 слов): *анонс*, *ассонанс*, *баллада*, *блазон*, *буриме*, *водевиль*, *гротеск*, *деталь*, *жанр*, *жаргон*, *интерьер*, *интрига*, *калька*, *контраст*, *куплет*, *мадригал*, *мемуар*, *моралисте*, *мотив*, *портрет*, *пьеса*, *роль*, *роман*, *сюжет*, *фарс*, *фелетон*, *шарж*, *эссе* и др.;

- корневые слова, заимствованные из итальянского языка (13 слов): *барокко*, *бурлеск*, *кантата*, *карикатура*, *кода*, *либретто*, *миниатюра*, *новелла*, *пасквиль*, *серенада*, *сонет*, *станс*, *сценарий*;

- корневые слова, заимствованные из английского языка (10 слов): *дайджест*, *детектив*, *комикс*, *памфлет*, *сиквел*, *скетч*, *триллер*, *фольклор*, *фэнтези*, *юмор*;

- термины, заимствованные из украинского языка: *бандурист*, *кобзарь*;

- корневые слова, заимствованные из немецкого языка: *кич*, *наррация*;

- корневые слова, заимствованные из древнескандинавского языка: *сага*, *скальд*;

- термин, заимствованный из казахского языка: *өлән* 'песня';

- термин, заимствованный из киргизского языка: *манассы* 'сказатель, манаса';

- термин, заимствованный из кельтского языка: *бард*;

- термин, заимствованный из финского языка: *руно*.

Среди заимствованных литературоведческих терминов, функционирующих в башкирском языке, часто встречаются слова, состоящие из нескольких морфем. По нашим подсчетам таких слов 119, большинство из которых представляет собой заимствования из греческого и латинского языков.

- Гречизмы:

- 1) компонентом выступают морфемы: авто- (автобиография, автология), графо- (графомания), изо- (изоколон), мело- (мелодрама, мелодраматик 'мелодраматический'), мета- (метапроза, метафора), нео- (неореализм), окси- (оксиморон (оксюморон)), пара- (парабола, парафраз), пери- (перифраз), поли- (полисиндетон), псевдо- (псевдоклассицизм), хроно- (хронотоп), эпи- (эпигон, эпиграмма, эпиграф, эпизод, эпилог, эпитет, эпифора);

1) II компонентом выступают следующие морфемы:

-оним (-онимия, -ономазия, -онимик): аллоним, аноним, антоним, антономазия, астроним, метонимик 'метонимический', метонимия, омоним, паронимия, псевдоним, синоним, синонимия;

-лог (-логия, -логизм, -логик): автология, авторология, аксиология, антология, диалогия, идеология, мифология, мифолог, мифологик 'мифологический', монолог, некролог, неологизм, полилог, пролог, текстология, тетралогия, трилогия, филология;

-график/-графия: библиография, биография, биографик 'биографический', монография, палеография;

-метр: гекзаметр, пентаметр;

-тип: архетип, прототип;

2) слова, образованные с помощью префиксов и префиксоидов:

Амфи- (амфиболия, амфибрахий), анти- (антигерой, антиметабола, антироман, антитеза, антиутопия, антифраз), ана- (анаграмма, анадиплозис, анаколуп, анафора), архи- (архитектоника), гипер- (гипербола, гипертекст, гиперцитата).

• Латинизмы.

1) I компонентом в латинизмах выступают морфемы: транс- (транскстуалек 'транскстуальность'), экс- (эксплибис, экспозиция, экспрессив 'экспрессивный', экспрессионизм, экспролет, экспромт);

2) слова, образованные с помощью префиксов и префиксоидов: дис- (диссонанс), интер- (интермедия, интерполяция, интерпретация, интертекст), кон- (коннотация, конструктивизм, контекст), пост- (постмодернизм), ре- (резонёр, ремарка, реплика, рефрен), эга- (эгафутуризм).

• Слова, заимствованные из русского языка, образованы с помощью префиксов под- (подтекст), про- (прообраз).

• Слово, заимствованное из французского языка, образовано с помощью префиксоида сюр- (сюрреализм).

II. **Производные слова.** По словообразовательным особенностям производное слово представляет собой новообразование, возникшее на базе другого слова, словосочетания или целого предложения; по сравнению с корневым словом оно является вторичным; его значение связано со значениями производящей основы и словообразовательных средств: *кеше* 'человек', *кеше-лек* 'человечество'; *ак* 'белый', *ак-ла* 'белить', *аккош* 'лебедь'. По морфемному строению производное слово представляет собой осложнённую лексическую единицу [2, с. 156]. Среди литературоведческих терминов башкирского языка часто встречаются производные слова, их можно разделить на следующие группы: простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова.

1. Рассмотрим **простые производные слова**. Простые производные слова образуются с помощью присоединения к производящей основе словообразующих аффиксов. При этом словообразующий аффикс может присоединяться непосредственно к корню или может следовать за другим аффиксом, ранее сочетавшимся с данным корнем. По нашим подсчётам простых производных слов среди литературоведческих терминов башкирского языка 115 единиц.

Часть собственно башкирских терминов образована на базе глагольных основ следующим образом: *йән-лән-дер-еү* 'одушевление', *күс-ер-еү* 'переводить', *ән-дәш-еү* 'обращение', *сағыштыр-ыу* 'сравнение', *сеңл-ә-ү* 'плач', *кабат-лау* 'повторение'; *йәнәш-лек* 'параллелизм', *көн-дә-лек* 'дневник'; *көлә-мәс* 'анекдот'; *күр-ен-еш* 'акт', *сис-ел-еш* 'развязка'; *куш-ым-та* 'припев'.

Простые производные слова на базе арабизмов образованы с помощью аффикса -ла(у)/-лә(ү): *кафиә-ләү* 'рифмовать', *тасуир-лау* 'описание', *хикәйә-ләү* 'повествование'.

Простые производные слова на базе грецизмов образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик.

а) Слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: *анахрон-лык* 'анахронизм', *идея-лы-лык* 'идейность', *параллел-лек* 'параллелизм', *эпик-лык* 'эпичность', *эстет-лык* 'эстетизм';

б) Слова образованные с помощью аффиксов -ик: *аллегор-ик* 'аллегорический', *архаист-ик* 'архаистический', *гипербол-ик* 'гиперболический', *драмат-ик* 'драматический', *крит-ик* 'критический', *лир-ик* 'лирический', *метафор-ик* 'метафорический', *метр-ик* 'метрический', *миф-ик* 'мифический', *панегир-ик* 'панегирический', *фантаст-ик* 'фантастический'.

Простые производные на базе латинизмов, образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик, -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү, -ион, -заш:

а) слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: *иллюстратив-лек* 'иллюстративность', *новатор-лы* 'новаторство';

б) слова, образованные с помощью аффиксов -ик: *поэт-ик* 'поэтический', *класс-ик* 'классический', *проза-ик* 'прозаический', *сатир-ик* 'сатирический';

в) слова, образованные с помощью аффиксов -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү: *автор-лаш-тыр-ыу* 'авторизация', *индивидуал-лаш-тер-еү* 'индивидуализация';

г) слово, образованное с помощью аффикса -ион: *композиц-ион* 'композиционный', *кульминац-ион* 'кульминационный';

д) слово, образованное с помощью аффикса -заш: *автор-заш* 'соавтор'.

Простые производные слова на базе заимствований из французского языка, образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик, -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү:

а) слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: *модал-лек* 'модальность', *сентиментал-лек* 'сентиментальность';

б) слова, образованные с помощью аффиксов -ик: *романт-ик* 'романтичность';

в) слова образованные с помощью аффиксов -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү: *мотив-лаш-тыр-ыу* 'мотивировать'.

Простые производные слова на базе заимствований из итальянского языка образованы с помощью аффикса -сы: *миниатюр-сы* 'миниатюрист', *новелла-сы* 'новеллист', *роман-сы* 'романист'.

Простое производное слово на базе заимствования из английского языка, образовано с помощью аффикса -ист-ик: *юмор-ист-ик* 'юмористический'.

III. **Составные сложные слова** — это слова, образованные на базе подчинительных словосочетаний, которые выступают в качестве наименований сложных понятий. Среди литературоведческих терминов нами зафиксировано 111 составных слов.

Составные сложные слова собственно башкирского языка: *йола йырҙары* 'обрядовые песни', *йыуаса йыры* 'свадебная песня', *канатлы һүз* 'крылатое слово', *кызыл юл* 'красная строка', *кыска ижек* 'короткий слог', *кыскарма һүз* 'сокращенное слово', *озон ижек* 'долгий слог', *өн кабатланышы* 'повторение звука', *сипләтеп әйтеү* 'иносказание', *тел көрмәлдәргәс* 'чистоговорки'.

Составные слова, в которых первый компонент на башкирском языке, второй заимствован:

-из арабского языка: *ак шиғыр* 'белый стих', *матур әҙәбиәт* 'художественная литература', *сәсмә әсәр* 'прозаическое произведение';

-из русского языка: *мәңгелек образдар* 'вечные образы';

-из латинского языка: *көтөлмәгәнлек эффекты* 'эффект неожиданности', *телмәр фигуралары* 'фигуры речи';

-из греческого: *йәнәш рифма* 'смежная рифма', *сағылыш теорияны* 'теория отражения', *сағыштырма метод* 'сравнительный метод', *юл башы рифманы* 'рифма начала строки', *жушма рифма* 'сложная рифма', *ыңғай герой* 'положительный герой', *эске рифма* 'внутренняя рифма', *ябай рифма* 'простая рифма', *ябык рифма* 'закрытая рифма'.

Составные слова, в которых первый компонент заимствован из русского языка, второй:

-из персидского: *художество дәрәсләв* 'художественная правдивость';

-из греческого: *образдар системаны* 'система образов', *онегин строфаны* 'онегинская строфа';

-из латинского: *образлы ассоциация* 'образная ассоциация';

-из французского: *художество детали* 'художественная деталь', *художество такты* 'художественный такт'.

Составные сложные слова на базе заимствований из арабского языка с последующей аффиксацией: *ижад тарихы* 'история творчества', *мажаралы әзәбиәт* 'приключенческая литература', *халык ижады* 'народное творчество', *әзәби зауык* 'литературная эстетика', *әзәби мираҫ* 'литературное наследие', *әзәби оҫталык* 'литературное мастерство', *әзәби тәржемә* 'литературный перевод', *әзәбиәт тарихы* 'история литературы', *әзәбиәттә халыксанлык* 'народность в литературе'.

Составные слова, в которых первый компонент из арабского языка, второй:

-на башкирском: *сәнғәт төрҙәре* 'виды искусства', *шиғыр төҙөлөшө* 'строение стиха', *шиғыр үлсәме* 'размер стиха', *әзәби ағым* 'литературное течение', *әзәби йүнәлеш* 'литературное направление', *әзәби тел* 'литературный язык', *әзәби төрҙәр* 'литературные типы', *әкиәт башы* 'зачин сказки';

-из греческого: *шиғыр мелодикаһы* 'мелодика стиха', *шиғыр ритмы* 'стихотворный ритм', *әзәбиәт теорияһы* 'теория литературы', *әзәби характер* 'литературный характер';

-из латинского: *шиғыр инструменттовкаһы* 'инструментовка стиха', *әзәбиәттең предметы* 'предмет литературы';

-из французского: *ғилми фантастика* 'научная фантастика', *ижад манераһы* 'манера творчества', *тарихи жанр* 'исторический жанр', *әзәби жанр* 'литературный жанр'.

Составные сложные слова, заимствованные из греческого языка с последующей аффиксацией: *лирик герой* 'лирический герой', *характерҙар комедияһы* 'комедия характеров'.

Составные слова, в которых первый компонент из греческого языка, второй:

-на башкирском: *автор йыры* 'авторская песня', *аллегорик алым* 'аллегорический прием', *риторик һорау* 'риторический вопрос', *эзоп теле* 'язык эзопа', *лирик сигенеү* 'лирическое отступление', *лиро-эпик төр* 'лиро-эпический вид', *стиль берҙәмлеге* 'единство стиля';

-из русского: *аллегорик образ* 'аллегорический образ';

-из французского: *поэтик деталь* 'поэтическая деталь', *полифоник роман* 'полифонический роман';

-из английского: *ироник детектив* 'иронический детектив';

-из арабского: *комик хәл* 'комическая ситуация', *силлабо-тоник шиғыр төҙөлөшө* 'строение силлабо-тонического стиха', *эпистоляр әзәбиәт* 'эпистолярная литература', *эстетик ләззәтләнеү* 'эстетическое наслаждение';

Составные сложные слова заимствованные из латинского языка: *конкрет автор* 'конкретный автор', *стилистик фигура* 'стилистика фигура'.

Составные слова, в которых первый компонент из латинского языка, второй:

-из греческого: *композицион эллипсис* 'композиционный эллипсис', *текст стратегияһы* 'стратегия текста';

-из арабского: *акцентлы шиғыр* 'акцентный стих', *аллитерацион шиғыр* 'аллитерационный стих', *генератив шиғыр* 'генеративный стих', *классик әзәбиәт* 'классическая литература', *натураль мәктәп* 'натуральная школа', *тоталитар әзәбиәт* 'тоталитарная литература'.

Составные сложные слова, заимствованные из французского языка: *готик роман* 'готический роман'.

Составные слова, в которых первый компонент из французского языка, второй:

- на башкирском: *хронологик тәртип* 'хронологический порядок';

-из греческого: *каламбур рифма* 'каламбурная рифма';

-из арабского: *маргиналь әзәбиәт* 'маргинальная литература'.

IV. **Сращенные слова.** Сложные слова, возникшие в результате сращения в одно целое компонентов с подчинительной связью, называются сращенными словами; в этих случаях сочетающиеся друг с другом компоненты могут находиться в атрибутивных (*кызылғанат* < *кызыл* + *ғанат*), комплетивных (*кулйыуғыс* < *кул* + *йыу* - *ғыс*) и предикативных (*Ишбулды* < *иш* + *булды*) отношениях [3, с. 87]. В составе башкирских литературоведческих терминов около 20 слов образовано путём сращения, их можно сгруппировать по следующей схеме:

а) собственно башкирские слова: *йылыязма* < *йыл* + *язма* 'летопись', *карыһуҙ* < *кары* + *һуҙ* 'сказ', *кулъязма* < *кул* + *язма* 'рукопись';

б) башкирский+арабский: *һуҙижад* < *һуҙ* + *ижад* 'литературное творчество'.

Парные слова. Сложные слова, которые образуются в результате сложения компонентов с сочинительной связью, называются парными словами. Среди литературоведческих терминов парные слова встречаются редко: *лирик-драматик* (әсәр) 'лирико-драматическое (произведение)', *лиро-эпик* (поэма) 'лиро-эпическая (поэма)', *силлабо-тоник* (төҙөлөш) 'силлабо-тоническое (строение)'.

Сложное слово, образованное повторением одной и той же производящей основы, называется повторительным словом: *һуҙмә-һуҙ* (тәржемә) 'дословный (перевод)'.

Таким образом, литературоведческие термины башкирского языка по своей словообразовательной структуре различаются на корневые (*йыр*, *китап*, *кисса*, *образ*, *дастан*, *рифма*) и производные (*хикәйәләү*, *автор йыры*, *йылыязма*). Производные слова в свою очередь по своему морфемному строению делятся на следующие типы: простые производные слова (*йомаҡ*, *өзләү*), составные сложные слова (*ихтияри шиғыр*, *образдар системаһы*), сращенные сложные слова (*сәйәхәтнамә*, *һуҙижад*), парные слова (*һуҙмә-һуҙ* (тәржемә)), повторительные слова (*лиро-эпик*).

Библиографический список

1. Ишбаев, К.Г. Морфемика, словообразование, морфология башкирского языка: учеб. пособие / К.Г. Ишбаев, Г.Р. Абдуллина, З.К. Ишкильдина. – Уфа, 2006.
2. Ишбаев, К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. – Уфа, 2000.
3. Кагарманов, Г.Г. Башкирская терминология. Опыт историко-лингвистического описания. – Уфа, 2002.

Bibliography

1. Ishbaev, K.G. Morfemika, slovoobrazovanie, morfonologiya bashkirskogo yazikhka: ucheb. posobie / K.G. Ishbaev, G.R. Abdullina, Z.K. Ishkiljdina. – Ufa, 2006.
2. Ishbaev, K.G. Bashkirskiy yazikhk. Morfemika. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie. – Ufa, 2000.
3. Kagarmenov, G.G. Bashkirskaya terminologiya. Opiht istoriko-lingvisticheskogo opisaniya. – Ufa, 2002.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81'42

Kartashevich I.S., Kukueva G.V. THE DERIVATION MECHANISM OF THE TRANSLATED TEXT AS A PARTICULAR KIND OF THE SECONDARY FORMATION. In the article they are found out the peculiarities of the derivation process of the translated text as a secondary formation, caused by changing the language.

Key words: secondary text, translated text, intertext derivative relations, equivalence, markers of texts' transformation.

И.С. Карташевич, аспирант АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: irina_kartashevich@mail.ru;

Г.В. Кукуева, д-р филол наук, проф. АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: kupala@inbox.ru

МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА КАК ОСОБОГО ВИДА ВТОРИЧНОГО

В статье выявляются особенности процесса образования переводного текста как вида вторичного, обусловленные эквивалентной сменой языка с исходного на переводящий.

Ключевые слова: вторичный текст, переводной текст, межтекстовые деривационные отношения, эквивалентность, маркеры трансформации.

В настоящее время исследователи теории вторичного текста уделяют особое внимание процессу порождения подобного вида текста, обращаются к вопросу соотношения первичного текста со вторичным (Т.Н. Василенко, Н.Д. Голев, С.В. Ионова, Н.В. Мельник, Н.М. Нестерова), но при этом в науке по-прежнему остаётся ряд актуальных проблем. Во-первых, в большинстве работ первичный текст воспринимается как данность, нигде не раскрывается его сущность, не освещается проблема роли первичного текста в процессе образования вторичного, в том числе в механизме межтекстовой деривации. Во-вторых, в последних исследованиях переводной текст стал рассматриваться как один из видов вторичного образования, однако не все исследователи говорят о переводном тексте как о вторичном (Н.М. Нестерова, А.И. Новиков, Н. Сунцова.). В-третьих, взгляд на перевод как на психологический акт, закрытый для непосредственного наблюдения, стал меняться, в том числе, благодаря изучению перевода в аспекте межтекстовой деривации. Неразрешённость этих и некоторых других вопросов не позволяла обратиться к специфике самого механизма порождения переводного текста как особого вида вторичного образования.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать особенности механизма образования переводного текста как вида вторичного в процессе межтекстовой деривации.

Знание особенностей и отличительных признаков переводного текста как вида вторичного не достаточно для понимания механизма его образования. В данной работе мы подходим к переводу как к результату деривационного взаимодействия с оригиналом. Под межтекстовыми деривационными отношениями понимается процесс, предполагающий создание производного текста на основе исходного. Сущность этого процесса видится в том, что из более простой в структурно-семантическом и функциональном отношении исходной единицы (первичного текста) путём прибавления специальных средств (маркеров трансформации) получается более сложная производная единица (вторичный текст). Под маркерами трансформации мыслятся все формальные и содержательные изменения оригинала, все элементы, отличающие первичный текст от вторичного. Они актуализируют все виды трансформаций, которые претерпевает первичный текст в процессе воспроизведения. Такое понимание деривации представляется универсальным, по мнению А.А. Чувакина, подобным путём могут образовываться единицы любого уровня, в том числе и текст [1, с. 11].

Переводной текст, являясь результатом межтекстовой деривации, не может изучаться в отрыве от оригинала, следовательно, необходимо говорить о паре взаимообусловленных явлений «Первичный текст – Вторичный текст».

Нам представляется, что специфика механизма образования переводного текста обусловлена несколькими факторами: свойствами оригинала как вида первичного текста, перевода как вида вторичного текста, а также своеобразной природой маркеров трансформации.

Оригинальный текст обладает всеми общими признаками первичного текста, среди которых:

- гибкость и коммуникативная трансформируемость – потенциальная способность к преобразованию, созданию на основе первичного текста вариантов и интерпретаций;
- непосредственное соотношение с действительностью – воспроизведение действительности и преобразование её по законам художественности, отражение исходного авторского замысла без необходимости обращения к другим текстам.

Отличительный признак оригинала как вида первичного текста нами выделен только один – существование на языке оригинала. Однако именно он является доминантным и определяет особый характер признаков не только самого первичного текста, но и перевода как вторичного образования, а также специфическую природу маркеров трансформации.

Первичный текст, выступая как самостоятельное в смысловом, структурном и стилистическом отношении явление, служит необходимым условием существования вторичного, базой для его образования, отправной точкой, с восприятия и осмысления которой начинается создание вторичного текста.

Под вторичным текстом вслед за Н.Д. Голевым, Н.В. Сайковой понимается результат преобразования по определённым механизмам исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного. Следовательно, вторичный текст представляет собой «продолжение, развитие, функцию исходного текста» [2]. К основным видам вторичных текстов учёные относят пародии, травестию, бурлеск, имитации, конспекты, рефераты, стилизации, косвенную речь, киносценарии, ремейки на основе художественных текстов и др. Несмотря на споры в науке, сошлемся на точку зрения тех исследователей, которые считают правомерным называть переводной текст одним из видов вторичного (Т.Н. Василенко, Н.Д. Голев, С.В. Ионова, Н.В. Мельник, И.Г. Разина), что предполагает возможность выявления в переводном тексте как признаков, характерных для любого вторичного текста, так и специфических примет. В работах исследователей сущность вторичного текста, как правило, раскрывается через набор следующих общих признаков:

- производный характер, то есть образование в результате переработки первичного текста, аналитико-синтетической деятельности на основе процесса восприятия и воспроизведения полученной информации;
- различную степень смысловой и структурной эквивалентности по отношению к первичному тексту за счёт появления маркеров трансформации;
- самостоятельность, то есть обладание основными текстовыми категориями (цельностью, связностью, информативностью) при смысловой, структурной и стилистической обусловленности первичным;
- опосредованное соотношение с действительностью – воспроизведение действительности не непосредственно, а через обращение к первичному тексту, реализация деривационного потенциала первичного текста.

К специфическим особенностям переводного текста как вида вторичного в данной работе мы относим отличия по цели создания, по степени эквивалентности и по форме.

Создание переводного текста – это общественная необходимость, вызванная потребностью сделать оригинальный текст, существующий на другом языке, доступным для восприятия. Подобная цель вне зависимости от вида и способа перевода предполагает стремление переводчика к максимальному тождеству между текстами. Как указывает В.Д. Калинина, «идеальным результатом получения перевода читателем должен быть такой же объём сведений и сходное эмоциональное воздействие, что и у получателя оригинала» [3, с. 6], следовательно, процесс перевода предполагает максимально полную передачу, воспроизведение на всех уровнях (смысловом, стилистическом, функционально-экспрессивном, оценочном, жанровом, эстетическом) эквивалентного содержания оригинала средствами другого языка. При сохранении максимального содержательного сходства между оригинальным и переводным текстом очевидно абсолютное отличие данных типов текстов по форме, обусловленное сменой языка.

По мнению Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, первичный и вторичный тексты возможно рассматривать по трём линиям степени деривационности: форма, содержание, функция [2]. Под формой исследователями понимается графический и звуковой облик текста, в основе которого лежат две сферы существования языка (устная и письменная). По оси содержания вторичный текст характеризуется наличием/отсутствием новых содержательных компонентов, по оси функции – родо-жанровыми транс-

формациями. При таком понимании, по данной классификации переводной текст характеризуется абсолютно полным отличием от оригинала по форме. По оси содержания и функции в идеале переводной текст не должен маркироваться, однако в реальной практике перевода трансформации текста в ходе межтекстовой деривации неизбежны, что и позволяет называть переводной текст относительно самостоятельным образованием.

Все формальные и содержательные проявления трансформаций, элементы, отличающие первичный текст от вторичного, все изменения оригинала мы обозначили понятием «маркеры трансформации». Причины появления трансформаций сводятся к влиянию лингвистических и экстралингвистических факторов. Под лингвистическими факторами понимаются, в первую очередь, не зависящие от личности переводчика различия в структуре и функционировании исходного и переводящего языков. Эта группа факторов обуславливает возникновение таких маркеров трансформации, как изменения грамматической конструкции, порядка слов, лексического наполнения (причём как в силу того, что в словарной статье приводится в качестве перевода синонимический ряд, из которого переводчик может выбрать любое слово, так и по причине перевода безэквивалентной лексики). К экстралингвистическим факторам относят особенности, связанные с личностью переводчика, его индивидуально-психологические качества, отношение к автору переводимого текста и самому сообщению, ситуацию создания перевода и др. Эта группа факторов определяет маркеры трансформации, связанные со способом воплощения микроситуаций оригинального текста. Микроситуации и способы их воплощения служат общим для первичного и вторичного текстов структурно-семантическим ядром, утрата которого ведёт к разрушению мотивационных отношений и к невозможности рассмотрения текстов в аспекте межтекстовой деривации.

Появление в переводном тексте перечисленных маркеров трансформации, обусловленное лингвистическими и экстралингвистическими факторами приводит к актуализации деривационных процессов свёртывания, развёртывания и усложнения.

Названные выше маркеры трансформации являются доказательством деривационной природы переводного текста как вторичного образования. Действительно, такие маркеры трансформации, как изменение грамматической конструкции, порядка слов, лексического наполнения, способа воплощения ситуационно-языкового единства имеют место и при создании таких видов вторичного текста, как конспект, реферат, киносценарий на основе художественного текста, изложения и т. д. Необходимо обнаружить специфический маркер трансформации, который бы участвовал в механизме образования только переводного текста от оригинального. На наш взгляд, особая природа такого маркера трансформации обусловлена специфическими признаками оригинального текста как вида первичного и перевода как вида вторичного текста, причём доминантным из них является существование исходного текста на языке оригинала.

Именно смена языка с исходного на переводящий является ключевым маркером трансформации, отличающим механизм образования переводного текста от образования других видов вторичного текста. Однако необходимо отметить, что не любые два текста, существующие на разных языках, могут называться оригинальным и переводным и рассматриваться в аспекте межтекстовой деривации. В переводном тексте, созданном на базе оригинального происходит эквивалентная смена языка, что проявляется в тождественном воплощении в переводе микроситуаций оригинала, то есть в сохранении общего структурно-семантического и функционального ядра.

Для подтверждения теоретических положений обратимся к рассмотрению конкретного текстового материала. Сопоставим оригинальный текст рассказа О. Генри «The Octopus Marooned» из сборника «Благородный жулик» [4] с текстом его перевода, выполненного К.И. Чуковским («Трест, который лопнул»), и представленного в собрании сочинений О. Генри [5].

Решение поставленной задачи предполагает следующие процедуры: 1) выявить в оригинальном и переводном текстах общую микроситуацию, выступающую в качестве общего для двух текстов структурно-смыслового и функционального ядра; 2) обнаружить в переводном тексте маркеры трансформации, появление которых обусловлено лингвистическими факторами перевода; 3) продемонстрировать маркеры трансформации, детерминированные экстралингвистическими факторами; 4) проиллюстрировать, где это представляется возможным, результаты деривационных процессов.

В ходе сопоставительного анализа предусматриваются следующие методические шаги:

1. Операция сегментирования целостных текстов, то есть членение их на простейшие отрезки текста, в которых воплощается некое положение дел как часть микроситуации. В данных отрезках представляется возможным вычленить пропозицию и проанализировать элементы её структуры.

2. Сопоставление количества и топозитивного наполнения сегментов для выявления маркеров трансформации.

Пропозиция как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности» [6, с. 9] позволяет выявить маркеры трансформации на уровне формы и содержания, появление которых обусловлено сменой языка с исходного на переводящий. На уровне формы пропозиционный анализ способствует выявлению отличий в графике, а также в объёме текстов, что отражается в действии деривационных механизмов свёртывания, развёртывания и усложнения. На уровне содержания с помощью пропозиции может быть рассмотрено сходство или отличие в воплощении ситуации действительности через анализ средств выражения пропозиции, а также её вида и структурного наполнения. На уровне функции отличий между текстами нет, они написаны в жанре характерного для О.Генри короткого рассказа («short story»).

Для анализа был выбран один из тех фрагментов перевода, пропозиционная организация которых отличается от пропозитивной организации оригинала. Процедура осуществляется в соответствии с алгоритмом диктумного анализа, предложенным Т.В. Шмелёвой. В его основе лежит определение вида пропозиции и способа её выражения, а также вычленение структурных элементов пропозиции.

Результаты анализа и сопоставления оригинального и переводного текстов.

Фрагмент первичного текста (с сегментированием):

I figured out | that their principal means of existence was in living close to tall chaparral.

Подстрочный перевод:

Я постиг, | что их главное средство существования было в проживании рядом с высоким чапаралем (вечнозелёным дубом).

Фрагмент вторичного текста (с сегментированием):

На мой взгляд, | возможность существования им давали заросли чапарала, | окружающие город.

Во фрагменте оригинального текста вычленяем событийную пропозицию действия в психической сфере, выраженную глаголом «*постиг*». Актант (субъект) – личное местоимение «*я*». Во втором сегменте вычленяется событийная пропозиция существования, представленная глаголом «*было*», находящаяся на границе с логической таксономической пропозицией («*возможность существования – это проживание рядом с чапаралем*»). Актанты – «*средство существования*», «*в проживании*», сирконстант – «*рядом с чапаралем*».

Во фрагменте перевода возможно выделить не два, а три сегмента, что свидетельствует о действии деривационного процесса развёртывания. В первом, так же как и в оригинальном тексте, вычленяется событийная пропозиция действия, в большей степени, чем в сегменте оригинала, тяготеющая к плану выражения модуса. Во втором сегменте – положение дел реализовано с помощью комбинации событийной пропозиции действия и существования. Пропозиция выражена глаголом «*давали*», пропозитивное наполнение составляют актанты «*заросли чапарала*» (субъект), «*возможность существования*», «*им*» (объекты). В третьем сегменте фрагмента перевода вычленяем качественную логическую пропозицию характеристики, которая находится на границе с событийной пропозицией действия. Пропозиция выражена причастием «*оказавшие*».

В ходе сопоставительного анализа было обнаружено, что во фрагментах двух текстов воплощена одна микроситуация: «*средство выживания населения Птичьего Города – близость зарослей чапарала (вечнозеленого дуба)*». Единство ситуации говорит о частичном тождестве текстов, стремлении переводчика к эквивалентности создаваемого им текста оригиналу, поскольку реализация в первичном и вторичном тексте единой микроситуации указывает на наличие в них общего структурно-семантического и функционального ядра и позволяет рассматривать перевод как результат межтекстового взаимодействия с оригиналом.

Тем не менее, пропозиционный анализ и сопоставление выбранных фрагментов позволили выявить с помощью маркеров трансформации различия в воплощении единой микроситуации.

Среди маркеров трансформации, детерминированных лингвистическими факторами перевода, путём пропозиционного анализа выделены такие, как различия в выборе грамматической конструкции («*средство существования было в проживании...*»

/ «возможность существования давали...»; «я постиг»/ «на мой взгляд»), различное лексическое наполнение сегментов («возможность существования»/ «средство существования»).

К маркерам трансформации, обусловленным экстралингвистическими факторами и отражающим различия в выражении единой микроситуации действительности, отнесены: членение фрагментов на разное количество сегментов, различия в выборе лексических единиц и отличия в деталях описания (в переводе во втором сегменте опущено то, что «заросли были высокими»).

Итак, специфический характер процесса образования перевода как особого вида вторичного текста определяется целью создания перевода, которая заключается в социальной потребности создать тот же текст, но на другом, доступном получателю языке. Эта цель определяет стремление переводчика к максимальному тождеству перевода оригиналу на всех уровнях, то есть к максимальной эквивалентности. В ходе пропозиционного анализа и сопоставления выбранных фрагментов выяснилось, что стремление к тождеству, эквивалентности текстов проявляется в сохранении микроситуации оригинала при

переводе. Однако эквивалентность текстов расценивается лишь как относительная, поскольку в силу влияния лингвистических и экстралингвистических факторов перевода во вторичном тексте происходят структурно-семантические преобразования, проявляющиеся в появлении маркеров трансформации, которые были выявлены в ходе проведенного анализа. Та же цель создания перевода детерминирует абсолютное изменение формы вторичного текста. Таким образом, существование первичного текста на языке оригинала и целевая установка переводчика определяют необходимость образования текста, полностью отличающегося от оригинала по форме, но сохраняющего как можно большую степень тождественности на смысловом и функциональном уровнях. Следовательно, специфический характер процесса образования перевода как особого вида вторичного текста определяется, прежде всего, изменением языка с исходного на переводящий. Важно отметить при этом, что такое изменение должно быть эквивалентным, то есть при смене языка содержание оригинала на уровне микроситуаций должно сохраняться.

Библиографический список

1. Бровкина, Ю.Ю. К проблеме деривационной текстологии / Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова, А.А. Чувакин // Человек – Коммуникация – Текст: сб. ст. / отв. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул, 2000. – Вып. 4.
2. Голев, Н.Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова [Э/р]. – Р/д: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>
3. Калинина, В.Д. Теория и практика перевода: курс лекций. – М., 2008.
4. Henry, O. The Octopus Marooned [Э/р]. – Р/д: http://www.literaturecollection.com/a/o_henry/236/
5. Генри, О. Сочинения: в 3 т. – М., 1975. – Т. 2.
6. Шмелёва, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.

Bibliography

1. Brovkina, Yu.Yu. K probleme derivacionnoy tekstologii / Yu.Yu. Brovkina, N.A. Volkova, T.N. Nikonova, A.A. Chuvakin // Chelovek – Kommunikaciya – Tekst: sb. st. / otv. red. A.A. Chuvakin. – Barnaul, 2000. – Vihp. 4.
2. Golev, N.D. K osnovaniyam derivacionnoy interpretacii vtorichnykh tekstov / N.D. Golev, N.V. Saykova [Eh/r]. – R/d: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>
3. Kalinina, V.D. Teoriya i praktika perevoda: kurs lekciy. – M., 2008.
4. Henry, O. The Octopus Marooned [Eh/r]. – R/d: http://www.literaturecollection.com/a/o_henry/236/
5. Genri, O. Sochineniya: v 3 t. – M., 1975. – T. 2.
6. Shmelyova, T.V. Smyslovaya organizaciya predlozheniya i problema modalnosti // Aktualniye problemih russkogo sintaksisa. – M., 1984.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 801.3: 336.01

Ismailova G.K. TERMINOLOGY AS A SPECIAL FIELD OF LINGUISTICS. This article deals with such general linguistic problems as the structure of the word, lexical system, phraseological system of the German, Russian and Kazakh languages. Nomination of concepts in financial credit system of terminology in the form of a substantive word, i.e. in the form of a noun takes place in all three languages. On the whole they have similarities on the ways of lexical substantive nomination in the form of simple noun, affixation derivation, compound word and on semantics derivation.

Key words: financial credit system, market economy, term, terminology, language structure, scientific and special notions, nomination, borrowings, word formation, phrase formation.

Г.К. Исмаилова, канд. филол. наук, доц., г. Семей, E-mail: gainigul_ismailova@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются такие общие лингвистические проблемы, как структура слова, лексические системы, фразеологические системы немецкого, русского и казахского языков. Выдвижение концепции терминологии финансово-кредитной системы в форме существительного слова, т.е. в форме имени существительного происходит на всех трех языках. В целом они имеют сходства в способах лексических номинаций в виде простых существительных.

Financial and credit system is a certain conceptual space, which is structurally dismembered by every language differently. That means it internally consists of separate spheres, parts. In a study of its linguistic structure, we proceeded from the division into 2 fragments: verbal and substantive, each of which we examine separately, independently in three languages and in relation to each other.

In the terminology of financial and credit system we investigated the lexical category in the form of simple, derived and compound verbs. Basically they are derived from substantive, substantive expressed categories and concepts of financial credit system, i.e. they are denominative verb formations. Their semantics depends on the semantics of those substantive terms which they came from,

for example: *Finanzen* - *finanzieren*, *финансы* - *финансировать*, *қаржы* - *қаржыландыру*; *Kredit* - *kreditieren*, *кредит* - *кредитовать*, *несие* - *несиелену*; *Saldo-saldieren*, *сальдо* - *сальдировать*, *сальдо* - *сальдолау* [1].

Such verbs are very few in each of the three languages. The number of verbs of figurative semantics is also low. All these simple words are different by the system of infinitive suffixes and endings - *avalieren* - *авалировать* - *авальдау*.

The following type represents the derived verbs-terms. They are complicated by derivational suffixes, prefixes. In German, they number 60, in Russian - 70, and in Kazakh - only 15, as a distinctive feature of verbal word-formation of the Kazakh language in the field

of finance and credit is the absence of prefixing word - formative elements. Prefixing verbs in the Kazakh language are more borrowings or calques with the prefixes *де* -, *ре* - for example, *реинвестициялау, демонетизациялау* [2].

Complex verbs in the financial credit system we have identified separately. According to our card file verbs of such word formative structure are found only in German and Russian, they are about 20, for example, *zurückzahlen, hochtreiben, самофинансировать, самоокупиться*. We have not discovered verbs of this structural type in the Kazakh language.

The pattern of verbal terminology nomination of concepts of financial and credit system in the form of stable combinations looks quite different. They are several times higher than in the verbal lexemic terminological nomination. If the number of German verbal nominations in the form of simple derivation and complex verbs is about one hundred units then in the form of fixed verbal phrases - about seven hundred. And in regard to structural and semantic types of linguistic structure and expression of the nature of its semantics they are much more diverse. In other words, lingual consciousness of German more appeals to a phraseological method of nomination, than to the lexical. In German cross-language phraseological variants are differentiated: variation of an article, preposition, case, for example, *den Preis reduzieren, eine Anleihe aufnehmen*. In the Russian language object-directed phrase formative models prevail: *реализовать портфель ценных бумаг, акцептовать вексель коммерческого банка, субсидировать объекты экономики*. They are about six hundred. In the Kazakh language phrase formative models have genitive-object structure, for example, *эмиссияны дайындау, белсенді төлем балансын жасау* [3].

In the verbal system of expression of financial and credit terms of the three languages on the basis of fixed combinations another pattern is found out. These are phrase combinations containing in its structure reinterpreted metaphorically-evaluation components and presenting in one respect or another idiomatic expressive-evaluative phraseological nomination, for example, *heißes Geld konvertieren, фиксировать ножницы цен, добиться ясельного финансирования, долларовая инъекция* and in the Kazakh language *долларды "еңгізу"*. This can be explained by the fact that even in such a special terminology of reality as finance and credit, the human mind can not refuse such a capability, both figuratively expressive, based on analogies to reflect and represent the concepts of finance and credit.

Numerical superiority and structural semantic diversity of verbal nomination of concepts of the financial credit terminological system by means of verbal set word combinations is explained by the following factor: on the whole the scale and content of financial credit terminological system are determined by those basic notions which are introduced in a subjective form, i.e. in subjects. This is as a rule the nucleus of this system and proper notions of the financial credit system are characterized by the capacity to be combined with a number of different verbs of non-terminological group forming a whole group of verbal phraseological nominations or verbal phraseological nominative paradigm of denotation of one and the same substantively expressed concept but in different verbal combination or in different financial credit usage, for example, *einen Kredit sichern, in Anspruch nehmen, einen Kredit überziehen, einen Kredit kündigen, einen Kredit abdecken, einen Kredit erhalten, einen Kredit einräumen, einen Kredit eröffnen, einen Kredit genießen, einen Kredit gewähren, einen Kredit geben*.

As far as we can see valence distributive verbal compatibility of such substantive lexical terminological financial credit system of the German language is very wide and on the basis of these terms it has the formation of twelve verbal phraseological nominations in financial credit system of the German language. All other substantive terms in a form of a word have the same process.

Practically it is the main mechanism of the verbal terminological phrasal formation and the essential factor of quantitative superiority of the verbal phraseological terminological nomination over verbal lexemic nomination.

As an example there can be a fragment of substantive financial credit terminological system in each of the three languages and between languages according to the mentioned above scheme in language research.

In financial credit system of the Russian and Kazakh languages there are also substantive words of the similar word formative structure. Its number is about 200 units, for example, *вексель, гарант, чек, баж, жал, ж-йе*. Moreover, all of them are borrowings [4].

The next type of substantive lexemic terms are affixation units.

There are lots of substantive terms, formed by means of suffixes in financial credit system of the German, Russian and Kazakh languages. In German there more than 1,5 thousand units. Among

them regular suffixes of word formative models are: *-un, -e, -heit, -keit, -tion: die Akzise, die Buchung, die Konvertierung*.

There are about 1000 units in Russian and the suffixes such as *-ость, -ние* are very active, for example, *инвестирование, доходность, дисконтирование*.

There are about 800 units in Kazakh and the most regular are in noun formation are the following suffixes such as *-rep, -кер, -лық, -лік, -дық, -дік, -шы, -ші, -ік, -ыс, -іс*, for example, *қаржыгер, кепілдік, салықшы, табыс, кіріс*.

It's clear that the main point is the system of suffixes in all three languages denoting abstract semantics on the whole, i.e. abstract concepts from financial credit field of analysed languages.

Prefix suffixed nouns in financial credit system are also highly productive the number of which is more than 1000 units in German, for example, *Dürchrechnung, Unterpacht*. In Russian prefixed nouns are significantly few. Among them prefixes which are widely spread: *-при, -под, -пере, -приост, подсчет*.

Prefixed formation of lexical terms in financial credit system refers only to two languages: German and Russian in particular, in Kazakh this way of formation is absent.

Interesting patterns are detected in financial credit system of three languages in the sphere of complex words.

Composition in German is absolute majority, thus it considerably prevails over other ways of word formation. About 2,5 000 units were formed by this way of word and term formation in financial credit system of the German language, for example, *Finanzfutures, Steuerkataster, Hilfskonto*. In Russian complex words are considerably less than in German. There are about 700 units: *банкнота, жириоборот, банкрот*.

The same tendency is observed in financial credit system of the Kazakh language. There are about several hundreds, for example, *енбеқақы, инфраұрылым*.

Therefore, composition is a word formative way that is highly productive in German but poorly developed in Russian and Kazakh. However, suffixation is highly developed in Kazakh, prefixation and suffixation – in Russian.

The next typical feature in lexical term formation of financial credit terminological system of three languages is that the semantic lexical way of lexical term formation is highly productive. A great number of lexical terms in Russian, German, Kazakh are formed by this way of lingual derivation. The mechanism of metaphoric and metonymic figurative meaning of words are on the basis of these ways of word formation. For instance, nouns from public language: in German *"Steueroase"* – tax oasis - the country grant tax discounts to foreign investors, *der Baissespekulant* – a bear - a direct meaning, terminological meaning – *a stag*, playing for decrease in the rate of securities, currency; *бұқа* – a stag, playing for increase in the rate of securities, currency; *ніл* – a variety of bank certificates, the cost of which is more than 100 000 \$ US [5].

In substantive fragment of investigated conceptual space a certain number of analyzed concepts is expressed in the form of fixed word combinations. There is a certain regularity: the more complicated notion, the more complicated the structure of the corresponding term combination. Due to this reason there are two, three and four component substantive word combinations in all three languages expressing and nominating definite notions in financial credit system of three languages. Overall they repeat the structure of substantive syntactic word combinations which are typical of syntax, syntax system for each of three languages. In German they are not so numerous and structural semantically diverse other in Russian or Kazakh. The cause is that in German substantive word formation, in particular, composition is strongly developed. Therefore, in German term combinations in the form of substantive word combinations are second to term combinations in respect of the substantive word. There are about 300 units of them, for example, *laufendes Konto, active Zahlungsbilanz*.

On the contrary, in Russian and Kazakh substantive term combinations are highly regular and they're numerous, for instance, *нуллификация валюты, активы банка, дивидендный налоговый облагаемый доход, нарық заңдары, бағалы қағаздарын айналдырылымы*. Moreover, in financial credit system expressive evaluative substantive term combinations are also widespread in semantics.

As it was stated above one of the regular ways of development and enrichment of lexical and phraseological systems of any language are borrowings.

In financial credit terminological system are many borrowings from English – *Barter, Business, Spot*; from Italian – *Saldo, Valuta, Franko, Avisto*; from French – *Devisen, Akzise, Allonge*. Similar and other borrowings penetrate in Kazakh mainly in two ways: a) through Russian and b) directly through corresponding languages. To tell

the truth, the first way is the most active, compare: *банк, маржа, ипотека, аккредитив* [6]. The most regular way of financial credit system enlargement of the Kazakh language is replication of morphological structure of Russian substantive terms, for example, *тексеріс, міндеттеме, нарық, несие*.

So, the analysis of lingual structure of financial credit terminological system of three analysed languages in the aspect of lexical and phraseological nomination, derivation and in verbal substantive opposition showed that there are more general features in three languages than differences. It is evidence that phraseological notional space of analyzed terminological system of three languages has more similarities than differences in all parameters of research of that terminological system. Coincidence or similarity is available on the size and content of that notional space, on main ways of terminological system enrichment, on main lexical and phraseological ways of nominated concepts of the terminological system, on asymmetry character in verbal and substantive lexical and phraseological nomination and derivation. Differences occur only in some cases, in particular, absence of prefix way of lingual derivation, absence of prepositions, therefore, prepositional substantive structures in the Kazakh language. In other words, asymmetry and differences in lexico-phraseological assimilation and presentation of financial credit terminological system of three analyzed languages is defined mainly by differences in the language type and system - structural peculiarities in initial systems in all three languages, in particular, in word formative, lexical and syntactic systems of the German, Russian and Kazakh languages.

Language is a particular human category and the main power of any nation. Communication is an important part of human life and language meets all demands of people in verbal communication. Another prominent function of a language is cumulative that is to accumulate knowledge about the world. The information obtained by a man is kept in the main lingual units such as words, word-combinations phraseological units, sentences and texts. Objective world knowledge exists in various forms. Scientific knowledge takes place among all kinds of knowledge. It's concentrated in special categories of lingual units such as terms and terminological system. It also indicates the level of science, society and industry development. Terms and terminological system reflect the only moment in gnoseology of an ethnos, in particular, what scientific knowledge this or that ethnos has. The process of globalization, the introduction of world states into the market economy, their cooperation in various fields of science, industry and culture may contribute to the inter-penetration and mutual enrichment of terminological systems of different nations and languages. The exceptional significance of the scientific and other special terms, scientific information in the development of science, economy and culture of people determines the need for a special collaboration between researchers and experts in the field of terminology. It also actualize the adoption of a variety of activities in this area, in particular, the systematization and standardization of terms, creation of

ideographic, explanatory, and translation dictionaries text books and teaching aids in industry terminology. Any scientific, industrial professional or other kinds of special notions in any special sphere of ethnic knowledge and human activities obtain its lingual objectification and representation through certain language categories in particular, nominative, lexical and phraseological meaning, borrowing, calking. In categorical relation the scientific and specific notion of terminological systems are presented in two categories: objective or objectified and action process or procedural. This is the reason that in terminological system including finance and credit there are two types of category concepts of terminology systems: substantive and verbal. They, in their turn are not homogeneous that is, there are it is own different types and subtypes and they all have their own semantic nomination, referential characteristics and preferences. It is specified by means and models of word of phrase formation. Word and phrase forming systems, loan translation and borrowing on one hand and lexical, phraseological system which is the basis of any terminology system, including finance and credit one. But different languages have their own ideo-ethnic features. They cannot help reflecting the national thinking and the nature of linguistic structure of terminological system. The analysis of linguistic structure of financial and credit system of German, Russian, Kazakh languages clearly confirmed this regularity. Especially bright diamorphism of the given language categories is observed at the level of substantive and verbal lexical and phraseological nomination and derivation. Any kind of asymmetry in all of these and other categories is predetermined by peculiarities of language type. That is why there are more similarities, analogies, coincidences in lexical and phraseological nomination in Russian and German than in Kazakh, German and Russian [7].

It is indicated on the level of structural semantic word formation and phrase formation, as well as on verbal and substantive word and phrase formation level, notional lacoons, borrowings and calkings.

On the other hand the Kazakh language being of agglutinative type possesses quiet different word and phrase formation system, yet reveals more structural similarities with Russian than with German. This is due to the significant reason: all the close contacts between Russian and Kazakh people, between Kazakh and Russian language, the presence of borrowings in Kazakh terminology including financial and credit terminology of the Kazakh language as well as the tracing the morphological structure of the terms of the Russian language. This is the reason that the same terminology concept of finance and credit system is expressed in the researched languages by different forms and ways, what is more, the method and form of expression in Kazakh and Russian languages are often the same. This study represents one of the first applications of the integrated studies of the finance and credit system of terminology in three languages. The progress and results of research reveal a lot of problems and it determines the great perspective of this research topic.

Bibliography

1. Nassyrova, M. Aleumettik-ekonomikalyk terminderdin kyskasha orysshakazaksha tusinderme sozdigi. / M. Nassyrova. – A., 1990.
2. Aldasheva, A. Zhana ataular (Kazak leksikasyndagy zhana koldanystar) / A. Aldasheva, Sh. Sarybayev, N.Ualiyev. – A., 1992.
3. Kenesbayev I. Kazak tilinyn phraseologiyalyk sozdigi. / I. Kenesbayeva. – A., 1977.
4. Dal, V.I. Tolkovy slovar russkogo yazyka sovremennaya versiya / V.I. Dal. – M., 2001.
5. Anglo-russkiy slovar bankovskikh i finansovykh terminov. – M., 1992. – T.1.
6. Volkova, T. Universalniy slovar inostrannikh slov russkogo yazyka / T.Volkova. – M., 2000.
7. Vechkanov, G.S. Kratkaya ekonomicheskaya entsiklopedia / G.S. Vechkanov, G.R. Vechkanova, V.T. Pulyayev. – Sankt-Peterburg, 1998.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 802.0+801.6

Kravtsova T.A. METALINGUISTIC STRATEGY FOR PROVIDING EFFECTIVE TEXT COMMUNICATION. The article deals with peculiarities in realization of metalinguistic strategy in the text communication, it describes some types of metacommentary speech tactics, their contents and functions, illustrated with examples taken from English fiction.

Key words: metalinguistic strategy, metalinguistic tactics, metalinguistic commentary, communication tension, language ego.

Т.А. Кравцова, аспирант каф. перевода и межкультурной коммуникации Алтайской гос. педагогической академии, г. Барнаул, E-mail: t.kravtsova@hotmail.ru

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности реализации стратегии метакомментирования в художественном тексте, предлагается типология речевых тактик, выявляется их содержательный и функциональный потенциал.

Ключевые слова: метаязыковая стратегия, метаязыковая тактика, метаязыковой комментарий, коммуникативное на-
пряжение, языковая личность.

Одна из основных задач продуцента устной и/или письменной речи в процессе коммуникации заключается в реализации его коммуникативной интенции. Результат эффективности коммуникативного поведения во многом достигается благодаря адекватным и эффективно подобранным коммуникативным стратегиям. Среди них существуют и такие, которые ориентируются на язык не как на простой инструмент осуществления речевой деятельности, а как на специфический объект, который помогает понять, что представляет собой язык в плане механизма, направленного на осуществление этой деятельности. Метаязыковой комментарий – вербальное замечание по поводу разнообразных аспектов функционирования языковых единиц в речи. Он является проявлением метаязыкового сознания коммуникантов в тех случаях, когда оно из латентного (скорее глубинного состояния) выходит на поверхность в форме осознанной рефлексивной деятельности рядовых носителей языка об этом языке во всех его ипостасях (см. об этом [1]).

Известно, что языковая рефлексия как неотъемлемая часть мыслительного процесса протекает непрерывно, отвечая за контроль порождения речи и обеспечивая ее автоматизм. Однако любое отступление от норм речи приводит к возникновению «очагов» речевого или коммуникативного напряжения и, как следствие, к «расторжению автоматизма речи» [2, с. 74], то есть выходу языковой рефлексии на уровень сознания и развертыванию метаязыкового потенциала речи, включающего суждения и мнения говорящего о своем речевом поведении.

Степень развернутости метатекстового потенциала (которым в той или иной мере обладает любой текст) – полная, частичная, нулевая – зависит от нескольких факторов: 1) от языковой и речевой компетенции продуцента; 2) от его способности к рефлексии над языком и речью, от склонности к диалогу со своим вторым «я»; 3) от степени ориентированности на реципиента (явного/непосредственного или потенциального), склонности к заботе об интересах адресата и желания пригласить его к совместному диалогу. Перечисленные факторы согласуются с мнением Н.П. Перфильевой, которая отмечает: «Вариант поведения адресанта обусловлен не только особенностями языковой личности Говорящего, экстралингвистическими параметрами коммуникативной ситуации, но и образом адресата (фактор Адресата) в сознании Говорящего, присутствием и прогнозируемой реакцией наблюдателей как участников коммуникации» [3, с. 12].

Продуцент, заинтересованный в наиболее эффективной коммуникации, в значительной мере ориентирован на адресата. Однако это стремление учесть интересы собеседника (создать максимально понятное для него речевое произведение) может идти в разрез с собственными интенциями по реализации своих творческих возможностей. В такой противоположности, и подчас противоречивости, интересов автора текста и его реципиента заключается одна из основных коммуникативных антиномий, иллюстрирующая внутреннюю противоречивость естественного языка [4]: говорящий, с одной стороны, склонен к нарушению норм языка в своих интересах, к бесконечной вариативности знаков языка, которым он мог бы приписывать любые необходимые ему смыслы, наконец, к созданию новых языковых знаков, дающих ему полную свободу в выражении своего творческого начала. Однако, с другой стороны, такая абсолютная свобода творческого использования языка естественно ограничивается и удерживается в разумных границах необходимостью осуществления его важнейшей функции – коммуникативной. Такая необходимость выдвигается, прежде всего, адресатом, который стремится к адекватному пониманию речи адресанта и, в силу объективных причин, заинтересован в консервативном отношении продуцента к языковым нормам. Если говорящий желает быть понятым, он должен придерживаться общего с адресатом, «подходящего» коммуникативного кода. Сам язык вынуждает говорящего делать выбор, согласованный с языковыми нормами. В связи с этим уместно вспомнить идею Ф. де Соссюра, перефразированную Б.Ю. Норманом: язык говорит человеку «Выбирай!», но при этом добавляет: «Ты выберешь вот этот знак, а не другой» [5, с. 53]. Таким образом, в сознании адресанта происходит непрекращающееся противоборство вариативности и нормы, творческого и обыденного, индивидуального и универсального, заставляющее его постоянно балансировать на грани между удовлетворением собственных интересов и интересов адресата.

Рефлексия говорящего над его прошлым речесуобщением коммуникативным поведением выявляет как условия успешной коммуникации, так и причины негативного опыта общения и заставляет его искать продуктивные пути гармоничной коммуникации, то есть такой, которая не только представляет собой трансляцию определенной информации, но и «сопровождается интеллектуальным, эмоциональным и эстетическим сопереживанием коммуникантов» и предполагает их творческую активность [6, с. 138]. Таким образом, адресант, используя свой прежний опыт продуктивного общения, думая об адресате, создавая его образ, прогнозируя его когнитивные состояния в момент восприятия текста, предвосхищает коммуникативное напряжение и старается элиминировать или минимизировать его за счет различных стратегий и тактик, одна из них – метаязыковой комментарий.

На основе анализа имеющегося в нашем распоряжении эмпирического материала выделим несколько наиболее частотных в художественном произведении речевых тактик метаязыкового комментирования.

1. Речевые тактики метаязыкового комментирования стилистически маркированных слов и словосочетаний.

1) тактика извинения при употреблении сниженной языковой единицы.

Употребление сниженной лексики связано с определенной ответственностью по отношению к адресату. Поэтому, отдавая предпочтение сниженной лексике в обход нейтральной, носитель нормативного литературного языка может испытывать «языковой дискомфорт» [2, с. 76]. Выбор подобного слова заставляет Говорящего чувствовать нравственную вину [7, с. 9]. Отсюда и речевые формулы извинения:

The fourth thing was that he had to, you should pardon the expression, piss like a racehorse (King S. The Stand).

Появление в тексте подобной сниженной лексики и, обусловленных ею формул извинения определяется таким субъективным фактором стилистической нормы, как языковой вкус (чувство меры, целесообразности), который проявляется в ощущении Говорящим границ «дозволенного» в рамках определенной коммуникативной ситуации, в обладании им речевой смелостью, подталкивающей его к введению стилистически «сильной» лексики в текст.

Лексическая единица, причиняющая продуценту речевые «неудобства» своей стилистической неуместностью и несоответствием ситуации (тексту), не обязательно побуждает его поменять тактику извинения за неподходящее слово: продуценту может представляться достаточным простое указание на стилистически сниженное слово или выражение и классифицирование его в плане принадлежности тому или иному стилистическому регистру:

“He said the fuel pump was all shot to shit.” “Don’t say that, Danny.” ... “Why?” “It’s vulgar.” “What’s vulgar, Mom?” “Like when you pick your nose at the table or pee with the bathroom door open. Or saying things like ‘All shot to shit.’ Shit is a vulgar word. Nice people don’t say it.” (King S. The Shining).

Стилистически маркированная единица всегда находится в фокусе внимания говорящего/пишущего и под контролем его сознания. Метаязыковая стратегия в подобном случае выступает как средство координации (регулирования) речевого взаимодействия отправителя и получателя текста. Персонаж как бы дает понять собеседнику, что остается в общей для них двоих социально-культурной области, хотя и задействует единицы иного субязыка.

Причиной коммуникативного напряжения может стать лексема, не соответствующая установленным в обществе правилам политкорректности. Это относится к практике прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.д. В случае появления подобной лексики в речи, включается механизм метаязыкового комментирования, и данная единица получает пояснение:

“Do you defend niggers, Atticus?” I asked him that evening. “Of course I do. Don’t say nigger, Scout. That’s common (Lee H. To Kill a Mocking Bird).

Приведенные примеры иллюстрируют то, как при выражении своих мыслей продуцент проявляет творческую свободу, стремится «не быть вполне нормативным» и, в то же самое время, старается «не быть неправильным» [8, с. 718]. Прибегая к помощи метаязыковых вставок, он сглаживает «острые

углы» стилистически сниженной лексики, которая может показаться адресату неожиданной, нескромной, безапелляционной или даже шокирующей, тем самым, оставаясь «при своем мнении», говорящий компенсирует нежелательный коммуникативный эффект.

2) тактика извинения при использовании единицы высокого стиля.

В области стилистических норм действует еще один процесс – «вымывание высокого стилистического яруса» [2, с. 76], при котором происходит усиление «разговорности» языка, ироническое отношение к высокому стилю. Адресанту представляется неуместным употребление высокой лексики или образных средств, характерных для высокого стиля (например, терминологии, ассоциирующейся с высоким стилем, как в следующем примере), что заставляет его приносить извинения либо «объясняться» другим способом:

As for Detterick, all the fight went out of him when he was finally pulled off - as if some strange galvanizing current had been running through the huge black man (I still have a tendency to think in electrical metaphors; you'll have to pardon me), and when Detterick's contact with that power source was finally broken, he went as limp as a man flung back from a live wire (King S. The Green Mile).

3) тактика извинения при употреблении клише.

Клише – часто употребляемое и стершееся, лишнее коммуникативной значимости языковое выражение. Оно свидетельствует о минимальных ментальных усилиях его продуцента и вызывает определенное чувство неловкости своим появлением в речи, как, например, в случае с фразеологическим выражением «найти ахиллесову пята» в следующем примере:

Well, sorry to use a cliché, but I discovered his Achilles' heel (Fielding H. Bridget Jones's Diary).

Вышеприведенные примеры метаязыкового комментария выполняют роль своеобразных коммуникативных «амортизаторов», которые «под давлением эгоцентрического фактора (забота о собственном имидже) Говорящий употребляет, чтобы избежать коммуникативного или коммуникативно-мировоззренческого конфликта» [3, с. 29]. В этом плане, автора высказываний можно сравнить с редактором, который «обрабатывает» исходный текст, подвергает его сознательному контролю, внося в него свои ремарки, адаптирующие текст для читателя.

II. Речевые тактики ссылки на чужую речь

Желание снять с себя ответственность за избранную форму высказывания может реализоваться с помощью тактики ссылки на чужую речь. Продуцент как бы «прячется» за чужие слова, создавая следующий подтекст: «Я прекрасно знаю, что применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил данное выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику в свой адрес, ввожу формулу: «как говорят». Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать, но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» [9, с. 293].

Здесь можно выделить несколько тактик:

1) тактика введения метапоказателей со значением коллективной ответственности за использование речевого материала, в этом случае широко используются такие клишированные выражения, как *so-called*, *what they call*, *what anyone would call*, *you'd say*, *as they say* и другие:

"Where's Professor Snape?" shouted a girl from the Slytherin table. "He has, to use the common phrase, done a bunk," replied Professor McGonagall and a great cheer erupted from the Gryffindors, Hufflepuffs, and Ravenclaws (Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows);

2) тактика введения авторизирующих высказываний, принадлежащих:

а) лексикону конкретной языковой личности

They're intrigued; they truly don't want to destroy him – 'wasteful,' that's the word Aro will use – and that may be enough to force him to get creative (Meyer S. New Moon).

Метакомментарии такого типа относятся к лексическим номинациям, принадлежащим определенной языковой личности, и, по сути, представляющим собой прецедентные высказывания, которые характеризуют особенности речевого поведения их автора. Продуцент, вводящий в текст метаязыковой комментарий, маркирующий определенное выражение как языковую единицу, свойственную другому человеку, таким образом отмечает элементы своего речевого произведения в плане «свое – чужое». Такой тип метакомментирования достаточно частотен

в корпусе выделенных нами метаязыковых комментариев, поскольку в своей речемыслительной деятельности рассказчик часто отдает предпочтение чужому слову, как более точному, убедительному, уместному, нестандартному, оригинальному, но, в то же время, непривычному и чуждому. В основе такого выбора лежит психологический мотив «чужое слово лучше моего». Н.П. Перфильева утверждает, что речевая деятельность индивида – это «непрерывный поток цитат, извлекаемый из нашей памяти: и в ней есть место и бережному, иногда почтительному, отношению к «чужому голосу», чуждому мнению, и снятию ответственности за чужое слово» [3, с. 23].

б) тактика введения авторизирующих высказываний, принадлежащих лексикону представителя определенного профессионального сообщества или социальной группы:

As Poke understood it (and Poke's understanding never got much beyond what the movie people call "soft focus"), these Sicilian-type people sometimes sold iron to independent thieves (King S. The Stand).

3) тактика введения замечаний по поводу употребления единиц языка, характерных для языковой личности с определенным уровнем развитости коммуникативной компетенции.

Нижеприведенные примеры содержат метакомментарии, касающиеся употребления слов и речевых формул, характерных для носителей языка с низким уровнем развитости языковой компетенции, использующих, главным образом, разговорные и нейтральные языковые средства:

But having – as the simple say – "learned" his boy to draw pigs and other animals, he knew that Jon would never be a painter, and inclined to the conclusion that his aversion from everything else meant that he was going to be a writer (Galsworthy J. To Let).

4) тактика введения помет, предупреждающих о времени употребления лексической или фразеологической единицы (хронологический аспект):

а) указание на современные языковые средства:

Do you mind calling me M.M. and letting me call you F.F.? It's in the spirit of the age (Galsworthy J. To Let).

Метакомментирование в подобных случаях касается временных языковых пристрастий носителей языка, то есть отражает «вкус» времени. Принадлежность лексемы или фразеологизма к «популярным» у носителей языка в определенном хронологическом периоде языковым средствам эксплицируется при помощи словосочетаний, вводных элементов, вставок, содержащих такие лексические единицы, как: *language*, *slang*, *jargon* и других. Такой тип метаязыкового комментария характерен для отдельных писателей, способных хорошо «слышать» новое время и новое поколение. Несомненно, к ним принадлежит английский писатель конца XIX – начала XX века Дж. Голсуорси:

Of all those radiant forms which emblazon with their windows the West End of London, Gaves and Cortegal were considered by Soames the most "attractive" – word just coming into fashion (Galsworthy J. In Chancery).

б) указание на средства, употребление которых ассоциируется с временными рамками прошлого:

It made him think of Connecticut again, and the way the fogs came in after dark during the last weeks of March and the first weeks of April. The oldtimers called it strawberry spring. God knew why (King S. Desperation).

5) тактика комментирования процесса вхождения лексических средств в язык.

Ярким примером здесь может служить отрывок из романа Дж. Голсуорси «В петле», где автор маркирует возникновение новой лексической единицы:

"What? Are you a pro-Boer?" (undoubtedly the first use of that expression) (Galsworthy J. In chancery).

6) тактика указания на единицы языка, характерные для определенной местности (территориальный, географический аспект).

She had the big red-and-yellow gelatine capsules that were known as "yellowjackets" on the West Coast (King S. The Stand).

Подведем краткие итоги изложенного. Творческая воля продуцента сообщения, контролирующего и комментирующего свое речевое поведение в местах текстового напряжения, обуславливает характер и содержание метаязыкового комментария. Отправитель речевого сообщения прибегает к разнообразным метаязыковым тактикам, связанным с толкованием, указанием на стилистическую, хронологическую, топонимическую маркированность той или иной единицы языка, таким образом адаптируя текст к коммуникативной ситуации, конкретной или предполагаемой, подвергает его саморедактированию. Продуцент, развертывающий в речевом произведении его метатекстовый потенциал, через метаязыковое комментирование, отражающее

предпочтение тех или иных средств, выражает субъективное, избирательное отношение к языковым ресурсам и, тем самым, усиливает личностное начало своей речекоммуникативной дея-

тельности. Метаязыковой комментарий с этой точки зрения представляет собой единицу речевого взаимодействия адресата и адресанта, местом их встречи и осуществления диалога.

Библиографический список

1. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. — Кемерово; Барнаул, 2009. — Ч. I.
2. Вепрева, И.Т. Метаязыковые стратегии в стилистически неоднородных текстах современных СМИ // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры: сб. науч. статей / под ред. О.С. Иссерс. — Омск, 2009. — Вып. 1.
3. Перфильева, Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Новосибирск, 2006.
4. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.
5. Норман, Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. — Минск, 1978.
6. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. — Томск, 1994.
7. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М., 1999.
8. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.
9. Шварцкопф, Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970.

Bibliography

1. Obihdennoe metayazhkovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekti: kollektivnaya monografiya / отв. ред. N.D. Golev. — Kemerovo; Barnaul, 2009. — Ch. I.
2. Vepreva, I.T. Metayazhkovye strategii v stilisticheskikh neodnorodnykh tekstakh sovremennikh SMI // Sovremennaya rechevaya kommunikaciya: strategii i zhanri: sb. nauch. statej / pod red. O.S. Issers. — Omsk, 2009. — Vyp. 1.
3. Perfiljeva, N.P. Metatekst: tekstocentricheskij i leksikograficheskij aspekti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Novosibirsk, 2006.
4. Golev, N.D. Yuridizaciya estestvennogo yazhka kak yurisljngvisticheskaya problema // Yurisljngvistika-2: Russkij yazhik v ego estestvennom i yuridicheskom biitii. — Barnaul, 2000.
5. Norman, B.Yu. Sintaksis rechevoj deyatel'nosti. — Minsk, 1978.
6. Bolotnova, N.S. Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v associativnom aspekte. — Tomsk, 1994.
7. Verethagin, E.M. V poiskakh novikh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya reche-povedencheskikh taktik / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov. — M., 1999.
8. Stepanov, Yu.S. Konstanti. Slovarj russkoj kul'turi. — M., 1997.
9. Shvarckopf, B.S. Problema individualnykh i obshchestvenno-grupponykh ocenok rechi // Aktual'nye problemi kul'turi rechi. — M., 1970.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 942.3(075.8)

Al-Otaibi Bader Tarakhib. COMMUNICATION OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD WITH PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ARAB LINGVOCULTURE. This article deals with the conception of the "language picture of the world", how it is reflected in phraseology of the Arabic linguistic culture in the context of language — culture relation.

Key words: language picture of the world, phraseology, Arabic linguistic culture.

Аль-Отаиби Бадер Тарахиб, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: bta_bader@hotmail.com

СВЯЗЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В данной статье автор исследует понятие языковой картины мира и ее связи с фразеологией в арабской лингвокультуре, рассматривает понятие картины мира в современной науке, говорит о связи языка и культуры в современном лингвострановедении.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеология, арабская лингвокультура.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая накладывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д. [1].

Итак, понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, пред-

лагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска*, *надрыв*, *авось*, *удаль*, *воля*, *неприкаянный*, *задухшенность*, *совестно*, *обидно*, *неудобно*), либо такой эк-

вивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*). В последние годы в отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода; его целью является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.).

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как сам человек. Создание первых «картин мира» у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее, реальная, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время.

При характеристике картины мира необходимо различать три важных взаимосвязанных, но не тождественных явления: 1) реальность, именуемую термином «картина мира»; 2) понятие «картина мира», воплощающее теоретическое осмысление этой реальности; 3) термин «картина мира».

Термин «картина мира» был выдвинут в рамках физики в конце XIX – начале XX в. Одним из первых этот термин стал употреблять В. Герц применительно к физическому миру. В. Герц трактовал это понятие как совокупность внутренних образов внешних объектов, которые отражают существенные свойства объектов, включая минимум пустых, лишностных отношений, хотя полностью избежать их не удаётся, так как образы создаются умом.

Современные авторы картину мира определяют как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности».

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его существования. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно – практическая активность человека.

Так как в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и заканчивая мышлением человека, то очень сложно говорить о каком-либо одном процессе, связанным с формированием картины мира у человека. Человек созерцает мир, осмысливает его, ощущает, познаёт, отражает. В результате этих процессов у человека возникает образ мира, или мировидение.

Что касается отражения картины мира в языке, то введение понятия «картины мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык – влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка и влияние на язык различных картин мира – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задаёт своё видение языка и по-своему определяет принцип действия языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые пути для проникновения в природу языка и его познание.

Языковая картина мира – это отражённый средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых

языком. Языковую картину мира принято отграничивать от концептуальной, или когнитивной модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире.

Вопрос концептуализации мира языком при помощи слов, очень важен. В своё время Р. Ладло, один из основоположников контрастивной лингвистики, заметил: «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [2, с. 34-35]. Варьируются не только значения, но и состав лексики. Специфика этого варьирования составляет существенную часть специфики языковых картин мира.

Исследуя когнитивные основания языковой номинации, Е.С. Кубрякова справедливо говорит о языковой картине мира как о структуре знаний о мире, тем самым дополнительно подчёркивая когнитивный характер этой ментальной сущности. «Когнитивно ориентированное исследование деривационных процессов позволяет уточнить не только специфику «картирования» мира в отдельно взятом языке, но и – при должном обобщении таких данных в типологическом плане – способствовать выведению некоторых общих положений о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания, закономерностей устройства мира, как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в его социальной организации и во всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок» [3, с. 336-337].

Современные лингвисты утвердились в мысли, что понять природу языка можно лишь на основе изучения человека и его картины мира в целом. Отсюда новые осмысления наследия классиков (в частности, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и др.). В целом эта парадигма может быть названа когнитивной. А среди аксиом когнитивистики выделяется как внимание к ментальной репрезентации языковых явлений, так и признание фактора воздействия культуры на языковую личность. Анализ представленной проблемы соответствует, по крайней мере, двум основным принципам современной научной парадигмы, определённым Е.С. Кубряковой – принципу экспансионизма и принципу антропоцентризма [4].

Мировосприятие любого народа позиционируется в картине мира, более того, оно подвержено постоянному изменению в силу тех или иных социальных потрясений, глобальных перестановок и навязываемых стереотипов. Одно и то же представление действительности выражают разные языковые проявления в разных языковых культурах. Методы проявления понятий осуществляются посредством своеобразия социокультурных моментов языкового сообщества. Многообразие языкового мышления выражено в осознании избыточности или недостатка форм экспрессии одного и того же значения [5, с. 67]. Картина мира или знание о мире создаёт основу социального и индивидуального сознания. При этом язык обслуживает познавательные процессы. Концептуальные представления у людей и народов могут не совпадать из-за разных социальных, половых, межкультурных, возрастных, религиозных установок. Функции языка заключаются в трансляции информации и во внутреннем устройстве этой информации. Картина мира это не только группа символов или знаков – она имеет некий эмоциональный оттенок отношений субъекта. Это отношение может меняться в зависимости от деятельности. Таким образом, группа общественно-типичных установок обретает определённый символ в системе национального языка и создаёт языковую картину мира [6, с. 208].

На современном этапе развития человеческого общества лингвистика активно разрабатывает направление, в котором рассматривается не только как средство общения и познания, но и как кладовая знаний и памяти о материальных, социальных и духовных достижениях и богатствах различных народов, как культурный код нации. «Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира» [7]. Отсюда вполне очевидна необходимость изучения национального менталитета, наиболее концентрированно и ярко выраженного в первую очередь в национальном языке.

Потребности сотрудничества, координации совместной деятельности, а также преодоление возможных трудностей, связанных с расхождениями в подходах при решении всевозможных задач в процессе межкультурной коммуникации требует от ее участников знания чужого языка. Расширение международного сотрудничества ставит также наиболее трудно решаемую в общении проблему ощущения, понимания реципиентом того глубинного национального менталитета, который заложен в язы-

ке представителей иных культур с целью полного понимания тех или иных действий партнеров по коммуникации.

Предельно концентрировано, полно и ярко процесс развития культуры народа, его фрагменты целостной системы знаний об окружающем мире, стереотипы, эталоны и архетипы выражены во фразеологических единицах языка. Фразеологизмы, по мнению Ф.И. Буслаева, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство к потомкам» [8]. Поэтому, на наш взгляд, весьма актуальным является изучение фразеологических единиц с позиций антропологической лингвистики, в которой язык рассматривается как культурный код нации, как неотъемлемая часть когниции, как когнитивный механизм, играющий роль в репрезентации и трансформации информации.

Проблема взаимосвязи и взаимозависимости языка и сознания, языка и национального менталитета исследуется в социолингвистике, психолингвистике, нейролингвистике, этнолингвистике, в культурологии, в когнитивной лингвистике и т.д. В отечественной лингвистике ею занимаются Е.М. Верещагин, В.М. Костомаров, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина и др. В русской арабистике вопросы зависимости значимых для менталитета арабских народов явлений жизни и обозначающих их лексем частично освещены в работах Е.А. Резвана, В.Э. Шагала, Б.Я. Шидфера и др.

Данный вопрос частично находил и находит свое отражение в арабской лингвистической традиции, в работах таких известных ученых, как Ибн Абд Раббихи, Сибавейхи, Саалиби. Среди современных исследований можно назвать монографию Ахмеда Мутавакиля «Размышления о теории сигнификации в арабской лингвистической мысли». Арабская фразеология рассматривается в исследованиях аль-Амида, ат-Тикрити, аз-Замахшари, ал-Хамазани, ал-Джурдани; в отечественной лингвистике – в трудах В.С. Морозовой, В.Д. Ушакова, Г.Ш. Шарбатова и др.

С лингвистической точки зрения вопрос национального арабского менталитета и формы его выражения изучен недостаточно. Развитие теории фразеологии в последнее время достаточно активно внедряется в практику преподавания иностранных языков. И это вполне оправданно, т. к. фразеологический мате-

риал отражает язык во всем его многообразии. Изучение фразеологизмов и пословиц дает возможность одновременно заниматься фонетикой, грамматикой, лексикой, синтаксисом; помогает понять культуру, традиции, обычаи, быт, а также образ мышления носителя изучаемого языка. Сравните, например арабский фразеологизм *Ч gj'jL Sjmji (ja<j (похожи друг на друга, как два финика)* с русской пословицей «*похожи как две капли воды*» или <н>зу/ *L-dsjLiJib. '(под шкурой барана сердце волка)* с «*волк в овечьей шкуре*», в то время как фразеологизм *су* 0*1 (храбрее мухи)* не имеет аналога в русском языке и будет понятен лишь носителю арабской лингвокультуры.

Проблема исследования языка и культуры при помощи единиц фразеологического уровня оказалась в центре внимания лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1983] – особой отрасли прагматической лингвистики и методики преподавания русского языка как иностранного, цель которой – дать учащимся системную лингвистическую и экстралингвистическую информацию об особенностях использования национальных устойчивых единиц в коммуникации.

Одной из наиболее сложных областей любого языка является его фразеология. Как считают лингвисты, без обладания фразеологией знание языка является неполным. Фразеология обогащает знания студентов, пополняет их лексический запас, служит иллюстрацией к ранее изученному грамматическому материалу. Она придает речи учащихся особый колорит, делает ее более выразительной. И особая значимость фразеологизмов заключается в том, что они являются бесценным страноведческим источником.

Знание образов фразеологии не только расширяет лингвистический кругозор учащихся, но и развивает различного рода компетенции (языковую, речевую, ситуативно-коммуникативную и др.), способствуя языковой и культурной толерантности в обществе. Проблема использования стереотипов как явлений, упрощающих социальные контакты, имеет самое непосредственное отношение к процессу овладения новым языком, новой культурой с целью общения с представителями другой этносоциальной общности. Социально-психологические стандарты и стереотипы облегчают, упрощают отношения, общение и поведение.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.
2. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – Язык. Семиотика. Культура.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века. – М., 1995.
5. Горбатовский, В. Спасите нашу самобытность // Свет. – 2004, № 8.
6. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007.
7. Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990.
8. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – М., 1961. – Т. 1.

Bibliography

1. Апресян, Ю.Д. Yazhikovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. – М., 2006.
2. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
3. Kubryakova, E.S. Yazikh i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazhke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rolj yazihka v poznani mir. – М., 2004. – Yazikh. Semiotika. Kuljtura.
4. Kubryakova, E.S. Ehvoluciya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka // Yazikh i nauka v konce XX veka. – М., 1995.
5. Gorbatskiy, V. Spasite nashu samobitnostj // Svet. – 2004, № 8.
6. Antologiya konceptov / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. – М., 2007.
7. Gurevich, A.Ya. Chelovek i kuljtura: Individualnostj v istorii kuljture. – М., 1990.
8. Buslaev, F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – М., 1961. – Т. 1.

Статья поступила в редакцию 19.07.12

Раздел 4

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 101

Bachtin M.V. COMBINATION OF UNDERSTANDING THE PROBLEM OF THE POSITION OF BEING IN THE DOMESTIC AND STRUCTURAL PHILOSOPHY OF HISTORY. In the article the philosophical analysis of approaches to the solution of the problem of the methodological combination of the positions of existence and structuredness characteristic for the domestic philosophy of history is conducted. Special attention is paid to a question of the time-spatial differentiation of history. On the basis the theoretical study of the ideas of I. Kant, G.Gegel, N.Y.Danilevskiy, A.F.Losev is done conclusion about the need for the organic dominant, which connects the constants of the natural-science and the philosophical-epistemologic knowledge of history.

Key words: the philosophy of history, the life, the means of life, the organical istoriosofiya, the natural-science understanding of the history, the philosophical-epistemologic understanding history.

М.В. Бахтин, канд. филос. наук, ректор НОУ ВПО «Института Деловых Коммуникаций», докторант каф. философии Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Москва, E-mail: midk2008@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СОВМЕЩЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ПОНИМАНИЯ БЫТИЯ И СТРУКТУРНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В статье проводится философский анализ характерных для отечественной философии истории подходов к решению проблемы методологического совмещения позиций бытия и структурности. Особое внимание уделяется вопросу пространственно-временной дифференциации истории. На основании теоретического изучения идей И. Канта, Г. Гегеля, Н.Я. Данилевского, А.Ф. Лосева делается вывод о необходимости органической доминанты, связывающей константы естественнонаучного и философско-эпистемологического знания истории.

Ключевые слова: философия истории, жизнь, образ жизни, органическая историософия, естественнонаучное понимание истории, философско-эпистемологическое понимание истории.

В отечественной философско-исторической мысли укоренена точка зрения, особенность которой состоит в совмещении позиций понимания бытия и структурности. Речь идет о необходимой структурной обусловленности бытия и существования – отсутствие такой обусловленности делает оторванное от символически-нарративного контекста современности органическое мышление совершенно мифологизированным. Однако если фундаментальная *инаковость* органики оказывается неустойчивой в пространстве интеракций, то нет возможности для представления *жизни* и *образов жизни*. И важно отметить, что эти характеристики опыта субъекта современности во многом были предвосхищены в работах русских мыслителей (Н.Я. Данилевский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.Н. Гумилев).

Именно русская философия тяготеет к «иному» рационального знания, что на деле означает особое внимание к закономерностям пространственно-временной дифференциации истории и универсальным формам типологизации исторического процесса, включенного в «космический порядок». Усилия понимания русской традиции с теоретиками «консервативной революции». Это определяет необходимость последовательной постановки вопросов о соотношении и взаимообусловленности темы органического понимания истории и конкретных программ понимания истории в объемном контексте современной истори-

ческой эпистемологии. Конечно, вопросы должны быть скорректированы с учетом ситуации глобальных процессов и поиска стратегий построения социальных общностей.

Противостояние конструктивизма и примордиализма в понимании структурности исторических процессов влечет за собой и более сложные вопросы о путях становления современной методологии истории. Казалось бы, пути ее развития достаточно очевидны: дробящаяся постмодернистская множественность все более тяготеет к конструктивистским схемам и все менее учитывает органические проекты истории. Но органический взгляд, можно сказать, «органическая оптика» истории проявляется не в чистом виде, а в виде метафор и следов, предшествующих эпистемологическим системам, что напоминает исторический переход от метафизики к «органической историософии».

Конечно, тот факт, что понимание пространственно-временной расположенности исторического субъекта имеет решающее значение в формировании и реализации методологии исследования социальных явлений, никогда не ставился под сомнение: пространство-время как форма бытия и есть, по сути дела, порядок социального бытия. Однако есть необходимость посмотреть на самую социальную реальность с учетом дискурсивных и коммуникативных практик – в их контексте существенно может измениться исходная феноменология органического проекта.

Действительно, как справедливо отмечает К.С. Пигров, социальная реальность возникает только тогда, когда пространство-время как некая абстрактная форма наполняется энергией (в некотором смысле «силой») и веществом (то есть «сопротивлением») [1, с. 82]. Речь должна идти не о простой потенци-

альности, а именно об энергии существования человека в истории. И именно размышление о такой энергии, способной не только придавать силу существованию, но и производить смыслы существования оказывается принципиальным эпистемологическим компонентом современной философии истории – важнейшие символические разметки – пространство и время – способны создавать особые органически верифицируемые социальные целостности.

В частности, с пониманием времени как «числа движения» (Аристотель) связано истолкование истории как последовательности прямых замен в хронологическом ряду событий, а представление о вечном круговороте пластически-завершенного космоса предопределило не только субстанциальный характер греко-римской историографии, но во многом и всю традицию мышления целостности – космоса или мысли.

А.Ф. Лосев говорит о диалектике как «фиксировании и самопорождающей стихии смысла завершенных и умно-оптических, визуально-смысловых оформлений, нерушимом пребывающих в непрерывно подвижной стихии смысла» [2, с. 800]. Речь идет об объективности *формы* и *форм* – они предстают в истории в конкретном «исполнении», а не в неизменности, поэтому можно говорить именно об историческом событии и самой истории как событии.

Совершенно справедлива мысль о том, что попытки мыслить исторически и попытки мыслить в категориях субстанции несовместимы [3, с. 43]. Только через связь исторических идей с предметностью пространственно-временные организмы могут быть скорректированы с понятийным космосом, что дает им возможность выступать организующим началом исторического видения объектов истории.

Философско-историческая оптика и реальная истории оказываются не только взаимозависимы, но и комплементарны. Точкой схождения – особого рода диалогом – предстает как раз та форма размышления об истории, которая изначально содержит в себе органическую доминанту, что связывает константы естественнонаучного и философско-эпистемологического знания истории.

Важнейший момент такой «оптики» состоит в топологической обращенности социального бытия с природным, во-первых, а во-вторых – в определении категориального аппарата, способного представлять такое «родство», где важен анализ биосоциальных закономерностей в естественнонаучном и социо-гуманитарном познании.

Именно необходимость философской разработки общих вопросов активности в природе и обществе диктовалась задачами осмысления новых явлений социальной жизни, порожденных развитием «исторического человека». И. Кант в эстетической телеологии подчеркивал принципиальную значимость проблемы соотношения *идеи красоты* и *идеи жизни* – идея является и становится предметом созерцания, воплощаясь в красоте вещей и последовательном ряду организмов. Природность как бы предшествует, но становится понятной и определенной только после спекулятивного рассмотрения эстетической способности суждения.

Иными словами, органика онтологически предшествует, но эпистемологически следует за идеями – в случае динамических антиномий, затрагивающих трансцендентное понятие о природе, «спор может быть улажен ко всеобщему удовлетворению» [4, с. 476] – противоположные стороны признаны в равной мере необходимыми и истинными [5, с. 216, 254-255]. Конечно, согласно И. Канту именно схема, а не образы, является правилом синтеза многообразного. Но они есть скрытое в глубинах человеческой души искусство, настоящие приемы которого вряд ли когда-либо удастся «угадать у природы и раскрыть». А непосредственным источником схематизма является внутренняя активность субъекта, обнаруживающаяся как способность воображения. Именно схемы «как априорные определения времени», или факт осознания субъектом времени, делают возможным применение чистых понятий рассудка к явлениям вообще. Поскольку же априорная форма времени тождественна по происхождению любому понятию рассудка и всякой форме наглядного представления, то, согласно И. Канту, она должна быть положена в основе схематизма чистых понятий рассудка. И именно идеи И. Канта стали для Г. Гегеля одним из исходных пунктов построения диалектики как онтологии, логики и теории познания. Поэтому время у Г. Гегеля – а время это важнейший фактор формирования исторического сознания вообще – предстает уже не как априорная форма способности познания, а как объективный процесс возникновения и смены исторических этапов развития мышления, осуществляющий посредством

последовательного развертывания факторов его социокультурной детерминации.

В противовес физическому учению об организации как простом агрегате выдвигается концепция органической целостности. И именно диалектика в ее историческом развертывании выступает в качестве теории развития органически целостных систем. В силу специфики своего объекта и общих задач – она есть логика наук о жизни и наук о культуре. Не случайно, что при указании ближайших наглядно-чувственных образов ее спекулятивных понятий Г. Гегель апеллирует именно к общественной и органической жизни. Таким образом, именно из биологии и социальной истории черпается основной материал в пользу вывода о решающем значении принципа историзма, как в построении системы научных понятий, так и в отношении к реальным процессам исторического бытия, что особенно значимо для «синтезирующей» эпистемологии истории.

На уровне актуальной политики идеи Н.Я. Данилевского могут быть востребованы как порождающие модели современной эпистемологии истории – в ней топологически соотносены онтологические и логико-методологические позиции понимания истории. Именно установка на органическую оптику истории способствует установлению диалога идей отечественной и западной философии истории. Как справедливо указывает Х. Плеснер, «у каждого времени есть свое заветное слово. Терминология восемнадцатого столетия находит свое высшее выражение в понятии прогресса, девятнадцатого – в понятии развития; наше время – в понятии жизнь» [6, с. 98]. Развивая эту мысль, А. Швейцер в основу своей теории выдвигает принцип «благоговения перед жизнью», который он распространяет не только на природную, но и на духовную сферу [7, с. 173].

В качестве «определяющего» понятия выбрана жизнь, однако доминанта модернистского термина, по сути, совпадает с ренессансными идеями христианского гуманизма. Однако отказ от мессианской роли русского народа и взгляд на православие лишь как на духовную основу для славянства, основу, которая должна послужить фундаментом для грядущей славянской цивилизации, невечной, «смертной» в рамках исторического процесса, как раз и выводит Н.Я. Данилевского из общего ряда славянофилов [8, с. 129]. Н.Я. Данилевский дает возможность прогнать новую метафизику – идею достижения совершенства в развитии человека возможна через развитие социальной организации – необходимо помнить, что именно в конце XX-го и начале XXI-го веков глобализация заявляет о себе в стратегиях интеграции и создания единого социального пространства: вечное и временное могут быть соотносены в божественной природе.

Каждое начало проявляется в мире через собственные противоречия, возникающие в отношении закона существования начала. У Н.Я. Данилевского диалогически встречаются *нравственный закон* и *закон жизни естества* – это принципиально отличает все дальнейшие построения теории Н.Я. Данилевского от «органической теории» Запада. В случае Н.Я. Данилевского – логика формирования представлений об истории не является искусственным построением человеческого рассудка, но отражает в себе естественность природных процессов.

Сущность или *идея рода* представляет собой способность сущего кроме отвлеченной совокупности его признаков, дополняться известным только ему образом для своего осуществления в действительности – это может быть эмпирически исследовано, что именно и означает внимание к исторической конкретности процессов и событий. Соответственно понятие рода существует и проявлено не только в одном существе – одновременно и одномерно, а в разных существах «разновременно и разноместно осуществляемой». Род существует в метафизической реальности интеллектуальной природы человека. Возможности творческой природы человека как раз в том и состоят, чтобы *органично* вывести социальный образ мира и спроецировать его в пространство социальных институтов и социализации человека.

В этом смысле дело Н.Я. Данилевского выступает как фундаментальное философское открытие. «Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне – гипотеза вторичного и предсмертного смещения» указывает К.Н. Леонтьев [9, с. 32]. В целом стремления Н.Я. Данилевского к достижению единства и гармонии в социальной сфере определялось его представлениями об обществе именно как о социальном организме – Н.Я. Данилевский пытался создать теоретическую конструкцию гармоничного единства социально-органического, социально-телесного и социально-духовного. Конечно, требуется более четкое разделение между научно-методологической составляющей и политическими установками мыслителя. Однако идеи Н.Я. Данилевского, которые в своей совокупности образо-

вали необходимые онтологические и логико-методологические условия разработки теории культурно-исторических типов, нисходящих как бы поверх таких различий – нужно в первую очередь оценить меру истинности, а стало быть, и познавательное значение введенных мыслителем пространственно-временных «координат» развертывания событий истории. Вряд ли проблема социальной эволюции может быть в полной мере сформулирована и решена без учета всего спектра научных представлений о социальном развитии с позиций органической оптики.

Метафизика истории Данилевского обосновывает диалектику как способ сохранения природного равновесия, или как некоторое универсальное оправдание единства сущности и сущего. Обосновывается не только «топос» сущности и сущего, но и взаимонаправленность, объединяющая эти две реальности в одно целое – противоположность. Можно сказать, что Данилевский в модели развития славянской цивилизации предвосхитил в принципе модель цивилизационного развития в том варианте, в котором принципиальным началом являются органические образования, имеющие отношение одновременно и к реальной истории, и к человеческой интеллигибельности. Более того, было показано, что оба этих компонента исторической эпистемологии взаимно определяют друг друга. И тут, наверное, имело бы смысл ясно и до конца осознать тот факт, что тема органики тем или иным способом оказывается связанной с чрезвычайно непостоянным феноменом почвенничества – если почва предстает непросветленной и неодолимой, то может возникать национальная или этническая гордыня

и соответствующая смесь политического материализма и идеализма. В этом смысле имеет все основания прислушаться к предупреждению о том, что «почва», на мощь и святость которой уповал Н.Я. Данилевский, может таить в себе разрушительные силы и насилие в невиданных для классической истории масштабах [10, с. 197]. Сегодня нельзя, конечно, сказать, что органическая оптика в структуризации исторической процессуальности является доминирующей или хотя бы общепризнанной в социальной философии. Более того, Раймон Арон, к примеру, исследуя историческое становление и его историческое понимание, прямо говорит о том, что понятие истории не связано по существу с гипотезой целостного порядка – решающее значение при структуризации исторических процессов имеет осознание прошлого и желание определиться в соответствии с ним: «Жить исторически значит одновременно хранить, оживлять память о наших предках (или о других обществах) и судить о них» [11, с. 246]. Хранение памяти, имеет смысл подчеркнуть, также может быть понято как диалогическая форма органической целостности исторического смысла существования и аксиосферы. Таким образом, хотя идея органически ориентированной истории оказывается во многом «децентрирована» в современной эпистемологии истории и само представление о центре во многом оказывается смещенным, тем не менее, тема органических образов истории остается в коллективной памяти и в памяти интеллектуальных сообществ как, несомненно, ценная ориентация структуры мысли и организации истории.

Библиографический список

1. Пигров, К.С. Социальная философия. – СПб., 2005.
2. Лосев, А.Ф. Хаос и структура. – М., 1997.
3. Коллингвуд, Дж. Р. Идея истории. – М., 1980.
4. Кант, И. Критика чистого разума. – М., 1964.
5. Кант, И. Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Кант И. Соч.: в 6 т. – М., 1966. – Т. 6.
6. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. – М., 2004.
7. Лыгина, М.А. Нравственные детерминанты социальной работы / М.А. Лыгина, В.В. Балахонский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 3 (47).
8. Белов, А. Культура глазами философов-органистов. – Ростов-на-Дону, 2002.
9. Прасолов, М.А. Два консерватизма: П.Е. Астафьев и К.Н. Леонтьев // Консерватизм в России и мире. – Воронеж, 2004. – Ч. 2.
10. Султанов, К.В. Социальная философия Н.Я.Данилевского. – СПб., 2001.
11. Арон, Р. Избранное: введение в философию истории. – М.; СПб., 2000.

Bibliography

1. Pigrov, K.S. Socialnaya filosofiya. – SPb., 2005.
2. Losev, A.F. Khaos i struktura. – M., 1997.
3. Collingwood, Dzh. R. Ideya istorii. – M., 1980.
4. Kant, I. Kritika chistogo razuma. – M., 1964.
5. Kant, I. Kakie dejstvitel'nye uspekhi sdelala metafizika v Germanii so vremeni Leybnica i Vol'fa? // Kant I. Soch.: v 6 t. – M., 1966. – T. 6.
6. Plesner, Kh. Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. – M., 2004.
7. Lihgina, M.A. Nравственные детерминанты социальной работы / M.A. Lihgina, V.V. Balakhonskiy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-teoreticheskiy zhurnal. – 2010. – № 3 (47).
8. Belov, A. Kul'tura glazami filosofov-organicistov. – Rostov-na-Donu, 2002.
9. Prasolov, M.A. Dva konservatizma: P.E. Astafjev i K.N. Leontjev // Konservatizm v Rossii i mire. – Voronezh, 2004. – Ch. 2.
10. Sultanov, K.V. Socialnaya filosofiya N.Ya.Danilevskogo. – SPb., 2001.
11. Aron, R. Izbrannoe: vvedenie v filosofiyu istorii. – M.; SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 21.06.12

УДК 316.422

Glazunov N.G. THE INFLUENCE OF INTERPRETATION PARADIGMS ON THE PROCESS OF SOCIETY MODERNIZATION. The article is devoted to the analysis of the role of interpretation in public life. The main constituents of the process of interpretation that are the factors guaranteeing social stability and at the same time encouraging the processes of society modernization are considered.

Key words: interpretation, traditions, social values, pluralism, modernization.

Н.Г. Глазунов, канд. филос. наук, проректор по учебной работе Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства», г. Самара, E-mail: nickglazunov@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ НА ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу роли интерпретации в общественной жизни. Подробно рассмотрены основные составляющие интерпретационного процесса, которые являются факторами, обеспечивающими социальную стабильность и, одновременно, способствующими активизации процессов модернизации общества.

Ключевые слова: интерпретация, традиции, социальные ценности, плюрализм, модернизация.

На протяжении двух последних столетий повышенный интерес к проблеме интерпретации проявляется представителями всех социально-гуманитарных наук. Этот интерес вполне объясним, ибо интерпретация является одной из важнейших познавательных процедур. Однако в данной статье интерпретация будет рассматриваться не в русле эпистемологии, а в социальном контексте.

Существование субъекта, равно как и существование общества, является процессом постоянной интерпретации окружающего мира. Интерпретируются политические, социальные и экономические процессы; события истории, культурные артефакты, идейные и ценностные установки. Этот процесс имеет определяющее значение как для деятельности субъекта, так и для способности общества к совместным, скоординированным действиям. Только *принятие* субъектом и обществом каких-либо идей и ценностей, интерпретация их как «своих» и ориентация на них в процессе деятельности преобразуют данные идеи и ценности в социально значимые факторы. Фактически можно говорить о некоей интерпретационной парадигме, через которую, как сквозь призму, субъект воспринимает и оценивает любые процессы, происходящие в обществе.

Подобная интерпретационная парадигма в большей или меньшей степени связана с *традициями*, принятыми в обществе. Более того, можно обоснованно утверждать, что сама традиция является древнейшей интерпретационной парадигмой.

Западные исследователи феномена социальных традиций Дж. Голд и Д. Колб считают: «Традиция в узком смысле – термин нейтральный, употребляемый для обозначения трансляции, передачи, как правило, устной, благодаря чему оказываются возможными разные способы оценки и понимания того, что передается из поколения в поколение и что тем самым эти способы сохраняют» [1, р. 334].

В данном подходе основное внимание уделяется транслирующей функции традиций, выполняющей роль «эстафетной палочки» между поколениями. Кроме этого, особый акцент сделан на потенциал традиций оценивать события и задавать определенную парадигму их понимания. Таким образом, общество, посредством системы принятых и санкционированных традиций, предлагает субъекту определенный набор возможных оценок и интерпретаций социальных явлений и процессов, призванный сохранять существующие общественные институты и сложившуюся практику социальной коммуникации.

Социальную роль традиций пристально изучали советские и российские ученые. Известный социолог Ю.А. Левада обозначал традиции как «...механизм воспроизводства социальных институтов и норм...», ориентированный «...на повторение прошлого образца» [2, с. 253]. Если Ю.А. Левада отдавал первенство фактору воспроизводства институтов и норм, то В.Б. Власова при анализе феномена традиции акцентировала внимание на воспроизводстве «определенных содержательных формализмов действия и представления, фиксирующих накопленный социальный опыт и выступающих регулятивными принципами освоения новых условий и задач деятельности» [3, с. 36].

Позиции Ю.А. Левады и В.Б. Власовой достаточно полно характеризуют марксистский подход к анализу традиций. С одной стороны, традиции воспроизводят социальные институты, а с другой – выступают регулятивными принципами поведения, аккумулируя накопленный социальный опыт. Близкую к данному подходу оценку социальной роли традиций предлагает британский социолог и антрополог Б. Малиновский: «...общество, – пишет Малиновский, – провозглашая свои традиции священными, тем самым достигает состояния стабильности, которое нельзя переоценить» [4, р. 39-40]. В данном случае традиции отводятся роль фактора, обеспечивающего стабильность общества, то есть опять-таки рассматривается социальная роль традиций.

Проблема традиций, их социальной роли является одним из исходных пунктов процесса модернизации общества. На определенном этапе исторического развития социальная система, чьи институты и функциональные связи успешно воспроизводились принятыми в обществе традициями, вступает в период кризиса. Социальная система больше не может функционировать в прежнем качестве, ибо социальные структуры, институты и социальные процессы не соответствуют новым задачам, стоящим перед обществом, а имеющиеся проблемы не могут быть решены с использованием традиционных алгоритмов. Из фактора, обеспечивающего социальную стабильность, традиции превращаются в тормоз общественного развития. Общество, оказавшееся в подобной ситуации, все более настоятельно нуждается в модернизации, в приведении своих социальных институтов и практики решения социальных вопросов в соответствие с требованиями современности.

Одним из первых показателей потребности общества в модернизации становится появление новых интерпретационных подходов, а впоследствии – новых интерпретационных парадигм, которые рассматривают состояние общества непременно как кризисное. Например, при всех социально-экономических проблемах 20-60-х гг. XX в. состояние Советского Союза как кризисное, остро нуждающееся в радикальных изменениях практически никем не интерпретировалось. Социальная система обладала достаточным ресурсом прочности и живучести, чтобы надеяться на решение имевшихся проблем.

Ситуация принципиально меняется в 70-80-е гг., когда интерпретация социально-экономического и политического состояния Советского Союза как кризисного постепенно становится доминирующей парадигмой восприятия, а с приходом к власти М.С. Горбачева – и вовсе единственной.

Одним из первых свидетельств разворачивающихся модернизационных процессах является *отрицательная* интерпретация имеющихся традиций. Именно традиции являются первой мишенью модернизации, ибо они – один из мощнейших факторов, воспроизводящих элементы, связи, отношения, свойственные предыдущему этапу развития социальной системы. Социальные, экономические и политические традиции являются основным препятствием на пути в современность, которой пытается достичь любая модернизация. Поэтому модернизация – это всегда в большей или меньшей мере – *антитрадиционализм*. Модернизация всегда нарушает стабильность существующей социальной системы, которая в значительной степени обеспечивалась традициями. Конечно, модернизированная социальная система непременно будет иметь свои традиции, но они будут существенно иными, соответствующими новому качеству системы.

Говоря о том, что процесс интерпретации затрагивает все аспекты жизни общества, необходимо особенно остановиться на социальных *ценностях*. Пожалуй, именно социальным ценностям принадлежит важнейшая роль в структуре традиций, принятых обществом. Во многом, именно от того как воспринимает субъект какие-либо элементы социальной реальности (институты, процессы, идеи, цели и т.п.) как *ценности* зависит интенсивность и глубина влияния этих элементов на направление и динамику развития всего общества. Российский исследователь социальных ценностей В.В. Козловский считает, что «социальная ценность... обозначает любой предмет и взаимодействие по его поводу, лимитирующее и легитимирующее поведение субъекта (индивида, группы, сообщества). Эти значимые предметы и отношения ... не только детерминируют и конституируют действия человека, но и узаконивают, санкционируют его интересы, притязания и поступки» [5, с. 20]. Автор справедливо указывает на конституирующий характер социальных ценностей как для деятельности субъекта, так и для ориентации в социальном пространстве. Однако чтобы социальная ценность стала таковой, она сначала должна приобрести статус ценности, а это достигается лишь в процессе социальной коммуникации. Предмет или взаимодействие должны быть «нагружены» ценностным смыслом. Значительная часть общества должна интерпретировать данный предмет или взаимодействие как ценностнозначимые, чтобы они стали факторами социально значимыми и обществом или, как минимум, некими социальными группами должны ориентировались на них в процессе своей жизни и деятельности.

М. Шелер, один из крупнейших специалистов в области аксиологии, считал, что ценности образуют определенную иерархию, «... ранговый порядок ценностей абсолютно постоянен, – считал Шелер, – в то время как правила предпочтения в истории принципиально изменчивы» [6, с. 182].

«Правила предпочтения», о которых говорит Шелер, это ничто иное как возможные варианты интерпретации существующих ценностей и выбора той или иной интерпретационной парадигмы. Именно предпочтение той или иной интерпретационной парадигмы приводит к тому, что из достаточно стабильного набора ценностей актуализируются или, наоборот, утрачивают актуальность те или иные ценности. Эти предпочтения могут иметь различную детерминацию (религиозную, политическую, экономическую, этическую и т.д.), но именно они, в конечном итоге, влияют на то, какие ценности станут социально значимыми факторами. В данном вопросе одним из самых сложных аспектов является процесс выбора ценностей. Как правило, этот процесс растянут по времени, ибо выбор социально-значимых ценностей в эпоху общественных преобразований является сколь трудным и длительным, столь и неизбежным. Модернизирующееся общество не может довольствоваться имеющимся набором ценностей, так как они не соответствуют новым социальным

потребностям, а новые ценности не смогут получить статус социально значимых без практической апробации, а это процесс, требующий немалого времени.

В модернизированном обществе лишь ценности, интерпретированные массовым сознанием как соответствующие новым потребностям социума и прошедшие апробацию на практическую применимость, приобретают статус социально значимых ценностей. Исследователи российского менталитета 90-х гг. XX в., когда российское общество проходило, пожалуй, самую острую фазу адаптации к новым постсоветским условиям жизни, отмечали: «В настоящее время население России продолжает уточнять состав и структуру взаимосвязей ведущих ценностей, опираясь на которые оно надеется достичь если не благополучия, то индивидуального выживания и модернизации общества» [7, с. 71]. Аспект корреляции системы ценностей с существующими социальными условиями в данном случае очевиден.

Научный коллектив под руководством известного социолога Н.И. Лапина, исследуя с периода перестройки динамику ценностей населения России, констатировал: «Есть основания заключить: ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к модернистской системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция-аттрактор, втягивающая российское общество в социокультурную реформу» [8, с. 72].

В приведенном мнении российских социологов, на наш взгляд, особенно важна логика взаимодействия процессов. Исходя из вышеуказанных оценок, можно констатировать, что массовое сознание в России в процессе определения своей системы ценностей все более отчетливо «дрейфует» в сторону модернистской системы ценностей. Именно эта тенденция является тем аттрактором, который направляет социокультурную реформу. Примечательно, что речь в данном случае идет не только о факторах культурных, но и о социальных составляющих данного процесса. То есть, своеобразным истоком социальных преобразований является ценностная динамика, которая выступает определяющим фактором, задающим новое направление развития всего российского общества. Более того, общество переживает не какие-то «технические» усовершенствования, а процесс, в результате которого появляется новая конфигурация социальных структур и новый тип (типы) социальных отношений, а также новая система идейно-ценностных ориентиров.

За годы, прошедшие с публикации данного исследования, мы можем уже однозначно констатировать, что эти изменения произошли. *Так, утихли споры относительно частной собственности – ныне она является не только практически общепризнанной ценностью, но и решающим экономическим фактором. Сложился банковский сектор, принципиально отличающийся от советского. На фоне резкой девальвации престижа рабочих специальностей произошла настоящая «революция менеджеров», которую на столетия раньше пережил западный мир и т.д.*

Все это позволяет нам констатировать следующее. Важнейшую роль в процессе модернизации общества играет та интерпретационная парадигма, посредством которой массовое сознание воспринимает социальные ценности. Именно от восприятия социальных ценностей в значительной мере зависит направление общественного развития. Как правило, ценности, не соответствующие потребностям общества, не соответствующие требованиям современности и его переходу в новое качество получают отрицательную интерпретацию. *Например, в период перестройки резко отрицательную интерпретацию получили такие фундаментальные советские ценности как плановая экономика, однопартийная система, коллективизм, идеология марксизма-ленинизма, а положительной интерпретации подверглись ценности еще недавно фактически табуированные: рыночная экономика, частная собственность, индивидуальное предпринимательство, плюрализм мнений, многопартийность и т.п.* Таким образом, отрицательная интерпретация советских ценностей и положительная интерпретация либеральных ценностей явились необходимым предисловием тех глобальных социально-экономических и политических преобразований, которые Россия пережила в постсоветский период.

Практика всех модернизаций, которые известны истории, свидетельствует о том, что это предельно стрессовый период в жизни общества. Трудности в протекании модернизационных процессов, помимо собственно социально-экономических и политических факторов, усугубляются еще факторами ментальными. В поведении людей еще продолжительное время будет сказываться инерционный эффект. Субъект будет обращаться к стереотипам поведения, которые в прошлом демонстрирова-

ли высокую социальную эффективность, но которые утратили ее в новых социальных условиях.

В эпоху глубоких социальных изменений трудности развертывания модернизационных процессов во многом связаны с этим пролонгированным эффектом, ибо на *принципиально* новые социальные условия и процессы значительная часть населения смотрит сквозь призму былых понятий, оценок, интерпретационных подходов, которые абсолютно неприменимы к изменившейся социальной, экономической и политической реальности. Так, в начале 90-х гг. XX века в нашем дезорганизованном обществе активно муссировался вопрос о характере нового социально-экономического строя: безвозвратно ли мы отказались от советского строя и социализма? Строим ли мы теперь капитализм? Как относится к советскому наследию? Как понимать процессы, происходящие в обществе и т.п.? Как видим, новую постсоветскую социальную реальность пытались постичь посредством понятий советского социально-экономического и политического лексикона. Это не могло не вносить известной дезорганизации в массовое сознание, которое утратило привычные идейно-ценностные ориентиры, но не обрело новых ориентиров.

Пролонгированный эффект влияния на массовое сознание идейно-ценностной системы и интерпретационной парадигмы, свойственных предыдущему этапу исторического развития социальной системы, во многом неизбежен. Новая ценностная система, равно как и интерпретационная парадигма, присущие новому модернизированному обществу, не конституируются в одночасье. Вместе с тем, их влияние на массовое сознание и социальные процессы будет неуклонно возрастать по мере стабилизации социальной системы в новом качестве и возрастания ее возможностей по выполнению социальных функций.

Говоря об интерпретации как необходимой для процесса модернизации интеллектуальной процедуре, следует отметить, что интерпретация немыслима без идейного плюрализма как общепризнанной методологической значимой установки. Современный немецкий философ Г. Рормозер, характеризуя современное идейное течение, отмечал их единодушное стремление к высвобождению плюрализма [9, с. 81].

Указанная установка на плюрализм как необходимый элемент модернизации принципиально важна. Что представляет собой общество, стоящее на пороге модернизации? Это, в первую очередь, определенная целостность; целостность, возведенная в абсолют, которая, позволяет, при необходимости, добиться практически моментальной мобилизации общества, его мотивации, целеполагания и т.д. Но именно эти факторы, столь эффективные в период катастрофических событий (*например, Великая Отечественная война*), становятся едва ли не главным препятствием на пути модернизации, которая, в свою очередь, также вызвана объективными потребностями социальной системы, не способной далее существовать в прежнем качестве. Модернизация не может быть процессом моновекторным. Представление о многовекторности социального развития, немыслимое без плюрализма теорий и мнений относительно путей развития этого общества, – вот что непременно несет с собой модернизация.

Плюрализм предполагает диалог всех заинтересованных сторон, «постоянное разрешение внутренних противоречий в сознании субъекта в поисках конструктивных решений...» [10, с. 14]. Интерпретация функционирует в социальном пространстве посредством диалога при наличии плюрализма.

Диалог предполагает отсутствие монополии на истину, кому бы она не принадлежала (религии, идеологии, правящей партии). Диалог предполагает «многоголосье», наличие фактически равнодоказательных теорий и мнений. В социальном пространстве плюрализм обеспечивается наличием широкой палитры взглядов на направления и перспективы развития общества. Различные социальные группы неизбежно будут интерпретировать концепции социального развития, исходя из своего видения целей общественного развития и способов их достижения.

Говоря о социальной роли интерпретации, нельзя не отметить методологически важное замечание выдающегося экономиста В.В. Леонтьева. «Плюралистический характер какого-либо подхода, – писал он, – заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму лежит (и это принципиальный момент наших рассуждений) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей...» [11, с. 29].

Однако, прежде чем плюрализм станет значимым фактором социальной жизни, должна произойти секуляризация массового сознания, ибо монизм в мышлении неизбежно указывает на наличие религиозных факторов, влияющих на сознание.

До начала эпохи Нового времени проблема интерпретации во многом была связана с выявлением квалифицирующих признаков, позволяющих отнести мысль (теорию) либо к официальному учению (и, следовательно, одобряемому), либо к неортодоксальному учению, что, как правило, означало отнесение к ереси (и, следовательно, подлежало однозначному осуждению). Современное массовое сознание, если мы говорим о европейском культурном ареале, является, в основном, сознанием секуляризованным. Вследствие этого проблема многократно усложняется. Появляется множество истин и сознание субъекта и общества в целом должно быть готово к подобной ситуации, должно с нею свыкнуться. «Наряду с истиной и истинами появляется множество правд как вне научных представлений об истинном и должном. Мир, в котором истина одна, а заблуждений много, прекратил свое существование» [12, с. 14]. В данном случае мы наблюдаем закат религиозного стиля мышления, для которого жизненно необходимо наличие Абсолюта. Однако проблеме влияния религиозных факторов на специфику интерпретации социальных процессов нельзя преуменьшать.

Ярким примером здесь могут служить русские революции XX века. Характеризуя их, Н.А. Бердяев писал: «Русская революция – феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге» [13, с. 261].

Остановимся на этом вопросе более подробно. Революция для традиционного общества, а нет никаких сомнений, что русское общество в начале XX в. было именно таковым, это не только изменение социальных структур и функциональных связей между ними, но, в значительной степени, вызов: от кого зависит этот мир? Кто им управляет? Многовековые традиции, освященные религией, или сам человек, его «Я»? В конечном итоге, это, действительно, вопрос о Боге, только вопрос трансцендентного характера, если воспользоваться кантовской терминологией, пытались разрешить «земными» методами. В данном случае опыт России не уникален. Идеологи и политические лидеры европейской Реформации XVI века шли тем же путем, стремясь решить религиозные проблемы переворотом в мирских делах.

Именно «обмирщение» религиозных смыслов чрезвычайно актуально для обществ, переживающих социальную модернизацию. Общество должно стремиться преодолеть религиозные основы массового сознания, в противном случае оно будет неспособно к плюралистичному мышлению, что, как уже отмечалось, является методологическим основанием процесса интерпретации, без чего невозможно социальная модернизация. Принципиальная установка на плюрализм не позволяет тотально воспринимать ни одну идею и объявлять ее конечной истиной. Тот факт, что тотальное отношение к различным идеям и теориям, в глубине своей имеющих религиозные корни, до сих пор остается значимым социальным фактором, свидетельствуют события, происходившие в нашей стране в последние годы существования СССР и в первые годы постсоветской России.

На фоне очевидного кризиса советской идеологии и советских социально-экономических и политических институтов наблюдалось всеобщее увлечение идеями либерализма, преимуществ рыночной экономики, многопартийности и т.д. Надежды, возлагавшиеся на либеральные реформы, многократно превосходили надежды, которые общество обоснованно питает при проведении назревших реформ. В этих надеждах было много от ожидания чуда, ожидания что реализация «истинной» теории либерализма, взамен оказавшейся «неистинной» теории социализма, обеспечит быстрый переход российского общества в новое качество, сопоставимое с наиболее развитыми странами мира. Это свидетельствует о наличии в отечественном массовом сознании еще значительных резервов, фактически, мессианского восприятия мира.

Процесс интерпретации социально значимых фактов – это, в первую очередь, процесс, относящийся к сфере массового сознания, ибо «... индивиды всегда тем или иным образом (непосредственно или опосредованно) взаимодействуют друг с другом в пространстве и времени, совместно вырабатывая общие представления, чувства, мнения, фантазии и т.д.» [14, с. 350].

Модернизация несет с собой определенную идейно-ценностную динамику, в процессе которой складываются ориентиры и установки, разделяемые большинством населения страны. Именно сквозь них – представления, чувства, мнения, фантазии – общество и воспринимает социальные процессы, как сквозь

некую интерпретационно-ментальную призму. И в процессе модернизации воздействие на сознание населения, на имеющуюся идейно-ценностную систему осуществляется, как правило, в первую очередь через воздействие на представления, чувства, мнения. Именно посредством этих категорий массового сознания какие-то социальные идеи, ценности активизируются, какие-то – дискредитируются, т.е. осуществляется активное влияние на существующие социально-психологические установки населения.

Обратимся к истории советской модернизации. «Первоначально эта идеология (идеология большевизма – Н.Г.), – пишет Е.Б. Рашковский, – продемонстрировала огромную, беспрецедентно огромную мобилизующую эффективность» [15, с. 117]. Колоссальный мобилизационный эффект, продемонстрированный советской идеологией, свидетельствует о том, что массы видели в большевистском взгляде на мир такой комплекс целей, ценностей, идей, смыслов, которых больше не находили в православно-монархической идеологии или в идеологиях – конкурентах большевизма. Мощь воздействия на массовое сознание идеологии большевизма говорит о том, что потенциал интерпретации социально-экономических и политических процессов в понятиях данной идеологии был очень значителен и фактически не имел на протяжении практически всего XX в. равновеликих идейных конкурентов.

В чем была сила интерпретационных возможностей большевистской идеологии и в чем причина ее краха? Вопрос этот – многофакторный, и мы не можем безоговорочно выбрать какой-то один фактор, однако, на одном аспекте данной проблемы нам представляется перспективным остановиться особо.

Для мировоззрения дореволюционной русской интеллигенции – главной интеллектуальной силы страны – характерно отрицание *настоящего* как не имеющего самостоятельного ценности. Отрицание настоящего, как правило, предполагает некие суперценности либо в прошлом, либо в будущем. Но этот подход свойственен обществам традиционным, с мощным влиянием религии. Идет ли речь о христианском «Граде Божьем» или о светлом будущем коммунизма очевидно одно: «настоящее» ценности не имеет, оно лишь этап на пути к конечной эсхатологической цели. Поэтому, одной из основных задач любой модернизации является внедрение в массовое сознание такой интерпретационной парадигмы, в которой «настоящее» понималось бы как *ценность*, а понимание относительного пришло бы на смену установкам на абсолютное, независимо от того, в чем его видят – в прошлом или в будущем.

С крахом коммунизма, отмечает Л.В. Поляков, произошел «наиболее радикальный сдвиг в структуре российского самосознания – это «прорыв» в настоящее, освобождение из плена ретро- и футуро-идеологий, для которых всякое «настоящее» есть лишь средство» [16, с. 392]. Интерпретация «настоящего» как ценности ориентирует общество на максимально рациональную деятельность, ибо ориентация на подвижные футурологические цели ослабляет столь необходимое для эффективной деятельности четкое целеполагание. «Признание самооценности настоящего есть свидетельство изменения самого типа коллективной идентичности...» [16, с. 392].

Проанализировав роль интерпретации в процессе социальной модернизации, можно сделать некоторые выводы. Интерпретация неизбежно сопровождает любой социальный опыт субъекта и общества, ибо общественные явления и процессы воспринимаются сквозь определенную интерпретационную парадигму, принятую в данном обществе. Эта парадигма содержит в себе санкционированные обществом варианты понимания и оценки социальных, экономических и политических институтов, идейно-ценностных установок, целей и мотивов деятельности. Воспроизводство социальных институтов и социального опыта достигается во многом благодаря традиции воспринимать мир посредством определенной интерпретационной парадигмы. Это обеспечивает стабильность социальных институтов и преемственность социального опыта, но, одновременно, может провоцировать отставание общества от требований современности. Успешность социальной модернизации во многом зависит от того, принята ли обществом новая интерпретационная парадигма, пересматривающая традиционные социальные ценности и внедряющая в массовое сознание новые идейно-ценностные установки, более соответствующие требованиям времени и новому качеству социальной системы.

Библиографический список

1. Gold J., Colb D. The consequences studies in Sociology and History // Comparative studies in Sociology and History. – 2001. – Vol. 5. № 3.
2. Левада, Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия. – М., 1970. – Т. 5.
3. Власова, В.Б. Традиция как социально-философская категория // Философские науки. – 1980. – № 4.

4. Malinowski B. Magic, Science and Religion and others essays. New York, 1954.
5. Козловский, В.В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации: дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 1995.
6. Цит. по: Розенбергс, Р.Л. От Риккерт к Шелеру / Р.Л. Розенбергс, В.Г. Федотова // История методологии социального познания. Кон. XIX-XX век. – М., 2001.
7. Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России). – М., 1997.
8. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н.И. Лапин. – М., 1996.
9. Рормозер, Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. – 1991. – № 5.
10. Сайко, Э.В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога / отв. ред. Э.В. Сайко. – М., 1999.
11. Леонтьев, В.В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: пер. с англ. – М., 1990.
12. Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В.Г. Федотова. – М., 2001.
13. Бердяев, Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. – М., 1991.
14. Грушин, Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М., 1987.
15. Рашковский, Е.Б. Опыт тоталитарной модернизации в России (1917-1991) в свете социологии развития // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 1993. – № 7.
16. Поляков, Л. Большевизм и русская идентичность (коммунизм как фаза российской модернизации) // А.А. Кара-Мурза, Л.В. Поляков Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. – СПб., 1999.

Bibliography

1. Gold J., Colb D. The consequences studies in Sociology and History // Comparative studies in Sociology and History. – 2001. – Vol. 5. № 3.
2. Levada, Yu.A. Tradiciya // Filosofskaya ehnciklopediya. – М., 1970. – Т. 5.
3. Vlasova, V.B. Tradiciya kak socialjno-filosofskaya kategoriya // Filosofskie nauki. – 1980. – № 4.
4. Malinowski B. Magic, Science and Religion and others essays. New York, 1954.
5. Kozlovskiy, V.V. Socialjnihe cennosti: analiz osnovaniy rossiyskoj modernizacii: dis. ... d-ra filos. nauk. – SPb., 1995.
6. Cit. po: Rozenbergs, R.L. Ot Rikkerta k Sheleru / R.L. Rozenbergs, V.G. Fedotova // Istoriya metodologii socialjnogo poznaniya. Kon. XIX-XX vek. – М., 2001.
7. Mentalnostj rossiyan (specifika soznaniya boljshevikh grupp naseleniya Rossii). – М., 1997.
8. Dinamika cennostey naseleniya reformiruemoy Rossii / отв. ред. N.I. Lapin. – М., 1996.
9. Rormozer, G. Situaciya khristianstva v ehpokhu «postmoderna» glazami khristianskogo publicista // Voprosih filosofii. – 1991. – № 5.
10. Sayjko, Eh.V. O prirode i prostranstve «deystviya» dialoga // Sociokulturnoe prostranstvo dialoga / отв. ред. Eh.V. Sayjko. – М., 1999.
11. Leontjev, V.V. K voprosu o plyuralisticheskoy interpretacii istorii i probleme mezhdisciplinarnogo sotrudnichestva // Ehkonomicheskie ehsses. Teorii, issledovaniya, faktih i politika: per. s angl. – М., 1990.
12. Socialjnihe znaniya i socialjnihe izmeneniya / отв. ред. V.G. Fedotova. – М., 2001.
13. Berdyayev, N.A. Dukhi russkoj revolucii // Vekhi. Iz glubinih. – М., 1991.
14. Grushin, B.A. Massovoe soznanie: Opiht opredeleniya i problemih issledovaniya. – М., 1987.
15. Rashkovskiy, E.B. Opiht totalitarnoy modernizacii v Rossii (1917-1991) v svete sociologii razvitiya // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnihe ehkonomicheskie otnosheniya. – 1993. – № 7.
16. Polyakov, L. Boljshevizm i russkaya identichnostj (kommunizm kak faza rossiyskoj modernizacii) // A.A. Kara-Murza, L.V. Polyakov Russkie o boljshevizme. Opiht analiticheskoy antologii. – SPb., 1999.

Статья отправлена в редакцию 05.06.12

УДК 316.422

Goryaev V.G. CONCEPT OF CULTURE OF GOVERNANCE. This article describes some approaches to the definition of management culture, the main elements of the structure of social control, the distinguishing characteristics of the institute of governance, also the author's interpretation of the concept of culture of governance is given.

Key words: culture, governance, policy, administration, imperious and administrative activity, social environment, management efficiency.

В.Г. Горяев, аспирант каф. философии Алтайского гос. технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: vitgoryaev@gmail.com

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В работе описаны некоторые подходы к определению культуры управления, выделены основные элементы структуры социального управления, отличительные особенности института государственного управления, дается авторское толкование понятия культуры государственного управления.

Ключевые слова: культура, государственное управление, политика, администрирование, властно-распорядительная деятельность, социальная среда, эффективность управления.

В современном обществоведческом дискурсе так и не сложилось единого подхода к определению понятия «культура». С одной стороны, это подчеркивает сложность и многогранность концепта культуры, с другой – затрудняет его понимание.

Человеческая жизнь на протяжении многих веков познавалась и осмысливалась в контексте культуры. Культура стала неким обобщающим термином по отношению к результатам человеческой деятельности. Одновременно с развитием общественных отношений, появлялись и новые формы культуры, которые становились отражением прогресса, превращались в новую реальность. Таким образом, понятие культуры являлось показателем качественного развития социальной среды.

Сегодня термин культура широко применяется для характеристики деятельности различных политических субъектов, среди которых центральное место занимает государство. Именно государство выполняет жизненно важные функции, направленные

на поддержание отдельных общественных институтов посредством государственного управления. Как и любая другая сфера, государственное управление имеет свое культурологическое измерение.

Среди всего многообразия дефиниций культуры на наш взгляд наиболее ценным является определение Клиффорда Гирца, полагающего, что культура – это «исторически передаваемая и воплощенная в символах конфигурация смыслов, то есть система унаследованных представлений, выраженная в символических формах, посредством которых люди сообщают, сохраняют и развивают свои знания о жизни и свои установки по отношению к ней» [1, с. 89]. Эта интерпретация культуры лежит в основе нашего исследования.

Культурные факторы с трудом подвергаются систематизации, что еще в большей степени размывает наши представления о мире культуры. Но в то же время эти факторы дают ответы

на многие вопросы, которые при прочих обстоятельствах, скорее всего, остались бы без ответа. Это в полной мере касается наук, предметом изучения которых является управление.

Институт управления, как и прочие социальные институты, испытывает на себе серьезное влияние национальной культуры. Процесс исполнения управленческих функций приобретает характерные особенности, которые со временем превращаются в алгоритм, формируется рисунок культуры управления семьи, организации, государства.

Однако формулировки культуры управления (управленческой культуры) весьма разнообразны. К примеру, Г. Атаманчук считает, что управленческая культура «выражается и в знаниях, и в убеждениях, и в признании и поддержке определенных общественных установлений, и в поведении и действиях людей в процессах управления, независимо от конкретной функциональной роли в них» [2, с. 370-371]. То есть носителями управленческой культуры выступают как субъекты, так и объекты управления. Автор подчеркивает, что в условиях демократического политического режима, каждый человек вносит свой вклад в общее дело управления государством.

По мнению А. Белопицкого, «управленческая культура – это состояние выработанных методов и способов деятельности, политических (управленческих) решений и планов, которые призваны защищать государство и его управленческие органы и структуры, а также правовые, нравственные отношения и действия субъектов управления (управленцев) между собой и гражданами» [3, с. 112]. В настоящем определении подчеркивается «охранительная» функция культуры. Это и неудивительно, ведь любая сложная организованная система стремится к стабильности, и в основе функционирования таких систем лежит соответствующая культурная матрица. Необходимо также отметить, что у защитной функции культуры есть и другая сторона, которая снижает эффективность управления – это неприятие реформ и неадаптированность к быстрым изменениям внешней среды.

Исследователи А. Холод и Ю. Субботина, подводя итоги анализа элементов управленческой культуры, пришли к выводу, что под ней следует понимать «совокупность культурных образцов, возникающих на базе ценностей, норм, точек зрения и идей руководителей и персонала и проявляющихся в стиле управления, методах и приемах управленческой деятельности, связанных с поиском и получением новых результатов, а также в совокупности норм и правил подчинения» [4, с. 42]. На наш взгляд, такое определение является наиболее полным и содержит в себе важные характеристики такого сложного явления как культура управления.

Нельзя не отметить тот факт, что многие авторы сужают зону управления до взаимоотношений между «руководителями и персоналом». По нашему мнению, сфера управления имеет гораздо более широкие границы. К примеру, не представляется возможным игнорировать управление в семье и других формах первичных человеческих объединений.

Культуры управления в отдельных социальных институтах вполне логично будут отличаться друг от друга. И прежде чем перейти к определению понятия «культура государственного управления», нам необходимо обратить свое внимание на особенности государственного управления и его положение в системе социального управления.

Социальное управление – это понятие, объединяющее все известные виды человеческого управления. На наш взгляд, система социального управления выглядит следующим образом:

1. Администрирование (институты, располагающие специальными органами управления):

- государственное управление;
- муниципальное управление;
- менеджмент (управление фирмой, коммерческим юридическим лицом);

- гражданское управление (общественные объединения, некоммерческие юридические лица).

2. Иные виды социального управления (не имеющие специальных органов – администраций):

- естественная групповая саморегуляция;
- самоуправление отдельного человека (субъект управления совпадает с его объектом).

Таким образом, государственное управление является высшей формой администрирования, систематической, целенаправленной деятельностью, регулирующей общественные отношения посредством применения мер властно-распорядительного характера. Совершенно очевидно, что элементы культуры государственного управления будут наиболее разнообразными и многочисленными.

Необходимо также отделять государственное управление от политики. Если политика представляет собой процесс формирования воли государства, то государственное управление нацелено исключительно на исполнение этой воли. Государственный служащий в отличие от политика не может и не имеет права представлять интересы отдельных социальных групп.

На сегодняшний день нет единого понимания относительно вопроса определения культуры государственного управления. Однако, совершенно ясно, что приведенные выше дефиниции культуры управления не отражают специфики исследуемого нами объекта.

Культура государственного управления отражает совокупность свойств системы государственного управления, и, прежде всего, особенностей связанных с человеческим поведением. Будучи элементом общей культуры, культура государственного управления претерпела некую эволюцию, выработав свои отличительные особенности, при этом, однако, она всегда будет являться органической частью общечеловеческой культуры.

Природа культуры государственного управления имеет двойственный характер, она сочетает в себе интеллектуальную и практическую составляющие. Динамичность как свойство культуры позволяет проследить за изменениями той или иной культурной среды. В этом смысле рождение новых субкультур является некоторой исторической закономерностью. Культура государственного управления, пожалуй, как никакая другая форма культуры имеет самое непосредственное отношение к практике и выполняет ключевые функции социальной регуляции.

Таким образом, культура государственного управления – это сфера жизнедеятельности общества, совокупность исторически сложившихся и закреплённых в сознании людей установок, ценностей, образцов поведения, воплощаемых в исполнительной и распорядительной деятельности органов государственной власти.

Библиографический список

1. Geertz, C. The Interpretation of Cultures . – New York: Basic Books, 1973.
2. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. – М., 2006.
3. Белопицкий, В.К. Этика и культура управления. – М., 2004.
4. Холод, А.В. Анализ управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона / А.В. Холод, Ю.А. Субботина // Культура, управление, экономика, право. – 2005. – № 4.

Bibliography

1. Geertz, C. The Interpretation of Cultures . – New York: Basic Books, 1973.
2. Atamanchuk, G.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. – M., 2006.
3. Belopietskiy, V.K. Etik i kul'tura upravleniya. – M., 2004.
4. Kholod, A.V. Analiz upravlencheskoy kul'turi v organizatsiyakh gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya regiona / A.V. Kholod, Yu.A. Subbotina // Kul'tura, upravlenie, ehkonomika, pravo. – 2005. – № 4.

Статья поступила в редакцию 22.06.12

УДК 21

Loseva I.N. THE CONCEPT OF GOD IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND SCIENCE (EXPOSITION OF THE SENSES). The article analyses of conceptions of God in Philosophy and Science, because the national consciousness of Russia in the present returns to religion in order to solve some problems of morality and Orthodoxy traditions. I. Kant offered to eliminate the concept of God out of the scientific picture of the Universe. The author concerns to the concept of God as Absolute in order to eliminate the relative interpretation of morality.

Key words: the concept of God, sense, transcendence, post-non-classical science, dialogical structure of the Universum.

И.Н. Лосева, д-р филос. наук, проф. каф. общегуманитарных дисциплин Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, E-mail: naukargk@mail.ru

ПОНЯТИЕ «БОГ» В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ И НАУЧНОМ ПРОЦЕССЕ (ВЫЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВ)

Статья анализирует понятие «Бог» в истории философии и в науке в связи с тем, что национальное сознание России в настоящее время возвращается к религии, чтобы решить ряд проблем морали и в целом православной традиции в нашей стране. Автор рассматривает историко-философский процесс и указывает на то обстоятельство, что после И. Канта это понятие было исключено из научной картины мира. Однако, в постнеклассический период развития науки обнаружилось несомненное несоответствие законов, выявленных в микромире (квантовая механика) и макромире. Автор касается также понятия «Бог» как Абсолюта, чтобы исключить релятивистские трактовки морали.

Ключевые слова: понятие «Бог», трансцендентное, смысл, постнеклассическая наука, диалогическая структура мира.

Современное состояние умов, рефлектирующих над собой и окружающим миром вплоть до Вселенной, говорит нам о том, что в настоящий момент необходимо выявить соотношение и религиозного, и философского, и научного смыслов, вкладываемых в понятие «Бог». Это тем более актуально в наше время и в нашей стране, когда национальное сознание обратилось к религии, чтобы решить многие неотложные проблемы, связанные с уровнем морального сознания народа, его отношения к православной традиционной культуре, имеющей тысячелетнюю историю. В современной русской философии наметилась тенденция определения религии как социального института, регулирующего поведение людей посредством моральных норм и неприятия классового, а, следовательно, релятивного характера морали; пришло убеждение в абсолютности моральных императивов¹.

Итак, мы считаем необходимым показать заинтересованному читателю, как идея Бога возникла в европейском сознании, чем она отличалась от христианского видения Божества (трансцендентного) и как это понятие рассматривается в современной науке.

В древнегреческой философии широко использовались понятия «боги» и «бог». В мифологии греков боги представляли те или иные силы природы, например, Посейдон. Говоря «бог» не в мифологическом смысле, а в рациональном, грек имел в виду не субъект, а предикат. «Божественное» существовало для того, чтобы определять вещи как неуничтожимые, вечные. Поэтому судьба, любовь, ум, душа божественны [1].

Анаксигор учил о чистом, ни с чем не смешанном уме, который находится вне материи: «В начале телам стояли неподвижно, божественный ум привел их в порядок и произвел Вселенную. Бог был, есть и будет. Он всем правит и над всем господствует. Будучи умом, он привел в порядок все бесчисленные вещи, бывшие [раньше] смешанными» [2, с. 519].

Демокрит, например, называл богами наиболее крупные и красивые скопления атомов, а также полагал, что «боги — это атомы души, находящиеся в той же Вселенной» [3, с. 324-325].

Божественный ум Анаксагора и божественные «атомы души» Демокрита имеют онтологическую природу, это не чей-то ум или чья-то душа, это принцип устройства всякого бытия и сам является бытием.

Сократ внес определенные коррективы в понимание такого бытия. Он захотел перевести жизнь в царство самосознания. Добродетельный человек и добродетель как абстрактное понятие — это не одно и то же. Второе — факт сознания, разума, смысла. Так понятия «смысловая общность», «принцип», «цель» обозначаются как «бог», так как имеют статус всеобщности и неуничтожимости. Ксенофонт в своих «Воспоминаниях» приписывает

Софрату следующее высказывание: «Разум во Вселенной устраивает её так, как ему угодно... И этот бог, великие деяния которого мы видим, остается незримым для нас, когда он правит Вселенной» [4, с. 130].

В философии Платона продолжается углубление этого понятия. Можно говорить о следующих значениях божественного, которые он выделяет: *вечное* порождает интеллект и управляет душой; *трансцендентное* в отношении человека, но доступное его уму; вершина иерархии всех мыслимых предметов, называемая *благом*, или *беспредпосылочным началом*, как источником всего божественного [5, с. 341]. Высшее благо — это не моральная категория, а принцип единства бытия и его самодовольствия; это первоединое, предвосхищающее всякую сущность, производит и ум, и душу, и материальные вещи. Бог — удивительный «софист», который творит все, согласно идее. Он представляет собой универсальный закон, который является необходимостью и не допускает случая. Иногда кажется, что Платон говорит о боге как о вполне антропоморфном существе. Так, в диалоге «Тимей» мы встречаем высказывание «о мире как прекрасном творении демиурга, который добр» [6, 296-306-d]. В некоторых случаях переводчики вместо «демиурга» употребляют слово «художник». В текстах Платона мы встречаем высказывания о едином, возглавляемом неким «правителем», но и «демиург», и «художник», и «правитель» у него совершенно безличны.

Аристотель еще дальше ушел от предшественников в философском определении природы космического Ума, которого он считал богом, вечным неподвижным перводвижателем. Он не только приводит мир в движение, но и живет внутренней жизнью, которая составляет для него истинное наслаждение, так как он мыслит самого себя, ибо «умозрение есть то, что приятнее всего и всего лучше». Оно и непререкаемо, и удивительно, и абсолютно, а потому божественно, ведь субъект и объект этого умозрения совпадает в некоем нераздельном целом [7, 1074b-15-35].

В эллинистическую эпоху значительный вклад в проблему божественного вносят неоплатоники; продолжая развивать идеи Платона, Прокл в «Первоосновах теологии» считает, что неделимые единичности лежат в основе всего сущего. Не только бог — это единица, но и единичность всегда сверхсущностна, то есть является принципом бытия, а не самим бытием.

Неоплатоник Плотин принимает триаду Платона Единое — Ум — Душа, украшает её эпитетами, художественными описаниями всякого рода эстетизирует в такой мере, что почти физически ощущается её красота. Душа «танцует» вокруг Ума, созерцает его и проникает через него бога. Все, что стремится к богу, любит Единое как бога всех богов, и оно питает любовь к множественности его составляющей. Мягкой духовной теплотой охвачены все части триады, между ними царят самые блаженные и даже нежные отношения.

Когда отцы христианской церкви стали теоретически обосновывать христианство, они понимали, что Бог христианской

¹ Когда энергичные, ориентированные на прогресс во всем, журналисты спросили у нового папы Бенедикта XIV, какие реформы в церкви он собирается совершить, он дал понять, что приоритеты в своей деятельности мыслит в рамках неотступного следования заповедям Моисея и призывает к этому всю католическую паству.

религии отличается от бога античной философии, однако сам принцип троичности Бога был принят не без влияния Платона и неоплатоников. И хотя Бог христианства несёт личностные характеристики в отличие от платоновской триады, несомненно, что стремление патристике логически обосновать Троицу, *доказать* бытие Бога, а не *внушить*, что Он есть – это продолжение античной традиции. Личности христианской троицы, относящейся друг к другу с пониманием благодаря единящей силе любви (*ἀγάπη*). Их отношения – абсолютный образец для человека, источник добра, милосердия, сострадания.

При всём смирении отцов церкви они стремились проникнуть в тайны Абсолютного Бытия; в «Ареопагитиках», автор которых до сих пор неизвестен, предлагается апофатический метод (через отрицание) проникновения в сущность Божества; Августин Блаженный создает катафатическую (положительную) теологию, называя бога умственным Светом, Отцом Добра и Красоты.

С XI века средневековая схоластика сосредоточилась на доказательствах бытия Бога. Рациональные, опирающиеся на идею Парменида о тождестве бытия и мышления доказательства (их два) Ансельма Кентерберийского, сменяются пятью доказательствами Фомы Аквинского. Одно из них, от совершенства, повторяет Ансельма.

В XIII веке первый президент Оксфорда Р. Гроссетест под влиянием Аристотеля называет Бога формой, существующей без материи, то есть духовной субстанцией, создавшей свет (*lux*), а тот в свою очередь явился причиной создания всего сущего. Современные философы рассматривают это как попытку объяснить мир в духе будущего деизма, предвосхитившую гипотезу Р. Декарта.

Другой оксфордский схолист Дунс Скот осмыслил Бога как «бесконечное бытие», а Его Волю как дар человеку свободы воли.

Завершает схоластику У. Оккам, который рассматривает Бога как этический принцип и абсолют добра и предлагает отсечь свою этическую проблематику вместе с Богом от философии с её метафизическими проблемами.

В мистической традиции средневековой философии её представитель Майстер Экхарт считал, что человек судит о боге как о личности по себе, но на самом деле Бог безличен; это универсальная творческая активность, которая существует везде, и человек приобретает определенную силу, воспринимая Бога: ничто так не близко душе, как Бог, потому что она единосуща этой божественной активности.

Николай Кузанский в раннем Возрождении рассматривает Бога «в неприступном свете» как предел всякого знания, за которым следует только воля. Человек может мыслить Бога как «максимум» универсума, так как Он «всеобщность», но так как Бог вездесущ и проявляется даже в самой малой точке, Он «минимум» этого универсума [8, с. 55].

Начиная с XVII века, постепенно изменяется отношение к идее вездесущности Бога, который «завёл» механизм вселенной, а потом устранился (деизм). Но он сообщил определенное количество движения, поэтому мир конечен при бесконечном могуществе самого Всевышнего. Сравнения человека и Бога, Декарт логически выводит необходимость иметь критерий совершенства, что напоминает Ансельма Кентерберийского и св. Фому.

К идее деизма склоняется и Томас Гоббс, считая первоначальным источником движения внеприродную причину, а именно Бога. Этой точке зрения противопоставляется пантеизм Б. Спинозы: «Бог... первая причина всех вещей, а также причина самого себя». Бог Спинозы деперсонализирован, но он не отдалённая причина всех вещей; его формула – Бог, или субстанция или природа как «причина самой себя» [9, с. 82]. При этом «теоретические воззрения людей сопричастны логическим структурам мира». Такое понимание субстанции названо Спинозой «бесконечным разумом».

Никто из рационально мыслящих философов XVII века не осмеливался отвергать существование Бога. Г. Лейбниц, разрабатывая категорию Бога как первичное Единство и изначальную субстанцию, называл её «надмирным Разумом». Но есть еще, по его мнению, индивидуальные духовные субстанции, монады; существует их величайшая согласованность, и это «предустановленная гармония» осуществлена Богом.

В XVIII веке Иммануил Кант приходит к кардинально новому пониманию Бога. Он отрицает все доказательства Его бытия, восходящие к логическим процедурам схоластики. Для него очевидно, что и в XVII веке пишущие о Нем как о творце, весьма уязвимы. Бог не относится к феноменальному миру, к «миру природы», и поэтому он не является нам в опыте (эксперимен-

те), он ноуменален, а, следовательно, возможен только «в мире свободы»; так победила (до определенного момента) идея исключения Бога (трансцендентного) из картины мира классической науки.

Что касается философии, то она продолжает своими методами и в своих категориях решать проблему существования Бога через проблему существования человека, его свободы. Его разум *должен* быть свободным, а следовательно внеприродным, так как в природе господствует необходимость (в соответствии с выводами Канта). Тогда внеприродное в человеке свидетельствует о внеприродном в самом мироздании; человеческий разум требует утверждения существования Бога в антиномической форме: «Для разума Бог не есть *нечто* (иначе он не был бы трансцендентным), но он не есть и *ничто*» [10, с. 101].

В этом ключе рассуждает Н.А. Бердяев, он уверен, что природа человека состоит в требовании свободы, которая выражает божественный смысл существования человека: «Бог есть моя свобода, моё достоинство свободного существа» [11, с. 165]; а читая С.Н. Булгакова, приходишь к мысли, что «внеприродное в человеке свидетельствует о внеприродном в самом мироздании» [12, с. 243], то есть о трансцендентном.

К середине XX века именно в науке наметился поворот в осмыслении трансцендентного, так как без него «у нас возникает тенденция стать простыми агентами энтропии». Так, в постклассической науке спустя 300 лет подтвердилась фраза Ф. Бэкона, повторенная Г. Лейбницем о том, что только лёгкие глотки философии (рационального знания, науки) удаляют нас от Бога, а более глубокие возвращают нас в его объятия» [13, с. 329]. Эйнштейн еще не знал о чёрных дырах, модели Большого взрыва, о единичных явлениях во Вселенной (сингулярностях), не поддающихся общим закономерностям. Тем не менее в одной его фразе «Бог не играет в кости», то есть не относится к случайному, предполагается, что он необходим.

Но когда открытия в науке стали свидетельствовать об отсутствии каузальности неких явлений природы, когда натурфилософские и метафизические восторги по поводу «гармонии Вселенной» поубавились, оказалось, что доказательства бытия Бога ищут сейчас скорее ученые, нежели философы и ученые. Ученых побуждают задуматься над проблемой трансцендентного противостоящие друг другу теории, каждая из которых верифицирована, но это как раз и мешает найти строгую непротиворечивую истину относительно мироустройства, а, следовательно, убедиться в существовании внеприродного трансцендентного. Это заставляет учёных говорить не об истинах науки, а об её моделях, тем более что в настоящее время наблюдениям и эксперименту предваряется математическое оформление теории. Наше сознание предстает перед неразрешимостью вопроса о том, что предшествовало Большому взрыву. Многие вопросы возникают в связи с «антропным принципом», в частности, как согласовать физику и антропологию, не сводя последнюю к первой.

Структуру Вселенной описывает общая теория относительности, а квантовая механика изучает явления микромира. Обе эти теории не дают нам основания считать реальную Вселенную единой: новые модели мира описывают его несовместимыми теориями. В биологии также нет теории, объясняющей переход неживой материи в живую. Факт состоит в том, что при любом, насколько возможно полном владении современными научными знаниями, постоянно воспроизводится конфликт, «расколотовость», между фундаментальными теориями той же физики или биологии: «Наука открывает нам истины о мире, но в их несовместимости обнаруживается вызов науке со стороны мира» [14, с. 107]. Одним словом тот факт, что в науке сформулированы теории, противостоящие друг другу, свидетельствуют о существовании в самом фундаменте бытия (онтологически) некоей «диалогической структуры» (по выражению Б.С. Дынина), которую принято называть трансцендентным. Вреда это никому не принесёт: атеист будет верить в универсальность науки несмотря ни на что, а религиозный ученый будет продолжать свои исследования с «неразорванным сознанием». При этом не следует думать, что научное сознание абсолютно свободно, а религиозное абсолютно догматично; поиск Бога «есть утверждение (не гарантия) свободы познания, свободы от идолов идеологии, свободы от поисков абсолютных при решении наших проблем» [14, с. 114].

Вот по поводу «поиска абсолютных» хочется возразить цитируемому автору, а для этого надо вернуться к Канту. Ведь это он, предложив изъять из обихода науки (естествознания) понятие «Бог», считал необходимым вернуть его из «мира природы» в «мир свободы» в качестве *абсолюта* любви и добра, повинувшись категорическому велению морального сознания. Так мораль-

ный постулат «не убивай», если его не абсолютизировать, а рассматривать в духе релятивизма, может привести к катастрофе самоуничтожения человечества; то же у Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то всё дозволено?»; а у В.С. Соловьева

в высшей степени категорично звучит заявление «Убийство папуаса так же преступно, как убийство гения или святого». Такой абсолютизм, напротив, нам необходим, чтобы вернуть надежду человечеству.

Библиографический список

1. Guthrie N. Greek Philosophers. L. 1967. P. 11; Grube G. A. Plato's Thought. L. 1937.
2. Анаксагор, Д.К. Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. I.
3. Лурье, С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. — Л., 1970.
4. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. — М., 1993.
5. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. — М., 1969. — Т. II.
6. Платон. Тимей 296-306-d. Сочинения: в 3-х т.т. — М., 1971. — Т. III. — Ч. 1.
7. Аристотель. Метафизика XII (»□ □4- □9, 1074b-15-35. Сочинения: 4-х т.т. — М., 1976. — Т. I.
8. Кузанский, Николай. Об ученом незнании // Сочинения: в 2 т. — М., 1979. — Т. I.
9. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. — М., 1957. — Т. I.
10. Захаров, В.Д. Размышление о природе веры. Дихотомия Бога // Вопросы философии. — 2010. — № 5.
11. Бердяев, Н.А. Самопознание. — М., 1990.
12. Булгаков, С.Н. Свет невечерний. — М., 1994.
13. Лейбниц, Г. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. Сочинения: в 4-х т.т. — М., 1989. — Т. IV. — Ч. III.
14. Дынин, Б.С. Онтологическая диалогичность мир: признание трансцендентного // Вопросы философии. — 2010. — № 5.

Bibliography

1. Guthrie N. Greek Philosophers. L. 1967. P. 11; Grube G. A. Plato's Thought. L. 1937.
2. Anaxagor, D.K. Fragmentih rannikh grecheskikh filosofov. — M., 1989. — Ch. I.
3. Lurje, S.Ya. Demokrit. Tekstih, perevod, issledovaniya. — L., 1970.
4. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate. — M., 1993.
5. Losev, A.F. Istoriya antichnoy ehstetiki. — M., 1969. — T. II.
6. Platon. Timey 296-306-d. Sochineniya: v 3-kh t.t. — M., 1971. — T. III. — Ch. 1.
7. Aristotelj. Metafizika XII (?), 1074b-15-35. Sochineniya: 4-kh t.t. — M., 1976. — T. I.
8. Kuzanskiy, Nikolay. Ob uchenom neznanii // Sochineniya: v 2 t. — M., 1979. — T. I.
9. Spinoza, B. Izbranniye proizvedeniya: v 2 t. — M., 1957. — T. I.
10. Zakharov, V.D. Razmishlenie o prirode verih. Dikhotomiya Boga // Voprosih filosofii. — 2010. — № 5.
11. Berdyayev, N.A. Samopoznanie. — M., 1990.
12. Bulgakov, S.N. Svet nevecherniy. — M., 1994.
13. Leybnic, G. Opihtih teodicey o blagosti Bozhiey, svobode cheloveka i nachale zla. Sochineniya: v 4-kh t.t. — M., 1989. — T. IV. — Ch. III.
14. Dihnin, B.S. Ontologicheskaya dialogichnostj mir: priznanie transcendentnogo // Voprosih filosofii. — 2010. — № 5.

Статья поступила в редакцию 22.06.12

УДК 1

Loseva I.N., Rybintseva G.V. PHILOSOPHICAL ANTROPOLOGY ABOUT FREEDOM. The analysis of the concept of freedom from antiquity to the present convinces that freedom is the condition and the imperative of the moral conduct of a person. At the same time the attempt to penetrate into the essence of a person may freedom to be lost. That's why the mystery of a human being is the mystery of his freedom. The vector of freedom is directed inside a person; it is a source of person's being. The noumenal essence of freedom gives the opportunity for a person to enter transcendence (God).

Key words: freedom, interior freedom, mystery of freedom, noumenal, transcendence.

И.Н. Лосева, д-р филос. наук, проф. каф. социально-гуманитарных дисциплин Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону, E-mail: naukargk@mail.ru;
Г.В. Рыбинцева, канд. филос. наук, доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, E-mail: naukargk@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О СВОБОДЕ*

Анализ понятия свободы в философской антропологии от античности до наших дней приводит к убеждению, что свобода выступает как условие и как императив морального поведения человека. Вектор свободы направлен внутрь человека, она источник его бытия. Попытка проникнуть в сущность человека может полностью лишить его Свободы. Поэтому тайна человека это тайна его свободы. Вместе с тем ноуменальный характер свободы дает человеку возможность выйти в трансцендентное.

Ключевые слова: свобода, внутренняя свобода, тайна свободы, ноуменальное, трансцендентное.

Еще древние философы-досократики, задумываясь о началах природы и природной необходимости (ἀνάγκη) как судьбы, предопределили поиски некоей противоположности, которую назвали вызов судьбе (ὑβρις), интуитивно понимая, что это и есть проявление возможности противопоставить природной и социальной необходимости то, что позже стало называться «свобода».

Следующим этапом в осмыслении необходимости и свободы был Платон, он усвоил идеи природной необходимости, как закономерности из произведений Гераклита и Демокрита. Но уже в диалоге «Тимей» разрабатывается понятие творца как Бога, который философом именуется как «беспредпосылочное начало», Единое, Благо и Солнце, сотворившего космос и человека свободно. «Космос образуется благодаря творческой деятельности внеприродного ума — демиурга, — пишет В.В. Соколов, — ему противостоит хаотическая ἀνάγκη необходимость, слагающаяся из бесчисленного взаимодействия материальных причин» [1, с. 171].

В социальной жизни Платон также предполагает только необходимость; его «Государство», а тем более «Законы» об этом

* Авторы употребляют словосочетание философская антропология не в узком смысле как учение немецких философов Шелера и др., имея в виду историко-философский процесс осмысления проблемы человека от античности до наших дней.

красноречиво говорят. Сословия его идеального государства функционируют только в рамках жесткой предопределенности, им предписано соответствующее поведение; жизнь каждого управляется напрямую государством (общее), в котором необходимость господствует над человеком (единичное) и подавляет его. В «Законах» Платон вообще приходит к мысли о человеке как абсолютно управляемом существе, подобном кукле, которую дергает за веревочку невидимый, но могущественный кукловод.

Христианская философия и богословие открыли новые грани данной проблемы: необходимости стали со всей определенностью противопоставлять свободу. Если Ветхий Завет во всех своих разделах еще насыщен идеей предопределения (Προορισμός), то в Новом Завете, наряду с этой идеей, подчеркиваемой апостолом Павлом (Рим. VIII, 15), появляется новаторская для своей эпохи (I в. н. э.) идея *свободы воли*.

Первые апологеты христианства посвятили свои работы практической этике. Тертуллиан, например, определял природу человека как свободу выбирать между добром и злом; такая свобода приводит к первородному греху, но это же дает возможность внести в общество право, которое имеет смысл только там, где есть свобода.

В западной патристике Августин Блаженный строит теодицею на принципе свободы воли человека, то есть оправдывает Бога за все зло, существующее в мире, на основании того, что человек, наделенный свободной волей, может выбрать либо добро, либо зло, и Бог не может ему запретить делать зло.

В восточной патристике Иоанн Златоуст заменяет понятие «предопределение» понятием «предвидение» (Προϋπόσις), а Иоанн Дамаскин произносит: «Бог всё предвидит, но не все предопределяет», — давая этим понять, что помимо предопределения существует и свободная воля человека.

Нагруженность понятия «свобода воли» теологическими проблемами благодати и спасения, уготованных человеку Богом, тем не менее, не умаляет философской значимости этой проблемы в схоластике. Так Фома Аквинский полагал, что Бог, как свободная причина несет миру благо, поэтому человек, сотворив зло, с необходимостью должен нести ответственность за свои деяния. В человеке, по мнению св. Фомы, разум преобладает над волей, он благороднее воли. Человек желает обрести блаженство, а оно состоит не в акте воли, а в торжестве разума, устремленного к высшему Благу. Всякий раз, выбирая между добром и злом, человек может ошибиться, но в этом и проявляется его свобода, дарованная ему Богом. Практический разум, ведая этическими проблемами, на опыте распознает добро и зло. Все, что соответствует разуму, — добро, что противоречит ему — зло.

Дунс Скот поставил точку в проблематике; самое свободное существо — это Бог. Он бесконечен и этим обусловлена полная свобода его воли. Что касается человека, то Дунс Скот четко различает его разум и волю. Так как воля свободна, то ум и знание только условие и возможность выбора, но не его причина, поэтому выбор может быть случайным. «Тонкий доктор», как его называли современники, противостоял убеждению Фомы Аквинского, что воля всегда определяется разумом. Напротив, утверждает Дунс Скот, ничем не ограниченная воля человека свободна, и свобода составляет его духовную сущность.

В эпоху Возрождения проблема свободной воли становится центром философско-теологических споров. Если античные философы увязывали проблему свободы с выявлением роли разума, то Эразм Роттердамский подчеркивал значение *воли*, понимая, что без свободы воли не может быть полноценного деятельного человека, который выше всех других существ и поставлен Богом господствовать над ними в природном мире. Так, фатуму противопоставлялась фортуна, судьба-удача, связанная непосредственно со свободой воли, дарованной Богом, но проявляемой человеком в заданных социальных обстоятельствах (XVI в.). Эразм Роттердамский написал свою работу «Диатриба или рассуждение о свободе воли» в ответ на труд Лютера «Рабство воли». Протестантский богослов трактует свободу воли как принадлежность Бога: «Свободная воля — это наименование Бога. Поэтому, человеческая воля это крошечная часть божественной благодати, свободно истекающей на человека. Собственно человеческая воля — это его иллюзия, это его гордыня, которая заставляет человека творить зло; человеческая природа слепа, она и не знает собственных сил, и, наконец, по гордыне своей полагает, что она все может и все знает» [2, с. 380, 382].

Защищая тезис свободной воли, Эразм хочет донести до внимающих ему читателей, что если бы воля у человека отсут-

ствовала, то он был бы похож на марионетку, а это сделало бы его совершенно аморальным: «Если нет свободы, то нет и греха», то есть невозможно отличить добро от зла. Как человек своей эпохи, Эразм Роттердамский провозглашает гуманизм в рамках библейского его понимания, но он уже чувствует светские тенденции своего времени доверять разуму человека, а не только его вере. «Слышу: Зачем для понимания священного писания нужна философия? Отвечает: А зачем нужно невежество?» [2, с. 227]. Таким образом, под свободой воли великий гуманист своего времени понимает «силу человеческого желания приблизиться к тому, что ведет к вечному спасению или же отшатнуться от него». Один из его аргументов очень прост и убедителен: «Почему нас принуждают предстать перед судом, если вообще ничего не совершается по нашей воле, а все в нас делается по чистой необходимости?» [2, с. 276]. Таким способом от противного Эразм утверждает приоритет свободы.

Итак, проблема свободы обсуждалась в средневековую эпоху и в период Возрождения в теологических лесах, то есть в рамках христианской идеи предопределения и свободы воли. В ином контексте стало возможным рассматривать понятие «свобода» только лишь в Новое время.

В следующем веке проблему свободы решает Б. Спиноза. Уже в первом своем трактате Спиноза писал, что «в природе нет творения, а только порождение» [3, с. 84], так как творение требует воли, а ее как раз и не существует. Таким образом, он перечеркивает не только понятие «свобода воли», но и саму волю как таковую, подменяя ее интеллектом. Воля противопоставляется принуждению, а оно неотделимо от понятия «необходимость». Человек, поднимающийся в теории до самых высот, видит природную необходимость и воспринимает себя ее неотъемлемой частью или модусом единой субстанции. Так как воля подчиняется разуму, то вопрос о свободе сводится к познавательным целям. К разуму приравнивается не только воля, но и свобода. Если в природном мире присутствует только необходимость (жестко детерминированные цепи причин и следствий) и нет свободы, то для человека познать эту необходимость и поступать в ее рамках будет единственно возможным проявлением свободы. С этим можно согласиться, когда речь идет о природе, тем более с высоты современного к ней отношения, соблюдая экологию и понимая, что вмешательство в природу должно быть минимальным. Но в человеческом обществе свобода осуществляется через выбор, а сделать выбор — значит мобилизовать свою волю, соответственно одного знания здесь явно недостаточно. Не дает свободы и знаменитый призыв Спинозы «не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать». Он может помочь нам освободиться от аффектов, но не от социального принуждения.

Более радикально высказывается в этом плане Т. Гоббс, полагая, что человек может обрести свое естественное право на свободу только в рамках государства. Если природа человека требует свободу выбора, то это дает возможность ввести в государство право, которое обеспечивает свободу.

Гоббс не противопоставляет свободе необходимость, считая, что они дополняют друг друга: право как свобода существует наравне с законом, но их совместимость возможна лишь тогда, когда взаимодействия людей совершаются добровольно.

Вслед за Гоббсом в XVIII в. И. Кант, разрабатывая теорию права, останавливается на проблеме свободы воли, дарованной человеку Богом, и Божественного предопределения жизни отдельного человека и всей истории человечества. Согласно Канту, логика исторического развития приводит к тому, что человек преодолевает себя чисто эмпирически, то есть как феномен и начинает постигать себя посредством самопознания, которое позволяет ему убедиться в существовании неумолимо-го мира и неумолимости, то есть духовности его самого: «Разум дает также такие законы, которые суть императивы, то есть объективные законы указывают: что должно происходить, хотя, быть может, никогда и не происходит. Этим они отличаются от законов природы, когда речь идет лишь о том, что происходит, поэтому законы свободы называются также практическими законами» [4, с. 586].

Деля бытие на «мир природы» и «мир свободы», Кант справедливо утверждает, что без человека нет свободы: природа без человека — это комбинация причин и детерминированных ими следствий. Следовательно, свобода — не феномен, а ноумен. Он существует как безответная основа бытия, которой вменяется ответственность: я могу отвечать лишь за то, в чем проявилась моя свобода, она выступает и как условие, и как императив-морального поведения человека.

В этом пункте Кант прибегает к Богу как моральному образцу для человека, обосновывающему его свободу, и с этой точки

зрения человек – это цель не только для другого индивида, но и для самого Бога. Наш современник Антанакс Мацейна подтверждает мысль Канта: «Цели Бога не делают человека средством, а являются божественным вовлечением в пространство человеческой свободы, и только в этом пространстве осуществляемы» [5, с. 137]. Поэтому для человека важна, прежде всего, внутренняя свобода, помимо свободы от насилия. Недостаточно освободить человека от внешнего насилия, человек должен перестать быть рабом по природе. «Ты должен, значит ты можешь», – вот замечательный афоризм, которым Кант выразил господство долга над действительностью, превосходство идеала над природой [6, с. 508], говоря в терминах Канта, превосходство ноуменального над феноменальным.

В философии иррационализма, прежде всего у Шопенгауэра в словосочетании свобода воли акцент ставится не на свободе, а на воле. Автор труда «Мир как воля и представление» показывает, что голодная, слепая, бесосновная воля настолько противопоставлена разуму (вопреки утверждениям Спинозы), что может полностью поработить человека, лишив его всякой свободы. Думается, и то и другое – крайности.

Но вот М. Хайдеггер, не склонный абсолютизировать волю, рисует нам образ *Das Man*, безликого состояния человека, согласного на взаимозаменяемость лишь бы не брать на себя ответственность. Такой человек противопоставлен человеку «подлинного существования», осознающего свою конечность, неповторимость и способность свободно создавать проект самого себя и отвечать за него. Однако, и этот человек ограничен проселочной дорогой, по которой он с необходимостью шагает в Ничто. Таким образом, Хайдеггер не абсолютизирует и свободу.

Карл Ясперс показывает еще одну грань свободы, призвая вообще не пытаться проникнуть в сущность человека: пока человек тайна – свобода ему обеспечена, в противном случае человеческая личность может полностью лишиться свободы. В этом случае человек может рассчитывать только на отрицательную свободу, например, на свободу от насилия. Наличие трансцендентности, высшего бытия по Ясперсу, придает человеку полноту смысла его существования, а именно, свободу для совершенствования себя, перед лицом совершенного Бога.

Так Ясперс наиболее близко подошел к той проблематике, которая разрабатывалась в русской философии Ф.М. Достоевским, Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским и др. Достоевский различает пустую, бессодержательную свободу (свободу небытия) опустошающую и уничтожающую человеческую личность и свободу в истине, то есть в Боге. Достоевский понимает, что путь свободы есть путь страдания, поэтому всегда есть соблазн освободить человека от страдания и это ставит себе в заслугу Великий инквизитор, беря на себя роль посредника между человеком и Богом, освобождая людей от свободы, то есть о необходимости нести ответственность за свой выбор.

По Достоевскому, свобода – знак высшего достоинства человека. Она может породить зло, но она во зле и погибает. Если свобода переходит в «своеволие», отвергающее ответственность, это означает, что человек не выдержал испытания свободой, и она понята этим человеком как вседозволенность. Анализируя «Поэму о Великом инквизиторе», Н.А. Бердяев отмечает, что есть только «вековое возражение против Бога – существование зла в мире»... И все творчество автора поэмы, по мнению Бердяева, является ответом на это возражение: «Бог именно потому и есть, что есть зло... если бы мир был исключительно добрым, то Бог был бы не нужен... Бог есть потому, что есть свобода» [7, с. 58]. В противном случае Достоевский убежден, что «мир был бы рационально принудительным механизмом принудительной гармонии».

Бердяев предупреждает, что людям «статического сознания трудно понять великие откровения Достоевского о свободе», они требуют однозначного ответа на вопрос, что такое свобода, не понимая того, что «свобода есть трагическая судьба человека и мира, судьба самого Бога, и она лежит, как первоначальная его тайна». [8, с. 51-52].

В романе «Бесы», Ф.М. Достоевский показывает, что революционно настроенные персонажи романа, одержимые идеей абсолютного равенства, не могут постигнуть этой тайны, а, следовательно «роковой диалектики свободы», заключающейся в том, что воинственная свобода приводит к отрицанию самой идеи свободы, а следовательно к полному неравенству, когда небольшая кучка людей или один человек постепенно переходят к своеволию, которое затем превращается в принуждение. Это по Бердяеву, «роковой процесс», это путь к безграничному деспотизму, следовательно, к отрицанию свободы. Великий инквизитор убежден, что свобода, требующая ответственности, непосильное бремя для людей, что для их же счастья надо отнять у них свободу, но при этом навязать им понятие добра как totalной сытости. Анализируя «Поэму» Н.А. Бердяев подчеркивает, что «Христос не хотел, чтобы дух человеческий был поработен хлебом, чудом и царством земным», к чему стремился Великий инквизитор.

Н.А. Бердяева называли «философом свободы»; по этому поводу мыслитель писал: «Я извожу от свободы. Свобода для меня первичнее бытия... Я положил в основе философии не бытие, а свободу... Я изначально любил свободу и мечтал о чуде свободы... в свободе сокрыта тайна мира... Но, я всегда знал, что свобода порождает страдания, отказ же от свободы уменьшает страдания» [8, с. 56].

Свобода, по Бердяеву, аристократична. Мало кто может отказать от материальных благ в пользу свободы. Критикуя Гегеля, Бердяев считает, что не свобода – создание необходимости, а наоборот, необходимость есть создание свободы. Для Бердяева его опыт состоит в том, что свобода изначальна, она не приобретена, она есть *a priori* в человеческой жизни. По Бердяеву свобода – это способ определить личность изнутри, личная независимость, творческая сила личности, созидание. Через свободу и в свободе познается истина; никакой авторитет не может навязать истину, под которой подразумевается Бог как абсолютное совершенство, как Верховная Персона. Поэтому свобода первичнее даже Бога, так как нельзя принять совершенства принудительно, насильственно; придти к Богу можно только свободно.

Итак, Бердяев в своей философии теоретически осуществляет борьбу за свободу, но за свободу боролись и коммунисты. Великий мыслитель понял разницу: его борьба за свободу означала торжество духа и утверждение автономии личности, они же стремились сгруппироваться, опираясь на «уравнительную механику масс», а всякая группировка, по Бердяеву, враждебна свободе, поскольку требует внутри себя неукоснительного подчинения. Это суждение Бердяева относится и к дореволюционным властям и к революционной интеллигенции, и к эмигрантским кругам.

Парадоксальна мысль Бердяева о том, что менее всего человек свободен в демократическом обществе: «Демократический век – век мещанства и он неблагоприятен появлению сильных личностей» [8, с. 112], наоборот, демократизация общества усредняет его. Это можно объяснить, преимущественно, тем, что сильная личность обладает внутренней свободой, и эта ноуменальность свободы позволяет человеку обратиться к трансцендентному, к Богу, которого он считает не Господином, а «освободителем от рабского мира».

Бог никогда не принуждает себя признавать. Бог сам не творит свободу, первичная свобода находится вне Его, она вкоренена в ничто. Таким образом, тайна свободы заключена в ее несотворенности, в ее способности приводить человека к творчеству, к созданию нового, также исходящего из глубин «Ничто». Тайна свободы «коренится в душе каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла» [9, с. 47].

Итак, вектор свободы направлен внутрь человека: его личность является вместилищем свободы. Свобода – добытый источник бытия человека, укорененный в его ноуменальной природе, в которой нет зла, а это дает «возможность человеку выйти в другое измерение, трансцендировать в иное» [9, с. 19], то есть соприкоснуться с Богом.

Библиографический список

1. Соколов, В.В. Историческое введение в философию. – М., 2004.
2. Мартин, Лютер. О рабстве воли. Роттердамский Эразм. Философские произведения. – М., 1986.
3. Спиноза, Бенедикт. Избранные произведения: в 2 т. – М., 1957. – Т. I.
4. Кант, И. // Собр. Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. III.
5. Мацейна, Антанакс. Бог и свобода (глава из книги) // Вопросы философии. – 2008. – № 4.
6. Лосский, Н.О. Избранное. – М., 1991.
7. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского. Философия культуры и искусства. Сочинения: в 2-х т.т. – М., 1994. – Т. II.
8. Бердяев, Н.А. Самопознание. – М., 1990.
9. Тульчинский, Г. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. – 2009. – № 4.

Bibliography

1. Sokolov, V.V. Istoricheskoe vvedenie v filosofiyu. – M., 2004.
2. Martin, Lyuter. O rabstve voli. Rotterdamskiy Ehrazm. Filosofskie proizvedeniya. – M., 1986.
3. Spinoza, Benedikt. Izbranniye proizvedeniya: v 2 t. – M., 1957. – T. I.
4. Kant, I. // Sobr. Soch.: v 8 t. – M., 1994. – T. III.
5. Maceynja, Antanaks. Bog i svoboda (glava iz knigi) // Voprosih filosofii. – 2008. – № 4.
6. Loskiy, N.O. Izbrannoe. – M., 1991.
7. Berdyaev, N.A. Miroszeranie Dostoevskogo. Filosofiya kul'tur i iskusstva. Sochineniya: v 2-kh t.t. – M., 1994. – T. II.
8. Berdyaev, N.A. Samopoznanie. – M., 1990.
9. Tulchinskiy, G. Novaya antropologiya: lichnost' v perspektive postchelovechnosti // Voprosih filosofii. – 2009. – № 4.

Статья поступила в редакцию 22.06.12

УДК 1(091)(470)

Lytkin V.V. PECULIARITIES OF RUSSIAN COSMISM' ORIGIN AT THE TURN OF THE XIX – XX-TH CENTURIES. This article is analyzed the cultural-historical and ideological causes that had led to the emergence in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries the original philosophical teachings – Russian cosmism. Addresses the issue of continuity in the views of the Russian cosmism thinkers. Briefly examines the fundamental philosophical perceptions and their influence on later philosophical and common cultural tradition.

Key words: Russian cosmism, Russian philosophy, social philosophy.

В.В. Лыткин, канд. филос. наук, доц., зав. каф. социальной антропологии и сервиса Института социальных отношений Калужского гос. университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, преп. Международного космического университета г. Страсбурга, E-mail: lytkin@kaluga.ru; vlad-lytkin@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

В статье анализируются культурно-исторические и мировоззренческие причины, которые привели к возникновению в России на рубеже XIX–XX веков оригинального философского учения – русского космизма. Рассматривается вопрос о преемственности во взглядах русских космистов. Кратко анализируются их основные философские представления и их влияние на последующую философскую и общекультурную традицию.

Ключевые слова: русский космизм, русская философия, социальная философия

Вопрос о том, как и почему именно в России на рубеже XIX–XX вв. идея космизма, имеющая богатейшую историко-культурную традицию, оформилась в более или менее стройную теорию, нашедшую позднее воплощение в практических свершениях, является достаточно сложным, дискуссионным и требующим своего дальнейшего изучения. Космические философии в лице, прежде всего «русского космизма» начинают складываться и оформляться, в основном, на рубеже XIX–XX веков. При этом они формируются как широкие мировоззренческие и более узкие общетеоретические предпосылки обоснования возможности пространства, ракетостроения и космонавтики как отрасли науки и техники, важной составляющей части современной культуры. В наиболее завершённом виде этот процесс происходил в России, в рамках «русского космизма». По нашему мнению, этот процесс носил глубоко закономерный и объективный характер.

Остановимся в начале более подробно на характеристике духовного развития русского общества конца XIX – начала XX вв. Это было время взрывообразного расцвета русской культуры. Не случайно этот период получил название «Серебряный век русской культуры». Оценивая ситуацию, сложившуюся в это время в духовной жизни России, Н.А.Бердяев писал: «Когда в XIX в. в России народилась философская мысль, то она стала, по преимуществу, религиозной, моральной и социальной. Это значит, что центральной темой была тема о человеке, о судьбе человека в обществе и в истории» [1, с. 118]. Эту тему можно проследить в творчестве Ф.М. Достоевского, создавшем своим гением образ «кающегося интеллигента», внемлющего идеалам ортодоксального православия. Об этом писал Л.Н. Толстой. Об этом же можно говорить, отмечая традиции космизма 60–70-х гг. XIX в. в искусстве (Флавицкий, Поленов, Маковский). В музыке наиболее яркими представителями этой традиции был А. Рубинштейн. В эту эпоху идеи либерализма неуклонно расшатывали стан консерваторов. Наиболее характерный пример здесь личность Ивана Аксакова, горячего публициста, славянофила, борника свободы слова и воинствующего националиста.

В то же время в России совершаются замечательные открытия в области естествознания (Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, В.С. Ковалевский). В литературе блистают, наряду с Ф.М. Достоевским, такие титаны как И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой. Но появляется и то, что позднее получит название «нигилизм». Его первым и наиболее ярким провозвестником был, несомненно,

Д.И. Писарев. Он оказал огромное влияние на формирование мировоззрения современников, прежде всего молодежи. К.Э. Циолковский вспоминал, что Писарев (его статьи) заставлял его «дрожать от радости и счастья», его он считал своим вторым «Я» [2, с. 58]. Мощную литературно-пропагандистскую деятельность вел в то время Н.Г. Чернышевский, а из-за границы неустанно звонил «Колокол» А.И. Герцена.

Таким образом, на духовной и общественной сцене России появились совершенно новые лица – народники-разночинцы. Их наиболее яркие выразители в литературе: Некрасов, Успенский, в живописи – передвижники во главе с Крамским и его «Христом в пустыне»; в музыке – Бородин, Мусоргский. Тогда же начинается массовое «хождение в народ» в 1873–1874 гг.

В философском осмыслении действительности наука той эпохи прочно становится на фундамент позитивизма, который отодвигал в область научно-непознаваемых ряд «проклятых» вопросов и доводил, в известных пределах, научное развитие до значительной высоты. Д.И. Менделеев в химии, А.Г. Столетов в физике, К.А. Тимирязев в ботанике, Ф.М. Бредихин в астрономии, Н.И. Лобачевский в математике, И.М. Сеченов и И.П. Павлов, вот лишь некоторые имена, давшие русскому естествознанию и его представителям мировую известность. Достаточно назвать только их, чтобы показать, какой значительной высоты достигла в конце XIX – начале XX вв. разработка естественных наук в России. В исторической науке поистине замечательным явлением стали В.С. Соловьев, В.О. Ключевский. В то же время, нарастание в среде интеллигенции ощущений неустойчивости, неуверенности в будущем, порождало явления оккультного и мистического взгляда на жизнь. Это особенно ярко характеризует появление в России достаточно сильных теософских обществ. В 1903 г. появляется сборник «Проблемы идеализма», в значительной степени развивавший идеи неокантианства. Истинным родоначальником этого нового направления в русской философии следует считать В.С. Соловьева. Его философия абсолютного индивидуализма и добра, абсолютной красоты утверждала идею всеединства в принципе софийности [3, с. 624–625]. Это был, пожалуй, один из немногих истинно самобытных русских философов действительно титанического масштаба, стоявший на одном уровне с самыми замечательными философами в истории философии. По праву мы его относим и к раннему течению космизма [4, с. 12]. В начале XX в. оформляется как само-

стоятельное течение мысли толстовство с мировоззренческим стержнем в виде непротравленного злу насилием, а в литературе восходит гениальная звезда А. Чехова и удивительного символизма В. Брюсова.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. Россия вступила в новую историческую эпоху, а на ее общественной арене появились новые мощные силы, среди них – значительный по своему духовному потенциалу слой разночинной интеллигенции. Россия того времени – явление во многом уникальное и бесконечно интересное для исследователя. Вся она как бы соткана из противоречий. Противоречивая и бурная эпоха породила совершенно замечательную плеяду выдающихся мыслителей, действовавших в совершенно разных средах общественной жизни. «Серебряный век» России внес огромный вклад в сокровищницу человеческой цивилизации.

Где-то в середине XIX века, в пестром калейдоскопе всяческих теорий и философских систем, принимавших подчас форму мировоззрения той или иной группы русской интеллигенции, появляется и оформляется еще одна, связанная с пониманием закономерностей земной жизни как частных проявлений бытия космоса. Это направление философской мысли получило название «космизм». Необходимо оговорить: космизм как явление общественного сознания и духовной жизни России был очень широко представлен в своей мировоззренческой базе. Элементы космизма мы можем найти у таких различных мыслителей как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков и др. Явные элементы космизма мы видим в творчестве В.Ф. Одоевского. В учениях более поздних мыслителей эта идея принимает большую конкретность и стройность («космическая философия» К. Циолковского, учение о ноосфере В. Вернадского). Учение К.Э. Циолковского является и в настоящее время наиболее полно отражающим основные идеи космизма, в частности, он ярко подчеркивает идею антропокосмизма. В рамках космизма мирно уживались, дополняя и обогащая друг друга, различные мировоззренческие направления и философские течения. Одни из них угасали, так и не найдя дальнейшего развития, другие же, напротив, уже в наши дни существуют и укрепляют свои позиции.

Пожалуй, одну из первых попыток нарисовать мир будущего с точки зрения космизма предпринял В.Ф. Одоевский, замечательный писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Его главной страстью были философия и литературная деятельность. Они счастливо соединились, породив в 1837-1839 гг. незаконченный роман «4338-й год. Петербургские письма», где яркие идеи космизма сопровождаются не менее интересными и значимыми для России предвидениями естественнонаучного характера. В этом произведении В.Ф. Одоевский высказывает идею о том, что космонавтика может стать средством разрешения проблем перенаселения Земли. В описываемый им период времени люди уже нашли «...способ сообщения с Луной – она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения. Эти экспедиции чрезвычайно опасны, опаснее, нежели прежние экспедиции вокруг света: на эти экспедиции единственно употребляется войско. Путешественники берут с собой разные газы для составления воздуха, которого нет на Луне» [5, с. 43]. Таким образом, по грандиозности замысла мы можем В. Одоевского по праву ставить рядом с Ж. Верном. В философском же отношении он нам интересен, прежде всего, своей идеей о возможности совершения космических путешествий. Уже на начальных стадиях оформления определилась характерная черта космизма – идея возможности достижения космического пространства и различных объектов вселенной.

С середины XIX в. в русской культуре важное значение начинает приобретать религиозно-литературная тематика. Сложилось так, что в России не было философов того же уровня и гения, каким обладали писатели Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Но в 80-е гг. XIX в., с началом выхода в свет журнала «Вопросы философии и психологии», происходило и нарастание потенциала религиозной философии. Особо отметим традицию философии всеединства. Датой ее возникновения можно условно считать 1874 г. – год защиты и опубликования В.С. Соловьевым магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» [3, с. 135-137]. В этой работе уже намечена основная проблематика философии всеединства, которая в дальнейшем углублялась и расширялась (и не только Соловьевым). В дальнейшем это вылилось у философа в его учение о Софии – единстве всего и всех со всем и во всем. В этом учении всякий мог найти что-то важное для себя и всякий же мог увидеть что-то неприемлемое. Все отдельные философские на-

чала, все отдельные политические и нравственные принципы, нашедшие свое выражение в противоположных учениях, представляются недостаточными ввиду своей исключительности. Принимая одну сторону всеединой истины за целое, мы обращаем ее в ложь, т.к. истина многолика и противоречива. Учение о Софии, как всеобщем, всестороннем и мудром логосе – законе и начале, предельно космизировано во всех своих аспектах, ибо объединяет в единую систему единичными связями, прямыми и обратными, человека и космос. А это во многом созвучно другому учению, возникшему на русской почве и взявшему за свою основу идеи космизма.

Н.Ф. Федоров по праву считается автором одного из первых трудов в области теории космизма. Н.Ф. Федоров начинал работать над «Философией общего дела» с 60-х гг. XIX в. Это мыслитель, одним из первых создавший стройную систему взглядов, в основе которой лежала космизированная идея «супрамо-рализма», т.е. природорегуляции, воскрешения умерших поколений и расселения их в космосе. Тот факт, что уже в середине прошлого века Н.Ф. Федоров предпринял попытку создать некую более или менее стройную систему космизма, в которой идея единства Земли и вселенной является определяющей, показывает, что уже в то время существовала определенная общественная потребность представить земную жизнь как проявление жизни космоса. Весьма показательна оценка, данная его творчеству Н.А. Бердяевым: «Это был русский писатель всеобщего спасения. В нем достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех – каждый ответствен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего» [1, с. 228]. Н.Ф. Федоров интересовался еще и тем, что является не только непосредственным предшественником К.Э. Циолковского, но и мыслителем, оказавшим, пожалуй, наибольшее влияние на творчество основоположника теоретической космонавтики (т.е. К.Э. Циолковского) в эпоху становления его мировоззрения. Не поняв основных моментов в творчестве Н.Ф. Федорова, нам трудно будет оценить некоторые идеи, присутствующие в работах К.Э. Циолковского, прежде всего, идею достижения счастья путем расселения в космическом пространстве и овладения силами природы.

Перед нами предстает достаточно ясно картина преемственности, традиционности взглядов русских космистов. Ее можно расширять и продолжать новыми оригинальными именами. Но важно то, что появление космизма в России было закономерным, было подготовлено всем ходом культурного развития страны на рубеже веков.

Специфическая заслуга «русского космизма» заключается в том, что он впервые попытался на высоком философском уровне осмыслить и объединить в себе различные, подчас, взаимно исключающие явления духовной культуры, так или иначе, в том или ином виде заключающие в себе идеи космизма. Более того, «русский космизм», в лице таких мыслителей как К.Э. Циолковский, впервые попытался не только создать более или менее стройную философскую концепцию, но и предпринял попытку найти пути к ее претворению в жизнь. Именно К.Э. Циолковский, задавшись вопросом о возможности достижения счастья для всего человечества, сделал вывод о том, что это достижение через познание законов, управляющих жизнью Вселенной, а значит, и жизнью человека. Отсюда же ученым был сделан вывод о том, что первый шаг к познанию космоса лежит в начале его непосредственного изучения. Иными словами, земная цивилизация должна стать космоцивилизацией (а затем и астроцивилизацией). Именно исходя из этих основополагающих идей, К.Э. Циолковский, в самом конце XIX века, приступает к разработке математической теории космонавтики, а в 1926 году предлагает практический план реализации своих теоретических построений, План освоения космического пространства, состоящий из 16 пунктов [6].

Одна из важнейших проблем, поставленная представителями «русского космизма», это усиление значимости гуманистического начала в системе «человек – космос». Для них основополагающим, начальным моментом всех событий и целью бытия является именно человек, его интересы и потребности, их удовлетворение. Вся система их исследования строится, исходя из интересов человечества и отдельной человеческой личности. Цели таких размышлений могут быть самые разнообразные. Так, у Н.Ф. Федорова в его работе «Философия общего дела» – это богословско-этическая утопия, целью которой является достижение человечеством всеобщего счастья через создание системы природорегулирования (влияния на природные процессы в нужную для человечества сторону) и индивидуальное совершенствование, через воскрешение всех предков и расселение их в космическом пространстве [7, с. 5-6]. Философс-

кая система К.Э. Циолковского, являющаяся по своей сути социально-технократической утопией, ставит перед собою, в целом, аналогичные задачи. Этические идеалы (достижение счастья человеком и человечеством, а через это, достижение счастья для всего космоса) являются для К.Э. Циолковского доминирующими во всем его творчестве. Он, подобно Н.Ф. Федорову, видит средства реализации своих идеалов в овладении природными силами, в способности, в конечном итоге, воздействовать на все процессы, происходящие во вселенной. В то же время, в отличие от Н.Ф. Федорова с его мистической идеей «воскрешения праотцов», К.Э. Циолковский предлагал для решения проблемы сугубо научные средства, а именно, реактивный летательный аппарат, при помощи которого можно будет освоить ближний космос, затем дальний, а вслед за этим осуществить дерзновенный план освоения и колонизации космического пространства. И если конечный нравственный итог для обоих мыслителей представлялся похожим (достижение счастья для человека и человечества в масштабах вселенной), то пути этого достижения представлялись ими различно. Различно и понимание ими «счастья». У Н.Ф. Федорова исследование мировых пространств необходимо для «приготовления обитателей» для воскресших отцов [7, с. 283]. Для К.Э. Циолковского нравственный идеал – достижение людьми технического, этического, личного, социального совершенства с целью овладения силами природы. Это, в свою очередь, по мнению К.Э. Циолковского, устраняет страдания (как явление нравственного порядка) и приводит к бесконечному прогрессу разума и человеческой цивилизации [8, л. 1-2]. Нет сомнения в том, что самые яркие и пионерские идеи «Космической философии» К.Э. Циолковского опирались на мощные традиции общечеловеческой культуры. Вдохновение приходило к ученому вместе с чтением замечательных книг Жюль Верна (его особенно отмечает К.Э. Циолковский в своих воспоминаниях), поразительных для современников спекуляций К. Фламариона [9, с. 23]. Именно здесь К.Э. Циолковский черпал из богатейшего источника вдохновения. Здесь он находил пищу для размышлений о космических межпланетных путешествиях. На новом, более высоком витке общественного развития К.Э. Циолковский возрождает самые замечательные идеи Ренессанса, прежде всего, ярчайшие антропокосмические взгляды, согласно которым всеобщее счастье, т.е. счастье для всего космоса, возможно лишь по достижении счастья (т.е. бытия без горя и страданий) каждой личностью. Именно через счастье каждого (единичное) человека у К.Э. Циолковского возможно достижение счастья для космоса в целом (всеобщее). Данное положение представляется глубоко гуманистическим и созвучным нашим дням. К.Э. Циолковский на первое место ставил прогресс человеческой личности, удовлетворение ее потребностей. Индивид не теряется у него на фоне титанической эволюции техники и преобразований, происходящих в обществе и вселенной.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре. – М., 1990.
2. Циолковский, К.Э. Черты из моей жизни. – Калуга, 2007.
3. Лосев, А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990.
4. Лыткин, В.В. Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. – Калуга, 2003.
5. Одоевский, В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма. – М., 1926.
6. Циолковский, К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. – Калуга, 1926.
7. Федоров, Н.Ф. Философия общего дела. – Верный, 1906.
8. Циолковский, К.Э. Конспект космической философии // Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. – Ф.1. Оп.1. Д.171, Л.1, Л.1-2.
9. Гаврюшин, Н.К. 130 лет со дня рождения К. Фламариона. Из истории авиации и космонавтики / Н.К. Гаврюшин, М.К. Тихонравов. – М., 1972. – Вып. 14.

Bibliography

1. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya. Osnovniye problemih russkoyi mihsli XIX veka i nachala XXveka. O Rossii i russkoyi filosofskoyi kuljtire. – M., 1990.
2. Ciolkovskiy, K.Eh. Chertih iz moeyi zhizni. – Kaluga, 2007.
3. Losev, A.F. Vladimir Solovjev i ego vremya. – M., 1990.
4. Lihtkin, V.V. Socialjno – antropologicheskie i filosofskie problemih russkogo kosmizma. – Kaluga, 2003.
5. Odoevskiy, V.F. 4338-yj god. Peterburgskie pisjma. – M., 1926.
6. Ciolkovskiy, K.Eh. Issledovanie mirovihkh prostranstv reaktivnimi priborami. – Kaluga, 1926.
7. Fedorov, N.F. Filosofiya obshogo dela. – Vernihyj, 1906.
8. Ciolkovskiy, K.Eh. Konspekt kosmicheskoyi filosofii // Arkhiv GMIK im. K.Eh. Ciolkovskogo. – F.1. Op.1. D.171, L.1, L.1-2.
9. Gavryushin, N.K. 130 let so dnya rozhdeniya K. Flammariona. Iz istorii aviicii i kosmonavtiki / N.K. Gavryushin, M.K. Tikhonravov. – M., 1972. – Vihp. 14.

Статья поступила в редакцию 23.06.12

УДК 17.03

Fotieva I.V. THE RELATIONSHIP OF MORALITY AND RELIGION: THE RELEVANCE OF THE APPROACH OF RUSSIAN PHILOSOPHY. The article analyzes one of the most complex and controversial themes – the relationship of morality and religion. The author demonstrates the inadequacy of “socio-immanent” approach in ethics and validity of the notions of morality as a reflection of the fundamental laws of being in a particular individual consciousness that developed in the Russian “metaphysics of universal unity”. Under this approach, morality is an expression of religion, understood in a broad sense.

Key words: morality, religion, Russian philosophy, «metaphysics of universal unity».

И.В. Фотиева, д-р филос. наук, проф. каф. теории и практики журналистики АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: fotieva@bk.ru

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И РЕЛИГИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДХОДА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется одна из самых сложных и дискуссионных тем – соотношение морали и религии. Автор демонстрирует неудовлетворительность «социально-имманентного» подхода в этике и обоснованность представлений о морали как о специфическом отражении в сознании индивида фундаментальных законов бытия, которые развивались в рамках русской метафизики всеединства. В рамках такого подхода мораль становится выражением религиозности, понимаемой в широком смысле.

Ключевые слова: мораль, религия, русская философия, метафизика всеединства.

Для рассмотрения поднятой в статье «вечной» проблемы вначале остановимся на кратком анализе современного состояния философской этики. Как отмечает Р.Г. Апресян, в ней можно выделить два основных подхода в интерпретации морали: «социально-имманентный» и «социально-трансцендентный» (социологизаторский). При первом подходе считается, что мораль существует лишь в социуме и обслуживает его потребности [1]. При противоположном, социально-трансцендентном подходе мораль обусловлена *внесоциальными* факторами (Бог, природа), но востребуема обществом.

Социологизаторский подход, несмотря на его простоту, вызывает серьезную критику. Во-первых, в нем остается неясным перфекционистский аспект морали, с идеалом *совершенного человека*. Мы не можем утверждать, что этот идеал целиком формируется под влиянием социальной среды, так как представление о совершенном человеке присутствует во всех традициях Запада и Востока, в том числе в тех, где социальное бытие рассматривается как аспект «майи», иллюзии. Во-вторых, данный подход вступает в противоречие с моральной практикой; он не позволяет объяснить «моральную пестроту» общества, а также появление во все исторические эпохи личностей, которые не только обладают собственным нравственным кодексом, идущим вразрез с общественными нормами, но и отстаивают его даже ценой жизни. И, наконец, в-третьих, если мораль призвана «обслуживать потребности общества», то ее нормы должны меняться вместе с социальными изменениями, но таким образом, чтобы удовлетворять эти потребности (примирение интересов разных групп, минимизацию конфликтов и т.д.). Из этого следует, что должны существовать *объективные* механизмы выработки *эффективных* норм и принципов человеческого взаимодействия, не зависящие от воли отдельных людей. Такая модель сегодня популярна: по мнению многих авторов, индивидуальная мораль уступает место социальной; считается, что она менее важна для функционирования современного общества, чем профессиональные качества человека и его умение быстро и эффективно вписываться в новые отношения и структуры. Но эта модель противоречит практике: мы не видим в сегодняшнем мире успешно функционирующих объективных социальных механизмов. Напротив: нарастают глобальные кризисы; военное противостояние не уменьшается и передел мира становится еще более жестким. И эти разрушительные тенденции, на наш взгляд, связаны прежде всего с разрушением личной морали, чему способствовало насаждение потребительской идеологии, которая является по сути *эгоистической*.

Поэтому более обоснован *социально-трансцендентный* подход, где основной является именно личная мораль. Ей можно дать следующее определение: *мораль — это специфическое отражение в сознании индивида фундаментальных законов бытия, которые связывают человека, общество и мир в единое целое*. Мораль не «дана», а «задана» личности; при этом законы бытия можно понимать натуралистически (Природа) или идеалистически (Бог, Абсолют), что не столь существен-

но, поскольку жесткое разделение «материального» и «идеального» уходит в прошлое. Поэтому мы не *изобретаем* мораль, а *открываем* ее законы, как и законы природы, методом проб и ошибок социального и индивидуально-личностного существования. В этом смысле мораль *объективна*. Этот наиболее древний подход представлен в так называемой *платонической линии*, которая существовала в философии на протяжении всей ее истории (от Пифагора, Сократа и Платона на Западе, даосизма и конфуцианства в Китае, ведийской философии и махаянистского буддизма в Индии вплоть до их современных интерпретаций и трансформаций). Эта линия характеризуется многими общими чертами, и ее блестящим развитием является русская «метафизика всеединства» конца XIX — первой половины XX века, многие тезисы которой сегодня находят подтверждение в результатах современного естествознания.

Важно подчеркнуть, что переживание объективности морального требования относится к *глубинному* «Я», о котором говорит вся платоническая традиция (при этом глубинное «Я» и «эмпирическая личность» четко противопоставляются). Эта важнейшая идея также находит подтверждение в моральной практике: вся нравственная история человечества указывает на то, что моральный выбор в сложных ситуациях человек делает благодаря «внутреннему голосу», который настойчиво советует поступить именно так, а не иначе. Причем, это повеление всегда идет вразрез с эгоистическими стремлениями и даже рациональными аргументами. И в случае «морального поражения» у человека с развитым моральным сознанием возникает острая реакция, которую невозможно объяснить ни «влиянием среды», ни рациональными аргументами; как точно писал Э. Фромм, «гуманистическая совесть % это реакция всей нашей личности на ее правильное существование или нарушение в существовании» [2, с. 563].

Теперь зададимся вопросом: что лежит в основе морали, составляет ее «сущность»? Согласно идеям платонической линии, это «чувство Единого», особенно в его высшей форме — любви, то есть глубочайшее *переживание* неразрывной связи со всем в мире. Возникает вопрос: как объяснить его отсутствие у множества людей, резкое различие в моральном уровне индивидов? Но если мораль «задана», то есть ее потенциал *актуализируется* в процессе развития личности, то ясно, что его раскрытие происходит в разной степени у разных индивидов; может и вообще не состояться в результате действия различных факторов. Задатки морали, как и все остальные, должны *целенаправленно* развиваться в семье, в обществе, самим человеком.

Известный американский психолог В. Франкл, получивший уникальную и трагическую возможность проверить свои идеи на опыте Освенцима, спорил по этому поводу с Фрейдом. «Фрейд писал: “Попробуйте одновременно заставить голодать некоторое количество самых разных людей. По мере нарастания настоящей пищевой потребности все индивидуальные различия будут стираться, и их место займут однообразные появле-

ния одного неутоленного влечения». Оказалось, что это не так... Конечно, они были немногочисленны — эти люди, которые выбрали для себя возможность сохранить свою человечность... однако они подавали другим пример, и этот пример вызывал характерную цепную реакцию» [4, с. 142, 154].

Перейдем теперь к религии. Если взять религию в комплексе всех ее составляющих (мировоззрение; обрядность; религия как социальный институт и пр.), то личная нравственность очевидно независима от религии. Но если мы возьмем лишь центральный компонент религии: *религиозный (мистический, трансцендентный) опыт*, то нравственность не только связана с ним, но является *признаком религиозности* (явной или бессознательной, как у атеиста). Ведь переживание любви/единства как раз означает, что человек обладает хотя бы элементами этого опыта; способен *ощутить укорененность своего глубинного «Я» в Абсолюте*. Эта идея является общей для всех мировых религий и многих философских школ. Таким образом, **нравственный человек — всегда в широком смысле религиозен, если не по убеждениям, то по внутренней сути.**

Библиографический список

1. Апресян, Р.Г. Феномен общественной морали (опыт концептуализации) // Университетский научно-методологический семинар «Актуальные проблемы современности сквозь призму философии» [Э/р]. — Р/д: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/seminar/Apresyan.pdf>
2. Фромм, Э. Человек для себя. — Минск, 1992.
3. Франкл, В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.

Bibliography

1. Apresyan, R.G. Fenomen obshchestvennoy morali (opit konceptualizatsii) // Universitetskij nauchno-metodologicheskij seminar «Aktualniye problemih sovremennosti skvoz' prizmu filosofii» [Eh/r]. — R/d: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/seminar/Apresyan.pdf>
2. Fromm, Eh. Chelovek dlya sebya. — Minsk, 1992.
3. Frankl, V. Chelovek v poiskakh smisla. — M., 1990.

Статья поступила в редакцию 22.06.12

УДК 113

Sharov A.S. THE ONTOLOGY OF MEANING: COUPLING OUTER AND INNER WORLDS. In the process of conjugation of the worlds, their unity creates meaning, which occurs at the boundary as a focus on something significant. It occurs in the processes of reflexive coupling of internal and external worlds, as a measure of approval and the manifestation of the man in social and cultural world. Meaning is the reflexive mechanism of the probabilistic coupling of external and internal worlds.

Key words: the meaning, interaction, boundary, regulation, reflection, coupling, medium, horizon.

А.С. Шаров, д-р психол. наук, проф. каф. психологии Омского гос. педагогического университета, г. Омск,
E-mail: sharov@omgpu.ru

ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА: СОПРЯЖЕНИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРОВ

Процесс сопряжения внутреннего и внешнего миров рождает смысл, который возникает на границе как направленность на что-то значимое. Он возникает как мера утверждения и проявления человека в социокультурном мире. Смысл — это рефлексивный механизм вероятностного сопряжения внешнего и внутреннего миров, который не существует вне того горизонта, на фоне которого он появляется.

Ключевые слова: смысл, взаимодействие, граница, регуляция, рефлексия, сопряжение, медиум, горизонт.

Действительная тайна смысла заключается в том, что он соединяет человека с миром, является посредником в деятельности, творческой и познавательной активности человека, направленной на понимание и изменение мира [1]. Смысл — это именно посредник между человеком и миром, и в этом проявляется двойственная природа его сущности. С одной стороны смысл является квинтэссенцией человеческой активности, сгустком человеческого духа. С другой стороны, смысл всегда направлен на мир, в смыслах человек осознает и изменяет мир. Трудность и путаница в определении смысла как раз и коренится в его процессуальности, в его парадоксально становящейся сущности. В чем же заключается эта парадоксальность? Да и как проявляется процессуальность смысла? Это невозможно объяснить, если не обратиться к понятию «граница», как различию и тождеству одного и иного, важная роль которого придается в развиваемом нами подходе к пониманию смысла. Где мы опираемся на интересные работы Дж. Спенсера Брауна [2] и Н. Лумана [3], которые не только пишут о сторонах границы и переходе с одной стороны границы на другую, но и о самой границе, которая может быть отличена от своих сторон. При-

чем, Н. Луман достаточно успешно использует это понятие в своих широко известных работах по социологии общества.

Взаимодействие человека и мира парадоксально в том, что происходит на границе. С одной стороны, человек положен в границу (Х. Плеснер, М. Мерло-Понти) и живет на внутренней стороне границ взаимодействия с внешним миром, а с другой, человек имеет эти границы второй раз уже внутри себя как сложность или интериоризованный внешний мир, который опять же сопряжен с внешним социокультурным миром. Так положение человека в границы взаимодействия с внешним миром, второй раз является во внутреннем мире человека и «Я» трансцендентное собирает себя на границах взаимодействия с внутренним миром. Другими словами переход с одной стороны границы на другую имеет для человека особое значение, суть которого заключается в единстве и различии внешнего и внутреннего миров, диалектика которых рождает трансцендентное «Я». Только оно в силу своей трансцендентальной природы может быть одновременно на внешних и внутренних сторонах границы взаимодействия. «Я» трансцендентное собирает себя во внутреннем мире как некая ценностно-смысловая позиция, а являет

во взаимодействии с внешним социокультурным миром. Или как пишет М. Мерло-Понти: «Внутреннее и внешнее неразделимо. Мир весь внутри, а я весь вне мира» [4, с. 517]. В этом же проявляется и парадокс наблюдателя в теории автопознания (У. Матурана). Однако, это становится возможным благодаря рефлексии и её диалектической природе (Г. Гегель), именно в рефлексивных процессах происходит собирание и организация «Я» как внешней по отношению к внутреннему миру ценностно-смысловой позиции. Именно благодаря «Я» трансцендентному, которое собирает себя в процессах перехода с одной стороны границы взаимодействия на другую, возможно сопряжение и единство внешнего и внутреннего миров. Отсюда и парадоксальность смысла и смысловых образований.

Процесс сопряжения миров, их единство рождает смысл, который возникает на границе как направленность на что-то значимое, на предельные границы возможного взаимодействия, когда для человека есть вероятность его воплощения в жизнь. Он рождается в процессах рефлексивного сопряжения внутреннего и внешнего миров, как мера утверждения и проявления человеком себя в социокультурном мире. Выражая направленность интенциональной активности на нечто значимое для человека все явления, в свете этой направленности, обретают смысл, как то, что выражает момент движения в заданном направлении. Вероятно, поэтому человек всегда направлен, всегда интенционален, меняется только вектор этой направленности, сила и размерность. Поэтому смысл – это векторная величина, характеризующая саму направленность жизни во взаимодействии с миром, которая возникает на границе как значимый переход человека к утверждению себя в мире.

Что же тогда представляет из себя граница, отличенная от своих сторон? Это может быть любая живая система или в нашем случае человек, который всегда положен в границу. Тогда пересечение границы в процессе реального взаимодействия опосредовано не только телом человека, но и его внутренним миром, а также теми ценностно-смысловыми образованиями, которые отражают зависимость человека от мира (М. Мерло-Понти). С этих позиций, взаимодействие, как условие существования всякого живого существа в мире – это переход с одной стороны границы на другую, который осуществляется в рефлексивных процессах и опосредован медиумом или медиальным субстратом (Ф. Хайдер).

Медиум предполагает множество слабо связанных элементов, которые считаются свободными. Оперирование системы заключается в связывании и освобождении элементов, а сам процесс связывания представляет собой формообразование. Медиум обладает более высокой степенью комплексности, а в форме осуществляется ее редукция. Медиум и форма различаются не субстанционально, а реляционно: «Медиум состоит из элементов, форма в отличие от него совмещает те же элементы в строгие соответствия» [5]. Медиум в эволюции живых систем имеет свою динамику развития, которая проявляется в формировании устойчивых когнитивных схем познания, а также схем поведения (Ж. Пиаже). С онтологических позиций к этому феномену подошел П. Бурдьё, который для этого случая ввел понятие «габитус». Габитус представляет собой структурированную систему практических схем, предрасположенную функционировать как структура, формирующая все практики человека таким образом, что они оказываются адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которых он является. Габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних смысловых структур личности [6, с. 100-128].

Наиболее важной образующей внутреннего мира и жизни человека является смысл, который рождается в регулятивной активности, в процессе использующих его операций [3, с. 45]. Он является универсальным медиумом всех психических и социальных систем (Н. Луман). Поэтому смысл, безусловно связан с основой вероятностного предвосхищения будущего. Смысл в рефлексивных процессах «конденсируется» наподобие того, как в ходе бесконечного числа рекурсий выстраивались «собственные значения» – средства связи элементов системы. Мы повторяем одни и те же наблюдения, обнаруживая тем самым, подтверждаются они или не подтверждаются. Это ведет к «конденсации» смысловых единиц. Мы наблюдаем в разное время одно и то же, в различных ситуациях, с различных углов зрения. Это приводит к дальнейшему обогащению конденсированного смысла и на конец – к абстрагированию значения того, что в различных наблюдениях является как одно и то же [3, с. 47]. Таким образом, идет дифференциация и интеграция медиума, его оформление, что обогащает габитус человека.

Возвращаясь к пониманию перехода границы, отметим, что сам процесс пересечения границы осуществляется в последо-

вательности регулятивных актов, процессирующих на границах [7, с. 117-122]. Тогда как в процессе перехода границы осуществляется отдельный регулятивный акт посредством маркирования внутренней стороны границы, а это и есть определение критерия, который полагается в основание регулятивного акта. Таковым может выступать операциональный смысл (О.К. Тихомиров). Критерий позволяет осуществить операцию выбора из наличного медиума, находящегося между сторонами границы взаимодействия. Но выбор – это не только связь критерия с элементами медиума, но и маркирование внешней стороны границы данного регулятивного акта. Где в ходе процессирования взаимодействий, происходящих на границах движения, внешняя сторона одного регулятивного акта становится внутренней для другого и таким образом реализуется регулятивный процесс, который посредством медиального субстрата рефлексивно связывает движение и делает его целостным.

Смысл – это всегда эффект, производимый в сериях, в терминологии Ж. Делёза, пробегающих по ним операций дифференциации и интеграции. Где серии – это некоторые последовательности взаимосвязанных событий или смыслов, являющихся на границах [1, с. 59-67]. Смысл – это всегда смысл использующих его операций, поэтому он является продуктом или результатом этих операций (Ж. Делёз, Н. Луман), конечно, прежде всего, за счет повторного входа или рефлексии как различения системы внутри себя. «Различие еще раз повторяется в различимом», т. е., говоря терминами Лумана, возникает возвращение, «re-entry» различения – механизм дальнейшего развития системы. Смысл как продукт рефлексивных операций, тем самым в процессе перехода границы связывает (или различает) её стороны. Это возможно в силу того, что как на внешней стороне границы, так и на внутренней процессируются операции различения, а значит, возникает смысл. Другими словами, происходит коммуникация смыслов, когда разворачивается во времени живое движение или операции дифференциации и интеграции.

Смысл включает в себя меру действия субъекта и объекта (М. Хайдеггер), по сути, предел возможности достижения чего-то, а также меру активности или энергии субъекта, которая необходима для реализации смысла. Он выступает вероятностным конструктом регулятивной активности, который отражает не только значимое для человека, но и меру вероятности реализации этой значимости. Смысл – это рефлексивный механизм вероятностного сопряжения внешнего и внутреннего миров. Он несет в себе меру значимости и активности, внешней и внутренней, или усилий для достижения того, что имеет значимость. Что-то имеет смысл, если оно вероятно и доступно для человека, но не обязательно сейчас и здесь, а возможно в отдаленном и неопределенном будущем, отсюда вероятностная теория смыслов (В.В. Налимов). Функционирование смысла можно определить как специфическое временное различение, направленное на реализацию именно этого смысла. Специфичность проявляется в том, что смысл являет себя во времени, он трансформируется во временное различение (Н. Луман). Констатация различения получает четкую маркировку и используется для направления дальнейших действий.

Смысловая ориентация в мире является смысловой конструкцией, на которую человек опирается в процессе выборов. Смысл выражает избирательность человека в отношении внешнего мира и указывает на дальнейший отбор, перспективную линию регуляции. Смысл ориентирует человека на выбор, на различение и повышает его избирательность, т. е. влияет на чувствительность человека в регуляции поведения. Это становится возможным благодаря габитусу как инкорпорированной памяти порождающей смысловые схемы поведения.

Смысл как переход границы есть событие, которое и есть смысл, поэтому, как пишет Ж. Делёз, событие и есть воплощенный смысл, как некоторым образом реализованное и оформленное взаимодействие направленное на нечто. Смысл всегда имеет пограничное существование или как пишет Ж. Делёз, он имеет своё измерение как продукт перехода с одной стороны поверхности на другую или в нашей терминологии, с одной стороны границы на другую [1, с. 47]. Поэтому в предельно широком значении смысл – это всегда связь прошлого и будущего, которая оформляется значимым образом в виде конкретного смысла и избегает настоящего. Внешний и внутренний миры находятся не столько в ситуации радикальной двойственности, сколько на двух сторонах границы, представленной смыслом. Граница ни смешивает, ни воссоединяет их; скорее, она является артикуляцией их различия. Смысл – это всегда двойной смысл. Смысл – это не то, что можно открыть, восстановить и переработать; он – то, что производится взаимодействием. Смысл – это всегда эффект, регулятивного сопряжения внешнего и внутреннего миров.

Под смыслом всегда полагается не только то, что лежит в основании, т.е. причину, которая объясняет, зачем необходимо нечто, сколько открывающиеся возможности реализации или достижения желаемого. А так как он существует и функционирует одновременно на двух сторонах своей формы или границы, то на одной он дан актуально значимым для человека, а на другой, возможностью его реализации. Смысл представляет собой взаимосвязь актуализированных и потенциальных возможностей человека. Эта взаимосвязь достаточно подвижна, от практически невероятного, до реально возможного или даже обязательного. Форма смысла задается границами между актуально значимым и возможностью его достижения. Сама возможность оформляет смысл извне, задает его внешнюю форму или сторону границ, а актуально значимое оформляет смысл изнутри, на внутренней стороне границ. И если смысл получает актуализацию, то он указывает на отнесение к миру, указывает на другую сторону границ и их возможности. Смысл как форма сопряжения миров, хотя и существует на границе взаимодействия миров, как актуализация, но свою целостность и завершенность обретает в отношениях к миру как целому, т.е. единству внешнего и внутреннего миров.

Отсюда всякое практическое действие связано со смыслом. Оно включено в жизненную историю на данном социокультурном поле и раскрывает ее смысл. И не просто раскрывает его как нечто уже существующее, но конструирует. Только конструирование это не теоретическое, а практическое. По аналогии, практический смысл, о котором пишет Бурдьё, может быть понят как *событие, выражаемое действием*. Действие, поступок выражает смысл, оформляет его, порой это воспринимается как нечто необъяснимое и весьма неожиданное для самого человека. В чем здесь дело? Да в том, что практический смысл, как и смысл вообще, не существует вне того горизонта, на фоне которого он появляется. В соответствии с Хайдеггером и Ортегой-и-Гассетом, мир следует понимать как совокупность горизонтов или прагматических полей. Любое действие индивида всегда изначально вписано в какой-либо горизонт (прагматическое поле). Смысл действия существует не сам по себе, а на фоне мира. Речь идет о фоне, вне которого осмысленно действовать невозможно. Итак, получается, что мир – это не просто система значимостей, открытых сознанию, как он описан у Хай-

деггера и Ортеги-и-Гассета, но в глубине своей еще и система особых телесных значимостей. А если так, то смысл действия никогда не бывает до конца отрефлексируемым.

Смысл – это механизм сопряжения (связывания и различения) человека и мира в социокультурном контексте. Смыслы – это рефлексивный продукт перехода, имеющий ярко выраженный перспективный характер. Поэтому Ю.А. Антоновский считает смысл коннективным механизмом, который выполняет функции подсоединения или интеграции, редундантности и медиальности [8, с. 113]. Посредством смысла устанавливается значимость окружения для человека и необходимость проявления активности в достижении этой значимости. Смысл как механизм имеет различную степень проявленности и оформленности для человека, поэтому в ходе некоторой деятельности он может по-разному представляться. Смысл, по сути, вычерпывается из контекста в процессе осуществления деятельности, отсюда он зависит от контекста. Смысл “конструируется” в процессе сопряжения на основе, как имеющегося опыта, так и конкретной ситуации осмысления. Смысл отсылает к миру, тем самым задавая его для человека как нечто значимое и ценное. В соответствии с видами рефлексии смысл может быть полагающим, внешним или осознаваемым и сопрягающим как механизм связывания человека и мира.

Смыслы являются продуктами рефлексивных процессов, как обобщение и сгущение опыта жизнедеятельности. Где, с одной стороны рефлексивный механизм выступает для человека в виде вероятностного прогнозирования в достижении чего-то значимого, меру объективной доступности, реального достижения. А с другой стороны определяет в самом человеке меру его активности, энергичности в достижении и реализации смысла. Вот поэтому смысл операционален, он результат рефлексивных операций и механизмов. А само различение и есть измерение и определение смысла, в соответствии с видами рефлексии (полагающей, внешней и сопрягающей) на: полагающий или событийно-предметный смысл; внешний или социокультурный и сопрягающий по оси времени между прошлым и будущим. Данное измерение смысла, по сути, повторяет измерение смысла Н. Лумана (предметный, временной и социальный), но базируется другом основании.

Библиографический список

1. Делёз, Ж. Логика смысла. – М.: Екатеринбург, 1998.
2. Brown, G.S. Laws of Form. – New York: E. P. Dutton, 1979.
3. Луман, Н. Общество как социальная система. – М., 2004.
4. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999.
5. Heider, F. Ding und Medium // Symposium, – 1926. № 1.
6. Бурдьё, П. Практический смысл. – СПб., 2001.
7. Шаров, А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. – Омск, 2000.
8. Антоновский, А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. – М., 2007.

Bibliography

1. Delyoz, Zh. Logika smihsla. – M.; Ekaterinburg, 1998.
2. Brown, G.S. Laws of Form. – New York: E. P. Dutton, 1979.
3. Luman, N. Obshchestvo kak social'naya sistema. – M., 2004.
4. Merlo-Ponti, M. Fenomenologiya vospriyatiya. – SPb., 1999.
5. Heider, F. Ding und Medium // Symposium, – 1926. № 1.
6. Burdje, P. Prakticheskiy smihsl. – SPb., 2001.
7. Sharov, A.S. Ogranicheniy chelovek: znachimostj, aktivnostj, refleksiya. – Omsk, 2000.
8. Antonovskiy, A.Yu. Niklas Luman: ehpiistemologicheskoe vvedenie v teoriyu social'nykh sistem. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 09.07.12

УДК 1(092)

Davydenko A.V. THE UNIVERSALISM OF THE IDEA OF CONSTANT RETURNING BY F. NIETZSHE. In the article the theme of universalism of the famous conception of F. Nietzsche about perpetual returning is touched upon. The author investigates some religious directions, as well as works and poems, where the mentioning of this idea is contained. It turns up to be the outstanding feature of this article.

Key words: perpetual returning, concept, universalism, cycling, reiteration, religion.

A.B. Давыденко, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: Davydenkosss@yadex.ru

УНИВЕРСАЛИЗМ ИДЕИ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ Ф.НИЦШЕ

В статье затронута тема универсализма известной концепции Ф.Ницше о вечном возвращении. Автор исследует некоторые религиозные направления, а также произведения и стихотворения, где содержатся упоминания данной идеи, это и является новизной данной научной статьи.

Ключевые слова: вечное возвращение, универсализм, цикличность, повторение, религия.

Принято считать, что основоположником идеи вечного возвращения является Ф. Ницше. С одной стороны, так оно и есть, эта концепция занимает одно из центральных мест в его философии, об этом свидетельствуют произведения философа и биографические факты: «Однажды Ницше шел по лесу из Сильс-Мария в Сильвапланд Сюрле и сел отдохнуть у подножия пирамидальной скалы, недалеко от Surlee, именно в эту самую минуту и на этом месте у него зародилась мысль о «вечном возвращении». Время в своем бесконечном течении в определенные периоды должно неизбежно повторять одинаковое положение вещей. Это необходимо; значит, необходимо и то, что всякое явление повторяется. Следовательно, через бесконечное, неограниченное, непредвидимое количество лет человек, во всем похожий на меня, полное воплощение меня, сидя в тени этой скалы, найдет в своем уме ту же мысль, которую нашел сейчас я, и эта мысль будет являться в голове этого человека не один, а бесчисленное количество раз, потому что движение, управляющее всеми явлениями, безостановочно. «Пусть все беспрерывно возвращается, – это есть высшая степень сближения между будущим и существующим миром; в этом вечном возврате заключается высшая точка мышления» [1, с. 48].

Однако, можно найти упоминания о вечном возвращении еще в древности: в мифологии, в произведениях античных философов, в религиях. Эта идея, так или иначе, проявляется в стихах и произведениях некоторых известных писателей.

Попробуем проследить корни идеи вечного возвращения. Например, в Индии существуют две похожие идеи – идея «переволпощения» и идея «переселения душ». Идея переселения душ связывает перевоплощения с наградой и наказанием. Теософы видят в доктрине переселения душ искаженную народными верованиями идею перевоплощения. Но это предположение ни в коей мере не является неоспоримым. Можно считать, что идея перевоплощений, как и идея переселения душ, произошла из одного общего источника, а именно: из учения о всеобщем повторении, или о вечном возвращении. Идея вечного возвращения вещей и явлений, идея вечного повторения связана в европейской мысли с именем Пифагора и с туманными указаниями на периодичность вселенной, известными из индийской философии и космогонии. Эта идея периодичности не может быть вполне ясной для европейской мысли, ибо по своей природе она становится полной и связной только после устных разъяснений.

В связи с этими идеями редко упоминают имя Гаутамы Будды, который был почти современником Пифагора и тоже учил о вечном возвращении. Будда говорил о «колесе жизни», где яснее, чем в любом другом учении, выражена идея вечного возвращения [2, с. 45].

Пифагорейские идеи всеобщего повторения упоминались, среди прочих идей, учеником Аристотеля Евдемом. «Физика» Евдема утрачена, и то, что он писал о пифагорейцах, известно нам лишь из позднейших комментариев Симплиция. Интересно отметить, что, согласно Евдему, пифагорейцы различали два вида повторения. Симплиций писал: «Пифагорейцы говорили, что одни и те же вещи повторяются вновь и вновь. В этой связи интересно отметить следующие слова Евдема, (в третьей книге его «Физики»). Он говорит: «Некоторые согласны с тем, что время повторяется, а некоторые отрицают это. Повторение понимается в различном смысле. Повторение может быть в одном случае результатом естественного порядка вещей (эйдос), как повторение лета, зимы и других времен года, когда новый период приходит после того, как исчез другой; к этому порядку вещей относятся движения небесных тел и связанные с ними явления, такие, как солнцестояние и равноденствие, вызываемые движением Солнца».

Но если верить пифагорейцам, существует и другой род движения с повторением. Это значит, что я буду сидеть и разговаривать с вами точно так же, как делаю это сейчас; и в моей руке будет та же самая палка; и все будет таким, как сейчас; и время, как можно предположить, будет то же самое. Ибо если движения (небесных тел) и многие вещи повторяются, тогда то, что было раньше, и то, что произойдет потом, суть одно и то же. Все есть одно и то же, поэтому и время есть одно и то же». Эти два рода повторений, которые Евдем называет повторением в результате естественного порядка вещей и повторением в количестве существований, суть повторение во времени и повторение в вечности» [3, с. 135]. Отсюда следует, что пифагорейцы различали две эти идеи, которые смешивают современные буддисты, и которые смешивал Ницше.

Упоминания о вечном возвращении мы можем найти и в христианской религии. Иисус, несомненно, знал о повторении и говорил о нем своим ученикам. В Евангелиях есть немало

намёков на это; но самое бесспорное место, имеющее совершенно определенный смысл в греческом, славянском и немецком текстах, утратило его в переводах на другие языки, которые заимствовали ключевое слово из латинского перевода. «Иисус же сказал им: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей...» [4].

В греческом тексте стоят слова *en th paliggenesia*; в немецком они переведены *in der Wiedergeburt*. Греческое слово *paliggenesia*, славянское и русское слово «пакибытие», немецкое *Wiedergeburt* – эти слова могут быть переведены только в смысле повторного существования или повторного рождения. На латинский язык это слово было переведено *regeneratio*, первоначальное значение которого также соответствовало понятию повторного рождения. Но позднее, в связи с употреблением этого слова и его производных в смысле «обновления», оно утратило свое первоначальное значение.

Идея вечного возвращения нашла свое отражение и в творчестве Мандельштама. В статье «Слово и культура» он прямо упоминает, что все повторится вновь. «...Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катупла, и меня не удовлетворяет исторический Пушкин, Овидий, Катупл...» [5, с. 189]. Итак, что было в прошлом, ждет нас в будущем: оно должно возвратиться, прошлое тем и ценно, что оно же есть будущее. Идея вечного возвращения теряет искусственно навязанную ей в статье «Пушкин и Скрябин» христианскую окраску и связывается даже не с античным мифом, а с античной поэзией, с поэзией вообще. В стихотворении «Триптих» О.Мандельштам писал о вечном возвращении так:

Я получил блаженное наследство,
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скудное соседство
Мы презирать заведомо готовы.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

Четыре года спустя, идея вечного возвращения приобретает у него более универсальный характер:

О, нашей жизни скудная основа!
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнавань миг [5, с. 67].

Упоминания этой идеи мы также находим в русской философской литературе и у других авторов. Например, в следующей отрывке из стихотворения А. Толстого:

«Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.
Так точно ступала лошадка,
Такие же тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;
И так же шел жид бородастый,
И так же шумела вода –
Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда...» [1, с. 98].

На стихотворения Толстого смотрят с позиций его быстро меняющихся настроений. Однако А. Толстой проявлял большой интерес к мистической литературе и был связан с несколькими оккультными кружками, существовавшими тогда в Европе. Можно предположить, он имел определенные знания об идее вечного возвращения.

О повторности событий часто писал М.Ю. Лермонтов. В своих произведениях он полон предчувствий, ожиданий, воспоминаний. Он постоянно упоминает о своих чувствах, особенно в прозаических произведениях; весь «Фаталист» практически написан на тему повторения и воспоминания о том, что произошло в каком-то неизвестном прошлом. Очевидно, мысль о каком-то «возвращении» тревожила М.Ю. Лермонтова:

...В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье? [6, с. 110]

Итак, мы видим, что поэт XIX века как бы пришел к самой основе мифологического мышления – идее вечного возвращения, к циклическому представлению о времени. Ведь именно оно помогает ему обнять всю целокупность мироздания и найти в ней место свое и человека вообще. Происходит почти то же, о чем писал видный немецкий философ этого времени Эрнст Кас-

сирер: «Вместо того, чтобы жить в некий одиночный момент настоящего или в простой последовательности таких моментов..., сознание все больше и больше обращается к созерцанию вечного круговорота событий. Этот круговорот дан еще не столько в мысли, сколько в ощущении, но уже из этого ощущения мифическое сознание получает уверенность в чем-то всеобщем, в универсальном миропорядке» [7, с. 208].

Ф. Ницше скорее способствовал популяризации идеи вечного возвращения. Он ввел в нее несколько новых концепций, например, свои вычисления о математической необходимости повторения идентичных миров во вселенной.

Таким образом, становится понятно, что мысли о вечном возвращении существовали и посещали умы людей задолго до Ф. Ницше. Они зародились еще в древности. Однако, они не были выстроены в единую концепцию и существовали как отдельные упоминания. Ф. Ницше выстроил целую концепцию вечного возвращения и добавил несколько своих идей. Остается открытым вопрос о том, знал ли философ об этих упоминаниях, либо придумал данную идею сам, как следует из его биографических данных. Так, А. Фулье выразил глубокое недоумение в связи с тем, что, будучи профессором классической филологии и доскональ-

но владея текстами древнегреческих мыслителей (Пифагор, Гераклит, стоики, Лукреций и другие), утверждавших необходимость вечного возвращения, Ницше не должен был выдавать эту старую, многократно высказанную мысль за свое личное, оригинальное открытие. Не мог, мол, он не знать и о новейших ее версиях у Лебона и Бланки, упоминаемых в хорошо знакомой ему «Истории материализма» Ф. Ланге [8, с. 252]. Существуют и многочисленные адепты ницшеанского учения о *Вечном возвращении*, отстаивающие исключительную новизну и оригинальность этой, как они выражаются, «бездоннейшей» мысли философа и, более того, предлагающие при этом свои, очень изощренные, хотя и не бесспорные реконструкции *Вечного возвращения*, тесно сопрягающиеся с их собственными философскими концепциями. К числу таких мыслителей относятся в том числе Хайдеггер и Делез. Тем не менее, данный вопрос остается открытым и заслуживает дальнейшего изучения.

Что касается универсализма идеи вечного возвращения, не остается сомнений, что он имеет место быть. Данная идея тревожила умы людей задолго до Ф. Ницше и присутствует как в религиях, так и в стихах, и произведениях европейских и русских мыслителей.

Библиографический список

1. Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше // Ф. Ницше. Сочинения: в 2 т. – СПб., 1998. – Т. 2.
2. Успенский, П. Д. Tertium Organum. Ключ к загадкам мира». – СПб., 1992.
3. Жмудь, Л. Я. Пифагор и его школа. – СПб., 2002.
4. Евангелие от Матфея. Гл. 19, п. 28 [Э/р]. – Р/д: www.gospel.mosopolis.ru/Matfey/19.htm
5. Мандельштам, О. Стихотворения. – Л., 1973.
6. Лермонтов, М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1979. – Т. 1.
7. Кассирер, Э. Философия Просвещения. – М., 2004.
8. Фулье, А. Современная наука об обществе. – М., 2007.

Bibliography

1. Galevi, D. Zhiznj Fridrikha Nicshe // F. Nicshe. Sochineniya: v 2 t. – SPb., 1998. – T. 2.
2. Uspenskiy, P. D. Tertium Organum. Klyuch k zagadkam mira». – SPb., 1992.
3. Zhmudj, L. Ya. Pifagor i ego shkola. – SPb., 2002.
4. Evangelie ot Matfeya. Gl. 19, p. 28 [Eh/r]. – R/d: www.gospel.mosopolis.ru/Matfey/19.htm
5. Mandeljshtam, O. Stikhotvoreniya. – L., 1973.
6. Lermontov, M. Yu. Sobr. soch.: v 4 t. – M., 1979. – T. 1.
7. Kassirer, Eh. Filosofiya Prosvetheniya. – M., 2004.
8. Fulje, A. Sovremennaya nauka ob obshchestve. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

Раздел 5

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА – доктор педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК 378.147

Andreev V.N., Andreev N.V. KONTSEPTUALIZATSIYA OF MODEL OF THE BACHELOR AS WAY OF IMPROVEMENT OF PERSONAL VOCATIONAL TRAINING OF STUDENTS OF THE ARCHITECTURAL-ART PROFILE. Introduction of new educational standards of the higher school involves an urgency of reconsideration of pedagogical conditions of improvement of personal vocational training of students of different profiles. In this connection (on an example of standards 270300.62, 270302.65, 072600) authors locates need of design of an image of the bachelor in the form of model, is offered the vision of its structure, the contents and interrelation with the organization of educational process.

Key words: image of the bachelor of an architectural – art profile, model of the graduate of higher education institution, personal and professional field, psikhologo-pedagogical support, psikhologo-pedagogical support.

В.Н. Андреев, доц. ТОГУ, г. Хабаровск, E-mail: victorandreev@mail.ru;

Н.В. Андреев, соискатель ДВГГУ, г. Хабаровск, E-mail: andreo_27@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ БАКАЛАВРА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОФИЛЯ

С введением новых образовательных стандартов высшей школы поднимается проблема переосмысления педагогических условий совершенствования личностно-профессиональной подготовки студентов разных направлений. В этой связи (на примере стандартов 270300.62, 270302.65, 072600) авторами обосновывается необходимость проектирования образа бакалавра в виде модели, предлагается видение ее структуры, содержания и взаимосвязи с организацией образовательного процесса.

Ключевые слова: образ бакалавра архитектурно-художественного профиля, модель выпускника вуза, личностно-профессиональное поле, психолого-педагогическое сопровождение, психолого-педагогическая поддержка.

Происходящие в мире и России изменения в области образования, связанные, в частности, с задачами обеспечения эффективного вхождения российского человека в быстроменяющийся социальный мир, его гармоничного взаимодействия с природной и техногенной средой, его позитивной продуктивной деятельности в разных мирах и средах выразились в новой парадигме результата образования, основанного на компетенциях / компетентностях. На смещении акцентов с принципа адаптивности на принцип компетентности выпускников образовательных учреждений [1], на значительное усиление практической направленности образования [2, с. 24], стоящей на «четырех столпах», сформулированных Жак Делором: «научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить» [3, с. 37].

Следствием сформированности этой парадигмы в контексте Болонского процесса явились образовательные стандарты третьего поколения, направленные на обеспечение современного качественного образования, связываемого с компетентностным подходом, который в педагогике в целом рассматривается как развитие и оценка различных компетентностей через решение субъектом соответствующих задач. Подходом, не отрицающим значения знаний, но акцентирующим внимание на способности использовать полученные знания в различных ситуациях неопределённости. Подходом, характеризующимся со-

гласно И.А. Зимней, усилением как собственно прагматической, так и гуманистической направленности образовательного процесса [4, с. 17].

С появлением новых образовательных стандартов (ФГОС) высшей школы актуальным стал вопрос о необходимости определения модели бакалавра применительно к профессиональным областям и разработки на её основе эффективной методики личностно-профессиональной подготовки студентов. Актуальность данного вопроса обусловлена как наличием противоречивых взглядов многих ученых на саму проблему подготовки будущих бакалавров, так и имеющимся разночтением в развитии необходимых компетентностей в педагогической теории и в образовательных стандартах. К примеру, в ФГОС ВПО среди используемых сокращений указываются общекультурные и профессиональные компетенции, тогда как в педагогической науке применительно к высшей школе оперируют в основном такими понятиями, как «социально-профессиональная компетентность» (Л.В. Блинов, В.А. Сластенин), «целостная социально-профессиональная компетентность» (В.А. Болотов [5], И.А. Зимняя [4]). Кроме того, указываются ключевые компетентности [6], имеющие определенное значение для характеристики специалиста и дополнительные компетенции, опосредованно влияющие на общую компетентность (Дж. Равен [7], А.В. Хуторской [8]).

Характерно, что видение специалиста будущего как выпускника вуза в отечественной педагогике рассматривалось многими учеными. О необходимости наличия у него трёх ключевых блоков компетенций (к самому себе, как личности; к взаимодействию с другими людьми; к непосредственной профессиональной деятельности) выделяет Р.С. Силкин [9]. О наличии социально-коммуникативной, социально-личностной, экологической и профессионально-методической компетенциях, образующих социально-профессиональную компетентность специалиста, подчеркивают Л.В. Блинов, В.А. Сластёнин [10]. Представление о специалисте – архитекторе будущего с позиции таких понятий, как Творец, Автор, Личность обозначают А.П. Кудрявцев, А.В. Степанов, Н.Ф. Метленков, Ю.П. Волчок [11]. О существовании двух доминирующих подходов к моделированию компетенций: одном сфокусированном на способностях выполнять работу (ability-centered models), другом – на ее результате (outcome-centered models) пишет О.С. Литвиненко [12, с. 55-57]. Суть их заключается в том, что на их основе для успешного достижения целей профессиональной деятельности выделяют модели компетенций двух видов: первую определяют как функциональную (профессиональную), перечисляющую функции, которые необходимо выполнять работнику; вторую – личностную, демонстрирующую необходимый набор личных качеств для достижения тех же целей профессиональной деятельности.

Сегодняшнее видение выпускника ВУЗа (как более высшую ступень по сравнению с другими учреждениями дополнительного образования [13]), исходя из специфики факультета архитектуры и дизайна, мы определяем как образ бакалавра архитектурно-художественного профиля в силу того, что он связан с представлением его в виде «Я-идеальное» выпускника, проектирование которого востребовано поиском новой модели подготовки бакалавров на основе введения новых образовательных стандартов. Такой образ бакалавра в виде модели необходим для вуза, ибо спроектированным он будет являться.

Во-первых, основополагающей составной частью всей программы развития данного направления от бакалавриата до магистратуры, основой стратегического планирования, где важным инструментом выступает метод мышление вспять (reverse thinking). Метод, предполагающий создание картины идеального будущего выпускника вуза и ретроспективного движения от него к настоящему, существующему «Я-реальное» студента. В отличие от простой экстраполяции существующих тенденций в подготовке студентов, метод представляет собой соотнесённость желаемого образа будущего бакалавра (Его «Я-идеальное», которое нам хотелось бы иметь) с мысленным взглядом, позволяющим увидеть картину препятствий в его становлении на пути из будущего в настоящее (с Его «Я-реальное», которое имеем сейчас).

Во-вторых, следствием нашего восприятия понятия человека как высшей базовой ценности, с признанием вместе с тем его несовершенства, что открывает перед ним путь – стремление к идеалу, который на протяжении педагогической истории слагался каждой культурной эпохой. (Идеал успешного в личностно-профессиональном аспекте человека постиндустриального общества имеет только обозначенные контуры, из них ещё предстоит сложить конкретный образ).

В-третьих, продуктом совместной творческой деятельности участников педагогического процесса (педагогов, студентов, родителей, общественных групп) характеризующим их представления о наиболее важных личностных качествах, которыми обязан обладать выпускник – бакалавр, объясняемое тем, что если мы принимаем студента в личностном плане таким, какой он есть сейчас и в дальнейшем, то мы тормозим путь его развития. Если принимаем таким, каким он обязан быть, то мы мотивируем его развитие до уровня, каким он может стать.

В-четвертых, основой для разработки целевых ориентиров образовательных программ, позволяющих в максимальной степени учитывать интегративность и междисциплинарность связей дисциплин, особенностей региона, специфику факультета, ВУЗа, своеобразие его коллектива, окружающей среды.

В-пятых, в качестве главного критерия эффективности образовательного процесса, благодаря которому можно соотнести полученные результаты с требованиями, прописанными в образовательных программах, мнением педагогов, запросами общества и возможностями студентов.

Обнаруживается прямая взаимосвязь и обусловленность между образом бакалавра архитектурно-художественного профиля и образовательным процессом его подготовки: определением характеристик выпускника вуза и модели его подготовки (концептуального видения), приведением в соответствие с моделью целей и задач обеспечивающих и выпускающих кафедр,

выбором направлений деятельности (программы развития), составлением учебных программ и пр.

Структурно образ бакалавра архитектурно-художественного профиля можно определить как трёхкомпонентную модель, компоненты которой Личность, Творец, Художник имеют иерархическую расположенность и определенную специфику (рис. 1).

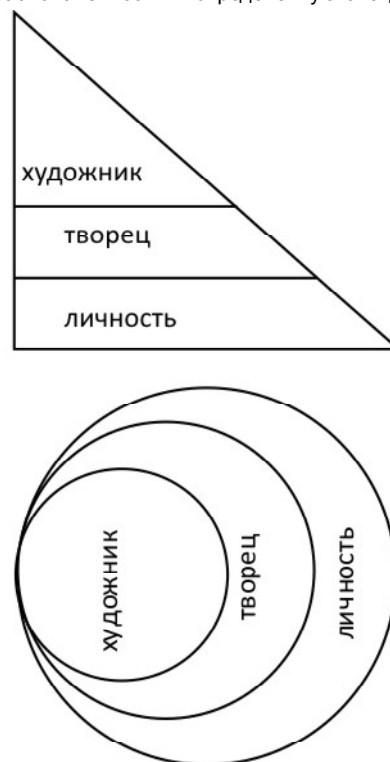

Рис. 1. Компоненты модели бакалавра архитектурно-художественного профиля

Компонент личность определен, исходя из того, что компетентностный подход рассматривает лежащие в его основе компетентности как сложные личностные образования, включающие интеллектуальные, эмоциональные и нравственные составляющие [4, с. 5]. В иерархии модели образа бакалавра компонент определен первым, ибо личность характеризует социальную сущность человека и включает в себя социальные свойства и качества, приобретаемые им в течение всей его жизнедеятельности. Только став личностью, человек может достигать определенных вершин творчества.

На основе разграничения И.А. Зимней [4, с. 23] трёх основных групп компетентностей (*относящихся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; к взаимодействию человека с другими людьми; к деятельности человека*, проявляющейся во всех её типах и формах), компонент Личность в модели бакалавра наделяется личностными качествами, свойствами, ибо компетенции, проявляясь в поведении, деятельности человека, становятся его личностными качествами, свойствами, а затем уже компетентностями. Личностные качества, свойства характеризуют бакалавра, как способного чувствовать (эмоциональная компетентность), познавать (когнитивная компетентность), отражать (рефлексивная компетентность), адаптироваться (социальная компетентность), действовать (деятельностная компетентность), общаться (коммуникативная компетентность).

Вторым компонентом модели бакалавра определен «Творец». Он обусловлен необходимостью художественного преобразования мира, заложенного в специфике образовательных стандартов архитектурно-художественного направления. Компонент связан с процессом художественного творения, который состоит, по нашему убеждению, из двух процессов: креативного и творческого, специфика соотношения которых нами была рассмотрена ранее [14].

Суть данного компонента напрямую связана со способностью выпускника вуза преобразовывать окружающий мир по законам красоты (с позиции А. Баумгартена [15] в совершенстве чувственного познания мира). А так как, согласно В.И. Андрееву [16], созидая и преобразуя условия своего существования, человек параллельно созидает, преобразует себя, т. е. поднимается до уровня способности созидать себя и мир путём твор-

ческого саморазвития, то составляющими компонента творца будут «Себя – творящий» (Себя-созидающий) и «Мир – творящий» (Мир-созидающий). Однако, прежде чем созидать свой внутренний и преобразовывать окружающий мир, студенту необходимо научиться любить (позитивно воспринимать и осознавать) его и себя в нём и, как следствие, концептуально видеть в объекте любви черты, нарушающие его гармонию, и предвидеть пути преодоления имеющейся дисгармонии. Поэтому в компонент творца «Себя – творящий» включены компетенции позитивно-ценностной (концептуальной) направленности.

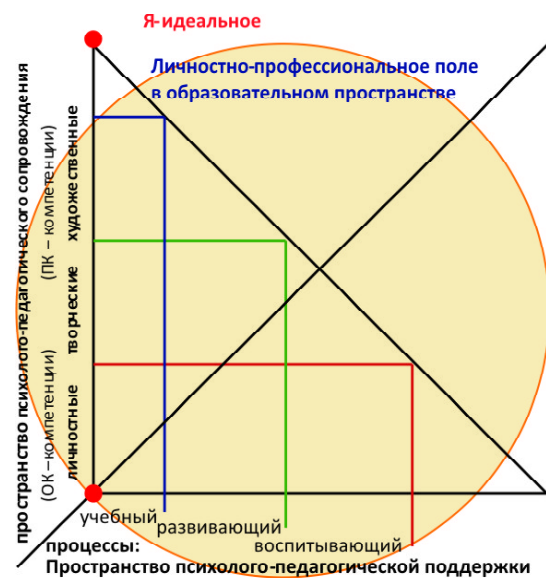
Компонент «Художник», в широком смысле этого слова, связан со способностями студента создавать на основе осмысления действительности и концептуального взгляда на мир принципиально новые эстетические ценности, выраженные в архитектурно-художественном образе, заключённом либо в рисунке, проекте, в натуре. Вместе с тем, образовательные стандарты, в частности 270300.62, 270302.65, 072600, требуют от бакалавра готовности вести преподавательскую деятельность в образовательных учреждениях, что обуславливает наличие у него способностей преподавания специальных дисциплин. Поэтому компонент характеризуется как художественно-творческо-педагогический уровень – уровень обоснования возможности созидания архитектурно-художественной действительности как второй, согласно А.И. Герцену, «эстетической реальности». Уровень, где необходимо подняться до вершины быть хранителем, наследником и продолжателем культуры своего народа как части мировой культуры в целом.

Все компоненты в модели бакалавра интегративны, ибо на протяжении всей студенческой жизнедеятельности человеку приходится становиться и личностью, и творцом, и художником. Компоненты модели, проецируясь на образовательное пространство, создают личностно-профессиональное поле в образовательном пространстве, которое позволяет образовательный процесс студента рассматривать в двух планах: вертикальном и горизонтальном (рис. 2, а, б).

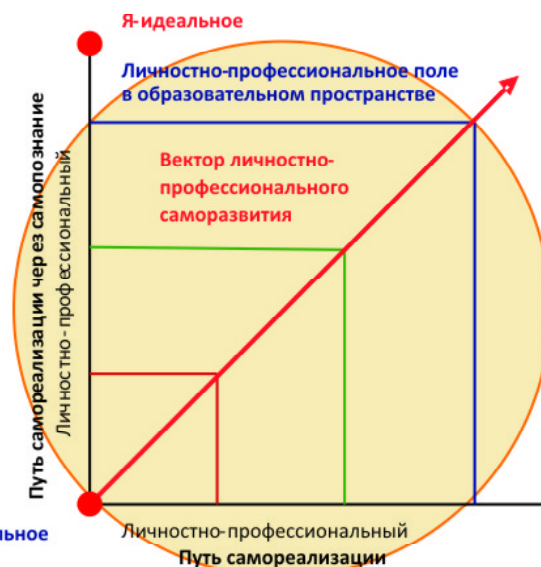
ку бакалавра по двум взаимосвязанным направлениям: психолого-педагогическому сопровождению и психолого-педагогической поддержки студента в образовательном процессе. Первое направление предусматривает деятельность по организации учебного процесса, второе – выбор тактик взаимодействия педагогов со студентом в нём.

Психолого-педагогическое сопровождение включает, прежде всего, учебно-методическую составляющую – разработку учебных программ, программ дисциплин, методическое сопровождение учебных дисциплин, подбор индивидуальных заданий и другое с позиции компонентов модели Личность, Творец, Художник, что позволяет выстраивать взаимосвязь, взаимодополняемость и интеграцию учебных дисциплин в достижении определенных целей. Это бесспорно отражается, в первую очередь, на составлении и корректировку учебных планов направлений, обуславливает концептуальное видение и деятельность учебно-методических советов выпускающих кафедр и, главное, позволяет каждому преподавателю увидеть и осознать роль изучаемых дисциплин во всей сложившейся системе подготовки, что снимает проблему их значимости с позиции «главных» и «второстепенных» предметов.

Концептуальное видение значимости дисциплин с позиции компонентов модели позволяет по-новому их переосмыслить и выстроить стратегию преподавания. Как частный пример можно привести тот факт, что предметам искусствоведческого цикла архитектурно-художественных направлений с позиции многих педагогов как специалистов, так и смежных дисциплин отводится (в основном) лишь роль общекультурного развития. Следствием чего в их преподавании основной упор делается на запоминании студентами авторов, памятников архитектуры и искусства, элементов и форм стилей в искусстве и других характеристик. Однако, если рассматривать те же дисциплины в русле компонентов модели с позиции их значимости в личностно-профессиональной подготовке студентов, в частности развития у них креативности, под которой мы понимаем способность че-

а

б

Рис. 2. Модель бакалавра архитектурно-художественного профиля в горизонтальном и вертикальном планах

В вертикальном плане модель представляет собой восхождение по ступеням «лестницы» к идеалу, совершенству, образу, где общекультурные и профессиональные компетенции, указанные в ФГОС ВПО архитектурно-художественного профиля, ранжированы нами и представлены в виде личностных, творческих и художественных способностей. Они определяют контур личностно-профессионального поля, в котором студенту при взаимодействии с педагогом и с помощью своей «самости» необходимо подняться до вершины творчества – создания новых эстетических ценностей (второй эстетической реальности), – проходя путь самоопределения через самопознания и напрямую соотносимый с путем самореализации.

Контур личностно-профессионального поля позволяет системно рассматривать личностно-профессиональную подготовку

ловека (с помощью сенсорных, мнестических, когнитивных и аффективных систем) создавать субъективную картину мира в системе отношений Природа – Общество – Человек, а творчество результатом специфическим образом организованного восприятия субъективной картины мира, переработки и воспроизведения различных сторон, сложившихся в ней отношений, следствием которых явится продукт (картина, рисунок, проект), то становится понятным роль теоретических и практических дисциплин в образовательном процессе. Цели одних будут направлены на формирование концептуального взгляда на мир на основе опыта мировых культур и цивилизаций, что приведет к обоснованному рождению новых идей, цели других на качественное воплощение (материализацию) этих замыслов. Принятие и реализация таких целей обусловит возможность ожидать от студен-

тов в образовательном процессе не абстрагированную игру форм, цветов, объемов, а рождение совокупностей идей, творений, образов, связанных с традициями и своеобразием духовного мироотражения определенного народа, выраженное концептуально в модели (картине) мира (языческой, христианской) характеризующее его интеллектом, духовной мощью и духовными способностями.

В свою очередь видение значимости каждой дисциплины в модели подготовки бакалавра позволит педагогам системно соотносить и четко представлять взаимосвязь образовательных целей и задач в преподавании дисциплин: воспитательных

(направленных на личность), развивающих (на творца), формирующих (на художника) и на их основе осуществлять образовательные процессы: воспитательный, развивающий, учебный. Педагогическая деятельность с помощью тактик: защиты, помощи, содействия, взаимодействия – создадут пространство психолого-педагогической поддержки студента, призванной обеспечить ему комфортность в учебе и жизнедеятельности в вузе, что, по-нашему убеждению, откроет новые возможности обучающегося, а именно рост его потенциала – личностного, творческого, художественно-эстетического, преподавательского.

Библиографический список

1. Реформы образования: аналитический обзор / под ред. В.М. Филиппова. – М., 2003.
2. Боголюбов, Л.Н. Базовые социальные компетенции в курсе обществоведения // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2002. – № 9.
3. Делор, Ж. Образование: сокровище сокрытое. – UNESCO, 1996.
4. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М., 2004.
5. Болотов, В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10.
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.
7. Равен, Джон. Педагогическое тестирование: проблемы, заблуждения, перспективы / пер. с англ. – М., 2001.
8. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО, 23 апреля 2002. – Центр «Эйдос» [Э/р]. – Р/д: WWW/eidos.ru/news/compet/htm [Э/р]. – Р/д: http://sipk.unpo.ru/html/konferencii.files/25.htm
9. Сластенин, В.А. Социально-профессиональная компетентность личности: концептуальная модель / В.А. Сластенин, Л.В. Блинов, В.Л. Недорезова // Непрерывное образование: от методологии до практического воплощения: сб. науч. ст. / под ред. С.А. Хмара, Е.В. Елисейевой. – Хабаровск, 2007.
10. Кудрявцев, А.П. Архитектурное образование: проблемы развития / А.П. Кудрявцев, А.В. Степанов, Н.Ф. Метленков, Ю.П. Волчок. – М., 2002.
11. Литвиненко, О.С. О разработке нового профиля подготовки бакалавров художественного образования // Успехи современного естествознания. – 2009. – №10.
12. Андреев, В.Н. Образ выпускника ЦЭВД / В.Н. Андреев, Н.Н. Никитин // Искусство в школе. – 2011. – №2.
13. Андреев, В.Н. Проблема соотношения понятий креативности и творчества в художественной деятельности / Современное искусство: проблемы, тенденции, перспективы (в рамках второго Международного фестиваля современного искусства «Увидеть невидимое»): сб. статей / под ред. Л.В. Блинова. – Хабаровск, 2011.
14. Баумгартен, А. Эстетика // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. – М., 1964. – Т II.
15. Андреев, В.И. Эвристика для творческого саморазвития. – Казань, 1994.

Bibliography

1. Reformih obrazovaniya: analiticheskiy obzor / pod red. V.M. Filippova. – М., 2003.
2. Bogolyubov, L.N. Bazovye socialniye kompetencii v kurse obshchestvovedeniya // Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole. – 2002. – № 9.
3. Delor, Zh. Obrazovanie: sokroivhoe sokrovitoe. – UNESCO, 1996.
4. Zimnyaya, I.A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezulitativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. – М., 2004.
5. Bolotov, V.A. Kompetentnostnaya modelj: ot idei k obrazovatelnoy programme / V.A. Bolotov, V.V. Serikov // Pedagogika. – 2003. – № 10.
6. Konceptiya modernizacii rossiyskogo obrazovaniya na period do 2010 goda. – М., 2002.
7. Raven, Dzhon. Pedagogicheskoe testirovanie: problemih, zabluzhdeniya, perspektivih / per. s anl. – М., 2001.
8. Khtorskoy, A.V. Klyuchevye kompetencii i obrazovatelniye standartih. Doklad na otdelenii filosofii obrazovaniya i teorii pedagogiki RAO, 23 aprelya 2002. – Centr «Ehydoso» [Eh/r]. – R/d: WWW/eidos.ru/news/compet/htm [Eh/r]. – R/d: http://sipk.unpo.ru/html/konferencii.files/25.htm
9. Slastenin, V.A. Socialjno-professionalnaya kompetentnostj lichnosti: konceptualnaya modelj / V.A. Slastenin, L.V. Blinov, V.L. Nedorezova / Nepreirhivnoe obrazovanie: ot metodologii do prakticheskogo voplotheniya: sb. nauch. st. / pod red. S.A. Khmara, E.V. Eliseevoyj. – Khabarovsk, 2007.
10. Kudryavcev, A.P. Arkhitektornoe obrazovanie: problemih razvitiya / A.P. Kudryavcev, A.V. Stepanov, N.F. Metlenkov, Yu.P. Volchok. – М., 2002.
11. Litvinenko, O.S. O razrabotke novogo profilya podgotovki bakalavrov khudozhestvennogo obrazovaniya // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2009. – №10.
12. Andreev, V.N. Obraz vihpusknika CEhVD / V.N. Andreev, N.N. Nikitin // Iskusstvo v shkole. – 2011. – №2.
13. Andreev, V.N. Problema sootnosheniya ponyatiyj kreativnosti i tvorchestva v khudozhestvennoy deyateljnosti / Sovremennoe iskusstvo: problemih, tendencii, perspektivih (v ramkakh vtorgo Mezhdunarodnogo festivalya sovremennogo iskusstva «Uvidetj nevidimoe»): sb. statey / pod red. L.V. Blinova. – Khabarovsk, 2011.
14. Baumgarten, A. Ehstetika // Istoriya ehstetiki. Pamyatniki mirovoy ehsteticheskoy mihslj: v 5 t. – М., 1964. – Т II.
15. Andreev, V.I. Ehvristika dlya tvorcheskogo samorazvitiya. – Kazanj, 1994.

Статья отправлена в редакцию 15.07.12

УДК 331.23-053.6:331.5

Bibik V.L. YOUTH UNEMPLOYMENT: PROBLEMS, DECISIONS. Last years the problem of youth unemployment sharply faces to a society, both in Russia, and in foreign countries. The decision of the given problem is possible by development of national educational systems on the basis of the comparative analysis of foreign and domestic professional education.

Key words: youth unemployment, professional education, comparative pedagogic.

В.Л. Бибик, канд. техн. наук, зам. директора по учебной работе Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Юрга, E-mail: bibik@tpu.ru

МОЛОДЕЖНАЯ БЕЗРАБОТИЦА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

В работе описаны проблемы молодежной безработицы, с которыми сталкивается общество, как в России, так и зарубежных странах. Решение данных проблем возможно путем совершенствования образовательных

систем профессионального образования на основе сравнительного анализа зарубежного и российского опыта подготовки специалистов.

Ключевые слова: безработица среди молодежи, профессиональное образование молодежи, сравнительная педагогика.

За время мирового глобального кризиса – с 2007 по 2009 г. – доля безработных среди молодежи в мире выросла с 11,9% до 13%. То есть в конце 2009 г. из 620 млн. экономически активной молодежи в возрасте от 15 до 24 лет 81 млн. человек не имели работы, и это самый высокий показатель молодежной безработицы за все время проведения оценок, отмечают исследователи Международной организации труда (МОТ) в своем докладе «Глобальные тенденции молодежной занятости в 2010 году» (ILO Global Employment Trends for Youth 2010).

В 2010 г. мировая безработица среди молодежи продолжила расти и достигла беспрецедентной цифры в 81,2 млн. (13,1%). В 2011, молодежная безработица снизилась до 78,5 млн. (12,7%). Для сравнения: глобальная безработица среди взрослых в 2009 г. достигла своего пика в 4,9%, а в 2010 и 2011 гг. она снижалась на 0,1 процентного пункта в год (до 4,8% и 4,7% соответственно).

Согласно исследованиям Международной организации труда, тенденция роста молодежной безработицы «будет иметь серьезные последствия, поскольку новые группы молодых людей, которые будут выходить на рынок труда, присоединятся к уже безработным». Авторы предупреждают: «Кризис оставил наследство в виде «потерянного поколения» – молодых людей, выброшенных с рынка труда и потерявших надежду заработать средства на достойную жизнь» [1].

С 2008 по 2009 г. молодежная безработица в развитых странах и государствах Европейского союза выросла на 4,6%, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы – на 3,5%. Это самый большой годовой рост молодежной безработицы, когда-либо зарегистрированный в каком-либо регионе мира. Уровень молодежной безработицы в развитых странах и государствах ЕС достиг в 2009 г. 17,7% – это самый высокий показатель среди регионов мира, зафиксированный за все время проведения региональных оценок (с 1991 г.).

В большинстве регионов молодые женщины более других пострадали от безработицы. Исключением стали лишь развитые страны и государства ЕС, где безработица среди юношей была выше: в период с 2007 по 2009 г. безработица среди юношей выросла на 6,8 процентного пункта по сравнению с 3,9 процентного пункта среди девушек.

В некоторых странах, например в Испании и Соединенном Королевстве, в годы кризиса был отмечен рост экономической неактивности молодежи. Это приводит к росту разочарования среди тех молодых людей, которые в результате роста безработицы оставили поиски работы.

Согласно данным Международной организации труда при ООН уровень безработицы среди российской молодежи выше, чем в среднем по миру, и составляет 16% [2].

Столь высокий уровень молодежной безработицы – не только следствие социальных и экономических событий, но и результат деградации отечественного высшего образования. По данным Минобразования, ежегодно в России около 100 тыс. выпускников не могут трудоустроиться. Больше всего безработных среди старшекурсников и выпускников гуманитарных вузов.

С увеличением пенсионного возраста рынок труда всего мира столкнулся с ситуацией, когда рабочие места занимают опытные специалисты, «досиживающие» в компаниях до пенсии. Это отражается на безработице, и в первую очередь как раз на молодых специалистах: им не остается мест в компаниях. Важная причина, особенно в России, – несогласованность системы образования, работодателей и государства. Молодежь получает рискованные профессии, не может найти работу на перенасыщенном рынке. Как следствие – большое количество рабочих вакансий и проблемы в трудоустройстве специалистов.

Работодатель не хочет рисковать и боится брать молодых: их надо учить. Молодые пугают работодателей своими трудовыми привычками, этикой, неумением говорить, писать, работать. У молодых совсем иные навыки, старшие поколения часто не понимают возможностей молодых, видя только недостатки.

Нельзя переоценивать активность и амбиции самих молодых кандидатов. Часто они не проявляют высокой активности, гибкости и креативности в поиске работы, недовольны предлагаемым функционалом и зарплатой, не рассматривают бесплатные стажировки как возможность получить начальный опыт работы.

Низкий процент безработицы среди менеджеров по продажам практически во всех областях. Это явление обосновано ес-

тественной потребностью развития рынка и повышения продаж. Сохраняют свои позиции на рынке многие редкие специалисты в технических и IT-сферах, успевшие получить определенный опыт. Административный персонал, для которого характерна текучесть кадров, также всегда готов встретить молодых специалистов. Неблагоприятна ситуация для строительной и финансовой сфер деятельности. Здесь по-прежнему будут приветствоваться более опытные сотрудники. У творческих специальностей, нестабильных и в лучшие времена, особенно критичное положение.

Что делать молодым выпускникам, чтобы не остаться после вуза без работы? Все эксперты сходятся во мнении: еще во время учебы искать любую возможность работы по специальности, накапливая опыт и навыки. Следует ориентироваться на спрос профессий, а не на моду и престиж. Профессия технолога не престижна. Однако технологов увольняют в последнюю очередь. Именно у них ключ к секретам производств.

Нужно начинать работать на 3-4-м курсе. Пусть даже без оплаты. Многие работодатели сейчас предлагают программы включения студентов с последующим трудоустройством. Одной специальности мало. Нужен еще какой-то выгодный навык, конкурентное преимущество, например, для выпускников вуза – рабочая профессия.

Постоянное повышение требований, предъявляемых к уровню квалификации специалистов и их социально-психологическим характеристикам, внедрением новых информационных технологий в производство, усилением роли обучения на протяжении всей жизни, с одной стороны, и с другой – недостаточная эффективность подготовки людей к выходу на рынок труда, отсутствие у них навыков адаптации к новым условиям труда, остро ставит проблему инвариантных образовательных моделей для обеспечения опережающего характера профессионального обучения.

В связи с этим становится необходимой модернизация системы профессионального образования молодежи для ее подготовки к новым реалиям мира занятости, непрерывному переобучению и возможной смене профессии, что, в свою очередь, актуализирует изучение вариативных путей решения проблемы подготовки кадров на уровне мировых достижений [3].

Для решения глобальных задач, стоящих перед российским образованием, необходимо применить сравнительную педагогику, теоретически исследовать фундаментальные основы зарубежной и отечественной школы, рассмотреть их развития в историческом и прогностическом аспектах, что дает более глубокое понимание необходимости модернизации отечественного профессионального образования, способствует внедрению современных педагогических инноваций.

Примеры переноса лучших международных образовательных практик к российскому контексту характерны для России. Это единый государственный экзамен, как вариант стандартного тестирования, дуальная система профессионального образования, портфолио в качестве формы аутентичного оценивания и др.

Преимущества получения диплома о высшем образовании в европейских высших учебных заведениях очевидны: усиленная научная база, мощные образовательные возможности и перспектива получить высокооплачиваемую работу в странах Евросоюза. Образовательная система Германии, как и в большинстве европейских стран, основывается на бакалавриате и магистратуре.

Первая академическая степень, которую может получить студент немецкого ВУЗа – бакалавр (в немецком варианте В.А., В.Sc., Bachelor of Engineering и др.). Бакалавр – ученая степень, которая признается уже на международном уровне. Обучение в бакалавриате длится от шести до восьми семестров, после чего студенты имеют право продолжить образование, либо трудоустроиться по специальности.

Следующая академическая степень – магистр. В немецком дипломе она будет обозначена как М.А., М. Sc., Master of Engineering. Условием получения данной степени является наличие у студента диплома бакалавра. На протяжении одного-двух лет студенты немецких ВУЗов углубляют свои знания по специальности.

Основной отличительной чертой немецкого образования от отечественного является наличие в образовательной системе государственного признания высшего образования. Staatsexamen чем-то похож на государственный экзамен. Однако порядок сдачи данного экзамена определяется не университетом, а Федеральной землей. Данный федеральный экзамен проводится под государственным надзором. Staatsexamen является обязательным для тех, кто имеет желание работать в Германии врачом, учителем, адвокатом или фармацевтом.

Первый федеральный экзамен можно сдать после успешного завершения обучения по специальностям: право, медицина, фармацевтика, а также педагогика. Только после сдачи федерального экзамена диплом будет считаться действительным на территории Федеральной республики Германии, а также во всех странах Евросоюза. После сдачи Первого федерального экзамена и окончания практической части обучения, студент имеет право сдать Второй федеральный экзамен и/или начать обучение в аспирантуре.

Следующая академическая степень в немецких университетах – это доктор. В дипломе любого университета Германии она будет обозначена как Doktor или PhD. Этот диплом может полу-

чить любой студент, который успешно завершил обучение в аспирантуре немецкого ВУЗа и защитил свою научную работу. Длительность обучения для получения диплома доктора зависит соответственно от выбранной студентом научной темы. Как правило, обучение в аспирантуре составляет от двух до пяти лет.

Существует две возможности получить диплом доктора в Германии. Первая – работа над своей научной работой под руководством профессора выбранного ВУЗа со свободным выбором темы. Вторая – обучение в рамках структурированной аспирантской программы. Это, к примеру, такие известные студенческие программы как Graduiertenkolleg, Graduate School, Internationales Promotionsprogramm [4].

Исторически Германию и Россию связывают сложившиеся отношения, на протяжении многих лет Германия оказывала существенное влияние на развитие российской культуры, экономики, политики и системы образования. Именно немецкая модель образования была приятна в качестве основы системы образования в СССР. Сравнительный анализ российской и немецкой системы образования позволит оценить передовой опыт подготовки кадров и применить этот опыт для развития отечественной системы образования.

Библиографический список

1. Федотова, Е.Е. Теория и практика подготовки к занятиям учащихся общеобразовательных школ и профессионально-технических учебных заведений зарубежных стран (на опыте США, Германии, Дании): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Томск, 2003.
2. Молодежная безработица бьет рекорды [Э/п]. – Р/д: http://www.vedomosti.ru/career/news/1080531/molodezhnaya_bezrabotica_bet_rekordy
3. Молодежная безработица в России выше, чем в мире [Э/п]. – Р/д: http://www.dp.ru/a/2010/08/27/Molodezhnaja_bezrabotica_v/
4. Образование за границей: диплом в Германии [Э/п]. – Р/д: http://www.buydiplom.com/id_76.html

Bibliography

1. Fedotova, E.E. Teoriya i praktika podgotovki k zanyatiy uchatihhsya obshchobrazovatel'nykh shkoll i professional'no-tekhnicheskikh uchebnykh zavedeniy zarubezhnykh stran (na opite SShA, Germanii, Danii): avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – Tomsk, 2003.
2. Molodezhnaya bezrabotica bjet rekordih [Eh/r]. – R/d: http://www.vedomosti.ru/career/news/1080531/molodezhnaya_bezrabotica_bet_rekordy
3. Molodezhnaya bezrabotica v Rossii vihshe, chem v mire [Eh/r]. – R/d: http://www.dp.ru/a/2010/08/27/Molodezhnaja_bezrabotica_v/
4. Obrazovanie zagranicey: diplom v Germanii [Eh/r]. – R/d: http://www.buydiplom.com/id_76.html

Статья поступила в редакцию 29.05.12

УДК 53(072)

Volkova N.G. INDIVIDUAL SELF-ACTUALIZATION OF TRAINEE IN TEACHING PHYSICS IN HUMANITARIAN PROFILE OF EDUCATION. The article is devoted to the problem of self-actualization of trainees from profile groups in the conditions of humanitarian profile education. Self-actualization aims on the development of interest in physics among students and increases their level of socialization. Also, self-actualization will allow students to expand the scope of professional self-determination.

Key words: actualization, self-actualization, individual self-actualization, problems of physics teaching in the humanitarian profile education, motivational factors, the resources of interest of the students own learning and cognitive activity, the personal meaning of the teaching, weighting factor of acquired knowledges.

Н.Г. Волкова, соискатель каф. ТМОФ ЧГПУ, преп. физики ЧПК № 1, г. Челябинск, E-mail: igels-fam@mail.ru

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ В ГУМАНИТАРНОМ ПРОФИЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена проблеме самоактуализации обучающихся профильных групп в условиях гуманитарного профильного образования. Самоактуализация нацелена на развитие интереса к физике у обучающихся и повышения их уровня социализации. Также самоактуализация позволит обучающимся расширить сферу профессионального самоопределения.

Ключевые слова: актуализация, самоактуализация, самоактуализация личности обучающегося, проблемы обучения физике в гуманитарном профильном образовании, мотивационные факторы, ресурсы интереса обучающихся к собственной учебно-познавательной деятельности, личностный смысл учения, фактор значимости приобретаемых знаний.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования, утвержденный приказом Минобрнауки от 17 апреля 2012 г. № 413, важнейшей стратегической задачей образования определяет развитие человеческого капитала страны. В новом стандарте конечный результат образовательной деятельности российской школы фиксируется в портрете будущего выпускника. Выпускник должен обладать определенными компетенциями гражданина, а именно: должен быть гражданином, осознающим себя личностью, уважающим других людей, умеющим вести конструктивный диалог, достигающим взаимопонимания и успешно взаимодействующим

для достижения общественно-значимых результатов; активным и целенаправленно познающим мир, осознающим ценность науки, труда и творчества для человека и общества, мотивированным на образование и самообразование в течение всей своей жизни; владеющим основами научных методов познания окружающего мира, креативно и критически мыслящим, мотивированным на творчество и инновационную деятельность.

В положениях правительственного документа «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года» от 8 декабря 2011 г. № 2227-р также установлены приоритетные направления модернизации образования, нацеленные на повыше-

ние качества образования и конкурентоспособности выпускников, на развитие фундаментальных естественных наук, на формирование у обучающихся таких жизненных установок, как мобильность, стремление к постоянному обучению, к творческому решению проблемных задач. Таким образом, важнейшей задачей современного российского образования становится предоставление каждому обучающемуся, идущему по пути саморазвития, условий для самоактуализации, для проявления его индивидуальности.

Исторически понятие «самоактуализация» имеет неоднозначную трактовку. Самоактуализация была определена как «...процесс сотворения себя через самопонимание и самоопределение...» (Ф. Аквинский); как «...результат свободного саморазвития в культурной среде...» (П. Гольбах, Д. Дидро, Б. Спиноза); как «...развивающийся человеческий дух...» (Гегель); как «...процесс саморазвития личности, напрямую определяемый процессом обучения...» (И. Кант); как «...стремление человека реализовать себя в творческой деятельности...» (Н.А. Бердяев); как «...воля и сила человека, направленная на постоянную работу по капиталовложению в себя, в свои способности, деяния, воображение, мышление; состояние человека в процессе постоянного «заворождения», постоянно открывающего в себе новые грани своей уникальности...» (М.К. Мамардашвили) [1, с. 10-14].

Стоит отметить то, что понятие «самоактуализация» состоит из двух слов, каждое из которых несет свое смысловое содержание. Определение частицы «само...» обозначает направленность действия на самого себя. Философский словарь трактует понятие «актуализация» (от лат. actualis – деятельный) как понятие, означающее изменение бытия, переход бытия из состояния *возможности* в состояние *действительности*. В «Педагогическом словаре» под актуализацией понимается – «перевод знаний, навыков и чувств в процессе обучения из скрытого, латентного состояния в явное, действующее». Целостное понятие «самоактуализации» дает «Словарь практического психолога». «Самоактуализация» – стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей. «Педагогическая энциклопедия» рассматривает самоактуализацию как извне существующие силы, направляющие развитие (личностных качеств) компетенций в некотором направлении; высший уровень проявления духовного и творческого потенциала личности, стремление к полному выявлению и развитию своих личностных возможностей.

Предпринятый краткий анализ философских и методологических позиций в отношении понятия «самоактуализация» позволяет нам сформулировать следующее определение. *Самоактуализация личности обучающегося* – это стремление личности к осознанию, развитию и реализации собственных личностных особенностей и возможностей в познании и учении; смысла учебно-познавательной деятельности; собственного предназначения в условиях ответственного свободного выбора, творческой деятельности и саморазвития. Таким образом, можно сделать умозаключение о том, что *самоактуализация личности обучающегося* может стать существенным обстоятельством (фактором) в эффективной организации учебно-познавательной деятельности, движущей силой в развитии интереса к изучаемой предметной дисциплине, например к физике.

Физика, как основа естественнонаучного школьного образования, призвана наглядно объяснять ученикам причины физических явлений и процессов, применять изученные законы и закономерности на практике, учитывать законы природы для создания необходимых экологических условий жизни и труда, от которых зависят здоровье и долголетие людей. История развития цивилизованного общества показывает, что достижения физики существенно повлияли на быт и культуру человечества, привели к созданию таких инструментов, устройств и технологий, без которых трудно себе представить современный мир человека. Достаточно упомянуть современную энергетику, основанную на достижениях ядерной физики и электродинамики; технологию связи, основанную на достижениях теории электромагнитных волн и физики твердого тела; космическую технику, использующую всю мощь классической механики и современной вычислительной техники и др., чтобы убедиться в уникальных возможностях науки физики.

Однако большинство обучающихся в гуманитарном профильном образовании испытывают ряд сложностей при изучении основ единой физической картины мира. У них отмечается низкий уровень следующих компонентов предметных компетенций: сформированности физических понятий, знаний закономерностей, теорий; умений решать физические задачи; навыков перевода единиц измерения физических величин в между-

народную систему измерения (СИ); математических вычислительных умений.

Действительно, выбрав гуманитарный профиль обучения, обучающиеся выделяют для себя предметы «важные» и «неважные», и предмет «физика» проигрывает в этом выборе. Помимо слабой мотивации к изучению физики как непрофильного предмета, у них наблюдаются психологические проблемы: дискомфортное пребывание на уроках физики, неуверенность в собственных знаниях и возможностях, преждевременное прогнозирование «неудач», боязнь «глупо выглядеть» среди сверстников в процессе ответов или решения физических задач, тревожность при фронтальном опросе и контроле знаний по физике. Многие в процессе обучения прилагают недостаточные усилия, так как считают, что физика – сложный предмет, который могут освоить лишь самые способные. Как показало проведенное нами в период 2005 – 2012 гг. исследование, данная проблема возникает у обучающихся в гуманитарном профильном образовании из-за того, что в основной школе обучение физике преимущественно осуществлялось на репродуктивном уровне. Сложность физических понятий обучающиеся объясняют их абстрактностью. На уроках у них возникают учебные проблемы на этапах моделирования физических явлений и процессов, в применении способов научного познания, в изучении формально-логически изложенного содержания параграфов учебников. Как итог, большинство обучающихся не считают себя «успешными» на уроках физики, не осмысливают на качественном уровне содержание предмета, не стремятся преодолевать возникающие у них учебные проблемы, а значит предметная дисциплина «Физика» остаётся для них неинтересной.

Эти негативные тенденции можно переломить, создавая комплекс условий для эффективного обучения, самоактуализации и саморазвития обучающихся, формирования активного познавательного интереса к физике как к науке мировоззренческой, фундаментальной.

Основное дидактическое требование активного усвоения знаний в процессе обучения подтверждают работы российских педагогов-ученых Е.П. Ильина, Ш.И. Ганелина, И.С. Карасовой, И.Я. Лернера, М.И. Махмутова, И.Т. Огородникова, М.Н. Скаткина, А.В. Усовой и др. В мировой дидактике исторически складывались концепции обучения, в которых утверждалось положение о необходимости совместной деятельности при передаче учителем знаний обучающимся. Речь шла о «естественном» развитии ребенка в процессе приобретения собственного опыта и о непрерывном умственном развитии в процессе активного и содержательного усвоения основ науки. Учеными доказано, что развитие активности и самостоятельности учащихся происходит в самостоятельной учебно-познавательной деятельности при наличии познавательной мотивации к учению и интереса к предметному содержанию.

В трудах Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, Л.В. Занкова, Т.И. Шамоной, Д.Б. Эльконина и др. показано, что ученик перейдет на более высокий уровень развития, если организовать специальное обучение, которое должно идти впереди развития. Общепринятые представления о развитии психики обучающегося таковы, что появление нового в психике под влиянием обучения не представляет собой лишь надстраивание над существующим уровнем или вытеснение прежнего уровня новым. Возникающее новое и старое взаимодействуют, вызывая внутреннее противоречие в психике ученика и продвигая его развитие.

По нашему мнению, посредством *учета психофизиологических особенностей* обучающихся в процессе обучения и *убеждения в ценности* приобретаемых ими физических знаний возможно зарождение социально значимого интереса к предмету «Физика». В исследовании Р.Я. Симонян показано, что познавательный и социальный мотивы могут породить социально значимый интерес к физике [2]. Следовательно, на уроках физики у обучающихся в гуманитарном профильном образовании эффективнее всего формировать мотивы к познавательной деятельности через мотивационные факторы социального мотива: осознанный социально значимый конечный результат деятельности; привлекательность самого процесса деятельности как процесса обучения, взаимодействия; ситуация успеха, как регулятор социальных ролей в группе; мотивация вознаграждения как ожидание социальной оценки; удовлетворенность в познании и общении.

Психологи и педагоги отмечают, что на социальном и познавательном мотивах ученика основывается его мотивация к учению по физике. Совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение ученика, его направленность и активность, основывается на стремлении ученика удовлетво-

рять социальную и познавательную потребности. Но сформировать мотивы к учению возможно лишь при условии, что обучающиеся *будут убеждены* в необходимости приобретаемых знаний, в их неоспоримой ценности, злободневности, насущности, жизненности для человека, человеческой цивилизации.

Отметим, что, с одной стороны, ценности личности связаны с общественными нормами, ценностями окружающего социума, с другой стороны, отражают субъективное отношение к ним самого человека. Личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект определился (А.К. Маркова). В этом случае обучение физике должно быть нацелено на формирование *личностного смысла учения* – внутреннего отношения обучающихся к содержанию предмета «Физика», а также к учению, связанному с познанием объективной значимости этого содержания для окружающего социума.

Интерес к предметному содержанию является ведущим мотивом учебно-познавательной деятельности ученика. В работе «Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся» Г.И. Щукина отмечает: «то, что изучается по принуждению, забывается при первом удобном случае» [3, с. 83]. По мнению Н.А. Менчинской наличие интересов школьников можно считать показателем их общего развития. Под влиянием интереса познание принимает для человека «личностный смысл» (А.Н. Леонтьев), опираясь на интерес, вся деятельность ученика становится плодотворной (Б.Г. Ананьев). К тому же, интерес к деятельности снимает утомление: несмотря на трудности, сложность и длительность работы, ученик доводит ее до конца [3].

Таким образом, в процессе обучения интерес к физике должен преимущественно вырастать из потребности ученика знать физику, уметь ориентироваться в действительности. Однако результаты исследований показывают, что обучающиеся в гуманитарном профильном образовании имеют низкий уровень потребности знать физику, она им неинтересна. Следовательно, учитель физики призван создавать комплекс условий для самоактуализации личности обучающегося в процессе учебно-познавательной деятельности по физике творческого характера с учетом психофизиологических особенностей каждого обучающегося. Инструментами для этого необходимо выбрать актуализацию социального мотива, а через него познавательного. Тогда обучение физике станет интересным и для «гуманитарного» ученика.

По мнению Г.И. Щукиной, активное состояние интереса определяется стремлением учителя находить внешние и внутренние ценные ресурсы интересного обучения. *Внешними ресурсами*, определяющими интерес обучающегося к физике, являются: уровень квалификации учителя физики, возможность его постоянного самообразования; уровень оснащенности кабинета физики демонстрационным и лабораторным оборудованием, цифровыми образовательными ресурсами; наличие образовательных программ, современных дидактических пособий; адекватность применяемых методов и приемов обучения, способов организации учебно-познавательной деятельности, характера и уровня учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Внутренними ресурсами, не менее значительно влияющими на интерес обучающихся к предмету «Физика», являются волевые качества, сосредоточенное внимание, целевые установки, логика действий, попытки составить и реализовать план действий, адекватное знание самого себя, уверенность в своих возможностях. С этой целью в атмосфере безусловного уважения учителя к своим ученикам необходимо на уроках физики создавать такую развивающую среду, в которой последние будут иметь возможность для самоактуализации своей личности в процессе изучения физических явлений и законов, обнаружения явной взаимосвязи приобретаемых знаний, умений, навыков с жизнью.

В этом случае важнейшим стимулом интереса к изучению физики выступает *фактор значимости приобретаемых знаний*. Поставленная учителем цель на урок будет трансформироваться в познавательные мотивы в условиях твердой убежденности обучающихся в возможности использовать полученные знания в жизни. В этой связи закономерны вопросы обучающихся в гуманитарном профильном образовании: «Зачем мне нужно это знать?», «Что предполагает это знание для меня и общества?», «В чем смысл способа научного исследования?», «Какова роль физического знания в развитии науки?», «Какое место в общественной и личной практике занимает данное физическое знание, решение конкретной физической задачи?». Другими словами, выявление значимости научного открытия, решаемой физической задачи – ключ к сознательному учению, к интересу познавать.

Внешними ресурсами интересного обучения для каждого обучающегося, на наш взгляд, являются также разные, но природосообразные способы передачи информации. Например, диалогические методы обучения, метод проектов, проблемное обучение, семинары-дискуссии, конференции, когнитивное конструирование, игры (организационно-деятельностные, деловые, интерактивные), комплексные дидактические задания, тренинги (рефлексивности, самопознания и обучения, личностного роста). С их помощью учитель физики способен постоянно обновлять содержание, способы и формы самостоятельной работы обучающихся через раскрытие известного ранее под новым углом зрения, через решение аналогичной задачи новыми средствами с тем, чтобы заставить обучающихся пересматривать прежние пути, искать иные, более рациональные. В таком случае учебно-познавательная деятельность вызывает у обучающихся состояние ожидания от обучения чего-то нового, особенного, интересного каждому из них. В свою очередь, активный процесс изучения физических явлений и процессов обучающимися в условиях систематического становления и углубления познавательного интереса способен принести им озарение, новые радости познания и осознание своего личностного развития.

Важно отметить, что изучаемый окружающий мир не столь рационален в действительности. Он наполнен человеческими отношениями, включающими в себя приобретенный опыт, в котором немаловажную роль играет опыт переживаний, чувств – эмоциональная составляющая личности. Сильный побудитель познавательного интереса к физике заметно проявляется у обучающихся в общении во время дискуссии. Сравнение и оценка собственных успехов и достижений других обращает обучающихся к самопознанию.

Однако в психологической природе интереса есть не только интеллектуальная и эмоциональная составляющие, но и регулятивные механизмы (внимание, воля), помогающие преодолеть трудности в процессе учения. Прогрессивные педагоги прошлого отмечали, что стимуляция учеников к преодолению трудностей основана на интересе к сущности изучаемого предмета, а не к внешним его прикрасам. Подлинный интерес возбуждается активной работой мысли, сопряженной с решением сложных задач в ходе самостоятельной работы, требующей от обучающихся самоактуализации, активного информационного, исследовательского поиска, использования воображения, оперирования обобщенными умениями, творческого решения.

Стоит отметить ведущую роль «слова» в познании, формирующего мысль, проникающего во внутренний план действий, участвующего в создании «внутренней среды». Правильное осознание физических понятий обучающимися позволяет диалектически соединять яркое, образное, выражать тонкие эмоциональные, личностные процессы и совершать глубокие обобщения. Введенное новое физическое понятие – слово, с которым в житейском обиходе ученик встречался не раз, должно «звучать» для него по-новому в точном, лаконичном определении, обращенном одновременно к разуму и чувствам. Основные условия успешного усвоения понятий обучающимися, методика изучения качества усвоения понятий обучающимися, планы обобщенного характера при изучении явлений, физических величин, законов, теорий, приборов и установок подробно описаны в монографии А.В. Усовой [4]. Содержательная и процессуальная стороны обучения при изучении фундаментальных физических теорий обучающимися средней школы раскрыты И.С. Карасовой [5].

По нашему мнению, при использовании обобщенных планов на уроках физики в гуманитарном профильном образовании важно учесть порядок раскрытия пунктов. По результатам нашего исследования, «гуманитариям» важно начинать изучение физического явления с пункта об использовании данного явления на практике, и лишь затем раскрывать внешние признаки явления и другие компоненты обобщенного плана, установленного А.В. Усовой. Такой методический прием приводит к самоактуализации личности обучающегося на уроках физики в гуманитарном профильном образовании, показателями чего являются социально значимый интерес к изучению физических явлений, ясно понимаемые цели обучения, значимый познавательный мотив; мобильность в обобщении; обладание специальными умениями; свободное оперирование физическим содержанием; высокая организация учебных действий; удовлетворенность в познании и общении.

Итак, в процессе обучения учитель физики может эффективно осуществить самоактуализацию личности обучающегося в гуманитарном профильном образовании, если создаст для каждого обучающегося комплекс условий: своевременную диагностику психофизиологических особенностей и возможностей; учет вне-

ших и внутренних ценных ресурсов интереса к собственной учебно-познавательной деятельности; учет эмоциональности субъектов образования; формирование регулятивных механизмов; удовлетворенность познавательных и социальных мотивов.

В свою очередь, создаваемый учителем на уроках физики комплекс условий поможет обучающемуся осознать, развить

и реализовать личностные особенности и возможности в познании и учении; осмыслить собственную учебно-познавательную деятельность, собственное предназначение в условиях ответственного свободного выбора образовательной траектории и жизненного пути, осуществить творческую деятельность и саморазвитие.

Библиографический список

1. Пахтусова, Н.А. Основы профессионально-личностной самоактуализации будущего педагога: учеб. пособие. – Челябинск, 2010.
2. Симонян, Р.Я. Методика управления учебно-познавательной деятельностью учащихся по физике в условиях предпрофильного образования: дис. ...канд. пед. наук. – Челябинск, 2004.
3. Щукина, Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. – М., 1988.
4. Усова, А.В. Формирование у школьников научных понятий. – М., 2007.
5. Карасова, И.С. Фундаментальные физические теории в средней школе (содержательная и процессуальная стороны обучения): монография. – Челябинск, 1997.

Bibliography

1. Pakhtusova, N.A. Osnovih professionaljno-lichnostnoj samoaktualizacii buduthego pedagoga: ucheb. posobie. – Chelyabinsk, 2010.
2. Simonyan, R.Ya. Metodika upravleniya uchebno-poznavatel'noy deyatel'nost'yu uchastnikhsya po fizike v usloviyakh predprofil'nogo obrazovaniya: dis. ...kand. ped. nauk. – Chelyabinsk, 2004.
3. Thukina, G.I. Pedagogicheskie problemih formirovaniya poznavatel'nykh interesov uchastnikhsya. – M., 1988.
4. Usova, A.V. Formirovanie u shkolnikov nauchnykh ponyatiy. – M., 2007.
5. Karasova, I.S. Fundamental'niye fizicheskie teorii v sredney shkole (soderzhatelnaya i processual'naya storonih obucheniya): monografiya. – Chelyabinsk, 1997.

Статья поступила в редакцию 13.07.12

УДК 37.013.77

Gunzunova B.A. CONCEPTUAL MODEL OF SYSTEM OF SELF-CONTROL OF EMOTIONAL CONDITIONS IN PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ACTIVITY. In the article the state-of-the-art review of theory-methodological approaches to research of system self-control of the subject of activity the analyse is given. The model of system of self-control of emotional conditions of pedagogical workers is presented. The importance of a question of regulatory profile of self-control affirms as professional pedagogical activity is given.

Key words: conceptual model, system self-control, subject of pedagogical activity, self-control determinants, individual styles of self-control, regulatory profile of the teacher.

Б.А. Гунзунова, доц. каф. общей и социальной психологии БГУ, г. Улан-Удэ, E-mail: balzhimag@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье дан аналитический обзор теоретико-методологических подходов к исследованию системной саморегуляции субъекта деятельности. Представлена модель системы саморегуляции эмоциональных состояний педагогических работников. Утверждается значимость вопроса регуляторного профиля саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности.

Ключевые слова: концептуальная модель, системная саморегуляция, субъект педагогической деятельности, детерминанты саморегуляции, индивидуальные стили саморегуляции, регуляторный профиль педагога.

Изучение личности педагога, продуктивности и эффективности его профессиональной деятельности является одной из наиболее глобальных и актуальных задач для современной психологической науки и практики. Профессиональное функционирование педагогов является эмоционально напряженным видом социальной активности и входит в группу профессий с постоянным присутствием негативно выраженных стрессоров. Хроническая эмоциональная насыщенность профессиональной деятельности требует от педагога наличия больших резервов самообладания, навыков саморегуляции. В связи с вышеизложенным, наиболее перспективным является направление, связанное с применением системного подхода к анализу педагогической деятельности, а также с построением моделей этой деятельности.

Разработка методологии и теории данной области научного знания и практики должна представлять собой логически стройный понятийный аппарат, состоящий из ряда взаимосвязанных между собой научных категорий отражающий и объединяющий современные представления философии, педагогики, общей психологии и т.д. Исследования философов и психологов позволяют зафиксировать набор понятий и дефинитивное описание теоретических концептов, отражающих разработанную нами концептуальную модель системы саморегуляции эмоциональных состояний субъекта педагогической деятельности.

Изложение научных основ системы саморегуляции мы начнем с понятия «концепция» (от лат. conceptio – «понимание»,

«система»), в философском толковании трактуется как определенный способ понимания, трактовки каких либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея, ведущий замысел содержание которой раскрывается через ряд принципов (лат.principium – основание) или основных исходных научных положений какой-либо концепции [1]. Концептуальный аспект теоретического знания выражает, прежде всего, парадигмальное «сечение» последнего, задает его топику и риторику, то есть определяет релевантные области применения и способы выражения конституируемых на основе порождающей идеи системных понятий (базовых концептов). Концепт являет собой образ, представленный в знаково-символической системе (тезисный, схематичный, рисуночный) и имеющий гипотетический и прогностический характер «смыслового поля». В нашем исследовании под концептом будем понимать содержательный образ темы исследования, общую идею системы саморегуляции эмоциональных состояний у субъектов педагогической деятельности. Понятие «модели» (лат. modulus – мера, образец) в широком смысле означает любой образ, аналог (описание, схема) какого-либо объекта, процесса или явления. Моделирование значительно расширило возможности других методов исследования профессионализма, как «способ, прием познания, позволяющий посредством системы, искусственно созданной человеком, воспроизвести другую более сложную систему, являющуюся объектом непосредственного исследования» (Б.М. Кедров). На смысл

ловом пересечении этих дефиниций можно сформировать довольно четко очерченное, целостное представление концептуальной модели. Таким образом, концептуальная модель – это модель будущего исследования с элементами прогностического характера. Исследование, представленное в модели, характеризуется как схема взаимосвязанных психодиагностических, психокоррекционных подходов, осмысление собственных представлений в реализации теоретических и эмпирических представлений.

Обратимся к анализу системного подхода, который стоит во главе угла. Философский словарь трактует систему как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [1]. Системный подход предполагает выделение в изучаемом объекте не отдельных элементов, а тех системообразующих характеристик, которые определяют ее внутреннюю природу и качественное своеобразие, принцип его построения, структурирования. В частности, в соответствии с системным подходом психическая саморегуляция анализируется как сложная многоуровневая система и тогда представления о системе детерминации как «многоплановой, многоуровневой, многомерной, включающей явления разных (многих) порядков», являются наиболее перспективными для теории и практики изучения индивидуального поведения человека. Благодаря огромному пространству факторов, воздействующих на психику человека в разных условиях его жизнедеятельности, соотношения между ними в каждый конкретный момент складываются диалектично. В связи с этим встает вопрос о мере в соотношении различных причин, факторов и условий, а также выявлении на этой основе стабилизирующей детерминации, то есть такой комбинации внутренних и внешних детерминант, которая обеспечивает устойчивость Я, относительную автономность любой системы [2].

Термин «детерминация», относимый в науках о природе и человеке к набору условий, факторов, причин, оказывающих определенное воздействие на процессы, проходящие внутри и во вне у человека, а также на формирование продуктов когнитивного плана, в психологии определяется понятиями внешней и внутренней детерминации. Еще более усложняет, но и организует задачу выбора в качестве детерминант саморегуляции как любого психического явления развитие принципа полисистемности, который предлагается применять при анализе сложных многомерных и многокачественных психических явлений. При следовании этому принципу необходимо выделение системных детерминант (оснований), включая физические, биологические и социальные свойства человека, относящиеся к разным системам и уровням.

Эти положения системного подхода Б. Ф. Ломов легли в основу наших исследований. Как указывал Б.Ф. Ломов, раскрывая закономерные связи (отношения) между, например, внешними воздействиями и соответствующими психическими эффектами, отношения тех или иных психических свойств и их оснований, отношения, характеризующие механизм возникновения психических явлений и т.д., мы выделяем в сложной, многоуровневой и динамической системе лишь какую-то ее сторону и отвлекаемся от всех других» [3, с. 22]. Преодолевая такой анализ каузальности, Б.Ф. Ломов предложил рассматривать детерминацию как некую систему с определенным набором компонентов. Их можно сформулировать следующим образом: 1) система детерминант включает разные их типы. Кроме причин, вызывающих эффекты (следствия), выделяются внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредующие звенья, которые изменяют влияние причины и, соответственно, возникновение следствия; 2) причина – не отдельное событие, а их совокупность (ситуация), поэтому и следствие – есть результат накопления информации, порождаемой ситуацией; их отношения носят временной характер; 3) все типы детерминант имеют разную функциональную направленность. Они могут ускорять, замедлять возникновение следствия; усиливать, ослаблять каузальную связь и т.п.; 4) внешние детерминанты имеют социальную природу, уровневую структуру; взаимодействуют с внутренними факторами; их отношения влияют на силу, активность, направленность действия причины; 5) внутренний фактор – «события или феномены, органически включенные в изучаемые явления, имманентно присущие им»; 6) «предпосылки (общие и специальные) – это своего рода «готовность или подготовленность к восприятию (не в психологическом смысле слова) действия причины и других детерминант». Они определяют успешность воздействия причины. 7) опосредующие звенья – вспомогательные средства, также косвенно влияющие на каузальную связь [3].

Рассмотрим действие этой системы применительно к феномену «саморегуляция» в соотношении различных причин, факторов и условий, а также выявлении на этой основе стабилизирующей детерминации психической саморегуляции состояний педагогов. В современной социальной психологии «фактор» часто рассматривается как родовое понятие по отношению к условиям, средствам и механизмам. Фактор – это то, что влияет, воздействует, без указания на характер и направленность воздействия. Условия развития, существования личности в данном контексте могут пониматься и как внешний фактор (например, семья, трудовой коллектив). Если же данные феномены, принимаемые как условия, вызывают эффект, тогда они будут рассматриваться как причины. Так, система детерминант саморегуляции субъекта педагогической деятельности включает внешние и внутренние факторы. К внутренним факторам нами отнесены личностные конструкты – индивидуально-типологические характеристики, базовые личностные свойства, самосознание, эмоциональные особенности (профессиональный стресс, устойчивая тревожность), защитно-совладающее поведение. Внешние факторы представлены условиями профессиональной среды, системой социальной поддержки (профессиональной поддержкой и социальной интеграцией).

В педагогике существуют различные подходы использования общей теории систем к анализу педагогической деятельности. Так, Н.В. Кузьмина (1983) выделяет пять структурных составляющих педагогической системы: субъект педагогического воздействия, объект педагогического воздействия, предмет их совместной деятельности, цели обучения, средства педагогической коммуникации. На основании анализа сущности понятия «педагогическая система» выяснено, что она представляет собой целостное единство всех факторов, способствующих достижению поставленных целей обучения, воспитания и развития человека. Педагогическая система предполагает полноту компонентов, причастных к достижению цели; наличие связей и зависимости между компонентами; наличие ведущего звена, ведущей идеи, необходимых для объединения компонентов; появление у компонентов системы общих качеств. На наш взгляд, в современной педагогике системный подход весьма продуктивно использован при разработке теории воспитательных систем (Л.И. Новикова, А.М. Сидоркин); методологии и методов педагогических исследований (В.В. Краевский). Однако в психолого-педагогическом исследовании, которое опирается на закономерности развития человека в процессе деятельности, применение системного подхода имеет свою специфику, которую необходимо определить. Отталкиваясь от нормативной структуры педагогической деятельности, перейдем к определению понятия «субъект педагогической деятельности», «субъектная саморегуляция». Необходимость субъектного подхода к анализу регулятивных механизмов учителя очевидно, поскольку в качестве субъекта человек акцентирует свое внимание на активности, деятельности, реализуя которую он осуществляет свои реальные отношения с реальной действительностью. Учитель всегда рассматривается как субъект профессиональной педагогической деятельности, поскольку его личность, индивидуальность проявляется практически во всех видах педагогической работы, даже вне зависимости от его собственного желания. Этот факт невольного субъектного поведения делает значимым осознание саморегуляции поведения на всех стадиях его профессиональной деятельности.

Вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» дискутируется в литературе и решается неоднозначно (см., напр.: Проблема субъекта в психологической науке, 2000). С нашей точки зрения, общие закономерности саморегуляции достижения цели соотносимы с понятием субъекта деятельности и сознания, а когда мы обращаемся к личности как субъекту деятельности и сознания, необходимо развивать представления об индивидуальных особенностях саморегуляции в их взаимосвязи с темпераментом и характером, различными структурами самосознания и бессознательного. Существует процессуальный уровень субъектной активности, который может быть описан через процессы осознанной саморегуляции как психологического механизма субъектности. Процесс саморегуляции реализуется целостной системой, обладающей своей принципиальной структурой и имеющей проекции на различных уровнях организации индивидуальности человека. Например, для психофизиологических уровней описаны акцепторы действия (Анохин, 1980), схема Т-О-Т-Е, модель потребного будущего (Бернштейн, 1966), контур саморегуляции (Конопкин, 1980) и т.д. Подобные модели процессуальной регуляции создавались для разных видов активности и деятельности: учебной (В.И. Моросанова, Н.Ф. Круглова, Н.М. Пейсахов и др.), операторской (Д.И. Оша-

нин, В.П. Зинченко, В.А. Бодров, Л.Г. Дикая, А.А. Обознов, В.И. Степанский), спортивный (В.И. Моросанова, Б.Б. Коссов, А.В. Родионов и др.) и др. Чем выше уровень организации индивидуальности, на которых они реализуются, тем больше возможности осознания этих процессов и субъектного влияния на их формирование и реализацию. Значительное количество исследований посвящено самоконтролю личности. Тем не менее, по отношению к процессам саморегулирования – сознательного воздействия человека на собственную сферу психических явлений (процессы, состояния, свойства) с целью поддержания или изменения характера их протекания – самоконтроль, как правило, рассматривается как один из компонентов [4].

Личностные структуры различного уровня существенным образом влияют на то, какие цели и как ставит перед собой человек, а также формируют специфическим образом особенности достижения этих целей. Кроме процессуального уровня субъектности, необходимо выделять уровень регуляторно-личностных или субъектных качеств, в которых проявляются именно степень и своеобразие субъектной активности. Среди многообразия личностных черт индивидуальности такими субъектными чертами являются ответственность, настойчивость, гибкость, надежность, самостоятельность и др. Именно они определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей. Формирование субъектных качеств позволяет повысить уровень осознанной саморегуляции и, таким образом, развивать индивидуальность человека как субъекта собственной активности (Моросанова, 1998; Моросанова, Плахотникова, 2003), развитие опыта осознанной саморегуляции (Осницкий, 1996).

Вслед за К.А. Абульхановой-Славской можно утверждать, что субъектность представляет собой ключевое образование, энергетический потенциал в прогрессивном становлении личности педагога в профессиональной деятельности именно в силу ее активной сущности. Субъект есть та субстанция, без которой невозможно преодоление препятствий в разрешении противоречий и личностной самореализации. Субъект формируется по мере приобретения опыта, когда профессиональная активность порождается в активном преобразовании деятельности и себя самого. Важнейшей характеристикой субъектности является ее процессуальность, бесконечность и открытость, что подчеркивает динамический характер профессионализма, когда субъект не может стать профессионалом раз и навсегда. В этом контексте субъектность означает ответственность за активные действия в зоне профессионального риска, когда продукт и результат деятельности находится в перспективе, а факт активности представляет собой объективную реальность (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Белошицкий, А.В. Брушлинский, А.С. Огнев, В.А. Петровский и др.). Субъектность профессионала, таким образом, составляет активный план профессионального проявления личности [4].

Таким образом, понятия «субъект» и «личность» обозначают различные стороны мира индивидуальности человека, которые, взаимодействуя, формируют внутренний мир и проявления в поведении человека, причем субъектные переменные – со стороны особенностей организации и степени его активности в достижениях целей, а личностные – со стороны содержания целей активности, придания индивидуального своеобразия особенностям их достижения. Развитие осознанной саморегуляции человека, формирование умений и опыта такой регуляции являются одним из основных путей становления индивидуальности человека со стороны его субъектной активности, т.е. способности осознанно выдвигать цели деятельности и поведения, управлять их достижением и быть при этом ответственным, самостоятельным, настойчивым, инициативным и т.д.

Рассмотрение профессионального развития личности учителя как продукта его внутренней активности на сегодня наиболее полно и последовательно представлено в работах А.Б. Орлова, В.И. Слободчикова, Л.М. Митиной. В частности, В.И. Слободчиков утверждает, что развитие учителя не может быть выведено только из двух логических предикатов – субъекта и объекта. Автор их дополняет третьим – «другим субъектом», который способен не только реализовывать деятельность, но и рефлексировать ее во всей полноте, способен строить и преобразовывать ее [5]. На наш взгляд, данным утверждением автор расширяет поле для поиска ведущих детерминант профессионального развития, в частности, в контексте нашего исследования ключевое значение имеют развитые представления о регуляторных механизмах влияния особенностей личности педагога на профессиональную деятельность.

Настоящая работа представляет собой исследование системы саморегуляции эмоциональных состояний педагогических

работников, имеющей многоуровневую детерминацию на личностном и средовом социальном уровне, и поэтому мы считаем необходимым остановиться подробнее именно на данном аспекте концепции. Основная гипотеза при этом заключалась в том, что структура индивидуальных особенностей саморегуляции (стиля саморегуляции), и, в частности, специфика индивидуального «профиля» функциональной выраженности основных регуляторных процессов педагогических работников, детерминируется личностными особенностями педагога и профессионально-средовыми факторами.

В литературе последних десятилетий индивидуальные особенности саморегуляции характеризуются тем, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно-приемлемых результатов. Многолетние исследования показали, что личность влияет на деятельность не непосредственно, а через присущие ей индивидуальные способы саморегуляции активности. Обобщая представления основных исследователей данного направления О.А. Конопкина, В.И. Моросановой, можно заметить, что саморегуляция произвольной активности человека понимается как системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей (Конопкин О.А.), развитие саморегуляции описывается ее индивидуальным профилем (Моросанова В.И.) [6].

Методологической предпосылкой дифференциации понятия индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности от традиционно исследуемого в отечественной психологии индивидуального стиля деятельности, относительно независимого разграничения индивидуальных особенностей процессов реализации активности и индивидуально-типических, стилевых особенностей процессов регуляции этой активности, послужили представления С.Л. Рубинштейна о существовании двух специфических сторон реализации единого процесса психической активности человека, которыми являются «сознание» и «действие». Следовательно, активность человека осуществляется в форме «действия» и регулируется «сознанием» в форме процессов саморегуляции, и это определяет возможность относительно независимого выделения индивидуального стиля реализации активности и индивидуального стиля саморегуляции активности [6].

В настоящее время описан феномен и дано понятие индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности, выделены основные функции индивидуального стиля, показана его структура, выявлены основные механизмы и закономерности его формирования, в этой связи проанализирована роль человека как субъекта деятельности и регуляции, показана роль особенностей личности человека и специфики деятельности в формировании стиля, прослежена связь индивидуального стиля саморегуляции с успешностью деятельности, дана классификация стилей саморегуляции. Данные положения подтверждены на материале различных видов деятельности, а в ходе проведенных экспериментальных и прикладных исследований разработан целый ряд диагностических процедур, результаты исследований показали высокую эффективность данного подхода для решения широкого круга практических задач (Моросанова В.И., 1988, 1995, 1997, 1998; Моросанова В.И., Соколова Л.А., 1989, 1993; Моросанова В.И., Сагиев Р.Р., 1992, 1994; Моросанова В.И., Холопова Е.Н., 1995; Конопкин О.А., Моросанова В.И., 1989).

Системный анализ основных дефиниций «индивидуальный стиль саморегуляции», «детерминанты саморегуляции», «основные звенья системы саморегулирования», «регуляторно-личностные свойства», их соотношение с интегративным понятием «система саморегуляции эмоциональных состояний», а также с научными философско-психологическими и психолого-педагогическими категориями позволил нам заключить:

- система саморегуляции эмоциональных состояний тесно связана с психическими явлениями и образованиями, отражающими содержание категорий «субъект», «личность», «деятельность», «состояние». Интегральной характеристикой саморегуляции является общий уровень или степень осознанной саморегуляции, которая отражает актуальные возможности субъекта педагогической деятельности осознанно и инициативно управлять эмоциональным состоянием;

- структурными элементами анализа системы саморегуляции эмоциональных состояний являются индивидуально-типические или стилевые особенности саморегуляции, включающие два уровня звеньев регуляции: 1) индивидуальные особенности

регуляторных процессов, реализующих основные звенья системы саморегулирования, таких как планирование, моделирование, программирование и оценка результатов. Основные линии индивидуальных различий заключаются в различной развитости этих процессов или в различиях индивидуального «профиля» регуляции; 2) стилевые особенности, которые характеризуют функционирование всех звеньев системы саморегуляции и являются одновременно регуляторно-личностными свойствами (например, самостоятельность, надежность, гибкость, инициативность);

- система детерминант саморегуляции субъекта педагогической деятельности включает внешние и внутренние факторы. К внутренним факторам нами отнесены личностные конструкторы – индивидуально-типологические характеристики, базовые личностные свойства, самосознание, эмоциональные особенности (профессиональный стресс, устойчивая тревожность), защитно-совладающее поведение. Внешние факторы представлены условиями профессиональной среды, системой социальной поддержки (профессиональной поддержкой и социальной интеграцией).

Таким образом, с позиций системного подхода под системой саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности рассматриваем интегративное многокомпонентное образование, имеющее многоуровневую детерминацию и направленное на управление эмоциональным состоянием, необходимым для успешного выполнения профессиональной педагогической деятельности.

В структурном аспекте система саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности включает совокупность различных компонентов, связанных вертикальными и горизонтальными взаимоотношениями (рис.1). Компоненты интегративной метасистемы саморегуляции представлены в виде регуляторного профиля субъекта педагогической деятельности, структурными элементами которого являются индивидуально-типические или стилевые особенности саморегуляции: основные звенья системы саморегулирования педагогов и регуляторно-личностные свойства. Различия индивидуального «профиля» регуляции отражаются в системной детерминации саморегуляции состояний.

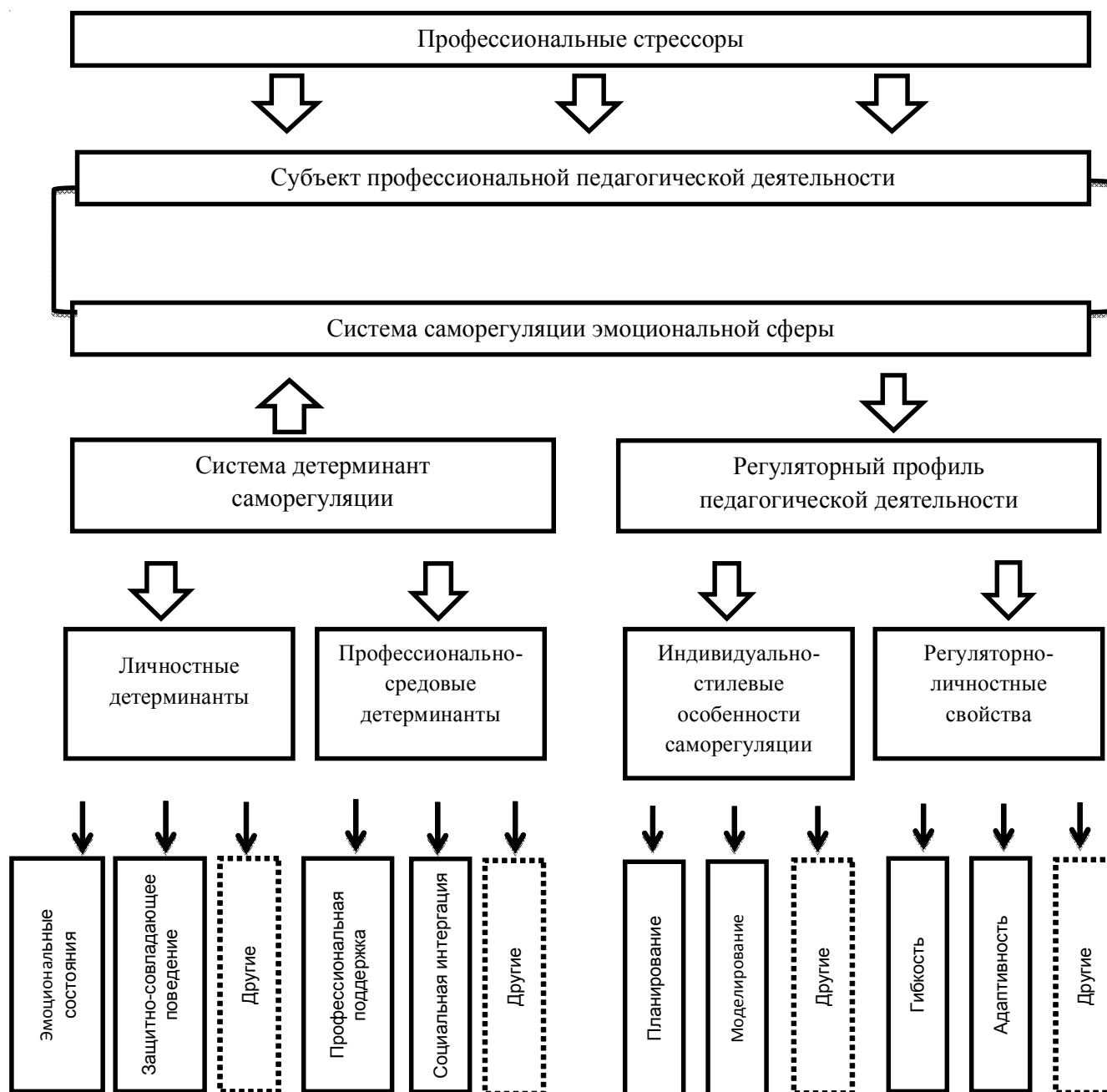

Рис. 1. Схема структурной организации системы саморегуляции эмоциональных состояний субъекта профессиональной педагогической деятельности

Горизонтальные взаимосвязи заключаются в объединении конкретных индивидуально – стилевых особенностей саморегуляции в одноуровневые комплексы с последующей их интеграцией с системой детерминант саморегуляции, составляющие метасистему саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности. Вертикальные взаимоотношения регуляторного профиля саморегуляции и его детерминации проявляются в установлении иерархических отношений между звеньями саморегуляции и доминированием отдельных личностных и средовых факторов различного уровня, существенным образом влияющих на то, какие цели и как ставит перед собой педагог, а также модулирующих специфическим образом индивидуальный профиль саморегуляции, т.е. особенности достижения этих целей.

Профессиональная деятельность педагога может быть осложнена воздействием стрессоров разной природы. Поэтому горизонтальная структура профессиональной саморегуляции отражает деятельность возможных видов стресс-факторов и причин повышенной напряженности в профессиональной деятельности педагогов, а также их типичных негативных последствий для психологического и физического здоровья представителей данного вида труда. Структурная организация системы саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности на горизонтальном уровне отражает влияние специфики данной профессии, которая заключается в большом количестве эмоционально насыщенных и когнитивно сложных межличностных контактов, что требует от педагога значительного личного вклада в выполнение повседневных профессиональных обязанностей.

В индивидуальном стиле саморегуляции аккумулированы типичные для личности педагога способы построения и организации произвольной активности, которые имеют тенденцию устойчиво повторяться в различных жизненных ситуациях при произвольной организации и управлении субъектом педагогической деятельности и поведения. Предлагаемый в настоящем исследовании подход, основанный на применении основных положений системного анализа к проблеме саморегуляции эмоциональных состояний у субъектов педагогической деятельности, позволяет, в частности, выявить характер комплекса индивидуально-типических, стилевых особенностей саморегуляции, среди которых выделяются, во-первых, индивидуальные особенности регуляторных процессов, реализующих основные звенья системы саморегуляции, а именно: индивидуальные особенности планирования целей деятельности, моделирования условий, программирования действий, оценки и коррекции результатов. Основные линии индивидуальных различий заключаются в неравномерной развитости этих процессов, в специфике индивидуальной структуры характерных для педагогического работника особенностей «профиля» регуляции. И, во-вторых, стилевые особенности, которые характеризуют функционирование целостной системы всех звеньев саморегуляции и являются одновременно субъектно-личностными свойствами – это личностные свойства гибкости, самостоятельности, оперативности, надежности, инициативности и др. Данные свойства являются сквозными, системными по своей структуре регуляторно и соотносимы как с каждым из регуляторных процессов, так и являются характеристиками целостной системы саморегуляции, помимо этого они одновременно обнаруживают и свою принадлежность к личности педагога, как субъекту произвольной активности и являются ее свойствами.

Стиль саморегуляции вслед за В.И. Моросановой (1988, 1995, 1998), мы описываем структурными и уровневыми характеристиками системы саморегуляции. Замечания о высоком и низком уровнях развития саморегуляции можно встретить у многих психологов. Так О.А. Конопкин рассматривает в качестве высшего уровня осознанную целенаправленную саморегуляцию произвольной активности, показывая, что при недостаточной осознанности и целенаправленности вся система саморегуляции и ее отдельные элементы функционируют на более низком уровне. Н.М. Пейсахов отмечает, что показателем высокого уровня является постановка целей субъектом, а также предвидение им отдельных результатов своей деятельности. Этот уровень автор называет самоуправлением, которое в отличие от произвольной саморегуляции, характеризуется принятием целей, поставленных извне.

Анализ подходов к исследованию иерархического строения саморегуляции дает возможность в самом общем виде выделить три ее уровня: индивидуальный, субъектный и личностный. Основной функцией индивидуального уровня саморегуляции является обеспечение энергетической мобилизации и адаптации (приспособления) организма к среде. Объектами данного уровня

служат физиологические процессы организма, индивидуальные свойства человека. Этот уровень распространяется на деятельность, психические процессы и свойства субъекта, которые имеют индивидуальные особенности и непосредственно связаны с его физиологическими, психофизиологическими и социально-психологическими свойствами.

Основная функция личностного уровня саморегуляции заключается в регулировании социального поведения личности и отношений, обеспечивающих преобразование социальной среды и себя. Объекты саморегуляции данного уровня – социальное поведение, общение и личностные (социально-психологические) свойства человека. Механизмами индивидуального уровня саморегуляции выступают нервные механизмы. Функциональные компоненты индивидуального уровня представлены афферентным синтезом, принятием решения и акцептором действия. Субъектный уровень саморегуляции обеспечивают когнитивные, эмоциональные, волевые механизмы [6].

В контексте нашего исследования уровневые характеристики стилей отражают функциональную развитость всей системы саморегуляции, степень взаимосвязности реализующих ее регуляторных процессов, общий уровень, на котором сформирована у педагогов система саморегуляции. Структурные характеристики стиля отражают специфику функциональных особенностей «регуляторного профиля» основных звеньев саморегуляции, наличие сильных и слабых в системе саморегуляции звеньев и регуляторно-личностных свойств. На основании данных характеристик нами выделяются устойчивый и неустойчивый стили саморегуляции. У педагогов с устойчивым стилем саморегуляции все звенья регуляции высоко развиты примерно на одном уровне, а у испытуемых с неустойчивым стилем саморегуляции наблюдается пикообразный профиль, характеризующийся неравномерной развитостью регуляторных звеньев. В том случае, когда устойчивый профиль регуляции педагогов сформирован на высоком уровне и стилевые особенности взаимосвязаны, или в неустойчивом профиле слабо развитые стилевые особенности находятся в компенсаторных отношениях с высокоразвитыми, имеет место эффективный стиль саморегуляции. В противоположном случае, при низкой развитости и взаимосвязанности звеньев регуляции, можно говорить о формировании неэффективного стиля саморегуляции эмоциональных состояний педагогов.

Целостное познание и развитие саморегуляции педагога предполагает выделение системы его детерминант, обстоятельство, которые, будучи тесно взаимосвязанными, могут выполнять функции причины, следствия, внешних и внутренних факторов, условий, предпосылок и опосредствующих звеньев, движение или смена которых необходимы для развития профессиональной саморегуляции педагога, где последний сам выступает в роли важной детерминанты, параметра порядка, определяющего и обеспечивающего возможность перехода на новый уровень саморегулирования. Такая саморегуляция предполагает необходимые особые психологические условия и факторы, поскольку они представляют собой обстоятельства, влияющие на достижение высшего уровня профессионализма педагога. К этим факторам относятся составляющие детерминации саморегуляции эмоциональной сферы педагогов (профессионально-средовые и личностные факторы), которые тесно взаимосвязаны между собой. Как отмечает А.О. Прохоров, регуляция совершается при активном участии других психических процессов (не только восприятия, но и представлений, мнемических процессов, мышления и др.). Регуляция осуществляется с опорой на психологические свойства (темперамент, характер и др.). Он малоэффективен в случае отсутствия личностного смысла и соответствующей мотивации субъекта. То есть процесс регуляции состояний при осознанном регулировании несет для субъекта отпечаток личностной значимости. Регуляторный процесс происходит в конкретной социальной среде на фоне культурных, этнических, профессиональных, экономических, юридических и др. влияний, осуществляясь в определенной ситуации жизнедеятельности; связанной с местом субъекта в малой группе, его социальными ролями, статусами и пр.

Стилевые особенности приобретают черты конкретного стиля саморегуляции тогда, когда индивидуально-типические особенности саморегуляции, детерминированные личностными переменными, определяющими индивидуальные особенности стиля регуляции, его «характерологическую» канву, под влиянием внешних факторов, требований и специфики профессиональной педагогической деятельности позволяют определить особенности процесса регуляции, способствующие успеху деятельности и достижению приемлемой для субъекта успешности педагогической деятельности.

Структура саморегуляции педагогов наряду со специфическими особенностями, характерными лишь для какой-то одной частной регуляторной функции, включает и такие особенности, которые характеризуют функционирование любого из звеньев регуляции и тем самым процесс регуляции в целом. Среди них можно выделить: а) адекватность условиям деятельности субъективно принимаемой модели условий, программы, способов контроля, критериев успешности и других блоков регуляции; б) осознанность в детализации и иерархизации представлений об условиях и о программе действий, о контролируемых параметрах, о критериях успешности и т.д. в соответствии с их соотносительной значимостью для достижения цели; в) пластичность процесса регуляции, возможность внесения коррекций в функционирование различных регуляторных блоков, когда этого требуют условия деятельности; г) надежность, устойчивость функционирования регуляторных блоков и их структуры в условиях психической напряженности. По-видимому, эти особенности характеризуют оперативность целостного процесса регуляции. Под оперативностью следует понимать возможность регуляторной системы индивида формироваться в максимальном соответствии целям и условиям деятельности. Наиболее полно концепция оперативности разработана в работах Д.А. Ошанина, который изучал оперативные свойства образов-регуляторов действий. В.Д. Шадриков предложил рассматривать оперативность уже не только в связи с формированием информацион-

ных структур, используемых в регуляции, но и в связи с формированием операционных механизмов выполнения конкретных задач профессиональной деятельности.

Представленная теоретическая модель позволяет определить концептуальное положение системы саморегуляции эмоциональных состояний субъекта педагогической деятельности. Система саморегуляции эмоциональных состояний тесно связана с психическими явлениями и образованиями, отражающими содержание категорий «субъект», «личность», «деятельность», «состояние». Интегральной характеристикой саморегуляции является общий уровень или степень осознанной саморегуляции, которая отражает актуальные возможности субъекта педагогической деятельности осознанно и инициативно управлять эмоциональным состоянием.

Таким образом, многоуровневые отношения в индивидуальной системе саморегуляции с одной стороны интегрирует личностные и средовые переменные различного уровня, связывая инструментальное и содержательное, осознанное и малоосознаваемое в личностной сфере. С другой стороны, индивидуальная саморегуляция опосредствует влияние на деятельность личностных и профессионально-средовых детерминант, которые выполняют разные функциональные роли в целостном процессе регуляции состояний в профессиональной педагогической деятельности.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.
2. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии / под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. — М., 1996.
3. Ломов, Б.Ф. Об исследовании законов психики // Психол. журнал. — 1982. — № 1.
4. Осницкий, А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. — 1996. — № 1.
5. Слободчиков, В.И. Выявление и категориальный анализ нормативной структуры индивидуальной деятельности // Вопросы психологии. — 2000. — № 2.
6. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. — М., 2001.

Bibliography

1. Filosofskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. — M., 1989.
2. Lomov, B.F. Sistemnostj v psikhologii / pod red. V.A. Barabanthikova, D.N. Zavalishinoyj, V.A. Ponomarenko. — M., 1996.
3. Lomov, B.F. Ob issledovanii zakonov psikhiki // Psikhol. zhurnal. — 1982. — № 1.
4. Osnickij, A.K. Problemih issledovaniya subjhektnoj aktivnosti // Voprosih psikhologii. — 1996. — № 1.
5. Slobodchikov, V.I. Viyavlenie i kategorialjnihiy analiz normativnoj strukturih individualnoj deyateljnosti // Voprosih psikhologii. — 2000. — № 2.
6. Morosanova, V.I. Individualjnihiy stilj samoregulyacii. — M., 2001.

Статья поступила в редакцию 30.05.12

УДК 81'374.3

Dominova T.N. THEORETICAL BASIS FOR THE CREATION OF THE LINGUISTIC AND REGIONAL DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS. This article describes the theoretical basis for the creation of the linguistic and regional dictionary for foreign students in compliance with the lexicographical linguistic-cultural tradition (patterning of everyday background knowledge of native speakers, educational orientation, selection of the material in agreement with the level of language skills and foreigners' needs, ways of explanation of lexical background, demonstration of paradigmatic and syntagmatic relations, use of visual aids) and the achievements in the area of information technology (hypertext, multimedia, Internet).

Key words: linguistic and regional potential, linguistic-cultural dictionary, regional and cultural dictionary, information technology.

Т.Н. Доминова, аспирант каф. межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: t-nedzumi@rambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В статье описаны теоретические основы создания лингвокраеведческого словаря для иностранных учащихся в соответствии с лингвострановедческими лексикографическими традициями (моделирование обыденных фоновых знаний носителей языка, учебная направленность, отбор материала в соответствии с уровнем владения языком и потребностями иностранцев, способы изъяснения лексического фона, демонстрация парадигматических и синтагматических связей, опора на зрительную наглядность) и достижениями в области информационных технологий (гипертекст, мультимедиа, Интернет).

Ключевые слова: лингвокраеведческий потенциал, лингвострановедческий словарь, лингвокраеведческий словарь, информационные технологии.

В основе современной методики обучения русскому языку как иностранному (РКИ) лежит лингвострановедческий подход, согласно которому изучение русского языка неотделимо от зна-

комства с русской культурой. Реализация принципа соизучения языка и культуры осуществляется с учетом лингвокраеведческого потенциала места обучения иностранных студентов. На

уроках русского языка иностранные учащиеся знакомятся «с особенностями природы, населения, традициями, историей и культурой какой-то отдельной части страны, населенного пункта в процессе изучения русского языка с целью формирования коммуникативных умений и лингвострановедческой компетенции обучающихся» [1, с. 12]. Лингвострановедческий потенциал языковой среды объективируется с помощью лексических единиц с регионально-культурным компонентом семантики. Наиболее удобным способом комплексного описания данных единиц, безусловно, является лингвострановедческий словарь. Однако в отечественной лексикографии отсутствует подобное лексикографическое издание.

Лингвострановедческий словарь является необходимым элементом современной системы обучения РКИ в рамках лингвострановедческого подхода с учетом его региональной реализации. Он представляет собой оптимальный способ системного описания регионально-культурного пространства какого-либо региона лингвистическими средствами через лексику с регионально-культурной семантикой, отражающей фоновые региональные знания жителей определенного региона. В рамках подобного словаря возможно представление основных отношений и пропорций, характерных для описываемой лексической системы, поскольку «не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятным, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обзорность, комплексность и системность рассмотрения» [2]. Лингвострановедческий словарь является важным адаптивным инструментом в условиях межкультурного взаимодействия, помогая преодолевать речевые и культурные конфликты, информационные трудности, способствует формированию чувства удовлетворенности и помогает иностранному студенту активно принимать участие в социальной и культурной жизни новой для него социокультурной среды.

Поскольку в настоящее время отсутствуют теоретические и практические исследования, посвященные созданию лингвострановедческого словаря, целесообразно опираться на богатый опыт отечественной лингвострановедческой лексикографии. Теория лингвострановедческой лексикографии отражена в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Морковкина, Ю.Е. Прохорова, А.Р. Рума, Г.Д. Томашина, В.П. Фелицыной, Т.Н. Чернявской и др. В теоретических исследованиях данными учеными разрабатывались вопросы, связанные с принципами лингвострановедческой лексикографии, отбором лексики, структурой и построением словаря, способами семантизации национально-культурного фона, использованием наглядности и др. Теоретические исследования были реализованы в практической работе по созданию лингвострановедческих словарей, например: Денисова М.А. «Народное образование», Чернявская Т.Н. «Художественная культура в СССР», «Россия» под ред. Ю.Е. Прохорова [3; 4; 5] и др.

Лингвострановедческий словарь представляет собой особый тип лексикографического издания, поскольку моделирует быденные фоновые знания носителей русского языка и культуры через семантизацию безэквивалентных и фоновых лексических единиц. Данный словарь по используемому лексикографическим приемам представляет собой толково-изъяснительный, а также сочетает в себе свойства идеографического, сочетаемостного словарей, поскольку семантизация лексем включает в себя тематическую лексику, сочетаемость и т.п.

Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым были описаны принципы лингвострановедческой лексикографии: лексический фон как объект семантизации; ориентация на актуальное языковое сознание; актуальный историзм как черта лингвострановедческой семантизации; опора на зрительную наглядность; демонстрация парадигматической и синтагматической сочетаемости заголовочного слова; соблюдение филологической меры глубины содержания; необходимость ориентирующей (обзорной) тематической вводки в словарь; обучающая направленность; учебная функция семантизирующих речений; дозировка и концентризм материала; использование родного языка адресата в семантизирующей части [6].

Наиболее важным принципом для методики РКИ является дидактическая направленность лингвострановедческого словаря, что позволяет использовать его в качестве компонента обучения РКИ. Учебный словарь представляет подсистему лексики русского литературного языка, ограниченную с учетом адресата и методической эффективности обучения языку. Учебная направленность словаря подразумевает, во-первых, отбор языковых единиц в соответствии с уровнем владения языком и потребностями иностранцев. Во-вторых, особенность семантизации лексем, дидактической по содержанию, но лексикографической по форме: не обычная, общеязыковая семантизация языковых единиц

(как в филологических словарях, предназначенных для носителей языка), а учебная семантизация. В-третьих, описание лексического фона с демонстрацией парадигматических и тематических связей, синтагматической сочетаемости. Данный тип словаря помогает иностранным студентам познакомиться с национально-культурной лексикой и выраженными в ней фоновыми знаниями, активно владеть данными единицами в соответствии с нормами и правилами русского языка, способствует формированию коммуникативных умений.

Главной целью лингвострановедческой семантизации является обнаружение национально-культурного компонента значения слова, поэтому она складывается из толкования лексического понятия и изъяснения лексического фона. Семантизация лексического понятия включает в себя перечисление признаков обозначаемого словом класса предметов, явлений и т.п., по которым этот класс может быть идентифицирован и противопоставлен другим с целью формирования данного понятия в сознании иностранца. Для семантизации лексического фона Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым был введен особый прием – изъяснение, т.е. «словарное отражение тех массово представленных сведений, которые сопряжены со словом и имплицитно определяют парадигматическую и синтагматическую сочетаемость этого слова с другими» [6, с. 205]. Среди компонентов изъяснения авторами называются обиходные знания о явлении или предмете, называемом данным словом; некоторые данные энциклопедического характера, усваиваемые русскими в школе, в процесс приобщения к отечественной культуре и усвоения общеразделяемых представлений; живая для русского человека форма слова; эмоционально-ассоциативный комплекс, связанный у русского человека с лексической единицей. Важным источником предъявления лексического фона является зрительная наглядность. Учебная иллюстрация дает общее представление об описываемом объекте, отражает все существенные стороны обозначаемого словом предмета и явления, а также направляет внимание учащихся на существенные доли лексического фона слова.

Таким образом, русская лексикография имеет богатый опыт создания лингвострановедческих словарей. Некоторые теоретические основы лингвострановедческого словаря могут быть заимствованы из опыта лингвострановедческой лексикографии, в частности: моделирование быденных фоновых знаний носителей языка, учебная направленность, отбор материала в соответствии с уровнем владения языком и потребностями иностранцев, способы изъяснения лексического фона, демонстрация парадигматических и синтагматических связей, опора на зрительную наглядность.

В настоящее время обучение РКИ с использованием информационных технологий становится неотъемлемой частью учебного процесса, вследствие чего при создании средств обучения языку, в частности словарей, широко используются компьютерные технологии. Среди наиболее важных технологических достижений, представляющих наибольший интерес при разработке лингвострановедческого словаря, можно назвать следующие: средства мультимедиа, объединяющие возможности представления информации в виде комбинации звука, графики, мультимедиа и видео; технологии CD-ROM и DVD, позволяющие многократно увеличивать объем сохраняемой на лазерных компакт-дисках информации; гипертекст, позволяющий представлять текстовую информацию в нелинейном виде путем создания системы перекрестных ссылок; гипермедиа, сочетающие возможности гипертекста и мультимедиа; телекоммуникационные технологии, в частности, Интернет [7].

М.А. Бовтенко выделила основные принципы создания компьютерного словаря: возможность управления пользователем объемом информации представления на экране содержания словарной статьи; использование звука (озвучивание словарной статьи и интерфейса); объединение нескольких словарей с учетом учебных задач; использование различных форм наглядности; наличие дополнительной справочной информации; включение системы упражнений (ориентированные на приобретение навыков работы со словарем, а также для формирования языковой, речевой и коммуникативной компетенций с опорой на информацию, предоставляемую словарем); использование сетевых версий словарей и ресурсных веб-сайтов в качестве дополнительного источника получения информации [7].

По нашему мнению, компьютерная форма организации лингвострановедческого словаря имеет ряд преимуществ по сравнению с печатной: хранение большого по объему и разноаспектного по содержанию лингвострановедческого материала; быстрое обновление и корректировка материалов; функционирование гибкого и мобильного изучения материала, учитывающего осо-

бенности учащихся, цели и задачи обучения; индивидуализация обучения за счет учёта познавательных способностей, мотивов и склонностей учащихся; сокращение времени поиска по словарю; нелинейное представление информации с помощью системы гиперссылок; показ взаимосвязи всех лексических единиц с помощью перекрестных ссылок; применение средств мультимедиа для семантизации лексики; расширение информационных возможностей словаря за счет ресурсов Интернет; организация дистанционного обучения языку.

Большинство исследователей отмечает, что электронный учебный текст имеет ряд особенностей, по сравнению с печатным текстом: усваивается в меньшем объеме, требуется больше времени для его прочтения, ограничен экраном монитора. В связи с этим при создании электронного лингвокраеведческого словаря необходимо учитывать принципы программированного обучения: четкое структурирование учебного материала, выделение разделов и подразделов; разбиение словарной статьи на абзацы в соответствии с логикой раскрытия регионально-культурной семантики; возможность быстрого перемещения как в рамках одной словарной статьи, так и между структурными элементами словаря с помощью понятной и удобной навигации; возможность выбора последовательности изучения материала самим студентом или преподавателем на основе системы гиперссылок или тематического указателя, алфавитного словника.

Электронный лингвокраеведческий словарь необходимо строить на основе гипертекстовой организации, т.е. нелинейной подачи текстового материала, при котором в тексте определенным образом выделены слова, имеющую привязку к другому текстовому фрагменту словаря. Такой способ организации учебного материала помогает в восприятии большого по объему текста, позволяя показать системные отношения, а также является удобным для перемещения по словарю.

Применение мультимедийных технологий при семантизации лексических единиц помогает расширить возможности традиционной наглядности (рисунки, фотографии) и использовать в качестве иллюстраций графические изображения, фотографии, видео, анимацию, аудиоматериалы. Мультимедийные средства позволяют варьировать способы презентации учебной информации, помогают индивидуализировать подход к студенту и дифференцировать процесс обучения, оказывает более сильное воздействие благодаря использованию различных форм наглядности, способствует развитию понимания устной речи, делает процесс обучения аутентичными и динамичными, а также интересным, что повышает мотивацию обучения.

Ресурсы Интернета расширяют информационные возможности словаря и погружают учащегося в аутентичную языковую, культурную среду. Иностранные студенты получают доступ к актуальным аутентичным или методически обработанным материалам как научного (об экономике, политике, культуре региона), так и бытового характера (цены на товары, выставки, театральные постановки, погода, курс валюты). В словарные статьи могут включаться ссылки на электронные газеты и журналы, электронные версии печатных изданий, каталоги библиотек, сай-

ты музеев, театров, учебных заведений, странички известных людей и т.п.

Компьютерная форма предъявления лингвокраеведческой информации делает процесс обучения более личностно ориентированным. Индивидуализация осуществляется, во-первых, за счет различных способов предъявления информации (текст, аудио, видео, фотографии и рисунки, материалы Интернета), что помогает ориентироваться на различные каналы восприятия. Во-вторых, благодаря различным способам индивидуального прохождения учебного материала в силу интересов и потребностей иностранных студентов.

Таким образом, современный лингвокраеведческий словарь необходимо создавать на основе достижений в области информационных технологий, в частности гипертекста, мультимедиа, Интернета. Данный словарь позволяет учитывать индивидуальные особенности иностранных студентов, варьировать формы предъявления лингвокраеведческой информации, быстро обновлять информацию, организовать дистанционное обучение.

Современный лингвокраеведческий словарь представляет собой электронный учебный одноязычный объяснительный словарь, в котором осуществляется семантизация языковых единиц, отражающих своеобразие историко-культурного пространства какого-либо региона: общеизвестные названия значимых предметов, явлений, событий, объектов, личностей. При создании данного словаря необходимо учитывать, во-первых, лингвострановедческие лексикографические традиции (моделирование обыденных фоновых знаний носителей языка, учебная направленность, отбор материала в соответствии с уровнем владения языком и потребностями иностранцев, способы изъяснения лексического фона, демонстрация парадигматических и синтагматических связей, опора на зрительную наглядность), во-вторых, достижения в области информационных технологий (гипертекст, мультимедиа, Интернет). Дальнейшим направлением работы может стать практическая реализация изложенных теоретических положений при создании лингвокраеведческих словарей по разным регионам и в соответствии с уровнем владения русским языком иностранными учащимися.

Описываемый нами лингвокраеведческий словарь является необходимым элементом обучения РКИ на современном этапе, поскольку способствует реализации ряда методических задач: моделирование у иностранных студентов базовых фоновых знаний об историко-культурном пространстве региона, содействие накоплению и усвоению минимума языковых единиц с регионально-культурным компонентом семантики, совершенствование лингвокраеведческих навыков и умений, позволяющих осуществлять речевую деятельность на русском языке применительно к культурному пространству региона, а также обеспечивающих адекватное восприятие учебных и художественных текстов, т.е. в конечном итоге способствует формированию лингвокраеведческой компетенции. Кроме того, материалы словаря облегчают адаптацию иностранных студентов в новой для них социокультурной среде, в частности помогают ориентироваться в пространстве региона и общаться с его жителями.

Библиографический список

1. Некипелова, Г.О. Лингвокраеведение в преподавании русского языка как иностранного: дис. ... канд. пед. наук. – СПб, 2001.
2. Девкин, В.Д. Очерки по лексикографии. – М., 2000.
3. Денисова, М.А. Народное образование в СССР: лингвострановедческий словарь. – М., 1978.
4. Чернявская, Т.Н. Художественная культура СССР: лингвострановедческий словарь. – М., 1984.
5. Россия: большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М., 2007.
6. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1980.
7. Бовтенко, М.А. Компьютерная лингводидактика. – М., 2005.

Bibliography

1. Nekipelova, G.O. Lingvokraevedenie v prepodavanii russkogo yazihka kak inostrannogo: dis. ... kand. ped. nauk. – SPb, 2001.
2. Devkin, V.D. Ocherki po leksikografii. – M., 2000.
3. Denisova, M.A. Narodnoe obrazovanie v SSSR: lingvostranovedcheskiy slovarj. – M., 1978.
4. Chernyavskaya, T.N. Khudozhestvennaya kul'tura SSSR: lingvostranovedcheskiy slovarj. – M., 1984.
5. Rossiya: bol'shoy lingvostranovedcheskiy slovarj / pod obsh. red. Yu.E. Prokhorova. – M., 2007.
6. Verethagin, E.M. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov. – M., 1980.
7. Bovtenko, M.A. Komp'yuternaya lingvodidaktika. – M., 2005.

Статья поступила в редакцию 10.07.12

УДК 377

Dubrovina O.S. TEACHING CONDITIONS OF FORMATION OF DESIGNING SKILLS AMONG TRAINEES DURING TRAINING ACTIVITY. The material, revealing the problem of forming the designing skills among the students of primary and secondary vocational education; through a developed set of pedagogical conditions that justified the formation of the design skills, is presented in this article.

Key words: designing skills, project method, project learning, pedagogical conditions.

О.С. Дубровина, зав. лабораторией Челябинского института развития профессионального образования, г. Челябинск, E-mail: dubrovina_o@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТИРОВОЧНЫХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлен материал, раскрывающий проблему формирования проектировочных умений у обучающихся учреждений начального и среднего профессионального образования; через разработанный комплекс педагогических условий, обосновывается формирование проектировочных умений.

Ключевые слова: проектировочные умения, метод проектов, проектное обучение, педагогические условия.

В настоящее время все большее внимание уделяется подготовке конкурентоспособного специалиста, готового осуществлять профессиональную деятельность в новых социально-экономических условиях и удовлетворяющего требованиям работодателя. Поэтому важным в процессе обучения, на наш взгляд, является то, чтобы образование не ограничивалось лишь теорией, а было подкреплено и совмещено с практическим использованием получаемых знаний.

Модель выпускника, основанная на ФГОС третьего поколения, содержит в своей структуре общие и профессиональные компетенции, определяющие профессиональное поле деятель-

ности будущих специалистов. Сформированность этих компетенций должна способствовать повышению мобильности выпускников на рынке труда, формированию их профессионализма. Например, общие и профессиональные компетенции, представленные в таблице 1, могут быть объединены общими умениями, такими как проектировочные умения, под которыми мы понимаем умения проектировочного типа, включающие все общеучебные умения, умения узкопредметные, характерные для получаемой специальности; и рефлексивно-оценочные умения конечных результатов деятельности [1; 2].

Таблица 1

Общие и профессиональные компетенции

Общие компетенции	<ul style="list-style-type: none"> – организовывать собственную деятельность, определять методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество; – решать проблемы, оценивать их риски и принимать решения в нестандартных ситуациях; – ставить цели и брать на себя ответственность за результат; – работать в коллективе и команде, обеспечивать ее сплочение, эффективно общаться с коллегами и руководством и другие.
Профессиональные компетенции	<ul style="list-style-type: none"> – планировать работу производственного подразделения; – выбирать оптимальные варианты технологического процесса; – принимать участие в разработке бизнес-плана и другие.

Таким образом, для того чтобы выпускник был востребован рынком труда ему необходимо обладать не просто теоретическими знаниями, но и проектировочными умениями, которые впоследствии перейдут в опыт человека и станут частью его профессионализма.

Одной из базовых образовательных технологий, способствующих формированию проектировочных умений у обучающихся, является метод проектов. Под проектом мы подразумеваем технологию организации образовательных ситуаций, в которых обучающийся ставит и решает собственные проблемы, и технологию сопровождения самостоятельной деятельности обучающегося по разрешению проблем [3, с. 14]. Данный метод достаточно исследован в педагогической теории такими учеными, как Е.С. Полат, Н.Ю. Пахомова и другими [4; 5]. Использование метода проектов направлено не только на формирование проектировочных умений, но и на формирование общих и профессиональных компетенций обучающихся, и является основой компетентного подхода в образовании [6].

Переход к реализации ФГОС НПО и СПО требует от образовательного учреждения решения целого комплекса взаимосвязанных задач, разработки научно-методических и учебных материалов, создания определенных педагогических условий, способных обеспечить качественный подъем подготовки обучающихся, сформировать проектировочные умения и вывести их на новый уровень.

Основу построения системы формирования проектировочных умений у обучающихся составляют сформулированные А.М. Новиковым идеи развития профессионального образования – гуманизация, демократизация, опережающий характер обучения и его непрерывность [7, с. 79].

Для формирования проектировочных умений необходимы определенные педагогические условия, среди которых мы выделяем разработку и внедрение факультатива «Учебное проектирование» по формированию проектировочных умений обучающихся; мотивацию обучающихся в поэтапном овладении проектировочными умениями; включение обучающихся в разнообразную учебную проектировочную деятельность.

Реализация первого условия требует организации правильной продуктивной учебной деятельности, направленной на овладение обучающимися соответствующим объемом знаний и умений, развитию способности решать профессиональные задачи, как на уровне сложившихся технологий, так и на уровне инноваций и творчества. Для этого, на наш взгляд, необходимо разработать методическое сопровождение учебной деятельности, направленной на формирование проектировочных умений у обучающихся в виде факультатива «Учебное проектирование», включающего теоретический блок и практическую часть. В теоретическом блоке рассматривается поэтапная технология проектной деятельности и ее освоение обучающимися, а в практической части предложены конкретные проекты по разным предметам и дисциплинам, имеющие целью на практике спланировать и организовать учебные проекты. Практическая часть – специально организованный преподавателем и самостоятельно выполняемый обучающимися комплекс профессиональных действий по разрешению значимой для обучающегося проблемы. Основной целью реализации учебных проектов будет формирование проектировочных умений у обучающихся в процессе учебной деятельности. Данный факультатив обеспечит качественную поддержку учебной работы обучающихся по изучению теоретического материала, по проектированию, освоению ме-

тодов проектировочной деятельности по каждому разделу основной профессиональной образовательной программы (ФГОС СПО и НПО третьего поколения), приобретению практического опыта решения комплексных профессиональных задач и опыта работы с реальными объектами. Данная учебная деятельность может быть обеспечена разработанными учебными проектами по разным предметам и дисциплинам. Факультатив «Учебное проектирование» в рамках реализации ФГОС НПО и СПО должен основываться на потребностях рынка труда региона, требований конкретных работодателей, способствовать взаимодействию производственного и теоретического обучения. Разработанный и внедренный в образовательный процесс факультатив «Учебное проектирование» непосредственно должен быть ориентирован на качественное обеспечение требований ФГОС, овладение обучающимися общими и профессиональными компетенциями, а также дополнительными проектировочными умениями, формирующими конкурентоспособность и мобильность выпускников учреждений профессионального образования на рынке труда.

Результативность формирования проектировочных умений зависит, прежде всего, от постановки целей. Четко поставленная преподавателем и принятая обучающимися цель стимулирует мотивацию в начале работы, а в дальнейшем является важным регулятором проектировочной деятельности. Под мотивацией мы понимаем процесс стимулирования кого-либо (отдельного человека или группы людей) к деятельности, направленной на достижение целей. Мотивация необходима для продуктивного выполнения принятых решений и намеченных работ. Мотивация оказывает огромное влияние на все виды деятельности человека, в том числе и на учебную деятельность обучающихся. Существенным для нашего исследования является выделение Б.И. Додоновым структурных компонентов мотивации: удовольствия от самой деятельности; значимости для личности непосредственного ее результата; «мотивирующей» силы вознаграждения за деятельность; принуждающего давления на личность [8, с. 70].

Управление учебной деятельностью обучающихся сегодня становится одним из первостепенных условий эффективности педагогического процесса, однако, как правило, провозглашается сама идея, но не дается исчерпывающей характеристики данного феномена, а также особенностей ее реализации на уровне целостности.

Любая человеческая деятельность может быть рассмотрена как процесс решения проблем. Человек выступает как субъект деятельности в той мере, в какой он выступает и как субъект целеполагания, способный определять цели собственной деятельности, и как субъект целереализации, способный выбирать и эффективно использовать средства реализации целей. Чтобы обучающиеся целеустремленно относились к проектировочной деятельности, ее цели должны быть привлекательными для них – в этом суть целеполагания. Достичь этого можно только через рациональную организацию учебного процесса, грамотно разработанные учебные проекты, задания и контроль за их реализацией. Мотивация способствует формированию положительного отношения к будущей профессиональной деятельности как к личной и социальной ценности, осознанию обучающимися роли проектировочных умений конкурентоспособного специалиста, формированию потребности в профессиональном и личностном росте.

Образование – специально организованный процесс развития у обучаемых способности самостоятельного решения проблем, имеющих социальное и личностное значение, в различных сферах деятельности на основе освоения культуры общества. Такое понимание сущности образования создает предпосылки для решения многих актуальных проблем педагогической теории и практики. Ориентация на развитие способности самостоятельно решать проблемы дает возможность преодолеть тенденцию бесконечного увеличения объема изучаемого учебного материала.

В реализации третьего педагогического условия формирования проектировочных умений у обучающихся необходимо ру-

ководствоваться образовательными технологиями, позволяющими включить обучающихся в разнообразную учебную проектировочную деятельность. Так модульное обучение позволяет разбивать учебный материал на небольшие составляющие и складывается из руководств, тем, предлагаемых для обсуждения, комплекса практических задач для решений. Групповая работа позволяет обсуждать, решать и оценивать профессиональные проблемы в группе. В ходе такой организации учебной деятельности обучающиеся приобретают умения социального взаимодействия. Проблемное обучение предполагает поиск ответов на вопросы для разрешения возникшего противоречия и обеспечивает продуктивное развитие тем, кто осуществляет этот поиск. Исследовательская деятельность формирует новые знания, направленные на открытие объективных закономерностей профессиональных знаний.

Проектное обучение ориентируется на комплексное самостоятельное решение обучающимися определенной проблемы, начиная с ее выявления и формулировки, заканчивая анализом полученных результатов, их соответствия поставленным ранее целям. Такая деятельность часто осуществляется обучающимися самостоятельно или под руководством преподавателя, но без явного его вмешательства.

В зарубежной и отечественной педагогике достаточно активно используется при организации образовательной деятельности метод проектов. Под методом проектов подразумевается самостоятельная творческая деятельность обучающихся. При этом проект всегда строится в соответствии с целью каждого этапа обучения и определяет его содержание, особенности деятельности и ее результат. В нашем случае содержание отражает требования ФГОС по профессии или специальности; деятельность направлена на осознание и осмысление собственных действий обучающихся, приемов и способов учебно-познавательной деятельности. Результат же отражает эффективность всей проектной деятельности, является средством обучения, который обеспечивает не только формирование определенных проектировочных умений, но и ведет обучающихся к саморазвитию [9, с. 37].

В настоящее время нами проводятся исследования на базе учреждений начального (ГБОУ НПО «Профессиональное училище № 107» с. Уйское Челябинской области) и среднего (ГБОУ СПО (ССУЗ) Челябинский техникум торговли и художественных промыслов) профессионального образования по содержательному наполнению представленных педагогических условий.

Таким образом, использование в процессе обучения различных видов активных педагогических технологий и методов способствует:

- развитию общей профессиональной подготовленности;
- формированию положительной мотивации к творческой профессиональной деятельности;
- развитию коммуникативных способностей;
- формированию общих компетенций;
- развитию навыков самоконтроля и взаимоконтроля;
- формированию проектировочных умений.

Необходимость включения обучающихся в проектировочную деятельность через активные педагогические технологии определяется тем, что проектировочные умения должны стать неотъемлемым элементом обучения и воспитания, поскольку именно такие умения помогут в будущем правильно воспринимать профессиональные и общественные процессы, активно в них участвовать, принимать решения, необходимые каждому человеку в разнообразных ситуациях.

Реализация рассмотренных нами педагогических условий в учебном процессе учреждений начального и среднего профессионального образования будет способствовать подготовке специалистов, знающих и понимающих свою профессиональную деятельность на современном уровне, способных выполнять профессиональные функции, что должно проявиться в виде сформированных общих и профессиональных компетенций и специальных проектировочных умений.

Библиографический список

1. ФГОС НПО по профессии 112201.01 Хозяйка(ин) усадьбы / утв. Приказом МОиН РФ от 24 февраля 2009 г.
2. ФГОС СПО по специальности 100701 Коммерция (по отраслям) / утв. Приказом МОиН РФ от 5 апреля 2010 г.
3. Голуб, Г.Б. Метод проектов – технология компетентностно-ориентированного образования: методич. пособие для педагогов – руководителей проектов учащихся основной школы / Г.Б. Голуб, Е.А. Перельгина, О.В. Чуракова; под ред. проф. Е.Я. Корган. – Самара, 2006.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; под ред. Е.С. Полат. – М., 2003.
5. Пахомова, Н.Ю. Метод учебных проектов в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов педагогических вузов / Н.Ю. Пахомова. – М., 2003.

6. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. – М., 2004.
7. Новиков, А.М. Обучение основам методологии // Педагогика. – 2009. – № 7.
8. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2007.
9. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М., 1989.

Bibliography

1. FGOS NPO po professii 112201.01 Khozyayjka(in) usadbihih / utv. Prikazom MOiN RF ot 24 fevralya 2009 g.
2. FGOS SPO po specialnosti 100701 Kommerciya (po otraslyam) / utv. Prikazom MOiN RF ot 5 aprelya 2010 g.
3. Golub, G.B. Metod proektov – tekhnologiya kompetentnostno-orientirovannogo obrazovaniya: metodich. posobie dlya pedagogov – rukovoditeley proektov uchastnikhsya osnovnoy shkoly / G.B. Golub, E.A. Pereliagina, O.V. Churakova; pod red. prof. E.Ya. Kogan. – Samara, 2006.
4. Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobie dlya stud. ped. vuzov i sistem povsh. kvalif. ped. Kadrov / E.S. Polat, M.Yu. Bukharkina, M.V. Moiseeva, A.E. Petrov; pod red. E.S. Polat. – M., 2003.
5. Pakhomova, N.Yu. Metod uchebnykh proektov v obrazovatel'nom uchrezhdenii: posobie dlya uchiteley i studentov pedagogicheskikh vuzov / N.Yu. Pakhomova. – M., 2003.
6. Zimnyaya, I.A. Klyuchevye kompetencii kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. – M., 2004.
7. Novikov, A.M. Obuchenie osnovam metodologii // Pedagogika. – 2009. – № 7.
8. Il'in, E.P. Motivatsiya i motivy. – SPb., 2007.
9. Bespal'ko, V.P. Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii. – M., 1989.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 378.02:372.8

Dudysheva E.V. DISTANCE TRAINING-AND-PROFESSIONAL PROJECTS AS WAY OF IMPLEMENTING THE VIRTUAL MOBILITY OF STUDENTS. The article analyzes the advantages, disadvantages and possibility of implementing the virtual mobility of students using distance training-and-professional projects in the traditional educational process of the higher school.

Key words: professional education, virtual mobility, joint distance learning, training-and-professional projects.

Е.В. Дудышева, канд. пед. наук, доц. каф. информатики ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: dudysheva@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ*

В статье анализируются достоинства, недостатки и возможность реализации виртуальной мобильности студентов при использовании дистанционного учебно-профессионального проектирования в традиционном образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: профессиональное образование, виртуальная мобильность, совместное дистанционное обучение, учебно-профессиональные проекты.

В современном профессиональном образовании возрастает роль и значение взаимодействия субъектов образовательного процесса, расширяется круг общественных институтов, оказывающих влияние на результат обучения, возникают новые социальные связи, прямо декларируемые в нормативных документах системы образования или проявляющиеся в процессе педагогических исследований, инноваций. В частности, вступление России в Болонский процесс, введение новых Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования предполагает такие реалии, как участие работодателей в определении целей и результатов, формировании содержания образования; поддержки мобильности студентов и преподавателей; разработке новых интерактивных форм и активных методов обучения; активное участие студентов в межвузовских конкурсах, конференциях; создание информационно-образовательной среды вуза, совместимой с международным образовательным пространством. Таким образом, система социальных коммуникаций студентов и преподавателей вузов расширяется, усложняется, становится более динамичной, притом, что данные изменения касаются не отдельных индивидуумов, а широких слоев студенчества и профессорско-преподавательского состава.

Закономерно, что перед профессиональными образовательными учреждениями возникают задачи обновления не только целей и содержания, но и существенного пересмотра форм, методов, средств, как самого образовательного процесса, так и управления им. Все большее распространение получает дистанционное обучение, под которым подразумевается «форма обучения, не регламентирующая временные и территориальные требования к реализации учебного процесса; совокупность современных педагогических, информационных и телекоммуникационных технологий, методов и средств, обеспечивающих возможность обучения без посещения учебного заведения, но с регулярными консультациями у преподавателей» [1, с. 274]. Многими авторами

подчеркивается роль дистанционного обучения как новой формы профессионального образования, создающего, среди прочего, профессионально-коммуникативную среду, способствующую развитию профессиональной мобильности.

Дистанционное образование определяется особыми формами взаимодействия преподавателя или тьютора и учащихся, включая синхронные и асинхронные, индивидуальные и совместные, групповые коммуникации. Необходимо различать совместное обучение (joint learning), являющееся преобладающей формой в традиционном массовом образовании, и обучение в сотрудничестве (collaboration learning) как метод инновационной педагогики – одно не исключает другое. Наряду с дистанционным образованием начинает формироваться смешанное образование, сочетающее черты разных моделей педагогических систем. Уже на современном этапе преобразования российских вузов элементы дистанционного образования могут быть эффективно внедрены и внедряются в традиционный образовательный процесс: во-первых, в виде применения для самостоятельной работы учащихся электронных учебно-методических комплексов дисциплин, дистанционных учебных курсов, систем управления обучением, что пока особенно ценно для совместного профессионального образования; во-вторых, в виде вебинаров, видеоконференций, он-лайн лекций, что свидетельствует об интересе к сфере развития виртуальной мобильности студентов и преподавателей. Если первое направление уже достаточно хорошо изучено, активно применяется на практике, то второе – находится в стадии апробации, определения параметров и построения педагогических и управленческих моделей.

Развитие международной системы высшего образования в русле Болонского процесса в соответствии со стратегией eBologna («Электронная Болонья») предполагает, среди прочего, активное внедрение не только дистанционного (электронного), но и смешанного обучения, реализацию принципа виртуальной мобильности [2, с. 12]. Виртуальная мобильность не подме-

няет, а дополняет и обогащает традиционную академическую мобильность. На наш взгляд, выделяется ряд достоинств дистанционного образовательного процесса в сравнении с физическим перемещением студентов и преподавателей в другие вузы; к основным преимуществам можно отнести следующие пункты.

- Большая массовость: даже при наиболее высоком уровне академической мобильности, она имеет нормативные пределы, а виртуальная мобильность потенциально не ограничена.

- Экономически выгодное решение: для большинства российских вузов, по сути, единственная возможность обеспечить приемлемый уровень мобильности.

- Симметричность: работа и студентов, и преподавателей в новых учебных сообществах нескольких вузов и различных культурных средах.

- Высокая гибкость обучения студентов: возможность построения индивидуальных образовательных траекторий, суммарного набора кредитных единиц с выбором курсов не одного, а разных вузов.

- Более соответствия современной модели открытого образования: большая возможность выбора и, как следствие, возможность учета особенностей каждого обучаемого.

Недостатки виртуальной мобильности состоят в невозможности полноценного погружения в образовательный процесс других вузов, так как основным остается собственное место учебы, и в проблемах современного состояния дистанционного обучения в целом. Одной из нерешенных задач дистанционного образования остается эффективная поддержка дистанционного совместного обучения, причем трудность вызывает не отсутствие инструментальных средств разработки, а моделей социальных коммуникаций в новых условиях информационно-образовательной среды.

Недостаточное развитие педагогических технологий также сдерживает массовое применение дистанционных технологий в межвузовском взаимодействии. При любом, синхронном или асинхронном, дистанционном взаимодействии роль грамотных и обоснованных педагогических коммуникаций чрезвычайно высока. Однако информационно-коммуникационные, педагогические и коммуникативные технологии не просто сочетаются, а именно интегрируются редко, не формируют системы с новыми свойствами, не сводимыми к сумме свойств каждой отдельной группы. Помимо технических трудностей и отсутствия достаточно удобных средств информационных технологий существенной является проблема языкового барьера, которая при организации традиционной академической мобильности решается интенсивным обучением в самой языковой среде. Каждая из перечисленных проблем предполагает собственную область исследования и, в то же время, в комплексе с остальными аспектами виртуального взаимодействия. Возможное решение заключается в разработке либо настройке компьютерных сред, поддерживающих совместное дистанционное обучение, их применении в рамках информационно-образовательной среды вуза с проведением педагогических исследований в сфере информатизации образования, построением адекватных динамических моделей управления и поддержки образовательного процесса [3].

Многими российскими вузами в настоящее время осуществляются практические мероприятия по организации дистанционного и смешанного обучения. Можно привести опыт компьютерно-опосредованного взаимодействия студентов на физико-математическом факультете Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина. Такой опыт, в частности, включает в синхронном режиме: совместное обучение на видеосеминарах со студентами вузов Красноярского края, научно-методические он-лайн семинары с Казахским национальным педагогическим университетом им. Абая, решение заданий профессионально-ориентированных олимпиад в единой команде со студентами Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; в асинхронном режиме: наполнение и использование электронного банка дипломных, курсовых работ, студенческих учебных программных проектов, мультимедиа портфолио; применение системы дистанционного мониторинга педагогической практики. Нельзя повторно не отметить, что подобная деятельность не уникальна, она прочно входит в практику российской системы высшего образования. В подобном русле прослеживается и общемировая тенденция. Например, можно упомянуть о декларированном Массачусетским технологическим институтом и Гарвардским университетом проекте EDx создания открытой технической платформы, с по-

мощью которой планируется размещать он-лайн курсы в свободном доступе.

Для иной профессиональной подготовки, большое значение имеет квазипрофессиональная, учебно-профессиональная деятельность, что в целом близко к общим идеям контекстного обучения. В частности, будущих педагогов можно с помощью дистанционного и смешанного обучения обучить тому, чем они сами потом будут заниматься. Участвуя в межвузовском общении посредством компьютерных сетей, студенты педагогических вузов проходят подготовку к использованию в своей дальнейшей профессиональной деятельности дистанционных форм обучения. В результате опыта использования дистанционных форм обучения в подготовке студентов педагогических вузов, полученного в процессе сотрудничества кафедры информатики и вычислительной техники Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и кафедры информатики Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина [4], апробирована модель обучения с тьютором; выявлены проблемы дистанционных методов и способы их решения, дидактические принципы, влияющие на эффективность on-line видеолекций и видеосеминаров, в том числе, элементы соревновательного поведения групп студентов. Полученные результаты относятся к синхронному взаимодействию в процессе совместного обучения студентов разных вузов.

В качестве примера комбинированной, с элементами синхронной и асинхронной, стратегии взаимодействия в процессе совместного обучения рассмотрим осуществленное в Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина исследование междисциплинарной технологии готовности учителей к предметно-профессиональному проектированию [5]. Технология включает межкурсовое совместное проектирование в рамках предметной подготовки (на примере процесса подготовки будущих учителей информатики), формализуемое в следующих этапах предложенного нами метода межкурсовых учебно-профессиональных проектов:

- выбора и анализа проектной тематики,
- информационно-поисковой работы и планирования,
- построения информационных моделей в профессиональной области,
- контрольного тренинга в виде предзащиты проекта,
- реализации проектного продукта,
- защиты проекта с использованием критериев профессиональной области,
- контрольно-рефлексивной и постпроектной организационной деятельности.

По нашему мнению, данный метод можно обобщить на область применения дистанционного и смешанного совместного обучения студентов разных вузов с реализацией принципа виртуальной мобильности. Возможный вариант такого дистанционного учебно-профессионального проектирования может выглядеть следующим образом. Студенты участвуют в совместном обсуждении, редактировании проектных документов. Периодически, по инициативе преподавателей разных вузов, объявляется конкурсная защита результатов проектирования, добавляемых в банк ресурсов. Далее участники, по желанию, могут повысить свой статус, а именно, получают возможность управления проектом. По итогам своей деятельности студентам разрешается сформировать электронное портфолио, отражающее избранные результаты. Для педагогического образования метод межкурсовых учебно-профессиональных проектов в дистанционном варианте может быть модифицирован с возможностью участия в командных проектах школьников, и не только абитуриентов педвузов, но и учащихся профильных классов, собирающихся специализироваться в заданной области. Участие действующих учителей может позволить дополнить цепочку непрерывного педагогического образования.

Несомненно, практическое исследование возможности применения дистанционных учебно-профессиональных проектов в контексте рассматриваемой проблематики требует межвузовского взаимодействия. Подобное сотрудничество планируется осуществить кафедрой информатики ФГБОУ ВПО «АГАО» и кафедрой информатики и прикладной математики Казахского национального педагогического университета им. Абая при организации совместного дистанционного учебно-профессионального проектирования программных систем будущими учителями информатики как способа реализации виртуальной мобильности студентов указанных вузов.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00103а

Библиографический список

1. Григорьев, С.Г. Информатизация образования. Фундаментальные основы / С.Г. Григорьев, В.В. Гриншкун. – Томск, 2008.
2. Банг, Й. «Электронный» Болонский процесс – создание европейского образовательного пространства. Шаг к обществу, основанному на знаниях // Информационное общество. – 2005. – № 4.
3. Дудышева, Е.В. Проблемы организации дистанционного совместного обучения в педагогическом образовании // Фундаментальные науки и образование: материалы Международной научно-практич. конф. – Бийск, 2012.
4. Дудышева, Е.В. Обучение студентов дистанционным технологиям с помощью дистанционных технологий / Е.В. Дудышева, О.Н. Макарова, Н.И. Пак. // Открытое и дистанционное образование. – 2011. – № 4 (44).
5. Дудышева, Е.В. Междисциплинарное проектирование в предметно-профессиональной подготовке будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2009.

Bibliography

1. Grigorjev, S.G. Informatizaciya obrazovaniya. Fundamentalniye osnovy / S.G. Grigorjev, V.V. Grinshkun. – Tomsk, 2008.
2. Bang, Yj. «Elektronniy» Bolonskiy process – sozdanie evropeyskogo obrazovatel'nogo prostranstva. Shag k obshchestvu, osnovannomu na znaniyakh // Informatsionnoye obshchestvo. – 2005. – № 4.
3. Dudisheva, E.V. Problemy organizatsii distantsionnogo sovmestnogo obucheniya v pedagogicheskom obrazovanii // Fundamentalniye nauki i obrazovanie: materialy Mezhduнародnoy nauchno-praktich. konf. – Biysk, 2012.
4. Dudisheva, E.V. Obuchenie studentov distantsionnykh tekhnologiyam s pomosh'yu distantsionnykh tekhnologiy / E.V. Dudisheva, O.N. Makarova, N.I. Pak. // Otkrytoe i distantsionnoye obrazovanie. – 2011. – № 4 (44).
5. Dudisheva, E.V. Mezhdisciplinarnoye proektirovaniye v predmetno-professional'noy podgotovke budutikh uchiteley: dis. ... kand. ped. nauk. – Barnaul, 2009.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК [159.937.51:39]:378.016

Egorov A.S., Ryazantseva I.M. ETHNO-CULTURAL FEATURES OF FORMATION COLOR PERCEPTION OF THE STUDENTS OF ART FACULTY. The article is devoted to creating a harmonious color perception of the students art-graphic faculty. As an effective form of color perception, we propose the use of ethno-cultural features of the learning process as one of the key factors influencing the formation of the active color vision. In the course of our study was carried out experimental work, as a result of which was developed and tested a set of exercises that are effective in improving color perception of the students of art faculties.

Key words: ethnicity, color, color perception, psyche.

А.С. Егоров, аспирант каф. ДПИ и МПИИ, Чувашского гос. педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, E-mail: fdspro4ta@gmail.com; **И.М. Рязанцева** д-р пед. наук, доц., зав. каф. ДПИ и МПИИ Чувашский гос. педагогический университет им. И.Я. Яковлева г. Чебоксары, E-mail: rimart21@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Статья посвящена проблеме формирования гармоничного цветовосприятия у студентов художественно-графических факультетов. В качестве эффективной формы развития восприятия цвета мы предлагаем использование этнокультурные особенности в процессе обучения, как один из ключевых факторов активно влияющих на формирование цветовосприятия. В ходе нашего исследования была проведена опытно-экспериментальная работа, в результате которой разработан и апробирован комплекс упражнений, позволяющих эффективно развивать цветовосприятие у студентов художественно-графических факультетов.

Ключевые слова: этнос, цвет, цветовосприятие, психика.

Формирование гармоничного цветовосприятия у студентов художественно-графических факультетов в рамках изучения дисциплины «Цветоведение» – является неотъемлемой частью подготовки будущих специалистов. Большой вклад в развитие методики преподавания цветоведения внесли художники – педагоги: В.Н. Козлов, Н.Н. Волков, А.С. Зайцев, Л.Н. Миронова и др. На сегодняшний день курс «Цветоведение» изучает и раскрывает основные закономерности в области цветовых явлений природы, создаваемой человеком предметной среды и всего искусства в целом.

Одной из целей нашего исследования в рамках курса «Цветоведение» мы ставим – развитие способностей использования цвета творчески и грамотно, а так же умение создавать свой колористический стиль при решении композиции разного уровня. В задачи курса «Цветоведения» входит: расширение возможностей цветоощущения, совершенствование восприятия цвета, и получение знаний о его художественной выразительности, а также изучение и использование этнокультурного фактора. С помощью разработанных и апробированных на практике упражнений, мы активизируем формирование цветовосприятия у студентов. На наш взгляд, одним из ключевых аспектов формирования цветовосприятия является этнокультурный фактор. Это особенно актуально для жителей современной России с её культурными и климатическими особенностями. В психологии есть

термин «цветовое голодание» – это значит, что человека окружает малое количество цветов. Ученые психологи считают, что цветовое голодание может способствовать развитию депрессии. В наследие от советских времен нам достались однообразные дома и города, похожие друг на друга как две капли воды. Во многом была утеряна цветовая самобытность. Оказалась не востребованной цветовая символика на уровне малых народов. Остались лишь общие для всех особенности цветовой картины мира. Это и есть отражение нашего этнического фактора влияющего на цветовосприятие. Дело в том, что серая цветовая гамма нашего окружения формирует наше цветовосприятие а мы при формировании цветовой гаммы окружающего пространства поддерживаем и усиливаем этот колорит. И для нас это кажется довольно естественным и привычным, а значит комфортным, мы ходим по улицам и не замечаем этой серости. Таким образом цветовая традиция имеет очень большую инерцию в нашем обществе, люди вырастают среди серых домов и не замечают всей серости и им кажется что так и должно быть.

Учеными доказано, что этнические группы имеют определенные особенности в восприятии цвета, которые сформировались под воздействием различных факторов. Поиску и анализу этих различий посвящены исследования таких ученых как: У. Риверс, П.В. Яньшин, А.В. Панькин, Ф.С. Эффендиев и др. Этнокультурные особенности в восприятии цвета наиболее вы-

ражены при сравнении «контрастных», в этом плане, этнических групп. Одним из первых ученых, изучавших этнопсихологические особенности восприятия цвета, считают британского исследователя У. Риверса. Ещё в конце XIX века, им были обнаружены отдельные межкультурные различия в восприятии цвета. Занимаясь изучением цветового зрения коренных жителей Южной Индии и туземцев островов Новой Гвинеи, ученый обнаружил, что они путают синий и зеленый цвета и практически их не различают. Открытие позволило ему утверждать, что их зрение характеризуется меньшей чувствительностью в сине-зеленом участке видимого спектра, чем зрение европейцев. Например, для гвинейских аборигенов синий более темный цвет, чем для европейцев, так, ярко-синий цвет у них ассоциируется с грязной водой или темнотой ночи [1, с. 75].

Большое влияние на формирование восприятия цвета имеет культурный фактор, в частности язык на котором общаются представители того или иного этноса. Как известно язык – это, то, что формирует сознание, структуру мышления и образ мировоззрения. Английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией [2, с. 163]. Так в самых примитивных языках существует всего 2 цветообозначения (черный и белый) по мере усложнения культуры увеличивается количество цветоименований. Неожиданную связь между лингвистикой и физиологическим восприятием цвета открыл Джонатан Вайноуэр из Массачусетского технологического института. Его заинтересовало: влияют ли на цветовосприятие особенности родного для человека языка [3]. Результаты проведенных экспериментов доказывают что с увеличением количества цветоименований в языке, у носителей этого языка улучшается качество распознавания цветов.

Проанализировав восприятие цвета у разных народов, мы можем сделать заключение, что этнокультурные особенности цветовосприятия выражаются в этнической символике, архитектуре, искусстве, предметах ДПИ, лингвистических особенностях и т.д. Совокупность этих особенностей и объединяет в себе этнокультурный фактор в формировании цветовосприятия.

Этнокультурный фактор, по определению ряда ученых, это то, что объединяет в себе совокупность всех тех факторов, которые влияют на формирование национальных черт определенного народа. Так же мы отмечаем, что этот фактор влияет и на формирование цветовосприятия. Что же касается непосредственно процесса цветовосприятия, то это очень сложный процесс, который изучают такие науки как психология, физиология, биология, физики и др. Доказано, что ощущение цвета вызывают электромагнитные волны, отраженные от поверхности предметов окружающего нас мира. Электромагнитные волны воспринимают специальные группы клеток (условно называемые колбочки и палочки), которые расположены на внутренней поверхности глаза. Результаты современных исследований показали, что колбочки, отвечающие за цветное зрение, воспринимают лишь 3 основных цвета. Оттенки цветов появляются на этапе анализа мозгом полученной информации от зрительных рецепторов. Таким образом, именно мозг человека формирует особенности восприятия цвета. Настройка цветового восприятия происходит через ассоциативную привязку к внешнему миру. Красный предмет имеет цвет розы, а зелёный – цвет листьев. Таким образом, мы можем сделать вывод, что цветовосприятие зависит от окружающего нас мира, так как мозг сам по себе структура гибкая и постоянно помогает человеку адаптироваться к окружающей среде.

В ходе нашего исследования мы также проанализировали факторы, которые влияют на формирование цветовосприятия как определенного этноса, так и отдельного человека, для удобства разделив их на 3 группы:

1. Психофизиологические факторы. В эту группу мы включили такие особенности как: состояние здоровья, возраст, пол, темперамент и т.д.

2. Фактор окружающей среды. Данная группа включает в себя все факторы которые влияют на человека извне, такие как: климат, особенности ландшафта, ноосфера и т.д.

3. Культурологические особенности. Сюда были отнесены такие факторы как: уровень культурного развития, традиции, лингвистические особенности и т.д.

При более детальном рассмотрении можно прийти к выводу, что большинство из этих факторов взаимно влияют друг на друга. Из трех групп, в рамках обучения на художественно-графических факультетах можно эффективно формировать цветовосприятие, используя культурологические особенности.

Изучив влияние этнокультурного фактора на процесс восприятия цвета, мы разработали специальный курс «Цветоведение», который состоит из 2-х разделов:

1. Теоретический (курс лекций о символике цвета, этнокультурные особенности восприятия цвета, цветовые гармонии, история становления теории цвета, основные цветовые модели, цветовая терминология и т.д.).

2. Практические упражнения.

Задание: Запоминание названий цветов;

Цель: Увеличить количество цветов, которые студент может распознать и назвать. Тренировка цветовой памяти.

Описание упражнения: Результаты наблюдений и эксперименты ученых показали что количество цветоименований в языке различных этносов прямо коррелируется с уровнем цветовосприятия. В ходе упражнения студенты работают с цветовыми таблицами, в которых они должны определить названия цветов. Таблицы содержат от 20 до 60 цветовых образцов. Запоминание новых названий цветов – одно из ключевых упражнений стимулирующих цветовосприятие.

Задание: Определение характеристик цвета;

Цель: Научить студентов в уме складывать цвет на основные компоненты (тон, насыщенность, светлота).

Описание упражнения: Студенты должны описать предложенные цвета пользуясь корректировочной таблицей. Данное задание необходимо для более глубокого понимания цвета. Особенно важно для студентов, работающих с компьютерной графикой. Предусмотрена возможность выполнения задания на компьютере.

Задание: Расширение цветовой палитры;

Цель: Увеличить количество цветов, которыми пользуется студент при решении творческих композиций.

Описание упражнения: Наблюдения показали что очень часто студенты выполняют свои работы используя далеко не всю палитру, случается что большинство композиций выполнено в холодной или теплой гамме. Это может быть следствием этнокультурных особенностей цветовосприятия. Суть задания в том чтобы показать студентам возможность использования большего количества цветов. Для этого учащиеся убирают 3 любимых цвета и выполняют композицию из тех цветов, которые будут противоположными или меньше всего использующимися.

Задание: Работа с национальной цветовой символикой.

Цель: Показать студентам многообразие и уникальность национальной цветовой палитры.

Описание упражнения: Выполнить тематическую национальную композицию или орнамент в традиционной гамме, в импрессионистической манере, классицизм и т.д. Придумать национальный орнамент для воображаемого этноса (марсиане, жители Антарктиды) для них же подобрать цветовые сочетания (придумать цветовую символику для воображаемого народа, объяснить символику цвета).

Задание: Контуры нейтральной композиции или силуэты пейзажа;

Цель: Научить студентов с помощью цвета передавать различные «состояния природы». Показать влияние факторов окружающей среды на процесс формирования цветовосприятия.

Описание упражнения: Для выполнения упражнения студентам раздаются листы бумаги (формат А5) с напечатанным на них силуэтом нейтральной композиции, к примеру: поле, дом и несколько деревьев. Задание – выразить с помощью цвета состояние природы: родной местности, в тропических странах или на севере, в определенное время года.

Эти задания были включены в программу опытно-экспериментальной работы, которая проводилась в 3 этапа (констатирующий, поисковый, формирующий):

Констатирующий этап, проводилось комплексное тестирование, определившее общий уровень знаний и навыков владения цветом. Тестовые задания состояли из:

- тест на определение цветоустойчивости Hue Munsell Test;

- упражнения на точность передачи цвета;

- тест на определение названий цветов;

- тест на определение уровня знаний о теории цвета;

- творческое задание.

Поисковый этап, проводились поисковые эксперименты и подбор оптимальных комбинаций упражнений для эффективного формирования цветовосприятия.

Формирующий этап доработка и апробация отобранных в ходе поискового эксперимента упражнений. В заключительной части проводилось повторное комплексное тестирование;

В эксперименте принимали участие студенты 2 курса ХГФ ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, которые были объединены в 2 группы

(контрольная и экспериментальная). Обе группы прошли курс «Цветоведения» на первом курсе и на момент начала эксперимента обладали практически одинаковым уровнем теоретических и практических знаний и навыков по работе с цветом. В ходе констатирующего этапа по результатам комплексного тестирования был выявлен средний уровень владения цветом студентами примерно – хорошо (оценка). Далее группы стали заниматься по разным программам. Контрольная – по традиционной программе, а экспериментальная – по курсу «Цветоведения» с учетом этнокультурных факторов в формировании цветовосприятия. Эксперимент был рассчитан на 1 полугодие и проходил с сентября 2010 по январь 2011 г. В заключительной части эксперимента было повторно проведено комплексное тестирование и сравнительный анализ полученных результатов. Анализ результатов показал рост уровня теоретических знаний о цвете на 30% и общее улучшение качества практического владения цветом при решении творческих задач.

Библиографический список

1. Боковиков, А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе / А.К. Боковиков, А.Н. Лебедев. – М., 1995.
2. Яньшин, П.В. Психосемантика цвета. – СПб., 2006.
3. Roxanne Khamis. Russian speakers get the blues, NewScientist.com news service. – 2007. – [E/r]. – R/d: Access Mode: <http://www-psych.stanford.edu/~lera/press/blues-newsscientist.pdf>

Bibliography

1. Bokovikov, A.K. Eksperimentalnaya psikhologiya v rossiyskoy reklame / A.K. Bokovikov, A.N. Lebedev. – M., 1995.
2. Yanjshin, P.V. Psikhosemantika cveta. – SPb., 2006.
3. Roxanne Khamis. Russian speakers get the blues, NewScientist.com news service. – 2007. – [E/r]. – R/d: Access Mode: <http://www-psych.stanford.edu/~lera/press/blues-newsscientist.pdf>

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 159.9

Капина О.А. FORMATION OF READINESS FOR CHOICE OF PROFESSION AT THE ADVANCED SCHOOL AGE.

Article is devoted to the analysis of features of formation of readiness for choice of profession at the advanced school age. Key components of readiness are allocated: preconditions of readiness for professional activity, professional maturity and professional installations. Are analysed specifics of formation of these components at seniors.

Key words: readiness for activity, readiness for a profession choice, readiness for professional activity, professional maturity, professional installations.

О.А. Капина, ст. преп. каф. педагогики и психологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Коряжма, E-mail: kapinaoksana@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Статья посвящена анализу особенностей формирования готовности к выбору профессии в старшем школьном возрасте. Выделены ключевые составляющие готовности: предпосылки готовности к профессиональной деятельности, профессиональная зрелость и профессиональные установки. Проанализированы специфика формирования данных составляющих у старшекласников.

Ключевые слова: готовность к деятельности, готовность к выбору профессии, готовность к профессиональной деятельности, профессиональная зрелость, профессиональные установки.

Готовность к деятельности – это достаточно изученный феномен, представленный с различных точек зрения. В психологической литературе существует несколько сложившихся подходов к определению понятия «готовность». М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович выделяют долговременную и ситуативную готовность. Долговременная готовность представляет собой устойчивую систему качеств человека, важных для успешной реализации деятельности, она является постоянным свойством человека как потенциального деятеля, ее не надо каждый раз формировать в связи с поставленной задачей. На ее основе возникает состояние готовности к выполнению тех или иных текущих задач деятельности это актуализация, приспособление всех сил, создание психологических возможностей для успешных действий в данный момент [1]. К долговременной готовности относится готовность к профессиональной деятельности, которую А.В. Багдугева понимает как сложное психолого-педагогическое явление, сочетающее взаимосвязанные психологические особенности и нравственные качества личности, социально-ценностные мотивы выбора профессии, способы поведения, специальные профессиональные знания, умения и навыки (ЗУН), обес-

печивающие специалисту возможность трудиться в избранной им профессиональной сфере [2]. У подростков в период выбора профессии сформированы, как правило, лишь некоторые предпосылки данного вида готовности, такие как профессионально-ориентированные интересы, склонности, определенный уровень умственного развития.

Близким по определению к понятию «долговременная готовность», а зачастую синонимичным является понятие зрелость, которая в большинстве работ определена как степень сформированности определенных структур личности. Так Д. Сьюпером введено понятие профессиональная зрелость, которая определяется как соответствие профессионального развития индивида и круга решаемых им проблем тому уровню и кругу, которых обычно достигают люди его возраста. Как отмечает Ю.П. Поваренков, профессиональная зрелость свидетельствует о сформированности личностного контура регулирования процессом профессионального развития, о степени осознания личностью своих возможностей и потребностей, требований, которые ей предъявляются. Профессиональная зрелость является ведущим показателем становления субъекта профессионального пути [3].

Ситуативный аспект готовности исследовали М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, И.М. Кондаков. Так М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович понимают ситуативную готовность как динамичное, целостное состояние личности, внутреннюю настроенность на определенное поведение, мобилизацию всех сил на активные и целесообразные действия, то есть приведение их в активное состояние [1]. Значительный вклад в исследование ситуативной готовности внесла теория установки, разработанная школой Д.Н. Узнадзе, где установка рассматривается как особое целостное динамическое состояние субъекта, состояние готовности, обусловливаемое двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией. Данное состояние предшествует деятельности и объединяет в себе все необходимые условия ее возникновения, протекания и завершения [4].

И.М. Кондаков связывает готовность к выбору профессии с ситуационно-специфическим поведением, т.е. с отдельными решениями, зависящими от конкретных условий. Принципиальное значение он придает профессиональным установкам, выражающим готовность индивида принимать профессионально важные решения. Эти установки связаны, с одной стороны, с объективными требованиями самих ситуаций профессионального выбора, т.е. с задачами профессионального развития, а с

другой – с уже имеющимся у личности опытом решения жизненных задач. Данные установки характеризуются готовностью индивида не только решать предъявленные окружающей действительностью задачи, но и активно выбирать эти задачи и модифицировать в соответствии с ними свое поведение. Автор выделяет пять установок, возникающих у подростков в ситуации выбора профессии: нерешительность в профессиональном выборе, рационализм профессионального выбора, оптимизм в отношении профессионального будущего, высокая самооценка, зависимость в выборе [5].

С точки зрения М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича, долговременная и ситуативная готовность находятся в единстве – в ситуативную готовность включаются актуализированные компоненты долговременной готовности, которые, будучи использованными, снова «возвращаются» (при этом в чём-то меняясь) на свое прежнее место [1]. Следовательно, готовность к выбору профессии представляет собой интегральное свойство личности, включающее в себя профессиональную зрелость, предпосылки готовности к профессиональной деятельности (профессиональные интересы, склонности, способности, знания, умения, навыки) и профессиональные установки. Схематично структуру готовности к выбору профессии можно представить следующим образом.

Рис. 1. Структура готовности к выбору профессии

Как показывают многочисленные исследования, формирование различных компонентов готовности происходит неравномерно. Так формирование предпосылок готовности к профессиональной деятельности в детском возрасте происходит под влиянием профессионально-ролевых игр, выполнения простейших трудовых действий, наблюдения за трудом взрослых [6; 7]. Как отмечал Д.Б. Эльконин, именно в игре происходит первичная ориентация в смыслах и мотивах человеческой деятельности, на основе этого у ребенка возникает новый социальный мотив – заниматься общественно-значимой и общественно оцененной

деятельностью [8]. Часть сюжетно-ролевых игр имеют профессионально ориентированный характер. Дети проигрывают роли врачей, продавцов, учителей, водителей.

В дальнейшем, с началом систематического обучения происходит развитие устойчивых познавательных потребностей и интересов. Как показывает Е.М. Борисова, в младшем школьном возрасте усиливается познавательная активность, интенсивно развиваются способности, на основании чего возникают новые интересы, складывается определенное отношение к профессиям [7]. Психологической особенностью младших школь-

ников Э.Ф. Зеер называет подражание взрослым и ориентацию на профессии значимых взрослых – учителей, родителей, родственников [6].

В младшем подростковом возрасте для школьников характерно подражание внешним формам поведения взрослых и ориентация на романтические «женские» или «мужские» профессии. Также в этом возрасте характерно выраженное дифференцированное отношение к учебным предметам, занятия во внешкольных кружках, секциях, клубах, что, в свою очередь, формирует учебно-профессиональные намерения [6]. Кроме этого, подростки пытаются ориентироваться на свои возможности и соотносить их требованиями профессии, но еще не умеют их анализировать. Недостаточный уровень развития самосознания подростков препятствует включению в формирование готовности оценки внутренних факторов, таких как способности, склонности, индивидуальные особенности [7].

В старшем подростковом и раннем юношеском возрасте школьники более серьезно относятся к выбору профессии. Старшеклассники пытаются оценивать себя, свои склонности и стремятся обсудить разные варианты своего будущего. Как считает Э.Ф. Зеер, такой самоанализ становится основой отсроченного выбора. В 14-15 лет профессиональные намерения подростков достаточно диффузны и неопределенны. Те профессиональные мечты, что сложились ранее, сталкиваются с реально наступившим настоящим, в котором эти мечты реализовать невозможно в силу объективных и субъективных причин [6].

Сложившаяся ситуация и приводит к возникновению кризиса выбора. В ходе разрешения данного кризиса старшеклассник начинает оценивать школьные дисциплины, внешкольные занятия, стремясь отдать больше сил и времени тем, которые соотносимы с будущей профессией. Исследования Е.М. Борисовой показывают, что в этом возрасте меняется характер оценки профессий – от эмоциональных оценок школьники постепенно переходят к содержательным, хотя эмоции занимают еще очень большое место. Появляется выраженная ориентация на возможность самореализоваться в профессии [7].

С.В. Фролова проанализировала особенности выбора профессии у учащихся 9, 10 и 11 классов, и пришла к выводу, что девятиклассники еще не осознали объективно свои склонности к тому или иному виду будущей профессиональной деятельности, у них отсутствуют уверенность в правильности выбора профессии. Выбор профессии осуществляется ими, как правило, под влиянием авторитетных лиц, которыми являются, как правило, друзья и родители.

Учащиеся десятых классов характеризуются достаточной сформированностью интересов, адекватным представлением об индивидуальных особенностях, знанием о предъявляемых профессией требованиях к человеку, умением их анализировать и сопоставлять между собой, уверенностью в правильности выбранной профессии. Учащиеся одиннадцатых классов в основном направлены на «инструментализацию» выбора профессии, т.е. на обеспечение, прежде всего, возможностей поступления в высшее профессиональное учреждение, успешную подготовку к сдаче единого государственного экзамена. Интересы собственно будущей профессиональной деятельности размыкаются, падает значимость её самостоятельного выбора [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что предпосылки готовности к профессиональной деятельности к старшему школьному возрасту уже в основном сформированы, хотя не достаточно осознаются школьниками. Подростки и юноши имеют определенное представление о том, какая профессиональная сфера их привлекает, могут соотносить свои способности с требованиями профессии. У многих имеется определенный трудовой опыт, который помогает по-другому взглянуть на процесс профессиональной деятельности. Однако зачастую интересы подростка не совпадают с его профессиональными намерениями из-за зависимости от окружающих людей и ограниченности возможностей.

Формирование компонентов профессиональной зрелости происходит также специфично. Как отмечает А.П. Чернявская, для возникновения основных признаков автономности необходим определенный набор новообразований: во-первых, человек должен ощущать свою независимость от родителей в делах, мыслях, поступках; во-вторых, от внешней детерминации своего поведения он должен перейти к внутренней; в-третьих, он должен осознать свой идеальный образ Я-концепции и стремиться к его достижению [10]. Опираясь на специфичность ситуации выбора профессии, можно предположить, что автономность подростков еще находится на стадии становления, т.к. очевидно, что родители, друзья и другие значимые люди оказывают значительное влияние на выбор профессии.

Как показывают исследования Е.М. Борисовой, информированность о мире профессий интенсивно развивается от младшего к старшему школьному возрасту. Для детей младшего школьного возраста характерны малодифференцированные представления о мире профессий, ограниченные знания о нем. Чаще всего профессии известны детям по названиям, некоторым рабочим функциям, по внешним признакам. Главный ориентир в мире профессий – это сложившееся эмоциональное отношение к ним. В среднем школьном возрасте знания о мире профессий существенно расширяются, подростки понимают общественную ценность разных специальностей, их нравственный потенциал. В старшем школьном возрасте происходит более основательное понимание места профессий в социально-экономической структуре общества, появляется более выраженная ориентация на содержательную сторону профессии [7]. Таким образом, можно сказать, что старшие подростки достаточно информированы о мире профессий, но зачастую не могут адекватно сопоставить эту информацию со своими возможностями.

М.Р. Гинзбург показывает, что подростки, в целом, позитивно относятся к своему будущему и к необходимости его планирования, но это отношение не достаточно воплощается в реальной деятельности [11]. Возможно еще и потому, что, в силу своей объективной зависимости от значимых людей, они не способны самостоятельно принимать какие-либо жизненно-важные решения. Вместе с тем ситуация воспринимается ими как значимая, требующая разрешения, хотя возникающие эмоции различны – это может быть страх и беспомощность, а может быть эмоциональный подъем, желание заняться интересующей деятельностью. Это подтверждают исследования С.В. Фроловой, Н.Г. Осуховой, Э.Ф. Зеера и др.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что старшие школьники еще не обладают достаточным для принятия адекватного решения уровнем профессиональной зрелости. Хотя нельзя сказать, что это является отклонением от нормы или серьезным препятствием для осуществления профессионального выбора. Л.С. Выготский, исследуя проблему готовности к школьному обучению, не считал необходимым наличие созревших психических функций к моменту начала обучения в школе, но считал, что обучение должно быть согласовано с уровнем развития ребенка [12]. То же самое можно предположить и относительно профессиональной зрелости – недостаточное развитие профессиональной зрелости – это тот уровень актуального развития, на который необходимо опираться при ее формировании.

Очевидно, что и уровень актуального развития и ЗБР для каждого подростка индивидуальны и, скорее всего, задают основу для определенного ситуационно-специфического поведения. Как считает И.М. Кондаков, само ситуационно-специфическое поведение может осуществляться достаточно адекватно, когда оно основано на долгосрочном планировании, на принятии уверенных решений, на готовности к самоизменениям и пр., даже если условия, в которых оно осуществляется, не очень оптимальны. В частности, продолжает автор, адекватное ситуационно-специфическое поведение при профессиональном выборе возможно и тогда, когда устойчивые особенности личности имеют некоторые дефекты, например из-за того, что не сформированы профессиональные интересы [5]. В этой связи особое внимание автор обращает на возникновение профессиональных установок.

Как отмечал еще С.Л. Рубинштейн, всякая установка – это установка на определенную линию поведения. Ее возникновение предполагает в первую очередь распределение и преобразование субъективно значимых мотивов [13]. Об этом же говорит И.О. Гилева, анализируя возникновение ситуационной готовности. Она считает, что в первую очередь задача, которую необходимо решить субъекту, должна иметь личную значимость для человека и должна позволять достичь большей, основной цели. Следовательно, для того, чтобы подросток был готов разрешить ситуацию выбора профессии, у него должны быть личностно-значимые мотивы и некая дальняя профессиональная цель. В результате, как считает И.О. Гилева, возникает состояние «предвкушения достижения», которое имеет направленность в будущее. Наличие этой устремленности обеспечивается взаимосвязью между способностями человека и верой в свои силы, результатом чего выступает эффективное решение задачи [14]. Кроме этого, на примере исследования готовности к учебному занятию О.И. Шишкина показывает, что необходимо обеспечить внешние условия деятельности и основные средства деятельности – в первую очередь необходимо устранить негативные установки, препятствующие деятельности [15].

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что готовность к выбору профессии является системным образова-

нием, описывающим способность субъекта перестраивать себя и свою деятельность в зависимости от специфики ситуации выбора профессии. Формирование предпосылок готовности к профессиональной деятельности и профессиональной зрелости начинается задолго до того момента, когда подросток попадает в ситуацию выбора профессии и не заканчивается при выходе из этой ситуации – в течение профессионального развития ему предстоит значительное количество раз делать выбор, исходя из меняющихся обстоятельств, целей, мотивов, потребностей и т.д. Однако, тот уровень долговременной готовности, который сформирован к 14-15, годам во многом определяет настроен-

ность на ситуацию выбора и, возможно, формирование определенных профессиональных установок.

Очевидно, что в ходе формирования готовности к выбору профессии подростку необходима помощь компетентных взрослых. Исходя из представленного нами подхода к определению готовности, организация такой помощи должна, в первую очередь, опираться на актуальный уровень развития профессиональной зрелости подростка и имеющихся у него предпосылок профессиональной деятельности. Помощь должна быть организована как взаимодействие в индивидуальной зоне ближайшего развития.

Библиографический список

1. Дьяченко, М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск, 1976.
2. Багдueva, А.В. Педагогические условия формирования профессиональной готовности будущих специалистов с использованием информационных технологий: автореф. ... канд. пед. наук. – Улан-Уде, 2006.
3. Поваренков, Ю.П. Профессиональное становление личности: дис. ... д-ра психол. наук. – Ярославль, 1999.
4. Общее учение об установке Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966.
5. Кондаков, И.М. Диагностика профессиональных установок подростков // Вопросы психологии. – 1997. – № 2.
6. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального развития. – М., 2007.
7. Борисова, Е.М. **Профессиональное самоопределение** (личностный аспект): дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1995.
8. Эльконин, Д.Б. Психология игры. – М., 1978.
9. Фролова, С.В. Психологические особенности профессионального самоопределения старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.
10. Чернявская, А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. – М., 2001.
11. Гинзбург, М.Р. Психология личностного самоопределения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1996.
12. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – М., 2000.
13. Выготский, Л.С. Педагогическая психология. – М., 1991.
14. Гилева, И.О. Проблема мотивационной готовности к деятельности в зарубежных исследованиях // Вестник Красноярского гос. ун-та. – 2004. – Вып. 6. Гуманитарные науки.
15. Шишкина, О.И. Психолого-педагогические условия возникновения ситуативной готовности учащихся средней школы к занятию: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.

Bibliography

1. Djyachenko, M.I. Psikhologicheskie problemih gotovnosti k deyatel'nosti / M.I. Djyachenko, L.A. Kandibovich. – Minsk, 1976.
2. Bagdueva, A.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya professional'noy gotovnosti budutikh specialistov s ispol'zovaniem informacionnykh tekhnologiy: avtoref. ... kand. ped. nauk. – Ulan-Ude, 2006.
3. Povarenkov, Yu.P. Professional'noe stanovlenie lichnosti: dis. ... d-ra psikh. nauk. – Yaroslavl, 1999.
4. Obthee uchenie ob ustanovke Uznadze D.N. Psikhologicheskie issledovaniya. – M., 1966.
5. Kondakov, I.M. Diagnostika professional'nykh ustanovok podrostkov // Voprosih psikhologii. – 1997. – № 2.
6. Zeer, E.F. Psikhologiya professional'nogo razvitiya. – M., 2007.
7. Borisova, E.M. Professional'noe samoopredelenie (lichnostniy aspekt): dis. ... d-ra psikh. nauk. – M., 1995.
8. Eljkonin, D.B. Psikhologiya igrh. – M., 1978.
9. Frolova, S.V. Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov: avtoref. dis. ...kand. psikh. nauk. – M., 2009.
10. Chernyavskaya, A.P. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie po professional'noy orientacii. – M., 2001.
11. Ginzburg, M.R. Psikhologiya lichnostnogo samoopredeleniya: avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk. – M., 1996.
12. Rubinshteyn, S.L. Osnovih obthej psikhologii. – M., 2000.
13. Vihgotskiy, L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya. – M., 1991.
14. Gileva, I.O. Problema motivacionnoy gotovnosti k deyatel'nosti v zarubezhnykh issledovaniyakh // Vestnik Krasnoyarskogo gos. un-ta. – 2004. – Vihp. 6. Gumanitarniye nauki.
15. Shishkina, O.I. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya vzniknoveniya situativnoy gotovnosti uchathikhsya sredney shkolih k zanyatiyu: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 373.1.02:372.8

Klescheva I.V. EDUCATIONAL RESEARCH STUDENTS THE STUDY OF MATHEMATICS AS A MEANS OF ACHIEVING NEW EDUCATIONAL PROGRESS. This article describes the possibility of reaching students learning outcomes identified the Federal State Educational Standards, through the organization of teaching and research activities in the study of mathematics.

Key words: teaching and research activities, educational outcomes, personal development, results of metapredmet, Federal state educational standard of secondary (complete) general education.

И.В. Клещева, канд. пед. наук, доц. каф. методики обучения математике Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: ivklescheva@shko.la

УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В статье описываются возможности достижения учащимися образовательных результатов, определенных ФГОС, посредством организации учебно-исследовательской деятельности при изучении математики.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность, образовательные результаты, личностное развитие, метапредметные результаты, Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (далее ФГОС) устанавливает новые требования к результатам обучающихся, освоивших основную образовательную программу среднего (полного) общего образования. В контексте данной статьи, говоря о новых образовательных результатах, мы будем подразумевать результаты, заданные ФГОС.

Приоритетными результатами личностного развития учащихся являются их готовность и способность к саморазвитию и личностному самоопределению, сформированность мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности, системы значимых социальных и межличностных отношений, ценностно-смысловых установок, отражающих личностные и гражданские позиции в деятельности и пр.

Ожидаемые метапредметные результаты образовательной деятельности определены как способы деятельности, применимые как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях, освоенные обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов.

Предметные результаты включают освоенные обучающимися в ходе изучения учебного предмета умения, специфические для данной предметной области, виды деятельности по получению нового знания, его преобразованию и применению в различных ситуациях, формирование научного типа мышления, владение методологией исследовательской деятельности [1, с. 4].

В связи с реализацией ФГОС обостряется необходимость поиска средств для обеспечения условий достижения обучающимися новых образовательных результатов, заданных стандартами. Руководствуясь системно-деятельностным и компетентностным подходами, составляющими методологическую основу ФГОС, эффективному формированию соответствующих умений будет способствовать включение обучающихся в деятельность, реализация которой требует активизации этих умений. Таким образом, необходима организация познавательной деятельности, предоставляющей возможность учащемуся ориентироваться в потоке информации, осуществлять основные интеллектуальные операции, самостоятельно приобретать, «добывать» знания, критически их осмысливать и применять на практике, размышлять, сопоставлять разные факты, точки зрения, формулировать и аргументировать собственную позицию. В качестве такой деятельности может быть рассмотрена учебно-исследовательская деятельность учащихся (далее – УИД).

Несмотря на то, что УИД в современных условиях является приоритетным, социально значимым видом деятельности, позволяет реализовать в школьной практике различные направления модернизации образования, относить УИД к принципиально новым педагогическим средствам некорректно. Исследовательский метод обучения, при котором ученик как бы ставится в положение исследователя, возник и применялся уже в двадцатых годах прошлого века преимущественно в естествознании (Райков Б.Е., Ягдовский К.П., Всесвятский Б.В. и др.). Затем, в различные периоды развития отечественной школы интерес педагогической общественности к организации исследовательской деятельности учащихся периодически то затихал, то обострялся. Каждый раз в силу своей многогранности исследовательская деятельность проявляла те или иные свои характеристики, была направлена на достижение различных целей в зависимости от политики в сфере образования. В связи с этим различные аспекты проблемы организации исследовательской деятельности учащихся, в частности, при изучении математики рассматривали многие авторы. Это возможность и целесообразность включения в обучение математике элементов исследовательской деятельности (А.Д. Александров, А.Н. Колмогоров, Ю.М. Колягин, Д. Пойа и др.), исследовательская деятельность как средство реализации методологического подхода в обучении математике (В.А. Андреев, Т.А. Иванова, А.А. Столяр и др.), различные авторские методики развития отдельных исследовательских умений учащихся (Б.А. Викал, В.Л. Пестерева, Л.Н. Тимофеева). Поскольку участие в учебных исследованиях требует от ребят определенной интеллектуальной и психологической подготовки, то многие авторы адресуют разработанные ими методики более подготовленным учащимся классов и школ с углубленным изучением математики. Перенос таких методик в обычный класс весьма затруднителен.

Магистральной идеей общего образования в условиях реализации ФГОС, как уже отмечалось, является всестороннее развитие личности каждого учащегося средствами предмета, вооружение его знаниями и умениями, необходимыми для успешной социализации в обществе и самореализации в жизни. В связи с этим УИД в школе, например, в предметной области математика,

организуется не столько ради формирования самой математической исследовательской деятельности, сколько для овладения учащимися общей универсальной стратегией познания, используется как средство самореализации, саморазвития, самообразования учащихся. Важно при этом не уйти в другую крайность: не превращать УИД в формальность, не подменять исследовательские проекты рефератами. Возможность осуществления этой идеи обоснована психологами Савенковым А.И. и Поддьяковым А.Н. [2; 3], которые подтверждают, что желание исследовать окружающий мир заложено в каждом ребенке и обусловлено глубинными, внутренними, имеющими биологическую природу потребностями. И чтобы сохранить и развить это стремление, укрепить интерес к познанию нового, формировать умения конструктивного преодоления познавательных и жизненных трудностей, необходима последовательная согласованная системная организация УИД учащихся с учетом их индивидуальных способностей и возрастных особенностей. Возможность рассматривать УИД как средство достижения указанных в ФГОС групп результатов обусловлена следующими факторами.

Организация УИД на любом предметном или межпредметном содержании предполагает, что учащемуся не сообщают готовую информацию, перед ним ставится проблема, и он должен сам ее решить, самостоятельно (при необходимости с помощью учителя) получить субъективно новый результат, обогащающий систему знаний учащегося. И если обычно задача ученика осмыслить уже готовые знания, то здесь ребенок сам приобретает эти знания, познает структуру и механизмы открытия. Все это способствует личностному развитию ребенка, овладению им общей универсальной стратегией познания, формированию метапредметных умений и достижению осознанных личностно-значимых предметных результатов. Проанализируем возможность достижения указанных образовательных результатов посредством организации УИД, в частности, при изучении математики. Эти возможности обусловлены характеристическими особенностями УИД.

Так, УИД осуществляется посредством интеллектуально-волевых усилий учащихся, поэтому предполагает раскрытие и учет индивидуальных и возрастных возможностей и особенностей ребенка, использование субъектного опыта ребенка, тем самым, реализуя идеи личностно-ориентированного обучения. С педагогической точки зрения неважно, что учебное исследование не содержит объективно новой информации. Ценным при этом являются личностные фактологические и методологические открытия учащегося, обогащающие его систему знаний. Кроме того, УИД оказывает положительное влияние не только на интеллектуальную, но и на эмоционально-волевую сферу личности ребенка. Исследовательское решение познавательных проблем дает постоянный стимул к развитию способностей, тогда как отсутствие исследовательского опыта приводит к тому, что человек оказывается беспомощным при любом столкновении с познавательными трудностями.

Наиболее высоких личностных результатов можно достигнуть при погружении обучающихся в самостоятельное полноценное исследование. Но индивидуальные и возрастные особенности учащихся, а также предметное содержание учебных дисциплин не всегда позволяют проведение целостных учебных исследований с высокой степенью самостоятельности. Однако организация даже отдельных этапов УИД способствует личностному развитию учащихся в направлениях, указанных ФГОС. К такому выводу мы пришли, анализируя содержание УИД на ее различных этапах и соотнося его с возможными ожидаемыми личностными результатами освоения учащимися элементов УИД (таблица 1). Заметим, что приведенные в таблице 1 личностные качества являются наиболее развиваемыми на отдельных этапах УИД по результатам нашего эксперимента, проведенного со старшекласниками.

Таким образом, УИД способствует личностному развитию учащихся.

Организация УИД предполагает создание условий для освоения учащимися различных продуктивных способов познавательной деятельности, овладение социально и личностно значимыми видами деятельности. УИД метапредметна, но и учителя, и ученики работают в определенном предметном поле. Получение метапредметных результатов, предполагающих самостоятельный перенос методологических знаний об исследовательской деятельности из одной предметной области в другую, а также их применение в жизненных ситуациях, без согласованной работы различных учителей-предметников весьма затруднителен для учащихся. Такое положение вещей побудило нас обратиться к целостному, интегрированному представлению об образовании, которое сегодня является перспективным для по-

Таблица 1

Ожидаемые личностные результаты учащихся при организации различных этапов УИД

Этапы УИД	Ожидаемые личностные результаты
выделение и постановка проблемы	готовность и способность к самостоятельной, творческой и ответственной деятельности; готовность и способность к образованию, самообразованию; сознательное отношение к непрерывному образованию как условию успешной профессиональной и общественной деятельности
сбор и анализ информации	формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками, детьми старшего и младшего возраста, взрослыми
формулирование гипотез, проверка и обоснование гипотезы	формирование ответственного отношения к учению
предложение возможных вариантов решения проблемы	формирование уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению; готовность и способность вести диалог с другими людьми и достигать в нём взаимопонимания
формулирование выводов	формирование целостного мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики

строения частных методик обучения. Основной идеей данного подхода выступает построение образовательного процесса не в логике изучения учащимися изолированных друг от друга дисциплин, а в логике становления целостного образа мира и человека в нем. Данный подход не отменяет предметных задач школьных дисциплин, но акцентирует их общую функциональную направленность. В соответствии с указанным подходом организации УИД учащихся необходимо выделить «инвариантное ядро», характеризующее общие черты, обобщенную структуру учебно-исследовательской деятельности учащихся в различных предметах, и «вариативную оболочку», определяющую специфику учебного исследования в конкретной предметной области, в нашем случае, математике. «Инвариантное ядро» составляют характеристические признаки УИД, выделенные на основании системного анализа данного понятия [4]. Одним из таких признаков является общая структура УИД, представленная следующими специфическими структурными компонентами (этапами): выделение и постановка проблемы, организация и анализ информации, формулирование гипотез, проверка и обоснование гипотезы, предложение возможных вариантов решения проблемы, формулирование выводов. Наиболее специфическими особенностями УИД при изучении математики (вариативная оболочка) выступают особенности реализации этапов учебного исследования. Так, достаточно ярко прослеживается вариативность этапа учебного исследования «проверка и обоснование гипотезы». В предметах естественнонаучного цикла достоверность гипотезы может подтвердить или опровергнуть проведенный эксперимент. Во многих исследованиях по гуманитарным дисциплинам этап проверки гипотезы вообще отсутствует, так как результатом исследования может быть сама гипотеза, полученная при анализе исторических или литературных источников. В математике обоснованием истинности гипотезы является ее строгое логическое доказательство.

Изучая особенности математической УИД, мы выделили действия, характерные для каждого этапа учебного исследования по математике. Так, содержание второго этапа исследования – сбор и анализ информации – определяется, прежде всего, видом данных и возможными способами их сбора. В математике это числовые данные, описывающие количественные характеристики объектов, сведения о форме и взаимном расположении объектов и их элементов, различного рода соответствия. Сбор данных, на основании анализа которых формулируется гипотеза о некоторой закономерности, свойстве объекта, может быть организован как практическая, так и теоретическая деятельность.

Практическая деятельность по сбору информации может состоять в проведении опытов по теории вероятностей, измерении отдельных элементов моделей многогранников, наложении и сравнении моделей фигур. Практическая деятельность носит индуктивный характер, объекты этой деятельности не характеризуются массой. Эта деятельность направлена на догадку, на обнаружение закономерности и формулировку гипотезы. Например, учащиеся могут заметить, что вертикальные углы равны, измеряя транспортиром градусные меры пар вертикальных углов и сравнивая результаты измерений.

Теоретический сбор данных основан на приемах логического мышления: анализ-синтез, сопоставление, сравнение, аналогия и т.д. Специфика перечисленных мыслительных операций в математике заключается в том, что объекты, над которыми

осуществляются эти операции, обладают высокой степенью абстрактности. В этой связи для осуществления логической обработки данных часто возникает необходимость выполнять различные преобразования информации. А именно, переводить словесную информацию в наглядную, то есть по условию задачи строить чертежи, диаграммы, графики; и наоборот, символическую информацию – в словесную.

В силу абстрактности математических объектов анализ информации должен сопровождаться проверкой непротиворечивости данных. В противном случае может исследоваться некорректная с точки зрения математической теории ситуация.

В математических научных исследованиях исходные данные могут быть представлены системой аксиом. В этом случае к системе начальных данных предъявляются требования непротиворечивости, независимости аксиом, полноты системы аксиом. В школьной математике исходных данных, как правило, достаточно для решения задачи, при этом используются все указанные в условии данные. В противном случае говорят об избыточных или недостающих данных. Определение избыточных или недостающих данных является элементом, как математической научно-, так и учебно-исследовательской деятельности.

Таким образом, специфический операционный состав данного этапа УИД определяет необходимость интуитивного или целенаправленного выполнения учащимися следующих действий:

- выполнение различных преобразований информации,
- оперирование числовой и знаковой символикой,
- осуществление основных мыслительных операций,
- проведение экспериментов,
- определение непротиворечивости, необходимости, достаточности данных.

Создание учителем учебной ситуации, моделирующей данный или другие этапы УИД, стимулирует учащихся к осуществлению названных действий, что позволяет формировать соответствующие этим действиям метапредметные умения. Например, только на этапе сбора и анализа информации можно прогнозировать формирование таких метапредметных умений:

- самостоятельное определение цели и задач своей познавательной деятельности,
- планирование путей достижения целей, выбор эффективных способов решения задач,
- работа с учебником, справочной и дополнительной литературой, Интернет-источниками,
- подбор и группировка материалов по определенной теме,
- составление тезисов, конспектирование, цитирование,
- использование знаково-символических способов представления информации для создания моделей изучаемых объектов и процессов,
- выявление существенных признаков объекта,
- осуществление основных логических операций сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации, установления аналогий и причинно-следственных связей,
- использование информационно-коммуникационных технологий,
- организация сотрудничества с учителем и сверстниками, распределение функций в совместной деятельности, осуществление взаимного контроля и самоконтроля.

Реализовать указанный интегрированный подход в организации УИД в школе можно с помощью работы творческих групп

учителей, например, объединения учителей разных предметов одной параллели классов. Это создает условия для диалога учителей, поиска ими организационных и содержательных возможностей построения учебных исследований в единстве учебных предметов. Так, в нашей практике для учащихся 7 класса учителями физики и математики был разработан интегрированный урок по введению понятия плотность вещества на основе выявления зависимости между массой и объемом тел, после чего масса исследовалась как функция прямой пропорциональности от объема. Установление различных межпредметных связей позволяет также организовать внеурочную УИД учащихся, например, посредством создания исследовательских проектов. Как показывает наш опыт, исследовательские проблемы именно межпредметного характера вызывают интерес учащихся, позволяют включить в УИД большее число школьников с разными исследовательскими возможностями, разработать нетривиальные исследовательские проекты. Все это способствует развитию мотивации к исследовательскому познанию действительности, формированию метапредметных умений учащихся. Приведем примеры возможных тем исследовательских проектов, связывающих математику и другие предметные области (данные проекты были представлены учащимися различных образовательных учреждений на проводимый нами конкурс исследовательских проектов):

- *Использование теории графов для создания экскурсионных маршрутов.*
- *Проблемы точности календаря.*
- *Геометрия в моде.*
- *Секреты геометрии збмка.*
- *Идеальная футбольная команда: применение статистических методов.*

Помимо интегрированного содержания формированию метапредметных умений учащихся будет способствовать использование общих приемов и средств организации УИД учащихся на различных предметах. Так, основным средством организации УИД учащихся на уроках математики является решение специальных исследовательских задач. Это же средство приоритетно и при организации УИД в ряде других предметных областей (физика, химия, информатика). Анализируя различные трактовки понятия «исследовательская задача», предложенные В.А. Гусевым, Ю.М. Колягиным, И.Я. Лернером, В.В. Успенским, Л.Э. Орловой, А.Я. Цукарь и другими авторами, мы пришли к следующему пониманию данного понятия. Математическую задачу, процесс решения которой предполагает осуществление учеником учебно-исследовательской деятельности в полном объеме или отдельных её этапов, будем называть математической учебно-исследовательской задачей.

Например, для выявления свойства равенства диагоналей прямоугольника могут быть предложены практические задания, моделирующие этапы исследования и нацеленные на поиск этого свойства:

- 1) *построить произвольный прямоугольник,*
- 2) *измерить его диагонали, сравнить их,*
- 3) *выяснить, можно ли построить прямоугольник с неравными диагоналями,*
- 4) *сформулировать гипотезу о свойстве диагоналей прямоугольника,*
- 5) *обосновать эту гипотезу.*

Такая формулировка исследовательской задачи «провоцирует» ученика на анализ данных, выдвижение и проверку гипотезы, то есть осуществление элементов учебно-исследовательской деятельности.

Для упорядоченного представления математических учебно-исследовательских задач мы провели их типологию в соответствии с метаметодическим подходом к организации УИД. Согласно этому подходу было выделено общее основание для типизации исследовательских задач в различных предметных областях, а затем определены типы исследовательских задач в конкретном предметном поле, в нашем случае, математике.

Типизировать учебно-исследовательские задачи возможно по характеру полученного результата. Такими результатами могут быть:

- субъективно новый факт о свойствах, отношениях объектов или явлений, изучаемых в рамках отдельных дисциплин;
- объяснение некоторого явления с точки зрения системы знания одного или нескольких предметных полей;
- новая интерпретация известного факта (события, явления);
- спектр вариаций свойств объекта или явления в зависимости от изменяющихся условий его существования;
- обоснование (доказательство) существования некоторого объекта или явления.

Специфика учебного предмета определяет особенности исследовательских задач в рамках этого предмета. В связи с этим отметим, что такой результат учебного исследования как новая интерпретация известного факта характерен в большей степени для гуманитарных дисциплин и не представлен в математике. Обоснование существования или невозможности существования некоторого объекта, удовлетворяющего определенным условиям, является, наоборот, показательным для математического исследования основным, например, при поиске математического объекта с заданными свойствами, или вспомогательным, скажем, при построении геометрических объектов циркулем и (или) линейкой, результатом. Субъективно новые факты о свойствах и отношениях математических объектов учащихся получают наиболее явно в результате обнаружения свойств (признаков) некоторого математического объекта и нахождения закономерности. Объяснение некоторого явления в математике состоит в построении обоснования или опровержения математического утверждения.

В соответствии с описанным метаметодическим подходом разработаны наборы учебно-исследовательских задач по различным учебным предметам [5; 6]. Решение этих задач способствует не только знакомству учащихся с методологией УИД, открытию новых для них фактов в отдельной предметной области, но и успешному освоению многопредметной образовательной программы.

Требования ФГОС к личностному развитию школьников, овладению ими метапредметными результатами обусловило необходимость изменения требований к качеству предметных знаний учащихся. Предметные знания должны быть системны, действительны, осознанны, создавать необходимую базу для формирования научного типа мышления, метапредметных знаний и умений, развития личности обучаемого. Специфические характеристики УИД обеспечивают активное осмысленное личностно-значимое изучение обучающимися математических закономерностей в предметной области и окружающей действительности посредством их участия в УИД. По результатам нашего эксперимента организация с учащимися даже отдельных этапов УИД приводит не только к содержательному приращению новых знаний и умений, но и качественно изменяет уже имеющиеся. Дидакты (Х.Ж. Танеев, А.П. Тряпицына и др.) и методисты (Л.Э. Орлова, А.Я. Цукарь и др.) также отмечают осознанность, аргументированность, гибкость и действенность полученных в процессе учебных исследований знаний. Психологи (Л.С. Выготский, Я.А. Пономарев, П.И. Пидкасистый) считают, что указанные качества знаний приобретаются в результате рефлексии. Исследовательская позиция предполагает рефлекссию по отношению к результату деятельности, к осуществлению самого исследования и к исследователю как субъекту деятельности. При этом можно выделить:

- ретроспективную рефлекссию, которая проявляется в актуальном осознании добытых знаний, в соотношении полученных по завершению деятельности результатов с поставленными ранее целями, самоконтроле этих результатов, самоанализе рациональности выбранных способов достижения цели;
- перспективную рефлекссию, осуществляемую на этапе планирования, при выборе эффективных способов достижения поставленных целей;
- ситуативную рефлекссию, которая проявляется в осознании выполняемых действий на всех этапах осуществления УИД, самоорганизации, самонаблюдении, самоанализе, самоконтроле, позволяющем человеку на основе цели и плана следить за своими действиями и сознательно их регулировать.

Поэтому системное включение учащихся в УИД позволяет прогнозировать ожидаемые предметные результаты, обеспечивающие повышение качества знаний.

Достижение новых образовательных результатов требует и необходимость разработки системы их оценивания. Рассмотрение учебно-исследовательской деятельности как средства личностного развития учащихся, формирования их предметных и метапредметных умений позволяет использовать уровень сформированности УИД школьника в качестве одного из показателей достижения планируемых образовательных результатов. Дальнейшая работа в этом направлении требует соотношения уровней сформированности УИД с развитием учащегося, разработки критериев и индикаторов уровней сформированности УИД на различном предметном и межпредметном содержании, конструирования экспертных заданий, позволяющих оценить не только результат исследования, но и его процесс.

Учебно-исследовательская деятельность является одним из важнейших средств получения и осмысления знаний учащимися, способствует развитию многих качеств, необходимых для

успешной самореализации человека. Системное включение учащихся в УИД на определенном предметном содержании, в частности, математике, а также согласованная организация УИД в различных предметных областях позволяют создавать условия для эффективного достижения учащимися новых образователь-

ных результатов. Эти результаты, отвечающие вызовам времени, ожидают государство и общество, которым для инновационного стратегического развития страны требуется новое поколение исследователей, ориентированных на потребности инновационной экономики знаний.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. – М., 2012.
2. Савенков, А.И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению. – М., 2006.
3. Поддьяков, А.Н. Проблемы изучения исследовательского поведения: об исследовательском поведении детей и не только детей. – М., 1998.
4. Клещева, И.В. Учебно-исследовательская деятельность учащихся при изучении математики и ее роль в развитии метапредметных умений // Вестник Новгородского государственного университета. – 2011. – № 64. – Серия: Педагогика. Психология.
5. Исследовательские задания для школьников 5-9 классов (математика, физика, информатика) / под ред. Н.Л. Стефановой. – СПб., 2010.
6. Исследовательские задания для школьников 10-11 классов (математика, физика, информатика, обществознание) / под ред. Н.Л. Стефановой. – СПб., 2010.

Bibliography

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya. – M., 2012.
2. Savenkov, A.I. Psikhologicheskie osnovy issledovatel'skogo podkhoda k obucheniyu. – M., 2006.
3. Poddjakov, A.N. Problemih izucheniya issledovatel'skogo povedeniya: ob issledovatel'skom povedenii detej i ne tol'ko detej. – M., 1998.
4. Klecheva, I.V. Uchebno-issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchih'sya pri izuchenii matematiki i ee rol' v razvitiі metapredmetnykh umeniy // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 64. – Seriya: Pedagogika. Psikhologiya.
5. Issledovatel'skie zadaniya dlya shkol'nikov 5-9 klassov (matematika, fizika, informatika) / pod red. N.L. Stefanovoy. – SPb., 2010.
6. Issledovatel'skie zadaniya dlya shkol'nikov 10-11 klassov (matematika, fizika, informatika, obshchestvoznaniye) / pod red. N.L. Stefanovoy. – SPb., 2010.

Статья отправлена в редакцию 05.07.12

УДК 378.016:802/809

Kuleshova J.A., Skibitsky E.G. EDUCATIONAL TECHNOLOGY OF LANGUAGE GUESS DEVELOPMENT IN STUDYING FOREIGN LANGUAGE BY NON-LINGUISTIC STUDENTS. In this work the approach to the definition of the word combination «educational technology» is shown. The objective, goals and functions as well as the structure and the content of the educational technology of language guess development are described. The stages of its model are given.

Key words: educational technology, language guess, foreign language, non-linguistic university.

Ю.А. Кулешова, аспирант каф. «Философия, педагогика, и психология» Сибирской Академии финансов и банковского дела, старший преподаватель каф. английского языка Сибирского гос. университета путей сообщения, г.Новосибирск, E-mail: ycooleshova@rambler.ru; **Э.Г. Скибицкий**, д-р пед. наук, проф., зав. каф. «Философия, педагогика, и психология» Сибирской Академии финансов и банковского дела, г. Новосибирск, E-mail: skibit@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В работе показаны подходы к определению словосочетания «педагогическая технология». Описаны цели, задачи и функции, а также структура и содержание педагогической технологии развития языковой догадки. Показаны этапы ее построения.

Ключевые слова: педагогическая технология, языковая догадка, иностранный язык, неязыковой вуз.

Современный этап развития высшей школы связан с повышением качества подготовки специалистов различного профиля, в том числе технического. Растет потребность в профессионально компетентных специалистах, способных понимать информацию, изложенную в аутентичных, актуальных, постоянно пополняющихся текстовых источниках на иностранных языках. Такие специальные тексты характеризуются наличием большого количества трудностей для читателя-носителя языка, большая доля которых связана с определением значения незнакомых слов, прежде всего терминов. Показательно, что номинация новых научных специальных реалий появляется быстрее, чем ее успевают фиксировать в словарях. Поэтому научить студентов неязыковых вузов всей иноязычной терминосистеме не представляется возможным. Необходимо предоставить им средства и способы преодоления трудностей, связанных с пониманием незнакомых слов при чтении литературы по специальности, сформировать у них стратегии преодоления таких трудностей.

Анализ психолого-педагогической, методической и лингвистической литературы показывает, что эта проблема отчасти решена. Сложилась целостная, всесторонне обоснованная научная теория обучения речевой деятельности. Авторами особое внимание уделяется вопросам использования различных спо-

собов определения значения незнакомых слов: языковой догадке, словообразовательному анализу, выявлению стратегий изучения иноязычных текстов, рассмотрению специфики обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Несмотря на разработанность отдельных ракурсов проблемы развития языковой догадки, к сожалению, приходится констатировать, что далеко не все аспекты данного вопроса решены окончательно. Практика показывает, что студенты по-прежнему слабо пользуются лингвистическими возможностями языковой догадки.

Опубликованные работы педагогической, психологической и методической и иной направленности позволяют констатировать, что вопросы развития языковой догадки студентов в процессе изучения иностранного языка в неязыковых вузах находятся на стадии осмысления и обобщения. Поэтому одной из важных прикладных задач современной педагогики профессионального образования является выявление, разработка, проверка и внедрение в практику педагогических условий, средств и технологий, способствующих развитию языковой догадки студентов неязыкового вуза на занятиях по иностранному языку на материале английских лексических тестов.

Так как в нашей статье педагогическая технология является основным объектом исследования, рассмотрим ее более детально.

Для понимания содержания словосочетания «педагогическая технология» рассмотрим семантику, входящих в него слов.

Термин «технология» пришел от греков и состоит из двух слов: «*techné*» – искусство, ремесло, наука; «*logos*» – понятие, учение. Технология в переводе с английского языка означает техника. В.И. Даль *технологию* определил как науку техники, а технику как искусство, знание, умение, приемы работы и приложение их к делу [1].

Понятие «технология» возникло в связи с техническим прогрессом и пришло в педагогику из технологии производственной деятельности. Согласно словарным толкованиям технология означает совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции [2, с. 11].

Изучение литературных источников показало, что существуют различные подходы к трактовке понятия «технология» в современной науке. Ее рассматривают как процесс формирования личностных характеристик преподавателя [3], проект педагогической системы [4], механизм реального учебного процесса [5], теоретический проект педагогического управления и как систему необходимых средств для его реализации [6], модель управления педагогическим образованием [7] и др.

В своей работе мы будем придерживаться определения понятия «технологии», приведенного в материалах ЮНЕСКО (1986), – системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технологических и человеческих ресурсов, ставящий своей задачей оптимизацию форм и способов организации учебного процесса.

В настоящее время в литературе нет единого взгляда на формулировку «педагогическая технология». Результаты подходов к определению словосочетания «педагогическая технология» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Понятие педагогической технологии в образовательном процессе

Автор, источники	Предмет педагогической технологии	Ключевые слова
1. Тезаурус информационно-поисковый по народному образованию и педагогике [8]	совокупность средств и методов	воспроизведение теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовывать поставленные образовательные цели;
2. М.В. Кларин [9]	направление в педагогике	ставит целью повысить эффективность педагогического процесса, гарантировать достижение студентами запланированных результатов обучения;
3. Ф. Янушкевич [10]	область применения системы	научные принципы в программировании процесса обучения и использовании их в образовательной практике с ориентацией на детальные и допускающие оценку цели обучения;
4. Б.Т. Лихачев [11]	совокупность психолого-педагогических установок	определение специального подбора и компоновки форм, методов, способов, приемов, воспитательных средств (схем, чертежей, диаграмм, карт);
5. В.П. Беспалько [4]	<ul style="list-style-type: none"> рационально организованная деятельность совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов 	систематическое и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса;

Исходя из приведенных выше определений словосочетания «педагогическая технология» следует, что авторы под ним понимают системную категорию, которая ориентирована на дидактическое применение теоретического знания, научных подходов к анализу и организации процесса обучения, при этом используются эмпирические инновации преподавателей с целью достижения высоких результатов в развитии личности студента в конкретной учебной дисциплине.

Г.К. Селевко выделяет в «педагогической технологии» три аспекта: *научный*: педагогическая технология – часть педагогической науки, изучающая и разрабатывающая цели, содержание и методы обучения и проектирующая педагогические процессы; *процессуально-описательный*: описание (алгоритм) процесса, совокупность целей, содержания, методов и средств для достижения планируемых результатов обучения; *процессуально-действенный*: осуществление технологического (педагогического) процесса и функционирования всех личностных инструментальных и методологических педагогических средств [12].

Представленные выше определения позволяют выделить основные структурные составляющие педагогической технологии развития языковой догадки:

а) *концептуальная основа* – научная база технологии, те психолого-педагогические идеи, которые заложены в ее фундамент;

б) *содержательная часть* – цели процесса развития языковой догадки – общие и конкретные; содержание учебного материала, направленного на развитие языковой догадки;

в) *процессуальная часть* – технологический процесс – представлена системной совокупностью следующих элементов: организация педагогического процесса, методы и организационные

формы учебной деятельности студентов, методы и формы работы преподавателя, способствующие развитию языковой догадки; деятельность преподавателя по управлению процессом развития языковой догадки; диагностика процесса развития языковой догадки (педагогический мониторинг).

Структура и содержание педагогической технологии развития языковой догадки студентов показана на рис. 1.

Педагогическая технология в процессе ее применения предназначена для *развития языковой догадки студентов неязыкового вуза*. Реализация педагогической технологии при развитии языковой догадки позволяет решать следующие *задачи*: формирование коммуникативной компетенции студентов; стимулирование мотивов учения; активизация и максимальное задействование когнитивных процессов; обеспечение условий для создания мобильного словарного запаса за счет использования системы учебно-профессиональных упражнений и тестирования; отработка адекватного использования лексики в речи; формирование навыков самообразовательной деятельности студентов;

В процессе развития языковой догадки педагогическая технология выполняет следующие *функции*: предоставление возможностей студентам самостоятельно осуществлять деятельность учения, ставить учебные цели развития языковой догадки, искать и использовать необходимые средства и способы достижения, контролировать и оценивать процесс и результаты учебной деятельности; создание оптимальных условий для развития языковой догадки; обеспечение успешного развития языковой догадки и формирование коммуникативной компетенции в области иностранного языка.

При разработке педагогической технологии соблюдались следующие *требования*: концептуальность, системность, управляемость и эффективность.

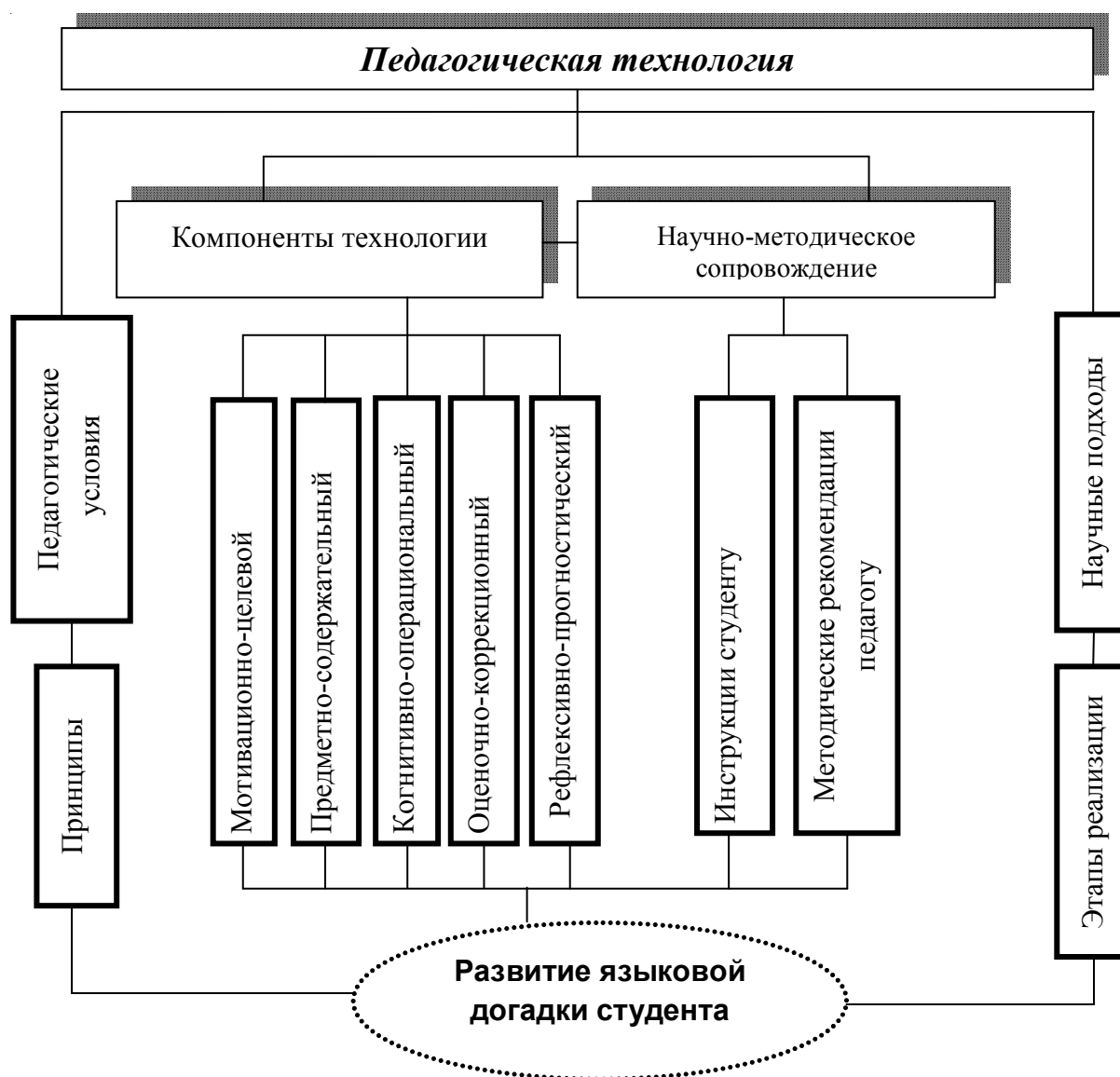

Рис. 1. Педагогическая технология развития языковой догадки студентов

Педагогическая технология развития языковой догадки включает в себя *внутренний контур*, который состоит из двух составляющих: компоненты (мотивационно-целевой, предметно-содержательный, когнитивно-операционный, оценочно-коррекционный, рефлексивно-прогностический) и научно-методического сопровождения (инструкции студенту, рекомендации преподавателю) и *внешний контур*, который включает принципы построения технологии, педагогические условия, научные подходы и этапы реализации. Элементы, входящие во внешний контур обеспечивают построение педагогической технологии, а внутренний контур – способствует развитию языковой догадки студентов.

При разработке педагогической технологии развития языковой догадки использовались следующие научные *подходы*:

Системно-деятельностный подход предполагает логичность и последовательность развития языковой догадки (от чисто языковой к контекстуально-дискурсивной).

Личностно-ориентированный подход. В его основе лежит признание индивидуальной самобытности и самооценности каждого студента, развитие его личности, необходимость учета индивидуально-типологических особенностей студентов в процессе развития языковой догадки.

Интегративно-развивающий подход предполагает целостность педагогического воздействия на развитие языковой догадки студентов; единство процессов развития, воспитания и обучения; целостность процесса обучения (взаимообусловленность его компонентов, взаимосвязь процессов преподавания и учения, единство содержательной и процессуальной сторон развития языковой догадки, междисциплинарные связи).

При разработке педагогической технологии использовались личностно-ориентированные и общеметодические *принципы*:

К первой группе относятся следующие принципы: 1. *Личностного целеполагания*. Предусматривает необходимость осознания целей учебной деятельности, как преподавателем, так и студентом в процессе развития языковой догадки. 2. *Выбора индивидуальной образовательной траектории*. Основан на том, что каждый студент имеет право на осознание и согласование с преподавателем выбора основных компонентов процесса развития языковой догадки – смысла, целей, задач, темпа, методов и форм. 3. *Продуктивности обучения*. Предусматривает, что главным ориентиром развития языковой догадки является личное образовательное приращение студентов, складывающееся из внутренних и внешних образовательных продуктов его учебной деятельности. 4. *Первичности образовательной продукции студентов*. Он заключается в том, что им дается возможность проявить себя и самому понять незнакомое иноязычное слово, раскрыть свои потенциальные возможности. 5. *Образовательной рефлексии*. Основан на том, что в процессе развития языковой догадки происходит непрерывное осознание преподавателем и студентом результатов собственной деятельности, анализ и прогноз ее совершенствования.

Ко второй группе относятся принципы: 1. *Коммуникативной направленности*. Принимает во внимание, что практическая цель обучения иностранному языку – учить его как средству общения. Реализация этого принципа требует соблюдения условий, благоприятствующих общению. Он должен пронизывать весь процесс развития языковой догадки. 2. *Опоры на родной язык*. Предполагает, что на учебных занятиях студентам все

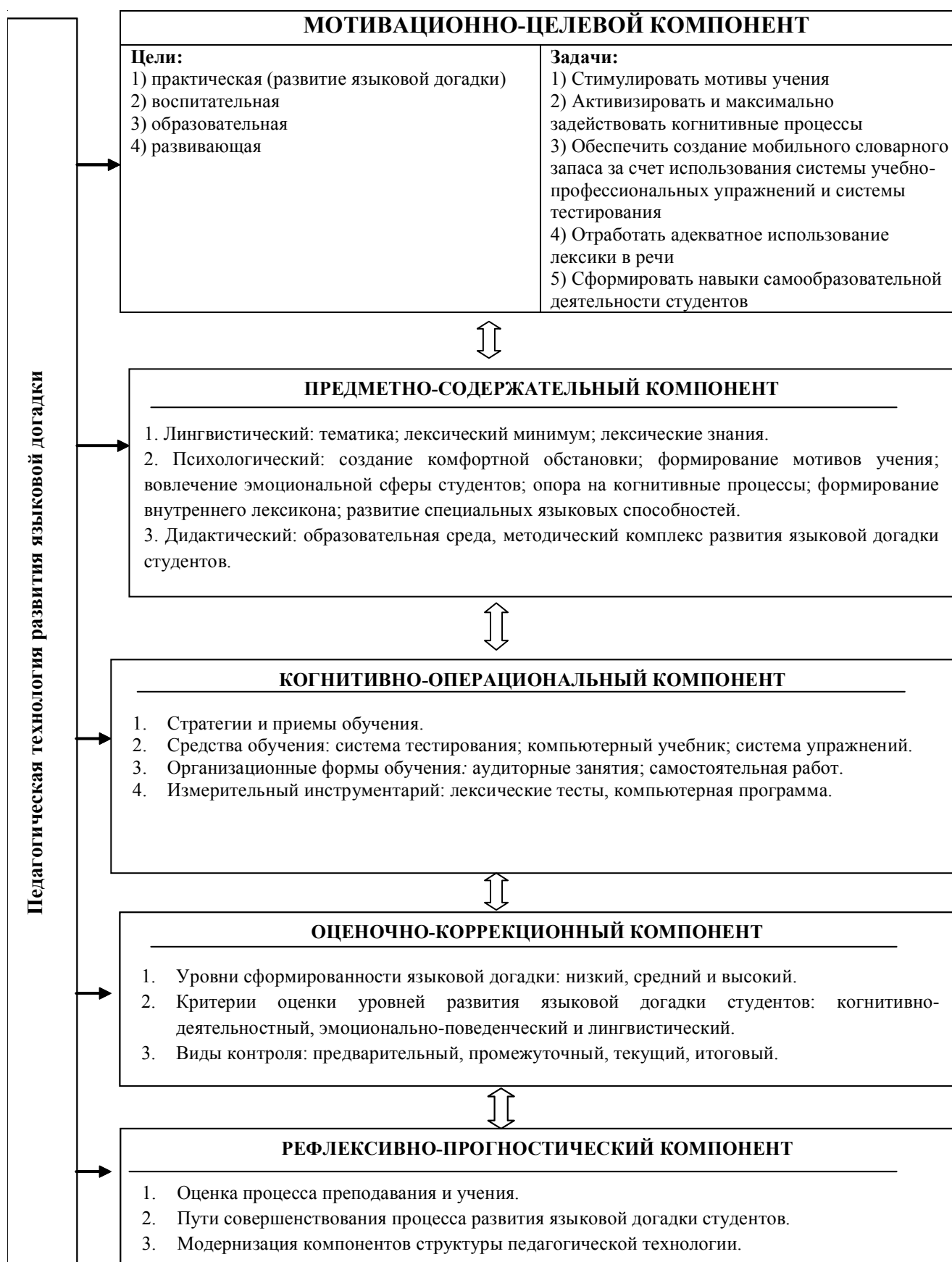

Рис. 2. Содержание компонентов педагогической технологии развития языковой догадки студента

время необходимо сравнивать формы двух языков. Он подчеркивает необходимость установления взаимодействия родного русского и иностранного языков. Кроме того, родной язык дол-

жен учитываться при отборе содержания образования – учебного материала и его структуризации и представлении в процессе развития языковой догадки. В лингвистическом плане –

для прогнозирования трудностей при развитии языковой догадки. В психологическом плане – для определения структуры речевых действий и сколько их нужно произвести, чтобы выработать навыки, необходимые для развития языковой догадки; где возможен перенос, где только корректировка, а где формирование заново. Все это, безусловно, отражается на количестве и характере упражнений. И, наконец, при обучении иностранному языку необходимо учитывать речевой опыт студентов в родном языке. 3. *Интегрированного обучения*. Предусматривает использование разнообразных методов, средств и организационных форм обучения для развития языковой догадки; объединение сходного дидактического материала по различным дисциплинам (мировая экономика, менеджмент, экономическая теория и иностранный язык); интеграция иностранного языка и информационных технологий (использование компьютерных программ). 4. *Разноуровневости*. Предполагает подбор различной сложности заданий и упражнений репродуктивного, продуктивного и творческого характера для развития языковой догадки, позволяющие максимально учесть сформированный уровень развития языковой догадки.

1-й этап	2-й этап			
Прогностический	Проектирующий	3-й этап	4-й этап	5-й этап
		Конструирующий	Апробация	Внедрение
Прогноз, документация	Проект	Образец	Образец	Образовательный продукт

Рис.3. Этапы разработки педагогической технологии

В структуру педагогической технологии входят пять взаимосвязанных **компонентов**. Рассмотрим их содержание.

Мотивационно-целевой компонент позволяет студентам развивать устойчивый познавательный интерес и постоянную мотивацию к развитию языковой догадки. Это побуждает их к интеллектуальной активности, сознательному изучению иностранного языка и использованию его в учебно-профессиональной деятельности, так как процесс развития языковой догадки обеспечивает создание мобильного словарного запаса за счет использования системы учебно-профессиональных упражнений и системы тестирования.

Предметно-содержательный компонент представляет собой образовательную среду, которая позволяет развивать у студентов языковую догадку. Он включает в себя различного вида содержательную учебную информацию (тематику, лексический минимум, практический материал). Практический материал включает разного вида задания (система тестирования и система учебно-профессиональных упражнений). В педагогической технологии предметно-содержательный компонент представлен методическим комплексом развития языковой догадки студентов и компьютерным учебником.

Когнитивно-операциональный компонент содержит описание использования педагогической технологии в процессе развития языковой догадки студентов. Он разрабатывается на основе рефлексивно-деятельностного подхода к обучению иностранному языку и включает в себя модели преподавания, учения и эмоционально-интеллектуального взаимодействия педагога и студента. Кроме того, в него входит педагогический мониторинг, на основе которого создается база данных результативности учебной деятельности студентов неязыкового вуза. Анализ информации, находящейся в базе данных, позволяет преподавателю вносить изменения в методику развития языковой догадки, в структурные компоненты технологии и прогнозировать их развитие.

Оценочно-коррекционный компонент обеспечивает постоянный контроль результатов учебной деятельности студентов и ее коррекцию с учетом допущенных ошибок при выполнении различного вида заданий и лексических тестов, направленных на развитие языковой догадки. Он построен на основе самостоятельного анализа и самооценки учебной деятельности студентов. Результаты контроля фиксируются в виде индивидуальной карты успеваемости студентов (мониторинг). Для контроля уровня развития языковой догадки студентов применяются следующие виды контроля: предварительный, промежуточный, текущий и итоговый контроль.

С целью оценки уровня развития языковой догадки студентов разработана система **критериев** (когнитивно-деятельностный, эмоционально-поведенческий и лингвистический), позволяющая на качественном и количественном уровне оценивать эффективность данного процесса.

Рефлексивно-прогностический компонент обеспечивает осознанную оценку процессов преподавания и учения. Позволяет спрогнозировать дальнейшее развитие педагогической технологии и процесс развития языковой догадки. На основе полученной информации и ее анализа намечаются пути дальнейшего совершенствования процесса развития языковой догадки студентов, а также модернизация компонентов, входящих в структуру педагогической технологии.

Содержание компонентов педагогической технологии развития языковой догадки студента показано на рис. 2.

На основе мотивационно-целевого, предметно-содержательного, когнитивно-операционального и оценочно-коррекционного компонентов технологии разрабатывается алгоритм управления процессом развития языковой догадки студентов. Он представляет собой последовательность предписаний управления

учебной деятельностью на занятиях по иностранному языку. Компоненты педагогической технологии развития языковой догадки взаимосвязаны и взаимообусловлены, так как изменение одного компонента технологии требует изменение другого.

Научно-методическое сопровождение предназначено для управления процессом развития языковой догадки студентов. Оно содержит методические рекомендации преподавателю по организации, проведению и контролю занятий и инструкции студентам по работе с методическим комплексом и педагогической технологией; методический комплекс. Научно-методическое сопровождение разрабатывается с учетом уровня профессиональной компетентности преподавателя и уровня подготовки студентов к процессу развития языковой догадки.

Разработка педагогической технологии развития языковой догадки представляет собой многоэтапный процесс, который включает: прогностический, проектирующий, конструирующий этапы, а также апробацию и внедрение (рис. 3).

1. Анализ литературных источников и научных подходов к развитию языковой догадки студента. Оценка педагогической полезности существующего дидактического обеспечения. Выявление комплекса педагогических условий и средств, обеспечивающих развитие языковой догадки студентов. Выбор целей обучения и воспитания и определение системы принципов разработки методического комплекса развития языковой догадки студентов. По завершении первого этапа делается вывод о целесообразности создания методического комплекса, компьютерного учебника и педагогической технологии и осуществляется прогноз последствий их применения в реальном процессе обучения иностранному языку.

2. Разработка содержания и структуры педагогической технологии, выбор принципов построения и критериев оценки ее полезности, определение содержания дидактического обеспечения к ней. По завершении второго этапа создается проект.

3. Конструирование методического комплекса и педагогической технологии и обоснование методики ее реализации в реальной образовательной практике, а также подготовка дидактических материалов для проведения экспериментальной работы. Третий этап завершается созданием образца технологии и ее научно-методического сопровождения.

4. Экспериментальная проверка эффективности методического комплекса и педагогической технологии развития языковой догадки. На основе полученных на четвертом этапе экспериментальных данных принимается решение о полезности применения опытного образца методического комплекса и педагогической технологии в процессе обучения иностранному языку в образовательном учреждении.

5. Внедрение методического комплекса и педагогической технологии в реальную образовательную практику учебных заведений, подготовка участников процесса обучения, организация мониторинга, научно-методическое сопровождение.

В педагогической технологии развития языковой догадки широко используется тестирование. Технология педагогического тестирования представлена в основном как система проверки усвоения знаний, умений и навыков в обучении иностранному языку. Тест является видом контроля. Предметом контроля являются не столько конечный результат учебной деятельности, сколько способы его получения. Контроль осуществляется главным образом на основе предполагаемых результатов учебных действий, т.е. приобретает характер упреждающего контроля, опирающегося на развитый внутренний план действий и их рефлексию [13].

В педагогическом процессе контроль выполняет ряд **функций**, воздействуя как на сам процесс, так и на деятельность студента: обучающая, контролирующая, диагностирующая, управленческая, развивающая, мотивирующая, оценочная, воспитывающая [14, с. 20].

В процессе развития языковой догадки студентов используются следующие **виды контроля** [14, с. 29]:

1. **Предварительный.** Служит для выявления исходного уровня развития языковой догадки студентов, на основе которого строится программа развития данного умения. Обычно он проводится в начале процесса развития языковой догадки. Разновидностью предварительного контроля является входное тестирование, осуществляемое с целью выяснения уровня развития языковой догадки. На основе данных тестирования комплектуются учебные группы, и разрабатывается программа развития языковой догадки для каждой группы.

2. **Итоговый.** Представляет собой контроль конечных уровней сформированности языковой догадки студентов.

3. **Промежуточный.** Определяет уровни усвоения конкретной части учебной программы, т.е. степень сформированности языковой догадки, которые были объектами отработки в течение определенной серии занятий.

4. **Текущий.** Устанавливает конкретные «текущие» трудности студентов в самом процессе развития языковой догадки студента.

Помимо видов контроля в педагогической технологии развития языковой догадки представлены различные его **формы**: устный контроль (индивидуальный и фронтальный опрос); письменный контроль (контрольная работа, сочинение, диктант); машинный контроль; самоконтроль.

Для оценки уровня развития языковой догадки используются языковые и лингводидактические тесты. Тест (педагогический) – в переводе с английского языка *test* – проверка, испытание, краткие, стандартизованные, ограниченные во времени выполнения задания, предназначенные для установления качественных и количественных индивидуальных различий [15, с. 10]. Понятие «лингводидактический тест» было введено В. Коккотой [16, с. 8]. Исследователь соотнес лингводидактический тест с комплексом заданий: подготовленные в соответствии с определенными требованиями; прошедшие предварительную апробацию с целью выявления показателей качества; позволяющие определить у тестируемых степень их коммуника-

тивной компетенции; дающие возможность оценивать результаты по заранее установленным критериям. Данное определение включает в себя такие важнейшие характеристики лингводидактического теста как цель и объект контроля, системообразующие признаки теста, способ интерпретации результатов. Структура лингводидактического теста показана на рис. 5.

Тест может использоваться для проведения не только текущего, тематического, но и рубежного и итогового контроля. Преимущество теста в том, что этот вид контроля в значительной степени устраняет субъективизм в оценках учебных действий студентов, уменьшает время, затрачиваемое преподавателем на проверку заданий.

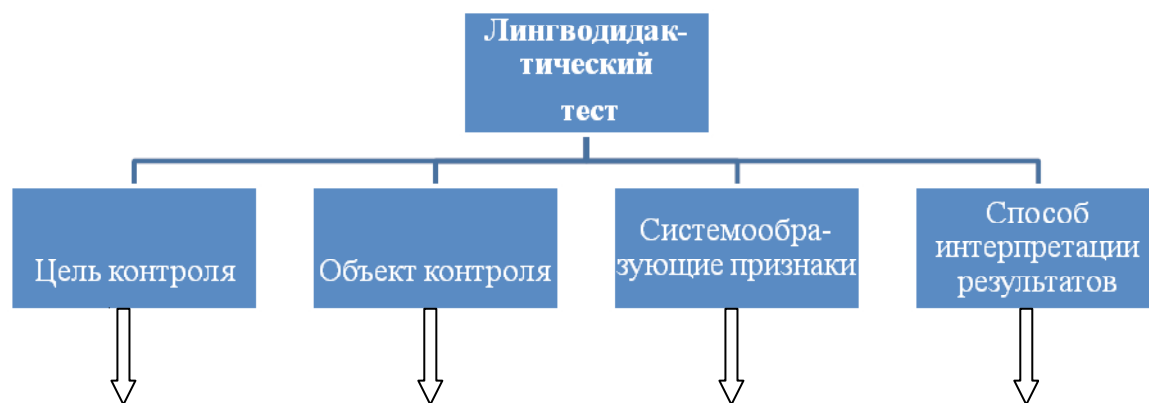
В практике обучения иностранным языкам тест как форма контроля выполняет все указанные ранее функции. Кроме основной – контролирующей функции, он может выступать средством диагностики трудностей языкового учебного материала для студентов и мерой определения эффективности процесса обучения. В то же время тест может выполнять прогностическую функцию, т.е. предсказать насколько будет успешно или неуспешно развитие языковой догадки студентов. Последнее связано с определением уровня освоенности учебного материала и уровня развития языковой догадки студентов. В сфере учебной деятельности студентов тесты являются и эффективным средством самоконтроля. Лингводидактические тесты составляют неотъемлемую часть учебной деятельности студентов благодаря наличию ключа.

Тест характеризуется **квалиметрическими качествами**, т.е. количественным выражением качества выполнения задания. Результаты выполнения заданий теста сравниваются с заранее подготовленными образцами (ключами), что позволяет легко и точно установить правильность или ошибочность действий. Эти результаты поддаются количественной оценке в баллах в соответствии с определенной шкалой. Квалиметрические качества тестов позволяют обеспечить объективность и унифицированность проверки, независимость оценки результатов от личных суждений проверяющего. Итак, тест, будучи контрольным документом или учебно-методической разработкой, представляет собой совокупность заданий, которая может делиться на субтесты для тестирования отдельных видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письменной речи) или аспектов языка (фонетики, грамматики, лексики) [14].

Тест для развития языковой догадки должен быть качественным измерителем, поэтому ему присущ набор определенных характеристик, определяющих его полезность. Изучение педагогической и методической литературы показало, что существуют следующие **характеристики** тестов [2; 14; 17; 18 и др.]:

1. **Валидность** означает пригодность тестовых результатов развития языковой догадки, ради которой проводилось тестирование. Если тест позволяет проверить все то, что задумано авторами, он считается валидным относительно контролируемого содержания образования.

2. **Надежность** отражает степень постоянства, стабильности результатов тестирования. Надежным считается тест, который дает устойчивые результаты при повторном предъявлении в процессе развития языковой догадки (определенный уровень сформированности).

Развитие языковой догадки студентов неязыкового вуза

Рис. 5. Структура лингводидактического теста

3. *Экономичность* – возможность конкретного теста дать максимум достоверной информации о развитии языковой догадки студентов при минимальных затратах времени и усилий на составление, проведение, проверку и обработку теста.

4. *Аутентичность* или так называемая подлинность теста достигается через выбор аутентичных текстов, создание тестовых ситуаций, приближенных к реальным условиям общения [14, с. 40-41].

5. Одним из важных требований к содержанию теста считается его системность, или системообразующие свойства заданий, представленных в тесте. *Системообразующие признаки теста* – принадлежность заданий теста к одной учебной дисциплине – так называемая предметная чистота теста, структурная и содержательная целостность, т.е. взаимосвязь заданий теста через общее содержание (например, все задания теста проверяют уровень сформированности лингвистической компетенции) и интерпретацию результатов (общие итоги результатов тестирования подводятся на основе анализа выполнения отдельных заданий). Системообразующим качеством теста является также время тестирования. Время на выполнение стандартизированного теста обычно ограничено [19, с. 48]. Ограничение времени выполнения тестов – обязательное условие тестирования, так как скорость оперирования языковым и речевым учебным материалом является важным показателем сформированности языковой догадки студентов.

6. *Репрезентативность* – показатель содержательной стороны тестов. Репрезентативность объектов тестирования означает, например, что в тест включены наиболее важные элементы программы обучения.

7. *Объективность и стандартность* теста достигается в процессе создания и применения тестов через одинаковые инструкции, формы получения ответов, способы обработки результатов, строгое нормирование условий тестирования.

Таким образом, педагогический тест можно рассматривать как средство измерений, представляющее собой систему тестовых заданий возрастающей трудности, специфической формы, позволяющей надежно и объективно измерить уровень усвоения знаний, развития языковой догадки и выразить результат в числовом эквиваленте (баллах).

Поскольку центральным аспектом нашей работы является лексика, остановимся подробнее на тестах, ориентированных на развитие языковой догадки.

Лексический тест (тест по лексике) – система заданий, проверяющих умения оперировать лексикой в соответствии с синтагматическими, парадигматическими и денотативными признаками слова. Объектами контроля в данном виде тестов являются: а) место в лексико-семантическом поле и принадлежность к тематической группе; б) частотность; в) ассоциативная сила слова; г) многозначность; д) словообразовательная ценность и др.

К основным *типам заданий* в лексическом тесте, направленном на развитие языковой догадки, относятся: 1) *внеконтекстные* – сопоставление, нахождение синонимов, антонимов, группировка (исключение лишнего члена, объединение по какому-либо признаку и т. д.). Внеконтекстные задания направлены на изучение системных связей лексикой в целом. 2) *микроконтекстные* – завершение, интерпретация – они основаны на использовании техники множественного выбора [20, с. 8]. Следует отметить, что данную форму теста можно использовать не только для контроля, но и для развития языковой догадки. В настоящее время широко распространены тесты в качестве важнейшего элемента активных методов обучения, разработаны различные обучающие тесты, классификации видов тестирования, структуры и критерии создания подобных тестов.

Библиографический список

1. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2006.
2. Скибицкий, Э.Г. Педагогическая полезность как средство оценки качества компьютеризированного курса. – Новосибирск, 1996.
3. Максимова, Г.А. Проблемы обучения иностранному языку в контексте языкового плюрализма // Культура против терроризма. Роль культуры в развивающемся обществе: материалы межд. научно-практич. конф. – Калуга, 2005.
4. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М., 1989.
5. Талызина, Н.Ф. Деятельностный подход к механизмам обобщения // Вопросы психологии. – 2001. – № 3.
6. Левина, М.М. Технологии профессионального педагогического образования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М., 2001.
7. Сластенин, В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев [и др.]. – М., 2008.
8. Полонский, В.М. Тезаурус информационно-поисковый по народному образованию и педагогике. – М., 2000.
9. Кларин, М.В. Технология обучения: идеал и реальность. – Рига, 1996.
10. Янушкевич, Ф. Технология обучения в системе высшего образования. – М., 1986.
11. Лихачев, Б.Т. Педагогика: курс лекций / учеб. пособие для студентов педагог. учеб. заведений и слушателей ИПК и ФПК. – М., 2001.
12. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии. – М., 1998.

С нашей точки зрения, технология создания теста, целью которого является развитие языковой догадки студентов при обучении иностранному языку, предполагает несколько *этапов*: выявление специализированных терминов необходимых для изучения в соответствии с профилем вуза (специализация курса); составление тестовых заданий и вариантов ответов к ним; разъяснение на занятии перед началом выполнения теста студентами (вводная лекция); решение теста студентами; контроль (групповой или индивидуальный).

Тестовые задания строятся так, чтобы содержать в своей структуре одну из подсказывающих вербальных или невербальных опор. Например, вариант тестовых заданий для студентов экономической специализации:

1. Cigarettes are _____ to duty.

A) able

B) liable

C) well

D) going

2. In New-York there are many skyscrapers – _____ blocks of flats.

A) blue

B) houses

C) multistory

D) buildings

3. We can _____ high quality of our goods.

A) guarantee

B) confirm

C) acknowledge

D) provide

В каждом задании используется тот или иной вид лингвистической опоры. Так, в первом тестовом задании – внутриязыковая подсказка, в частности словообразовательная (подлежащее – to lie + able) правильный ответ – liable. Во втором задании – внеязыковая подсказка в совокупности с внутриязыковой (словообразовательные элементы, среди которых также есть интернационализм, помогают подобрать нужный вариант: multi+story [21]) правильный ответ – multistory. В третьем варианте – межъязыковая подсказка – «гарантировать», правильный ответ – guarantee.

Студент, решая тест с подобного рода заданиями, развивает навык языковой догадки, т.е. способность без словаря семантизировать слова, опираясь на вербализованные или невербализованные подсказки. Он учится находить эти подсказывающие элементы в тексте и применять заложенную в них лингвистическую информацию.

Существенным положительным моментом такого подхода является то, что слово воспринимается студентами в определенном контексте. Происходит семантизация и запоминание лексемы в сфере ее функционального наполнения. Студенты учатся работать собственно с контекстом: с одной стороны, формируется понимание контекстных функциональных связей лексем, с другой – контекстная семантика слова.

В связи с использованием внеязыковых элементов лингвострановедческого порядка акцентируется также развитие и пополнение страноведческих знаний, расширение кругозора студентов.

Таким образом, предлагаемый нами подход позволяет создать педагогическую технологию развития языковой догадки студентов в неязыковом вузе и целенаправленно применять ее при подготовке будущих бакалавров. Кроме того, педагогический процесс при использовании данной технологии можно рассматривать как соотношение взаимосвязанных дидактических, лингвистических, психологических и социальных явлений, развивающих личность, соответствующую требованиям резко изменяющихся социально-экономических условий.

13. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова – М., 1991.
14. Фоменко, Т.М. Французский язык. Тесты как форма контроля. – М., 2008.
15. Самылкина, Н.Н. Современные средства оценивания результатов обучения. – М., 2007.
16. Коккота, В.А. Лингводидактическое тестирование. – М., 1989.
17. Алещанова, И.В. Тестирование как метод педагогического контроля качества знаний студентов / И.В. Алещанова, Л.М. Бурдоленко // Известия Волгоградского гос. техн. ун-та. – Волгоград. – 2005. – № 4. – Вып. 2.
18. Балыхина, Т.М. Словарь терминов и понятий тестологии. – М., 2000.
19. Утробина, А.А. Методика преподавания и изучения иностранного языка: конспект лекций. – М., 2006.
20. Аванесов, В.С. Композиция тестовых заданий. – М., 2002.
21. Merriam-Webster Online Dictionary [Э/п]. – Р/д: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>

Bibliography

1. Dalj, V.I. Tolkovihy slovarj russkogo yazihka. – М., 2006.
2. Skibickiy, E.H. Pedagogicheskaya poleznostj kak sredstvo ocenki kachestva komp'yuterizirovannogo kursa. – Novosibirsk, 1996.
3. Maksimova, G.A. Problemih obucheniya inostrannomu yazihku v kontekste yazihkovogo plyuralizma // Kuljtura protiv terrorizma. Rolj kuljturih v razvivayuthemysya obshchestve: materialih mezhd. nauchno-praktich. konf. – Kaluga, 2005.
4. Bepal'ko, V.P. Slagaemih pedagogicheskoy tekhnologii. – М., 1989.
5. Talizhina, N.F. Deyatel'nostnyh podkhod k mekhanizmam obobsheniya // Voprosih psikhologii. – 2001. – № 3.
6. Levina, M.M. Tekhnologii professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya: ucheb. posobie dlya stud. viysshe. ped. ucheb. zavedeniy. – М., 2001.
7. Slstenin, V.A. Pedagogika: ucheb. posobie dlya stud. ped. ucheb. zavedeniy / V.A. Slstenin, I.F. Isaev [i dr.]. – М., 2008.
8. Polonskiy, V.M. Tezaurus informacionno-poiskovihy po narodnomu obrazovaniyu i pedagogike. – М., 2000.
9. Klarin, M.V. Tekhnologiya obucheniya: ideal i realnostj. – Riga, 1996.
10. Yanushkevich, F. Tekhnologiya obucheniya v sisteme viysshego obrazovaniya. – М., 1986.
11. Likhachev, B.T. Pedagogika: kurs lekciy / ucheb. posobie dlya studentov pedagog, ucheb. zavedeniy i slushateley IPK i FPK. – М., 2001.
12. Selevko, G.K. Sovremennih obrazovatel'nihi tekhnologii. – М., 1998.
13. Metodika obucheniya inostrannim yazihkam v sredney shkole / pod red. G.V. Rogova, F.M. Rabinovich, T.E. Sakharova – М., 1991.
14. Fomenko, T.M. Francuzskiy yazihk. Testih kak forma kontrolya. – М., 2008.
15. Samihkina, N.N. Sovremennih sredstva ocenivaniya rezul'tatov obucheniya. – М., 2007.
16. Kokkota, V.A. Lingvodidakticheskoe testirovanie. – М., 1989.
17. Alethanova, I.V. Testirovanie kak metod pedagogicheskogo kontrolya kachestva znaniy studentov / I.V. Alethanova, L.M. Burdolenko // Izvestiya Volgogradskogo gos. tekhn. un-ta. – Volgograd. – 2005. – № 4. – Vihp. 2.
18. Balikhina, T.M. Slovarj terminov i ponyatij testologii. – М., 2000.
19. Utrobina, A.A. Metodika prepodavaniya i izucheniya inostrannogo yazihka: konspekt lekciy. – М., 2006.
20. Avanesov, V.S. Kompoziciya testovihkh zadaniy. – М., 2002.
21. Merriam-Webster Online Dictionary [Eh/r]. – R/d: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>

Статья поступила в редакцию 29.06.12

УДК 378:37.013

Koulbakh O.S., Zinkevich E.R. TO THE PROBLEM OF EDUCATING MEDICAL STUDENTS AS AN INTEGRAL PART OF PROFESSIONAL EDUCATION. The article deals with the problem of education of medical students in the way of contemporary approaches to the higher professional education in connection with its modernization. The authors emphasize the importance of education in contexts of teaching in the higher medical school.

Key words: higher education, medical education, education, education system, technology education.

О.С. Кульбах, д-р мед. наук, проф. каф. общей и прикладной психологии с курсом медико-биологических дисциплин Санкт-Петербургской гос. педиатрической медицинской академии, г. Санкт-Петербург, E-mail: os_koulbakh@mail.ru; **Е.Р. Зинкевич**, канд. пед. наук, доц. каф. общей и прикладной психологии с курсом медико-биологических дисциплин Санкт-Петербургской гос. педиатрической медицинской академии, г. Санкт-Петербург, E-mail: lenazinkevich@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема воспитания студентов медицинских вузов в свете современных подходов к организации высшего профессионального образования в связи с его модернизацией. Авторы подчеркивают особое значение воспитания в условиях обучения в высшей медицинской школе.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, медицинское образование, воспитание, воспитательная система, технология воспитания.

В связи с реформированием современной системы высшего профессионального образования и сменой образовательной парадигмы проблема воспитания студентов стоит особенно остро. Воспитание является неотъемлемой частью процесса профессионального образования наряду с обучением и его личностная и социальная значимость очевидна.

Ведущими характеристиками современного профессионального образования является компетентностно-ориентированный подход, личностно и профессионально ориентированный подход, деятельностный подход, интегративно-проблемный подход, непрерывность образования, гуманитаризация, гуманизация образования и технологизация образовательного процесса. Как правило, профессорско-преподавательский состав вузов ориентирует эти подходы на процесс обучения, забывая о том, что в равной мере они должны применяться и к процессу воспитания.

Происходящий в российских вузах переход от знаниявого подхода к компетентностно-ориентированному переводит оценку результатов образования с понятий «образованность» на понятия «компетентность» и «компетенция». Компетентностно-ориентированный подход означает овладение будущими специалистами общекультурными и профессиональными компетенциями, что детерминирует роль и значение воспитания, актуализируя перспективные потребности не только общества и государства, но и личности [1]. Формирование профессиональных компетенций приобретает особое воспитательное значение именно в медицинском вузе, учитывая условия их становления в клинике, в процессе общения с больными и коллегами. Через содержание предмета осуществляется воспитание ценностного отношения к человеку, к профессии врача, и к себе, как к представителю профессионального сообщества.

Целью личностно ориентированного подхода является формирование целостного человека в единстве его природной и социальной сущности. Личностно ориентированная парадигма образования требует взаимопроникновения воспитания и обучения, соединяя эти две вузовские сущности в процессе помощи, поддержки и сопровождения личностного и профессионального становления студента [2].

Процесс профессионального становления личности становится эффективным, когда студент выступает не объектом, а субъектом воспитания. Данная закономерность обуславливает единство в реализации личностного подхода. Сущность личностного подхода заключается в отношении к каждому человеку как к уникальности, что связано с готовностью и преподавателей, и студентов воспринимать каждого человека, как заведомо интересного, не обязательно похожего на других.

Основу интегративно-проблемного подхода составляет межпредметная интеграция по горизонтали и по вертикали, что способствует созданию стройной системы процесса обучения, обеспечивающей формирование системного клинического мышления будущих специалистов. Интеграция обязана касаться не только учебных форм организации образовательного процесса, но и внеучебной воспитательной работы, при этом целеполагающим должно стать формирование ценностного отношения к профессии. Основу обучения и воспитания должны составлять проблемно-поисковые ситуации, обеспечивающие развитие критического мышления, творческого отношения к учебно-познавательной деятельности и формирование познавательного интереса, составляющего начало мотивации учения.

Непрерывность образования – «образование через всю жизнь» – актуализирует задачу профессионального становления, следовательно, и конкурентоспособности человека в течение всей его жизни. Эта задача решается благодаря выстраиванию перспективных линий в образовательном маршруте. Преимуществом непрерывного образования является возможность более полной самореализации, ценностного отношения к себе, что выражается в адекватной самооценке и чувстве личного достоинства и ощущения себя субъектом социального взаимодействия. Одним из важных результатов непрерывного образования является столь же непрерывное развитие, совершенствование или, в крайнем случае, поддержание на стабильном уровне когнитивных психических процессов, таких как мышление, внимание, память, восприятие и воображение, а также речи как психической функции, обеспечивающей межличностную коммуникацию.

Реализация государственного заказа на воспитание личности выдвигает на первый план требования гуманизации всего образовательного процесса. Гуманитаризация в медицинском вузе направлена на воспитание у студентов гуманного отношения к человеку, толерантности и эмпатии. Следует указать три ведущих направления гуманитаризации медицинского образования: усиление гуманитарной направленности преподавания теоретических и клинических дисциплин; увеличение объема собственно гуманитарных знаний; гуманизация среды развития личности студента, т.е. всех сторон жизнедеятельности высшего учебного заведения.

В настоящее время вопрос, касающийся технологизации образовательного процесса, все чаще находится в фокусе внимания исследователей в связи с поиском новых деятельностно-ориентирующих технологий формирования компетенций. Но в педагогике высшей школы не представлены технологии воспитания, хотя, по мнению авторов, они являются составной частью современного технологического образовательного процесса.

Традиции обучения и воспитания в высшей медицинской школе во многом основываются на идеях замечательного врача и педагога Н.И. Пирогова. По мнению современников, Н.И. Пирогов обладал широкой эрудицией, позволившей ему особым образом выделить воспитание как неотъемлемую часть подготовки будущих врачей. «Каждый учитель должен, прежде всего, усвоить, что наука нужна не для одного только приобретения сведений, что в ней кроется, – иногда глубоко, и потому для поверхностного наблюдателя незаметно, – другой важный элемент – воспитательный» [3, с. 157]. С точки зрения ученого, преподаватель должен не только учить, но и воспитывать. Многие из сказанного Н.И. Пироговым не потеряло своего значения и в наши дни, было воспринято последующими поколениями врачей – педагогов и положено в основу современных подходов к организации воспитания в медицинском вузе. «Блестящие очерки Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», касающиеся проблем воспитания и развития личности, стали опорной точкой для многих новаций (от позднелат. *novatio* – обновление, изменение) в учебно-воспитательных учреждениях современной России» [4, с. 27]

В своих сочинениях Н.И. Пирогов показывает глубинный смысл воспитания, касается его роли в личностном становлении будущего врача. Великий русский педагог К.Д. Ушинский, рассматривая значение наследия Н.И. Пирогова, в своей статье «Педагогические сочинения Н.И. Пирогова» отметил: «Н.И. Пирогов первый у нас взглянул на дело воспитания с философской точки зрения <...>» [5, с. 226].

Воспитание – это целенаправленный процесс воздействия на субъектов общества, именно это позволяет транслировать культуру и сохранить преемственность между поколениями. Наряду с этим воспитание выполняет функцию взаимодействия между старшим и младшим поколением, обеспечивая последним адаптацию, социализацию в социум, интеграцию в существующую систему общественных отношений.

Это социальное явление закономерно отражает тенденции, характерные для современного этапа развития педагогической науки. Наиболее важными, с нашей точки зрения, являются идеи ориентации на индивидуальность, педагогическое сотрудничество, сохранение и воспроизводство профессиональной культуры.

Рассматривая проблему воспитания студентов в медицинском вузе, следует помнить, что понятие личности врача является комплексным и многоплановым. Наиболее сложным и важным является становление личностно-профессиональной позиции будущего специалиста. Становление этой позиции характеризует феномен духовности человека, вносящий смысл в многогранное пространство его бытия. Духовность понимается как более высокий уровень развития сознания и самосознания [6].

Культура врача – это стержень его деонтологической и психологически грамотного клинического мышления и поведения, нравственного самосознания.

В рамках понятия «культура» выделяется несколько сфер:

- *духовная культура – это внутренняя, глубоко личностный пласт жизненных приоритетов, ценностей и вектор нравственного самосовершенствования человека и общества;*

- *образованность – система знаний, формирующая мировоззренческую позицию индивида, обеспечивающая его личностное развитие и стремление к самосовершенствованию;*

- *социальная культура – культура человека как члена общества;*

- *профессиональная культура – это культура человека в реализации своей профессиональной деятельности;*

- *физическая культура – культура и гигиена тела.*

Культура реализует свою функцию развития личности только в том случае, если она активизирует, побуждает ее к деятельности. Чем разнообразнее и продуктивнее значимая для личности деятельность, тем эффективнее происходит овладение общечеловеческой и профессиональной культурой.

Традиционно в образовательном учреждении реализуются различные направления воспитания. Блоки дисциплин, представленные в учебных планах медицинских специальностей, дают возможность получения:

- *нравственно-деонтологического; эстетического, физического, гражданско-патриотического и интернационального воспитания (гуманитарный блок);*

- *умственного, экологического воспитания (блок естественнонаучных дисциплин);*

- *профессионального воспитания – во время производственной практики и непосредственно в учебном процессе, как в аудитории, так и при выполнении внеаудиторной самостоятельной работы.*

Воспитательная работа в медицинском вузе направлена на становление личности будущего врача. В связи с чем, ее организация должна осуществляться на основе системного подхода и включать в себя следующие этапы:

1. *Определение компонентов личности студента – будущего профессионала, выступающих мишенями воспитательной работы.*

2. *Разработка концептуальных основ воспитательной системы вуза (определение цели, задач, форм и методов ее осуществления).*

3. *Обеспечение информационного, психолого-педагогического, научно-методического сопровождения воспитательного процесса.*

4. *Создание системы воспитательного мониторинга, обеспечивающего диагностику процесса и результата воспитания.*

5. *Формирование организационной структуры обеспечения воспитательной работы в вузе.*

Этот подход позволяет создать воспитательную систему в вузе, сохраняя традиции и учитывая особенности современной ситуации.

Понятие воспитательной системы в настоящее время является ключевым в педагогике, поскольку обладает свойством широты и является единством общего, особенного и единичного. Воспитательная система является одновременно психолого-педагогической и социально-педагогической, поскольку оказывает влияние на студентов, как через процесс обучения, так и через включенность в окружающую среду; через отношения между студентами, их родителями, преподавателями; через психологический климат, созданный на факультете, в вузе.

Развитие воспитательной системы определяется, в первую очередь, субъективными факторами, поскольку ее создателями и субъектами являются люди разных возрастов и личностной направленности – люди творческие, нестандартные, консервативные и т.д. Ввиду сложности этого социального организма управление воспитательной системой должно осуществляться одновременно в трех плоскостях: системой как целым, каждым ее компонентом в отдельности и взаимодействием компонентов.

Цель воспитательной системы – создание условий для полноценного развития всех субъектов системы, в первую очередь, через создание гуманистических, демократических отношений между преподавателями и студентами, через творчество, самоуправление, самоактуализацию.

Системообразующей является совместная творческая деятельность преподавателей и студентов, которая реализуется в различных формах, например:

- *проведение Дня кафедры, Дня специалиста;*
- *работа студенческого научного общества (СНО);*
- *организация встреч студентов с сотрудниками медицинских и научных учреждений города, клубной деятельности, волонтерского движения;*
- *ежегодные научные студенческие конференции;*
- *дежурства студентов в медицинских учреждениях города и области;*
- *тренинги и другие формы работы.*

Эти формы творческой деятельности предполагают реализацию всех направлений воспитания, но в зависимости от курса, на котором обучаются студенты, в каждом направлении актуализируются наиболее значимые для момента личностного развития [7].

Субъекты системы – студенческий и профессорско-преподавательский коллектив. Одним из условий успешного взаимодействия субъектов этой системы является межличностное сотрудничество, которое должно строиться на основе профессиональной этики корпоративной культуры. Профессиональная этика – это кодекс поведения, обеспечивающий нравственный характер отношений между людьми, объединенными единой профессиональной деятельностью. Корпоративная культура – это модели поведения, которые поддерживаются и разделяются субъектами профессионального сообщества в процессе деятельности, детерминируя ее внутреннюю интеграцию.

Одной из главных задач воспитательной системы является создание гуманистических отношений, возникновению которых способствует совместная проектная деятельность. Она обеспечивает особые доверительные отношения между субъектами совместной деятельности, творческую атмосферу, продуктивное педагогическое сотрудничество.

Формирование педагогического сотрудничества возможно в виде: бинарных лекций, интегрированных практических занятий, совместной организации практики и сопровождения курсовых проектов разными специалистами, написания научно-педагогических трудов творческими коллективами.

В своей статье мы уже упоминали о том, что технологизация образовательного процесса является составной частью системы обучения, но в ней отсутствуют технологии воспитания в высшей школе. С нашей точки зрения, педагогическая техноло-

гия воспитания есть продуманная во всех деталях модель совместной деятельности преподавателей и студентов по проектированию, организации и проведению воспитательного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий как для одних, так и для других его участников, реализующих идею полной управляемости воспитательным процессом. И если подходить к понятию «педагогическая технология воспитания» с позиций личностного подхода, то в ней можно выделить следующие признаки:

- *возможность воспроизведения (и распространения) технологии применительно к заданным условиям;*
- *результативность – высокая степень достижения запланированного уровня воспитанности;*
- *направленность на развитие личности;*
- *целеполагание (таксономия)*
- *организация воспитательного процесса в соответствии с учебными целями, то есть через содержание учебных дисциплин и через «погружение» в различные модели будущей профессиональной деятельности;*
- *мониторинг уровня воспитанности студентов;*
- *исходная (стартовая) диагностика – для получения информации о состоянии нравственной сферы и готовности студентов к ее преобразованиям;*
- *текущая или промежуточная диагностика – с целью выявления пробелов в ходе воспитательной работы и необходимости коррекции состояния нравственной сферы;*
- *итоговая диагностика – для оценки конечного уровня воспитанности выпускников.*

Разработке педагогической технологии воспитания в конкретном вузе предшествует создание технологического проекта. Технологический проект – это научное описание последовательности действий преподавателей и студентов в рамках образовательной системы, создание абстрактной модели воспитания. На уровне абстрактной модели любая педагогическая технология воспитания «обретает лицо», становится реальной разработкой, руководством к действию, что позволяет использовать ее в личностно ориентированном контексте.

Выделим ряд принципиальных требований, которые определяют технологию воспитательной деятельности в различных формах.

Прежде всего, следует исходить из необходимости подчинения содержания предмета не только профессиональным знаниям, но и воспитательному результату, который должен заключаться в качественных материальных и идеальных изменениях личности, ее внешнего облика, интеллектуальной, мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой сферы, поведения и деятельности [8].

Непременным требованием к организации любого вида воспитательной деятельности является создание условий обязательного переживания студентом положительных эмоций и, главное, чувства удовлетворенности собой, веры в свои силы и возможности, что, в свою очередь, будет способствовать формированию социально ценных мотивов поведения и деятельности [9]. Социально окрашенные мотивы поведения и деятельности обеспечивают постепенное вхождение в профессию врача и овладение необходимыми компетенциями, значимыми для специалиста.

Следует подчеркнуть, что технология воспитания, должна применяться сообразно личностным и возрастным особенностям студентов, лишь тогда она будет содействовать нравственному и профессиональному становлению личности.

Подводя итоги, можно резюмировать следующее: воспитание студентов медицинских вузов является важнейшим условием становления личности будущего врача. Процесс воспитания должен стать доминантой в подготовке компетентного специалиста, готового не только врачевать тело, но и душу человека.

Библиографический список

1. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / под ред. М.В. Булановой-Топорковой. – Ростов-на-Дону, 2002.
2. Воспитательная работа со студентами в медицинских вузах (опыт Российского государственного медицинского университета): учеб. пособие для преподавателей медицинских и фармацевтических вузов / под общей ред. В.Н. Ярыгина. – М., 2005.
3. Пирогов, Н.И. Чего мы желаем? // Сочинения: в 2 т. – Киев, 1910. – Т. 1.
4. Медицина – культура – милосердие: книга-альбом. – СПб., 2002.
5. Ушинский, К.Д. Избранные труды: в 4 кн. / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. Э.Д. Днепров. – М., 2005. – Кн. 1: Проблемы педагогики.
6. Ковалев, В.Л. Мотивы поведения и деятельности. – М., 1988.
7. Кузьмина, Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М., 1990.
8. Аверин, В.А. Теория и методика воспитательной работы в медицинском вузе: учеб. пособие для преподавателей / В.А. Аверин, Е.Р. Зинкевич, О.С. Кульбах. – СПб., 2011.
9. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. – М., 1983. – Т. 1.

Bibliography

1. Pedagogika i psikhologiya vihshej shkolih: ucheb. posobie / pod red. M.V. Bulanovoy-Toporkovoy. – Rostov-na-Donu, 2002.
2. Vospitatelnaya rabota so studentami v medicinskih vuzakh (opiht Rossijskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta): ucheb. posobie dlya prepodavatelej medicinskih i farmacevticheskikh vuzov / pod obhtej red. V.N. Yarihgina. – M., 2005.
3. Pirogov, N.I. Chego mih zhelaem? // Sochineniya: v 2 t. – Kiev, 1910. – T. 1.
4. Medicina – kul'tura – miloserdie: kniga-al'bom. – SPb., 2002.
5. Ushinskiy, K.D. Izbranniye trudi: v 4 kn. / sost., vstup. st., primech. i komment. Eh.D. Dneprova. – M., 2005. – Kn. 1: Problemih pedagogiki.
6. Kovalev, V.L. Motivih povedeniya i deyatel'nosti. – M., 1988.
7. Kuzmina, N.V. Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya. – M., 1990.
8. Averin, V.A. Teoriya i metodika vospitatel'noj raboty v medicinskom vuze: ucheb. posobie dlya prepodavatelej / V.A. Averin, E.R. Zinkevich, O.S. Kuljakh. – SPb., 2011.
9. Leontjev, A.N. Izbranniye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t. / pod red. V.V. Davihdova, V.P. Zinchenko, A.A. Leontjeva, A.V. Petrovskogo. – M., 1983. – T. 1.

Статья поступила в редакцию 01.06.12

УДК 371.035.6

Lazarev A.A. GRAZHDANSVENNOSTI'S FORMATION AND PATRIOTISM AT STUDENTS СПО: ON THE EXAMPLE OF ACTIVITY OF MILITARY AND SPORTS CLUB "PATRIOT". In this paper there are understanding of the problem of formation of citizenship and patriotism as an example of the military-patriotic club. Also guidelines for the development of civil and patriotic qualities in students are updated in secondary vocational education.

Key words: citizenship, patriotism, students, military-patriotic club

А.А. Лазарев, соискатель ФГБОУ ВПО «АГПИ имени А.П. Гайдара», преподаватель ФГОУ СПО «Арзамасский политехнический колледж им. В.А. Новикова», г. Арзамас, E-mail: alex.lazarev.1982@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ СПО: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-СПОРТИВНОГО КЛУБА «ПАТРИОТ»

В работе представлено понимание проблемы формирования гражданственности и патриотизма на примере работы военно-патриотического клуба, актуализированы основы формирования гражданско-патриотических качеств у студенческой молодежи в среднем профессиональном образовании.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, студенты, военно-спортивный клуб.

В современных условиях патриотическое воспитание молодежи и формирование гражданственности приобретает особую актуальность и значимость, так как патриотизм является одним из важнейших составляющих общенациональной идеи Российского государства. Россия XXI века переживает серьезнейший моральный, духовный и нравственный кризис. Всеобщее влияние запада подорвало весь институт общественной нравственности и гражданского самосознания, а также нивелировала до неузнаваемости принципы отношения людей к обществу, государству, закону, труду и вообще отношения человека к человеку. В последние десятилетия в образовательных учреждениях значительно ослаблена работа по гражданско-патриотическому воспитанию студенческой молодежи. В условиях экономического кризиса, нестабильной экономической ситуации, наблюдающейся в России, возникают множество проблем: социально-психологическая напряженность, безработица, снижение жизненного уровня у большинства населения, социальное расслоение общества на богатых и бедных. Эти негативные процессы отрицательно влияют на гражданско-патриотическое воспитание молодежи и ведут к усилению социальной напряженности, росту преступности, наркомании и пьянства в молодежной среде. Явно прослеживается тенденция падения престижа военной службы, снижения воспитательного воздействия российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотических ценностей [1].

Развиваясь в таких условиях, личность подвергается угрозе нравственной дезориентации и опасности утраты традиционного национального сознания. Все это определяет проблему воспитания патриота своей страны с жизненной установкой служить Отечеству как одну из важнейших. Падение на дно асоциальной и аморальной жизни разрушает их психику и систему привычных жизненных ценностей. Ставший ныне модным цинизм и отрицание моральных норм нередко является признаком душевного расстройства или невроза, защитной реакцией на неблагоприятные обстоятельства и отсутствие теплых отношений с кем бы то ни было. Сохранить свое «Я» в ситуации сложного морального выбора очень важно.

Кардинальные перемены в обществе не могли не затронуть такое важное качество любого любящего свою Родину человека, как патриотизм. Превращение России во второразрядную страну нанесло сокрушительный удар по патриотическим чув-

ствам населения, выросшего в атмосфере гордости за свою державу. Что мы имеем сейчас? Проводя социологический опрос по вопросам патриотизма среди подростков 15-17 летнего возраста в колледже, мы получили плачевную статистику. Из 100 опрошенных молодых людей только 10 считают себя патриотами России. А на вопрос «Хотели бы Вы уехать из своей страны?» – 92 человека дали утвердительный ответ. Молодежь сегодня потеряла перспективу жизни, всё больше растёт растерянность, тревога, неуверенность в завтрашнем дне и чувство безысходности, обманутости и доминирующие установки жить «одним днём».

Очень большая проблема причин отсутствия чувства патриотизма заключается в том, что сейчас во взрослую жизнь вступило поколение начала 90-х годов XX столетия, поколение, которое уже не застало Советского Союза с его устоявшимися ценностями. Это поколение родилось в совершенно другой стране, и оно требует совершенно иных способов формирования и развития морали, нравственности и патриотизма в Российской Федерации. Одним из деятельностных способов является военно-патриотическое и военно-спортивное движение. Военно-патриотическое воспитание обучающихся – это целенаправленный управляемый процесс их личностного развития на основе боевых традиций народа, формирования готовности к выполнению задач по защите Отечества и овладения необходимыми для этого знаниями, умениями, навыками [2, с. 21].

Военно-патриотические клубы – это система общественных объединений, деятельность которых направлена на формирование у молодежи высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Учебная методика военно-патриотических клубов включает в себя спортивный элемент, военную подготовку, основанную на опыте боевых действий, и патриотическое воспитание. На сегодняшний день не существует единой методической базы для военно-патриотических клубов. Каждый клуб или группа клубов пользуются своими собственными учебно-методическими наработками, в основе которых лежат разные армейские, спортивные учебные программы.

Интересен в этом смысле опыт работы Арзамасского Военно-спортивного клуба «Патриот», который располагается на базе Арзамасского политехнического колледжа им. В.А. Новикова

Рис. 1. Направления деятельности военно-спортивного клуба «Патриот»

(Руководитель ВСК «Патриот» – А.Ю. Козлов). Направления деятельности военно-спортивного клуба представлен на рис.1.

Цели и задачи клуба – это воспитание молодежи в духе патриотизма, популяризации военно-прикладных видов спорта, подготовка к службе в рядах Российской армии. Более 500 человек выпущено из клуба «Патриот».

Программа клуба включает в себя следующие направления деятельности: общеспортивная подготовка (рукопашный бой и силовые нагрузки); строевая подготовка; стрелковая и тактическая подготовка (занятия в тире и на воздухе с использованием страйкбольного оборудования); парашютная и парашютная подготовка; военная история России; школа выживания (альпинизм, туризм, топография); медицинская подготовка; гражданская оборона [6].

На счету клуба много всероссийских патриотических сборов. Последними и более значимыми являются: межрайонный смотр-конкурс «День допризывника» прошедший на базе Нижегородского военного института инженерных войск города Кстово; областной марш-бросок кадетов и участников патриотических клубов Нижегородской области по местам боевой и исторической славы России (Арзамас – Н. Новгород – Москва – Смоленск – Калуга – Ясная Поляна – Тула – Рязань – Коломна – Навашино); VIII Общероссийские Суворовские сборы, посвященные памяти А. Суворова (Владимирская область, Собинский р.н, пос. Ставрово – родина А. Суворова); лыжный переход Н.Новгород – Псков – Полоцк – Витебск – Смоленск – Вязьма – Москва – Н. Новгород, посвященный 80-летию воздушно-десантных войск, приурочен к 21 годовщине вывода ограниченного контингента Советских войск из Афганистана. Лыжный переход проходил по местам дислокации частей и подразделений ВДВ и героического прошлого; VI Всероссийские Ушаковские военно-патриотические сборы, посвященные 265-летию со дня рождения святого праведного воина Феодора Ушакова, похороненного в Окрестностях Санаксарского Рождество-Богородичного ставропигиального мужского монастыря, Темниковского района, Республик Мордовия. Благодаря работе клуба его воспитанники посредством военно-полевых сборов приобщаются к патриотическим ценностям и воспитывают в себе чувство гордости и любви к своей Родине. Эта комбинированная интегрированная форма патриотического воспитания молодежи позволяет в довольно короткий срок поднять планку патриотизма на достойный уровень развития.

В качестве примера рассмотрим VI Всероссийские Ушаковские военно-патриотические сборы, которые проводились в Темниковском районе, где в деревне Алексеевка 201 год назад поселился ушедший в отставку прославленный Адмирал Флота Российского Ф.Ф. Ушаков, где после его смерти и причисления к лику святых в Санаксарском монастыре покоятся мощи Святого Праведного воина Феодора Ушакова. День открытия Ушаковских сборов совпал с днем кончины Адмирала Флота Рос-

сийского Ф.Ф. Ушакова, поэтому, прежде всего, участники сборов побывали на службе в Санаксарском монастыре, на экскурсии по обители, где услышали об истории ее создания, о жизни и духовных подвигах великого флотоводца Ф.Ф. Ушакова. Всем участникам сборов пришлось лично пройти немало серьезных испытаний на выносливость, мужество и воинскую отвагу и смекалку. Строевая подготовка, разборка и сборка автомата Калашникова, стрельба на огневом рубеже, силовое многоборье, топографическое ориентирование на местности, метание ножей, медицинская подготовка, перетягивание каната, военно-историческая викторина. Особо отметим полосу препятствий данных сборов – это настоящие спецназовские преграды, включающие в себя массу различных задач. Здесь и так называемые «мышеловка», и «барсучья нора», альпинистский этап, подвесной мост и завалы, метание гранат и переноска раненого. Преодоление полосы препятствий требовало от участников предельной концентрации сил, а результат, показанный на ней, играл решающую роль в командном зачете [6].

Стоит сказать, что сборы проходили в октябре и погодные условия совсем не радовали ребят. Сильный порывистый ветер, пасмурное небо и моросящий дождь заставили бы любого подростка вернуться домой, но только не патриотов своей Родины. Ребята достойно выдержали все испытания и показали хороший результат. Вот впечатления от сборов некоторых их курсантов ВСК «Патриот»: «Мне сборы очень понравились, было тяжело, но в тоже время очень интересно. И кроме того я узнал много интересного о Федоре Ушакове» (Иван Б.); «Самое интересное – это полоса препятствий. Здесь множество разных испытаний и их можно пройти, только помогая друг другу. Чувство локтя и понимания, что твой друг поможет в трудную минуту не давали мне расслабиться и потерять свои силы» (Евгений Б.).

В наше время, когда вопрос духовно-нравственного и патриотического воспитания является проблемным, такие сборы нацеливают молодежь на готовность служить Отечеству. Мы все хотим, чтобы наше будущее было мирным и светлым, и нам есть на кого положиться. Наши ребята из Военно-спортивного клуба «Патриот» помнят главную заповедь: «Положи душу за други своя».

В современном развитии России, как никогда необходимо возрождение духовности, нравственности, морали и патриотизма молодежи, воспитания любви к Отечеству, а также прекращение пропаганды насилия и жестокости. Не случайно в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», уделяется большое внимание вопросам воспитания гражданского самосознания, «осознание себя гражданином России на основе принятия общих национальных нравственных ценностей; готовность граждан солидарно противостоять внешним и внутренним вызовам; развитие чувства патриотизма и гражданской солидарности» [5, с. 16].

В настоящее время наметилась тенденция роста числа военно-патриотических клубов, действующих под эгидой Русской

православной церкви. Можно с уверенностью предположить, что не только их количество, но и оказываемое на общество влияние будет расти [4].

За русским человеком – великие умы, ратные подвиги предков, могучая и великая культура, и, конечно же, чувство ответ-

ственности перед Родиной. Без подъема гражданского самосознания, патриотического потенциала населения и российской государственности не приходится рассчитывать на успех в Возрождении Отечества. Только с восстановлением патриотического самосознания сможет возродиться Россия.

Библиографический список

1. Акутина, С.П. Патриотическое воспитание студенческой молодежи как социальная проблема современного общества/ Педагогика и психология развития современного детства: материалы Международной научно-практич. конф.: в 2 ч. – Арзамас, 2011. – Ч. 1.
2. Баранов, А.В. Особенности системы клубного военно-патриотического воспитания молодежи // Среднее профессиональное образование.- 2011. – № 1.
3. Баранов, А.В. Роль военно-патриотических клубов в духовно-нравственном воспитании молодежи // Среднее профессиональное образование – 2011. – № 2.
4. Ипполитова, Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Челябинск, 2000.
5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М., 2009.
6. Лазарев, А.А. Воспитание гражданского самосознания современной молодежи через деятельность военно-патриотических клубов // Педагогика и психология развития современного детства: материалы Международной научно-практич. конф. / под общ. ред. Т.Т. Щелиной: в 2 ч. – Арзамас, 2011. – Ч. 1.

Bibliography

1. Akutina, S.P. Patrioticheskoe vospitanie studencheskoy molodezhi kak socialnaya problema sovremennogo obshchestva/ Pedagogika i psikhologiya razvitiya sovremennogo detstva: materialih Mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.: v 2 ch. – Arzamas, 2011. – Ch. 1.
2. Baranov, A.V. Osobennosti sistemih klubnogo voenno-patrioticheskogo vospitaniya molodyozhi // Srednee professionalnoe obrazovanie.- 2011. – № 1.
3. Baranov, A.V. Rolj voenno-patrioticheskikh klubov v dukhovno-nravstvennom vospitanii molodezhi // Srednee professionalnoe obrazovanie – 2011. – № 2.
4. Ippolitova, N.V. Teoriya i praktika podgotovki budutikh uchiteley k patrioticheskomu vospitaniyu uchastnikhsya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – Chelyabinsk, 2000.
5. Konceptiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii v sfere obshchego obrazovaniya: proekt / A.Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. – M., 2009.
6. Lazarev, A.A. Vospitanie grazhdanskogo samosoznaniya sovremennoy molodyozhi cherez deyatel'nostj voenno-patrioticheskikh klubov // Pedagogika i psikhologiya razvitiya sovremennogo detstva: materialih Mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. / pod obsh. red. T.T. Shelinoj: v 2 ch. – Arzamas, 2011. – Ch. 1.

Статья поступила в редакцию 03.07.12

УДК 371 «73»

Legenchuk D.V. METHODS OF EXPERIMENTAL WORK IN THE STUDY OF THE CONTINUITY OF PROFESSIONAL EDUCATION. The article considers the content of the methods of experimental work in the study of hereditary multilevel professional education in conditions of the modern Russian education. The author makes analyzes meaningful role and essence of the concrete methods of studying the scientific reality as they developed the concept of continuity of multi-level professional education.

Key words: activity, concept, method, education, training, research experimental work continuity, pedagogical technology, development, process, system, system of education, equipment, technology, training activities.

Д.В. Легенчук, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики Курганского гос. университета,
г. Курган, E-mail: doc600@mail.ru

МЕТОДЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается содержание методов опытно-экспериментальной работы в изучении преемственного многоуровневого профессионального образования в условиях современного российского образования. Автор анализирует содержательную роль и сущность конкретных методов изучения научной действительности в разработанной им концепции преемственности многоуровневого профессионального образования.

Ключевые слова: деятельность, концепция, метод, образование, обучение, опытно экспериментальная работа преемственность, педагогические технологии, развитие, процесс, система, система образования, средства, технология, учебная деятельность.

Организация и проведение опытно-экспериментальной работы требуют основания оптимальной продолжительности эксперимента. С этой целью мы проанализировали ряд научных работ и предшествующий опыт проведения аналогичных экспериментов, в которых, как показала последующая практика, сделаны корректные научно-практические выводы. Также мы соотносили цели и задачи нашего исследования с необходимой деятельностью по их реализации.

Проблема выявления эффективности экспериментальной работы связана с проблемой критериев и уровней. В теории и практике педагогического образования существуют общие требования к выделению и обоснованию критериев, когда они должны отражать основные закономерности формирования личности; с их помощью должны устанавливаться связи между всеми

компонентами исследуемой системы, качественные показатели должны выступать в единстве с количественными [1, с. 24].

В процессе опытно-экспериментальной работы нами использовались различные методы научно-педагогического исследования. Их применение было направлено на получение выводов методологического, теоретического и дидактического характера.

Для определения независимых и зависимых переменных в ходе эксперимента использовались следующие методы:

- теоретические (историко-логический; индукция и дедукция);
- теоретический - анализ и синтез; обобщение и сравнение;
- опросно-диагностические (анкетирование, интервьюирование, беседа, тестирование, оценивание-рейтинг, обобщение независимых характеристик);

- наблюдательные (прямое и косвенное, включенное наблюдение; протоколирование лекций и занятий);

- прагматические (анализ учебных планов, программ изучаемых дисциплин; анализ продуктов деятельности преподавателей и обучающихся);

- экспериментальные (констатирующий, формирующий и диагностический - педагогический эксперимент);

- методы математической статистики.

Остановимся более подробно на анализе конкретных методов, использованных в нашем исследовании.

Историко-логический метод использовался нами для обобщенного анализа истории исследуемой проблемы. Суть метода заключается в ретроспективном сравнении отдельных характеристик учебно-программной документации, использованной для подготовки будущих социальных педагогов и специалистов по социальной работе в нашей стране за определенный период времени, что дало возможность установить определенную динамику в изменении параметров профессиональной подготовки. Осуществление историко-логического анализа было связано с соблюдением ряда правил и требований, к которым относятся:

- соотнесение целей анализа с гипотезой и задачами исследования;

- отбор анализируемых показателей в соответствии с конкретными задачами исследования;

- достаточно полный объем анализируемых источников, наличие достоверных исходных данных.

Для раскрытия связей и закономерностей между содержанием профессиональной подготовки и его результатами, а также для выявления существа объективных явлений в процессе преподавания и учения, необходимо было провести теоретический анализ фактов, полученных в результате предварительного исследования.

Ведущая роль теоретического анализа состоит в том, что он предшествует, сопутствует и завершает любое научно-педагогическое исследование.

Теоретическая подготовка обучающихся представляет собой процесс изучения общегуманитарных, естественнонаучных, математических, общепрофессиональных, психолого-педагогических дисциплин. Знания, умения и навыки по этим предметам включают следующие элементы:

1. Общенаучные представления и понятия (естественнонаучные, математические, гуманитарные, социально-экономические и др.).

2. Общепрофессиональные понятия.

3. Социально-педагогические представления и понятия.

4. Организационно-педагогические представления и понятия.

5. Психолого-педагогические представления и понятия.

6. Понятия социологии и социальной работы.

7. Практические знания.

8. Разнообразные умения и навыки.

В процессе анализа учебных планов и программ необходимо установить:

- преемственность содержания учебного материала по изучаемым дисциплинам и по темам, систематичность и последовательность расположения материала путем установления внутрипредметных связей;

- преемственность структуры учебных планов по годам обучения, основы ее построения, выделение главных и соподчиненных элементов в структуре, их взаимосвязь;

- роль каждой учебной дисциплины в общетеоретической, общепрофессиональной и специальной подготовке;

- специфические отличия содержания учебного материала отдельных дисциплин, их значение для формирования профессиональной направленности обучающихся.

Указанный анализ учебных планов и программ необходим для правильного понимания и построения преемственности многоуровневой профессиональной подготовки будущего специалиста, содержания программного материала, обеспечения связей между теоретическими и практическими компонентами такой подготовки.

Данные анализы сопоставлялись с ходом образовательного процесса, и на основе этого нами вносились определенные коррективы в содержание учебных дисциплин - их соответствия требованиям к современному социальному педагогу и социальному работнику. Исследуя какой-либо педагогический объект, недостаточно лишь разложить его на элементы. Совокупность знаний об элементах целого еще не составляет полного знания о самом целом. Поэтому вслед за анализом в нашем исследовании мы проводили синтез элементов, который представляет

собой не просто суммирование частей, а их взаимодействие и организацию в соответствии с существующими между ними отношениями, в результате чего возникало новое видение изучаемого объекта.

Наряду с теоретическими методами, мы применяли и эмпирические методы.

На начальном этапе нами использовался метод наблюдения, как один из универсальных инструментов исследователя. Оно состоит в непосредственном восприятии поведения субъекта исследования в разнообразных ситуациях. В процессе опытно-экспериментальной работы наблюдение использовалось как самостоятельный метод решения исследовательской задачи, и как составная часть других методов. В качестве основного выступал такой тип наблюдения, как непосредственное наблюдение, когда между исследуемым объектом и экспериментатором имеются прямые отношения, а связи установлены без промежуточных показателей. В позиции наблюдателя выступает руководитель опытно-экспериментальной работы.

В целях эффективной реализации поставленных исследовательских задач нами разработана предварительная программа наблюдения, предусматривающая: цель наблюдения; вопросы для преподавателя, осуществляющего наблюдение на занятиях и вне их; влияние последовательно усложняющихся видов дифференцированных заданий; динамику развития основных качеств и характеристик профессиональной направленности будущего специалиста; влияние системы воздействия на развитие преемственных профессиональных умений и навыков.

Мы использовали две позиции исследовательского наблюдения. В первом случае исследователь располагался в процессе занятий так, чтобы в поле его зрения находились все студенты, но сам бы он, по возможности, не обнаруживал своего присутствия. Наблюдение со второй позиции предполагает проведение занятия самим исследователем. Материалы наблюдения фиксировались нами с помощью протокольных и дневниковых записей. Наблюдение не является универсальным методом исследования и его возможности ограничены. Данный метод позволяет обнаруживать лишь внешние проявления педагогических явлений. Внутренние же процессы остаются для наблюдателя недоступными.

Активное применение в процессе опытно-экспериментальной работы нашел метод письменного и устного опроса в виде беседы и анкетирования. Основным отличием собеседования от других методов сбора первичной информации, является факт, что взаимодействие исследователя и опрашиваемого сказывается на результатах исследования, и, более того, исследователь активно влияет на процесс протекания собеседования, направляя его в нужное русло. Поэтому при использовании рассматриваемого метода особое значение приобретает организация взаимодействия обеих сторон и личностные характеристики исследователя. Особое внимание мы уделяли правильной организации, тщательной подготовке беседы, от этого зависит качество информации, полученной в результате собеседования. Критериями качества информации выступает ее надежность и достоверность. Качество первичной информации зависит от продуманности плана беседы, корректности, обоснованности поставленных вопросов, которые должны быть объективны и доступны для восприятия. Нашими респондентами выступали преподаватели и студенты, что давало возможность объективно анализировать различные стороны проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов, так как в результате сопоставления ответов мы делали соответствующие выводы.

В процессе планирования и проведения беседы со студентами мы учитывали, что в целях ее оптимизации должны выделяться три основные фазы: адаптация, реализация поставленной цели, снятие напряжения у собеседника. Адаптация служит для расположения к себе респондента, снятия с него скованность, недоверия, обоснования и оглашения мотивов проведения исследования, их соответствие интересам испытуемого, и на этой основе получения от него искренних ответов. Завершается беседа выражением искренней признательности собеседнику.

Нами применялся письменный (анкетный) опрос. Его основное преимущество перед устным опросом - экономия времени. Анкета - важное средство сбора научной фактологии, это письменный опрос респондентов по заранее разработанной программе. С помощью анкет выявляются сильные и слабые стороны в решении типичных педагогических задач.

Таким образом, используя вышеописанные методы в комплексе и единстве, мы сумели получить объективные результаты при осуществлении опытно-экспериментальной работы в изучении процесса преемственности многоуровневого профессионального образования.

Библиографический список

1. Анохин, П.К. Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса // Бюл. exper. биол. и мед. – 1948. – Т. 26.
2. Антонов, А.Н. Преемственность и возникновение нового знания в науке. – М., 1985. Беликов, В.А. Образование. Деятельность. Личность: монография. – М., 2010.
3. Легенчук, Д.В. Некоторые особенности субъекта учебно-познавательной деятельности в системе преемственного многоуровневого профессионального образования // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2011. – № 2(33).
4. Легенчук, Д.В. Теория и практика развития системы профессионального образования на основе преемственности: монография. – Курган, 2008.
5. Легенчук, Д.В. Преемственность в системе многоуровневого профессионального образования: монография. – Курган, 2011.

Bibliography

1. Anokhin, P.K. Sistemogenez kak obshchaya zakonomernost' ehvolyucionnogo processa // Byul. ehksper. biol. i med. – 1948. – Т. 26.
2. Antonov, A.N. Preemstvennost' i vozniknovenie novogo znaniya v nauke. – M., 1985. Belikov, V.A. Obrazovanie. Deyatel'nost'. Lichnost': monografiya. – M., 2010.
3. Legenchuk, D.V. Nekotorige osobennosti subjhekta uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti v sisteme preemst-vennogo mnogourovnevo professional'nogo obrazovaniya // Voprosih sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo. – 2011. – № 2(33).
4. Legenchuk, D.V. Teoriya i praktika razvitiya sistemih professional'nogo obrazovaniya na osnove preemst-vennosti: monografiya. – Kurgan, 2008.
5. Legenchuk, D.V. Preemstvennost' v sisteme mnogourovnevo professional'nogo obrazovaniya: monografiya. – Kurgan, 2011.

Статья поступила в редакцию 03.07.12

УДК 378

Lipustina O.M. THE ROLE OF NORMS-STANDARDS IN THE PROFESSIONAL EDUCATION OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHER. The article discloses a necessity to solve the problem of effective foreign language teacher education, explains the importance of using new technologies for solving the task of successful school-leaver's entry into the high school system, gives the norms-standards of basic types of speech activity: listening, talking, reading, writing.

Key words: norm-standard, professional education, foreign language, listening, talking, reading, writing.

О.М. Липустина, доц. каф. английского языка ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail:lipustina_o@mail.ru

РОЛЬ НОРМ-ОБРАЗЦОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье указывается необходимость решения проблемы эффективности подготовки учителя иностранных языков, объясняется важность использования новых технологий для решения задачи успешного вхождения выпускников школ в систему вузов, приводятся разработанные нормы-образцы обученности основным видам речевой деятельности: аудированию, говорению, чтению, письму.

Ключевые слова: норма-образец, профессиональное становление, иностранный язык, аудирование, говорение, чтение, письмо.

Теоретический анализ состояния проблемы эффективности подготовки специалиста иностранных языков свидетельствует о том, что многие учащиеся школ после поступления на факультет иностранных языков не готовы к продолжению обучения. Сложившееся положение дел требует педагогического решения данной проблемы.

Переход образовательных учреждений России на федеральные государственные стандарты [1] требует новых технологий для решения проблемы успешного вхождения выпускников школ в систему вузов, а разработка норм-образцов профессиональной деятельности специалиста иностранных языков поможет повышению эффективности преподавания иностранных языков.

Разрабатывая нормы-образцы профессиональной деятельности специалиста иностранных языков, мы учитывали результаты опросов студентов и преподавателей. В частности, большой интерес представили выявленные нами недостатки подготовки студентов-первокурсников.

Среди них отмечаются:

- низкий уровень умений говорить, слушать, читать и писать на иностранном языке;
- недостаточно высокий уровень активности на занятиях;
- неумение самостоятельно работать;
- слабый уровень владения элементарным грамматическим материалом;
- недостаточно развитый уровень теоретического мышления.

Разработанные нормы-образцы по обучению всем видам речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письма) помогают решению вышеперечисленной проблемы.

Обучение аудированию. Обученность аудированию на оптимальном уровне предполагает сформированность навыков аудирования, т.е. студент способен воспринимать речь в разном темпе и в разном интонационном оформлении на слух. Студент

воспринимает аудиотексты, отражающие различные функциональные стили и сферы общения. У него сформированы основополагающие для данного вида речевой деятельности операции, о которых говорит И.А. Зимняя:

- 1) опознание звукового текста;
- 2) восприятие значения аудируемых единиц;
- 3) выявление значимой информации в аудируемом тексте

[2, с. 104].

Студент мотивирован к слушанию, у него развиты речевой слух, внимание, память, внутренняя речь и речевая догадка. Важны умения внимательно и сосредоточенно слушать, членить тексты на смысловые отрезки, выделять основную мысль, запоминать воспринимаемый на слух текст. Оптимальный уровень обученности аудированию как виду речевой деятельности оценивается 9-10 баллами.

Обученность аудированию на допустимом уровне предполагает, что студент хорошо воспринимает речь на слух, но испытывает некоторые затруднения при восприятии текстов, предъявляемых в быстром темпе. Основополагающие операции (опознание звукового потока, восприятие значения аудируемых единиц, выявление значимой информации в аудируемом тексте) в основном сформированы. Испытывается потребность в слушании, развит речевой слух. На достаточном уровне находится внутренняя речь. Но при слушании трудных текстов, содержащих специфическую лексику и предъявляемых в быстром темпе, имеются некоторые затруднения при делении текста на смысловые отрезки и в выделении основной мысли. Требуется помощь преподавателя, использующего подготовительные и речевые упражнения при обучении данному виду речевой деятельности. Допустимый уровень обученности аудированию оценивается 6-8 баллами.

Критический уровень обученности аудированию предполагает, что студент удовлетворительно воспринимает несложные

тексты, но испытывает затруднения при восприятии более сложных текстов, которые приходится предъявлять несколько раз, предварительно проделав подготовительные и речевые упражнения. Имеются трудности лексического, грамматического, фонетического характера, которые снимаются с помощью упражнений. Внутренняя речь развита недостаточно хорошо, отсюда и трудности в восприятии сложных текстов. Студент осознает, что для успешного аудирования необходимы внимание и сосредоточенность, но зачастую внимание у него рассеяно и не всегда он бывает сосредоточенным. Критический уровень обученности аудированию оценивается 4-5 баллами.

Недопустимый уровень обученности аудированию свидетельствует о том, что студент внешне согласен с тем, что для успешного овладения данным видом речевой деятельности необходима мотивированность, но говорить о реальном желании обучаемого слушать иноязычные тексты не приходится. Слишком трудные тексты вызывают у него разочарование и раздражение. У студента низка способность к речевой догадке, уровень внутренней речи находится на недопустимо низком уровне, имеются большие трудности лексического, грамматического и фонетического характера. Внимание рассеяно, студент не умеет сосредоточенно слушать, часто отвлекается. Преподавателю необходимо прибегать к контролю («охарактеризуйте, объясните, зачем и почему...»). Недопустимый уровень обученности аудированию оценивается 0-3 баллами.

Обучение говорению. Оптимальный уровень обученности говорению, как речевому умению, можно охарактеризовать следующим образом: студент испытывает потребность и внутреннее желание высказаться, у него сформированы мотивация общения на иностранном языке (в форме монолога, диалога, полилога), речевые и речемыслительные действия. Студент способен осмысливать свои учебные действия. У него сформирован механизм осознанного выбора языковых средств, он самостоятелен при решении познавательно-коммуникативных задач, ему хорошо знакомы особенности диалогической (произносительные, структурные, композиционные) и монологической (содержательные, композиционные, языковые) речи. Студент логически, связно, последовательно и полно выражает свои мысли, не допуская грамматических ошибок, умеет принимать участие в беседах проблемного характера и дискуссиях, а также руководить ими. Речь насыщена сложной лексикой, естественна и вариативна. Студент свободно пользуется различными функциональными разновидностями диалогов, составленных на основе различных коммуникативных сфер и ситуаций общения (диалогическая речь), умеет делать доклады и высказываться по различным темам, осуществляет углубленное комментирование прочитанных и прослушанных текстов, просмотренных фильмов, реферировать на иностранном языке различные материалы, в особенности, прочитанные на родном языке, с учетом коммуникативной сферы и ситуации общения (монологическая речь). Оптимальный уровень обученности говорению оценивается 9-10 баллами.

Допустимый уровень обученности говорению характеризуется сформированностью мотивации общения на иностранном языке, но не всегда проявляется способность осмысливать учебные действия. Здесь необходима помощь преподавателя. На достаточном уровне сформированы речевые и речемыслительные действия, но механизм осознанного выбора языковых средств сформирован недостаточно. Студент не совсем самостоятелен при решении познавательно-коммуникативных задач. Он знаком с особенностями диалогической и монологической речи, довольно активно участвует в беседах проблемного характера и дискуссиях, умеет делать доклады и сообщения на различные темы, может осуществить комментирование прочитанных текстов, увиденных фильмов, реферировать на иностранном языке материалы, прочитанные на родном языке, но испытывает некоторые трудности грамматического характера, используемая лексика не всегда сложна. Допустимый уровень обученности говорению оценивается 6-8 баллами.

Критический уровень обученности говорению характеризуется осознанием важности мотивации общения на иностранном языке, но учебные действия студентом осмысливаются не всегда. Речевые и речемыслительные действия сформированы на недостаточном уровне, не проявляется самостоятельности при решении познавательно-коммуникативных задач. С особенностями монологической и диалогической речи студент знаком, не всегда активно участвует в беседах и дискуссиях, может комментировать тексты, фильмы, статьи, но речь не отличается особой грамотностью и сложностью. Критический уровень обученности говорению оценивается 4-5 баллами.

Недопустимый уровень обученности говорению характеризуется так: студент не мотивирован к говорению, главная причина кроется в том, что уровень знания грамматики находится на весьма невысоком уровне, лексика бедна, отсюда пассивность в учебной деятельности. Неохотно включается в беседы, дискуссии. При составлении докладов, высказываясь на различные темы, не может логически, связно и полно выражать свои мысли. Речь не отличается естественностью и вариативностью, часто допускаются паузы, подыскиваются нужные слова. О функциональных разновидностях диалогов, углубленном комментировании прочитанного и просмотренного речи не идет. Механизм осознанного выбора языковых средств не сформирован. Студент не самостоятелен при решении познавательно-коммуникативных задач. Недопустимый уровень обученности говорению оценивается 0-3 баллами.

Обучение чтению. Обученность чтению на оптимальном уровне предполагает, что студент владеет всеми видами чтения (изучающим, ознакомительным, просмотровым, поисковым) и формами чтения (про себя и вслух). При интерпретации художественного текста проявляется умение раскрыть его идейное содержание и художественный замысел автора, исходя из анализа всей совокупности объектов интерпретации. Понимание читаемого является непосредственным. Чтение сформировано как речевое умение. При чтении текста любой сложности восприятие и понимание читаемого осуществляются синхронно. Чтение незнакомых текстов осуществляется в нормальном, естественном темпе, т.е. оно обеспечено предыдущей интенсивной подготовкой (чтение вслух на основе эталона, чтение вслух без эталона, но с подготовкой во времени, чтение без эталона и предварительной подготовки). Студент много и охотно читает. Технические навыки чтения автоматизированы, поэтому все внимание сосредоточено на смысловой переработке читаемого. Студент устанавливает факты, изложенные в тексте, выделяет среди них более существенные, обобщает их, оценивает, приходит к выводам. Оптимальный уровень обученности чтению оценивается 9-10 баллами.

Обученность чтению на допустимом уровне предполагает, что студент в основном владеет всеми видами и формами чтения. Интерпретируя текст, студент по образцу может раскрыть идейное содержание и художественный замысел автора. Вся совокупность объектов интерпретации ему неизвестна. Понимание читаемого является непосредственным, только если читаемые тексты не являются текстами повышенной трудности. При чтении сложных текстов восприятие и понимание читаемого не осуществляются синхронно. Появляется потребность прибегать к помощи словаря. Осознается необходимость обильного чтения. Технические навыки чтения не являются совсем автоматизированными, поэтому внимание при чтении не может быть полностью сосредоточено на смысловой переработке читаемого. Студент может в основном устанавливать факты, изложенные в читаемом тексте, но не всегда может выделить среди них наиболее существенные. Требуется помощь преподавателя для обобщения фактов и изложения выводов. Допустимый уровень обученности чтению оценивается 6-8 баллами.

Обученность чтению на критическом уровне свидетельствует о том, что студент испытывает затруднение при чтении сложных текстов, особенно если это чтение без предварительной подготовки. Нет синхронного восприятия и понимания при чтении не только сложных текстов, но и текстов средней сложности. Испытываются затруднения при интерпретации текстов. Внешне студент осознает, что обильное чтение необходимо, но читает мало. Технические навыки чтения не автоматизированы, поэтому внимание при чтении рассеяно. С трудом устанавливаются факты в читаемых текстах, поэтому нет способности выделить среди них наиболее существенные. Без помощи преподавателя студент не может обобщать факты и излагать выводы. Критический уровень обученности чтению оценивается 4-5 баллами.

Студент, находящийся на **недопустимом уровне** обученности чтению, испытывает затруднения при чтении сложных текстов и текстов средней сложности. Справляется с простыми текстами. Внешне соблюдает необходимость обильного чтения, но читает очень мало, почти под принуждением. Техническими навыками чтения не владеет. При чтении внимание рассеяно. При чтении сложных текстов и текстов средней сложности не может устанавливать факты, выделять из них существенные, не может делать выводы. Понимание читаемых текстов не является непосредственным. Восприятие и понимание текста не осуществляются синхронно. При чтении студент постоянно обращается к помощи словаря, так как понимание читаемого затруднено. Интерпретировать сложные тексты не умеет, простые тексты

и тексты средней сложности интерпретирует с трудом, прибегая в основном к шаблонным фразам. Недопустимый уровень обученности чтению оценивается 0-3 баллами.

Обучение письму. *Оптимальный уровень* обученности письму оценивается следующим образом: студент умеет орфографически и пунктуационно грамотно выражать свои мысли при написании эссе, докладов, рецензий, тезисов к статьям и докладам. Письменная речь студента соответствует теме, коммуникативной сфере и коммуникативному намерению. Эссе, доклады, рецензии и другие формы письменной речи отличаются четкостью и логичностью изложения. Для письменных работ характерны связность изложения, выражающаяся в правильном членении текста на абзацы, их соединение и правильное построение предложений. Языковые средства выбираются адекватно. Все письменные работы полны, конкретны, логичны и завершены. У студента высока мотивированность вступить в письменное общение, сообщить какую-либо информацию. Все виды письменных работ выполняются в срок. В письменных работах используются сложные грамматические конструкции и богатая лексика. Все виды письменных работ выполняются самостоятельно.

Оптимальный уровень обученности письму оценивается 9-10 баллами.

Студент, находящийся на *допустимом уровне* обученности письму, знаком с правилами орфографии и пунктуации, но иногда допускает ошибки орфографического и пунктуационного характера. Знает все виды письменных работ, стремится их выполнять, но не всегда эти письменные работы отличаются четкостью и логичностью изложения. Кроме того, не всегда изложенное бывает связным, бывают сложности с правильным построением предложений. Иногда требуется помощь преподавателя, чтобы письменные работы соответствовали теме, коммуникативной сфере и коммуникативному намерению. Языковые средства выбираются не всегда адекватно. Студент в основном мотивирован на то, чтобы вступать в письменное общение. Он готов сообщить требуемую информацию. Особо сложные виды письменных работ выполняются под руководством преподавателя.

Допустимый уровень обученности письму оценивается 6-8 баллами.

Критический уровень обученности письму свидетельствует о том, что студент не знаком со всеми правилами орфографии и пунктуации, поэтому ошибки как орфографического, так и пунктуационного плана весьма часто встречаются в его письменных работах. Студент внешне осознает необходимость письменных работ, но не всегда вовремя и качественно их выполняет, испытывает трудности с правильным построением предложений; при написании многих видов работ ему необходима помощь преподавателя. Не всегда адекватно выбираются языковые средства. Ряд письменных работ не соответствует коммуникативной сфере и коммуникативному намерению. В ряде случаев испытываются затруднения в правильном членении текста на абзацы. Почти все письменные работы отличается простота грамматических конструкций. Критический уровень обученности письму оценивается 4-5 баллами.

Недопустимый уровень обученности письму, как речевому умению, свидетельствует о том, что студент не умеет орфографически и пунктуационно грамотно выражать свои мысли при написании эссе, аннотаций, рецензий и пр. Письменная речь не соответствует заданной теме, коммуникативной сфере и коммуникативному намерению. Письменные работы не отличаются четкостью, логичностью, связностью изложения. Студент с трудом членит текст на абзацы, во многих случаях делая это неправильно. Выбираемые языковые средства не адекватны. Мотивированность к этому речевому умению либо очень низка, либо совсем отсутствует. Письменная речь характеризуется бедностью лексики и грамматических конструкций. Они слишком просты и элементарны для письменной речи. Недопустимый уровень обученности письму оценивается 0-3 баллами.

Знание норм-образцов основных видов речевой деятельности мотивируют и ориентируют преподавателя и студента к достижению оптимального уровня норм-образцов видов речевой деятельности и задают алгоритм достижения установленных целей эффективной подготовки учителя иностранных языков.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование / Министерство образования и науки Российской Федерации. – 17.01.2011. – № 46.
2. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М., 1991.

Bibliography

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart viysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. – 17.01.2011. – № 46.
2. Zimnyaya, I.A. Psikhologiya obucheniya inostrannim yazykam v shkole. – M., 1991.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 159.9:331.101.3

Lisovskaya N.B., Smolina T.L., Troshinina E.A. **TECHNOLOGIES OF FORMATION OF CAREER READINESS IN TRAINING IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS (FOREIGN EXPERIENCE).** In article technologies of forming of career readiness in training in higher educational institutions abroad are analyzed, traditional means and training methods in foreign system of the higher education are described, and also interactive technologies are considered. Authors give examples of interactive technologies of forming of career readiness in training in higher educational institutions such as: group discussions, creative works, the role plays intensifying exercises.

Key words: career, a career readiness, career management, technology of formation of a career readiness, career planning.

Н.Б. Лисовская, канд. психол. наук, доц. РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: lisovskaja@mail.ru; **Т.Л. Смолина**, канд. психол. наук, доц. РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: talesm@mail.ru; **Е.А. Трощинина**, ассистент РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: katerina-herzen@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРЬЕРНОЙ ГОТОВНОСТИ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

В статье анализируются технологии формирования карьерной готовности в период обучения в высших учебных заведениях за рубежом, описываются традиционные средства и методы обучения в зарубежной системе высшего образования, а также рассматриваются интерактивные технологии. Авторами приводятся примеры интерактивных технологий формирования карьерной готовности в период обучения в высших учебных заведениях такие как: групповые дискуссии, творческие работы, ролевые игры, активизирующие упражнения.

Ключевые слова: карьера, карьерная готовность, управление карьерой, технологии формирования карьерной готовности, планирование карьеры.

Анализ зарубежных источников по вопросу формирования карьерной готовности показывает, что работа в данной области в западной системе высшего образования ведется в двух основных направлениях: в рамках изучаемых учебных дисциплин и в работе центров карьеры при университетах [1].

Формирование карьерной готовности в зарубежных университетах осуществляется при помощи ряда дисциплин, направленных на приобретение профессиональной компетентности студентов в области управления карьерой и основывается на доминирующей в настоящее время модели планирования [2]. Сущность модели планирования в формировании карьерной готовности студентов заключается в акценте на аспекте планирования, самосознания, самооценки и развития студентов [3].

Учебные дисциплины направлены на планирование, исследование и развитие карьеры, что находит свое отражение в названиях программ курсов: «Исследование карьеры» (Career exploration), «Исследование и планирование карьеры» (Career exploration and planning), «Эффективное управление карьерой» (Effective career management), «Развитие карьеры» (Career development). Кроме вышеперечисленных дисциплин, в зарубежных университетах существуют также специализированные курсы по выбору, нацеленные на освоение карьеры в той или иной профессиональной области. Например, дисциплины «Карьера в психологии» (Career in psychology), «Преподавание как карьера» (Teaching as a career). Рассмотрим некоторые аспекты программ курса.

Цели и ожидаемые результаты

Программа курса «Эффективное управление карьерой» (авторы-составители: Derek Guffin, Brian Ray), представленная в университете Флориды (США), ставит своей целью информирование в области планирования и управления карьерой студентов, находящихся на разных уровнях карьерной готовности.

Курс состоит из трех разделов:

1. Концепции карьеры (самопознание, исследование профессий и изучение процесса принятия карьерного решения).
2. Социальные условия, влияющие на развитие карьеры (социальные, экономические, демографические, организационные факторы, способствующие и препятствующие карьере).
3. Стратегический карьерный план (карьерные навыки и стратегии).

Предполагаемые результаты освоения программы курса включают в себя:

- понимание влияния личностных качеств, установок, интересов и способностей на развитие карьеры;
- знание необходимых для развития карьеры образовательных программ (тренингов, программ повышения квалификации и т.д.);
- готовность к практическому использованию теорий развития карьеры и навыков принятия карьерных решений;
- формулирование плана действий и стратегий осуществления карьерных целей;
- обладание навыками, необходимыми в поиске и нахождении работы.

Программа курса «Развитие карьеры» университета Ламара (США) направлена на освоение слушателями теорий профессионального выбора, исследования карьеры и готовности к принятию карьерного решения. Автор-составитель – профессор William R. Holmes. Ожидаемые результаты освоения программы курса:

- знание классических теорий развития карьеры;
- владение технологиями ассессмента и карьерного консультирования;
- знание информационных источников, связанных с проблематикой принятия карьерного решения.

Курс «Преподавание как карьера» в университете Пурдью (США) является одним из базовых курсов по освоению педагогических технологий, целью которого является обеспечение студентов необходимыми знаниями и навыками в принятии карьерных решений.

Курс «Карьера в психологии» университета Западной Флориды (автор-составитель – John Rahael) ставит своей целью представить обзор карьерных возможностей для выпускников психологов, а также способствовать развитию исследовательских навыков и усвоению этических норм психолога.

Среди основных ожидаемых результатов:

- знание карьерных возможностей выпускников-психологов с разным уровнем образования (бакалавр, магистр, кандидат наук);

- знание важности исследования для психологии;
- знание информационных источников, связанных с психологической проблематикой.

Формы аттестации и средства обучения

Среди основных форм аттестации учебных дисциплин, направленных на формирование карьерной готовности можно выделить следующие: составление аннотированного библиографического указателя по темам курса, написание аннотаций, написание творческих работ (например, «Карьерная автобиография»), выполнение индивидуальных и групповых проектов, обсуждение докладов, дискуссии по прочитанному материалу, заполнение и анализ методик, направленных на выявление карьерной готовности («Опросник профессиональных предпочтений», Шкала «Моя профессиональная ситуация», Шкала зрелости профессиональных установок), интервьюирование (например, освоение технологии «Мок-интервью»), выполнение упражнений и творческих работ (например, упражнения «Мои пиковые опыты», «Десять лет спустя»).

Наряду с традиционными средствами и методами обучения в зарубежной системе высшего образования активно используются интерактивные технологии. Так, в рамках программы курса «Управление карьерой» колледжа Бостона (США), автор курса В. Harrington предлагает наряду с традиционными заданиями, выполнение письменных творческих заданий и упражнений, направленных на осознание жизненных и карьерных целей (творческая работа «Карьерная автобиография», упражнение «Пиковый опыт», упражнение «Десять лет спустя»). В рамках программы курса «Преподавание как карьера» в университете Пурдью (США) применяется метод дискуссии на основе прочитанного материала. R. Brislin и S.S. Jane предлагают упражнение «Ресурсы, сети и обмены», которое они применяют в рамках магистерских программ по деловому администрированию (МВА).

Приведем примеры некоторых методов, используемых в рамках различных учебных курсов (дискуссия, творческая работа, упражнения).

Дискуссия

При освоении курса «Преподавание как карьера» в университете Пурдью (США) в качестве основного метода обучения используется дискуссия на основе прочитанного учебного материала (описание педагогических ситуаций) и личного педагогического опыта студентов. Педагогические ситуации, представленные в учебном пособии, основаны на реальных историях учителей и способствуют развитию критического мышления и способов поведения в схожих обстоятельствах.

Рекомендации для студентов для подготовки к обсуждению педагогических ситуаций.

- Прочитайте текст полностью. Вначале обратите внимание на основную идею, главных героев, место и ситуации. Еще раз прочитайте текст.
- Определите ключевые проблемы. Попытайтесь определить как основные (явные) аспекты проблемной ситуации, так и скрытые.
- Анализируйте. Составьте список вопросов на тему того, каким образом учителю удалось справиться с ситуацией.
- Обсуждайте. Дискуссия предполагает открытость и нахождение нескольких вариантов возможных выходов из ситуации. Будьте готовы представить ваше видение данной педагогической ситуации.

Творческая работа «Карьерная автобиография»

Карьерная автобиография представляет собой письменное задание (15-20 страниц), в котором студенты отвечают на представленные вопросы. Цель данной творческой работы – осознание карьерного опыта и выявление значимых лиц, оказавших влияние на ценности, представления, жизненный и карьерный опыт.

Инструкция: Отвечайте на каждый вопрос как можно более подробно. Чем более подробным будет Ваш ответ, тем больше пользы принесет Вам выполнение данной работы. Отвечайте последовательно. Не читайте все вопросы сразу.

Список вопросов:

- Расскажите вашу историю жизни (кто Вы, откуда приехали, какой у Вас жизненный опыт и куда он Вас привел на данный момент).
- Опишите Ваши самые ранние воспоминания.
- Какой у Вас опыт работы?
- Какие основные повороты в карьере Вы испытали?

- Кто на Вас оказывал влияние в Вашей карьере (родители, учителя, ролевые модели и т.п.)? Почему они были столь влиятельны? Чем занимались Ваши родители? Как их профессиональный опыт повлиял на Ваши представления о карьере?

- Какая работа (деятельность) Вам больше всего нравилась? Почему? Выполнение какой деятельности Вам не нравилось? Какие роли Вам не нравились? Почему?

- Были ли у Вас «пиковые моменты» в жизни? Какие? Какой опыт, окружение (обстановка), группа или ситуация сделали этот опыт запоминающимся?

Упражнение «Пиковый опыт» (Peak experience)

В этом упражнении участникам предлагается вспомнить и описать «пиковые жизненные опыты» (личные и профессиональные ключевые жизненные моменты). В левой колонке таблицы необходимо дать название пикового опыта, во второй колонке – дать описание, а в правой колонке описать, почему эта ситуация воспринималась как пиковая.

Данные ситуации необязательно могут являться исключительно ситуациями значительных учебных, спортивных или карьерных успехов (например, получение награды, победа в конкурсе, отличная оценка на экзамене и т.п.). Участникам предлагается описать моменты, когда они были особенно счастливы, ощущали успех, умиротворение или свое истинное «Я». Идентификация подобных «пиковых моментов» способствует осознанию интересов, стремлений и мотивов.

Упражнение «Десять лет спустя» (Ten years out)

Данное упражнение направлено на выявление карьерных стремлений.

Инструкция. Возможно, Вы вполне довольны Вашим настоящим карьерным положением. Но в какой-то момент, может быть, Вы начнете мечтать о большем или о чем-то другом. Опишите Ваши стремления и Ваше видение будущего. Это поможет Вам осознать то, что является действительно важным для Вас, и будет способствовать активизации усилий в данном направлении. Заполните представленную таблицу, ответив на вопросы.

Упражнение «Ресурсы, сети и обмены»

Упражнение занимает 2-2,5 часа. Цель упражнения: ознакомление участников с концепцией ресурсов, их развитием и обменом, а также выполнение проектов.

Этап 1. Участники придумывают проект, который они хотели бы осуществить в ближайшем будущем. Данный проект, насколько это возможно, должен быть реальным и интересным для участника. Приблизительный бюджет предлагаемого проекта – 250 тысяч долларов. Примеры проектов: создание сети продуктовых магазинов, развитие программы подготовки учителей в преподавании в городских/сельских школах, подготовка бывших спортсменов в развитии карьеры в сфере общественных связей, создание телевизионных шоу и т.п.

Этап 2. Участники составляют список собственных ресурсов, которые могут способствовать развитию своего проекта или проектов других людей. Это должны быть реальные ресурсы, которыми обладают участники. Одна из целей данного этапа состоит в том, чтобы способствовать осознанию различных способов, которые помогут им и другим людям осуществить свои проекты. Примеры ресурсов: проживание в другой стране в течение нескольких лет; опыт работы в издательстве или на телевидении; опыт публичных выступлений; знакомство с разными группами людей; популярность (например, бывший спортсмен, добившийся успеха в своей профессиональной деятельности); знание иностранных языков.

Этап 3. Участников просят представить дополнительный ресурс, которым они могли бы обладать, но которого у них на данный момент нет. Этот дополнительный ресурс у них будет при выполнении четвертого этапа упражнения. Цель данного этапа состоит в осознании участниками процесса развития ресурсов как неотъемлемой части развития карьеры, а также информирование участников о широком спектре возможных ресурсов. Участникам предлагается дополнить собственный список ресурсов одним из ресурсов из предлагаемого списка.

Библиографический список

1. Zunker, V.G. Career counseling: Applied concepts of life planning. Boston: Brooks/Cole Publishing Company. – 1998.
2. Casella, D.A. Career networking: The newest career center paradigm // Journal of Career Planning and Employment. – 1990. – № 45 (3).
3. Herr, E.L., Rayman J. R., and Garis J. W. Handbook for the college and university career center. Westport CT: Greenwood Press. – 1993.

Bibliography

1. Zunker, V.G. Career counseling: Applied concepts of life planning. Boston: Brooks/Cole Publishing Company. – 1998.
2. Casella, D.A. Career networking: The newest career center paradigm // Journal of Career Planning and Employment. – 1990. – № 45 (3).
3. Herr, E.L., Rayman J. R., and Garis J. W. Handbook for the college and university career center. Westport CT: Greenwood Press. – 1993.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

Список ресурсов

- Вы хороший организатор сложных проектов. Вы можете видеть, каким образом части сложного проекта складываются в единое целое.

- У Вас отличные коммуникативные навыки. Вы очаровательны и тактичны. Окружающие Вас люди редко испытывают трудности при общении с Вами.

- Вы написали бестселлер на тему..... и сейчас вас воспринимают и как публичную фигуру, и как эксперта.

- Вы можете урегулировать оппозиционные стороны, вызвав доверие у обеих сторон.

- У Вас большие связи в Вашем сообществе.

- Вы отличный оратор.

- Вы отлично умеете продавать товар. Вы можете продать объект или идею практически любому.

- У Вас есть миллион долларов для инвестиции в проект.

- У Вас есть знания и опыт в системе налогообложения.

- Вы очень хорошо пишете в разных стилях (например, убеждающем, дипломатическом, научном, популярном).

- У Вас есть очень хорошие контакты среди журналистов.

- Вы хорошо разбираетесь в политической расстановке – Вы знаете, у кого власть и кто будет расположен по отношению к тем или иным проектам, а кто будет против них.

- У Вас есть очень хороший опыт в сфере производства товаров.

Этап 4. Участники взаимодействуют друг с другом с целью развития и реализации проекта. Им дается следующая инструкция:

Вы должны взаимодействовать с другими участниками, обмениваясь ресурсами. Для выполнения данного упражнения у Вас есть:

- а) 5000 долларов Ваших сбережений;
- б) Ваши наличные ресурсы (список, составленный на 2 этапе);
- в) Ваш дополнительный ресурс, выбранный Вами (этап 3);
- г) общий список ресурсов, который есть у других (этап 3), чтобы у Вас была возможность искать то, что Вам нужно для осуществления Вашего проекта;
- д) табличка с Вашим именем (прикрепите ее, чтобы облегчить взаимодействие с другими).

В этой ролевой игре, представьте, что Вы находитесь на встрече с влиятельными людьми. В зависимости от места Вашего проживания и Вашего сообщества, это может быть собрание политических лидеров или прием делегации. Общаясь с людьми, расскажите им о Вашем проекте и ресурсах, если Вы думаете, что они могут быть заинтересованы в проекте. В ответ, они, возможно, расскажут Вам о своих ресурсах. Затем Вам следует объединить ресурсы для собственного проекта и проекта других участников. Помните, всегда должен быть баланс между тем, что Вы получаете и даете. Если Вы только получаете ресурсы от других, Вы создадите себе репутацию «неблагодарного получателя». Если Вы только отдаете ресурсы другим, Вы можете создать себе противоположную репутацию – человека, который чересчур много отдает и никогда не развивает свои проекты.

Затем участники проекта взаимодействуют друг с другом, обмениваясь ресурсами и развивая проекты в течение часа. Ведущий упражнения должен способствовать тому, чтобы каждый участник побеседовал со всеми остальными.

На заключительном этапе участники дают обратную связь. Они рассказывают о том, как развиваются их проекты и чему они научились в процессе развития навыков налаживания связей и обмена ресурсами.

Таким образом, в зарубежной системе высшего профессионального образования формирование карьерной готовности осуществляется в рамках таких дисциплин, как «Исследование карьеры», «Исследование и планирование карьеры», «Эффективное управление карьерой», «Развитие карьеры». В рамках данных учебных дисциплин вместе с традиционными методами обучения активно используются интерактивные технологии, например, групповые дискуссии, творческие работы, ролевые игры, активизирующие упражнения.

УДК 37.015.3

Lobazov D.V., Kizesova I.V. METHODOLOGICAL BASES OF THE ROLE-PLAYING GAME. In this publication the fundamental philosophical concepts applied in specially organized role-playing game are considered. This type of games is considered from the point of view of communicative contacts proceeding in its process and their efficiency.

Key words: communication, communicativeness, role-playing game, existential psychology, behavior psychology, methodology.

Д.В. Лобазов, аспирант, ассистент каф. педагогики и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВПО «Сибирский гос. технологический университет», г. Красноярск;

И.В. Кизесова доц. каф. педагогики и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВПО «Сибирский гос. технологический университет», г. Красноярск, E-mail: ximeraden@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОЛЕВОЙ ИГРЫ

В работе рассмотрены основополагающие философские концепции, применяемые в специально организованной ролевой игре. Данный вид игр рассмотрен с точки зрения протекающих в её процессе коммуникативных контактов и их эффективности.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативность, ролевая игра, экзистенциальная психология, бихевиористическая психология, методология.

Сформированные коммуникативные навыки оказывают мультиплицирующее воздействие на развитие личности в современном обществе. Поскольку развитая коммуникативность многоаспектна, то позволяет решить следующие задачи: учебные (производственные); социальных взаимодействий; межличностного интраперсонального контакта (личных, значимых для человека связей, взаимоотношений, связанных с его внутренним миром).

Понятие коммуникативность мы используем вслед за З.И. Колычевой, как «способность, склонность к коммуникации (передаче информации в процессе общения), к установлению контактов, связей к общению», уточняя, что к данному понятию в рамках нашей публикации относим все виды общения, в том числе посредством Интернет-среды [1]. Следует подчеркнуть, что в рамках данной публикации коммуникация рассматривается с точки зрения человеческого личностного и межличностного взаимодействия, информационного обмена в виде слов и символов (общения). Всего многообразия понятия «коммуникации» мы в данной публикации не касаемся.

Анализ Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, позволяет подтвердить правильность наших убеждений, поскольку в данном правительственном распоряжении простроена взаимосвязь развития коммуникации как одной из основ конкурентоспособности кадрового потенциала страны. Планируемым мероприятиям на различных уровнях (в том числе межличностном), связанных с задачами развития, отведено особое место, среди них находим: «повышение восприимчивости населения к инновациям – инновационным продуктам и технологиям», разрешение которых возможно посредством грамотной разъяснительной кампании, повсеместного внедрения цифровой, информационной компетенции (одного из видов коммуникации); «создание в обществе атмосферы терпимости к риску», такая атмосфера создается благодаря медиа-продукту, кинокультуре, книжной культуре (основу которых создают различные виды вербальной и невербальной коммуникации); «пропаганда инновационного предпринимательства и научно-технической деятельности», суть реализации заложена в этимологии понятия «пропаганда» – печатное и устное распространение и разъяснение идей, учений, взглядов, теорий [2]; «адаптация системы образования с целью формирования у населения с детства необходимых для инновационного общества и инновационной экономики знаний, компетенций, навыков и моделей поведения...» – подразумевает овладение субъектом всего процесса, от моделирования коммуникации до анализа, через непосредственный управляемый коммуникативный акт к достижению осознанной эффективной коммуникации в единстве личностного и делового аспектов коммуникантов.

При этом невозможно не учитывать системные кризисы в социальной жизни наших современников, в том числе в системе образования. Поэтому необходимо учитывать, что развитые коммуникативные навыки не присущи большинству подростков и молодежи, основной категории субъектов Стратегии инновационного развития РФ (равно как и иные программы развития страны) [3]. Осознав коммуникативные проблемы развития, можно найти различные пути оптимизации её решения не только

в традиционных рамках учебно-воспитательного процесса, но и в рамках дополнительного образования. Объединяя интересы государства и личности в тех областях, которые традиционны для дополнительного образования, финансово доступны для массового потребителя и личностно значимы для молодого человека, можно найти такие формы организации деятельности, которые позволят компенсировать некоторые коммуникативные проблемы личности.

На основе «эффекта Зейгарник» (в силу особенностей протекания психических процессов, наибольший эффект к запоминанию имеют незавершенные действия), при правильно организованной ролевой игре со специальными психолого-педагогическими задачами под руководством психолога, – еще на этапе создания игрового пространства, происходит качественный переход от неуспешных коммуникативных стратегий и тактик к более успешным, либо наблюдается определенный редуцированный процесс (у людей более старшего возраста). Тем более важно использовать игровую среду, поскольку у вовлеченного исподволь человека в специально организованную ролевую игру формирование жизненных установок, поведенческих модусов в области коммуникативности происходит в соответствии с моделями по типам инсайта и импринтинга.

Процесс общения рассматривали в своих исследованиях Н. Губин, М. Станкин, О. Лунова и иные. При этом общение предполагает личностную, непрерывную связь между людьми. Коммуникация, может иметь лишь информационную основу (в том числе посредством цифрового обмена сообщениями), что не исключает и субъект-субъектного взаимодействия в рамках коммуникативного контакта. В свое время И.Н. Красавцева, В.Л. Абушенко высказывали мнение о том, что общение посредством специальных приспособлений для коммуникаций всё же имеет его характерные признаки, несмотря на то, что носит косвенный (опосредованный) характер. Мы присоединяемся к широко распространённой современной точке зрения в психолого-педагогической науке, и считаем понятие «общение» более широким (не опосредованным) понятием по отношению к понятию «коммуникация», но для целей нашей публикации используем именно последнее. Целесообразность данного выбора объяснена выше, но следует повториться, что нами рассмотрена коммуникация с точки зрения личностного взаимодействия.

Остановимся несколько подробнее на ранее описанном, раскрывая связь ролевой игры, коммуникации через описание игрового взаимодействия. Организационная основа такого вида ролевых игр закладывается на стадии проектирования и представляет собой постоянную работу организаторов не только над элементами игры, но и над ролевым пространством. Ролевое пространство должно привести участника к инсайту путём активизации его собственных коммуникативных возможностей. Рассматривая специально организованную ролевую игру как возможность влияния на успешность коммуникации участников, заметим, что её особенность состоит в вовлечении игрока в созданное игровое пространство. Ниже мы остановимся на сущностном понимании и особенностях игрового пространства как неотъемлемого элемента среды ролевой игры со специальными психолого-педагогическими целями.

Каждая специально организованная ролевая игра строится на определенных детерминантных подходах. Например, создание игрового соперничества, ролевого коммуникативного взаимодействия. Взаимодействие игрока и игрового пространства можно представить в виде трёх полей: погружение, посвящение и соперничество. Игровое «погружение и посвящение» рассматривается нами как информирование и адаптация участника к ролевому игровому пространству посредством личностного коммуникативного подхода. Соперничество же является естественным процессом достижения различных целей игры.

Также погружённости и включённости в игровое пространство участника способствует такое свойство как «таинство» игры. В него включаются такие элементы и особенности коммуникативного воздействия как напряжение действия и облегчение взаимодействия, упомянутый соревновательный аспект (победа над вымышленными страхами и противниками), перенос обстоятельств из игры в жизнь и наоборот. Утверждение о таинстве игры основывается на суждении о ролевом коммуникативном взаимодействии во внутреигровом пространстве, а также о влиянии обозначенного игрового пространства на эффективность коммуникации. Описанные технологии педагогического воздействия специально организованных ролевых игр основаны на классических психологических теориях ролевой коммуникации.

Обратим внимание на факт того, что само понятие «ролевая игра» является составным. В его основании смысловая нагрузка падает на понятие «игра», подразумевающая коммуникативное взаимодействие нескольких субъектов посредством заданных правил и установок. «Ролевая» составляющая понятия привносит дополнительный уточняющий смысл и говорит о том, что игра происходит не только по заданным параметрам, но и с участием искажённых «не истинных» личностей, вымышленных самим человеком. Относительно теорий психоанализа, мы говорим о сущности коммуникаций «в масках», где объекты коммуникативного контакта общаются посредством воображаемых или привнесенных особенностей собственной личности.

Теории ролевой коммуникации рассмотрены во множестве трудов классических и современных учёных (В. Пеллфилд, А.Н. Леонтьев, Ф. Шиллер, М. Чехов и пр.), однако наибольшее теоретико-эмпирическое развитие находим в теории Э. Фрейда и направлениях, основанных на психоанализе. Современными теориями, использующими вышеобозначенную теорию, являются: Гештальт-терапия, Психодрама, но особенно значительное место ролевые социальные и психологические (общественные) игры людей описал Э. Берн в теории транзакций, концепция которой строится на изучении взаимодействия различных ролевых Я-состояний коммуникантов. Теории и труды Берна рассматриваются нами как основополагающие в анализе и возможности применения как части специально организованной ролевой игры. Так у Берна описываются «жизненные» роли, которые человек применяет в различных ситуациях и окружении (дом, семья, работа и т.п.). При этом рассматриваются различные стороны жизненных ролей, в том числе негативные. При этом многоаспектный процесс жизненной ролевой игры отражается в сущности Эго человека. На выбор целей и задач такой игры влияет развитие человека и его психики, его социализация и актуализация (активизация) внутренних способностей (в равной мере это относится к коммуникации).

Не останавливаясь на анализе содержания специально организованных ролевых игр с целью оптимизации коммуникативных навыков личности, в рамках публикации выделим те философские школы, которые лежат в основе психологических направлений и методов, положенных в основу собственно ролевой игры. Также попробуем выделить те направления, которые применимы к специально организованным ролевым играм в целях освоения успешной коммуникативности.

Прослеживается идейная связь между классическими философскими школами и затронутыми в данной публикации психологическими направлениями теории ролевой коммуникации. Философские понятия и методы являются детерминирующими в описании и понимании процесса освоения коммуникативных навыков посредством ролевой игры, базирующихся на определенных философско-психологических теориях. На них выросло определенное количество психотерапевтических школ, некоторые из них применимы в специально организованной ролевой игре. Г.М. Шавердян замечает, что психотерапевтические методики и теории возникли при непосредственном взаимодействии философии, психиатрии и психологии, каждая из которых имеет свой вклад в область практического человекознания. Остановимся на некоторых философских подходах в контексте вышесказанного.

В отличие от целенаправленного приёма у психолога, где главным вопросом ставится «что» в рассматриваемом психологическом явлении, в специально организованной ролевой игре акцентируется внимание на «как». В конкретном случае: «как коммуницировать». Неуспешная коммуникативность человека становится главным препятствием между ним и достижением жизненных целей. Что влияет на его поведенческий модус: изменение его коммуникативных приоритетов (на что направлена коммуникация). Таким образом, например, философия прагматизма Ч. Пирса в данном контексте не так уместна, как направление бихевиоризма, который рассматривает способности в человеке жить прагматично, как от него этого требует жизненное окружение.

В этом свете ролевая игра становится скрытым аналогом индивидуального опыта бытия каждого участника, отражённого на «бытие-в-мире» его персонажа (соответственно в игровом мире). Данный анализ оставляет отпечаток на выборе своего персонажа игроком, а также фиксируется в виде придуманных особенностей, черт, правил поведения ролевого персонажа в так называемом «анамнезе» – фиксации событий, относящихся к истории становления самосознания индивида [4]. Анамнез в ролевой игре отражается на персонаже игрока в зависимости от уровня погружённости человека в ролевое пространство. Таким образом, человек, который ни разу не участвовал в таких мероприятиях, так или иначе будет использовать тот слепок некоего образа, который заложен в его подсознании. Первый образ персонажа игрока всегда положительный по отношению к нему, т.к. это интуитивно простой и доступный способ воспринять игру, её суть и сущность. Соответственно, противоположный образ является неприятным для игрока, это тоже часть анамнеза.

С точки зрения восприятия и воспроизведения в ролевом пространстве бытия, рассмотрим экзистенциализм как первооснову философского направления, на основе которого возможно развитие ролевой игры в описанном контексте. Экзистенциализм как философское направление основано на суждении об абсолютном Бытии: сущность и существование тождественны только в божестве. Экзистенциальные вопросы, как в психологии, так и в психотерапии, (равно при организации специальной ролевой игры), встречаются равноправно часто, т.к. основной вопрос о бытии человека является приоритетным в любом времени и месте общественного развития. Однако выше мы уже обозначили, что важен вопрос не «что», а «как». Это значит важно не «что» сказал человек, важно «как» он это делает, и для чего. Таким образом, наиболее важен момент и процесс коммуникации, а не существование человека после коммуникативного контакта. Как говорится в подобных случаях: «слово не воробей, вылетит – не поймаешь», «после драки кулаками не машут».

В экзистенциализме выделяют личностно-центрированный подход, отражённый в психологии как уникальное взаимодействие каждой не менее уникальной личности. Действительно, если мы обратимся к сущности коммуникативных контактов, которые описывал в своих книгах Э. Берн, то обнаружим основе простейших методик описываемый подход. Описанный опыт Э. Берна схож с суждениями С. Кьеркегора («личностная центрированность»), А. Камю (абсурд ролевых доминаций), Жана Поля Сартра (три формы бытия). Несмотря на различия взглядов этих учёных, между ними при внимательном рассмотрении есть определенные идентичные взгляды. Так у Сартра находим мысль, которая позволяет понять феномен специально организованной ролевой игры в целях достижения успешности коммуникации: «свобода – это как раз то ничто, которое содержится в сердце человека и которое вынуждает человеческую реальность делать себя вместо того, чтобы быть». А также: «мы начинаем видеть парадокс свободы; свобода есть только в ситуации, а ситуация существует лишь благодаря свободе» [5]. Переводя данное высказывание в поле эффективной коммуникации и ролевой игры, мы можем говорить о коммуникативной свободе, которая строится человеком на протяжении его жизнедеятельности. Для человека с недостаточной коммуникативностью может казаться, что ситуация, возникающие в ролевой игре, легче и доступнее для него (из-за симулятивности, искусственности, обыденности), но в действительности это лишь фикция, при этом сам человек способен зафиксировать и осознать свои потенциальные возможности в описываемой области взаимодействия. В таком случае человеку остаётся только актуализировать его. Ролевая игра выступает лишь способом и ключом к успешному коммуникативному взаимодействию.

Рассматривая коммуникативность с позиций экзистенциализма, нельзя обойти суждения немецкого философа М. Хайдеггера, который говорил об омертвлении языка: о том, что время и окружение диктует человеку, как (и о чём) проводить ком-

муникативные контакты. Такие проявления человеческих эмоций как вина, забота, совесть, описывается мыслителем как феномены, которые непосредственно влияют на людские коммуникации. «Способ скрытности феноменов разный. Во-первых, он может быть скрыт в том смысле, что ещё не открыт. Феномен может быть далее засорен. Здесь заложено: он был некогда прежде раскрыт, однако попал снова сокрытию» [6]. В этом мудром выражении мыслитель говорит о скрытом характере коммуникативных доминант личности, сценарного аппарата личности, который влияет на жизненные коммуникативные установки, суждения, общение в целом.

Более близкие к нашему пониманию идеи развития коммуникативных навыков посредством ролевой игры находим у М. Бубера, развивавшему вслед за Хайдеггером идею экзистенциализма в ключе диалога между «Я» и другими сущностями в лице «Ты», Бога и мира. Не принимая во внимание религиозный уклон его взглядов, рассмотрим выделенную им связь на уровне личностной и межличностной коммуникации. В своих суждениях учёный прибегает к своеобразному разграничению коммуникативных уровней взаимодействия. Бубер выделяет существующие «Я-Оно» коммуникации, что сходно с основами психоанализа (теория Фрейда). Позже Г. Марсель развил взгляды М. Бубера, дополнив суждениями о расположенности и нерасположенности к коммуникации (эффективности и неэффективности в современном понимании процесса).

Подходы в психологии, основанные на философской теории экзистенциализма, в своей сущности выражают гуманистический подход к решению человеческой проблемы, рассмотрению ситуации с точки зрения доверия к рассказчику. Такое суждение было введено Г. Оллпортом и дополнено рядом исследователей, которые рассматривали паттерны мышления и модели экзистенциальной психологии и психотерапии (Р. Мэй, П. Тиллих, А. Маслоу). Взгляды А. Маслоу тесно связаны с коммуникативностью и запросами личности к коммуникативной самореализации, с точки зрения Берна — это «необходимость к поглаживаниям». Экзистенциальная психология рассматривает коммуникативный контакт как феноменологическое знание, т.е. рассмотрение процесса, на который влияют феномены эмоционально-поведенческих коммуникативных паттернов человека.

Притом что взгляды представителей различных философских школ различны, они схожи в том, что инсайт — это поэтапное психологическое сопровождение человека к его собственной самореализации (в т.ч. К. Роджерс, В. Франкл, Е.Т. Соколовой). Именно достижение состояния эмоционального и интеллектуального прорыва есть итоговая точка психотерапии и психологической работы. Как отмечает В. Франкл: «существование — самоопределяющееся бытие. Человек может сделать вид, «как будто» у него нет выбора и он несвободен в своём решении. Такое поведение оставляет существенную часть человеческой трагикомедии» [7]. Такое выражение совпадает с теорией ролевой коммуникации в ключе «человеческой» социальной игры. Жизнь «как будто» отыгрывается в выдуманном пространстве в специально организованной ролевой игре, где возможно со стороны участника и ведущего рассмотреть все особенности симулятивности трагикомедий персонажей и их игроков. «Трагикомедия» затрагивает жизненные сценарии, как выдуманного персонажа, так и самого игрока. В этом случае мы можем говорить об эффекте переноса опыта человека на игровую опыт взаимодействия, и наоборот.

В психологии и психиатрии философская школа экзистенциализма рассматривается во взаимодействии с множеством других философских течений, которые, так или иначе, просматриваются в суждениях и работах обозначенных выше авторов. Однако мы считаем, что в целях ролевой игры со специальными психолого-педагогическими целями, психотерапевтические методы, основанные на теории экзистенциализма, не являются основными.

Если знание, которое даёт нам психоанализ — субъективно (по К. Роджерсу), во взаимодействии внешних и внутренних событий, то экзистенциальная психология — вхождение в поле противостояния личности. В поиске более подходящей нашим идеям теории и, основанной на ней методологии, выделим положение, что игра построена на тех проблемах, которые разрешает человек в мире действительности. Сама ролевая игра — это двойственность бытия человека: настоящее и одновременно выдуманное, симулятивное. Иные взгляды на человека и его место в мире, пришедшие из философии, нашедшие своё место в психологии и психотерапии, — бихевиоризм. Как считал приверженец данных взглядов К. Роджерс, к бихевиоризму относится объективное знание, которое «всё переносит на объект и воспринимает всё только в аспекте объекта» [8].

Во многом идеи бихевиоризма много больше подходят к изучению ролевой коммуникации, чем экзистенциальная психология в связи с тем, что объектом ролевой игры (и психологического изучения) становится сам участник. В этом случае мы можем говорить об объективности его реальности, т.к. по очевидным причинам и жизненная ролевая игра, и специально организованная ролевая игра — это выдуманные самим человеком пространства, одновременно являющиеся частью его реалий. Несомненно, в специально организованной ролевой игре человек осознаёт выдуманность ситуации, может оперировать ею, видоизменять, и даже выйти из игры, если сочтёт её излишней, неприемлемой, исчерпавшей сюжет. В случае с жизненной ролевой игрой сложнее: человек не осознаёт свои послы к действию, в большинстве случаев выполняет требования, продиктованные реальностью или миром его подсознания. Другими словами: думает, что в определённых жизненных ситуациях действовать иначе не может (или это невозможно). В некоторых крайних случаях описанных ролевых доминант мы можем говорить не только о сценарном поведении, но и о целостном сценарии, который выполняет человек на протяжении долгого времени, возможно, даже длинной жизни.

О ясности суждений и истинности утверждений жизненной установки писал Ч. Пирс, рассматривая мышление как приспособительную деятельность организма. В работах учёного говорится, что воля предшествует разуму, являясь его запускающим механизмом. Мышление же направлено на укоренение верования в какой-то результат. Верование может стать как принуждённой правдой, так и открытой человеку, наподобие научного достижения (в данном случае — инсайт). В ролевой игре может происходить схожий механизм действий, однако, сама цель специально организованной ролевой игры — специально организованный инсайт либо процесс его достижения.

У. Джеймс рассматривает процессы, схожие с ролевой игрой, в ключе форм сознания, пропущенных через собственное «Я». Согласно суждениям учёного, поступки (не мысли) — окончательная цель познания. В контексте нашей публикации можем перефразировать следующим образом: верные коммуникативные поступки — вот цель эффективной коммуникации. Ролевая игра же становится ключевым моментом тренировки этих поступков. Данное утверждение идентично формуле, выведенной Дж. Уотсоном, что пространство для направления сознания и мышления совпадает с управлением субъективными мыслями, в том числе привычками, стереотипами, переносами чужого (или игрового) опыта на себя. Именно в этом ключе бихевиоральной психологии стоит рассматривать ролевую игру для целей овладения успешной коммуникативностью.

Таким образом, мы можем говорить, что классическая формула бихевиоризма «стимул-реакция» в ролевой игре проявляется во взаимодействии ролевых элементов и выбранных жизненных ролевых позициях коммуникантов. В специально организованной ролевой игре стимулом становится сама игра (сюжет, цель, задача) в совокупности с выдуманной ролью и её представление образа у самого игрока. Это значит, что в ролевой игре проявляется основные принципы бихевиоризма: научение, подкрепление, генерализация.

Эффект фединга (затухания), описанный Л. Остом, в специально организованной ролевой игре замещен множеством иных, влияющих на стимулы и реакции игрока. К примерам таких стимулов можно отнести боевые столкновения, опасности, загадки, головоломки, таинство игры, которые ведут игрока к победе или разгромному поражению. Что позволяет игроку продвигаться в игровом пространстве, а упомянутое выше таинство игры не даёт ему выйти из ролевого пространства (игроку просто этого не хочется).

Также применимы в специально организованной ролевой игре иные психотерапевтические методики Л. Оста для целей овладения успешной коммуникацией. Это методы: жетонной техники, редукции травматизма инцидента, вербального подкрепления и аверсивного контроля. Однозначно можно утверждать, что для оптимизации коммуникативного взаимодействия личности подобные методы должны присутствовать в опыте психолого-педагогической работы с участниками ролевых игр.

Таким образом, методологическими основами ролевой игры выступают следующее. Бихевиористический подход наиболее эффективен в исследовании ролевой коммуникации, психотерапевтические методы, основанные на данном подходе, используются в организации специально структурируемой ролевой игры с целью развития навыков успешной коммуникативности. Методами объединения теорий могут являться такие распространённые практики как: психодрама, трансактный анализ, гештальт-терапия. Как метод работы специально ролевая игра может

быть применима не только специалистами-психологами, но и в центрах дополнительного образования. Поскольку специально организованная ролевая игра не метод терапии, однако обладает возможностью влияния, подкрепления и переноса личностного ролевого опыта в жизненное пространство человека. Возможно, при вступлении игрока в ролевую игру возникает подражание действиям партнеров по игре, но в конечном итоге по-

являются собственные игровые приемы, замыслы, взаимодействие с партнерами, навык успешной коммуникации закрепляется на подсознательном уровне, т.е. происходит качественная генерализация. Сам же процесс ролевой игры выступает процессом научения, где нежелательные взаимодействия заменяются желательными. Что созвучно с идеями учёных бихевиристов (Дж. Уотсон, Б. Скиннер, Дж. Вольпе и др.).

Библиографический список

1. Колычева, З.И. Ноосферная педагогика как новая образовательная парадигма: педагогический терминологический словарь. — СПб., 2006.
2. Словарь иностранных слов. — М., 1955.
3. Распоряжение Правительства РФ N 2227-р: офиц. текст. — М., 2011.
4. Шавердян, Г.М. Основы психотерапии. — СПб., 2007.
5. Сартр, Ж.-П. Бытие и Ничто. — М., 2000.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. — М., 1997.
7. Франкл, В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
8. Rogers, C.R. Toward a Science of Person. In: Behaviorism and Phenomenology / T.W. Wann. — Chicago; London, 1964.

Bibliography

1. Kolihcheva, Z.I. Noosfernaya pedagogika kak novaya obrazovatel'naya paradigma: pedagogicheskij terminologicheskij slovarj. — SPb., 2006.
2. Slovarj inostrannikh slov. — M., 1955.
3. Rasporjashenie Pravitel'stva RF N 2227-r: ofic. tekst. — M., 2011.
4. Shaverdyan, G.M. Osnovih psikhoterapii. — SPb., 2007.
5. Sartr, Zh.-P. Bihtie i Nichto. — M., 2000.
6. Khayjdegger, M. Bihtie i vremya / per. s nem. V.V. Bibikhina. — M., 1997.
7. Frankl, V. Chelovek v poiskakh smisla. — M., 1990.
8. Rogers, C.R. Toward a Science of Person. In: Behaviorism and Phenomenology / T.W. Wann. — Chicago; London, 1964.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 377.5

Lutchenko T.G. THE MODEL OF FORMATION OF THE INFORMATION COMPETENCE OF STUDENTS-TECHNOLOGISTS IN SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTION. The modeling of the process of development of information competence of students-technologists in secondary special educational institution, the use of methodological principles and provisions of the synergetic in educational practice are discussed in this article.

Key words: informational competence, model, synergetic, technology.

Т.Г. Лутченко, преподаватель государственного образовательного бюджетного учреждения Амурской области среднего профессионального образования «Белогорский технологический техникум пищевой промышленности», г. Белогорск, E-mail: lutchenkotat@mail.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ТЕХНОЛОГОВ В СРЕДНЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

В статье рассматривается моделирование процесса формирования информационной компетентности студентов-технологов в среднем специальном учебном заведении, использование методологических принципов и положений синергетики в образовательной практике.

Ключевые слова: информационная компетентность, модель, синергетика, технология.

Формирование информационной компетентности студентов в образовательном процессе является одной из главных задач качественной подготовки компетентных специалистов, востребованных на рынке труда и обуславливает необходимость разработки современных форм, методов и средств обучения. Потребность в компетентных специалистах, владеющих средствами и методами оперирования информацией, становится ведущим фактором образовательной политики подготовки специалистов, в том числе, специалистов-технологов среднего звена, связанных с внедрением и обслуживанием новых технологий, информационно-технологическим обеспечением управления, использованием современных методов контроля качества продукции.

Формированию информационной компетентности посвящено большое количество научных исследований. Рассматривались вопросы формирования информационной компетентности на разных ступенях обучения (О.Н. Ионова, А.Л. Семёнов, С.В. Тришина и др.); формирования информационной компетентности специалиста (В.Л. Акуленко, Ю. И. Аскерко, М.Г. Дзугоева, И.Н. Завьялов, О.Б. Зайцева, О. А. Савельева, Н. И. Сакович, А.А. Термбекова, и др.). Несмотря на теоретическую и прикладную значимость исследований, задача формирования информационной компетентности специалистов в системе среднего профессионального образования, в том числе будущих технологов пищевой промышленности, остается открытой для изучения.

Опираясь на вышеизложенные исследования, мы определили сущность понятия «информационная компетентность технолога». По нашему мнению, информационная компетентность технолога — интегративное качество личности, заключающееся в обладании знаниями умениями и навыками в области информационных технологий и способностью их использования и совершенствования в профессиональной деятельности технолога. Под способностью использования информации мы понимаем ее поиск, сбор, обработку и умение применять в профессиональной деятельности технолога. Мы рассматриваем структуру информационной компетентности будущего специалиста-технолога как единство ценностно-мотивационного, когнитивного, технико-технологического, коммуникативного и рефлексивного компонентов.

Одним из оптимальных путей формирования информационной компетентности студентов в среднем специальном учебном заведении является создание соответствующей модели и встраивание ее в учебный процесс образовательного заведения системы среднего профессионального образования.

Под моделью понимают аналог, «заместитель» оригинала (фрагмента действительности), который при определенных условиях воспроизводит интересующие исследователя свойства оригинала (А.А. Андреев) [1]. Модель является концептуальным инструментом, ориентированным «в первую очередь на управление модулируемым процессом или явлением. При этом функ-

ция предсказания, прогнозирования служит целям управления» [1, с. 221].

Целью реализации модели информационной компетентности является: подготовка специалистов, обладающих информационной компетентностью; основными задачами являются: формирование у обучаемых владения основными компонентами информационно-учебной деятельности (гностическим, проекторочным, коммуникативным, конструктивным); выработка умений, навыков и способов деятельности для решения профессиональных задач с использованием средств информационных и коммуникационных технологий; формирование потребности и развитие способностей к дальнейшему саморазвитию и самообучению (Н.П. Клейнососова) [2].

Анализ научной литературы позволил выделить основные этапы педагогического моделирования: выбор методологических оснований для моделирования, постановка задач моделирования, построение модели, применение модели в педагогическом эксперименте и обобщение результатов педагогического моделирования. Мы учитываем мнение А.А. Андреева, что педагог «должен овладеть прежде всего системой умений, связанных с проектированием цикла обучения: конструктивным описанием целей обучения; расчета показателей, с которыми необходимо сформировать у обучаемых заданные виды деятельности, подбором упражнений, адекватных этим показателям; выбором методов и определением их последовательности; определением параметров, по которым необходимо получить информацию о ходе усвоения, и многими другими» [1, с. 225]. Структурные элементы модели формирования информационной компетентности учителя представляют собой целостное единство взаимосвязанных и дополняющих друг друга блоков: мотивационно-ориентирующего блока, предназначенного для обоснования целей и задач формирования информационной компетентности, исследования влияния изучаемого процесса на формирование мотивационной сферы, способствующей повышению его активности; операционно-технологического блока, включающего содержание и технологию формирования информационной компетентности, отражающего умения в области оперирования разного рода информацией и контрольно-результатирующего блока, нацеленного на определение результативности процесса развития информационной компетентности (А.А. Темербекова) [3].

При построении модели формирования информационной компетентности будущих технологов системы среднего профессионального образования мы учитывали, что современный период характеризуется возрастанием роли информационных технологий, увеличением доли труда, связанного с внедрением и обслуживанием новых технологий, востребованностью специалистов среднего звена, способных выполнять функции технологов, организаторов производства, готовых к решению сложных диагностических задач. Вышеизложенное является одним из важных факторов формирования социального заказа общества и, как следствие этого, – изменения требований к специалисту технологу системы среднего профессионального образования.

В современной системе образования необходимо использовать открытую модель формирования информационной компетентности, с точки зрения синергетики, компетентностный подход удовлетворяет всем требованиям построения открытой системы образования [4]. Технология развития информационной компетентности будущего технолога определяется нами как процесс оптимизации функционирования личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей на основе механизма моделирования.

Модель формирования информационной компетентности студентов-технологов мы представляем в виде системы (Рис. 1) взаимосвязанных блоков: целевого, организационно-содержательного, результативного. 1. Целевой блок предназначен для обоснования целей и задач формирования информационной компетентности будущего технолога в условиях модернизации системы образования (требования ФГОС СПО, изменение требований к подготовке специалиста-технолога в системе СПО, изменение требований к педагогу); цель модели: сформировать информационную компетентность будущего специалиста технолога в системе среднего профессионального образования. 2. Организационно-содержательный блок включает содержание и технологию формирования информационной компетентности будущего специалиста технолога; включает в себя методы, средства обучения и организационные формы, используемые для формирования информационной компетентности и отражает достигнутые умения в области оперирования информацией. Отражает функции управления процессом формирования информационной компетентности на каждом из ее этапов (информа-

ционный, целеполагающий, операционный, мониторинг, анализ, результат), а также совершенствование организационно-педагогических условий формирования информационной компетентности. 3. Результативный блок характеризует результативность процесса развития информационной компетентности будущего технолога (проявление интереса к овладению информационными технологиями, направленность на поиск профессиональной информации, выбор адекватного способа представления информации, выбор оптимального решения профессиональных задач, стремление к самообразованию, креативность и др.) и уровневые показатели сформированности информационной компетентности будущего технолога СПО.

Реализация трех взаимосвязанных блоков модели представляет собой алгоритм формирования информационной компетентности студента-технолога в системе среднего профессионального образования.

В своем исследовании мы учитывали, что информационная компетентность является важным структурным компонентом профессиональной компетентности. Она формируется как при обучении информационным дисциплинам, так и при изучении других дисциплин в среднем специальном учебном заведении. Процесс формирования информационной компетентности у будущих технологов будет эффективным за счет выполнения условий, включающих: 1) организацию непрерывного процесса формирования информационной компетентности в управляемой информационной образовательной среде на протяжении всего этапа подготовки в учреждении среднего профессионального образования; 2) внедрение новых информационных технологий в процесс профессиональной подготовки студентов с учетом предоставления возможности формирования индивидуальной образовательной траектории; 3) обеспечение непрерывной самостоятельной работы студентов-технологов в открытой информационной образовательной среде в сочетании с совершенствованием управления ею со стороны преподавателей-консультантов на всем этапе обучения в ССУЗе.

В своей исследовании мы опираемся на работы Г.А. Котельникова, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова, В.Г. Буданова, Л.В. Блинова. Стремительное развитие разнообразных информационных технологий актуализирует проблему выбора тех из них или такого их сочетания при организации учебного процесса, когда обеспечивается наиболее полное достижение конкретных образовательных целей. Использование синергетического эффекта от взаимодействия различных технологий ведёт к качественному улучшению результата. Информационные технологии превращаются в неотъемлемую составную часть учебного процесса в образовательных учреждениях, когда они доходят до каждого преподавателя и студента, становятся повседневной реальностью [5].

Методология синергетики, исследующая универсальные законы развития, может быть применена не только в сфере естественного, но и гуманитарного знания. Процедура обучения, способ связи обучаемого и обучающего, ученика и учителя являются нелинейной ситуацией открытого диалога, прямой и обратной связи, пробуждения собственных сил обучающегося, иницирование его на один из собственных путей развития [6].

В современное время наблюдается резкое возрастание информационных потоков и деформация мотивационно-ценностных ресурсов, справиться с которыми невозможно без радикального изменения аттрактора, т.е. изменения форм образовательных траекторий, изменения содержания и организации учебного процесса в профессиональном образовательном учреждении, отмечает В.Г. Буданов. В открытых системах иерархический уровень развивается и усложняется только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями. Именно эти внешние потоки и являются управляющими параметрами систем. Изменяя управляющие параметры, систему проводят через последовательность перестроек-бифуркаций [7]. Если созданы предпосылки для когнитивного диссонанса, приводящего внутреннюю структуру личности в состояние бифуркации, то, последовательно задавая параметры аттрактора, можно определить параметры аттрактора, имеющего большее значение и потенциал для удовлетворения жизнедеятельности и восстановления относительного равновесия в профессионально-личностном самоопределении (Л.В. Блинов) [8].

На основании анализа научной литературы и собственного исследования мы определили для среднего профессионального образовательного учреждения аттрактор-цель:

1) задача подготовки выпускников технологов заданного уровня требований на основе разработанных моделей (профессиограмм): формирование информационной компетентности специалиста-технолога как важного компонента профессиональ-

Рис. 1. Модель формирования информационной компетентности будущих технологов среднего профессионального образования

ной компетентности на основе создания профессионально-ориентированного портфолио будущего специалиста-технолога (по профилю своей специальности), обеспечивающего не только накопление профессиональной и личностно значимой информации, но и для последующей презентации выпускника технолога (например, работодателям при устройстве на работу);

2) способ – индивидуальная образовательная траектория.

Внешние формирующие потоки в ССУЗе представляют собой потоки материальных, информационных, административных, психологических и мотивационно-ценностных ресурсов и являются управляющими параметрами системы, изменяя которые, мы проводим систему через последовательность перестроек-бифуркаций. Творческую деятельность в образовательном процессе инициирует метод проблемного обучения. В своем исследовании мы опирались на то, что сообщество преподавателей и студентов объединено едиными ценностно-смысловыми ориентирами профессиональной подготовки и является коллективным субъектом образовательного процесса. Таким образом, управляющий субъект неотделим от участников образовательного процесса и в этом заключается его синергетическая сущность, поэтому синергетический подход является актуальным в современном образовании.

Введение инновационных форм организации образовательного процесса (проектирование, зачетно-модульная система, презентация информационных продуктов по профилю специальности, создание и презентация электронного портфолио, мониторинг и др.) способствует эффективному формированию информационной компетентности.

Болонская система ориентирует образование не на стартовые показатели, а на конечный (финишный) результат; важно, чтобы студент усваивал глубокие знания и помочь ему решить эту задачу способен преподаватель, опирающийся на современную технологию и рациональную организацию учебного процесса, включающую комплекс методов и технологий. Следует отметить, что между изучением информатики, информационных технологий в профессиональной деятельности (ИТПД) и окончанием учебного процесса имеет место большой промежуток времени, что не лучшим образом отражается на формировании информационной компетентности будущих технологов. Поэтому мы считаем целесообразной организацию непрерывного процесса формирования информационной компетентности в управляемой информационной образовательной среде на протяжении всего этапа подготовки в учреждении среднего профессионального образования.

Для реализации непрерывного процесса формирования информационной компетентности мы использовали: 1) технологию концентрированного обучения при обучении информатике и информационным технологиям в профессиональной деятельности (ИТПД) в части аудиторных занятий (увеличивая количество часов в неделю) и не изменяя время, отведенное на обязательную самостоятельную работу (в неделях); 2) непрерывную самостоятельную работу студентов-технологов в открытой информационной образовательной среде в сочетании с совершенствованием управления ею со стороны преподавателей-консультантов (преподавателя информатики и преподавателя специальных дисциплин, работающих в паре) на всем этапе обучения в ССУЗе.

Библиографический список

1. Андреев, В.И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Основы педагогики творчества. – Казань, 1988.
2. Клейносова, Н.П. Формирование информационной компетентности при обучении информатике и информационным технологиям на основе деятельностного подхода [Э/р] – Р/д: <http://www.it-education.ru/2009/report/Kleinosova.htm>
3. Темербекова, А.А. Формирование информационной компетентности учителя в региональной системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. – М., 2009.
4. Гудкова, Т.А. Формирование информационной компетентности будущего учителя информатики в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Чита, 2007.
5. Котельников, Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. – Белгород, 2000.
6. Князева, Е.Н. Антропный принцип в синергетике / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1997. – № 3.
7. Буданов, В.Г. Управление образовательным процессом в современных условиях: инновации и проблемы моделирования / И.Г. Буданов, В.А. Журавлев, В.А. Харитонов [Э/р]. – Р/д: <http://www.isps.ru/statii/001.html>
8. Блинов, Л.В. Аксиология постдипломного образования педагогов: монография. – Биробиджан, 2003.

Bibliography

1. Andreev, V.I. Dialektika vospitaniya i samovospitaniya tvorcheskoy lichenosti. Osnovih pedagogiki tvorchestva. – Kazanj, 1988.
2. Kleyjnosova, N.P. Formirovanie informacionnoy kompetentnosti pri obuchenii informatike i informacionnim tekhnologiyam na osnove deyatel'nostnogo podkhoda [Eh/r] – R/d: <http://www.it-education.ru/2009/report/Kleinosova.htm>
3. Temerbekova, A.A. Formirovanie informacionnoy kompetentnosti uchitelya v regional'noy sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra. ped. nauk. – M., 2009.
4. Gudkova, T.A. Formirovanie informacionnoy kompetentnosti buduthego uchitelya informatiki v processe obucheniya v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Chita, 2007.
5. Kotelnikov, G.A. Teoreticheskaya i prikladnaya sinergetika. – Belgorod, 2000.

Таким образом, преподаватель работает над созданием рациональной организационной структуры учебного процесса, используя оптимальные методы и технологии, синергетический подход, затем во время самостоятельной работы продолжает индивидуальную работу со студентами, как преподаватель-консультант, способствуя формированию индивидуальной образовательной траектории. Внедрение новых информационных технологий в процесс профессиональной подготовки студентов с учетом предоставления возможности формирования индивидуальной образовательной траектории приводит к существенному повышению информационной компетентности. Используемые технологии: проектная деятельность; метод творческих групп (при подготовке собственной продукции к дегустации); презентация электронного портфолио выпускника-технолога, достижений в профессиональной области и владения информационными технологиями для работы в профессии, саморазвития и самообучения (на встрече с работодателями); анализ электронного портфолио; наблюдение; самооценка; экспертная оценка.

Совершенствованию процесса формирования информационной компетентности в информационной образовательной среде способствует использование синергетического эффекта от взаимодействия различных технологий (сочетания технологии концентрированного обучения и непрерывной индивидуальной самостоятельной работы; технологии электронного портфолио с индивидуальной образовательной траекторией и др.).

Для оценки уровня сформированности информационной компетентности нами были разработаны и использованы тесты, комплексные задания, проектные задания, анализ электронного портфолио, самооценка, наблюдение, количественный и качественный анализ экспертных оценок и др. В процессе экспериментальной работы определена динамика формирования информационной компетентности будущих технологов. Полученные результаты, на основе моделирования и реализации выдвинутых педагогических условий, подтверждают эффективность процесса формирования информационной компетентности студентов-технологов в среднем специальном учебном заведении.

Следует отметить, что организация непрерывного процесса формирования информационной компетентности будущих технологов в управляемой информационной образовательной среде на протяжении всего этапа подготовки в учреждении среднего профессионального образования является своевременной и необходимой для формирования информационной компетентности в условиях нового стандарта, согласно которого изучение информационных дисциплин будет осуществляться только на первом (информатика) и третьем (ИТПД) курсах. Поэтому обеспечение непрерывной самостоятельной работы студентов-технологов в открытой информационной образовательной среде в сочетании с совершенствованием управления ею со стороны преподавателей-консультантов на всем этапе обучения (с первого по четвертый курс) будет способствовать эффективному формированию информационной компетентности будущих специалистов. Создание модели формирования информационной компетентности будущих технологов и встраивание ее в учебный процесс образовательного заведения системы среднего профессионального образования позволяет организовать управляемый и эффективный процесс формирования информационной компетентности на всем этапе обучения в ССУЗе.

6. Knyazeva, E.N. Antropniy princip v sinergetike / E.N. Knyazeva, S.P. Kurdyumov // Voprosih filosofii. — 1997. — № 3.
 7. Budanov, V.G. Upravlenie obrazovatel'nimi processami v sovremennikh usloviyakh: innovacii i problemih modelirovaniya / I.G. Budanov, V.A. Zhuravlev, V.A. Kharitonova [Eh/r]. — R/d: <http://www.isps.su/statii/001.html>
 8. Blinov, L.V. Aksiologiya postdiplomnogo obrazovaniya pedagogov: monografiya. — Birobidzhan, 2003.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 796.077.5

Magin V.A. PROFESSIONAL COMPETENCE TEACHERS OF PHYSICAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE EDUCATIONAL STANDARDS OF NEW GENERATION. This article reveals the structure and content of professional competence, as a result of the preparation of future teachers of physical education in Magistracy and postgraduate study.

Key words: teacher of physical culture, professional competence; occupational and professional competence.

В.А. Магин, д-р пед. наук, проф., декан факультета физической культуры ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», г. Ставрополь, E-mail: va_magin@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОДХОДОВ ФГОС ВПО НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье раскрывается структура и содержание профессиональной компетентности, как результата подготовки будущих преподавателей физической культуры в условиях магистратуры и аспирантуры.

Ключевые слова: преподаватель физической культуры, профессиональная компетентность; общекультурные и профессиональные компетенции.

В настоящее время подготовка современных преподавателей физической культуры, способных реализовывать поставленные задачи, является актуальной проблемой. Разные авторы неоднократно разрабатывали структуру и содержание профессионального мастерства преподавателя физической культуры, однако с учётом введения ФГОС ВПО нового поколения, назрела необходимость в разработке профессиональной компетентности преподавателя физической культуры, как результата их подготовки в условиях магистратуры и аспирантуры. На основе анализа литературы [1; 2 и др.], нами было сформулировано следующее определение:

Профессиональная компетентность преподавателя физической культуры — это интегральная характеристика личности, основанная на единстве мотивационно-ценностных; индивидуально-психологических (способностей и профессионально-значимых качества); когнитивных (знания в области физической культуры, педагогики, психологии и др.), конативных (сформированность определённого стиля деятельности; педагогических умений и навыков, педагогической техники, способствующих эффективному проведению занятий по физической культуре и спорту) компонентов, выраженная в уровне освоения преподавателем физической культуры соответствующих общекультурных и профессиональных компетенций.

В результате в структуре профессиональной компетентности преподавателя физической культуры были выделены следующие основные блоки, являющиеся инвариантными компонентами профессиональной компетентности преподавателя: Мотивационно-ценностный компонент; индивидуально-психологический, образующий: систему профессионально важных качеств; систему педагогических и научных способностей преподавателя; когнитивный (познавательный) — знания преподавателя; конативный (действенный) — поведение преподавателя, выражающееся в: стиле деятельности; педагогических умениях и навыках; педагогической техники.

Данные структурные компоненты, интегрируясь, реализуются в виде сформированных общекультурных и профессиональных компетенций преподавателя физической культуры.

У преподавателя физической культуры должна быть сформирована, прежде всего, положительная мотивация к педагогической профессии, которая является важной составляющей педагогической направленности. Педагогическая направленность складывается из следующих параметров: интерес к преподавательской профессии; направленность на развитие личности студентов средствами физической культуры; желание постоянно совершенствоваться.

Мотивационно-ценностный компонент отражает положительное эмоциональное отношение к физической культуре, сформированную потребность в ней, систему знаний, интересов, мотивов и убеждений, организующих и направляющих волевые усилия личности, познавательную и практическую деятельность по овладению ценностями физической культуры, на-

целенность на здоровый образ жизни, физическое совершенствование.

Кругозор личности в сфере физической культуры определяют знания (когнитивный компонент). Их делят на теоретические и практические. Теоретические знания охватывают историю развития физической культуры, закономерности функционирования организма человека в двигательной деятельности, физического самовоспитания и самосовершенствования. Знания необходимы для самопознания личности в процессе физкультурно-спортивной деятельности.

Преобладающими чертами преподавателя физической культуры, образующими индивидуально-психологический компонент являются: целеустремленность; настойчивость; терпеливость; толерантность, общительность, вежливость, доброжелательность и ряд других и др.

Система знаний преподавателя физической культуры, умений и навыков и способность применять их на практике образуют совокупность общекультурных и профессиональных компетенций. На основе анализа ФГОС ВПО направления подготовки 034300 «Физическая культура» с квалификацией (степенью) «магистр», выделим основные из них.

1. Общекультурные компетенции:

- способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, добиваться нравственного и физического совершенствования своей личности;
- готовность оказывать личным примером позитивное воздействие на окружающих с точки зрения соблюдения норм и рекомендаций здорового образа жизни;
- способность использовать углубленные теоретические и практические знания, часть которых находится на передовом рубеже науки о физической культуре и спорте;
- способность самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности и др.

2. Профессиональные компетенции:

образовательная деятельность:

- способность применять на практике новейшие достижения в области педагогической деятельности (с новейшими теориями, интерпретациями, методами и инновационными технологиями);
- способность разрабатывать методические комплексы по учебной дисциплине «физическая культура» на основе инновационных технологий, положительно зарекомендовавших себя в практике преподавания физической культуры [3];
- способность управлять своим физическим и психическим состоянием в целях повышения результативности педагогической деятельности.

Проектная деятельность:

- способность формулировать цели проекта (программы) для решения задач повышения эффективности физкультурно-

оздоровительной, спортивной, рекреационной деятельности, определять критерии и показатели достижения целей, выявлять приоритеты решения задач с учетом нравственных аспектов деятельности;

- способность разрабатывать проекты и методическую документацию в сфере физической культуры и спорта с учетом социальных, морфофункциональных, психологических особенностей студентов, использовать современные информационные технологии в проектировании.

Научно-исследовательская деятельность:

- способность выявлять современные практические и научные проблемы, применять современные технологии и новации в сфере физической культуры и спорта;

- способность разрабатывать планы, программы и методики проведения исследований в области физической культуры и спорта;

- способность использовать методики и технологии из смежных областей знаний при проведении научно-исследовательской работы в области физической культуры и спорта;

- способность интерпретировать результаты собственных научных исследований и выявлять их практическую значимость.

Культурно-просветительская деятельность:

- высокий уровень знаний в области пропаганды физической культуры и спорта среди студенческой молодежи разных факультетов (знание новейших теорий, методов и технологий)

- способность выполнять научные исследования и использовать их результаты в целях повышения эффективности культурно-просветительской деятельности;

- способность разрабатывать целевые программы привлечения студентов различных факультетов к активным занятиям физической культурой и спортом и др.

Таким образом, выделенная структура и содержание профессиональной компетентности преподавателя физической культуры является определённым ориентиром для проектирования практико-ориентированных заданий, направленных на формирование конкретных компетенций и профессиональной компетентности в целом.

Библиографический список

1. Магин, В.А. Педагогические способности личности и деятельности тренера в спорте // Вестник Ставропольского государственного университета – 2011. – № 77(6).
2. Сорокопуд, Ю.В. Модель профессиональной компетентности преподавателя высшей школы // Педагогическое образование и наука – 2010. – №11.
3. Магин, В.А. Инновационность системы подготовки студентов по направлению «Физическая культура» как средство повышения их конкурентоспособности // Мир науки, культуры, образования – 2011 № 6 (31).

Bibliography

1. Magin, V.A. Pedagogicheskie sposobnosti lichnosti i deyatel'nosti trenera v sporte // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta – 2011. – № 77(6).
2. Sorokopud, Yu.V. Model' professional'noy kompetentnosti prepodavatelya viysshey shkolih // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka – 2010. – №11.
3. Magin, V.A. Innovatsionnost' sistem podgotovki studentov po napravleniyu «Fizicheskaya kul'tura» kak sredstvo povysheniya ikh konkurentosposobnosti // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya – 2011 № 6 (31).

Статья поступила в редакцию 12..07.12

УДК 376

Mazaeva Y.A., Agavelyan O.K. THE CONTENT OF CONCEPT «COMPUTER LITERASY» IN SCIENTIFIC LITERATURE. In article the urgency of training of children with intellectual insufficiency is considered, the theoretical analysis of concept «computer literacy» is provided in scientific literature, various aspects and components of computer literacy reveal.

Key words: computer literacy, information, aspects and components of computer literacy, children with intellectual insufficiency.

Ю.А. Мазеева, аспирантка АГАО им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: mazaevy@yandex.ru;

О.К. Агавелян, д-р психол. наук, проф. НГПУ, г. Новосибирск, E-mail: oganesagavelyan@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается актуальность обучения детей с интеллектуальной недостаточностью компьютерной грамотности, приводится теоретический анализ понятия «компьютерная грамотность» в научной литературе, раскрываются различные аспекты и составляющие компьютерной грамотности.

Ключевые слова: компьютерная грамотность, информация, аспекты и составляющие компьютерной грамотности, дети с интеллектуальной недостаточностью.

Сегодняшние темпы компьютеризации превышают темпы развития всех других отраслей. Информационные технологии широко используются в самых различных сферах современного общества, в том числе, и в образовании. Именно здесь начинают свое формирование социальные, психологические, общекультурные, профессиональные предпосылки информатизации всего общества. Следовательно, информатизация сферы образования является одним из приоритетных направлений процесса информатизации современного общества и должна опережать информатизацию других направлений общественной деятельности. Информатизация общества в современных условиях предусматривает обязательное применение компьютеров в школьном образовании, что призвано обеспечить компьютерную грамотность и информационную культуру учащихся.

Д.И. Фельдштейн считает, что одна из задач современного образования должна быть направлена на выявление «резервов» психического развития современных детей, путем их накопления, в том числе и возможностей ускорения психического разви-

тия путем введения компьютерной техники и информатики в учебно-воспитательный процесс школы [1]. Все это напрямую относится и к детям с интеллектуальной недостаточностью.

Все увеличивающийся интерес общества к проблемам социальной и трудовой адаптации учащихся со сниженным интеллектом, к проблемам их обучения и воспитания обосновывает необходимость повышения эффективности, а, следовательно, качества учебно-воспитательного процесса в специальных школах. Сегодня главная цель информатизации специального образования состоит в подготовке обучающихся к полноценному и эффективному участию в бытовой, общественной и профессиональной областях жизнедеятельности.

Обучение компьютерной грамотности детей с интеллектуальной недостаточностью способствует не только формированию информационного мировоззрения, но и развитию системного мышления, ориентации в массе программных средств компьютера, необходимых для полноценной жизнедеятельности данной категории детей.

Выпускники специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждений VIII будут жить и работать в таком же информационном обществе, что и выпускники всех других общеобразовательных учреждений. Поэтому вопрос компьютеризации специального образования заслуживает особого внимания.

Вопросы компьютеризации средней школы разрабатывались многими учеными (С. Пейперт, Б.С. Гершунский, М.С. Чванова и др.). Однако, проблема компьютеризации школы в них, в основном, рассматривалась авторами в целом, как прорыв в существующей системе образования. Существуют работы по социально-философскому осмыслению проблемы компьютеризации (И.В. Бестужев-Лада), представлении компьютера как инструмента реализации и развития творческих способностей детей (Р. Вильямс). Вопросами внедрения ЭВМ в систему образования и изучением взаимодействия с компьютером старшеклассников занимались В.С. Собкин, И.А. Липский, Е.И. Машниц, А.Ю. Уваров и др. Часть исследователей рассматривают социальные и культурные аспекты освоения компьютерной грамотности как глобальной проблемы современности (Д. Белл, М. Маклюэн, О. Тоффлер, В.Г. Афанасьев, А.Д. Урсул и др.). Изучением применения компьютера в специальном образовании занимались И.К. Воробьев, М.Ю. Галанина, Н.Н. Кулишов, О.И. Кукушкина и др.

В популяции современных растущих людей большую группу составляют дети, для которых характерно неблагоприятное, проблемное течение психического развития в онтогенезе. Так, по данным Д.И. Фельдштейна имеется значительное число детей с ограниченными возможностями здоровья, где общее психическое недоразвитие (олигофрения) отмечается в 22,5% случаев [1].

Давая предварительную оценку состояния проблемы обучения компьютерной грамотности детей с интеллектуальной недостаточностью важно отметить, что до настоящего времени специальные исследования, посвященные данной проблеме не проводились.

В работах обнаруживается противоречие между требованиями современного информационного общества и низким уровнем готовности детей с интеллектуальной недостаточностью к использованию компьютера в жизни и обучении. Одним из основных положений специальной психологии является утверждение об общности законов нормального и аномального развития детей. Следовательно, обучение компьютерной грамотности для аномального ребенка не менее существенно, чем для нормального.

Внедрение компьютерной техники в специальное образование связано с решением двух фундаментальных задач: научить детей грамотно пользоваться новыми орудиями деятельности; использовать новые компьютерные технологии в целях коррекции нарушений и общего развития детей с ограниченными возможностями здоровья. Проблема состоит в сочетании решения этих задач, в определении приоритетов и соподчиненности задач в подходе к реальному процессу специального обучения.

Как отмечает Л.Ф. Отверченко формирование компьютерной грамотности российских учащихся в теории и на практике увязывается с контекстом информатизации школьного образования. Понятие «информатизации образования» практически не встречается в западной литературе и является особенностью российской академической традиции [2].

Рассматривая понятие «компьютерная грамотность» необходимо определить как же, что в целом представляет собой информация и как ее можно получить с помощью компьютера. Наиболее распространенными являются два подхода к определению информации. Первый предложен английским кибернетиком и биологом У. Эшби на основе категории разнообразия. Второй впервые обоснован философами-марксистами на основе категории отражения как свойства всей материи.

Академик В.М. Глушков считает, что источником разнообразия является неоднородность распределения материи в пространстве и времени. На этом основании он характеризует информацию как меру этой неоднородности, как показатель изменений, которые сопровождают все происходящие в мире процессы.

Также существуют семантическая (смысловая) и прагматическая концепции информации. Основой прагматической концепции выступает измерение количества ценности информации, а семантическая характеризует смысл, содержательность сообщений [3].

В энциклопедическом словаре понятие информации раскрывается как «первоначальные сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другими способами». Исхо-

дя из определения информации можно сделать вывод о том, что понятие информации связано с понятием компьютерной грамотности.

Анализ литературы показал, что понятие «компьютерная грамотность» интерпретируется в научной литературе по-разному. По мнению В.Н. Каптелинина, необходимым условием построения оптимального учебного процесса по информатике является конкретное и научно обоснованное определение содержания понятия «компьютерная грамотность» [4]. В настоящее время такого определения не существует. Мнения специалистов не только значительно различаются, но и нередко противоречат друг другу. Отсюда вытекает необходимость теоретического поиска определения понятия «компьютерной грамотности». Рассмотрим наиболее распространенные определения «компьютерной грамотности».

В Российской педагогической энциклопедии компьютерная грамотность рассматривается как элемент общеобразовательной подготовки человека и как часть технологического образования. Поэтому в понятие компьютерной грамотности входит: знание основных понятий информатики и вычислительной техники, знание принципиального устройства и функциональных возможностей компьютера, знания о применении компьютера в различных сферах производства, культуры, образования и связанные с ним изменения в деятельности человека, первоначальный опыт использования прикладных программ утилитарного назначения [5, с. 460-462].

По мнению Г.К. Селевко, компьютерная грамотность охватывает операции с персональным компьютером, умение исполнять компьютерные программные средства, умение работать с электронным текстом, электронными таблицами, создавать презентации и базы данных [6].

В словаре Г.М. Коджаспировой компьютерная грамотность определяется как часть технологического образования и включает в свою структуру знание основных понятий информатики и вычислительной техники, знание принципиального устройства и функциональных возможностей компьютерной техники, знание современных операционных систем и владение их основными командами, знание современных программных оболочек и операционных систем общего назначения и владение их функциями, владение хотя бы одним текстовым редактором, первоначальные представления об алгоритмах и языках программирования, первоначальный опыт использования прикладных программ утилитарного назначения [7].

В диссертации Н.М. Рукиной отмечается, что понятие «компьютерная грамотность» изменялось с развитием, совершенствованием и внедрением компьютерной техники. До 70-х годов оно включало в себя только обязательное умение программировать и овладение совокупностью определенных технологических навыков работы на электронно-вычислительной машине. С середины 70-х годов изменился сущностный подход к компьютерной грамотности, пересмотрена образовательная ценность различных видов знаний и умений, основной акцент делается на решение задач с помощью компьютера [8].

Сегодня информационный поиск в сети «Интернет» выдает большое количество сайтов, где упоминается категория «компьютерная грамотность». Анализируя их содержание, планомерно вытекает вывод о том, что компьютерная грамотность на сайтах всемирной паутины трактуется как способность к овладению элементарными навыками работы на компьютере (текстовые документы, электронные таблицы, мультимедиа презентации и т.д.).

В учебном пособии по информатике, толкование компьютерной грамотности было дано не столько из технических, сколько из дидактических соображений и определялось как умение читать и писать, считать и рисовать, искать информацию и работать с помощью ЭВМ. Это актуально и сейчас.

По мнению В.Н. Каптелинина, понятие компьютерной грамотности имеет несколько аспектов: бытовой, профессиональной и овладение компьютером как интеллектуальным средством [4].

Бытовая компьютерная грамотность подразумевает то, что пользователем компьютеров станет практически каждый. Необходимая для этого «грамотность» состоит в приобретении практических навыков обращения с бытовыми устройствами нового типа. Так, обучение первоначальным навыкам работы на компьютере можно определить как одну из задач школы.

Профессиональная компьютерная грамотность связана с использованием компьютера в разных профессиях. Поэтому содержание профессиональной компьютерной грамотности является специфическим для каждой профессии.

Овладение компьютером как интеллектуальным средством предполагает то, что компьютер является средством, обеспечи-

вающим доступ к различной информации, создание текстов, изображений и звуковых образов, личных банков данных.

В.Н. Каптелинин выделяет задачу формирования компьютерной грамотности учащихся как одну из наиболее актуальных задач современной школы. Мы считаем, что формирование компьютерной грамотности одна из задач и специального образования [4].

Анализ содержания понятия «компьютерной грамотности» позволяет выделить следующие составляющие: когнитивные навыки, эмоциональное отношение к компьютеру, особенности саморегуляции, мотивационной сферы и личности пользователя, сформированность специальных коммуникативных навыков [9; 10].

Многие авторы отмечают, что обеспечить полноценную компьютерную грамотность школьников может лишь комплексный учебно-воспитательный процесс, учитывающий все перечислен-

ные компоненты. Однако центральным звеном, которое создает основу для формирования всей системы психологических особенностей является развитие мышления учащихся [9; 10].

Таким образом, суммируя представленные определения компьютерной грамотности, можно сделать вывод о том, что понятие компьютерная грамотность – это умение работать с персональным компьютером, с электронным текстом, электронными таблицами, использовать компьютерные программные средства, создавать презентации и базы данных. Также анализ литературных источников показал, что вопрос о применении компьютера в специальном образовании неоспорим. Для детей с интеллектуальной недостаточностью компьютер способствует индивидуализации обучения, социализации учащихся и подготовке их к будущей трудовой жизни, выступает в качестве помощника в освоении нового, развитии мотивации.

Библиографический список

1. Фельдштейн, Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития: офиц. Текст. – Нижний Новгород, 19-20 апреля 2010 г.
2. Отверченко, Л.Ф. Компьютерная грамотность школьников в контексте информатизации образования: монография. – Новочеркасск, 2007.
3. Глушков, В.М. Основы безбумажной информатики. – М., 1987.
4. Каптелинин, В.Н. Психологические проблемы формирования компьютерной грамотности школьников // Вопросы психологии – М. – 1986. – №5.
5. Машбиц, Е.И. Компьютеризация обучения // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. – М., 1993. – Т. 1.
6. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. – М., 2006. – Т. 2.
7. Коджаспирова, Г.М. Словарь по педагогике. – М.; Ростов н/Д., 2005.
8. Рукина, Н.М. Формирование компьютерной грамотности взрослых в сфере дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2010.
9. Шнейдерман, Б. Психология программирования. – М., 1984.
10. Психологические проблемы создания и использования ЭВМ / под ред. О.К. Тихомирова – М., 1985.

Bibliography

1. Feljdshteyn, D.I. Psikhologo-pedagogicheskie problemih postroeniya novoy shkolih v usloviyakh znachimikh izmeneniy rebenka i situacii ego razvitiya: ofic. Tekst. – Nizhniy Novgorod, 19-20 aprelya 2010 g.
2. Otverchenko, L.F. Komp'yuternaya gramotnost' shkol'nikov v kontekste informatizacii obrazovaniya: monografiya. – NovoCherkassk, 2007.
3. Glushkov, V.M. Osnovih bezbumazhnoy informatiki. – M., 1987.
4. Kaptelinin, V.N. Psikhologicheskie problemih formirovaniya komp'yuternoy gramotnosti shkol'nikov // Voprosih psikhologii – M. – 1986. – №5.
5. Mashbic, E.I. Komp'yutimizatsiya obucheniya // Rossiyskaya pedagogicheskaya ehnciklopediya: v 2 t. – M., 1993. – T. 1.
6. Selevko, G.K. Ehnciklopediya obrazovatel'nykh tekhnologii: v 2 t. – M., 2006. – T. 2.
7. Kodzhaspirova, G.M. Slovar' po pedagogike. – M.; Rostov n/D., 2005.
8. Rukina, N.M. Formirovanie komp'yuternoy gramotnosti vzroslykh v sfere dopolnitel'nogo obrazovaniya: dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 2010.
9. Shneyderman, B. Psikhologiya programmirovaniya. – M., 1984.
10. Psikhologicheskie problemih sozdaniya i ispol'zovaniya EhVM / pod red. O.K. Tikhomirova – M., 1985.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 378 (075.8)

Minzer I.V., Babayev E.S. DESIGNING THE PROGRAM OF THE PROFESSIONAL EDUCATION ON BASE OF THE INTEGRATIONS OF FORMAL AND INFORMAL EDUCATION. In the article as a response on modern trends of the development of the unceasing education is offered the author's model of the program of the professional learning of the unemployed people, which were designed on the base of the integrations formal and informal education.

Key words: designing, integration, professional education, formal and informal education, unemployed people.

И.В. Минзер, ассистент каф. «Экономика и менеджмент» КМВИС ФГБОУ ВПО «ЮРГУЭС»;

Э.С. Бабаева, канд. филол. наук, доц., декан факультета начальных классов, филиал ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Дербент, E-mail: minzer-irina@rambler.ru

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье, как отклик на современные тенденции развития непрерывного образования, предложена авторская модель программы профессионального обучения безработных граждан, разработанная на основе интеграции формального и неформального образования.

Ключевые слова: проектирование, интеграция, профессиональное обучение, формальное и неформальное образование, безработные граждане.

Существующая образовательная практика показывает, что для того, чтобы эффективно осуществлять образовательный процесс, необходимо разработать, прежде всего, эффективную модель программы обучения. Что и было нами осуществлено при планировании профессионального обучения безработных граждан на основе интеграции формального и неформального образования.

В педагогике сложилось устойчивое понимание того, что одним из решающих условий успешного протекания педагогического процесса является его проектирование, включающее в себя диагностику, определение прогноза и разработку проекта деятельности.

В технологической плоскости идея нашей проектной деятельности состояла в том, чтобы разработать и описать модель,

Таблица 1

Структура программы профессионального обучения безработных граждан на основе интеграции формального и неформального образования

Формальное образование			Неформальное образование		
№ модуля	наименование модуля	доля учебного времени	№ модуля	наименование модуля	временные затраты
1.	«Технология поиска работы»	1%	6.	«Клуб ищущих работу»	не ограничены
2.	«Основы компьютерной грамотности»	5%	7.	«Клуб новый старт»	не ограничены
3.	Профессиональное обучение (теоретический блок)	20%	8.	Взаимодействие в социальной сети	не ограничены
4.	Профессиональное обучение (практический блок)	70%	9.	Мастер-класс «Как начать собственное дело»	разовые встречи, по требованию
5.	Психологическая поддержка	5%	10.	Дискуссия «Готов ли я к работе по новой профессии?»	разовый семинар
Итоговая аттестация (с учетом освоения всех модулей)					
Трудоустройство или открытие собственного дела					

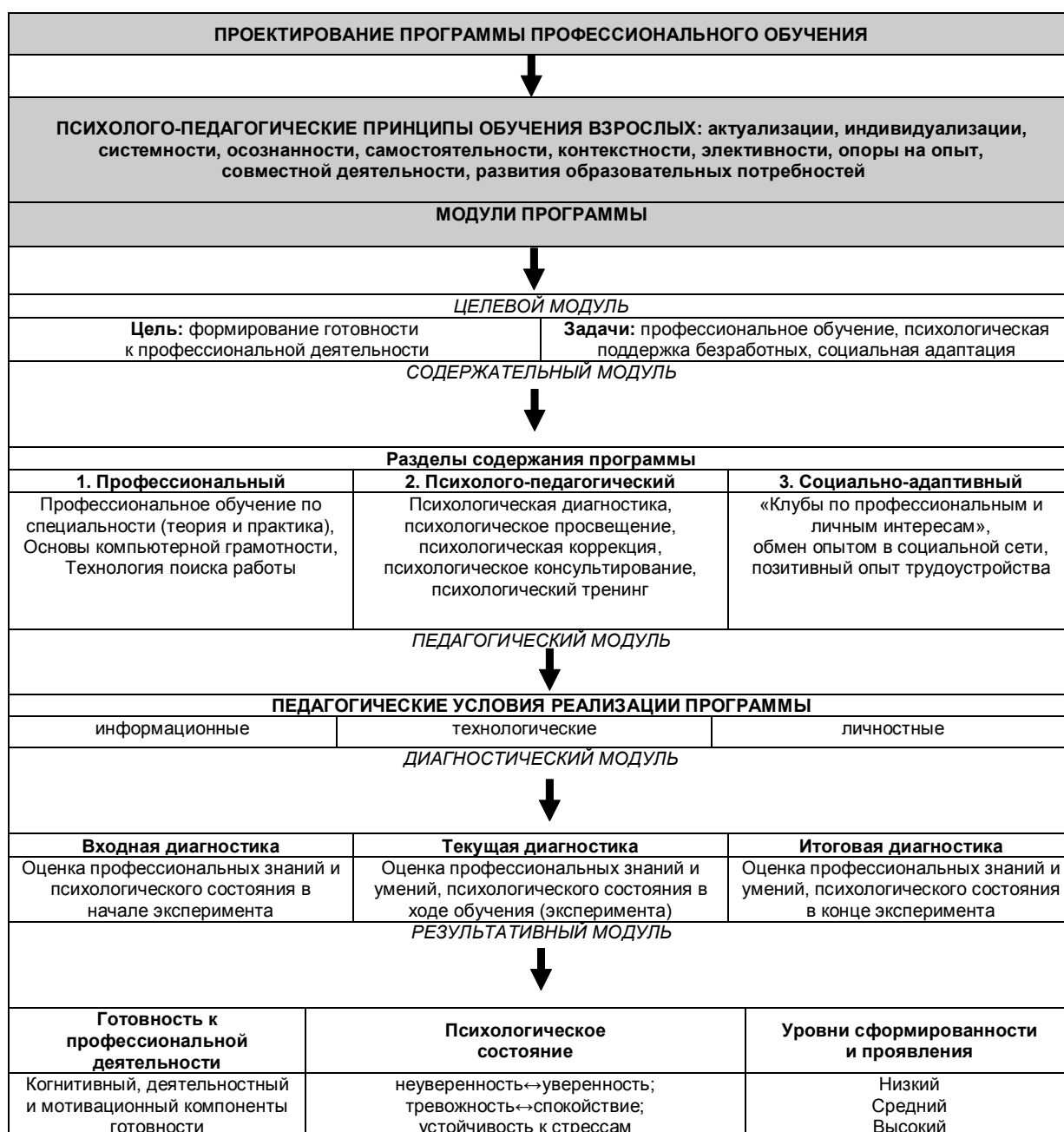

Рис. 1. Модель программы профессионального обучения безработных

или универсальный алгоритм (схемы, блоки, терминологии, события) актуализации (выявления, понимания) и решения проблем, возникающих в различных компонентах процесса профессионального обучения безработных граждан (такое знание еще называют хорошо структурированным – владеющий им субъект способен осуществить понятные ему и целесообразные операции при решении задач различного класса и уровня) на основе интеграции формального и неформального образования.

В данной связи, проектирование [1; 2; 3 и др.], с одной стороны, и интеграция [4 и др.], с другой стороны, использовались нами в качестве научных оснований при разработке модели программы профессионального обучения безработных граждан.

В настоящее время, существуют следующие формы обучения взрослых: классические курсы, интенсивы, погружение, стажировки, дистанционное обучение, самообразование. Анализ существующей практики показал, что возможны и интегрированные, включающие две (и более) разновидности форм обучения взрослых в рамках одной образовательной программы. В практике повышения квалификации педагогических работников (например, в гг. Армавир, Ставрополь, Челябинск и некоторых других) используется, так называемая, накопительная система повышения квалификации, в рамках которой предусматривается, в том числе и самообразование педагогов через показ мастер-классов и открытых уроков, участие с выступлениями на педагогических и методических семинарах, научно-практических конференциях. Такие формы повышения квалификации – это скорее исключение, чем правило.

По сложившейся схеме (в традиционной форме) организуются различные курсы профессионального обучения безработных и незанятого населения центрами занятости населения. В рамках определенных квот и стоимости обучения для регионов и городов, государство финансирует такие программы. Отбор образовательных учреждений для реализации программ профессионального обучения, которые включают до 480 часов учебного времени (в среднем 2,5 мес.), как правило, осуществляется на конкурсной основе (за исключением случаев, когда специальность подготовки уникальна, или лишь одно учреждение в регионе имеет лицензию на право подготовки специалистов по данной специальности). Конкурсы, к сожалению, выигрывают те образовательные учреждения, которые могут оказывать менее дорогие образовательные услуги.

Даже поверхностный анализ позволяет сделать вывод о том, что, такой подход к профессиональному обучению безработных по своей форме и содержанию, во-первых, не вполне соответствует современным идеям непрерывного образования, андрагогическим принципам обучения, а также требованию направленности на формирование не только собственно профессиональных, но и личностных качеств взрослого обучающегося.

Таким образом, отчетливо возникает потребность интегрировать формальное и неформальное образование, и на этой основе разрабатывать модель программы профессионального обучения безработных граждан. Результатом проектирования

стала программа профессионального обучения безработных граждан на основе интеграции формального и неформального образования, структура которой представлена в таблице 1, а модель программы показана на рис. 1.

Опираясь на психолого-педагогические принципы обучения преподавателей (приведенные на рис. 1), мы выделили в модели программы профессионального обучения модули: целевой, содержательный, педагогический, диагностический и результативный. Образовательный процесс в рамках программы, корпоративная культура всех организаторов обучения, способствовали достижению целей программы профессионального обучения безработных граждан, в которой профессиональное обучение строилось как пространство имитационного воспроизведения необходимых профессиональных ситуаций и, в ходе которого у слушателей формировались профессиональные качества не только более высокого уровня, но и качественно нового типа – проектно-менеджерского, рыночного, интегративного.

Предложенную модель профессионального обучения безработных граждан отличают такие качественные характеристики, как непрерывность, структурированность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость и, кроме того, она обладает качествами, позволяющими проверять ее параметры и применять в других учреждениях профессионального образования, другими субъектами образовательного процесса. Необходимо отметить, что программа профессионального обучения безработных, отвечает характеристикам инновационности. В частности, инновационная роль программы проявляется через такие качественные параметры: 1) состав, содержание и проблематика (отражение современных особенностей соответствующих областей рыночной экономики, роли и места в ней рабочего, специалиста); 2) целевая и практическая направленность профессионального обучения не только на понимание, но и на отработку определенных умений и навыков, «живое» участие в одном или нескольких этапах производственного процесса; 3) сочетание эффективных дидактических средств и методов формального и неформального образования при минимизации формальных ограничений для обучаемого и обучающего, взвешенное сочетание коллективного и индивидуального обучения; 4) перспективность, востребованность направлений и содержания профессионального обучения практикой непрерывного образования взрослого населения и рынком образовательных услуг; 5) конкурсный подбор состава и творческое (психолого-педагогическое) взаимодействие исполнителей (методистов, преподавателей, тьюторов, мастеров производственного обучения и пр.) программы обучения; 6) возможность выбора и быстрая смена различных технологий обучения, преобладание среди них активных и интерактивных.

Таким образом, предлагаемая модель программы отвечает заявленным требованиям и основывается на целостной системе решения инновационно-образовательной задачи. При разработке модели соблюдены принципы педагогического моделирования и учтены требования, предъявляемые к организации профессионального обучения безработных граждан на основе формального и неформального образования.

Библиографический список

1. Гурье, Л.И. Проектирование педагогических систем: учеб. пособие. – Казань, 2004.
2. Гусинский, Э.Н. Построение теории образования на основе междисциплинарного системного подхода. – М., 1994.
3. Заир-Бек, Е.С. Теоретические основы обучения педагогическому проектированию: автореф. дис. ... д-р пед. наук. – СПб., 1995.
4. Данилюк, А.Я. Теория интеграции образования. – Ростов н/Д., 2000.

Bibliography

1. Gurje, L.I. Proektirovanie pedagogicheskikh sistem: ucheb. posobie. – Kazanj, 2004.
2. Gusinskiy, E.N. Postroenie teorii obrazovaniya na osnove mezhdisciplinarnogo sistemnogo podkhoda. – M., 1994.
3. Zair-Bek, E.S. Teoreticheskie osnovy obucheniya pedagogicheskomu proektirovaniyu: avtoref. dis. ... d-r ped. nauk. – SPb., 1995.
4. Danilyuk, A.Ya. Teoriya integracii obrazovaniya. – Rostov n/D., 2000.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 371.93

Minnegaliev M.M. ROLE AND IMPORTANCE OF THE PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN PREVENTIVE MAINTENANCE DEVIATION BEHAVIORS TEENAGER. In article is considered one of the actual problems society and state – preventive maintenance deviation behaviors teenager. The analyzed role and importance of the physical culture and sport in preventive maintenance deviation behaviors teenager, as value in shaping sound lifestyle and health of the saving, in education physical and morally-ethical quality beside teenager deviation behaviors.

Key words: the physical culture, sport, preventive maintenance, deviation behavior, teenager, health, quality, shaping.

М.М. Миннегалиев, канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВПО «БурГСПА», г. Бирск,
E-mail: MaratMagasumovich@rambler.ru.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается одна из актуальных проблем общества и государства – профилактика девиантного поведения подростков. Проанализированы роль и значение физической культуры и спорта в профилактике девиантного поведения подростков, как ценности в формировании здорового образа жизни и здоровьесбережения, в воспитании физических и нравственно-этических качеств у подростков девиантного поведения.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, профилактика, девиантное поведение, подростки, здоровье, качества, формирование.

В настоящее время изменения, происходящие в России в различных сферах жизни, экологическое и экономическое неблагополучие, социальная нестабильность, усиление влияния субкультур, неблагоприятные семейно-бытовые отношения, чрезмерная занятость родителей и т.п. болезненно отразились на подростках, обусловив деформацию институтов социализации. В этих условиях возникают серьезные предпосылки для зарождения у подростков девиантного поведения, причинами возникновения которого являются разнообразные факторы: начиная с психофизиологических, заканчивая социальными факторами. Формы проявления девиантного поведения также разнообразны: от незначительных проступков до общественно опасных деяний.

Тенденция к отклонению от общепринятых правил поведения имеет давнюю историю, она появилась одновременно с зарождением человечества. Уже тогда общество ставило на её пути некие преграды, которые удерживали людей от поступков, противоречащих представлениям людей о правилах поведения. На первых порах такими ограничениями стали мифы и запреты – табу. В дальнейшем понятия о «дозволенном и недозволенном» изменялись, и складывались другие правила. Длительное время определённые правила устанавливала религия. Постепенно, по мере развития человеческого общества, стали формироваться и более устойчивые правовые, морально-нравственные позиции людей по отношению к девиантному поведению [1].

Данная проблема носит междисциплинарный характер и находится на стыке социологических, педагогических, социопсихологических, философских, культурологических наук, каждая из которых имеет собственные подходы к её рассмотрению и обоснованию. Первоначально она была выделена как в зарубежных, так и в отечественных социологических и криминологических трудах (М. Вебер, Э. Дюркгейм, И.С. Кон, Р. Мертон и др.). Девиантным (отклоняющимся) поведением принято называть поведение, не соответствующее установившимся в обществе нормам. И.С. Кон уточняет определение девиантного поведения, рассматривая его как систему поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы физического, нравственного и психического здоровья, права, культуры и морали [2].

Отметим, что девиантное поведение, понимаемое нами как отклонение от социальных и нравственных норм, приобрело в последнее время массовый характер, что поставило это явление в центр внимания социологов, педагогов, психологов, медицинских работников и правоохранительных органов.

Психологические исследования этого явления берут начало в психоанализе, бихевиоризме, гуманистической психологии и других направлениях. В отечественной психологической, социально-педагогической науке уделяется внимание проблеме девиантности, особенно в связи с появлением категории «трудные» подростки (Л.И. Божович, А.Е. Личко, А.С. Макаренко, В.В. Новиков и др.) или подростки «группы риска» (Ю.В. Василькова, М.А. Галагузова, И.Ф. Дементьева, А.В. Мудрик, Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга и др.). К категории «группы риска» относят детей из неблагополучных семей, педагогически запущенных, социально-депривированных, характеризующихся различными проявлениями девиантного и делинквентного поведения, имеющие суицидальные наклонности и т.д. [2].

Несмотря на значительные усилия специалистов в области педагогики, психологии и социологии, направленные на изучение состояния проблем общеобразовательной школы, определение теоретических основ обучения в современных условиях, внедрение новых технологий педагогического взаимодействия с учащимися, проблема воспитания подрастающего поколения по-прежнему остается актуальной как в теоретико-методологической плоскости, так и в практической сфере ее реализации.

Назрела необходимость в комплексном изучении и педагогическом обосновании сущности девиантного поведения, основанном на новых исследовательских подходах к изучению особенностей девиантного поведения подростков в современных социально-экономических условиях, к организации комплексной помощи и социальной поддержки данной категории, к формированию всесторонне развитой, социально-полноценной личности, а также к разработке воспитательно-профилактических технологий и программ, учитывающих личностные и социальные факторы.

К социальным факторам относятся рост преступности, миграционные процессы, индустрия наркотиков и алкоголя, разрушение природной среды, безработица. Психофизиологические факторы определяются врожденными нарушениями в развитии и возрастными особенностями пубертатного периода в формировании личности подростков.

Существующие социальные проблемы (наркомания, агрессивность, алкоголизм и т.д.) заставляют нас задуматься о том, почему это происходит. Почему ребенок изначально открытый и устремленный к добру, взрослея, постепенно приобретает асоциальный тип поведения. Дефицит таких понятий, как милосердие, доброта, уважение друг к другу в обществе все чаще приводит к равнодушному отношению к судьбе ребенка. В школах наблюдается рост формального отношения к детям, проще стали относиться к увеличению числа отклонений в поведении и правонарушений.

Педагогические факторы, связаны с потребностями модернизации системы образования, с резким снижением количества и качества форм внешкольной работы с подростками, в частности с закрытием спортивных секций и клубов, с переводом их на коммерческие формы работы, что резко снижает процент подростков, занимающихся физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельностью [3].

Профилактика девиантного поведения подростков становится важнейшей задачей современного общества и государства. При этом в настоящее время недостаточно разработано направление работы с подростками девиантного поведения в процессе учебной и внеклассной работы с целенаправленным использованием физической культуры и спорта. Решению этой актуальной задачи и посвящено наше педагогическое исследование. Целью нашего исследования явилось выявление роли и значения физической культуры и спорта как ценности в формировании здорового образа жизни, в воспитании физических и нравственно-этических качеств подростков девиантного поведения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определение ценностного отношения подростков к учебной и физкультурно-оздоровительной деятельности как важной и значимой для личностного развития.
2. Выявление степени вовлеченности подростков в физкультурную и оздоровительную деятельность, организованные в школе.
3. Изучение мотивации и отношения к значимости физической культуры и спорта как формы организации образовательного процесса в условиях школьного обучения.

Мы предполагаем, что использование физической культуры и спорта в воспитательно-профилактической работе с подростками девиантного поведения будет способствовать повышению мотивации и интереса к систематическим занятиям физическими упражнениями, изменению негативных эмоциональных состояний (тревожности, агрессивности), сохранению и укреплению здоровья, развитию физических и нравственно-этических качеств у девиантных подростков.

Итак, важным звеном в этой работе является структура учебно-воспитательного процесса и разнообразие форм учебно-методического материала. Очевидно, что физкультурно-оздоровительная деятельность оказывает серьезное влияние на психологическую составляющую личности, а поскольку мы рассматриваем период детства и пубертатный период, то, несомненно, огромное влияние физической культуры и спорта на формирование и становление личности в этот период. Очевидно, что в процессе занятий физической культурой и спортом в значительной мере ослабевает действие тревожно-агрессивных компонентов личности за счет переноса этой отрицательной компоненты, в социальном плане, на стратегию борьбы и соревнования, что в значительной мере создает воспитательную и профилактическую основу, снижает риск асоциального и девиантного поведения среди подростков.

Учитывая особую выраженность негативных социально-экологических и топологических воздействий на организм и психику подростков с девиантным поведением, угрозу алкоголизации и наркозависимости, решение этой комплексной проблемы связано с усилением физкультурно-оздоровительной направленности технологий в контексте обеспечения координации усилий министерств и ведомств, работающих по проблемам профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте.

Для того чтобы воспитательно-профилактическая работа была эффективной, необходимо создание следующих условий: 1) выявление адекватности и эффективности применяемой профилактики на основе данных социально-педагогического мониторинга; 2) научно-методическое оснащение процесса взаимодействия школы и семьи по организации и проведении профилактики девиантного поведения подростков средствами физической культуры и спорта [1].

Основным приоритетом в работе с подростками девиантного поведения должен быть перенос акцента на воспитательный аспект, на предупреждение и преодоление девиантного поведения. Особо следует подчеркнуть и учитывать тот факт при формировании физических и нравственно-этических качеств у подростков, что правильное решение конкретной задачи невозможно без создания условий взаимопомощи, взаимоподдержки и опоры на внутренний потенциал подростка. Это поможет преодолеть социальную неустроенность, врожденные недуги и безответственность взрослых.

Руководствуясь принципами социализации и гуманизации в процессе воспитательно-профилактической работы с подростками, следует направить усилия педагога на формирование общечеловеческих ценностей, на диагностику и развитие социально направленных ценностей и мотивов для их практической реализации.

В современном мире заметно ослабление социальных связей, а физическая культура и спорт приобретает большое значение в связи с тем, что общение происходит вне дома и работы, и физкультурно-спортивные мероприятия приобретают статус «социально-психологических», где подростки собираются для формирования и поддержания дружеских, неформальных позитивных отношений.

Следовательно, проявление внимания по отношению к подросткам, сопереживания и сочувствия, которых они лишены в семье, позволяет компенсировать отсутствие этих эмоций, и предполагает формирование позитивного поведения. Формирование таких качеств личности, как доброта, отзывчивость, терпимость, дисциплинированность, честность, порядочность, в определенной степени зависят от правильной организации процесса физкультурно-оздоровительной деятельности.

Важно, также подчеркнуть, что занятия физической культурой и спортом заполняют вакуум свободного времени, прививают навыки здорового образа жизни, формируют положительные привычки и чаще всего меняют состав референтной группы, в которой подросток находится. Актуализация личностного потенциала подростка и его желание добиться положительного результата, несомненно, формируют умения и навыки, необходимые для принятия самостоятельных и правильных решений в жизни.

Для измерения готовности к реализации различных форм девиантного поведения нами была использована методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению, ориентированная на выявление внутренней, в том числе не проявляемой вовне, склонности к отклоняющемуся поведению в подростковом возрасте.

Для определения уровня нравственности и воспитанности, отношения и мотивации к учебной и физкультурно-оздоровительной деятельности подростков девиантного поведения применяли метод экспертного опроса. В качестве экспертов выступали

учителя, классные руководители. В число экспертного обсуждения ставили вопросы оценки особенностей отношения подростков к учебному процессу, оценку качества обучения, особенностей проявления личности в учебной и физкультурно-оздоровительной деятельности, конфликтности и агрессивности поведения, деятельности в коллективе, оценку степени педагогической запущенности подростков.

Для объективности оценки отклонений в поведении и педагогической запущенности, результаты экспертного опроса сопоставляли с данными анкеты подростков, где отражены: мотивация и отношение к учебной и физкультурно-оздоровительной деятельности; предпочтения в ценностях проведения свободного времени от учебы; особенности предпочтений в организации здорового образа жизни и особенности педагогического сопровождения физкультурно-оздоровительной деятельности подростков.

Педагогические наблюдения проводились с целью определения уровня воспитанности, особенностей отклонений в поведении, и реакции подростков на педагогические воздействия в условиях учебно-воспитательного процесса. Данные педагогических наблюдений сопоставлялись с анализом учебной документации, что позволило выявить подростков, имеющих различную степень отклонений в поведении.

Для более эффективного воспитательного воздействия на личностные качества и психоэмоциональную подростков сферу средствами и методами физической культуры и спорта целесообразно использовать следующие методические рекомендации:

- важным моментом является разносторонняя физическая подготовка, являющаяся фундаментом физической работоспособности;

- чем меньше возраст воспитанника, тем непосредственнее его восприятие воспитательных воздействий. Например, в младшем возрасте легче переделывать отрицательные и воспитывать положительные привычки, приучать к труду, дисциплине и порядку, поведению в коллективе и т.д.;

- необходимо строгая последовательность увеличения и выбора физических нагрузок для разного подросткового возраста, пола, степени подготовленности;

- необходимо создание ситуаций нравственного поведения, направленных на организацию взаимопомощи, соревнований, игр с особо установленными правилами;

- в учебно-тренировочном процессе решать как общие, так и специальные задачи нравственного, эстетического и трудового воспитания;

- для более активного привлечения подростков к выполнению физических упражнений по воспитанию физических и нравственных качеств целесообразно периодически обновлять комплексы физических упражнений, подвижных и спортивных игр.

Применение физической культуры и спорта в профилактике девиантного поведения направлено на индивидуальное развитие личности, формирование физической культуры личности и может иметь своей целью оздоровление организма, физическое совершенствование подростков, формирование мотивации и потребности в занятиях физическими упражнениями, способности к самостоятельным занятиям спортом [4].

В результате проведенного исследования было выявлено, что у 62,2 % обследованных подростков обнаружены отклонения в учебной деятельности, сопровождающиеся девиациями в поведении. Только треть подростков не имели проблем в обучении и отклонений в поведенческой сфере развития личности. Что само по себе ставит вопрос результативности обучения и воспитания в условиях школьного образования в разряд актуальных. По результатам исследования, подростки девиантного поведения проявляют агрессивное неприятие педагогических воздействий, проявляющееся в конфликтном отношении, как с учителями, так и с родителями, и в отношении к учебе.

Результаты изучения занятости в свободное от учебы время социально адаптированной деятельностью в школе выявило, что физкультурно-спортивную деятельность предпочитает больший процент подростков девиантного поведения, однако также высок процент их не вовлеченности в организованную деятельность во внешкольное время. Несмотря на вовлеченность в физкультурно-спортивную деятельность значительного числа подростков девиантного поведения, ценностное отношение к урокам физической культуры неоднозначно. В группе девиантных подростков более высокий процент отрицательно относящихся к урокам физической культуры 22,1 %, а равнодушно относящихся подростков в обеих группах незначительно отличается – 33,9 и 35,5 %.

Несмотря на различия в ценностном отношении к физической культуре как форме организации учебного процесса, более

половины подростков девиантного поведения осознают значение данного вида деятельности в процессе формирования и сбережения здоровья в личностном и общечеловеческом контексте. Отметим, что на приоритеты в сознании значения двигательной деятельности, высок процент подростков, которые пренебрегают этой ценностью в организации собственного стиля жизни и здоровьесформирующей ролью физической культуры и спорта.

Изучение особенностей ценностного отношения девиантных подростков к физкультурно-спортивной деятельности и вовлеченности в социально значимые виды деятельности выявило, что для данного контингента характерно: смещение в ценностном отношении к образовательному процессу как малозначимому для личностного развития; несмотря на осознанность значения роли физической культуры и спорта в современном об-

ществе у подростков не сформирована социально полезная установка на реализацию данного осознания в условиях физкультурно-образовательного процесса.

Таким образом, целенаправленное использование физической культуры и спорта в воспитательно-профилактической работе с подростками позволяет заполнить свободное время подростков социально-значимой деятельностью, которая способствует коррективке физического, нравственного и психического состояния, что положительно сказывается на предупреждении и преодолении девиантного поведения подростков. В значительной мере этому способствует условия, обстановка и «микроклимат» спортивной секции и класса, зависящей от квалификации учителей физической культуры и тренеров по видам спорта, и педагогических условий учебно-тренировочных занятий.

Библиографический список

1. Миннегалиев, М.М. Содержательно-технологические аспекты профилактики девиантного поведения подростков средствами физической культуры и спорта // Образование учащейся молодежи в сфере физической культуры и спорта: материалы Всерос. научно-практ. конф. – Бирск, 2011.
2. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2007.
3. Жуков, М.Н. Воспитание детей и подростков с девиантным поведением с использованием средств физической культуры и спорта: монография. – Ярославль, 2004.
4. Вишневецкий, В.А. Здоровьесбережение в школе (Педагогические стратегии и технологии). – М., 2002.

Bibliography

1. Minnegaliev, M.M. Soderzhateljno-tehnologicheskie aspektih profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov sredstvami fizicheskoy kul'turiny i sporta // Obrazovanie uchacheysya molodezhi v sfere fizicheskoy kul'turiny i sporta: materialih Vseros. nauchno-prakt. konf. – Birsks, 2011.
2. Shneyjder, L.B. Deviantnoe povedenie detej i podrostkov. – M., 2007.
3. Zhukov, M.N. Vospitanie detej i podrostkov s deviantnim povedeniem s ispol'zovaniem sredstv fizicheskoy kul'turiny i sporta: monografiya. – Yaroslavl', 2004.
4. Vishnevskij, V.A. Zdorov'esberezhenie v shkole (Pedagogicheskie strategii i tekhnologii). – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 28.06.12

УДК 15.9:37.015.3

Nevezorova M.S., Petelin A.S. FORMATION OF MOTIVATION OF RESPONSIBLE RELATION OF SENIOR PUPILS TO ACADEMICAL AND CREATIVE ACTIVITY. The article consider the correlation between a learning motivation and a motivation of responsible attitude at senior pupil. The management of learning motivation is represents as effective mechanism to form the requirement of responsible attitude in learning activity.

Key words: objects of learning, learning motivation, motivation of responsible attitude to learning activity.

М.С. Невзорова, ассистент каф. педагогики и психологии Мичуринского гос. педагогического института, г. Мичуринск, E-mail: nevezorovamic@rambler.ru; **А.С. Петелин**, д-р пед. наук, проф., зав. каф. теории и истории музыки и музыкальных инструментов Воронежского гос. педагогического университета, г. Воронеж, E-mail: lemononline@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОТИВАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается взаимосвязь мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности и учебной мотивации старшеклассников. Управление учебной мотивацией представляется как эффективный механизм формирования потребности ответственно относиться к деятельности познания.

Ключевые слова: цели учения; познавательная потребность; учебная мотивация; мотивация ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности.

В ходе опытно-экспериментальной работы по воспитанию у старшеклассников ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности мы пришли к выводу о том, что оно проявляется в достаточной степени только в условиях высокой положительной мотивации ответственного познавательного поведения. Какова же психологическая природа этой взаимосвязи и педагогические ресурсы формирования мотивации ответственного отношения к учебе? Как отмечает В.В. Монахов, необходимо тактично предусмотреть меры по усилению ответственности школьников за свой учебный труд, и не только «карабельные». Главное в этом – правильное использование возможностей мотивационной сферы учащихся и повышение эффективности подготовительного этапа, дающие необходимые готовность и подготовленность ученика к учебе [1, с. 8]. Нам представляется, что рассмотрение проблемы формирования мотивации ответственного отношения старшеклассников к познавательной деятельности целесообразно начинать с анализа мотивационно-целевой основы учения, т.к. цели любой деятельности и стоящие за

ними потребности, ценности, мотивы являются ее ведущими и системообразующим звеном. В.Д. Шадриков [2] также деятельность индивида связывает с его потребностями, возможность и реальность удовлетворения которых отвечает за весь процесс становления личности. Представляется, что успешность процесса и результата удовлетворения познавательной потребности составляет основу положительной мотивации ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности. Мы убедились в том, что на текущем этапе новизной подхода к рассмотрению данной проблемы становится нахождение и обоснование пути формирования мотивации ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности, а также теоретическое отделение ее от мотивации учебной деятельности. Мотивы, посредством которых репрезентуются основные познавательные потребности старшеклассников, образуют следующий перечень: профессиональные, познавательные, мотивы творческих достижений, широкие социальные мотивы, мотивы социально-психологического плана и личного

престижа. Ранее в исследованиях эти особенности не были замечены, поэтому задачей педагога становится перенесение потребностей в зону учебного процесса. Качество освоения учебной информации в этом случае обеспечит ответственность и самостоятельность в учебно-познавательной деятельности, управляемые посредством корректировки и развития учебной мотивации.

В ходе опытно-экспериментальной работы по воспитанию ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности мы пришли к выводу, что **мотивация ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности есть сложное и динамическое явление, включающее в себя потребности личности в самоутверждении (личный престиж, успех и др.), самоопределении (профессиональном, социальном и др.), личностном росте (познавательные, творческие достижения и др.), нашедшие канал успешной реализации в учебно-познавательной деятельности.**

Теоретический анализ научного знания по данной проблеме и изучение ее состояния в практике позволили нам выделить структуру мотивации ответственного старшеклассников к учебно-познавательной деятельности следующие компоненты: **эмоционально-ценностный, содержательно-смысловой, созидающий.** Так, **эмоционально-ценностный компонент** мотивации ответственного отношения включает в себя цели по формированию эмоционально-личностного отношения к явлениям учебно-познавательной среды: 1) потребность хорошего выполнения учебно-познавательной работы для достижения собственного эмоционального благополучия; 2) усвоение нравственных, воспитательных ценностей учебной ответственности и их согласование с личными; 3) общий эмоциональный подъем, активность, связанные с учебной задачей; 4) предвкушение успеха в результате решения учебно-познавательной задачи; 5) наслаждение от самого процесса осуществления учебно-познавательной деятельности; 6) ощущение важности своей работы; 7) ощущение собственной важности, нужности, ценности. К элементам **содержательно-смыслового** компонента мотивации ответственности мы отнесли: 1) осознание необходимости выполнения учебно-познавательной деятельности и достижения ее результата; 2) возможность проявить способности, «показать себя», приобрести или доказать статус способного ответственного человека; 3) возможность сделать личное открытие, улучшить уровень подготовленности, заняться творческой, исследовательской деятельностью; 4) интерес к содержанию учебно-познавательной деятельности, общению в ходе решения учебной задачи; 5) возможность получения выгоды (эмоционального, материального и т. д. вознаграждений), переживания успеха; 6) возможность научиться преодолению трудностей. **Созидающий компонент** проявления мотивации ответственного отношения школьника к учебно-познавательной деятельности включает в себя: 1) поиск путей осуществления своих намерений и возможностей, проявления инициативы, активности, желание отстаивать собственное мнение; 2) поиск путей обретения уверенности в своей способности достижения высокого результата, ощущения адекватности своих учебных возможностей статусу успешного и ответственного ученика; 3) стремление к творческому самовыражению в деятельности; 4) стремление к самовоспитанию.

Рассмотрение мотивационно-потребностной сферы школьника и мотивации позволило выявить зависимость обретения школьником смысла и принятия предлагаемого содержания от реальной деятельности. Умение разобраться в смыслах деятельности на эмоционально-действенном уровне и осознание учащимся своего места в системе отношений наилучшим образом возможно использовать в учебно-воспитательном процессе. Как психологическое явление учебно-познавательная деятельность выступает, в частности, условием социализации школьника, поскольку реализация его личностнообразующих потребностей, в том числе, потребности в проявлении ответственности, требует признания обществом. Применение жизненно важных ситуаций, имитирующих социальные условия и востребующих личностные структуры сознания учащихся, предполагает создание внутренней конфликтности, а также учебных ситуаций нравственного выбора. Соблюдение данных условий необходимо для формирования мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности у старшеклассников. Внутренне мотивированное поведение не ограничивается поиском объектов, взаимодействие с которыми продиктовано функциональными потребностями. Часто оно направлено на усиление взаимодействия с этими объектами. Таким образом, например, субъект, переживающий «удовольствие» от того, что любит кого-то, слушает симфонию, решает экзистенциальные вопросы и т. д., мо-

жет иметь сильную мотивацию к тому, чтобы поддерживать поведенческий контакт с этими объектами [3, с. 115]. Таким образом, потребность опредмечивается с помощью первого удовлетворившего ее объекта. Именно этот ресурс использовался нами для воспитания ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности. Школьник, переживающий активную фазу Я-идентификации, разворачивает активную профессионально- и личностно-ориентировочную деятельность, устанавливая предметы соответствующих потребностей, цели, и подбирая способы их достижения. В результате проведенной педагогом работы по организации ситуации успеха в учебно-познавательной деятельности старшеклассник постепенно приходит к мысли об ответственном отношении к познанию как универсальном способе достижения своих многоплановых целей. С помощью такого общего механизма, конкретизируемого педагогами в моделях-проектах учебных курсов и исполнимых моделях, конструируется и управляется мотивация ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности.

Анализ психолого-педагогических процессов, влияющих на формирование мотивации ответственности, позволил выделить три качественных уровня проявления ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности.

1 уровень (низкий) – предполагает, что у старшеклассника проходит накопление и развитие личностного опыта и эмоционально-ценностного компонента мотивации ответственности; мотивация ответственности в познании проявляется слабо, ситуативно, в зависимости от внешнего контроля;

2 уровень (средний) – представляет собой целенаправленное обогащение эмоционально-ценностного и содержательно-смыслового компонентов мотивации ответственности; мотивация ответственного отношения умеренная, обучающийся «учится» проявлять ответственное отношение, осваивает его техническую сторону, поэтому при желании быть ответственным само отношение проявляется ситуативно.

3 уровень (высокий) – имеет своей целью доведение компонентов мотивации ответственности до более высокого уровня; мотивация ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности проявляется систематически, школьник умеет управлять им произвольно.

В экспериментальной проверке теоретических положений участвовало 340 школьников из учебных заведений г. Мичуринска, Мичуринского и Мордовского районов Тамбовской области. Формирование мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности проводилось по линии привития мотивационно-ценностных ориентаций и потребностей, отвечающих направленности образовательного процесса. Для этого в разработанные нами программы воспитания ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности включались разделы, ориентированные на формирование у учащихся мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности. В процессе их реализации (с использованием бесед, дискуссий, экскурсий, встреч) у учащихся формировались теоретические представления о личностной ценности ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности, ее компонентах, поведенческих проявлениях. Практическую сторону составили само- и взаимоисследования старшеклассников с помощью специализированных методик (опросник В.П. Прянина, А.И. Крупнова; модифицированная методика личностного дифференциала, адаптированная НИИ им. В.М. Бехтерева и др.). Также школьники обучались приемам самоуправления и самоконтроля в учебно-познавательной деятельности; каждым велись «Дневники ответственности», в которых фиксировались собственные достижения и неудачи, отслеживалась динамика становления мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности; как дополнительный мотиватор использовался «Календарик-пинарик» Д. Литвака, представляющий собой разновидность календарной формы планирования. В ходе проведенной экспериментальной работы. Результаты представлены в таблице 1.

Проведенная экспериментальная работа привела к положительным изменениям в структуре мотивации ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности. Так в экспериментальной группе количество учащихся с высоким уровнем сформированности эмоционально-ценностного компонента мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности увеличилось на 56,1 %; содержательно-смыслового – на 58,5 %; созидающего – на 44,4 %. В контрольной группе наблюдалось небольшое улучшение лишь в динамике эмоционально-ценностного компонента мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности – на 0,3 %. Среди мотивов ответственного отношения к по-

Таблица 1

Результаты экспериментальной работы по развитию мотивации ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности

Компоненты мотивации ответственного отношения к учебной деятельности	Уровни их проявления	Соотношение по частоте проявления (в %)			
		экспериментальная группа		контрольная группа	
		до экспер.	после экспер.	до экспер.	после экспер.
Эмоционально-ценностный	высокий	26,8	82,9	26,5	26,8
	средний	60,0	5,0	59,4	60,6
	низкий	13,2	12,1	14,1	12,6
Содержательно-смысловой	высокий	12,1	70,6	11,5	11,5
	средний	54,7	15,3	55,3	55,9
	низкий	33,2	14,1	33,2	32,6
Созидающий	высокий	12,1	56,5	11,5	10,9
	средний	31,5	31,2	44,1	28,5
	низкий	56,5	12,4	44,4	60,6

знанию у старшеклассников экспериментальной группы стали преобладать внутренние. В условиях положительной мотивации ответственного отношения к учебно-познавательной деятельности познавательная ответственность приобретала для учащихся личностный смысл и становилась предметом удовлетворения познавательной потребности. Приведенная статистика подтверждает тот факт, что при реализации воспитания ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности целесообразно опираться на социальные познавательные мотивы, связанные с выбором профессии и творческих достиже-

ний, а также мотивы личного престижа. Нужно также отметить, что вопреки нашим ожиданиям, проводимая воспитательная работа вызвала почти мгновенный положительный отклик со стороны большинства учащихся, за исключением тех, кто не определился с выбором будущей профессии. Таким образом, все изложенное выше указывает на взаимосвязь успешного формирования мотивации ответственного отношения к учебе и привития обучающимся необходимых социальных ценностных ориентаций на ответственное отношение к познанию и учебе посредством совершенствования их деятельности и сознания.

Библиографический список

1. Монахов, В.М. Введение в теорию педагогических технологий: монография. – Волгоград, 2006.
2. Шадриков, В.Д. Введение в психологию: мотивация поведения. – М., 2003.
3. Айсмонтас, Б.Б. Педагогическая психология: схемы и тесты. – М., 2004.

Bibliography

1. Monakhov, V.M. Vvedenie v teoriyu pedagogicheskikh tekhnologiy: monografiya. – Volgograd, 2006.
2. Shadrikov, V.D. Vvedenie v psikhologiyu: motivaciya povedeniya. – M., 2003.
3. Ajysmontas, B.B. Pedagogicheskaya psikhologiya: skhem i testih. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 378 (075.8)

Pashtaev B.D. STUDY OF THE UNIVERSITY TEACHER READINESS FOR INNOVATION AND COMMERCIAL ACTIVITY. On the Basis of the theoretical analysis of the psychological and educational literature and studies, the data on the readiness of university teachers for innovation and commercial activity is obtained. The conclusion about the necessity of preparing the university teachers for this type of activity is drawn.

Key words: readiness, readiness for activity, readiness of the university teacher for innovation and commercial activity, the components of readiness for innovation and commercial activity.

Б.Д. Паштаев, канд. пед. наук, доц., зав. каф. высшей математики Дагестанского гос. аграрного университета, г. Махачкала, E-mail – bulat-625@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА К ИННОВАЦИОННО-КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье, на основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы и проведенных исследований, получены данные о готовности преподавателей вузов к инновационно-коммерческой деятельности. Делается вывод о необходимости подготовки преподавателей вузов к данному виду деятельности.

Ключевые слова: готовность, готовность к деятельности, готовность преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности, компоненты готовности к инновационно-коммерческой деятельности.

Эффективность инновационно-коммерческой и в целом профессиональной деятельности преподавателя современного вуза зависит от множества факторов, которые сложно поддаются учету. Данное высказывание подтверждает анализ имеющейся на настоящий момент научно-педагогической и научно-психологической литературы, который показал, что, несмотря на разнообразие подходов в исследованиях, посвященных изучению вопросов готовности к деятельности, подготовки к деятельности, данная проблема имеет много неопределенностей, особенно в части выявления зависимости в диалекте «готовность к деятельности ! эффективность деятельности».

Понятие «готовность» ввел в научный оборот Б.Г. Ананьев [1]. Большинство исследователей согласны с тем, что готовность – это психологическая категория, отражающая определенное состояние личности. Однако до сих пор в психолого-педагогической науке нет единой трактовки определения готовности и единого понимания ее структуры. Так, в работах А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского готовность трактуется как «активно-действенное состояние личности, установка на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения задачи. Для готовности к действию нужны знания, умения, навыки, настроенность и решимость совершать эти действия» [2, с. 494].

Исследователи Л.А. Кандыбович и М.И. Дьяченко под готовностью понимают личностное образование, которое включает положительное отношение к профессии и достаточно устойчивые мотивы деятельности, черты характера, адекватные профессиональным требованиям, специальные способности, особенности восприятия, памяти, внимания, мышления, эмоционально-волевых качеств [3].

Если говорить о педагогической деятельности, то, например, Т.А. Синьковская считает, что готовность к ней – это совокупность свойств и качеств личности педагога, адекватно отражающая структуру его педагогической деятельности. Она считает готовность к педагогической деятельности решающим условием быстрой адаптации выпускника педагогического вуза к условиям педагогического труда и предпосылкой дальнейшего профессионального совершенствования. И.Ф. Кашлач полагает, что профессиональная готовность включает в себя профессиональную пригодность и подготовленность к педагогической деятельности [4].

Опираясь на приведенные выше высказывания, можно предположить, что состояние готовности преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности – это одно из профессионально-личностных новообразований, заключающееся в состоянии личности преподавателя, обеспечивающем умение сохранять эффективность профессиональной деятельности в условиях диверсификации модели вуза и вхождения системы высшего образования в рыночные отношения.

Исследуя структуру профессиональной готовности, мы обратились к модели, предложенной Н.П. Клушиной [5] и, опираясь на нее, мы предложили следующий компонентный состав готовности преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности:

- мотивационный компонент готовности (осознание значимости поставленных инновационных и коммерческих задач, положительный эмоциональный настрой на инновационно-коммерческую деятельность, гибкость мышления, креативность, творчество, открытость, стремление к педагогическому взаимодействию с коллегами и студентами при решении новых задач);
- когнитивный компонент готовности (обладание системой теоретических и практических знаний о сущности, содержании, направленности инновационно-коммерческой деятельности преподавателя современного вуза, ее целях, видах и формах);
- деятельностный компонент готовности (наличие у преподавателя вуза сформированных умений и навыков инновационно-коммерческой деятельности, активное вовлечение в эту деятельность студентов и коллег, построения научного и образовательного процесса в вузе с учетом его ориентации на рыночные отношения).

Мы считаем также, что исследование проблемы готовности преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности «ложится в лоно» компетентностного подхода, поскольку компетентностный подход предполагает новую логику организации профессионального образования, а именно логику решения задач и проблем не столько индивидуального, сколько группового, коллективного характера. Отсюда, акцент в деятельности преподавателя вуза на прикладные (востребованные рынком) научные исследования и высокое качество оказания образовательных услуг.

Таким образом, высшая степень готовности преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности – это сформированность определенного уровня одного из компонентов его профессиональной компетентности, которая наступает в результате не только приобретения преподавателем определенных знаний и умений, но и в результате применения их на практике.

Проведенный нами анализ содержания образовательно-профессиональных программ, которые используются в вузах для подготовки будущих высококвалифицированных кадров, а также анализ локальных нормативных документов вузов, учебно-программной документации образовательных учреждений республики Дагестан позволяет сделать вывод о том, что в учебном процессе вузов подготовка к инновационно-коммерческой деятельности практически не осуществляется.

Следствием этого является низкая подготовленность (и низкая готовность) преподавателей к осуществлению инновационно-коммерческой деятельности в научно-образовательном пространстве современного вуза.

Исследования уровня вышеназванной готовности преподавателей, проведенные нами в ряде вузов г. Махачкала выявил,

что только 2% из них имеют высокий уровень готовности, 12% – средний и, абсолютное большинство, 86% – низкий, что свидетельствует о недостаточной разработанности научных основ подготовки преподавателей вузов к инновационно-коммерческой деятельности и актуальности заявленной темы исследования.

Результаты проведенных опросов, с использованием специально составленных нами анкет, говорит о том, что более 90% преподавателей вузов слабо владеют понятийным аппаратом, связанным с инновационно-коммерческой деятельностью. Более того, у преподавателей, сформировалась отстраненная позиция по отношению к данному виду деятельности. Таким образом, можно сделать вывод и о низком уровне когнитивного компонента готовности преподавателей вузов к инновационно-коммерческой деятельности.

Преподаватели вузов испытывают затруднения: в определении целей и задач, выборе содержания инновационно-коммерческой деятельности (97%); в организации данного вида деятельности (96%); в выборе направления инновационно-коммерческой деятельности (64%); в оценке собственных потенциальных возможностей в данной деятельности (76%); в формулировке «бизнес-идей» или «инновационных предложений» (88%); в умении описывать, объяснить, прогнозировать свою деятельность (т.е. позиционировать себя) на рынке интеллектуальных разработок (96%).

При низком уровне сформированности данного компонента готовности у преподавателя вуза отсутствуют знания и умения, необходимые для ведения инновационно-коммерческой деятельности, и, как правило, преподаватель не стремится к овладению ими. При среднем уровне знаний и сформированности умений преподаватель проявляет их только в отдельных ситуациях, и применяемые методы и приемы не отличаются разнообразием и низкоэффективны. Когда знания и умения преподавателей сформированы на высоком уровне, то они используются сознательно и самостоятельно, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к данной подготовке со стороны рынка научно-образовательных услуг и аккредитационных показателей для вузов, но, к сожалению, доля таких преподавателей очень мала.

Эти данные были использованы нами при разработке разноразмерных проблемно-модульных программ подготовки студентов, аспирантов и преподавателей вуза к инновационно-коммерческой деятельности.

Таким образом, инновации как процесс эволюционный, не поддаются мгновенному директивному запуску, из чего следует важная роль и значение подготовки людей, их образования и воспитания в целях изменений. Именно поэтому одним из важнейших элементов современного инновационного общества является инновационная грамотность и культура, которые в свою очередь предполагают особую политику, свои стратегические ориентиры. К принципиальной составляющей инновационной культуры следует отнести трудовую мораль. Исключительный пример здесь демонстрирует Япония, где всеобъемлющим является движение «кайдзен» – постоянное совершенствование во всех областях и на всех уровнях [6].

Аксиоматическим становится положение, что всегда проигрывает тот, кто медленно реагирует на перемены. В то же время человеку одновременно присуще (в этом диалектика): а) боязнь перемен, и б) стремление к совершенству.

На эффективность профессиональной деятельности преподавателя вуза оказывает влияние ряд факторов и условий: внешних и внутренних, социальных, культурных, исторических, рыночных и др. Главным фактором, обеспечивающим эффективность профессиональной деятельности преподавателя вуза в сфере инновационно-коммерческой деятельности будет являться его готовность к работе в этой сфере – личностно-профессиональное новообразование, заключающееся в состоянии личности, обеспечивающем умение сохранять эффективность профессиональной деятельности в условиях, меняющихся под влиянием конъюнктуры рынка.

Готовность преподавателя к инновационно-коммерческой деятельности, заключающаяся в умении быстро и адекватно реагировать на изменения рынка научно-образовательных услуг и, таким образом, сокращать затраты (временные, эмоциональные, ресурсные и пр.) на достижение целей профессиональной деятельности, обнаруживает прямую корреляцию с эффективностью инновационно-коммерческой деятельности.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968.
2. Психологический словарь / под ред А.В. Петровского. – М., 1990.

3. Дьяченко, М.И. Психология высшей школы: особенности деятельности студентов и преподавателей вуза / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск, 1978.
4. Кашлач, И.Ф. Подготовка будущих учителей к развитию логической памяти учащихся общеобразовательных учреждений: автореф. дис. ...канд. пед. наук. – СПб., 2006.
5. Клушина, Н.П. Методическое обеспечение профессиональной подготовки специалистов социальной работы. – Ставрополь, 2001.
6. Мельникова, Е.В. Улучшения в стиле кайдзен // Методы менеджмента качества. – 2007. – № 3.

Bibliography

1. Ananjev, B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. – L., 1968.
2. Psikhologicheskij slovarj / pod red A.V. Petrovskogo. – M., 1990.
3. Djyachenko, M.I. Psikhologiya vihshey shkolih: osobennosti deyatel'nosti studentov i prepodavateley vuza / M.I. Djyachenko, L.A. Kandibovich. – Minsk, 1978.
4. Kashlach, I.F. Podgotovka budutikh uchiteley k razvitiyu logicheskoy pamyati uchastikhshya obtheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: avtoref. dis. ...kand. ped. nauk. – SPb., 2006.
5. Klushina, N.P. Metodicheskoe obespechenie professional'noy podgotovki specialistov social'noy rabot. – Stavropolj, 2001.
6. Melnikova, E.V. Uluchsheniya v stile kayjzen // Metodih menedzhmenta kachestva. – 2007. – № 3.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 37.013

Petrova N. PEDAGOGICAL WORKSHOPS AS A MEANS OF ENHANCING COGNITIVE INTEREST SCHOOLCHILDREN. In the article shows potential of pedagogical workshops during the process of enhancing cognitive interest pupils in lessons.

Key words: cognitive interest, pedagogical workshops, High School Students.

Н.Ф. Петрова, д-р пед. наук, проф. каф. «Клиническая психология» ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», г. Ставрополь, E-mail: klinpsych@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ШКОЛЬНИКОВ

В статье показаны возможности педагогических мастерских в процессе активизации познавательного интереса школьников на уроках.

Ключевые слова: познавательный интерес, педагогические мастерские, школьники.

В настоящее время в образовательных учреждениях вводятся инновационные формы организации учебного процесса. Все они, в той или иной степени, направлены на активизацию познавательного интереса школьников. Как отмечала Г.И. Щукина [1], познавательный интерес – избирательная направленность личности на предметы и явления окружающие действительность. Эта направленность характеризуется постоянным стремлением к познанию, к новым, более полным и глубоким знаниям. Систематически укрепляясь и развиваясь, познавательный интерес, становится основой положительного отношения к учению. Познавательный интерес носит поисковый характер. Под его влиянием у человека постоянно возникают вопросы, ответы на которые он сам постоянно и активно ищет. При этом поисковая деятельность совершается с увлечением, он испытывает эмоциональный подъем, он испытывает эмоциональный подъем, радость от удачи. Познавательный интерес положительно влияет не только на процесс и результат деятельности, но и на протекание психических процессов – мышления, памяти, внимания, которые под влиянием познавательного интереса приобретают особую активность и направленность.

Одной из эффективных технологий, используемых в организации нетрадиционных уроков, является педагогическая мастерская.

Следует отметить, что тенденции развития современных образовательных технологий напрямую связаны с гуманизацией образования, способствующей самоактуализации и самореализации личности. В документах ЮНЕСКО технология обучения рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учётом технических, человеческих ресурсов и их взаимодействия [2].

На смену отдельным формам и методам активного обучения, делающим процесс обучения разрозненным на части, приходят целостные образовательные технологии вообще и технологии обучения, в частности. Технологичность учебного процесса состоит в том, чтобы сделать учебный процесс полностью управляемым.

Эта необычная система обучения была разработана французскими педагогами–представителями ЖФЕН – «Французской группы нового образования». У истоков движения стояли психологи П. Ланжевэн, Анри Валлон, Жан Пиаже и др. [3].

Педагогическая мастерская – это такая форма обучения детей и взрослых, которая создает условия для восхождения каждого участника к новому знанию и новому опыту путем самостоятельного или коллективного открытия. Основой открытия в любой сфере знаний, включая самопознание, в мастерской является творческая деятельность каждого и осознание закономерностей этой деятельности.

Другой особенностью мастерской является реализация идеи диалога во всех его аспектах. Происходит обмен мнениями, знаниями, творческими находками между участниками мастерской, чему содействует чередование индивидуальной, групповой деятельности и работы в парах. Концептуальные основы организации педагогической мастерской представлены в таблице 1.

Технология педагогических мастерских является эффективным средством активизации учащихся на уроке, так как она предполагает активность всех учащихся на каждом его этапе. Алгоритм деятельности в мастерской зависит от ее вида. Мастерская построения знаний имеет не менее двух этапов и строится по определенному плану.

Первый этап: предъявление творческого задания с последующим его решением.

Индуктор – первое задание в мастерской, мотивирующее дальнейшую деятельность участников. Есть два необходимых условия такого задания. Во-первых, оно должно актуализировать личный опыт каждого, связанный, так или иначе (иногда парадоксально), со смыслом дальнейшей деятельности. Во-вторых, задание должно предоставить известный выбор участнику, что создает интерес, внимание, некоторое бессознательное недоумение, а иногда раздражение. Это психологически готовит к дальнейшему движению творческой мысли.

Создание творческого продукта индивидуально или в групповом взаимодействии. Обычно основано на **деконструкции** и **реконструкции**. Деконструкция – разрушение, разъединение, рассогласование избранных для работы материалов. Реконструкция позволяет из полученных разрозненных частей, единиц создать целое новое явление, представление, знание, которое необходимо предъявить группе или всем участникам мастерской.

«Социализация» – предъявление созданного продукта всем участникам (афиширование и чтение текстов, выставка рисунков и т. п.), соединение индивидуальных результатов, коллек-

Таблица 1

Концептуальные основы организации педагогической мастерской

№	Принцип и основные правила организации	Его содержание
1.	Равенство всех участников, включая мастера – руководителя мастерской.	Мнение каждого участника мастерской одинаково ценно для всех.
2.	Право каждого на ошибку.	В процессе проведения мастерской ошибки не критикуются, каждому предоставляется право её исправить или осознать.
3.	Безоценочная деятельность.	В процессе проведения мастерской все высказанные идеи не критикуются; создаются условия эмоционального комфорта и творческой раскованности, реализуются принципы «педагогики успеха». Оценка заменяется самооценкой и самокоррекцией.
4.	Предоставление свободы в рамках принятых правил.	Реализуется, во-первых, в праве выбора на разных этапах мастерской (обеспечивается руководителем); во-вторых, в праве не участвовать в работе на этапе «предъявления продукта»; в-третьих, в праве действовать по своему усмотрению, без дополнительных разъяснений руководителя.
5.	Значительный элемент неопределенности, неясности, даже загадочности в заданиях.	Неопределенность порождает, с одной стороны, интерес, а с другой – психологический дискомфорт, желание выйти из него и таким образом стимулирует творческий процесс. Так же как право выбора обеспечивает ощущение внутренней свободы.
6.	Диалоговость как главный принцип взаимодействия, сотрудничества, сотворчества.	Диалог с научным или художественным авторитетом – необходимое условие личностного освоения элементов культуры, условие восхождения к новым истинам. Диалог создает в мастерской атмосферу постижения любого явления с разных позиций, в разных «цветах», которые лишь совместно дают ощущение «радуги» мира.
7.	Организация и перестройка реального пространства, в котором работает мастерская, в зависимости от задачи каждого этапа.	Выделение отдельных мест для индивидуальной работы, создание возможности быстрого представления творческого продукта каждого или целой группы, пространство для импровизаций, пантомим и т.д. Такая организация содействует появлению чувства свободы.
8.	Ограничение участия, практической деятельности мастера, руководителя как авторитета на всех этапах мастерской.	Мастер не ставит вопросы, и не отвечает на них, В ряде случаев он может включиться в работу «на равных» с учащимися – например, в мастерской творческого письма. Каждая мастерская для руководителя — поле диагностики, на основе которой создается новая мастерская или включаются другие необходимые формы работы.

тивная работа. Социализация позволяет понять направление, способы деятельности других участников, соотнести результаты, оценить идеи и гипотезы.

Промежуточная рефлексия и самокоррекция деятельности. Формирование информационного запроса со стороны учащихся (выстраивание новых проблем).

Второй этап: обращение к новой информации и ее обработка.

Корректировка творческого продукта или создание нового варианта версии, гипотезы и т. п. Групповая или индивидуальная работа. Социализация. Общая рефлексия и выход на новую систему проблем.

Возможны иные варианты алгоритма работы при соблюдении общих принципов и правил ведения мастерской.

Мастерская, так же как и урок, предполагает изучение новой информации, но в отличие от урока новая информация представляется в мастерской по мере поступления запроса на нее от самих участников в тот момент, когда возникает инфор-

мационное голодание. Самые разнообразные педагогические приемы работы с информацией – от элементов игры до работы со словарем – могут быть включены в мастерскую. Но все это в рамках правил и определенного алгоритма мастерской.

Таким образом, помимо активизации познавательного интереса, технология педагогических мастерских позволяет решить задачи:

- создание положительной учебной мотивации: повышение интереса к процессу обучения и активного восприятия учебного материала;
- повышение функциональной грамотности и креативности: навыков и умений творческого постижения и осмысления нового знания;
- повышение культуры речи: навыков аргументированного говорения и письма;
- формирования социальной компетентности: коммуникативных навыков и ответственности за знание.

Библиографический список

1. Щукина, Г. И. Роль деятельности в учебном процессе. – М., 1986.
2. Чупрасова, В.И. Современные технологии в образовании. – Владивосток, 2008.
3. Педагогические мастерские Франция – Россия / под ред. Э.С. Соколовой. – М., 1997.

Bibliography

1. Thukina, G. I. Rolj deyatel'nosti v uchebnoy processe. – M., 1986.
2. Chuprasova, V.I. Sovremennye tekhnologii v obrazovanii. – Vladivostok, 2008.
3. Pedagogicheskie masterskie Franciya – Rossiya / pod red. Eh.S. Sokolovoy. – M., 1997.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 372.881.1: 371.13

Skibitsky E.G., Skibitskaja I.U. THE FORMING TERMINOLOGICAL KNOWLEDGE STUDENTS NONLANGUAGE AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION. The scientific approach for terminological knowledge students nonlanguage at higher educational institution are show. The pedagogical instrument are described. The description complex approach are give. The peculiarity for terminological knowledge students are discerned.

Key word: *lingvisticprofessional training, terminological knowledge, pedagogical instrument, complex approach, development, approaches, terminology, active methods, didactic material, forming, process.*

Э.Г. Скибицкий, д-р пед. наук, проф., *Сибирская академия финансов и банковского дела, г. Новосибирск, E-mail: skibit@yandex.ru*; **И.Ю. Скибицкая**, канд. пед. наук, доцент, *Сибирская академия финансов и банковского дела, г. Новосибирск, E-mail: iriza-s@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

В статье показан научный подход к формированию терминологических знаний студентов неязыковых вузов. Описан педагогический инструмент. Дана характеристика комплексного подхода. Рассмотрены особенности формирования терминологических знаний студентов.

Ключевые слова: лингвопрофессиональная подготовка, терминологические знания, педагогический инструмент, комплексный подход, разработка, подходы, терминология, активные методы, дидактические материалы, формирование, процесс.

Модернизация системы высшего профессионального образования потребовала применения инновационных моделей, построенных на основе компетентностного и субъектного подходов. Они обеспечивают высокий уровень подготовки специалистов, владеющих современными знаниями, умениями и опытом по различным областям науки.

Проблема формирования терминологических знаний студентов неязыковых учебных заведений является актуальной для профессионального обучения, поскольку именно во время обучения формируются основы профессионального языка, уровень усвоения которого является показателем основательной подготовки специалиста к будущей профессиональной деятельности.

Как показали наши исследования, владение специалистом терминологическими знаниями является неперенным условием достижения высоких результатов в профессиональной деятельности. Терминологические знания и умения определяются нами как способность специалиста вести профессиональную деятельность в профессиональной среде; навыки употребления терминов в профессиональном общении.

Для подтверждения важности знания профессиональной терминологии в изучаемой области науки можно привести слова известного немецкого языковеда Гуго Шухардта, который говорил: «Неясность терминологии также опасна, как туман для мореплавателя» [1].

В VI веке до н.э. Конфуций развил свою лингвистическую теорию. «Если названия неправильны, то слово не достигает своей цели. А если, слово не достигает цели, то ничего нельзя сделать правильно. ... Следовательно, если кто-то что-то задумал, то должен понятно объяснить задуманное. Там, где людей связывает язык, огромное значение имеет точность. Не должно оставаться ничего, что могло бы породить неправильное толкование» [2].

В настоящее время для студента, обучающегося в неязыковом вузе, приоритетным является вопрос: как овладеть профессиональным языком, терминологией в своей области знаний? Современный рынок труда требует, чтобы выпускники неязыковых вузов были не только профессионалами в определенной области профессиональной деятельности, но и глубоко эрудированными специалистами, имеющими основательную языковую подготовку: уметь логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь; целенаправленно применять профессиональный язык в практической деятельности, составлять личные деловые документы (автобиография, заявления, объяснительные записки и др.), планы, тезисы, конспекты на материалах учебных текстов общеобразовательных наук и дисциплин профессионального цикла.

Выражение Л.Б. Ткачевой о том, что изучение профессионального языка – «путь к освоению специальности», важно не только для студентов, но и для преподавателей, следовательно, необходимо учесть его при разработке учебной программы и комплекса заданий по данному профилю. Человек, не владеющий терминологической базой в области своей профессиональной ориентации, не может называться компетентным специалистом» [3]. Процесс коммуникации в любой профессиональной сфере, будет качественным только в случае полного взаимопонимания обеих сторон [4].

Для разрешения этой сложной и многоаспектной проблемы мы провели анкетирование студентов трех вузов (в опросе участвовало 145 чел.) с целью выяснения причин, затрудняющих изучение профессионального языка и терминологии. К таким причинам студенты отнесли: недостаточность времени на изучение речеведческих дисциплин; затруднения, связанные: с пониманием иноязычной терминологии при чтении профессионального текста; применением некоторых орфографических правил для изучения иноязычной терминологии; грамотным написанием иноязычной терминологии и др. Следовательно, анализ вышеуказанных причин позволяет сделать выводы о том, что речеведческие дисциплины необходимо изучать на каждом этапе обучения в вузе в комплексе с другими учебными дисциплинами.

Изучение психолого-педагогической, методической, лингвистической, экономической и технической литературы, а также опыта современных вузов различного профиля свидетельствует, что усвоение терминологических знаний недостаточно полно рассматривается в процессе обучения как отдельный компонент подготовки специалиста. Кроме того, нам не встретилась работа, где бы рассматривался вопрос комплексного подхода к лингвопрофессиональной подготовке будущих специалистов в неязыковом вузе.

Под лингвопрофессиональной подготовкой мы понимаем целенаправленный процесс, направленный на формирование лингвопрофессиональной компетентности студентов неязыковых вузов при изучении речеведческих и специальных дисциплин, необходимых для результативного осуществления в будущей профессиональной деятельности.

Под лингвопрофессиональной компетентностью студентов неязыковых вузов мы понимаем способность владения ими методами и средствами грамотного употребления языка профессии, который является инструментом взаимодействия специалистов в процессе совместной деятельности и позволяющего им ориентироваться в профессиональной области, успешно решать различные практические задачи.

Наши исследования показали, что для результативного решения вопросов лингвопрофессиональной подготовки студентов неязыковых вузов необходимо разработать педагогический инструмент, представляющий собой совокупность инструментов (средств), которыми владеет преподаватель в процессе подготовки студентов. В его структуру входят взаимосвязанные интегрированные курсы, технология и научно-методическое сопровождение. Он создан на основе комплексного подхода и с учетом современных достижений в области педагогики, психологии, лингвистики, эргономики, экономики, информатики и других сфер знаний для решения определенных педагогических задач. Обращение к данным различным наук (педагогика, психология, эргономика, лингвистика, информатика и др.), использование разнообразных подходов и теорий является специфическим методологическим требованием и составной частью комплексного подхода. Он предусматривает одновременное по единой программе рассмотрение структурно-функциональных и причинных связей в соответствии с возможностями (интеллектуальными, педагогическими, экономическими, техническими, программными и пр.) педагогического инструментария.

Комплексный подход – междисциплинарное, на основе общей программы, изучение возможностей совокупности научных подходов, теорий и принципов, которые влияют на поэтапную разработку целостного педагогически полезного инструментария в виде образовательной среды. При этом на каждом этапе всесторонне учитываются особенности взаимодействия взаимосвязанных компонентов педагогического процесса, интеллектуальные возможности участников педагогического процесса и разнотипные факторы, влияющие на результативность решения этой задачи.

Разработка педагогического инструментария является многоаспектным процессом и рассматривается как систематическое использование научных подходов и принципов, направленных на его создание. В основу комплексного подхода положены принципы всеобщности связи, единства противоположностей, всесторонности, конкретности и др. В последнее время в теории и практике отечественной педагогики, психологии и лингвистики комплексный подход получил обоснование как один из ведущих принципов. Кроме того, разработка педагогического

инструментария требует создания регулятивов этого процесса, в качестве которых выступают принципы. К таким принципам, учитывающим специфику разработки педагогического сценария, относятся: фундаментальность, профессиональная направленность, целостность, концептуальность, интегративность, полезность, эргономичность, информационная поддержка технологичности обучения, непрерывное научно-методическое сопровождение инструментария и оптимальность.

При разработке методологических, теоретических, нормативных и методических положений комплексного подхода использовались *системно-деятельностный, интегративно-развивающий, индивидуально-дифференцированный и контекстно-модульный подходы*.

Использование **системно-деятельностного подхода** дает возможность рассматривать педагогический инструментарий как систему – совокупность компонентов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, а развитие личности в этой системе достигается в результате целенаправленной результативной деятельности участников процесса обучения (преподавание и учение). Кроме того, при разработке педагогического инструментария учитывались аспекты системного подхода: элементный, структурный, функциональный, интегративный, коммуникативный и исторический. Деятельностный подход реализуется на основе технологической цепочки педагогических действий, операций и коммуникаций, выстраиваемой строго в соответствии с целевыми установками, имеющими форму конкретного ожидаемого результата при изучении тех или иных учебных дисциплин с применением педагогического инструментария.

Интегративно-развивающий подход предполагает главенство интегративных и синтезирующих тенденций и способствует формированию целостных представлений о картине мира как единого процесса и явления. Интеграция знаний на основе междисциплинарных связей дает возможность охватить как линейные связи по горизонтали, так и точечные по вертикали, уловить не только последовательность, но и одновременность этих связей и воссоздать видение любых проблем, ситуаций и явлений на новом, более высоком, уровне – во всей их полноте, многогранности и многоаспектности. Развивающий эффект реализуется при отборе, систематизации, структурировании и представлении содержательной учебной информации (теоретической и практической) студентам в структуре изучаемых учебных дисциплин и активной учебной работе с ней. Современные курсы, основанные на интеграции различных методов и содержания разных наук, способствует целостному восприятию мира, формированию системных знаний и приросту креативности интеллектуального потенциала личности студента.

Индивидуально-дифференцированный подход представляется оптимальным, так как сфокусирован на личности студента. Индивидуализация рассматривается с точек зрения построения процесса обучения (отбор методов, средств и организационных форм) и содержания образования (подбор, структуризация и представление содержательной учебной информации, составление учебно-профессиональных разноуровневых задач, предъявляемых студентам). Основным принципом дифференциации выступает дифференцированная оперативная методическая помощь студентам в решении их проблем, связанных с успешностью в учебной деятельности, с общением, со стороны педагога, в зависимости от их уровня подготовленности и особенностей, его личностных качеств. Кроме того, подбор и структуризация содержательной учебной информации осуществляется с учетом специфики учебной дисциплины, имеющегося времени на ее изучение, вида занятий, а также соответствия содержания имеющегося дидактического обеспечения и материально-технической базы учебного заведения.

Использование **контекстно-модульного подхода** обеспечивает моделирование дисциплинарного содержания усваиваемой будущей профессии. При этом формирование профессионально важных качеств специалиста осуществляется в логике технологического процесса от собственно учебной работы (лекция, семинар и др.) через квазипрофессиональную (тренинги, игровые формы и др.) и учебно-профессиональную (научно-исследовательская работа студентов, практические занятия, производственная практика и др.) к непосредственно будущей профессиональной деятельности студента. Контент учебной дисциплины в интегрированном курсе представляется в виде взаимосвязанных законченных в смысловом отношении модулей, структура которых обусловлена профессионально ориентированной тематикой по той или иной области знаний, моделирующая будущую профессиональную деятельность студентов, а усвоение абстрактных знаний как знаковых систем наложено

на канву этой деятельности. В модулях четко определены цели и конкретные задачи обучения, профессиональные компетенции, которыми должен овладеть студент. Применение данного подхода позволяет заранее программировать последовательность изучения содержания учебной дисциплины, усвоение основной терминологии, устанавливать уровень усвоения и виды контроля. Реализация контекстно-модульного подхода способствует оптимальной активности и гибкости обучения, поддержанию постоянной мотивации студентов, приспособлению к их индивидуально-типологическим особенностям и интеллектуальным возможностям, организации непрерывного мониторинга и целенаправленной самообразовательной деятельности. В процессе реализации данного подхода преподаватель выполняет помимо информирующих и контролирующих функций еще и функции консультанта и координатора.

Построенный на основе комплексного подхода педагогический инструментарий обеспечивает формирование терминологических знаний студентов неязыковых вузов.

Как показали наши исследования (в течение 7 лет), в профессиональной сфере применяется большое количество иноязычной терминологии, что вызывает определенные трудности ее усвоения и понимания студентами. Наблюдения за их учебной работой показывают, что студенты проявляют к будущей профессиональной деятельности постоянный интерес. С этой целью мы разработали специальный курс (спецкурс) «Терминоведение», позволяющий формировать лингвопрофессиональные компетенции студентов, а также прививать умения и навыки грамотного употребления терминологии в будущей профессиональной деятельности. В работе [5] терминоведение трактуется как наука, изучающая специальную лексику с точки зрения её типологии, происхождения, формы, содержания (значения) и функционирования, а также использования, упорядочения и создания. Начало терминоведения связано с именами австрийского ученого Ойгена Вюстера и отечественного терминоведа Дмитрия Семеновича Лотте, опубликовавших первые работы в 1930 г. В настоящее время разработкой теоретических проблем терминоведения занимается ряд национальных школ – австрийско-немецкая, франко-канадская, российская, чешская – различающихся подходами и аспектами рассмотрения специальной лексики. Ведущей по масштабам и значимости исследований является российская школа, результаты работы которой нашли отражение в свыше 2.300 успешно защищенных диссертаций и развитой терминологии, насчитывающей около 3,5 тысяч терминов. Среди известных представителей современного русского терминоведения – О.С. Ахманова, С.В. Гринев, В.А. Татарин. В России терминоведов объединяет Российское терминологическое общество «РоссТерм».

Спецкурс «Терминоведение» носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер. Поскольку профессиональные термины представляют собой наиболее подвижный пласт лексики, подверженный постоянному и интенсивному обогащению, а подчас и изменению, поэтому так важна продуманная системная деятельность преподавателя и применение им различных технологий обучения студентов. Для достижения лингводидактических целей преподаватель должен иметь представление о специфике материала (например, общетехнической лексики и терминологии), которому он будет обучать; средствах обучения (например, комплекс упражнений, включающих работу со словарными дефинициями терминов, тестовые материалы); учитывать индивидуально-типологические особенности и интеллектуальные возможности студентов; совершенствовать свои знания в области терминологии.

Наш опыт показал, что на начальном этапе изучения раздела учебной дисциплины важно рассматривать более простые термины, затем, на их основе переходить к более сложным определениям и так далее до построения целостных систем терминов и изучения их сложносоставных элементов.

В начале изучения любого блока (тема, раздел) информации необходимо ознакомить студентов с используемой в нем терминологией. Зная толкование термина, студент значительно легче поймет взаимосвязанность научных понятий и составит своего рода глоссарий изученных терминов, в который также войдут лексические значения терминов и морфемный анализ каждого из них. Для самообразовательной деятельности студентов им приводится список литературы. Это позволяет студентам запоминать толкование данного термина и его правописание, расширять свои знания. Кроме того, исследования показали, что такой подход к обучению позволяет формировать у студентов орфографическую зоркость и навыки целенаправленного применения технических терминов в их профессиональной деятель-

ности. При этом методика обучения терминологии должна быть рациональной и оптимальной, чтобы не приводить к перенасыщению информацией и потере познавательного интереса у студентов. Поэтому содержательную учебную информацию необходимо разбивать на отдельные блоки, последовательность освоения которых не должна быть хаотична, а подчинена принципам достаточной информативной преемственности и лингвистического развития. Каждая последующая часть должна являться логическим продолжением предыдущей, а переход к новой части осуществляться только после «зачета» предыдущей (проверки понимания дефиниции термина и умения применять его в конкретной ситуации речевого общения).

Кроме того, использование активных форм в процессе изучения терминологии помогает развить у студентов интерес к владению терминологическими знаниями. К таким формам относятся: презентации и научно-технические конференции; деловые и ролевые игры; тестовые профессионально-ориентирован-

ные задания; обсуждение нестандартных ситуаций по методу «мозгового штурма»; кроссворды; моделирование в педагогическом процессе профессиональных диалогов; доклады и рефераты; контрольные работы; экскурсионные занятия и др.

Следовательно, главная задача обучения – не «загрузить» студента готовыми языковыми формами, шаблонами и специальными терминами, а создать у него гибкую систему знаний, способствующую саморазвитию. Только тогда у студента сформируется осмысленное восприятие терминов, выработаются коммуникативные компетенции владения современным техническим языком, а обучаясь на старших курсах, будущий специалист будет психологически готов к реальному производственному общению [6].

Полученные в ходе изыскательских работ (в течение 7 лет) результаты показали, что комплексное использование различных видов дидактического обеспечения позволяет формировать терминологические знания студентов неязыковых вузов.

Библиографический список

1. Нелюбин, Л.Л. Очерки по введению в языкознание. – М., 2007.
2. Стретерн, П. Конфуций за 90 минут / пер. с англ. С.С. Чечулина. – М., 2003.
3. Ткачева, Л.Б. Перевод английской научно-технической литературы / Л.Б. Ткачева, Л.К. Кондратьюкова, Л.И. Воскресенская. – Омск, 2003.
4. Зорина, Ю.В. Обучение терминологии – путь к профессиональной компетенции // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 3.
5. [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Щеголихина, Т.Н. Проблема обучения студентов терминологии в ракурсе развития умений профессиональной коммуникации. – 2008 [Э/р]. – Р/д: <http://www.t21.rgups.ru>

Bibliography

1. Nelyubin, L.L. Ocherki po vvedeniyu v yazyhkoznaniye. – M., 2007.
2. Stretern, P. Konfuciy za 90 minut / per. s angl. S.S. Chechulina. – M., 2003.
3. Tkacheva, L.B. Perevod angliyskoy nauchno-tekhnicheskoy literatury / L.B. Tkacheva, L.K. Kondratyukova, L.I. Voskresen-skaya. – Omsk, 2003.
4. Zorina, Yu.V. Obuchenie terminologii – puty k professionalnoy kompetencii // Fundamentalniye issledovaniya. – 2007. – № 3.
5. [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. Thegolikhina, T.N. Problema obucheniya studentov terminologii v rakurse razvitiya umeniy professionalnoy kommunikacii. – 2008 [Eh/r]. – R/d: <http://www.t21.rgups.ru>

Статья поступила в редакцию 27.06.12

УДК 159.922.76

Yurovskikh S.S. DRAWING TECHNIQUES AS A MEANS OF IDENTIFYING AGGRESSION IN CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION. The work is devoted to the study of the aggressiveness of the mentally retarded children of younger school age, by means of the theoretical analysis of previously published works and experimental research with the use of drawing methodics «House, a tree, a man» and «Non-existent animal.»

Key words: aggression, mentally retarded children, drawing techniques.

С.С. Юровских, аспирант Шадринского гос. педагогического института, г. Шадринск, E-mail: wetka20@bk.ru

РИСУНОЧНЫЕ МЕТОДИКИ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Работа посвящена изучению агрессивности умственно отсталых детей младшего школьного возраста, с помощью теоретического анализа ранее изданных работ и экспериментального исследования с использованием рисуночных методик «Дом, дерево, человек» и «Несуществующее животное».

Ключевые слова: агрессивность, умственно отсталые дети, рисуночные методики.

Исследованию агрессивности посвящено немало работ, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Такие ученые, как А. Бандура, А. Берковитц, Г.Э. Бреслав, Б. Бэрн, К. Лоренц, А. Реан, Д. Ричардсон, Э. Фром, И.А. Фурманов рассматривали эту проблему с различных точек зрения: теорий и факторов возникновения, особенностей проявления, форм и видов агрессивности.

Важность этой проблемы не вызывает сомнения в связи с ростом насилия и враждебности в современном обществе. Многие авторы отмечают, что агрессивность затрудняет приспособление детей к условиям жизни в обществе и играет значительную роль в отклоняющемся поведении несовершеннолетних. Агрессивное поведение вызывает соответствующую реакцию окружающих, а это в свою очередь, ведет к усилению агрессивности.

Под **агрессивностью** мы понимаем свойство личности, «выражающееся в готовности к агрессии» [1, с. 218]. Агрессив-

ность представляет собой психическое явление, выражающееся в стремлении к насильственным действиям, индивидуальную предрасположенность к агрессивному поведению. Агрессивность относится к нарушениям социального поведения. Характерным признаком агрессивного поведения является преднамеренное нарушение личных прав других людей с целью нанесения им ущерба.

В современной психологии не существует общепринятой теории агрессивности. Рассмотрим наиболее фундаментальные и детально проработанные концепции.

Самое раннее и, возможно, наиболее известное теоретическое положение, имеющее отношение к агрессивности, – это то, согласно которому данное поведение по своей природе преимущественно **инстинктивное**. Согласно этому подходу, агрессия возникает потому, что человеческие существа генетически или конституционально «запрограммированы» на подобные

действия. Данной точки зрения придерживались такие ученые, как Ардри, Н. Лоренц, З. Фрейд [2]. Они считали, что агрессия в той или иной форме всегда будет нас сопровождать.

В **психоаналитическом подходе** агрессивность рассматривается как порождение инстинкта борьбы. Первые исследования природы агрессивности принадлежат З. Фрейду [3], который предположил существование не только инстинкта жизни, эроса, но и инстинкта смерти, разрушения. Агрессивная энергия вырабатывается у индивида непрерывно и со временем ищет выхода. Если с момента последнего открытого проявления агрессии прошло много времени, раздражителя вообще не требуется, взрыв агрессии происходит спонтанно.

В **этиологическом подходе** положение о врожденной природе агрессивности находит свое развитие. К. Лоренц [4] изучил врожденные сдерживающие агрессивность начала, к которым относил родство, любовь и дружеские отношения. Согласно инстинктивным теориям, агрессивность является неотъемлемой частью человеческой природы. Согласно К. Лоренцу, агрессия берет свое начало, прежде всего, из врожденного инстинкта борьбы за выживание, которые присутствуют у людей, так же как у других живых существ. Он считал, что агрессивная энергия генерируется в организме спонтанно, непрерывно, в постоянном темпе, регулярно накапливаясь с течением времени. Чем большее количество агрессивной энергии в данный момент, тем меньшей силы стимул нужен для того, чтобы агрессивность выплеснулась вовне.

К **ситуативной теории** агрессивности относится подход Дж. Долларда [2], который рассматривал агрессивность как следствие фрустрации, аверсивной (крайне неприятной) стимуляции. Дж. Доллард считал, что фрустрация (помеха, раздражение) всегда приводит к агрессивности, а агрессивность всегда является следствием фрустрации.

Другая **теория фрустрации** была разработана С. Розенцвейгом [5]. Он опубликовал классификацию типов реакции на фрустрацию. С. Розенцвейг дал определение, согласно которому фрустрация происходит, когда организм на своем пути к удовлетворению какой-нибудь жизненной потребности встречает более или менее непреодолимое препятствие или трудность [5].

Л. Берковиц [2] дополнил теорию фрустрации положением, что фрустрация вызывает гнев, который создает готовность реагировать агрессивно; однако открытая агрессивность может не проявиться. Для актуализации агрессивности необходимы сигналы (посылки), разрешающие агрессию. Роль посылов к агрессивности могут играть провоцирующие реплики, наличие оружия, чрезмерный страх и податливость «жертвы».

Теория переноса возбуждения. Представителем этой теории является Зильман [5], который полагал, что агрессивность обусловлена возбуждением, то есть конструктом, который можно наблюдать и измерять. В данном случае речь идет о возбуждении симпатической нервной системы, которое выражается в учащении пульса, повышении артериального и сосудистого давления и потоотделения и т.д. Было научно доказано, что физическая активность, фильмы с изображением насилия и шум способствуют возникновению и проявлению агрессивных реакций. Подобные процессы могут способствовать также и снижению вероятности проявления агрессивности или уменьшению ее силы.

Как отмечает Г.Э. Бреслав [6], агрессивные действия выступают в качестве:

- средства достижения какой-либо значимой цели;
- способа психологической разрядки;
- способа удовлетворения потребностей в самореализации и самоутверждении.

И.А. Фурманов [7; 8] указывает, что агрессивность условно можно разделить на разные категории:

- 1) по направленности на объект разделяют:
 - внешнюю (гетеро), характеризующуюся открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц (прямая агрессия) либо

на безразличные обстоятельства, предметы или социальное окружение (смещенная агрессия);

- внутреннюю (ауто), характеризующуюся выражением обвинений или требований, адресованных самому себе;

- 2) по способу выражения:

- произвольную, возникающую из желания, намерения воспрепятствовать, навредить кому-либо, обойтись с кем-то несправедливо, кого-нибудь оскорбить;

- непроизвольную, представляющую собой нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости, когда действие неподконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта;

- 3) по конечной цели:

- инструментальную (конструктивную), когда действия имеют позитивную ориентацию и направлены на достижение цели нейтрального характера, а агрессия используется при этом лишь в качестве средства;

- враждебную (деструктивную), когда в действиях проследживается стремление к насилию, а их целью является нанесение вреда другому человеку;

- 4) по форме выражения:

- физическую агрессию – предпочтительное использование физической силы против другого лица (драка, толчки, подножки);

- вербальную агрессию – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание (оскорбления, ругань, сплетни, распускание слухов) словесных ответов;

- косвенную агрессию – действия, направленные окольным путем на другое лицо, хоть как-то связанное с обидчиком или ни на кого не направленные;

- негативизм – оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета или руководства.

Агрессивных следует выделять из общего числа детей, проводить с ними коррекционную работу по снижению агрессивности, по социализации.

Проблема агрессивности также остро стоит и в среде умственно отсталых детей. Это напрямую влияет на их жизнь: общение со сверстниками и взрослыми, социальную адаптацию, учебную и трудовую деятельность. У умственно отсталых младших школьников выделяются следующие виды агрессивности: агрессивность как проявление компенсаторной реакции при инфантильно-гедонистической мотивации в связи с трудностями учебной деятельности; агрессия как проявление эксплозивное при олигофрении; агрессивность как проявление извращенных влечений (сексуального, инстинкта самосохранения); агрессивность при психомоторном и аффективном возбуждении; агрессивность как реакция протеста на трудности во взаимоотношениях; агрессивность при дистрофических нарушениях; агрессивность подражательного характера, становящаяся стереотипом поведения; агрессивность как проявление групповой солидарности.

При всем многообразии работ, изучающих агрессивность как форму поведения, у умственно отсталых детей она изучена недостаточно. Возникшее противоречие между необходимостью снижать уровень агрессивности умственно отсталых детей для их успешной адаптации в обществе и недостаточным количеством исследований в данном направлении послужило причиной выбора темы нашего исследования.

Среди диагностических методик, используемых для выявления агрессивности, рисуночные методы занимают одно из первых мест. Применение рисуночных методик для выявления личностных особенностей человека основано на принципе проекции, то есть на вынесении вовне своих переживаний, представлений, стремлений. Рисуя тот или иной объект, человек невольно, а иногда и сознательно передает свое отношение к нему. Рисунок – это всегда какое-то сообщение, зашифрованное в образах.

Распределение испытуемых по уровням агрессивности

Таблица 1

Уровни	Методики			
	«ДДЧ»		«Несуществующее животное»	
	Количество детей	%	Количество детей	%
Высокий	10	30	7	20
Средний	18	52	19	54
Низкий	6	18	9	26

В своем исследовании для выявления уровня агрессивности мы использовали рисуночные методики: «Дом, дерево, человек» и «Несуществующее животное». Эксперимент проводился в Государственном казенном специальном (коррекционном) образовательном учреждении VIII вида «Школе-интернате №16» г. Шадринска. В нем участвовали младшие школьники в количестве 35 человек.

Результаты проведенного эксперимента представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы, высокий уровень агрессивности по результатам методики «Дом, дерево, человек» отмечается у 10 – детей (30%), средний уровень агрессивности – у 18 детей (52%) и низкий уровень – у 6 детей (18%). Результаты методики «Несуществующее животное»: высокий уровень агрессивности – у 7 детей (20%), средний уровень – у 19 детей (54%) и низкий уровень – у 9 детей (26%). То есть самая многочисленная группа – это дети со средним уровнем агрессивности. Меньше всего детей – с низким уровнем.

В рисунках можно отметить такие показатели агрессивности: на рисунке человека сильные руки, руки как боксерские перчатки, длинные и большие пальцы, пустые глазницы; на рисунке дерева – штриховка ствола и листья, дерево расположено на краю листа, оно очень больших размеров; на рисунке дома – отсутствуют окна, стекла. На рисунке «Несуществующее животное» изображались орудия нападения (зубы, когти, рога), часто дети отмечали, что изображенный ими зверь – хищник, живет один и не имеет друзей. Например, на рисунке Жени С. нарисован человек с очень длинными пальцами, пустыми глазницами, сильными руками. Ствол и листья дерева заштрихованы. На рисунке Стаса Ф. – карикатурное изображение человека, тщательная штриховка ствола дерева, листья, дома. Дерево большого размера, расположено на самом краю листа. Рисунок Максима М. так же отличается карикатурным изображением человека, пустыми глазницами у него, штриховкой дерева и дома, отсутствием стекол в окнах дома.

В целом рисунки отличались малым количеством изогнутых линий, большим количеством острых углов, линиями с сильным нажимом, неаккуратностью. В процессе выполнения работ

можно было наблюдать проявления агрессивности у Жени С. Он отказывался рисовать, забирал карандаши у других детей. Начал рисовать с неохотой, но затем увлекся. В процессе выполнения задания часто выкрикивал, спорил с другими детьми. Комментировали свои действия Юля Н., Настя Ч., Алена Б. Остальные дети предпочитали выполнять задание молча.

Так же могут свидетельствовать об агрессивных тенденциях и названия животных: «Дракула», «Злой волк», «Дракон», «Собакиши», «Нападает», «Злые гусеницы», «Акула», «Вампир-чебурашка», «Мутант», «Черно-красный дракон», «Приведение», и их характеристики. Например, Денис К. так охарактеризовал свое животное: «Это мальчик, его зовут Нападает. Он злой, живет на крыше и ест мясо. У него нет друзей, только враги», Илья С.: «Мое животное – Акула. Она живет в реке. Питается мясом. Она может напасть и съесть. У нее много врагов», Максим М.: «Это Мутант. Он злой мальчик. Живет в пещере и ест людей. Ни с кем не дружит. У него много врагов», Ксюша Е.: «Мой Черно-красный дракон мальчик. Он очень злой. Живет в Черных горах, один. У него нет семьи и друзей. Он нападает на других людей и кушает их», Дима П.: «Злой Дракула живет в берлоге. Он пьет кровь и кушает мясо», Стас Ф.: «Собакиши злые, живут в лесу и грызут кости».

Юля А. отказалась от выполнения рисунка «Дом, дерево, человек», что может свидетельствовать о негативизме и скрытой агрессивности.

Таким образом, проведенный эксперимент выявил тенденции агрессивности у младших школьников с умственной отсталостью. В основном испытываемые проявили в эксперименте средний и высокий уровень агрессивности, и только примерно у четвертой части выявлен низкий уровень агрессивности. Для более полного исследования эмоциональной сферы детей предполагается дополнительно использовать ряд методик (тест Розенцвейга в модификации Н.В. Тарабриной, тест Басса-Дарки, Hand-test Э. Венгера и наблюдение). Полученные эмпирические данные могут быть использованы в работе специальных психологов и педагогов.

Библиографический список

1. Реан, А.А. Психология изучения личности: учеб. пособие. – СПб., 1999.
2. Агрессия у детей и подростков: учеб. пособие / под ред. Н.М. Платоновой. – СПб., 2004.
3. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. – М., 1989.
4. Лоренц, К. Агрессия. – М., 1994.
5. Агачева, Е.С. Влияние семейных конфликтов на развитие агрессии у детей младшего школьного возраста. – М., 2000. – [Э/п]. – Р/д: <http://clck.yandex.ru/redit/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjs2pl3DW99KUdgowt9XsltfjMh8yb6>.
6. Бреслав, Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учеб. пособие для специалистов и дилетантов. – СПб., 2004.
7. Фурманов, И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. – Минск, 1996.
8. Фурманов, И.А. Психология детей с нарушениями поведения: пособие для психологов и педагогов. – М., 2010.

Bibliography

1. Kruglikov, G.I. Nastolnaya kniga mastera professional'nogo obucheniya: ucheb. posobie dlya stud. sred. prof. obrazovaniya. – M., 2007.
2. Slovarj inostrannikh slov. – M., 1955.
3. Kodzhaspirova, G.M. Pedagogicheskiy slovarj: dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy / G.M. Kodzhaspirova, A.Yu. Kodzhaspirov. – M., 2001.
4. Pedagogicheskaya ehnciklopediya: aktualnihe ponyatiya sovremennoy pedagogiki. – M., 2009.
5. Pedagogicheskiy slovarj: uchebnoe posobie dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy. – M., 2008.
6. Mid, M. Kul'tura i mir detstva. – M., 1988.
7. Slastenin, V.A. Psikhologiya i pedagogika: ucheb. posobie dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy. – M., 2004.
8. Berezovin, N.A. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya poznatel'nykh motivov uchastikhshy. – Minsk, 2004.
9. Korotyaev, B.I. Pedagogika kak sovkupnost' pedagogicheskikh teoriy. – M., 1986.
10. Smirnov, V.I. Obthaya pedagogika v tezisakh, definitsiyakh, illyustratsiyakh. – M., 1999.
11. Psikhologo-pedagogicheskiy slovarj / sost. Rapacovich E.S. – Minsk, 2006.
12. Babanskiy, Yu.K. Pedagogika: ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov. – M., 1983.
13. Pidkasihiy, P.I. Pedagogika. – M., 2000.
14. Metodika kak nauka: uchebnoe posobie / pod red. E.I. Passova, E.S. Kuznecovoy; E.S. – Voronezh, 2002.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 37

Terentjev A.A., Terentjeva O.G. THEORY UNITY AS A BASIS SYNTHETIC CULTURE AND MULTICULTURAL EDUCATION. The article explains the concept of unity, which will be used in educating students some common universal structure underlying multicultural education.

Key words: multicultural education and training, the theory of unity, socio-cultural pedagogy.

А.А. Терентьев, соискатель ФГБОУ ВПО «НГПУ», г. Куйбышев; О.Г. Терентьева, канд. пед. наук, Куйбышевский филиал ФГБОУ ВПО «НГПУ», г. Куйбышев, E-mail: alekseyanatolevich.terentev.78@mail.ru

ТЕОРИЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК ОСНОВА СИНТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обосновывается концепт всеединства, который позволит использовать в воспитании школьников некоторую единую универсальную структуру, лежащую в основе мультикультурного образования.

Ключевые слова: мультикультурное воспитание и образование, теория всеединства, социокультурная педагогика.

Начиная с Пифагора, который считал мир объятием всего, многие новые философы, как, например, Лейбниц, Вольф, по замечанию А.М. Брянцева, «... утверждают такую связь во вселенной, по которой все предметы и перемены так между собою сопряжены, что по одной вещи и перемене все прочие вещи и их изменения узнать можно; и если бы одно существо в свете или также перемена уничтожилась, то весь бы свет, разрушившись, в ничто преобразился» [1, с. 149]. Так философы издавна рассуждали о связи всех вещей. Зарождение теории всеединства показало человечеству и пути влияния природы на социальную жизнь, и воздействие генетических факторов на воспитание и позволило интерпретировать логику всеединства в различных научных сферах, например, подводить вариативные культурные модели под более полное инвариантное начало.

Наиболее выраженной проблема всеединства оказалась в русской философии, где, начиная с В.С. Соловьева, сложилось самобытное направление – философия в которой могут быть отнесены системы Флоренского, С.Булгакова, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, а также, по ряду оснований, взгляды С.Н. Трубецкого, Е.Н. Трубецкого, А.Ф. Лосева и др.

Русская теория всеединства в современном прочтении получает некие новообразуемые синергетические контексты, реализуемые в воспитании.

Первый контекст был связан непосредственно со славянофильской идеей соборности. В учебнике «Культурология» под редакцией З.А. Неверовой соборность трактуется как «...объединение людей в их христианской любви друг к другу во имя коллективного спасения всего своего народа, его культурных традиций и поиска пути к общему благу для себя и потомков через нравственность и духовность» [2, с. 36]. И в этом смысле русский народ наделялся мессианской функцией, божественной потенцией, необходимой для «спасения» других народов. Иными словами становился неким объединяющим и движущим началом. В советское время позиция дружественного «старшего» брата – русского не оспаривалась и принималась всеми этносами. Хотя в образовании слабо учитывались регионально-национальные особенности. Такое положение дел, кстати, касалось не только представителей нерусских национальностей, но и собственно русских, поскольку изучение народной культуры так же было не доступно и ограничено требованиями учебных программ. Единение при таком подходе навязывалось образованием.

Современный философ В.И. Моисеев обнаруживает в русской идее концепт «ментальное многообразие», который представляет всеединство как единство единства и многого [3]. При таком подходе собственно русская философия (в отличие от западной) всеединство рассматривает и как равновесие между полюсами единого и многого. Западная философия всеединства принимает разнообразие в единстве.

В древности, когда появились такие имена, как Будда, Заратустра и Иисус, человечество разделилось на различные религиозные течения. Но даже в это время были попытки объединения всех существующих учений в одно. Таким примером может служить манихейство. В энциклопедии «Всеобщая история религий мира» отмечается: «В III в. н.э. учение Мани привлекло в свои ряды многих образованных людей, поскольку это была не только религия, но и философская система» [4, с. 156].

Если пытаться перенести данную теорию на социокультурную ситуацию, то можно выявить постоянно повторяющиеся из науки в науку проекции и техники.

Так, философ И. Ильин некогда отметил: «Киплинг рассказывает, что когда животные в Индии ищут друг у друга помощи, то они приветствуют друг друга кличем «мы с тобой одной крови»; и это заклинание всегда оказывается действенным и отказа в помощи не бывает: ибо звери и птицы признают высшее, объединяющее их кровное родство» [5]. Таким объединяющим фактором в многонациональном человеческом обществе может стать познание древних культур, имеющих сходные черты, через явления языка, обычаев, обрядов и т.д.

Г.В. Палаткина, размышляя о мультикультурном образовании, указывает: «...культурологические контуры каждого наро-

да, присущие, как правило, только ему одному или даже отдельным входящим в его состав социальным и этническим группам, в ту или иную историческую эпоху во многом совпадают с соответствующими характерными чертами многих этносов и даже всего человечества». Сообщение о древних общинноевропейских антропоцентрических взглядах людей будет способствовать ориентации детей на диалог культур. Это является целью мультикультурного образования, которое направлено на «...сохранение и развитие всего многообразия культурных реалий..., учет культурных и воспитательных интересов разных этносов...» [6, с. 41-43].

Работа с толкованием (в том числе и этимологическим) слов, обрядов различного происхождения обуславливает формирование не только языковой и культурной компетенции, но и воссоздание картины мира культур, реконструкцию истории ментальности того или иного народа. Важно и то, что в ходе подобного изучения, школьник пользуется возможностью обобщить языковые факты, формируя ассоциативные связи, что способствует лучшему пониманию друг друга представителями разных национальностей.

Внедрение в мир первобытной культуры детей в полиэтническом классе позволит нивелировать разногласия, конфликты, т.к. эта именно эпоха несёт корень родства обрядов и обычаев всего человечества.

Древние представления людей выражались в единстве человека с вселенной. В рамках антропоморфной модели Вселенной особое значение придавалось элементам человеческого тела, например, руке. В современном русском языке есть сложные слова, такие как рукобיתье (битьё по рукам при сватовстве), рукоблагословение, руководство, руковозложение (благословение), рукоподатливый (охотно дающий помощь), рукопожатие, рукоположение, рукоприкладство, рукопашный, руковорение, рукоделие, рукомойник, рукопись, рукоплескать и т.д.. Они отражают первый способ всякого приобретения и владения, который состоял в вещественном схватывании рукой, так же и почти все физические действия человека совершаются руками, отчего и немецкое *handland* (действие) прямо начало своё имеет от *hand*- рука (по-санскритски: *kaṛa* от *kṛi* – делать, собственно делающая). Д.О. Шеппинг описывает общечеловеческий обычай при условии или договоре протягивать руку в знак обещания и клятвы, откуда и поговорка: «ударить по рукам». Исследователь указывает, что в этом обычае лежит древнейшая форма крепости и связи договора, которая, по-видимому, удержалась в России в первобытной форме, как, например, рукоприкладство и народный обычай разнимания рук третьим посторонним лицом, которое ударяет своей рукой сжатые руки условливающих и таким образом становится свидетелем и порукою верного исполнения условия. Или если неграмотному человеку нужно подписаться под каким-нибудь документом, то он возлагал эту обязанность на грамотного, давая ему руку, то есть, поручает ему, так, французское слово мандат от *mandataire*, которое от *manum dare* «дать руку» [7].

Вероятно, и слово «обручение» имело прежде смысл договора. Во французском древнем праве вассал приносил клятву подданства, давая обе руки государю; господин, освобождая раба, должен был оттолкнуть его рукой; при передаче имущества и вступлении во владение недвижимой и движимой собственностью владетель должен был наложить на неё руку в знак владения; когда хозяин отыскивал потерянную свою лошадь, корову или вещь, он удостоверял своё право на неё накладыванием руки. [7, с. 194]

У татар в свадебных обрядах есть обычай невесте опустить руку в муку для безбедной, сытой жизни. У русских же невесте сажали на квашню, что предполагало то же. Сходство между обрядами в данном случае имеется, но только связующим началом будет другой феномен – зерно, из которого получается и мука, и при дальнейшей обработке тесто.

Смысл «быть под рукою», то есть быть под властью, находим и в тюркских языках. Корень *кул*- обозначает:

- 1) рука, руки (ручной);
- 2) сторона, направление, рука;
- 3) почерк, рука;
- 4) перен. подпись;
- 5) власть, господство, рука;
- 6) арест (кула алынырга – быть под арестом) [19].

Данный корень – кул-гул, кроме значения «рука», получает и новый смысл в слове кулак. В.И. Даль толкует его как скупец, скряга [8, с. 215]. С.И. Ожегов называет кулаком богатого крестьянина-собственника [9, с. 307]. Возможно, слово «**кулак**», обозначающее сжатую ладонь человеческой руки с крепко пригнутыми к ней пальцами, а в просторечии и в говорах встречающееся и в других значениях: большой молот, кувалда; развилло со временем значения: «руководить», «быть хозяином, господином». В старшем значении существительное «кулак» воспринималось как удар, сила, орудие нападения и обороны.

Поскольку человек считался микрокосмом, связывающим в себе все элементы Вселенной, то и части его тела соответствуют отдельным её составляющим. Так, индоевропейский корень *teḡ-, обозначающий «рука» соотносится с русским словом «мир», индоевропейский корень *dok с русским дух, а индоевропейский корень *ghes- рука соотносится с греческим hogmos Вселенная, латышским gaiss воздух [9, с. 18].

В мифологии тюрков руки тоже были вместилищами души и некоторые герои, лишившись пальца, оказывались неспособными даже говорить.

Рука была и образцом меры: известны такие меры, как в русском языке локоть (14 вершков), пядь (четверть аршина); в татарском – аршин (мера длины величиною 71 см.), кулач – мера двух рук, вытянутых в длину.

Много значений в выражениях со словом рука выделяет В.И. Даль:

- почерк письма человека, подпись, рукоприкладство: *где рука (подпись), там и голова*;
- бок, сторона, говоря только о двух сторонах: правой и левой, уклонение от прямой черты вправо или влево: *иди по одну руку речки, я пойду по другую*;
- власть, сила, мощь: *всё дело в его руке или руках*;
- вид товара, сорт: *какой руки железо?*
- быть помощником: *быть у кого под рукой, он – моя правая рука*;
- помощь, пособить: *подать кому руку, подать помощь*;
- близко: *рукой подать*;
- всё зависит от нас: *дело у нас в руках*;
- некогда, недосуг: *дело до рук не дошло*;
- дружно: *рука в руку, рука об руку* [8, с. 112-113].

В татарском устным народным творчестве есть пословица: Рука моет руку, обе руки моют лицо.

Толкования подобного рода отражают некогда общее мировосприятие для разных этносов. Изучать при данном подходе языки и культуры можно на уроках по русскому языку, литературе, окружающему миру и т.д. Культурологическая информация оказывается вполне доступной не только для обучаемых среднего и старшего звена, но и для младших школьников.

А.Н. Джуринский, Г.Б. Корнетов отмечали, что древние цивилизации оставили человечеству бесценное наследие, относящееся к организованному воспитанию человека. Эти культуры были более духовны и эталонны по отношению к современным культурам, утратившим духовное начало. Об этом говорили и О. Шпенглер и Н. Бердяев. Б.К. Малиновский указывал на общие причины происхождения культур, а именно причины элементарного удовлетворения биологических потребностей человека в еде, продолжении рода и т.д. [10].

Хотя, надо отметить, что многие учёные высказывают мнение о статичности этнической культуры, не подверженной изменениям. Г.В. Палаткина интерпретирует их позицию так: «Срабатывают механизмы векового отбора ценного, истинного, настоящего, остаётся лучшее, а случайное, неустойчивое теряется, забывается, исчезает» [6, с. 43].

Однако последнее слово остаётся за культурологами, которые склонны говорить об изменчивости и деградации культуры. Это очевидно при культурной динамике, просматривающейся даже на бытовом уровне: старшее поколение сует на новые времена и нравы, с ностальгией вспоминая былые годы, в которых больше нравственности и других духовных ценностей.

Следовательно, обращение к древним основам позволит учащимся приобрести и сохранить культурные универсальные ценности, формирующие духовность, нравственность и следующие за ними категории.

В философии всеединства сложился, по мнению В.И. Моисеева, общий структурный механизм синтеза [3]. Источник син-

теза в нашем случае – древние культуры. Аспектом синтеза могут быть, конечно же, современные культуры. В зависимости от многих условий развития этих культур (даже, вероятно, природных) возникают и многочисленные ограничения, скорее, в понимании представителей разных культур друг друга. Необходимо найти такой источник синтеза или, говоря современным педагогическим языком толерантности, который бы представил носителям разных культур их культурные особенности как стороны одного начала.

В советской педагогике метод приведения начал во всеединство выражался в процессе национального и интернационального воспитания.

Воспитание национальное и интернациональное – воспитание чувства собственного национального достоинства, уважения к другим нациям и народам [18].

Воспитание интернациональное – воспитание у человека высокой культуры межнационального общения; выработка гуманных, высоконравственных, справедливых отношений между людьми независимо от цвета кожи, языка, обычаев и места проживания [18].

Наиболее традиционными были мероприятия, посвящённые какой-либо республике или культуре, безусловно, могли проводиться соответствующие классные часы. Но педагоги искали пути, чтобы не ограничиваться единичными мероприятиями, а вести работу в этом направлении постоянно. Так, например, не редки использования в работе такой формы приобщения детей к народной культуре является, как игры.

Педагоги-организаторы предлагают в многонациональных регионах внедрять в школы практику разнообразных народных игр, фольклоротерапии, сказкотерапии и т.д.

Н.В. Бордовская и А.А. Реан так поясняют значение термина поликультурное воспитание: «Поликультурное воспитание предполагает учет культурных и воспитательных интересов разных национальных и этнических меньшинств и предусматривает:

- адаптацию человека к различным ценностям в ситуации существования множества разнородных культур; взаимодействия между людьми с разными традициями;
- ориентацию на диалог культур;
- отказ на культурно-образовательную монополию в отношении других наций и народов.

Поликультурное воспитание культивирует в человеке дух солидарности и взаимопонимания во имя мира и сохранения культурной идентичности различных народов» [12, с. 57].

Среди конкретных задач современного поликультурного образования, как правило, выделяются следующие:

- овладение учащимися культурой своего народа как условие интеграции в иные культуры;
- формирование представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям;
- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;
- формирование и развитие умений и навыков взаимодействия с представителями различных культур;
- воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

В стандартах второго поколения активно культивируется термин «толерантность», означающий политику толерантности, «...т. е. признания и уважения культурных и других различий среди граждан страны и проживающих в ней граждан других стран...» [13, с. 8].

Более полно межнациональная толерантность определяется башкирскими исследователями как «системная совокупность психологических установок, чувств, определенного набора знаний и общественно-правовых норм (выраженных через закон или традиции), а также мировоззренческо-поведенческих ориентаций, которые предполагают терпимое или, вернее сказать, «принимающее» отношение представителей какой-либо одной национальности (в том числе на личностном уровне) к другим национальным явлениям (языку, культуре, обычаям, нормам поведения и т.д.)» [14, с. 14]. Необходимо отметить, что подчеркивается следующая особенность трактовки толерантности: понятие толерантности шире просто терпимого отношения и включает в себя также уважение различных народов, соблюдение их прав, разрешение межнациональных проблем на основе баланса интересов, осознание единства и всеобщей взаимосвязанности различных этнокультур.

В.С. Соловьёв писал: «единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотой; истинное единство со-

храняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них, как полнота бытия» [15, с. 85].

В основе мира, по В.С. Соловьеву, лежит Абсолютное, которое, являясь Сверхсущим, тем не менее не отделено от мира. Внутреннее развитие Абсолютного-Сверхсущего ведет к возникновению множественности вещей, например, реального мира и одновременно к их разделенности и разобщенности. Только бытие не может характеризоваться раздробленностью, поскольку так бы отрицалась абсолютность Абсолютного. Единство бытия реализуется через творчество Мировой души, Софии и Богочеловечества как звеньев между предметным множеством и безусловным единством Божества. Доминирующую позицию занимает София как идея (собрание идей) мира, актуализирующаяся познанием и содейательностью человека, на которого и возложена функция восстановления всеединства, что является сутью исторического процесса. «В нравственной области положительное В. есть абсолютное благо, в познавательной – абсолютная истина, в сфере материального бытия – абсолютная красота» [15, с. 123].

Идеи В.С. Соловьева о синтетическом мировоззрении нашли отражение в созданиях исторических общностей людей в системе социальных связей. В.И. Матис делает следующую оговорку для таких обществ «...под действием закономерностей, обуславливающих существование и деятельность этноса, попадая обществу, возникшие в результате ассимиляционных процессов, т.е. имеющие среди своих членов людей различного, если исходить из вопросов «крови», происхождения. Таковы, например, русский этнос и этнос американский. И в том и в другом случае этносы имели некое ядро, соответственно славянское и англосаксонское, но собирали вокруг себя и представителей других народов. Смешанные браки довели дело, сценировав обе эти общности в более или менее прочные целостности» [16, с. 114-115].

В России и СССР интеграция, безусловно, прошла при сохранении культурных индивидуальностей, объединение в одно общество осуществлялось на принципах общей территории и соответственно общей истории, что является достаточно сильным основанием в уже современном глобальном сообществе.

Процессы цивилизованного объединения В.И. Матис рассматривает с помощью форм межэтнических коммуникаций:

естественной ассимиляции, межэтнической интеграции, этноинтеграционных процессов. Суть таких процессов состоит в нахождении тесных контактов между этносами, в отработанных моделях поведения, уже ожидаемых обществом, а так же в реконструкции некоторой общей культурной сферы, без утраты собственных культурных сфер [16].

Сходные идеи обнаруживаются и в работе «Философия истории» Л.П. Карсавина, в которой автор развивает свои идеи в отношении исторического бытия. Он полагает, что «высочайшая цель исторического мышления состоит в том, чтобы осмыслить весь космос, все сотворенное единство как единый развивающийся субъект» [17, с. 77]. История в таком случае выступает в виде развития «человечества как единого всепротянутого и всевременного субъекта» [17, с. 75]. По его мнению, историческое бытие состоит из субъектов, которые взаимно пронизывают друг друга, развиваясь при этом свободно, так как в любом субъекте содержится в зародышевой форме все содержание. Историческое развитие не подчинено концепции причинности, так как причинность – это проявление внешнего влияния, а развитие состоит в качественном диалектическом изменении, происходящем внутри «целого», а не посредством дополнения целого чем-то извне.

Так, воздействие двух народов друг на друга в ходе своего развития происходит в силу того, что они составляют аспекты высшего субъекта, который включает их в себя. Особенно Л.П. Карсавин подчеркивает влияние природы на социальную жизнь. Он полагает, что это не внешнее влияние. Влияние природы происходит в силу того, что она, как и все материальные элементы существования, отражена в сознании и преобразована в социально-психический элемент, она составляет часть интеллекта [17, с. 95-100].

Концепт всеединства позволит постоянно использовать в воспитании некоторую единую универсальную структуру и предоставит множеству распавшихся культурных начал, к которым относятся школьники, возможность синтеза при собирании в одну более целую культуру. Следовательно, именно педагогика в межнациональном общении при современном состоянии мультикультурного образования может играть вполне определенную преемственную роль для приведения всех начал во всеединство.

Библиографический список

1. Из истории русской гуманистической мысли: хрестоматия для учащихся ст. классов/ под общ. ред. А.Ф. Малышевского. – М., 1993.
2. Неверова, З.А. Культурология: учеб. пособие / З.А. Неверова, Т.А. Юрис, Е.П. Наружная [и др.] / под науч. ред. А.С. Неверова. – Минск, 2004.
3. Моисеев, В.И. Логика всеединства [Э/р]. – Р/д: <http://lib.rus.ec/b/169640/read#t6>
4. Всеобщая история религий мира. – М., 2007.
5. Ильин, И.А. О русской идее [Э/р]. – Р/д: http://old-ru.ru/articles/art_9.htm
6. Палаткина, Г.В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях // Педагогика. – 2002.- № 5.
7. Шеплинг, Д.О. Мифы славянского язычества. – М., 1997.
8. Даль, В.И. Толковый словарь Живаго великорусского языка. – М. – 1995.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М., 1996.
10. Малиновский, Б.К. Магия, наука, религия / пер. с англ. – М., 1998. – Серия «Astrum Sapientiae».
11. Яценко, Н.Е. Толковый словарь общенаучных терминов. – СПб., 1999.
12. Бордовская, Н.В., Реан А.А. Педагогика: учебное пособие / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – СПб., 2006.
13. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности и гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М., 2009.
14. Измайлова, Е.Н. Развитие этнокультурного образования в Кировском районе г. Уфы: проблемы и задачи / Е.Н. Измайлова, И.П. Малиютин, З.Ф. Мубинова. – Уфа, 2005.
15. Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. – М., 1990.
16. Педагогика межнационального общения: учебник для студентов вузов / под ред. В.И. Матиса. – Барнаул, 2003.
17. Карсавин, Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.

Bibliography

1. Iz istorii russkoy gumanisticheskoy mihsl: khrestomatiya dlya uchastikhysya st. klassov/ pod obth. red. A.F. Malihshevskogo. – M., 1993.
2. Neverova, Z.A. Kuljturologiya: ucheb. posobie / Z.A. Neverova, T.A. Yuris, E.P. Narizhnaya [i dr.] / pod nauch. red. A.S. Neverova. – Minsk, 2004.
3. Moiseev, V.I. Logika vseedinstva [Eh/r]. – R/d: <http://lib.rus.ec/b/169640/read#t6>
4. Vseobthaya istoriya religiy mira. – M., 2007.
5. Iljin, I.A. O russkoy idее [Eh/r]. – R/d: http://old-ru.ru/articles/art_9.htm
6. Palatkina, G.V. Multikulturnoe obrazovanie: sovremennij podkhod k vospitaniyu na narodnikh tradiciyakh // Pedagogika. – 2002.- № 5.
7. Shepping, D.O. Mifi slavyanskogo yazichchestva. – M., 1997.
8. Dalj, V.I. Tolkovij slovarj Zhivago velikorusskogo yazihka. – M. – 1995.
9. Ozhegov, S.I. Tolkovij slovarj russkogo yazihka: 80000 slov i frazeologicheskikh vihraszenij/ S.I. Ozhegov i N.Yu. Shvedova. – M., 1996.
10. Malinovskij, B.K. Magiya, nauka, religiya / per. s angl. – M., 1998. – Seriya «Astrum Sapientiae».
11. Yacenko, N.E. Tolkovij slovarj obthestvovedcheskikh terminov. – Spb., 1999.
12. Bordovskaya, N.V., Rean A.A. Pedagogika: uchebnoe posobie / N.V. Bordovskaya, A.A. Rean. – Spb., 2006.
13. Konceptiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti i grazhdanina Rossii / A.Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. – M., 2009.
14. Izmaylova, E.N. Razvitie etnokulturnogo obrazovaniya v Kirovskom rayone g. Ufi: problemih i zadachi / E.N. Iz-maylova, I.P. Malyutin, Z.F. Mubanova. – Ufa, 2005.

15. Solovjev, V.S. Sochineniya: v 2 t. – M., 1990.

16. Pedagogika mezhnacionaljnogo obsheniya: uchebnik dlya studentov vuzov / pod red. V.I. Matisa. – Barnaul, 2003.

17. Karsavin, L.P. Filosofiya istorii. – SPb., 1993.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 378 (075.8)

Tolbatova J.V. COMPETENCE MODEL DETERMINING STUDENT INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORIES IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION. The article described the author's Competence model determining individual student educational trajectory of higher educational institution. Showing goals and objectives, methodological approaches and components of this model, which will foster students readiness to determine individual educational trajectory, teach a cope with various professional, business and life situations.

Key words: commitment, competence model, private educational trajectory.

Ю.В. Толбатова, соискатель каф. педагогики и педагогических технологий»
Ставропольского гос. Университета, г. Ставрополь, E-mail: k-ped@stavsru

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В статье изложена авторская компетентностная модель определения студентом индивидуальной образовательной траектории в высшем образовательном учреждении. Показаны цели и задачи, основные методологические подходы и компоненты данной модели, реализация которой будет способствовать формированию готовности студентов самостоятельно определять индивидуальную образовательную траекторию, научить справляться с различными профессиональными, деловыми и жизненными ситуациями

Ключевые слова: готовность, компетентностная модель, индивидуальная образовательная траектория.

В документах, посвященных изменениям, происходящим в системе высшего профессионального образования, ясно выражена мысль о необходимости смены ориентиров образования с получения знаний и реализации абстрактных воспитательных задач – к формированию универсальных способностей личности, основанных на новых социальных потребностях и ценностях. Достижение этой цели прямо связано с индивидуализацией образовательного процесса, что вполне осуществимо при формировании у студентов компетентности определения индивидуальной образовательной траектории.

Индивидуальная образовательная траектория (ИОТ) понимается как определенная последовательность составляющих учебной деятельности каждого студента по реализации собственных образовательных целей, соответствующая его способностям, возможностям, мотивации, интересам и осуществляемая при координирующей, организующей, консультирующей деятельности преподавателя или группы преподавателей, взаимодействующих между собой.

Компетентностная модель определения студентом индивидуальной образовательной траектории понимается нами как научная основа результата и процесса вузовской подготовки, выраженная системным качеством – компетентностью, обеспечивающей готовность и способность выпускников к самостоятельной успешной (продуктивной) деятельности в образовательной, профессиональной и социальной сферах, содержательно представленной сложным составом структурных компонентов.

Процесс создания данной компетентностной модели включал ряд **этапов**.

1. Выбор **методологической основы** для педагогической модели, которая включала: личностно-ориентированную парадигму образования; компетентностно-деятельностный подход в организации процесса познания; теоретические основы непрерывности, многоуровневости, гуманизации, интеграции, интенсификации профессионального образования.

2. Постановка задач разрабатываемой педагогической модели. Четкое определение основной дидактической цели. Ее уточнение и конкретизация.

3. Конструирование модели. Уточнение основных ее компонентов, выявление зависимости между ними, определение динамики ее развития.

4. Апробация разработанной педагогической модели в эксперименте.

5. Анализ и интерпретация полученных результатов моделирования.

Необходимо отметить, что первые 3 этапа носят теоретический, а последние 2 – прикладной характер исследования.

Компетентностная модель определения студентом индивидуальной образовательной траектории, на наш взгляд, должна основываться на ряде **принципов**:

- Общим методологическим принципом построения моделей является восхождение от абстрактного к конкретному. В качестве, такого, конкретного, в нашем случае выступает Компетентностная модель определения студентом индивидуальной образовательной траектории, владея теоретическими основами которой мы можем грамотно подойти к процессу ее практической реализации.

- Принцип личностных приоритетов, который предполагает центрацию на личностные особенности студента, и способности, приоритеты, ценности.

- Принцип вариативности в обучении, который реализуется при проектировании индивидуальной образовательной траектории студентов, то есть становится возможным выбор из вариативной части интересующих их дисциплин, модульных элементов, методов, технологий, форм, средств и контроля, а также адаптация учебного процесса к индивидуальным возможностям и запросам обучающихся.

- Принцип саморазвития, который направлен на создание такой компетентностной модели, которая бы отличалась динамичностью, могла варьироваться в зависимости от конкретной учебно-воспитательной, профессиональной или социальной ситуации.

- Принцип реальности, обозначающий воспроизводимость разработанной компетентностной модели на практике в близких образовательных условиях.

2. На втором этапе осуществлялась постановка цели и задач разрабатываемой компетентностной модели.

Цель разработки компетентностной модели.

В представляемой модели цель состоит не только в том, чтобы научить студента что-то делать, приобрести профессиональные компетентности, но и в том, чтобы дать ему возможность самостоятельно определить индивидуальную образовательную траекторию, научить справляться с различными профессиональными, деловыми и жизненными ситуациями.

Задачи разработки компетентностной модели:

- рассмотреть теоретические аспекты разработки компетентностной модели как результативно-целевой основы организации процесса вузовской подготовки;

- определить основные компоненты модели;

- обозначить ведущие направления педагогической деятельности по формированию выделенных компонентов компетентностной модели определения студентом индивидуальной образовательной траектории.

3. Конструирование компетентностной модели определения студентом индивидуальной образовательной траектории.

На данном этапе для вычленения структурных компонентов компетентности, позволяющей студенту самостоятельно оп-

ределить индивидуальную образовательную траекторию, мы обратились к опыту научных исследований в данной области.

Основываясь на общих положениях учёных о структуре компетентности, при построении модели нами были определены следующие её компоненты:

Ценностно-мотивационный компонент включает в себя осознание студентом ценности построения индивидуальной образовательной траектории, мотивацию на реализации её направлений, понимание значимости её использования как в образовательном процессе вуза, так и ее взаимосвязи с потенциальными работодателями, стремление к самообразованию, целевую установку при разработке индивидуального образовательного маршрута и программы, потребность в активном творческом поиске, сформированность субъектной позиции студента, ориентацию в образовательной среде вуза, готовность использовать созданные педагогические условия для эффективной реализации собственного образовательного пути.

Типизация направленности индивидуальных образовательных маршрутов базировалась на основной ориентированности маршрута — отсюда ориентационный подход к их рассмотрению. Выделены следующие типы направленности индивидуальных образовательных маршрутов: Я-центрированный; ориентированный на получение знаний; связанный с формированием студентом себя как человека образованного; связанный с формированием студентом себя как будущего специалиста; с формированием себя как будущего учителя; ориентированный на научную деятельность.

Когнитивный компонент разрабатываемой компетентностной модели предполагает знание студентами и самих теоретических основ построения и реализации индивидуальной образовательной траектории.

Индивидуальная образовательная траектория предполагает несколько направлений реализации: содержательный (вариативные учебные планы и образовательные программы, определяющие индивидуальный образовательный маршрут); деятельностный (специальные педагогические технологии); процессуальный (организационный аспект). Таким образом, *индивидуальная образовательная траектория* предусматривает наличие *индивидуального образовательного маршрута* (содержательный компонент), а также разработанный способ его реализации (технологии организации образовательного процесса).

Операционно-деятельностный компонент — включает в себя теоретическое проектирование образовательного маршрута студента в рамках его индивидуальной образовательной траектории и его практическую реализацию. Проектный подход к формированию индивидуального образовательного маршрута студента (ИОМ) [1] разработан на основе личностно-ориентированной образовательной системы. Технология проектирования ИОМ основывается на компонентах педагогической деятельности: мотивационный компонент предполагает изучение потребностей и мотивации студента к получению знаний,

формулирование целей обучения; когнитивный компонент раскрывается при проектировании содержания ИОМ; технологический — предполагает рассмотрение программы управления проектированием и реализацией маршрута; рефлексивный — помогает познанию хода педагогического процесса, его анализу, оценке, сравнению с целями деятельности. Такой подход к проектированию ИОМ способствует активизации позиции субъекта проекторочной деятельности.

Обучение по ИОМ повышает гибкость, динамичность, вариативность образовательного процесса. Студент получает возможность увидеть смысл и весомость изучаемых дисциплин в контексте будущей профессиональной деятельности, а само представление о будущем выступает как фактор, управляющий процессом обучения.

Когнитивный и операционно-деятельностный компоненты задают формирование субъектной позиции студента в образовательной практике, осознание собственной роли в педагогической системе, освоение способов управления познанием для достижения поставленных целей; овладение комплексом профессионально-значимых знаний, позволяющих создать собственную картину мира и определить в нем свое место; формирование способности управлять образовательной деятельностью, использовать универсальные средства получения, преобразования и использования знаний, овладение способами действий, приемами поиска, преобразования и использования информации различного характера; рассмотрение фактов и примеров собственной деятельности в совокупности ее элементов. Операционно-деятельностный компонент способствует формированию и развитию у студента разнообразных способов познавательной деятельности, необходимых для самореализации в профессиональной области.

Рефлексивно-корректирующий компонент — включает в себя умение проводить самоконтроль, удовлетворенность собственной образовательной деятельностью, рефлексии результатов реализации собственной образовательной траектории, способность к самоорганизации, коррекцию профессиональной позиции, осознание и критический анализ собственной деятельности, создание индивидуальных творческих проектов. Рефлексивно-корректирующий компонент способствует развитию творчества студентов, саморазвитию, освоению способов общения с партнерами по учебной деятельности, формированию умений работать автономно и в коллективе, реализации системы связей: межличностного взаимодействия субъектов, связей с учебным предметом и будущей профессиональной средой.

Тем самым разработанная Компетентностная модель определения студентом индивидуальной образовательной траектории в высшем образовательном учреждении при ее внедрении в образовательную практику может быть рассмотрена как один из практических механизмов реализации ФГОС ВПО нового поколения.

Библиографический список

1. Лоренц, В.В. Проектирование индивидуально-образовательного маршрута как условие подготовки будущего учителя к профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Омск, 2001.

Bibliography

1. Lorenc, V.V. Proektirovanie individualno-obrazovatel'nogo marshruta kak uslovie podgotovki buduthego uchitel'ya k professional'noy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. — Omsk, 2001.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

УДК 159.922

Febenchukova A.V. RIGIDITY AS A CHARACTERISTIC OF BRAIN ACTIVITY IS MANIFESTED IN THE SPEED OF INFORMATION PROCESSING. This is a study of the physiological bases of psychological manifestations of rigidity in information processing characteristics of rigid and flexibly subjects. The concept of psychological rigidity in an article from the perspective of a systems approach.

Key words: mental rigidity, flexibility, information processing, an electroencephalogram.

А.В. Фебенчукова, ст. преп. ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бу́йск, E-mail: netta@mail.ru

РИГИДНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА, ПРОЯВЛЯЮЩАЯСЯ В СКОРОСТИ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Работа посвящена изучению проявления физиологических основ психологической ригидности в особенностях переработки информации ригидными и флексиби́льными испытуемыми. Психологическая ригидность рассматривается в статье с точки зрения системного подхода.

Ключевые слова: психическая ригидность, флексибельность, обработка информации, электроэнцефалограмма.

Изучение психологической ригидности в контексте системного подхода, позволяет представить ее в качестве степени открытости человека как неравновесной, трансцендентальной и диссипативной системы [1]. Поскольку ригидность, даже если она рассматривается как свойство системы, проявляется в поведении, в виде фиксированных форм такого поведения, то важно было проследить истоки возникновения этих форм. В этой связи необходимо было обратиться к проблеме структуры поведенческого акта, выделив поведение как акт, соотносительный с содержанием жизненной ситуации, в которой находится субъект. Именно в этом смысле ригидность может выступать как проявление открытости человека как системы, как ригидность его информационного взаимодействия с внесистемным пространством, и одним из проявления такого свойства будут скоростные особенности обработки поступающей информации, свойственные данному индивиду [2]. При этом можно полагать, что успешность взаимодействия человека с внесистемным пространством будет, в частности, обусловлена скоростными характеристиками активности мозга, то есть тем, насколько быстро может произойти уподобление рабочего органа, по терминологии Н.А. Бернштейна, условиям осуществления человеком тех или иных действий, входящих в структуру поведенческого акта [3]. В этом случае, скорость такого уподобления на психологическом уровне должна существовать как скорость возникновения у субъекта смысла того, что происходит вне его, того на что необходимо срочно и точно повлиять. Эта характеристика поведенческого акта достаточно давно интересовала исследователей, особенно тех из них, которые работали в области дифференциальной психофизиологии. Еще со времен И.П. Павлова было выделено особое свойство нервной системы, которое называли «подвижностью – инертностью нервной системы», полагая при этом, что «...свойства подвижности объединяются одним общим признаком, а именно категорией скорости протекания самых разнообразных функций» [4, с. 550]. Если это так, то корреляционные связи между выраженностью ригидности и, в данном случае, подвижностью нервной системы будут еще одним подтверждением возможности объяснения наличия и содержания ригидности особенностями активности мозга. Для проверки данного предположения была использована методика А.Е. Хильченко в модификации М.Н. Борисовой [4].

Валидность методики целям исследования определялась содержанием, поскольку ее сутью было измерение у испытуемых скорости выбора одной из трех альтернатив. Такое измерение обеспечивалось тем, что от испытуемого требовалось как можно быстрее нажимать на «ключ» (клавиша «D» на клавиатуре компьютера, если слышался высокий звук, а на клавишу «L», если предъявлялся звук низкой частоты, на звук средней частоты реагировать нажатием не следовало). Через каждые 60 предъявлений скорость подачи стимула увеличивалась на 200 мс. В предъявлениях звуковых стимулов какой-то выраженной закономерности не было. Параметром скоростной характеристики экспериментальной деятельности испытуемых была взята предельная скорость, при которой испытуемый правильно распознавал смысл предъявления и безошибочно выбирал ту кнопку, которая соответствовала тональности звука. Методическим основанием для такого эксперимента было положение Л.С. Выготского [5] о том, что физиологическое и психологическое суть две стороны одного процесса – поведения.

В исследовании принимали участие подростки 14 лет с выраженной психологической ригидностью и флексибельностью, данный параметр определялся с применением Томского опросника ригидности [6], испытуемые также принимали участие в обследовании с применением электроэнцефалографа-анализатора ЭЭГА – 21/26 «ЭНЦЕФАЛАН – 131 – 03». При этом учитывалась степень индивидуальной выраженности амплитудных характеристик ЭЭГ-активности, то есть амплитудных характеристик электроэнцефалограмм испытуемых, которые, предположительно, могли бы быть индикаторами выраженности ригидности, как психологического свойства индивида.

Прежде всего, необходимо было определить, существует ли разница у испытуемых с разной степенью выраженности психологической ригидности в скоростных характеристиках обработки ими поступающей информации. Поэтому предположили, что параметр ригидность – флексибельность может определяться тем, как быстро усваивается испытуемыми смысл сигнала и возникает возможность адекватного реагирования на этот смысл. У «флексибельных» должна наблюдаться относительно более

высокая скорость такого смыслового упорядочения. Индикатором этого является то, что «флексибельные» должны успешно работать на высоких скоростях предъявления альтернативных стимулов, а «ригидные» будут медленнее обрабатывать содержание стимульной ситуации. Статистический анализ экспериментального материала показал правомерность такого предположения. «Флексибельные» работали без сбоев на скорости предъявления стимулов в 1286,7 мс, а у «ригидных» средняя скорость равнялась 1573,3 мс, разница составила 286,6 мс различия достоверны, t -критерий Стьюдента равен 2,38 и статистически значим при $p < 0,05$. Следовательно, уже предварительный анализ экспериментального материала показал, что степень выраженности психологической ригидности существенным образом определяет скоростные показатели обработки испытуемыми смыслов предъявляемых стимулов или определяется ими.

Таким образом, у нас появляется возможность говорить о том, что нахождение человека в континууме «ригидности – флексибельности», может обуславливаться скоростными характеристиками деятельности его нервной системы, которые определяют скорость обработки субъектом информации, поступающей из внесистемного пространства, и можно полагать наличие особенных динамических характеристик, которые следует назвать общей или физиологической ригидностью. Эта «физиологическая ригидность» может существовать лишь как возможность существования иной уже содержательной, то есть «психологической ригидности», которая как раз и существует как «разные способы уравнивания организма со средой» [7, с. 445]. Однако в этом случае возникает две проблемы: 1) чем обусловлены на уровне деятельности мозга, выявленные нами скоростные параметры активности нервной системы испытуемых; 2) какие конкретно содержательные характеристики психологической ригидности могут определяться скоростными свойствами нервной системы. Если начать со второй проблемы, то следует определить, с чем именно, то есть с какими содержательными характеристиками психологической ригидности связана выраженность скоростных параметров обработки субъектом информации, поступающей из внешней среды. Поэтому предположили, что такая связь может обнаружиться, в силу обобщенности скоростных характеристик, прежде всего с выраженностью психологической ригидности по шкале «Симптомокомплекс ригидности», такое предположение вытекает из анализа тех вопросов, которые вошли в эту шкалу. Оказалось, что на самом деле результаты применения методики Хильченко соотносятся со шкалой «Симптомокомплекс ригидности». Статистический анализ экспериментального материала подтвердил правомерность данного предположения. Оказалось, что шкала «Симптомокомплекс ригидности» коррелирует со скоростью предъявления стимулов. Коэффициент корреляции равен 0,33 и статистически значим при $p < 0,01$. Причем, если учесть, что ранжированные таблицы составлялись так, чтобы они начинались с максимальной выраженности флексибельности, то полученный коэффициент корреляции свидетельствует о том, что чем больше выражена ригидность, тем меньшую скорость обработки смысловой информации показывает испытуемый. Здесь следует заметить, что под скоростью обработки информации подразумевается тот интервал предъявления стимулов, который предшествует наступлению события, когда количество ошибок, совершаемых испытуемым, превышает 5%. Это значит, чем меньше скорость, тем больше интервал предъявления стимулов, которые должен распознать испытуемый.

Таким образом, предварительные исследования позволяют говорить, что психологическая ригидность может существовать как скоростные характеристики обработки информации, и, следовательно, можно ставить вопрос о динамических характеристиках деятельности мозга, который обеспечивают существование этого содержательного аспекта ригидности.

Исходя из того, что в данном случае психологическая ригидность обеспечивается скоростью переработки информации нервной системой испытуемых, предположили, что это могут быть индикаторы ЭЭГ-активности, связанные с деятельностью лобных долей и тех отделов мозга, которые относятся к блоку хранения и переработки информации. При этом предположили, что индикатором выраженности предельной активности должна являться амплитуда смены потенциалов ЭЭГ-активности мозга.

Статистический анализ экспериментального материала подтвердил правильность наших предположений. Оказалось, что на достоверном уровне со скоростью обработки информации кор-

релируют амплитудные характеристики ЭЭГ-активности мозга испытуемых снятые с отведений, относящихся к блоку хранения и переработки информации. Причем, скорость предъявления стимулов значимо коррелирует с амплитудными характеристиками деятельности нейронных структур, которые относятся к блоку хранения и переработки информации левого полушария. Такая зависимость вполне объяснима, ведь данное полушарие отвечает за отражение закономерностей, а суть методики Хильченко как раз и состоит в скорости распознавания содержания, в данном случае тональности, предъявляемого стимула [8]. Коэффициент корреляции равен 0,27 и статистически значим при $p < 0,05$.

Предъявление стимула и требование дифференцированного ответа на него, конечно, может быть обеспечено деятельностью нейронных структур, составляющих лобные доли головного мозга. В этой связи резонно было предположить, что выраженность амплитудных характеристик ЭЭГ-активности блока программирования и контроля будет влиять на скоростные харак-

теристики принятия испытуемыми решения – на какую кнопку нажимать, какая реакция будет соответствовать содержанию стимула. Статистический анализ подтвердил правомерность такого предположения. Коэффициент корреляции между скоростными характеристиками поведения испытуемых в ходе проведения методики Хильченко и средней амплитудой, снятой с подключений, относящихся к данному отделу головного мозга, то есть к блоку программирования и контроля равен 0,26 и статистически значим при $p < 0,05$.

Таким образом, статистический анализ экспериментального материала показал, что наша гипотеза о том, что скоростные характеристики поведения субъекта, обеспечивающие испытуемым адекватность ответа на содержание сигнала, определяются амплитудными характеристиками ЭЭГ-активности нейронных структур, относящихся к лобным долям и к блоку хранения и переработки информации, причем в соотносительности с содержательной спецификой левого полушария, подтвердилась.

Библиографический список

1. Ключко, В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. – Томск. 1996. – Вып. 2.
2. Герасимов, В.П. Индивидуальность в системной парадигме. – Бийск, 2003.
3. Бернштейн, Н.А. Некоторые проблемы регуляции двигательных актов // Вопросы психологии. – 1957. – № 6.
4. Небылицын, В.Д. Проблемы психологии индивидуальности. – М.; Воронеж, 2000.
5. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология. – М., 2000.
6. Залевский, Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, в образовании, науке, норме и патологии). – М.; Томск, 2004.
7. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – М., 1965.
8. Блум, Ф.Ф. Мозг, разум, поведение / Ф. Блум, А. Лейзерсон, Л. Хофстедтер. – М., 1988.

Bibliography

1. Klochko, V.E. Chelovek kak psikhologicheskaya sistema // Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal. – Tomsk. 1996. – Vihp. 2.
2. Gerasimov, V.P. Individualnost v sistemnoy paradigme. – Biysk, 2003.
3. Bernsheytyn, N.A. Nekotoriye problemih regulyatsii dvigatel'nykh aktov // Voprosih psikhologii. – 1957. – № 6.
4. Nebilichin, V.D. Problemih psikhologii individualnosti. – M.; Voronezh, 2000.
5. Vihotskiy, L.S. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa // Psikhologiya. – M., 2000.
6. Zalevskiy, G.V. Fiksirovanniye formih povedeniya individualnykh i gruppovykh sistem (v kul'ture, v obrazovanii, nauke, norme i patologii). – M.; Tomsk, 2004.
7. Teplov, B.M. Problemih individualnykh razlichiy. – M., 1965.
8. Blum, F.F. Mozg, razum, povedenie / F. Blum, A. Leyjerson, L. Khofstedter. – M., 1988.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 14.15.15

Kharlov M.A. FOREIGN EXPERIENCE OF TEACHER TRAINING TO REFLEXIVE ACTIVITY. This article provides an experience of training teaching staff in reflective activity abroad. It is carried out the comparison it with the national experience. It is revealed general and particular, substantial and accidental, theoretical and practical. The conclusion about the feasibility of using the above experience in home teaching practice is performed.

Key words: reflection, reflective activity, training, teaching staff, foreign and blighty experience.

М.А. Харлов, канд. тех. наук, директор ГБОУ СПО «Шадринский политехнический колледж», г. Шадринск, E-mail: harlov55@gmail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА К РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье приводится зарубежный опыт подготовки педагогического персонала к рефлексивной деятельности. Осуществляется его сравнение с отечественным опытом. Выявляется общее и особенное, существенное и случайное, теоретическое и практическое. Делается вывод о целесообразности использования приведенного опыта в отечественной педагогической практике.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивная деятельность, подготовка, педагогический персонал, зарубежный и отечественный опыт.

В отечественной педагогике зарубежный опыт использовался явно недостаточно. Существенные отличия советской системы образования ограничивали знакомством с зарубежными работами исключительно информативной сферы в структуре истории педагогики. Настоящее время сближения социально-экономических отношений России и Запада, вхождения России в Болонский процесс позволяет говорить о формировании единого образовательного пространства, в рамках которого зарубежный опыт становится актуальным не только в научном, но и в практическом плане.

Ученые большинства стран мира (Т. М. Давыдеко, В.И. Зарвазинский, А.Я. Найн, И.А. Стещенко и др. (Россия); В. Clift, D. Cruickshank, S. Houston, G. Posner, A. Pugach, L. Tabachnick, L. Valli, R. Zeichner и др. (США); S. Ashcroft, Y. Clandinin,

O. Connely, S. Erickson, W. Griffiths, A. Lucas и др. (Великобритания); S. Mackinnon, W. Russel и др. (Канада); J. Gore, A. Martinez, L. Robottom, W. Sachs, K. Smith и др. (Австралия); S. Altrichter и др. (Австрия); D. Korthagen и др. (Нидерланды); B. Handal, S. Lauvar и др. (Норвегия),) определяют рефлексивность в качестве центрального компонента системы подготовки педагогического персонала, что отмечается, в частности, в ряде исследований [1 – 11].

Сравнивая отечественный и зарубежный опыт подготовки педагогического персонала к рефлексивной деятельности, мы обнаруживаем в нем и общее, и особенное. Общим является подход, основанный на необходимости специально организованной подготовки педагогического персонала к рефлексивной деятельности изначально при получении высшего базового про-

фессионально-педагогического образования и далее постоянно в процессе профессиональной деятельности (дополнительное профессиональное образование) (J. Calderhead [12], S. Raymond [13], R. Zeichner [8], и другие). А различным – подход, основанный на том, что развивать педагогическую рефлексию необходимо исключительно в процессе профессиональной деятельности, занимаясь самовоспитанием и самообразованием (T. Crews [14], G. J. Posner [9], A. Ross [15] и другие).

Более того, в ряде зарубежных исследований мы обнаружили научные позиции, в которых вообще отвергается необходимость организации специальных занятий по развитию педагогической рефлексии. Так, T. Crews, V. Krogh, L. I. Liston, L. Teichner, аргументируют свою точку зрения тем, что «развитию рефлексивности способствуют действия педагога, направленные на воспоминание и устное изложение проведенного урока во время просмотра его по видеомagneтофону; оценивание педагогом урока или воспитательного мероприятия без помощи видеозаписи; анализ опыта учителя, проводившего урок, им самим глазами коллег как будто присутствующих в классе; оценка проведенного урока другими педагогами» [1, с. 53-54].

Однако, с такой позицией вряд ли можно согласиться. Нас, прежде всего, интересует зарубежный опыт по специально организованной подготовке педагогического персонала к рефлексивной деятельности. Например, M. Zeichner [8] считает целесообразным обучение рефлексии через индивидуальные курсы, программы и рефлексивные исследования; другой способ предлагает R. Raymond [2] – рефлексивные автобиографии обучаемых. Для развития рефлексивного мышления M. Lipman [16], основоположник рефлексивного подхода в зарубежной педагогике, предлагает обязательное изучение философии для формирования широкого спектра мыслительных навыков с помощью следующих приемов: операционализация понятий посредством упражнений и других видов деятельности; использование собственного опыта; поощрение диалога в группе. Одновременно, он предлагает [17] превратить обычную практику педагога в практику критическую (или рефлексивную). При этом им выделяется четыре этапа в критическом осмыслении педагогической практики: критика практики своих коллег, самокритика, коррекция практики других и самокоррекция.

G.R. Harvard, P. Hodkinson выдвигают три направления, которые способствуют развитию рефлексии [7, с. 110]: аспекты преподавания, связанные с проблематизацией рефлексии; аспекты преподавания, основанные на исследовательской деятельности; онтологический аспект рефлексии (методологической основой рефлексии должно стать философское учение о бытии). А также определяют [7, с. 125] четыре основополагающих компонента, на которые необходимо ориентироваться при подготовке педагога к рефлексивной деятельности: практическая деятельность учителя, знание предмета, социальные и этические принципы, составляющие основу опыта учителя, общество и его институты.

«R. Beard, P. Jarvis, E. Husserl, R. Fry, A.B. Knox, M. Knowles, D. Colb, R. Mannings, D. Schon основополагающим положением своих педагогических систем по подготовке педагогического персонала к рефлексивной деятельности считают опыт обучающихся (learning experience)» [6, с. 51].

P. Jarvis [18] классифицирует рефлексивные виды обучения следующим образом: размышление (contemplation), рефлексивное овладение умениями (reflective skills learning) и экспериментальное обучение (experimental learning). Они объединены сопровождающим их мыслительным анализом. При этом P. Jarvis понимает «размышление» как «процесс обдумывания опыта и выведение заключения без обращения к более широкой социальной действительности» [18, с. 53], как «получение нового знания и обогащение человека на основе теоретического анализа опыта» [18, с. 53]. А «рефлексивное овладение умениями» – как «более тонкий, усложненный подход к преподаванию практических дисциплин» [18, с. 55]. Для овладения ими, как он считает: «необходим осознанный подход, который заключается не только в понимании алгоритма деятельности, но и в усвоении сопроводительной информации, объясняющей специфику его выполнения» [18, с. 55]. «Экспериментальное обучение, по его мнению, – это «вид обучения, при котором теория проверяется на практике, и конечным продуктом этой проверки является знание» [18, с. 57].

В зарубежном опыте по подготовке педагогического персонала к рефлексивной деятельности можно выделить следующие направления: академическое, социально-ориентированное, развивающее и социал-реконструктивистское, которые характеризуются такими особенностями.

Представители академического направления (P. Borrowman, A. Buchman, S. Holton, F. Koerner, R. Reiser, K. Shulman, S. Willson и другие) выдвигают на первое место в подготовке к рефлексивной деятельности, прежде всего, «знания предмета, профессиональные и интеллектуальные знания» [19, с. 32]. «Знание выступает общим когнитивным основанием для рефлексивной выработки педагогом собственных практических решений» [20, с. 43]. Отдельные представители академического направления (K. Shulman, S. Willson, A. Richert и другие) выдвигают шесть основных аспектов в подготовке к рефлексивной деятельности: понимание, трансформация, инструкция, оценка, рефлексия и новое понимание. «Представление учебного материала предполагает обдумывание преподавателем ключевой идеи урока и альтернативных путей его презентации. Само же представление осуществляется в следующих формах: аналогия, метафора, пример, доказательство, моделирование» [21, с. 118]. Таким образом, в рефлексивной практике данными учеными на первый план выдвигается содержание обучения.

Представители социально-ориентированного направления (L. Berliner, M. Cremin, S. Feiman-Nemser, N. Gentile, W. Good, L. Kyle, W. Lane, A. Ross, F. Steier, S. Zumwalt и другие), развивая предыдущий когнитивно-содержательный опыт подготовки к рефлексивной деятельности, дополняют его умениями, и навыками [22-23]. При этом в рефлексивной практике предлагается широко использовать исследовательские проекты и задания [24].

Представители развивающего направления (D. Duckworth, R. Gould, N. Fosnot, H. Mitchell, P. Perrone, S. Sigel) [25] акцентируют внимание на личностном и профессиональном развитии будущего педагога. В частности, выдвигаются следующие важные положения [25, с. 49]. Обучение должно происходить в позитивной обстановке, в атмосфере теплоты, эмоциональной искренности и взаимного признания. Преподаватель выступает не в роли «контролера», доминирующего над учебным процессом, а в качестве консультанта и «источника познания», который всегда готов помочь. Каждый обучающийся получает реальную возможность выбора «познавательных альтернатив», а преподаватель поощряет его к самореализации. Основной критерий – максимальное развитие творческого потенциала и стимулирование способностей личности. Сущность процесса обучения – накопление субъективного опыта познания, пронизывающего человеческую жизнь; обогащение его новыми гранями и содержательными элементами.

И, наконец, представители социал-реконструктивистского направления (W. Beyer, L. Boles, T. Freedman, A.A. Glatthorn, S. Kemmis, T. Liston, S. Pollard, M. Tann, R. Zeichner, L. Valli) в качестве своих основных положений выдвигают следующее: образовательное учреждение – инструмент социальной реконструкции, и поэтому подготовка педагогического персонала к рефлексивной деятельности должна быть связано с его общественной деятельностью, а рефлексия педагога направлена на исключение тех социальных условий, которые искажают самопознание педагога и снижают обучающий потенциал образовательного учреждения. Они утверждают, что характерной особенностью рефлексивного педагога является «способность прогнозировать результаты своей деятельности» [26, с. 58], которые могут привести к следующему [26, с. 59]. Личные последствия – результат влияния на самоопределение обучающегося. Академические последствия – результат влияния на интеллектуальное развитие обучающегося. Социальные последствия – влияние на дальнейшую жизнь ученика.

В зарубежной педагогике можно выделить еще одно важное направление – собственно рефлексивное обучение (представитель – D. Cruickshank), в котором акцент делается на самой рефлексии безотносительно к ее объектам, но вовсе не исключая последних. В рамках этой модели процесс обучения представляется как двунаправленный, в котором обучающиеся связывают всю получаемую из разных источников информацию с личным опытом восприятия мира. Процесс, в котором эта информация рассматривается ими не как нечто, просто добавляемое в копилку знаний, а как новые перспективы для перестройки уже существующего внутреннего знания. Обучающийся достигает наилучших успехов тогда, когда находится в процессе самостоятельного поиска и построения тех знаний, которые ему лично необходимы.

D. Cruickshank отождествляет рефлексивное обучение с размышлением преподавателя относительно того, что происходит на уроке, альтернативных средств выполнения поставленных им целей и задач. «Субъектом рефлексивного обучения на уроке является преподаватель. Рефлексия по поводу технологии урока является средством его профессионального совершен-

ствования» [19, с. 187]. L. Barlett [27] трактует понятие рефлексивного обучения более широко: и в плане предмета рефлексии, и в плане субъекта рефлексии. Во-первых, говоря о предмете рефлексии, автор отмечает, что «она касается не только занятия, не только конкретной учебной технологии, но и социокультурного контекста, частью которого выступает процесс обучения» [27, с. 201]. Во-вторых, под рефлексивным обучением он понимает «не только рефлексии преподавателя – субъекта рефлексии являются также и обучающиеся» [27, с. 202].

Отмечая наличие различных представлений о подготовке педагогического персонала к рефлексивной деятельности за рубежом, следует констатировать, что «расхождения во взглядах с отечественной наукой проявляются в расстановке акцентов, в опыте конкретных методических приемов. Наличие разных подходов способствует более глубокому и разностороннему раскрытию сущности педагогической рефлексии» [28, с. 194]. Вместе с тем, нам представляется, что вышеприведенное только в общем виде отражает те тенденции, которые присущи современной рефлексивной практике за рубежом. Если же прове-

сти параллели между представленными направлениями зарубежного опыта и существующим опытом отечественной педагогической практики, то «развивающее направление» – можно соотнести с личностно-ориентированной парадигмой в отечественной системе образования, социально-ориентированное – с проблемным обучением, академическое направление – с традиционной или когнитивной парадигмой образования, социал-реконструктивистское направление – не имеет аналогов в российской системе образования.

Тем не менее, все вышеприведенное о подготовке педагогического персонала к рефлексивной деятельности за рубежом помогает выявить общее и особенное, существенное и случайное, теоретическое и практическое и тем самым способствует целесообразному и более эффективному его использованию. Анализ же существующей зарубежной практики подготовки педагогического персонала к рефлексивной деятельности позволяет заключить, что этот богатый опыт необходимо более полно использовать при решении аналогичных задач в отечественной педагогике.

Библиографический список

1. Вислогузова, М.А. Технология подготовки к творческой педагогической деятельности / М.А. Вислогузова, Ф.Б. Сушкова. – М., 1995.
2. Кларин, М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. – М., 1994.
3. Митина, А.М. Зарубежные эмпирические теории дополнительного образования взрослых // Педагогика. – 2003. – № 10.
4. Реформы образования в современном мире. Глобальные и региональные тенденции. – М., 1995.
5. Талалова, Л.Н. Малая группа – эффективная форма подготовки американского учителя Л.Н. Талалова // Педагогика. – 1994. – № 3.
6. Школьные реформы в развитых странах Запада / под ред. З.А. Мальковой, С.В. Митиной. – М., 1992.
7. Action and Reflection in Teacher Education / Ed. by G. R. Harvard, P. Hodgkinson. Norwood (N.I.). Ablex publ.corp. 1994. XI.
8. Gore, J.M. Action Research and Reflective Teaching in Preservice Teacher Education. A Case Study from the USA / J. M. Gore, R.M. Zeichner // Teaching and Teacher Education, 1997. – Vol.13. – № 21.
9. Posner, George J. Field Experience: A Guide to Reflective Teaching. Longman / George J. Posner. – N.-Y. and L., 1985.
10. Valli, L. Moral Approaches to Reflective Practice. Encouraging Reflecting Practice in Education / L. Valli. – N.Y.: Teachers College Press, 1990.
11. Valli, L. The Question of Quality and Content in Reflective Teaching. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association / L. Valli. – Boston, 1990.
12. Calderhead, J. Reflecting Teaching and Teacher Education / J. Calderhead // Teaching and Teacher Education. – 1989. – Vol. 5.
13. Raymond, S. American Federation of Teachers. Principles for Professional Development. – Washington, D.C.: Author, 1995.
14. Crews, T. Training and Development Handbook (3 ed.) A Guide to Human Resource Development / Craig P. L. (ed. in chief). – N.Y. Hill Book, 1987.
15. Ross, A. Reflective Thinking: The Method of Education. – Westport: Comm. Greenwood Press, 1987.
16. Lipman, M. Thinking in Education. Cambridge / M. Lipman // The reflective model of educational practice. – 1991.
17. Lipman, M. Thinking and the School Curriculum / M. Lipman, M. Sharp, F. Oscanyan // Philosophy in the Classroom. – Sec. Ed. Philadelphia, 1980.
18. Jarvis, P. Adult and Continuing Education: Theory and Practice / P. Jarvis. – London, N.Y., 1995.
19. Reiser, R.A. Examining the Planning Practice Teachers: Reflections of 3 Years of Research / R. A. Reiser // Educational Technology. – 1994. – V. 34 (3).
20. Reflective Teaching /D. Cruickshank, S. Holton, D. Fay, S. Williams, S. Kennedy, B. Myers, S. Hough. – Distributed by Phi Delta Kappa 8th and Union Sts., Box 789 Bloomington, A. № 47402.1989.
21. Shulman, K. Knowledge Growth in Teaching Project / K. Shulman, S. Willson, A. Richert. – 1987.
22. Feiman – Nemser S. «Learning to Teach» / S. Feiman – Nemser / In L.S. Shulman and G. Sykes (eds.), Handbook of Teaching and policy. – N.Y.: Longman: White Plains, 1983.
23. Lane, W. Clustering // Improving College & University Teaching. – August – 1988.
24. Steier, F. Research as Self-Reflexivity, Self-Reflexivity as Social Process // Research and Reflexivity / Ed. F. Steier. – L., 1991.
25. Gould, R.L. Transformations: During Early and Middle Adult Years / R. L. Gould, N. Smelser and E.N. Ericson (eds.) // Themes of World and Love in Adulthood. – N.Y., 1991.
26. Glatthorn, A.A. The Teacher's Portfolio: Fostering and Documenting Professional Development / A. A. Glatthorn. – Pro. Active Publications, Pockport, MA, 1996.
27. Barlett, L. Teacher Development through Reflective Teaching. Second Language Teacher Education / L. Barlett / In Richards, J.C. and Nunan, D. – 1994.
28. Стещенко, И.А. Педагогическая рефлексия: теория и технология развития: дис. ... д-ра пед. наук. – Тараног, 2006.

Bibliography

1. Visloguzova, M.A. Tekhnologiya podgotovki k tvorcheskoy pedagogicheskoy deyatel'nosti / M.A. Visloguzova, F.B. Sushkova. – M., 1995.
2. Klarin, M.V. Innovatsionnye modeli obucheniya v zarubezhnykh pedagogicheskikh poiskakh. – M., 1994.
3. Mitina, A.M. Zarubezhnye ehmpiricheskie teorii dopolnitelnogo obrazovaniya vzroslykh // Pedagogika. – 2003. – № 10.
4. Reformy obrazovaniya v sovremennom mire. Globalniye i regionalniye tendentsii. – M., 1995.
5. Talalova, L.N. Malaya gruppya – ehffektivnaya forma podgotovki amerikanskogo uchitelya L.N. Talalova // Pedagogika. – 1994. – № 3.
6. Shkol'nyye reformy v razvitykh stranakh Zapada / pod red. Z.A. Maljkovoy, S.V. Mitinoy. – M., 1992.
7. Action and Reflection in Teacher Education / Ed. by G. R. Harvard, P. Hodgkinson. Norwood (N.I.). Ablex publ.corp. 1994. XI.
8. Gore, J.M. Action Research and Reflective Teaching in Preservice Teacher Education. A Case Study from the USA / J. M. Gore, R.M. Zeichner // Teaching and Teacher Education, 1997. – Vol.13. – № 21.
9. Posner, George J. Field Experience: A Guide to Reflective Teaching. Longman / George J. Posner. – N.-Y. and L., 1985.
10. Valli, L. Moral Approaches to Reflective Practice. Encouraging Reflecting Practice in Education / L. Valli. – N.Y.: Teachers College Press, 1990.
11. Valli, L. The Question of Quality and Content in Reflective Teaching. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association / L. Valli. – Boston, 1990.
12. Calderhead, J. Reflecting Teaching and Teacher Education / J. Calderhead // Teaching and Teacher Education. – 1989. – Vol. 5.
13. Raymond, S. American Federation of Teachers. Principles for Professional Development. – Washington, D.C.: Author, 1995.
14. Crews, T. Training and Development Handbook (3 ed.) A Guide to Human Resource Development / Craig P. L. (ed. in chief). – N.Y. Hill Book, 1987.
15. Ross, A. Reflective Thinking: The Method of Education. – Westport: Comm. Greenwood Press, 1987.
16. Lipman, M. Thinking in Education. Cambridge / M. Lipman // The reflective model of educational practice. – 1991.

17. Lipman, M. Thinking and the School Curriculum / M. Lipman, M. Sharp, F. Oscanyan // Philosophy in the Classroom. – Sec. Ed. Philadelphia, 1980.
18. Jarvis, P. Adult and Continuing Education: Theory and Practice / P. Jarvis. – London, N.Y., 1995.
19. Reiser, R.A. Examining the Planning Practice Teachers: Reflections of 3 Years of Research / R. A. Reiser // Educational Technology. – 1994. – V. 34 (3).
20. Reflective Teaching /D. Cruickshank, S. Holton, D. Fay, S. Williams, S. Kennedy, B. Myers, S. Hough. – Distributed by Phi Delta Kappa 8th and Union Sts., Box 789 Bloomington, A. № 47402.1989.
21. Shulman, K. Knowledge Growth in Teaching Project / K. Shulman, S. Willson, A. Richert. – 1987.
22. Feiman – Nemser S. «Learning to Teach» / S. Feiman – Nemser / In L.S. Shulman and G. Sykes (eds.), Handbook of Teaching and policy. – N.Y.: Longman: White Plains, 1983.
23. Lane, W. Clustering // Improving College & University Teaching. – August – 1988.
24. Steier, F. Research as Self-Reflexivity, Self-Reflexivity as Social Process // Research and Reflexivity / Ed. F. Steier. – L., 1991.
25. Gould, R.L. Transformations: During Early and Middle Adult Years / R. L. Gould, N. Smelser and E.N. Ericson (eds.) // Themes of World and Love in Adulthood. – N.Y., 1991.
26. Glatthorn, A.A. The Teacher's Portfolio: Fostering and Documenting Professional Development / A. A. Glatthorn. – Pro. Active Publications, Pockport, MA, 1996.
27. Barlett, L. Teacher Development through Reflective Teaching. Second Language Teacher Education / L. Barlett / In Richards, J.C. and Nunan, D. – 1994.
28. Stethenko, I.A. Pedagogicheskaya refleksiya: teoriya i tekhnologiya razvitiya: dis. ... d-ra ped. nauk. – Taganrog, 2006.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 159

Chukhrova M.G., Savitzkaja N.I. YOUNG PEOPLE ALCOHOL CONSUMPTION MOTIVATION IN GENDER ASPECT.

We present descriptive characteristics of the alcoholic motivation of young people, taking into account psychosocial gender. The differences that must be considered when developing interventions for prevention of alcohol dependence.

Key words: consumption of psychoactive substances, alcohol, alcoholic motivation, prevention of alcohol dependence.

М.Г. Чухрова, д-р. мед. наук, проф. ФГБОУ ВПО «НГПУ», E-mail: mba3@sibmail.ru;

Н.И. Савицкая, магистрант ФГБОУ ВПО «НГПУ», г. Новосибирск, E-mail: myrr10@mail.ru

МОТИВАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ МОЛОДЕЖЬЮ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Представлены дескриптивные характеристики алкогольных мотиваций молодежи с учетом психосоциального пола. Выявлены различия, которые необходимо учитывать при разработке мер профилактики алкогольной зависимости.

Ключевые слова: потребление психоактивных веществ, алкоголизм, алкогольные мотивации, профилактика алкогольной зависимости.

Изучение мотиваций потребления психоактивных веществ (ПАВ) молодежью является одной из важнейших предпосылок для разработки мер профилактики зависимостей. Как показывают результаты многочисленных исследований на эту тему (Менделевич В.Д., Личко А.Е., Дмитриева Е.Д., Бойко В.В., Кошкина Е.А., Чирко В.В., Глаздовский Н.М., Заиграев Г.Г. и др.), в основе мотивации такого рода деятельности, как потребление ПАВ, всегда стоят потребности личности – либо в физическом комфорте, либо в социальных контактах, либо в удовлетворении ориентировочно-исследовательского инстинкта. При этом большинство авторов утверждают, что мотивы потребления алкоголя молодыми людьми связаны не с гендерными характеристиками, а определяются свойством личности на определенном этапе развития. Однако это противоречит здравому смыслу, поскольку потребление ПАВ юношами и девушками существенно различается по основным мотивам, а на структуру мотивов может оказывать влияние психосоциальный пол (гендер). Мы высказали предположение, что гендерные характеристики имеют непосредственное отношение к формированию мотиваций потребления ПАВ.

Целью исследования стало изучение влияния гендера на мотивацию потребления психоактивных препаратов.

Материал и методы исследования. Исследование было проведено в двух группах испытуемых: юношей и девушек, по 30 человек в каждой. Юноши – курсанты военного института в возрасте 19-21 лет, девушки – студентки Педагогического университета той же возрастной группы. Применялся анонимный анкетный опрос, опросник С. Бем [1] и шкала алкогольных мотиваций В.Ю. Завьялова [2].

Результаты. Подавляющее большинство молодых людей (91,7%) имели опыт употребления алкогольных напитков в течение жизни. Причем у девушек этот показатель оказался статистически значимо выше, по сравнению с юношами (93% и 90% соответственно, $pd^*0,001$). Обследованных молодых людей можно разделить на три примерно равные подгруппы: имеющих

единичные пробы алкоголя (31%), пробовавших алкоголь время от времени (30%) и тех, для кого употребление алкоголя носит регулярный характер (31%). Таким образом, употребляли алкоголь 40 раз или чаще в течение жизни треть опрошенных молодых людей, и данное поведение свойственно в большей степени для юношей, при сравнении с девушками (33% и 29% соответственно, $pd^*0,001$) (таблица 1).

Проблемы, связанные с употреблением алкоголя, были изучены при анализе ответов на конкретный вопрос: «Как часто за последние 12 месяцев Вы сталкивались с перечисленными выше проблемами из-за употребления Вами алкоголя?» (таблица 2).

Наиболее частым среди молодых людей неблагоприятным социальным следствием алкопотребления являются серьезные проблемы с родителями – такое происходило с каждым пятым молодым человеком (17,0%). Причем значимых половых различий по данному пункту выявлено не было, т.е. проблемы с родителями на фоне употребления алкоголя возникают в равной степени часто и у юношей и у девушек. Несколько реже из-за употребления алкоголя у молодых людей случались драки (14,1%), причем значимо чаще у юношей, по сравнению с девушками ($pd^*0,001$), возникали серьезные проблемы с друзьями (11,1%), причем значимо чаще у девушек, по сравнению с юношами ($pd^*0,001$). Еще более редкими были травмы, плохая успеваемость и наличие половой связи без презерватива (9,3%). Причем плохая успеваемость чаще следовала за алкопотреблением девушек по сравнению с юношами ($pd^*0,01$). Наиболее редкими негативными последствиями алкопотребления для молодых людей являются: проблемы с полицией (8,3%), половая связь, о которой приходилось жалеть (7,0%), нападения (2,2%) и госпитализация (1,2%). Данные виды социальных исходов значимо чаще встречались у юношей, чем у девушек.

Таким образом, рискованное сексуальное поведение на фоне употребления алкоголя в большей степени присуще юношам, чем девушкам ($pd \leq 0,001$). Все перечисленные проблемы за последние 12 месяцев в среднем по выборке отмечались 1-2 раза, за исключением драк, плохой успеваемости и половой

Таблица 1

Характеристики потребления алкоголя в обследованной группе

Наименование категорий шкал	Все	Пол		Δ	X²	
		Юноши	Девушки		Значение	Достоверность различия, p≤
Употребление любых алкогольных напитков в течение жизни						
Да	91,7	89,8	93,2	-3,4	32,1	0,001
Нет	8,3	10,2	6,8	3,4		
Частота употребления алкогольных напитков в течение жизни						
1-9 раз	31,1	30,6	31,5	-	72,8	0,001
10-39 раз	30,0	26,4	33,2	-		
40 раз и более	30,5	32,9	28,6	-		
Употребление любых алкогольных напитков в течение 12 месяцев						
Да	80,1	76,2	83,4	-7,2	67,4	0,001
Нет	19,9	23,8	16,6	7,2		
Частота употребления алкогольных напитков в течение 12 месяцев						
1-5 раз	33,8	30,7	36,4	-	140,5	0,001
6-19 раз	27,0	25,0	28,7	-		
20 раз и более	19,3	20,6	18,3	-		
Употребление любых алкогольных напитков в течение 30 дней						
Да	49,2	47,1	51,0	-3,9	13,1	0,001
Нет	50,8	52,9	49,0	3,9		
Частота употребления алкогольных напитков в течение 30 дней						
1-2 раза	26,2	23,0	28,9	-	55,4	0,001
3-9 раз	16,9	17,2	16,6	-		
10 раз и более	6,2	6,9	5,5	-		

Таблица 2

Проблемы, связанные с употреблением алкоголя, у молодежи, в %

Проблемы	Было	Ранг	Пол		χ^2	Достоверность различия, $p \leq$
			Юноши	Девушки		
Драка	14,1	2	20,7	8,6	256,4	0,001
Травма, несчастный случай	9,3	4-5-6	10,3	8,4	9,0	0,01
Серьезная проблема с родителями	17,0	1	17,6	16,6		н/зн.
Серьезная проблема с друзьями	11,1	3	9,7	12,2	13,9	0,001
Плохая успеваемость	9,3	4-5-6	8,3	10,2	9,3	0,01
На вас напали или что-то украли	2,2	9	3,3	1,3	39,4	0,001
Проблемы с полицией	8,7	7	11,7	6,1	83,8	0,01
Госпитализация или вызов скорой помощи	1,2	10	1,5	1,0	4,95	0,05
Половая связь без презерватива	9,3	4-5-6	12,1	6,9	68,2	0,001
Половая связь, о которой Вы сожалеете	7,0	8	8,8	5,5	33,9	0,001

связи без презерватива, которые происходили в среднем 3-5 раз за год. Психологическое исследование маскулинности и феминности с помощью опросника Сандры Бем показало следующие результаты (таблица 3).

Полученные данные показывают, что маскулинный и фемининный типы встречаются как среди юношей, так и среди девушек. Почти третья часть испытуемых имеет андрогинный тип личности, которому в равной степени присущи качества обоих стереотипов: маскулинного и фемининного. Среди юношей в существенной степени выражены маскулинные черты (50%): независимость, напористость, властность, склонность защищать свои взгляды, честолюбие, способность к лидерству, склонность к риску, аналитический склад мышления, вера в себя, самодостаточность. Для девушек в большей степени (56%) характерны

феминные черты: скромность, нежность, преданность, застенчивость, сострадание, умение сочувствовать, способность утешить, теплота, сердечность, мягкость, доверчивость. Андрогинные качества, по мнению С. Бем, определяются не как механическая комбинация маскулинных и фемининных черт, а как способность быть гибким в выборе поведенческих ролей в зависимости от обстоятельств. С. Бем (1999) считает, что личность, свободная от желаний вести себя в соответствии с предписанными её полу образцами, является более адаптивной, более гармоничной и психологически более здоровой, лучше приспособлена к требованиям современного мира и к различным жизненным испытаниям. В некоторых случаях андрогинность также может сочетаться с уязвимостью, закрытостью и неспособностью эффективно контролировать свое поведение [1].

Таблица 3

Гендерные характеристики в обследованной выборке

	Маскулинная доминанта	Фемининная доминанта	Андрогинность
Юноши (30 чел.)	15 чел. – 50%	5 чел. – 16,7%	10 чел. – 33,3%
Девушки (30 чел.)	5 чел. – 16,7%	17 чел. – 56,6%	8 чел. – 26,7%

Однако для нас интересно, как проявления маскулинности и феминности сказывается на мотивациях потребления алкоголя. Для изучения влияния психосоциального пола на мотивационные профили испытуемых были сформированы две группы испытуемых: с преобладанием маскулинности (20 чел.) и с пре-

обладанием феминности (22 чел.), независимо от биологического пола. В выделенных группах проведено сравнение мотивационных профилей. Суммарный мотивационный профиль потребления алкоголя приведен на рис. 1, мотивационные профили маскулинных и феминных личностей – на рис. 2.

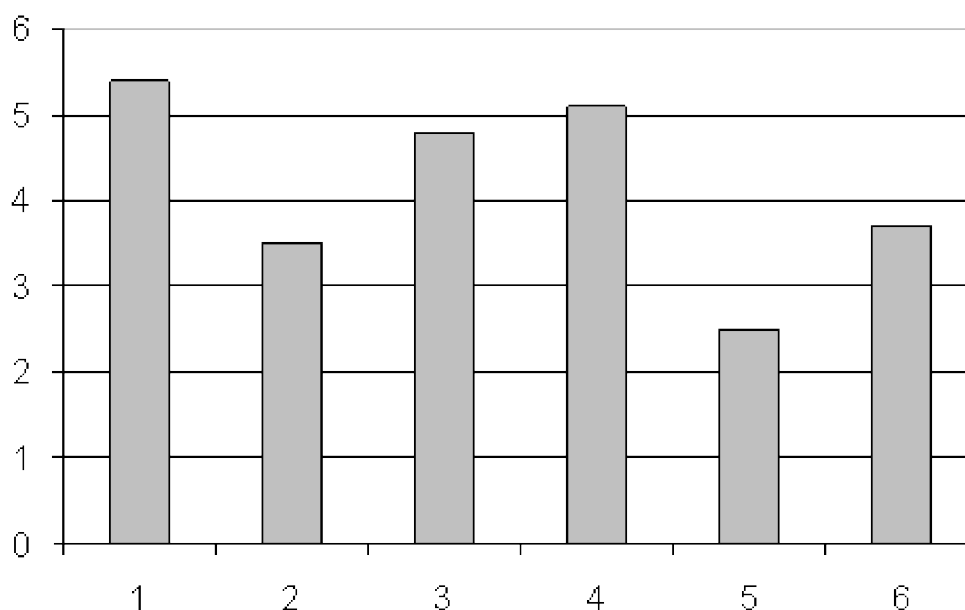

Рис. 1. Суммарный мотивационный профиль потребления алкоголя молодежью.

1 – социально-детерминированные мотивы; 2 – субмиссивные мотивы; 3 – атарактические мотивы; 4 – гедонистические мотивы; 5 – псевдокультурные мотивы; 6 – мотивы гиперактивации поведения – «от скуки».

Кол-во мотивов, усл. ед.

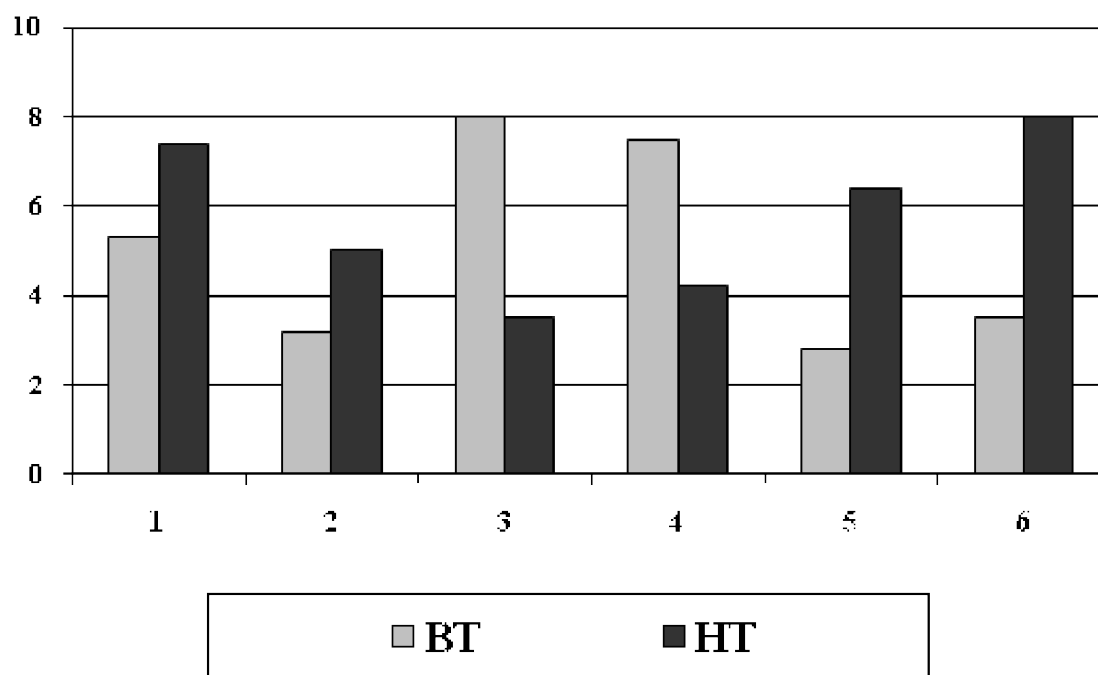

Рис. 2. Мотивационные профили маскулинных (светлые столбцы) и феминных (темные столбцы) личностей.

1 – социально-детерминированные мотивы; 2 – субмиссивные мотивы; 3 – атарактические мотивы; 4 – гедонистические мотивы; 5 – псевдокультурные мотивы; 6 – мотивы гиперактивации поведения – «от скуки».

Ведущей в суммарном профиле (рис. 1) является шкала социально-детерминированных мотиваций выпивок, что встречается наиболее часто. На втором месте гедонистическая мотивация, показывающая стремление испытать эйфорию и получить удовольствие от выпивки. На 3 месте атарактические мотивы, и примерно равные позиции занимают субмиссивные и гиперактивационные (от скуки) мотивации. Псевдокультурные мотивы выражены менее всего. Это стандартный мотивационный профиль потребления молодежью алкоголя, который, с небольшими вариациями, определяется в разных выборках молодежи и студентов [3].

Как следует из рис. 2, мотивационные профили маскулинных и феминных личностей существенно и достоверно различаются. Так, поскольку для феминных личностей в большей степени свойствен рецептивный модус сознания, направленный на восприятие окружающей среды, а не на манипуляцию с ней, то потребление алкоголя для них является социальную функцию (1 мотивация), обеспечивает групповую сплоченность, облегчает общение, служит групповым идентификатором (субмиссивная мотивация), помогает бороться со скукой (6 мотивация). Тогда как для маскулинных личностей, в большей степени ориентированных на собственный внутренний мир, с более жестко заданными понятиями и установками, потребление алкоголя скорее несет психотерапевтическую функцию, оказывая помощь в улучшении здоровья и самочувствия, используется как средство для поддержания психического (сон) и психологического здоровья (атарактическая и гедонистическая мотивации), для получения гедонических ощущений, которых, очевидно, им не хватает в повседневной деятельности. А также у феминных личностей почти в два раза чаще представлена псевдокультурная мотивация, связанная с представлениями об алкоголе как предмете достатка, роскоши, праздника и т.п.

Таким образом, можно считать, что независимо от половой принадлежности, феминные личности больше склонны поддаваться влиянию группы, рассматривают алкоголь как средство

борьбы со скукой и атрибут «красивой жизни», и в меньшей степени используют алкоголь как средство борьбы с душевными неурядицами и проблемами. Маскулинные личности, напротив, склонны использовать алкоголь для купирования тревоги, эмоционального напряжения и меньше склонны поддаваться влиянию группы. Если считать, что тоска, тревога и депрессия – это проявления феминности и противоречит маскулинности, с психоаналитической точки зрения, то употребление алкоголя маскулинные личности усиливает их маскулинность, агрессивность, дух соревнования, что частично подтверждается анализом социальных проблем, связанных с алкоголизацией. Что касается феминности, то здесь ситуация обратная. При употреблении алкоголя не происходит усиления феминных черт (мягкости, спокойствия, нежности, застенчивости и т.п.), напротив, выступают на первый план маскулинные черты: склонность к риску, непредсказуемость, властность. Таким образом, алкоголь является неким «усреднителем» пола для феминных личностей, добавляя им маскулинности. И в том, и в другом случае алкоголь решает определенные личностные проблемы. Но становится понятным, что профилактика алкогольной зависимости для феминных и маскулинных личностей должна существенно различаться.

Выводы

1. Имеются различия в мотивациях потребления алкоголя у маскулинных и феминных личностей, независимо от биологического пола.

2. Потребление алкоголя маскулинные личности связывают прежде всего с фармакологическими эффектами алкоголя как атарактанта и эйфоризатора. Для феминных личностей алкоголизация привлекательна не столько химическим действием алкоголя, сколько его коммуникативными функциями.

3. При изучении алкогольных мотиваций у молодежи необходимо учитывать гендерные характеристики – психосоциальный пол.

Библиографический список

1. Беем, С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. – М., 2004.
2. Завьялов, В.Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости. — Новосибирск, 1988.
3. Медведев, А.С. Патопсихология алкоголизма и патогенетические подходы к его лечению / А.С. Медведев, М.Г. Чухрова. – Минск, 2011.

Bibliography

1. Beem, S. Linzh gendera: transformaciya vzglyadov na problemu neravenstva polov / per. s angl. – M., 2004.
2. Zavjalov, V.Yu. Psikhologicheskie aspekti formirovaniya alkogolnoy zavisimosti. — Novosibirsk, 1988.
3. Medvedev, A.S. Patofiziologiya alkogolizma i patogeneticheskie podkhodhi k ego lecheniyu / A.S. Medvedev, M.G. Chukhrova. – Minsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 378

Shvets N.A. MODEL OF STUDENTS' AND GRADUATES' TRAINING FOR INNOVATIVE BUSINESS. The article dwells on the methodological approaches, principles and conditions of students' and graduates' training for innovative business. One of the essential components of the model is management technology which is fully described in the article.

Key words: model, professional training, students, graduates, innovative business, management.

Н.А. Швец, канд. пед. наук, ст. преп. АГАО им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: shvets-07@mail.ru

МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ К ИННОВАЦИОННОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

В статье обоснованы методологические подходы, принципы и условия подготовки студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству, представлена модель данного процесса, определены её основные компоненты. Большое значение уделено технологии управления данной подготовкой.

Ключевые слова: модель, профессиональная подготовка, студенты, аспиранты, инновационное предпринимательство, управление.

На современном этапе развития экономики России и Алтайского края эффективность сферы предпринимательства во многом зависит от качества профессиональной подготовки выпускников учебных заведений. Нехватка конкурентоспособных, инициативных профессионалов, готовых и умеющих быстро адаптироваться на конкретном потребительском рынке, сдерживает рост числа предприятий малого и среднего бизнеса в различных сферах. К сожалению, важнейшее конкурентное

преимущество предприятий – уровень развития науки и интеллектуальная продукция (изобретения, патенты, ноу-хау, новые технологии, то есть новшества, инновации) используются в нашей стране разрозненно и недостаточно профессионально. Поэтому становление рынка новшеств следует рассматривать не только в связи с развитием предпринимательства в сфере инноваций, но и пересмотра содержания и организации подготовки специалистов к инновационному предпринимательству.

Под инновационным предпринимательством понимается процесс создания и коммерческого использования технико-технологических нововведений [1]. Как правило, в основе предпринимательской деятельности лежит нововведение в области продукции или услуг, позволяющее создать новый рынок, удовлетворить новые потребности. Инновации служат специфическим инструментом предпринимательства, причем не инновации сами по себе, а направленный организованный поиск новшеств, постоянная нацеленность на них предпринимательских структур. П. Друкер отмечает, что «предпринимателей отличает инновационный тип мышления. Инновационность — особый инструмент предпринимательства» [2, с. 41].

В течение последних десятилетий в России бизнес-образование, направленное на подготовку профессионалов к осуществлению предпринимательской деятельности, существует как вполне самостоятельная подсистема в составе системы профессионального образования РФ. Однако, в основном осуществляется подготовка менеджеров организаций на экономических факультетах вузов или в сфере дополнительного профессионального образования взрослых. Таким образом, значительная часть будущих специалистов гуманитарного профиля, обучающихся в вузе и ориентирующихся на предпринимательскую деятельность, не получает соответствующей подготовки к ней. По результатам анализа исследований [3, 4, 5, 6 и др.], которые проводились на неэкономических факультетах вузов, существует потребность в развитии у будущих профессионалов разных профилей, студентов и аспирантов, инновационных качеств

предпринимателей, в популяризации высокотехнологического инновационного предпринимательства, в обучении основам коммерциализации результатов научно-технологической деятельности и поддержки желающих начать собственный инновационный бизнес. Данная ситуация обусловлена тем, что не разработана система подготовки студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству, которая была бы интегрирована в профессиональную подготовку по конкретному направлению.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена противоречием между объективной социально-экономической потребностью в формировании нового поколения предпринимателей с неэкономическим образованием, использующих свой интеллектуальный потенциал (инновационный тип мышления) на благо страны и края, и недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ подготовки к предпринимательской деятельности в педагогическом вузе за счет использования возможностей профессиональной подготовки по направлениям.

Для рассмотрения таких сложных педагогических процессов, как подготовка студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству целесообразно использовать моделирование как метод познания. Разработанная нами модель (Рисунок 1) выстраивалась на основе *системного и личностно-деятельностного подходов*. Анализ психолого-педагогической литературы в рамках исследования позволил выделить следующие принципы: **системности, индивидуализации и сотрудничества, интеграции.**

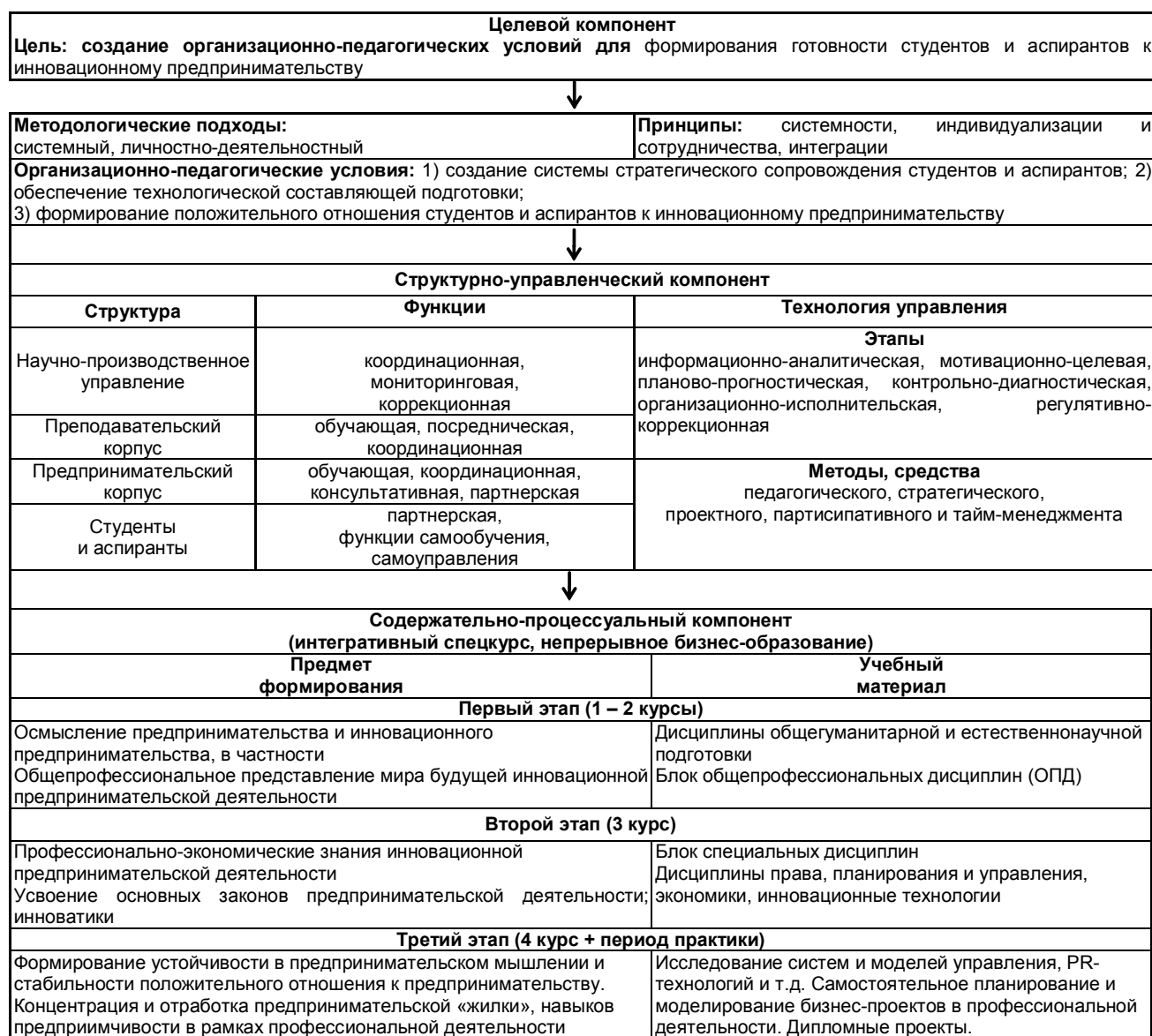

Рис. 1
Модель подготовки студентов и аспирантов
к инновационному предпринимательству

Технологии		Методы	Формы
Игровые (ситуативно-ролевые и деловые игры), тренинги по выработке навыков предпринимательской деятельности. Проектирование предпринимательской деятельности в профессиональной сфере.		Методы поддерживающего и противодействующего обучения, проектные методы, методы диалогового обучения, активные методы	Экскурсии на предприятия, в налоговую инспекцию, в центр развития предпринимательства, бизнес-инкубатор; проведение отдельных занятий предпринимателями, юристами и другими специалистами, PR-акции в защиту бизнес-проектов и т.д.
↓			
Продуктивно-технологический компонент			
Технология разработки и реализации бизнес-проекта: исследования и планирования, организации, подготовки документов, разработки и реализации бизнес-проекта, экспертной оценки, презентации, саморефлексии, подведения итогов.			
Продукты квазипрофессиональной и предпринимательской деятельности: бизнес-проекты, патенты, изобретения, базы данных и другие			
↓			
Диагностический компонент			
Критерии и показатели готовности студентов к инновационному предпринимательству			
Когнитивный	Мотивационный	Операционный	Личностный
Проектно-технологические знания	Стремление к внедрению инновационных направлений	Проектно-технологические умения и навыки	Нравственные качества умелого руководства людьми
Знания вопросов финансирования бизнес-проектов	Предпринимательские мотивы риска и успеха	Умение изучать интеллектуальные и материальные возможности предпринимательской компании	Предприимчивость (способность извлекать выгоду, способность к риску, деловая хватка, способности устанавливать деловые контакты)
Знания нормативных и правовых документов в сфере предпринимательства	Мотивированные установки на социальную значимость инновационного предпринимательства	Управленческие умения (тайм-менеджмент, само-менеджмент)	Инновационность (креативность, генерирование идей, инициативность, нестандартное мышление и др.)
↓			
Результативный компонент			
Уровни готовности студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству			
Высокий	Средний		Низкий
Готовность к инновационному предпринимательской деятельности, имеющей продуктивно-исследовательский характер ее организации и ведения с элементами творчества	Сформированность предпринимательских компетенций на уровне репродуктивного характера организации и ведения предпринимательской деятельности – по образцу		Проектно-технологические знания усвоены слабо, предпринимательские качества сформированы частично

Системность в подготовке студентов к инновационному предпринимательству прослеживается во взаимосвязи всех компонентов данного процесса, четкой последовательности и организованности процесса подготовки, что обеспечивает положительный накопительный эффект, выражающийся в «росте» и развитии профессионального и личностного потенциала студентов и аспирантов, формировании готовности заниматься инновационным предпринимательством в профессиональной деятельности.

Принцип **индивидуализации и сотрудничества в квази-профессиональной деятельности** подразумевает в широком смысле учёт индивидуальных особенностей студентов и аспирантов, их уровня психологической и профессиональной подготовки в процессе разработки и реализации бизнес- и инновационных проектов. Принцип ориентирован на развитие профессионального и личностного потенциала студента и аспиранта, т.е. совокупности необходимых и достаточных качеств предпринимателя, готовность заниматься инновационным предпринимательством в профессиональной деятельности.

В основе **принципа интеграции** лежит использование межпредметных связей таких дисциплин, как экономической теории, маркетинга, менеджмента, права, технологии, налогообложения, этики и др. Принимая во внимание системообразующий компонент модели – интеграцию высшего профессионального образования и бизнеса, инновационные проекты выполняются под руководством или при консультировании специалистов бизнес-структур. Интеграция на уровне управления осуществляется как взаимодополнение методов педагогического, стратегического, партисипативного и тайм-менеджмента [7].

Учитывая особенности подготовки студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству, определены следующие **организационно-педагогические условия**:

1) создание системы стратегического сопровождения студентов и аспирантов:

- построение оптимального взаимодействия всех субъектов профессиональной подготовки к предпринимательской деятельности (научно-производственное управление, преподаватели, студенты, аспиранты, социальные партнеры, предпринимательский корпус);

- создание для студентов системы организационной, правовой, документальной, экономической поддержки бизнес- и инновационных проектов;

2) обеспечение технологической составляющей подготовки студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству:

- интеграция общепрофессиональных и специальных знаний, умений, навыков в рамках междисциплинарного («Основы предпринимательской деятельности», «Ведение в инновационное предпринимательство», «Введение в предпринимательское право», «Менеджмент и маркетинг в инновационной сфере»; «Ценообразование и налогообложение в сфере инноваций»; «Управление командой в бизнесе и предпринимательская этика») спецкурса «Инновационное предпринимательство»;

- непрерывное бизнес-образование через содержание изучаемых дисциплин;

3) формирование положительного отношения студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству как к источнику своего профессионального и личностного роста:

- определение студентами взаимосвязи степени своей самостоятельности и активности и возможностей расширения

поля потенциальных профессиональных контактов и коммерциализации результатов своей научно-технологической деятельности [8];

● использование мотивационных методов (предоставление студентам выполнения представительских функций, свободы принятия решений на всех этапах подготовки бизнес-проектов, обучение техникам и процедурам самоорганизации, тайм-менеджмента и др.).

В структуру модели подготовки студентов к инновационному предпринимательству входят следующие блоки: *целевой, структурно-управленческий, содержательно-технологический, процессуально-продуктивный, диагностический, результативный*. Системообразующим фактором является интеграция высшего профессионального образования и предпринимательского бизнеса.

Целевой блок представляет собой систему цели и задач, комплексное решение которых способствует формированию профессиональной готовности студентов и аспирантов к предпринимательской деятельности.

В структурно-управленческий блок входят следующие субъекты подготовки студентов и аспирантов, выполняющие определённые функции:

1) научно-производственное управление, выполняющее координационную, мониторинговую и коррекционную функцию;

2) преподаватели, которые не только обучают студентов и аспирантов основам инновационного предпринимательства, но и являются модераторами и координаторами квазипрофессиональной деятельности;

3) студенты и аспиранты, которые в процессе подготовки к инновационному предпринимательству должны перейти на уровень самообучения, самоорганизации, самоуправления, стать полноправными партнерами как преподавателей, так и предпринимателей через разработку совместных бизнес-проектов или проектов на заказ;

4) специалисты в области предпринимательства и права, которые также обучают студентов и аспирантов основам инновационного предпринимательства (бизнес-тренеры) и являются наставниками бизнес-проектов в содержательном и технологическом аспектах.

Управление подготовкой студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству как совокупность управленческих функций (информационно-аналитическая, мотивационно-целевая, планово-прогностическая, контрольно-диагностическая, организационно-исполнительская, регулятивно-коррекционная) предоставляет собой совокупность методов и способов педагогического, стратегического, проектного, партисипативного и тайм-менеджмента.

На основе интеграции разных видов менеджмента были определены следующие методы управления подготовкой студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству: **мотивационные** (актуализация позитивных мотивов и торможение негативных мотивов: требование-рекомендация, требование-

просьба, оценка и поощрение, убеждение, открытие перспектив, организация успеха, выполнение представительских функций, проявление персонального внимания, обсуждение); **организационные методы** (методы обучения выбору оптимальных действий: инструктирование, планирование, чёткая организация и мониторинг квазипрофессиональной деятельности); **социально-психологические** (оказание психологической помощи в виде разработанной системы психотренингов, обмен опытом и др.).

В содержательно-процессуальный блок входит межпредметный интегративный спецкурс «Инновационное предпринимательство». Осуществляется непрерывное (с 1-го по 4-й курсы) бизнес-образование через содержание всех изучаемых дисциплин, где используется совокупность форм, технологий и методов подготовки, среди которых можно выделить методы поддерживающего (соучастие, поддержка, согласование действий, стимулирование и др.), противодействующего (соревнования, конкурсы, соперничество, противопоставление мнений, «мозговой штурм» и др.) обучения, активные методы (продуктивный, исследовательский, проблемное изложение) и др.

Продуктивно-технологический блок включает технологию разработки и реализации бизнес-проекта, которая состоит из следующих этапов: исследования и планирования, организации, подготовки документов, разработки и реализации бизнес-проекта, экспертной оценки, презентации, саморефлексии, подведения итогов. В результате планируется получить непосредственные продукты квазипрофессиональной и предпринимательской деятельности – бизнес-проекты, дипломные проекты на заказ, изобретения, патенты, базы данных, ноу-хау и др.

Диагностический блок включает в себя критерии и показатели готовности студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству: когнитивный, мотивационный, операционный, личностный. При диагностике использованы рефлексивная модель оценки творческой активности студента, квалиметрия, эвристические методы (наблюдение, анкетирование, ранжирование и др.), текущий и итоговый контроль, оценка продуктов проектной деятельности, экспертная оценка инноваций, мониторинг развития навыков и личностных качеств предпринимательской деятельности т.д.

Результативный блок отражает формирование личностного и профессионального потенциала (совокупность необходимых качеств предпринимателя) студента и аспиранта, их готовность заниматься инновационным предпринимательством в профессиональной деятельности, выраженная в уровнях готовности к инновационному предпринимательству (низком, среднем, высоком).

Таким образом, предложенная модель как инструмент исследования позволяет наглядно представить сложный процесс подготовки студентов и аспирантов к инновационному предпринимательству, состоящий из взаимосвязанных компонентов, способствующих формированию готовности студентов к инновационному предпринимательству в своей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Мединский, В.Г. Инновационное предпринимательство. – М., 2005.
2. Друкер, П.Ф. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы – М., 1992.
3. Волошина, Т.А. Формирование предпринимательских качеств студентов педагогического вуза в процессе интерактивного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2011.
4. Гатиятуллин, М.Х. Педагогическая система подготовки студентов технического вуза к предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. – Казань, 2009.
5. Демидов, В.В. Формирование компетентности студентов вуза в сфере предпринимательства: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007.
6. Лапа, Е.А. Педагогические условия подготовки выпускника вуза к предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Чита, 2011.
7. Мокрецова, Л.А. Управление разработкой и реализацией студенческих международных телекоммуникационных проектов: теория и практика: монография / Л.А. Мокрецова, Н.А. Швец. – М., 2011.
8. Мокрецова, Л.А. Роль международных телекоммуникационных проектов в формировании культурно-продуктивной личности студента в меняющейся социокультурной ситуации / Л.А. Мокрецова, Н.А. Швец // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4 (8).

Bibliography

1. Medinskiy, V.G. Innovacionnoe predprinimatel'stvo. – M., 2005.
2. Druker, P.F. Rihnok: kak vyihyti v liderih. Praktika i principy – M., 1992.
3. Voloshina, T.A. Formirovanie predprinimatel'skikh kachestv studentov pedagogicheskogo vuza v processe interaktivnogo obucheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – SPb., 2011.
4. Gatiyatullin, M.Kh. Pedagogicheskaya sistema podgotovki studentov tekhnicheskogo vuza k predprinimatel'skoy deyatelnosti: avtoref. dis. ... d-ra. ped. nauk. – Kazanj, 2009.
5. Demidov, V.V. Formirovanie kompetentnosti studentov vuza v sfere predprinimatel'stva: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – M., 2007.
6. Lapa, E.A. Pedagogicheskie usloviya podgotovki vhpusknika vuza k predprinimatel'skoy deyatelnosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Chita, 2011.
7. Mokrecova, L.A. Upravlenie razrabotkoy i realizaciyey studencheskikh mezhdunarodnykh telekommunikacionnykh proektov: teoriya i praktika: monografiya / L.A. Mokrecova, N.A. Shvec. – M., 2011.

8. Mokrecova, L.A. Rolj mezhdunarodnihh telekommunikacionnihh proektov v formirovanii kuljturno-produktivnoj lichnosti studenta v menyayuthejsya sociokuljturnoj situacii / L.A. Mokrecova, N.A. Shvec // Gumanitarniye nauki i obrazovanie. – 2011. – № 4 (8).

Статья поступила в редакцию 02.07.12

УДК 378 (075.8)

Shibaev V.P. TEACHING POSSIBILITIES OF ONLINE LEARNING IN THE PROCESS OF ENHANCING COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS. The article discusses the features of interactive learning and its role in enhancing cognitive activity of students.

Key words: online training, enhanced cognitive activity of students; interactive workshops.

В.П. Шибеев, доц. каф. математики Ставропольского гос. аграрного университета,
г. Ставрополь, E-mail: stgau@stgau.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье рассмотрены особенности интерактивного обучения и его роль в повышении познавательной активности студентов.

Ключевые слова: интерактивное обучение, активизация познавательной деятельности студентов; интерактивные семинары.

В настоящее время учебный процесс требует постоянного совершенствования, так как происходит смена приоритетов и социальных ценностей: научно-технический прогресс все больше осознается как средство достижения такого уровня производства, который в наибольшей мере отвечает удовлетворению постоянно повышающихся потребностей человека, развитию духовного богатства личности. Поэтому современная ситуация в подготовке специалистов требует коренного изменения стратегии и тактики обучения в вузе. Главными характеристиками выпускника любого образовательного учреждения являются его компетентность и мобильность. В этой связи акценты при изучении учебных дисциплин переносятся на сам процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самого студента. Успешность достижения этой цели зависит не только от того, что усваивается (содержание обучения), но и от того, как усваивается: индивидуально или коллективно, в авторитарных или гуманистических условиях, с опорой на внимание, восприятие, память или на весь личностный потенциал человека, с помощью репродуктивных или активных методов обучения.

Современная образовательная парадигма ориентирует образование на формирование компетенций как готовности и способности человека к деятельности и общению предполагает создание дидактических и психологических условий, в которых участник образовательного процесса может проявить не только интеллектуальную и познавательную активность, но и личностную социальную позицию, свою индивидуальность, позволяющую выразить себя как субъект обучения [1].

В зависимости от уровня познавательной активности в учебном процессе различают пассивное и активное обучение.

При пассивном обучении обучающийся выступает в роли объекта учебной деятельности: он должен усвоить и воспроизвести материал, который передается ему преподавателем или другим источником знаний (рис. 1).

При активном обучении слушатель в большей степени становится субъектом учебной деятельности, вступает в диалог с преподавателем, активно участвует в познавательном процессе, выполняя творческие, поисковые, проблемные задания. Осуществляется взаимодействие обучающегося друг с другом при выполнении заданий в паре, группе (рис. 2).

Одним из современных направлений активного обучения является интерактивное обучение. Интерактивное обучение предполагает отличную от привычной логики образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение. Опыт и знания участников образовательного процесса служат источником их взаимобучения и взаимообогащения. Интерактивная модель обучения наиболее эффективна в дополнительном профессиональном образовании, неформальном образовании взрослых, поскольку взрослые имеют большой жизненный и профессиональный опыт (рис. 3).

Возросшее внимание к интерактивным методам обучения объясняется следующими факторами:

- процессами демократизации: для демократического общества характерны договорные отношения между равноправными субъектами. Отношения подчиненности здесь заменяются отношениями партнерства. Социальные изменения привели к смене образовательной парадигмы, носящей выраженный гуманистический характер и предполагающую активное усвоение знаний учащимися;

- необходимостью практического решения проблемы мотивации активности обучающихся. Это достигается не только дидактическими методами и приемами, но и использованием эффективных форм педагогического общения, созданием комфортной, стимулирующей атмосферы, уважением к личности учащегося;

- новыми подходами к определению качества образования, предполагающими ориентацию образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей, получение опы-

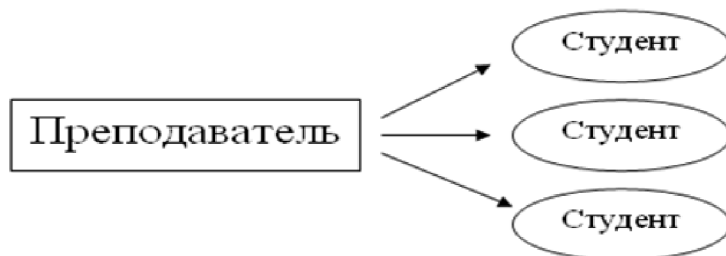

Рис. 1. Пассивный метод

Рис. 2. Активный метод

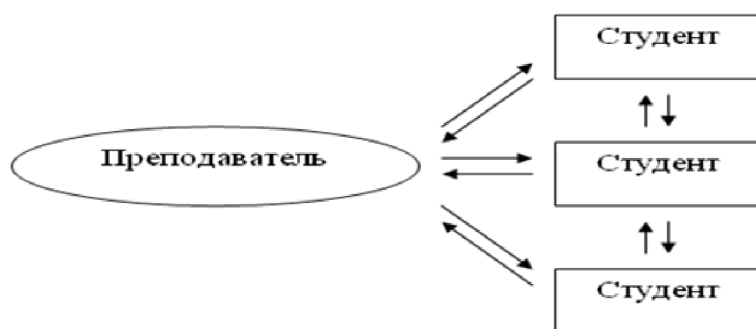

Рис. 3. Интерактивный метод

та самостоятельной деятельности и личной ответственности, формирование компетенций в различных сферах жизнедеятельности.

Формирование компетенций возможно только через соответствующий опыт деятельности и общения, и такой опыт может быть получен именно в режиме интерактивного обучения.

Важным вопросом является практическая значимость от внедрения в педагогическую практику технологии интерактивного обучения.

Для обучающегося она состоит в следующем:

- опыт активного освоения учебного содержания во взаимодействии с учебным окружением;
- развитие личностной рефлексии;
- освоение нового опыта учебного взаимодействия, переживаний;
- развитие толерантности.

Таблица 1

Интерактивные формы организации семинаров в вузе

КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГОВЫЕ	ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВЫЕ	ИМИТАЦИОННО-ИГРОВЫЕ	ИНФОРМАЦИОННЫЕ
<ul style="list-style-type: none"> - круглый стол - форум - симпозиум - консилиум - диспут - дискуссия - пресс-конференция - «техника аквариума» - «судебное заседание» - интеллектуальная дуэль - турнир ораторов - открытая кафедра - сократов круг - интеллектуальный футбол 	<ul style="list-style-type: none"> - семинар-исследование - видеопрактикум - интервью-диалог с приглашением «гостевых профессоров», учёных-специалистов, практиков, работодателей - научно-творческая лаборатория - кейс-студия 	<ul style="list-style-type: none"> - организационно-коммуникативная игра - организационно-мыслительная игра - рефлексивная игра - блиц-игры - деловая, ролевая игра - имитационный тренинг - игры-инсценировки - имитационные игры - ситуационно-ролевые игры 	<ul style="list-style-type: none"> - интернет-конференция - интернет-консилиум - телемост - интернет-блиц-игра - вебинар - семинар-виртуальный музей - семинар «виртуальное путешествие»

Для учебной группы:

- развитие навыков общения и взаимодействия в малой группе;
- формирование ценностно-ориентационного единства группы;
- поощрение к гибкой смене социальных ролей в зависимости от ситуации;
- принятие нравственных норм и правил совместной деятельности;
- развитие навыков анализа и самоанализа в процессе групповой рефлексии;
- развитие способности разрешать конфликты, способности к компромиссам.

Для системы «преподаватель — группа»:

- нестандартное отношение к организации образовательного процесса;
- многомерное освоение учебного материала;
- формирование мотивационной готовности к межличностному взаимодействию не только в учебных, но и во внеучебных ситуациях [2].

Интерактивное обучение нередко реализуется средствами информационных технологий, использованием ресурсов Интернета, а также электронных учебников и справочников, работой в режиме онлайн. Современные компьютерные телекоммуникации позволяют участникам вступать в «живой» (интерактивный) диалог (письменный или устный) с реальным партнером, а также делают возможным активный обмен сообщениями между пользователем и информационной системой в режиме реального времени. Компьютерные обучающие программы с помощью

интерактивных средств и устройств обеспечивают непрерывное диалоговое взаимодействие пользователя с компьютером, позволяют студентам управлять ходом обучения, регулировать скорость изучения материала, возвращаться на более ранние этапы и т.п.

Интерактивное обучение, на наш взгляд, оптимальное всего можно организовать на семинарских занятиях. На основе анализа психолого — педагогической литературы [3] можно выделить следующие формы организации семинаров на интерактивной основе.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что при интерактивном обучении происходит интенсификация процесса понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении практических задач за счет более активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного (здесь и теперь) использования знаний. При этом преподаватель выполняет функцию помощника в работе, одного из источников информации. Центральное место в его деятельности занимает не отдельный студент как индивид, а группа взаимодействующих студентов, которые стимулируют и активизируют друг друга. В этой связи интерактивные методы обучения позволяют решить одновременно три учебного — организационные задачи:

- 1) подчинить процесс обучения управляющему воздействию преподавателя;
- 2) обеспечить активное участие в учебной работе как подготовленных студентов, так и не подготовленных;
- 3) установить непрерывный контроль за процессом усвоения учебного материала.

Библиографический список

1. Шibaев, В.П. Подходы к реализации идей новой образовательной парадигмы в условиях инновационного вуза // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 2 (33).
2. Ступина, С.Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе — Саратов, 2009.
3. Соколова, И.Ю. Методика преподавания педагогики / И.Ю. Соколова, Т.Н. Таранова, Д.А. Хохлова. — Ставрополь, 2006.

Bibliography

1. Shibaev, V.P. Podkhodih k realizacii idej novoy obrazovatel'noy paradigmi v usloviyakh innovacionnogo vuza // Mir nauki, kul'turii, obrazovaniya. — 2012. — № 2 (33).
2. Stupina, S.B. Tekhnologii interaktivnogo obucheniya v viysshey shcole — Saratov, 2009.
3. Sokolova, I.Yu. Metodika prepodavaniya pedagogiki / I.Yu. Sokolova, T.N. Taranova, D.A. Khokhlova. — Stavropol', 2006.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 371.21

Zuev I.V., Nazarov F.G. COMPLEX TECHNOLOGICAL METHODS OF FORMATION OF OPERATIONAL SKILLS STUDENTS OF 5 – 6 CLASSES IN THE PROCESS OF LABOUR TRAINING. Technological methods of operating skills students 5 – 6 classes in vocational education, addresses the problem of technological preparation of students. Preparation of students for positive work in social production, formation of technical and technological world and development as transformational thinking and creativity, create pedagogical conditions for the creative development of personality.

Key words: technology; working instruction; technological methods; employment operations.

И.В. Зув аспирант, ГОУ ВПО «Магнитогорский гос. университет» г. Магнитогорск, E-mail: igor_vz_74@mail.ru; **Ф.Г. Назаров**, аспирант, ГОУ ВПО «Магнитогорский гос. университет» г. Магнитогорск, E-mail: linaf_23@mail.ru

КОМПЛЕКС ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРАЦИОННЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ 5–6 КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются технологические методы эксплуатации навыков учащихся 5-6 классов в системе профессионального образования, рассматриваются проблемы технологической подготовки студентов. Исследуются подготовка студентов к позитивной работе в общественном производстве, формирование технического и технологического мира и развития трансформационного мышления, создание педагогических условий для творческого развития личности.

Ключевые слова: технология; рабочие инструкции; технологические методы работы; операции.

Современная школа в области трудового обучения и воспитания школьников инициировала разработку концепции технологического образования, реализующуюся в новой образовательной области «Технология». Если ранее в школе больше внимания уделялось формированию навыков по определенным видам обработки конструкционных материалов, то сегодня в рамках концепции технологического образования ставятся следующие задачи:

- подготовка учащихся к преобразовательной деятельности в общественном производстве, формирование технико-технологической картины мира и развитие как преобразующего мышления и творческих способностей;
- создание педагогических условий для творческого развития личности

Для решения этих задач необходимо наличие у учащихся технологической грамотности. ЮНЕСКО разработана программа «2000+», суть которой – технологическая грамотность для всех. В современной школе, трудовое обучение рассматривается через технологию, так как технологическое обучение широкое понятие, и оно взаимосвязано со всеми предметами школьной программы.

О. Тоффлер выделил главное в происходящей технологической революции – ее влияние на образ жизни человечества. Нынешний технологический этап характеризуется нарастающими, как лавина, новейшими эффективными технологиями энерго- и ресурсосберегающими, наукоемкими, экологически чистыми, миниатюрными и другими. Предполагается, что нанотехнологии, которые сейчас бурно развиваются, приведут уже в ближайшем будущем к дальнейшему изменению человеческой деятельности и всего стиля жизни общества [1, с. 9].

Словарь иностранных слов даёт следующую трактовку данного понятия «Комплекс – (от лат. complexus связь) совокупность предметов или явлений, составляющих одно целое» [2, с. 345].

Мы рассматриваем «технологические приёмы», как совокупность взаимосвязанных способов организации педагогического воздействия на ученика. Операционные умения выделяем по следующим критериям:

- 1) по цели воспитательного воздействия: организация деятельности, стимулирование поведения, контроль;
- 2) по способам воспитательного воздействия, они могут быть трудовые и организационные;
- 3) по характеру воспитательного воздействия, они могут быть бригадные и индивидуальные;
- 4) по силе воздействия, они могут быть предупреждающими и действенными.

Операция – (от лат. operatio – действие) в психологии: единица деятельности, способ выполнения действия в конкретной, реальной или условной ситуации. Понятие введено А. Н. Леонтьевым [3, с. 100].

Учебные операции – входят в состав приема действия и выражают его операторное содержание, операции многочис-

ленны и разнообразны; каждая из них требует отработки, так как от правильности их выполнения зависит возможность выделить стороны предмета, которые являются объектами действий. Как правило, операции входят в способы действия в определенной последовательности, и соблюдение последней, строгое следование ей составляет особую операцию. Способ действий усваивается тем лучше, чем полнее представлен состав входящих в него операций и чем тщательнее отрабатывается каждая из них [4, с. 250]. Воспитание самостоятельности при выполнении заданий осуществляется следующими средствами:

- применение различных технических устройств (тренажеров);
- использование инструкционных карт;
- самостоятельный разбор учащимися чертежей;
- подбор режимов работы (при необходимости – их расчет);
- самостоятельный выбор и использование контрольно-измерительных инструментов или приборов;
- личный контроль качества (проверка) готового изделия.

Умения – компоненты деятельности, включающие как автоматизированные элементы (навыки) так и операции, совершаемые под контролем сознания [5, с. 73].

Понятие «формирование» представляет собой процесс придания определенной формы чему-либо, определенную законченность [6, с. 39].

В.А. Сластенин считает «формирование» как становление, приобретение совокупности устойчивых свойств и качеств [7, с. 119].

Н.А. Березовин определяет понятие «формирование» как процесс целенаправленного воздействия на человека [8, с. 191].

Б.И. Коротяев под «формированием» понимает понятие более широкое, чем «воспитание». Оно включает в себя все то, что влияет на становление личности и коллектива, в том числе целенаправленные процессы (воспитание, обучение, образование) и нецеленаправленные (влияние собственной внутренней природы личности и коллектива, окружающих людей, вещей, природных явлений) [9, с. 39].

Мы согласимся с определением В.И. Смирнова, который считает, что «формирование» – это процесс в результате объективного влияния наследственности, среды, целенаправленного воспитания и собственной активности личности [10, с. 193].

Следовательно, по логике нашего исследования, «формирование операционных умений», мы рассматриваем такой педагогический процесс, который способствует изменению трудовых качеств учащихся, формирует рациональное отношение к трудовой деятельности, сознательное действие и деятельность человека, стремящегося жить в современном технологическом мире.

Формирование трудовых умений – «Уметь делать» в самом общем смысле значит, что побуждаемый мотивами, человек способен самостоятельно ориентироваться в ситуации,

познавать ее (в том числе приобретать необходимые знания), правильно ставить цель действий в соответствии с объективными условиями, определяющие ее реальность и достижимость; в соответствии с ситуацией, целью и наличными возможностями определять конкретные средства и способы, в процессе действия усовершенствовать и отработать их и, наконец, достигнуть цели [11, с. 55].

Рассматривая вопрос о создании комплекса технологических приёмов формирования операционных умений, мы обращаемся к понятию «приём».

В соответствии со словарем С.И. Ожегова, «приём – это способ в осуществлении чего-нибудь». По мнению Ю.К. Бабанского, метод воспитания в живом педагогическом процессе расчленяется на составляющие его элементы, которые называются приёмами воспитания. По отношению к методу приёмы воспитания носят частный подчинённый характер. Методы и приёмы воспитания тесно между собой связаны, могут совершать взаимопереходы, заменять друг друга в конкретных педагогических ситуациях. В одних обстоятельствах метод выступает как самостоятельный путь решения педагогической задачи, в других – как приём, имеющий частное назначение [12, с. 165].

И.П. Пидкасистый делает вывод, что методы реализуются в педагогической деятельности в различных формах: в конкретных действиях, приёмах, организационных формах. Методы и приёмы жестко не привязаны друг к другу. Число приёмов обучения может бесконечно увеличиваться в зависимости от содержания учебного материала, новых целей и, конечно, от творчества учителя, его педагогического мастерства и тем самым придавать индивидуальность манере его педагогической деятельности. Многообразие сочетания приёмов составляют методики преподавания [13, с. 67].

Е.И. Пассов и Е.С. Кузнецова пишут, что «приём есть основная единица обучающего воздействия. Как любая единица (в отличие от элемента), он обладает основными характеристиками целого (как молекула обладает свойствами всего вещества), поэтому приём есть наименьшая единица учебного воздействия, имеющая самостоятельное значение. Рассматривая приём как единицу технологии, они считают, что любой приём включает в себя четыре компонента:

- 1) операционные средства, или действия, которые совершает ученик;
- 2) материальные средства, или вербальный, иллюстративный и схематический материал, которым ученик оперирует;
- 3) способы, которыми совершается любое учебное действие;
- 4) условия, в которых действует ученик.

Для практической работы необходимо конкретное знание всех действий, материалов, способов и условий [14, с. 27].

Развитие операционных умений личности – есть процесс количественных и качественных изменений в психике, интеллектуальной, физической и духовной сфере человека, обусловленный влиянием политехнологической среды и внутренним убеждением человека в необходимости технологического образования. Технологически образованная личность должна иметь хорошие операционные навыки, которые предусматривают грамотное владение простейшими технологическими операциями, умением работать с инструментом, глубокие знания конструктивных материалов и область их применения, оснащённость политехническими навыками переходящие в мастерство. Технологическая среда создаст возможности для получения хороших знаний для получения будущей профессии и поможет определиться с ней.

Нами, процесс формирования операционных умений у учащихся экспериментально проводился в 2011 в муниципальном образовательном учреждении «средней общеобразовательной школе № 12» города Магнитогорск. В эксперименте было охва-

Библиографический список

1. Кругликов, Г.И. Настольная книга мастера профессионального обучения: учеб. пособие для студ. сред. проф. образования. – М., 2007.
2. Словарь иностранных слов. – М., 1955.
3. Коджаспирова, Г.М. Педагогический словарь: для студ. высш. учеб. заведений / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М., 2001.
4. Педагогическая энциклопедия: актуальные понятия современной педагогики. – М., 2009.
5. Педагогический словарь: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2008.
6. Мид, М. Культура и мир детства. – М., 1988.
7. Сластенин, В.А. Психология и педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2004.

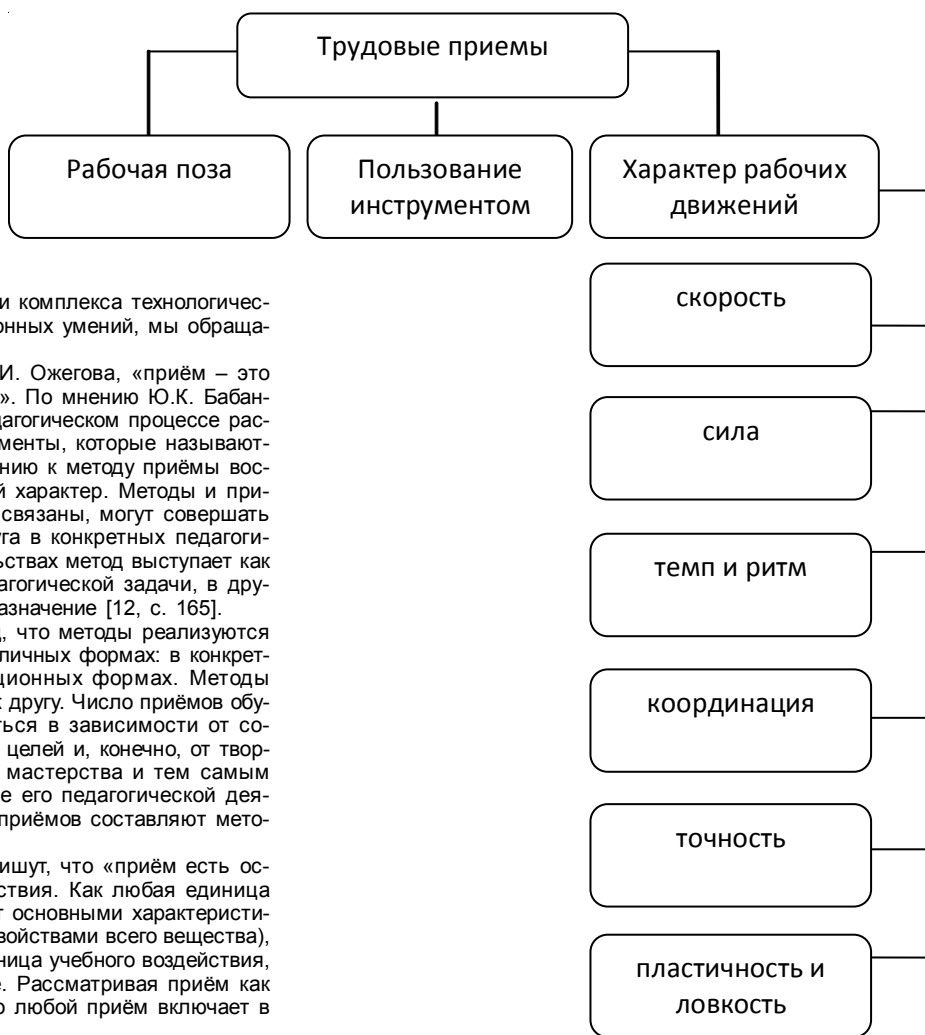

Рис. 1. Комплекс трудовых приемов обучения (по Н.И. Макиенко)

чено 96 учеников, учащихся 5 – 6 классов. Эффективность формирования операционных умений осуществлялась на уроках технологии (технический труд) при изучении раздела «Деревообработка» в начале второй и в течение третьей четвертей.

Результат: высокий уровень сформированности операционных умений у учащихся 5 – 6 классов

Применение в образовательном учреждении комплекса технологических приемов на уроках технологии позволило:

- выявить уровень технологических знаний и готовность к труду;
- выяснить интересы учащихся в процессе технологической подготовки;
- продуктивно сформировать операционные умения при изготовлении изделий, и выявить часто допускаемые ошибки у учащихся в процессе обучения.

Таким образом, применение комплекса технологических приемов по формированию у учащихся операционных умений позволяет, улучшить политехнологическую подготовку, сформировать устойчивые простейшие операционные умения. Но самое главное, что полученные умения у учащихся станут мощной базой для получения в будущем, профессиональных знаний и умений в технологической области.

8. Березовин, Н.А. Педагогические условия формирования познавательных мотивов учащихся. – Минск, 2004.
9. Коротяев, Б.И. Педагогика как совокупность педагогических теорий. – М., 1986.
10. Смирнов, В.И. Общая педагогика в тезисах, дефинициях, иллюстрациях. – М., 1999.
11. Психолого-педагогический словарь / сост. Рапацивич Е.С. – Минск, 2006.
12. Бабанский, Ю.К. Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М., 1983.
13. Пидкасистый, П.И. Педагогика. – М., 2000.
14. Методика как наука: учебное пособие / под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой: Е.С. – Воронеж, 2002.

Bibliography

1. Kruglikov, G.I. Nastol'naya kniga mastera professional'nogo obucheniya: ucheb. posobie dlya stud. sred. prof. obrazovaniya. – M., 2007.
2. Slovarj inostrannikh slov. – M., 1955.
3. Kodzhaspirova, G.M. Pedagogicheskiy slovarj: dlya stud. vihsch. ucheb. Zavedeniy / G.M. Kodzhaspirova, A.Yu. Kodzhaspirov. – M., 2001.
4. Pedagogicheskaya ehnciklopediya: aktualnihe ponyatiya sovremennoy pedagogiki. – M., 2009.
5. Pedagogicheskiy slovarj: uchebnoe posobie dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy. – M., 2008.
6. Mid, M. Kul'tura i mir detstva. – M., 1988.
7. Slastenin, V.A. Psikhologiya i pedagogika: ucheb. posobie dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy. – M., 2004.
8. Berezin, N.A. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya poznavatel'nykh motivov uchastikhysya. – Minsk, 2004.
9. Korotayev, B.I. Pedagogika kak sovokupnostj pedagogicheskikh teoriy. – M., 1986.
10. Smirnov, V.I. Obshaya pedagogika v tezisakh, definitsiyakh, illyustratsiyakh. – M., 1999.
11. Psikhologo-pedagogicheskiy slovarj / sost. Rapacivich E.S. – Minsk, 2006.
12. Babanskiy, Yu.K. Pedagogika: ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov. – M., 1983.
13. Pidkassistihy, P.I. Pedagogika. – M., 2000.
14. Metodika kak nauka: uchebnoe posobie / pod red. E.I. Passova, E.S. Kuznecovoyj: E.S. – Voronezh, 2002.

Статья поступила в редакцию 14.06.12

УДК 378

Karakozov S.D., Kulikova L.G. INNOVATION PROCESSES IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY: THE SOCIOCOMMUNICATIVE COMPONENT. The problem of the formation of social communication component of today's young professional in the educational processes of self in a multicultural educational environment of the university, which is based on the position of the social and cultural innovation. Educational activities in similar circumstances, the active medium is considered as self-developing system of student union-tions.

Key words: *innovation, the sociocommunicative component, multi-cultural environment, education of students, self-developing system, the student union.*

С.Д. Каракозов, д-р. пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: ksd@uni-altai.ru;

Л.Г. Куликова, канд. пед. наук, ст. преп. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: nir-klg@uni-altai.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА: СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ¹

В статье рассматривается проблема становления социально коммуникативной составляющей современно-го молодого специалиста в рамках воспитательного процесса в условиях поликультурной образовательной среды вуза, в основу которого положена социально-культурная инновация. Воспитательная деятельность в условиях подобной среды рассматривается как саморазвивающаяся система студенческих объединений.

Ключевые слова: *инновационные процессы, социокоммуникативный компонент, поликультурная среда, воспитание студентов, саморазвивающейся система, студенческие объединения.*

Инновационная направленность деятельности высших учебных заведений предполагает трехаспектное целеполагание: *во-первых*, требованиями рыночной экономики к повышению общей профессиональной компетентности специалистов нового типа, одним из ключевых компонентов которой выступает социальная коммуникативная компетентность [1]. Современное общество ставит перед всеми типами учебных заведений задачу подготовки выпускников, способных: ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания; критически и творчески мыслить; видеть проблемы и искать пути рационального их решения; использовать современные технологии. Это обуславливает новый подход к подготовке современного специалиста, как процессу профессионального становления личности, профессиональному самосовершенствованию личностных качеств, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда.

Во-вторых, инновационная направленность определяется новыми требованиями к подготовке студентов, базирующимся на компетентностном подходе, предполагающим, в частности, активное использование самостоятельной деятельности студента для его профессионального становления. Особенно актуальным использование самостоятельной деятельности студента представляется в условиях сокращения часов на аудиторную работу и их недостатка для формирования составляющих профессиональной компетентности, отличных от предметных. Годы студенчества – самостоятельный этап жизни человека, на протяжении которого формируется его собственная среда развития, когда студент участвует в видах деятельности, которые

выступают в качестве личностно-образующих факторов и определяют модель социального поведения этой общественной группы. Так, например, в организации вузовского самоуправления студент оказывается в условиях, максимально приближенных не только к педагогической деятельности, а к деятельности творческой, инновационной, моделирующей в основных чертах деятельность по реорганизации и преобразованию учебно-воспитательного процесса, всей социальной среды образования в собственном вузе.

В-третьих, современный вуз – это центр международного образования и академических обменов. Формирование в вузе поликультурной среды направлено на знакомство с нормами межкультурного общения; развитие коммуникативной компетентности [2]; формирование представлений о соотношении общемировой, межкультурной и национальной этики вербального и невербального общения в условиях межкультурного взаимодействия; расширение сфер применения иностранного языка в академической и профессиональной деятельности преподавателей и студентов.

Современная теория инноваций в социально-культурной сфере испытывает воздействие теорий инноваций, выстроенных в философско-культурологическом, экономическом, социологическом, организационно-правовом дискурсе. Следовательно, собственно инновационная составляющая социально-культурных процессов нуждается в критическом соотношении с общей теорией педагогической инноватики, успешно разрабатываемой рядом методологов педагогики в России и за рубежом. Только в этом случае можно выделить педагогическую специ-

фику инновационной деятельности в социально-культурной сфере, обусловленную особенностями организации воспитательно-го процесса в ситуациях творчества, активного и самодетерминированного освоения личностью культурных ценностей.

Мы разделяем мнение Е.А. Малянова о том, что в качестве базовых подходов, определяющих методологию современных инновационных исследований, является эволюционное и системное направления.

Эволюционные подходы рассматривают инновацию как процесс, зависящий от путей, которыми развиваются знания и технологии в ходе взаимодействий между различными действующими лицами и разнообразными факторами. Структура таких взаимодействий влияет на перспективы экономических и социальных изменений.

С эволюционным подходом тесно связан системный взгляд на инновации. Системный подход ориентирован на влияние внешних институтов, понимаемых в широком смысле, на инновационную активность разнообразных фирм и прочих субъектов. Он определяет значимость процессов передачи и диффузии идей, теорий, правил, знаний, умений, навыков, информации и всевозможных сигналов. Каналы и сети, по которым передается эта информация, погружены в социальный, политический и культурный контекст, направляющий и ограничивающий инновационную деятельность и ее возможности. Сама эта деятельность рассматривается как динамический процесс, при котором знания накапливаются посредством обучения и взаимодействий. Системные подходы к инновациям акцентируют внимание на взаимодействии между социальными институтами и определяют интерактивные процессы в создании, распространении и использовании знаний.

Данные подходы получили широкое применение в научных исследованиях, выполненных в философском, экономическом, социальном и других аспектах. Наибольший вклад в становление научных представлений об инноватике внесли Н.Д. Кондратьев, Г. Тард и Й. Шумпетер, в самом начале XX в. заложившие основы теоретического анализа инноваций, оформившихся впоследствии в общую теорию инноватики. Дальнейшее комплексное развитие представлений об инновационных процессах связано с именами Х.Г. Барнетта, Р. Данкана, П.Ф. Дракера, Дж. Залтмена, К. Левина и других исследователей. Методоло-

гия педагогической инноватики разработана в исследованиях К. Ангеловски, М.С. Бургина, В.И. Загвязинского, В.Ю. Кричевского, С.Д. Полякова, Н.Р. Юсуфбековой.

Анализ теоретических источников дает основание для вывода о том, что, что введение новшества происходит не в изоляции, а зависит от широкого взаимодействия всех участников инновационного процесса с окружающей средой. Это положение стало определяющим при формировании *социально-культурного подхода* (Е.А. Малянов) к исследованию инновационных явлений, с позиции которого инновации раскрываются в многообразном контексте человеческой деятельности, ориентируясь не только на экономические или технологические выгоды, но на смысловые, духовно-ценностные измерения культуры, порождая, таким образом, новые культурные формы, процессы, явления [3, с. 21].

При этом современное общество и все его институты находятся в процессе непрерывной трансформации. По мнению Д. Шёна, необходимо не просто трансформировать институты в ответ на изменяющуюся ситуацию и предъявляемые к ним требования, но превратить их в институты способные к изменениям, сделать их обучающимися системами (learning systems) [4, с. 28].

Рассмотрим предложенное Д. Шёном [4, с. 168] сопоставление особенностей распространения инноваций в институтах с традиционной структурой (Модель распространения инноваций в традиционной системе) и «обучающихся институтах» (Модель распространения инноваций в обучающейся системе).

Проанализируем, как развитые Д. Шёном положения соотносятся с воспитательной работой со студентами в вузе, которое направлено «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года» [5], целью которой развитие и реализация потенциала молодежи в интересах России. Данный подход С.Л. Серебряковым рассматривается как «система горизонтальных связей, которая выражает интересы индивида и социальных групп через одновременное существование разнородных сил, течений, организаций, объединяемых стремлением к совместной жизни» [6].

Воспитательная работа со студентами в вузе является составляющим элементом качества подготовки специалистов

Модель распространения инноваций в традиционной системе		Модель распространения инноваций в обучающейся системе
Элементом инновации является продукт или техника	⇔	Элементом инновации является функциональная система
Модель распространения: из центра к периферии	⇔	Модель распространения: системная трансформация
Центр распространения инноваций и лидерство в этой области фиксированы	⇔	Перемещающийся центр инноваций, возникающее <i>ad hoc</i> лидерство
Фиксированное представление об инновации, которое является точной копией представления, распространяемого центром	⇔	Эволюционирующее представление об инновации, распространение семейства схожих представлений.
Широта распространения инноваций ограничена ресурсами центра, способностями тех, кто проводит их в жизнь.	⇔	Широта распространения ограничена только технологической инфраструктурой
Контур обратной связи проходит от вторичного центра к первичному центру, а затем замыкается на всех вторичных центрах	⇔	Контур обратной связи действуют на местах и проходят через всю систему

Рис. 1. Модель распространения инноваций в обучающейся системе

и реализуется с целью выявления способностей у каждого студента к сохранению и приумножению культурных, нравственных и общечеловеческих ценностей, а также выработки навыков конструктивного поведения в новых социально-экономических условиях.

В ходе теоретико-экспериментального исследования нами установлено, что динамика воспитательного процесса студентов в высшей школе способствует формированию их социокоммуникативной компетентности. Воспитательная работа со студентами в вузе обоснованно требует выделения в ней следующих основных задач:

- развитие форм самоорганизации обучающихся на основе созданных в вузе общественных объединений студентов при общности их интересов;
- разработка механизма участия студентов и органов студенческого самоуправления в процессе развития системы профессионального образования;
- вовлечение студенчества в процессы управления образовательной, научной и инновационной деятельностью вуза;
- интеграция обучающихся в профессиональные сообщества, повышение их профессиональных компетенций, развитие карьерных траекторий и профориентации на трудовых рынках;
- нормативно-правовое закрепление статуса органов студенческого самоуправления в качестве полноценного субъекта самоуправления в образовательном учреждении (согласно Резолюции Всероссийского студенческого форума, г. Барнаул, 2011 г.);
- развитие социокультурной среды, способствующей творческому самовыражению и самореализации личности обучающегося, сохранение и возрождение культурных, нравственных, научных ценностей и традиций, воспитание патриотизма и организация досуга студенчества.

На рис. 1 представлена возможная структура совета студенческих объединений, реализованная в рамках предложенного подхода.

С точки зрения синергетического подхода мы можем рассматривать студенческое объединение как один из возможных аттракторов поликультурного общества. Как активный устойчивый центр, который способен определять потенциальные пути развития системы, в нашем случае студенческой молодежи, способный притягивать и организовывать воспитательную среду вуза.

Саморазвивающаяся система студенческих объединений в вузе предусматривает основные направления: организация,

стимулирование и контроль учебного процесса студентов; формирование, развитие и оценивание научно-инновационного потенциала студентов; создание среды культурного, интеллектуального, творческого общения и пропаганда здорового образа жизни; развитие социально-педагогической системы; формирование системы студенческого самоуправления; мониторинг социально-культурных проблем студенчества.

Организация, стимулирование и контроль учебного процесса студентов. В данном направлении необходимо уделять внимание системе контроля академической успеваемости студентов; стимулированию и выдвижению отличников на именные стипендии, а также звание лучшего студента года вуза; сопровождению студента в индивидуально-ориентированном образовательном процессе через введение академических консультантов; установлению связей факультетов с работодателями.

Формирование, развитие и оценивание научно-инновационного потенциала студентов содержит: содействие в разработке и проведении научных конференций, конкурсов и предметных олимпиад; выпуск студенческого журнала и научных сборников; проведение круглых столов и дискуссионных клубов.

Создание среды культурного, интеллектуального, творческого общения и пропаганда здорового образа жизни опирается на формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи. Развитие этого направления возможно за счет создания и укрепления традиций вуза и факультетов, участия и проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий как в рамках факультета, так и вуза в целом.

Развитие социально-педагогической системы направлено на решение следующих задач воспитательной работы: выбор кураторов студенческих групп; взаимодействие с заместителями деканов по воспитательной работе; укрепление авторитета преподавателей и сотрудников факультета; участие в работе комиссий, совещаний, конференций и других мероприятий, связанных с воспитательной работой в вузе; привлечение выпускников факультета к сотрудничеству; взаимодействие с родителями студентов и т.д.

Формирование системы студенческого самоуправления строится на организационной работе студентов в творческих группах, взаимодействии со студенческим советом вуза, советом молодых ученых и сотрудничеству с каждым студенческим комитетом, студенческим советом общежития, выпуска газеты.

Мониторинг социально-культурных проблем студенчества, оказание консультативной и психологической помощи. Осуществляется за счет следующей деятельности: участие

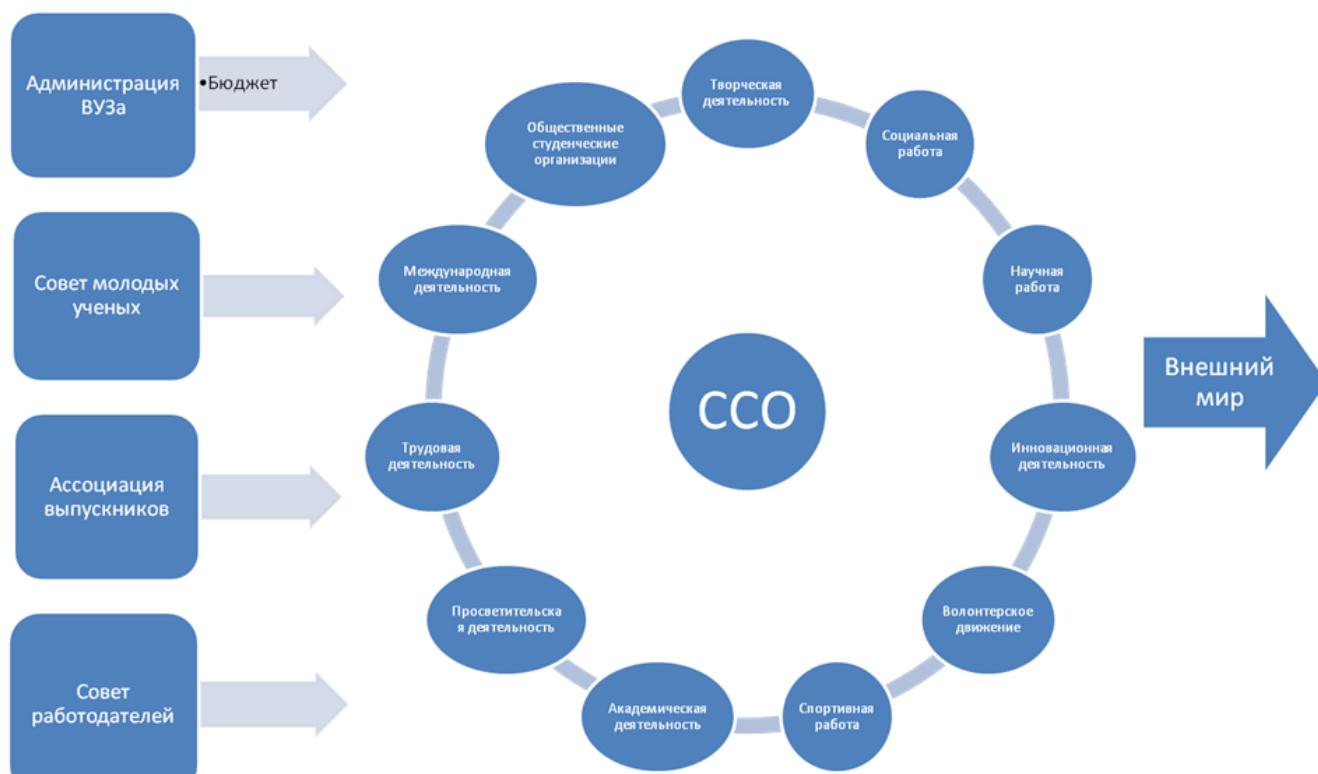

Рис. 2. Структура совета студенческих объединений по направлениям деятельности

в создании студенческого правительства и выбора его председателя; организация работы студенческих комитетов; воспитательная работа кураторов в общежитии; проведение социологических исследований; встреч с администрацией вуза, медицинскими работниками и другими сотрудниками по актуальным проблемам молодежи.

Таким образом, воспитательная работа в вузе должна служить аксиоматической базой для создания и развития саморазвивающейся системы студенческих объединений в вузе и подчиняться ключевой линии – инновационному и практическому образованию, формированию у студентов навыков реальной деятельности в современных социокультурных условиях.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках гос. задания Алтайской государственной педагогической академии проект № 6.380.2011. «Многокомпонентная открытая образовательная среда регионального уровня».

Библиографический список

1. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. – М., 2002.
2. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. М.А. Василика. – М., 2003.
3. Мальянов, Е.А. Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика: автореф. дис ... д-ра. пед. наук. – Тамбов, 2011.
4. Schon, D. Beyond the Stable State. Public and private learning in a changing society, Harmondsworth: Penguin, 1973.
5. Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года [Э/р]. – Р/д: http://www.pstu.ru/files/file/UVR/strat_mp.doc
6. Серебряков, С.Л. Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России // Социально-политический журнал. – 1995. – № 2.

Bibliography

1. Raven, Dzh. Kompetentnostj v sovremennom obthestve: vihyavlenie, razvitie i realizaciya. – M., 2002.
2. Osnovih teorii kommunikacii: uchebnik / pod red. M.A. Vasilika. – M., 2003.
3. Malyanov, E.A. Socialjno-kuljturnaya innovatika: metodologiya, teoriya i praktika: avtoref. dis ... d-ra. ped. nauk. – Tambov, 2011.
4. Schon, D. Beyond the Stable State. Public and private learning in a changing society, Harmondsworth: Penguin, 1973.
5. Strategii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii do 2016 goda [Eh/r]. – R/d: http://www.pstu.ru/files/file/UVR/strat_mp.doc
6. Serebryakov, S.L. Civilizacionnihe osnovih formirovaniya grazhdanskogo obthestva v Rossii // Socialjno-politicheskiy zhurnal. – 1995. – № 2.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 372. 881. 111. 1

Raisova A.B. BASIC COMPONENTS IN THE MODEL FOR DEVELOPMENT OF TECHNICAL STUDENTS' PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE. This article describes the model for development of technical students' professional foreign language competence. Foreign language possession allows to realize such aspects of professional work, as duly acquaintance with the newest technologies, discoveries and tendencies in the development of science and technology, establishment of professional contacts with foreign partners. It provides increasing the level of professional competence.

Key words: professional foreign language competence, theoretical model, component, motivation, conceptualization, internalization, training.

А.Б. Раисова, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: aigul-pavl@rambler.ru

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В работе описана модель развития профессионально-иноязычной компетентности студентов технических специальностей. Владение иностранным языком позволяет реализовать такие аспекты профессиональной деятельности, как своевременное ознакомление с новейшими технологиями, открытиями и тенденциями в развитии науки и техники, установление профессиональных контактов с зарубежными партнерами. Оно обеспечивает повышение уровня профессиональной компетенции.

Ключевые слова: профессионально-иноязычная компетенция, теоретическая модель, компонент, мотивация, концептуализация, интериоризация, тренировка.

Для решения проблем в профессионально-иноязычной подготовке студентов технических специальностей нами была разработана теоретическая модель, целью которой является развитие профессионально-иноязычной компетентности (ПИК) студентов в условиях применения средств информационных технологий. Модель, состоящая из пяти компонентов, обеспечивает формирование и развитие способности и готовности будущих специалистов решать коммуникативные задачи в сфере профессиональной деятельности, работать с научно-технической литературой и документацией на иностранном языке, выполнять поиск и анализ информации, необходимый для изучения зарубежного опыта в области выбранной специализации.

Рассмотрим отдельно каждый компонент модели.

«Целевой компонент» включает цель, задачу, подходы, принципы развития ПИК. Новый социальный заказ юношества обучать иностранному языку как средству интернациональной коммуникации, формировать личность, вобравшую в себя ценности родной и иноязычной культур и готовую к межнациональному общению во всех сферах жизни, находит свое отражение в определении новых целей и подходов в обучении иностранному языку в техническом вузе. Изложенное определяет ос-

новную и конечную цель обучения: обеспечить активное владение выпускниками неязыкового вуза иностранным языком как средством «формирования и формулирования мыслей» в социально-обусловленных и профессионально-ориентировочных сферах общения.

«Содержательный компонент» включает структуру и содержание ПИК в совокупности трех компонентов. Анализ современных тенденций в развитии казахстанской системы высшего профессионального образования, казахстанских и международных документов, описывающих требования к подготовке современного квалифицированного специалиста, а также нормативных документов в области иноязычного образования, в том числе профильно-центрированной иноязычной подготовки позволил нам выявить содержание и структуру профессионально-иноязычной коммуникативной компетентности, которую мы определили как интегративное качество личности будущего специалиста, включающее три компонента:

- мотивационный;
- когнитивно-коммуникативный;
- регулятивный;

Мотивационный компонент – интерес к профессионально-иноязычной подготовке и осознание ее значимости для будущей карьеры.

В современном образовании с появлением информационных технологий процесс обучения становится все более ориентированным на сотрудничество преподавателя и студента в достижении определенных образовательных целей [1].

Мотивированное отношение студента является неременным условием достижения результативности процесса обучения. Это особенно актуально в лингвистическом образовании.

Когнитивно-коммуникативный компонент объединяет иноязычную коммуникативную компетенцию в сфере профессиональной деятельности и общие (личностные) компетенции, представляющие собой профессионально важные качества и умения специалиста.

Регулятивный компонент отражает адекватную самооценку способностей студентов и воспитывает чувство ответственности за успехи в учебной и будущей профессиональной деятельности, а также развивает:

- понимание сущности будущей профессии, обязанности служить обществу, профессии, осознание ответственности за инженерные решения, в том числе в социальном и экологическом контексте;

- способность эффективно работать индивидуально и как член команды;

- умение использовать различные методы эффективной коммуникации в профессиональной среде и в социуме (написание отчетов, презентация материалов, выдача и прием ясных понятий и конструкций);

- владение иностранными языками, достаточное для общения при работе в международных командах;

- осведомленность в вопросах проектной деятельности;

- творческий поиск в рамках профессии, осознание необходимости и способность самостоятельного обучения в течение всей жизни.

«Методический компонент» включает в себя этапы развития ПИК: 1. усвоение студентами базового курса английского языка (GE); 2. усвоение профильно-центрированного курса английского языка (ESP); этапы и уровни усвоения языкового материала: концептуализация, интериоризация, тренировка; виды речевой деятельности, посредством которых происходит усвоение языкового материала [2].

«Технологический компонент» содержит средства развития ПИК: информационно-методическое обеспечение и организацию учебно-профессиональной деятельности студентов. В качестве основы организации учебного процесса по английскому языку студентов технических специальностей была выбрана *технология контекстного обучения*. Разработанный нами профильно-центрированный курс отражает специфику деятельности специалистов технических специальностей, вооружает студентов языковыми знаниями и умениями в профессионально-важных видах коммуникабельности и обеспечивает развитие специальной профессионально-иноязычной компетентности. Курс включает УМК по дисциплине «Технический перевод» для студентов 3-4 курсов специальностей «Физика», «Механика»; разработку Интернет-проекта «Энергетические ресурсы на на-

шей планете» [3]; электронные учебные курсы по английскому языку для студентов групп с казахским и русским языком обучения; учебные пособия «English for Specific Purposes» для студентов технических специальностей казахского и русского отделений, англо-русско-казахский терминологический словарь по физике, математике и информатике; разработку спецкурса «Английский язык в сфере профессионально-деловой коммуникации» для студентов 2 курса специальности «Информационные системы»; комплект аутентичных текстов по специальности для уровня сформированности навыков чтения и понимания коммуникативного смысла специального текста; перечень тем и ситуаций профессионального общения для оценки навыков устного общения; методические рекомендации по проведению контрольно-оценочных мероприятий; разработку критериев сформированности профессионально-иноязычной коммуникативной компетенции студентов [4].

«Результативный компонент» включает результаты подготовки студентов в процессе работы с информационно-методическим комплексом, что в итоге дает достижение цели и задач настоящего исследования, т. е. развитие ПИК студентов технических специальностей средствами информационных технологий. В процессе работы с информационно-методическим комплексом развиваются следующие виды профессионально-иноязычных коммуникативных компетенций [5]:

- навыки и умения общения в бытовой сфере;
- навыки и умения чтения текстов профессионального и страноведческого характера;

- умения аудирования речи преподавателя и сокурсников общего и профессионального характера;

- навыки и умения письма;

- владение лексикой нейтрального научного стиля;

- навыки и умения общения в профессиональной сфере;

- навыки и умения публичной речи;

- навыки и умения владения средствами информационных технологий;

- навыки и умения аналитического чтения текстов профессионального характера;

- развитие умений чтения аутентичной информации;

- умения аудирования текстов профессионального характера;

- развитие навыков и умений реферирования;

- начальные умения письменного анализа текстов;

- владение профессиональной лексикой;

- навыки и умения применения иностранного языка с целью профессиональной коммуникации;

- навыки и умения чтения аутентичных текстов и их анализа;

- навыки и умения аудирования аутентичной информации;

- навыки и умения деловой переписки;

- свободное пользование профессиональной лексикой.

Единство и взаимосвязь когнитивно-коммуникативного, мотивационного и регулятивного компонентов ПИК будущего специалиста характеризуют его познавательную, коммуникативную, мотивационную и поведенческую сферы. Все вышеперечисленные компоненты находятся в тесной взаимосвязи и обуславливают эффективность развития исследуемого феномена.

Библиографический список

1. Полат, Е.С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2.
2. Леонтьев, А.А. Управление усвоением иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 2.
3. Мишина, Г.С. Из опыта работы с международными e-mail проектами // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 4.
4. Поляков, О.Г. Профильно-ориентированное обучение английскому языку и лингвистические факторы, влияющие на проектирование курса // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2.
5. ABET criteria for accrediting engineering programs: 2007–2008 accreditation cycle. [Э/п]. – Р/д: <http://www.abet.org> (дата обращения: 08.05.2012).

Bibliography

1. Polat, E.S. Internet na urokakh inostrannogo yazyhka // Inostranniye yazyhki v shkole. – 2001. – № 2.
2. Leont'ev, A.A. Upravlenie usvoeniem inostrannogo yazyhka // Inostranniye yazyhki v shkole. – 1975. – № 2.
3. Mishina, G.S. Iz opyta raboty s mezhdunarodnymi e-mail proektami // Inostranniye yazyhki v shkole. – 2000. – № 4.
4. Polyakov, O.G. Profiljno-orientirovannoe obuchenie angliyskomu yazyhku i lingvisticheskie faktori, vliyayutnie na proektirovanie kursa // Inostranniye yazyhki v shkole. – 2004. – № 2.
5. ABET criteria for accrediting engineering programs: 2007–2008 accreditation cycle. [Eh/r]. – R/d: <http://www.abet.org> (data obratneniya: 08.05.2012).

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 371.018.46

Makarikhina I.M. **INNOVATION FORMS IN THE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' SKILLS DEVELOPMENT SYSTEM.** This paper describes the innovative forms and methods to improve the didactic training foreign language teachers in training. Genuine and effective training to the development of adult learners' activity, with feedback on the open channels, which allows controlling the degree of activity and the mastery degree of students learning the information flows in non-formal education through a different type of forms.

Key words: andragogy, adults' education, qualities and moral values, mustering of teacher's preparation didactic system, forms and methods.

И.М. Макарихина, аспирант АлтГПА г. Барнаул, E-mail: michmacha@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В работе описаны инновационные формы и методы совершенствования дидактической подготовки учителей иностранного языка в условиях повышения квалификации. Подлинное и эффективное обучение с развитием активности взрослых учащихся, с обратной связью по открытым каналам, позволяющей контролировать степень развития активности и степень качества усвоения обучающимся учебной информации, протекает в неформальном образовании через другой тип форм занятий.

Ключевые слова: андрагогика, образование взрослых, совершенствование подготовки учителя в дидактической системе, формы и методы.

Важнейшим направлением профессионального становления учителя, составляющей его профессионализации является практическая подготовка, которая в системе непрерывного педагогического образования представляет собой последовательное восхождение от недифференцированной направленности на сферу деятельности учителя к овладению стандартами педагогического профессионализма и далее к развитию индивидуально-авторской концептуально-целостной системы подготовки педагога средствами повышения квалификации. В системе образования взрослых нет стандартов и жестких требований по организации учебной деятельности, поэтому сочетание тех или иных форм учебных занятий в различных учебных заведениях вариативно. Повышение квалификации – это особый процесс. Анализируя труды российских учёных: Ю.К. Бабанского, В.И. Загвязинского, И.Я. Лернера, А.Н. Орлова, А.В. Попова, М.Н. Скаткина, В.А. Якуниной мы рассматриваем дидактику как теорию педагогических процессов, осуществ-

ляемых на всех ступенях образования. Каждая дидактическая система содержит в себе единство целей, задач, содержания, методов, форм организации и осуществления обучения, а также средства диагностики результатов. Дидактика теоретически обосновывает способы практического обеспечения обучения, построения целостного образовательного процесса. Проблематика дидактики исследует направления, имеющие междисциплинарный характер, такие, как образовательные возможности человека, обученность, технологии транспозиции фундаментальной науки в учебный материал, критерии отбора содержания образования в соответствии со спецификой отрасли знаний и практической деятельности, структура содержания образования, организация образовательных процессов и управление ими, субъектно-объектные отношения. Каждый из этих аспектов имеет самостоятельное значение и выполняет методологическую функцию, поскольку содержит направления, рассмотрение которых необходимо для постановки методологичес-

Таблица 1

Основные формы занятий со взрослыми

Цель занятия, действия преподавателя и обучаемых	Коллективные формы занятий		
	Курсовая лекция	Курсовая конференция	Встреча со специалистами
Главная цель занятия	Возбудить интерес слушателей к определенным проблемам, заставить их мыслить в направлении содержания лекции	Обобщить уже полученные знания, соединить научные знания с практическим опытом слушателей	Осуществить обмен опытом, возбудить у слушателей стремление достигнуть опыта и мастерства специалистов
Действия преподавателя	Активизирует внимание аудитории вступлением. Сообщает новую информацию. Дает вытекающие из нее практические рекомендации. Организует самостоятельную работу слушателей на занятии (запись, разбивка материала на разделы, выделение главного), организует самообразовательную деятельность слушателей (рекомендует литературу, указывает, на что обратить внимание)	Выступает как организатор и руководитель самостоятельной работы слушателей по обобщению знаний. Предлагает темы и консультирует докладчиков, руководит ходом конференции, делает заключение	Приглашает интересных людей для встречи со слушателями, инструктирует их, беседует с аудиторией. Стимулирует вопросы, выступления по ходу встречи, делает обобщающее заключение
Действия слушателей и участников	Овладевают умением слушать, усваивать новую информацию, выделять из нее актуальное, практически полезное. Учатся конспектировать лекции, фиксировать основные положения, практические советы, участвуют в обсуждении	Участвуют в подготовке и оформлении конференции (не все). Готовят доклады (не все). Участвуют в проведении конференции: задают вопросы, выступают с дополнениями, обсуждением докладов	Участвуют в подготовке и оформлении встреч (не все). Участвуют в проведении встречи, задают вопросы, выступают с обсуждением

ких, теоретических или практических вопросов и поиска путей их решения.

Дидактические проблемы находятся в междисциплинарных взаимосвязях со всеми формами общественного сознания и всеми областями отражения окружающего мира. Каждая дидактическая проблема может быть проанализирована на следующих уровнях: научного обоснования, взаимосвязей преподавания и учения, соотношения компонентов содержания образования, межпредметной интеграции психологии, педагогики, менеджмента, оптимизации процессов обучения.

Применительно к процессу повышения квалификации можно утверждать, что специалист выполняет свои профессиональные задачи и его обучение, с одной стороны, ориентировано на развитие уровня профессиональной компетентности в русле этих задач, а с другой – на ролевое образование, т. е. обогащение знаниями, умениями, опытом творческой деятельности, необходимыми для выполнения социальных ролей взрослого человека [1, с. 20].

В процессе планирования курсов повышения квалификации преподавателей иностранного языка необходимо учитывать специфические принципы дидактики в образовании взрослых и форм занятий, к которым относятся традиционные коллективные – это лекции, конференции, встречи со специалистами, дискуссии, творческие вечера и т. д. Они рассчитаны как на весь курс данного учебного заведения, так и на любое количество пришедших эпизодических слушателей. Основные дидактические черты таких форм занятий представлены в таблице 1. В со-

здании таблицы использовались исследования В.И. Подобеда, М.Д. Махлина [1], А.Н. Орлова [2] и А.В. Попов [3].

Подлинное и эффективное обучение с развитием активности взрослых учащихся, с обратной связью по открытым каналам, позволяющей контролировать степень развития активности и качество усвоения обучающимися учебной информации, протекает в неформальном образовании через другие формы организации учебной деятельности.

Особую значимость в системе повышения квалификации преподавателей иностранного языка заслуживает диалогическое общение, которое строится, во-первых, как непосредственное общение с ними в процессе лекции на отдельных её этапах; во-вторых, как внутренний диалог, когда преподавателем ставится проблема, выдвигается гипотеза, проводится её доказательство, делаются выводы, а студенты во внутреннем плане следовали заданной логике решения учебной проблемы.

Таким образом, во внешкольных формах обучения взрослых при достаточно разнообразной аудитории этих обучающихся на входе в образовательную систему действует правило организации обучения по трем этапам, которые, в частности, могут быть охарактеризованы как вхождение взрослых в учебный процесс; интенсивная познавательная деятельность взрослых учащихся и сочетание интенсивного учения взрослых с применением полученных знаний и умений адекватно распределять задания по времени обучения. Поскольку в образовании взрослых нет жестких учебных планов и столь же жестких требований по организации учебной работы, сочетание тех или иных форм занятий достигается в разных учебных заведениях большого разнообразия.

Библиографический список

1. Подобед, В.И. Системные проблемы формирования образования взрослых: образовательные услуги, функции, технологии обучения / В.И. Подобед, М.Д. Махлин. – СПб., 2000.
2. Орлов, А.Н. Управление учебно-воспитательным процессом в высшем педагогическом учебном заведении / А.Н. Орлов, Г.А. Калачёв, Л.Г. Куликова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 10.
3. Попов, А.В. Сопровождение профессионального развития слушателей: концептуальный подход и практические результаты / А. В. Попов. – М., 2000.

Bibliography

1. Podobed, V.I. Sistemnihe problemih formirovaniya obrazovaniya vzroslihkh: obrazovateljnihe usluzgi, funkicii, tekhnologii obucheniya / V.I. Podobed, M.D. Makhlin. – SPb., 2000.
2. Orlov, A.N. Upravlenie uchebno-vospitatel'nyim processom v visshem pedagogicheskom uchebnom zavedenii / A.N. Orlov, G.A. Kalachyov, L.G. Kulikova // Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal. – 2009. – № 10.
3. Popov, A.V. Soprovozhdenie professional'nogo razvitiya slushateley: konceptual'niy podkhod i prakticheskie rezul'taty / A. V. Popov. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 37.014

Karakozov S.D., Kulikova L.G., Lopatkin V.M. **MODERN APPROACHES TO LEGAL PROVISION OF EDUCATION NETWORK.** This paper reviews current approaches to ensure regulatory and legal organization of the liver-networking of educational institutions, provides an overview of current legislation in the field of networking of educational institutions, the tendencies and prospects of the organization-like interaction.

Key words: there is network co-operation, legislation in area of network co-operation, modernisation of the system of education.

С.Д. Каракозов, д-р. пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: ksd@uni-altai.ru; **Л.Г. Куликова**, канд. пед. наук, ст. преп. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: nir-klg@uni-altai.ru; **В.М. Лопаткин**, д-р. пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: ksd@uni-altai.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В работе рассматриваются современные подходы к нормативно-правовому обеспечению организации сетевого взаимодействия образовательных учреждений, дается обзор действующего законодательства в области сетевого взаимодействия образовательных учреждений, рассмотрены тенденции и перспективы организации подобного взаимодействия.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, законодательство в области сетевого взаимодействия, модернизации системы образования.

Программа модернизации системы образования и Федеральная программа развития образования предполагают качественные изменения в содержании образования, экономике образования, управлении системой образования. Одним из наиболее эффективных методов решения указанных задач является отработка новых моделей управления образовательными системами, вклю-

чая новые содержание образования, организационно-правовые формы образовательных институтов, экономические условия их деятельности, а также сетевой характер взаимодействия образовательных институтов.

Сегодня начинают складываться различные формы совместного использования несколькими юридическими лицами материальных, учебных, кадровых и иных ресурсов, обеспечивающих обучающемуся более широкий спектр возможностей самостоятельного и ответственного выбора необходимых ему учебных курсов и образовательных программ. Предполагается, что сетевые формы организации учебного процесса не столь жестко зависят от территориального расположения и ведомственной принадлежности образовательных учреждений (организаций), реализующих подобные программы.

Таким образом, одним из путей реализации задачи доступности и достижения качества образования является организация сетевого взаимодействия между образовательными учреждениями (организациями).

Говорить о сетевой организации образования можно лишь обозначив его (образования) и ее (сетевой организации) функции и ответив на вопрос: «Зачем это нужно?».

Это нужно для конкурентоспособности России на мировых рынках, прежде всего – перспективных новых рынках. Участвовать в этих рынках могут только люди знания.

Существуют некоторые характеристики ситуаций, в которых находится образование в России, как и во всем мире:

– во-первых, знания стали «производиться» большими коллективами людей, нуждающихся в средствах координации как между собой, так и с контекстом предполагаемого употребления результатов их труда – знаний, что выдвигает новые требования как к квалификации людей, так и к характеру самих знаний;

– во-вторых, производство «всего остального» теперь тоже требует от людей новых компетенций, связанных с пониманием необходимого интеллектуального обеспечения собственной деятельности, отбором и использованием нужных для этого знаний и иных интеллектуальных средств;

– в-третьих, набор компетенций теперь нужно обновлять несколько раз в течение жизни: динамика общества приобрела такой характер, что утверждение о том, что цикл жизни культурной нормы превышает срок жизни поколения, больше неверно – это относится и к нормам профессиональной деятельности [1].

Основным содержанием понятия сети является синхронизация процессов для получения запланированных результатов, итогов, состояний.

Сеть – это не столько конструкция, сколько услуга, которую разрабатывают те, кто желает сократить время и расстояние для достижения результата. То есть сеть – это «процесс над процессами». Понятно, что услуга должна иметь свое строение, конструкцию, организацию и, естественно, стоимость.

Сеть – это конструкция, которая обеспечивает синхронизацию. Основу сети, как конструкции, составляют:

1. Система отношений (включая управление, распределение/присвоение ответственности, отношений собственности, предметов ведения, регламентов принятия решений, схемы финансирования).

2. Распределенность работ по участникам сети.

3. Узлы сети.

4. Организационно-техническое и нормативно-правовое обеспечение.

Именно последняя часть данного пункта и является предметом рассмотрения нашей работы.

Один из принципов сетевой организации заключается в постепенной, обоснованной, обеспеченной, наконец, ресурсами передаче всё большего объема работ и функций «на сторону», с использованием схем подряда, субподряда, контрактации, в том числе внутренней, обмена, компаративных работ и пр.

Если образовательное учреждение или организация имеют в своём активе значительное количество привлекаемых и качественно работающих специалистов, не являющихся их постоянными сотрудниками, сопоставимое и большее, чем количество штатных сотрудников, если эта организация периодически и успешно проводит обучающие семинары и другие мероприятия для сторонних организаций и отдельных специалистов, то она либо уже становится сетевой структурой, либо имеет набор предпосылок к этому. К тому же, скорее всего, эта структура уже имеет своё, собственное имя.

На уровне образовательной политики практики сетевого взаимодействия в основном обеспечивают легитимность существования и деятельности «нестандартных» (альтернативных, экспериментальных и т. д.) образовательных практик.

Создание таких сетей обеспечивает, с одной стороны, некоторую локализацию инициатив и возможность их внутреннего развития, с другой стороны, именно сеть является «переходным мостиком» между инновационным движением и массовой педагогической практикой, который обеспечивает снятие возникающих между ними конфликтов, способствует постоянному взаимодействию и диалогу [2].

На практике сегодня сетевой подход к образовательным программам характеризуется взаимодействием разных типов учреждений и структур, обеспечивающим образовательный заказ и распределение функций и полномочий при реализации программ.

В последнее время в системе образования появились группы, пытающиеся решать задачи ее развития на разных уровнях:

- уровень информации, когда в системе образования налажены действенные информационные потоки;

- уровень распределения обязанностей между образовательными учреждениями в удовлетворении разных образовательных потребностей граждан;

- уровень формирования социально-педагогических, профессиональных норм;

- уровень ресурсного обмена между образовательными учреждениями;

- уровень реализации образовательных программ.

Деятельность таких групп является многосторонней и требует специального организационного оформления. В практике образования стали появляться сетевые организации, как правило, имеющие ту или иную форму некоммерческих организаций. В деятельности этих организаций переплетены все формы сетевого взаимодействия, которые реализуются за счет координации усилий членов – партнеров самой сетевой организации и представителей других сетевых организаций или организованных сетей.

Поскольку термин «сетевое взаимодействие» в правовом смысле ранее никак не определялся, сейчас важнее определиться с тем, что можно использовать из действующей нормативной правовой базы для организации такого взаимодействия образовательных учреждений, которое участники обсуждения понимают как сетевое взаимодействие.

Гражданско-правового закрепления требуют такие взаимоотношения, которые связаны с обменом, перераспределением (на постоянной или временной основе):

- имущества (собственности);

- финансов;

- имущественных и неимущественных прав;

- кадровых ресурсов;

- компетенции (ответственности), прямо закрепленной действующим законодательством;

- компетенции (ответственности), закрепленной учредителем;

- производимых товаров, работ, услуг.

При этом у субъектов таких взаимоотношений возникают новые права и обязанности (ответственность), которые так или иначе должны быть в правовом смысле надлежащим образом оформлены.

В управлении всегда существует «вилка» между нормативным оформлением деятельности в формально-правовом залоге и нормативным оформлением деятельности в организационном залоге. Первый обеспечивает саму возможность деятельности и носит в основном характер разрешений и предоставления прав со стороны различных органов и инстанций, а второй утверждает, что и как делается в сети для достижения планируемых результатов и как распределяется ответственность среди ее участников.

Отсюда различное отношение к нормативному оформлению. В первом залоге его надо делать заранее, получая права на свои действия и обеспечивая их неоспоримую правомочность, а во втором – только по мере того, как предполагаемый порядок проведения работ показал свою жизнеспособность и может быть переведен в регламентирующие документы для последующего исполнения.

Переходя к рассмотрению вопросов нормативного обеспечения процессов подготовки и переподготовки педагогических кадров в сетевой форме, следует определить правовое поле, в рамках которого подлежат регулированию указанные вопросы.

Под сетевым взаимодействием в работе понимается взаимодействие двух и более образовательных учреждений между собой и с иными юридическими и физическими лицами [3; 4].

В качестве основных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность образовательных учреждений, составляющих сеть, можно выделить следующие:

- Конституция Российской Федерации;
- Гражданский кодекс РФ;
- Налоговый кодекс РФ;
- Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1;
- Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ;
- Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ;
- Постановление Правительства РФ от 16.03.2011 № 174 «Об утверждении Положения о лицензировании образовательной деятельности»;
- Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил разработки, утверждения и введения в действие государственных образовательных стандартов начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования» от 21 января 2005 г. № 36;
- Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил оказания платных образовательных услуг» от 5 июля 2001 г. № 505;
- Постановление Правительства РФ от 21.03.2011 N 184 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций»;
- Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений» от 30 сентября 2005 г. № 1938 (вступает в силу с 1 января 2006 г.);
- Приказ Рособнадзора от 25.04.2008 № 885 «О внесении изменений в Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки» от 30 сентября 2005 г. № 1938 «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.05.2008 № 11676);
- Приказ Минобрнауки РФ от 21.10.2009 № 442 (ред. от 11.05.2010) «Об утверждении Порядка приема граждан в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.12.2009 № 15495);
- ФГОС ВПО (стандарты) и др.

Главными действующими лицами сетевого взаимодействия выступают муниципальные, государственные или негосударственные образовательные учреждения и обучаемый (обучаемые), вступающий по поводу образования по индивидуальному учебному плану в правоотношения более чем с одним образовательным учреждением.

Проблематика нормативного регулирования правоотношений сторон сетевого взаимодействия в настоящее время актуализируется в связи с процессами информатизации образования, изменения правового статуса и развития меры автономности образовательных учреждений, введением профильного обучения на старшей ступени общего образования.

Центральными вопросами сетевого взаимодействия, подлежащими правовому регулированию, являются:

- взаимодействие образовательных и иных учреждений и организаций, составляющих сеть с точки зрения распределения между членами сети прав, обязанностей и ответственности, возникающих в связи с реализацией образовательных программ посредством сетевого взаимодействия;
- взаимодействие слушателя, обучающегося по индивидуальному учебному плану, часть которого реализуется в более чем одном образовательном учреждении, с этими образовательными учреждениями (членами сети).

Правоотношения субъектов сетевого взаимодействия строятся на основе договора или соглашения между ними.

Существующая нормативная правовая база в сфере образования, а также организационно-управленческая схема сети образовательных учреждений и порядок ее бюджетного финансирования предполагают по умолчанию гражданско-правовые отношения обучающегося с одним образовательным учреждением. Оформление таких правоотношений максимально упрощено именно в силу их «предусмотренности» федеральным законом, типовым положением, уставами ОУ, и т. п. Но, как только у обучающегося возникает необходимость вступить в правоотношения по поводу обучения по индивидуальному учебному плану с более чем одним общеобразовательным учреждением, возникает проблема гражданско-правового оформления таких отношений.

С формально правовой стороны «горизонтальные» сетевые взаимодействия легализуются (становятся правовым фактом):

- в договорной форме;
- в форме учреждения (участниками сети) нового юридического лица.

Договорная форма сетевой организации более динамична как по составу участников сети, так и по содержанию сетевых взаимодействий и взаимоотношений. Эта форма также более «индивидуализирована», то есть более дифференцирована в плане предметности, взаимных прав и обязательств участников правоотношений в сети. Правоотношения сторон в рамках реализации договорной формы сетевой организации могут быть урегулированы различными гражданско-правовыми договорами. Здесь могут быть использованы самые разные договоры: договоры аренды, безвозмездного пользования, договоры возмездного оказания услуг, договоры поручения, агентские договоры и др., совершаемые, как правило, в простой письменной форме. Такая форма договорной сетевой организации может развиваться спонтанно, либо может быть объектом проектной (программной) деятельности, в том числе и с участием учредителя ОУ. Участниками такой сети в роли стороны договорных отношений могут выступать сами учащиеся системы повышения квалификации. Трудности реализации такого подхода к выстраиванию сети, как минимум, две:

- необходимо квалифицированное юридическое сопровождение всего многообразия возникающих и прекращающихся договорных отношений;
- развитие и функционирование такой сети трудно поддается управлению даже и в интересах развития, не только контроля.

Обе эти трудности преодолеваются при использовании сторонами для урегулирования возникающих правоотношений формы договора простого товарищества (договора о совместной деятельности). В соответствии с действующим гражданским законодательством (ст. 1041 ГК РФ) по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели.

Договор простого товарищества представляется одним из самых многогранных договоров, использование которого обеспечивает одновременное решение самых разнообразных задач и наиболее естественно решает задачи сетевой организации субъектов образовательной деятельности.

Организация сетевого взаимодействия также возможна в форме учреждения нового юридического лица в той или иной организационно-правовой форме, предусмотренной действующим законодательством. Такая сеть, как субъект права, более прогнозируема и управляема, организационно она более стабильна. Она предлагает потребителю образовательных услуг все объединенные ресурсы сети под унифицированные формы ответственности и обязательств всех участников сетевого образовательного обслуживания. Она адекватно решает всю проблематику реализации профильного обучения, в том числе и для обучающихся в более чем одном образовательном учреждении, а также для обучающихся по индивидуальному учебному плану. При определенных организационно-правовых формах участниками (членами) сети могут быть также и сами обучающиеся. Будучи образованным по инициативе участников, такая организованность сохраняет свой сетевой характер даже при определенных формах участия в создании и деятельности юридического лица образовательных учреждений.

Как представляется, наиболее востребованными формами, обеспечивающими реализацию процессов подготовки и переподготовки педагогических кадров в сетевой форме (новой институциональной форме) будут:

- на стадии становления и развития (легализация) – договорная форма и, прежде всего, договор простого товарищества (договор о совместной деятельности);
- на стадии закрепления функционирования устоявшихся сетевых взаимодействий (институционализация) – юридическое лицо, объединение (в том числе – в форме союзов, ассоциаций) юридических лиц.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках гос. задания Алтайской государственной педагогической академии проект № 6.380.2011. «Многокомпонентная открытая образовательная среда регионального уровня».

Библиографический список

1. Марача, В.Г. Образование на рубеже веков: методологические соображения. – М., 2002. [Э/п]. – Р/д: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk>
2. Цирульников, А.М. Школьная сеть вместо управленческой вертикали [Э/п]. – Р/д: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/12?page=&print=1>
3. Каракозов, С.Д. Сетевая организация образования: тенденции и перспективы: монография / С.Д. Каракозов, К.Г. Митрофанов. – Барнаул, 2011.
4. Каракозов, С.Д. Сетевая организация образования: тенденции и перспективы / С.Д. Каракозов, К.Г. Митрофанов // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29).

Bibliography

1. Maracha, V.G. Obrazovanie na rubezhe vekov: metodologicheskie soobrazheniya. – M., 2002. [Eh/r]. – R/d: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk>
2. Cirulnikov, A.M. Shkol'naya setj' vmesto upravlencheskoj vertikali [Eh/r]. – R/d: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/12?page=&print=1>
3. Karakozov, S.D. Setevaya organizaciya obrazovaniya: tendencii i perspektivih: monografiya / S.D. Karakozov, K.G. Mitrofanov. – Barnaul, 2011.
4. Karakozov, S.D. Setevaya organizaciya obrazovaniya: tendencii i perspektivih / S.D. Karakozov, K.G. Mitrofanov // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2011. – № 4 (29).

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 159.947.5

Makota E.M. PECULIARITIES OF THE MODERN MANAGER THE MOTIVATION TO WORK. The article presents the results of empirical research aimed at identifying the structure of the work motivation of managers. Based on the results of psychological research and procedures for latent-structure analysis were factors that underlie the motivation of the work motivation modern manager.

Key words: motive, motivation, motivation to work, structure of work motivation, factor analysis, a modern manager.

Е.М. Макота, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: emakota@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление структуры мотивации трудовой деятельности руководителей. Основываясь на результатах психологического исследования и процедур латентно-структурного анализа, выявлены факторы, лежащие в основе мотивации трудовой деятельности современных руководителей.

Ключевые слова: мотив, мотивация, трудовая мотивация, структура мотивации трудовой деятельности, факторный анализ, современный руководитель.

Роль мотивации труда руководителя в организации трудно переоценить, так как руководитель является важнейшим звеном в системе управления производством и от его действий зависит состояние всех элементов производственной системы (персонал, уровень технологий, организационный механизм деятельности и др.). В конечном счете, от решений руководителя зависит результативность деятельности всего предприятия, его конкурентоспособность на рынке. Руководитель формирует корпоративный дух, психологический климат внутри организации, мотивирует сотрудников на достижение общих целей, координирует их усилия в ходе рабочего взаимодействия, а поддержка членами коллектива своего руководителя является той базой, без которой ни один менеджер, каким бы хорошим и грамотным специалистом он ни был, не сможет успешно управлять организацией. Именно поэтому современные условия предъявляют к руководителю высокие требования, касающиеся не только уровня его образованности и профессионализма, но и его психологического облика. Невозможно выступать в качестве живого мотиватора организационных процессов, оставаясь самому искренне не вовлеченным в эти процессы. Низкий уровень трудовой мотивации руководителя не замедлит сказаться на мотивации сотрудников, причем «механизм заражения» эмоциями, мотивацией происходит для субъектов процесса управления неосознанно и трудно поддается отслеживанию. Результатом же такого «заражения» обычно становится снижение рабочей дисциплины сотрудников, халатность в деятельности и как итог этой внутренней, психологической «работы» – снижение результативности деятельности предприятия. Трудовая мотивация руководителя может находиться и на высоком уровне, однако за счет своего теперь уже качественного своеобразия (преимущественной ориентации на социальный престиж, стремление избежать критики и наказаний или гипермотивированности и др.) может также приводить к неблагоприятным последствиям для всего предприятия.

Трудовая мотивация является специфическим видом мотивации человеческого поведения. Так, А.Я. Кибанов отмечает, что

«мотивы трудовой деятельности – часть всей совокупности мотивации человека», и определяет мотивацию трудовой деятельности как «стремление работника удовлетворить свои потребности в определенных благах посредством труда, направленного на достижение целей организации» [1]. При этом «мотивационная сфера любого субъекта, включенного в трудовую деятельность, представляет собой систему мотивов, базирующихся на материальных, духовных и социальных потребностях» [2]. Е.А. Куприянов и А.Г. Шмелев, ссылаясь на словарь glossary.ru, определяют мотивацию труда как «совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к трудовой деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей» [3]. И.Г. Кокурина под трудовой мотивацией понимает процесс наполнения смыслами наиболее значимых стимулов труда. В результате этого процесса возникает структура в виде иерархии смыслообразующих мотивов, способная оказывать обратное влияние на трудовую мотивацию [4]. Е.П. Ильин определяет мотивацию трудовой деятельности как «совокупность побудительных причин, которые заставляют человека заниматься трудом» [5].

Проведенный анализ показывает, что в современной психологии понятие трудовой мотивации получило достаточно подробный анализ, а соответствующая феноменология – разностороннее изучение. В то же время в психологической науке отсутствует всесторонний и детальный анализ проблемы мотивации трудовой деятельности руководителей, недостает также и эмпирических исследований на эту тему.

Исследование проводилось на базе Банка АК Барс, Алтайского Краевого суда, Барнаульского Филиала Дорожного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института ГипроДорНИИ, Алтайской Краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова. В исследовании приняли участие руководители – мужчины и женщины в возрасте от 26 до 63 лет (средний возраст – 45,67 лет), всего – 123 человека.

Использованная в работе методика К. Замфир направлена на диагностику мотивации профессиональной деятельности.

В основу теста положена концепция внутренней и внешней мотивации. К. Замфир отмечает, что о внутреннем типе мотивации (ВМ) следует говорить тогда, когда для личности имеет значение деятельность сама по себе. Если же в основе мотивации профессиональной деятельности лежит стремление к удовлетворению иных потребностей, внешних по отношению к содержанию самой деятельности (мотивы социального престижа, зарплаты и т. д.), то в данном случае принято говорить о внешней мотивации. Сами внешние мотивы дифференцируются на внешние положительные – ВПМ (денежный заработок, социальный престиж, уважение) и внешние отрицательные – BOM (стремление избежать критики, возможных наказаний или неприятностей). Внешние положительные мотивы, несомненно, более эффективны и более желательны, чем внешние отрицательные мотивы.

В соответствии с методикой исследования (в модификации, предложенной А.А. Реаном) мы просили руководителей дать оценку различным мотивам профессиональной деятельности в четырех случаях, отразив свою просьбу в инструкциях для респондентов следующим образом:

- 1) Дайте оценку профессиональной мотивации «идеально» руководителя («Идеальное Я»);
- 2) Дайте оценку того, каким типом профессиональной мотивации характеризуется ваш руководитель («Оценка руководителя»);
- 3) Дайте оценку вашей профессиональной мотивации («Реальное Я»);

4) Дайте оценку того, каким типом профессиональной мотивации характеризуются ваши коллеги («Оценка коллег»).

В таблице 1 представлены результаты исследования внутренней (ВМ), внешней положительной (ВПМ) и внешней отрицательной (BOM) мотивации, а также выявлены мотивационные комплексы личности, представляющие собой различные варианты соотношения трех типов мотивации.

Материалы исследования указывают, что по первым трем шкалам опросника К. Замфир («Идеальное Я», «Оценка руководителя», «Реальное Я») получены оптимальные личностные мотивационные комплексы, что выражается в преобладании внутренней мотивации над внешней положительной, а внешней положительной мотивации над внешней отрицательной, что символически может быть выражено формулой: $ВМ > ВПМ > BOM$.

Такой же результат получен и для интегрального (суммарного) показателя по тесту. Таким образом, профессиональная мотивация руководителей в большей степени строится на получаемом удовольствии от процесса и результата труда. Меньший вес в целостной мотивации профессиональной деятельности руководителей занимает внешняя положительная мотивация, в качестве которой выступают денежный заработок, стремление к продвижению по службе и потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других.

И, наконец, на третьем месте в рейтинге ведущих мотивов профессиональной деятельности руководителей находится внешняя отрицательная мотивация, выражающаяся в стремлении

Таблица 1

Результаты исследования мотивации профессиональной деятельности
(методика К. Замфир в модификации А. Реана)

№	Шкала	Тип мотивации			Мотивационные комплексы
		ВМ	ВПМ	BOM	
1.	Идеальное Я	3,34	3,02	2,71	$ВМ > ВПМ > BOM$
2.	Оценка руководителя	3,23	3,07	2,80	$ВМ > ВПМ > BOM$
3.	Реальное Я	3,23	3,02	2,75	$ВМ > ВПМ > BOM$
4.	Оценка коллег	2,94	3,06	2,85	$ВПМ > ВМ > BOM$
5.	Интегральный показатель	2,73	12,19	11,06	$ВМ > ВПМ > BOM$

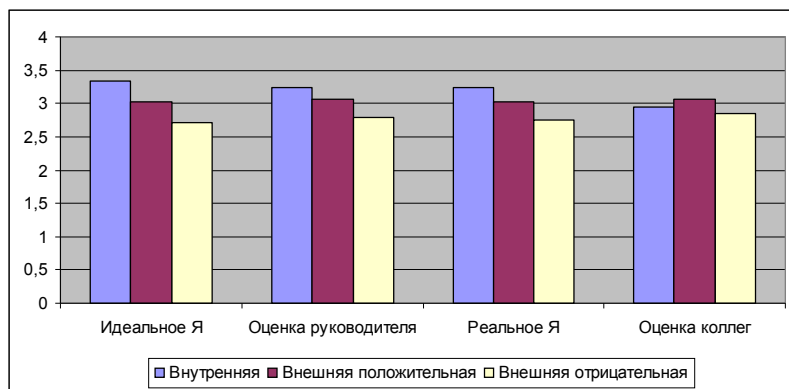

Рис. 1. Типы профессиональной мотивации по К. Замфир

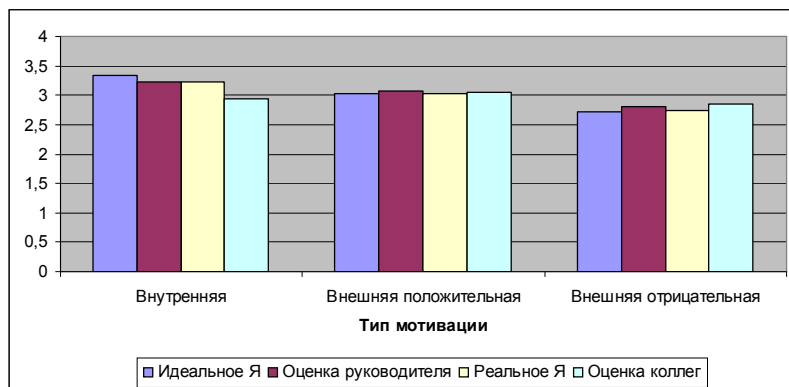

Рис. 2. Представления руководителей о мотивации профессиональной деятельности

избегать критики со стороны более высокого по рангу руководителя или коллеги, или же как стремление избежать возможных наказаний или неприятностей. В то же время по шкале «Мои коллеги» выявлены другие соотношения между внутренней и внешней мотивацией. Так, установлено, что, по мнению большинства испытуемых, их коллеги большее значение придают внешней положительной мотивации и лишь только потом – мотивации внутренней, то есть коллеги по работе предстают для руководителей, скорее, как люди, мотивированные, в первую очередь, заработной платой, возможностью карьерного роста или прочими социальными мотивами и лишь во вторую очередь – возможностью профессиональной самореализации. На рис. 2 показано, какой из типов мотивации (ВМ, ВПМ, BOM) в большей мере приписывается руководителями себе и другим. Так, при оценке движущих сил профессиональной деятельности опрошенные наделяют идеальными представлениями о руководителе внутренней мотивацией («Идеальное Я»). Следующие по величине значения внутренней мотивации относятся к оценке себя («Реальное Я») и оценке вышестоящего руководителя («Оценка руководителя»). Коллегам же руководители приписывают внутреннюю мотивацию в несколько меньшей степени. При оценке руководителями внешней положительной мотивации установлено следующее: наиболее высокий ее уровень приписывается коллегам и вышестоящим руководителям, в то время как «реальная» и «идеальная» мотивации профессиональной деятельности в меньшей мере характеризуются внешними (напрямую не связанными с предметом трудовой деятельности) положительными мотивами. Сходное распределение показателей наблюдается при оценке руководителями внешней отрицательной мотивации, которой в большей степени наделяются коллеги и в меньшей степени сами участники исследования.

Корреляционный анализ позволил установить, что представления руководителей о мотивации собственной профессиональной деятельности и мотивации профессиональной деятельности коллег связаны с их возрастом, профессиональным стажем и стажем работы в должности руководителя. Так, чем больше стаж руководящей работы, тем в большей мере человек склонен приписывать себе («Реальное Я») ($r=0,49$; $pd\leq 0,0001$), идеальному руководителю («Идеальное Я») ($r=0,43$; $pd\leq 0,0001$), вышестоящему руководителю («Оценка руководителя») ($r=0,28$; $pd\leq 0,001$) и коллегам («Оценка коллег») ($r=0,60$; $pd\leq 0,0001$) внутреннюю мотивацию профессиональной деятельности. При этом наделение коллег внутренней мотивацией («Оценка коллег») связано не только со стажем работы в должности руководителя, но и с возрастом респондента ($r=0,34$; $pd\leq 0,0001$) и общим стажем его профессиональной деятельности ($r=0,33$; $pd\leq 0,0001$). Установлено также, что с возрастом и увеличением стажа работы, руководители все в меньшей степени наделяли себя («Реальное Я») и образ идеального руководителя («Идеальный руководитель») внешней положительной профессиональной мотивацией. Таким образом, чем были старше обследованные нами респонденты или чем больший стаж работы они имели, тем в меньшей степени они были согласны с тем, что ведущими мотивами их профессиональной деятельности являются социальный престиж и уважение людей (таблица 2).

Таблица 2
Зависимость внешней положительной мотивации от возраста и стажа работы руководителя

№	Шкала	Факторы	
		Возраст	Общий стаж работы
1.	Реальное Я	-0,28 $pd\leq 0,001$	-0,31 $pd\leq 0,0001$
2.	Идеальное Я	-0,28 $pd\leq 0,001$	-0,28 $pd\leq 0,001$

Мотивация успеха выражается в том, что человек, приступая к какой-либо деятельности, стремится к достижению чего-то конструктивного, в основе его активности лежит надежда на получение определенного результата. Такие люди обычно уверены в себе, в своих силах, ответственны и инициативны. Их отличает настойчивость и целеустремленность. При мотивации избегания неудачи активность человека связана с потребностью избежать срыва, порицания, наказания. В основе данного типа мотивации лежит идея избегания и идея негативных ожиданий. Начиная дело, человек уже заранее боится возможной неудачи, думает о путях ее избегания, а не о способах достижения успеха. Люди, мотивированные на избегание неудачи, обычно отличаются повышенной тревожностью, низкой самооценкой, они стараются избегать ответственных заданий, а при необходимости решения сверхответственных задач могут впасть в состояние, близкое к паническому. По крайней мере, ситуативная тревожность у них в этих случаях становится чрезвычайно высокой. Все это, вместе с тем, может сочетаться с весьма ответственным отношением к делу. МакКлелланд Д. [6] утверждал, что высокая потребность в достижении целей характерна для тех руководителей, которые предпочитают работать в одиночку. Также, по мнению ученого, руководителю, для того чтобы быть лидером, следует иметь высокую потребность во власти, что по существу означает заинтересованность в том, чтобы иметь сильное влияние на других.

Потребность во власти, согласно Д. МакКлелланду, является бессознательным стремлением оказывать влияние на других людей и положение дел. У такого человека сильно выражены стремление к лидерству и руководству, склонность к агрессивным действиям, потребность обладать престижными вещами. Высокая потребность во власти ассоциируется со многими соревновательными и чрезмерно настойчивыми действиями и с заинтересованностью в достижении и сохранении престижа и репутации.

Таблица 3

Результаты исследования смыслообразующих мотивов трудовой мотивации (методика И.Г. Кокориной)

№	Тип мотивации	Оцениваемые категории					
		Деньги		Коллектив		Труд	
		Результат	Процесс	Результат	Процесс	Результат	Процесс
1.	Преобразовательный мотив	3,48*	2,51	3,43*	3,34	3,93*	2,88
2.	Коммуникативный мотив	3,87*	2,75	1,73	2,61*	3,58*	3,12
3.	Утилитарно-прагматический мотив	4,14*	2,43	3,07*	2,71	3,46*	1,63
4.	Кооперативный мотив	2,91	3,05*	4,78*	2,71	4,44*	3,05
5.	Конкурентный мотив	3,62*	2,44	4,12*	2,02	2,56*	1,05
6.	Мотив достижения	3,41*	1,29	2,44	3,02*	3,95*	2,27

Примечание: * - преобладающая мотивация (результатирующая или процессуальная)

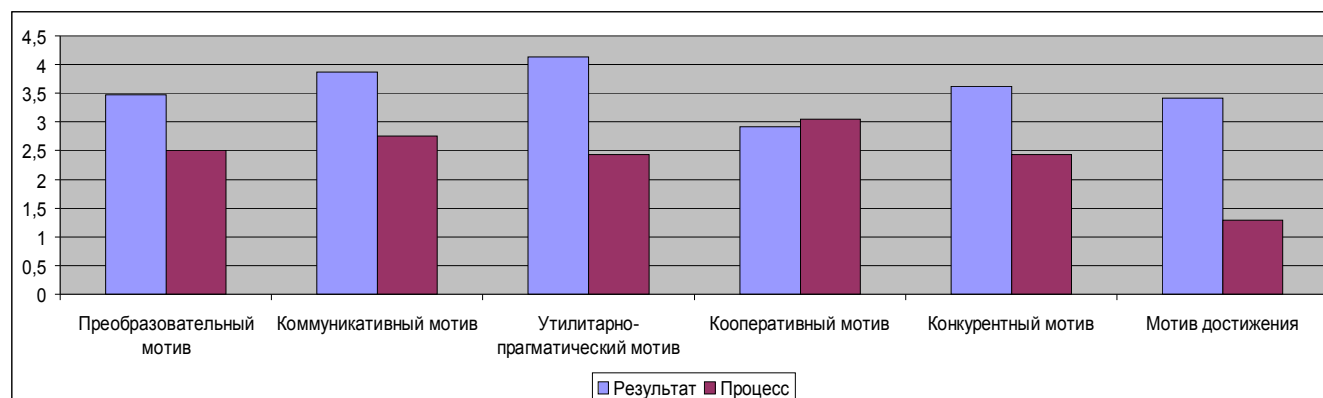

Рис. 3. Отношение к категории «Деньги»

По результатам проведенного исследования испытуемые имеют высокие показатели мотивации успеха и умеренные показатели мотивации власти. Корреляционный анализ показал, что по мере роста профессионального стажа работника в должности руководителя у него происходит снижение показателей мотивации власти ($r=-0,28$; $pd\leq 0,001$). Полученный результат отчасти согласуется с данными МакКлелланда о связи мотива власти с уровнем зрелости индивида – чем выше одно, ниже другое, и наоборот. Поэтому, если предположить, что со временем руководитель становится более зрелым, для него все в меньшей и меньшей степени характерна выраженность мотива власти.

По мнению И.Г. Кокуриной, в основе любой человеческой деятельности, в том числе и трудовой, может лежать шесть базовых смыслов: преобразование, коммуникация, прагматика, кооперация, конкуренция и достижение. При этом каждый из этих смыслов имеет две ориентации – процессуальную и результирующую. Последнее положение базируется на представлении об активности/пассивности мотивации, в частности, идеях В.Г. Асеева [7] о существовании двух ее видов: в виде собственной потребности в деятельности (процессуальная ориентация) и в виде целевой установки, связанной с получением конкретного результата (результирующая ориентация) [8].

В таблице 3 представлены результаты исследования трудовой мотивации руководителей, которые в соответствии с исследовательской процедурой должны были оценить три ключевых категории, непосредственно связанные с трудовой деятельностью – «Деньги», «Коллектив», «Труд».

Как видно из представленной таблицы, в подавляющем большинстве случаев результирующая мотивация опережает по значениям мотивацию процессуальную. Сказанное означает, что для опрошенных преобладающей мотивационной направленностью является установка на получение конкретного результата деятельности. Исключение составляют лишь три случая, выделенные в таблице жирным шрифтом: преобладание процессуальной мотивации при оценке категории «Деньги» (кооперативный мотив), при оценке категории «Коллектив» (коммуникативный мотив и мотив достижения).

На рис. 3 представлено отношение респондентов к категории «Деньги». Как видно из рисунка, преобладающей является утилитарно-прагматическая мотивация с результирующей ориентацией. Полученный результат означает, что для большей части участников проведенного исследования деньги – это одно из достоинств труда, то, что дает человеку возможность иметь другие занятия, помимо профессиональных. При этом

деньги в меньшей мере связаны для испытуемых с возможностью украшать и облегчать жизнь (утилитарная мотивация с процессуальной ориентацией), они в меньшей мере рассматриваются и как средство удовлетворения коммуникативных потребностей или как возможность, содействующая развитию способностей человека (процессуальная мотивация достижения).

При оценке категории «Коллектив» (рис. 4.) в выборке руководителей доминирует кооперативная результирующая мотивация. Опрошенные, испытывают чувство ответственности не только за свою часть работы, но и за работу тех, кто вместе с ними включен в единую цепочку производства конечного продукта. Для участников проведенного исследования важен успех их организации и ее авторитет.

Коллектив для них, скорее, – взаимодействие людей (слияние воли, ума, действий и др.) с целью достижения результата. В меньшей степени для руководителей при оценке категории «Коллектив» характерны коммуникативные результирующие и конкурентные процессуальные мотивы, то есть коллектив – это не группа людей, где принята бескорыстная забота о благе других и не сообщество людей, где созданы условия для развития личности ее членов.

На рис. 5 представлено отношение респондентов к категории «Труд». Как видно из рисунка, преобладающей является кооперативная мотивация с результирующей ориентацией. Так, по мнению большинства руководителей, труд – это «целенаправленная деятельность человека, создающего то, в чем нуждается кто-то еще». Труд выступает для испытуемых и как «умение выкладываться так, чтобы получить максимально возможный и желаемый результат в работе» (мотив достижения, результирующая ориентация), и как «способ преодоления незнания и неумения на пути достижения задуманного, создания намеченного» (преобразовательный мотив результирующей ориентации). В меньшей мере труд в группе опрошенных респондентов представляется как «способ доказать самому себе, на что ты способен, чего ты стоишь» или как «работа, которая радует, если она ладится и огорчает, если не можешь ее сделать так, как хотелось бы» (конкурентный мотив, процессуальная ориентация). Труд не выступает для руководителей и как процессуальный утилитарно-прагматический мотив, то есть как «добросовестно выполненная работа, за которую человека уважают и ценят в коллективе».

Рассмотрим результаты исследования «активной» или результирующей мотивации руководителей, а также «пассивной» или процессуальной мотивации их трудовой деятельности. Со-

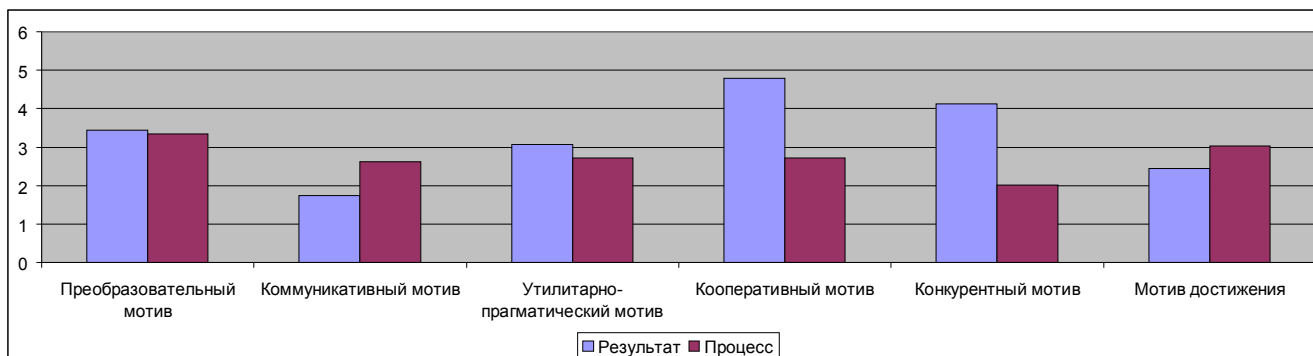

Рис. 4. Отношение к категории «Коллектив»

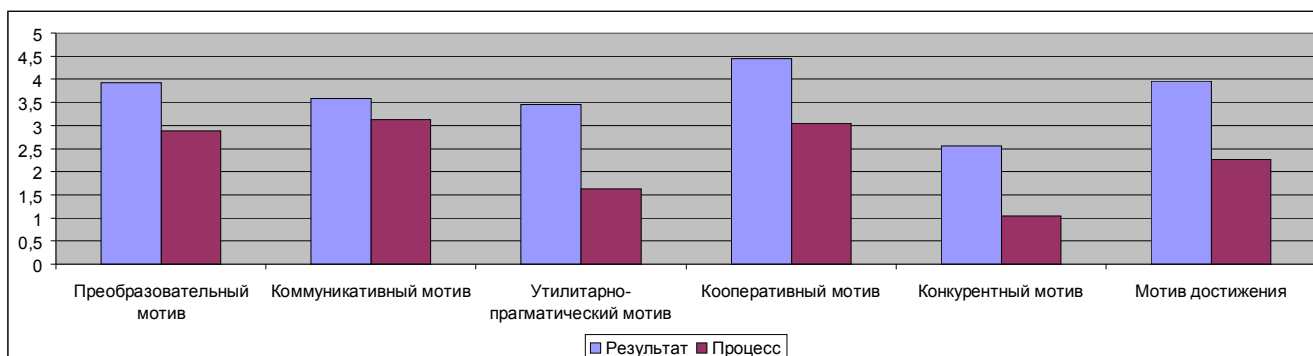

Рис. 5. Отношение к категории «Труд»

гласно В.Г. Асееву, результирующий тип мотивации выступает в виде целевой установки, связанной с получением конкретного результата. Так, исследование показало, что результирующая ориентация трудовой мотивации руководителей в большей степени выражена в отношении категорий «Коллектив» и «Труд» и касается кооперативной и конкурентной мотивации. Высокие показатели имеет также утилитарный мотив в отношении к категории «Деньги» и мотив достижения в отношении категории «Труд». Крайне незначима, по мнению руководителей, результирующая коммуникативная мотивация в коллективе: бескорыстная забота о благе других как вид трудовой мотивации в наше время, пожалуй, уже превратилась в атавизм.

Процессуальная мотивация трудовой деятельности руководителей, которая, согласно В.Г. Асееву, выражается в виде собственно потребности в деятельности, в большей степени проявляется в отношении категорий «Коллектив» и «Труд» и касается преобразовательной, коммуникативной и кооперативной мотивации, а также мотивации достижения. Высокие показатели имеет также кооперативный мотив в отношении к категории «Деньги». Крайне же незначимы, по мнению руководителей, процессуаль-

ные конкурентный и утилитарный мотивы про оценке категории «Труд». Так, труд не рассматривается в качестве «способа доказать самому себе, на что ты способен, чего ты стоишь» или «добросовестно выполненной работы, за которую человека уважают и ценят в коллективе». Труд для руководителей в большей мере это и не то, что «радует, если работа ладится и огорчает, если не можешь ее сделать так, как хотелось бы». Труд, по их мнению, это в большей мере деятельность, полезная для близких и родных с ориентацией на сохранение позитивных отношений с коллегами в процессе взаимоотношения с ними.

Итак, в структуру мотивации профессиональной деятельности разных руководителей выявленные мотивы могут входить с разным весом, образуя в потребностно-мотивационной сфере личности различные связи, отношения, иерархии. Вызывает интерес вопрос об особенностях мотивационных профилей руководителей, характеризующихся разными личностными особенностями. Сказанное может рассматриваться в качестве актуальной задачи для психологического анализа мотивации трудовой деятельности руководителей и перспективы нашей дальнейшей работы.

Библиографический список

1. Кибанов, А.Я. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности / А.Я. Кибанов. – М., 2009.
2. Куприянов, Е.А. Психодиагностика мотивации труда методами опроса и шкалирования / Е.А. Куприянов, А.Г. Шмелев // Вестник МГУ. – 2006. – № 2. – Сер. 14. Психология.
3. Черемошнина, Л.В. Мотивация труда: факторы влияния // Человек и труд. – 2004. – № 8.
4. Кокурина, И.Г. Методика изучения мотивации трудовой деятельности. – М., 1990.
5. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2008.
6. МакКлеlland, Д. Мотивация человека. – СПб., 2007.
7. Асеев, В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М., 1976.
8. Кокурина, И.Г. Социально-психологические аспекты мотивации трудовой деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1985.

Bibliography

1. Kibanov, A.Ya. Motivaciya i stimulirovanie trudovoj deyatel'nosti / A.Ya. Kibanov. – M., 2009.
2. Kupriyanov, E.A. Psikhodiagnostika motivacii truda metodami oprosa i shkalirovaniya / E.A. Kupriyanov, A.G. Shmelev // Vestnik MGU. – 2006. – № 2. – Ser. 14. Psikhologiya.
3. Cheremoshkina, L.V. Motivaciya truda: faktorih vliyaniya // Chelovek i trud. – 2004. – № 8.
4. Kokurina, I.G. Metodika izucheniya motivacii trudovoj deyatel'nosti. – M., 1990.
5. Il'in, E.P. Motivaciya i motivih. – SPb., 2008.
6. MakKlelland, D. Motivaciya cheloveka. – SPb., 2007.
7. Aseev, V.G. Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti. – M., 1976.
8. Kokurina, I.G. Social'no-psikhologicheskie aspekty motivacii trudovoj deyatel'nosti: dis. ... kand. psikh. nauk. – M., 1985.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 371

Borzenko I.L. SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS AND TEACHING FORMATION OF A NATIONAL SCHOOL OF ALTAI IN THE 1920s. The paper analyzes the socio-political and educational conditions of the national school in Altai in 1920s. Attention is paid to the mechanism of creation and functioning of national schools, teacher training, as well as educational content and methods of education and training in local schools.

Key words: national school, a minority, conferences on education, programs of the State Academic Council (SAC), a national school teaching staff, active learning techniques, self-management in the National School.

И.Л. Борзенко, канд. пед. наук, доц. каф. литературы, социальной психологии и педагогики АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: irinab77@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА АЛТАЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье анализируются социально-политические и педагогические условия возникновения национальной школы на Алтае в 1920-е годы. Уделено внимание механизму создания и функционирования национальной школы, подготовке педагогических кадров, а также содержанию образования и методам воспитания и обучения в национальной школе.

Ключевые слова: национальная школа, национальное меньшинство, съезды по просвещению, программы Государственного Ученого Совета (ГУС), педагогические кадры национальной школы, активные методы обучения, самоуправление в национальной школе.

Система образования – важнейший институт общественного воспроизводства и государственной безопасности, ведущий фактор сохранения и развития национальных культур и языков, действенный инструмент культурной и политической интеграции российского общества. Сегодня ни народы, ни национальные общины в России не откажутся от своей национально-культурной идентичности, а значит, и национальной об-

щеобразовательной школы. Как отмечает И. В. Метлик, обучение в любой национальной общеобразовательной школе предусматривает приобщение ребенка к соответствующей национальной культуре во всех ее составляющих [1, с. 5]. Ребенок не станет нравственным и культурным человеком, который будет ценить и любить свою семью, народ, страну, он не будет способным уважать право других людей на мировоззренчес-

кое самоопределение, если не будет ощущать связь с определенной культурной традицией, знать и ценить национальную культуру, укорененным в этой культуре.

При демократии функционирование национальной школы обусловлено уровнем национального самосознания и самоорганизации соответствующей национальной общности. Те народы, национальные общины, которые сохраняют или восстанавливают свою национально-культурную идентичность и выражают ее в коллективных формах гражданской самоорганизации, имеют свою национальную школу [1, с. 5].

Решение современных задач развития национальных школ возможно лишь при глубоком изучении и использовании положительного опыта прошлых лет. Подобные исследования представляют особый интерес в переходный период, когда происходят качественные изменения сущностных характеристик современной школьной системы, изменяются представления о месте и роли национальной составляющей в школьном образовании. При реформировании национальной школы на современном этапе необходимо учитывать критически переработанный опыт прошлого. 1920-е гг. – время становления национальной школы в стране.

Национальный состав Алтайской губернии был достаточно пестрым. Здесь проживали как представители коренного населения, так и переселенцы из европейской части страны. В 1921 г. национальная структура Алтайской губернии выглядела следующим образом (табл.1).

Таблица 1
Количество населения нерусского языка в
Алтайской губернии
(ЦХАФ АК Ф. Р 922. Оп.1. Д. 2 Л. 48)

№	Национальность	Количество человек
1.	Алтайцы	43650
2.	Немцы	4238
3.	Татары	2800
4.	Киргизы	7200
5.	Чуваши	4280
6.	Латыши	2420
7.	Эстонцы	2000
8.	Литовцы	1200
9.	Поляки	1000
10.	Зыряне	516
11.	Пермяки	428
12.	Цыгане	212
13.	Вотяки	69
14.	Мордва	11474
15.	Малороссы (украинцы)	58964
	Итого:	140251

В конце 1917 г. была организована государственная комиссия по просвещению, выполнявшая функции прежнего Министерства просвещения. В 1917-18 гг. было обнародовано около 30 правительственных декретов, на основании которых:

- упразднились все имевшиеся к этому времени типы учебно-воспитательных заведений, изменялась система школ;
- школа отделялась от церкви, церковные школы упразднялись, запрещалось преподавание религии;
- отменялись сословные, религиозные, национальные и другие ограничения в получении образования, провозглашалось право всех граждан на образование;
- предоставлялось всем народам России право на создание национальной школы с преподаванием на родном языке;
- вводилось совместное обучение мальчиков и девочек;
- создавалась государственная система дошкольного образования;

Непосредственное руководство образованием осуществлял Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), а на местах – органы советской власти.

В 1918 г. на I Всероссийском съезде по народному просвещению были приняты проекты документов, определивших облик новой школы. На съезде нарком просвещения А.В. Луначарский четко выразил заказ нового государства: «...мы заинтересованы в том, чтобы все были квалифицированными рабочи-

ми, которые нужны нам и нашей экономической борьбе, потому что нам придется еще бороться не только с природой, но и конкуренцией заграницы» [2, с.44]. На этом съезде были приняты документы: «Положение о единой трудовой школе» и «Основные принципы единой трудовой школы». Согласно этим документам вводились новые принципы организации и новое содержание школьного обучения; допускалось широкое участие органов местного самоуправления в школьном деле; предусматривалось создание органов школьного самоуправления (школьных советов), вводились примерные учебные программы и гибкие учебные планы, рекомендовалось создание и использование различных учебников, отменялись оценки, экзамены, а также домашние задания и все виды наказаний. Труд провозглашался основой школьного обучения.

С 1922 г. школьная система имела следующие ступени. Школа-девятилетка, состояла из двух концентров: единой трудовой школы 1 ступени и единой трудовой школы 2 ступени. Школа 1 ступени была организационно самостоятельной. Промежуточным типом массовой общеобразовательной школы являлась 7-летняя школа. На базе 4-х летней школы 1 ступени в сельской местности открывались школы крестьянской молодежи – ШКМ (1924 – 1934 гг.) с агроиндустриальным уклоном, в которых ставилась задача соединения общего образования с изучением сельского хозяйства данной местности. В городах – фабрично-заводская семилетка – ФЗС (1925 – 34 гг.) была призвана давать общее и политехническое образование; создавались подобные школы при каком-либо предприятии. После школ крестьянской молодежи и фабрично-заводской семилетки можно было продолжить обучение в 8 классе девятилетней школы и в профессиональных учебных заведениях. Школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) открывались в 1920 г. при участии комсомола; они создавались на базе начальной школы. В течение 3-4 лет обучения ФЗУ готовили квалифицированных рабочих. [3, с. 502].

Механизм создания национальных школ 1 ступени был следующим: инструктор отдела народного образования созывал школьных работников и представителей профессиональных союзов и принимали учащихся в школу. Например, в Барнауле по причине недостатка школьных зданий в 1920 г. принимались только дети, чьи родители состояли членами профсоюза. После то, как дети были приняты, инструктор собирал учащихся, которым исполнилось 12 лет для избрания их представителей в школьный совет. На заседании совета инструктор знакомил всех с положением о единой трудовой школе, организовывал выборы Президиума школьного совета. В идеале школа 1 ступени имела 5 классных комнат, зал для гимнастики, игр и постановок спектаклей, физический и естественнонаучный кабинеты, библиотеку с читальным залом, столовую, кабинет для учителей, две комнаты под мастерские, раздевалку и две уборных. Школа располагала участком земли в 15 десятин, надворными постройками и колодезем.

Постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. сформулировало основополагающий принцип народного образования – право всех народов на организацию обучения на родном языке на обеих ступенях школы. В национальных школах вводилось обязательное изучение языка большинства населения данной местности. Школы национальных меньшинств объявлялись государственными. В советское время появляется термин «национальное меньшинство», что подчеркивало, по мнению И.В. Черказовой, роль русского народа как старшего брата, покровительствующего, помогающего тем, кто количественно оказался в меньшинстве [4, с. 170].

Так как в основу организации национальных меньшинств было положено групповое объединение – народы западной культуры (народы запада) и народы восточной культуры (народы востока), вместо Совета национальных меньшинств были созданы два Совета – Совет по просвещению народов западной культуры и Совет по просвещению народов восточной культуры. Губернские советы по просвещению, создаваемые губернским отделом народного образования, в своей деятельности исходили из положения о том, что для правильной постановки руководства просвещением национальных меньшинств необходимо создать организации, которые курировали всю культурную, политическую и просветительскую деятельность среди национальностей. В состав совета входили по одному представителю от каждой национальности. Совет возглавлял председатель, который утверждался коллегией губернского отдела народного образования и является ее членом. При нем могли быть организованы бюро каждой национальности, также совет имел право создать при Сибирском отделе народного образования бюро

народов западной и восточной культур. Губернский совет отчитывался о проделанной работе перед коллегией губернского отдела народного образования и Сибирского отдела народного образования (ЦХАФ АК Ф.922. Оп. 1. Д. 13. Л. 3-4).

Гражданская война и последующая разруха осложнили создание школьной системы. Учителя были мобилизованы в армию, школьные здания пришли в негодность. Материальная база была чрезвычайно слабой. Ассигнования на строительство школ в 1923-1924 гг. составили 24,5 % всего сибирского бюджета, в 1925-1926 гг. – 29 %. Общий бюджет Сибирского края в 1926 г. составлял 44867505 рублей, на нужды краевого отдела народного образования отпускатся 28,9 % бюджета.

В целях материального улучшения школ и других культурно-просветительских учреждений Алтайской губернии исполнительный комитет издал приказ от 15 сентября 1921 г., по которому все бывшие земельные участки школ восстанавливались и закреплялись за ними. Для вновь возникавших школ, отводились участки до 15 десятин (ЦХАФ АК Ф. 922. Оп. 1. Д. 9. Л. 2).

В течение 1924-1925 учебного года по Сибири было открыто 25 национальных школ, в которых обучалось 1535 подростков в возрасте от 12 до 18 лет. Национальных школ было 426, их количество по сравнению с 1923-1924 г. увеличилось на 13,3%. В 1925-1931 гг. количество детей в школах стало больше и, соответственно, выросло число учителей.

Важную роль в развитии национального образования сыграли совещания, на которых обсуждались актуальные вопросы, делились опытом и принимали планы совместных действий. 26 декабря 1925 г. в Рубцовске состоялось окружное совещание по народному образованию. Здесь присутствовали представители Сибирского краевого отдела народного образования. Одним из вопросов была организация методической работы и повышение квалификации учителей [8, с. 41].

5-9 мая 1927 г. при краевом отделе народного образования прошло совещание работников просвещения национальных меньшинств. Присутствовало 67 человек – краевые работники и представитель ВЦИК – т. Сабиров, который являлся заведующим татарской секцией при ВЦИК. Из национальных меньшинств присутствовали: татар – 14 человек, русских – 10, немцев – 8, чуваш – 5, эстонцев – 4, шорцев – 4, хакасов – 4, казахов – 3, мордва – 3, алтайцев – 2, бурят – 2, латышей – 2, украинцев – 1, кумандинцев – 1, поляков – 1, белорусов – 1. На совещании обсуждали организацию национальных просветительских учреждений среди всех народов. В некоторых округах наблюдалось увеличение количества классов, а школьных зданий не хватало. Учителя были перегружены работой, на каждого приходилось несколько классов.

Особое внимание было сосредоточено на ремонте старых зданий и строительстве новых помещений. Приветствовалось желание сельского общества построить на собственные средства школьные здания.

Самым важным было то, что на этом совещании определили основные задачи в области развития просвещения национальных меньшинств:

1. Организация на государственные средства украинского отделения при Омском педагогическом техникуме.
2. Открытие на средства местного бюджета подготовительного отделения для хакасов, шорцев.
3. Организация в Томске татарских двухгодичных курсов для подготовки учителей, двухгодичных курсов в Улале (Горный Алтай).
4. Краевому совету национальных меньшинств и профсоюзу поручалось в спешном порядке проработать вопрос об открытии педагогических курсов или отделений при педагогических техникумах для подготовки учителей в эстонские, латышские, немецкие и казахские школы, так как на общих курсах в Москве или Ленинграде не хватало мест.
5. Для обслуживания национальных меньшинств Сибирского края постановили просить Центральный совет национальных меньшинств об увеличении мест в национальных техникумах РСФСР.
6. Для того, что выпускники возвращались в национальные школы, совещание признавало необходимым выделение за счет краевого бюджета стипендий [6, с. 123-124].

В преддверии 10 годовщины Октябрьской революции был созван Всероссийский съезд по просвещению тюркских народов, проходивший с 28 сентября по 1 октября 1927 г. На съезде подводились итоги работы среди этих народов – созданы учебники для казахов, киргизов, алтайцев, хакасов, выпущена политическая просветительская литература для алтайцев, 50% детей посещали школу. На съезде обсуждали вопрос преподавания русского языка во всех тюркских школах. Рекомендовалось

начинать обучение со второго класса. Приняли решение об организации одногодичных курсов для подготовки тюркской молодежи для поступления в высшие учебные заведения.

Правительство было озабочено расширением школьной сети, так как одной из важных задач партии в деле просвещения являлось введение всеобщего обязательного начального обучения, которое начали внедрять с 1926-1927 гг., охватить же все население планировалось к 1930 г.

Коренные изменения в учебно-воспитательной работе национальных школ наметились с введением программ Государственного Ученого Совета (ГУС) при Наркомпросе, идеи которых были заимствованы из западноевропейской практики. Особенностью программ был комплексный, а не предметный метод составления, рекомендательный, а не обязательный характер, концентрический принцип. Новые программы призваны были уничтожить разрыв между учебными предметами и связать обучение с жизнью. В основу программ было положено изучение трудовой деятельности людей: природа изучалась как объект; при изучении общественных явлений уделялось внимание отношениям между людьми в процессе деятельности и экономики. Программы составлялись для городских и сельских школ. Реализация программ решала следующие задачи, стоящие перед школой 1 ступени:

1. Пробудить в ребенке пытливый, активный интерес к окружающему, интерес исследователя к явлениям и фактам.
2. Научить ребенка искать ответы в книге, в науке. Убедить его в том, что он может сам находить ответы.
3. Развивать в детях привычку жить, учиться и работать коллективно – это определяет характер организации школьной жизни, детское самоуправление, детскую взаимопомощь.

Перед школой ставилась задача передачи детям известной суммы знаний и навыков, которые делали возможным дальнейшее самообразование, приобщали их к культурной жизни. Занятия по чтению призваны были развивать у детей интерес и любовь к книге, привычку читать много и быстро, что решало задачу общего развития учащихся.

Массовая школа не имела своего рабочего плана, учитель не умел его проектировать. Планы, принимавшиеся на конференциях, не соответствовали местным условиям. Учителя не связывали обучение письму, счету и чтению с изучением действительности, не умели распределять часы по темам. Общественно-полезный труд во многих школах отсутствовал. Знания, приобретенные учениками, не использовались в практической деятельности. Все это было следствием низкого уровня профессиональной подготовки педагогов.

Сибирский вариант программы, опубликованный в 1927 г., давал четкие рекомендации, какие темы изучать в каждом классе, какие основные навыки необходимо сформировать у детей. Целесообразным признавалось объединение материала первого года обучения единой темой – «Хозяйство крестьянской семьи, как среда, окружающая ребенка, и его участие в трудовой деятельности семьи». Красной нитью через всю тему проходила мысль о том, что нужно и что могли делать дети и школа в плане улучшения хозяйства и быта семьи. «...Мы связываем в один комплекс явления природы, труда и общества, и эта связь будет не искусственной, не механической, а естественной, органической, вытекающей из задач производственно-трудовой школы – помочь ребенку в этой среде ориентироваться» [7, с. 5].

На первом году обучения рекомендовалось рассматривать только те явления, которые доступны пониманию детей в возрасте 7-9 лет. Учителя помогали им раскрывать и устанавливать элементарные связи явлений. Школа помогала рационально участвовать в трудовой деятельности семьи, вооружала их необходимыми знаниями. Второй год обучения – здесь изучался более сложный комплекс явлений природы, труда и общества, а именно: «Хозяйство деревни, его нужды и участие детей и школы в деле его улучшения». Рекомендовалось изучение «природных условий жизни и трудовой деятельности деревни, в которые входят в качестве их составных элементов: воздух, вода, климат (погода) и почва; так и из области явлений общества – общественная жизнь деревни, как результат трудовой деятельности, как нечто, содействующее развитию отдельного крестьянского хозяйства и улучшения быта отдельной крестьянской семьи» [7, с. 5]. Во второй год обучения разработчики программ советовали помочь ребенку осознать значение деревенских общественных учреждений, установить связь отдельных крестьянских хозяйств.

Годовая тема третьего года обучения имела следующее название: «Хозяйство и быт сибирской деревни, связь с городом». Круг представлений ребенка о своей деревни расширялся до хозяйственных и бытовых условий сибирской деревни

в разрезе широких экономических и культурных связей жизни деревни и города. Программа проектировалась таким образом, чтобы дети в процессе обучения получали сведения об экономике и жизни сибирской деревни и ее связях с экономикой Советского Союза.

Программа четвертого года обучения значительно упрощалась. Основной темой 4-го года была «СССР, его жизнь и хозяйство». Знакомство с этой темой происходило «не путем изучения сухих данных экономической статистики, а путем освещения перед детьми картин труда и природы районов СССР» [7, с. 11]. Кроме этого, вводилась тема «Происхождение земли, жизни на земле и человека». Эта тема была необходима для формирования материалистического мировоззрения учащихся.

Алтайский рабочий план школ отличался от Новосибирского и Барабинского тем, что учитывал возрастные особенности детей, четко разграничивал содержание материала и методы обучения. Новосибирский, например, был сложен для восприятия и производил ощущение запутанности.

Одновременно с работой над новым содержанием шли поиски новых методов и организационных форм обучения. В эти годы наибольшее внимание уделялось активным методам обучения, когда ученики приобретали новые знания не со слов учителя, а путем самостоятельного их поиска и открытий (в современном прочтении так называемый деятельностный подход). Для этого использовались наблюдения и собирание фактов, эксперимент в лаборатории и естественных условиях, трудовые навыки, на основе которых учащиеся делали самостоятельные выводы. Не только изучение жизни, но и участие в ее преобразовании — этим руководствовались при определении организационных форм и подборе методов обучения.

Новые цели обучения и программы требовали новых методов, которые не вписывались в рамки традиционной классно-урочной системы обучения, поэтому нужны были иные формы организации учебного процесса. Критическое отношение к классно-урочной системе было характерно для многих педагогов 1920-х гг. В ней их не устраивало шаблонность занятий, равенство на среднего ученика и трудность индивидуального обучения, пассивность учащихся. «Мы должны дать ученикам умение работать самостоятельно и увлечь их определенными занятиями, — так рассуждали педагоги. Классно-урочная система приводит к тому, что учитель поучает, внушает, а ученики пассивно усваивают чужие слова и знания. Самостоятельному исследованию и творчеству, работе и деятельности учеников при этой системе почти нет места: она для этого не приспособлена, она отучает, а не приучает работать» [3, с. 505].

Вместо этой организации обучения предлагалась вводить самостоятельную работу под контролем учителя и при его помощи, что считалось активной и энергичной формой организации занятий. Связь обучения с жизнью, действенность образования, глубокая связь теории и практики — это принципы школьного образования вызвали необходимость использования различных методов обучения. Наиболее предпочтительными из них считались:

- исследования (исследовательский метод): наблюдения по определенной программе, опыты, практическая работа;
- самостоятельное изучение школьниками материала по учебникам, по другим книгам, газетам;
- экскурсии;
- общественно-полезная деятельность в соответствии с темами программы;

Наиболее эффективным признавался исследовательский метод, который позволял ученику самостоятельно познавать мир без помощи книг.

В программах Государственного Ученого Совета большое внимание уделялось наглядности — наблюдение изучаемых предметов и явлений, активное изучение предмета путем его измерения, с помощью опыта или его преобразования. Составители программ советовали учителям при изучении естественного цикла знакомить учеников с составом почвы, как она образовалась, восстанавливалось плодородие почв, с севооборотом, методами борьбы с засухой. Программы по литературе пропагандировали самостоятельность и активное творчество учащихся. Обращалось внимание на широкую практику домашнего сочинительства. При изучении родного языка и литературы рекомендовалось написать очерк, рассказ, легенду, сказку, воспоминания и т. д.

Стимулирование свободного творчества учащихся, развитие их активности осуществлялось и учителями обществоведения и географии. Сельские школьники участвовали в ремонте мостов и дорог, высаживали деревья, чистили улицы, составляли бюджет, помогали крестьянам в измерении посевных площа-

дей. Таким образом, школьники актуализировали полученные знания. Общественно-полезная направленность работы приучала детей исходить из потребностей общества, воспитывала интерес к окружающему миру.

Бурный рост национальных школ поставил на повестку дня вопрос обеспечения их педагогическими кадрами. Для новой школы требовались политически грамотные педагоги, сторонники новой идеологии. Принципы отбора учителей для советской школы сформулировал VIII съезд партии, где говорили об учителе как «агенте» коммунистического просвещения. Временно привлекали военнопленных (в немецкие школы), а также учителей, работавших в «старых» школах, которые лояльно относились к советской власти. Но в основной своей массе, советы не могли опереться на этих работников. Поэтому первоочередной задачей стала подготовка учителей новой формации [8, с. 187].

Какие требования предъявляла советская власть к учителям? Прежде всего, педагог должен был в курсе событий, происходящих в стране и в мире, активно участвовать в общественной и политической жизни, обладать широким кругозором и быть профессионалом, разделять платформу советской власти. Для подготовки таких специалистов необходимы специальные учебные заведения, с хорошим преподавательским составом. Но в силу объективных причин подобных заведений в стране еще не было. Выходом из данной ситуации стала организация всевозможных курсов для подготовки и переподготовки учителей. Система курсов не только количественно восполняла недостаток работников на местах, но и готовила учителей из среды самого населения, признающих платформу советской власти. В условиях отсутствия специальных учебных заведений курсы сыграли значительную роль в формировании педагогических кадров. Во второй половине 1920-х гг. стали создаваться педагогические училища и техникумы. Единичны из учителей могли попасть на стационарные курсы в Москве и Ленинграде. Прием туда был небольшим, для Сибири выделялось малое количество мест, да и местный бюджет не позволял отправлять туда студентов.

В 1920 г. приняли решение о создании Алтайских курсов по подготовке красных учителей. Задача курсов — подготовка «сознательных и активных красных учителей для новой трудовой школы, которые будут в то же время активными работниками социалистического строительства и сознательными борцами за мировой коммунизм» (ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 32). На курсы принимались лица из рабочей и крестьянской среды, не моложе 16 лет, делегированные волостными революционными комитетами или волостными исполнительными комитетами. От поступающих требовали знания в объеме бывших двухклассных училищ. Программа курсов рассчитывалась на 6 месяцев и состояла из теоретической и практической частей. В программу входили такие предметы: политическая экономия, программа коммунистической партии, Советская Конституция, родной язык, арифметика, естествознание, история, география, физика и химия, прикладной курс геометрии, основы алгебры, педагогика, гигиена, прикладные знания по огородничеству, пчеловодству, сельскому хозяйству, лесоводству, внешкольное образование (библиотечное дело, музейное дело, школы для взрослых и т.д.). Управление курсами осуществлял совет, состоявший из:

- председателя, которого назначал отдел народного образования;
- трех учителей по назначению отдела;
- двух курсантов по выбору;
- одного представителя из постоянных рабочих и служащих по выбору.

Алтайский губернский отдел народного образования экзаменировал курсантов, но их подготовка оставляла желать лучшего. Отдел народного образования обратил внимание руководство курсов на улучшение качества знаний будущих педагогов.

Для усиления состава учителей местные отделы ходатайствовали об издании приказа о демобилизации учителей, так как многие продолжали выполнять воинскую повинность. В октябре 1921 г. вышло постановление о демобилизации работников просвещения. Согласно ему, мобилизация была возможна лишь в исключительных случаях, по согласованию с Наркомпросом и уездными органами управления образованием (ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 275. Л. 198).

Межкрупные курсы, согласно решению 1-й сессии Сибирского краевого методического совета, создавались при Омском отделе народного образования на 120 человек, Новосибирском отделе на 88 человек, Барнаульском на 104 чел., Томском на 74 человека. Работой межкрупных курсов руководил Сибирский краевой отдел народного образования, но организовывали их

окружные отделы, с привлечением педагогических техникумов. Руководителя на местах были курсанты, которые проработали в течение месяца на краевых курсах. Главной задачей курсов было повышение квалификации учителей, а также инспекторов, работников опорных пунктов социального воспитания и политпросвета. Система летней подготовки учителей привлекала всех на летние курсы, где шла подготовка к следующему учебному году.

Несмотря на трудности, подготовка педагогических кадров набирала силу и с каждым годом становилась эффективнее.росло количество педагогических техникумов. В 1923-1924 гг. функционировало 32 и 7 отделений с общим количеством – 5130, в 1924-1925 гг. было уже 35 техникумов и 11 отделений с числом учащихся – 6590, в 1925-1926 гг. – 42 учреждения и 4 отделения, в которых обучалось 7340 человек. Центральные курсы по переподготовке в 1923-1924 учебном году посетило 1047 человек (13 национальностей), в 1924-1925 гг. – 1245 учителей (21 национальность), в 1925-1926 гг. 910 человек [9, с. 85].

На общих рабочих факультетах создавали национальные отделения и рабфаки. Из года в год наблюдался их рост: в 1923-1924 – 8, в 1924-25 – 14, в 1925-1926 гг. – 19. Всего на рабочих факультетах в 1925-1926 учебном году обучалось свыше 2300 человек, что составляло 21,4% общего количества учащихся против 14,6% в 1924-1925 учебном году. В 1926 г. в вузы приняли более 500 представителей национальных меньшинств.

15-21 января 1918 г. в Славгороде проходил съезд учителей. На съезде присутствовало 250 человек. Учителей познакомили с основными принципами нового политического режима, с задачами единой трудовой школы. Было решено отправлять на места инспекторов, которые могли помочь местному населению открыть школу (ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. Л. 23об).

В январе 1922 г. созывался съезд заведующих уездными отделами народного образования, отделами социального воспитания, на котором обсуждали вопрос сокращения количества школ. Здесь также выработали план перехода учреждений народного образования на местное финансирование.

В декабре 1921 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция заведующих тюркскими секциями губернских и уездных отделов народного образования. В 1922 г. в феврале, после заседания коллегии Совета национальных меньшинств (Совнацмен). Представители Центрального Бюро тюркских народов входили в Совет национальных меньшинств с правом решающего голоса, а в коллегию Наркомпроса с правом совещательного. Для удобства работы вся территория, населенная народами (не входящие в автономные республики) была разделена на шесть районов, одним из которых была Сибирь. Для улучшения информационного пространства признали необходимым один раз в год созывать конференции представителей губернских и уездных органов просвещения тюркских народов (ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 275. Л. 184).

Учительские конференции играли важную роль в становлении нового учительства, так как именно здесь принимали важные решения, касающиеся педагогической общественности. У педагогов была единственная возможность поделиться опытом. В декабре 1925 г. в Рубцовске состоялось окружное совещание по народному образованию, на котором присутствовали чиновники Сибирского краевого отдела народного образования. В это же время прошла окружная методическая конференция, на которой присутствовало 60 делегатов, представители национальных меньшинств в составе 16 человек.

Пrestиж учительского труда падал из-за низкого материального благосостояния. Вторая сессия ВЦИК XI созыва 25 октября 1924 г. вынесла решение о повышении средней заработной платы учителям до 25 рублей и потребовала обеспечить их на льготных условиях педагогической и политической литературой. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 января 1925 г. вводилась пенсия за выслугу лет учителям, проработавшим в школе 25 лет, причем не менее 5-и лет в советской школе. Более того, право на получение пенсии в половинном размере сохранялось за теми учителями, которые, имея 25-летний стаж, продолжали работать в школе. Постановление СНК РСФСР от 21 апреля 1926 г. «О мерах по улучшению положения сельского учителя» обеспечивало сельских учителей квартирами с отоплением и освещением за счет местных бюджетов и упорядочивало предоставление им оплачиваемых командировок на курсы повышения квалификации при сохранении заработной платы. Тем учителям, которых не обеспечили квартирой, полагалась надбавка к заработной плате в размере 10% основного оклада. Сельские учителя получали отсрочку от армии. Циркуляр Наркомпроса 1927 г. «О защите прав и интересов учителей» предусматривал привлечение к ответственности тех, кто нарушал права учителя. Противозаконным считалось перемещение

учительских кадров, некомпетентное вмешательство в учебный процесс, увольнение, не предоставление положенных льгот.

В 1927-1928 учебном году заработная плата учителей достигла 42 рубля, что составляло 60% от заработной платы в довоенное время. Значительно повысилась плата за труд в 1930-1931 гг. – учителя национальных школ получили надбавку на 25%. После улучшения материального обеспечения многие учителя вернулись в образовательные учреждения.

Важным средством демократизации школьного национального образования являлось развитие органов самоуправления. Таковым органом был школьный совет. Наибольших успехов школьные советы добились в немецких школах, так как они работали еще до революции. Положение о школьном совете было утверждено Сибирским отделом народного образования в феврале 1920 г. В его состав входили все лица, осуществляющие учебно-воспитательную работу в школе, врач, по одному представителю от старших классов, не моложе 12 лет, представитель от технических служащих школы, от местного отдела народного образования или сельского совета, от профсоюзов рабочих (где они были), от комсомола и ВКП (б). Если представительство вышеперечисленных не составляло 5 числа учителей, то в школьные советы входили представители от трудового населения данной местности. Принадлежность к трудовому классу удостоверялось сельским советом депутатов или профсоюзом. Обращалось внимание на отсутствие у этих людей батраков.

Совет распределял учащихся по группам, предоставлял сведения в местный отдел народного образования об освобождении учащихся от занятий в данной школе, утверждал планы и программы, порядок и план производственных и хозяйственных работ школы, составлял годовые сметы и отчеты о педагогической и административно-хозяйственной работе школьного коллектива.

Президиум школьного совета состоял из председателя, его заместителя и секретаря. Срок его полномочий – один год. Председатель избирался школьным советом из числа учителей или трудового населения. Совет созывался не реже одного раза в месяц, внеочередное собрание могло состояться по требованию 1/3 общего числа членов совета.

Принимаемые решения не должны были нарушать положений о единой трудовой школе. Не менее трех раз в год совет собирал отчетные собрания. Осенью – излагал планы учебного года, затем зимой и за неделю до окончания года. Кроме того, совет организовывал открытые собрания для решения текущих вопросов. Это делалось в целях приобщения местного населения к управлению образовательным учреждением.

В целях эффективной работы совет делился на две секции: учебно-воспитательная работа и хозяйственная секция. В состав первой секции входили учителя, школьный врач и представители учащихся. Руководил заместитель председателя школьного совета. Другие члены совета могли участвовать в работе секции, но с правом совещательного голоса. Секция разрабатывала программы по отдельным предметам, составляла расписание и предварительно распределяла учащихся по классам, планировала нагрузку учителям, производственные и хозяйственные работы.

В состав хозяйственной секции входили председатель школьного совета (он являлся и председателем секции), казначей, представитель от технических служащих, один человек, избираемый из членов совета и секретарь школьного совета. Секция отвечала, прежде всего, за хозяйственное обеспечение учебного процесса, как то: отопление, освещение, ремонт, питание учеников, обеспечение помещениями и продовольствием на праздники, составление сметы и отчетов по хозяйственной работе.

Кроме того, избиралась исполнительная коллегия, которая состояла из председателей обеих секций и секретаря школьного совета. Количество членов коллегии могли увеличить и до пяти. Функции коллегии: делопроизводство, подготовка заседаний, представление материалов, подготовленных в секциях. В ее ведении находилась канцелярия школы (ЦХАФ АК Ф. 141. Оп. 1. Д. 7а Л. 140-142об).

Практика школьной жизни показала, что там, где работали школьные советы, население активно участвовало в работе школы. Местные жители помогали строить здания, собирали мебель, помогали в сельскохозяйственных работах на школьном участке.

В подготовке активных членов общества большое значение придавалось детскому самоуправлению. На учительской конференции, проходившей в 1926 г. в Славгороде, уделили этому пристальное внимание. Высшей инстанцией детского коллектива являлось классное собрание. Между ними функционировал классный совет. Регулированием текущих вопросов занимались

две классные комиссии. Все члены детского коллектива делились на артели, представители от них составляли классный совет. Педагог также входил в его состав, но задача его состояла в том, чтобы «влиять на правильность работы органов самоуправления, но не прямо, а косвенно, при этом учитель должен по возможности пассивно участвовать, не давить своим авторитетом и не брать на себя работу, которая была бы важна для детей» (ЦХАФ АК Ф. 38. Оп. 2. Д.177а. Л. 91).

Самым важным для педагога при организации самоуправления в детском коллективе являлось внедрение в сознание детей мысли о том, что самоуправление есть дело самих детей.

Строительство новой школы вызывало большой энтузиазм у работников Наркомпроса, Отделов народного образова-

ния, педагогов, что явствует из использованных документов 1920-х гг. Но возникал ряд проблем, связанный с дискуссиями вокруг теоретических вопросов, из-за неподготовленности учителей к воспитанию и реализации новых программ и методов обучения, из-за спорных моментов в самих правительственных основополагающих документах. Но несомненным и ценным приобретением того времени было стремление к достижению высокого уровня самостоятельности, активности и творчества учащихся, чего не было в прежней школе. Итогами интенсивной работы стало приобщение к грамоте сотен тысяч безграмотных, детей всех национальностей, что особенно актуально было для региона.

Библиографический список

1. Метлик, И.В. есть ли сегодня в России русская национальная школа? // Педагогика. – 2012. – № 3.
2. Луначарский, А.В. О народном образовании. – М., 1958.
3. Латышина, Д.И. История педагогики : учебное пособие. – М., 2003.
4. Черказьянова, И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII – XX вв.). – СПб., 2004.
5. Топоров, А. Черты текущего учебного года // Просвещение Сибири. – 1926. – № 1.
6. Итыгин, Е. Организация просветительской работы среди национальных меньшинств // Просвещение Сибири. – 1927. – № 6-7.
7. Сибирский вариант программы ГУСа. Утвержден Первой сессией методического совета Сибирского крайОНО. – Новосибирск, 1926.
8. Черказьянова, И.В. Немецкая дореволюционная школа Сибири: возникновение и проблемы развития // Немцы. Сибирь. Россия. – Омск, 1997.
9. Мельников, А. Советское культурное строительство в Сибирском крае // Просвещение Сибири. – 1927. – № 3.

Bibliography

1. Metlik, I.V. est li segodnya v Rossii russkaya nacionalnaya shkola? // Pedagogika. – 2012. – № 3.
2. Lunacharskiy, A.V. O narodnom obrazovanii. – M., 1958.
3. Latiushina, D.I. Istoriya pedagogiki : uchebnoe posobie. – M., 2003.
4. Cherkazyanova, I.V. Shkolnoye obrazovanie rossiyskikh nemcev (problemih razvitiya i sokhraneniya nemeckoy shkolih v Sibiri v XVIII – XX vv.). – SPb., 2004.
5. Toporov, A. Chertih tekuthego uchebnogo goda // Prosvethenie Sibiri. – 1926. – № 1.
6. Itinghin, E. Organizaciya prosvetitel'skoy rabotih sredi nacionalnykh men'shinstv // Prosvethenie Sibiri. – 1927. – № 6-7.
7. Sibirskiy variant programmih GUSA. Utverzhden Pervoy sessiey metodicheskogo soveta Sibirskogo krayjONO. – Novosibirsk, 1926.
8. Cherkazyanova, I.V. Nemeckaya dorevolucionnaya shkola Sibiri: vozniknovenie i problemih razvitiya // Nemci. Sibirj. Rossiya. – Omsk, 1997.
9. Melnikov, A. Sovetskoe kul'turnoe stroitel'stvo v Sibirskom krae // Prosvethenie Sibiri. – 1927. – № 3.

Статья поступила в редакцию 25.06.12

Раздел 6

ИСТОРИЯ

Редакторы раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск)

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), АлтГПА

УДК 94(571)

Kostiakova J.B. FEATURES OF THE NATIONAL PRESS OF KHAKASSIA IN THE PREWAR AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. The article investigates the specifics of working conditions, main problems, difficulties and achievements of national editions of Khakassia during prewar period and in the Great Patriotic War.

Key words: mass media, national press, history of Khakassia, Great Patriotic War.

Ю.Б. Костякова, канд. ист. наук, доц. каф. стилистики русского языка и журналистики Института филологии и журналистики Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, E-mail: uka29@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ХАКАСИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется специфика условий работы, основные проблемы, трудности и достижения национальных изданий Хакасии в предвоенный и период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: средства массовой информации, национальная пресса, история Хакасии, Великая Отечественная война.

В предвоенный период в Хакасской автономной области была создана система двуязычной прессы, в которую входили два областных, городское, рудничное и пять районных изданий. Массовое сокращение местной прессы национального региона, проведенное в 1936-1937 гг. по распоряжению партийного руководства Красноярского края, в состав которого входила Хакасская автономная область, коснулось, прежде всего, многотиражных колхозно-совхозных изданий, статус которых был понижен до стенгазет. Те из них, что выпускались на хакасском языке, для удобства осуществления цензурирования и партийного контроля были переведены на русский язык.

В результате такого реформирования системы печати накануне войны национальная пресса Хакасии была представлена только двумя изданиями – областной газетой «Хызыл аал» и районной «Ударник», выходившей в Аскизском районе. Содержание последней дублировалось на двух языках: оригинальные материалы переводились с хакасского на русский язык или наоборот, расхождения в компоновке, рубрикации и размещении материалов не допускалось [1]. Эти два издания удовлетворяли информационные запросы и интересы коренного населения автономии, точнее, тех его представителей, которые умели читать на родном языке и испытывали потребность в получении информации из «своих» – национальных газет. Ведущую роль в этом тандеме играла «Хызыл аал» («Красная деревня»), которая за 14 предвоенных лет своего существования накопила опыт функционирования в условиях полиэтничного региона, в котором коренное население под воздействием различных факторов, в т.ч. активных миграционных процессов, раскулачивания и массовых репрессий подверглось значительному сокращению и «размыванию».

Уже в предвоенные годы стали заметными специфические особенности «Хызыл аал», частично сохранившиеся в период войны. Можно отметить русификацию газетного хакасского языка, которая происходила в результате активного использования непереводимых терминов и других русскоязычных слов. Большой объем переводной информации – официальных докумен-

тов, материалов из центральной и краевой прессы, в значительной мере определял внешний и языковой «облик» газеты. Изменить сложившуюся ситуацию редакция была не в состоянии, поскольку процесс перепечатывания идеологически важных публикаций жестко регламентировался, и «Хызыл аал» неоднократно подвергалась критике бюро Хакасского обкома ВКП(б) за то, что «не разместила на хакасском языке ряд статей» о И.В. Сталине и другие материалы [2]. В результате оригинальные, т.е. написанные авторами по-хакасски заметки резко контрастировали по стилю и объему с остальным переводным содержанием издания. Газете постоянно предъявлялись претензии к языку, который был «недоступным для чтения коренным населением», в основном, из-за использования длинных предложений и громоздких абзацев, несоблюдения правил пунктуации, большого количества опечаток.

Критике подвергалась и работа издания с рабселькорами, в частности, указывалось на то, что областная газета «слабо освещает вопросы промышленности, поскольку в промышленных районах у нее нет ни одного рабкора» [3]. Действительно, специфика национальной газеты заключалась в том, что основной круг местных тем, освещаемых ею, ограничивался сельским хозяйством, в то время как проблемы промышленности и крупных населенных пунктов (города Абакан и Черногорск, рабочие поселки Сарала и Коммунар) оставались практически без внимания штатных и внештатных корреспондентов. Такая особенность обусловлена тем, что большинство хакасского населения проживало в сельской местности, удельный вес рабочих коренной национальности был низок.

Газета активно сотрудничала со своими селькорами, публикуя их достаточно однообразные по стилю и сообщаемым фактам заметки с мест в специальных рубриках. Оригинальные материалы штатных сотрудников также носили, в основном, информативный характер. На газетных полосах в предвоенный период практически отсутствовали такие жанры, как фельетон, репортаж, интервью. Этот факт можно объяснить тем, что после проведенных в 1937-1939 гг. политических «чисток» редак-

ции, основу ее составляли непрофессиональные журналисты, предельно загруженные переводческой и литературной работой.

Ситуация стала меняться в лучшую сторону лишь в 1940 г., когда редакцию возглавил выпускник Ленинградского института журналистики им. Воровского С.К. Добров. Он, будучи профессиональным журналистом, прекрасно владея и русским и хакасским языками, зная специфические условия Хакасии и особенности менталитета коренного этноса автономии, смог повысить популярность газеты у аудитории, сделать разнообразным и интересным содержание издания. В период его редакторства (1940-1943 гг.), по воспоминаниям ветерана хакасской журналистики Е.А. Абдиной, «газета «выходила интересной, много печаталось снимков, рисунков» [4, с. 118]. Действительно, особенностью оформления «Хызыл аал» в предвоенные годы было широкое использование рисованных заставок – рубрик или заголовков, элементов оформления газеты в национальном стиле, например, виньеток в виде хакасского узора. Также национальное издание стремилось к визуализации сообщаемой информации и представляемых на газетных полосах людей: традицией газеты была публикация фотоколлажей, а также фотогалерей передовиков производства, размещаемых в ширину полосы или во весь разворот номера. «Хызыл аал» особое внимание уделяло творчеству своих читателей, публикуя практически в каждом номере рассказы, стихи, отрывки из хакасских героических сказаний, а в еженедельной рубрике «Литературная страница» – подборки таких произведений.

Начавшаяся Великая Отечественная война в значительной мере изменила условия существования местных газет. В течение лета 1941 г. в рамках проводимой кампании экономии, все издания автономии подверглись сокращению тиража, периодичности, формата, объема. Так в августе постановлением бюро обкома партии на основании соответствующих директив ЦК ВКП(б) «Хызыл аал» было переведено с четырех- на двухполосный выпуск, редакционный аппарат уменьшен на 5 человек [5]. Кампании по сокращению тиража и периодичности местных газет проходили в период войны неоднократно. Несмотря на это, районному изданию «Ударник» удавалось сохранять свое двуязычие вплоть до марта 1943 г., когда обкомом ВКП(б) было принято решение «в связи с сокращением периодичности и с целью увеличения площади газеты» перевести ее на русский язык [6]. В итоге в автономной области осталось только одно издание, в котором информация представлялась аудитории на языке коренного этноса Хакасии. На наш взгляд, руководство не учло потребности представителей титульного этноса в получении информации на родном языке и явно переоценило значение и степень влияния русскоязычной прессы на хакасов.

Несмотря на то, что содержание всей прессы автономии с началом войны менялось постепенно, в «Хызыл аал» «перестройка на военный лад» шла еще медленней. Освещение событий войны больше напоминало очередную политическую кампанию, для проведения которой традиционно были отведены первая и вторая полосы: здесь печатались тексты выступлений лидеров страны, правительственные указы, информация ТАСС, отклики на начало войны, сообщения о митингах. На двух других полосах газета продолжала публиковать «мирные» по тематике местные сообщения. Такая ситуация сохранялась в течение первых месяцев войны, и только к концу 1941 г. в газете стали превалировать «военные» по своему содержанию заметки. Данную ситуацию можно объяснить, в частности, психологическими причинами, поскольку война многими воспринималась как «наглая выходка» фашистской Германии, которая в кратчайшие сроки будет отбита. Вторая причина, на наш взгляд, заключалась в технологии работы редакции с письмами читателей, которая не предполагала особой оперативности: много времени затрачивалось на перевод, стилистическую и идеологическую обработку текстов. К этому можно добавить трудности с доставкой посланий из отдаленных уголков Хакасии.

Начавшийся призыв в действующую армию вызвал у аудитории новые эмоции и мысли, которые авторы старались излагать в своих письмах в редакцию. В большинстве своем они были достаточно однообразными: содержали клятвы сражаться с врагом не жалея жизни, пожелания вернуться со скорой победой, наказы уходящим на фронт: «врагов не бойся, стреляй метко, безжалостно, жестко бей. За Советскую землю кровь проливай, а если понадобится, душу отдай не жалея» [7]. Особенностью публикации подобных материалов в «Хызыл аал» в первые недели войны была их «персонафикация» за счет размещения фотографии автора.

Также с первого военного номера газета стала печатать стихотворения-отклики, нередко размещая их на первой полосе, чего не делали другие местные издания. Примером может служить

стихотворение Н. Доможакова «Отечественная чаа» («Отечественная война»), опубликованное 23 июня 1941 г. Подобная практика сохранялась до самого конца войны и способствовала созданию определенного эмоционального настроя, поскольку стихи оказывали более сильное воздействие на читателя, чем информационные материалы. Высокую активность авторов-позов и заинтересованность редакции в подобных материалах можно объяснить, на наш взгляд, особенностями культуры и менталитета и хакасского народа, для которого основной, хоть и специфической формой отражения действительности являлся фольклор. Литературные традиции формировались в пространстве устной речи на основе таких жанров, как сарын или ыр (сюжетная песня-частушка), тахпах (состязательная песня), кип-чоох (легенда), алыптых ныхмах (героическое сказание), сыыт (песня-плач). Устное поэтическое творчество являлось отражением жизни, содержало эмоции, отношение авторов и исполнителей к описываемым событиям. Большая часть таких произведений непрофессиональных поэтов содержала широкую палитру ярко выраженных чувств – от жгучей, даже отчаянной ненависти к врагу, до искренней любви к близким, родине, народу. Отметим лозунговый стиль подобных произведений, скудное использование изобразительно-выразительных средств, лаконизм, в том числе, за счет образности выражений, использование традиционных форм стихосложения, характерных для хакасского устного народного творчества. Главным же отличием таких стихотворений являлась особая тематика, что позволяет их называть «военными тахпахами».

Признавая литературные достоинства стихов профессиональных литераторов (Н. Доможакова, М. Аршанова, П. Штыгашева, И. Котюшева, А. Топанова), опубликованных в «Хызыл аал» в годы войны, отметим, что практически все они создавались по материалам СМИ. Поэтому стихи поэтов-фронтовиков (И. Костякова, И. Котюшева, И. Капчигашева) содержали более реалистичные описания войны, врагов, героизма советских солдат, картин разрушений, смерти и вызывали сильные эмоции у читателей. Военные стихи определяли «лицо» национального издания, формировали общественное мнение, участвовали в патриотическом воспитании и даже становились песнями, пополняя репертуар самодеятельных артистов.

Однако основным признаком системности освещения газетой определенной тематики являлась постоянная и четко выраженная рубрикация. В 1941-1942 гг. регулярных «военных» разделов создано не было, за исключением «Фронта сайых» («Подарки фронту»), а тематику полосы чаще всего определял лозунг, размещенный в верхней части страницы. Данное явление мы можем объяснить, в частности, большим объемом обязательных переводных материалов, которые нередко занимали весь номер или большую его часть, оставляя незначительное место для местной информации.

Сокращение вдвое количества полос заставило редакцию уменьшить колонтитул («шапку») газеты, кельг шрифта, отказаться от рисунков-плакатов и рисованных заставок, сократить количество фотоиллюстраций, уменьшить объем публикуемых местных материалов. Оскудение содержания и оформления «Хызыл аал» было вызвано также изменением авторского состава: на фронт ушли практически все корреспонденты-мужчины и наиболее активные селькоры, что заставило оперативно решать вопрос о новых кадровых сотрудниках и внешних авторах. Сотрудничеством с газетой удалось заинтересовать преимущественно женщин, тогда как в предвоенный период авторами заметок и штатными журналистами в подавляющем большинстве случаев являлись мужчины.

Много внимания издание уделяло работе сельчан в сложнейших военных условиях. Ряд материалов в 1942 г. был посвящен выращиванию сахарной свеклы – новой в Хакасии сельскохозяйственной культуры. Корреспонденты информировали о трудовых обязательствах коллективов и отдельных колхозников, темпах посевной или уборочной страды, количестве собранного урожая, участии сельчан в кампаниях по оказанию помощи фронту. Даже незначительные, на первый взгляд, факты становились поводом для написания материала: «колхозники отправили бойцам 25 овечьих шкур, 10 собачьих шкур, 5 пар валенок, 50 килограммов овечьей шерсти, 10 пар теплых носков, 15 пар рукавиц и собрали другие теплые вещи» [8]. Газета активно пропагандировала «почин по оказанию помощи колхозникам западных областей, подхватила инициативу Аскизской средней школы в части шефства школьников над колхозными детскими площадками» [9].

До весны 1942 г. в «Хызыл аал» отсутствовала такая популярная и регулярная в «Советской Хакасии» рубрика, как «Письма на фронт и с фронта». В марте газета впервые напечатала

обзор сообщений из Действующей армии, в котором были представлены краткие выдержки из фронтовых газет и личных посланий, рассказы о воюющих на фронте земляках-хакасах – С. Спирина, Д. Тодышеве, Р. Сибирекове, Г. Барактаеве, М. Конгарове и других верных сыновьях хакасского народа. Но сами письма публиковались крайне редко, многие были переводами материалов из «Советской Хакасии». Исключение составляют послания, адресованные редакции «Хызыл аал» от красноармейцев И. Кызласова и С. Чаптыкова с призывом к землякам «ударно собрать урожай и помогать Красной армии» [10], старшины А. Кузундакова и бойца И. Кыскаракова, описывавших подвиги солдат, оборонявших Сталинград.

Участие в боях 309-й стрелковой Пирятинской дивизии, сформированной в Абакане, и активное сотрудничество редакции с дивизионной газетой «Во славу Родины» позволило «Хызыл аал» с осени 1942 г. значительно увеличить количество сообщений с фронта и расширить жанровые рамки публикуемых материалов. Для представления своей аудитории военной информации, в частности, о героях-земляках, национальное издание использовало как традиционные (подборки писем, тематические полосы), так и оригинальные формы презентации. Примером может служить выпуск от 7 ноября 1942 г. с так называемым «зеркальным» газетным разворотом, на левой стороне которого были размещены материалы о героях тыла, сообщения о трудовых достижениях, сводные данные о помощи фронту, перечислены фамилии наиболее отличившихся в труде, а на правой – портретные зарисовки о военных героях, заметки о подвигах земляков, примерах их ратной доблести, а также список первых орденоносцев. Использование приема симметрии, по нашему мнению, усиливало воздействие информации на читателя, позволяло убедиться в прочной связи фронта и тыла, ощутить действенность помощи комбатантам.

Письма с фронта особенно часто стали появляться на страницах газеты со второй половины 1943 г. и публиковались вплоть до окончания войны. В посланиях второй половины 1944 г. – первой половины 1945 г. авторы часто упоминают о своем «заграничном» пребывании: «В далеких землях, горя ненавистью, мы разбили гитлеровскую армию на мелкие кусочки. Наши храбрые красноармейцы уничтожают врагов на их земле» [11]. Издание также использовало рассказы бойцов, вернувшихся домой после тяжелых ранений, например, интервью с героем войны, снайпером Н.С. Кадышевым, который уничтожил 58 фашистов и был награжден медалью «За отвагу».

В 1943-1945 гг. для описания своих наблюдений и размышлений военные корреспонденты газеты использовали широкую палитру жанров: сказки, фельетоны, легенды, очерки. Активизации творческой деятельности фронтовиков способствовала и сама редакция, объявив в мае 1943 г. конкурс на лучшее произведение хакасской драматургии, а в 1944 г. совместно с «Советской Хакасией» организовала литературный конкурс на лучший рассказ, стихотворение, песню, очерк.

С 1945 г. в языке газеты произошли заметные изменения, которые выразились, прежде всего, в сокращении практики использования русских слов и усложнении грамматики текстов. Вызвано это было тем, что созданный в 1944 г. в Абакане Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории стал проводить активную работу по выработке терминологии национального литературного языка, учитывавшей особенности основных диалектов титульного этноса – кызылского, сагайского и качинского. Так, в частности, 20 января 1945 г. читателям «Хызыл аал» были предложены оригинальные хакасские названия месяцев года и сторон света. Газета поддержала такое начинание, и с этого дня в колонтитуле вместо русифицированных названий месяцев («январь», «март») стали указываться хакасские («кярген», «хаань»).

Библиографический список

1. Государственное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив Республики Хакасия» (ГУРХ «НАРХ»). – Ф.2. Оп.1. Д. 562. Л. 81.
2. ГУРХ «НАРХ». – Д. 406. Л.66.
3. ГУРХ «НАРХ». – Д.326. Л.109.
4. Абдина, Е.А. Газета «Хызыл аал» в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Хакасия в Годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. – Абакан, 1995.
5. ГУРХ «НАРХ». – Ф.2. Оп.1. Д. 797. Д. 150-151.
6. ГУРХ «НАРХ». – Д. 940. Л. 98-99.
7. Нагузов, И. Пабызының чахи // Хызыл аал. – 1941. – 18 июля.
8. Асочакова, Е. Боецтерни чылыг тонандырабыс // Хызыл аал. – 1942. – 20 сентября.
9. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края». – Ф. П-26. Оп. 3. Д.423. Л. 87.
10. Кызласов И. Ыырчыны аяг чох цидирчибис / И. Кызласов, С. Чаптыков // Хызыл аал, 1942. 13 сентября.
11. Баинов, Г.А. Фронттанъ письмо // Хызыл аал. – 1944. – 23 сентября.

Еще одним важным направлением работы «Хызыл аал» в годы войны было интернациональное воспитание. В довоенный период, «сохранялся этнический барьер между русскими и хакасами», что было обусловлено тем, что «основная масса хакасов продолжала жить преимущественно в мононациональных сельских районах» [12, с. 523]. Война послужила мощным фактором сплочения представителей всех народов, а участие воинов-хакасов в боях в составе многонациональных воинских подразделений содействовало снятию этнических барьеров и формированию у титульного этноса автономии новых представлений о характере межнациональных отношений. Теме дружбы народов были посвящены и литературные произведения, опубликованные в национальном издании, например, поэма Н. Доможакова «Галина», в которой рассказывалось о том, как русская девушка-санитарка спасла жизнь бойца-хакаса, вынесла его с поля боя и отдала ему свою кровь. В очерке И. Капчигашева «Родина ячан» («За Родину») описывалась боевая дружба хакаса с однополчанами-татарами – представителями родственного по языку тюркского народа [13]. «Хызыл аал» всемерно содействовала данному процессу, публикуя на своих страницах портреты Героев Советского Союза – представителей различных национальностей, материалы о боевых подвигах жителей Хакасии, в которых перечислялись русские, украинские, хакасские фамилии, что создавало представление о многонациональном фронтовом братстве.

Таким образом, можно утверждать, что в предвоенные годы национальные издания Хакасии и, прежде всего «Хызыл аал», стремились к формированию собственного «лица», налаживанию тесного контакта со своей аудиторией, привлечению ее представителей к сотрудничеству, соавторству в создании материалов. Обязательная перепечатка большого количества переводных материалов оказывала влияние на содержание, оформление национальных газет, приводила к значительной русификации газетного хакасского языка, сокращала площадь, отводимую для публикации местных по тематике и авторскому составу материалов.

Особенностями «Хызыл аал», сохранявшимися в предвоенный и военный период, можно назвать «визуализацию» сообщаемой информации и представляемых аудитории героев, концентрацию внимания на сельскохозяйственной тематике, особое внимание к творчеству своих читателей, пропаганду лучших поэтических и прозаических, в том числе фольклорных произведений. Это позволяло развивать творческую активность талантливых личностей и сохранять традиции устного народного творчества. Военный период истории национального издания был отмечен широкой представленностью фронтовой тематики, активизацией пропаганды дружбы народов, появлением новых – фронтовых корреспондентов. Газета использовала оригинальные формы и жанры представления информации читателям, побуждала их к сотворчеству, организуя конкурсы на лучших произведениях драматического и литературного искусства о фронте и тыле.

Прекращение в 1943 г. национального выпуска районной газеты «Ударник» уменьшило возможности коренного населения получать информацию на родном языке и, в том числе, привело к повышению статуса русского языка, его большему распространению среди хакасов. Вместе с тем, национальные издания, как и вся пресса Хакасии, внесли значительный вклад в организацию помощи фронту, налаживание и сохранение прочных связей между военнослужащими и тружениками тыла, формирование представлений об общей победе над врагом представителей всех народов СССР. Отражая на своих страницах жизнь страны и автономии, мысли и чаяния людей – современников той эпохи, национальная пресса стала важнейшим источником информации о событиях и людях Великой Отечественной войны.

12. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев; науч. ред. В.И. Молодин. — Абакан, 2008.
13. Капчигашев, И. Родина ячан // Кызыл аал. — 1944. — 1 сентября.

Bibliography

1. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Respubliki Khakasiya «Nacionalniykh arkhiv Respubliki Khakasiya» (GURKh «NARKh»). — F.2. Op.1. D. 562. L.81.
2. GURKh «NARKh». — D. 406. L.66.
3. GURKh «NARKh». — D.326. L.109.
4. Abdina, E.A. Gazeta «Khihzihl aal» v godih Velikoy Otechestvennoy voynih (1941-1945 gg.) // Khakasiya v Godih Velikoy Otechestvennoy voynih: boevoy i trudovoy podvig. — Abakan, 1995.
5. GURKh «NARKh». — F.2. Op.1. D. 797. D. 150-151.
6. GURKh «NARKh». — D. 940. L. 98-99.
7. Nagruzov, I. Pabazihnihi chakhi // Khihzihl aal. — 1941. — 18 iyulya.
8. Asochakova, E. Boecterni chihlihi tonandiharbihi // Khihzihl aal. — 1942. — 20 sentyabrya.
9. Kraevoe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie «Gosudarstvenniy arkhiv Krasnoyarskogo kraya». — F. P-26. Op. 3. D.423. L. 87.
10. Kihzlasov I. Ihihrchihnihi ayag chokh odirchebis / I. Kihzlasov, S. Chaptihkov // Khihzihl aal, 1942. 13 sentyabrya.
11. Bainov, G.A. Frontanji pisjmo // Khihzihl aal. — 1944. — 23 sentyabrya.
12. Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti) / gl. red. V.Ya. Butanaev; nauch. red. V.I. Molodin. — Abakan, 2008.
13. Kapchigashev, I. Rodina ychyn // Khihzihl aal. — 1944. — 1 sentyabrya.

Статья поступила в редакцию 12.04.12

УДК 94 (571.15)

Mamontova O.S. POTTERY CRAFT OF THE ALTAI (MINING) DISTRICT IN THE LATE XIXth- EARLY XXth CENTURIES. The article presents a general characteristic of the development of the pottery craft on the territory of the Altai mining district at the turn of the XIXth-XXth centuries.

Key words: the Altai mining district, the Cabinet of his Imperial Majesty, pottery craft, abundance, production capacity.

O.S. Мамонтова, с.н.с. Алтайского гос. краеведческого музея, г. Барнаул, E-mail: slon7980@mail.ru

КУСТАРНОЕ ГОНЧАРСТВО АЛТАЙСКОГО (ГОРНОГО) ОКРУГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Представлена общая характеристика развития кустарного гончарного производства на территории Алтайского (горного) округа на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Алтайский (горный) округ, Кабинет Его Императорского Величества (ЕИВ), гончарное производство, численность, производительность.

История развития промыслов в России на сегодняшний день является одной из актуальных тем. Она включает в себя ряд разнообразных вопросов, разработкой которых занимаются историки, этнографы, экономисты, юристы. Одним из распространенных на территории России в конце XIX — начале XX вв. являлся гончарный промысел, который изучал ряд дореволюционных и советских ученых. Данное производство на территории Алтайского (горного) округа в указанный период времени не становилось объектом самостоятельного исследования. Отдельных аспектов развития гончарства в округе, касались сибирские ученые Е.И. Соловьева, Г.А. Бочанова, В.А. Скубневский и другие.

Целью данной статьи является общая характеристика развития кустарного гончарства в Алтайском (горном) округе в конце XIX — начале XX вв. В связи с тем, что в научной среде так и не был выработан точный понятийный аппарат, мы будем понимать под кустарным производством — изготовление изделий для сбыта на рынок неизвестному потребителю. Источниками для написания статьи послужили статистические издания конца XIX — начала XX вв., исследования по развитию кустарной промышленности Западной Сибири советских и российских исследователей, опубликованные и неопубликованные материалы фондов Государственного архива Алтайского края.

Алтайский (горный) округ на рубеже XIX — XX вв. располагал всеми необходимыми факторами для развития гончарства. Наличие сырья, топлива, потребителя, мизерное количество завозимой керамики из Европейской части России и с Урала располагало к появлению крупных гончарных центров в округе. Несмотря на это, кустарное гончарство развивалось медленно. Одной из причин, негативно влиявших на темпы роста, была политика государства в отношении Алтая как горного округа, ограничивающая развитие обрабатывающих промыслов. Желание Кабинета Его Императорского Величества (ЕИВ) сохранить лесной фонд для собственных нужд, мизерные продажи глета привели к тому, что на протяжении XIX в. гончары округа испытывали дефицит топлива и сырья для своего производства. Игнорирование правительственные запреты и ограничения, гончарные мастерские открывались в горнозаводских, рудничных селени-

ях с 1820-1840-х гг. Здесь существовал рынок сбыта и к тому же гончарством занимались жители данных населенных пунктов, для которых оно было источником дополнительных доходов [1, л. 6 об.-7]. Руководство округа понимало, что в связи с этим гончарное производство невозможно перенести из горнозаводских, рудничных селений. В результате, были предприняты попытки решить этот вопрос на законодательном уровне. Так, в постановлении Кабинета ЕИВ от 1893 г. оговаривались условия функционирования гончарен. От их владельцев требовалось заблаговременно приобретать лесной материал на дрова исключительно из валежника и сухостойного леса по лесорубным билетам за двойную плату по установленной таксе. Глет необходимый для поливы посуды, требовалось покупать при заводе за установленную плату в 2 рубля 50 копеек за пуд. За аренду земли было необходимо уплатить 1 рубль на бессрочном арендном праве. Помимо соблюдения всех этих пунктов, владелец не имел права увеличивать производительность [2, л. 249-249 об.]. Данное постановление устанавливало правила работы гончарен, расположенных в горнозаводских, рудничных селениях. Годом ранее вышло положение разрешавшее организацию гончарного производства в городах [3, л. 13]. В 1894 г. Министерством Внутренних дел передано документ начальнику Алтайского округа, в котором оговаривался порядок разрешения устройства заведений обрабатывающей промышленности, в том числе и гончарных, не потребляющих значительного количества лесных материалов и незначительных по производству. Лица, желавшие устроить подобное заведение, должны были подать формальное прошение начальнику округа, оплаченное установленным гербовым сбором. Если место под планируемое заведение входило в состав планового надела какого-либо селения, то требовалось приложить общественный приговор этого селения на поступку просимого участка земли под заведение. Начальник округа выдавал свое свидетельство об отводе участка [4, л. 105-105об.]. Данное постановление касалось как уже функционирующих гончарен, так и открывающихся, в независимости от того где они располагались, в городе, горнозаводском селении, рудничном поселке или в сельской местности.

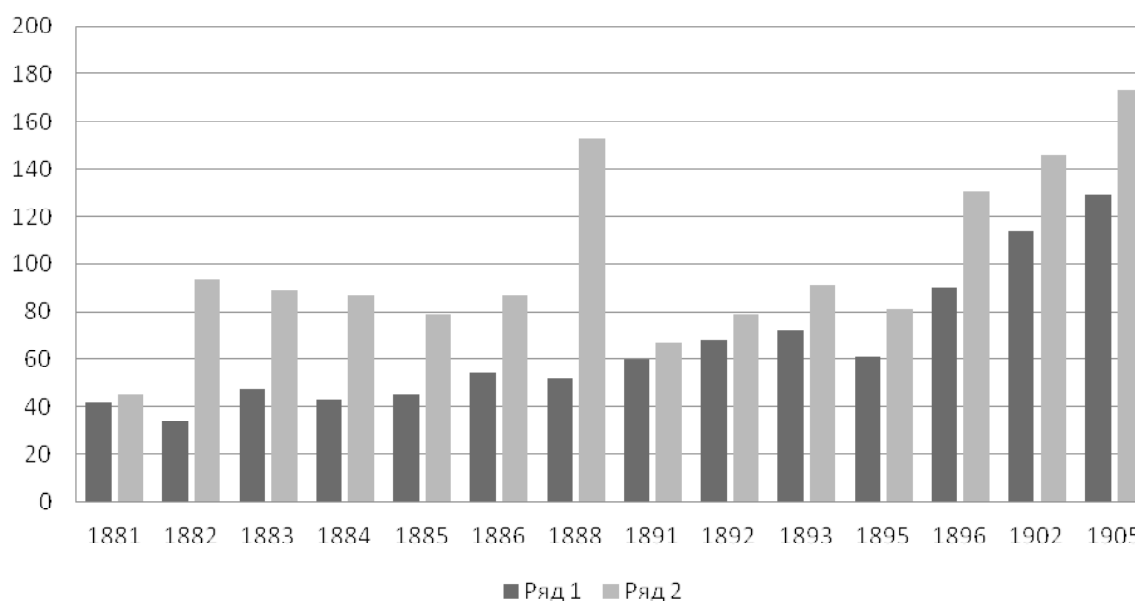

Рис. 1. Динамика численности гончаров и гончарных заведений с 1881 по 1905 гг. в г. Барнауле, Бийске, Кузнецке, Колывани, Барнаульском, Бийском, Кузнецком, Змеиногорском (данные с 1896 г.) округах (уездах)
 I – численность гончарных заведений; II – численность гончаров.

Источники: Обзор Томской губернии за 1881 год. – Томск: Губернская типография, 1882; Обзор Томской губернии за 1882 год. – Томск: Губернская типография, 1883; Обзор Томской губернии за 1883 год. – Томск: Губернская типография, 1884; Обзор Томской губернии за 1884 год. – Томск: Губернская типография, 1885; Обзор Томской губернии за 1885 год. – Томск: Губернская типография, 1886; Обзор Томской губернии за 1886 год. – Томск: Губернская типография, 1887; Обзор Томской губернии за 1887 год. – Томск: Типография губернского правления, 1889; Обзор Томской губернии за 1891 год. – Томск: Типография губернского правления, 1892; Обзор Томской губернии за 1892 год. – Томск: типография губернского правления, 1893; Обзор Томской губернии за 1893 год. – Томск: Губернская типография, 1894; Обзор Томской губернии за 1894 год. – Томск: Губернская типография, 1895; Обзор Томской губернии за 1896 год. – Томск: Губернская типография, 1897; Обзор Томской губернии за 1902 год. – Томск: Губернская типография, 1904; Обзор Томской губернии за 1905 год. – Томск: Губернская типография, 1906.

В 1890-х гг. наметился рост количества гончарных заведений (рис. 1). Данный подъем был связан с фактическим ослаблением контроля правительства над деятельностью гончаров и переселенческими волнами конца XIX – начала XX вв.

Анализ анкет сельскохозяйственной переписи 1917 г. выявил, что процент мастеров среди столыпинских переселенцев в округе составлял 0,29 %, среднестарожил – 0,14 % [5, с. 199]. Такая незначительная разница в показателях связана с тем, что у старожилов населения занятие гончарством было дополнительным заработком к сельскохозяйственному производству. Тогда как переселенцам приходилось адаптироваться на новом месте. Доход от сельского хозяйства был еще не велик, и им приходилось искать дополнительный источник доходов чаще, чем старожилам. Это и приводило к увеличению вовлеченности переселенцев в промысловую деятельность.

Со временем увеличился объем выпускаемых изделий на территории округа. Если в 1888 г. производительность гончаров составляла в среднем 400-2000 изделий в год на человека, то в 1892 г. – от 1000 до 2000 единиц [1, л. 19 об.-20, 22 об.-27, 30-32, 35 об.-36, 55 об.-57; 6, с. 203]. В 1909 г. каждый гончар Барнаульского, Бийского, Кузнецкого, Змеиногорского уездов изготавливал от 200 до 10000 экземпляров глиняной утвари в год [7, с. 1, 16-17, 21, 27]. В 1911 г. гончары Барнаульского и Бийского уездов произвели около 150 тысяч единиц различной посуды [8, с. 27].

Несмотря на общий рост производительности, она оставалась невысокой. Это было связано с рядом причин. Во-первых, условия труда, инструменты, технология практически не менялись со временем. Производственный процесс чаще всего был сосредоточен либо в жилом помещении, в хозяйственной постройке, помещении рядом с домом, приспособленных под мастерскую [1, л. 30, 31 об.-32; 9, л. 9 об.; 10, л. 387 об.-388; 11, л. 7]. Как правило, по предписанию строительного устава, гончарни устраивались за границей селения на расстоянии от 10 до 300 саженей у водоемов, около гор или сопок [1, л. 16 об.-17, 22 об.-27, 30-32, 35 об.-36, 55 об.-56, 74 об.-75]. В среднем, площадь мастерских колебалась от 2 до 8 квадратных саженей. Однако, встречались как крупные в 18-72 квадратных сажени, так и маленькие помещения в 3 квадратных аршина. У единиц рабочая площадь превышала 1 десятину. Так, в ведомости оце-

ночной комиссии Змеиногорского уезда за 1913 г. был описан «гончарный завод» Н.Г. Козьмина, жителя с. Тарханское Бобровской волости Змеиногорского уезда. Помещение «завода» было деревянным, без пола и потолка. Высота 3 аршина, ширина и длина по 4 аршина. Общая площадь помещения 48 кубических аршин или 1,77 сажени. В мастерской имелся деревянный круг. Комиссия оценила заведение в 15 рублей и рабочие приспособления в 3 рубля [12, л. 62 об.-63]. Подобное описание гончарной мастерской в г. Змеиногорске, стоимость которого составляла 10-15 рублей на 1892 г., давалось в «Материалах по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе» [6, с. 203]. В начале XX в., согласно «Ведомости обложения торговых и промышленных заведений по Бийскому уезду», оценочная стоимость гончарен варьировалась от 2 до 20 рублей [13, л. 236-237, 239].

Сезонность (осенне-зимне-весенний период) гончарного производства также оказывала негативное влияние на рост производительности. В Алтайском (горном) округе на рубеже веков изготовление гончарной посуды давало населению дополнительный заработок к его основным занятиям: работам на заводах, сельскохозяйственной деятельности [11, л. 7; 14, л. 279]. Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. показали, что 66,6% гончаров участвовали в пахотных работах, 83,3% – в сенокосе и уборке урожая, 100% имели крупнорогатый скот, лошадей, 40% гончаров содержали овец и коз [15, с. 150, 154]. В единичных случаях мастера работали круглогодично [16, с. 94-95]. Производство посуды в летний период или круглогодично могло говорить о том, что либо у гончара были помощники – члены его семьи, которые брали на себя основные сельскохозяйственные работы, либо это было его основное занятие, либо в силу своего возраста он не участвовал в сельскохозяйственных работах. Гончары прибегали к помощи членов семьи не только при выполнении полевых работ, но и в самом промысле. Например, крестьянин с. Колыванское Змеиногорского уезда И.М. Кусков в 1916-1917 гг. работал в гончарной мастерской вместе с женой [17, л. 39-39 об.]. В с. Островном Барнаульского уезда крестьянин В.П. Белоносов работал со средним сыном. Старший сын при этом проживал отдельно от родителей и самостоятельно производил посуду [18, л. 29-29 об., 71-71 об.]. Женщины были

не только помощниками мужей в производственном процессе, но и сами организовывали его. Например, в 1881 г. в Зырянском горнозаводском селении открыла свою мастерскую жена обывателя Змеевской волости В. Рыбьякова [1, л. 19 об.-20]. В д. Рассказиха Шадринской волости в 1909 г. было зарегистрировано 24 хозяйства, в которых «из стари» выделкой посуды занимались женщины [7, с. 16]. В 1917 г. в с. Колывань Змеиногорского уезда работали гончарами П. Балахнина, С. Рогачевская, Е. Шипунова. В с. Милованово Верх-Чингизской волости Барнаульского уезда Е.И. Зырянова, М. Коковьякина, С. Крапивина были единственными мастерами на все село и его окрестности [19, л. 57-58, 79-80, 95-97; 20, л. 72; 21, л. 11, 133].

Таблица 1

Стоимость посуды в Алтайском (горном) округе в рублях за сотню штук. 1885-1912 гг.

Наименование	1885 г.	1890 г.	1909 г.	1912 г.
Горшок	3-5	1-5	3-20	4-12
Горшок большой			10-30	
Крынка	2		1-10	5-6
Корчага	10	7-15	1-35	15-30
Топник		7		
Колыванка			4-7	
Колыванка большая			10	
Кувшин			3-10	
Ладка			4-5	
Чашка		4	1-4	
Чашка малая			2	
Чашка большая			3	
Блюдо			2	
Тарелка			8	
Банка садовая			20	

Сбыт изделий проводился на месте производства, в окрестных селах путем развозки, случайному или постоянному скупщику [7, с. 16-17; 22, с. 124-125]. Цены в уездах округа на различные виды посуды варьировались (см. таблицу №1). Это зависело от затрат на производство, конкуренции, стоимости сельскохозяйственной продукции, удаленности населенных пунктов.

Библиографический список

1. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 714.
2. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168.
3. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120.
4. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1472.
5. Разгон, В.Н. Столыпинская аграрная реформа и Алтай: монография / В.Н. Разгон, А.А. Храмов, К.А. Пожарская. – Барнаул, 2010.
6. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. – Барнаул, 1896. – Т. I.
7. Кустарные промыслы Томской губернии. Сост. членами стат. семинария под ред. проф. М.Н. Соболева. – СПб., 1909.
8. Туфанов, И.И. Отчет специалиста инженера-технолога И.И. Туфанова по обследованию кустарных гончарных промыслов в Барнаульском и Бийском уездах Томской губернии // Отчеты по обследованию гончарного, ткацкого и кожевенного кустарного промыслов, произведенному в 1912 г. в отдельных районах Томской губернии. – Томск, 1913.
9. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 267.
10. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 492.
11. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 460.
12. ГААК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1.
13. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 412.
14. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 69.
15. Разгон, В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиональное / под ред. В.Н. Владимирова. – Барнаул, 2004.
16. Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1913 год. – Томск, 1914.
17. ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 277.
18. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 120.
19. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 328.
20. ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 276.
21. ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 278.
22. Бочанова, Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1978.
23. Н.Ф. Кустарно-ремесленная промышленность в Томской губернии // Сибирское сельское хозяйство. – 1914. – № 23.
24. Подсчитано по: ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 166. Л. 94; Д. 171. Л. 4; Д. 172. Л. 88; Д. 276. Л. 28, 72, 74; Д. 277. Л. 39; Д. 278. Л. 11, 133; Д. 493. Л. 29.

Bibliography

1. GAAK. F. 3. Op. 1. D. 714.
2. GAAK. F. 163. Op. 1. D. 168.
3. GAAK. F. 3. Op. 1. D. 120.

Источники: Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Под ред. П.А. Голубева. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. – С.101, 108; Кустарные промыслы Томской губернии. Сост. членами стат. семинария под ред. проф. М.Н. Соболева. – СПб., 1909. – С. 16-17, 22, 26; Туфанов И.И. Отчет специалиста инженера-технолога И.И. Туфанова по обследованию кустарных гончарных промыслов в Барнаульском и Бийском уездах Томской губернии // Отчеты по обследованию гончарного, ткацкого и кожевенного кустарного промыслов, произведенному в 1912 г. в отдельных районах Томской губернии. – Томск, 1913. – С. 26.

Доход, получаемый от промысла, был не большим. В 1888 г. годовая прибыль гончаров составляла в среднем 50-100 рублей. В 1909 г. доход гончаров составлял 5-70 рублей в год [7, с. 1]. К 1913 г. прибыль выросла и варьировалась в Барнаульском и Бийском уездах от 20 до 200 рублей, в Змеиногорском – 40-125 рублей, в Кузнецком – 25-100 рублей в год [16, с. 96]. Чтобы судить насколько большое значение имел заработок от промысла в хозяйстве, следует указать, что в среднем годовой приход-расход средней крестьянской семьи был равен, примерно, 300 рублям [23, с. 784-785]. В связи с этим гончары продолжали заниматься сельским хозяйством, используя промысел как дополнительный источник дохода.

Наметившийся рост гончарного производства в 1910-х гг. начал сокращаться в связи с различными экономическими факторами. Проведение Сибирской железной дороги привело к появлению на местном рынке дешевой железной, стеклянной, фаянсовой посуды. С развитием товарного животноводства, маслодельных заводов началось снижение спроса на глиняную утварь, так как суточные удои сдавались на переработку в маслобойни [22, с. 122]. Например, в Змеиногорске за восемь лет количество мастеров уменьшилось на 98,5% и к 1917 г. составило всего три человека [24].

В целом кустарное гончарное производство на территории Алтайского (горного) округа в конце XIX – начале XX вв. было развито слабо и даже в Томской губернии занимало 17-е место по доходности среди промыслов по обработке сырья [22, с. 122]. Причины этого крылись в политике, проводимой Кабинетом ЕИВ, сезонности, низком технико-технологическом уровне производства. Приток переселенцев из Европейской части России и их большая вовлеченность в гончарный промысел только расширили его географию, но не привели к кардинальной модернизации технических и технологических процессов, улучшению условий труда.

4. GAAK. F. 3. Op. 1. D. 1472.
5. Razgon, V.N. Stolihipinskaya agrarnaya reforma i Altay: monografiya / V.N. Razgon, A.A. Khramkov, K.A. Pozharskaya. – Barnaul, 2010.
6. Materialih po issledovaniyu arendnogo khozyaystva v Altayskom okruge. – Barnaul, 1896. – Т. I.
7. Kustarniye promishli Tomskoy gubernii. Sost. chlenami stat. seminariya pod red. prof. M.N. Soboleva. – SPb., 1909.
8. Tufanov, I.I. Otchet specialista inzhenera-tekhnologa I.I. Tufanova po obsledovaniyu kustarnikh goncharnikh promishlov v Barnaulskom i Biyskom uездakh Tomskoy gubernii // Otchetih po obsledovaniyu goncharnogo, tkackogo i kozhevennogo kustarnogo promishlov, proizvedennomu v 1912 g. v otdelnykh rayonakh Tomskoy gubernii. – Tomsk, 1913.
9. GAAK. F. 170. Op. 1. D. 267.
10. GAAK. F. 3. Op. 1. D. 492.
11. GAAK. F. 174. Op. 1. D. 460.
12. GAAK. F. 56. Op. 1. D. 1.
13. GAAK. F. 170. Op. 1. D. 412.
14. GAAK. F. 170. Op. 1. D. 69.
15. Razgon, V.N. Promishloviye zanyatiya sel'skogo naseleniya Altaya po materialam sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1917 g. // Istoricheskoe professiovedenie / pod red. V.N. Vladimirova. – Barnaul, 2004.
16. Sel'skokhozyaystvenniy obzor Tomskoy gubernii za 1913 god. – Tomsk, 1914.
17. GAAK. F. 233. Op. 1b. D. 277.
18. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 120.
19. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 328.
20. GAAK. F. 233. Op. 1b. D. 276.
21. GAAK. F. 233. Op. 1b. D. 278.
22. Bochanova, G.A. Obrabotivayutaya promishlennost Zapadnoy Sibiri. Konec XIX – nachalo KhKh v. – Novosibirsk, 1978.
23. N.F. Kustarno-remeslennaya promishlennost v Tomskoy gubernii // Sibirskoe sel'skoe khozyaystvo. – 1914. – № 23.
24. Podschitano po: GAAK. F. 233. Op. 1b. D. 166. L. 94; D. 171. L. 4; D. 172. L. 88; D. 276. L. 28, 72, 74; D. 277. L. 39; D. 278. L. 11, 133; D. 493. L. 29.

Статья поступила в редакцию 12.04.12

УДК 94 (571.1) «1861–1905»

Churkin M.K. RESETTLEMENT MOVEMENT IN WESTERN SIBERIA ESTIMATES AND DECISIONS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT (1861-1905 gg.). This paper examines the key approaches the power structures of the Russian Empire to the organization and regulation of the migrant movement in Siberia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. An attempt is made periodization resettlement policy, the identification of meaningful aspects of migration depending on the mood, the specific implementation in the post-reform period.

Key words: immigration policy, resettlement movement, colonization, the migration legislation, the central and regional government, agrarian crisis, loan practices.

М.К. Чуркин, д-р ист. наук, доц., проф. каф. отеч. истории Омского гос. педагогического университета, г. Омск, E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ОЦЕНКАХ И РЕШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1861–1905 ГГ.)

В работе рассматриваются ключевые подходы властных структур Российской империи к организации и регламентации переселенческого движения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. Производится попытка периодизации переселенческой политики, выявления её содержательных аспектов, зависимости от миграционных настроений, специфики реализации в пореформенный период.

Ключевые слова: переселенческая политика, переселенческое движение, колонизация, переселенческое законодательство, центральная и региональная власть, аграрный кризис, ссудная практика.

Проблема переселенческой политики российского правительства – одна из наиболее актуальных тем в современном сибиреведении и отечественной историографии. В разные периоды к данной проблематике обращались такие исследователи, как М.С. Симонова, Е.М. Брусникин, Е.Д. Фёдорова, В.Н. Худяков, И.В. Островский и др. [1] Результатом научных изысканий стало определение основных направлений государственной политики в сфере аграрных миграций, выявление отношения государства к переселенческому вопросу, характеристика государственных мероприятий и законодательства по вопросам регулирования крестьянских переселений.

В границах настоящей работы предпринимается попытка выявления роли политических мероприятий российского правительства в организации переселенческого движения. При этом автор, априори склонен считать, что в рассматриваемый период правительство лишь фиксировало в своих программах переселенческую активность населения, что, в конечном счёте, находило выражение в конкретных (запретительно-разрешительных) политических мероприятиях государства на восточных окраинах страны. Безусловно, политический фактор оказывал определенное влияние на переселенческое движение, но только в качестве корректирующего крестьянские миграции элемента. Другими словами, те или иные правительственные инициативы в переселенческом вопросе, выраженные законодательно или циркулярно, могли искусственно ограничить численность мигрантов, переориентировать направ-

ление движения переселенческих потоков, но были совершенно бессильны в области принятия и осуществления решений о переселении самими крестьянами.

Очевидно, что утверждение в сознании населения России в ходе колонизационного движения на новые земли миграционной парадигмы явилось первичным условием, вызвавшим к жизни принятие государством комплекса стабилизационных решений, которыми оно сообразно конкретно-историческим условиям закрепляло, направляло и контролировало миграционные процессы.

Задачи колонизации сибирских пространств со второй половины XIX в. перестали рассматриваться центральной властью исключительно с точки зрения пополнения государственной казны или места концентрации политических и уголовных элементов. Период с 1861 по 1905 г. стал первым опытом организации массовых народных миграций, не связанных с непосредственной военной угрозой или исправительно-карательными нуждами. В соответствии с ситуацией, правительственные органы объективно оказались поставлены в условия разработки такого варианта переселенческой политики, который был бы более или менее свободен от репрессивных способов её реализации.

В рамках указанного периода отношение правительства к переселенческому движению неоднократно менялось, что было связано с отсутствием чёткой политической программы и ясных представлений власти о задачах и формах колониза-

ционного освоения Сибири. Можно предположить, что до начала 1880-х гг. государство не рассматривало задачу земельной колонизации Зауралья в качестве первоочередной. Косвенным подтверждением того, что российское правительство первоначально не связывало вопросы аграрной политики с колонизационными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого движения: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев.

Непосредственно характеризуя правительственные усилия по организации переселенческого дела, отметим, что отправной точкой для государственно-политических мероприятий в этом вопросе стало решение властей об отмене крепостного состояния, отраженное в Манифесте 19 февраля 1861 г. Объективно после 1861 г. в России начала складываться принципиально новая модель социума, в которой государство оказалось лицом к лицу со всеми сословиями, в том числе и самым многочисленным – крестьянским. После отмены крепостного права центральная власть оказалась в непривычном для себя положении, так как возникла необходимость установления непосредственной обратной связи с крестьянством. Отсутствие такого опыта «общения» предопределило всю непоследовательность, колебания, несвоевременные уступки, жесткие и зачастую бессмысленные ограничения со стороны властей, связанные на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. с теми или иными действиями в сфере аграрных отношений.

Для первого пореформенного двадцатилетия в целом была характерна политика сдерживания переселений за Урал. Политическое кредо центральной власти по вопросу оттока земельного населения страны на окраины империи Я.Ф. Старицким и В.В. Алексеевым было охарактеризовано как «отрицательно-сдерживательное» [2, с. 2]. В отношении государственных крестьян Положение 19 февраля 1861 г. предусматривало только единичные случаи переселения по собственному их усмотрению, и для такого переселения не требовалось чье-либо разрешения. Законодательство настаивало только на соблюдении общих условий для выхода из общества. Исполнение всех формальностей по перечислению возлагалось на самих переселяющихся. Согласно статье 147 Общего положения, от крестьян принявших решение о переселении требовалось предоставить приёмный приговор нового общества и увольнительное свидетельство старого общества [3, л.15–16 об.]. В создавшихся условиях, возможности легитимного переселения для крестьян были ограничены, поскольку находились в зависимости не только от наличия приемного приговора нового общества, но и разрешения местных органов управления, которое крестьянам, учитывая размеры платежей недоимок разного рода, получить было очень сложно. На протяжении 1860–1870-х гг. предоставление крестьянам Европейской России разрешения переселиться являлось скорее исключением, нежели правилом. Так, в 1872 г. Воронежская казённая палата отказала Томской казённой палате в вопросе об исключении 146 душ крестьян Острогского уезда Воронежской губернии ввиду неуплаты денежных недоимок по месту жительства [4, л. 1]. Губернские по крестьянским делам присутствия, ссылаясь на правительственные директивы, пачками отклоняли крестьянские прошения о переселении в другие губернии с универсальной мотивировкой: «Общество согласно уволить крестьянина (имярек) только при условии внесения недоимок» [4, л. 2]. В 1876 г. государство издало «Правила об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам», ужесточившие требования к увольняющимся крестьянам. Согласно утвержденным правилам, намеревающимся переселиться сельским обывателям необходимо было: сдать участок земли в общину, ликвидировать казённые, земские, мирские недоимки, не иметь частных взысканий и обязательств, не состоять под судом, получить согласие родителей [5, л. 29]. Правила об увольнении крестьян уточняли правительственные циркуляры, выработанные в предшествующий период, в частности, циркуляр МВД от 4 мая 1868 г. за № 7 запрещал крестьянам продажу имущества до окончательного перечисления по новому месту жительства [4, л. 5]. Переселение было обставлено и другими формальностями: разрешение на переселение нужно было получать от двух министров (внутренних дел и государственных имуществ). В гораздо более затруднительном положении находились бывшие владельческие крестьяне. Их право на переселение косвенно оговаривалось в статье 169 Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в соответствии с которым участки, приобретенные отдельными крестьянами в личную собственность, могли быть отчуждены только с соблюдением ряда условий и со-

блюдений 9-летнего срока, в течение которого продажа участка посторонним лицам была запрещена [3, л. 16 об.].

Таким образом, основной контингент переселявшихся в 1861–1881 гг. составили: во-первых, государственные крестьяне, не связанные выкупными платежами; во-вторых, переселялись в Сибирь преимущественно крестьяне лесных районов, наиболее стесненные в земельных угодьях (Пермская, Вятская губернии). Участие в переселенческом движении крестьян чернозёмных губерний России было крайне незначительным. Например, Тамбовская губерния в 1860–1870-х гг. делегировала в Сибирь около 5 тыс. [6, с. 82]; Курская – в пределах 4 тыс.; Орловская – не более 3 тыс. душ обоего пола [7, с. 11]. Столь малый отток земледельческого населения из Центрально-Чернозёмного региона в Сибирь объяснялся не только ограничительными мероприятиями правительства по отношению к потенциальным мигрантам за Урал, но и иными колонизационными предпочтениями этой группы крестьянства. По данным курских статистиков, практически до середины 1880-х гг. 41,5 % выходцев из Курской губернии направлялись в Предкавказский регион, 17,4 % – в Заволжский край, 16 % – в Таврическую губернию и область войска Донского и лишь 13,8 % собственно в Сибирь [7, с. 19].

Некоторые трансформации государственно-административной политики в области переселений пришлись на начало 1880-х гг. и были связаны с ростом миграционной активности крестьян центрально-чернозёмного региона России, вызванного эскалацией кризисных явлений в сельском хозяйстве. И.А. Гурвич, оперируя материалами систематического опроса переселенческих партий, проведённого им в 1882–1883 гг., на основе сопоставления экономического положения крестьянских хозяйств на родине и в местах водворения, пришёл к выводу, что именно в этот хронологический период в крестьянской среде «произошёл общий переворот во взглядах на условия окружающей жизни, связанный с нерешённым в России аграрным вопросом» [8, с. 56–69]. Согласно изысканиям И. Вернера, только Курская губерния с 1870 по 1880 гг. выделила из своей среды 571 семью переселенцев в Сибирь против 153 семей за 1860–1870 гг. [7, с. 19]. Характерно, что всплеск переселенческой активности в указанном районе был связан и с неудачными попытками водворения крестьян переселенцев в конце 60-х и в 70-х гг. XIX в. в Кубанской области и Новороссии.

Значительное изменение пропорций в переселениях, с точки зрения районов выхода, вызвало серьёзную озабоченность в правительственных кругах и стимулировало ряд законодательных инициатив. Косвенным подтверждением адекватной реакции властей на рост переселенческого движения явилась попытка организации правительственного наблюдения за аграрным переселением на восточные окраины империи. В 1881 г., по инициативе членов Совещания сведущих людей в селе Батраки (в окрестностях Сызрани), была образована переселенческая контора, занимавшаяся информированием мигрантов о маршрутах переселения, участках для водворения, ценах на землю и т. д. А годом ранее последовало высочайшее повеление об учреждении при МВД особой комиссии для выработки переселенческого закона и издания предваряющих его временных правил. Отличительной чертой «Временных правил о переселении крестьян в Сибирь» стало освобождение земледельцев от предоставления властям приёмного приговора нового общества и обязательной уплаты всех казённых и земельных недоимок и податей по 1 января следующего года, что определённо свидетельствовало о признании центральной властью существования переселенческой проблемы в государственном масштабе. Особая «переселенческая комиссия», созданная в этот период, в процессе консультаций с видными общественными деятелями пришла к выводу, «что государство должно считаться с фактом переселения, не пытаясь подчинить его каким-либо нормам и своей опеке...» [9, с. 113]. Однако проект был отклонён, а «Временные правила» 1881 г., вобравшие в себя лишь некоторые пожелания «сведущих людей», из-за боязни в правительственных сферах активизации переселенческого движения не опубликованы. Тем самым государство сформулировало своё общее отношение к крестьянским переселениям за Урал, ставшее фундаментальным принципом государственной политики в 1890-е гг.: «Предоставление освобождённому крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьёт среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и суд» – с другой... Правительство признаёт это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать за собственный их страх и риск» [10, л. 201].

В 1886 г. по представлению гр. Д.А. Толстого были утверждены правила, положенные впоследствии в основу окончательно утвержденного в 1889 г. переселенческого закона. С 1889 г. льготные условия переселения и водворения в колонизируемом регионе распространялись исключительно в отношении тех представителей крестьянства, которые направлялись в Сибирь легитимно. Согласно переселенческому закону, легальные переселенцы освобождались в Сибири от уплаты недоимок по казённым податям и повинностям в местах выхода на три года; в последующие три года платили их в половинном размере; получали трёхлетнюю отсрочку от армии [9, с. 115]. Правительственные опасения, не столь явственно обозначенные в переселенческом законе 1889 г., но открыто провозглашаемые циркулярами МВД, на местах понимались как обязательные предписания, руководство к действию (точнее сказать, к бездействию) по отношению к крестьянским ходатайствам о переселении). В связи с данным обстоятельством, выдача разрешений на переселение либо под различными предлогами не производилась, либо затягивалась на неопределённые сроки. Основными причинами отказа губернскими по крестьянским делам присутствия были: недостаточное количество средств, которыми располагала крестьянская семья и недоимки по месту жительства.

Двойственность правительственной политики в переселенческом деле содержала потенциальную опасность, особенно на фоне резкого усиления миграционной активности крестьянства в неурожайные и голодные годы. В преддверии возможных катастрофических последствий от надвигающегося неурожая, с согласия Министерства финансов, на втором общем тарифном съезде представителей русских железных дорог был разработан и введён в действие льготный железнодорожный тариф, способствовавший значительному притоку переселенцев из голодающих губерний. Динамика переселенческого движения в неурожайные 1891–1892 гг., тем не менее, абсолютно не соответствовала ожидаемым в правительственных сферах масштабам крестьянских миграций в зауральские губернии: в 1891 г. при 17 626 разрешений на основании закона 13 июля 1889 г. реально в сибирские губернии проследовало 84 200 переселенцев; в 1892 г., когда правительство, обеспокоенное размахом крестьянских переселений, прекратило выдачу разрешений вовсе, за Урал прошло 61 435 душ обоёго пола [11, л. 7]. В этой связи становится очевидным, что ведомства, отвечающие за переселенческий процесс, убавлявшие стабильно низкими в предыдущие годы показателями крестьянских миграций в зауральскую часть Российской империи (1860–1884 гг. – около 300 000 душ и примерно столько же в следующие 7 лет), оказались не подготовлены к практически четырёхкратному росту переселенческой волны.

Новый период правительственной переселенческой политики был связан со строительством Транссибирской магистрали. Для координации комплекса вопросов, связанного с Транссибом, 10 октября 1892 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД). В состав Комитета вошли министры внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контролёр. Впоследствии к ним присоединились военный министр и управляющий Морским министерством. Председателем КСЖД был назначен цесаревич Николай Александрович. Вновь созданный Комитет Сибирской железной дороги, помимо непосредственных проблем магистрального строительства, призван был решать и стратегические вопросы освоения Сибири. По рассуждениям одного из инициаторов создания КСЖД, С.Ю. Витте, железная дорога должна была обеспечить Сибири «главные условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России» [12]. Спустя три года, в ходе заседания КСЖД 8 марта 1895 г., высказанная С.Ю. Витте концептуальная идея получила окончательную поддержку и трансформировалась в универсальный принцип деятельности организаторов переселенческого дела, сообразно с которым «к крестьянским переселениям следует относиться без особых опасений».

Вопросами, связанными с освоением и заселением территорий, располагавшихся вдоль линии Сибирской железной дороги, занималась Подготовительная комиссия, учрежденная в 1892 году при Комитете с участием представителей от различных ведомств, возглавляемая статс-секретарём А.Н. Куломзинным. Уже в марте-апреле 1893 г. Подготовительная комиссия предложила к утверждению «Инструкцию для ограничения свободных казённых земель и для образования переселенческих

участков по линии Сибирской железной дороги», а вскоре – «Временные правила» от 13 июня 1893 г., «для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги». Под эти участки должна была отводиться неиспользуемая местным населением казённая земля, из расчёта не более 15 десятин удобной площади на каждого переселенца мужского пола.

В вопросе о том, какой контингент крестьянства должен получать преимущество при переселении, между центральной и региональными властями сразу же возникли принципиальные разногласия: некоторые представители чернозёмного центра, в частности, орловский, тамбовский и воронежский губернаторы, сочли переселение состоятельных крестьян из Европейской России нежелательным, полагая, что наиболее благоразумным было бы предоставить возможность переселяться в сибирские территории малоземельным крестьянам [13, л. 1 об]. Показательно, что мнение региональных властей о предпочтении малоимущих переселенцев зажиточным также было неоднозначным. Представители Усманского, Шацкого, Липецкого и Кирсановского уездных комитетов Тамбовской губернии находили нежелательным оказание вспомоществования малоземельным крестьянам, шедшим на восточные окраины империи, при этом положительно оценивая потребность выселения за пределы губернии против привлечения средств сельских обществ к расходам на переселенческие нужды [14, с. 17–18]. Особую позицию заняли оба сибирских губернатора (томский и тобольский), выразившие опасение, что условия жизни и ведения хозяйства в Сибири недостаточно «заманчивы» для зажиточных крестьян, а «количество удобных для культуры земель в Сибири значительно меньше, чем вообще полагают, что требует бережливости в расходовании имеющегося запаса на случай более настоятельных государственных потребностей в земле при дальнейшем устройстве быта малоземельных и безземельных крестьян» [13, л. 1–2 об]. Работавшее в феврале-марте 1894 г. при МВД Особое совещание для обсуждения некоторых вопросов переселенческого дела в составе: товарища министра внутренних дел Сипягина, управляющего земским отделом Стишинского, его помощника Гиппиуса, а также двух чиновников особых поручений и шести губернаторов, в конечном итоге, решило, что заселение района Сибирской железной дороги исключительно состоятельными крестьянами невозможно, что переселение может быть разрешено, но отнюдь не поощряемо правительством [15, с. 112]. В данном контексте, в 1894 г. КСЖД при содействии МВД был принят ряд постановлений, имеющих силу закона: выработаны правила, согласно которым разрешения на переселения предоставлялись только тем крестьянским хозяйствам, которые располагали достаточным количеством средств (300–500 рублей); разработан льготный переселенческий тариф, введённый в действие 1 марта 1894 г.

Таким образом, КСЖД, организованный первоначально с целью координации строительства Транссибирской магистрали, на деле стал инструментом осуществления правительственной политики по освоению сибирских земель. Придавая положительную роль работы КСЖД по приданию переселенческому движению в 1892–1896 гг. более или менее стройной, системной организации, стоит отметить и то, что успешную деятельность Комитета обеспечивала благоприятная конъюнктурная ситуация, сложившаяся в рассматриваемый период: Сибирь оставалась малонаселённой восточной окраиной, где имелось достаточное количество незанятых земель, пригодных для хлебопашества и скотоводства; интенсивное вовлечение в экономический оборот земельных угодий, лежащих вдоль прокладываемого железнодорожного полотна, не противоречило общегосударственным идеологическим принципам осуществления тотального контроля над всеми элементами социально-экономической жизни империи, включая миграции населения. Наконец, общеизвестно, что затраты на строительство Сибирской железной дороги были колоссальными. Сибирская магистраль строилась на средства казны и к 1914 г. на нужды железнодорожного строительства была израсходована около 1,5 млрд. рублей. Железные дороги Сибири фактически до 1908 г. работали с убытком, являлись нерентабельными, и, чтобы добиться окупаемости огромных затрат, власти были прямо заинтересованы в скорейшем заселении вновь осваиваемых местностей и включении их в сферу экономического влияния Российской империи.

В декабре 1896 г. с правами департамента Министерством внутренних дел было образовано Главное Переселенческое управление. Неопределённая сфера влияния КСЖД ограничивалась, а также косвенно признавалась его недостаточная компетентность в переселенческом деле и выдвигалась – в каче-

стве первоочередной – задача исправления допущенных им ошибок, приведших к росту неконтролируемых переселений [15, с. 117]. 20 января 1897 г. в спешном порядке был издан циркуляр № 1, предписывавший губернаторам возобновить борьбу с самовольным переселением. В феврале 1897 г. министр внутренних дел командировал чиновников министерства в Центрально-Чернозёмные губернии (Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Орловскую и др.) с целью разъяснения местной администрации циркуляра № 1 и максимального сокращения переселенческого движения [13]. Результатом подобной политики явилось сокращение масштабов переселенческого движения до 86 500 человек в 1897 г., при заметном росте обратного движения более чем вдвое, по сравнению с предыдущим годом. По данным А.А. Кауфмана, число обратных переселенцев в период с 1895 по 1897 г. динамично увеличивалось: в 1895 г. – 10,1 %, в 1896 г. – 13,9 %, в 1897 г. – 35,6 % относительно прямого движения. Примечательно и то, что подавляющую массу возвращающихся (69,0 %) составляли в 1897 г. самовольные переселенцы Центрально-Чернозёмных губерний России [16, с. 95]. Несмотря на принятые меры по сдерживанию переселенческого движения, в 1898 и 1899 г. произошёл новый количественный скачок в выселении крестьян из пределов европейской части России. За два указанных года в Сибирь ушло 205 645 и 223 981 душ обоим пола соответственно [17, с. 366–367]. Ответом правительства на небывалый переселенческий подъём стала серия действий откровенно запретительного характера: в 1899 г. Кабинет закрыл для переселенцев Алтайский горный округ Томской губернии, а МВД циркуляром от 29 января того же года потребовало от местных властей прекратить водворение самовольных переселенцев на переселенческих участках Тобольской губернии [18, с. 40].

Начало XX столетия ознаменовалось ослаблением переселенческого движения в Сибирь, в связи с возникшим в 1900 г. внешнеполитическим осложнением отношений с Китаем, что повлекло за собой временное приостановление переселенческого потока и действие льготного железнодорожного тарифа. Последовавшие в 1900–1901 гг. неурожаи в Сибири, а также волнения крестьян Европейской России в 1902 г. поспособствовали естественному сокращению земельных миграций (в период с 1901 по 1903 г. за Урал переселилось 120 000 душ, тогда как в 1900 г. – 219 000) [19, с. 131]. Столь «благоприятная» ситуация открыла перед властными структурами объективные возможности для всестороннего анализа обозримого прошлого в истории переселенческого вопроса и дальнейшего планирования политических мероприятий в области переселенческого дела. Уже в первые годы XX в. правительство создало различные межведомственные организации, призванные выявить причины застойных явлений в сельском хозяйстве и определить пути их преодоления. В ноябре 1901 г., на основании доклада министра финансов, была учреждена Комиссия по исследованию причин оскудения земледельческого центра страны под председательством В.Н. Коковцова, а с 30 марта 1902 г. началось обсуждение крестьянского вопроса в рамках деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Необходимо признать, что в период функционирования этих организаций, к работе которых привлекались выдающиеся теоретики и практики сельского хозяйства, были выработаны важные методологические решения, касающиеся принципиальных сторон переселенческого дела. Санкционированное властными структурами широкое обсуждение крестьянского вопроса, объединение усилий различных ведомств, имеющих отношение к сельскому хозяйству, и придание аграрному вопросу статуса «общегосударственного» означало признание кризисных явлений в сфере сельскохозяйственного производства европейской части России и, в особенности, земледельческого центра империи. В русле нового видения переселенческой проблемы министром внутренних дел в 1903 г. были даны соответствующие указания губернаторам, где, в частности, говорилось, что «разрешение на переселение предоставляется Губернским присутствиям с тем, чтобы право на переселение распространялось только на тех лиц, которые обладают средствами в размере не менее 300 руб. на семейство, за покрытием расходов по переезду и продовольствию...» [14, с. 372]. Опасения властей относительно непригодности малоимущей части крестьянства в качестве переселенческого элемента подтверждались частыми случаями массового разорения этой категории крестьянства и их «непомерными требованиями пособий и ссуд» [20, л. 67–68]. Так, в 1903 г. крестьянский начальник Каинского уезда Вознесенской волости Томской губернии в сообщении губернскому начальству об урожае хлебов и трав во вверенной ему местности отмечал, что «запаса сена почти нет, вследствие крайнего обеднения крестьян, ожидающих пособия от казны» [21, л. 13].

Совершенно иной позиции в вопросе о контингенте переселяющихся придерживались представители местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в районах выхода переселенцев. В частности, представители Елецкого комитета Орловской губернии в обобщающем докладе о крестьянских переселениях настаивали на том, что выселяться на окраины страны должны не более состоятельные, а, наоборот, самые малоземельные, неимущие семьи, всецело за счёт государства, которое обязано предоставлять все необходимые средства как на само переселение, так и на обустройство крестьян на новых местах [22, с. 372]. Аналогичной точки зрения по данному вопросу придерживались и местные комитеты Тамбовской, Курской, Воронежской губерний, активное давление со стороны которых привело уже в 1903 г. к изменению общего вектора переселенческой политики. Немаловажным фактором, определившим эти трансформации, стало противоборство министерства финансов, возглавляемого С.Ю. Витте, продолжавшего настаивать на принципах переселенческой политики, провозглашенных КСЖД, и министерства внутренних дел под руководством В.К. Плеве, требовавшим увеличения размера ссуд, чтобы привлечь к переселению «неимущих лиц, не могущих пристроиться на родине» [20, л. 132]. В конечном итоге, победила линия Плеве, что на практике означало: переселенцы должны отбираться преимущественно из безземельного, малоземельного и экономически слабого крестьянства; главным территориальным источником переселенческого движения признавался Центрально-Чернозёмный регион, где концентрировалась наибольшая часть неимущего земледельческого элемента. Подобный подход к решению переселенческого вопроса в полной мере воплотился в Правилах 6 июня 1904 г., которыми была отменена обязанность иметь разрешение на переселение от местных властей.

Целенаправленной реализации правительственных планов в области крестьянских переселений помешали обстоятельства объективного порядка. Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война существенно ограничила возможности переселенческого движения. В сентябре 1905 г. Переселенческое управление было передано из ведомства МВД в компетенцию Главного управления землеустройства и земледелия, сосредоточившего своё внимание на проблемах упорядочения землепользования сибирских крестьян и создания специального колонизационного фонда для привлечения в дальнейшем к переселению широких крестьянских масс из европейских губерний России.

Одним из важных показателей отношения властных структур к переселенческому движению в различные его периоды являлась практика оказания ссудной помощи мигрантам из европейских губерний России. Опыт ссудных вспомоществований крестьянам, переселяющимся в Сибирь, своими корнями уходит в 1840–1850-е гг., когда началась осуществляться выдача безвозвратных пособий переселенцам, на основании «Устава о благоустройстве в казенных селениях» [21, л. 3 об].

Однако после реформы 1861 г., в контексте политики сдерживания переселений за Урал, правительство сначала ограничило выдачу вспомоществований мигрантам, а с 1866 г. вообще прекратило предоставление всех видов пособий, оговоренных законодательством для крестьян, направляющихся в Сибирь, из средств государственного казначейства [1, с. 100].

В начале 1880-х гг. с усилением переселенческого потока необходимость материальной помощи мигрантам, направлявшимся в Сибирь, становилась все очевидней. Ярким свидетельством, характеризующим общий взгляд властей на организацию переселенческого движения, стали размеры кредитов, выделяемых МВД на оказание помощи переселенцам. Так, в 1884 г. на переселение было отпущено 40 тысяч рублей, а в период с 1885 по 1889 г. кредит был сокращён до 20 тысяч рублей в год [17, с. 250]. Сокращение кредитов на переселенческое дело преследовало вполне определённую цель: в условиях геометрически прогрессирующего роста несанкционированных переселений (1885 г. – 1 277 семей; 1886 г. – 5 490; 1887 г. – 9 094; 1888 г. – 13 109) [5, л. 26] обеспечить ссудами только ту часть крестьянства, которая направлялась в Сибирь, имея проходные свидетельства, продемонстрировав тем самым самовольным переселенцам пагубность и бесперспективность их намерений. Подобное отношение властных структур к ссудной практике в полной мере отразилось и в Переселенческом законе 1889 г., из опубликованного варианта которого статьи, касающиеся ссуд, были извлечены.

Оказание ссудной помощи переселявшемуся в Сибирь крестьянству приобрело регулярный характер в 1890-х гг. В 1891 г. циркуляром Министерства внутренних дел была определена предельная норма ссуды на первоначальное обзаведение, при-

обретение рабочего скота и земледельческих орудий: 200 рублей [17, с. 251]. Наконец, на рубеже 1891/1892 гг., правительство ввело ссуды на путевые нужды переселенцев (от 20 до 30 рублей на семью), а также продовольствие и обсеменение полей (25–30 рублей), выдаваемых из фондов губернского продовольственного капитала [23, л. 10 об.-11].

С учреждением Комитета по строительству Сибирской железной дороги и аккумуляции им дополнительных средств ежегодные ассигнования на переселенческие нужды постоянно увеличивались: в 1894 г. они составляли 300 000 рублей; в 1895 г. – 546 000 рублей, а к 1900 г. достигли 1 400 000 рублей [24, с. 21–25].

В дальнейшем политика ссудной поддержки крестьян, высявшихся из Европейской России, сохраняя определенность в первой половине 1890-х гг. контуры, переживала стадию систематизации и уточнения, с учётом колебаний в размерах переселенческого движения, а также включения в колонизационный фонд новых районов Сибири, что нашло воплощение в правилах 1896, 1899 и 1903 гг.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что переселенческая политика правительства в рассматриваемый хронологический промежуток 1861–1905 гг. включала в себя последовательно четыре периода: 1861–1881; 1881–1892; 1892–1896 и 1896–1905 гг.

Деятельность центральных властей в первый период не отличалась организационной стройностью. Не поддающиеся утилитарной логике колебания в переселенческом движении ставили перед центральными и региональными органами власти трудновыполнимую задачу осуществления контроля за переселениями в условиях отдалённости и инфраструктурной неосвоенности колонизируемого региона. В соответствии с данным подходом, законодательная деятельность центральной власти по вопросам, касающимся переселенческого движения, ограничивалась установлениями общего характера, отражёнными в Манифесте 19 февраля 1861 г. и указах 1870-х гг., признававших переселения крестьян постфактум.

Начало второго периода ознаменовалось активизацией крестьянских переселений на общем фоне проявившихся кризисных явлений в аграрном секторе Европейской России. В условиях нового контекста изменились и некоторые правительственные подходы к оценке переселенческого движения, проявившиеся в попытках определения наиболее адекватного контингента переселяющихся и организации статистических обследований крестьянских хозяйств, водворившихся в Зауралье. Разработка Временных правил о переселении в 1881 г. и принятие Переселенческого закона в 1889 г. свидетельствовали о политической готовности правительственных органов взять переселенческое движение под контроль, признав тем самым задачу колонизации общегосударственной.

Строительство Транссибирской магистрали и учреждение КСЖД привело к дальнейшему развитию наметившихся в предшествующий период принципов реализации государственной переселенческой политики. Однако деятельность КСЖД не была лишена противоречий. Провозглашённый ещё в 1893 г. тезис о необходимости привлечения к переселению преимущественно лиц земледельческого сословия, достигших на родине прочного имущественного положения, в практической плоскости опровергался материальной неподготовленностью переселенцев к скорейшему обустройству и адаптации в Сибири. Попытки урегулирования данной проблемы путём ссудных мероприятий в условиях продолжающегося строительства железной дороги и расходов, связанных с ним, оказались тщетными.

Подходы к осуществлению переселенческих мероприятий вновь изменились в период с 1896 по 1905 г. В деятельности

правительства, осуществляемой через Главное переселенческое управление, достаточно чётко начала проследившаяся общая тенденция: подчинение переселенческого движения потребностям решения аграрного вопроса в европейской части страны и, в особенности, в её Центрально-Чернозёмном регионе. В оценке правительством вариантов возможного урегулирования аграрного кризиса, таких как интенсификация сельского хозяйства, привлечение крестьянства к участию в местных и отхожих промыслах, аренда частновладельческих и наделных земель и, наконец, переселение на восточные окраины страны, возобладало убеждение, что наиболее эффективным способом преодоления кризиса в сельском хозяйстве может стать только легальное переселение в Сибирь неимущего земледельческого элемента при материальной поддержке и опеке со стороны государства. Волнения крестьян Европейской России в 1902 г., а также активное лоббирование в местах выхода переселенцев губернскими по крестьянским делам присутствиями идеи о высылении на окраины малоземельного и безземельного крестьянства, поддержанной МВД, ещё более укрепили правительство в правильности выбранного курса, составившего впоследствии основу столыпинской переселенческой политики.

Эффективным средством поддержки переселенческого движения в Сибирь в 1861–1905 гг., особенно на стадии водворения и обустройства, явилась практика ссудной помощи мигрантам. Своевременно полученная крестьянским хозяйством ссуда позволяла, соединив привезённые деньги с пособием, «дотянуть» до первого урожая, не прибегая к частным кредитам. Вместе с тем частые колебания во взглядах и решениях правительства по вопросу переселенческого движения от запретительных к разрешительным мероприятиям лишали ссудную политику цельности, а традиционно низкая пластичность региональной бюрократии, потенциально не способной к быстрому восприятию решений центральной власти, касающихся ссудной помощи, снижала действенность мер по экономической поддержке переселенцев.

Характеризуя в целом роль Российского государства в организации переселенческого движения в Сибирь в пореформенный период (1861–1905 гг.), можно выделить ряд фундаментальных особенностей данного процесса.

Сложившийся в России в течение продолжительного исторического отрезка опыт внутренней колонизации, с присущей данному процессу высокой степенью миграционной мобильности крестьянства, предопределил регулярное участие центральной власти в переселенческом деле.

Решение властными структурами комплекса аграрных проблем общероссийского масштаба исторически характеризовалось неопределённостью и непоследовательностью, что наложило отпечаток и на реализацию переселенческой политики. В отношении зауральных пространств осуществление отдельных элементов аграрной политики (в частности, реализации программы крестьянских переселений) значительно корректировалось объективными обстоятельствами: территориальной отдалённостью региона и отсутствием отработанных навыков взаимодействия центральной и региональной властей.

Изменения переселенческой политики правительства находились в тесной связи с текущими аграрными проблемами в Европейской России, что, безусловно, было следствием долговременной традиции отечественной государственности. В конечном итоге политические решения правительственных органов, ответственных за переселенческий процесс, оказались направлены в сторону урегулирования сиюминутного вопроса – преодоления крестьянского малоземелья в европейской части страны в ущерб экономическому освоению колонизируемого региона.

Библиографический список

1. Симонова, М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1970; Брусникин, Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века // Вопросы истории. – 1965 – № 1; Фёдорова, Е.Д. Переселенческая политика царизма в конце XIX – начале XX вв. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв.: сб. науч. статей. – Иркутск, 1987; Худяков, В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. – Новосибирск, 1988; Островский, И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. – Новосибирск, 1991.
2. Ставровский, Я.Ф. Переселения в Сибирь / Я.Ф. Ставровский, В.В. Алексеев. – СПб., 1906.
3. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 26. Оп. 5. Д. 1-а.
4. Государственный архив Воронежской области. Ф. 26. Оп. 16. Д. 167.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 394.
6. Серповский, Н.А. Переселения в России в древнейшее и новое время и их значения в хозяйстве страны. – Ярославль, 1885.
7. Вернер, И. Курская губерния. Итоги статистического исследования. – Курск, 1887.
8. Гурвич, И.А. Переселения крестьян в Сибирь. – СПб., 1888.
9. Пешехонов, А.В. Земельные нужды деревни // Русское богатство. – 1903. – № 11.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 10.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 31.
12. Витте, С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его императорскому Высочайшему великому князю Михаилу Александровичу в 1900 – 1902 гг. – СПб., 1912.

13. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1011.
14. Воронежская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
15. Тихонов, Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. – 1977. – № 1.
16. Кауфман, А.А. Сибирские переселения на исходе XIX века. – СПб., 1901.
17. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Приложение: Диаграмма движения переселенцев из Европейской России в Сибирь. – СПб., 1900.
18. Пронин, В.И. Роль государства в развитии производительных сил Сибири конца XIX – начале XX вв. // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования / под. ред. В.А. Зверева. – Новосибирск, 2002.
19. Огановский, Н.П. Народное хозяйство Сибири. – Б.м., 1922.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 59.
21. Государственный архив г. Тобольска. Ф. 580. Оп. 1. Д. 327.
22. Орловская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
23. Государственный архив г. Тобольска. Ф.332. Оп.1. Д.153.
24. Кауфман, А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905.

Bibliography

1. Simonova, M.S. Pereselencheskiy vopros v agrarnoy politike samodержaviya v konce KhKh – nachale KhKh vv. // Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropi. – М., 1970; Brusnikin, E.M. Pereselencheskaya politika carizma v konce KhKh veka // Voprosi istorii. – 1965 – № 1; Fyodorova, E.D. Pereselencheskaya politika carizma v konce KhKh – nachale KhKh vv. // Politika carizma v Sibiri v KhKh – nachale KhKh vv.: sb. nauch. statey. – Irkutsk, 1987; Khudyakov, V.N. Agrarnaya politika carizma v Sibiri v poreformennyi period. – Novosibirsk, 1988; Ostrovskiy, I.V. Agrarnaya politika carizma v Sibiri perioda imperializma. – Novosibirsk, 1991.
2. Stavrovskiy, Ya.F. Pereseleniya v Sibiri / Ya.F. Stavrovskiy, V.V. Alekseev. – SPb., 1906.
3. Gosudarstvenniy arkhiv Tambovskoy oblasti. F. 26. Op. 5. D. 1-a.
4. Gosudarstvenniy arkhiv Voronezhskoy oblasti. F. 26. Op. 16. D. 167.
5. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv. F.1273. Op.1.D.394.
6. Serpovskiy, N.A. Pereseleniya v Rossii v drevneyshie i novoe vremya i ikh znacheniya v khozyaystve stranii. – Yaroslavl, 1885.
7. Verner, I. Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskogo issledovaniya. – Kursk, 1887.
8. Gurvich, I.A. Pereseleniya krest'yan v Sibiri. – SPb., 1888.
9. Peshekhonov, A.V. Zemelniiye nuzhdy derevni // Russkoe bogatstvo. – 1903. – № 11.
10. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv. F. 1233. Op. 1. D. 10.
11. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv. F.1149. Op.12. D.31.
12. Vitte, S.Yu. Konspekt lektsiy o narodnom i gosudarstvennom khozyaystve, chitaniykh Ego imperatorskomu Vihsochestvu velikomu knyazu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900 – 1902 gg. – SPb., 1912.
13. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv. F. 391. Op. 1. D. 1011.
14. Voronezhskaya guberniya. Tрудih mestnikh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. – SPb., 1903.
15. Tikhonov, B.V. Pereselencheskaya politika carskogo pravitel'stva v 1892–1897 gg. // Istoriya SSSR. – 1977. – № 1.
16. Kaufman, A.A. Sibirskie pereseleniya na iskhode XIX veka. – SPb., 1901.
17. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshim pereselencheskim voprosom. Prilozhenie: Diagramma dvizheniya pereselencev iz Evropeyskoy Rossii v Sibiri. – SPb., 1900.
18. Pronin, V.I. Rol' gosudarstva v razvitiy proizvoditelnykh sil Sibiri konca KhKh – nachale KhKh vv. // Moya Sibir: voprosi regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya / pod. red. V.A. Zvereva. – Novosibirsk, 2002.
19. Oganovskiy, N.P. Narodnoe khozyaystvo Sibiri. – Б.м., 1922.
20. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv. F. 1642. Op. 1. D. 59.
21. Gosudarstvenniy arkhiv g. Tobol'ska. F. 580. Op. 1. D. 327.
22. Orlovskaya guberniya. Tрудih mestnikh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. – SPb., 1903.
23. Gosudarstvenniy arkhiv g. Tobol'ska. F.332. Op.1. D.153.
24. Kaufman, A.A. Pereselenie i kolonizatsiya. – SPb., 1905.

Статья поступила в редакцию 14.03.12

УДК 947

Kuprianova I.V. OLD BELIEVERS OF ALTAI IN THE COURSE OF LIBERALISATION OF THE RELIGIOUS LEGISLATION AND ADMINISTRATIVE PRACTICE OF THE END BY XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURIES. In work processes of change of a legal status of Old Believers of Altai in connection with adoption of law of 1883 «About the rights of Old Believers» are described; practical application of the new legislation in the relation civil the rights and religious life of Old Believers is considered; the role of provincial administration and diocesan management of Russian Orthodox Church in these processes reveals.

Key words: Old Believers of Altai, the legislation on Old Believers, the Edinoverie, the compelled transition of Old Believers in Edinoverie, the law on May 3, 1883 and its interpretations, the civil rights of Old Believers, relationship of Old Believers with dominating church.

И.В. Куприянова, канд. ист. наук, доц. АлтГАКИ, г. Барнаул, E-mail: irinak-63@mail.ru

СТАРООБРЯДЧЕСТВО АЛТАЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В работе описаны процессы изменения правового положения старообрядцев Алтая в связи с принятием закона 1883 года «О правах старообрядцев»; рассматривается практическое применение нового законодательства в отношении гражданских прав и религиозной жизни старообрядцев; раскрывается роль губернской администрации и епархиального управления Русской Православной церкви в этих процессах.

Ключевые слова: законодательство о расколе, старообрядцы, Единоверие, вынужденный переход старообрядцев в единоверие, закон 3 мая 1883 года и его интерпретации, гражданские права старообрядцев, взаимоотношения старообрядцев с господствующей церковью.

На основе проведенных исследований нами выявлены особенности интерпретации законодательства о старообрядцах на Алтае, как самими старообрядцами, так и губернской администрацией и Русской православной церковью; показаны методы епархиального духовенства в его борьбе с старообрядцами и меры его ответного противодействия.

В конце XIX в. – начале 1900-х гг. правовое положение старообрядцев регламентировалось специальным законоположением, разработанным в процессе общей либерализации внутриполитической жизни пореформенной России. Основу его составили два закона: от 19 апреля 1874 г., и от 3 мая 1883 года. Первый из них – «О метрической записи браков, рождений и смерти раскольников», признавал законность браков, совершенных по старым обрядам, при условии занесения их в специальные метрические книги. В этих же книгах должны были регистрироваться рождения и смерти старообрядцев [1]. Вторым – «О правах раскольников» – расширял их гражданские права и определял границы возможного в сфере религиозно-общественной жизни [2]. Новые законы лишь частично отменяли законодательство предшествующего периода, ряд моментов которого все же сохранялся и продолжал действовать.

В развитие обоих законов были приняты различные дополнения: Высочайшие повеления, решения Правительствующего Сената, циркуляры Министра Внутренних Дел, определения и указы Святейшего Синода. Все эти установления подверглись кодификации и включению в разделы Свода законов Российской империи, таких, как Свод Губернских учреждений, Свод законов гражданских, Устав строительный, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Установления уголовного судопроизводства, Уложение о наказаниях.

Принятие законов о старообрядцах можно рассматривать, с одной стороны, как серьезный прорыв, особенно в сравнении с законодательством предшествующего периода. Прогрессивный юрист и журналист Н. Г. Кувайцев писал: «...даровано старообрядчеству перестало быть пугалом правительства и господствующей церкви: этот „бунтующий“, упрямый и непокорный мир... наконец, признан истинным сыном отечества, равноправным в сфере государственной с остальными подданными царства русского» [3, с. 770-771]. С другой стороны, считать эти законы удовлетворяющими интересы старообрядчества, безусловно, не приходится.

Сформированное в начале периода контрреформ, в ходе борьбы реакционных и прогрессивных сил русского общества, старообрядческое законоположение конца XIX века отражало всю сложность и противоречивость происходивших в стране политических процессов. Большую роль в продвижении идеи гражданских свобод для старообрядцев сыграла либеральная общественность и либерально-демократическая пресса последней четверти XIX века, объединявшая старообрядчество и сектантство в одну, наиболее бесправную категорию «религиозных отщепенцев». В 1883 г. А. С. Пругавин отмечал: «В последние годы вопрос о расколе или сектантстве пользовался, можно сказать, особенным вниманием русского общества» [4, с. 64].

В защиту старообрядчества, с требованием предоставления ему гражданских прав, а также с материалами, освещающими его историю и жизнедеятельность в позитивном ключе, выступали различные общественные силы, как умеренные, так и радикальные: крупные писатели, журналисты, политические ссыльные, правоведы, путешественники, этнографы: Н.С. Лесков, И.С. Аксаков, А.С. Суворин, Н.П. Гиляров-Платонов, А.С. Пругавин, И.Г. Прыжов, И.И. Юзов, А.Л. Боровиковский и др. [5; 6; 7; 8; 9] Заявленная этими авторами позиция имела некоторую поддержку в лице Государственного Совета. Им противостояли представители реакционно-охранительного направления: министр внутренних дел Д.А. Толстой, последовательный противник старообрядчества обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, а также духовенство РПЦ и профессора духовных академий (прежде всего, Н.И. Субботин). Эти влиятельные консервативные силы под давлением общества были вынуждены пойти навстречу его требованиям и ожиданиям в вопросе улучшения гражданского положения старообрядчества. Но при этом они стремились минимизировать предоставляемые ему «облегчения», чтобы сохранить приоритет и интересы господствующей церкви [10; 11]. При рассмотрении представления Министерства внутренних дел о даровании прав раскольникам Объединенными Департаментами Законов и Гражданских Духовных дел было определено, что речь идет всего лишь об «ослаблении, в пределах благоразумной возможности, тех исключительных постановлений, которым подчинены у нас последователи раскола». Дальнейшие шаги в данном направлении, как бы ни были они жела-

тельны для правительства, «представляются ныне невозможными»: это означало бы «ставить в равные условия свободы» с православной церковью учения, «прямо ей враждебные», и тем самым «дать им в руки новое орудие для борьбы» с ней, в то время как «верховная власть является защитником догматов господствующей веры» [12, с. 8].

Вследствие этого законодательство о старообрядцах носило противоречивый, половинчатый характер, который был отмечен и проанализирован современниками. Критика новых законов была направлена, прежде всего, на их «неразработанность, неясность, недосказанность», которые неизбежно и самым тягостным образом должны были отразиться на повседневной жизни старообрядцев. В частности, анализируя еще только готовившийся закон о метрических книгах, известный юрист А.Л. Боровиковский указал на серьезный недостаток, ограничивавший его практическое применение, а именно: он распространялся только на так называемых раскольников «от рождения», которые имели родителей, записанных раскольниками, не были крещены по православному обряду и никогда не принимали таинств православной церкви; в этом они должны были предоставлять свидетельство от епархиального причта. В противном случае они считались «заблудшими чадами православной церкви», «совратившимися», или «уклонившимися» в раскол, что само по себе было категорически запрещено, а заключаемые ими браки не подлежали записи в раскольничьи метрические книги и не считались законными в гражданском отношении. Данный закон не распространялся также на тайных раскольников, «исполняющих обряды православия лишь для видимости», которых во всей империи насчитывалось порядка нескольких миллионов [13, с. 156-157]. Таким образом, под действие закона о метрических книгах не подпадала значительная часть старообрядцев.

В комментариях к закону 1883 года Н.Г. Кувайцев, подразделяя его содержание на гражданскую и религиозно-общественную части, попытался определить его полезность старообрядцам, и пришел к следующему выводу: если закон существенно расширял их права в гражданском отношении, давая возможность получать паспорта, заниматься торговлей и промыслами, занимать некоторые общественные должности и др., что, впрочем, по факту дозволялось и ранее, – то в вопросах религиозного культа данных им прав оказывалось явно недостаточно. Главная проблема состояла в том, что закон, признавая за ними право отправления духовных треб и совершения богослужений по их обрядам, чрезвычайно затруднял его практическое применение посредством многочисленных недомолвок и ограничений [3, с. 770-780].

Так, например, старообрядцам разрешалось иметь здания, специально предназначенные для общественных молитв, богослужения, совершения духовных треб, с условием, чтобы им не придавался вид православного храма: наружные кресты и иконы, кроме небольших надгробных, а также внешние колокола не разрешались [2, с. 220]. В разъяснениях говорилось: «...не возбраняется делать призыв к общественной молитве тем или другим способом, кроме колоколов; поэтому устройство при молитвенном здании столбов, заменяющих собою колокольню с повешенной на них железною рельсою для звона к сбору молящихся, не может быть воспрещено раскольникам» [14, с. 87]. Строить новые молитвенные здания старообрядцам не разрешалось, но предоставлялось право «обращать для общественного богомоления существующие здания», а также «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, с тем, чтобы внешний вид исправляемого или возобновляемого строения не был ни в чем изменяем» [2, с. 220]. Например, покрытие новым тесом крыши часовни, обшивка, укрепление углов здания и другие подобные поновления не считались починкой, так как меняли «внешний вид здания» [14, с. 87]. В любом случае на проведение каких бы то ни было работ требовалось специальное разрешение губернатора, под страхом наказания и разборки самовольно построенного молитвенного здания.

За старообрядческими справщиками треб и духовными лицами – священниками, наставниками, уставщиками, дяками, монашествующими, – не признавалось звания или сана: они не имели права публично носить монашеское, архиерейское и священническое облачение, считались принадлежащими к тем слоям, в которых состояли. (Поэтому, в отличие от православного духовенства и монашества, они подлежали призыву в армию и участвовали в войнах: русско-японской и Первой мировой). Также запрещались организация и возобновление скитов и монастырей, открытие церковно-приходских и прочих школ, распространение старообрядческой литературы. Категорически запрещалось «публичное оказательство» и пропаганда рас-

копа [2, 220]. Таким образом, можно видеть, что в области отправления духовных треб закон «О правах раскольников» значительно больше запрещал, чем разрешал.

Из всех старообрядческих согласий в наилучших правовых условиях находились единоверцы. С точки зрения каноничности единоверие рассматривалось ведомством святейшего Синода как церковь, исповедующая догматы христианской веры «в духе и истине вселенского православия», но содержащая некоторые обряды «с отступлением от общепринятого на всем православном востоке церковного чина». Поскольку, как говорилось в определении Синода, клятвы Московского собора 1667 г. положены не на обряды, содержимые приемлющими единоверие, а на тех, кто, из пристрастия к этим обрядам, отделяется от православной церкви, считая ее еретической, — то единоверцы не причислялись к раскольникам, в отличие от которых именовались «старообрядцами». Таким образом, подчеркивалось, что коренных, догматических расхождений между единоверием и господствующей церковью нет, а есть только незначительные различия, обусловленные приверженностью единоверия к старым обрядам русского дораскольного православия [15, с. 194-198].

Положение единоверия было таково, что, считаясь самостоятельной старообрядческой конфессией, оно при этом фактически являлось частью РПЦ: ортодоксальные единоверцы прямо заявляли, что «Православие и Единоверие составляют одну церковь» [16, с. 142]. Вместе с тем, единоверие было открыто для вступления в него только для старообрядцев и вообще лиц, не принадлежащих к господствующей церкви; например, принимать духовные требы от единоверческих священников «сынам православной церкви» было разрешено только в исключительных случаях. По правилам, установленным в 1800 г. и дополненным в 1881 г., единоверцам позволялось иметь у себя церкви и священников, рукоположенных от епархиального архиерея, для отправления службы по старопечатным книгам; разрешено было и двуперстие. При этом единоверие мыслилось Синодом исключительно в состоянии тесной связи, «любви и соединения» с РПЦ, то есть, под ее полным контролем [15, с. 194-198]. Поэтому старообрядцы других конфессий смотрели на единоверие недоверчиво, считая его ересью.

Законоположение конца XIX — первых лет XX века справедливо оценивается исследователями как ущербное и недостаточное, не обеспечившее кардинальных перемен к лучшему в положении старообрядчества, которое по-прежнему оставалось вероисповеданием, лишь «терпимым в государстве». По отношению к большинству старообрядцев сохранялись обидные для них определения: «раскольники», «сектаторы», «религиозные фанатики». Буква и дух законодательства не только не делали существенного различия между ересью и расколом, но и отождествляли их как лжеучения, повреждающие православие. Стремление сохранить исключительное положение господствующего вероисповедания лишало законоположение о старообрядчестве современного звучания, консервируя устарелые, не соответствующие духу времени представления и определения.

Последствия проведения в жизнь законоположения о старообрядцах оцениваются неоднозначно. Старообрядческий начетчик и писатель Ф.Е. Мельников считал период после опубликования закона 1883 г. «мрачным временем» новых гонений, когда над старообрядчеством повсеместно «совершались еще более чудовищные насилия», чем ранее [16, с. 375]. Отчасти эта оценка подтверждается новейшими исследованиями, в которых приводится множество примеров лишения старообрядцев даже той скромной толики прав, которая им полагалась по этому закону. Алтай не был исключением; старообрядчество здесь подвергалось всевозможным притеснениям: закрывались — «запечатывались» — часовни и молельные дома, даже те, что были открыты с разрешения начальства; наиболее активные представители старообрядчества арестовывались, подвергались судебному-следственному разбирательству, тюремному заключению, высылке; при этом особенно жестко преследовались старообрядческие священники, наставники и начетчики; насильственно расторгались как незаконные старообрядческие браки [17, с. 22].

Таким образом, причину преследований старообрядцев нужно искать не столько в самом законодательстве, сколько в его невыполнении, а также в произволе местных властей: при всей недостаточности и противоречивости оно все же обеспечивало старообрядчеству некоторые сравнительные преимущества. Ф.Е. Мельников считал, что «жуткое положение старообрядцев» в этот период по возможности облегчали Сенат, с его беспристрастными судебными решениями по старообрядческим кассациям, а также некоторые «правительственные круги и верхи»,

именно потому, что все они придерживались «буквы и смысла закона 3 мая 1883 г.» [16, с. 380].

В провинциях, особенно удаленных от центра окраинах, законодательство как таковое лишь частично определяло положение старообрядчества, которое во многом оно зависело и от позиции местных властей — гражданской и духовной, задачи которых в данном вопросе явно не совпадали. Администрация Томской губернии, с одной стороны, формально должна была придерживаться существующих законоположений, тем более что губернаторы, вместе с полицейско-административным аппаратом, обязаны были «всею предоставленною им властью содействовать Православному духовному начальству в охранении прав Церкви и незыблемости самой веры». В отношении раскола главной задачей ставилось недопущение его распространения между населением губернии. Поэтому властям на местах предписывалось пресекать его пропаганду, которая приравнивалась к уголовному преступлению; наказание предусматривалось от 8 месяцев до 4 лет тюрьмы; при третьем задержании полагалась отдача в арестантские роты [18, с. 28-29].

С другой стороны, нельзя было не учитывать того обстоятельства, что многочисленное старообрядческое население юга Томской губернии являлось весьма полезным в административно-хозяйственном отношении, осуществляя разнообразную деятельность, без которой не могла обходиться экономика края. Старообрядцы активно занимались торговлей и сельским хозяйством — земледелием, скотоводством, пчеловодством, мараловодством, различными промыслами, извозом, заводили кустарную сельскую промышленность; крестьяне-старообрядцы были, как правило, наиболее зажиточными, исправно выплачивая налоги. Таким образом, обходиться с ними следовало разумно, избегая чрезмерных гонений и притеснений, чтобы не вынуждать их к таким мерам, как миграция в еще более отдаленные районы Сибири, и даже за пределы Российской империи (что было вполне возможно ввиду близости границ); не говоря уже о том, что полиция обязана была не допускать покушений старообрядцев на свою или чужую жизнь, то есть, самосожжений. Вероятно, поэтому давление на старообрядцев со стороны гражданских властей все же имело свои пределы.

Более того: есть основания полагать, что на неофициальном уровне признавалось возможным делать для старообрядцев удаленных окраин некоторые послабления, для того, чтобы использовать их труд в интересах экономического развития этих территорий. Так, например, при обсуждении Объединенными Департаментами закона 1883 г. было заслушано заявление Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова о местных раскольниках, которых он характеризовал как «элемент наиболее способный поднять уровень экономического благосостояния Кавказа, и притом на тех его окраинах, которые находятся в наименее выгодных для сего условиях». Ввиду особого значения этого населения для края администрация старалась «оградить раскольников от всяких стеснений, как в общегражданских правах, так и относительно отправления обрядов вероучения»: сообщалось, что уже 50 лет старообрядцы пользовались здесь льготами, значительно превосходящими те, которые предполагалось даровать в новом законе; поэтому Дондуков-Корсаков просил не распространять его на Кавказ.

Показательна реакция Департаментов, которые нашли, что официально признавать «подобное изъятие» нет необходимости: если даже при прежних, «довольно строгих о сих людях» узаконениях главные начальники Кавказа находили возможность допускать послабления для раскольников, то тем более такая практика не может измениться при новых, «облегчительных правилах», которые «не могут служить препятствием к дальнейшему проявлению подобной же снисходительности» [12, с. 9-10]. Таким образом, правительство не только не порицает уже сделанных старообрядцам «послаблений», но фактически дает администрации Кавказа карт-бланш на продолжение этой «снисходительности».

Подобными мотивами к ограждению старообрядчества «от стеснений» могли руководствоваться главы других, нуждавшихся в экономическом развитии, территорий, и так же могли полагаться от правительства неофициальное поощрение, или же действовать в этом направлении самостоятельно. В литературе отмечено, что эта тенденция «усиливалась по мере удаления от столицы» [11], следовательно, должна была присутствовать в Сибири, где старообрядцы выполняли по сути ту же функцию, что и на Кавказе, только в еще более сложных климатических условиях.

Большую роль в деле освоения Сибири, по замечанию С.В. Максимова, сыграло свойство раскола стимулировать в

сибирском населении «подвижность, бродяжничество»: люди искали для своего проживания возможно более глухих, уединенных мест. Вследствие этого образовывались населенные пункты там, где они иначе не могли бы возникнуть, поскольку русские земледельцы и промышленники обычно не селились в высокогорных, экстремальных по своим условиям и трудных для обитания районах [19, с. 263]. У старообрядцев же еще с XVIII века сформировалась эффективная стратегия выживания, создания системы жизнеобеспечения и освоения этих сложных территорий, вовлекавшая их в сферу экономики края, что, безусловно, способствовало их хозяйственному развитию [20; 21; 22.]. Колонизаторская деятельность старообрядцев расширяла страну «до необъятных пределов» [23, с. 439-440]. Причем в конце XIX – начале XX вв. процессы освоения новых территорий все еще продолжались.

Таким образом, позиция гражданской власти, по-видимому, состояла в том, чтобы соблюдение текущего законоположения не противоречило задачам управления; возможно, имело место и желание не отстать от «моды века», то есть, не выглядеть в глазах общественного мнения (которое было на стороне старообрядцев) ретроgrадами, «гонителями старины» и душителями религиозного инакомыслия. Поэтому по отношению к алтайскому старообрядчеству проявлялась вынужденная «административная терпимость» [3, с. 771].

В ведении светской власти находилась практическая работа по наделению старообрядцев гражданскими правами: в период, последовавший за принятием закона 1883 г., администрацией были сделаны некоторые шаги в этом направлении. Однако многие из вновь предоставленных им прав они уже по факту имели и ранее: по сообщению Д. Н. Беликова, еще в 1860-1870-е гг., а по всей вероятности и ранее, старообрядцы избирались в волостные правления, занимали должности волостных и сельских старост [23, с. 157-158]. Право заниматься торговлей и промыслами тоже запоздало: этими видами деятельности, в тех формах, в каких они сложились на Алтае, старообрядцы здесь занимались издавна. Наиболее известные купцы из старообрядцев Уймона – братья Ошлаковы, которые не только вели обширную торговлю по всему Алтаю, но и выезжали на Ирбисскую ярмарку [23, с. 156-157]. Право вступать в иконописные цехи на Алтае было невозможно реализовать, по причине отсутствия здесь таковых.

Единственное, новое для них, право, которым старообрядцы начали пользоваться – отказ от присяги: закон освобождал от этой обязанности тех, кто «по своему вероучению не приемлют присяги»; в этом случае у них отбиралась подписка «в добросовестном исполнении принимаемых ими на себя обязанностей» [12, с. 36]. Староверы были уверены в том, что присяга – ересь, оскорбляющая Бога: «клясться Богом нельзя вправду и без правды» [24, с. 112]; к тому же к присяге их приводили, хотя и на старопечатном евангелии, но в православных храмах. Естественно, получив такую возможность, они массово стали отказываться присягать; попутная выгода была та, что их перестали привлекать к судебно-следственным делам, поскольку судебным следователям подписка не могла заменить присяги.

Наиболее существенными и ожидаемыми от закона 1883 г. для старообрядцев были не столько перемены в их гражданском статусе, сколько возможности отправления религиозного культа, главным из которых было право на открытие моленных домов. Для реализации данного установления община поручала своему уполномоченному заказать проект на строительство моленного дома, или, точнее, перестройку – «приспособление» частного жилого дома под моленную. Проект обычно содержал чертежи фасада, плана, одного или двух разрезов – долевого и поперечного, с обозначением внутренних стен, дверных и оконных проемов, печей, крыльца, декоративных элементов. Проект направлялся на рассмотрение в Строительное отделение Томского губернского управления и в случае одобрения осуществлялся на месте.

Таким образом, вопросы, связанные с религиозной стороной жизнедеятельности старообрядцев, также были в ведении администрации, но к ним подключалась уже и духовная власть, которая претендовала здесь на первенство. Мотивы, которыми она руководствовалась – озабоченность сохранением своего положения господствующего вероисповедания, нечувствительность к общественному мнению и крайняя нетерпимость к старообрядчеству: если светская власть проявляла в отношении к старообрядцам известную гибкость, то ждать компромиссов от РПЦ им не приходилось. Ф.Е. Мельников, хорошо знавший положение вещей, утверждал: «Если бы в России в это время господствовала и вершила всеми делами великой страны одна лишь синодальная власть, то старообрядцам снова пришлось

бы бежать в леса и горы, на далекие окраины и за всякие рубежи, как это было в XVII столетии» [16, с. 379-380].

По новому законоположению, господствующей церкви отводилось по отношению к старообрядцам немало полномочий: «духовное начальство» имело право требовать предварительного следствия в отношении фактов «совращения в раскол» – преступлением считался не только результат, но и процесс, – а судебный следователь, со своей стороны, был не вправе отказать от производства. Однако эти полномочия могли быть применены духовенством РПЦ только при поддержке светской власти. Между тем, священники постоянно жалуются на то, что администрация и полиция стали слишком много позволять раскольникам: многие из них не записывают в метрические книги свои браки и новорожденных детей, хоронят умерших не так, как следует – без положенного отпета и на своих инициированных кладбищах, а гражданские власти «о сем как бы ничего не знают и знать не хотят». Не привлекают их внимания и факты неприкрытой пропаганды и «совращения» в раскол колеблющихся, нестойких в православии. Так же безнаказанно старообрядцы «при всяком случае не стесняются хулить церковь, поносить ее пастырей; кощунствовать над всем священным», так, что православные переселенцы из России «весьма удивляются их дерзости» [25, л. 168, 170 об.].

Благочинный Иоанн Смирнов в своем рапорте епископу Бийскому Макарию пишет, что вследствие бездействия властей для раскола, который «приобрел в государственной жизни какую-то особую гражданственность», наступила «дикая свобода», подобная той, что «была провозглашена только Парижской коммунной», такую «едва ли можно встретить в Американских республиках». Свобода эта не только вредит православию, но и «со временем принесет пользу одному социализму; потому что своеволие укореняется в народе и подорвет основы государственного и общественного благоустройства» [25, л. 140].

Мнения священства господствующей церкви в вопросах гражданского старообрядческого законодательства, конечно, ни в коей мере нельзя считать объективными, но само их возмущение и беспокойство свидетельствует о том, что в положении старообрядчества наступают некоторые позитивные перемены. Осуждая светскую власть за бездействие, сами они при этом имели все возможности создавать староверам всяческие затруднения. Дело в том, что большая часть старообрядцев Алтая формально таковыми не являлась, а числилась православными или единоверцами, «самовольно уклонившимися в раскол, но от православия законной властью не отлученными».

Такое положение сложилось вследствие ряда причин. Часть старообрядцев являлась потомками тех, кто в начале XVIII в. не записался в раскольники, на этом основании их считали православными; другие исповедовали старую веру тайно, исполняя для виду обряды господствующей церкви, что с точки зрения закона автоматически закрепляло их за ней. Также православными считали те из старообрядцев, кто хотя бы раз принимал требы от господствующей церкви. Многие старообрядцы-беспопцы обращались в РПЦ за совершением таинства брака. Для того чтобы быть обвенчанными по православному обряду, они должны были сначала присоединиться к православной церкви: «пред венчанием надлежит обязывать брачующихся, присягою же быть в православии твердыми и с раскольниками согласия не иметь» [26, с. 3]. После заключения брака они, как правило, тут же порывали с никонианством, но в церковных документах все равно «показывались православными».

Подобных случаев было множество. Например, причт градо-Барнаульской Покровской церкви в 1885 году обратил «из секты австрийского священства к православию одно лицо мужского пола по случаю брака»; предварительно в течение двух недель ему делались «увещевания». Однако после заключения брака «обращенное лицо вскоре забыло свои обеты пребывать в послушании истинной церкви всегда, не стало показываться в храм, например, у божественной литургии, а потом священник посещал его на дому, делал ему напоминания о данных обетах, на каждом напоминании тот отвечал: «некогда ходить в церковь». Священник Снегиревской церкви сообщает, что присоединяющиеся к православию при браке, хотя и обязываются подписками, но «детей своих не крестят у православного священника и треб никаких не принимают». В рапорте Чарышского священника также говорится: «Пред браком не препятственно дают письменные обязательства пребывать неизменно в православии, детей крестить в православной вере, исповедоваться, но после брака опять принимаются за старое». Поморцы села Маслянино, по исповедным росписям числившиеся православными, скрывали от причта «всеми мерами свое уклонение в раскол», обра-

щаяся за требоисправлением к православным священниками, но тем стало известно, что они «после пересовещания своими раскольничьими попами» [25, л. 216, 247, 414]. Поскольку закон запрещал рожденным в православной вере и обратившимся к ней из других вероисповеданий отступать от нее и принимать другую, хотя бы и христианскую веру, все эти старообрядцы по церковным документам отныне и навсегда считались православными.

Таким же образом действовал закон в отношении староверов, присоединенных к единоверию. Эти обращения преимущественно носили вынужденный характер: часть староверов соглашалась на них, чтобы обрести «тихую пристань, спокойную от всех тревожений», к которой они хотели пристань, измучившись бесконечными притеснениями [27, с. 230]. Во многих случаях имело место откровенное принуждение: «стеснения местного начальства по случаю принимаемых со стороны правительства мер к прекращению старообрядчества», которые вынуждали людей на этот шаг против их желания и «без душевного расположения»: А.С. Пругавин описывает процессы насильственного перевода старообрядцев Урала в последователи православия и единоверия в очерках с характерными названиями: «Единоверцы поневоле» и «Фиктивные православные» [4]. Несмотря на то, что государство не признавало присоединенных к единоверию раскольниками, они, тем не менее, оставались таковыми по сути, и отказывались понимать, что через единоверие фактически приобщились к самой господствующей церкви. Для них также не было возможности «отписаться» назад, в раскол. Неудивительно поэтому, что духовенство РПЦ в своих рапортах и отчетах упорно именует почти всех, проживающих на территории своих приходов и благочиний, староверов «не коренными раскольниками, а уклоняющимися в раскол»: такая постановка вопроса кардинальным образом сужала поле применения раскольного законодательства.

Старообрядцы пытались бороться: после появления закона 1883 г. они стали принимать энергичные меры, чтобы отчислиться от православия и единоверия и получить официальное разрешение исповедовать старую веру, войдя, таким образом, в сферу применения положений закона, что давало возможность открыть молитвенный дом и организовать богослужения. Прошения подавались в разные присутственные места: вначале епархиальному начальству, которое, разумеется, отказывало наотрез. Тогда начинали ходатайствовать перед министром внутренних дел, иногда сразу писали на Высочайшее имя [25, л. 139,

345 об., 364 об.]. По-видимому, в этих инстанциях тоже отказывали, так как закон недвусмысленно отдавал этот вопрос на усмотрение епархиальных ведомств. Главная проблема состояла в том, что доказательств непринадлежности к православной церкви, которые требовались для того, чтобы «отчислиться» из православия, у людей, конечно, не было, и негде было их взять. Словом, «положение было ужасное, и не было никакого выхода из него» [16, с. 374].

Тем не менее, раз начавшиеся процессы стремления к большей свободе и возможности упорядочить религиозно-общественную жизнь остановить было уже непросто. Важнее законодательных инициатив государства и действий местной администрации было понимание староверами своих собственных задач, для решения которых закон 1883 г. послужил только правовой точкой: никонианское духовенство заявляло, что они самовольно присваивают себе права, которые в нем не прописаны; с этим можно согласиться. Староверы всегда хорошо понимали, как далеко они могут выйти за границы законоположения; условия глубокой периферии, с ее несколько большей свободой, им в этом способствовали: по замечанию Д. Н. Беликова, старообрядцы «жили в окрайной стране гораздо бойчее и полнее, чем их собратья где-нибудь в центральных частях России» [23, с. 156].

Впрочем, тенденция расширительного толкования закона 1883 г. была повсеместной: в Циркуляре министра внутренних дел от 30 апреля 1900 г. выражалось беспокойство о том, что старообрядцы «австрийской секты» не подчиняются установленному порядку: «именуют себя не принадлежащим им духовным званием, а некоторые из них присваивают себе сан и действия, предоставленные исключительно высшим иерархам православной церкви», появляются всюду свободно в священническом одеянии и в церковном облачении, «с целью пропаганды своих заблуждений организуют тайные братства, назначают в разные места миссионеров и издают брошюры и трактаты...», и все это — с целью создания и упрочения своей особой, «независимой от правительственной власти, раскольничьей церкви с своею самочинною епархией» [28, с. 92-94]. Хотя в циркуляре заявлялось, что подобные действия «ни в коем случае терпимы быть не могут», и предъявлялось требование к органам местной администрации «принять надлежащие меры» к их пресечению, можно с уверенностью утверждать, что процесс самовольного расширения законоположения, уже не отвечающего ни духу времени, ни реальным запросам старообрядчества, продолжался.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников // ПСЗ. — СПб., 1876. — Т. XLIX. — Отделение I. (1874).
2. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб // ПСЗ. — СПб., 1886. — Т. 3 (1883).
3. Кувайцев, Н.Г. Новые законы о раскольниках // Юридический вестник. — 1886. — № 4. — Т. XXI. — Кн. 4.
4. Пругавин, А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. — М., 1904. — Том 1.
5. Аксаков, И.С. О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии // Полн. собр. соч.: в 7 т. — М. — СПб., 1886-1887. — Т. 7.
6. Марков, С.С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865-1904 гг.). — М., 1914.
7. Пругавин, А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектанства. — СПб., 1880.
8. Прыжов, И.Г. Записки о Сибири // Вестник Европы. — 1882. — Кн. IX.
9. Юзов, И.И. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. — СПб., 1881. — Ч. 1.
10. Переписка Н.И. Субботина с К.П. Победоносцевым. 1880-1904 гг. // Марков, С.С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865-1904 гг.). — М., 1914.
11. Мельников, П.Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской Империи во второй половине XIX века // <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/13.pdf>
12. Закон 3-го Мая 1883 года о правах раскольников. — СПб., 1886.
13. Боровиковский, А.Л. О семейном праве раскольников // Журнал гражданского и уголовного права. — Изд. Санкт-Петербургского юридического общества. — СПб., 1873. — Кн. 4.
14. Устав строительный. О молитвенных зданиях раскольников // Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министерства Внутренних дел. — М., 1903.
15. Существующий взгляд ведомства святейшего Синода на единоверие и действующая практика относительно его последователей // Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министерства Внутренних дел. — М., 1903.
16. Мельников, Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. — Барнаул, 1999.
17. Иванов, К.Ю. Старообрядчество Юга Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2001.
18. Общее губернское учреждение. Ст. 298, 299 // СЗРИ. — СПб., 1912. — Т. II.
19. Максимов, С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. — СПб., 1900.
20. Горный Алтай: система жизнеобеспечения русского населения (историко-культурный аспект). — Горно-Алтайск, 2008.
21. Гуляев, С.И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости, 1845.
22. Ледебур, К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
23. Беликов, Д.Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. — Томск. — 1900. — Т. 16.
24. Среди миссионеров // Слово Церкви. — 1916. — № 5.
25. КГУ ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.

26. О вступлении в брак. Ст. 33 // СЗРИ. – СПб., 1912. – Т. X.
27. Андерсон, В.М. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. – СПб., 1905.
28. Циркуляр Министра Внутренних Дел губернаторам от 30 апреля 1900 г., № 1 // Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министерства Внутренних дел. – М., 1903.

Bibliography

1. Vihschayshye utverzhdeniye Pravila o metrisheskoy zapisi brakov, rozhdeniya i smerti raskolnikov // PSZ. – SPb., 1876. – Т. XLIX. – Otdelenie I. (1874).
2. Vihschayshye utverzhdennoe mnenie Gosudarstvenno Soveta. O darovanii raskolnikam nekotorykh prav grazhdanskikh i po otravleniyu dukhovnykh treb // PCZ. – SPb., 1886. – Т. 3 (1883).
3. Kuvaytsev, N.G. Noviye zakony o raskolnikakh // Yuridicheskiy vestnik. – 1886. – № 4. – Т. XXI. – Kn. 4.
4. Prugavin, A.S. Staroobryadchestvo vo vtoroy polovine XIX veka. Ocherki iz noveyshey istorii raskola. – M., 1904. – Tom 1.
5. Aksakov, I.S. O raskole i ob edinovercheskoy cerkvi v Yaroslavskoy gubernii // Poln. sobr. soch.: v 7 t. – M. – SPb., 1886-1887. – Т. 7.
6. Markov, S.S. K istorii raskola-starobryadchestva vtoroy poloviny XIX stoletiya. Perepiska prof. N.I. Subbotina, preimuzhestvenno neizdannaya, kak material dlya istorii raskola i otnosheniy k nemu pravitelstva (1865-1904 gg.). – M., 1914.
7. Prugavin, A.S. O neobkhodimosti i sposobakh vsestoronnego izucheniya russkogo sektantstva. – SPb., 1880.
8. Prizhov, I.G. Zapiski o Sibiri // Vestnik Evrope. – 1882. – Kn. IX.
9. Yuzov, I.I. Russkie dissidenty. Staroveri i dukhovnye khristiane. – SPb., 1881. – Ch. 1.
10. Perepiska N.I. Subbotina s K.P. Pobedonoscevim. 1880-1904 gg. // Markov, S.S. K istorii raskola-starobryadchestva vtoroy poloviny XIX stoletiya. Perepiska prof. N. I. Subbotina, preimuzhestvenno neizdannaya, kak material dlya istorii raskola i otnosheniy k nemu pravitelstva (1865-1904 gg.). – M., 1914.
11. Melnikov, P.Yu. Pravovoe polozhenie khristianskikh sektantov Rossiyskoy Imperii vo vtoroy polovine XIX veka // <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/13.pdf>
12. Zakon 3-go Maya 1883 goda o pravakh raskolnikov. – SPb., 1886.
13. Borovikovskiy, A.L. O semeynom prave raskolnikov // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoogo prava. – Izd. Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva. – SPb., 1873. – Kn. 4.
14. Ustav stroitelnyy. O molitvennykh zdaniyakh raskolnikov // Zakonih o raskolnikakh i sektantakh s razjyasneniyami svyateyshego Sinoda i Pravitelstvuyuthego Senata, cirkulyarami Ministerstva Vnutrennikh del. – M., 1903.
15. Suthestvuyutiy vzglyad vedomstva svyateyshego Sinoda na edinoverie i deystvuyutaya praktika otnositelno ego posledovateley // Zakonih o raskolnikakh i sektantakh s razjyasneniyami svyateyshego Sinoda i Pravitelstvuyuthego Senata, cirkulyarami Ministerstva Vnutrennikh del. – M., 1903.
16. Melnikov, F.E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) Cerkvi. – Barnaul, 1999.
17. Ivanov, K.Yu. Staroobryadchestvo Yuga Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2001.
18. Obthee gubernskoe uchrezhdenie. St. 298, 299 // SZRI. – SPb., 1912. – Т. II.
19. Maksimov, S.V. Sibir i katonga: v 3 ch. – SPb., 1900.
20. Gorniy Altay: sistema zhizneobespecheniya russkogo naseleniya (istoriko-kulturniy aspekt). – Gorno-Altaysk, 2008.
21. Gulyaev, S.I. Altayskie kamentniki // Sankt-Petersburgskie vedomosti, 1845.
22. Ledebur, K.F. Puteshestvie po Altayskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi. – Novosibirsk, 1993.
23. Belikov, D.N. Tomskiy raskol. (Istoricheskiy ocherk ot 1834 po 1880 godih) // Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo un-ta. – Tomsk. – 1900. – Т. 16.
24. Sredi missionerov // Slovo Cerkvi. – 1916. – № 5.
25. KGU GAAK. F. 166. Op. 1. D. 1.
26. O vstuplenii v brak. St. 33 // SZRI. – SPb., 1912. – Т. X.
27. Anderson, V.M. Staroobryadchestvo i sektantstvo. Istoricheskiy ocherk russkogo religioznogo raznomysliya. – SPb., 1905.
28. Cirkulyar Minистра Vnutrennikh Del gubernatoram ot 30 aprelya 1900 g., № 1 // Zakonih o raskolnikakh i sektantakh s razjyasneniyami svyateyshego Sinoda i Pravitelstvuyuthego Senata, cirkulyarami Ministerstva Vnutrennikh del. – M., 1903.

Статья поступила в редакцию 27.07.12

Раздел 7

СОЦИОЛОГИЯ

Редактор раздела:

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)

УДК 316.3:314.02

Shrayber A.N **CARTOGRAPHIC ANALYSIS FERTILITY IN ALTAI REGION.** The results of the cartographic analysis of fertility in Altai region are submitted in the article. The factors affecting fertility are revealed. Based on the results of the study, defined the zone of influence of economic, social, demographic and ethnic factors.

Key words: demographic problem, fertility, maternal capital, influence, cartographic analysis of fertility.

А.Н. Шрайбер, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: ka-lina2007@yandex.ru

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье представлены результаты картографического анализа рождаемости населения Алтайского края. Выявлены факторы, влияющие на процесс рождаемости. На основании результатов исследования, определены зоны влияния экономического, социального, демографического и этнического факторов.

Ключевые слова: демографическая проблема, рождаемость, материнский капитал, факторы влияния, картографический анализ рождаемости.

Демографическая ситуация в России превратилась в острейшую политическую и социальную проблему. Алтайский край входит в ряд регионов, где идет непрерывная убыль населения. Так по результатам переписи 2010 года население Алтайского края сократилось на 188 тыс. человек по сравнению с результатами переписи 2002 года [1].

В настоящее время в Алтайском крае действуют две основные программы по стимулированию рождаемости. Это – общероссийская программа «Материнский капитал» и краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края». Так же с января 2011 года внесена поправка в краевой закон «О бесплатном предоставлении земельных участков». О результативности данных программ нам говорят политики, исследователи, журналисты. Но, тем не менее, из демографического кризиса Алтайский край не выбирается.

В связи с этим нам показалось актуальным выяснение факторов влияющих на рождаемость. Для этого мы использовали метод картографирования. Картографический метод исследования основан на получении необходимой информации с помощью географических карт для научного и практического познания изображенных на них явлений. Преимуществами данного метода является его наглядность и возможность сплошного обследования изучаемых явлений. Данные для анализа были предоставлены Алтайкрайстатом по результатам всероссийской переписи населения 2010 года.

В исследовании приняло участие 70 территориальных единиц Алтайского края – 60 сельских районов и 10 городов. Низкий общий коэффициент рождаемости отмечен в 8 городах и 21 районах края. Средний общий коэффициент рождаемости – в 13 районах. Показатели рождаемости выше среднего зафиксированы в 28 территориальных единицах.

Общий коэффициент рождаемости по Алтайскому краю в 2010 году составлял 12,71. При анализе выявилось достаточно большое колебание данного коэффициента, самый низкий общий коэффициент рождаемости в г. Яровом – 8,66, самый высокий в Табунском районе – 18,26. Так же для выявления динамики рождаемости анализировались данные по количеству рожденных за период 2007-2011 и количеству выданных сертификатов на получение материнского капитала за период 2007-2011. Здесь прослеживается тенденция снижения показателей,

т.е. в 2009-2010 был установлен пик рождаемости, как по городам, так и по районам края, соответственно выдача сертификатов на материнский капитал достигла максимума так же в период 2009-2010. А в 2011 году пошел спад рождаемости. Нами было выявлено процентное соотношение вторых и последующих детей от общего количества рожденных за период 2007-2011. Из полученных данных следует, что максимальный показатель рождений вторых и последующих детей в Михайловском районе – 64%, минимальный показатель в г. Барнауле – 36%. Тенденция рождения вторых и последующих детей аналогична с коэффициентом рождаемости. В городах края рожают меньше, в сельской местности – больше.

Что влияет на процесс рождаемости? Демографические программы функционируют в прежнем режиме. Следовательно, существуют и другие факторы, влияющие на рождаемость в Алтайском крае.

Исходя из теоретического и практического опыта предыдущих исследований, мы выделяем 4 фактора. Во-первых, экономический, в него вошли показатели средней по району заработной платы, уровень экономического развития территориальной единицы, приближенность к индустриальному центру. Во-вторых, это социальный фактор, который мы определяем через показатели уровня медицинского обслуживания, медико-климатических условий жизни, социальной развитости, уровня социального обслуживания населения. В-третьих, демографический фактор. В него включаем показатели уровня смертности, численность населения фертильного возраста, процент детей родившихся вне брака, количество выданных сертификатов на материнский капитал. В-четвертых, этнический фактор. Здесь учитывается национальный состав и культурно-религиозные особенности населения.

На основании картографического исследования, мы делаем вывод о том, что все вышеперечисленные факторы имеют влияние на процесс рождаемости в крае. Но степень влияния данных факторов различна в зависимости от территориальной расположенности. Это подтверждается результатами корреляционного и регрессионного анализа. В результате мы выделили зоны с доминирующим влиянием факторов на рождаемость, в которые вошли города и районы Алтайского края (таблица 1).

Таблица 1

Зонирование Алтайского края на основании доминирующего фактора

Состав зоны	Уровень рождаемости	Доминирующий фактор
1. Залесовский район 2. Славгородский район 3. Табунский район 4. Солтонский район 5. Каменский район 6. Рубцовский район 7. Волчихинский район 8. Бурлинский район 9. Благовещенский район 10. Немецкий район 11. Суетский район 12. Хабарский район	Показатели рождаемости выше среднего (13,52 – 15,23)	Этнический фактор
1. Алтайский район 2. Смоленский район 3. Советский район 4. Солонешенский район 5. Третьяковский район 6. Чарышский район 7. Красногорский район	Показатели рождаемости выше среднего (14,30 – 15,88)	Экономический и этнический факторы
1. Баевский район 2. Егорьевский район 3. Заринский район 4. Калманский район 5. Косихинский район 6. Кытмановский район 7. Петропавловский район 8. Троицкий район 9. Целинный район 10. Шелаболихинский район	Средние показатели рождаемости (13,18 – 13,72)	Экономический и социальный факторы
1. г. Белокуриха 2. Змеиногорский район 3. Крутихинский район 4. Новичихинский район 5. Тогульский район	Показатели рождаемости средние и выше среднего (13,52 – 15,23)	Экономический и социальный факторы
1. Зональный район 2. Ключевский район 3. Поспелихинский район 4. Павловский район 5. Тальменский район 6. Топчихинский район	Показатели рождаемости выше среднего (13,90 – 14,77)	Нет четко доминирующего фактора
1. г. Алейск 2. г. Барнаул 3. г. Бийск 4. г. Заринск 5. г. Камень-на-Оби 6. г. Новоалтайск 7. г. Рубцовск 8. г. Яровое	Низкие показатели рождаемости (8,66 – 12,94)	Экономический фактор
1. Кулундинский район 2. Михайловский район 3. Панкрушихинский район 4. Угловский район 5. г. Славгород	Низкие показатели рождаемости (11,05 – 13,40)	Социальный фактор
1. Бийский район 2. Быстроистокский район 3. Ельцовский район 4. Краснощековский район 5. Курьинский район 6. Локтевский район 7. Первомайский район 8. Усть-Калманский район 9. Усть-Пристанский район 10. Шипуновский район	Низкие показатели рождаемости (9,99 – 13,01)	Экономический и демографический факторы
1. Алейский район 2. Завьяловский район 3. Мамонтовский район 4. Ребрихинский район 5. Родинский район 6. Романовский район 7. Тюменцевский район	Низкие показатели рождаемости (12,00 – 12,93)	Экономический фактор

Итак, охарактеризуем каждую зону. Первая зона – степная, является местом поселения мигрантов с бывших советских республик. В данную зону входят районы с казахскими, немецкими, армянскими, татарскими и др. поселениями. Отличительной чертой данных поселений является их локальность, т.е. организованное, кучное проживание народностей. Исследование показало, что в районах с локальными поселениями, коэффициент рождаемости выше по сравнению с районами, где представители различных национальностей живут разрозненно. И процент вторых и последующих рождений значительно превышает. Следовательно, мы говорим об национальных и религиозных особенностях фертильного поведения населения. Условно данную зону мы назвали степной интернациональной.

Вторая зона является предгорной. Здесь на процесс рождаемости влияет экономический фактор. Эти районы характеризуется низким уровнем заработной платы, но высокими показателями рождаемости и процентом рожденных вторых и последующих детей. Мы предполагаем, что в сельских районах края рождение вторых и последующих детей может являться средством дохода, т.к. в данных районах очень высок процент получения сертификатов на материнский капитал. А сумма выплат по сертификатам в 2007-2011 составляла от 250 тыс. руб. до 365 тыс. руб., для сельских районов это существенная сумма, например, для улучшения жилищных условий. Так же в данной зоне доминирующим является этнический фактор. Восточная часть края отличается скоплением районов с различными культурно-историческими народностями. Здесь проживают старообрядцы, кумандинцы, казаки. Таким образом, мы делаем вывод о влиянии не только экономических особенностей, но и культурных, религиозных. Эту зону мы называем предгорной с казачьими традициями.

Третья зона условно названа нами лесостепной традиционно русской. Это территория с лесостепным ландшафтом и русским составом населения. Она отличается низким уровнем дохода и медицинского обслуживания. Данная территория не совсем благополучна по медико-климатическим показателям и уровню социального обслуживания. И хотя рождаемость в данной зоне на среднем уровне, то процент вторых и последующих рождений один из самых низких по краю. Таким образом, в Лесостепной традиционно русской зоне доминирующими факторами, влияющими на рождаемость, являются экономический и социальный.

Районы, находящиеся на периферии края, составляют отдаленную зону с преобладанием русского населения. Рождаемость в четвертой зоне держится на среднем уровне и выше.

Эти показатели объясняются социально-экономическими особенностями, т.е. отдаленностью от индустриальных центров, низкими заработными платами. А традиционно деревенский уклад жизни обеспечивает высокий процент рождения вторых и последующих детей.

Пятая зона отличается отсутствием ярко выраженного доминирующего фактора на процесс рождаемости. Здесь мы можем сделать вывод о комплексном влиянии факторов. Т.е. для поддержания высоко уровня рождаемости в данной зоне необходим учет экономического, социального, демографического и этнического факторов.

Шестая зона – это города края. Зона отличается наиболее высоким уровнем дохода и экономического развития территории. Именно экономический фактор становится причиной самых низких показателей рождаемости. А незначительные для города суммы материнского капитала и пособий, а так же европейский индивидуализм, дает нам самые низкие показатели рождения вторых и последующих детей.

В седьмой зоне – приграничной, несмотря на высокий уровень оплаты труда, а так же благоприятных демографических и географических показателей, рождаемость находится на низком уровне. Исследование показало, что уровень социальной развитости районов оказывает доминирующее влияние в данной зоне.

В восьмой и девятой зонах с низкими показателями рождаемости влияние на демографические процессы оказывает экономический фактор. Исходя из особенностей географического положения и национального состава, эти зоны мы назвали лесостепной русской и степной с дисперсными поселениями. Бедность, социальная неразвитость районов сказывается негативно на всех показателях: низкий уровень медицинского обслуживания, высокий показатель смертности, низкий уровень оплаты труда и др. Соответственно и низкий процент рождения вторых и последующих детей. В лесостепной русской зоне добавляется так же и большое количество внебрачных рождений.

И так, подводя итоги можно сказать, что в зависимости от территориальной расположенности районов и городов края существуют факторы, которые в большей степени влияют на рождаемость. Соответственно, на данные факторы необходимо в первую очередь обращать внимание. Мы предполагаем, что при реализации федеральных и региональных демографических программ, учет результатов исследования поможет добиться более высоких показателей рождаемости в Алтайском крае.

Библиографический список

1. Мочалов, В. Всероссийская перепись населения 2010 года: предварительные итоги по краю // Алтайская правда. – 2011. – № 90-91.

Bibliography

1. Mochalov, V. Vserossiyskaya perepisj naseleniya 2010 goda: predvariteljnihe itogi po krayu // Altajjskaya pravda. – 2011. – № 90-91.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

Раздел 8

МЕДИЦИНА

Редактор раздела:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА – доктор медицинских наук, профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

УДК 616-055.2+616.1

Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. PERSONAL ANXIETY AND 16 YEARS RISK OF MYOCARDIAL INFARCTION AND STROKE IN FEMALE OF 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION. This is longitudinal study of random representative sample of women aged 25-64 years, aimed to determine the influence of personal anxiety on risk of myocardial infarction and stroke incidence from 1994 to 2010 years. During 16 years relative risk of myocardial infarction was in 4.2-time and stroke was in 3.5-time higher in women with high level of personal anxiety.

Key words: epidemiology, personal anxiety, relative risk, myocardial infarction, stroke.

В.В. Гафаров, д-р мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН, зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com; **Д.О. Панов**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **Е.А. Громова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **И.В. Гагулин**, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com

ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И 16-ЛЕТНИЙ РИСК РАЗВИТИЯ ИНФАРКТА МИОКАРДА И ИНСУЛЬТА СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ

В рамках когортного исследования репрезентативной выборки женщин в возрасте 25-64 лет, было изучено влияние личностной тревожности на риск развития инфаркта миокарда и инсульта в течение длительного срока наблюдения (1994-2010 гг.). В течение 16 лет относительный риск развития инфаркта миокарда был в 4.2 раза, инсульта в 3.5 раз выше у женщин с высоким уровнем личностной тревожности.

Ключевые слова: эпидемиология, личностная тревожность, относительный риск, инфаркт миокарда, инсульт.

Исследования последних лет подтверждают тот факт, что тревога, как эквивалент психологического стресса, является независимым фактором риска ИБС и инсульта [1; 2]. Необходимость изучения влияния личностной тревожности (ЛТ) на риск сердечно-сосудистых заболеваний в российской популяции женщин трудоспособного возраста высока в виду отсутствия отечественных проспективных исследований, учитывая, что в гендерном отношении распространенность тревожных расстройств оказывается значимо выше у женщин [3; 4]. Это послужило основой для изучения влияния ЛТ на относительный риск развития инфаркта миокарда (ИМ), инсульта в течение 16 лет в открытой популяции женщин 25-64 лет.

Материал и методы. В рамках третьего (1994 г.) скрининга программы ВОЗ «МОНИКА психосоциальная (MOPSY)» [5] нами была обследована случайная репрезентативная выборка женщин (870 лиц) в возрасте 25–64 лет одного из районов Новосибирска. Отклик на исследование составил 72,5%. Уровень ЛТ изучали с помощью теста Спилберга [6]. В течение контрольного периода (1994 – 2010 гг.) в когорте были выявлены все лица с впервые возникшими инфарктом миокарда (ИМ), инсультом [7]. Кокс-пропорциональная регрессионная модель использовалась для оценки относительного риска (ОР) с учётом различного временного интервала. Для проверки статистической значимости различий между группами использовался критерий хи-квадрат χ^2 . Значения $p \leq 0,05$ считались статистически значимыми.

Результаты и обсуждение. Уровни ЛТ в открытой популяции среди женщин 25-64 лет в 1994 г. составили – средний уровень личностной тревожности (СУТ) — 38,9 %, высокий уровень личностной тревожности (ВУТ) — 60,4%. В течение 16 лет (1994-2010 гг.) относительный риск (ОР) развития ИМ был в 4.2 раза (95% ДИ=1,946- 18,583; $p=0,05$), инсульта был в 3.5 раза (95% ДИ=1,020-12,015; $p<0,05$) выше среди женщин 25-64 лет с ВУТ, чем без. Маритальный статус у лиц с ИМ и ЛТ имел следующий вид: никогда не была замужем - 0%; замужем - 64,3%; разведена - 21,4%; вдова - 14,3%. Среди замужних женщин с ВУТ частота развития ИМ была более высокой, чем среди разведенных с СУТ ($\chi^2=5.66$ $df=1$ $p<0.05$). У женщин с инсультом и ЛТ маритальный статус был следующим: никогда не была замужем - 9,1%; замужем - 72,7%; разведена 15,1%; вдова 3,0%. Отмечены тенденции в увеличении частоты развития инсульта среди замужних женщин с ВУТ. Структура уровня образования лиц с инсультом и ЛТ была следующей: высшее образование - 12,1%; незаконченное высшее/средне-специальное - 36,4%; среднее образование - 33,3%; незаконченное среднее/начальное образование - 18,2%. У женщин с высшим и незаконченным высшим образованием и ВУТ отмечалась тенденция в более высокой частоте инсульта, в сравнении с СУТ. Профессиональный статус в группах женщин с ЛТ и инсультом составил: 9,1% - руководители среднего звена; 9,1% - руководители; 12,1% - ИТР; 12,1% - рабочие тяжелого физического труда; 21,2% -

рабочие среднего физического труда; 12,1% - рабочие легкого физического труда; 18,2% - пенсионеры; 6,1% - военнослужащие. В отношении профессионального статуса, частота инсульта была выше среди работниц тяжелого физического труда с ВУТ, чем у лиц инженерных специальностей с СУТ ($\chi^2=3.99$ df=1 $p<0.05$) и ВУТ ($\chi^2=7.325$ df=1 $p<0.01$). Частота развития инсульта была также выше среди работниц тяжелого физического с ВУТ в сравнении с женщинами с легким физическим трудом ($\chi^2=6.35$ df=1 $p<0.05$) с ВУТ. Отмечены тенденции в более высокой частоте инсульта среди женщин с профессиональным статусом в категории «руководитель среднего звена», «руководитель» с ВУТ в сравнении с СУТ. Не получено статистически достоверных различий частоты возникновения ИМ при сравнении групп женщин в отношении образования и профессионального статуса. Таким образом полученные результаты показывают высокую распространенность ЛТ в открытой популяции среди женщин 25-64 лет г. Новосибирска, где частота ВУТ составила 60,9%. Определили, что у женщин 25-64 лет с ВУТ риск развития инфаркта миокарда и инсульта выше в 4,2 и 3,5 раз, соответственно, чем без. Полученные данные согласуются с результатами зарубежных авторов по исследованию риска инфаркта и инсульта у женщин с тревогой [2; 8]. Такое влияние тревожности на риск ССЗ находит объяснение в том, что повышение уровня личностной и реактивной тревожности ведет к дестабилизации тонуса симпатической системы с изменениями гемодинамики, повыше-

нию активности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы, сдвигом липопротеидного спектра в сторону атерогенных фракций [9; 10; 11]. Установлено, что среди замужних женщин с ВУТ чаще развивается ИМ и инсульта. Это подтверждают зарубежные исследования, в которых одинокие и разведенные женщины имеют более низкий риск инфаркта и инсульта в сравнении с замужними [12]. Отмечены тенденции в увеличении частоты инсульта среди женщин с более высоким уровнем образования с ВУТ. Это находит отражение в более высокой частоте инсульта среди женщин с ВУТ в категории «руководитель», где высокий уровень стресса связан с ролевым конфликтом «семья-карьера». Подобные результаты находят отражение и в предыдущих работах [13; 14]. Определено, что у работниц более тяжелого физического труда в сочетании с ВУТ чаще развивается инсульт. Этот класс труда наиболее депривирован, а с развитием тревожности, утратой поведенческого и эмоционального контроля это приводит к увеличению риска инсульта [15].

Заключение. Установлена высокая распространенность ЛТ в открытой популяции среди женщин 25-64 лет в Сибирском регионе. Высокий уровень ЛТ у женщин 25-64 лет увеличивает относительный риск развития ИМ и инсульта в течение 16 лет. ИМ и инсульт чаще развиваются среди замужних женщин с более высоким уровнем образования, в категории «руководитель» и «тяжелый физический труд» в сочетании с высоким уровнем ЛТ.

Библиографический список

1. Roest, AM, Martens EJ, de Jonge P et al. Anxiety and risk of incident coronary heart disease: a meta-analysis // J Am Coll Cardiol. 2010; 56(1).
2. Smoller, J., Pollack M., Wassertheil-Smoller S. Panic Attacks and Risk of Incident Cardiovascular Events Among Postmenopausal Women in the Women's Health Initiative Observational Study // Arch Gen Psychiatry. 2007; 64(10).
3. Lépine, JP, Gasquet I, Kovess V, et al. Prevalence and comorbidity of psychiatric disorders in the French general population // Encephale. 2005.
4. Kadri, N., Agoub M., Gnaoui S. Prevalence of anxiety disorders: a population-based epidemiological study in metropolitan area of Casablanca, Morocco // Annals of General Psychiatry. — 2007. — № 6.
5. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments. — WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
6. Spielberger, C.D. Anxiety as an emotional state / In: Anxiety: current trends in theory and research // Ed. by C.D. Spielberger. Vol. 1. NY: Academic Press, 1972.
7. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний в условиях крупного промышленного центра Западной Сибири. — Новосибирск, 1992.
8. Albert, C., Chae C., Rexrode K. et al. Phobic Anxiety and Risk of Coronary Heart Disease and Sudden Cardiac Death Among Women // Circulation. — 2005. — № 111.
9. Paul, S. Anxiety and depression: a common neurobiological substrate? // J. Clin. Psychol. — 1988. — № 49.
10. Alboni, P., Alboni M. Psychosocial factors as predictors of atherosclerosis and cardiovascular events: contribution from animal models // G Ital Cardiol (Rome). — 2006 Nov. — № 7(11).
11. Voge, C. Serum lipid concentrations, hostility and cardiovascular reactions to mental stress // Int. J. Psychophysiol. — 1998. — № 28.
12. Thompson, S., Greenberg G., Meade T. Risk factors for stroke and myocardial infarction in women in the United Kingdom as assessed in general practice: a case-control study // Br Heart J. — 1989. — № 61.
13. Гафаров, В.В. Распространенность психосоциальных факторов в женской популяции 25-64 лет и их связь с артериальной гипертензией / В.В. Гафаров, Е.А. Громова, Д.О. Панов, И.В. Гагулин // СМЖ. — Томск. — 2011. — № 26(3).
14. Panov, D.O., Gafarov V.V., Gagulin I.V., Gromova E.A. Prevalence of anxiety in female population of Novosibirsk // СМЖ. — 2011. — № 26. — Прил. 1.
15. McFadden E., Luben R., Wareham N. Social Class, Risk Factors, and Stroke Incidence in Men and Women. A Prospective Study in the European Prospective Investigation Into Cancer in Norfolk Cohort // Stroke, 2009.

Bibliography

1. Roest, AM, Martens EJ, de Jonge P et al. Anxiety and risk of incident coronary heart disease: a meta-analysis // J Am Coll Cardiol. 2010; 56(1).
2. Smoller, J., Pollack M., Wassertheil-Smoller S. Panic Attacks and Risk of Incident Cardiovascular Events Among Postmenopausal Women in the Women's Health Initiative Observational Study // Arch Gen Psychiatry. 2007; 64(10).
3. Lepine, JP, Gasquet I, Kovess V, et al. Prevalence and comorbidity of psychiatric disorders in the French general population // Encephale. 2005.
4. Kadri, N., Agoub M., Gnaoui S. Prevalence of anxiety disorders: a population-based epidemiological study in metropolitan area of Casablanca, Morocco // Annals of General Psychiatry. — 2007. — № 6.
5. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments. — WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
6. Spielberger, C.D. Anxiety as an emotional state / In: Anxiety: current trends in theory and research // Ed. by C.D. Spielberger. Vol. 1. NY: Academic Press, 1972.
7. Gafarov, V.V. Epidemiology and prophylactics of cardiovascular diseases in conditions of large industrial center of Western Siberia. — Novosibirsk, 1992.
8. Albert, C., Chae C., Rexrode K. et al. Phobic Anxiety and Risk of Coronary Heart Disease and Sudden Cardiac Death Among Women // Circulation. — 2005. — № 111.
9. Paul, S. Anxiety and depression: a common neurobiological substrate? // J. Clin. Psychol. — 1988. — № 49.
10. Alboni, P., Alboni M. Psychosocial factors as predictors of atherosclerosis and cardiovascular events: contribution from animal models // G Ital Cardiol (Rome). — 2006 Nov. — № 7(11).
11. Voge, C. Serum lipid concentrations, hostility and cardiovascular reactions to mental stress // Int. J. Psychophysiol. — 1998. — № 28.
12. Thompson, S., Greenberg G., Meade T. Risk factors for stroke and myocardial infarction in women in the United Kingdom as assessed in general practice: a case-control study // Br Heart J. — 1989. — № 61.
13. Gafarov, V.V. Rasprostranennost' psichosotsialnykh faktorov v zhenskoy populatsii 25-64 let i ikh svyaz' s arterial'noy gipertenziej / V.V. Gafarov, E.A. Gromova, D.O. Panov, I.V. Gagulin // SMZh. — Tomsk. — 2011. — № 26(3).
14. Panov, D.O., Gafarov V.V., Gagulin I.V., Gromova E.A. Prevalence of anxiety in female population of Novosibirsk // SMZh. — 2011. — № 26. — Pril. 1.
15. McFadden E., Luben R., Wareham N. Social Class, Risk Factors, and Stroke Incidence in Men and Women. A

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 616-055.2+616.1

Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. INFLUENCE OF DEPRESSION ON RISK OF ARTERIAL HYPERTENSION IN FEMALE 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION. This is longitudinal study of random representative sample of women aged 25-64 years, aimed to determine the influence of depression on risk of arterial hypertension incidence from 1994 to 2010 years. During first 5 years relative risk of arterial hypertension was 1,6-fold and after 10 years of follow up it was 1.74-fold in women with depression. There was a tendency of increasing AH rates in married women with incomplete higher education in category «manager» and «manual work» having D.

Key words: epidemiology, depression, relative risk, arterial hypertension.

В.В. Гафаров, д-р мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com; **Д.О. Панов**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **Е.А. Громова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **И.В. Гагулин**, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ДЕПРЕССИИ НА РИСК РАЗВИТИЯ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ

В рамках когортного исследования репрезентативной выборки женщин в возрасте 25-64 лет, было изучено влияние депрессии на риск развития артериальной гипертензии в период с 1994 по 2010 гг. В течение первых пяти лет относительный риск развития артериальной гипертензии был в 1,6 раз выше, в течение 10 лет в 1,74 раз выше у женщин с депрессией. Отмечены тенденции в увеличении частоты развития АГ среди замужних женщин с неоконченным высшим образованием с Д в категории «руководитель» и «физический труд».

Ключевые слова: эпидемиология, депрессия, относительный риск, артериальная гипертензия.

Последние десятилетия знаменуются активным изучением роли психосоциальных факторов в генезе АГ, как в России [1; 2], так и зарубежом [3; 4]. Недавние исследования показали влияние депрессивных симптомов на риск развития АГ [5]. Но в отношении женской части популяции сравнительно мало исследований, отражающих ассоциации Д с уровнем АД [6; 7; 8]. Это послужило предпосылкой для настоящего исследования.

Материал и методы. В рамках третьего (1994 г.) скрининга программы ВОЗ «МОНИКА психосоциальная (MOPSY)» [9] нами была обследована случайная репрезентативная выборка женщин (870 лиц) в возрасте 25–64 лет одного из районов Новосибирска. Отклик на исследование составил 72,5%. Уровень Д изучали с помощью теста «MOPSY» (подшкала «депрессия») [10]. В течение контрольного периода (1994 – 2010 гг.) в когорте были выявлены все лица с впервые возникшей АГ. Кокс-пропорциональная регрессионная модель использовалась для оценки относительного риска (ОР) с учётом различного временного интервала. Для проверки статистической значимости различий между группами использовался критерий хи-квадрат (χ^2). Значения $p \leq 0,05$ считались статистически значимыми.

Результаты и обсуждение. Уровни Д в открытой женской популяции 25-64 лет в 1994 г. составили – УД — 43,2%, БД — 12%. ОР развития АГ в группе с Д в течение: 5 лет в 1,6 раз выше (95% ДИ=0,86- 2,98; $p < 0,05$); в течение 10 лет – в 1,74 раза выше (95% ДИ=1,01- 3,01; $p < 0,05$); в течение 16 лет не был получен достоверный ОР (ОР=0,99; 95% ДИ=0,67- 1,47; $p > 0,05$) по сравнению с теми, у кого депрессии не наблюдалось. Структура семейного положения в когорте женщин с АГ и Д имела следующий вид: никогда не была замужем – 7,7%; замужем – 76,9%; разведена – 13,5%; вдова – 1,9%. Наблюдалась тенденция в увеличении частоты развития АГ в группе замужних женщин с Д в сравнении с незамужними, разведенными и вдовами с Д. Структура уровня образования лиц с АГ и Д была следующей: высшее образование – 26,9%; незаконченное высшее/средне-специальное – 44,2%; среднее образование – 25,0%; неза-

конченное среднее/начальное образование – 3,8%. У женщин с неоконченным высшим образованием с Д частота АГ имела тенденцию увеличиваться, в сравнении с таковым или более низким образованием у лиц без Д.

Профессиональный статус в группах женщин с Д и АГ составил: 7,8% – руководители среднего звена; 9,8% – руководители; 19,6% – ИТР; 19,6% – рабочие среднего физического труда; 33,3% – рабочие легкого физического труда; 5,9% – пенсионеры; 3,9% – военнослужащие. В отношении профессиональных групп определено, что у руководителей с Д ($\chi^2=4,380$ df = 1 $p < 0,05$) и женщин, занятых легким физическим трудом с Д ($\chi^2=4,606$ df = 1 $p < 0,05$), чаще развивалась АГ в сравнении с военнослужащими с Д. Отмечены тенденции в увеличении частоты развития АГ у работников среднего физического труда с Д в сравнении с пенсионерами и военнослужащими с Д и инженерными работниками без Д.

Таким образом полученные результаты показывают высокую распространенность Д в открытой популяции среди женщин 25-64 лет. Риск АГ наиболее высокий в течение 10 лет у лиц с Д. Как свойство личности, Д может персистировать у индивида на протяжении многих лет [11], вызывая патофизиологический сдвиг с формированием психосоматических расстройств, дестабилизацию АД [7]. Наличие Д четко связано риском развития АГ: у лиц с неоконченным высшим образованием, у руководителей и работников физического труда, у замужних женщин. В условиях низкого дохода, безработицы, неудовлетворенности и стресса на рабочем месте и в семье, неизменно присутствуют высокие уровни Д, приводящие к развитию АГ [12 – 15].

Заключение. Отмечена высокая распространенность Д в открытой популяции среди женщин 25-64 лет. Д увеличивает относительный риск развития АГ у женщин 25-64 лет и он максимален в течение 10 лет. Риск развития АГ выше среди замужних женщин с неоконченным высшим образованием с Д, занятых в профессиональных категориях «руководитель» и «физический труд».

Библиографический список

1. Гафаров, В.В. Распространенность психосоциальных факторов в женской популяции 25-64 лет и их связь с артериальной гипертензией / В.В. Гафаров, Е.А. Громова, Д.О. Панов [и др.] // Сибирский мед. Журнал. – Томск. – 2011. – № 26(3).
2. Гафаров, В.В. Личность и её взаимодействие с социальной средой: непроторенная дорога / В.В. Гафаров, Е.А. Громова, Ю.Н. Кабанов [и др.]. – Новосибирск, 2008.
3. Jonas, B., Lando J. Negative Affect as a Prospective Risk Factor for Hypertension // Psychosomatic Medicine. – 2000. – № 62.
4. Saboya, P., Zimmermann P, Bodanese L. Association between anxiety or depressive symptoms and arterial hypertension, and their impact on the quality of life // Int J Psychiatry Med. – 2010. – № 40(3).

5. Davidson, K., Jonas B., Dixon K. Do Depression Symptoms Predict Early Hypertension Incidence in Young Adults in the CARDIA Study? // Arch Intern Med. – 2000. – № 160(10).
6. Niu, K, Hozawa A, Awata S, Guo H. Home blood pressure is associated with depressive symptoms in an elderly population aged 70 years and over: a population-based, cross-sectional analysis // Hypertens Res. – 2008. – № 31(3).
7. Scuteri, A, Spalletta G, Cangelosi M. Blood pressure variability in older subjects with depression: a possible link to CV events? // EuroPrevent. – 2008. – № 368.
8. Lin M., Dongmei C., Yang Y. Depression increases the risk of hypertension incidence: a meta-analysis of prospective cohort studies // Journal of Hypertension. – 2012. – № 30(5).
9. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments. — WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
10. Громова Е.А., Гафаров В.В., Гафарова А.В. и соавт. Депрессия и артериальная гипертензия: риск возникновения у мужчин 25-64 лет (эпидемиологическое исследование на основе программы ВОЗ Monica) // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5(17).
11. Бриттов, А.Н. Стресс-индуцированная артериальная гипертония / А.Н. Бриттов, М.М. Быстрова // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – 2003. – № 5.
12. Heslop, P, Smith GD, Metcalfe C. Change in job satisfaction, and its association with self-reported stress, cardiovascular risk factors and mortality // Soc Sci Med. – 2002. – № 54(10).
13. Goodman, E, Huang B. Socioeconomic status, depression, and health service utilization among adolescent women // Womens Health Issues, 2001.
14. Гафаров, В.В. Связь личностной тревожности с другими психосоциальными факторами в женской популяции 25-64 лет (эпидемиологическое исследование на основе программы ВОЗ «MONICA-психосоциальная») / В.В. Гафаров, Д.О. Панов, Е.А. Громова [и др.] // Сибирский мед. Журнал. – Томск. – 2011. – № 26 (4).
15. Kivimäki, M, Leino-Arjas P, Luukkonen R. Work stress and risk of cardiovascular mortality: prospective cohort study of industrial employees / BMJ. – 2002. – № 325(7377).

Bibliography

1. Gaфарov, V.V. Rasprostranennost' psikhosotsialnykh faktorov v zhenskoy populatsii 25-64 let i ikh svyaz' s arterial'noy gipertenziey / V.V. Gaфарov, E.A. Gromova, D.O. Panov [i dr.] // Sibirskiy med. Zhurnal. – Tomsk. – 2011. – № 26(3).
2. Gaфарov, V.V. Lichnost' i eyo vzaimodeystvie s sotsial'noy sredoy: neprotorennaya doroga / V.V. Gaфарov, E.A. Gromova, Yu.N. Kabanov [i dr.]. – Novosibirsk, 2008.
3. Jonas, B., Lando J. Negative Affect as a Prospective Risk Factor for Hypertension // Psychosomatic Medicine. – 2000. – № 62.
4. Saboya, P, Zimmermann P, Bodanese L. Association between anxiety or depressive symptoms and arterial hypertension, and their impact on the quality of life // Int J Psychiatry Med. – 2010. – № 40(3).
5. Davidson, K., Jonas B., Dixon K. Do Depression Symptoms Predict Early Hypertension Incidence in Young Adults in the CARDIA Study? // Arch Intern Med. – 2000. – № 160(10).
6. Niu, K, Hozawa A, Awata S, Guo H. Home blood pressure is associated with depressive symptoms in an elderly population aged 70 years and over: a population-based, cross-sectional analysis // Hypertens Res. – 2008. – № 31(3).
7. Scuteri, A, Spalletta G, Cangelosi M. Blood pressure variability in older subjects with depression: a possible link to CV events? // EuroPrevent. – 2008. – № 368.
8. Lin M., Dongmei C., Yang Y. Depression increases the risk of hypertension incidence: a meta-analysis of prospective cohort studies // Journal of Hypertension. – 2012. – № 30(5).
9. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments. — WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
10. Gromova E.A., Gaфарov V.V., Gaфарova A.V. i soavt. Depressiya i arterial'naya gipertenziya: risk vozniknoveniya u muzhchin 25-64 let (ehpidemiologicheskoe issledovanie na osnove programm VOZ Monica) // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. – № 5(17).
11. Britov, A.N. Stress-inducirovannaya arterial'naya gipertoniya / A.N. Britov, M.M. Bihstrova // Profilaktika zabolevaniy i ukreplenie zdorov'ya. – 2003. – № 5.
12. Heslop, P, Smith GD, Metcalfe C. Change in job satisfaction, and its association with self-reported stress, cardiovascular risk factors and mortality // Soc Sci Med. – 2002. – № 54(10).
13. Goodman, E, Huang B. Socioeconomic status, depression, and health service utilization among adolescent women // Womens Health Issues, 2001.
14. Gaфарov, V.V. Svyaz lichnostnoy trevozhnosti s drugimi psikhosotsial'nymi faktorami v zhenskoy populatsii 25-64 let (ehpidemiologicheskoe issledovanie na osnove programm VOZ «MONICA-psikhosotsial'naya») / V.V. Gaфарov, D.O. Panov, E.A. Gromova [i dr.] // Sibirskiy med. Zhurnal. – Tomsk. – 2011. – № 26 (4).
15. Kivimäki, M, Leino-Arjas P, Luukkonen R. Work stress and risk of cardiovascular mortality: prospective cohort study of industrial employees / BMJ. – 2002. – № 325(7377).

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 616-055.2+616.1

Gaфарov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gaфарova A.V. THE INFLUENCE OF DEPRESSION AS AN INDICATOR OF FAMILY AND WORK STRESS ON RISK OF MYOCARDIAL INFARCTION AND STROKE IN FEMALE OF 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION. This is longitudinal study of random representative sample of women aged 25-64 years, aimed to determine the influence of depression on risk of myocardial infarction and stroke incidence from 1994 to 2010 years. During 16 years relative risk of myocardial infarction was in 2.5-time and stroke was in 4.6-time higher in women with depression. There were high levels of family and work stress in women with depression.

Key words: depression, family and work stress, relative risk, myocardial infarction, stroke.

В.В. Гафаров, д-р мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gaфарov@gmail.com; **Д.О. Панов**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **Е.А. Громова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **И.В. Гагулин**, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gaфарov@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ДЕПРЕССИИ КАК ИНДИКАТОРА СТРЕССА В СЕМЬЕ И НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ НА РИСК ИНФАРКТА МИОКАРДА И ИНСУЛЬТА СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ

В рамках когортного исследования репрезентативной выборки женщин в возрасте 25-64 лет, было изучено влияние депрессии на риск развития артериальной гипертензии в период с 1994 по 2010 гг. В течение 16 лет относительный риск развития инфаркта миокарда был в 2,5 раза, инсульта в 4,6 раза выше у женщин с депрессией. Отмечены высокие уровни стресса в семье и рабочем месте у женщин с депрессией.

Ключевые слова: депрессия, стресс в семье и на рабочем месте, относительный риск, инфаркт миокарда, инсульт.

Согласно результатам международного исследования INTERSTROKE study рассчитанный добавочный популяционный риск для Д, среди прочих факторов риска инсульта, составляет 5,2% [1]. Гендерные роли и социальные традиции, которые рассматривают женщину как жену, с соответствующей нагрузкой, могут сказываться на развитии стресса в семье, а конфликт между работой и семейными обязанностями усиливают этот патологический паттерн у лиц с негативными аффектами. Современные научные данные диктуют необходимость учитывать стресс в семье и на работе в стратификации риска развития ИБС [2]. В отечественной литературе отмечается острая нехватка публикаций, посвященных изучению ассоциации Д и стресса на рабочем месте и в семье у женщин, и их последующее влияние на риск развития ИМ и инсульта. Это послужило предпосылкой для настоящего исследования.

Материал и методы. В рамках третьего (1994 г.) скрининга программы ВОЗ «МОНИКА психосоциальная (MOPSY)» [3] нами была обследована случайная репрезентативная выборка женщин (870 лиц) в возрасте 25–64 лет одного из районов Новосибирска. Отклик на исследование составил 72,5%. Уровень Д изучали с помощью теста «MOPSY» (подшкала «депрессия») [4]. Анкета «Знание и отношение к здоровью» использовалась для изучения стресса в семье и на работе. В течение контрольного периода (1994 – 2010 гг.) в когорте были выявлены все лица с впервые возникшими инфарктом миокарда (ИМ), инсультом [5]. Кокс-пропорциональная регрессионная модель использовалась для оценки относительного риска (ОР) с учетом различного временного интервала. Для проверки статистической значимости различий между группами использовался критерий хи-квадрат (χ^2). Значения $p < 0,05$ считались статистически значимыми.

Результаты и обсуждение. Уровни Д в открытой женской популяции 25-64 лет в 1994 г. составили – УД – 43,2%, БД – 12%. Изучение Д и стресса в семье указывает на то, что с ростом уровня Д увеличивается количество конфликтов в семье (70%; $\chi^2=16,46$ $p < 0,05$). При наличии Д женщины часто отвечают им «мешает что-либо отдохнуть дома» (56%; $\chi^2=6,68$ $p < 0,05$). Были выявлены тенденции в увеличении частоты тяжелой болезни или смерти ближайших родственников в течение последнего года, а также изменений в семейном поло-

жении у женщин с БД. Исследование Д и стресса на рабочем месте показало, что женщины с большой Д склонны менять свою специальность (64,2%; $\chi^2=12,28$ $p < 0,05$), а также стремятся уменьшить нагрузку на работе и не выполнять дополнительную работу (31,1%; $\chi^2=27,26$ $p < 0,001$). С увеличением уровня Д снижается показатель оценки ответственности на работе «высокая» (нет Д – 57,6%, БД – 27,3%; $\chi^2=19,9$ $p < 0,05$). Женщины с БД в 5 раз чаще указывают на снижение работоспособности в течение года (60,4%; $\chi^2=48,9$ $p < 0,001$). В виде тенденции, среди женщин с БД: увеличивается доля лиц, которым не очень нравится их работа, и, которые не имеют возможности расслабиться и отдохнуть после работы. Риск развития ИМ в течение 16 лет наблюдения в группе с Д, был в 2,5 раз выше (ОР=2,53; 95% ДИ=1,26– 24,34; $p < 0,05$) по сравнению с теми, у кого депрессии не наблюдалось. Риск развития инсульта за 16-летний период у женщин с Д был более чем в 4 раза выше, чем без Д (ОР=4,63; 95% ДИ=1,03– 20,89; $p < 0,05$). Таким образом полученные результаты показывают, что ростом уровней Д увеличивается количество конфликтов в семье, реже отмечается возможность отдохнуть дома, отмечены тенденции в более частой болезни или смерти родственников. По данным литературы, стресс в семье независимо связан с симптомами Д в популяции у женщин [6], а ролевая функция, сопряженная с повышенными обязательствами по отношению к членам семьи, связана с более высоким риском развития ИБС [7; 8]. При Д и стрессе на рабочем месте факт наличия Д снижает приспособляемость индивида к «стрессорам», вызывая дисрегуляцию центральной нервной системы, ведет к формированию дефицита системы достижения, что проявляется ослаблением ощущения удовольствия. Сталкиваясь с психологически трудными ситуациями, человек считает их неразрешимыми [9]. При наблюдении за женщинами с Д отмечено увеличение риска развития ИМ в 2,5 раза и инсульта, более чем в 4 раза, в течение 16 лет. Похожие данные реплицированы в недавних зарубежных исследованиях [10; 11; 12].

Заключение. Отмечены высокие уровни стресса в семье и на рабочем месте у женщин с Д. Относительный риск развития ИМ и инсульта у женщин 25-64 лет с Д в течение 16 лет значителен и составляет для ИМ – 2,5; для инсульта – 4,0, чем без Д.

Библиографический список

- O'Donnell, M., Xavier D., Liu L. et al. Risk factors for ischaemic and intracerebral haemorrhagic stroke in 22 countries (the INTERSTROKE study): a case-control study // Lancet. – 2010. – № 376.
- Kim, K., Kim J., Kim M. Predictors of coronary heart disease risk in healthy men and women // Taehan. Kanho. Hakhoe. Chi. – 2007. – № 37(7).
- MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments // WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
- Громова, Е.А. Депрессия и артериальная гипертензия: риск возникновения у мужчин 25-64 лет (эпидемиологическое исследование на основе программы ВОЗ MONICA) / Е.А. Громова, В.В. Гафаров, А.В. Гафарова [и др.] // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5(17).
- Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний в условиях крупного промышленного центра Западной Сибири. – Новосибирск, 1992.
- Balog, P., Janszky I., Leineweber C. Depressive symptoms in relation to marital and work stress in women with and without coronary heart disease. The Stockholm Female Coronary Risk Study // J Psychosom Res. – 2003. – № 54(2).
- Lund, R., Rod N., Christensen U. Are negative aspects of social relations predictive of angina pectoris? A 6-year follow-up study of middle-aged Danish women and men // J Epidemiol. Community Health. – 2012. – № 66(4).
- Orth-Gomér, K., Wamala S., Horsten M. Marital stress worsens prognosis in women with coronary heart disease: The Stockholm Female Coronary Risk Study // JAMA. – 2001. – № 285(10).
- Сандомирский, М. Психосоматика и телесная психотерапия. Практическое руководство. – М., 2005.
- Whang, W., Kubzansky L., Kawachi I. Depression and Risk of Sudden Cardiac Death and Coronary Heart Disease in Women. Results From the Nurses' Health Study // Jour Am Coll of Card. – 2009. – № 53(11).
- Surtees, P., Wainwright N. et al. Depression and Ischemic Heart Disease Mortality: Evidence From the EPIC-Norfolk United Kingdom Prospective Cohort Study // Am J Psychiatry, 2008.
- Pan, A., Okereke O., Sun Q. Depression and Incident Stroke in Women // Stroke. – 2011. – № 42.

Bibliography

1. O'Donnell, M., Xavier D., Liu L. et al. Risk factors for ischaemic and intracerebral haemorrhagic stroke in 22 countries (the INTERSTROKE study): a case-control study // Lancet. – 2010. – № 376.
2. Kim, K., Kim J., Kim M. Predictors of coronary heart disease risk in healthy men and women // Taehan. Kanho. Hakhoe. Chi. – 2007. – № 37(7).
3. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments // WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
4. Gromova, E.A. Depressiya i arterial'naya gipertenziya: risk vozniknoveniya u muzhchin 25-64 let (ehpidemiologicheskoe issledovanie na osnove programmi VOZ MONICA) / E.A. Gromova, V.V. Gafarov, A.V. Gafarova [i dr.] // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. – № 5(17).
5. Gafarov, V.V. Ehpidemiologiya i profilaktika serdechno-sosudistikh zabolevaniy v usloviyakh krupnogo promyshlennogo centra Zapadnoy Sibiri. – Novosibirsk, 1992.
6. Balog, P., Janszky I., Leineweber C. Depressive symptoms in relation to marital and work stress in women with and without coronary heart disease. The Stockholm Female Coronary Risk Study // J Psychosom Res. – 2003. – № 54(2).
7. Lund, R., Rod N., Christensen U. Are negative aspects of social relations predictive of angina pectoris? A 6-year follow-up study of middle-aged Danish women and men // J Epidemiol. Community Health. – 2012. – № 66(4).
8. Orth-Gomer, K., Wamala S., Horsten M. Marital stress worsens prognosis in women with coronary heart disease: The Stockholm Female Coronary Risk Study // JAMA. – 2001. – № 285(10).
9. Sandomirskiy, M. Psikhosomatika i telesnaya psikhoterapiya. Prakticheskoe rukovodstvo. – M., 2005.
10. Whang, W., Kubzansky L., Kawachi I. Depression and Risk of Sudden Cardiac Death and Coronary Heart Disease in Women. Results From the Nurses' Health Study // Jour Am Coll of Card. – 2009. – № 53(11).
11. Surtees, P., Wainwright N. et al. Depression and Ischemic Heart Disease Mortality: Evidence From the EPIC-Norfolk United Kingdom Prospective Cohort Study // Am J Psychiatry, 2008.
12. Pan, A., Okereke O., Sun Q. Depression and Incident Stroke in Women // Stroke. – 2011. – № 42.

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 159.96+616.055.2

Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. RELATION OF DEPRESSION WITH ATTITUDE TOWARD THE HEALTH AND OTHER PSYCHOSOCIAL FACTORS IN FEMALE 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION. In frame of the WHO «MONICA- psychosocial» representative sample of women aged 25-64 in one of Novosibirsk district was examined. The prevalence of depression was 55.2%. Positive self-rated health estimation decreases in women with major depression; those women have unhealthy lifestyle with increasing rates of adverse levels of psychosocial factors.

Key words: epidemiology, psychosocial factors, depression, awareness and attitudes toward the health.

В.В. Гафаров, д-р мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com; **Д.О. Панов**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **Е.А. Громова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **И.В. Гагулин**, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com

СВЯЗЬ ДЕПРЕССИИ С ОТНОШЕНИЕМ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ И ДРУГИМИ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМИ ФАКТОРАМИ СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ

В рамках программы ВОЗ «MONICA-psychosocial» была обследована репрезентативная выборка женщин 25-64 лет одного из районов г. Новосибирска. Распространенность депрессии составила 55,2%. С увеличением уровня депрессии снижается положительная самооценка здоровья; у женщин с депрессией отмечен неблагоприятный поведенческий профиль, увеличивается частота негативных уровней психосоциальных факторов.

Ключевые слова: эпидемиология, психосоциальные факторы, депрессия, информированность и отношение к здоровью.

В условиях социальной напряженности на протяжении двух десятилетий в России, отмечены высокие уровни негативных психосоциальных факторов и социальной депривации, при этом население имеет более высокую распространенность курения, нерационального питания и низкой физической активности [1; 2; 3]. Недавние исследования показывают, что депрессия (Д) – независимый предиктор смертности от ССЗ у здоровых женщин [4]. Вызывает озабоченность отсутствие отечественных популяционных исследований, касающихся распространенности Д, ее взаимосвязи с другими психосоциальными факторами, и поведенческими характеристиками, без которых невозможна разработка массовых профилактических программ. В этой связи является необходимым изучение взаимосвязи Д, как фактора риска ССЗ, и информированности и отношения к здоровью и профилактике в открытой популяции среди женщин 25-64 лет.

Материалы и методы. В рамках третьего (1994 г.) скрининга программы ВОЗ «МОНИКА психосоциальная (MOPSY)» нами

была обследована случайная репрезентативная выборка женщин (870 лиц) в возрасте 25–64 лет одного из районов Новосибирска. Отклик на исследование составил 72,5%. Уровни психосоциальных факторов изучали с помощью теста «MOPSY»: Д (подшкала «депрессия»), враждебность, жизненное истощение; личностную тревожность (ЛТ) – тестом Спилберга; социальную поддержку – тестом Беркман-Сим (индекс близких контактов (ICC) и индекс социальных связей (SNI)) [5]. Нарушения сна, самооценку состояния здоровья и отношение к профилактике курению, питанию и физической нагрузке изучались с использованием анкеты «Знание и отношение к своему здоровью» [6], адаптированной к изучаемой популяции. Статистическая обработка материала проводилась с использованием стандартного пакета «SPSS-11.5». Для проверки статистической значимости различий между группами использовался тест хи-квадрат (χ^2). Значения $pd \leq 0,05$ считались статистически значимыми.

Результаты и обсуждение. Доля женщин с умеренной Д (УД) составила 43,2%, с большой Д (БД) – 12%. В отношении возрастных групп частота Д была следующей: 25-34 лет – 31,9%; 35-44 лет – 41,1%; 45-54 лет – 9,7%; 55-64 лет – 17,4%. С увеличением уровня Д в 7 раз падает положительная оценка состояния здоровья «здоров» и увеличивается негативная оценка «болен» (БД – 4%, нет Д – 28,2%; $\chi^2=41,47$ $p=8$ $p<0,001$). Женщины с БД: в 100% имеют жалобы на свое здоровье ($\chi^2=17,42$ $p=6$ $p<0,01$) и недостаточную заботу о здоровье ($\chi^2=17,69$ $p=4$ $p<0,01$); реже верят в возможности медицины успешно лечить болезни сердца (БД – 28%, нет Д – 38,6%; $\chi^2=23,18$ $p=8$ $p<0,01$); чаще отмечают высокую возможность заболеть в течение ближайших 5-10 лет (64%; $\chi^2=10,51$ $p=4$ $p<0,05$). У лиц с Д были отмечены следующие тенденции: они менее склонны верить в возможность современной медицины успешно предупреждать болезни сердца; в большей степени доверяют своему самочувствию, а не мнению врача, но чаще проверяются у врачей регулярно и испытывают приятные переживания при медицинском обслуживании. Женщины с БД: реже продолжают работу и чаще обращаются к врачам при плохом самочувствии (БД – 39,6% и 29,1%, нет Д – 59,6% и 8,2%, соответственно; $\chi^2=15,8$ $p=4$ $p<0,01$); большинство согласно, что профилактическая проверка своего здоровья полезна; отмечены тенденции в уменьшении доли «никогда не куривших» (68%); реже соблюдают диету и имеют больше неуспешных попыток ее соблюдать (4,1% и 22,5%, соответственно; $\chi^2=17,87$ $p=8$ $p<0,05$); в течение последнего года стали менее активными (34,7%, $\chi^2=14,53$ $p=6$ $p<0,01$). У женщин с БД: высокие уровни ЛТ, жизненного истощения, враждебности составили 97,8%, 76,5%, 80,4% соответственно; наиболее низкие значения имели показатели: «хороший» и «очень хороший сон» (22%; $\chi^2=38,67$ $p=8$ $p<0,001$); индексы ICC и SNI (низкий

ICC – 80,4%, $\chi^2=25,3$ $p=4$ $p<0,001$; низкий SNI – 41,2%, $\chi^2=17,06$ $p=6$ $p<0,001$). Таким образом, полученные результаты показали, что большинство женщин с Д это лица из младших возрастных групп: 25-34 и 35-44 лет, на долю которых приходится 73% выявленной Д, что согласуется с данными других авторов [7 – 12]. Установлено, что с повышением уровня Д увеличивается негативная оценка «не совсем здоров», «болен», чаще встречаются жалобы на здоровье, снижается забота о своем здоровье [4; 13]. У женщин с БД получены противоречивые ответы в отношении возможностей медицины предупредить и лечить болезни сердца, что указывает на недостаточную информированность. Как показывают результаты зарубежных исследований, представление о методах профилактики оказываются ниже у женщин с Д [13]. Полученные результаты показали, что среди женщин с Д отмечена более высокая доля лиц с негативными поведенческими характеристиками. Женщины с БД часто безуспешно пытаются бросить курить, реже соблюдают диету, и делают физзарядку, реже проводят свой досуг физически активно в сравнении с лицами без Д. Известно, что Д чаще ассоциирована с курением и низкой физической активностью у женщин [14; 15]. Очень часто БД сочетается с высокими уровнями ЛТ, враждебности, жизненного истощения, чаще встречаются нарушения сна и снижаются уровни близких контактов и социальных связей. Схожие взаимосвязи установлены и в других исследованиях [11; 16; 17].

Заключение. В зависимости от возраста установлена наибольшая распространенность Д среди женщин в младших возрастных группах. При БД у женщин увеличивается негативная оценка «не совсем здоров», «болен», чаще встречаются жалобы на здоровье, снижается уровень информированности, ухудшается поведенческий профиль, отмечаются высокие уровни других психосоциальных факторов.

Библиографический список

1. Averina, M., Nilssen O, Brenn T. et al. Social and lifestyle determinants of depression, anxiety, sleeping disorders and self-evaluated quality of life in Russia—a population-based study in Arkhangelsk // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* – 2005. – № 40(7).
2. Bobak, M., Pikhart H., Hertzman C. et al. Socioeconomic factors, perceived control and self-reported health in Russia. A cross-sectional survey // *Soc Sci Med.* – 1998. – № 47(2).
3. Гафаров, В.В. Психология здоровья населения в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин [и др.]. – Новосибирск, 2002.
4. Wassertheil-Smoller S, Shumaker S, Ockene J. Depression and Cardiovascular Sequelae in Postmenopausal Women. The Women's Health Initiative (WHI) // *Arch Intern Med.* – 2004. – № 164.
5. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments // WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
6. Гафаров, В.В. Изучение на основе программы ВОЗ «MONICA» информированности и отношения к своему здоровью у женщин в возрасте 25 – 64 лет в г. Новосибирске / В.В. Гафаров, И.В. Гагулин, Д.О. Панов [и др.] // *Сибирский мед. Журнал.* – Томск. – 2010. – № 25(4).
7. Ayuso-Mateos J., Vázquez-Barquero J., Dowrick C. et al. Depressive disorders in Europe: prevalence figures from the ODIN study// *British Jour of Psych.* – 2001. – № 179.
8. Kessler, R., Chiu W., Demler O. et al. Prevalence, severity, and comorbidity of twelve-month DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication (NCS-R). *Archives of General Psychiatry.* 2005. – № 62(6).
9. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в течение 2-х десятилетий и в период социально-экономического кризиса в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2000.
10. Гафаров, В.В. Распространенность психосоциальных факторов в женской популяции 25-64 лет и их связь с артериальной гипертензией / В.В. Гафаров, Е.А. Громова, Д.О. Панов, И.В. Гагулин // *Сибирский мед. Журнал.* – Томск. – 2011. – № 26(3).
11. Гафаров, В.В. Связь личностной тревожности с другими психосоциальными факторами в женской популяции 25-64 лет (эпидемиологическое исследование на основе программы ВОЗ «MONICA-психосоциальная») / В.В. Гафаров, Д.О. Панов, Е.А. Громова, И.В. Гагулин // *Сибирский мед. Журнал.* – Томск. – 2011. – № 26 (4).
12. Riolo, S., Nguyen T., Greden J. Prevalence of Depression by Race/Ethnicity: Findings From the National Health and Nutrition Examination Survey III // *Am J Public Health.* – 2005. – № 95(6).
13. Piwonski J, Piwonska A, Sygnowska E. Does presence of depressive symptoms influence the knowledge on prevention methods level? // *EuroPrevent 2009; Abstr. book.*
14. Massak A, Graham K. Is the smoking-depression relationship confounded by alcohol consumption? An analysis by gender // *Nicotine Tob Res.* – 2008. – № 10(7).
15. Piwonski, J, Piotrowski W, Piwonska A. Depressive symptoms and unhealthy lifestyle in general population // *Eur Jourl of Prev Card.* – 2008. – № 15(1).
16. Jacobi F., Wittchen H., Höfeling C. Prevalence, co-morbidity and correlates of mental disorders in the general population: results from the German Health Interview and Examination Survey (GHS) // *Psychological Medicine.* 2004.
17. Chou KL, Ho AH, Chi I. Living alone and depression in Chinese older adults// *Aging Ment Health.* – 2006. – № 10(6).

Bibliography

1. Averina, M., Nilssen O, Brenn T. et al. Social and lifestyle determinants of depression, anxiety, sleeping disorders and self-evaluated quality of life in Russia—a population-based study in Arkhangelsk // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* – 2005. – № 40(7).
2. Bobak, M., Pikhart H., Hertzman C. et al. Socioeconomic factors, perceived control and self-reported health in Russia. A cross-sectional survey // *Soc Sci Med.* – 1998. – № 47(2).
3. Gafarov, V.V. Psikhologiya zdorov'ya naseleniya v Rossii / V.V. Gafarov, V.A. Pak, I.V. Gagulin [i dr.]. – Novosibirsk, 2002.
4. Wassertheil-Smoller S, Shumaker S, Ockene J. Depression and Cardiovascular Sequelae in Postmenopausal Women. The Women's Health Initiative (WHI) // *Arch Intern Med.* – 2004. – № 164.
5. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested measurement instruments // WHO Facsimile Urgent 3037 MRC, 1988.
6. Gafarov, V.V. Izuchenie na osnove programm VOZ «MONICA» informirovannosti i otnosheniya k svoemu zdorov'yu u zhenshchin v vozraste 25 – 64 let v g. Novosibirsk / V.V. Gafarov, I.V. Gagulin, D.O. Panov [i dr.] // *Sibirskiy med. Zhurnal.* – Tomsk. – 2010. – № 25(4).
7. Ayuso-Mateos J., Vázquez-Barquero J., Dowrick C. et al. Depressive disorders in Europe: prevalence figures from the ODIN study// *British Jour of Psych.* – 2001. – № 179.

8. Kessler, R., Chiu W., Demler O. et al. Prevalence, severity, and comorbidity of twelve-month DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication (NCS-R). Archives of General Psychiatry, 2005. – № 62(6).
9. Gafarov, V.V. Ehpideologiya i profilaktika khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy v techenie 2-kh desyatiletiy i v period socialno-ekonomicheskogo krizisa v Rossii / V.V. Gafarov, V.A. Pak, I.V. Gagulin, A.V. Gafarova. – Novosibirsk, 2000.
10. Gafarov, V.V. Rasprostranennost' psikhosotsialnykh faktorov v zhenskoy populatsii 25-64 let i ikh svyaz' s arterialnoy gipertenziey / V.V. Gafarov, E.A. Gromova, D.O. Panov, I.V. Gagulin // Sibirskiy med. Zhurnal. – Tomsk. – 2011. – № 26(3).
11. Gafarov, V.V. Svyaz' lichnostnoy trevozhnosti s drugimi psikhosotsialnymi faktorami v zhenskoy populatsii 25-64 let (ehpidemiologicheskoe issledovanie na osnove programm voz «MONICA-psikhosotsialnaya») / V.V. Gafarov, D.O. Panov, E.A. Gromova, I.V. Gagulin // Sibirskiy med. Zhurnal. – Tomsk. – 2011. – № 26(4).
12. Riolo, S., Nguyen T., Greden J. Prevalence of Depression by Race/Ethnicity: Findings From the National Health and Nutrition Examination Survey III // Am J Public Health. – 2005. – № 95(6).
13. Piwonski J., Piwonska A., Sygnowska E. Does presence of depressive symptoms influence the knowledge on prevention methods level? // EuroPrevent 2009; Abstr. book.
14. Massak A., Graham K. Is the smoking-depression relationship confounded by alcohol consumption? An analysis by gender // Nicotine Tob Res. – 2008. – № 10(7).
15. Piwonski, J., Piotrowski W., Piwonska A. Depressive symptoms and unhealthy lifestyle in general population // Eur J ourl of Prev Card. – 2008. – № 15(1).
16. Jacobi F., Wittchen H., Hoyolting C. Prevalence, co-morbidity and correlates of mental disorders in the general population: results from the German Health Interview and Examination Survey (GHS) // Psychological Medicine, 2004.
17. Chou KL, Ho AH, Chi I. Living alone and depression in Chinese older adults// Aging Ment Health. – 2006. – № 10(6).

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 616.127-005.8-07-08(035.3)

Gafarov V.V., Tatarinova V.V., Gorohova E.V., Gafarova A.V. MORTALITY FROM ACUTE CARDIOVASCULAR DISEASE RUSSIA IN THE ARCTIC REGION (WHO PROGRAM «REGISTRY OF ACUTE MYOCARDIAL INFARCTION»). With the use of rigidly standardized WHO programs «Register of Acute Myocardial Infarction», found that the mortality from myocardial infarction in Yakutsk: the non-Aboriginal population aged 25-64 years are significantly higher than that of the native and men exceeds that in women regardless of ethnicity; sharply increases in the indigenous population in one decade later, compared with non-indigenous, to the hospital exceeds that in the hospital 2-5 times as the indigenous and non-indigenous have, with a non-indigenous inhabitants, it is higher than that of the indigenous in both subgroups. There were no significant differences in mortality from myocardial infarction by ethnicity and by gender found.

В.В. Гафаров, д-р мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **В.В. Татаринова**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН, г. Новосибирск; ФГБУ «Якутский научный центр» СО РАМН, г. Якутск; **Е.В. Горехова**, м.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН, г. Новосибирск; ФГБУ «Якутский научный центр» СО РАМН, г. Якутск

СМЕРТНОСТЬ ОТ ОСТРОЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ (ПРОГРАММА ВОЗ «РЕГИСТР ОСТРОГО ИНФАРКТА МИОКАРДА»)

С использованием жестко унифицированной программы ВОЗ «Регистр острого инфаркта миокарда» установили, что смертность от ИМ в г. Якутске у некоренного населения в возрасте 25-64 лет значительно выше, чем у коренного; у мужчин превышает таковую у женщин независимо от этнической принадлежности; резко увеличивается у коренного населения на одно десятилетие позже по сравнению с некоренным; до стационара превышает таковую в стационаре в 2-5 раз как у коренных, так и у некоренных, причем у некоренных жителей она выше, чем у коренных в обеих подгруппах. Существенных различий в летальности от ИМ по этническому принципу и в зависимости от пола не найдено.

Ключевые слова: эпидемиология, инфаркт миокарда, смертность, коренные жители, некоренные жители.

Несмотря на достижения в лечении сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), включая появление большого числа эффективных лекарственных препаратов, внедрения в широкую клиническую практику ангиопластики и хирургических методов лечения, ССЗ продолжают оставаться главной причиной заболеваемости и смертности в мире, унося ежегодно 17 млн. человек, к 2025 г. эта цифра возрастет до 25 миллионов. Прямые и косвенные затраты на лечение ССЗ очень высокие, включая огромные расходы на лечение, потерю производительности и доходов [1 – 6]. Среди ССЗ основная доля случаев смерти приходится на ишемическую болезнь сердца (ИБС), а в ее структуре – в основном на инфаркт миокарда (ИМ)), от которых ежегодно умирают около 12 млн. человек, еще 20 млн. переживают острые эпизоды, многие из них нуждаются в постоянном дорогостоящем лечении [7,8]. Сравнение смертности населения от

ИБС в разных странах Европы показывает, что у российских мужчин и женщин она в 2,5 раза выше, чем в среднем в Европе и почти в 3-4 раза выше, чем у нашего соседа – Финляндии [9 – 13]. Крайне неблагоприятную ситуацию со смертностью населения от ИБС в России определяет динамика преждевременно умерших в трудоспособном возрасте, и в первую очередь мужчин [14 – 22]. Это приводит к росту преждевременной смертности, сокращению трудовых ресурсов и трудового потенциала, а в дальнейшем к снижению полноценного финансового обеспечения всей системы социальной защиты населения [23; 24]. Проведенные клинико-эпидемиологические исследования в Республике Саха (РС) (Якутия) по ССЗ [25; 26] также указывают на рост заболеваемости и смертности от болезней системы кровообращения в последние годы.

В связи с вышеизложенным необходимы точные и сопоставимые данные о тенденциях о ССЗ на основе стандартных, жестко унифицированных программ, без чего не возможна научно обоснованная борьба с ними. Эти исследования позволяют объяснить причины происходящих изменений, наметить пути и оценить возможности профилактических вмешательств [27; 28]. Таких исследований в доступной нам литературе в Республике Саха (РС) (Якутия) мы не нашли.

В связи с вышеизложенным, целью нашей работы было изучение с использованием жестко унифицированной программы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «Регистр острого инфаркта миокарда» показателей смертности и летальности от инфаркта миокарда в популяции Арктического региона (г. Якутск).

Материал и методы исследования. Исследование по программе ВОЗ «Регистр острого инфаркта миокарда» (РОИМ) [22; 28; 29] проведено с 01.01.2004 г. по 31.12.2006 г. среди населения г. Якутска в возрастной группе 25-64 лет. Случаи ИМ были распределены на 2 группы в зависимости от национальной принадлежности: коренное и некоренное население. К коренному населению отнесены якуты, эвены, эвенки; к некоренному – русские, белорусы, украинцы, выходцы из Средней Азии, Кавказа и т.д. Исходя из вышеуказанных критериев был определен 271 случай с летальным исходом (из них коренных – 16,6%, некоренных – 83,4%). Для расчета показателей смертности на 100 000 жителей использовалась численность населения (коренного и некоренного) в возрасте 25-64 лет, полученная из списков избирателей в городской совет депутатов г. Якутска. Стандартизацию показателей проводили с использованием мировой стандартной популяции. Для статистического анализа использовали программу «SPSS 11,5», критерий χ^2 . Достоверным считались различия показателей на уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты и обсуждению Анализ смертности от ИМ на 100 000 среди населения г. Якутска по годам показал, что она остается одинаковой в 2004-2006 гг.: как у мужчин (коренные – 33,2; 50,5; 61,7; некоренные – 179,0; 170,4; 183,6; всего – 119,0; 119,4; 134,0), так и у женщин (коренные – 9,5; 16,1; 6,3; некоренные – 26,2; 53,3; 31,1; всего – 18,6; 36,5; 20,0) соответственно ($p > 0,05$).

Достоверный резкий подъем смертности на 100 000 жителей в зависимости от возраста среди мужчин определяется начиная с возрастной группы 45-54 лет по сравнению с предыдущей возрастной группой в течение всех лет исследования, в основном у некоренных (95,9; 76,8; 55,1 и 258,0; 121,0; 157,0; $p < 0,01$); у коренных мужчин смертность определяется начиная с возраста 55-64 лет, т.е. сдвинута на одно десятилетие, чем у некоренных. Смертность на 100 000 жителей достоверно растет от младших возрастных групп к более старшим достигая максимума в возрасте 55-64 лет как у коренных (253,2; 235,5; 335,4; $p < 0,05$), так и у некоренных (731,0; 971,0; 830,6; $p < 0,001$) мужчин в 2004-2006 гг. соответственно. В общем среди женщин достоверно значимый рост смертности выявлен в возрастной группе 55-64 лет за 2004-2006 гг. – 15,3; 57,47,5 и 103,168; 108 на 100 000 соответственно ($p < 0,05$, $p < 0,001$, $p < 0,005$). Среди коренных женщин достоверно значимых различий по возрастным группам не выявлено; среди некоренных – достоверно значимый рост смертности от ИМ выявлено в возрастной группе 55-64 лет по сравнению с группой 45-54 лет (54,9 и 232,7 на 100 000 соответственно; $p < 0,01$). Среди коренного населения в целом выявлен достоверно значимый рост смертности от ИМ начиная с возрастной группы 55-64 лет (2004-2005 гг. – 15,7; 57,0 и 150,7; 139,0 на 100 000 соответственно, $p < 0,01$). Среди некоренного населения выявлен достоверно значимый рост смертности от ИМ, начиная с возрастной группы 45-54 лет (2004; 2006 гг. – 52,4; 32,5 и 131; 108,9 на 100 000 соответственно $p < 0,01$; $p < 0,002$) и в возрастной группе 55-64 лет за все годы исследования (2004-2006 гг. – 131; 84,9; 108,1 и 380; 546; 459 на 100 000 соответственно; $p < 0,001$, $p < 0,001$, $p < 0,001$). Анализ смертности от ИМ среди этнической группы выявил, что в возрастной группе 25-64 лет достоверно значимо преобладает некоренное население над коренным независимо от пола, как у мужчин (2004-2006 гг. – 179; 170,4; 183,6 и 33,2; 50,5; 61,7 на 100 000 соответственно $p < 0,001$), так и у женщин (2004-2006 гг. – 26,2; 53,3; 31,1 и 9,5; 16,1; 6,3 на 100 000 соответственно; $p < 0,05$); всего (2004 – 2006 гг. – 99,0; 107,6; 103,4 и 19,7; 31,0; 30,3 на 100 000 соответственно;

$p < 0,05$). Смертность от ИМ до стационара превышает таковую в стационаре в 2-5 раз как у коренных, так и у некоренных жителей г. Якутска в возрасте 25-64 лет (2004 – 2006 гг. – коренные: 12,5; 23,7; 21,4 и 7,2; 7,3; 8,9 соответственно; некоренные – 82,5; 75,5; 78,9 и 16,5; 32,1; 24,5 соответственно на 100 000, $p < 0,01$). Смертность некоренных жителей превышает смертность коренных жителей в обеих подгруппах ($p < 0,05$).

Анализ летальности от ИМ показал, что в 2004-2006 гг. она составила: для коренных 21,2%; 33,3%; 35,4% (мужчины – 19,5%; 30%; 44,1%; женщины – 27,3%; 45,5%; 14,3%; соответственно); для некоренных (мужчины – 42,2%; 33,5%; 38,8%; женщины – 20,4%; 33,3%; 21,8%; соответственно). Существенных различий в летальности от ИМ по этническому принципу и в зависимости от пола не найдено.

Таким образом, наши результаты показали, что смертность от ИМ остается примерно одинаковой на протяжении всех лет исследования независимо от пола и этнической принадлежности в 2004-2006 гг.; она достоверно значимо выше среди некоренного населения, чем у коренного независимо от гендерных значений. У коренных жителей резкое увеличение значений смертности сдвинуто на одно десятилетие в сторону старшей возрастной группы по сравнению с некоренными. Это объясняется тем, что у коренных жителей атеросклероз выражен слабее, чем у некоренного населения. Для якутов характерна меньшая частота атеросклеротических поражений. У лиц некоренного населения развитие и течение атеросклероза имеют свои особенности, которые заключаются в более частом и более интенсивном поражении атеросклерозом сосудов с преобладанием его тяжелых форм. Изучение возрастной динамики атеросклероза показало, что якутам свойствен «замедленный» на одно десятилетие темп развития атеросклероза по сравнению с некоренным населением. Анализ возрастной динамики смертности подтверждается исследованиями коронарных сосудов: по мере увеличения возраста нарастает частота поражения атеросклерозом [30]. Значительное превышение смертности некоренного населения от ИМ над смертностью коренного населения некоторыми авторами объясняется экстремальностью климатических условий высоких широт, которая определяется низкими температурами с абсолютным минимумом – 51-60°C, резкими перепадами атмосферного давления, температур и влажности воздуха, сильными и частыми ветрами, высокой активностью гелио-космических факторов, изменчивостью и значительной напряженностью магнитного поля Земли [31; 32]. В развитии ССЗ каждому из этих факторов придается определенное значение. Холодовой стресс является важным фактором риска развития атеросклероза [32]. Если среди мужчин достоверно преобладает смертность некоренного населения, то среди женщин смертность имела только тенденцию к увеличению этого показателя у некоренных женщин по сравнению с коренными. Это указывает на высокую смертность от ИМ среди коренных женщин. Женщины относятся к той части населения, которая наиболее чувствительна ко всем изменениям общественной, экономической и социальной жизни и бесспорно, специфические природные, климатические условия, экологические изменения оказывают дополнительные негативное влияние на здоровье женщин [33; 34].

Смертность от инфаркта миокарда с возрастом повышается и она в 3-6 раз выше у мужчин, чем у женщин независимо от этнической принадлежности на протяжении всех лет исследования. Смертность от ИМ до стационара превышает таковую в стационаре в 2-5 раз как у коренных, так и у некоренных, что согласуется с результатами других исследований [13; 21; 22; 31; 30; 35; 36], причем смертность некоренных жителей превышает смертность коренных жителей в обеих подгруппах. Не найдено различий в летальности от ИМ в зависимости от пола и у коренных, некоренных жителей.

Заключение. Установлено, что смертность от ИМ в г. Якутске у некоренного населения в возрасте 25-64 лет значительно выше, чем у коренного и у мужчин превышает таковую у женщин независимо от этнической принадлежности; резко увеличивается у коренного населения на одно десятилетие позже по сравнению с некоренным; до стационара превышает таковую в стационаре в 2-5 раз как у коренных, так и у некоренных, причем у некоренных жителей она выше, чем у коренных в обеих подгруппах. Существенных различий в летальности от ИМ по этническому принципу и в зависимости от пола не найдено.

Библиографический список

1. ВОЗ. Доклад о ситуации в области, неинфекционных заболеваний в мире, 2010 г. // Исполнительное резюме. – WHO/NMH/CHP/11.1, 2011.
2. Здоровье CCC. Под инициативой по исследованиям ССЗ в развитых странах / Расширенные версии из серии «быстрым взглядом». – М., 2004.

3. Коваленко, В.Н. Вторичная профилактика инфаркта миокарда: новые данные – новые перспективы // Кардиология. – 2007. – Вып. 5.
4. Сыркин, А.Л. Инфаркт миокарда. – М., 2003.
5. Boersma, E. Acute myocardial infarction. Lancet. – 2003. – V. 361 (9360).
6. Epstein, F.H. International trends in mortality and morbidity from ischemic heart disease // Ann Clin Res. – 1988. – V. 20.
7. Архиповский, В.Л. Сердечно-сосудистая патология: распространенность, основные факторы риска // Экология человека. – 2007. – Вып. 7.
8. Anosi, A. Epidemiology and prevention of cardiovascular diseases // Orv. Hetil. – 2005. – V. 146(15).
9. Оганов, Р.Г. Профилактика ССЗ – реальный путь улучшения демографической ситуации в России // Кардиология. – 2007. – Вып. 1.
10. Стародубов, В.И. Здоровье населения России в социальном контексте 90-х годов: проблемы и перспективы. – М., 2003.
11. Щепин, О.П. Современные региональные особенности здоровья населения и здравоохранения России / О.П. Щепин, И.А. Купеева, В.О. Щепин, Е.П. Какорина. – М., 2007.
12. WHO MONICA Project. Quality assessment of coronary event registration data in the WHO MONICA Project. – Helsinki, 1997.
13. Гафаров, В.В. Инфаркт миокарда, потребление алкоголя и психосоциальные факторы / В.В. Гафаров, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова // Кардиология. – 2001. – Вып. 3.
14. Габинский, Я.Л. Структура летальности больных с ОКС на догоспитальном этапе // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2007. – Вып. 6.
15. Гафаров, В.В. Программы ВОЗ «Регистр острого инфаркта миокарда», «Monica»: треть века (1977-2006 гг.) эпидемиологических исследований инфаркта миокарда в популяции высокого риска / В.В. Гафаров, А.В. Гафарова // Тер. архив. – 2011. – Вып. 1.
16. Зурабов, М.Ю. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2005 году // Здравоохранение Российской Федерации. – 2007. – Вып. 5.
17. Карпов, Р.С. Эпидемиологическое исследование неравенства причин преждевременной смертности населения г. Томска // Приложение к журналу «Сибирский медицинский журнал». – 2005. – Вып. 2.
18. Оганов, Р.Г. Демографическая ситуация и сердечно-сосудистые заболевания в России: пути решения проблем // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2007. – Вып. 8.
19. Улумбекова, Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». – М., 2010.
20. Чазов, Е.И. Инфаркт миокарда – прошлое, настоящее и некоторые проблемы будущего // Сердце. – 2002. – Вып. 1.
21. Гафаров, В.В. Смертность, заболеваемость, летальность и сердечно-сосудистый профиль риска в популяции Новосибирска / В.В. Гафаров, И.Ю., Смирнова, Я.Ш. Гаткин [и др.] // Тер. арх. – 1991. – Вып. 11.
22. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний в условиях крупного промышленного центра Западной Сибири. – Новосибирск, 1992.
23. Войцехович, Б.А. Тенденции показателей смертности населения Краснодарского края // Здравоохранение Российской Федерации. – 2003. – Вып. 1.
24. Шаповалова, М.А. Медико-демографические и экономические аспекты воспроизводства населения. – Астрахань, 2003.
25. Государственный доклад о состоянии здоровья населения г. Якутска в 2003г.: статистические материалы // Якутский медицинский журнал. – 2005. – Вып. 2.
26. Иванов, К.И. Сердечно-сосудистая патология в Якутии // Российский кардиологический журнал. – 2006. – Вып. 1.
27. Политика и стратегия профилактики сердечно-сосудистых заболеваний и других неинфекционных заболеваний в контексте реформ здравоохранения в России. – М., 1997.
28. Ischaemic Heart Disease Registers. – Copenhagen, 1970.
29. Myocardial Infarction Community Registers. – Copenhagen, 1976.
30. WHO Library Cataloguing in Publication Data. The European health and health systems. – Copenhagen, 2009.
31. Авцын, А.П. Патология человека на Севере / А.П. Авцын, А.А. Жаворонков, А.Г. Марачев, А.П. Милованов. – М., 1985.
32. Попова, М.А. Инфаркт миокарда на Севере. Патогенез, клиника, диагностика. – Сургут, 2003.
33. Куимов, А.Д. Инфаркт миокарда у женщин: монография / А.Д. Куимов, Г.С. Якобсон. – Новосибирск, 2006.
34. Савинов, Д.Д. Среда обитания и здоровье человека на Севере / Д.Д. Савинов, П.Г. Петрова. – Новосибирск, 2005.
35. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в течение двух десятилетий и в период социально-экономического кризиса в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2000.
36. Гафаров, В.В. Инфаркт миокарда (вопросы эпидемиологии) // Тер. Архив. – 1993. – Вып. 1.

Bibliography

1. ВОЗ. Доклад о ситуации в области, неинфекционных заболеваний в мире, 2010 г. // Ispolnitel'noe rezyume. – WHO/NMH/CHP/11.1, 2011.
2. Zdorovje SSS. Pod iniciativoy po issledovaniyam SSZ v razvitiikh stranakh / Rasshirenniye versii iz serii «bihtrihm vzglyadom». – М., 2004.
3. Kovalenko, V.N. Vtorichnaya profilaktika infarkta miokarda: novije dannije – novije perspektivih // Kardiologiya. – 2007. – Vihp. 5.
4. Sirkhin, A.L. Infarkt miokarda. – М., 2003.
5. Boersma, E. Acute myocardial infarction. Lancet. – 2003. – V. 361 (9360).
6. Epstein, F.H. International trends in mortality and morbidity from ischemic heart disease // Ann Clin Res. – 1988. – V. 20.
7. Arkhipovskiy, V.L. Serdechno-sosudistaya patologiya: rasprostranennost, osnovniye faktorih riska // Ekologiya cheloveka. – 2007. – Vihp. 7.
8. Anosi, A. Epidemiology and prevention of cardiovascular diseases // Orv. Hetil. – 2005. – V. 146(15).
9. Oganov, R.G. Profilaktika SSZ – real'niy putj uluchsheniya demograficheskoy situacii v Rossii // Kardiologiya. – 2007. – Vihp. 1.
10. Starodubov, V.I. Zdorovje naseleniya Rossii v social'nom kontekste 90-kh godov: problemih i perspektivih. – М., 2003.
11. Thepin, O.P. Sovremenniye regional'nye osobennosti zdorov'ya naseleniya i zdravookhraneniya Rossii / O.P. Thepin, I.A. Kupeeve, V.O. Thepin, E.P. Kakorina. – М., 2007.
12. WHO MONICA Project. Quality assessment of coronary event registration data in the WHO MONICA Project. – Helsinki, 1997.
13. Gafarov, V.V. Infarkt miokarda, potreblenie alkogolya i psikhosocial'niye faktorih / V.V. Gafarov, I.V. Gagulin, A.V. Gafarova // Kardiologiya. – 2001. – Vihp. 3.
14. Gabinskiy, Ya.L. Struktura letal'nosti bol'nykh s OKS na dogospital'nom eh tape // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. – 2007. – Vihp. 6.
15. Gafarov, V.V. Programmih VOZ «Registr ostrogo infarkta miokarda», «Monica»: tretj veka (1977-2006 gg.) ehpidemiologicheskikh issledovaniy infarkta miokarda v populyacii vihsokogo riska / V.V. Gafarov, A.V. Gafarova // Ter. arkhiv. – 2011. – Vihp. 1.
16. Zurabov, M.Yu. Gosudarstvenniy doklad o sostoyanii zdorov'ya naseleniya Rossiyskoy Federacii v 2005 godu // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federacii. – 2007. – Vihp. 5.
17. Karpov, R.S. Ehpidemiologicheskoe issledovanie neravenstva prichin prezhdvremennoy smertnosti naseleniya g. Tomska // Prilozhenie k zhurnalу «Sibirskiy medicinskiy zhurnal». – 2005. – Vihp. 2.
18. Oganov, R.G. Demograficheskaya situaciya i serdechno-sosudistiye zabolevaniya v Rossii: puti resheniya problem // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. – 2007. – Vihp. 8.
19. Ulumbekova, G.Eh. Zdravookhranenie Rossii. Chto nado delatj: nauchnoe obosnovanie «Strategii razvitiya zdravookhraneniya RF do 2020 goda». – М., 2010.
20. Chazov, E.I. Infarkt miokarda – proshloe, nastoyatee i nekotorige problemih buduthego // Serdce. – 2002. – Vihp. 1.
21. Gafarov, V.V. Smertnostj, zabolevaemostj, letal'nostj i serdechno-sosudistihy profilj riska v populyacii Novosibirsk / V.V. Gafarov, I.Yu. Smirnova, Ya.Sh. Gatkin [i dr.] // Ter. arkh. – 1991. – Vihp. 11.
22. Gafarov, V.V. Ehpidemiologiya i profilaktika serdechno-sosudistihkh zabolevaniy v usloviyakh krupnogo promishlennogo centra Zapadnoy Sibiri. – Novosibirsk, 1992.
23. Voycekhovich, B.A. Tendencii pokazateley smertnosti naseleniya Krasnodarskogo kraja // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federacii. – 2003. – Vihp. 1.
24. Shapovalova, M.A. Mediko-demograficheskie i ehkonomicheskie aspektih vosproizvodstva naseleniya. – Astrakhanj, 2003.

25. Gosudarstvenniy doklad o sostoyanii zdorov'ya naseleniya g. Yakutska v 2003g.: statisticheskie materialy // Yakutskiy medicinskiy zhurnal. – 2005. – Vihp. 2.
26. Ivanov, K.I. Serdechno-sosudistaya patologiya v Yakutii // Rossiyskiy kardiologicheskij zhurnal. – 2006. – Vihp.1.
27. Politika i strategiya profilaktiki serdechno-sosudistikh zabolevaniy i drugih neinfekcionnykh zabolevaniy v kontekste reform zdavookhraneniya v Rossii. – M., 1997.
28. Ischaemic Heart Disease Registers. – Copenhagen, 1970.
29. Myocardial Infarction Community Registers. – Copenhagen, 1976.
30. WHO Library Cataloguing in Publication Data. The European health and health systems. – Copenhagen, 2009.
31. Avcihn, A.P. Patologiya cheloveka na Severe / A.P. Avcihn, A.A. Zhavoronkov, A.G. Marachev, A.P. Milovanov. – M., 1985.
32. Popova, M.A. Infarkt miokarda na Severe. Patogenez, klinika, diagnostika. – Surgut, 2003.
33. Kuimov, A.D. Infarkt miokarda u zhenthin: monografiya / A.D. Kuimov, G.S. Yakobson. – Novosibirsk, 2006.
34. Savinov, D.D. Sreda obitaniya i zdorov'ye cheloveka na Severe / D.D. Savinov, P.G. Petrova. – Novosibirsk, 2005.
35. Gafarov, V.V. Ehpideologiya i profilaktika khronicheskikh neinfekcionnykh zabolevaniy v techenie dvukh desyatiletij i v period socialno-ehkonomicheskogo krizisa v Rossii / V.V. Gafarov, V.A. Pak, I.V. Gagulin, A.V. Gafarova. – Novosibirsk, 2000.
36. Gafarov, V.V. Infarkt miokarda (voprosih ehpideologii) // Ter. Arkhiv. – 1993. – Vihp. 1.

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 575.17:599:9с

Gafarov V.V., Voevoda M.I., Gromova E.A., Maksimov V.N., Gafarova A.V., Gagulin I.V., Yudin N.S., Michakova T.M.
POLYMORPHISM OF CANDIDATE GENES DOPAMINERGIC (DRD4, DAT) AND SOCIAL SUPPORT (RESEARCH-BASED PROGRAM WHO MONICA-PSYCHOSOCIAL). Studied the association of gene DRD4, DAT with social support in the open population of men aged 25-64 in Novosibirsk in the framework of the WHO program «MONICA» revealed that the most common VNTR polymorphism in the gene DRD4: genotype 4/4, followed by carriers of the genotype, allele 2 contains a short, slightly less than the carriers of long alleles of 6 or higher. In a population dominated by homozygous genotype 10/10 VNTR polymorphism of DAT, rarely met genotype 9/10, and finally, in third place – the genotype 9/9. Genotype 4/6 of the DRD4 gene and genotype 10/10 DAT gene are associated with low social support (indicators ICC and SNI).

В.В. Гафаров, д-р. мед. наук, проф., рук. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; зав. лабораторией психологических и социологических проблем терапевтических заболеваний ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com; **М.И. Воевода**, д-р. мед. наук, проф., член-корр. РАМН, директор ФГБУ «НИИ терапии СО РАМН», г. Новосибирск; **Е.А. Громова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **В.Н. Максимов**, д-р. мед. наук, зав. лабораторией молекулярно-генетических методов исследования ФГБУ «НИИ терапии СО РАМН», г. Новосибирск; **А.В. Гафарова**, канд. мед. наук, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **И.В. Гагулин**, с.н.с. ФГБУ «Межведомственная лаборатория эпидемиологии ССЗ» СО РАМН; ФГБУ «НИИ терапии» СО РАМН, г. Новосибирск; **Н.С. Юдин**, ФГБУ «НИИ цитологии и генетики» РАН, г. Новосибирск; **Т.М. Мишакова**, ФГБУ «НИИ цитологии и генетики» РАН, г. Новосибирск

АССОЦИАЦИЯ ПОЛИМОРФИЗМА ГЕНОВ-КАНДИДАТОВ ДОФАМИНЕРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (DRD4, DAT) С СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ (ПРОГРАММА ВОЗ «MONICA-ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ»)*

Изучены ассоциации генов DRD4, DAT с социальной поддержкой в открытой популяции мужчин 25-64 лет г. Новосибирска в рамках программы ВОЗ «MONICA». Выявлено, что наиболее часто встречающийся VNTR полиморфизм гена DRD4: генотип 4/4, на втором месте носители генотипа, содержащего короткий аллель 2, меньше носителей длинных аллелей от 6 и выше. В популяции преобладал гомозиготный генотип 10/10 VNTR полиморфизма гена DAT, реже встречался генотип 9/10 и, наконец, на третьем месте – генотип 9/9. Генотип 4/6 гена DRD4 и генотип 10/10 гена DAT ассоциированы с низким уровнем социальной поддержки (показатели ICC и SNI).

Ключевые слова: социальная поддержка, гены DRD4, DAT, ассоциации.

Социальная поддержка действует на протяжении всей жизни человека, включая самые различные её отрезки, в том числе периоды безработицы, серьезных заболеваний и тяжелых утрат. Социальная поддержка способна существенно сгладить стрессовые ситуации, однако сама по себе она не является панацеей от последствий стресса. Социальная поддержка повышает сопротивляемость индивидуума (способность управления окружающей средой) и облегчает его адаптацию к новым условиям (самосовершенствование в интересах гармонии с окружающей средой). У людей, переживающих глубокие потрясения, без подобной социальной поддержки угроза депрессии возрастает десятикратно, а человеческие отношения и социальная поддержка защищают индивидуума от последствий стресса [1-5]. В настоящее время появились сведения, о том, что способ восприятия человеком социальной поддержки и интеграция индивидуума в общество могут быть связаны с дофаминергической системой головного мозга [6].

Учитывая, что отсутствуют данные об ассоциации VNTR полиморфизмов генов нейромедиаторных систем (DRD4, DAT) и социальной поддержки, как в мире, так и в России, целью настоящего исследования явился частотный анализ распределения генотипов генов-кандидатов DRD4, DAT в открытой популяции г. Новосибирска и их ассоциации с индексами близких контактов (ICC) и социальных связей (SNI).

Материалы и методы. Были обследованы мужчины в возрасте 25-64 лет, жители одного из районов г. Новосибирска. Репрезентативная выборка была сформирована согласно требованиям протокола программы «MONICA» [7-9]. Обследованы 657 мужчин (средний возраст 44,3±0,4 года). Отклик составил –82,1%. Использовался тест Berkman-Syme для оценки социальной поддержки (индексов близких контактов (ICC) и социальных связей (SNI)) [10]. Вопросники заполнялись испытуемыми самостоятельно [7-9]. Генотипирование изучаемых VNTR (разное число тандемных повторов) полиморфизмов генов DRD4, DAT, проводи-

лось в лаборатории молекулярно-генетических исследований НИИ терапии СО РАМН (г. Новосибирск) [11; 12]. Статистический анализ проводился с помощью пакета программ «SPSS-11,5» [13; 14].

Результаты и обсуждение. Уровни ICC составили: низкий - 62%, средний - 25,9%, высокий - 12,1%. Уровень показателя SNI составил: низкий - 43,5%, средний-1 - 32,9%, средний-2 - 18,1%, высокий - 5,5%. Частота гомозиготных генотипов гена дофаминового рецептора 4-подтипа (DRD4) составила: 4/4 - 57,9%; 2/4 - 12,5%, 3/4 - 5,6%, 4/6 - 4,2%; 2/6, 4/7, 6/6 - по 2,1%. Частотное распределение аллелей DRD4 было: 4 - 70,7%, 2 - 14%, 6 - 6%, остальные: 0,8% - 5,4%. В группах с низким ICC чаще встречаются, чем в группах со средним и высоким ICC: представители генотипа 4/6 гена DRD4 (7,5% и 0,7%, 1,6% соответственно) в сравнении: с носителями всех других генотипов гена DRD4 ОШ=11,3 (95%ДИ 1,4-86,7) ($\chi^2=8,587$; $u=1$ $p<0,01$), с носителями генотипа 4/4 гена DRD4 ($\chi^2=5,543$; $u=1$ $p<0,01$); носители генотипа 2/4 гена DRD4 (15% и 5,7% соответственно) в сравнении с носителями всех других генотипов гена DRD4 ОШ=3 (95%ДИ 1,3-6,8); ($\chi^2=7,988$; $u=1$ $p<0,01$). В группе с низким ICC чаще встречаются: носители аллелей 6 (8,9%) и 7 (3,5%), чем в группах со средним ICC (ОШ=4,5 (95%ДИ 1,8-10,8) ($\chi^2=13,432$; $u=1$ $p<0,001$ и ОШ=3,3 (95%ДИ 0,97-11,8) ($\chi^2=4,135$; $u=1$ $p<0,05$ соответственно); носители аллеля 2 гена DRD4 (17,4%), чем в группе с высоким ICC (7,4%) в сравнении с носителями всех других аллелей ОШ=2,7 (95%ДИ 1,6-4,6); ($\chi^2=16,248$; $u=1$ $p<0,001$). Распределение оставшихся генотипов не превышает 5% в каждой группе ($\chi^2=68,67$ $u=36$ $p=0,0001$). Ассоциации SNI и VNTR полиморфизм гена DRD4 показали, что в группах с низким SNI чаще встречаются, чем в группах со средним-1, средним-2 и высоким SNI носители: генотипа 2/4 (15,6% и 5,2% соответственно) в сравнении с носителями всех других генотипов ОШ=3,3 (95%ДИ 1,25-9,2) ($\chi^2=6,335$ $u=1$ $p<0,01$); генотипа 4/6 (7,8% и 3,6%) в сравнении с носителями генотипа 4/4 ($\chi^2=6,929$ $u=1$ $p<0,01$). Схожая ситуация по группам SNI в носительстве «длинных» и «коротких» аллелей гена DRD4. В группе с низким SNI чаще встречаются, чем в группах со средним-1, средним-2 и высоким SNI носители аллелей: 2 (16,9% и 8,8% соответственно) в сравнении с носителями всех аллелей ОШ=2,1 (95%ДИ 1,1-3,7); ($\chi^2=6,62$ $u=1$ $p<0,01$); 6 (10,1% и 2,9%, 4,4%, 4% соответственно) в сравнении с носителями всех аллелей, аллеля 4 ОШ=3,8 (95%ДИ 1,7-8,4) ($\chi^2=12,304$ $u=1$ $p<0,0001$); ОШ=2,6 (95%ДИ 1,1-5,7) ($\chi^2=5,864$ $u=1$ $p<0,01$); ($\chi^2=3,783$ $u=1$ $p<0,05$) соответственно; 7 (4,2% и 1,4%, 0,5% соответственно) в сравнении с носителями всех аллелей, аллеля 4 ОШ=3 (95%ДИ 0,9-9,43); $\chi^2=4,073$ $u=1$ $p<0,05$; ОШ=8,5 (95%ДИ 1,1-65); $\chi^2=6,028$ $u=1$ $p<0,01$; $\chi^2=3,783$ $u=1$ $p<0,05$ соответственно. Распределение остальных носителей генотипа DRD4 в группах SNI не превышает 1,4% ($\chi^2=70,147$ $u=18$ $p<0,0001$). Частота генотипов гена DAT в популяции мужчин 25-64 лет составила: 10/10 - 54,8%, 9/10 - 36,6%, 9/9 - 3,7%. Встречаемость остальных генотипов была от 1,7% и ниже. Схожая ситуация в популяции и в носительстве аллелей 9 - 22% и 10 - 74,2%, которые встречаются чаще, чем носители всех других аллелей. В группах с низким ICC чаще встречаются, чем в группах со средним и высоким ICC: носители гомозиготного генотипа 10/10 гена DAT (61,8% и 43,6%, 44,6% соответственно) в сравнении с носителями всех генотипов, генотипа 9/9, генотипа 9/10 ОШ=2 (95%ДИ 1,3-3,3); ($\chi^2=9,86$ $u=1$ $p<0,01$); ОШ=2 (95%ДИ 1,1-3,5); ($\chi^2=6,095$ $u=1$ $p<0,01$); ($\chi^2=6,016$ $u=1$ $p<0,01$); ($\chi^2=8,387$ $u=1$ $p<0,01$), $\chi^2=6,809$ $u=1$ $p<0,01$. Распределение остальных генотипов гена DAT по отношению к ICC не превышает 2% ($\chi^2=24,156$ $u=16$ $p>0,05$). Подобные результаты получены при рассмотрении носительства аллелей гена DAT. Носители аллеля 10 чаще встречаются в группе с низким показателем ICC, чем в группах со средним и высоким ICC: 78,2% и 67,3%, 69,2% соответственно

в сравнении с носителями всех аллелей, аллеля 9 ОШ=1,7 ($\chi^2=10,929$ $u=1$ $p<0,00195$ ДИ 1,2-2,5); ($\chi^2=9,356$ $u=1$ $p<0,01$), ОШ=1,5 (95%ДИ 1-2,4); $\chi^2=4,497$ $u=1$ $p<0,05$, $\chi^2=6,954$ $u=1$ $p<0,01$ Ассоциации SNI и VNTR полиморфизмов гена DAT показали, что в группах с низким показателем SNI чаще встречаются, чем в группах со средним-1, средним-2 и высоким SNI носители: генотипа 10/10 в сравнении со всеми генотипами и 9/9, 9/10 (68,4% и 45,1%, 43,2%, 50% соответственно; $\chi^2=15,985$ $u=1$ $p<0,001$, $\chi^2=18,181$ $u=1$ $p<0,001$, $\chi^2=14,087$ $u=1$ $p<0,001$, $\chi^2=6,013$ $u=1$ $p<0,01$, $\chi^2=14,33$ $u=1$ $p<0,001$, $\chi^2=4,593$ $u=1$ $p<0,05$) Распределение остальных генотипов гена DAT по показателю SNI не превышает 4% ($\chi^2=37,795$ $u=24$ $p<0,05$). Соотношение частоты аллелей 9 и 10 среди мужчин в группах SNI аналогично распределению генотипов. В группах с низким показателем SNI чаще встречаются, чем в группах со средним-1, средним-2 и высоким SNI носители: аллеля 10, чем других аллелей и аллеля 9 (81% и 69,9%, 67,3%, 71,4% соответственно; ОШ=1,835 (95%ДИ 1,25-2,6); ($\chi^2=9,719$ $u=1$ $p<0,01$); $3\chi^2=12,97$ $u=1$ $p<0,001$

Таким образом, полученные результаты показали, что в изучаемой популяции среди мужчин 25-64 лет преобладал низкий показатель ICC (62%), отражающий взаимоотношения индивидуума с родственниками, коллегами, близкими людьми. А также чаще встречался низкий показатель SNI (низкий и средний-1) 76,4%, который реально показывал социальную активность респондента: группы здоровья, клубы по интересам, общественную деятельность и посещение конфессиональных учреждений [15; 16]. Самым распространённым VNTR полиморфизмом гена DRD4 в мужской популяции оказался гомозиготный генотип 4/4 (57,9%), что в целом характерно для европеоидных популяций. Согласно литературным источникам, глобальная частота данного генотипа в мире составляет 64,3% [17]. На втором месте в нашей популяции по частоте встречаемости оказались носители генотипов с короткой аллелью 2 гена DRD4 от 6 до 12%. Данная аллель более характерна для среднеазиатских популяций [17]. Частота носительства более длинных аллелей 6 и выше гена DRD4 не превышала 6% среди обследуемых лиц. Глобальная частота в мире варианта с 7 повторами DRD4 (20,6%), чаще этот генотип встречается в популяции США. При рассмотрении ассоциативной связи VNTR полиморфизма гена DRD4 с социальной поддержкой, обращает на себя внимание то, что чаще низкие показатели как ICC, так и SNI встречаются у носителей генотипа 4/6 и соответственно у носителя аллелей 6 и 7. С точки зрения психобиологической модели индивидуальности С.П. Клонингера более «длинные» аллельные варианты гена DRD4 связаны с «поиском новизны» [18-25]. Ген дофаминового транспортера (DAT) с VNTR в 3'-нетранслируемой области гена также исследуется как ген - кандидат в предрасположенности к психическим расстройствам. В изучаемой популяции преобладал гомозиготный генотип 10/10 гена DAT - более 50%, что согласуется с данными других авторов [26]. В изучаемой популяции мужчин наблюдалась ассоциация генотипа 10/10 гена DAT и соответственно аллеля 10 с более низкими показателями ICC и SNI. Как и в случае гена DRD4 VNTR полиморфизм гена DAT может быть связан с некоторыми патологическими состояниями в патогенезе, которых основную роль отводят нарушениям дофамина. Например, двумя независимыми группами исследователей была обнаружена взаимосвязь генотипа 10/10 с синдромом гиперактивности и дефицитом внимания [27].

Заключение. У мужчин 25-64 лет в открытой популяции г. Новосибирска чаще встречаются: низкие показатели индексов ICC (62%) и SNI (76,4%); генотип 4/4 гена DRD4 (57,9%); гомозиготный генотип 10/10 гена DAT. Определена достоверная связь генотипа 4/6 гена дофаминового рецептора 4-подтипа (DRD4) и генотипа 10/10 VNTR полиморфизма гена дофамин-транспортного белка DAT с низкими индексами близких контактов и социальных связей.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-16-54001 а/Т

Библиографический список

- Gottlieb, B.H. Social support as a focus for integrative research in psychology // American Psychologist. - 1983. - Vol. 38.
- Wilcox, B. Social support, life stress, and psychological adjustment: A test of the buffering hypothesis// American Journal of Community Psychology. - 1981. - Vol. 9.
- Goldberg, R. W., Rollins, A. L., & Lehman, A. F. Social network correlates among people with psychiatric disabilities// Psychiatric Rehabilitation Journal. - 2003. - Vol. 26(4).
- Гафарова, А.В. Социальная поддержка, уровни и ее связь с ИБС и другими психосоциальными факторами / А.В. Гафарова, В.В. Гафаров, И.В. Гагулин, В.А. Пак // Мир науки, культуры, образования. - 2010. - № 3.
- Гагулин, И.В. Социальная поддержка и ее влияние на риск возникновения артериальной гипертензии /И.В. Гагулин, В.В. Гафаров, А.В. Гафарова, Е.А. Громова, Ю.Н. Кабанов // Мир науки, культуры, образования. - 2009. - №5.
- Lin SH, Chen PS, Yeh TL, Yang YK. The dopamine hypothesis of social support// Med Hypotheses. - 2011. - Vol. 77(5).
- WHO Proposal for the Multinational Monitoring of Trends in cardiovascular disease. - Geneva, 1985.

8. World Health Organization. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested Measurement Instruments. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 1988.
9. WHO MONICA Project prepared by Kuulasmaa K. et al. Baseline population survey data book. MONICA Memo 178 A. Helsinki, 1990
10. Berkman, L.F., Syme L. Social networks, hostility resistance and mortality: a nine year follow-up study of Amelia County residents// Amer. J Epidemiol. -1979. – Vol. 109.
11. Nanko, S., Hattori M., Ikeda K. et al. Dopamine D4 receptor polymorphism and schizophrenia // Lancet. – 1993. V. 341.
12. Mitchell, R.J., Howlett S., Earl L. et al. Distribution of the 3' VNTR polymorphism in the human dopamine transporter gene in world populations // Human Biology. – 2000. – V. 72. – № 2.
13. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / Ахим Бюль, Петер Цёфель: пер. с нем. – СПб., 2002.
14. Glantz S. Biomedical statistics. Transl. From eng. M.: Praktika, 1998.
15. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в течение двух десятилетий и в период социально-экономического кризиса в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2000.
16. Гафаров, В.В. Психология здоровья населения в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2002.
17. Korsten, P., Mueller JC, Hermannstddter C, Bouwman KM, Dingemanse NJ, Drent PJ, Liedvogel M, Matthysen E, van Oers K, van Overveld T, Patrick SC, Quinn JL, Sheldon BC, Tinbergen JM, Kempenaers B. Association between DRD4 gene polymorphism and personality variation in great tits: a test across four wild populations // Mol Ecol. – 2010. – Vol. 19(4).
18. Cloninger, C.R., Svrakic D.M. Integrative psychobiological approach to psychiatric assessment and treatment // Psychiatry. – 1997. – №. 60.
19. Cloninger, C.R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants: A proposal // Arch. Gen. Psychiatry. – 1987. – № 44.
20. Cloninger CR, Zohar AH. Personality and the perception of health and happiness. J Affect Disord. 2011. – № 128 (1-2).
21. Munaf MR, Yalcin B, Willis-Owen SA, Flint J. Association of the dopamine D4 receptor (DRD4) gene and approach-related personality traits: meta-analysis and new data// Biol Psychiatry. 2008. – № 15; 63(2).
22. Matthews, L.J., Butler PM. Novelty-seeking DRD4 polymorphisms are associated with human migration distance out-of-Africa after controlling for neutral population gene structure// Am J Phys Anthropol. 2011. – №145(3).
23. Faraone, S.V. et al. The dopamine D4 gene 7-repeat allele is associated with ADHD in families ascertained through ADHD adults // Am. J. Med. Genet. – 1998. – V. 81. – № 6.
24. LaHoste G.J. et al. Dopamine D4 receptor gene polymorphism is associated with attention deficit hyperactivity disorder // Mol. Psychiatry. – 1996. – V. 1. – № 2.
25. Steyaert J., Devriendt K., Fryns J.P. 8p-syndrome: A new microdeletion syndrome associated with hyperactivity and aggressive behavior // Am. J. Med. Genet. – 1997. – V. 74. – № 6.
26. Mitchell R.J., Howlett S., Earl L. et al. Distribution of the 3' VNTR polymorphism in the human dopamine transporter gene in world populations // Human Biology. – 2000. – V. 72. – № 2.
27. Nieoullon, A. Dopamine and the regulation of cognition and attention. Prog Neurobiol. – 2002. – Vol. 67(1).

Bibliography

1. Gottlieb, B.H. Social support as a focus for integrative research in psychology // American Psychologist. – 1983. – Vol. 38.
2. Wilcox, B. Social support, life stress, and psychological adjustment: A test of the buffering hypothesis// American Journal of Community Psychology. – 1981. – Vol.9.
3. Goldberg, R. W., Rollins, A. L., & Lehman, A. F. Social network correlates among people with psychiatric disabilities// Psychiatric Rehabilitation Journal. – 2003. – Vol. 26(4).
4. Гафарова, А.В. Социальная поддержка, уровни и ее связь с ИБС и другими психосоциальными факторами / А.В. Гафарова, В.В. Гафаров, И.В. Гагулин, В.А. Пак // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3.
5. Гагулин, И.В. Социальная поддержка и ее влияние на риск возникновения артериальной гипертонии // И.В. Гагулин, В.В. Гафаров, А.В. Гафарова, Е.А. Громова, Ю.Н. Кabanov // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №5.
6. Lin SH, Chen PS, Yeh TL, Yang YK. The dopamine hypothesis of social support// Med Hypotheses. – 2011. – Vol. 77(5).
7. WHO Proposal for the Multinational Monitoring of Trends in cardiovascular disease. – Geneva, 1985
8. World Health Organization. MONICA Psychosocial Optional Study. Suggested Measurement Instruments. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 1988.
9. WHO MONICA Project prepared by Kuulasmaa K. et al. Baseline population survey data book. MONICA Memo 178 A. Helsinki, 1990
10. Berkman, L.F., Syme L. Social networks, hostility resistance and mortality: a nine year follow-up study of Amelia County residents// Amer. J Epidemiol. -1979. – Vol. 109.
11. Nanko, S., Hattori M., Ikeda K. et al. Dopamine D4 receptor polymorphism and schizophrenia // Lancet. – 1993. V. 341.
12. Mitchell, R.J., Howlett S., Earl L. et al. Distribution of the 3' VNTR polymorphism in the human dopamine transporter gene in world populations // Human Biology. – 2000. – V. 72. – № 2.
13. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / Ахим Бюль, Петер Цёфель: пер. с нем. – СПб., 2002.
14. Glantz S. Biomedical statistics. Transl. From eng. M.: Praktika, 1998.
15. Гафаров, В.В. Эпидемиология и профилактика хронических неинфекционных заболеваний в течение двух десятилетий и в период социально-экономического кризиса в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2000.
16. Гафаров, В.В. Психология здоровья населения в России / В.В. Гафаров, В.А. Пак, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова. – Новосибирск, 2002.
17. Korsten, P., Mueller JC, Hermannstddter C, Bouwman KM, Dingemanse NJ, Drent PJ, Liedvogel M, Matthysen E, van Oers K, van Overveld T, Patrick SC, Quinn JL, Sheldon BC, Tinbergen JM, Kempenaers B. Association between DRD4 gene polymorphism and personality variation in great tits: a test across four wild populations // Mol Ecol. – 2010. – Vol. 19(4).
18. Cloninger, C.R., Svrakic D.M. Integrative psychobiological approach to psychiatric assessment and treatment // Psychiatry. – 1997. – №. 60.
19. Cloninger, C.R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants: A proposal // Arch. Gen. Psychiatry. – 1987. – № 44.
20. Cloninger CR, Zohar AH. Personality and the perception of health and happiness. J Affect Disord. 2011. – № 128 (1-2).
21. Munaf MR, Yalcin B, Willis-Owen SA, Flint J. Association of the dopamine D4 receptor (DRD4) gene and approach-related personality traits: meta-analysis and new data// Biol Psychiatry. 2008. – № 15; 63(2).
22. Matthews, L.J., Butler PM. Novelty-seeking DRD4 polymorphisms are associated with human migration distance out-of-Africa after controlling for neutral population gene structure// Am J Phys Anthropol. 2011. – №145(3).
23. Faraone, S.V. et al. The dopamine D4 gene 7-repeat allele is associated with ADHD in families ascertained through ADHD adults // Am. J. Med. Genet. – 1998. – V. 81. – № 6.
24. LaHoste G.J. et al. Dopamine D4 receptor gene polymorphism is associated with attention deficit hyperactivity disorder // Mol. Psychiatry. – 1996. – V. 1. – № 2.
25. Steyaert J., Devriendt K., Fryns J.P. 8p-syndrome: A new microdeletion syndrome associated with hyperactivity and aggressive behavior // Am. J. Med. Genet. – 1997. – V. 74. – № 6.
26. Mitchell R.J., Howlett S., Earl L. et al. Distribution of the 3' VNTR polymorphism in the human dopamine transporter gene in world populations // Human Biology. – 2000. – V. 72. – № 2.
27. Nieoullon, A. Dopamine and the regulation of cognition and attention. Prog Neurobiol. – 2002. – Vol. 67(1).

Статья поступила в редакцию 25.07.12

УДК 616.314-089.28-053.9

Grohotov I.O., Oreshaka O.V., Pelganchuk T.A., Udina E.V. **INFLUENCE OF OZONETHERAPY ON THE PROCESS OF ADAPTATION OF ELDERLY PATIENTS TO REMOVABLE PARTIAL LAMINAR DENTURES.** At study the influence of ozone therapy on the level of oral hygiene, periodontal tissues, the function of salivary glands and oral microflora is reflected. Revealed reducing the time of adaptation of elderly patients receiving local ozone therapy to removable partial laminar dentures.

Key words: ozone therapy, adaptation, removable laminar dentures.

И.О. Грохотов, врач-интерн кафедры ортопедической стоматологии ГБОУ ВПО АГМУ, г. Барнаул, E-mail: grohotovilia@gmail.com; **О.В. Орешака**, д-р мед. наук, проф. каф. ортопедической стоматологии ГБОУ ВПО АГМУ, г. Барнаул, E-mail: oreshaka@yandex.ru; **Т.А. Пельганчук**, канд. хим. наук, доц. каф. общей химии ГБОУ ВПО АГМУ, г. Барнаул, E-mail: TatyanaPChem@mail.ru; **Е.В. Юдина**, канд. хим. наук, доц. каф. общей химии ГБОУ ВПО АГМУ, г. Барнаул, E-mail: katyudina@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ОЗОНОТЕРАПИИ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ПАЦИЕНТОВ К ЧАСТИЧНЫМ СЪЕМНЫМ ПЛАСТИНОЧНЫМ ПРОТЕЗАМ

В исследовании отражено положительное влияние озонотерапии на основные клико-лабораторные показатели органов и тканей полости рта. Выявлено сокращение сроков адаптации пожилых пациентов к частичным съемным пластиночным протезам в случае использования локальной озонотерапии.

Ключевые слова: озонотерапия, адаптация, съемные пластиночные протезы.

Несмотря на успехи в развитии современной ортопедической стоматологии, съемные пластиночные протезы остаются самыми распространенными из применяемых конструкций, особенно в пожилом возрасте [1]. Адаптация к ним является одной из сложных и до конца не решенных проблем, поэтому изучение влияния на данный процесс различных факторов, в частности, такого быстроразвивающегося раздела медицины как озонотерапия [2; 3], является, на наш взгляд, весьма перспективным.

Цель исследования: оптимизация процесса адаптации пожилых пациентов к частичным съемным пластиночным протезам путем локальной озонотерапии.

Материал и методы: в соответствии с поставленными задачами проведено клико-лабораторное обследование 42 пациентов (18 мужчин и 24 женщин) в возрасте от 56 до 70 лет, с частичными дефектами зубных рядов, которые ранее не пользовались съемными протезами.

Участники исследования были разделены на две группы. Первую составили 22 пациента, которым проводились аппликации озонированного оливкового масла, получаемого в соответствии с общепринятыми методиками [4], под базисы протезов в течение 14 дней после их наложения. В группу сравнения вошли 20 пациентов, не получавших какого-либо дополнительного лечения. Обследование пациентов проводилось перед протезированием, через 14 дней, 1,5 и 3 месяца после наложения протезов.

При обследовании пациентов оценивались интенсивность поражения зубов кариесом по индексам КПУ и КПУ(п), гигиеническое состояние полости рта по индексу Федорова-Володкиной (1971), распространенность воспаления десен (индекс РМА в модификации Парма (1976)), кровоточивость десен по Мюллеману-Саксеру (1975). Также определялся уровень кариесогенности зубного налета по Хардвигу-Мэнлоу в модификации проф. Недосеко (1991).

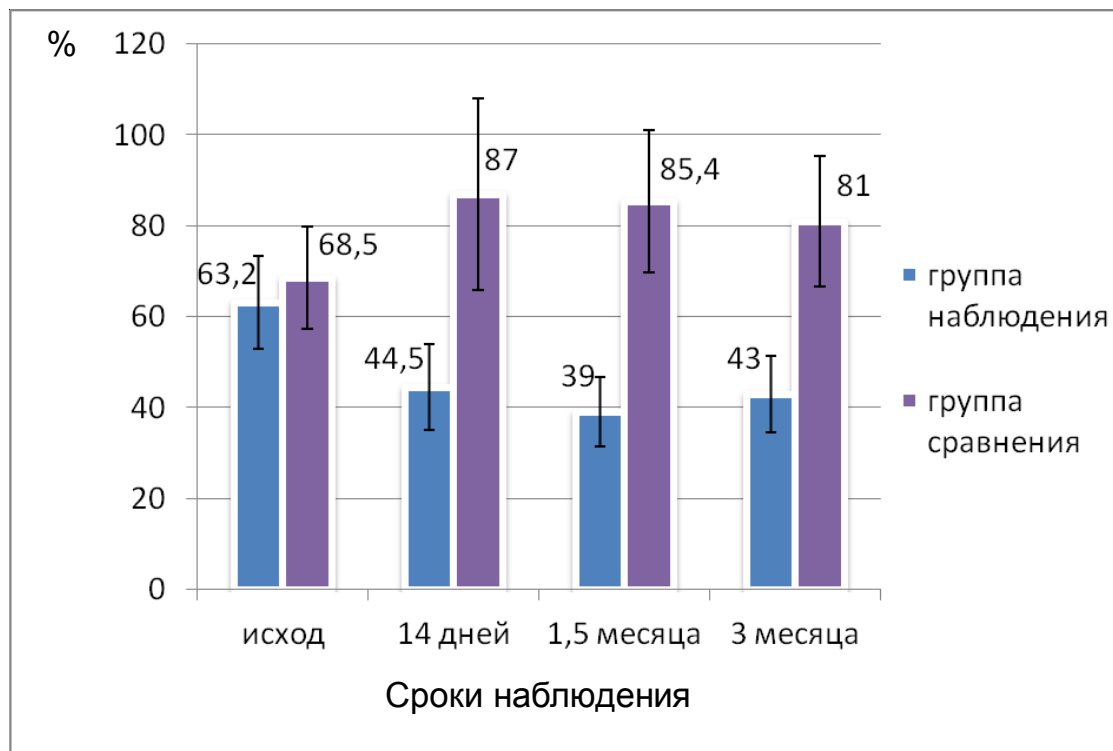

Рис. 1. Динамика значений папиллярно-маргинально-альвеолярного индекса у пациентов с частичными съемными пластиночными протезами

Исследование функциональных параметров слюноотделения включало определение скорости секреции нестимулированной слюны, ее вязкости по упрощенной методике Рединовой-Поздеевой (1994) и pH (с помощью потенциометрии).

Микробиологическое исследование проводилось традиционным и аппаратным (с использованием аппарата Micro-ScanWalkAway-40 plus, Siemens, США) методами с определением количественного и качественного состава микрофлоры полости рта.

Также проводился анализ анкет, заполняемых пациентами в процессе пользования съемными протезами для определения скорости их адаптации к ним (протокол №1 заседания Координационного совета АКОО «РНЦ» от 09.07.2010г.).

Результаты исследования. Анализ результатов проведенных исследований показал, что у пациентов обеих групп значения индекса гигиены в исходе значимо не отличались. Однако после наложения протезов к 14 дню в случае применения локальной озонотерапии уровень гигиены был существенно лучше ($1,28 \pm 0,12$ баллов), чем у пациентов, не получавших дополнительного лечения ($2,31 \pm 0,24$ баллов). Эти различия сохранялись до конца наблюдений.

На фоне ухудшения гигиенического состояния полости рта и раздражающего действия съемных протезов у пациентов группы сравнения регистрировалось повышение распространенности воспаления десен, с последующей стабилизацией данного показателя к трем месяцам. Применение озона, напротив, приводило к снижению значений индекса РМА к 14 дню с сохранением положительного эффекта в отдаленные сроки наблюдений (рис. 1).

При изучении кровотоочивости десен была выявлена сходная динамика, коррелирующая с изменением индекса РМА. В исследовании наблюдалось существенное уменьшение значений индекса кровотоочивости у пациентов с локальной озонотерапией при их увеличении у пациентов группы сравнения. Данные, полученные при изучении состояния тканей пародонта у обследованных лиц согласуются с имеющимися в литературе [5].

Одним из возможных факторов, приводящих к данным результатам, стало влияние озонотерапии на микрофлору полости рта, что подтверждалось как клинически (на основании снижения значений кариесогенности зубного налета в группе наблюдения с $1,83 \pm 0,32$ балла в исходе до $1,3 \pm 0,27$ балла к 14 дню), так и лабораторно (выявлена тенденция к росту количества условно-патогенной микрофлоры у пациентов группы сравнения, при сохранении качественного и количественного ее состава в случае применения озона).

При изучении скорости секреции слюны и ее вязкости достоверных различий между пациентами сравниваемых групп не определялось. У большинства из них скорость секреции слюны возрастала на протяжении первых двух недель после наложения протезов на фоне понижения ее вязкости, что объясняется реакцией на протез, как инородное тело в полости рта. К 3 месяцам скорость выработки слюны снижалась, вязкость напротив повышалась. Интересным являются существенные различия в значениях pH ротовой жидкости, определявшиеся в отдаленные сроки (более высокие значения у пациентов, с локальной озонотерапией), что можно объяснить меньшей распространенностью воспалительных процессов пародонта и слизистой оболочки и понижением активности резидентной микрофлоры полости рта (рис. 2).

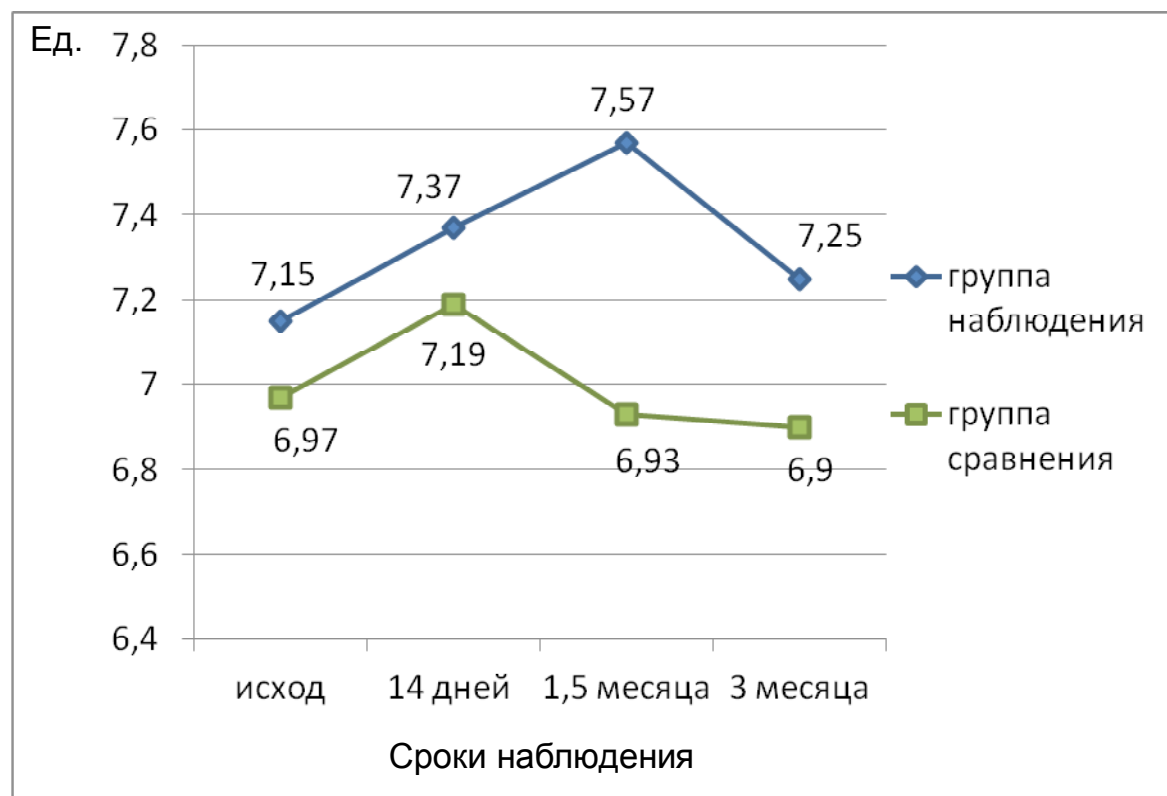

Рис. 2. Динамика значений pH ротовой жидкости у пациентов с частичными съемными пластиночными протезами

Анализ анкет показал сокращение сроков адаптации к частичным съемным пластиночным протезам в случае применения озонированного оливкового масла независимо от протяженности дефектов зубных рядов ($16,5 \pm 5,3$ дней у пациентов группы наблюдения и $21,4 \pm 2,4$ дней — группы сравнения).

Выводы: таким образом, локальная озонотерапия способствует ускорению процесса адаптации пожилых пациентов к частичным съемным пластиночным протезам за счет улучшения гигиенического состояния полости рта, состояния тканей пародонта и сохранения количественного и качественного состава нормальной микрофлоры полости рта.

Библиографический список

- Максюков, С.Ю. Осложнения и недостатки съемных зубных протезов и пути оптимизации повторного протезирования зубов / С.Ю. Максюков, В.Н. Олесова, В.Н. Калашников // Российский стоматологический журнал. — 2009. — № 6.
- Paolo N.Di., Bocci V., Gaggiotti E. Ozone therapy/ N. Di. Paolo, V. Bocci, E. Gaggiotti// The International Journal of Artificial Organs. — 2004. — № 3.
- Dvorak V. Ozon: 3. Vyuzitiozonuvestomatologii/ V. Dvorak// Progresdent. — 2004. — № 3.

4. Масленников, О.В. Руководство по озонотерапии / О.В. Масленников., К.Н. Конторщикова., И.А. Грибкова. — Н. Новгород, 2008.
5. Безрукова, И.В. Озонотерапия в пародонтологической практике / Безрукова И.В., Петрухина Н.Б. — М., 2008.

Bibliography

1. Maksyukov, S.Yu. Oslozhneniya i nedostatki sjhemnykh zubnykh protezov i puti optimizatsii povtornogo protezirovaniya zubov / S.Yu. Maksyukov, V.N. Olesova, V.N. Kalashnikov // Rossiyskiy stomatologicheskij zhurnal. — 2009. — № 6.
2. Paolo N.Di., Bocci V., Gaggiotti E. Ozone therapy/ N. Di. Paolo, V. Bocci., E. Gaggiotti// The International Journal of Artificial Organs. — 2004. — № 3.
3. Dvorak V. Ozon: 3. Vyuzitiye ozonovestomatologii/ V. Dvorak// Progresdent. — 2004. — № 3.
4. Maslennikov, O.V. Rukovodstvo po ozonoterapii / O.V. Maslennikov., K.N. Kontorshikova., I.A. Gribova. — N. Novgorod, 2008.
5. Bezrukova, I.V. Ozonoterapiya v parodontologicheskoy praktike / Bezrukova I.V., Petrukina N.B. — M., 2008.

Статья поступила в редакцию 10.07.12

УДК 611.716.1-611.92

Mareev O.V., Lepilin A.V., Kovalenko I.P., Mareev G.O., Geivondyan M.E. BASIC CHARACTERISTICS OF FACIAL SKULL LEADING TO THE COMPLICATIONS OF ENDODONTIC TREATMENT ON MAXILLA. Research is devoted to assessing the main anthropometric parameters of the facial skull as the basis of endodontic treatment complications, such as foreign bodies of maxillary sinuses. Article presented the results of our own research made on 105 full 3D CT-scans of the head.

Key words: foreign body of maxillary sinus, endodontic treatment, maxilla, processus alveolaris.

О.В. Мареев, д-р мед. наук, проф., зав. каф. оториноларингологии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: ovmareew@mail.ru; **А.В. Лепилин**, д-р мед. наук, проф., зав. каф. хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: lepilins@mail.ru; **И.П. Коваленко**, аспирант каф. оториноларингологии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: florina24@rambler.ru; **Г.О. Мареев**, канд. мед. наук, ассистент каф. оториноларингологии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: jey_trasher@mail.ru; **М.Э. Гейвондян**, студентка 5 курса, пед. факультет ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского», г. Саратов.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРОЕНИЯ ЛИЦЕВОГО СКЕЛЕТА, ПРИВОДЯЩИЕ К РАЗВИТИЮ ОСЛОЖНЕНИЙ ЭНДОДОНТИЧЕСКИХ ВМЕШАТЕЛЬСТВ НА ВЕРХНЕЙ ЧЕЛЮСТИ

Исследование посвящено установлению основных антропометрических особенностей строения лицевого скелета и верхнечелюстной пазухи, определяющих развитие осложнений при эндодонтических вмешательствах на верхней челюсти. Измерения проведены на 105 трехмерных компьютерных томограммах головы. По результатам исследования возможно формирование групп риска по типу строения лицевого скелета, для проведения последующих дополнительных исследований перед эндодонтическими вмешательствами, что позволит снизить их частоту.

Ключевые слова: инородные тела верхнечелюстной пазухи, эндодонтическое лечение, верхняя челюсти, верхнечелюстная пазуха, альвеолярный отросток.

В последние годы наблюдается рост числа одонтогенных верхнечелюстных синуситов в структуре ЛОР-заболеваний. В большой степени это связано с тем, что за последние десятилетия в нашей стране появились и нашли широкое применение новые эндодонтические технологии [1]; при этом значительную часть одонтогенных верхнечелюстных синуситов в современной практике определяет попадание и персистенция инородных тел в верхнечелюстную пазуху именно в результате эндодонтических вмешательств на зубах верхней челюсти. Проблема адекватного пломбирования каналов была и остается актуальной. По данным различных авторов, почти в 80% случаев каналы пломбируются некачественно, а в 1,5% наблюдений развившиеся осложнения, такие как попадание пломбировочного материала в полость верхнечелюстного синуса или в нижнечелюстной канал, требуют оперативного лечения непосредственно или в ближайшее время после эндодонтического лечения [2; 3]. Нередко диагностика подобного рода осложнений очень часто трудна и запаздывает, так как сроки появления первых клинических признаков заболевания колеблются от нескольких месяцев до года и более [4].

Основной предпосылкой к перфорации дна верхнечелюстной пазухи и проталкиванию в полость синуса пломбировочного материала считаются топографо-анатомические соотношения дна верхнечелюстной пазухи и вершечек малых и больших коренных зубов верхней челюсти [5].

Немаловажным аспектом этой проблемы является изучение анатомических особенностей строения верхней челюсти и альвеолярного отростка и их взаимоотношений в системе це-

лого черепа, выявление основных предрасположенностей к подобным осложнениям эндодонтических вмешательств (ЭВ). В литературе подобные вопросы освещены недостаточно полно и отсутствуют данные исследований по этой проблеме с применением современных методов. Например, имеющиеся сведения были получены путем описания сравнительно небольших выборок из коллекций мацерированных черепов [6; 7; 8; 9], что не дает возможности выявить основные закономерности строения лицевого скелета и расположения альвеолярного отростка и зубов. Также надо отметить, что в современной литературе не представлено репрезентативной антропологической выборки из человеческой популяции — возраст многих университетских коллекций черепов уже более ста лет; за это время антропологический состав населения на данной территории, как правило, уже подвергся весьма значительным изменениям. Обновление же этих коллекций в настоящее время встречает определенные трудности — прежде всего неоднозначность и неопределенность законодательного базиса, а также проблемы нравственно-этического характера.

В данном случае на помощь исследователю приходит компьютерная томография (КТ). Современные аппараты позволяют производить съемку и последующую виртуальную реконструкцию человеческого тела с очень высоким разрешением, что делает их привлекательным объектом для проведения антропометрических измерений. Это решает и проблему репрезентативности состава выборки населения, дает возможность работы с ныне живущим населением региона (что неизмеримо повышает актуальность проводимых измерений и получаемых сведе-

ний), а также делает исследование гораздо более точным, нежели традиционная антропометрия. Нами использовались компьютерные томограммы (КТ), полученные при помощи КТ-аппарата I-CAT (Imaging Sciences International, США). Сканер дентального томографа I-CAT работает с высоким разрешением, что позволяет получать изображения с разрешением до 0,12 мм. Измерения анатомических структур проведены на трехмерной реконструкции черепа по КТ в лицензионном пакете программного обеспечения «VISION» для просмотра КТ формата DICOM, прилагаемом к I-CAT. Всего на каждой томограмме измерялось 30 параметров:

1. Измерение лицевого черепа (полная высота, верхняя высота лица, скуловой диаметр, лицевой и верхнелицевой указатель).

2. Измерение верхней челюсти. (Март. 60.; Март. 62. Биом. ОI.; Март. 62а. Биом. GI.; Март. 61.; Март. 63. Биом. GI.; Биом. EH.).

3. Измерение верхнечелюстной пазухи (высота – наибольший вертикальный размер на сагиттальном срезе; ширина – наибольшая ширина на фронтальном срезе; глубина – переднезадний размер – наибольший переднезадний размер на сагиттальном срезе).

4. Измерения толщины костной пластинки альвеолярного отростка над корнями зубов (16 измерений).

Всего в исследовании принимали участие 105 лиц в возрасте от 18 до 60 лет, которым была выполнена компьютерная томография. Из них 48 лиц мужского пола, 47 женского пола. Обследованные были поделены на следующие группы: 1) лица без патологии верхнечелюстных пазух – 75 человек; 2) лица с инородными телами верхнечелюстных пазух – 30 человек.

Результаты исследования занесены в электронные таблицы формата Microsoft Excel. Для обработки полученных данных были использованы статистические методы математического анализа из пакета прикладных программ StatSoft Statistica 7.0 for Windows. Для каждого признака определялись: среднее арифметическое значение, ошибка среднего арифметического, среднее квадратическое (стандартное) отклонение и коэффициент вариации. Также нами вычислялся критерий значимости различия вариационных рядов (t-критерий Стьюдента), f-критерий (критерий Фишера). Степень выраженности связи между разными признаками изучалась с использованием линейной корреляции Пирсона. Критический уровень значимости при проверке статистических гипотез принимался равным 0,05, если не указано иное.

Для качественной характеристики размеров верхнечелюстных пазух и их взаимоотношения с альвеолярным отростком нами была использована классификация в зависимости от взаимного расположения дна верхнечелюстной пазухи и полости носа. Большинство верхнечелюстных пазух в контрольной выборке в нашем исследовании с обеих сторон относились к типу гиперпневматизированных (76,0%), гипопневматизированных и умеренно пневматизированных пазух отмечено значительно меньше (3,4% и 20,6%). Асимметрия по степени пневматизации пазух отмечалась в контрольной группе лиц только у 2-х больных (умер-гипо и гипер-умер типы строения). Обычно с обеих сторон наблюдается симметрия типа развития пазух (у 97,3% лиц в контрольной группе). Необходимо отметить несколько большее значение гипопневматизированных и умеренно пневматизированных («недоразвитых», с высоким стоянием дна пазухи) верхнечелюстных пазух с левой стороны (слева они встречаются чаще на 10,7%, чем справа). Это явление статистически достоверно с $P < 0.5$ при сравнении по f-критерию.

При определении типа строения лицевого скелета по лицевому и верхнелицевому указателю в указанных подгруппах (таблица 1) обнаружено, что в группе лиц с гипопневматизацией верхнечелюстной пазухи находятся исключительно лица с лептопрозопическим типом строения лицевого скелета (удлиненные лица, со значительным преобладанием высоты над шириной); в группе лиц с умеренной пневматизацией околоносовых пазух – также отмечается более значительное преобладание удлиненного строения лицевого скелета, в незначительном количестве встречаются и лица эупрозопического типа (менее высокие, более широкие лица). Данные отличия достоверны с вероятностью $P < 0.5$ по парному двухвыборочному t-критерию. Можно сделать вывод о наличии достоверной связи лицевого указателя (верхнелицевого указателя) со степенью пневматизации пазух и высотой стояния дна пазухи. Только лица с лептопрозопическим и мезопрозопическим типом строения лицевого скелета, практически вне зависимости от их пола могут иметь гипо- и умереннопневматизированные пазухи (с высоким стоянием дна верхнечелюстной пазухи).

При рассмотрении контрольной группы необходимо отметить что, у значительной части пациентов отмечены зубы, подвергавшиеся ранее ЭВ, не приведшим к появлению инородных тел верхнечелюстных пазух. Наибольшее число зубов, подвергавшихся эндодонтическим вмешательствам, имеется у лиц в возрастном промежутке 40-49 лет, в дальнейшем оно незначительно снижается, что, очевидно, обусловлено дальнейшей потерей зубов после ЭВ с возрастом. Всего в контрольной группе из 75 человек зубы с ЭВ были обнаружены у 38 лиц (50,6%), в общем количестве 126 зубов. В описанной нами контрольной группе статистически незначимо отмечалось некоторое преобладание количества мужчин над числом женщин (63% и 47%) по числу выявленных ЭВ.

Рассматривая анатомические параметры лицевого скелета и верхней челюсти надо отметить, что имеется определенная взаимосвязь между ними и строением верхнечелюстной пазухи, ее размерами и размерами альвеолярного отростка. Для вычисления корреляционных соотношений использовалась наибольшая по размеру пазуха. Средней силы прямая корреляционная связь (коэффициент линейной корреляции $k=0,41$) была получена между такими значениями как наибольшая высота и ширина верхнечелюстной пазухи и верхней высотой лица, а также скуловой диаметром ($k=0,35$). Слабая обратная зависимость ($k=-0,12$) наблюдается между лицевым указателем и наибольшей высотой верхнечелюстной пазухи, что указывает на большую выраженность ее пневматизации у лиц с эупрозопическим и мезопрозопическим типом строения лицевого скелета. Это подтверждает тезис о наличии гипопневматизированных пазух исключительно у лиц с лептопрозопическим типом строения лицевого скелета. Также наблюдается средней силы прямая связь между высотой синуса и ее наибольшей шириной ($k=0,55$) и глубиной ($k=0,46$). Ширина синуса зависит от ширины твердого неба M61 ($k=0,47$), а также может в некоторой степени зависеть от его длины M62a ($k=0,33$). Сильная прямая связь высоты альвеолярного отростка наблюдается между параметрами M61, M62, M62a, ($k=0,40$; $k=0,34$; $k=0,47$), что свидетельствует о зависимости высоты альвеолярного отростка от его длины и ширины. Следует отметить зависимость высоты альвеолярного отростка от количества отсутствующих зубов – средней силы обратная зависимость.

Таким образом, следует сделать вывод о зависимости высоты и ширины альвеолярного отростка от других размерностей

Таблица 1

Распределение лиц в контрольной группе по типу строения лицевого скелета (по лицевому и верхнелицевому указателю); по всей контрольной группе и по подгруппам в зависимости от типа пневматизации верхнечелюстной пазухи (дано в процентах от общего числа всех лиц со строением пазухи данного типа)

Тип строения лицевого скелета	Эурипрозопы	Мезопрозопы	Лептопрозопы
Гипопневматизация верхнечелюстной пазухи	0%	0%	100%
Умеренная пневматизация верхнечелюстной пазухи	6,7%	33,3%	60,0%
Гиперпневматизация верхнечелюстной пазухи	20,6%	27,0%	52,4%
Во всей контрольной группе	17,5%	27,5%	55,0%

Таблица 2

Статистическое сравнение распределения толщины костных пластинок над корнями зубов с ЭВ

Показатель	ЭВ без осложнений	ЭВ, осложненные инородными телами
Правые моляры		
Среднее	0,65±0,13	0,17±0,03
Наблюдения	16	9
Правые премоляры		
Среднее	0,56±0,29	0,24±0,02
Наблюдения	15	5
Левые премоляры		
Среднее	0,70±0,43	0,17±0,03
Наблюдения	11	9
Левые моляры		
Среднее	0,45±0,04	0,21±0,02
Наблюдения	12	7

лицевого скелета, а также его определенную зависимость от строения и пневматизации околоносовых пазух. Значительное количество отсутствующих зубов, особенно моляров и премоляров определяет развитие атрофии альвеолярного отростка со снижением его высоты, что может также являться предрасполагающим фактором к проникновению инородных тел в верхнечелюстную пазуху при ЭВ на имеющихся зубах.

При оценке взаимосвязи степени пневматизации пазухи (уровня стояния ее дна) и толщины костной пластинки над корнем зуба нами отмечено, что наибольшие значения толщины костной пластинки получены нами в группе лиц с гипопневматизацией верхнечелюстной пазухи (высоким стоянием дна), а наименьшие – в группе лиц с гиперпневматизацией пазух (низким стоянием дна пазухи). Это, в свою очередь указывает на определенную взаимосвязь толщины костной пластинки над корнем зуба и типом строения (пневматизации пазухи), также это доказывает и связь данного параметра с типом строения лицевого скелета.

Наименьшая толщина костной пластинки над корнями зубов верхней челюсти отмечена у 2-го премоляра и всех моляров. Нередко толщина этой пластинки менее 0,3 мм и она не визуализируется при КТ. У 3-го зуба корень обычно расположен в передней стенке верхней челюсти, что препятствует выведению пломбировочного материала при ЭВ. Задняя поверхность 3-го зуба нередко граничит с небольшой переднемедиальной бухтой верхнечелюстной пазухи, и расстояние от этой части зуба до синуса бывает минимальным. Нами отмечен лишь 1 случай попадания пломбировочного материала при ЭВ на 3-м моляре верхней челюсти.

В наших наблюдениях у 30 обследованных на КТ было обнаружено 31 инородное тело верхнечелюстных пазух (у одной больной отмечались инородные тела с обеих сторон). Можно отметить, что наиболее часто инородными телами верхнечелюстной пазухи осложняются ЭВ на 1,2 премолярах и 1 моляре верхней челюсти (80,6% от всей группы инородных тел). Достаточно часто встречаются и инородные тела после проведенного лечения на 2 моляре (12,9%). На стороне, на которой произошло осложнение, верхнечелюстной синус обычно имел гиперпневматический тип строения (90,3%) и лишь в 9,7% верхнечелюстной синус имел умеренно-пневматический тип строения;

гипопневматического типа не отмечалось. Обращает на себя внимание, что все «причинные зубы» имеют костную пластинку, отделяющую ее от верхнечелюстной пазухи крайне незначительной толщины – до 0,3 мм (таблица 2), а в ряде случаев эта пластинка не визуализируется на КТ. Указанное различие в ее толщине от группы сравнения значимо во всех группах зубов при сравнении по парному двухстороннему t-критерию.

Нами обосновано, что основным фактором, способствующим попаданию инородных тел в верхнечелюстную пазуху при ЭВ, является снижение толщины костной пластинки над корнями зубов верхней челюсти. Толщина костной пластинки над корнем зуба на верхней челюсти связана с анатомо-топографическими особенностями строения лицевого скелета человека в целом. Критической толщиной костной пластинки над корнем зуба следует признать толщину порядка 0,3 мм, при снижении этого показателя выведение инородного тела при эндодонтическом вмешательстве в верхнечелюстную пазуху практически неизбежно. Указанные размеры хорошо согласуются с изложенным в [7; 8; 9]. Отсутствие зубов на верхней челюсти является важным фактором, способствующим общим атрофическим изменениям альвеолярного отростка со снижением его высоты, уменьшением толщины костных пластинок над корнями зубов [10].

Среди лиц с мезопрозописическим и лептопрозописическим типом строения лицевого скелета в 29% случаев встречаются пазухи гипо- и умеренной пневматизации, что практически исключает у них риск развития осложнений ЭВ на зубах верхней челюсти, ввиду значительной толщины костной пластинки над корнем зуба. Наиболее опасными с точки зрения попадания инородных тел в верхнечелюстную пазуху следует считать ЭВ на 2-м премоляре и всех молярах, так как толщина костной пластинки над корнями этих зубов наименьшая.

Следует отметить, что возможно формирование групп риска по таким признакам, как тип строения лицевого скелета (что хорошо определяется в большинстве случаев без антропометрических измерений, по внешнему виду больного). У лиц, входящих в группы риска показано проведение КТ исследования головы для изучения типа строения лицевого скелета, пневматизации пазух, соотношения зубов и дна верхнечелюстной пазухи перед проведением ЭВ.

Библиографический список

- Григорьянц, Л.А. Тактика лечения больных с выведенным пломбировочным материалом за пределы корня зуба / Л.А. Григорьянц, В.А. Бадалян, М. Томазов // Клиническая стоматология. – 2001. – № 1.
- Боровский, Е.В. Проблемы эндодонтии по данным анкетирования // Клиническая стоматология. – 1998. – № 1.
- Николаев, А.И. Пути повышения качества эндодонтического лечения / А.И. Николаев, Л.М. Цепов, А.Г. Шаргородский // Клиническая стоматология. – 1999. – № 4.
- Шульман, С.В. Острые и хронические верхнечелюстные синуситы, развившиеся после эндодонтического лечения / С.В. Шульман, Ф.И. Шульман // Дантист. – 2001. – №1.
- Свержевский, Л.И. Аномалии гайморовых полостей // Ежемесячник ушных, горловых и носовых болезней. – 1910. – Т. 5(12).
- Zuckerkind, E. Normale und pathologische Anatomie der Nasenhöhle und ihrer pneumatischen Anhangorgane. Wien: Braumüller, 1882-92. – 1-2 vol.
- Воробьев, В.П. Анатомия, гистология и эмбриология полости рта и зубов / В.П. Воробьев, Г.В. Ясвин. – М.: JL, 1936.
- Januszewicz J., Pruszczyński M. Badania histopatologiczne błony śluzowej zatok szczękowych w przypadkach połączenia jamy ustnej z zatokami powstałymi po usunięciu zębów // Czas. Stomatol. – 1971. – Т. 25(2).
- Синева, В.И. Зависимость клиники одонтогенных гайморитов от морфологических особенностей верхней челюсти: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Л., 1980.
- Гайворонская, М.Г. Морфометрические характеристики верхней челюсти взрослого человека при полной адентии // Современные проблемы морфологии: материалы науч. конф. ученых-морфологов г. Санкт-Петербурга. – СПб., 2008.

Bibliography

1. Grigorjanc, L.A. Taktika lecheniya boljnihkh s vihvedennim plombirovochnim materialom za predelii kornya zuba / L.A. Grigorjanc, V.A. Badalyan, M. Tomazov // Klinicheskaya stomatologiya. – 2001. – № 1.
2. Borovskiy, E.V. Problemih ehndodontii po dannim anketirovaniya // Klinicheskaya stomatologiya. – 1998. – № 1.
3. Nikolaev, A.I. Puti povysheniya kachestva ehndodonticheskogo lecheniya / A.I. Nikolaev, L.M. Cepov, A.G. Shargorodskiy // Klinicheskaya stomatologiya. – 1999. – № 4.
4. Shuljman, S.V. Ostrihe i khronicheskie verkhnechelyustnihe sinusitih, razvivshiesya posle ehndodonticheskogo lecheniya / S.V. Shuljman, F.I. Shuljman // Dantist. – 2001. – №1.
5. Sverzhvskiy, L.I. Anomalii gayjmorovihkh polostey // Ezhesyachnik ushnikh, gorlovihkh i nosovihkh bolezney. – 1910. – Т. 5(12).
6. Zuckerkandl, E. Normale und pathologische Anatomie der Nasenho?hle und ihrer pneumatischen Anha?nge. Wien: Braumu?ller, 1882-92. – 1- 2 vol.
7. Vorobjev, V.P. Anatomiya, gistologiya i ehmbriologiya polosti rta i zubov / V.P. Vorobjev, G.V. Yasvoin. – М.; JL, 1936.
8. Januszewicz J., Pruszczyński M. Badania histopatologiczne błony śluzowej zatok szczękowych w przypadkach połączenia jamy ustnej z zatoką powstających po usunięciu zębów // Czas. Stomatol. – 1971. – Т. 25(2).
9. Sineva, V.I. Zavisimostj kliniki odontogennihkh gayjmoritov ot morfologicheskikh osobennostey verkhney chelyusti: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. – L., 1980.
10. Gayvoronskaya, M.G. Morfometricheskie kharakteristiki verkhney chelyusti vzroslogo cheloveka pri polnoy adentii // Sovremennihe problemih morfologii: materialih nauch. konf. uchenihkh-morfologov g. Sankt-Peterburga. – SPb., 2008.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

УДК 616

Firsov S.A. CONCOMITANT TRAUMATIC CRANIOCEREBRAL AND SKELETAL TRAUMA: MODERN POSSIBILITY OF FORECAST. Forecast and clinical course of combined skeletal and cranial injury is dependent on the severity of skeletal and brain injury, is determined by the mechanisms of repair and regeneration and adaptive reduction processes at different stages of damage. Necessary to consider the relationship of processes of bone regeneration, reconstruction and remodeling of bone with microcirculatory disorders and the role of the central nervous system in the process of bone regeneration.

Key words: concomitant traumatic craniocerebral and skeletal trauma, the mechanisms of repair and regeneration, adaptive recovery processes.

С.А. Фирсов, канд. мед.наук, ННИИТО, г. Новосибирск, E-mail: serg375@yandex.ru

СОЧЕТАННАЯ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВАЯ И СКЕЛЕТНАЯ ТРАВМА: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗА СОСТОЯНИЯ

Прогноз состояния и клинического течения сочетанных скелетных и черепно-мозговых повреждений находится в зависимости от тяжести скелетной и черепно-мозговой травмы, определяется механизмами репарации и регенерации и адаптивными восстановительными процессами на разных этапах повреждения. Необходимо учитывать взаимосвязи процессов костной регенерации, восстановления и ремоделирования кости с микроциркуляторными нарушениями, и роль центральной нервной системы в процессах костной регенерации.

Ключевые слова: сочетанная черепно-мозговая и скелетная травма, механизмы репарации и регенерации, адаптивные восстановительные процессы.

Сочетанная черепно-мозговая и скелетная травма (СЧМСТ) – это сложный патологический процесс, обусловленный повреждением нескольких анатомических областей, полостей или сегментов человеческого тела с выраженными проявлениями синдрома взаимного отягощения, содержащий в себе одновременно начало и развитие нескольких патологических состояний и проявляющийся глубокими нарушениями всех видов обмена веществ, изменениями в ЦНС, сердечно-сосудистой, дыхательной и гипоталамо-адренальной системах [1].

В России, как и в развитых странах Европы и США, по-прежнему главной причиной СЧМСТ является дорожно-транспортный травматизм, составляющий от 50 до 70%, и бытовая травма (26–30%). Реже отмечались падения с высоты (6%), производственные (3%) и спортивные (1%) травмы (Данные Госкомстата, 2007-2012 гг.) [2]. При множественных и сочетанных травмах тяжелые и критические состояния, травматический шок встречаются более чем у 50% пострадавших, летальность в ближайшие дни после поступления в стационар у пострадавших с множественными и сочетанными травмами составляет, по данным различных авторов, от 14 до 20% [3; 4; 5]. В этой ситуации возникает настоятельная необходимость не только разработки алгоритмов лечебной и восстановительной тактики, но и прогноза состояния и прогноза сроков репарации и регенерации.

Пристальное изучение множественных и сочетанных механических повреждений показало, что врачи скорой помощи еще недостаточно знают особенности этого вида патологии, организации помощи, диагностики и лечения [2; 3; 4; 6]. Повреждение ЦНС в результате сочетанной черепно-мозговой и скелетной травмы (СЧМСТ) может приводить к формированию критичес-

кого состояния, являющегося проявлением классической постарессивной реакции (SIRS-CARS-CHAOS) [7 – 10]. Эта реакция включает в себя системную воспалительную реакцию, орган-ные дисфункции и явления эндотелиальной дисфункции. В результате повреждения ЦНС происходит выпадение функций по механизму нейронного торможения (очаговая ишемия) и (или) перерыва структурных связей (сотрясение головного мозга), масштаб которых соответствует объему повреждения. Высокая пластичность нервной системы позволяет компенсировать орган-ную дисфункцию ЦНС за счет активизации резервных нейрон-ных сетей и перераспределения функций по генетически опре-деленному алгоритму. Но адаптивные нейрогуморальные меха-низмы в зависимости от тяжести ЧМТ и тяжести сочетанных ске-летных повреждений не достаточно ясны, что затрудняет про-гноз и разработку лечебно-восстановительной тактики.

Одним из таких адаптивных механизмов при СЧМСТ явля-ются изменения микроциркуляции. Микроциркуляторные дисфунк-ции при множественных и сочетанных травмах рассматрива-ются как причина полиорганной недостаточности [9; 13]. Однако этот вопрос нуждается в патофизиологическом обосновании. Эндотелиальные клетки первыми реагируют на изменение уров-ня напряжения и сдвиги в сосудистом русле в результате трав-мы, и способны в ответ на механические и гуморальные воздей-ствия вырабатывать вазоконстрикторные и вазодилаторные факторы. Эндотелий принимает непосредственное участие в деятельности ренин-ангиотензин-альдостероновой системы, имеющей непосредственное участие в реализации стресс-син-дрома и травматического шока. Именно эндотелий участвует в репаративных процессах, регулирует рост клеток и метаболизм внеклеточных компонентов. Ангиотензинпревращающий фер-

мент, который стимулирует гипертрофию и пролиферацию гладкомышечных клеток, усиливает апоптоз эндотелиальных клеток сосудов, увеличивает образование межклеточного матрикса и способствует развитию перекисного окисления липидов, – синтезируется именно в эндотелии. Динамика восстановления капиллярного кровообращения в пораженном очаге и роль эндотелиальной функции в этом процессе, а также в регуляции пролиферации и регенерации костной ткани, остается не до конца изученной. Диагностика и регулирование эндотелиальных реакций при тяжелых сочетанных травмах может направить и ускорить восстановительный процесс.

Клинические и рентгенологические наблюдения над заживлением переломов подняли большое количество вопросов [5]. Конечно, среди всех проблем заживления переломов, наиболее интересной является проблема так называемого первичного заживления перелома. Этот процесс, который, в сущности, состоит в заживлении без рентгенологического подтверждения образования мозоли, пропагандируется рядом авторов, как идеальный способ заживления переломов. Сведений, относящихся к гистоморфологическим процессам, связанным со вторичным заживлением переломов, накоплено большое количество, в то время как гистологически и клинически регенерат при первичном заживлении кости все еще остается менее изученным. Имеются сведения, что маркеры формирования костной ткани P1NP и P1CP, концентрация которых можно исследовать в сыворотке крови, могут регулировать костную репарацию и свидетельствовать о стадиях репаративного процесса [10]. В этом процессе неясна роль ЦНС при СЧМСТ, роль эндотелиальной реакции и иммуновоспалительных реакций.

Другой интересной проблемой является гетеротопическая оксификация. Эту проблему активно изучают в Белорусском НИИ травматологии и ортопедии (Воронович И.Р., Дулуб О.И., Пашкевич Л.А., Воронович А.И., И.Н. Матрос-Таранец, С.Б. Алексеев, Д.К. Калиновский, М.В. Пристром, Д.А. Дадонкин, 2005-2011). Этиология и патогенез гетеротопической оксификации требуют дальнейшего изучения, как необходима и разработка соответствующих методов диагностики, профилактики и лечения. Отмечена роль повреждения ЦНС в этиологии гетеротопической оксификации. Имеются сведения, что регуляторные нейропептиды (субстанция Р) проявляет активность, направленную на образование костей вне скелета. Возможно, в этом процессе определенная роль принадлежит эндотелиальным и иммуновоспалительным реакциям.

Таким образом, в настоящее время назрела настоятельная необходимость разработки программы диагностического мониторинга на всех этапах ведения травмированного пациента, включающую анализ нейрогуморальных сдвигов, эндотелиальных и микроциркуляторных функций, костно-репаративных маркеров. Данная программа должна быть основана на сравнительном анализе клинических наблюдений за разными группами пациентов: с изолированной ЧМТ, изолированной скелетной травмой и СЧМСТ. На основе сравнения показателей в этих группах необходимо выявить влияние повреждения черепа и ЦНС на процессы репарации кости, на основе сравнения показателей уточнить и конкретизировать понятие «взаимное отягощение» при

СЧМСТ. Эти наблюдения позволяют сформулировать концепцию прогноза костной регенерации в зависимости от характера черепно-мозговой и скелетной травмы и тактики лечения, используя данные диагностического мониторинга, а также выявить клинико-лабораторные и гистохимические проявления костной регенерации у пациентов с СЧМСТ в зависимости от состояния микроциркуляции и эндотелиальной функции, разработать эффективные схемы фармакологической защиты, основанные на понимании патогенетических механизмов адаптивных процессов при СЧМСТ, в зависимости от тяжести повреждения ЦНС и скелетных повреждений, с учетом механизмов костной регенерации.

На основании клинических результатов необходимо создание протокола ведения пациентов с СЧМСТ, дифференцированно для разных групп больных, с разной степенью повреждения ЦНС и разной степенью скелетных повреждений.

В структуре стандарта интенсивной терапии СЧМСТ необходимо выделить несколько разделов:

- алгоритм тактики, описывающий систему взаимодействия между субъектами оказания неотложной помощи (скорая помощь, диагностические службы, нейрохирургические отделения, реанимационно-анестезиологические подразделения) при оказании поэтапной помощи больным с СЧМСТ;

- алгоритм тактики хирургической помощи при СЧМСТ с определением сроков проведения органо-сберегающих вмешательств на костях скелета, их объем, технология, в зависимости от характера и степени тяжести ЧМТ;

- лечебные рекомендации по предотвращению взаимного отягощения при СЧМСТ, построенные на основе международных протоколов и консенсусов;

- лекарственный формуляр, включающие минимально достаточный перечень медикаментов и расходных материалов для реализации лечебных рекомендаций, в том числе и для мониторинга;

- шкалы оценки состояния и исходов – свод классификации и шкал, необходимых для унифицированного подхода к клинической оценке состояния больных с СЧМСТ.

Введение предлагаемого стандарта поможет оптимизировать хирургическую тактику и существенно улучшить показатели лечения больных с СЧМСТ, обеспечит значительный социальный и экономический эффект. Социальная эффективность обусловлена, прежде всего, улучшением исходов лечения, предупреждением развития стойкой инвалидности у пролеченных больных. Экономическая эффективность обусловлена сокращением периода лечения, длительности временной нетрудоспособности и связанных с этим народно-хозяйственных потерь. Сокращение сроков пребывания больного в стационаре позволит сэкономить 46,0 тыс.руб. в год.

При этом экономия средств на выплату пенсий и пособий по инвалидности составит 152,1 тыс.руб. За счет возвращения пролеченных больных к трудовой деятельности в более ранние сроки будет обеспечен дополнительный рост объема производства на 259,6 тыс.руб. в год. Суммарный ежегодный экономический эффект от применения результатов исследования составит 457,7 тыс. руб. из расчета лечения 100 пациентов с СЧМСТ в год.

Библиографический список

1. Лебедев, В.В. Неотложная нейрохирургия / В.В. Лебедев, В.В. Крылов. – М., 2000.
2. Агаджанян, В.В. Основные принципы организации и тактики медицинской транспортировки пострадавших с политравмой / В.В. Агаджанян, А.В. Шаталин, С.А. Кравцов // Вестн. травматол. и ортопед. им. Н.Н. Приорова. – 2009. – № 1.
3. Братищев, И.В. Принципы транспортировки пациентов в критическом состоянии // Рос. мед. журн. – 2008. – № 3.
4. Чмелев, В.С. Организация экстренной нейрохирургической помощи больных с тяжелой сочетанной черепно-мозговой травмой в региональных лечебных учреждениях. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – Москва, 2008.
5. Ярошецкий, А.И. Интегральные системы в оценке прогноза тяжелой политравмы / А.И. Ярошецкий, Д.Н. Проценко, О.В. Игнатенко, Б.Р. Гельфанд // Медицина неотложных состояний. – 2009. – № 5(24).
6. Гельфанд, Б.Р. Интегральные системы оценки тяжести состояния больных при политравме / Б.Р. Гельфанд, А.И. Ярошецкий, Д.Н. Проценко [и др.] // Вестн. интенсивной терапии. – 2004. – № 1.
7. Шумахер, Г.И. Роль дисфункции эндотелия в запуске иммунопатологических реакций при хронической ишемии головного мозга / Г.И. Шумахер, Е.Н. Воробьева, Е.В. Нечунаева [и др.] // Бюл. сибирской медицины. – 2008. – № 5.
8. Верещагин, Е.И. Современные возможности нейропротекции при острых нарушениях мозгового кровообращения и черепно-мозговой травме (Обзор литературы) // Медицина неотложных состояний. – 2009. – № 2(21).
9. Чурляев, Ю.А. Нарушения микроциркуляции, внутричерепного давления и церебрального перфузионного давления при тяжелой черепно-мозговой травме / Ю.А. Чурляев, М.Ю. Верейн, Д.Г. Данцигер, С.Л. Кан, В.Я. Мартыненко, Е.В. Григорьев // Общая реаниматология. – 2008. – № 5.
10. Klijn, E. The heterogeneity of the microcirculation in critical illness / Klijn E., Den Uil C.A., Bakker J., Ince C. // Clin. Chest Med. – 2008. – № 29.
11. Wolin, M.S. Reactive oxygen species and the control of vascular function // Am. J. Physiol. Heart Circ. Physiol. – 2009. – № 296.
12. Мороз, В.В. Вторичные повреждения головного мозга при тяжелой черепно-мозговой травме / В.В. Мороз, Ю.А. Чурляев. – М., 2006.
13. Каменева, Е.А. Диагностика и коррекция нарушений гемостаза при тяжелой черепно-мозговой травме / Е.А. Каменева, Е.В. Григорьев, А.С. Разумов, Г.А. Ли [и др.] // Общая реаниматология. – 2006. – 1(12).

Bibliography

1. Lebedev, V.V. Neotlozhnaya neyrokhirurgiya / V.V. Lebedev, V.V. Krihlov. – M., 2000.
2. Agadzhanian, V.V. Osnovniye principy organizatsii i taktiki medicinskoj transportirovki postradavshikh s politravmoy / V.V. Agadzhanian, A.V. Shatalin, S.A. Kravcov // Vestn. travmatol. i ortoped. im. N.N. Priorova. – 2009. – № 1.
3. Bratithev, I.V. Principy transportirovki pacientov v kriticheskom sostoyanii // Ros. med. zhurn. – 2008. – № 3.
4. Chmelyev, V.S. Organizatsiya ehkstreynoy neyrokhirurgicheskoy pomochi bolnykh s tyazheloy sochetannoy cherepno-mozgovoy travmoy v regionalnykh lechebnykh uchrezhdeniyakh. Avtoref. diss. ... kand. med. nauk. – Moskva, 2008.
5. Yaroshechkiy, A.I. Integralniye sistemiy v ocenke prognoza tyazheloy politravmy / A.I. Yaroshechkiy, D.N. Prochenko, O.V. Ignatenko, B.R. Gelfand // Medicina neotlozhnykh sostoyaniy. – 2009. – № 5(24).
6. Gelfand, B.R. Integralniye sistemiy ocenki tyazhesti sostoyaniya bolnykh pri politravme / B.R. Gelfand, A.I. Yaroshechkiy, D.N. Prochenko [i dr.] // Vestn. intensivnoy terapii. – 2004. – № 1.
7. Shumakher, G.I. Rol' disfunktsii ehndoteliya v zapuske immunopatologicheskikh reaktsiy pri khronicheskoy ishemii golovnoy mozga / G.I. Shumakher, E.N. Vorobjeva, E.V. Nechunaeva [i dr.] // Byul. sibirskoy medicini. – 2008. – № 5.
8. Verethagin, E.I. Sovremennye vozmozhnosti neyroprotektsii pri ostriykh narusheniyakh mozgovogo krovoobrazheniya i cherepno-mozgovoy travme (Obzor literatury) // Medicina neotlozhnykh sostoyaniy. – 2009. – № 2(21).
9. Churlyayev, Yu.A. Narusheniya mikrocirkulyatsii, vnutricherepnogo davleniya i cerebral'nogo perfuzionnogo davleniya pri tyazheloy cherepno-mozgovoy travme / Yu.A. Churlyayev, M.Yu. Verein, D.G. Danciger, S.L. Kan, V.Ya. Martihnenkov, E.V. Grigorjev // Obshchaya reanimatologiya. – 2008. – № 5.
10. Klijn, E. The heterogeneity of the microcirculation in critical illness / Klijn E., Den Uil C.A., Bakker J., Ince C. // Clin. Chest Med. – 2008. – № 29.
11. Wolin, M.S. Reactive oxygen species and the control of vascular function // Am. J. Physiol. Heart Circ. Physiol. – 2009. – № 296.
12. Moroz, V.V. Vtorichnye povrezhdeniya golovnoy mozga pri tyazheloy cherepno-mozgovoy travme / V.V. Moroz, Yu.A. Churlyayev. – M., 2006.
13. Kameneva, E.A. Diagnostika i korektsiya narusheniy gemostaza pri tyazheloy cherepno-mozgovoy travme / E.A. Kameneva, E.V. Grigorjev, A.S. Razumov, G.A. Li [i dr.] // Obshchaya reanimatologiya. – 2006. – 1(12).

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 612.017.2:616.12-008.331(1-17)

Hasnulin V.I., Hasnulina A.V. INDIVIDUAL PECULIARITIES OF METABOLIC CHARACTERISTICS AND RESISTANCE TO PSYCHO-EMOTIONAL STRESS IN THE NORTH. It is shown that one of the important mechanisms of adaptive resistance to psycho-emotional stress in uncomfortable climatic and geographical conditions is an individual, pheno- and genotypically caused ability of human body to use lipids and proteins coming from foods in metabolic processes, while maintaining the ure concentration in blood within the range of physiological norm. The significance of carbohydrates in metabolism in the process of adaptation to extreme environmental conditions is reduced. The features of adaptive type of metabolism resistant to psycho-emotional stress will serve to form a economic human diet in the extreme conditions of the North.

Key words: adaptive type, psycho-emotional stress, proteins, lipids, and carbohydrates in adaptation, metabolic mechanisms of resistance to stress, metabolic correction of stress.

В.И. Хаснулин, д-р мед. наук, проф., руководитель лаборатории ФГБУ Научного центра клинической и экспериментальной медицины СО РАМН, г. Новосибирск; **А.В. Хаснулина**, канд. мед. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУ Научного центра клинической и экспериментальной медицины СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: hasnulin@ngs.ru

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАБОЛИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И УСТОЙЧИВОСТЬ К ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОМУ СТРЕССУ НА СЕВЕРЕ

Показано, что одним из важных механизмов формирования адаптивной устойчивости к психоэмоциональному стрессу в дискомфортных климатогеографических условиях является индивидуальная, фенотипически обусловленная способность организма использовать в метаболических процессах жиры и белки, поступающие с пищей, при сохранении концентрации белка и липидов в крови в пределах физиологической нормы. Значение использования углеводов в обменных процессах в процессе адаптации к экстремальным природным условиям уменьшается. Выявленные особенности устойчивого к психоэмоциональному стрессу адаптивного типа метаболизма способствуют формированию более экономичного рациона питания человека в экстремальных условиях Севера.

Ключевые слова: адаптивный тип, психоэмоциональный стресс, белки, жиры, углеводы при адаптации, метаболические механизмы устойчивости к стрессу, метаболическая коррекция стресса.

Одним из важных выводов исследований антропологов и физиологов, раскрывающих эволюционно закрепленные механизмы формирования способности человека адаптироваться к различным неблагоприятным климатогеографическим условиям регионов планеты, является выделение у человека адаптивных типов, определяющих стратегии адаптации к тем или иным дискомфортным климатогеографическим условиям. Речь идет о выделении генотипически обусловленных региональных адаптивных типов, проявляющихся в тенденции к изменению структурных и функциональных признаков в направлении, наиболее благоприятном для существования в определенной среде [1]. Адаптивные типы (высокогорный, арктический, аридный, тропический и др.) в зависимости от соответствия конкретным климатогеографическим факторам имеют определенное сочетание черт строения тела и тип обмена веществ. Особенно привлекают внимание данные исследований [2 – 5] о возможностях арктического адаптивного типа приспособления к экстремальным

природным факторам высоких широт с помощью переключения обменных процессов на белково-жировой тип метаболизма.

Последующие наши исследования и работы других ученых [5 – 9], показали, что не только в северных, но и в других регионах с неблагоприятными климатогеографическими условиями процесс адаптации нуждается в увеличенном использовании в обмене веществ белков, жиров, жирорастворимых витаминов и снижении потребности в углеводах. Этими же работами было показано, что наиболее эффективное переключение на белково-жировой тип метаболизма происходит у коренных жителей Севера, обладающих арктическим адаптивным типом. Похожими способностями переключаться на северный тип метаболизма обладают и потомки нескольких поколений переселенцев, адаптировавшихся на Севере в течение нескольких столетий.

Вместе с тем, исследования [10; 11; 12] подтвердили наличие серьезных нарушений липидного обмена у пришлого населения Севера в виде торможения процесса катаболизма липидов

ротеидов очень низкой плотности и накопления атерогенных липидов в крови, обусловленное снижением липолитической активности крови. Возникающие при этом у пришлых жителей Севера негативные метаболические проявления синдрома поларного напряжения (северный стресс) усиливают интенсивность окислительного стресса, повреждающего мембранные и клеточные элементы органов и тканей; способствуют формированию северного функционального иммунодефицита; усиливают процессы склерогенеза и атерогенеза; ускоряют приход уже в молодом возрасте хронических сердечно-сосудистых и других заболеваний; способствуют развитию преждевременного старения организма человека [13].

Все перечисленное определило необходимость при изучении механизмов адаптивной устойчивости к развитию одного из важных проявлений северного стресса – психоэмоционального напряжения, оценить особенности характеристик содержания белка, липидов и углеводов в крови у молодых здоровых жителей Севера в сравнении с аналогичными показателями у жителей средних широт, а также выяснить предпочтения белковых, жировых и углеводных компонентов у жителей высоких широт при формировании рационов питания.

Материалы и методы исследования. Проведено комплексное психофизиологическое, клинико-лабораторное, функциональное и биохимическое обследование практически здоровых молодых людей в возрасте 17-25 лет в г. Кызыле (232 человека), г. Архангельске (82 человека), г. Норильске (104 человека), п. Ямбург (72 человека), Новосибирске (65 человек – контрольная группа). Обследование соответствовало стандартам Хельсинкской декларации 1975 года и её пересмотра 1983 года. От каждого обследованного человека получено информированное согласие на использование материалов в научных обобщениях. Для определения выраженности психоэмоционального стресса использованы психотесты Спилбергера–Ханина, Люшера и скрининг-оценка дизадаптивных функциональных и патологических состояний с помощью компьютерной программы «СКРИНМЕД» (ФГБУ НЦКЭМ СО РАМН). Содержание гормонов в сыворотке крови определялось радиоиммунным методом с использованием коммерческих наборов. Биохимические параметры опреде-

лялись с использованием стандартизованных наборов на биохимическом анализаторе.

Статистическую обработку данных проводили с использованием стандартного пакета статистических программ STATISTICA (StatSoft, США) версии 7.0. Количественные данные представлены в виде средних показателей (М) и стандартной ошибки среднего (m) при нормальном распределении показателей. Статистическую значимость различий определяли по парному t-критерию Стьюдента для независимых выборок, пороговый уровень статистической значимости принимался при значении критерия $p < 0,05$. Корреляционный анализ проводился по методу Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Полученные данные (таблица 1) свидетельствуют о том, что наиболее выраженные проявления климатогеографического стресса в виде высокого уровня психоэмоционального напряжения и достоверно более высокой концентрации стрессового гормона кортизола в крови молодых здоровых людей наблюдались на Севере.

При этом, наибольшие показатели психоэмоционального напряжения выявлялись в наиболее неблагоприятном по сумме биологически значимых климато-геофизических факторов регионе Севера на широте 69 градусов в г. Норильске (табл. 2). Повышение уровня психоэмоционального напряжения на Севере сопровождалось подъемом уровня холестерина, триглицеридов, липопротеинов низкой и очень низкой плотности (ЛПНП и ЛПОНП). Уровень концентрации липопротеинов низкой и очень низкой плотности в крови у молодых жителей Севера превышал содержание ЛПНП и ЛПОНП у молодых людей в средних широтах в г. Архангельске на 70%, в г. Норильске на 76%, в п. Ямбург на 130%.

В целом же, как уже описывалось во многих предшествующих исследованиях, у пришлых здоровых жителей Севера при формировании климато-географически обусловленного психоэмоционального стресса достоверно повышается концентрация холестерина, триглицеридов, ЛПНП и ЛПОНП в крови. Именно формированием стресс реакции можно объяснить увеличение в крови обследованных молодых людей концентрации липидов, что не противоречит выводам других исследователей [2; 5; 11; 12].

Таблица 1

Сравнительные характеристики проявлений климатогеографического стресса у студентов Республики Тыва и г. Архангельска в сравнении с г. Новосибирском

Показатели	Новосибирск	Республика Тыва	Архангельск
Кортизол, нмоль/л	289,0 ± 12,4	354,5 ± 11,8 ($p < 0,003$)	467,3 ± 19,9 ($p < 0,001$)
Психоэмоциональное напряжение, усл. ед.	10,8 ± 0,90	16,0 ± 0,65 ($p < 0,001$)	19,2 ± 1,60 ($p < 0,001$)
Холестерин, ммоль/л	4,2 ± 0,06	4,6 ± 0,20	4,8 ± 0,10 ($p < 0,001$)
Триглицериды, мг%	0,90 ± 0,04	0,97 ± 0,04	0,94 ± 0,04
Сахар, ммоль/л	4,9 ± 0,06	4,9 ± 0,1	4,95 ± 0,07
Белок, г/л	72,7 ± 0,7	79,0 ± 0,8 ($p < 0,001$)	76,9 ± 0,7 ($p < 0,001$)

Таблица 2

Показатели концентрации липидов и сахара в крови в зависимости от уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) у здоровых жителей Севера и Республики Тыва

Уровни липидов	Холестерин (ммоль/л)	Триглицериды (мг%)	Сахар (ммоль/л)	ПЭН (усл. Ед.)	Кортизол (нмоль/л)
Архангельск					
низкий	4,6 ± 0,1	0,69 ± 0,02	4,8 ± 0,09	12,3 ± 0,8	469,4 ± 27,2
высокий	5,1 ± 0,2 ($p < 0,01$)	1,45 ± 0,07 ($p < 0,001$)	5,1 ± 0,1 ($p < 0,05$)	20,7 ± 2,6 ($p < 0,003$)	488,0 ± 31,2
Норильск					
низкий	5,1 ± 0,1	0,96 ± 0,11	5,0 ± 0,1	8,4 ± 0,2	535,7 ± 23,3
высокий	6,2 ± 0,1 ($p < 0,001$)	1,45 ± 0,06 ($p < 0,001$)	5,3 ± 0,1 ($p < 0,05$)	26,3 ± 0,3 ($p < 0,001$)	565,1 ± 22,6
Ямбург					
низкий	5,1 ± 0,2	0,89 ± 0,05	5,3 ± 0,1	10,4 ± 0,6	305,3 ± 21,8
высокий	6,4 ± 0,1 ($p < 0,001$)	1,9 ± 0,08 ($p < 0,001$)	5,6 ± 0,1 ($p < 0,05$)	14,1 ± 1,1 ($p < 0,003$)	328,8 ± 17,8
Республика Тыва					
низкий	3,9 ± 0,08	0,68 ± 0,02	4,4 ± 0,08	17,7 ± 0,7	556,0 ± 22,1
высокий	4,5 ± 0,1 ($p < 0,001$)	1,32 ± 0,06 ($p < 0,001$)	4,6 ± 0,1	29,5 ± 2,1 ($p < 0,001$)	592,8 ± 18,8
Новосибирск	4,2 ± 0,06	0,90 ± 0,04	4,9 ± 0,06	10,8 ± 0,9	289,0 ± 12,4

Таблица 3

Психозмоциональное напряжение (ПЭН), кортизол в крови в зависимости от уровня липидов в сыворотке крови

Уровни липидов	Холестерин (ммоль/л)	Триглице-риды (мг%)	Сахар (ммоль/л)	ПЭН (усл. Ед.)	Кортизол (нмоль/л)
Архангельск низкий высокий	4,6±0,1	0,69±0,02	4,8±0,09	12,3±0,8	469,4±27,2
	5,1±0,2 (p<0,01)	1,45±0,07 (p<0,001)	5,1±0,1 (p<0,05)	20,7±2,6 (p<0,003)	488,0±31,2
Норильск низкий высокий	5,1±0,1	0,96±0,11	5,0±0,1	8,4±0,2	535,7±23,3
	6,2±0,1 (p<0,001)	1,45±0,06 (p<0,001)	5,3±0,1 (p<0,05)	26,3±0,3 (p<0,001)	565,1±22,6
Ямбург низкий высокий	5,1±0,2	0,89±0,05	5,3±0,1	10,4±0,6	305,3±21,8
	6,4±0,1 (p<0,001)	1,9±0,08 (p<0,001)	5,6±0,1 (p<0,05)	14,1±1,1 (p<0,003)	328,8±17,8
Республика Тыва низкий высокий	3,9±0,08	0,68±0,02	4,4±0,08	17,7±0,7	556,0±22,1
	4,5±0,1 (p<0,001)	1,32±0,06 (p<0,001)	4,6±0,1	29,5±2,1 (p<0,001)	592,8±18,8
Новосибирск	4,2 ± 0,06	0,90 ± 0,04	4,9 ± 0,06	10,8 ± 0,9	289,0±12,4

Таблица 4

Содержание белка, жиров и углеводов в суточном рационе питания здоровых жителей Севера и Республики Тыва в зависимости от уровня концентрации липидов в крови

	Показатели липидов в крови на Севере		Показатели липидов в крови в Республике Тыва	
	норма	высокие	норма	высокие
Общий жир, г/сутки	124,8 ± 2,7	121,2 ± 3,6	105,9 ± 3,6	108,0 ± 3,7
НЖК, г/сутки	25,4 ± 0,8	38,7 ± 0,9	34,6 ± 1,3	36,1 ± 2,2
ПНЖК, г/сутки	27,2 ± 1,1	25,4 ± 0,8	28,0 ± 1,7	27,7 ± 1,1
n6-ПНЖК, г/сутки	21,3 ± 0,6	22,7 ± 0,7	26,2 ± 1,7	25,6 ± 1,0
n3-ПНЖК, г/сутки	5,9 ± 0,2	2,7 ± 0,2	1,8 ± 0,2	2,1 ± 0,1
Холестерин, г/сутки	192,3 ± 8,8	256,4 ± 11,9	204,6 ± 7,2	215,1 ± 9,2
Общие углеводы, г/сутки	173,3 ± 7,7	306,4 ± 8,8	323,4 ± 5,1	363,2 ± 12,3
Белок, г/сутки	84,5 ± 3,4	65,3 ± 2,8	68,9 ± 1,7	73,8 ± 2,1

Однако, выделение нами среди обследованных людей групп, отличающихся высоким и низким уровнем психозмоционального напряжения (таблица 2), не говорит об однозначности зависимости высокого уровня липидов в крови от нарастания психозмоционального стресса. Более того, у молодых людей в г. Норильске и в п. Ямбург в группах с высоким и низким уровнем психозмоционального напряжения не обнаружено достоверное отличие концентрации в крови холестерина и триглицеридов, при их повышенном содержании в сравнении с аналогичными показателями у здоровых жителей средних широт. Не вполне понятно, какие физиологические механизмы определяют в одних и тех же климатогеографических условиях у молодых людей одного и того же возраста высокую или низкую устойчивость к формированию психозмоционального стресса.

Учитывая существующие данные [2; 3; 5] о зависимости эффективности адаптивных процессов в высоких широтах от фено-генотипически обусловленных особенностей метаболических процессов с превалированием использования липидно-белковых компонентов и, соответственно, предпочтения рациона питания, мы изучили особенности психозмоционального напряжения у молодых людей на Севере и в средних широтах в зависимости от уровня содержания в их крови липидов и сахара (таблица 3).

Оказалось, что во всех трех изученных регионах Севера (г. Архангельск, г. Норильск, п. Ямбург) у людей, сохраняющих уровень концентрации липидов в крови в пределах физиологических норм или поддерживающих лишь незначительное их повышение, психозмоциональное напряжение соответствует по своему уровню показателям у здоровых жителей средних широт. У здоровых людей, реагирующих на действие климатогеографических факторов высоких широт значимым повышением содержания холестерина, триглицеридов и других липидов в кро-

ви, уровень психозмоционального напряжения превышает аналогичные показатели у людей с нормальным уровнем липидов на 40-125 процентов. Корреляционный анализ подтвердил, что уровень психозмоционального напряжения при низкой концентрации липидов в крови практически не зависит или находится в обратной зависимости (от холестерина – $r = 0,06$; от триглицеридов – $r = -0,20$; от общих липидов – $r = -0,08$; от альфа-холестерина – $r = 0,02$). При высокой концентрации липидов в крови уровень психозмоционального напряжения находился в корреляционной зависимости от холестерина – $r = 0,62$; от триглицеридов – $r = 0,11$; от общих липидов – $r = 0,35$; от альфа-холестерина – $r = -0,43$.

Таким образом, данные проведенного исследования позволяют говорить о том, что люди, со способностью к поддержанию стабильной не высокой концентрации липидов в крови при адаптации к экстремальным климатогеографическим условиям Севера, оказываются более устойчивыми к формированию психозмоционального напряжения.

Вместе с тем, полученные результаты свидетельствуют о том, что более эффективное использование липидов при адаптации на Севере является важным приспособительным механизмом, отличающим устойчивый к северным стрессирующим природным факторам морфофункциональный полярный (арктический) адаптивный тип. Этому заключению мы нашли подтверждение в результатах анализа содержания белков, жиров и углеводов в рационах питания молодых людей на Севере в сравнении с молодыми жителями республики Тыва (таблица 4).

Выяснилось, что жители Севера, более устойчивые к психозмоциональному стрессу и имеющие нормальный уровень липидов в крови, придерживаются, по сравнению с северянами с высокими концентрациями липидов в крови, менее калорийного рациона, с меньшим содержанием насыщенных жиров, хо-

лестерина, общих углеводов, преобладанием доли полиненасыщенных жирных кислот и большим содержанием белка на 25-30%. При этом в группе северных жителей с высоким содержанием липидов в крови содержание насыщенных жиров на 50% было выше по сравнению с устойчивой к психоэмоциональному стрессу группой студентов, а содержание холестерина в рационе превышало на 33% аналогичные цифры у устойчивых к стрессу молодых людей. Менее устойчивая группа людей с высокой концентрацией липидов в крови отличалась превышением в рационе общих углеводов на 76% в сравнении с устойчивой к психоэмоциональному стрессу группой. В группе с невысоким психоэмоциональным напряжением и физиологическими концентрациями липидов крови уровень ПЭН не имел корреляционной зависимости от содержания жиров в рационе и от предпочтения жирной пищи ($r = -0,05$). В группе молодых жителей Севера с высоким уровнем психоэмоционального напряжения зафиксирована четкая корреляционная зависимость от содержания жиров в рационе и от предпочтения жирной пищи ($r = 0,42$).

Рационы тывинских студентов содержали жиров меньше на 12-16% и больше углеводов на 20-50% по сравнению с северянами, но в основном соответствовали рекомендованным нормативам рационов для среднеширотных регионов Сибири.

Заключение. Рассматривая полученные результаты исследования, мы можем сделать заключение о стрессорирующем влиянии климатогеографических факторов Севера на здоровье человека, вызывающем даже у молодых людей формирование психоэмоционального напряжения и повышения экскреции стрессового гормона кортизола в кровь. Однако, наличие молодых людей, реагирующих значительным повышением уровня психоэмоционального напряжения, в отличие от другой группы студентов, проявляющих высокую адаптивную устойчивость к развитию психоэмоционального напряжения в одинаковых с первой группой природных условиях Севера, подтверждает выводы предшествующих исследований антропологов, физиологов и врачей о существовании региональных морфофункциональных адаптивных типов, обусловленных наличием индивидуального фенотипа и определяющих индивидуальную адаптивную устойчивость человеческого организма к стрессорирующему

действию экстремальных климато-географических факторов, а также стратегию адаптивного поведения организма человека в тех или иных дискомфортных или экстремальных условиях окружающей среды [1; 7; 8; 14 – 18].

Представленные нами данные позволяют выделить в качестве важного механизма формирования адаптивной устойчивости к психоэмоциональному стрессу в дискомфортных климато-географических условиях индивидуальную, фенотипическую обусловленную способность организма использования в метаболических процессах жиров и белков, поступающих с пищей, при сохранении концентрации белка и липидов в крови в пределах физиологической нормы. Выявленные особенности устойчивого к психоэмоциональному стрессу адаптивного типа метаболизма способствуют формированию более экономичного рациона питания человека в экстремальных условиях Севера. Вместе с тем, наличие среди обследованных не коренных жителей Севера группы людей с высоким уровнем психоэмоционального стресса, взаимосвязанного с высоким уровнем концентрации атерогенных липидов в крови, говорит об отсутствии или недостаточности у этих лиц фенотипически обусловленных способностей самостоятельно регулировать эффективное использование липидов, белков и углеводов в рациональном физиологически оптимизированном обмене веществ, обеспечивающем безболезненную адаптацию к экстремальным климато-географическим условиям Севера.

Эти факты требуют учесть наличие подобной закономерности при формировании критериев отбора людей для переселения в высокие широты. Кроме этого, для уже живущих и работающих на Севере людей с подобной недостаточностью механизмов поддержания стабильности сохранения оптимальных концентраций липидов, белков и углеводов в крови при адаптации человека к экстремальным климато-географическим условиям необходимо разработать специальные научно обоснованные требования к формированию рационов питания, корректирующих эффективность метаболических процессов как при постоянном проживании на Севере, так и при вахтовом пребывании человека в приполярных и арктических регионах.

Библиографический список

1. Алексеева, Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. – М., 1986.
2. Панин, Л.Е. Биохимические механизмы стресса. – Новосибирск, 1983.
3. Влощинский, П.Е. Состояние углеводного и жирового обменов, их взаимосвязь со структурой питания у жителей Крайнего Севера: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – Новосибирск, 1999.
4. Козлов, А.И. Экология питания: курс лекций. – М., 2002.
5. Бойко, Е.Р. Физиолого-биохимические основы жизнедеятельности человека на Севере. – Екатеринбург, 2005.
6. Веселухин, Р.В. Некоторые данные о физиологическом статусе коренных жителей Якутского Заполярья / Р.В. Веселухин, С.Д. Девяткина, Н.В. Иванова // Человек и среда. – Л., 1975.
7. Хаснулин, В.И. Основы традиционных рационов питания коренных жителей Севера / В.И. Хаснулин, Е.Р. Бойко, А.В. Хаснулина // Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера: материалы международной конф. – Ханты-Мансийск, 2005.
8. Хаснулин, В.И. Этнические особенности психофизиологии коренных жителей Севера как основа выживания в экстремальных природных условиях // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии / отв. ред. В.И. Харитонова. – М., 2009.
9. Людина, А.Ю. Функциональная роль мононенасыщенных жирных кислот плазменных липидов у человека на Европейском Севере: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Сыктывкар, 2010.
10. Неустроева, Т.С. Особенности перекисного окисления липидов эритроцитов у больных коронарным атеросклерозом Крайнего Севера и Сибири: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Новосибирск, 1990.
11. Ноздрачев, К.Г. Особенности липидно-гормональных ассоциаций у коренных и пришлых жителей Севера при ИБС и её факторах риска: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – Новосибирск, 1999.
12. Климова, Т.М. Динамика распространенности артериальной гипертензии и её связь с факторами риска среди мужского населения г. Якутска за период с 1984-1986 по 1998-2000 годы: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Новосибирск, 2001.
13. Хаснулин, В.И. Современные представления о механизмах формирования северного стресса у человека в высоких широтах / В.И. Хаснулин, П.В. Хаснулин // Экология человека. – 2012. – № 1.
14. Барабашова, З.И. Адаптация к материковому Заполярию вновь прибывших лиц, а также местных жителей коренных и некоренных национальностей // Ресурсы биосферы. – Л., 1976. – Вып. 3. Адаптация человека.
15. Казначеев, В.П. К вопросу о стратегиях адаптации у строителей БАМа / В.П. Казначеев, В.И. Хаснулин, С.В. Казначеев, В.И. Давиденко // Вопросы адаптации в условиях Восточной Сибири (по материалам обследования Западного участка БАМа). – Иркутск, 1977.
16. Bittel, J. The different types of general cold adaptation in man. J. // Int J Sports Med. – 1992. – № 13. – Suppl 1.
17. Leonard W.R., Sorensen M.V., Galloway V.A. et al. Climatic influences on basal metabolic rates among circumpolar populations. //Am. J. Hum. Biol. – 2002. – № 14(5).
18. Snodgrass J.J., Sorensen M.V., Tarskaia L.A., Leonard W.R. Adaptive dimensions of health research among indigenous Siberians. //Am. J. Hum. Biol. – 2007. – № 19(2).

Bibliography

1. Alekseeva, T.I. Adaptivnihe processih v populyaciakh cheloveka. – M., 1986.
2. Panin, L.E. Biokhimicheskie mekhanizmi stressa. – Novosibirsk, 1983.
3. Vlothinkiy, P.E. Sostoyanie uglevodnogo i zhirovogo obmenov, ikh vzaimosvyaz so strukturoy pitaniya u zhtel'ey Kraynego Severa: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – Novosibirsk, 1999.
4. Kozlov, A.I. Ehkologiya pitaniya: kurs lekciy. – M., 2002.

5. Boyjko, E.R. Fiziologo-biokhimicheskie osnovih zhiznedeyatel'nosti cheloveka na Severe. – Ekaterinburg, 2005.
6. Veselukhin, R.V. Nekotoriye danniy o fiziologicheskoy statuse korennykh zhitel'ey Yakutskogo Zapolyar'ya / R.V. Veselukhin, S.D. Devyatkina, N.V. Ivanova // Chelovek i sreda. – L., 1975.
7. Khasnulin, V.I. Osnovnykh traditsionnykh racionov pitaniya korennykh zhitel'ey Severa / V.I. Khasnulin, E.R. Boyjko, A.V. Khasnulina // Mediko-socialnyye problemy korennykh malochislennykh narodov Severa: materialy mezhdunarodnoy konf. – Khatih-Mansiyjsk, 2005.
8. Khasnulin, V.I. Etnicheskiye osobennosti psikhofiziologii korennykh zhitel'ey Severa kak osnova vyzhivaniya v ehkstremaalnykh prirodnykh usloviyakh // Problemy sokhraneniya zdorov'ya v usloviyakh Severa i Sibiri: trudy po medicinskoj antropologii / otv. red. V.I. Kharitonova. – M., 2009.
9. Lyudinina, A.Yu. Funktsional'naya rol' mononenashtennnykh zhirnykh kislot plazmennnykh lipidov u cheloveka na Evropeyskom Severe: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. – Siktihvkar, 2010.
10. Neustroeva, T.S. Osobennosti perekisnogo okisleniya lipidov ehritrocytov u bol'nykh koronarnym aterosklerozom Kraynego Severa i Sibiri: avtoref. diss. ... kand. med. nauk. – Novosibirsk, 1990.
11. Nozdachev, K.G. Osobennosti lipidno-gormonalnykh assotsiatsiy u korennykh i prishlykh zhitel'ey Severa pri IBS i eyo faktorakh riska: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – Novosibirsk, 1999.
12. Klimova, T.M. Dinamika rasprostranennosti arterial'noy gipertonii i eyo svyaz' s faktorami riska sredi muzhskogo naseleniya g. Yakutsk za period s 1984-1986 po 1998-2000 godiy: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. – Novosibirsk, 2001.
13. Khasnulin, V.I. Sovremennyye predstavleniya o mekhanizmax formirovaniya severnogo stressa u cheloveka v vyssokikh shirotakh / V.I. Khasnulin, P.V. Khasnulin // Ehkologiya cheloveka. – 2012. – № 1.
14. Barabashova, Z.I. Adaptatsiya k materikovomu Zapolyariyu vnov' pribivshikh lic, a takzhe mestnykh zhitel'ey korennykh i nekorennykh natsionalnostey // Resursy biosfer. – L., 1976. – Vyp. 3. Adaptatsiya cheloveka.
15. Kaznacheev, V.P. K voprosu o strategiyakh adaptatsii u stroiteley BAMA / V.P. Kaznacheev, V.I. Khasnulin, S.V. Kaznacheev, V.I. Davidenko / Voprosy adaptatsii v usloviyakh Vostochnoy Sibiri (po materialam issledovaniya Zapadnogo uchastka BAM). – Irkutsk, 1977.
16. Bittel, J. The different types of general cold adaptation in man. J. // Int J Sports Med. – 1992. – № 13. – Suppl 1.
17. Leonard W.R., Sorensen M.V., Galloway V.A. et al. Climatic influences on basal metabolic rates among circumpolar populations. //Am. J. Hum. Biol. – 2002. – № 14(5).
18. Snodgrass J.J., Sorensen M.V., Tarskaia L.A., Leonard W.R. Adaptive dimensions of health research among indigenous Siberians. //Am. J. Hum. Biol. – 2007. – № 19(2).

Статья поступила в редакцию 10.07.12

Раздел 9

ЭКОЛОГИЯ.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Редакторы раздела:

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ – доктор биологических наук, профессор, зам директора по научной работе Учреждения Российской академии Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

УДК 504.064.4

Egorov V.I., Melbert A.A., Mikhailov A.V. RANKING OF MUNICIPAL REGIONS OF THE ALTAI TERRITORY. The article considers the question of ranking the Altai Territory. The obtained data allow to find the human impacts posed on the urban areas of the Altai Territory according to two criteria – population and the amount of emissions.

Key words: ranking, technogenic burden, waste.

РАНЖИРОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В.И. Егоров, аспирант АлтГТУ, г. Барнаул, E-mail: tjs05@mail.ru.; **А.А. Мельберт**, д-р тех. наук, проф., АлтГТУ, г. Барнаул, E-mail: aamelbert@mail.ru.; **А.В. Михайлов**, канд. тех. наук, доц. АлтГТУ, г. Барнаул, E-mail: mih-av@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса ранжирования территории Алтайского края. Полученные данные позволяют найти техногенную нагрузку, создаваемую на муниципальные районы края по двум критериям – численности населения и количеству выбросов.

Ключевые слова: ранжирование, техногенная нагрузка, отходы.

Понятие «ранжирование» произошло от английского «range» – ряд, линия, цепь (событий, явлений). Ранжирование территорий представляет собой систему мероприятий по наиболее точному и четкому установлению границ территорий, акваторий, воздушного пространства, природных объектов и ресурсов в целях обеспечения рационального их использования и охраны [1]. Эколого-экономическое зонирование территории предполагает разделение рассматриваемой территории на однородные по одному или нескольким эколого-экономическим признакам зоны. В практике управления природопользованием необходимо, чтобы административные территориальные единицы (районы, регионы, страны) не дробились и целиком входили в формируемую эколого-экономическую зону. Это требование обусловлено особенностями сбора информации и управления. Поэтому проблема эколого-экономического зонирования территории может быть сформулирована как объединение административных единиц в однородные по одному или нескольким эколого-экономическим признакам зоны.

Целью проведенного исследования является ранжирование территорий по двум признакам: по численности населения и по количеству образующихся отходов на территории районов Алтайского края.

Исходным моментом зонирования является определение расстояния между административными единицами. Самой распространенной функцией расстояния является евклидово расстояние, которое задается по формуле:

$$r_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^n (x_{ki} - x_{kj})^2}, \quad (1)$$

где x_{ki} , x_{kj} – значения, определяющие k -ый признак соответственно для i -го и j -го объектов.

Для возможного сравнения по качественным признакам, принимающим альтернативные значения (1, 0), используется расстояние Хемминга:

$$r_{ij} = \left| \sum_{k=1}^n x_{ki} - x_{kj} \right|. \quad (2)$$

В некоторых случаях используется более общее представление расстояния между объектами, так называемое расстояние Махаланобиса. В векторном виде оно выражается как

$$r_{ij} = (x_i - m_i)^T \cdot \sum^{-1} (x_j - m_j), \quad (3)$$

где x_i – вектор признаков i -го объекта;
 x_j – вектор признаков j -го объекта;
 m_i , m_j – вектор средних значений;
 e^{-1} – матрица, обратная ковариационной матрице.

При решении задач эколого-экономического зонирования обычно используется количественная информация, поэтому в расчетах используется евклидово расстояние.

С тем, чтобы исключить искажения при измерении расстояния между группируемыми территориями из-за использования различных показателей, необходимо предварительно провести масштабирование используемых показателей. Масштабирование позволит перейти к одинаковой единице измерения по всем показателям (долях отклонения от максимального числа), единой шкале (в пределах от нуля до единицы). Для масштабирования воспользуемся следующей формулой:

$$w_{kj} = [\max(x_{ki}) - x_{kj}] / [\max(x_{ki}) - \min(x_{ki})]. \quad (4)$$

После нахождения w_{ij} становится возможным нахождение расстояния между группами.

Решение задачи группировки административных единиц на эколого-экономические зоны можно провести с помощью нескольких методов: бифакторного анализа, метода корреляционных плеяд, метода плавающих центров, эвристического алгоритма группировки на основе квадратной матрицы связи, методов экстремальной группировки с модульным и квадратичным функционалами. Для выбора подходящего метода решения поставленной проблемы сформулирован ряд требований, которые преследуют цель дать качественную характеристику методов группировки количественных показателей, специфики их функционирования, технологичности (свободы от процедуры задания исходной информации, эмпирического подбора параметров, влияющих на результат работы алгоритма, устойчивость результатов решения при варьировании указанных управляющих параметров). Исследования показали, что первые два метода в сложных ситуациях могут давать существенные искажения реальной картины. Методы экстремальной группировки достаточно сложны и их эффективность зависит от правильности априорного подбора управляющих параметров. Поэтому ниже рассмотрим достаточно простой и универсальный метод группировки – метод квадратной матрицы связи [2].

Метод квадратной матрицы связи дает единственное решение и не требует предварительного задания количества эколого-экономических зон. Алгоритм метода следующий:

1. Положим начальное число эколого-экономических зон равным количеству административных единиц и отнесем каждой зоне соответствующую административную единицу: $G_k = \{j\}, k, j = 1, n$;

2. Измерим расстояния r_{kl} между всеми парами эколого-экономических зон k и l ;

3. Найдем пару (k^*, l^*) , между которыми расстояние минимально:

$$r_{k^*l^*} = \min_{k,l} \{r_{kl}\}; \quad (5)$$

4. Объединим множества административных единиц, отнесенных ранее к зонам k^* и l^* в одну зону k^* : $G_{k^*} = G_{k^*} \cup G_{l^*}$;

5. Количество зон уменьшим на одну. Если число зон равно единице, то расчет закончен;

6. Найдем координаты вновь образованной эколого-экономической зоны G_{k^*} как среднее арифметическое координат входящих в нее административных единиц. Далее идет возврат к пункту 2.

В методе квадратной матрицы связи происходит формирование эколого-экономических зон путем последовательного объединения административных территориальных единиц (рисунок 1).

Как видно из процедуры группировки, начальный вариант (итерация 1) и конечный вариант являются тривиальными решениями и не несут сколько-нибудь полезной информации. Очевидно, что пригодная для практики группировка находится между этими крайними вариантами. С тем, чтобы выбрать нужный вариант надо либо указать нужное число зон, либо задать предельное расстояние для группировки h , превышение которого $r_{k^*l^*} > h$ приводит к прерыванию процесса группировки.

Проведем группировку районов Алтайского края на основе показателей численности населения и валовых выбросов загрязняющих веществ. Исходные данные приведены в таблице 1.

Для того, чтобы показатели были сопоставимы, необходимо провести масштабирование этих показателей. В результате расчетов получены значения показателей, приведенные в таблице 2. Здесь представлены вычисления только по первым 10 районам.

Далее была проведена группировка методом квадратной матрицы связи. Мы сформировали 60 групп регионов, в которые последовательно были записаны соответствующие районы рассматриваемого края. В таблице 2 приведены расстояния между этими группами районов. Поскольку матрица расстояний симметрична, то в таблице приведена лишь ее часть выше главной диагонали.

По данным, полученным в таблице 2, выделяется минимальное число. Эти районы объединяются в одну группу и находятся ее координаты (показатели), как средние арифметические районов. Число групп будет уменьшено на одну и окажется равным 59. Дальнейшие вычисления не приводятся ввиду их значительного объема.

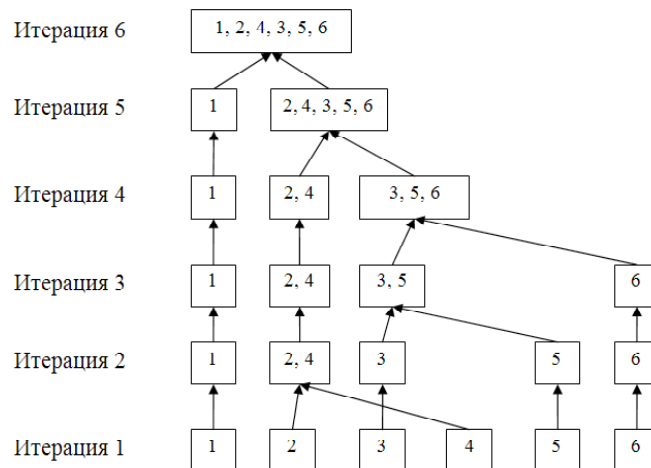

Рис. 1. Агломеративное дерево группировки административных территориальных единиц по эколого-экономическим зонам

Таблица 1

Сводная таблица с данными по численности и объему выбросов в районах Алтайского края

№ п/п	Районы Алтайского края	Сумма выбросов, тыс. т.	Численность населения, тыс. ч.
1	Алейский район	156,14	16,70
2	Алтайский район	55,25	25,70
3	Баевский район	97,33	10,90
4	Бийский район	2 521,41	219,20
5	Благовещенский район	903,90	30,70
6	Бурлинский район	521,78	12,00
7	Быстроистокский район	1 914,57	10,00
8	Волчихинский район	122,52	19,60
9	Егорьевский район	81,83	14,10

10	Ельцовский район	745,80	6,30
11	Завьяловский район	132,26	19,30
12	Залесовский район	49,42	15,00
13	Заринский район	316,68	68,50
14	Змеиногорский район	108,14	21,00
15	Калманский район	2 252,74	14,20
16	Каменский район	146,85	56,60
17	Ключевский район	993,94	18,20
18	Косихинский район	68,81	17,80
19	Красногорский район	46,79	16,20
20	Краснощековский район	166,77	19,20

21	Крутихинский район	2 654,06	11,30
22	Кулундинский район	549,29	23,00
23	Курийский район	115,67	11,00
24	Кытмановский район	120,66	13,90
25	Локтевский район	146,32	29,50
26	Мамонтовский район	2 043,45	23,40
27	Михайловский район	2 933,09	21,10
28	Новичихинский район	1 038,23	9,90
29	Зональный район	2 459,23	19,70
30	Павловский район	1 262,81	40,30
31	Панкрушихинский район	576,17	13,30
32	Первомайский район	298,82	120,60
33	Петропавловский район	83,11	12,40
34	Поспелихинский район	127,20	24,70
35	Ребрихинский район	138,27	24,50
36	Родинский район	2 563,78	20,70
37	Романовский район	212,86	13,20
38	Рубцовский район	140,64	171,50
39	Славгородский район	124,15	43,30
40	Смоленский район	123,62	23,90
41	Суевский район	57,62	5,10

42	Советский район	2 344,61	16,40
43	Солонешенский район	41,70	10,60
44	Солтонский район	2 602,09	8,60
45	Шелаболихинский район	2 561,91	13,60
46	Табунский район	812,71	10,00
47	Тальменский район	64,86	46,70
48	Тогульский район	808,64	8,50
49	Топчихинский район	147,77	23,30
50	Третьяковский район	97,42	14,10
51	Троицкий район	105,06	24,80
52	Тюменцевский район	119,31	15,70
53	Угловский район	2 659,51	13,90
54	Усть-Калманский район	2 726,25	15,30
55	Усть-Пристанский район	102,09	13,31
56	Хабарский район	1 252,60	16,40
57	Целинный район	105,54	16,40
58	Чарышский район	1 326,52	12,30
59	Шипуновский район	1 785,07	33,20
60	Немецкий национальный район	156,01	17,60

Таблица 2

Отмасштабированные значения выбросов и численности населения

№ п/п	Районы Алтайского края	Приведенный выброс	Приведенная численность	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Алейский район	0,96	0,95	0,000	0,064	0,028	1,255	0,269	0,132	0,611	0,022	0,032	0,204
2	Алтайский район	1,00	0,90		0,000	0,073	1,245	0,301	0,184	0,655	0,042	0,061	0,256
3	Баевский район	0,98	0,97			0,000	1,283	0,294	0,150	0,630	0,041	0,014	0,221
4	Бийский район	0,14	0,00				0,000	1,043	1,190	1,002	1,247	1,282	1,168
5	Благовещенский район	0,70	0,88					0,000	0,158	0,364	0,275	0,301	0,125
6	Бурлинский район	0,83	0,97						0,000	0,480	0,146	0,160	0,073
7	Быстроистокский район	0,35	0,98							0,000	0,622	0,640	0,410
8	Волчихинский район	0,97	0,93								0,000	0,036	0,218
9	Егорьевский район	0,99	0,96									0,000	0,232
10	Ельцовский район	0,76	0,99										0,000

Таблица 3

Результаты вычислений на последнем шаге

№ п/п	Районы Алтайского края	Приведенный выброс	Приведенная численность	1	2	3	4
1	1, 6, 20, 21, 22, 23, 24, 31, 33, 41, 43, 44, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 60, 47, 48, 10, 5, 13, 30, 36, 37, 45, 46, 56, 58, 2, 8, 11, 14, 34, 35, 40, 25, 3, 9, 12, 18, 19, 16, 39	0,82	0,89	1,119	0,508	0,785	0,563
2	4	0,14	0		0,814	0,946	0,869
3	7, 26, 59, 15, 17, 28, 29, 42	0,32	0,79			0,321	0,768
4	27, 54	0,04	0,94				1,086
5	32, 38	0,94	0,34				

Таблица 4

Готовый вариант ранжирования

№ группы	Районы, входящие в состав группы
1	1, 6, 20, 21, 22, 23, 24, 31, 33, 41, 43, 44, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 60, 47, 48, 10, 5, 13, 30, 36, 37, 45, 46, 56, 58, 2, 8, 11, 14, 34, 35, 40, 25, 3, 9, 12, 18, 19, 16, 39
2	7, 26, 59, 15, 17, 28, 29, 42
3	32, 38
4	27, 54
5	4

Наиболее информативными вычисления являются в том случае, когда количество групп уменьшится до пяти. Результаты вычислений на данном шаге отображены в таблице 3.

Полученные группы необходимо выстроить таким образом, чтобы группа 1 имела наименьшее значение выбросов и наименьшую численность, группа 5 – наибольшее значение обоих признаков (см. таблицу 4).

Библиографический список

1. Экология: юридический энциклопедический словарь / под ред. С.А. Боголюбова. – М., 2001.
2. Чепурных, Н.В. Управление окружающей средой в странах ОЭСР / Н.В. Чепурных, А.Л. Новоселов, И.Ю. Огнев. – М., 2007.

Bibliography

1. Ehkologiya: yuridicheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj / pod red. S.A. Bogolyubova. – M., 2001.
2. Chepurnikh, N.V. Upravlenie okruzhayutheyj sredoyj v stranakh OEHSR / N.V. Chepurnikh, A.L. Novoselov, I.Yu. Ognev. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 911.52 (571.6); 504.54.05 (571.6)

Alekseev I.A., Sambros V.V. SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF HARDWARE TECHNOLOGY ENVIRONMENTAL SAFETY COSMODROME «EAST». This article describes some aspects of the design concepts of hardware and technology to ensure environmental safety of the launch sites. Principles of structure and functioning of specific hardware systems are designed in relation to the territory being built spaceport "East" with specific launch vehicles, which will start with him.

Key words: concept of ecological safety of the space centers, hardware and technology environmental security, «Vostochny» of launching site, reducing the level of effects of rocket and space activities on the environment.

И.А. Алексеев, канд. географ. наук, доц., начальник отдела организации научной деятельности Благовещенского гос. пед. ун-та, E-mail: alexeyev@bgpu.ru; **В.В. Самброс**, начальник отдела ФГУП «ЦЭНКИ», E-mail: ecolog@roscosmos.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ АППАРАТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОСМОДРОМА «ВОСТОЧНЫЙ»

В статье содержатся некоторые аспекты концепции разработки аппаратно-технологического обеспечения экологической безопасности функционирования космодромов. Принципы устройства и функционирования конкретных аппаратных комплексов разработаны применительно к территории строящегося космодрома «Восточный» с учетом специфики ракет-носителей, которые будут стартовать с него.

Ключевые слова: концепция экологической безопасности функционирования космодромов, аппаратно-технологическое обеспечение экологической безопасности, космодром «Восточный», уменьшение уровня воздействий ракетно-космической деятельности на окружающую среду.

Информационные технологии, в полной мере интегрированные в функциональную сферу современного общества, значительную свою часть зависят от систем космического обеспечения передачи аналоговых и цифровых данных, дистанционного наблюдения и зондирования географической оболочки Земли и других технологий. Но поддержание современного уровня развития информационных технологий, дальнейшего их развитие невозможны без постоянного их обеспечения в результате ракетно-космической деятельности: несмотря на значительное увеличение срока службы космических кораблей, систем и спутников, они всё же со временем приходят в негодность для использования и их необходимо заменять. Исходя из этого тезиса можно утверждать, что до следующего скачка в развитии космических техники и технологий запуск космических аппаратов на орбиту с помощью ракет-носителей неизбежен. В настоящее время в российском ракетостроении четко оформились две многократно апробированные системы космических ракет-носителей – «Протон» с использованием топливной пары «гептил – тетраоксид азота» и «Союз» с использованием на первой и второй ступенях топливной пары «керосин Т-1 или РГ-1(нафтил) и кислород». Кроме того, в стадии разработки и проектирования находится также использующая топливную пару «керосин и кислород» система «Ангара». Все ракеты-носители оказывают акустическое и химическое (загрязнение атмосферного воздуха и территории стартового комплекса компонентами ракетных топлив (КРТ) и продуктами его сгорания) воздействие на компоненты окружающей среды. До настоящего времени не разработаны новые принципы устройства и функционирования средств выведения космических аппаратов на орбиту, коренным образом отличных по энергетичности и эффективности от принципов,

разработанных в 50-70-х годах XX столетия. Это свидетельствует об избыточности и достаточности, эффективности конструкции ракет-носителей, и какое-либо ее изменение не вызовет снижения уровня воздействия их при старте на компоненты окружающей природной среды. К тому же техническое решение снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха КРТ и продуктами его сгорания и снижения уровня акустического воздействия неизбежно вызовет снижение мощности ракетных двигателей. Соответственно более эффективным путем уменьшения уровня воздействий ракетно-космических систем на окружающую среду и снижения уровня экологического риска их нештатного функционирования будет оборудование основных центров, в которых наиболее в полной и значительной мере проявляются их негативные воздействия, – космодромов – специальными аппаратно-технологическими комплексами. При этом разработка аппаратного и технологического обеспечения экологической безопасности должна осуществляться с учетом специфики каждого типа ракет-носителей, стартующих с конкретных космодромов, специфики технического и технологического устройства космодромов и их природного окружения. Так как в настоящее время начинается строительство объектов наземной космической инфраструктуры космодрома «Восточный», разработка концепции, проектирование и последующее создание аппаратно-технологического обеспечения экологической безопасности при штатных и нештатных ситуациях функционирования космодрома наиболее эффективны применительно к новому, строящемуся космодрому. В последующем применение апробированных концепции, принципов технологии разработки и создания нового типа экологической инфраструктуры возможно применительно к другим космодромам России и мира.

Основным источником загрязнения воздушной, почвенно-земафической, гидрологической и биологической среды в пределах космодрома и сопредельных территорий являются КРТ и продукты их сгорания. Соответственно необходим анализ динамики и трансформации ракетных топлив, их компонентов и продуктов их сгорания на природные компоненты. На космодроме «Восточный» будут построены стартовые комплексы для ракетно-космических систем «Союз-2» и «Ангара», которые используют топливную пару «керосин – кислород». Анализ источ-

ников научной литературы и научно-технической информации показал отсутствие научно обоснованных и достоверных данных о химической трансформации, скорости перемещения в системах ландшафтов смешанных и подтаежных лесов ракетных топлив РГ-1, Т-1 и их компонентов. Этот аспект воздействия КРТ на ландшафт должен в каждом конкретном случае стать предметом предварительного исследования путем организации и проведения натурного эксперимента. Однако известно, что керосин в подавляющем большинстве случаев при попадании

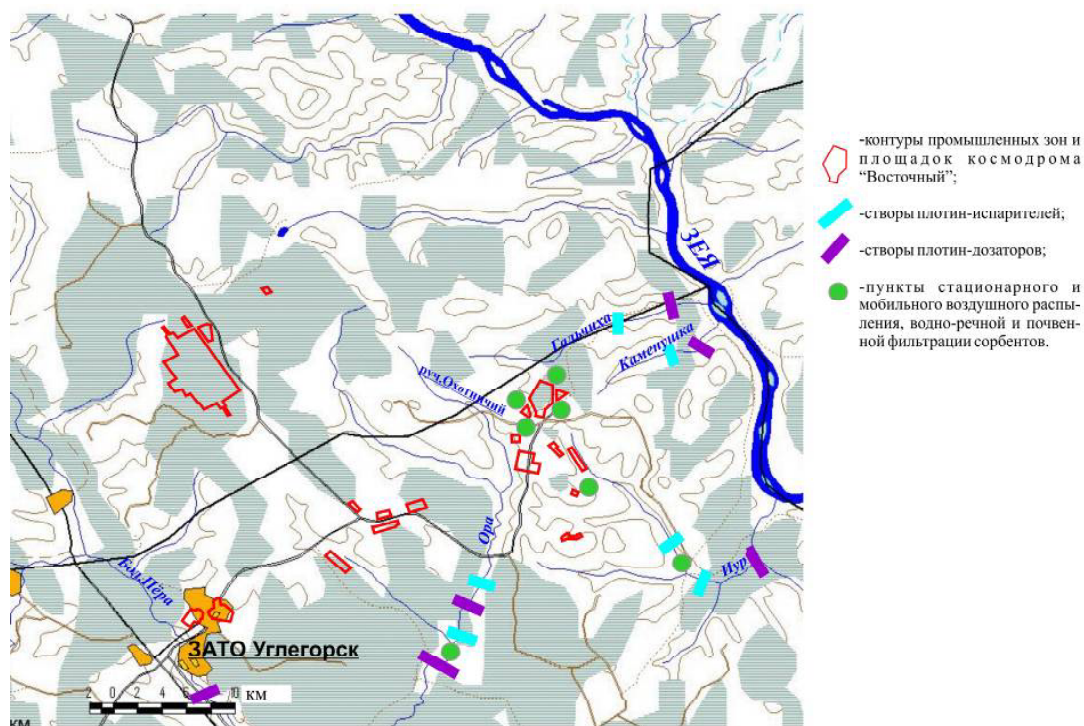

Рис. 1. Карта-схема размещения устройств экологической безопасности на территории Свободненского и Шимановского районов Амурской области

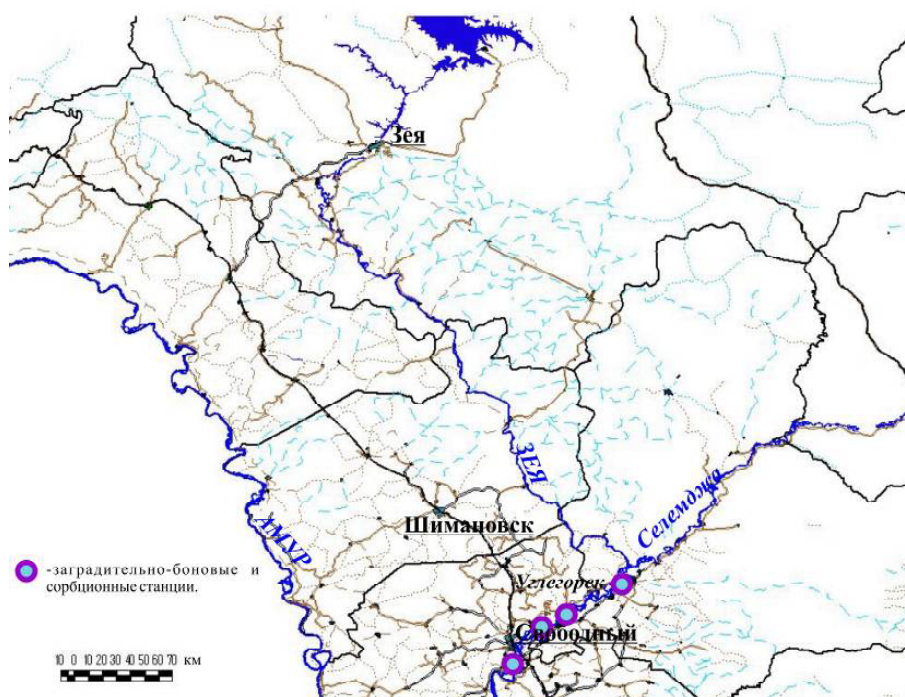

Рис. 2. Карта-схема размещения устройств обеспечения экологической безопасности функционирования космодрома «Восточный» на территории Амурской области

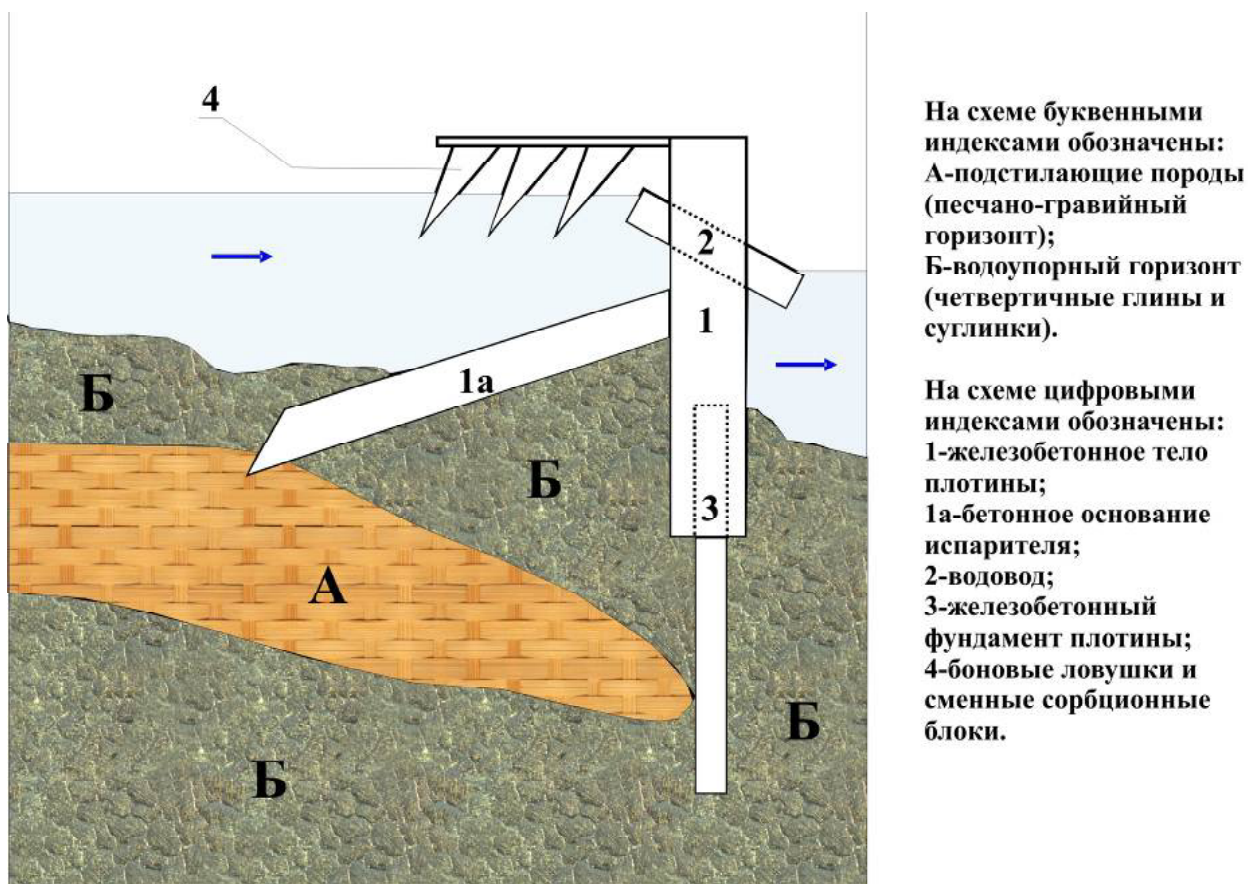

Рис. 3. Принципиальная схема плотины-испарителя

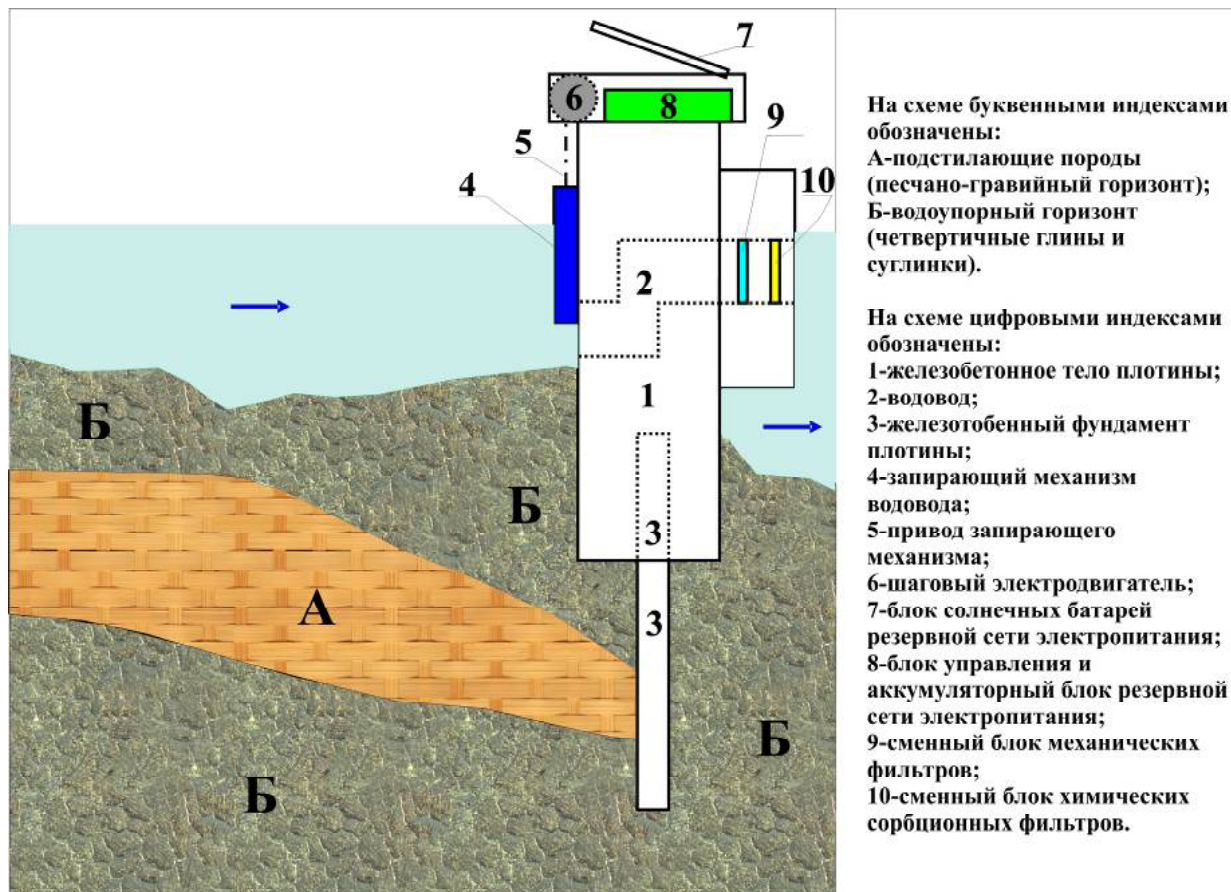
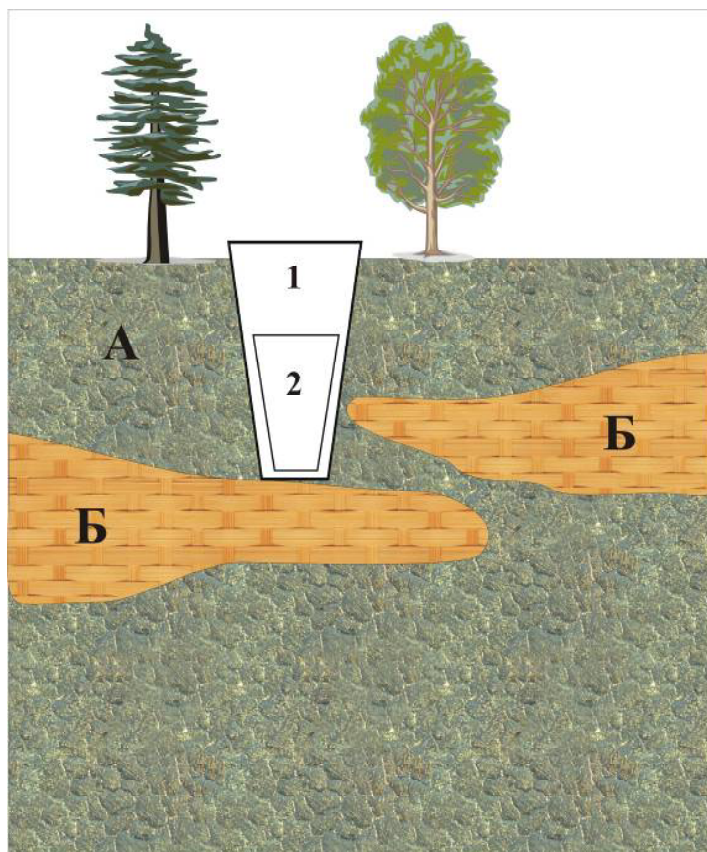

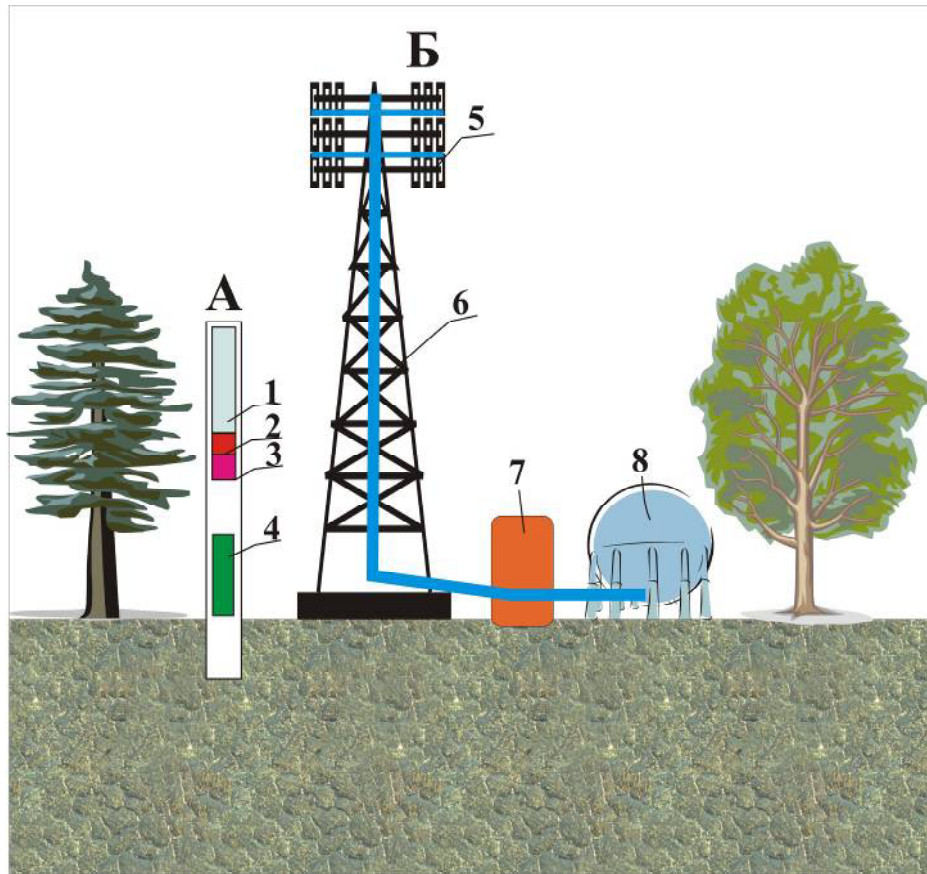
Рис. 4. Принципиальная схема плотины-дозатора

На схеме буквенными индексами обозначены:
 А-песчано-гравийный горизонт;
 Б-водоупорный горизонт (четвертичные глины и суглинки).

На схеме цифровыми индексами обозначены:
 1-перфорированный бетонный желоб-накопитель;
 2-сменный металлический или полимерный сорбентный блок многоразового использования.

Рис. 5. Принципиальная схема устройства станции почвенно-субстратной фильтрации

На схеме буквенными индексами обозначены:
 А-установка высоко-воздушного распыления сорбентов и контрреагентов нафтила;
 Б-установка низковисотного воздушного распыления сорбентов и контрреагентов нафтила.

На схеме цифровыми индексами обозначены:
 1-снаряд с жидким сорбентом;
 2-пиропатрон или пороховой заряд снаряда-распылителя;
 3-пиропатрон или пороховой заряд;
 4-корпус установки с блоком управления;
 5-форсунки распылителей;
 6-вышка распылителя;
 7-электрические насосы и блок управления;
 8-резервуар с жидким сорбентом.

Рис. 6. Принципиальная схема устройства установок низко- и высоко-воздушного распыления жидких сорбентов и контрреагентов нафтила

в почву в условиях ландшафтов широколиственных лесов, степей и др. практически не разлагается и имеет незначительную величину реакционной способности и практически неизменным выводится из пределов водосборной площади ландшафта с грунтовыми, а в последующем и с поверхностными водами. Поэтому основным направлением разработки и проектирования устройств и объектов аппаратно-технологического обеспечения экологической безопасности космодромов должны быть разработка и проектирование систем улавливания и сорбирования КРТ в пределах водосборной площади с целью недопущения попадания веществ-загрязнителей в более крупные водотоки, особенно в те, которые используются для водоснабжения городов.

Несмотря на наличие в перечне объектов проектируемого космодрома «Восточный» очистных сооружений, полигонов хранения и заводов переработки ТБО, экологические риски функционирования космодрома не уменьшаются. Проектируемые типовые очистные сооружения предназначены для очистки нормированных стоков производственной, бытовой и ливневой канализации. Однако основной экологической проблемой могут стать утечки и воздушно-капельное рассеивание нефтепродуктов с последующим просачиванием, инфильтрацией и стоком в толще почвогрунтов с последующим поступлением их в водотоки и выносом текущими водами.

Для отработки методик формирования и использования системы снижения экологических рисков и вреда при штатном функционировании объектов и систем космодрома, ликвидации последствий ЧС техногенного и природного характера как в пределах космодрома, так и сопредельных территорий (рис. 1-2) предлагается проектирование и создание следующих устройств: системы заградительно-боновых и сорбционных станций в пределах русла р. Зея (рис. 1-2); плотин-испарителей (рис. 3) на участках среднего течения рек Гальчиха, Каменушка, Иур, Ора; плотин-дозаторов (рис. 4) на участках нижнего течения рек Большая Пёра, Гальчиха, Каменушка, Иур, Ора; системы станций почвенно-субстратной фильтрации (рис. 5); установок низко- и высотного-воздушного распыления жидких сорбентов и концентратов РГ-1, Т-1 и продуктов их сгорания (рис. 6); разработка универсальных, экологически безопасных сорбентов (адсорбентов и абсорбентов на гидрофобной основе) компонентов нафтила стационарного и мобильного воздушного распыления, водно-речной и почвенной фильтрации.

Плотины-испарители предназначены для уменьшения стока воды, адсорбции и абсорбции нафтила в русле малых рек (Гальчиха, Каменушка, Иур, Ора), водосборная площадь которых находится в зоне прямого воздействия объектов космодрома «Восточный». Как показывают данные многих исследований, керосин, проходя через толщу почвогрунтов, практически не разлагается и не реагирует с органоминеральными комплексами. Поэтому после инфильтрации через почвогрунты он обязательно поступит в пределы живого сечения водотоков. Учитывая низкую плотность керосина, для его улавливания можно применять прямой, механический сбор его с поверхности живого сечения водотоков и первичные адсорбцию и абсорбцию керосина и других компонентов нафтила различными экологически безопасными химическими комплексами при обязательном уменьшении скорости течения и общего уменьшения величины стока воды. Наиболее оптимальным вариантом локализации плотин-испарителей являются участки среднего течения малых рек территории. Это позволит уменьшить риск попадания компонентов нафтила в крупный водоток (р. Зея), который используется для водоснабжения таких городов, как Свободный и Благовещенск, путем временной изоляции малых территорий при использовании плотин-дозаторов.

Плотины-дозаторы предназначены для временного прекращения стока в русле рек, водосборные бассейны которых расположены в пределах зоны воздействия объектов космодрома. Наиболее удобным и оптимальным является расположение плотин-дозаторов на участках русла рек в пределах нижнего течения, ниже плотин-испарителей. Тем самым плотины-дозаторы позволяют в случае попадания в почвогрунты и внутренние воды экстремально значительного количества керосина временно изолировать такие реки, как Большая Пёра, Гальчиха, Каменушка, Иур, Ора. Плотины-дозаторы имеют максимально простое устройство: основными частями являются бетонное тело плотины и водоводы, которые закрываются запирающим механизмом. Запирающий механизм представлен пластиной из железобетона с металлической нержавеющей рамой и устройством её по-

шаговой регулировки. Устройство пошаговой регулировки включает шаговый электродвигатель с шаговым приводом запирающего механизма. При этом возможна установка датчиков в системе привода для определения степени закрытия водоводов. Система энергообеспечения предусматривает сетевое подключение и наличие дублирующей энергосистемы с аккумуляторным блоком, инвертором и блоком солнечных батарей. В водной части водовода предусматривается установка механического песчано-сетчатого фильтра и химического фильтра с сорбентами компонентов нафтила.

Система заградительно-боновых и сорбционных станций в пределах русла р. Зея предназначена для сбора и сорбции компонентов нафтила, которые в случае развития каких-либо экстремальных и нештатных ситуаций (при разрушении плотин-испарителей и плотин-дозаторов, падения ракеты-носителя и др.) попали в результате грунтового и прямого стока в пределы живого сечения р. Зея. Заградительно-боновые блоки не требуют разработки, т.к. существует несколько стандартизованных их типов. Предполагается (для удобства обслуживания) разместить заградительно-боновые станции, перегородив русло р. Зея в районе автомобильного моста через р. Зею федеральной трассы «Амур». Сорбционные станции предполагается приурочить к системам заградительно-боновых станций. Технический проект сорбционных станций предполагает проектирование полуприотопленных химических ловушек с сорбентным наполнением на гидрофобной основе.

Установки низко- и высотного-воздушного распыления жидких сорбентов и концентратов РГ-1, Т-1 и продуктов их сгорания (рис. 6) являются эффективными устройствами, предназначенными для распыления сорбентов ракетных топлив (на основе керосина) и продуктов их сгорания – в случае штатного старта ракеты-носителя, и КРТ – в случае нештатного, аварийного старта непосредственно на поверхность стартовой площадки, в приземном слое атмосферы (до высоты 50 м от поверхности), и на высоте от 100 до 400 м. Кроме сорбентов КРТ через стационарные установки можно распылять и воду, запуская и ускоряя тем самым процессы разветвления продуктов сгорания КРТ и самоочистки нижней части тропосферы от сгоревших и выброшенных несгоревшими ракетных топлив. Также подобные установки можно использовать и как альтернативу стандартным пожарным гидрантным установкам-распылителям, которые на космодроме «Байконур» являются обязательным атрибутом каждого «стартового стола». Стационарные вышки-распылители позволят при незначительных энергозатратах быстро и эффективно распылить сорбенты КРТ и воду в значительном объёме воздуха, тем самым снизив степень риска загрязнения окружающей среды нефтепродуктами.

Универсальные, экологически безопасные сорбенты (адсорбенты и абсорбенты) компонентов нафтила стационарного и мобильного воздушного распыления, водно-речной и почвенной фильтрации могут быть разработаны и апробированы совместно ФГБОУ ВПО «БГПУ» и ИВЭП СО РАН. Несущей основой адсорбентов и абсорбентов проектируется либо гидрофобный полимер, либо универсальный наполнитель (например, активированный уголь в комплексе с брикетированными цеолитами). Предполагается компоновать сорбенты в сменные либо металлические, либо полимерные блоки многоразового использования, которые можно размещать в непосредственной близости от стартовой площадки, создавая дополнительный защитный контур (рис. 5) Кроме того, для уничтожения и изолирования керосина возможно использование патентованных и многократно апробированных препаратов и сорбентов, таких как бактериальный препарат «Фежел-био», нетканый волокнистый сорбентный материал «Монтесор» (в почвах и природных водах территории), сорбентный материал «Сорбонафт», сорбент на основе гидролизного лигнина (в природных водах территории) и пр.

Предложенные аппаратно-технологические решения обеспечения экологической безопасности функционирования проектируемого космодрома «Восточный» являются первым шагом в разработке концепции «экологичного космодрома» и позволяют снизить уровень экологических рисков при аварийных и штатных пусках ракет-носителей. Детальная разработка, проектирование и создание подобной экологической инфраструктуры на космодроме «Восточный» позволят апробировать и в дальнейшем применять ее принципиальные положения в организации работы других космодромов.

УДК 661.482:630*232.322.43:633.15

Galeev R.R. Chagina E.G. **ABOUT ACCUMULATION OF FLUORINE BY CORN PLANTS DURING ORGANIC FERTILIZERS IN KHAKAS CONDITIONS.** The methods of reduction Fluorines in Fluence, on productivity and quality corn plants are learned in this work in conditions of aridne zone of Khakas Republic.

Key words: Fluorine, accumulation, organic fertilizers, yield, quality production, corn.

Р.Р. Галеев, д-р сельхоз. наук, проф., зав. кафедрой растениеводства и кормопроизводства ФГОУ ВПО «Новосибирский гос. аграрный университет», г. Новосибирск, E-mail: rinat.galeyev@yandex.ru. **Е.Г. Чагина**, ст. преподаватель, Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: Tschagin@mail.ru

О НАКОПЛЕНИИ ФТОРА РАСТЕНИЯМИ КУКУРУЗЫ ПРИ ВНЕСЕНИИ ОРГАНИЧЕСКИХ УДОБРЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ХАКАСИИ

В работе изучены способы снижения влияния фторидов на продуктивность и качество растений кукурузы, а также характер накопления фторидов в растениях в условиях аридной зоны Республики Хакасия.

Ключевые слова: фтор, накопление, органические удобрения, урожайность, качество продукции, кукуруза

Вопрос экологической безопасности всегда был актуальным на территории любого региона. Токсичные элементы, выбрасываемые в атмосферу побочно предприятиями тяжелой промышленности, цветной металлургии и т.п. с каждым годом повышают экологическую нагрузку региона.

Республика Хакасия расположена в левобережье верхнего и среднего течения Енисея, что является частью Алтайско-Саянской горной провинции. Особенностью данного региона, является относительно недорогая электрическая энергия, вырабатываемая Саяно-Шушенской ГЭС. Данное условие формирует относительно привлекательные условия для производства цветной металлургии, обеспечивающей основную долю загрязнения земельных угодий соединениями F, Al, Na, Ca и Mg среди которых, самым опасным для почвы и растений является NaF. На территории республики расположено два алюминиевых завода – Саяногорский (САЗ) и Хакасский (ХАЗ), на долю которых приходится более 800 тыс. т. алюминия в год.

Накапливаясь в сельскохозяйственных культурах, фтор может приводить к загрязнению последующих звеньев пищевой цепи, обуславливая болезни скота [1, С. 165-171]. Водорастворимые соединения фтора обладают наибольшей токсичностью, так как они полностью усваиваются организмом. В результате накопления фтора происходит деспергирование почвенной мас-

сы, изменение физико-химических свойств почвы и как следствие снижение плодородия [2, с. 209].

Заметная биологическая активность и высокая токсичность фтора делают актуальным изучение процессов его трансформации в агроценозах. Для решения проблем, связанных с загрязнением пахотных почв фторидами, включая экологическое нормирование, необходимо комплексное изучение поведения фтористых соединений в системе почва-растение, что является крайне важной составляющей для экологически безопасного земледелия.

Целью наших исследований являлось изучение влияния различных видов органических удобрений на снижение отрицательного воздействия фтора на продуктивность и качество растений кукурузы.

Объектом исследования являлся гибрид кукурузы «РОСС – 197». Исследования проводились в течение 2007-2009 гг., на опытном участке ЗАО «Усть-Абаканское» в Уйбат-Биджинской степи Республики Хакасия. Данная территория является подпойменной террасой р. Енисея со слабоволнистым рельефом. Почва опытного участка – каштановая, малогумусная (2,2 %), слабощелочной реакции среды (рН – 8,2). Почвообразующие породы – аллювиально-делювиальные суглинки преимущественно легкого гранулометрического состава.

Таблица 1

Урожайность зелёной массы кукурузы в зависимости от разных доз внесения фтористого натрия (среднее 2007-2009 гг.)

№ п/п	Варианты	Урожайность, т/га			
		Контроль (без внесения NaF)	10 ПДК (100 мг/кг)	50 ПДК (500 мг/кг)	100 ПДК (1000 мг/кг)
1.	Без орг. удобрений	126,4	115,3	61,2	15,2
2.	Навоз (50 т/га)	143,0	136,6	98,1	47,3
3.	Навоз (100 т/га)	151,3	148,9	113,6	71,7
4.	Опилки (20т/га)	140,8	132,4	87,7	33,5
5.	Солома (2 т/га)	137,3	131,1	93,5	37,2
НСР ₀₅		4,64	4,73	3,54	2,25

Таблица 2

Площадь листовой поверхности посевов кукурузы тыс. м²/га (среднее 2007-2009 гг.)

№ п/п	Варианты	Площадь листовой поверхности, тыс. м ² /га			
		Контроль (без внесения NaF)	10 ПДК (100 мг/кг)	50 ПДК (500 мг/кг)	100 ПДК (1000 мг/кг)
1.	Без орг. удобрений	31,4	28,5	16,1	7,6
2.	Навоз (50 т/га)	36,7	34,7	25,2	15,6
3.	Навоз (100 т/га)	39,4	38,5	29,1	23,7
4.	Опилки (20т/га)	35,8	33,3	22,5	11,6
5.	Солома (2 т/га)	34,9	32,8	24,0	12,3
НСР ₀₅		1,78	1,66	1,17	0,71

Опыты проводили согласно общепринятым методикам Б.А. Доспехова [3, с. 352], в 6-ти кратной повторности с рендомизированным размещением вариантов.

Высокий уровень загрязнения фтором создавали внесением на опытные делянки фтористого натрия (NaF) в виде сухого порошка на глубину 0-20 см в дозах: 10 ПДК (100 мг/кг), 50 ПДК (500 мг/кг), 100 ПДК (1000 мг/кг).

Система ухода за посевами общепринятая для данной зоны. Органические удобрения (навоз – 50 и 100 т/га, солома – 2 т/га, опилки – 20 – т/га) вносились осенью под основную обработку почвы. Уборка кукурузу на зеленую массу проводили в фазу молочной спелости. Площадь листьев растений рассчитывали по формулам регрессии на основе методики профессора Н.Ф. Коняева [4, с. 43–46].

Агрохимический анализ почвенных и растительных образцов проводился в агрохимической службе «Хакасская» по общепринятым методикам [5, 256 с.]. В растительных образцах фтор определялся по методике ЦИНАО.

Уровень загрязнения фтором растений оценивался согласно существующим предельно-допустимым концентрациям (ПДК) водорастворимых фторидов в грубых и сочных кормах – 20 мг/кг [6].

Результаты и их обсуждение. Результаты исследований показали, что при фторидном загрязнении почв навоз, опилки и солома в целом оказывали положительное влияние на детоксикацию фтора. Так при определении урожайности зеленой массы кукурузы наименьшими потерями урожайности в сравнении с контрольным вариантом наблюдались на варианте с внесением 100 т/га навоза (таблица 1).

Наименьшие показатели урожайности наблюдались на вариантах с внесением опилок 20 т/га и соломы 2 т/га. В целом на всех вариантах опыта наблюдалось достоверное снижение урожайности, в зависимости от дозы внесения NaF. На вариантах с дозой внесения 500 мг/кг и 1000 мг/кг урожайность зеленой массы кукурузы снижалась в 2-6 раз по отношению к контрольному варианту – без внесения токсиканта.

Показатели площади листовой поверхности кукурузы также снижались в зависимости от дозы внесения NaF. Максимальным показателями снижения характеризовался вариант с внесением 1000 мг/кг. Однако, с внесением органических удобрений данная тенденция значительно снижалась (таблица 2).

В значительной степени на показатели фотосинтетической продуктивности листьев оказал внесенный навоз, в меньшей степени опилки и солома. На варианте с внесенным навозом растение меньше снижало свою продуктивность.

Анализ химического состава растений показал, что с повышением концентрации фтористого натрия в почве, увеличивалось содержание в растениях кукурузы сухого вещества и клетчатки, а также наблюдалось снижение сырого протеина.

На варианте без органических удобрений более высокие показатели сухого вещества в зеленой массе отмечаются при внесении 100 мг/кг и 1000 мг/кг. В варианте внесения навоза в дозе 100 т/га зафиксировано максимальное содержание сухого вещества на тех же дозах внесения фтора. Меньшее влияние на содержание сухого вещества в растениях кукурузы отмечено при внесении соломы и опилок (таблица 3).

Наибольшее снижение содержания сырого протеина в зеленой массе кукурузы, с увеличением дозы NaF отмечено при отсутствии внесенных органических удобрений с 13,1 до 11,4%. Наименьшее влияние NaF на содержание сырого протеина отмечено при внесении навоза в дозе 100 т/га, что позволяет утверждать о значительном влиянии его на уменьшение данного показателя. Однако в дозе 1000 мг/кг отмечается существенное его снижение и влияние навоза на процессы снижения содержания сырого протеина уменьшаются. Меньшим эффектом отрицательного влияния NaF на показатель содержания сырого протеина отмечается в варианте с внесением опилок на опытных делянках.

Содержание клетчатки в растениях кукурузы с увеличением дозы NaF повышается, однако существенных различий между органическими удобрениями не зафиксировано.

По питательной ценности зеленой массы кукурузы определенных логических зависимостей в вариантах нашего опыта не обнаружено.

Анализ показателей содержания фтора показывает, что содержание его в растениях кукурузы не зависит от дозы внесения NaF было значительно ниже, чем предельно допустимая концентрация (ПДК=20 мг/кг) (таблица 4).

Однако стоит учитывать, что NaF относится к первому классу опасности. Наличие его и постоянное накопление в кормах, а после и животноводческой продукции способствует отрицательному влиянию на продукцию и конечного потребителя в частности.

Таблица 3

Химический состав растений при внесении различных органических удобрений в условиях загрязнения фтором (среднее 2007-2009 гг.)

№ п/п	Вариант	Показатели	Варианты			
			Контроль (без внесения NaF)	10 ПДК (100 мг/кг)	50 ПДК (500 мг/кг)	100 ПДК (1000 мг/кг)
1.	Без орг. удобрений	Сухое вещество, %	20,2	22,3	21,3	22,4
		Сырой протеин, %	13,1	12,7	12,1	11,4
		Клетчатка, %	22,7	23,4	24,9	25,7
		Корм. ед.	0,58	0,61	0,57	0,59
2.	Навоз (50 т/га)	Сухое вещество, %	21,5	22,9	21,9	22,3
		Сырой протеин, %	14,4	13,8	13,1	12,3
		Клетчатка, %	22,5	23,9	25,1	25,9
		Корм. ед.	0,60	0,61	0,59	0,60
3.	Навоз (100 т/га)	Сухое вещество, %	22,1	23,1	23,3	23,0
		Сырой протеин, %	14,7	14,5	13,8	12,9
		Клетчатка, %	23,8	23,9	25,5	26,0
		Корм. ед.	0,61	0,60	0,58	0,58
4.	Опилки (20 т/га)	Сухое вещество, %	20,4	22,6	21,5	22,5
		Сырой протеин, %	13,2	13,0	12,5	11,9
		Клетчатка, %	22,9	23,4	24,9	25,6
		Корм. ед.	0,58	0,59	0,57	0,56
5.	Солома (2 т/га)	Сухое вещество, %	20,9	22,9	22,5	22,9
		Сырой протеин, %	13,8	13,5	12,9	12,3
		Клетчатка, %	23,1	23,6	25,1	25,6
		Корм. ед.	0,59	0,60	0,57	0,59

Таблица 4

Содержание валового фтора в зеленой массе кукурузы при внесении различных доз фтора в почву (среднее за 2007-2009 гг.)

№ п/п	Варианты	Содержание фтора (F) (при натуральной влажности) мг/кг			
		Контроль (без внесения NaF)	10 ПДК (100 мг/кг)	50 ПДК (500 мг/кг)	100 ПДК (1000 мг/кг)
1.	Без орг. удобрений	0,42±0,16	1,26±0,25	4,52±0,20	6,61±0,23
2.	Навоз (50 т/га)	0,38±0,09	0,89±0,08	2,76±0,18	4,25±0,16
3.	Навоз (100 т/га)	0,34±0,04	0,66±0,11	2,02±0,13	3,79±0,19
4.	Опилки (20 т/га)	0,39±0,05	1,08±0,06	3,41±0,11	5,22±0,22
5.	Солома (2 т/га)	0,46±0,09	1,01±0,07	3,13±0,09	4,87±0,27

При условии отсутствия внесенного NaF на делянках опыта отмечается небольшое изменение в показателях его накопления в растениях при различных видах органических удобрений. В условиях внесения 100 мг/кг фтора в почву органические удобрения способствуют снижению его накопления в растениях с 1,26 мг/кг в варианте без удобрений до 0,66 мг/кг при внесении навоза 100 т/га. Доза 500 мг/кг способствует большему накоплению фтора в растениях, однако органические удобрения способствуют снижению его содержанию в зеленой массе кукурузы с 2,02 мг/кг при использовании 100 т/га навоза до 3,41 мг/кг при использовании 20 т/га опилок (без удобрений – 4,52 мг/кг).

На делянках где внесении NaF осуществлялось в дозе 1000 мг/кг зафиксированы максимальные показатели содержания его в растениях – до 6,61 мг/кг в варианте без удобрений. При использовании органических удобрений содержание фтора значительно ниже варианта без удобрений, при этом также существуют определенные различия по видам удобрений.

Результаты проведенных исследований на кукурузе, свидетельствуют о существенной фитотоксичности NaF для роста

и развития растений. Значительное снижение урожайности и площади фотосинтетической поверхности листьев отмечается при дозах 500 мг/кг (50 ПДК) и 1000 мг/кг (100 ПДК).

Внесение органических удобрений способствует снижению отрицательного влияния фтора на рост и развитие растений кукурузы. Наибольший эффект получен при внесении навоза при дозе 100 т/га, в остальных вариантах эффект от применения был ниже.

Искусственное внесение в почву NaF в пределах изучаемых концентраций выявило влияние его на повышение содержания сухого вещества, клетчатки и снижение сырого протеина в растениях.

Накопление фтора в растениях кукурузы при различных концентрациях его в почве и применении различных видов органических удобрений находилось на уровне ниже ПДК в получаемой продукции. Однако следует учитывать, что применение органических удобрений способствует меньшему накоплению фтора в растениях кукурузы и как следствие в животноводческой продукции.

Библиографический список

1. Пашова, В.Т. Содержание фтора в почве и растениях // Агрохимия.- 1980. – № 10.
2. Антонов, И.С., Алюминиевая промышленность и проблемы загрязнения растительного покрова в Республике Хакасия / И.С. Антонов, Н.А. Градобоева, Л.А. Сараева [и др.]. – Абакан, 1997.
3. Доспехов, Б.А. Методика полевого опыта. – М., 1985.
4. Конаев, Н.Ф. Математический метод определения площади листьев растений // Доклады ВАСХНИЛ.– 1970.– № 9.
5. Плешков, В.П. Практикум по биохимии растений. – М., 1976.
6. Санитарные нормы допустимых концентраций токсических веществ в почве. СанПин 42-126-4433-87. Методы определения загрязняющих веществ в почве. – М. 1988.

Bibliography

1. Pashova, V.T. Soderzhanie ftora v pochve i rasteniyakh // Agrokhiimiya.- 1980. – № 10.
2. Antonov, I.S., Alyuminievaya promishlennostj i problemih zagryazneniya rastitel'nogo pokrova v Respublike Khakasiya / I.S. Antonov, N.A. Gradoboeva, L.A. Saraeva [i dr.]. – Abakan, 1997.
3. Dospekhov, B.A. Metodika polevogo opyta. – M., 1985.
4. Konyaev, N.F. Matematicheskij metod opredeleniya ploshadi listjev rastenij // Dokladih VASKhNIL.– 1970.– № 9.
5. Pleshkov, V.P. Praktikum po biokhimii rastenij. – M., 1976.
6. Sanitariiye normih dopustimihkh koncentracij toksicheskikh veshchestv v pochve. SanPin 42-126-4433-87. Metodih opredeleniya zagryaznyayutikh veshchestv v pochve. – M. 1988.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

УДК 629.78:502

Efremenkov A.A., Malygin A.A., Gorbachev I.V. ENVIRONMENTAL MONITORING OF SPACE ACTIVITY IN AREAS OF FALLING OF SEPARATING PARTS OF CARRIER ROCKETS (normative agents). In the context of the establishment of the state environmental monitoring within the framework of the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation to 2020 [1] the issue of environmental monitoring (E) and environment pollution, in particular, in the areas of space objects (SO) falling is of special importance. The paper considers general provisions of environmental regulations, the current system of state environmental monitoring, environmental monitoring of space activity as well as technical innovations for environmental monitoring of rocket-space activity (RSA).

Key words: environmental monitoring, space activity, areas of falling of separating parts (SP) of rockets and carrier rockets (CR).

А.А. Ефременков, канд. воен. наук, начальник отдела ФГУП «Центр эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры» Федерального космического агентства, E-mail: brp@roscosmos.ru;
А.А. Малыгин, ведущий специалист отдела экологического мониторинга и землеустройства Управления экологической безопасности ФГУП «ЦЭНКИ», E-mail: monitoring@roscosmos.ru; **И.В. Горбачев**, н.с. ИВЭП СО РАН, Барнаул, E-mail: gorbachev@iwep.asu.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЙОНАХ ПАДЕНИЯ ОТДЕЛЯЮЩИХСЯ ЧАСТЕЙ РАКЕТ-НОСИТЕЛЕЙ (НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ)

В связи с формированием государственного экологического мониторинга в рамках реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1], вопрос обеспечения экологического мониторинга состояния окружающей среды (ОС) и ее загрязнения, в том числе в районах падения (РП) космических объектов (КО), особенно актуален. В настоящей статье рассматриваются общие положения природоохранного законодательства, существующая система государственного экологического мониторинга, экологического мониторинга космической деятельности, а также технические нововведения при осуществлении экологического мониторинга ракетно-космической деятельности (РКД).

Ключевые слова: экологический мониторинг, космическая деятельность, районы падения отделяющихся частей (ОЧ) ракет и ракет-носителей (РН).

Понятие «мониторинг окружающей среды (экологический мониторинг)» закреплено в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» [2], а также в Федеральном законе «О гидрометеорологической службе» [3]. Согласно статье 1 ФЗ «Об охране ОС» мониторинг окружающей среды (экологический мониторинг) – комплексная система наблюдений за состоянием окружающей среды, оценки и прогноза изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов. В законе «О гидрометеорологической службе» мониторинг окружающей среды, загрязнения окружающей среды определен как долгосрочные наблюдения за состоянием окружающей среды, ее загрязнением и происходящими в ней природными явлениями, а также оценка и прогноз состояния окружающей среды, ее загрязнения.

Таким образом, объединяя эти два понятия, можно дать следующее определение:

Экологический мониторинг – это комплексная система долгосрочных наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением, включая наблюдения за происходящими в окружающей среде природными явлениями, а также оценка и прогноз изменения состояния и загрязнения окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов.

Наблюдение, оценка и прогноз изменения являются основными направлениями (функциями) экологического мониторинга.

Объектами экологического мониторинга являются: 1) состояние ОС, 2) загрязнение ОС, 3) природные явления, происходящие в ОС.

Состояние и загрязнение ОС являются объектами наблюдения, оценки и прогноза изменения, а у наблюдения есть еще свой отличительный объект – природные явления, происходящие в ОС.

Мониторинг окружающей среды, осуществляемый органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, является государственным мониторингом окружающей среды (например, государственный экологический мониторинг, экологический мониторинг города Москвы). Кроме государственного, существует локальный экологический мониторинг (мониторинг, осуществляемый юридическими и физическими лицами внутри своих предприятий, либо по заказу государственных органов).

Экологический мониторинг можно разделить на комплексный (по всем направлениям) и специализированный (по определенному направлению, например – мониторинг атмосферного воздуха).

Государственный экологический мониторинг. Система государственного экологического мониторинга состоит из следующих частей (видов):

- 1) мониторинг атмосферного воздуха;
- 2) мониторинг внутренних морских вод и территориально-моря;
- 3) мониторинг состояния земель;
- 4) Мониторинг континентального шельфа;
- 5) мониторинг объектов животного мира;
- 6) мониторинг состояния недр;
- 7) мониторинг исключительной экономической зоны;
- 8) мониторинг уникальной экологической системы озера Байкал;
- 9) мониторинг мест погребения.

Субъектами государственного экологического мониторинга являются органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2003 № 177 «Об организации и осуществлении государ-

ственного мониторинга окружающей среды (Государственного экологического мониторинга)» [4] субъектами экологического мониторинга являются специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти – Министерство природных ресурсов РФ, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба земельного кадастра России, Министерство сельского хозяйства РФ, Федеральное агентство по рыболовству и другие органы исполнительной власти. Субъектами экологического мониторинга в соответствии с Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях» в том числе являются государственные природные заповедники и государственные природные биосферные заповедники.

Координацию деятельности, а также методическое и нормативно-техническое обеспечение экологического мониторинга осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии РФ.

Основными целями экологического мониторинга являются:

- Наблюдение за состоянием ОС, воздействием на ОС источников антропогенного воздействия.

- Оценка и прогноз изменений состояния ОС (под воздействием природных и антропогенных факторов).

- Обеспечение потребностей государства, юридических и физических лиц в достоверной информации о состоянии ОС и ее изменениях.

Основными задачами экологического мониторинга являются:

- Организация и проведение наблюдения за количественными и качественными показателями, характеризующими состояние ОС.

- Оценка состояния окружающей среды, своевременное выявление и прогноз развития негативных процессов, влияющих на состояние окружающей среды.

- Информационное обеспечение органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц по вопросам состояния окружающей среды.

- Формирование информационных ресурсов о состоянии окружающей среды.

- Обеспечение участия РФ в международных системах экологического мониторинга.

Субъекты государственного экологического мониторинга

Субъекты государственного экологического мониторинга – уполномоченные органы государственной власти, осуществляющие мониторинг окружающей среды.

Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23.06.2004 № 372 «О Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» осуществляет следующие функции в пределах своей компетенции:

- формирование и обеспечение функционирования государственной наблюдательной сети, в том числе организацию и прекращение деятельности стационарных и подвижных пунктов наблюдений, определение их местоположения;

- государственный мониторинг атмосферного воздуха;

- государственный мониторинг водных объектов в части поверхностных водных объектов, мониторинг уникальной экологической системы озера Байкал;

- государственный мониторинг континентального шельфа в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации;

- государственный мониторинг состояния исключительной экономической зоны Российской Федерации;

Государственный мониторинг земель (за исключением земель сельскохозяйственного назначения) в РФ осуществляет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра

и картографии в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.11.2002 № 846 «Об утверждении Положения об осуществлении государственного мониторинга земель» [5]. Полномочия по осуществлению государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения возложены на Министерство сельского хозяйства Российской Федерации.

Организацию работ по мониторингу состояния недр в соответствии с Приказом Министерства природных ресурсов РФ от 21.05.2001 № 433 «Об утверждении Положения о порядке осуществления государственного мониторинга состояния недр РФ» [6] осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Представляется, что данные работы должны осуществляться Федеральным агентством по недропользованию, однако данные полномочия не закреплены в Положении о Федеральном агентстве по недропользованию, утвержденному Постановлением Правительства от 17.06.2004 № 293 [7].

Государственный мониторинг объектов животного мира – система регулярных наблюдений за распространением, численностью, физическим состоянием объектов животного мира, структурой, качеством и площадью среды их обитания (в соответствии со статьей 15 Федерального закона Российской Федерации от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» [8])

Государственный мониторинг объектов животного мира осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.11.1996 № 1342 «О порядке ведения государственного учета, государственного кадастра и государственного мониторинга объектов животного мира» [9]. Согласно п. 2 данного постановления организация и ведение учета, кадастра и мониторинга осуществляют:

- объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, а также объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в специальные перечни вредителей домашних животных и вредителей растений (кроме вредителей леса), – Министерство сельского хозяйства Российской Федерации;
- объектов животного мира, принадлежащих к объектам рыболовства, – Федеральное агентство по рыболовству;
- объектов животного мира, не отнесенных к объектам охоты и рыболовства, а также объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов Российской Федерации, – Министерство природных ресурсов и экологии;
- объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в специальный перечень вредителей леса, – Федеральное агентство лесного хозяйства;
- объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в специальный перечень видов (групп видов) животных, представляющих опасность для здоровья человека, – Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Минприроды России осуществляет надзор за правовым регулированием в области охраны и использования объектов животного мира и среды их обитания в части ведения государственного мониторинга и государственного кадастра объектов животного мира.

Порядок ведения экологического мониторинга мест погребения в настоящее время не определен.

Экологический мониторинг ракетно-космической деятельности

В соответствии с Законом Российской Федерации «О космической деятельности» ракетно-космическая деятельность (РКД) должна осуществляться с учетом обеспечения уровня допустимых антропогенных нагрузок на окружающую среду. В Российской Федерации с 1991 года проводятся работы по экологическому мониторингу состояния окружающей среды территорий районов падения, подверженных воздействию РКД.

Работы по экологическому мониторингу на территории РП возложены Роскосмосом на Управление экологической безопасности Федерального государственного унитарного предприятия «Центр эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры» (ФГУП «ЦЭНКИ») и выполняются в рамках мероприятий по экологической безопасности РКД. В состав таких мероприятий входят также работы по эвакуации и утилизации ОЧ РН.

Экологический мониторинг РКД, осуществляемый Управлением экологической безопасности ФГУП «ЦЭНКИ» проводится в рамках полномочий, переданных Роскосмосом, то есть, по сути, осуществляется федеральным органом исполнительной власти и в соответствии с определением, данным в ФЗ «Об охране окружающей среды», является ведомственным. Однако в Положении о Федеральном космическом агентстве и других нормативных правовых актах полномочия Роскосмоса по проведению государственного экологического мониторинга не

предусмотрены. Таким образом, экологический мониторинг РКД является локальным (негосударственным) мониторингом окружающей среды.

Работы по экологическому мониторингу в районах падения отделяющихся частей ракет-носителей (РП ОЧ РН) включают в себя «как контроль за содержанием в природных средах токсичных для человека загрязняющих веществ, так и оценку состояния экосистем в целом и их отдельных компонентов» [11, с. 8].

Экологический мониторинг РП ОЧ РН проводится с целью получения с установленной периодичностью объективных данных о состоянии окружающей среды и на их основании выработки обоснованных решений, направленных на уменьшение негативных экологических последствий.

В результате осуществления экологического мониторинга решаются следующие задачи:

- выявление тенденций изменения состояния объектов ОС;
- определения зоны распространения загрязнений в РП в результате падения фрагментов ОЧ РН;
- создание базы данных (БД);
- характеристика ландшафтных условий РП ОЧ РН;
- наблюдений за динамикой изменения состояния ландшафтов РП ОЧ РН;
- разработка прогнозов развития ситуации;
- определение влияния пусков на состояние компонентов экосистем в населенных пунктах, располагающихся на прилегающих к РП ОЧ РН территориях, и в местах обнаружения фрагментов ОЧ РН.

Работы по экологическому мониторингу состояния окружающей среды РП и ее загрязнения в результате пусков РН проводятся в 2 этапа: допусковое и послепусковое исследования компонентов экосистем. Помимо данных этапов в рамках экологического мониторинга проводятся долгосрочные наблюдения для объективной оценки состояния и выявления тенденций изменения окружающей среды.

Во время допускового этапа выбираются от 3 до 5 мониторинговых точек, расположенных непосредственно в РП ОЧ РН, в которых проводится опробование компонентов экосистем. Во время послепускового этапа в этих же точках проводится повторное опробование всех компонентов.

В полевых условиях проводится определение Eh в водных объектах и поверхностном слое почвы, а также pH в водных образцах. Пробы почвы до пуска отбираются на следующие виды химико-аналитических исследований: характеристика лабильных показателей, характеристика консервативных показателей. Пробы почвы после пуска отбираются для определения лабильных показателей.

Пробы воды отбираются для определения в них возможного содержания КРТ и продуктов трансформации (до и после пуска), характеристики общего химического состава вод (до пуска). Пробы растений и снежного покрова отбираются для определения в них КРТ и продуктов трансформации.

В результате проведения работ по экологическому мониторингу космической деятельности в РП ОЧ РН накапливается большое количество информации, которая отображается на соответствующих картах и схемах в электронном виде.

В 2011 году Управление экологической безопасности ФГУП «ЦЭНКИ» ввело в эксплуатацию средства регистрации состояния территории (СРСТ) и оперативного обмена информацией (СООИ), позволяющих вносить непосредственно в полевых условиях данные на электронные носители информации, что значительно упростило процедуру отображения данных на электронных картах (исключен лишний последующий камеральный этап).

СРСТ и СООИ предназначены для оперативной регистрации данных о последствиях падения ОЧ РН на окружающую среду в РП (пожар, химическое загрязнение территории КРТ и т.п.), проведения фото- и аэрофотосъемки участков территории РП, выявления изменения состояния территории за определенный период времени и принятия своевременного решения о проведении природоохранных мероприятий.

СРСТ и СООИ являются составной частью рабочего места Центра экологического мониторинга районов падения Сибирского региона Управления экологической безопасности ФГУП «ЦЭНКИ», входящего в систему экологического мониторинга территорий, подверженных воздействию Р.

СРСТ состоят из фотоаппарата, позволяющего снимать состояние территории, ноутбука, на который передаются снимки с фотокамеры, и специального устройства крепления, фиксирующую конструкцию в люке внешней подвески грузовой камеры вертолета Ми-8 в соответствии со схемой размещения и крепления (рис. 1).

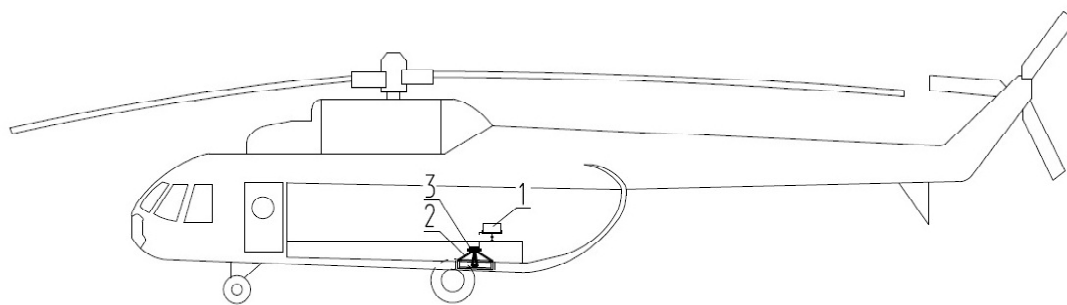

Рис. 1. Схема размещения и крепления СРСТ

Рис. 2. Фотоматериалы, полученные в результате съемки с использованием СРСТ

Проведение аэрофотосъемки с привязкой к координатам с использованием СРСТ позволяет получить характеристику ландшафтных условий РП; выявить и зафиксировать возможные негативные последствия пуска РН; зону рассеивания фрагментов ОЧ РН. По результатам съемки составляется общая ландшафтная характеристика РП, на основании которой проводится типизация ландшафтов, качественная оценка критериев стабильности и допустимых нагрузок КРТ на каждый из выделенных типов ландшафтов территории РП.

Проведение аэрофотосъемки с привязкой к координатам в РП ОЧ РН проводится в комплексе с работами в точках посадки вертолета с целью отбора проб почвы, воды, растений для последующего количественного анализа в аккредитованной аналитической лаборатории.

Использование СРСТ на допусковом и послепусковом этапах позволяет обеспечить следующие отчетные материалы: схема отбора проб с привязкой к координатам; заполненные формы состояния компонентов экосистем в каждой точке; заполненные формы результатов химико-аналитических исследований компонентов экосистем.

При обработке полученных материалов – файлов фотографий (рис. 2) и трека осуществляется синхронизация фотографий с координатными данными. Полученные снимки заносятся на ГИС-основу рабочего места экологического мониторинга, проводится сравнительный анализ снимков сделанных до и после пуска и делается вывод о характере воздействия пуска на окружающую среду.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. распоряжения Правительства Российской Федерации от 8 августа 2009 г. № 1121-р) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 24 ноября. – N 47. – ст. 5489.
2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 14 января. – № 2. – ст. 133.
3. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе»: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 3 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 9 июля 1998 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 27 июля. – № 30. – ст. 3609.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 177 «Об организации и осуществлении государственного мониторинга окружающей среды (Государственного экологического мониторинга)» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – 7 апреля. – № 14. – ст. 1278.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 372 «О Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 2 августа. – № 31. – ст. 3262.
6. Приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 21 мая 2001 г. № 433 «Об утверждении Положения о порядке осуществления государственного мониторинга состояния недр РФ» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – 13 августа. – № 33.
7. Постановление Правительства от 17 июня 2004 г. № 293 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по недропользованию» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 28 июня. – № 26. – ст. 2669.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 марта 1995 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 24 апреля. – № 17. – ст. 1462.
9. Постановление Правительства РФ от 10 ноября 1996 г. № 1342 «О порядке ведения государственного учета, государственного кадастра и государственного мониторинга объектов животного мира» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 18 ноября. – № 47. – ст. 5335.
10. Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» // Российская газета. – 1993. – 6 октября. – № 186.
11. Кречетов, П.П. Мониторинг состояния экосистем при осуществлении ракетно-космической деятельности / П.П. Кречетов, Т.В. Королева, О.В. Черникова // Обеспечение экологической безопасности ракетно-космической деятельности: материалы Международной н/п конф. – М., 2011.

Bibliography

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r (v red. rasporyazheniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 8 avgusta 2009 g. № 1121-r) // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2008. – 24 noyabrya. – N 47. – st. 5489.
2. Federal'niy zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayutsey sredy»: prinyat Gosudarstvennoy Dumoy Federal'nogo Sbraniya Rossiyskoy Federacii 20 dekabrya 2001 g.: odobren Sovetom Federacii Federal'nogo Sbraniya Rossiyskoy Federacii 26 dekabrya 2001 g. // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – 14 yanvarya. – № 2. – st. 133.
3. Federal'niy zakon ot 19 iyulya 1998 g. № 113-FZ «O gidrometeorologicheskoy sluzhbe»: prinyat Gosudarstvennoy Dumoy Federal'nogo Sbraniya Rossiyskoy Federacii 3 iyulya 1998 g.: odobren Sovetom Federacii Federal'nogo Sbraniya Rossiyskoy Federacii 9 iyulya 1998 g. // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1998. – 27 iyulya. – № 30. – st. 3609.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 31 marta 2003 g. № 177 «Ob organizacii i osuthestvlenii gosudarstvennogo monitoringa okruzhayutsey sredy (Gosudarstvennogo ehkologicheskogo monitoringa)» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2003. – 7 aprelya. – № 14. – st. 1278.
5. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 23 iyulya 2004 g. № 372 «O Federal'noy sluzhbe po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayutsey sredy» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2004. – 2 avgusta. – № 31. – st. 3262.
6. Priказ Ministerstva prirodnykh resursov Rossiyskoy Federacii ot 21 maya 2001 g. № 433 «Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke osuthestvleniya gosudarstvennogo monitoringa sostoyaniya nedr RF» // Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. – 2001. – 13 avgusta. – № 33.
7. Postanovlenie Pravitel'stva ot 17 iyunya 2004 g. № 293 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'nom agentstve po nedropol'zovaniyu» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2004. – 28 iyunya. – № 26. – st. 2669.
8. Federal'niy zakon Rossiyskoy Federacii ot 24 aprelya 1995 g. № 52-FZ «O zhivotnom mire»: prinyat Gosudarstvennoy Dumoy Federal'nogo Sbraniya Rossiyskoy Federacii 22 marta 1995 g. // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1995. – 24 aprelya. – № 17. – st. 1462.
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10 noyabrya 1996 g. № 1342 «O poryadke vedeniya gosudarstvennogo ucheta, gosudarstvennogo kadastra i gosudarstvennogo monitoringa ob'ektov zhivotnogo mira» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – 18 noyabrya. – № 47. – st. 5335.

10. Zakon Rossiyskoyj Federacii ot 20 avgusta 1993 g. № 5663-1 «O kosmicheskoyj deyatel'nosti» // Rossiyskaya gazeta. – 1993. – 6 oktyabrya. – № 186.
11. Krechetov, P.P. Monitoring sostoyaniya ehkositsem pri osuthestvlenii raketno-kosmicheskoyj deyatel'nosti / P.P. Krechetov. T.V. Koroleva, O.V. Chernicova // Obespechenie ehkologicheskoyj bezopasnosti raketno-kosmicheskoyj deyatel'nosti: materialih Mezhdunarodnoy n/p konf. – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

УДК 636.082:619:636.22

Narozhnykh K.N., Efanova Y.V., Korotkevich O.S. THE CONTENT OF CADMIUM IN SOME ORGANS AND TISSUE OF HEREFORD BULL-CALVES. The content of cadmium in muscles, liver, spleen and testicles is studied in Hereford bulls, aged 18 months. Selectivity of Cd accumulation is identified in organs and tissue. Cd level in organs and tissue may be ranged as follows: liver>spleen>testicles>muscles in the ratio 6.3 : 1.8 : 1.2 : 1. It is shown that the increased concentration of cadmium in muscles and testicles increased the concentration of amino acids and decreases the content of vitamins in muscles.

Key words: bulls, content of cadmium, muscles, liver, spleen, testicles.

К.Н. Нарожных, аспирант НГАУ, г. Новосибирск, E-mail: nkn.88@mail.ru; **Ю.В. Ефанова**, аспирант НГАУ, г. Новосибирск, E-mail: vpetukhov@ngs.ru; **О.С. Короткевич**, д-р биол. наук, проф. каф. ветеринарной генетики и биотехнологии НГАУ, г. Новосибирск, E-mail: okorotkevich@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ КАДМИЯ В НЕКОТОРЫХ ОРГАНАХ И ТКАНИ БЫЧКОВ ГЕРЕФОРДСКОЙ ПОРОДЫ

Изучено содержание кадмия в мышцах, печени, селезенке и семенниках у бычков черно-пестрой породы Сибири в возрасте 18 месяцев. Установлена избирательность аккумуляции Cd в органах и ткани. Уровень кадмия в органах и ткани можно представить в виде ранжированного ряда: печень>селезенка>семенники>мышцы в соотношении 6,3 : 1,8 : 1,2 : 1. Показано, что увеличение концентрации кадмия в мышцах и семенниках повышает уровень аминокислот и снижает содержание витаминов в мышцах.

Ключевые слова: быки, содержание кадмия, мышцы, печень, селезенка, семенники.

Кадмий является относительно редким элементом, он равномерно распределен в земной коре в концентрации от 0,15 до 0,2 мг/кг [1; 2].

Биологическая роль кадмия для животных и человека недостаточна изучена. Эссенциальность кадмия была впервые доказана с помощью пластикового «изолятора» [3]. Было показано, что кадмий свойственен нормальным рационам и стимулирует рост животных [4; 5]. Последующие опыты на козах, которые испытывали дефицит кадмия в рационе (20 мкг/кг), показали задержку роста и полового созревания [6]. Впоследствии с открытием металлотионеина [7], который концентрирует большое количество кадмия [8 – 12], эссенциальность кадмия подтвердилась.

После воздействия кадмия на животных в течение нескольких минут, он оказывается в плазме крови [13] и с кровотоком попадает в печень и почки. Через двадцать четыре часа после воздействия, большую часть кадмия находили в клетках крови [14], что, вероятно, было обусловлено связью с металлотионеином. Металлотионеин находится в печени, почках, двенадцатиперстной кишке, моче, и крови животных [15]. Выявлены межвидовые различия по аккумуляции тяжелых металлов в органах и тканях разных видов животных [16].

Токсического действие кадмия связано с его взаимодействием с сульфгидрильными, карбоксильными, аминными группами белков [17]. Кадмий оказывает существенное влияние на обмен нуклеиновых кислот и белка. В печени крыс на стадии инициации трансляции синтеза белка металл нарушает образование полирибосом, а процесс элонгации ускоряется в результате активации факторов EF-1 и EF-2 [18]. In vivo кадмий ингибирует

включение тимидина в ДНК регенерирующей печени. Низкие дозы (0,34 мг/кг) металла стимулируют включение оротовой кислоты в РНК. Более высокие дозы (34 мг/кг) оказывают такое действие только в течение часа, потом наступает угнетение процесса. In vitro кадмий активирует несколько ферментов: триптофан оксигеназу, ДАЛК-дегидратазу, карбоксипептидазу и цитохромоксидазу [19; 20]. Обнаружено влияние кадмия на ферменты углеводного обмена, проявляющееся в стимулировании активности фосфорилазы, фосфоенолпируваткарбоксикиназы, пируваткарбоксилазы, фруктозо-бисфосфотазы и альдолазы. Наряду с этим Cd угнетает секрецию инсулина. Установлено также стимулирующие действие металла на циклический аденозинмонофосфат. Это ведет к усилению гликогенолиза, гликогенолиза и создается диабетогенный эффект [21]. Кадмий ингибирует активность ряда ферментов: алкогольдегидрогеназу, глутаматдегидрогеназу, глутатионредуктазу, в результате образования меркаптидов с цистеиновыми остатками их активных центров и является атогонистом цинка, кобальта, селена, меди [22 – 25].

Материалы и методы исследования. Работа выполнена на базе лаборатории Сибирского института животноводства Россельхозакадемии. Объектом исследования были бычки герефордской породы в возрасте 16-18 мес. Предмет исследования – мышцы, печень, почки и семенники бычков. Бычки были выращены в хозяйстве «Таёжное» Новосибирской области в экологически чистой зоне. Все животные на момент убоя были здоровы. Для исследования были взяты 40 проб органов и ткани. Содержание кадмия и других элементов определяли в воздушно-сухом веществе методом атомно-абсорбционной спектроскопии.

Таблица 1

Содержание Cd в некоторых органах и ткани, мг/кг

Орган, ткань	$\bar{x} \pm S_x$	σ	C_v	Lim	Отношение крайних вариантов
Мышцы	0,00705 \pm 0,0001	0,0003	4,3	0,007-0,0075	1:1,4
Семенники	0,0082 \pm 0,0018	0,0057	69,4	0,003-0,023	1:7,7
Селезенка	0,0127 \pm 0,0014	0,0044	34,4	0,007-0,021	1:3
Печень	0,0444 \pm 0,0014	0,0042	9,6	0,039-0,051	1:1,3

Полученные данные были обработаны методом вариационной статистики на персональном компьютере с использованием программы Microsoft Excel.

Результаты исследования и обсуждение. Данные по содержанию кадмия в органах и ткани у бычков герефордской породы представлены в таблице 1.

По уровню накопления кадмия в органах и тканях ранжированный ряд представлен в следующем порядке: печень>селезенка>семенники>мышцы в соотношении 6,3:1,8:1,2:1. Выявлены значительные различия между отдельными животными по способности аккумулировать кадмий в семенниках (отношение 1:7,7). Уровень кадмия в мышцах характеризуется самой низкой фенотипической изменчивостью и схожей способностью аккумулировать металл у отдельных животных (соотношение 1:1,4).

Кадмий в мышцах положительно коррелировал с рядом аминокислот: триптофаном, глицином, лейцином, лизином и другими. Обнаружена отрицательная корреляция содержания кадмия с витаминами E, B₁, B₂, B₅, B₆, а также с натрием и медью. Следовательно, поступление кадмия в организм снижает уровень ряда витаминов, что говорит о негативном действии кадмия на организм. В свою очередь организм на увеличение поступления кадмия отвечает повышением уровня ряда аминокислот. Возможно, что аминокислоты являются одним из факторов, участвующим в нейтрализации негативного действия кадмия на организм.

В семенниках выявлена более высокая положительная связь между концентрацией кадмия и аминокислотами: треонином, глутамином, аргинином и другими. Так же обнаружена отрицательная связь с P, K, Na, Mg и Zn. Таким образом, связь кадмия с аминокислотами, возможно, подтверждает предположение об участии аминокислот в нейтрализации токсического действия металла. В свою очередь, видно и негативное влияние кадмия на жизненно важные макроэлементы. Снижение уровня цинка объясняется антагонистическими отношениями между этими элементами.

В печени наблюдается низкая фенотипическая изменчивость и менее всего выражена различная способность животных аккумулировать кадмий (соотношение 1:1,3). В печени обнаружена положительная корреляция кадмия с магнием. Это можно объяснить схожей биологической реакцией магния с кадмием. Магний, как и кадмий, участвует в синтезе и обмене белков и нуклеиновых кислот, а так же принимает участие в углеводном обмене [8]. Выявлена одна отрицательная связь с цинком. Наличие отрицательной связи можно объясняется аналогично – антагонизмом этих элементов.

В селезенке существует относительно высокая фенотипическая изменчивость по концентрации кадмия и средняя способность между животными его накапливать (соотношение 1:3). Обнаружена прямая корреляция уровня кадмия с калием, натрием, медью и свинцом. Возможно, связь концентрации кадмия с калием и натрием указывает на опосредованное влияние кадмия на работу Na⁺-K⁺ насоса, обеспечивающих регуляцию осмотического давления, водного обмена и клеточного обмена различных метаболитов. Можно предположить, что связь кадмия с медью объясняется участием металлотионеина в транспорте меди. В литературе [26] имеются данные о прямой связи между синтезом металлотионеина и количеством меди в клетках.

Результаты оценки содержания кадмия в органах и ткани бычков герефордской породы свидетельствуют о различной способности животных аккумулировать кадмий. Его уровень в семенниках и селезенке характеризуется высокой фенотипической изменчивостью, а в мышцах и печени – низкой. В мышцах и семенниках уровень кадмия коррелирует с рядом аминокислот, что может свидетельствовать об ответной защитной реакции организма. Отрицательная корреляция кадмия в мышцах с рядом витаминов может говорить о токсическом влиянии кадмия на организм животного. В селезенке обнаружена высокая связь кадмия с некоторыми тяжелыми металлами. Почти во всех

Таблица 2

Корреляция уровня Cd в органах и ткани с некоторыми аминокислотами, витаминами и химическими элементами

Мышцы	r	Семенники	r
Кадмий -Триптофан	0,60	Кадмий -Треонин	0,87
-Треонин	0,40	-Серин	0,52
-Серин	0,47	-Глицин	0,61
-Глицин	0,51	-Аланин	0,62
-Аланин	0,45	-Валин	0,43
-Валин	0,43	-Метионин	0,44
-Метионин	0,42	-Глутамин	0,73
-Лейцин	0,62	-Пролин	0,58
-Пролин	0,43	-Фенилаланин	0,66
Фенилаланин	0,40	-Лизин	0,64
Лизин	0,55	-Аргинин	0,70
Аргинин	0,40	-Фосфор	-0,79
-Витамин E	-0,38	-Калий	-0,79
-Витамин B1	-0,37	-Натрий	-0,80
-Витамин B2	-0,41	-Магний	-0,75
-Витамин B5	-0,31	-Цинк	-0,84
-Витамин B6	-0,32	Селезенка	r
-Натрий	-0,49	Кадмий – Калий	0,40
-Медь	-0,49	-Натрий	0,59
Печень	r	-Медь	0,73
Кадмий – Магний	0,60	-Свинец	0,80
-Цинк	-0,43		

органах и тканях существует связь кадмия с натрием, особенно значительные корреляции были в семенниках. Возможно, кадмий влияет на обмен натрия в организме.

Выводы. Выявлена избирательность в аккумуляции кадмия в органах и ткани крупного рогатого скота. Наиболее высокие концентрации этого элемента были в печени и мышцах. С увеличением уровня кадмия в мышцах и семенниках повышается

есть в них и уровень аминокислот. Отрицательно связаны концентрации кадмия в мышцах с витаминами группы В и витамином Е, а в семенниках – с рядом микро- и макроэлементов. Увеличение содержания кадмия в селезенке приводит к повышению концентрации таких тяжелых металлов, как свинец и медь и увеличению концентрации калия и натрия. В печени и семенниках присутствие кадмия снижает концентрацию цинка.

Библиографический список

1. Environmental impact of cadmium: a review by the panel on hazardous trace substances / M. Fleischer, A.F. Sarofim, D.W. Fassett, [et al.] // *Environ. Health Perspect.* – 1974. – Vol. 7.
2. Hiatt, V. The environmental impact of cadmium: an overview / V. Hiatt, J.E. Huff // *Int. J. Environ. Stud.* – 1975. – Vol. 7.
3. Schwarz, K. Growth effects of small cadmium supplements in rats maintained under trace-element controlled conditions / K. Schwarz, T. Spallholz // *Abstr. Fed. Proc.* – 1976. – Vol. 32.
4. The biochemical role of cadmium / M. Anke, A. Hennig, B. Groppel, [et al.] // *Proc. 3rd Int. Symp. on Trace Element Metabolism in Man and Animals.* Freising-Weißenstephan, Germany, 1978.
5. Schwarz, K. Potential essentiality of lead // *Archiv. Industr. Hyg. Toxicol.* – 1975. – Vol. 26.
6. Die Diagnose des Mangan-, Zink- und Kupfermangels und der Kadmiumbelastung / M. Anke, H.-J. Schneider, M. Grün, [et al.] // *Pharmakoth und laboratoriumsdiagn.* – 1978. – Vol. 7.
7. Kagi, J. H. R. Metallothionein: a cadmium and zinc containing protein from equine renal cortex / J. H. R. Kagi, B. L. Vallee // *J. Biol. Chem.* – 1961. – № 236.
8. Генофонд скороспелой мясной породы свиней / В.Л. Петухов, В.Н. Тихонов, А.И. Желтиков, [и др.]. – Новосибирск, 2005.
9. In vitro моделирование действия кадмия на эпителиальные клетки при предварительной индукции металлотионеина in vivo / Е.Г. Пыхтеева, Е.А. Потапов, Д.В. Большой, Е.Д. Пыхтеева. // Актуальные проблемы транспортной медицины. – 2011. – № 2 (24).
10. Скальный, А.В. Биозлементы в медицине / А.В. Скальный, И.А. Рудаков. – М., 2004.
11. Kagi, J. H. R. Overview of metallothionein // *Methods Enzymol.* – 1991. – Vol. 205.
12. Webb, M. Functions of metallothionein // *Biochem. J.* – 1982. – Vol. 31.
13. Nomiya, K. Urinary and fecal cadmium excretion in rabbit / K. Nomiya, H. Nomiya // In: *Proc. 47th Annu. Meet. of the Japanese Society of Industrial Health*, 1974.
14. Nordberg, G.F. On the distribution of cadmium in blood / G.F. Nordberg, M. Piscator, M. Nordberg. // *Acta Pharmacol. Toxicol.* – 1971. – Vol. 30.
15. Kimura, M. Metallothionein // *Tgakuro Ayumi.* – 1972. – Vol. 83.
16. Короткевич, О.С. Биохимические, гематологические параметры в аккумуляции тяжелых металлов в органах и тканях свиней скороспелой мясной породы / О.С. Короткевич, О.А. Желтикова, В.Л. Петухов // Докл. Рос. Акад. с.-х. наук, 2009. – № 4.
17. Кадмий и металлотионин / В.Р. Сорока, В.П. Анисимова, В.М. Васькова [и др.]. – Донецк, 1991.
18. Smith, M. J. Postnatal Cadmium Exposure and Long-term Behavioral Changes in the Rat / M. J. Smith, R. O. Pihl, B. Garber // *Neurobehav Toxicol Teratol.* – 1982. – Vol. 4(3).
19. Богомазов, М.Я. Сравнительное изучение биологической доступности кормового и минерального кадмия // Вопросы питания. – 1985. – № 2.
20. Chowdhury, B.A. Biological and health implication of toxic heavy metal and essential trace element interactions / B.A. Chowdhury, R.K. Chandra // *Prog. Food Nutr. Sci.* – 1987. – Vol.11 (1).
21. Микроэлементозы человека: этиология, классификация, органопатология / П.А. Авцын, А.А. Жаворонков, М.А. Риш, Л.С. Строчкова. – М., 1991.
22. Бокова, Т.И. Экологические основы инновационного совершенствования пищевых продуктов: монография. – Новосибирск, 2011.
23. Ревель, П. Среда нашего обитания / П. Ревель, Ч. Ревель. – М., 1995.
24. Castellino, N. Kinetics of the distribution and excretion of lead in the rat / N. Castellino, S. Aloj // *Brit. J. Ind. Med.* – 1964. – Vol. 21.
25. Doganoc, D.Z. Distribution of lead, cadmium and zinc in tissues of hens and chickens from Slovenia // *Bulletin of Environmental Contamination and Toxicology.* – 1996. – Vol. 57.
26. Скальный, А.В. Химические элементы в физиологии и экологии человека. – М., 2004.

Bibliography

1. Environmental impact of cadmium: a review by the panel on hazardous trace substances / M. Fleischer, A.F. Sarofim, D.W. Fassett, [et al.] // *Environ. Health Perspect.* – 1974. – Vol. 7.
2. Hiatt, V. The environmental impact of cadmium: an overview / V. Hiatt, J.E. Huff // *Int. J. Environ. Stud.* – 1975. – Vol. 7.
3. Schwarz, K. Growth effects of small cadmium supplements in rats maintained under trace-element controlled conditions / K. Schwarz, T. Spallholz // *Abstr. Fed. Proc.* – 1976. – Vol. 32.
4. The biochemical role of cadmium / M. Anke, A. Hennig, B. Groppel, [et al.] // *Proc. 3rd Int. Symp. on Trace Element Metabolism in Man and Animals.* Freising-Weißenstephan, Germany, 1978.
5. Schwarz, K. Potential essentiality of lead // *Archiv. Industr. Hyg. Toxicol.* – 1975. – Vol. 26.
6. Die Diagnose des Mangan-, Zink- und Kupfermangels und der Kadmiumbelastung / M. Anke, H.-J. Schneider, M. Grün, [et al.] // *Pharmakoth und laboratoriumsdiagn.* – 1978. – Vol. 7.
7. Kagi, J. H. R. Metallothionein: a cadmium and zinc containing protein from equine renal cortex / J. H. R. Kagi, B. L. Vallee // *J. Biol. Chem.* – 1961. – № 236.
8. Генофонд скороспелой мясной породы свиней / В.Л. Петухов, В.Н. Тихонов, А.И. Желтиков, [и др.]. – Новосибирск, 2005.
9. In vitro моделирование действия кадмия на эпителиальные клетки при предварительной индукции металлотионеина in vivo / Е.Г. Пыхтеева, Е.А. Потапов, Д.В. Большой, Е.Д. Пыхтеева. // Актуальные проблемы транспортной медицины. – 2011. – № 2 (24).
10. Скальный, А.В. Биозлементы в медицине / А.В. Скальный, И.А. Рудаков. – М., 2004.
11. Kagi, J. H. R. Overview of metallothionein // *Methods Enzymol.* – 1991. – Vol. 205.
12. Webb, M. Functions of metallothionein // *Biochem. J.* – 1982. – Vol. 31.
13. Nomiya, K. Urinary and fecal cadmium excretion in rabbit / K. Nomiya, H. Nomiya // In: *Proc. 47th Annu. Meet. of the Japanese Society of Industrial Health*, 1974.
14. Nordberg, G.F. On the distribution of cadmium in blood / G.F. Nordberg, M. Piscator, M. Nordberg. // *Acta Pharmacol. Toxicol.* – 1971. – Vol. 30.
15. Kimura, M. Metallothionein // *Tgakuro Ayumi.* – 1972. – Vol. 83.
16. Короткевич, О.С. Биохимические, гематологические параметры в аккумуляции тяжелых металлов в органах и тканях свиней скороспелой мясной породы / О.С. Короткевич, О.А. Желтикова, В.Л. Петухов // Докл. Рос. Акад. с.-х. наук, 2009. – № 4.
17. Кадмий и металлотионин / В.Р. Сорока, В.П. Анисимова, В.М. Васькова [и др.]. – Донецк, 1991.
18. Smith, M. J. Postnatal Cadmium Exposure and Long-term Behavioral Changes in the Rat / M. J. Smith, R. O. Pihl, B. Garber // *Neurobehav Toxicol Teratol.* – 1982. – Vol. 4(3).
19. Богомазов, М.Я. Сравнительное изучение биологической доступности кормового и минерального кадмия // Вопросы питания. – 1985. – № 2.
20. Chowdhury, B.A. Biological and health implication of toxic heavy metal and essential trace element interactions / B.A. Chowdhury, R.K. Chandra // *Prog. Food Nutr. Sci.* – 1987. – Vol.11 (1).

21. Mikroehlementozih cheloveka: ehtiologiya, klassifikaciya, organopatologiya / P.A. Avcihn, A.A. Zhavoronkov, M.A. Rish, L.S. Strochkova. – M., 1991.
22. Bokova, T.I. Ekhologicheskie osnovni innovatsionnogo sovershenstvovaniya pithevihkh produktov: monografiya. – Novosibirsk, 2011.
23. Revellj, P. Sreda nashogo obitaniya / P. Revellj, Ch. Revellj. – M., 1995.
24. Castellino, N. Kinetics of the distribution and excretion of lead in the rat / N. Castellino, S. Aloj // Brit. J. Ind. Med. – 1964. – Vol. 21.
25. Doganoc, D.Z. Distribution of lead, cadmium and zinc in tissues of hens and chickens from Slovenia // Bulletin of Environmental Contamination and Toxicology. – 1996. – Vol. 57.
26. Skaljnihy, A.V. Khimicheskie ehlementih v fiziologii i ehkologii cheloveka. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 05.07.12

УДК 630*164.3:630*651.21+582.475.4+(235.222)

Nikolaeva S.A., Savchuk D.A. ROOT SYSTEM AND GROWTH IN SIBERIAN STONE PINE (*PINUS SIBIRICA* DU TOUR) AFTER COVERING WITH DEBRIS. Adventitious root system of butt in Siberian stone pine (*Pinus sibirica* Du Tour) trees after covering with debris is described in peripheral forest sections of upper forest belt in the headwater Aktru, the Altai Mountains, Russia. Patterns of radial growth in such trees are also demonstrated.

Key words: root system, growth, debris, *Pinus sibirica*, Altai Mountains.

С.А. Николаева, канд. биол. наук, с.н.с. лаб. динамики и устойчивости экосистем Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, г. Томск, E-mail: sanikol1@rambler.ru;

Д.А. Савчук, канд. биол. наук, с.н.с. лаб. динамики и устойчивости экосистем Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, г. Томск, E-mail: savchuk@imces.ru

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА И РОСТ КЕДРА СИБИРСКОГО (*PINUS SIBIRICA* DU TOUR) В ЗОНЕ ЗАСЫПАНИЯ ОБЛОМОЧНЫМ МАТЕРИАЛОМ

У деревьев кедра сибирского, которые растут по периферии лесных массивов в верхней части лесного пояса (верховья р. Актру, Горный Алтай), описана придаточная корневая система, сформировавшаяся в нижней части ствола после засыпания его основания мелко- и среднеобломочным материалом. Показаны особенности радиального прироста таких деревьев.

Ключевые слова: корневая система, рост, обломочный материал, Горный Алтай, кедр сибирский; *Pinus sibirica*.

Одним из факторов, влияющих на рост древесной растительности в горах, является ее засыпание обломочным материалом в результате камнепадов, осыпей, оползней, движения ледников и т.п. [1-3]. В этих условиях погребенная под толщей горной породы корневая система деревьев начинает отмирать. Лучше сохраняются те деревья, которые способны достаточно быстро ее восстанавливать после засыпания за счет развития придаточных корней [3; 4]. Аналогичная способность деревьев наблюдается в условиях заболачивания на равнине [5].

В Центральном Алтае верхнюю границу лесов образуют кедр сибирский (*Pinus sibirica* Du Tour) и лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.) [6]. Кедр относится к видам, активно формирующим придаточные корни [7 и др.]. Он имеет поверхностно-якорную корневую систему на почвах с мерзлотным горизонтом в горах Центрального Саяна [6 и др.] и на суглинистых почвах, подстилаемых карбонатными глинами, на юге Западно-Сибирской равнины [8]. При этом корневая система достигает глубины 30-40, реже 50 см. Такое же поверхностное расположение корней и их неглубокое залегание (до 60 см) имеет близкий вид – кедр европейский (*Pinus cembra* L.) в Альпах [9]. Работ, в которых бы рассматривалось формирование придаточных корней в результате погребения оснований стволов кедра, мы не обнаружили.

Задача исследования – выявить особенности корневой системы и роста ствола кедра сибирского после его засыпания обломочным материалом в верхней части лесного пояса (горноледниковый бассейн Актру, Северо-Чуйский хребет, Центральный Алтай).

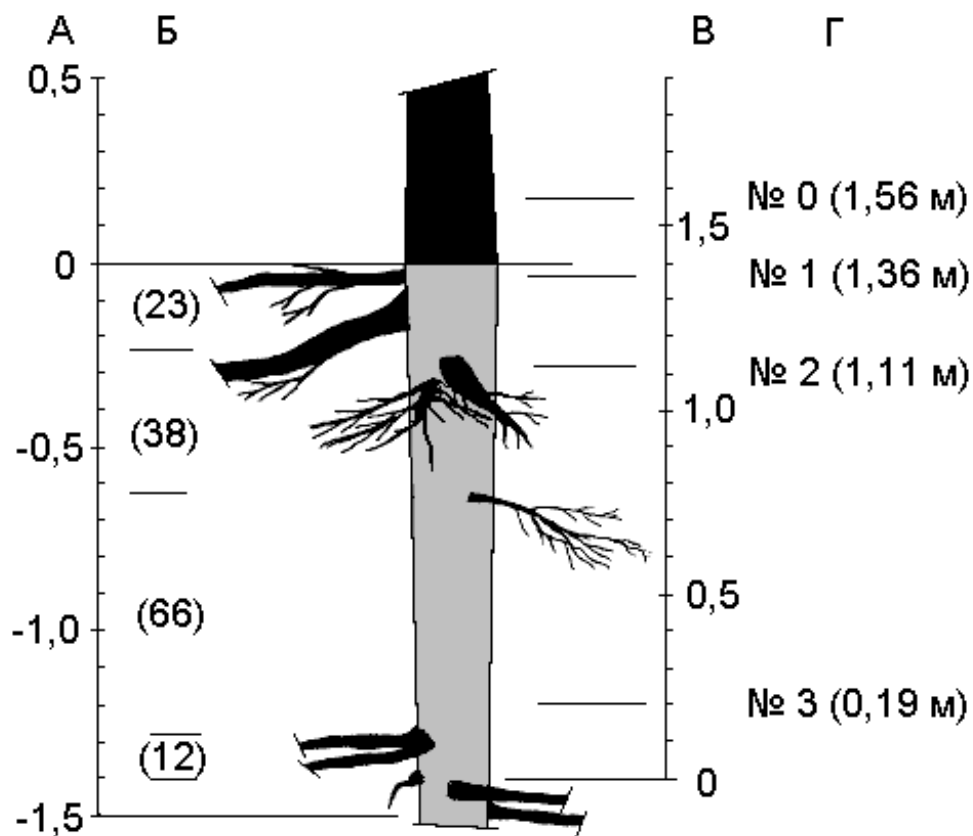
Материал и методики. Горно-ледниковый бассейн Актру является базовым мониторинговым полигоном ИМЭС СО РАН. Здесь имеется сеть постоянных пробных площадей и площадок, заложенных в 1999-2011 гг. во всех основных участках с древесной растительностью в верховьях р. Актру. Коренные леса представлены кедровыми и лиственнично-кедровыми сообществами с разновозрастной структурой древостоев.

В районе исследований активно протекают склоновые (обально-осыпные) процессы [1; 10]. Кроме того, в период похолодания в начале-середине XIX в. ледник Малый Актру близко подступал к массивам леса [1; 11], засыпав и уничтожив часть деревьев по их периферии. Почвы под коренными лесами представлены горными криоземами и дерново-подбурями. В случае, когда они сверху перекрыты делювиальными крупнозернистыми отло-

жениями, на их поверхности сформированы примитивные щебнистые криоземы с маломощным почвенным профилем [12].

Использованный материал. (1) Керны из основания стволов деревьев кедра в возрасте 400-500 лет, взятые на двух участках леса. Первый расположен на правом берегу р. Актру ниже правой части фронтальной морены ледника Малый Актру исторической стадии [1] или, по уточненным данным, конца XVIII – начала XIX вв. [11] (абсолютная высота 2150 м и расстояние от конца языка ледника Малый Актру 0,9 км), второй – на исторической морене ледника Большой Актру (2300 м и 0,5 км соответственно). На первом участке отобраны деревья с засыпанными основаниями стволов (n=5), растущие по периферии лесного массива со стороны склона горы, и с незасыпанными основаниями (n=4), расположенные внутри этого же массива леса, на втором – растущие во фрагменте леса (n=8) вне зоны засыпания. Ширина годовичных колец измерялась на полуавтоматическом комплексе LINTAB с программой TSAP с точностью 0,01 мм. Затем индивидуальные ряды прироста перекрестно датировались. (2) Дерево кедра с засыпанным основанием ствола, расположенное по периферии первого участка леса со стороны склона горы. У него сделаны описание и зарисовка корней в почвенном разрезе, и взяты керны из ствола на глубине 1,20, 0,28 и 0,03 м в 2002 г. и на высоте 0,17 м от современного уровня почвы в 2011 г. (рис. 1). Керны измерены по двум радиусам: а – со стороны лесного массива и б – со стороны склона горы. Сам почвенный разрез глубиной 1,5 м выкопан и описан канд. биол. наук В.В. Давыдовым и канд. биол. наук С.Г. Копысовым.

Результаты и обсуждение. Нижние части стволов деревьев кедра и лиственницы, растущие по периферии лесного массива со стороны склона горы и конца фронтальной морены ледника Малый Актру, занесены мелко- и среднеобломочным материалом толщиной 0,3-1,5 м. По периферии этого массива по правому борту долины протекал ручей, который около 1970 г. был отведен. В этой части сделан почвенный разрез около одного из таких деревьев кедра. Он до недавнего времени рос в центре биогруппы, поскольку при обследовании в 2002 г. около него в радиусе 2,5 м сохранилось четыре пня от деревьев кедра большего диаметра. Один из пней находится в непосредственной близости, другой диаметром 52 см в основании (с него взят керн) – на расстоянии 1 м. Дерево в 2002 г. имело высоту 7 м, диаметр ствола 19 см на высоте груди и 25 см в основании. Его возраст на уровне современного основания составлял око-

А – глубина почвенного разреза от современного уровня почвы (м), Б – толщина выявленных слоев обломочного материала (см), В – высота ствола от исходного уровня почвы (м) (выше дна почвенного разреза на 11 см), Г – номера кернов и высота их взятия (м) из ствола дерева. Керны взяты в направлении лесной массив (радиус а) – горный склон (радиус б).

Рис. 1. Схема корневой системы кедр, засыпанного мелко- и среднеобломочным материалом. Вид со стороны лесного массива

ло 330 лет, на уровне исходного основания – не менее 450 лет. В живой части кроны (длина 2,2 м) много сухих ветвей, особенно со стороны склона горы, хвоя очень короткая и сохраняется на дереве не более 3 лет. Микро- и макрострибы до 2011 г. отсутствовали, и только в последний год обнаружены три созревшие шишки. Размеры дерева в 2-2,5 раза меньше по сравнению с деревьями близкого возраста, растущими в глубине лесного массива.

Суммарная толщина засыпания этого дерева составила 1,4 м от исходного уровня почвы. На погребенной части его ствола обнаружено пять уровней корней: два основных (бывший исходный на глубине 1,4-1,5 м и современный – 0,05-0,20 м) и три промежуточных (на глубине 0,30-0,40, 0,63 и 1,3 м) (рис. 1 А). Если учитывать только эти пять уровней корней, то дерево на протяжении своей жизни засыпалось не менее четырех раз. Толщина слоев составила 12, 66, 38 и 23 см (рис. 1 Б).

Особенности динамики радиального прироста дерева на трех высотных отметках (высота взятия керна) ствола в районе его современного основания, т.е. на высоте 17 см и глубине 3 и 28 см от поверхности почвы (рис. 1 Г см. керны № 0, 1, 2; табл. см. пятую колонку), сходны. В росте дерева с учетом направления роста (со стороны склона горы или лесного массива) и высоты взятия керна выделяется три временных периода: (1) до 1813 г., (2) 1814-1970 гг., (3) 1970-2011 гг. (рис. 2 Б). До 1813 г. у дерева было обнаружено много выпавших годовичных колец. Например, на высоте 17 см за 138 года (с 1676 по 1813 гг.) по радиусу со стороны лесного массива (радиус а) выпало 15 годовичных колец, по радиусу со стороны горного склона (радиус б) – 74 кольца (рис. 2 Б) или около 11 и 54 % от их общего количества соответственно. Количество выпавших колец оказалось наибольшим в секторе ствола на глубине 28 см по радиусу б.

В период с 1814 по 1970 гг. рост ствола в разных секторах (разные высотные отметки и радиусы а и б) был синхронным, а различия между ними – в основном количественные. В целом,

чем ниже находится сектор ствола, тем больше средняя ширина кольца с максимумом в секторе, расположенном в верхнем почвенном горизонте на глубине 28 см (табл., см. керн № 2). Кроме того, радиальный прирост в течение этого периода усиливался то в одном направлении ствола (по радиусу б в 1813-1887 гг.), то в другом (по радиусу а в 1931-1970 гг.) (табл.). После 1970 г. ствол дерева рос асинхронно по двум противоположным радиусам на всех трех высотных отметках, но со стороны склона горы (радиус б) его приросты все же были больше, чем со стороны лесного массива (табл., рис. 2 Б).

Следует отметить, что ствол по радиусу б на глубине 3 см прекратил свой рост в 1993 г., поскольку именно в этом секторе ствола на уровне взятия керна, появился и вырос придаточный корень, который стал препятствовать нормальному росту ксилемы в этой части. Повышенный прирост ствола (в 2,6-2,8 раза) после 1970 г. со стороны склона горы по сравнению с противоположным направлением особенно заметен в секторах ствола выше и ниже этого корня (рис. 2 Б). По-видимому, корень к этому времени достиг необходимых размеров и начал снабжать водой и минеральными веществами ближайшие секторы ствола.

Величина и быстрые темпы нарастания и спада прироста ствола этого кедр на глубине 1,20 м от современного уровня почвы соответствуют динамике роста молодого дерева (рис. 2 В). После того, как был достигнут максимум прироста ствола в 1681 г. со стороны склона горы и в 1690 г. – лесного массива, он резко снизился, а затем прекратил свой рост в 1707 г. и 1758 г. соответственно. Если судить по динамике прироста, то, во-первых, это дерево должно быть на 90-100 лет моложе соседнего (диаметр пня, которого равен 52 см), во-вторых, из-за меньших размеров оно сильнее отреагировало на засыпание и повреждение обломочным материалом в конце XVII в. по сравнению с соседним. Это предположение косвенно подкрепляется сильным смещением сердцевины ствола дерева на этой глубине по сравнению с выше расположенными секторами.

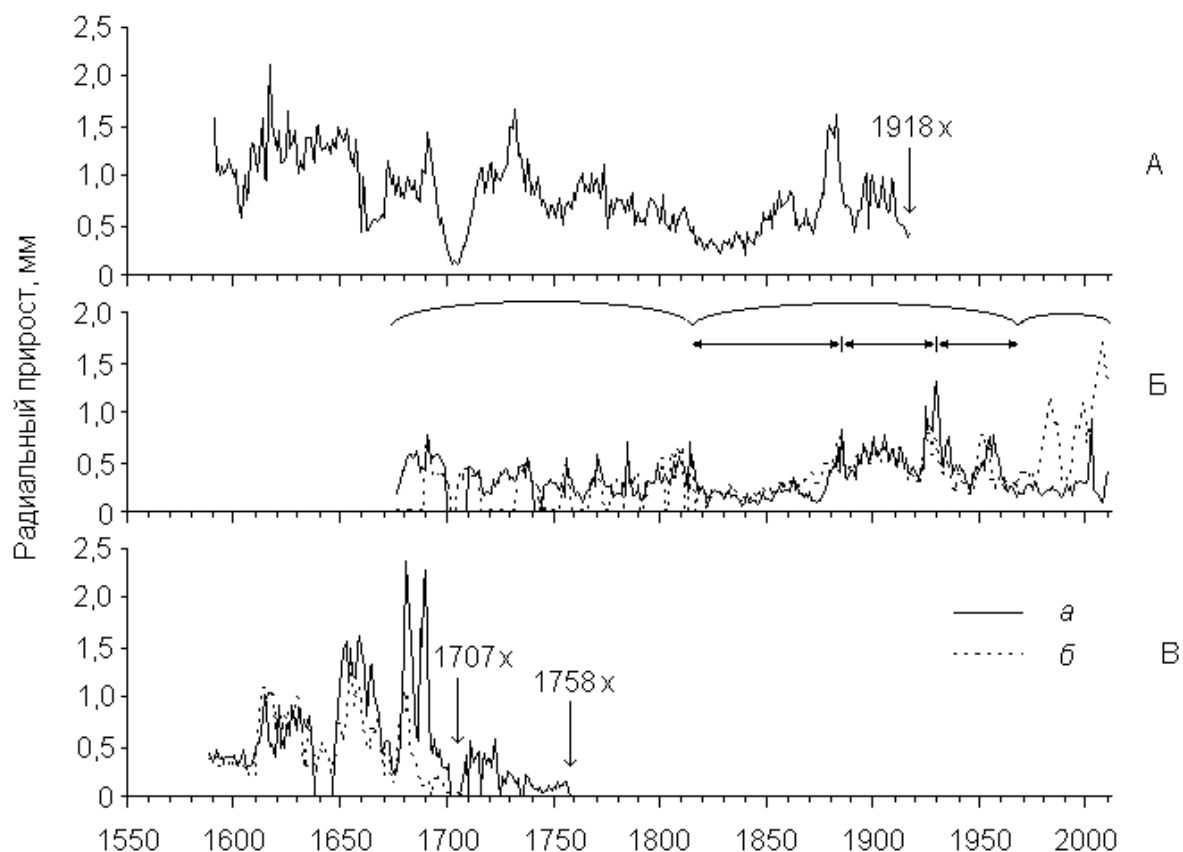

Рис. 2. Динамика радиального прироста ствола двух рядом растущих деревьев кедра сибирского с диаметром в основании ствола 52 (А) и 25 см (Б, В), засыпанных обломочным материалом. Керна взяты на высоте ствола 20 см (А), 17 см (Б) от современного уровня поверхности почвы и на глубине 120 см (В). Радиусы: а – со стороны массива леса, б – со стороны склона горы. Два керна прошли через сердцевину ствола (А, Б) и один – мимо сердцевины (В). Дугами выделены периоды со сходными особенностями роста ствола на разных высотных отметках, крестиком обозначен год окончания роста.

Таблица

Уровень почвы (м) в районе взятия керна после засыпания ствола дерева кедра мелко- и среднеобломочным материалом и прирост его ствола (мм)

№ керна и высота его взятия ¹	Номер слоя обломочного материала				Средний радиальный прирост a/b^2 за периоды времени			
	1-й	2-й	3-й	4-й	1813-1887	1888-1930	1931-1970	1971-2000
0 (1,56 м)	1,44	0,78	0,40	0,17	0,23/0,26	0,60/0,51	0,42/0,34	0,24/0,62
1 (1,36 м)	1,24	0,58	0,20	– 0,03 ³	0,22/0,29	0,63/0,63	0,46/0,44	0,30/0,37
2 (1,11 м)	0,99	0,33	– 0,05	– 0,28	0,24/0,32	0,68/0,70	0,63/0,58	0,19/0,53
3 (0,19 м)	0,07	– 0,59	– 0,97	– 1,20	–	–	–	–

Примечание: в пятой колонке (4-й слой) даны значения от современного уровня почвы, ¹ высота ствола от исходного уровня почвы, ² в числителе – по радиусу а (со стороны массива леса), в знаменателе – по радиусу b (со стороны склона горы), ³ минус означает участок ствола ниже уровня поверхности почвы.

Соседнее дерево, от которого в настоящее время сохранился только пень (диаметр 52 см), росло намного лучше вышеописанного, выпадающих годичных колец мы у него не обнаружили. Оно прекратило свой рост в 1918 г. (рис. 2 А). Точная причина его гибели не установлена, но оно погибло не от пожара. После этого, через несколько лет дерево, возле которого сделан почвенный разрез, резко усилило свой рост (рис. 2 Б).

Деревья с засыпанными основаниями стволов отличаются более низкими значениями радиального прироста (в 2-4 раза меньше) от незасыпанных деревьев близкого возраста как из этого же, так и из других участков леса (рис. 3, 1-3). Промежуток времени, когда наиболее заметны эти различия, охватывает годы примерно с 1750-х по 1970-й. На этом отрезке можно выделить четыре периода с продолжительным снижением, а затем восстановлением прироста засыпанных деревьев длительностью 57, 73, 43 и 38 лет (1756-1813, 1814-1887, 1888-1931 и 1932-1970 гг. соответственно). Еще один период продолжительностью 76 или 65 лет (1681-1755 гг. по радиусу b и 1690-1755 гг. по

радиусу а) фиксируется в секторах ствола обследованного дерева на глубине 1,2 м и не фиксируется на вышерасположенных (рис. 2 В).

Учитывая наличие корней на разных уровнях ствола и периоды времени с особенно низкими значениями прироста, можно сделать следующее предположение. Нижние части стволов обследованного и аналогичных ему деревьев были засыпаны на 12 см суммарно в 1681 и 1691 гг., на 66 см суммарно в середине 1750-х гг. и в середине 1810-х гг., на 38 см в конце 1880-х гг. и на 23 см в начале 1930-х гг. Возможно, деревья засыпали чаще, чем установлено нами, но отсутствие корней на других высотных отметках ствола не позволило идентифицировать время этих засыпаний.

Основными условиями, стимулирующими образование придаточных корней у древесных видов, являются достаточные влажность и аэрация, изоляция от света и соответствующие положительные температуры. Такие условия чаще всего создаются у оснований стволов [5; 6]. Поскольку у кедровая корневая сис-

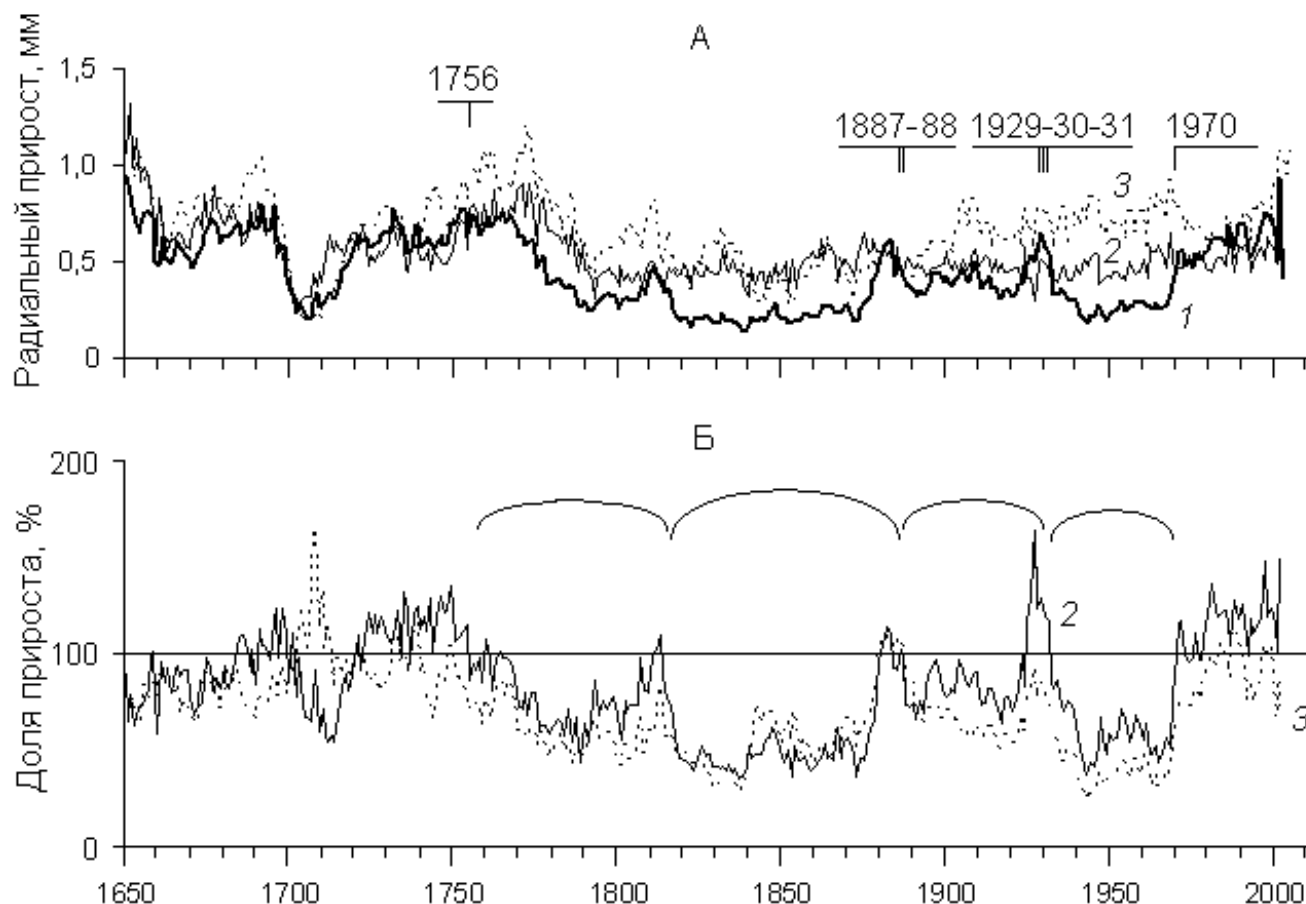

Рис. 3. Древесно-кольцевые хронологии засыпанных (1) обломочным материалом деревьев кедра по сравнению с незасыпанными (2 – этот же лесной массив, 3 – другой) А – абсолютные, Б – относительные величины. Вертикальными черточками обозначены землетрясения, предшествовавшие долговременному снижению прироста, которое маркировано дугами.

тема поверхностная, то такие снижения прироста ствола вызваны не только его повреждениями, но и резким ухудшением почвенного режима (изменения аэрации, влажности, температуры и микробиологической активности) после засыпания оснований стволов деревьев, а в дальнейшем отмиранием сосущих и ростовых корней, и тратой пластических веществ на их восстановление. А увеличение прироста в конце каждого выделенного периода связано с полным или частичным восстановлением корневой системы в верхних горизонтах отложения на новых высотных отметках ствола.

Таким образом, существенные снижения прироста засыпанных деревьев фиксируют достаточно резкие «одномоментные» увеличения толщины отложений мелко- и среднеобломочного материала, который поступал с окружающих склонов, в том числе с потоком протекающего рядом ручья. Роль последнего для деревьев, растущих по периферии данного массива леса, очень велика, поскольку с конца 1970-х годов, когда было отведено русло ручья, долговременные снижения прироста не наблюдались.

Подготовка обломочного материала осуществляется в результате морозного и инсоляционного выветривания, а его передвижение – снежными лавинами, а при оттаивании – водой [9; 13 и др.]. Мы предполагаем, что движение обломочного материала вниз по склонам могло активизироваться землетрясениями. За период с 1750 по 1970 гг. из примерно двух тысяч выделенных по специальной методике [14] землетрясений, которые теоретически могли вызвать начало этого процесса в горно-ледниковом бассейне Актру, трем долговременным снижениям прироста изученных деревьев (с 1757, 1888 и 1932 гг.) пред-

шествовали достаточно сильные землетрясения (в 1756, 1887-1888, 1929-1931 гг.). Землетрясения после 1970 г. уже не отражались на их приросте, т.к. активное поступление обломочного материала водным потоком заметно уменьшилось. Долговременному снижению прироста с 1814 г. мы не нашли предшествующих ему землетрясений соответствующей силы. Это могли быть землетрясения, произошедшие на территории Монгольского Алтая и не отраженные в каталоге, охватывающем территорию бывшего СССР [15]. Хотя, возможно, если обломочного материала образовалось достаточно, для его передвижения вниз по склону не обязательно необходимо землетрясение, а достаточно оттаивания грунтов. Следует также отметить, что после землетрясений 1681 и 1691 гг. резкий спад прироста по двум радиусам обнаружен на засыпанной части ствола на глубине 1,2 м ниже современного уровня почвы, и отсутствует выше, а после землетрясения 1756 г. ствол в этой части перестал расти окончательно.

Таким образом, долговременное снижение прироста ствола у части деревьев кедра, растущих по периферии лесных массивов со стороны склонов, происходило неоднократно за последние 500 лет. Оно может быть вызвано их засыпанием мелко- и среднеобломочным материалом в результате переноса последнего водой или снежными лавинами. Повышенная сейсмическая активность, возможно, активизирует этот процесс. Возраст таких деревьев в результате засыпания части ствола существенно занижается.

* Исследования проведены при поддержке Сибирского отделения РАН (проект VII.63.1.4).

Библиографический список

1. Душкин, М.А. Геоморфологический очерк ледникового бассейна Актру // Гляциология Алтая. – Томск. – 1967. – Вып. 5.
2. Горчаковский, П.Л. Фитоиндикация условия среды и природных процессов в высокогорьях / П.Л. Горчаковский, С.Г. Шиятов. – М., 1985.

3. Schweingruber, F. Tree rings and environment. Dendroecology. – Berne-Stuttgart-Vienna: Paul Haupt Publ., 1996.
4. Yoshikawa, M. The impact of extreme run-off events from the Sakasagawa river on the Senjogahara ecosystems, Nikko National Park. V. The importance of adventitious root systems for burial tolerance of different tree species / M. Yoshikawa, T. Hukusima // Ecological Research. – 1997. – V. 12. – № 1.
5. Кошечев, А.Л. Значение придаточных корней древесных пород на заболоченных почвах // Заболочивание вырубков и меры борьбы с ними. – М., 1955.
6. Сапожников, В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. – М., 1949.
7. Красильников, П.К. Придаточные корни и корневая система у кедров в Центральном Саяне // Ботан. журн. – 1956. – Т. 41. – № 8.
8. Некрасова, Т.П. Строение корневой системы кедров сибирского, ее значение для повышения урожая семян // Тр. по лесн. хоз-ву Сибири. – 1964. – Вып. 8.
9. Kutschera, L. Wurzelatlas mitteleuropaeischer Waldbaeume und Straeucher / L. Kutschera, E. Lichtenegger. – Leopold Stocker Verlag, 2002.
10. Кузнецов, А.С. Энергетическая оценка динамики осыпных аккумулятивных склонов верховий горно-ледникового бассейна р. Актру / А.С. Кузнецов, О.Г. Невидимова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 338.
11. Назаров, А.Н. Динамика ледников Северо-Чуйского хребта на Центральном Алтае во второй половине голоцена / А.Н. Назаров, А.Р. Агатов // Матер. гляциологических исследований. – Томск. – 2008. – Вып. 105.
12. Воробьев, В.Н. Эколого-биологические исследования в верховьях р. Актру в Горном Алтае / В.Н. Воробьев, Ю.К. Нарожный, Е.Е. Тимошок, И.Н. Росновский, В.В. Давыдов, А.Ю. Бочаров, Е.Н. Пац, О.В. Хуторной, С.В. Бокша, Е.Н. Кособуцкая // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2001. – Т. 274.
13. Титова, З.А. Наблюдения над конусами аккумуляции в долине реки Актру / З.А. Титова, М.В. Петкевич // Гляциология Алтая. – Томск. – 1963. – Вып. 3.
14. Malyshkov, Yu.P. Eccentric motion of the Earth's core and lithosphere: Origin of deformation waves and their practical application: Chapter 6 / Yu.P. Malyshkov, S.Yu. Malyshkov // Phillips J.M., ed. The Earth's core: Structure, properties and dynamics. Nova Sci. Publ., 2012.
15. Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. // Под ред. Кондорской Н.В., Шебакина Н.В. – М., 1977.

Bibliography

1. Dushkin, M.A. Geomorfologicheskij ocherk lednikovogo bassejina Aktru // Glyaciologiya Altaya. – Tomsk. – 1967. – Vihp. 5.
2. Gorchakovskij, P.L. Fitoindikaciya usloviya sredih i prirodnihh processov v vihsokogorjyakh / P.L. Gorchakovskij, S.G. Shiyatov. – M., 1985.
3. Schweingruber, F. Tree rings and environment. Dendroecology. – Berne-Stuttgart-Vienna: Paul Haupt Publ., 1996.
4. Yoshikawa, M. The impact of extreme run-off events from the Sakasagawa river on the Senjogahara ecosystems, Nikko National Park. V. The importance of adventitious root systems for burial tolerance of different tree species / M. Yoshikawa, T. Hukusima // Ecological Research. – 1997. – V. 12. – № 1.
5. Kotheev, A.L. Znachenie pridatochnihh korney drevesnihh porod na zabolochennihh pochvakh // Zabolachivanie vihrubok i merih borjbih s nimi. – M., 1955.
6. Sapozhnikov, V.V. Po Russkomu i Mongoljskomu Altayu. – M., 1949.
7. Krasilnikov, P.K. Pridatochniye korni i kornevaya sistema u kedra v Centralnihh Sayanakh // Botan. zhurn. – 1956. – Т. 41. – № 8.
8. Nekrasova, T.P. Stroenie kornevoj sistemih kedra sibirskogo, ee znachenie dlya povisheniya urozhaev semyan // Tr. po lesn. khoz-vu Sibiri. – 1964. – Vihp. 8.
9. Kutschera, L. Wurzelatlas mitteleuropaeischer Waldbaeume und Straeucher / L. Kutschera, E. Lichtenegger. – Leopold Stocker Verlag, 2002.
10. Kuznecov, A.S. Ehnergeticheskaya ocenka dinamiki osihpnihh akumulativnihh sklonov verkhovij gorno-lednikovogo bassejina r. Aktru / A.S. Kuznecov, O.G. Nevidimova // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. – 2010. – № 338.
11. Nazarov, A.N. Dinamika lednikov Severo-Chuyjskogo khrebta na Centralnom Altaye vo vtoroj polovine golocena / A.N. Nazarov, A.R. Agatova // Mater. glyaciologicheskikh issledovaniy. – Tomsk. – 2008. – Vihp. 105.
12. Vorobjev, V.N. Ehkologo-biologicheskie issledovaniya v verkhovjyakh r. Aktru v Gornom Altaye / V.N. Vorobjev, Yu.K. Narozhniy, E.E. Timoshok, I.N. Rosnovskij, V.V. Davihdov, A.Yu. Bocharov, E.N. Pac, O.V. Khutornoy, S.V. Boksha, E.N. Kosobuckaya // Vestnik Tomsk. gos. un-ta. – 2001. – Т. 274.
13. Titova, Z.A. Nablyudeniya nad konusami akumulyaci v doline reki Aktru / Z.A. Titova, M.V. Petkevich // Glyaciologiya Altaya. – Tomsk. – 1963. – Vihp. 3.
14. Malyshkov, Yu.P. Eccentric motion of the Earth's core and lithosphere: Origin of deformation waves and their practical application: Chapter 6 / Yu.P. Malyshkov, S.Yu. Malyshkov // Phillips J.M., ed. The Earth's core: Structure, properties and dynamics. Nova Sci. Publ., 2012.
15. Novihy katalog siljnihh zemletryaseniy na territorii SSSR s drevnejshikh времен до 1975 g. // Pod red. Kondorskoy N.V., Shebalina N.V. – M., 1977.

Статья поступила в редакцию 25.06.2012

Раздел 10

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Редактор раздела:

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

УДК 340

Ivanov K.K. THE SUPREME ARBITRATION COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SUBJECT OF LEGISLATIVE INITIATIVE. This article presents some aspects of the legislative initiative of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation in the legislative activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the attempt to establish a methodological understanding of the strategic objectives of the legislative initiatives of the present stage of development of the legislative process in the Russian Federation.

Key words: legislative initiative, the status, the Supreme Arbitration Court, the State Duma of the Russian Federation, the bill, law.

К.К. Иванов, аспирант каф. государственно-правовых дисциплин Московского нового юридического института, ст. специалист 1 разряда Секретариата заместителя председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва, E-mail: ivanov-gdrf@yandex.ru

ВЫСШИЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

В статье приводятся отдельные аспекты права законодательной инициативы Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в процессе законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, предпринята попытка сформировать методологическое представление о стратегических задачах законодательной инициативы современного этапа развития законодательного процесса в Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательная инициатива, статус, Высший Арбитражный Суд, Государственная Дума Российской Федерации, законопроект, закон.

Переход государства от административно-командной к рыночной экономике в начале 90-х годов, обусловил необходимость создания качественно новой законодательной базы, объективно отвечающей потребностям строящихся социально-экономических отношений в стране.

Решение такой задачи как создание новой экономической среды и расширение российского рынка, в частности, зависело от формирования эффективного и прозрачного механизма правового регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности.

В современных условиях законодательство должно объективно отражать сложные и динамично развивающиеся экономические процессы в обществе, требующие непрерывного совершенствования. Стремительно развивающееся государство и общество привело к значительному изменению роли высших судебных инстанций в проводимых государственных реформах. Потребность во взаимодействии законодателя с субъектом права законодательной инициативы обусловило необходимость определения той уникальной роли, которую выполняет Высший Арбитражный Суд, путем реализации своего права законодательной инициативы с целью совершенствования законодательства.

Конституционно-правовой статус Высшего Арбитражного Суда РФ закреплен в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законах «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации», а также в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации.

Объектом права законодательной инициативы Высшего Арбитражного Суда РФ являются вопросы различных областей права, за исключением конституционного, гражданско-процес-

суального, уголовно-процессуального, уголовного, трудового и иных смежных отраслей [1, с. 216].

К ведению Высшего Арбитражного Суда РФ относятся вопросы корпоративного права с участием граждан-акционеров и граждан-участников обществ с ограниченной ответственностью и обществ с дополнительной ответственностью, хозяйственных товариществ, так как в силу статьи 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ вышеуказанные вопросы относятся к специальной подведомственности дел арбитражных судов [2].

Принятие федеральных конституционных и федеральных законов, а также поправок к ним в Российской Федерации, на основании части 2 статьи 104 Конституции Российской Федерации, относится к ведению нижней палаты Парламента Российской Федерации. Право законодательной инициативы возникает с момента внесения самого законопроекта. Наличие у субъекта права законодательной инициативы означает, что Государственная Дума обязана рассмотреть предложение о принятии закона или его проекта, внесенного данным субъектом. В свою очередь Парламент не обязан принять внесенный законопроект к рассмотрению, включение его в повестку заседания, рассмотрение и принятие его, по крайней мере, в том виде, в котором он поступил в Государственную Думу.

В.И. Чехарина утверждает, что законодательная инициатива непосредственно «связана с самой процедурой принятия закона» и данный институт необходим для определения границ законодательной процедуры. Фактически определенная процедура принятия закона является существенным элементом понятия закона, и используется при установлении его конституционности, что предполагает обратный вариант, при несоблю-

дении требований процедуры признается уже неконституционным [3, с. 162-163].

«В рамках стадии законодательной инициативы происходит реализация уполномоченным субъектом своего права законодательной инициативы, то есть права возбуждать перед законодательным органом вопрос об издании нового нормативного правового акта» [4, с. 180].

Часть 1 статьи 104 Конституции РФ гласит, что правом законодательной инициативы обладают:

- Президент Российской Федерации;
- Совет Федерации;
- члены Совета Федерации;
- депутаты Государственной Думы;
- Правительство Российской Федерации;
- законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации.

Все вышеперечисленные органы государственной власти обладают правом законодательной инициативы в полном объеме, то есть по неограниченному кругу вопросов ведения Российского парламента. Кроме того, Конституция указывает на ряд государственных органов, которые обладают законодательной инициативой только «по вопросам их ведения» – Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Фактически круг субъектов законодательной инициативы в Российской Федерации намного шире, чем в других государствах.

Ведущим субъектом регулирования публично-правовых отношений в единой федеральной системе арбитражных судов выступает государство в лице Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [5].

Для успешного выполнения судами общесоциальных и общеполитических целей и задач, органы судебной власти должны иметь гарантированное право на толкование любых норм на предмет их соответствия Конституции РФ, базовым международным нормам и правилам. В рамках данной функции суды по существу не только признают законность или, наоборот, неконституционность того или иного нормативного акта, но и, как правило, предлагают формы выхода из сложившейся проблемной ситуации. Именно по этой причине судебной власти в лице ее высших федеральных органов – Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ – принадлежит право законодательной инициативы [6, с. 267]. «Это означает, что суды в силу специфики своей деятельности должны контролировать действие применяемых законов, выявлять их недостатки, определять пути улучшения и на этой основе вносить предложения по совершенствованию законодательства» [7, с. 349].

Теоретически указанным судам как высшим органам судебной власти РФ не запрещается вносить законопроекты федерального уровня по самой различной тематике, поскольку «предметы ведения» их в плане именно законотворчества ни Конституция РФ ни федеральное законодательство не определяют [8, с. 69]. Кроме того, сам статус судебной власти (власти, разрешающей споры, толкующей, разъясняющей в той или иной мере положения законодательства) допускает включение в предметы ведения названных судов вопросов, регламентирующих общественные отношения в самых различных сферах.

На основании части 2 статьи 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах Российской Федерации» «Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации принадлежит право законодательной инициативы по вопросам его ведения» [9]. То есть при необходимости внесения изменений в уже действующий закон либо принятия нового закона Высший Арбитражный Суд РФ решает вопрос о выступлении с законодательной инициативой.

Право законодательной инициативы представляет собой оформленное надлежащим образом обращение ВАС РФ в Государственную Думу РФ, в основе которого лежат предложения по совершенствованию действующего законодательства, сформулированные в процессе изучения и обобщения судебной практики.

При этом надо осознавать, что право законодательной инициативы ограничено той сферой, в которой арбитражные суды отправляют правосудие.

Статья 104 Регламента Государственной Думы гласит, что право законодательной инициативы реализуется путем внесения в Парламент:

«а) проектов федеральных конституционных и федеральных законов;

б) законопроектов о внесении изменений в действующие законы РСФСР, федеральные конституционные и федеральные законы, либо признании этих законов утратившими силу, либо о неприменении на территории Российской Федерации актов законодательства Союза ССР;

в) поправок к законопроектам».

Это исчерпывающий перечень возможностей реализации права законодательной инициативы через Государственную Думу.

Результаты изучения и обобщения арбитражной практики реализуются в праве законодательной инициативы. Фактически, данное право осуществляется Высшим Арбитражным Судом РФ в несколько этапов:

- изучение и обобщение арбитражной практики;
- составление предложений (на основе обзоров арбитражной практики) по унификации и модернизации существующих нормативных правовых актов и их частей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- на основе предложений подготовки проектов нормативных правовых актов о внесении изменений и дополнений в уже существующие и действующие законы;
- направление в Государственную Думу проектов нормативных правовых актов для реализации права законодательной инициативы и устранения выявленных Высшим Арбитражным Судом РФ пробелов в законодательстве.

Фактически Высший Арбитражный Суд РФ может реализовать право законодательной инициативы в двух видах: прямо – при внесении проектов нормативных правовых актов в существующие и действующие законы либо не прямо – при формировании проектов нормативных правовых актов для внесения изменений и дополнений в действующее законодательство на основе обобщения разъяснений арбитражных судов.

Таким образом, реализация права законодательной инициативы Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам его ведения предполагает внесение в Государственную Думу законопроектов материального и процессуального права, а решения о реализации права принимаются на пленумах ВАС РФ и оформляются в виде постановлений [10].

Статистические данные из Автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности Аппарата Государственной Думы свидетельствуют, что в настоящий момент на рассмотрении Государственной Думы находятся 4 законопроекта, субъектом права законодательной инициативы которых выступает Высший Арбитражный Суд Российской Федерации: 2 законопроекта прошли первое чтение и ждут вынесения их на Совет Государственной Думы (законопроект № 528836-5 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» и законопроект № 620344-5 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»»), 1 законопроект, рассмотренный Советом Государственной Думы, но не рассмотренный палатой в первом чтении, и еще один законопроект, внесенный в Государственную Думу 6 апреля 2012 года – в настоящее время направлен в профильный комитет для рассмотрения (законопроект № 50480-6 «О территориальной юрисдикции Арбитражного Суда Московской области и Арбитражного Суда города Москвы») [11].

Изложенное позволяет сделать вывод, что значимость процесса взаимодействия Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, как представителя единой федеральной системы арбитражных судов, с Парламентом Российской Федерации, путем реализации права законодательной инициативы «по вопросам их ведения» обусловлено тем, что суды в силу специфики своей деятельности контролируют применения законов, выявляют их недостатки, определяют пути их улучшения.

Законодательная власть, понимая ответственность того, что только она имеет право издавать законы и иные нормативные акты, обладающие юридической силой закона, направляет максимальные усилия на качество законодательных актов.

Процесс взаимодействия законодательной власти с субъектом, обладающим правом законодательной инициативы направлен не только на разработку и принятие законов, регулирующих общественно-экономическую жизнь общества, но на совершенствование уже существующего законодательства, подчас не успевающего за стремительно развивающимися социально-экономическими отношениями в обществе.

Библиографический список

1. Научно-методическое пособие по разработке законопроектов в современной России / Ю.Г. Арзамасов, Д.Н. Вороненков, Г.П. Ивлиев [и др.]. – М., – 2009.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 08.12.2011) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, №30, ст. 3012.
3. Чехарина, В.И. Законодательный процесс: право законодательной инициативы // Теоретические проблемы Российского конституционализма / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2000.
4. Васильев, Р.Ф. Законодательный процесс. Понятие Институты. Стадии: научно-практическое пособие. – М., 2000.
5. Кузьмин, А.Г. О конституционно-правовом статусе Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. – 2010. – № 9.
6. Колоколов, Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. – М., 2007.
7. Пиголкин, А.С. Законотворчество в Российской Федерации. – М., 2000.
8. Карпов, Н.Н. Законодательный процесс в Российской Федерации. – М., 2008.
9. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 №1-ФКЗ (ред. от 06.12.2011) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 01.05.1995, №18, ст. 1589.
10. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 №1-ФКЗ (ред. от 06.12.2011) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 01.05.1995, №18, ст. 1589.
11. Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Аппарата Государственной Думы [Э/р]. – Р/д: <http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/stat.nsf/ViewFed/spzistad?OpenDocument>.

Bibliography

1. Nauchno-metodicheskoe posobie po razrabotke zakonoproektov v sovremennoy Rossii / Yu.G. Arzamasov, D.N. Voronenkov, G.P. Ivliev [i dr.]. – M., – 2009.
2. Arbitrazhniy processualniy kodeks Rossiyskoy Federacii ot 24.07.2002 №95-FZ (red. ot 08.12.2011) // «Sobranie zakonodatelstva RF», 29.07.2002, №30, st. 3012.
3. Chekharina, V.I. Zakonodatelniy process: pravo zakonodatelnoy iniciativy // Teoreticheskie problemi Rossiyskogo konstitucionalizma / pod red. T.Ya. Khabrievoy. – M., 2000.
4. Vasiljev, R.F. Zakonodatelniy process. Ponyatie Institutih. Stadii: nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 2000.
5. Kuzjmin, A.G. O konstitucionno-pravovom statuse Vihsshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federacii // Rossiyskaya yusticiya. – 2010. – № 9.
6. Kolokolov, N.A. Sudebnaya vlast' kak obthepravovoy fenomen. – M., 2007.
7. Pigolkin, A.S. Zakonotvorchestvo v Rossiyskoy Federacii. – M., 2000.
8. Karpov, N.N. Zakonodatelniy process v Rossiyskoy Federacii. – M., 2008.
9. Federalniy konstitucionniy zakon ot 28.04.1995 №1-FKZ (red. ot 06.12.2011) «Ob arbitrazhnikh sudakh v Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatelstva RF. – 01.05.1995, №18, st. 1589.
10. Federalniy konstitucionniy zakon ot 28.04.1995 №1-FKZ (red. ot 06.12.2011) «Ob arbitrazhnikh sudakh v Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatelstva RF. – 01.05.1995, №18, st. 1589.
11. Oficialniy sayt Gosudarstvennoy Dumih FS RF. Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatel'nosti Apparata Gosudarstvennoy Dumih [Eh/r]. – R/d: <http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/stat.nsf/ViewFed/spzistad?OpenDocument>.

Статья поступила в редакцию 28.06.12

Раздел 11

ЭКОНОМИКА

Редакторы раздела:

ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА - доктор экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ВЕРА СТЕПАНОВНА СТАРОДУБЦЕВА – кандидат экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

УДК 332.122

Zhidkikh A.A. THE METHODS OF RECORDING FOR PECULIARITIES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT FOR REGIONAL SYSTEMS OF ECONOMIC REGIONALIZATION. The article analyzes the problem of socioeconomic stability of the region, determines basic regionalization principles, introduces and substantiates the strategy of administrative-territorial division on sub-federal level.

Key words: region, economy, administrative-territorial division, regionalization principles.

А.А. Жидких, канд. эконом. наук, начальник управления по науке, инновационной и кластерной политике Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, г. Барнаул, E-mail: zhidkih_a@mail.ru

МЕТОДИКА УЧЕТА ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ

В статье рассмотрены проблемы социально-экономической устойчивости региона, выявлены общие принципы районирования, предложена и обоснована система целей административно-территориального деления на субфедеральном уровне.

Ключевые слова: регион, экономика, административно-территориальное деление, принципы районирования.

Настоятельная необходимость поиска эффективных инструментов управления, способных обеспечить устойчивые тенденции в процессах социально-экономического развития РФ и ее субъектов, сконцентрировала усилия органов государственной власти в сфере институциональной модернизации. В современное время модернизация системы управления регионами призвана создавать условия для стабильного развития бизнеса и повышения качества жизни населения регионов на основе имеющегося экономического и организационно-управленческого потенциала.

В важнейших государственных документах: «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года», «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», «Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года», подчеркивается основная цель региональной экономики, заключающаяся в обеспечении устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

В России на протяжении большей части XX века регионы рассматривались как совокупность географически сопряженных производственно-технологических площадок, совместно обеспечивающих сбалансированность, самодостаточность и динамичный рост экономики. В силу этого пространственное развитие страны осуществлялось путем планового размещения производительных сил по территории. Переход к «рыночной» экономике в начале 1990-х годов стал причиной массовой регионализации России, в ходе которой появились новые субъекты Федерации, выстраиваемые в русле общей хозяйственной системы поверх старых административных границ. Это породило целый ряд проблем, непосредственно отразившихся на социально-экономической устойчивости системы государственного устройства. Приведем наиболее общие из них, характерные как на региональном, так и на субрегиональном уровне [1].

1. Несоответствие масштабу экономических и социальных процессов «открытого» рынка.

2. Существенный разрыв между регионами в результате сырьевой ориентации экономики.

3. Неэффективная территориально-производственная организация.

4. Устаревшая система административно-территориального деления, блокирующая процессы социально-экономического развития.

5. Рост расходов на поддержание изношенного и энергетически затратного инфраструктурного хозяйства, избыточного в теряющих население и производственные активы территориях и недостаточного в растущих регионах.

6. Недостаточное воспроизводство человеческих ресурсов из-за сложившейся системы расселения.

7. Низкая пространственная и квалификационная мобильность трудоспособного населения как следствие отсутствия привлекательности большинства территорий для миграционного притока.

8. Негативные демографические тенденции как результат дестабилизации качества жизни населения.

9. Несбалансированность экологической политики с политикой в области охраны здоровья населения и программой социальной защиты населения от последствий экологических катастроф, негативных социально-экологических и антропогенных последствий.

10. Медленное внедрение современных инструментов в практику государственного управления региональным развитием.

Итак, проблематика формирования административно-территориального устройства, создания производственно-технологической, социальной и инженерной инфраструктуры включает проблемы, имеющие в основе экономические, социальные, природные и организационные принципы, которые выступают в качестве отправных установок при проведении районирования, оценке его итогов и разработке путей дальнейшего развития. Безусловно, кроме этих принципов могут быть другие, более частные, однако нам представляется, что они больше относятся к критериям и имеют значение для определения осо-

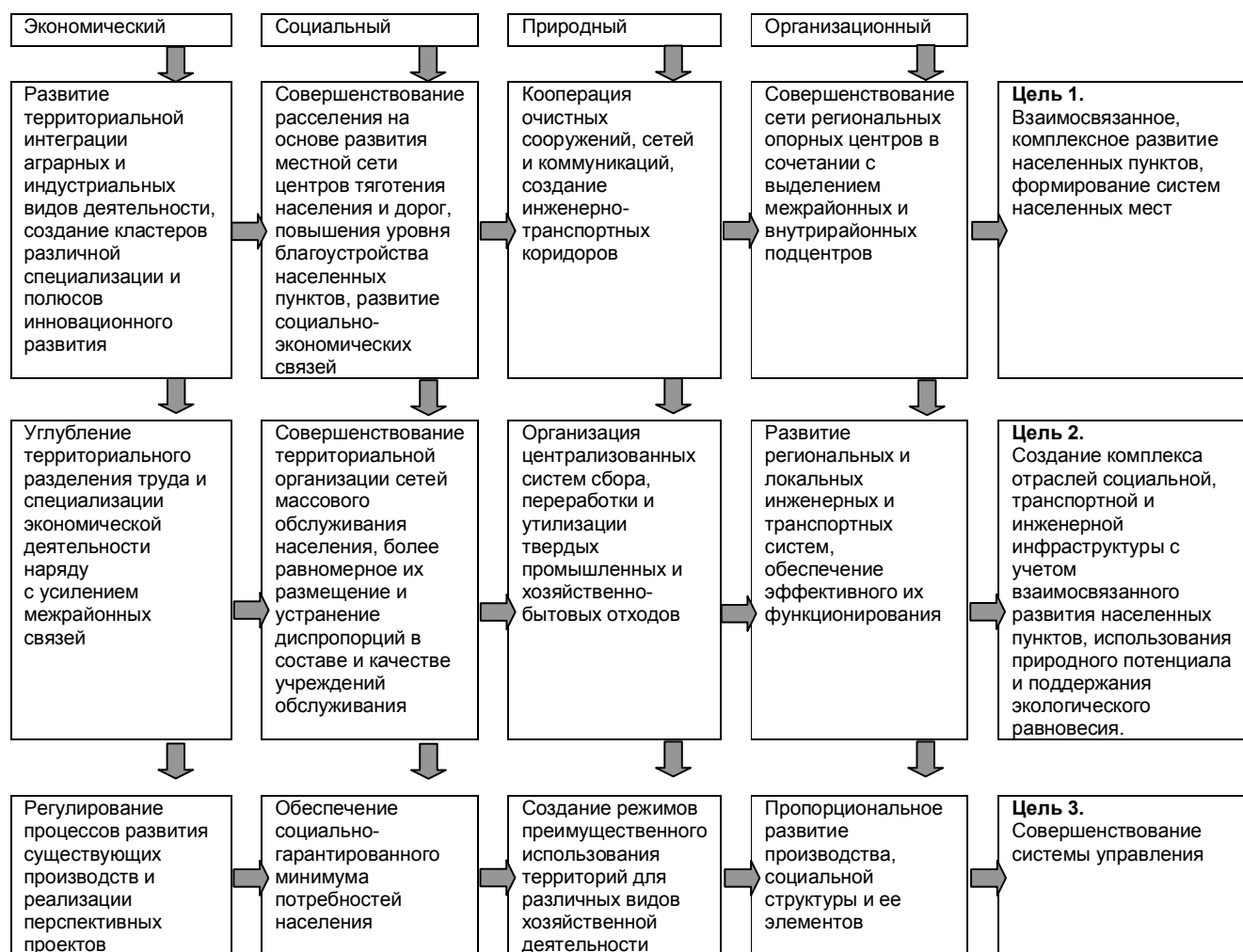

Рис. 1. Система целей концепции субфедерального административно-территориального деления

бенностей отдельных звеньев административно-территориального устройства.

Основой *экономического принципа* являются процессы территориальной интеграции аграрных и индустриальных видов деятельности, выражающиеся в создании различного рода кластерных объединений.

Социальный принцип применительно к административно-территориальному делению состоит в совершенствовании пространственной организации сетей массового обслуживания населения, более равномерном их размещении, устранении диспропорций в составе и качестве учреждений обслуживания в городских и сельских населенных пунктах.

Природной основой административно-территориального районирования служат механизмы самоорганизации окружающей среды, обеспечивающие ее устойчивость к антропогенным нагрузкам, и совокупность хозяйственных и технологических мероприятий, направленных на повышение этой устойчивости.

Сущность *организационного принципа* состоит в том, что административно-территориальное устройство призвано обеспечить максимальное приближение власти к населению, рациональное построение системы управления, создавать условия для широкого вовлечения людей в решение проблем общества и государства, развитие местной инициативы.

Исходя из анализа указанных выше принципов, концепция формирования системы административно-территориального деления на субфедеральном уровне (рисунок 1) должна преследовать достижение следующих целей:

1. Взаимосвязанное, комплексное развитие населенных пунктов, формирование систем населенных мест.

2. Создание комплекса отраслей социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры с учетом взаимосвязанного развития населенных пунктов, охраны природы и поддержания экологического равновесия.

3. Совершенствование системы управления.

На формирование населенных пунктов различных типов и местных систем расселения в рамках административно-территориальной единицы влияет значительное количество факторов.

1. Поэтому важнейшей проблемой является определение исходных параметров и конкретных условий формирования систем населенных мест, к которым можно отнести:

- узловое положение в пространственной структуре хозяйства;
- достижение социального оптимума по всему комплексу среды жизнедеятельности человека;
- сбалансированность и комплексность развития основных подсистем: «экономика – население – природа – управление».

Помимо этого, взаимосвязанное развитие населенных пунктов должно основываться на выявляемых наукой закономерностях образования систем расселения.

Поляризация пространства – закономерный процесс усиления территориальной дифференциации явлений в результате хозяйственной или иной деятельности хозяйства, а объективный процесс, имеющий глубокие основания в развитии природы и общества. Именно на неравномерности или концентрации свойств территории в разных ее частях основано функциональное зонирование (структура) населенных пунктов. Для развития систем расселения в пространстве характерно наличие ареалов концентрации, примагистральных полос и периферии. Причем, согласно теориям классиков, ареалы концентрации развиваются в центральной части региона, на окраинных территории-

ях, смежных с другими регионами, и по радиальным направлениям от центра. Главные магистрали при этом выступают в роли «осей развития» формируя полосовидные расселенческие структуры. Особенно активно примагистральные полосы развиваются в зонах непосредственного влияния крупных центров, которые выбрасывают вдоль расходящихся от них транспортных радиусов лучи расселения. Периферия представляет собой оставшуюся часть пространства. Равновесие и благополучие систем расселения достигается сопряжением ареалов концентрации производства и периферии.

Следовательно, схематично можно выделить три категории территорий:

1. Узловой район – крупный населенный пункт со своим непосредственным окружением, а при более высокой плотности хозяйственной деятельности и населения – агломерация.

2. Полосы расселения вдоль наиболее приятных по совокупности условий участков пространства.

3. Периферия расположена вдали от крупных центров и главных магистралей.

Основой взаимосвязанного развития населенных пунктов в рамках административно-территориальной единицы служат хозяйственные и бытовые связи. Необходимо отметить, что интенсивность связей между элементами пространства неоднородна, и в зависимости от этого они подразделяются на несколько типов: по целевому назначению, по массовости, по направлению и по дальности. Что касается параметров значений основных показателей (численность населения, площадь территории, радиус доступности, и т. д.), то единых и строгих критериев их установления не существует, поэтому приведем ряд усредненных значений по данным эмпирических исследований.

Комплексное развитие района как важнейшая черта его хозяйства находит отражение в своеобразии производственной структуры, использования ресурсов, пропорциональности отраслей, их экономических и социальных связей и т. д. Это предполагает укрепление взаимодействия между отраслями специализации, обслуживающими отраслями и инфраструктурой в сочетании с развитием населенных пунктов и поддержанием экологического равновесия в соответствии с общегосударственными задачами и местными условиями. Иными словами, комплексность хозяйства это взаимосвязь материального воспроизводства, воспроизводства человека и среды обитания под общим управляющим воздействием. Модель его функционирования хозяйства представлена на рис. 2.

Важнейшую районообразующую роль играют отрасли специализации, поскольку именно они определяют характер развития и место территории в региональном разделении труда, оказывают активное влияние на решение социальных проблем. Выделяют также локальные отрасли, имеющие местное значение и удовлетворяющие нужды территории в экономически оправданных масштабах. Обслуживающие отрасли призваны удовлетворять потребности хозяйства и населения.

Достижение комплексности развития хозяйства невозможно без согласованных действий органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Поэтому особого внимания требуют механизмы управления социально-экономическими процессами, такие как: разграничение полномочий между уровнями власти, становление и развитие гарантий местного самоуправления, политика в налоговой сфере и в области межбюджетных отношений, формирование системы стратегического планирования [2] и другие.

Несмотря на то, что к настоящему времени в Российской Федерации полномочия между различными уровнями власти в целом разграничены, существует достаточно широкий круг вопросов, решение которых зависит от территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. К ним относятся

лицензирование установленных видов предпринимательской деятельности, большая часть всех осуществляемых на территориях контрольно-надзорных полномочий, предоставление государственных услуг в сфере образования, здравоохранения и др., управление государственным имуществом и природными ресурсами, учет недвижимого имущества и регистрация прав на него, осуществление всех видов правоохранительной деятельности.

Решением этой проблемы, наряду с продолжением процесса «делегирующей» полномочий федеральных органов исполнительной власти органам государственной власти субъектов федерации, является определение механизмов ответственности за надлежащее исполнение переданных полномочий и конечные результаты работы по социально-экономическому развитию регионов.

Еще одним направлением модернизации регионального управления должно стать дальнейшее развитие института местного самоуправления. Прежде всего, необходимо скорейшее введение в действие в полном объеме Федерального закона от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ. Этот инструмент должен и может сыграть важную роль как в социально-экономическом развитии регионов, так и в политическом развитии страны, вовлечении граждан в управление делами государства.

Однако практика реализации Закона показала необходимость внесения в него изменений. Это связано с тем, что большинство органов местного самоуправления поселений путем заключения соглашений передали полномочия по решению вопросов местного значения органам местного самоуправления муниципальных районов и фактически самоустранились от исполнения возложенных обязанностей, продолжая, тем не менее, получать бюджетные средства на собственное содержание, не выполняя при этом законодательно закрепленные за ними функции.

Повышение эффективности муниципальных полномочий напрямую связано с укреплением финансовой самостоятельности муниципалитетов. В этой части требуется внесение в бюджетное и налоговое законодательство изменений, направленных на расширение доходной базы местного самоуправления путем увеличения количества и доли местных налогов в консолидированном бюджете, внедрения механизмов роста доходов местных бюджетов в зависимости от результативности действий органов местного самоуправления по наращиванию собственной доходной базы и реализации экономического потенциала своей территории.

Решение указанных задач зависит, прежде всего, от создания органами местного самоуправления благоприятного инвестиционного климата на своей территории, что связано с рациональным размещением производственной и социальной инфраструктуры в единой системе стратегического планирования в Российской Федерации. Мероприятия по созданию инфраструктурных объектов и осуществлению мер государственной поддержки реализации экономического потенциала регионов должны реализовываться в рамках синхронизированных в территориальном и временном разрезе федеральных (долгосрочных) целевых программ. В свою очередь, принятые на федеральном уровне программные документы, должны задавать вектор соответствующим программным документам (стратегиям социально-экономического развития, документам территориального планирования, долгосрочным целевым программам) на региональном и местном уровнях, а в совокупности они призваны сформировать благоприятную среду для реализации инвестиционных проектов и программ бизнеса.

Таким образом, предпосылками для усиления интеграции субъектов федерации, на наш взгляд, являются:

Таблица 1

Оценка на межселенных связях

Оценка территорий	Транспортная доступность (мин.)			Транспортная обеспеченность
	Трудовые связи	Культурно-бытовые связи	Рекреационные связи	
Благоприятные	до 45	до 60	до 60	железные дороги и автодороги I и II категории
Ограниченно благоприятные	45-60	60-90	60-120	автодороги III и IV категории
Неблагоприятные	более 60	более 90	более 120	автодороги V категории

Рис. 2. Комплексная модель функционирования хозяйства

- пространственное рассредоточение элементов производительных сил;
- необходимость проведения согласованной региональной политики, учитывающей особенности межрегионального развития, что требует объединения ресурсов, технологий, информации;

- целесообразность перевода части функций государственного управления и регулирования с федерального на межрегиональный уровень;
- возникновение новых задач, связанных с функционированием межрегионального рыночного пространства, что требует объединения усилий субъектов федерации в формировании общих элементов инфраструктуры.

Библиографический список

1. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Министерство регионального развития Российской Федерации [Э/р]. – Р/д: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx? DocID=136&PageID=148>
2. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года. – М., 2011. [Э/р]. – Р/д: <http://www.minregion.ru>

Bibliography

1. Konceptsiya Strategii socialjno-ehkonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii // Ministerstvo regionalnogo razvitiya Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx? DocID=136&PageID=148>
2. Konceptsiya sovershenstvovaniya regionalnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. – M., 2011. [Eh/r]. – R/d: <http://www.minregion.ru>

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 336.71.477

Artemkina E. V. STATE SUPPORT FOR HOUSING MORTGAGE LENDING IN THE CONTEXT OF THE SOLUTION OF SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN SOCIETY. Analyzed the problems and the factors influencing the development of mortgage lending in Russia, the model of mortgage relations, presented the mechanism of state support for housing mortgage lending, recommendations on development of mortgage housing crediting in Russia in modern conditions.

Key words: housing mortgage lending, mortgage market, mortgage, the mechanism of state support for housing mortgage lending, support of the state.

Е.В. Артемкина, аспирант Гос. университета управления, управляющий Раменское ДО КБ «Альта-Банк» (ЗАО), г. Москва, E-mail: artemkina.elena@altabank.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Проанализированы проблемы и факторы, влияющие на развитие ипотечного жилищного кредитования в России, рассмотрены модели ипотечных отношений, представлен механизм государственного обеспечения ипотечного жилищного кредитования, сформулированы рекомендации относительно развития ипотечного жилищного кредитования в России в современных условиях.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, ипотечный рынок, ипотека, механизм государственного обеспечения ипотечного жилищного кредитования, государственная поддержка.

Общепризнанным в современном научном мире является тот факт, что в современных условиях развитие ипотечного жилищного кредитования положительно отражается на развитии реального сектора экономики и общества в целом [1]. В процессе вложения государственным или частным сектором средств в жилищное строительство финансируется реальный сектор экономики, что обуславливает рост производства во многих отраслях промышленности. Ипотечный кредит способствует реализации жилья, обеспечивает непрерывность производства в строительстве, а это, в свою очередь, способствует оживлению производства строительных материалов, конструкций, развитию строительного машиностроения, деревообрабатывающей отрасли и т.п. [2].

Учитывая вышеизложенное, возникает необходимость формирования научных подходов относительно использования системы ипотечного жилищного кредитования как важного стимула стабилизации и роста современной экономики и как инструмента преодоления социальной нестабильности, с одной стороны – путем решения проблем занятости, с другой – путем удовлетворения потребностей населения в жилье, что обуславливает актуальность темы данной статьи.

Целью данной статьи является исследование возможностей решения социально-экономических проблем российского общества посредством использования механизма государственной поддержки ипотечного жилищного кредитования.

Основной вклад в исследование проблем ипотечного жилищного кредитования оказали ученые и специалисты развитых стран мира, в частности М. Левин, Д. Джонсон, Дж. Шерман, Дж. Фридман, Н. Ордуей и др. Существенный интерес к данной проблематике проявляется и отечественными учеными: Н. Зеленковой, Г. Цилиной, А. Ужegovым, В. Кудрявцевой, О. Кудрявцевой, М. Логиновой и др. Указанные авторы освещают отдельные теоретические и практические аспекты фор-

мирования и развития ипотечного жилищного кредитования, однако вопросы анализа проблем ипотечного жилищного кредитования и определения направлений его развития еще требует существенного развития.

Механизм государственного обеспечения ипотечного жилищного кредитования. В зависимости от субъекта кредитования ипотечные ссуды на строительство и приобретение жилья можно разделить на кредиты, которые предоставляются непосредственно владельцу будущего жилья, и кредиты, которые предоставляются строительным организациям [3]. В первом случае, когда ипотечный кредит предоставляется непосредственно будущим владельцам жилья, возникают двусторонние отношения ипотеки между будущим владельцем и банком. Во втором случае возникают трехсторонние отношения ипотеки между банковским учреждением, подрядчиком и будущим владельцем жилья. Трехсторонние отношения ипотеки могут быть построены на основе следующих моделей (таблица 1) [4; 5; 6].

Эффективное функционирование ипотечного рынка невозможно без деятельности инфраструктурных участников: органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество, учреждений нотариальных и юридических услуг, страховых компаний, компаний по оценке недвижимости, судебных органов, финансовых институтов, которые осуществляют посреднические операции на вторичном рынке залоговых инструментов [6]. Деятельность этих субъектов ипотечного рынка заключается в повышении эффективности и оперативности работы основных субъектов ипотечного рынка путем осуществления организационного оформления отношений ипотечного кредитования; предоставления маркетинговых услуг и информационного обеспечения деятельности основных субъектов; обслуживания движения ипотечного капитала; содействия снижению рисков ипотечного кредитования и т.п.

Таблица 1

Модели ипотечных отношений

№	Модель	Особенности модели
1	Кредитор предоставляет ипотечный кредит подрядчику, погашение которого осуществляют будущие владельцы, для этого заключаются дополнительные соглашения между будущими владельцами и банком	В данном случае часть средств, которые поступают от будущих владельцев, аккумулируются на отдельном расчетном счете подрядчика и формируют его прибыль
2	Кредитор предоставляет ипотечный кредит подрядчику, а подрядчик самостоятельно устанавливает ипотечные отношения с будущими владельцами. При этом владелец осуществляет выплаты по кредиту подрядчику, а подрядчик осуществляет погашение ипотечного кредита из полученной суммы за вычетом своей нормы прибыли	Этот способ более выгоден подрядчику, поскольку он вправе сокращать сроки предоставления кредитов владельцам, что дает возможность подрядчику формировать свободные денежные средства и использовать их в своей деятельности

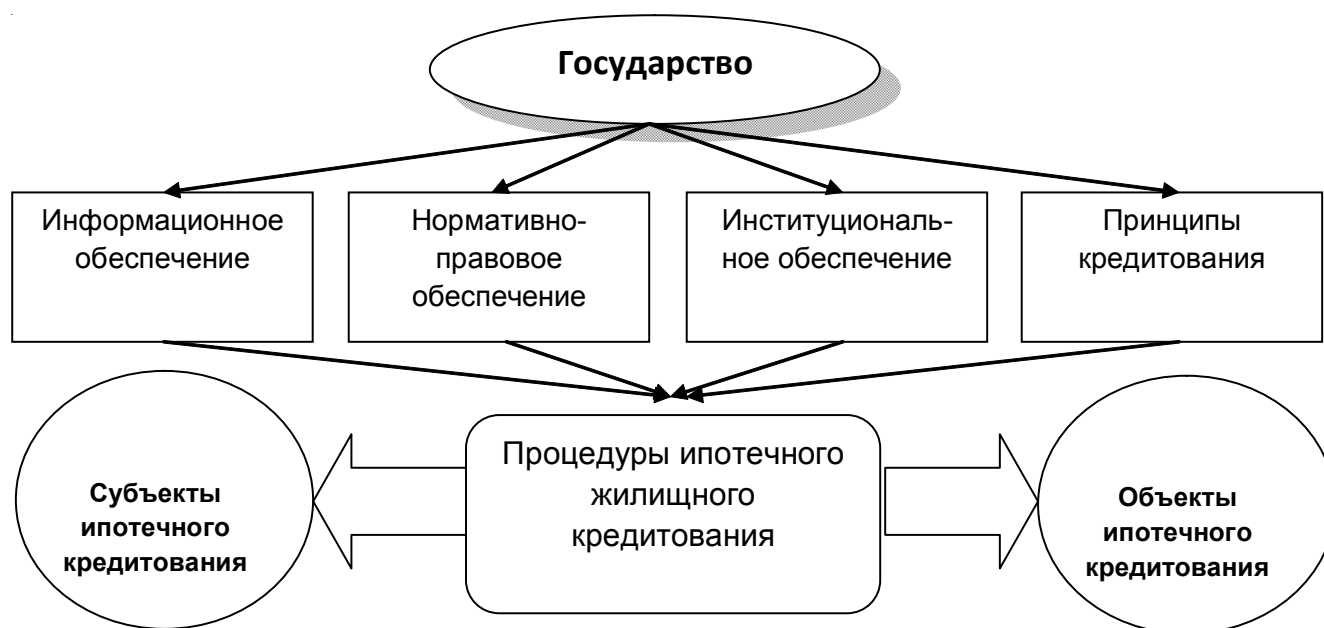

Рис. 1. Механизм государственного обеспечения ипотечного жилищного кредитования

Для развития ипотечного рынка необходимо эффективное функционирование рынка недвижимого имущества, кредитного и фондового рынка, рынков страхования (страхование предмета ипотеки является обязательным) и рынков сопутствующих услуг (в сегменте услуг по оценке имущества). Последним достаточно часто не уделяется надлежащее внимание, хотя правильная оценка предмета ипотеки имеет весомое влияние на эффективность функционирования ипотечного рынка, ведь спецификой данного кредита является то, что его сумма определяется в виде части стоимости залога.

Характеристика современного состояния российского рынка ипотечного жилищного кредитования. Современная модель российского рынка ипотечного жилищного кредитования характеризуется такими факторами, как [7]:

- преимущественно депозитная модель финансирования;
- доминирование универсальных банков;
- отсутствие специализированных институтов ипотечного рынка и специализированных регуляторов, гарантийных фондов ипотечного страхования рыночного финансирования, инфраструктуры (например, кредитное бюро).

Рынок ипотечного кредитования России структурирован таким образом: концентрация всех операций происходит в больших банках, которые контролируют свыше 2/3 рынка, имеют разветвленную филиальную сеть и крепкие корпоративные связи со строительными организациями.

Рост ипотечного рынка сдерживается следующими факторами [7]:

- неспособностью банков использовать международные схемы реинвестирования в рамках существующего законодательства;
- неспособностью многих банков одалживать средства на международных рынках капитала через их неполное соответствие требованиям международного законодательства;
- наличием других, более прибыльных направлений деятельности;
- общим недоверием населения к российским банкам и опасением относительно потери своего жилья в случае банкротства банка-кредитора;
- отсутствием понимания населением процессов ипотечного финансирования.

Острейшая проблема – практическое отсутствие в России долгосрочного кредитования населения банками, что стало особенно выраженным под влиянием мирового экономического кризиса. Мешает наличие большого количества рисков для кредиторов, которые будут работать по программе ипотечного кредитования на вторичном рынке недвижимости. Банки стремятся без риска использовать краткосрочные ресурсы, в основном финансируя операции ипотечного кредитования за счет депозитов физических лиц. Кроме того, конкуренция побуждает увеличивать депозитные процентные ставки. Все это увеличивает процентные риски и уменьшает ликвидность банков.

Завышение стоимости ипотечных кредитов, которые предоставляют банками, в значительной степени, предопределяется:

Рис. 2. Влияние развития ипотечного кредитования на решение социально-экономических проблем общества

- высокой ценой привлеченных ресурсов;
- ростом инфляции и снижением рыночной стоимости залога;
- несвоевременным выполнением кредитных обязательств;
- рисками, связанными с правовыми и судебными тяжбами при отчуждении жилья-предмета залога, а также с проблематичным выселением должника и продажей на торгах предмета залога.

Развитие ипотечного кредитования и решение социально-экономических проблем российского общества. Для современной экономики критерием эффективности функционирования является удовлетворение неотложных общественных потребностей, в частности потребностей в жилье. Обеспечение населения комфортным и качественным жильем должно стать важным критерием уровня жизни и российского общества в том числе.

Развитие ипотечного жилищного кредитования в России является важным и необходимым, в отечественных условиях проблема обеспечения жильем имеет два аспекта: обеспечение в достаточных объемах финансирования жилищного строительства и обеспечения платежеспособного спроса на жилье.

Мировая практика сформировала эффективные пути решения обоих аспектов данной проблемы: ипотечное жилищное кредитование как один из наиболее надежных способов привлечения частных инвестиций за счет капитализации жилищной недвижимости с помощью государства позволяет наиболее выгодно сочетать интересы строительных компаний, финансово-кредитных учреждений, граждан и государства в процессе решения жилищной проблемы. В связи с этим на сегодня в России необходимо создание гарантийного фонда для ипотечных кредитов на уровне государственного ипотечного учреждения; установление определенной взаимосвязи между ожидаемым уровнем доходов, оплатой труда работника и стоимостью жилья.

Процесс ипотечного кредитования позволит решить ряд достаточно актуальных социально-экономических проблем общества (рис. 2).

Системный подход в решении жилищного вопроса на государственном уровне, основой которого в условиях России должен стать эффективный механизм государственной поддержки жилищного ипотечного кредитования, зависит от жесткого контроля над строительством и доступности долгосрочных финансовых ресурсов для населения страны, нуждающегося в улучшении жилищных условий.

Следовательно, исходя из анализа существующих проблем, которые требуют немедленного решения, можно сформулировать некоторые предложения относительно совершенствования работы ипотечного рынка:

Библиографический список

1. Рынок ипотечного кредитования и социально-экономические показатели в России (2005-2011) – М., 2011.
2. Гурвич, В. У ипотеки есть шанс // Российская Бизнес-газета. – 2009. – №701 (17).
3. Иванов, В.В. Ипотечное кредитование. – М., 2001.
4. Сокол, Л.В. Ипотечное жилищное кредитование: некоторые проблемы правового регулирования // Адвокат. – 2007. – № 3.
5. Ипотека: Вопросы правового регулирования. – М., 2005.
6. Основы ипотечного кредитования / науч. ред. Н.Б. Косарева. – М., 2007.
7. Разумова, И.А. Ипотечное кредитование. – СПб., 2009.

Bibliography

1. Rihnok ipotechnogo kreditovaniya i socialjno-ehkonomicheskie pokazateli v Rossii (2005-2011) – M., 2011.
2. Gurvich, V. U ipoteki estj shans // Rossijskaya Biznes-gazeta. – 2009. – №701 (17).
3. Ivanov, V.V. Ipotechnoe kreditovanie. – M., 2001.
4. Sokol, L.V. Ipotechnoe zhilishnoe kreditovanie: nekotoriye problemih pravovogo regulirovaniya // Advokat. – 2007. – № 3.
5. Ipoteka: Voprosih pravovogo regulirovaniya. – M., 2005.
6. Osnovih ipotechnogo kreditovaniya / nauch. red. N.B. Kosareva. – M., 2007.
7. Razumova, I.A. Ipotechnoe kreditovanie. – SPb., 2009.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 330.322

Bondarenko E.N. TO A QUESTION OF MANAGEMENT OF COMPETITIVENESS OF THE REGION. The conceptual analysis of management process is presented by competitiveness of the region. The contents, the purposes and stages of management of competitiveness of the region are allocated.

Key words: competitiveness, the region, management, algorithm of management of competitiveness.

Е.Н. Бондаренко, ассистент каф. «Менеджмент» ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт», г. Ставрополь, E-mail: anna_soloviova83@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ РЕГИОНА

Представлен теоретический подход к процессу управления конкурентоспособностью региона. Выделены содержание, цели и этапы управления конкурентоспособностью региона.

Ключевые слова: конкурентоспособность, регион, управление, алгоритм управления конкурентоспособностью.

Понятие конкуренции является одним из базовых понятий экономической теории. Его первоначальное использование в качестве микроэкономической категории (применительно к товарам, фирмам, отраслям, рынкам), как критерия качественной характеристики рыночных отношений микроэкономических субъектов и формирования соответствующей типологии рынков, в дальнейшем было распространено на макроэкономические субъекты и отношения, складывающиеся между ними. Поэтому конкуренцию следует рассматривать как понятие, находящее отражение не только в рамках микро- и макроэкономических теорий,

особой методологии и методического аппарата, формирования специализированной теории межрегиональной конкуренции. В свою очередь, это требует содержательного анализа и систематизации различных научных теорий и концепций в области микро-, макроэкономики, региональной экономики с точки зрения идентификации их вклада в формирующуюся теорию. Можно отметить классические теории производственной и торговой специализации регионов, основанные на сравнениях абсолютных и относительных преимуществ, широко распространенном выявлении конкурентных преимуществ регионов как необходи-

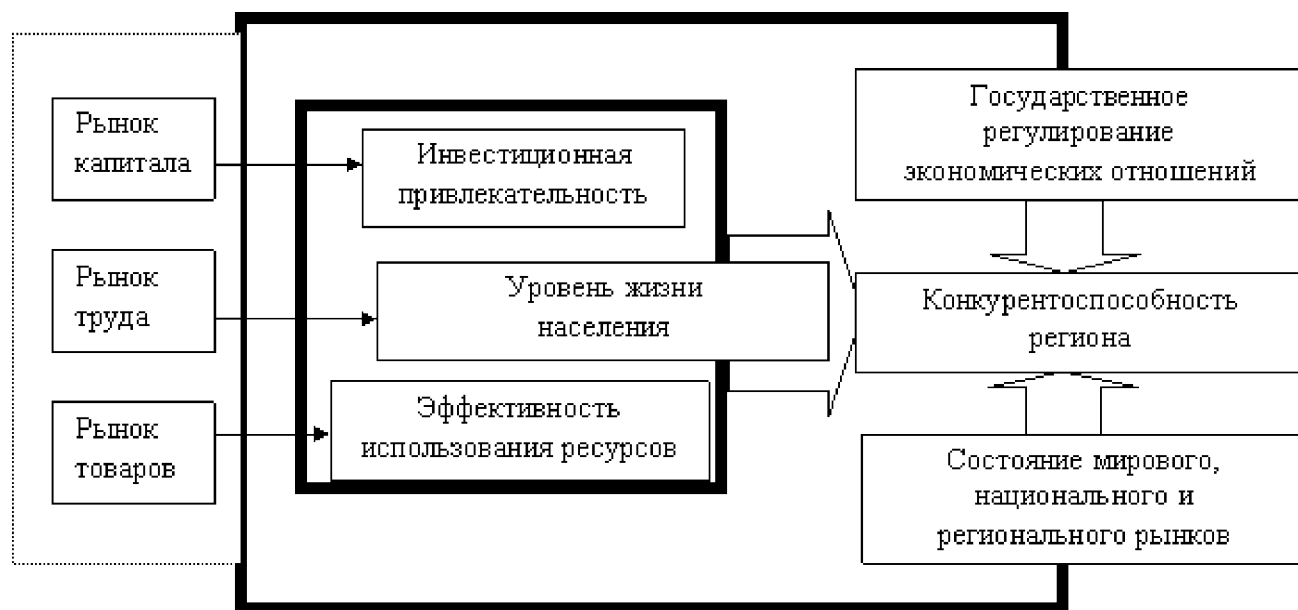

Рис. 1. Составляющие конкурентоспособности региона

но и в таких научных дисциплинах со смешанным методологическим аппаратом, как региональная экономика, экономическая география и экономика мирового хозяйства, в ряде прикладных дисциплин (менеджменте, маркетинге и др.) [1]. Это позволяет выделить три составляющие конкурентоспособности региона: высокий уровень жизни населения (конкурентоспособность на рынке труда), эффективность функционирования хозяйственного механизма региона (конкурентоспособность на рынке товаров и услуг) и его инвестиционная привлекательность (конкурентоспособность на рынке капитала) (рис. 1).

В современных условиях глобализации и либерализации рынков, в основе экономических отношений между странами и регионами лежит, с одной стороны, соперничество за перспективные рынки и привлечение факторов производства, с другой стороны, взаимовыгодное сотрудничество и партнерство в целях обеспечения конкурентоспособности в глобальном масштабе. Процесс глобализации, затрагивающий, главным образом, национальные и отраслевые рынки, ведет к усилению конкуренции не только между отдельными товарами и производителями, но и между странами и их территориально обособленными субъектами – регионами, предъявляя и для первых, и для вторых все более высокие требования к их конкурентоспособности.

Конкурентоспособность региональной экономики проблема не новая, явившаяся, в определенной мере, результатом глобализации, сопровождающееся кардинальным изменением роли и функций региона в мировом и национальном производственных процессах, появлением большого числа новых, глобальных по характеру и масштабам действия, факторов, оказывающих влияние на развитие региона. Сложность заключается в том, что исследование межрегиональной конкуренции требует использования междисциплинарного подхода и применения

мой предпосылки их развития в конкурентной среде. Поэтому, на основании их сравнительного анализа, можно выделить различные целевые установки управления конкурентоспособностью региона (рис. 2) [2].

Надо заметить, что сама межрегиональная конкуренция все в большей степени приобретает характер монополистической конкуренции в силу того, что конкурентоспособность регионов определяется, главным образом, их способностью создать на своей территории уникальные сочетания факторов производства, внешней и внутренней среды, трансформирующихся, в конечном итоге, в уникальные предложения для потенциальных потребителей. Эта ее особенность накладывает определенный отпечаток на инструменты управления региональным развитием, в т.ч. на действующую модель региональной экономической политики. В этом случае ее эффективность будет определяться способностью инициировать структурные изменения в регионе (в его воспроизводственной, пространственной, социальной структуре), которые, в свою очередь, позволили бы обеспечить подобные уникальные сочетания факторов производства, внешней и внутренней среды, трансформировать их в конкурентные преимущества и уникальные предложения для потенциальных клиентов. Это требование к эффективности региональной экономической политики, ориентированной на повышение конкурентоспособности региона, позволяет утверждать о том, что она должна носить структурный характер. Например, в кризисных условиях подобная региональная экономическая политика должна быть ориентирован не на стабилизацию ситуации в социально-экономической сфере, а на инициирование таких структурных изменений, которые позволили бы региону перейти на качественно новый этап развития. На внедрение модели управления, ориентированной на лидерство. А это воз-

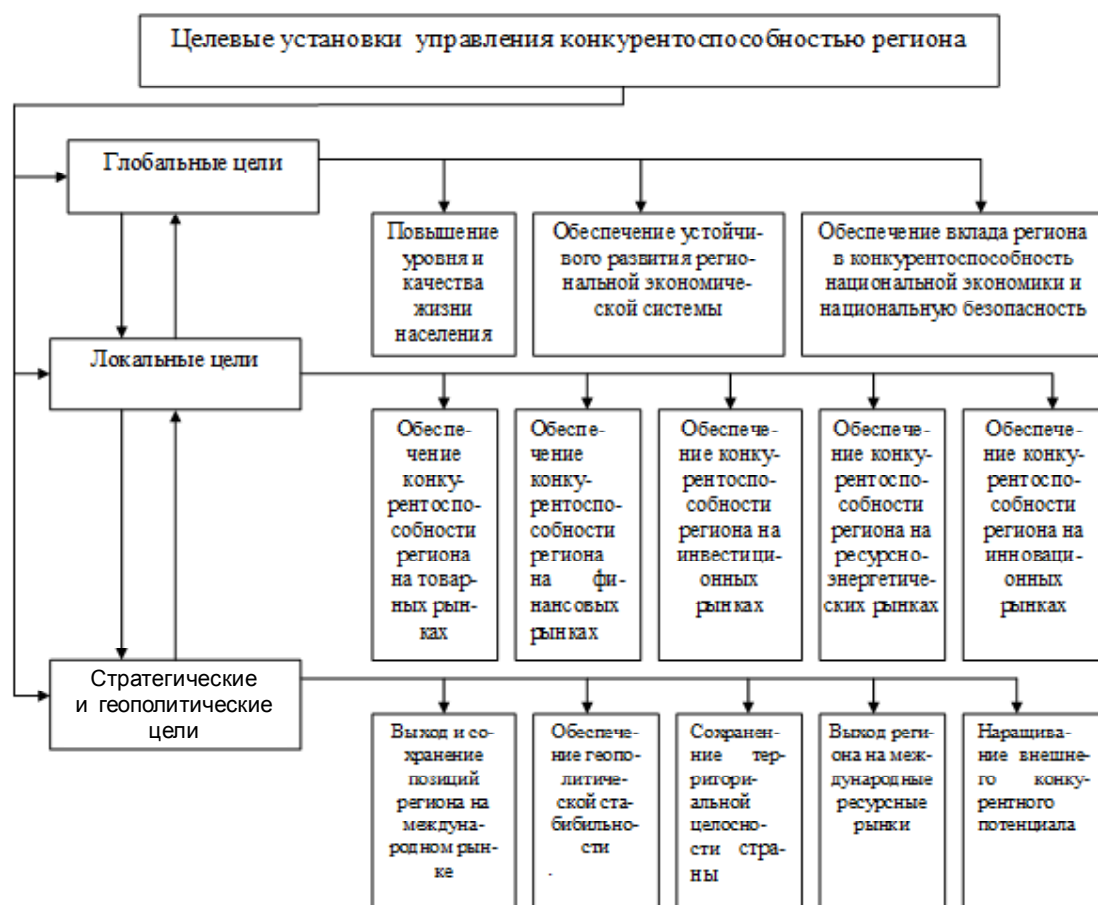

Рис. 2. Целевые установки управления конкурентоспособностью региона

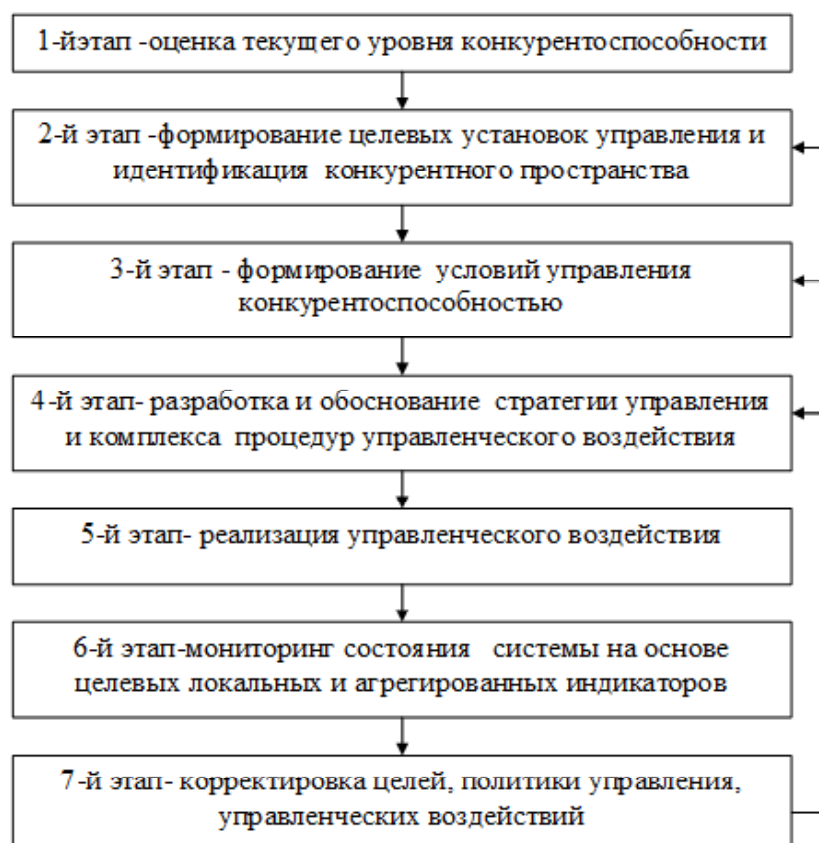

Рис. 3. Этапы процесса управления конкурентоспособностью региона

можно лишь через достижение уникальных сочетаний факторов производства, обеспечивающих устойчивые конкурентные преимущества региона.

Используя системный подход в рассмотрении конкурентоспособности, в основе которого – идея о том, что проведение государственной политики, направленной на создание необходимых макроэкономических условий для конкурентного развития территории, и отлаженное функционирование механизмов рыночной экономики. Поэтому в качестве значимого условия укрепления конкурентных позиций региона является динамичность предпринимательской среды. В этой связи особое значение приобретает способность органов власти создавать благоприятную среду или «бизнес-климат», который предполагает:

1. Развитие факторов производства, их качества и степени специализации: природные, человеческие, финансовые ресурсы, физическая, информационная и административная инфраструктура, а также научно-исследовательский потенциал.

2. Условия для конкуренции и стратегического развития: инвестиционный климат и политика региональных властей, наличие конкурентов и свобода конкуренции.

3. Наличие требовательных местных потребителей, уникальных потребностей клиентов; специализированный спрос на продукцию или услуги регионального предприятия, которые могут быть востребованы на глобальном рынке.

4. Наличие конкурентоспособных связанных отраслей.

Масштабность и значимость перечисленных условий формирования бизнес-климата еще раз подтверждают особую роль власти в повышении конкурентоспособности регионов и страны в целом.

Библиографический список

1. Савельев, Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: теория, методология, практика: автореф. дис. ...д-ра эконом. наук. – М., 2011.
2. Филобокова, Л.Ю. Управление конкурентоспособностью региона: методологические и методические аспекты // Региональная экономика и управление. – 2012. – № 1.

Bibliography

1. Saveljev, Yu.V. Upravlenie konkurentosposobnost'yu regiona: teoriya, metodologiya, praktika: avtref. dis. ...d-ra ekonom. nauk. – M., 2011.
2. Filobokova, L.Yu. Upravlenie konkurentosposobnost'yu regiona: metodologicheskie i metodicheskie aspekty // Regional'naya ekonomika i upravlenie. – 2012. – № 1.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 330.322

Gorlov S.M. THE RESULTS OF FINANCING AND CREDIT ASSISTANCE TO AGRICULTURE IN USA. This article is dedicated to the results estimation of financing and credit assistance to agriculture in USA. The experience of the implementation of these institutes can be used in the process of working out and realization the government farms support programs in Russian Federation.

Key words: productive structure of agrarian sphere, financing and credit assistance to farmers, government payments, World Trade Organization limits, commercial farms debt, effective functioning structures.

С.М. Горлов, д-р эконом. наук, проф., зав. каф. «Финансы и кредит» ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский гос. технический университет», г. Ставрополь, E-mail: marketlab@rambler.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ И КРЕДИТОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В США

Настоящая статья посвящена оценке результатов финансирования и кредитования сельского хозяйства в США. Опыт использования этих институтов может быть полезным при разработке и освоении правительственных программ поддержки сельхозтоваро-производителей в Российской Федерации.

Ключевые слова: производственная структура аграрной сферы, финансирование и кредитование сельхозтоваро-производителей, правительственные выплаты, ограничения Всемирной Торговой Организации, долг коммерческих ферм, эффективно функционирующие структуры.

При распределении бюджетных средств органы власти США используют юридические законы, гарантирующие предоставление хозяйствам прав пользования ограниченными финансовыми ресурсами. Их применение способствует развитию отраслей растениеводства и животноводства и экономических субъектов, функционирующих в условиях изменения производственной структуры сельского хозяйства.

Следует подчеркнуть, что производственную структуру аграрной сферы в США формируют мелкие, средние и крупные фермы, а также сельскохозяйственные организации, относящиеся к разряду суперферм. К числу мелких собственников земли относятся владельцы хозяйств с реализацией продук-

Именно эти обстоятельства, а также рассмотренные особенности самой межрегиональной конкуренции, определяют эффективность управления социально-экономическим развитием региона в современных условиях, когда регион выступает не только как территориально обособленный субъект национальной экономики, но и как полноправный участник международных экономических отношений.

Под управлением конкурентоспособностью будем понимать постоянный, планомерный, целеустремленный процесс воздействия на всех уровнях на факторы и условия, обеспечивающий создание продукции оптимального качества и полноценное ее использование.

Управление конкурентоспособностью рассматривается как корректирующий процесс формирования производства и потребления продукции, для того, чтобы вынести на рынок уже конкурентоспособный товар и снизить влияние случайных, местных и субъективных факторов. Управление конкурентоспособностью можно рассматривать как органическую часть общего управления производством и одну из его ветвей дерева целей. Процесс управления конкурентоспособностью региона – это процесс, включающий стандартный набор последовательно выполняемых операций (рис. 3) [2].

Таким образом, результативное управление конкурентоспособностью региона определяет эффективность управления социально-экономическим развитием региона. Эти обстоятельства определяют не только актуальность данного исследования, но и его содержательную структуру.

на сумму менее 5 тыс. долларов в год, составляющие 25% общего количества ферм и производящие не более 1% валовой продукции аграрного происхождения. К группе средних причисляют сельхозтоваропроизводителей, получающих ежегодный доход от реализации, который не превышает уровня 40 тыс. долларов. Крупными или коммерческими фермами являются хозяйства, реализующие продукцию на сумму до 200 тыс. долларов в год. И, наконец, суперфермами считаются структуры, доходы которых превышают сумму 200 тыс. долларов, составляющие самую малую часть общего числа сельхозтоваропроизводителей, но производящие одну треть продукции аграрной сферы [1].

Оценки экспертов показывают, что к 2020 г. 1% коммерческих ферм сможет производить более половины продовольственных товаров, ежегодно потребляемых в США. По сравнению с ними, мелкие по экономическим размерам структуры, представляющие количественное большинство, смогут давать только 1% валовой продукции сельского хозяйства. Причем число американских ферм, по всей видимости, сократится с 2,1 до 1,1 млн. единиц с увеличением числа крупных и уменьшением численности мелких и средних хозяйств [2].

Увеличению экономических размеров ферм и сокращению их общего количества способствует аграрная политика правительства США, которая реализуется в направлении приоритетной поддержки высокодоходных сельскохозяйственных организаций. По мере расширения рамок адресного финансирования и кредитования сельхозтоваропроизводителей в аграрной сфере Соединенных Штатов происходит ускоренный рост экспорто-ориентированного производства.

На это заключение указывает оценка результатов распределения бюджетных средств в структуре аграрного производства. В соответствии с правилами Бюджетного кодекса, американским фермерам выплачиваются возрастающие денежные суммы, дополняющие их материальные затраты. Как свидетельствуют данные официальной статистической отчетности, прямые правительственные выплаты фермерам за период с 2001 по 2010 г.г. в США возросли в 2,1 раза, хотя прирост чистого фермерского дохода составил только 14,3%. За рассматриваемый период владельцы коммерческих ферм получили 62,4% государственных выплат, то есть на 54,8% больше общего объема субсидий, поступивших в пользование собственников хозяйств мелкотоварного типа [3].

Сокращение правительственных выплат мелким фермерам происходит по мере увеличения финансовой поддержки эффективно хозяйствующих структур. Несмотря на то, что количество владельцев ферм США с реализацией от 5 до 20 тыс. долларов составляет две третьих их совокупного числа, в 2010 г. они получили только 0,4 млрд. долларов по программе ценовой поддержки аграрного сырья и продовольствия [4]. Такое распределение бюджетных средств выступает свидетельством ориентации государства на преимущественный протекционизм высокодоходных хозяйств.

Анализ показывает, что властные структуры направляют усилия на приоритетную поддержку крупных ферм за счет предоставления им выплат через подразделения Земельного Банка и в рамках функционирования организованных форм торговли продовольствием. Согласно разделу 203 Закона о торговле продовольственными товарами 1978 г., правительство страны устанавливает минимальный ценовой уровень на фермерскую продукцию и обязуется выступать в роли ее покупателя. Продукты, оказывающиеся невостребованными на внутреннем рынке, реализуются за рубежом по мировым ценам. Следуя положениям приведенного формального правила, Министерство сельского хозяйства США устанавливает фиксированные цены на отдельные виды аграрного сырья и предоставляет фермерам денежные займы под будущий урожай [5].

Такой протекционизм стимулирует деловую активность владельцев ферм, поскольку участие в программах компенсаций через Земельный Банк и правительственных закупок аграрного сырья позволяет им получать выплаты при выведении из оборота соответствующих земельных наделов. Согласно положениям Национальной Программы «Земельный Банк», за каждый акр земли, выводимой из эксплуатации, хозяйствующим структурам предоставляются ограниченные денежные компенсации.

Вместе с тем, финансовая поддержка аграрного производства стимулирует развитие не индивидуальных ферм, а структур, относящихся к группе крупных хозяйствующих субъектов. Концентрация усилий государства в векторе протекционизма таких структур подтверждается величиной их агрегированной меры поддержки, которая в 2010г. составляла 40% [6]. Несмотря на ограничения Всемирной торговой организации, Администрация по делам фермеров, действующая при Министерстве сельского хозяйства США, продолжает осуществлять преимущественную поддержку высокодоходных ферм за счет использования кредитных ресурсов Земельного Банка.

В сложившихся условиях мелкие и средние фермерские хозяйства располагают значительно меньшим потенциалом роста по сравнению с высокодоходными сельскохозяйственными организациями. В периоды снижения цен на землю происходит

уменьшение стоимости недвижимого имущества, передаваемого владельцами хозяйств под залог кредиторам.

Приоритетное распределение денежных ресурсов в пользу крупных собственников земли и имущества и создание административных барьеров для владельцев индивидуальных и семейных ферм способствуют повышению конкурентоспособности финансово устойчивых сельскохозяйственных организаций. По установленным правилам распределения заемных средств, кредитные ресурсы государства выделяются на нужды хозяйств, функционирующих в отраслях растениеводства и животноводства, с учетом ограничения прямых выплат для начинающих фермеров. При этом возможности Администрации по делам фермерских хозяйств по кредитованию мелких и средних фермеров ограничиваются 25% от федеральных программ финансовой поддержки аграрного производства [7].

В соответствии с Федеральным законом «Об исследованиях в сельском хозяйстве» 1988 г., в США действуют единые правила бюджетного финансирования и кредитования научных изысканий. Предоставление денежных средств сельхозтоваропроизводителям гарантируется государством, если исследования способствуют изменению структуры продовольственных товаров и повышают их конкурентоспособность на внутреннем и внешних рынках.

Согласно установленным правилам, научные разработки должны открывать новые способы переработки сырого материала обеспечивать стерильную упаковку полуфабрикатов и увеличение объемов сбыта экологически чистых продуктов. По действующему законодательству США, получение фермерами грантов на проведение исследований гарантируется на условиях их софинансирования.

Статистические данные, отражающие результаты использования кредита в аграрной сфере США, подтверждают, что наибольшими возможностями его получения располагают коммерческие сельскохозяйственные организации.

Анализ результатов взаимодействия властных и сельскохозяйственных организаций в США свидетельствует о минимальном уровне государственной поддержки индивидуальных и семейных ферм и максимальных значениях финансового протекционизма агрохолдингов. В условиях асимметричного распределения бюджетных ресурсов в рассматриваемом государстве формируется среда, в которой низкодоходные хозяйства не могут справиться с последствиями рыночных провалов.

Отмеченное положение дел позволяет сформулировать вывод о том, что институты финансирования и кредитования сельхозтоваропроизводителей в США используются в векторе производственного протекционизма хозяйств, работающих на внешний рынок. При их освоении государство учитывает необходимость повышения эффективности взаимодействия властных и хозяйствующих структур.

Результаты финансирования и кредитования сельского хозяйства в США характеризуются следующими критериями оценки: невысокой конкурентоспособностью мелких и средних ферм, диспаритетом цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства и недостаточно развитой инфраструктурой рынка в периферийных зонах.

По сравнению с мелкими и средними фермерскими хозяйствами формирования коммерческого типа имеют более развитую материально-техническую базу и, не нуждаясь в немедленном сбыте скоропортящихся видов продовольствия, могут выжидать сопутствующую конъюнктуру на внешнем рынке. Монополия на информацию создает для таких структур стимулирующие условия бюджетного финансирования и получения льготных кредитов, чего лишены собственники малых по экономическим размерам ферм.

Таким образом, институциональная основа финансирования и кредитования сельского хозяйства в США выступает фундаментом развития эффективно функционирующих хозяйствующих субъектов. Применение формальных институтов не вызывает повышения деловой активности владельцев мелких и средних хозяйств и по большей части не позволяет им выдерживать конкуренцию с коммерческими сельскохозяйственными организациями. Потребители предпочитают приобретать экологически чистые продукты, регистрирующиеся специальными санитарными службами не на индивидуальных фермах, а на открытом рынке. Проблема нитратов, указывающая на возрастающие требования покупателей, приводит их к прилавкам супермаркетов, контрагентами которых, как правило, являются высокодоходные хозяйства.

Библиографический список

1. Fact Book of U.S. Agriculture. – W.: U.S. Government Printing Office, 2010.
2. Marion, W. Bruce The Organization and Performance of the U.S. Food System / W. Bruce Marion. – Madison – Lexington: U.S. Dep. of Agriculture University of Wisconsin, 1986.
3. Statistical Abstract of the United States 2010. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2010.
4. Statistical Abstract of the United States 2011. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2011.
5. Economic Report of the President / Transmitted to the Congress // February, 2007. – W.: U.S. Government Printing Office, 2007.
6. FAO Statistical Yearbook 2010. – Rome: Estadis, 2011.
7. Statistical Abstract of the United States 2011. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2011.

Bibliography

1. Fact Book of U.S. Agriculture. – W.: U.S. Government Printing Office, 2010.
2. Marion, W. Bruce The Organization and Performance of the U.S. Food System / W. Bruce Marion. – Madison – Lexington: U.S. Dep. of Agriculture University of Wisconsin, 1986.
3. Statistical Abstract of the United States 2010. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2010.
4. Statistical Abstract of the United States 2011. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2011.
5. Economic Report of the President / Transmitted to the Congress // February, 2007. – W.: U.S. Government Printing Office, 2007.
6. FAO Statistical Yearbook 2010. – Rome: Estadis, 2011.
7. Statistical Abstract of the United States 2011. – W.: U. S. Dep. of Commerce Bureau of Census, 2011.

Статья поступила в редакцию 17.07.12

УДК339.13:663.93(470+571.14)

Zapekina N.V., Zhuravleva L.A. NATIONAL AND REGIONAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN COFFEE INDUSTRY. The article evaluates current state of the coffee industry in Russia and considers general trends of its development, presents the characteristics of regional beans & ground coffee market on an example Novosibirsk and generalizes the aspects defining development prospects of its.

Key words: coffee industry, market structure, competitive positions of the companies, beans & ground coffee market, regional aspects of development.

Н.В. Запекина, аспирант Сибирского университета потребительской кооперации, финансовый директор ООО «Чайный Дом», г. Новосибирск, E-mail: nv_06@mail.ru; **Л.А. Журавлева**, д-р экономич. наук, проф. каф. «Менеджмент» Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск, E-mail: laj502@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КОФЕЙНОЙ ОТРАСЛИ

В работе дана оценка текущего состояния и направлений развития современной кофейной отрасли в России. Представлены особенности региональной отрасли натурального кофе на примере г. Новосибирск и обобщены аспекты, определяющие перспективы его развития.

Ключевые слова: кофейная отрасль, структура рынка, конкурентные позиции компаний, сегмент рынка натурального и растворимого кофе, региональные аспекты развития.

Кофе занимает второе место в мире по объемам международных сделок после сделок с нефтью. Потребность в кофе произвела разветвленную индустрию: его выращиванием и продвижением в чашку потребителя занимается огромное количество людей и с каждым годом потребление этого продукта в мире только растет. В России по данным маркетинговых обзоров отраслевой рынок кофе также находится в стадии активного развития. Так, по данным исследования «Рынок кофе РФ», в период с 2006 по 2010 гг. производство кофе в России увеличилось более чем на 64%, с 33 тыс. тонн в 2006 году до 54 тыс. тонн в 2010 году и среднегодовой темп прироста объема производства кофе в России составил 20,7% [1]. Продажи кофе за период с 2006 по 2010 гг. выросли на 57% – с 55 до 86 тыс. тонн [2]. Таким образом, можем констатировать, что рост производства и потребления кофе свидетельствует о явно выраженном интересе к этому продукту в нашей стране. Какие проблемы и перспективы на данной стадии развития присущи отечественному рынку кофе на национальном и региональных уровнях?

Как показывает статистика, популярность кофе в России высока – его покупают свыше 90% домашних хозяйств [3]. Емкость отечественного рынка кофе и всех кофейных напитков по оценкам Ассоциации «Росчайкофе» составляет 112 000 – 114 000 тонн [4]. При этом структура кофейного рынка в России характеризуется явным преобладанием сегмента растворимого кофе. В объемных показателях доля этого сектора составляет 55-60% розничных продаж кофе, в стоимостном – более 70%. Однако, по мнению экспертов, на российском рынке наблюдается долгосрочная тенденция переключения потребителей с растворимого кофе на премиальные молотые и зерновые сорта. В целом, начиная

с 2006 г. объем производства натурального кофе внутри страны вырос почти в 2,5 раза [5]. По мнению генерального директора Raulig в России Александра Колкова, натуральный кофе занимает около 30% рынка в натуральных величинах и по очень приближенным оценкам составляет 125 млн. евро [4]. Алексей Горбунов, директор по маркетингу крупной российской кофейной компании «Куппо», считает, что темпы роста рынка натурального кофе сегодня составляют около 15% в год [4].

Анализ потерь и приобретений на рынке горячих напитков дает нам право утверждать, что в последние годы прирост объема сегмента натурального кофе обеспечен как за счет изменения интенсивности потребления, так и благодаря переключению покупателей с других сегментов. Наибольшую выгоду сегмент натурального кофе извлек в 2009 году – прирост его объема составил почти 30% [3].

Анализируя данные исследований панели домашних хозяйств, проведенных «ГФК-Русь» (по выборке 7065 домашних хозяйств, репрезентативной для всей России – городской и сельской, включая все федеральные округа, 2010 г.), отметим, что по распределению покупок чая и кофе по социальным группам, структура потребления растворимого кофе близка к структуре чая в пакетиках. В то же время на рынке наблюдается смещение потребления натурального кофе в сторону домохозяйств, имеющих более высокий доход и проживающих в крупных и средних городах – соответственно более 1 млн. и 50-499 тыс. человек (таблица 1, 2) [3].

На сегодняшний день в российской кофейной отрасли лидерами в сегменте растворимого кофе являются крупнейшие международные игроки – Nestle SA (TM Nescafe) Швейцария,

Таблица 1

Потребление натурального кофе по доходу на члена семьи
в натуральном выражении, в %

Доход, руб.	4500	4501-6000	6001-10000	10001-15000	15001-25000	более 25000
100 %	8	14	22	25	19	12

Таблица 2

Потребление натурального кофе по размерам населенных пунктов
в натуральном выражении, в %

Населенные пункты, кол-во чел.	менее 10 тыс.	10 тыс.-49 тыс.	50 тыс.-499 тыс.	500 тыс.-999 тыс.	1 млн. и более	Москва
100 %	20	13	29	6	17	15

KraftFoodsInc. (TM Jacobs, MaxwellHouse, CarteNoire) США и TchiboGmbH (TM Tchibo, Davidoff) Германия. По оценкам Института маркетинговых исследований ГФК-Русь, эти компании занимают около 50% рынка в натуральном выражении. На рынке зернового и молотого кофе, напротив, доминируют локальные игроки. Основные российские производители кофе сконцентрированы в трех регионах: Центральном, Северо-Западном и Южном. На долю отечественных компаний, таких как ООО «Орими Трейд» (Санкт-Петербург, TM Jardin, «Жокей»), Российская производственная компания «Куппо» (Москва, TM Attache, «Петр Великий») и др. приходится, по разным оценкам, от 57% [6] до 65 % [7] сегмента рынка. Согласно данным компании ACNielsen, занимающейся исследованиями рынка, лидерами на рынке натурального кофе в России (% от рынка) являются: «Орими трейд» – 25%, Paulig – 15,5%, StraussGroup – 13,5% и Куппо – 10% [4]. Рынок натурального кофе по сегментам, по данным «Куппо» выглядит следующим образом: в базовом, самом большом сегменте рынка (35 руб. за 100 г), лидеры – «Орими трейд» (марка «Жокей»), Strauss («Черная карта»), более скромная доля у «Куппо» («Петр Великий») и у ЗАО «Продукт сервис» («Лебо»). В среднем сегменте (70-100 руб. за 100г), который гораздо меньше по объему, чем базовый, лидеры – финская Paulig, KraftFoods и Tchibo [4].

Что касается прогнозов развития рынка, по данным Euromonitor International, объем рынка натурального кофе в будущем будет расти, достигая совокупного среднегодового темпа роста 9% в период с 2011 по 2016 годы, в то время как этот показатель по растворимому кофе за тот же период будет равен 3% [8]. В аналитическом обзоре, подготовленном BusinesStat, говорится, что в 2014 году кофе будут пить уже 96,7 млн. россиян и будет продано 175 тыс. тонн кофе [7]. По нашему мнению, дальнейшее развитие рынка натурального кофе будет происходить за счет роста числа кофеин и переключению потребителей с сегмента растворимого кофе, в то время как рынок растворимого кофе близок к стадии насыщения. Эксперты также полагают, что дальнейшее развитие сегмента растворимого кофе будет происходить за счет перераспределения долей в сторону премиальной продукции – сублимированного кофе, а основные игроки этого рынка будут конкурировать между собой на марочном уровне [9].

Мы согласны с экспертами, что рынок натурального кофе в России имеет устойчивую тенденцию активного развития. По мере насыщения рынка, конкуренция возрастет. К тому же нельзя не отметить положительные сдвиги за последние пять лет на российском кофейном рынке – повысилось качество обжаренного кофе, наблюдается переключение потребителей на дорогой натуральный кофе, где свою роль играет и мотив заботы о здоровье, появилось множество компаний, специализирующихся только на кофе.

Во многом этому способствовала государственная политика, направленная на расширение доли внутреннего рынка и укреплению позиции кофейной отрасли в экономике. Так, отбуксование правительства РФ с 2006г. ввозных пошлин на зеленый кофе позволило существенно снизить себестоимость и цену конечной продукции, а также послужило стимулом для открытия новых производств на территории РФ [5]. Благодаря крупным инвестициям реализованы проекты Организации производителей кофе. К примеру, производство полного цикла существует на заводе, принадлежащем «Московской кофейне на паях». В его строительство было вложено более 50 млн. долл. Компа-

ния «Русский продукт» инвестировала около 30 млн. долл. в кофейную фабрику в Калужской области [10].

Однако мы считаем, что сегодня положение небольших российских игроков на рынке натурального кофе непростое. Во-первых, рентабельность производства именно растворимого кофе исключительно высокая, что позволяет выровнять производителям общие показатели по прибыли и, как следствие, держать низкое ценовое предложение на натуральный кофе. Отечественные производители, работающих преимущественно в маломаржинальном сегменте натурального кофе, не имеют таких финансовых возможностей, как у крупных транснациональных компаний. Во-вторых, рынок кофе переживает резкий и перманентный скачок цены на сырье – зеленый кофе. «За последние полтора года цена на зеленый кофе выросла на 100%, а среднее увеличение потребительских цен составило 40%. Переложить на потребителя рост цены целиком нельзя – он не готов к такому росту цены. Оставшаяся разница идет за счет прибыли производителя», – поясняет генеральный директор Paulig в России Александр Колков [4]. Сейчас рентабельность небольшой российской фирмы по натуральному кофе, по его мнению, может составлять и полпроцента.

Нам не удалось найти точных данных о количестве отечественных предприятий-ростверов, т.к. такая статистика отсутствует, отметим лишь, что во всероссийской системе выбора поставщиков Fis [11] числится всего 8 компаний, занимающихся обжаркой натурального кофе, 4 из них московские компании, 1 компания из г.Санкт-Петербург, и всего 1 сибирская компания (г. Новосибирск). Эти данные только подтверждают мнение экспертов о том, что данный сегмент рынка не структурирован и неоднороден. Лидерами сегмента являются две абсолютно разные по идеологии компании, производящие 20-25 тонн продукции в месяц – это «Омни», г. Краснодар, работающая в коммерческом сегменте, и компания «Монтана кофе», г. Москва, на протяжении ряда лет являющаяся ведущим производителем кофе премиального сегмента. Можно предположить, что наберется до 10 компаний, выпускающих 5-10 тонн в месяц, хотя наиболее характерным для этого сегмента является объем производства 1-3 тонны в месяц. В то же время, как считает Андрей Савинов (генеральный директор СФТ Трейдинг), сегмент натурального кофе – это наиболее динамично развивающийся сегмент с ростом 10-15% в год, число работающих в нем обжарщиков постоянно растет, а география их размещения – расширяется [12, с. 26].

Для понимания сути вопроса развития отечественной кофейной индустрии обратимся к двум примерам – Германии, где на пять крупнейших производителей приходится до 85% рынка жареного/молотого кофе, и Италии, где общее число обжарщиков превышает 1500, из них более 60% – мелкотоварные производители. Мы не склонны считать, что для России близка итальянская модель, поскольку появление тысяч российских обжарщиков в обозримом будущем – это утопия. Как мы видим, торговые сети расширяют свое присутствие во всех регионах, ориентируясь в основном на сбыт брендов. Однако широкая география нашей страны и относительно высокая доля городского населения способствует увеличению спроса на свежее обжаренный кофе, создавая стимул для развития регионального мелкотоварного производства. На примере ООО «Чайный Дом» (г. Новосибирск) отметим также еще один важный фактор – мелкооптовое производство по обжарке кофе не является капиталоемким и может быть запущено в относительно короткие сроки.

Полагаем, что перспективы активной динамики роста сегмента рынка натурального кофе в том числе за развитием сектора HoReCa – сферы индустрии гостеприимства (общественного питания и гостиничного хозяйства). В последние пять лет именно развитие кофеин привело к росту осведомленности потребителей и их стремлению приобретать высококачественный кофе.

В то же время проведенный анализ цен на чашку кофе в предприятиях общественного питания. Новосибирск показал, что цены значительно завышены. Это может быть объяснено низким уровнем конкуренции в отрасли. Так, на 1000 жителей г. Новосибирска приходится 0,3 предприятия общественного питания и 0,2 – специализированных кофеин. Для сравнения: в Нью-Йорке на это количество жителей приходится по 2,5-3 предприятия, в Париже по 3-3,5, в Лос-Анджелесе – 7 предприятий. В Москве и Санкт-Петербурге этот показатель близок к единице (на 01.01.2008) [13]. Эти показатели ярко демонстрируют недостаточность конкуренции. Доминирующее положение производителей кофе (кафе, кофейни и т.п.) позволяет устанавливать цены на кофе в пределах 75-130 руб. за чашку, в то время как реальная себестоимость, по словам Кристофера Майкла (хозяина сети кофеин «TravelersCoffee») выходит не выше 35 руб. за чашку. По оценкам специалистов, эта сумма включает все затраты производителя, от закупки сырья до оплаты труда официанта, в т.ч. прибыль в размере 15-20%. Таким образом, рентабельность затрат чашки кофе на рынке услуг общественного питания г. Новосибирск колеблется, в зависимости от сорта, от 120 до 270% в противовес европейской рентабельности на этот продукт до 37% [14, с. 153].

Беря во внимание тот факт, что г. Новосибирск является третьим мегаполисом страны, состояние потребительского рынка

услуг города может вполне выступать лакмусом развития потребительских услуг в России. Отсутствие реальной конкуренции и территориальное сосредоточение предприятий общественного питания в центральных частях города (места массового скопления или прохождения) приводит к росту цен, снижению потребительской мотивации приобретать услуги чаще и больше. В подтверждение приведем данные исследования, проведенного в кофейнях г. Новосибирск: более 95% респондентов указали готовность приобретать более одной чашки кофе в день при диапазоне цен от 50 до 90 руб. Безусловно, что для 78% опрошенных кофейни – это место встреч, общения и отдыха. Но только каждый второй клиент готов приобрести там качественно приготовленный кофе, перекусить. 98% посетителей кофеин города считают запределной наценку на кофе в 70-90%. На наш взгляд, интересен подход Е.А. Разомасовой по определению, каким должно быть количество предприятий, конкурирующих в отрасли, при приемлемых для потребителя ценах и разумной рентабельности производителя [14, с.157]. За базу были взяты предприятия, оказывающие услуги по приготовлению кофе, и на основании равновесия Нэша-Курно была построена модель. При значении себестоимости 35 и норме рентабельности 0,2 число фирм равняется 3237. Фактически в городе на 01.01.2010г. действовало всего 434 предприятий общественного питания различного уровня, 290 из них (67%) специализируются на реализации кофе, т.е. на 1000 жителей в Новосибирске приходится 0,3 предприятия, оказывающие услуги по приготовлению кофе, а по модели должно быть 2,3. При среднем же фактическом (для Новосибирска) значении рентабельности получаем число предприятий, равное как раз 430.

Таблица 3

Количество предприятий общественного питания, осуществляющих производство кофе в ассортименте, по районам г. Новосибирск на 01.01.2010

Район \ Вид предприятия	Центральный	Заельцовский	Ленинский	Советский	Октябрьский	Калининский	Железнодорожный	Кировский	Дзержинский	Первомайский
Кафе	58	33	48	19	26	15	12	11	14	3
Кофейня	21	4	9	2	4	2	5	4	0	0
Ресторан быстрого питания	12	11	9	1	6	3	3	4	4	1
Ресторан	39	10	7	5	10	4	7	2	6	0
Всего	130	58	73	27	46	24	27	21	24	4

Наибольшее количество предприятий, как видно из таблицы 3, сосредоточено в центральной части города, при этом в большинстве районах города предприятий, способных предложить чашку кофе потребителю, ниже нормативов советского периода.

Таблица 4

Количество предприятий общественного питания, осуществляющих реализацию кофе в ассортименте, на 1000 жителей по районам г. Новосибирск на 01.01.2010

Район	Общая численность населения, проживающего в районе, тыс. чел.	Количество предприятий в районе, ед.	Среднее количество предприятий на 1000 чел.	Средняя численность чел. на 1 предприятие
Центральный	73824	130	1,8	568
Заельцовский	130276	58	0,4	2246
Ленинский	272207	73	0,3	3729
Советский	127599	27	0,2	4726
Октябрьский	178083	46	0,3	3871
Калининский	174136	24	0,1	7256
Железнодорожный	58134	27	0,5	2153
Кировский	164833	21	0,1	7849
Дзержинский	157495	24	0,2	6562
Первомайский	72550	4	0,05	18137
Всего по Новосибирску	1409137	434	0,3	3247

Как видно из таблицы 4 [14, с. 108], в районах г. Новосибирска с высокой концентрацией проживающего населения, таких как Ленинский, Заельцовский, Калининский, Кировский, Дзержинский и Железнодорожный, количество предприятий по приготовлению кофе не достигает единицы. Что касается структуры этих предприятий, то можно отметить преобладание статуса кафе (55%), рестораны (21%), рестораны быстрого питания и кофейни составляют 12% каждый. Очевидно, что выбрать для исследования один сегмент предприятия по приготовлению кофе не представляется возможным, т.к. они все предлагают потребителям товар в виде чашки кофе, и, следовательно, влияют на формирование предложения.

В рамках данной статьи мы не будем рассматривать предпринимательские риски в секторе HoReCa (высокая арендная плата, административные барьеры и т.д.), защитной реакцией на которые является рост цен на кофе, как на конечный продукт. Будем оптимистичны в своих прогнозах развития сектора общественного питания на региональном уровне, ведь, как показывает практика, сетевые кофейни вряд ли захватят эту нишу по всей России. Следовательно, отдельные кофейни, небольшие сети регионального уровня в условиях конкуренции будут вынуждены предлагать потребителю особый продукт, для чего

требуется местные производители (если они сами не являются предприятием-ростером), которые способны оперативно реагировать на покупательский спрос.

Таким образом, выявленные нами национальные и региональные аспекты развития российской кофейной отрасли свидетельствуют о том, что:

- в целом по стране и в регионах наблюдаются высокие темпы прироста сектора натурального кофе (10-15% в год);
- в данном секторе отслеживается тенденция развития мелкооптового производства, что несколько сближает нас со структурой и практикой развития ряда европейских стран;
- следствием развития таких организационных форм, как кофейня, кафе, является процесс роста как производства, так и потребления натурального кофе (и в регионах, и в общем по стране);
- обращает внимание тот факт, что не смотря на последствия финансового экономического кризиса 2008г., уровень потребления натурального кофе резко вырос (прирост объема почти 30%);
- формирующаяся привычка пить кофе в обществе выражает его социальный синергетический эффект.

Библиографический список

1. Рынок кофе РФ // РБК – исследование рынков [Э/р]. – Р/д: http://www.marketing.rbc.ru/news_research/12/08/2011/562949981244522.shtml
2. Анализ рынка кофе в России в 2006-2010 гг., прогноза 2011-2015 гг. [Э/р]. – Р/д: <http://www.coffeetea.ru/single/archive/2011/september/item/3061/>
3. Юргенс, И. Обзор российского рынка горячих напитков // Russian food&drinks market magazine. – 2011. – № 3.
4. Колтунова, О. Кофе сливается // Компания. – 2011. – № 43.
5. Рынок кофе в России. – 2010 [Э/р]. – Р/д: http://novosib.ru/marketing-research/index.php?id=8501&h=novosib.ru&parent=getdemo&child=getresearch_new#b2b_question
6. Самодурова, Е. Обзор российского рынка чая и кофе института маркетинговых и социальных исследований «ГФК-Русь» [Э/р]. – Р/д: <http://www.gfk.ru/Go/View?id=946>
7. Морозова, Л. Молотый против растворимого // Российская Бизнес-газета. – 2011. – № 787 (5). – 08 февраля.
8. Гребинский, Г. К ним в гости засуха зашла. Российский рынок горячих напитков // Исследования компании Euromonitor International [Э/р]. – Р/д: <http://www.foodmarket.spb.ru/archive.php?year=2011&article=1661§ion=5>
9. Обзор российского рынка кофе // Исследования КредИнформ Северо-Запад. – 2011 [Э/р]. – Р/д: <http://infovend.ru/2011/05/obzor-rossijskogo-ryinka-koфе/>
10. Магомедова, А. Кофейная промышленность на пороге перемен // Prod&Prod Продвижение продовольствия. – 2010. – №09.
11. Система выбора поставщиков [Э/р]. – Р/д: <http://russia.fis.ru/Kofe/Svezheobzharennyj-koфе>
12. Савинов, А. Рынок кофе – взгляд изнутри // Кофе и чай в России. – 2007. – №3.
13. Сокирянский, Ф. Что ожидает рынок общепита после кризиса [Э/р]. – Р/д: http://www.pitportal.ru/market_research/6638.html
14. Разомасова, Е.А. Сфера услуг: теория, состояние и развитие: монография. – Новосибирск, 2011.

Bibliography

1. Rihnok kofe RF // RBK – issledovanie rihnkov [Eh/r]. – R/d: http://www.marketing.rbc.ru/news_research/12/08/2011/562949981244522.shtml
2. Analiz rihnika kofe v Rossii v 2006-2010 gg., prognozna 2011-2015 gg. [Eh/r]. – R/d: <http://www.coffeetea.ru/single/archive/2011/september/item/3061/>
3. Yurgens, I. Obzor rossijskogo rihnika goryachikh napitkov // Russian food&drinks market magazine. – 2011. – № 3.
4. Koltunova, O. Kofe slivaetsya // Kompaniya. – 2011. – № 43.
5. Rihnok kofe v Rossii. – 2010 [Eh/r]. – R/d: http://novosib.ru/marketing-research/index.php?id=8501&h=novosib.ru&parent=getdemo&child=getresearch_new#b2b_question
6. Samodurova, E. Obzor rossijskogo rihnika chaya i kofe instituta marketingovihkh i socialnihkh issledovaniy «GfK-Rusj» [Eh/r]. – R/d: <http://www.gfk.ru/Go/View?id=946>
7. Morozova, L. Molotihy protiv rastvorimogo // Rossiyskaya Biznes-gazeta. – 2011. – № 787 (5). – 08 fevralya.
8. Grebinskiy, G. K nim v gosti zasukha zashla. Rossiyskiy rihnok goryachikh napitkov // Issledovaniya kompanii Euromonitor International [Eh/r]. – R/d: <http://www.foodmarket.spb.ru/archive.php?year=2011&article=1661§ion=5>
9. Obzor rossijskogo rihnika kofe // Issledovaniya KredInform Severo-Zapad. – 2011 [Eh/r]. – R/d: <http://infovend.ru/2011/05/obzor-rossijskogo-ryinka-koфе/>
10. Magomedova, A. Kofeynaya promishlennost na poroge peremen // Prod&Prod Prodvizhenie prodovolstviya. – 2010. – №09.
11. Sistema vikhora postavshikov [Eh/r]. – R/d: <http://russia.fis.ru/Kofe/Svezheobzharennyj-koфе>
12. Savinov, A. Rihnok kofe – vzglyad iznutri // Kofe i chay v Rossii. – 2007. – №3.
13. Sokiryanskiy, F. Chto ozhidaet rihnok obshchepita posle krizisa [Eh/r]. – R/d: http://www.pitportal.ru/market_research/6638.html
14. Razomasova, E.A. Sfera uslug: teoriya, sostoyanie i razvitie: monografiya. – Novosibirsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 330.322

Mirohina A.A. SUBSTANTIATION OF METHODOLOGICAL REQUIREMENTS FOR MONITORING SPATIAL DEVELOPMENT IN THE REGION. In the article the author defined demarcation signs for monitoring spatial development in the region and monitoring processes of its socio-economic development. Formulated methodological requirements and targets for monitoring spatial development in the region as a form of management system of regional management.

Key words: region, regional economics, spatial policy, monitoring, socio-economic development.

A.A. Мирохина, соискатель НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарно-технический университет», г. Ставрополь, E-mail: Lyasay21@yandex.ru

ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОВЕДЕНИЮ МОНИТОРИНГА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье приведены сформулированные автором демаркационные признаки мониторинга пространственного развития региона и мониторинга процессов его социально-экономического развития. Сформулированы методические требования и целевые установки мониторинга пространственного развития региона как вида управленческой деятельности системы регионального менеджмента.

Ключевые слова: регион, региональная экономика, пространственная политика, мониторинг, социально-экономическое развитие.

Фактор пространства всегда определял направления и характер развития общественных отношений. Основные вехи генезиса общества базируются на освоении новых пространственных горизонтов, составлении новых конструкций в системах расселения населения и организации производства.

Двадцатилетний период реформационных преобразований в России, оказавшийся крайне сложным как для населения, так и для экономики, предопределил глобальные трансформации в пространственной организации общества, а по сути, заложил фундамент для образования новых архитектурных и сетевых формований, «перекраивающих» социально-экономические ландшафты современной России [1].

Для понимания глубинных, эволюционно обусловленных процессов в пространственном развитии регионов России, прежде всего, необходимо владеть информацией о процессах,

происходящих в пространственной среде, которую возможно получить посредством реализации диагностических процедур мониторинга.

В данной связи система мониторинга социально-экономического развития региона должна включать в себя аспекты пространственного мониторинга, сущность которого раскрыта автором в результате проведения сравнительного морфологического анализа двух вышеперечисленных видов мониторинговых исследований.

Рассмотрим более подробно отличительные характеристики каждого из анализируемых форм (видов) мониторинга. Для этого нами сформирован комплекс демаркационных признаков, сквозь призму которых рассмотрено содержание двух видов мониторинга (таблица 1).

Таблица 1

Демаркационные признаки пространственного мониторинга и «классического» мониторинга социально-экономического развития

Признак демаркации	Мониторинг социально-экономического развития (МСЭР) региона	Мониторинг пространственного развития региона
1. Сущностная основа	Ориентирован на изучение социально-экономических процессов и результатов функционирования экономического субъекта (главным диагностируемым фактором является уровень и качество жизни населения, а также воспроизводственные процессы в регионе). В сущностном плане является более «человеко-содержательным» [2].	Носит дополняющий характер и является частью МСЭР региона, но имеет существенные отличия (главным диагностируемым фактором является физический базис – место размещения материальных (ресурсных) факторов производства. В сущностном плане в наибольшей степени ориентирован на формат оценки геополитической компоненты развития региона.
2. Объект мониторинга	Воспроизводственные процессы в региональной и субрегиональной среде. Объектом является не само жизненное пространство региона, а результаты его функционирования. Более важна оценка вклада отрасли (отдельного сектора экономики) в развитие региона.	Физический базис экономического пространства, степень его насыщенности, тип локализации объектов, особенности сетевого взаимодействия. Важно не только сочетание отраслей и параметров их функционирования, но и их пространственные характеристики.
3. Целевая установка мониторинга	Оценка параметров состояния социальной сферы и уровня развития экономики с позиций выравнивающей территориальной политики с целью последующего повышения уровня и качества жизни населения.	Оценка степени сужения (расширения) экономического пространства, степени разорванности его элементов и нарушения связи между ними, выявление изменений в физическом базисе экономического пространства.
4. Ключевые параметры	Оценка результатов функционирования различных секторов экономики (классические макроэкономические параметры). Индикаторы развития бизнес-среды, инфраструктурной обеспеченности, инвестиционных возможностей региона. Уровень и качество жизни населения, уровень общественной безопасности и др. [2]	Оценка эффективности территориального размещения и другие пространственные параметры развития (плотность и конфигурация размещения объектов, охват рынков сбыта, протяженность, местоположение и площадь территории, параметры единства, целостности и степени разорванности пространственных подсистем) и др.
5. Предмет мониторинга	Оценка устойчивости развития региональной социально-экономической системы (РСЭС) в оторванности от структуры территории	Оценка социально-экономических процессов в разрезе периферийных, полупериферийных и центральных территориальных образований.
6. Степень постоянства методической структуры	Методические подходы к проведению мониторинга являются более универсальными, могут применяться как для диагностики всей РСЭС, так и изучения параметров функционирования отдельных муниципальных образований	Является более специфичным и зависит от сложившейся структуры самого экономического пространства (центро-периферийная, сете-узловая и др.) Ввиду этого часто подлежит корректировке в зависимости от специфики территории.
7. Результат мониторинга	Оценка состояния развития секторов региональной экономики, осведомленность о характере и темпах социально-экономического развития отдельных территорий	Оценка степени разреженности экономического пространства, поиск потенциальных «точек роста» региональной экономики, оценка пространственной асимметрии.

8. Особенности информационной базы	Приоритет экономическим показателям, отражающим основные социальные и экономические параметры функционирования региона в разрезе отдельных видов экономической деятельности	Приоритет сочетанию экономических и географических параметров территории (площадь территории; густота транспортной инфраструктуры; показатели трудовой миграции; удаленность экономических субъектов и др.).
9. Диагностика конкурентных преимуществ	Ранжирование секторов экономики с целью выявления «точек роста». Выявление существующих преимуществ региона в ресурсной, производственно-технологической, кадровой, географической и политической сферах. Выделение отраслей традиционно входящих в предмет специализации региона. Анализ степени достижения социально-экономических эффектов развития отдельных территорий и региона в целом	Объектом мониторинга с точки зрения выявления конкурентных преимуществ зачастую является не столько материальные (специализация, размещение производительных сил, наличие материальных и природных ресурсов), сколько виртуальные ресурсы развития – коммуникационно-информационная инфраструктура, инновации, знания и институты постиндустриального общества, в частности сетевые механизмы принятия решений.

Как видно из материалов таблицы, в условиях явного изоморфизма и изофункционализма двух видов мониторинга, они имеют большое количество сущностно-функциональных различий, совокупность которых позволяет выделить мониторинг пространственного развития региона в самостоятельный инструмент получения релевантной информации относительно состояния пространственно-экономической устойчивости периферийных, полупериферийных и центральных территориальных образований с целью принятия управленческих решений в системе регионального менеджмента

Проведенный сравнительный анализ мониторинга социально-экономического развития региона и мониторинга пространственного развития позволил сформулировать основные методические требования к проведению последнего. Базовыми для получения наиболее релевантной информации о процессах пространственного развития региона будут являться следующие требования:

1. Усиление роли пространственной среды, как объекта мониторинга. Данное требование обусловлено, прежде всего, усиливающейся ролью пространственной среды в постиндустриальной экономике, функция которой становится более широкой, а в процессе эволюционного развития, в будущем она может стать новым важнейшим фактором размещения. «Так, при размещении высокотехнологичного производства ключевую роль играет инновационная среда, имеющая определенную территориальную привязку.

Самостоятельность экономического пространства как фактора размещения доказывает возможность формирования синергетического эффекта – в виде дополнительной добавленной стоимости за счет эффективного взаимодействия хозяйствующих субъектов, что является неотъемлемым элементом экономического пространства [3].

2. Мониторинг пространственного развития региона должен включать диагностику: централизации экономического пространства; сужения экономического пространства; разорванности (фрагментарности) экономического пространства; открытости и «контактности» местной экономики. Данные группы показателей наиболее полно характеризуют состояние пространственной среды функционирования экономических субъектов и позволяют с наибольшей релевантностью оценить степень пространственной обособленности территориального образования.

3. Мониторинг пространственного развития региона в качестве конечной цели должен преследовать оценку степени дифференциации территорий по уровню развития с целью последующего выравнивания дисбалансов в пространственно-экономической среде. При этом мониторинг развития территориального образования может выходить за рамки административно-терри-

ториальных границ, переходя к изучению среды развития региональных процессов, что является неотъемлемой частью пространственной политики и позволяет развивать кластерные технологии в регионе на основе диффузии нововведений.

4. Методические аспекты проведения пространственного мониторинга наряду с оценкой физического базиса для размещения производственных объектов (протяженность и площадь территории, плотность и конфигурация размещения объектов), должны включать подходы к анализу среды функционирования хозяйствующих субъектов (неоднородность и степень асимметрии в развитии территорий, целостность и единство экономического пространства, состояние воспроизводственных процессов, способность к саморазвитию). При этом в условиях ограниченной возможности количественной оценки вышеперечисленных параметров следует прибегать к экспертным способам получения необходимой информации.

5. Диагностика пространственно-экономической среды региона должна предусматривать идентификацию типа региона в зависимости от модели пространственной организации территорий – *интегрированную (централизованную) и сетевую*. При этом интегрированная модель характеризуется наличием доминирующих в региональном хозяйстве крупных массовых промышленных производств, которые единолично влияют на глобальные обмены, в свою очередь сетевая представляет собой равномерное распределение хозяйственной власти между неограниченным количеством экономических субъектов, характеризующихся гибкой специализацией и способностью к инновациям. Такая сеть кооперации состоит она из большого количества независимых экономических субъектов, объединенных единством целевых установок в производственный кластер.

6. Мониторинг должен носить системный и многоуровневый характер с целью более комплексной оценки пространственного развития региона. При этом мониторинг должен предоставлять аналитические возможности для последующей дифференциации (типологии) территориальных образований по уровням пространственного развития в зависимости от фактически достигнутых результатов. При этом важно выявить наличие структурных и отраслевых диспропорций, способствующих появлению асимметрии в социально-экономическом и пространственном развитии территорий, на nivelирование которых будут направлены действия региональных органов власти при составлении комплексных целевых программ развития. При этом программы социально-экономического, как основные инструменты реализации пространственной политики в системе регионального менеджмента должны быть дифференцированы в соответствии с результатами мониторинга, то есть предполагать индивидуализированный набор экономических регуляторов.

Библиографический список

1. Бобрышев, А.Н. К вопросу о детерминантах и поиске новых форм регионального развития [Э/р]. – Р/д: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/608-2011-09-13-06-52-21>
2. Бобрышев, А.Н. Концептуальные основы мониторинга социально-экономического развития региона / А.Н. Бобрышев, М.Ю. Казаков // KANT. – 2011. – № 2/2.
3. Лаврикова, Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Екатеринбург, 2008.

Bibliography

1. Bobrihshev, A.N. K voprosu o determinantakh i poiske novihkh form regionaljnogo razvitiya [Eh/r]. – R/d: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/608-2011-09-13-06-52-21>
2. Bobrihshev, A.N. Konceptualnihe osnovih monitoringa socialjno-ehkonomicheskogo razvitiya regiona / A.N. Bobrihshev, M.Yu. Kazakov // KANT. – 2011. – № 2/2.

3. Lavrikova, Yu.G. *Klasterih kak rihnochnihy institut prostranstvennogo razvitiya ehkonomiki regiona: avtoref. dis. ... kand. ehkonom. nauk.* – Ekaterinburg, 2008.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

УДК 330.322

Shakhbazov P.A. METHODOLOGICAL APPROACH TO THE EVALUATION OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION. In article the maintenance of economic capacity of the region and its structural elements is opened. The conceptual approach to an assessment of economic potential is created, evaluation stages of economic potential of the subject of Federation are offered.

Key words: region, social and economic development, economic potential, methods of an assessment of potential.

П.З. Шахбазов, аспирант каф. экономики и управления ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: lut@ncstu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В статье раскрыто содержание экономического потенциала региона и его структурных элементов. Сформирован концептуальный подход к оценке экономического потенциала, предложены этапы оценки экономического потенциала субъекта Федерации

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, экономический потенциал, методы оценки потенциала.

Социально-экономическая ситуация в регионе характеризуется влиянием определенных индикаторов, которые отражают: во-первых, состояние объективных потенциалов регионального развития, которые могут быть определены количественно; во-вторых, воздействие специфических для каждого региона механизмов, характеризующих особенности региона и возможности его адаптации к экономическим условиям.

Систему потенциалов социально-экономического развития региона можно представить в виде трех блоков.

Первый блок – блок базовых ресурсных потенциалов территории, объединяющий: природно-ресурсный потенциал, характеризующий региональное развитие на основе рационального природопользования (земельных, минерально-сырьевых, лесных, водных, рекреационных и иных ресурсов, их количества, запасов, условий добычи, транспортировки и т.д.); экономико-географический потенциал, характеризующий резервы развития региона за счет эффективного использования его транспортно-географического положения; климатических и ландшафтных условий; производственной и социальной инфраструктуры и т.п.; демографический потенциал, характеризующий возможности улучшения качества населения региона, включая половозрастной состав, динамику роста (убыли) населения, миграционные процессы и т.п.

Второй блок – блок обеспечивающих потенциалов социально-экономического развития региона, которые включает локальные потенциалы, способствующие реализации базовых ресурсных потенциалов: трудовой потенциал, характеризующий возможности развития региона за счет рационального использования кадров (определяется образовательным, квалификационным, профессиональным составом, занятостью в разрезе отраслей и т. п.); материально-технический потенциал, отражает региональное развитие на основе эффективного использования всех составляющих производственного комплекса; инновационный потенциал, демонстрирует территориальные возможности на основе рационального использования достижений научно-технического прогресса (определяется величиной и качеством фундаментального и прикладного научного задела); социально-инфраструктурный потенциал, характеризует резервы региона в сфере улучшения медицинского, бытового, культурного, транспортного и жилищно-коммунального обслуживания населения на основе повышения качества услуг, их доступности для населения; бюджетный потенциал, отражает возможности территории в увеличении доходной части бюджета (определяется величиной налогов и сборов, отчислений от федеральных и региональных налогов в соответствии с нормативами, от внешнеэкономической деятельности, объемов межбюджетного финансирования и т. п.); инвестиционный потенциал, характеризующий позиции в привлечении и использовании средств отечественных и зарубежных инвесторов для решения территориальных задач; внешнеэкономический потенциал, отражает возможности реги-

она в повышении эффективности внешнеэкономической деятельности путем укрепления рыночных позиций, обеспечения относительной дешевизны основных ресурсов производства, использовании уникальных высоких технологий.

Третий блоком является блок потенциалов готовности к социально-экономическим преобразованиям, который включает: потенциал социально-психологической готовности региона к проведению социально-экономических преобразований; потенциал нормативно-правовой готовности, характеризующий степень полноты правовой и нормативной базы, необходимой для осуществления тех или иных преобразований в различных сферах жизнедеятельности населения региона; потенциал научно-методической готовности, характеризующий степень разработки научных и методических материалов, необходимых для реализации социально-экономических преобразований и т.п.

Все они в совокупности формируют экономический потенциал региона. Таким образом, под экономическим потенциалом следует понимать, как способность социально-экономической системы региона за счет использования собственных ресурсов обеспечить достижение долгосрочного, устойчивого экономического роста, позволяющего гарантировать населению региона достойный уровень жизни, соответствующий мировым стандартам. Поэтому достижение более высокого экономического потенциала является одной из главных результирующих характеристик развития территории. Важен не только объем выпуска продукции, но и более высокое качество самой хозяйственной системы, определяющее ее эффективное функционирование в будущем. Оценка экономического потенциала позволяет: определить в стоимостном выражении суммарную величину потенциала, сосредоточенного на данной территории, установить удельный вес каждого элемента и структуру потенциала; найти степень использования потенциала.

Оценки экономического потенциала в передовых капиталистических странах начали производиться в 60-х годах двадцатого столетия. В начальных исследованиях зарубежных ученых при оценке потенциала получил развитие только ресурсный подход. Он существовал в двух направлениях: первое – потенциал представлял собой совокупность ресурсов, выраженных в стоимостной форме. Взаимовлияние отдельных ресурсов не учитывалось. Второе – потенциал является совокупностью ресурсов, способных производить материальные блага. Первые ресурсные оценки потенциала СССР были выполнены в начале 70-х годов XX века [1].

В настоящее время наука на Западе еще не определилась со структурными элементами экономического потенциала, нет четкой градации по уровням потенциала территории. Ученые Западной Европы и стран Юго-восточной Азии недооценивают влияние природно-ресурсного потенциала на размер экономического потенциала, в то время как ученые развивающихся стран переоценивают его. Американские ученые не учитывают инсти-

туциональный потенциал, а менталитету придают меньшее значение, чем ученые западной Европы.

На сегодняшний день существуют разные способы оценки экономического потенциала. В качестве одного из методов Ф. Клоцвог и И. Кушникова предлагают рассчитать: сколько рублей ВРП производит единица того или иного ресурса, а затем – полученную величину умножить на объем ресурса. Сравнения фактическую величину ВРП с полученной величиной экономического потенциала можно получить коэффициент использования потенциала по конкретному субъекту [2].

Метод относительных разностей предполагает получение оценок по частным показателям, таким как ВРП, число людей, занятых в промышленности, объем промышленной продукции, число действующих предприятий и при помощи нормирования [3]. Метод «Паттерн» позволяет получить оценки по частным показателям при помощи соотношения фактических значений с наилучшими. Метод многомерной средней отличается от метода «Паттерн» тем, что текущий показатель региона соотносится не с максимальным, а со средним по всем регионам его значением.

Метод суммы мест предполагает предварительное ранжирование всех регионов по каждому показателю, характеризующему моделируемое многомерное явление. При этом первые места присваиваются наилучшим их значениям. Вычислив суммы мест по всем рассматриваемым показателям, представляется возможность установить ранги регионов по уровню потенциала [2].

Метод балльных оценок отличается от метода суммы мест лишь тем, что регионам, имеющим наилучшие значения показателей, присваиваются наивысшие баллы [4].

Таким образом, концепция исследования экономического потенциала, по нашему мнению, может состоять из следующих элементов: формирование массива информации; проведения комплексного анализа достигнутого социально-экономического развития региона; выработки цели и обоснования стратегии социально-экономического развития региона; оценки экономического потенциала региона в рамках поставленной цели и реализации стратегии; разработки системы прогнозных показателей социально-экономического развития; разработки плана корректирующих процедур, направленных на расширение экономического потенциала региона для достижения цели и реализации стратегии.

При этом исследование экономического потенциала региона может состоять из следующих этапов. Первый этап – создание исходной информационной базы с помощью статистического наблюдения. На втором этапе осуществляется оценка экономического потенциала, как по его отдельным элементам, так и в целом с использованием различных экономико-статистических методов: статистической группировки, сравнения, индексный, факторный методы, корреляционно-регрессионного, кластерного анализа и др. На третьем этапе проводится сравнительный анализ экономического потенциала региона во времени и пространстве с аналогом или среднероссийскими значениями. На четвертом этапе идентифицируются однородные группы регионов по величине экономического потенциала, формируются региональные рейтинги. На пятом этапе осуществляется прогнозирование экономического потенциала региона в целом и его отдельных компонентов с помощью математических и статистических методов, изучаются основные тенденции развития потенциала региона.

Библиографический список

1. Татевосян, Г.М. Сравнительный анализ экономических показателей регионов России / Г.М. Татевосян, О.М. Писарева, С.В. Седова // Экономика и математические методы. – 2004. – Т.40. – № 4.
2. Клоцвог, Ф. Ресурсный потенциал субъектов Федерации и его использование / Ф. Клоцвог, И. Кушникова // Экономист. – 1998. – № 12.
3. Зотов, Б.Н. Расчетная оценка экономического потенциала региона // Актуальные проблемы управления социально-экономическими процессами в регионе: сб. докладов научно-практич. конф. – Калуга, 2000.
4. Прокапало, О.М. Сравнительная оценка социально-экономических потенциалов субъектов федерации Дальнего Востока // Регион. Экономика и социология. – 2000. – № 2.

Bibliography

1. Tatevosyan, G.M. Sravnitel'nyj analiz ehkonomicheskikh pokazatelej regionov Rossii / G.M. Tatevosyan, O.M. Pisareva, S.V. Sedova // Ekonomika i matematicheskie metodih. – 2004. – T.40. – № 4.
2. Klocvog, F. Resursnij potencial subjektov Federacii i ego ispol'zovanie / F. Klocvog, I. Kushnikova // Ekonomist. – 1998. – № 12.
3. Zotov, B.N. Raschetnaya ocenka ehkonomicheskogo potenciala regiona // Aktual'nye problemih upravleniya social'no-ehkonomicheskimi processami v regione: sb. dokladov nauchno-praktich. konf. – Kaluga, 2000.
4. Prokapalo, O.M. Sravnitel'naya ocenka social'no-ehkonomicheskikh potencialov subjektov federacii Dal'nego Vostoka // Region. Ekonomika i sociologiya. – 2000. – № 2.

Статья поступила в редакцию 12.07.12

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	2	В.А. Леонов МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ XIX ВЕКА	44	Г.Г. Левин ТЮРКСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИ- ЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ	86
КУЛЬТУРОЛОГИЯ		И.В. Шестакова ПОЭТИКА ФИЛЬМА В. ШУКШИНА «ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ»	46	А.Б. Нургазина, М.К. Акишева КОНЦЕПТ «ДУША» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. БЛОКА	89
С.В. Максимец СВОБОДА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	3	ФИЛОЛОГИЯ		А.В. Пирогова ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОЗОРНЫХ КНИГ ГОРОДОВ МОСКОВС- КОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.	91
М.С. Власов БАЗА ДАННЫХ «БИЙСК – ВОРОТА АЛТАЯ» КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ	5	Ю.В. Авдеева ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВА- НИЕ РЕЧИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ СИТУАТИВНОГО АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ	49	З.Б. Самдан АРЕАЛЬНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕ- НИЙ МИФА В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКО- МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬ- НОЙ АЗИИ	93
Н.Э. Косполова ПРИЕМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ В РЕСТАВРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	7	М.Л. Александрова ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА СВЯЗОЧ- НЫЕ КОНСТРУКЦИИ	51	А.Н. Смолина ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАОНТОЛОГИ- ЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА ТЕОДОРА АМАДЕЯ ГОФМАНА	95
Л.А. Кравцова МУЗЕЕФИКАЦИЯ КАК ФОРМА АКТУА- ЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ	13	Т.А. Ашихмина ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ	53	С.Л. Яковлева, О.В. Кожина СУБТИТРЫ КАК ВИД АУДИОВИЗУАЛЬ- НОГО ПЕРЕВОДА: ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ И ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	98
Н.Н. Полосин ПРЕДМЕТНАЯ СФЕРА КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕС- КИЙ АСПЕКТ	16	Ю.М. Брейгер РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУ- РЫ НАЦИИ	54	И.Н. Филиппова ВЕРБАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИО- НИЗМА	102
Е.А. Полякова НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТОБОЛЬСКОГО ЦЕРКОВНОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА В НАЧАЛЕ XX В.	18	Н.Н. Гранкова ТЕМАТИКА ЭМОТИВНО-НЕЙТРАЛЬНОЙ И ЭКСПРЕССИВНО-МАРКИРОВАННОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННО- ГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	57	А.Н. Чугуунекова МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ, ОРИЕНТИРО- ВАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ОПРЕДЕ- ЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКО- ГО ЯЗЫКА)	104
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ		С.А. Губанов КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВА- НИЯ ЭПИТЕТА В ИДИОЛЕКТЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ	59	И.Г. Зубаурова МОРФЕМНОЕ СТРОЕНИЕ ЛИТЕРАТУ- РОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В БАШКИР- СКОМ ЯЗЫКЕ	107
Л.В. Балахнина, М.Н. Софронова ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ВЕСТИМЕН- ТАРНОЙ МОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	21	В.В. Дёгтева ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ.	62	И.С. Карташевич, Г.В. Кукуева МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕВОД- НОГО ТЕКСТА КАК ОСОБОГО ВИДА ВТОРИЧНОГО	110
Н.В. Виницкая ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПОТАПОВА	24	В.В. Дергачев ТРАДИЦИИ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. НОРОВА	64	Г.К. Исмаилова ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИКИ	112
Жуань Юн Чэнь ПЕКИНСКАЯ ОПЕРА КАК СИНТЕТИЧЕС- КОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВО (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СПЕКТАКЛЯ WA WANG BIE JI – «БА УАН ПРОЩАЕТСЯ С ЮЙ ЦЗИ»)	26	Е.А. Елтанская ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СРЕДЫ НА СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАН- ТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИНАМИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ	67	Т.А. Кравцова МЕТАЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕ- ЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	114
Л.Р. Золотарева ОСМЫСЛЕНИЕ «ТЕМЫ АБАЯ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ	30	Л.С. Ефимова, Н.С. Майнагашева, Ю.И. Чаптыкова ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР В МАТЕРИА- ЛАХ Н.Ф. КАТАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ	71	Аль-Отауби Бадер Тарахиб СВЯЗЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	117
Н.С. Золотых, С.А. Прохоров ЭТНИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЖИВОПИСИ ПОРАЖАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛ	34	Г.С. Иваненко ПОНЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ, СМЫСЛА, ПОНИМАНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ИНТЕР- ПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛЕВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	74	ФИЛОСОФИЯ	
Н.И. Сезёва ТЮМЕНСКИЙ КОВРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	37	Д.М. Киреева ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ КОНЦЕП- ТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	78	М.В. Бахтин ПРОБЛЕМА СОВМЕЩЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ПОНИМАНИЯ БЫТИЯ И СТРУКТУРНОС- ТИ В ОТЧЕТСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ	120
М.И. Гринёва ФОРМА ПО ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ПРОЕКТУ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДЕНИСОВА	39	Т.В. Косолапова ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВ- ЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТ- НОГО В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕЗЮМЕ	81	Н.Г. Глазунов ВЛИЯНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ НА ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗА- ЦИИ ОБЩЕСТВА	122
Е.Г. Шевляков ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА В МУЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ. НА ПРИМЕРЕ «ЛИРИКИ ПУШКИНА» БОРИСА ЧАЙКОВСКОГО И «ШЕСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ» ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИ- ЧА	42	Н.С. Куппа СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ	83	В.Г. Горяев ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕН- НОГО УПРАВЛЕНИЯ	126

И.Н. Лосева ПОНЯТИЕ «БОГ» В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ И НАУЧНОМ ПРОЦЕССЕ (ВЫЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВ) 128	И.В. Клещева УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ 167	ТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 205
И.Н. Лосева, Г.В. Рыбинцева ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О СВОБОДЕ 130	Ю.А. Кулешова, Э.Г. Скибицкий ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ 171	Б.Д. Паштаев ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА К ИННОВАЦИОННО-КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 207
В.В. Лыткин ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ 133	О.С. Кульбах, Е.Р. Зинкевич К ПРОБЛЕМЕ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 178	Н.Ф. Петрова ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ШКОЛЬНИКОВ 209
И.В. Фотиева СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И РЕЛИГИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДХОДА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ 136	А.А. Лазарев ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ СПО: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-СПОРТИВНОГО КЛУБА «ПАТРИОТ» 181	Э.Г. Скибицкий, И.Ю. Скибицкая ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ 211
А.С. Шаров ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА: СОПРЯЖЕНИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРОВ 137	Д.В. Леженчук МЕТОДЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 183	С.С. Юровских РИСУНОЧНЫЕ МЕТОДИКИ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ 213
А.В. Давыденко УНИВЕРСАЛИЗМ ИДЕИ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ Ф.НИЦШЕ 139	О.М. Липустина РОЛЬ НОРМ-ОБРАЗЦОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 185	А.А. Терентьев, О.Г. Терентьева ТЕОРИЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК ОСНОВА СИНТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 216
ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ	Н.Б. Лисовская, Т.Л. Смолина, Е.А. Трощинина ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРЬЕРНОЙ ГОТОВНОСТИ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ) 187	Ю.В. Толбатова КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ 219
В.Н. Андреев, Н.В. Андреев КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ БАКАЛАВРА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОФИЛЯ 142	Д.В. Лобазов, И.В. Кизесова МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОЛЕВОЙ ИГРЫ 190	А.В. Фебенчукова РИГИДНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА, ПРОЯВЛЯЮЩАЯСЯ В СКОРОСТИ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ 220
В.Л. Бирик МОЛОДЕЖНАЯ БЕЗРАБОТИЦА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ 145	Т.Г. Лутченко МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ТЕХНОЛОГОВ В СРЕДНЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ 193	М.А. Харлов ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА К РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 222
Н.Г. Волкова САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ В ГУМАНИТАРНОМ ПРОФИЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ 147	В.А. Магин ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОДХОДОВ ФГОС ВПО НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ 197	М.Г. Чухрова, Н.И. Савицкая МОТИВАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ МОЛОДЕЖЬЮ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ 225
Б.А. Гунзунова КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 150	Ю.А. Мазеева, О.К. Агавелян СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 198	Н.А. Швец МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ К ИННОВАЦИОННОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ 228
Т.Н. Доминова ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ 155	И.В. Минзер, Э.С. Бабаева ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 200	В.П. Шибеев ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ 232
О.С. Дубровина ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТИРОВОЧНЫХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 158	М.М. Миннегалиев РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ 203	И.В. Зуев, Ф.Г. Назаров КОМПЛЕКС ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРАЦИОННЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ 5–6 КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ 234
Е.В. Дудышева ДИСТАНЦИОННЫЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ 160	М.С. Невзорова, А.С. Петелин ФОРМИРОВАНИЕ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОТИВАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К УЧЕБНО-ПОЗНАВА-	С.Д. Каракозов, Л.Г. Куликова ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА: СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ1 236
А.С. Егоров, И.М. Рязанцева ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕТОВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ 162		А.Б. Раисова ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 239
О.А. Капина ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ 164		

И.М. Макарихина
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 241

С.Д. Каракозов, Л.Г. Куликова, В.М. Лопаткин
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЕТЕЙ 242

Е.М. Макота
ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 245

И.Л. Борзенко
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА АЛТАЕ В 1920-е ГОДЫ 249

ИСТОРИЯ

Ю.Б. Костякова
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ХАКАСИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 255

О.С. Мамонтова
КУСТАРНОЕ ГОНЧАРСТВО АЛТАЙСКОГО (ГОРНОГО) ОКРУГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 258

М.К. Чуркин
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ОЦЕНКАХ И РЕШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1861–1905 ГГ.) 261

И.В. Куприянова
СТАРОБРЯДЧЕСТВО АЛТАЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 266

СОЦИОЛОГИЯ

А.Н. Шрайбер
КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 272

МЕДИЦИНА

В.В. Гафаров, Д.О. Панов, Е.А. Громова, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова
ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И 16-ЛЕТНИЙ РИСК РАЗВИТИЯ ИНФАРКТА МИОКАРДА И ИНСУЛЬТА СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ 275

В.В. Гафаров, Е.А. Громова, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова
ВЛИЯНИЕ ДЕПРЕССИИ НА РИСК РАЗВИТИЯ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ 277

В.В. Гафаров, Д.О. Панов, Е.А. Громова, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова
ВЛИЯНИЕ ДЕПРЕССИИ КАК ИНДИКАТОРА СТРЕССА В СЕМЬЕ И НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ НА РИСК ИНФАРКТА МИОКАРДА И ИНСУЛЬТА СРЕДИ

ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ 279

В.В. Гафаров, Д.О. Панов, Е.А. Громова, И.В. Гагулин, А.В. Гафарова
СВЯЗЬ ДЕПРЕССИИ С ОТНОШЕНИЕМ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ И ДРУГИМИ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМИ ФАКТОРАМИ СРЕДИ ЖЕНЩИН 25-64 ЛЕТ В ОТКРЫТОЙ ПОПУЛЯЦИИ 280

В.В. Гафаров, А.В. Гафарова, В.В. Татаринова, Е.В. Горохова
СМЕРТНОСТЬ ОТ ОСТРОЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ (ПРОГРАММА ВОЗ «РЕГИСТР ОСТРОГО ИНФАРКТА МИОКАРДА») 282

В.В. Гафаров, М.И. Воевода, Е.А. Громова, В.Н. Максимов, А.В. Гафарова, И.В. Гагулин, Н.С. Юдин, Т.М. Мишакова
АССОЦИАЦИЯ ПОЛИМОРФИЗМА ГЕНОВ-КАНДИДАТОВ ДОФАМИНЕРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (DRD4, DAT) С СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ (ПРОГРАММА ВОЗ «MONICA-ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ») 285

И.О. Грохотов, О.В. Орешака, Т.А. Пельганчук, Е.В. Юдина
ВЛИЯНИЕ ОЗОНОТЕРАПИИ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ПАЦИЕНТОВ К ЧАСТИЧНЫМ СЪЕМНЫМ ПЛАСТИНОЧНЫМ ПРОТЕЗАМ 288

О.В. Мареев, А.В. Лепилин, И.П. Коваленко, Г.О. Мареев, М.Э. Гейвондян
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРОЕНИЯ ЛИЦЕВОГО СКЕЛЕТА, ПРИВОДЯЩИЕ К РАЗВИТИЮ ОСЛОЖНЕНИЙ ЭНДОДОНТИЧЕСКИХ ВМЕШАТЕЛЬСТВ НА ВЕРХНЕЙ ЧЕЛЮСТИ 290

С.А. Фирсов
СОЧЕТАННАЯ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВАЯ И СКЕЛЕТНАЯ ТРАВМА: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗА СОСТОЯНИЯ 293

В.И. Хаснулин, А.В. Хаснулина
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАБОЛИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И УСТОЙЧИВОСТЬ К ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОМУ СТРЕССУ НА СЕВЕРЕ 295

ЭКОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В.И. Егоров, А.А. Мельберт, А.В. Михайлов
РАНЖИРОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 300

В.И. Егоров, А.А. Мельберт, А.В. Михайлов, И.А. Алексеев, В.В. Самброс
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ АППАРАТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОСМОДРОМА «ВОСТОЧНЫЙ» 303

Р.Р. Галеев, Е.Г. Чагина
О НАКОПЛЕНИИ ФЛОРА РАСТЕНИЯМИ

КУКУРУЗЫ ПРИ ВНЕСЕНИИ ОРГАНИЧЕСКИХ УДОБРЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ХАКАСИИ 308

А.А. Ефременков, А.А. Малыгин, И.В. Горбачев
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЙОНАХ ПАДЕНИЯ ОТДЕЛЯЮЩИХСЯ ЧАСТЕЙ РАКЕТ-НОСИТЕЛЕЙ (НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ) 311

К.Н. Нарожных, Ю.В. Ефанова, О.С. Короткевич
СОДЕРЖАНИЕ КАДМИЯ В НЕКОТОРЫХ ОРГАНАХ И ТКАНИ БЫЧКОВ ГЕРЕФОРДСКОЙ ПОРОДЫ 315

С.А. Николаева, Д.А. Савчук
КОРНЕВАЯ СИСТЕМА И РОСТ КЕДРА СИБИРСКОГО (PINUS SIBIRICA DU TOUR) В ЗОНЕ ЗАСЫПАНИЯ ОБЛОМОЧНЫМ МАТЕРИАЛОМ 318

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К.К. Иванов
ВЫСШИЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ 323

ЭКОНОМИКА

А.А. Жидких
МЕТОДИКА УЧЕТА ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ 326

Е.В. Артемкина
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 330

Е.Н. Бондаренко
К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ РЕГИОНА 333

С.М. Горлов
РЕЗУЛЬТАТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ И КРЕДИТОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В США 335

Н.В. Запекина, Л.А. Журавлева
НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КОФЕЙНОЙ ОТРАСЛИ 337

А.А. Мирохина
ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОВЕДЕНИЮ МОНИТОРИНГА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА 341

П.З. Шахбазов
ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА 343

ИНФОРМАЦИЯ 351

ALPHABETICAL INDEX	2	Leonov V.A. MUSIC EDUCATION IN ROSTOV-ON-DON OF A XIX-TH CENTURY	44	Levin G.G. TURKIC AND MONGOLIAN LEXICAL ELEMENTS IN NUMERALS OF THE ANCIENT TURKIC AND YAKUT LANGUAGES	86
CULTUROLOGY					
Maksimets S.V. FREEDOM AS NECESSARY CONDITION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT	3	Schestakova I.V. POETICS OF V. SCHUKSCHIN FILM «THERE LIVES SUCH A GUY»	46	Nurgazina A.B., Akosheva M.K. THE CONCEPT «SOUL» IN THE AUTHOR'S WORLD THINKING BY ALEXANDER BLOCK	89
Vlasov M.S. THE DATABASE «BIYSK – THE GATES OF ALTAY» AS INNOVATION PRODUCT	5	FILOLOGY			
Natalia E.K. ANTHROPOLOGISM AND ANTHROPOLOGICAL TYPE IN RESTORATION	7	Avdeeva Y.V. EXPERIMENTAL RESEARCH OF SPEECH OF PEOPLE UNDER ALCOHOL INFLUENCE	49	Pirogova A.V. TOPONYMIC ASPECT IN CENSUS BOOKS OF MUSCOVY'S TOWNS IN THE FIRST THIRD OF XVII CENTURY	91
Kravtcova L.A. MUSEUMIFICATION AS A FORM OF ACTUALIZATION OF THE COAL INDUSTRY HERITAGE IN THE EUROPEAN COUNTRIES	13	Alexandrova M.L. THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE CONSTRUCTIONS OF THE COPULA	51	Samdan Z.B. AREAL CORRELATIONS OF TERMINOLOGICAL DEFINITIONS OF MYTH IN FOLKLORE OF TURCO- MONGOLIAN PEOPLES OF INNER ASIA	93
Polosin N.N. THE SUBJECTIVE SCOPE OF CULTURAL ANTHROPOLOGY: EPISTEMOLOGICAL ASPECT	16	Ashihmina T.A. THE FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE	52	Smolina A. PARALOGICAL AND PARAONTOLOGICAL DEVICES IN ERNST THEODOR AMADEUS HOFFMAN'S WORKS	95
Poljakova E.A. SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES AS THE MAIN COMPONENT OF TOBOLSK CHURCH ANTIQUITIES STOREHOUSE IN THE EARLY 20TH CENTURY	17	Breyger J.M. RUSSIAN FOLK TALE AS A REFLECTION OF SPIRITUAL CULTURE OF THE NATION	54	Yakovleva S.L., Kozhinova O.V. SUBTITLES AS A FORM OF AUDIO- VISUAL TRANSLATION: TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AND PROPER NAMES	98
ARTS STADIES					
Sofronova M.N., Balakhina L.B. VESTIMENTARY TERMINOLOGY: HISTORICAL PERSPECTIVE	21	Grankova N.N. THE SUBJECT OF EMOTIVELY NEUTRAL AND EVOCATIVELY MARKED SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE	56	Filippova I.N. VERBAL REDUNDANCY IN THE INTERPRETATION'S THEORY102	
Vinitskaya N.V. TRADITIONS OF RUSSIAN COMIC CULTURA IN THE ART POTAPOVA	24	Gubanov S.A. THE COGNITIVE MECHANISMES OF GENERATION OF EPITHETS IN M. TSVETAIEVA'S IDIOLECT	59	Chugunekova A.N. MODELS OF THE MOVEMENT, FOCUSED RATHER CERTAIN SPATIAL OBJECT (ON A MATERIAL OF KHAKASS LANGUAGE)	104
Ruan Yongchen. THE BEIJING OPERA AS A SYTHETIC SCENE ART (ON THE BASIS OF BA WANG BIE JI)	26	Degteva V.V. CREATIVE WORKS BY VASILY GROSSMAN: MODERN APPROACHES AND CONCEPTIONS	62	Zubairova I.G. MORPHEMIC STRUCTURE OF LITERARY TERMS IN THE BASHKIR LANGUAGE	107
Zolotareva L.R. CONCEPTUALIZATION OF «THEME OF ABAI» IN ART	30	Dergachev V.V. TRAVEL GENRE TRADITIONS IN THE WORKS OF XIX CENTURY RUSSIAN TRAVELERS ON EXAMPLE OF WORKS OF A.S. NOROV	64	Kartashevich I.S., Kukueva G.V. THE DERIVATION MECHANISM OF THE TRANSLATED TEXT AS A PARTICULAR KIND OF THE SECONDARY FORMATION	109
Zolotykh N.S. THE ROLE OF THE ART DYNASTIES IN ART LIFE OF THE ALTAI IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTRY	33	Eltanskaya E.A. DISCURSIVE PRACTICE IMPACT ON NOTIONAL TRANSFORMATIONS IN NOTION SEMANTIC STRUCTURE OF SPATIODYNAMIC PREPOSITIONS	67	Ismailova G.K. TERMINOLOGY AS A SPECIAL FIELD OF LINGUISTICS	112
Prokhorov S.A. ETHNIC AND GEOGRAPHICAL SOURCES OF PAINTING WHICH GIVE RISE TO THE NATIONAL ORIGINALITY ART SCHOOLS	34	Efimova L.S., Mainagaheva N.S., Haptikova Y.I. KHAKASS FOLKLORE IN KATANOV'S MATERIALS: STUDYING AND PRESERVATION PROBLEMS	71	Kravtsova T.A. METALINGUISTIC STRATEGY FOR PROVIDING EFFECTIVE TEXT COMMUNICATION	114
Sezeva N.I. THE TYUMEN CARPET CRAFT IN THE SECOND HALF OF XIX – BEG. XX CENTURIES	37	Ivanenko G.S. THE NOTIONS OF VALUE, MEANING, UNDERSTANDING, PERCEPTION, INTERPRETATION OF THE TEXT IN CONCEPT OF THE TARGET LEGAL LANGUAGE RESEARCH	74	PHILOSOPHY	
Grineva M. MUSICAL FORM IN THE INDIVIDUAL PROJECT IN DENISOV'S WORKS ...	39	Kireeva D.M. THE ORIGIN OF THE BLENDING THEORY	78	Bachtin M.V. COMBINATION OF UNDERSTANDING THE PROBLEM OF THE POSITION OF BEING IN THE DOMESTIC AND STRUCTURAL PHILOSOPHY OF HISTORY	120
Shevlyakov E.G. PHILOSOPHIC LYRIC POETRY IN CONTEMPORARY NATIVE COMPOSERS MUSIC. ILLUSTRATED BY «PUSHKIN'S LIRIC POETRY» BY BORIS TSHAIKOVSKY AND «SIX POEMS OF MARINA CVETAYEVA» BY DMITRY SHOSTAKOVICH	42	Kosolapova T.V. GENDER PECULIARITIES OF INDIVIDUAL PERSONALITY REALIZATION IN THE TEXTS OF ENGLISH RŮSUMŮS	80	Glazunov N.G. T HE INFLUENCE OF INTERPRETATION PARADIGMS ON THE PROCESS OF SOCIETY MODERNIZATION	122
		Kuppa N.S. COMPOUND VERBAL PREDICATE AS A FORM OF INDICATION THE INTENTIONAL MEANINGS	83	Goryaev V.G. CONCEPT OF CULTURE OF GOVERNANCE	126
				Loseva I.N. THE CONCEPT OF GOD IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND	

SCIENCE (EXPOSITION OF THE SENSES)	128	Kuleshova J.A., Skibitsky E.G. EDUCATIONAL TECHNOLOGY OF LANGUAGE GUESS DEVELOPMENT IN STUDYING FOREIGN LANGUAGE BY NON-LINGUISTIC STUDENTS	171	Skibitsky E.G., Skibitskaja I.U. THE FORMING TERMINOLOGICAL KNOWLEDGE STUDENTS NONLANGUAGE AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	210
Loseva I.N., Rybintseva G.V. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY ABOUT FREEDOM	130	Koulbakh O.S., Zinkevich E.R. TO THE PROBLEM OF EDUCATING MEDICAL STUDENTS AS AN INTEGRAL PART OF PROFESSIONAL EDUCATION	178	Yurovskikh S.S. DRAWING TECHNIQUES AS A MEANS OF IDENTIFYING AGGRESSION IN CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION	213
Fotieva I.V. THE RELATIONSHIP OF MORALITY AND RELIGION: THE RELEVANCE OF THE APPROACH OF RUSSIAN PHILOSOPHY.	136	Lazarev A.A. GRAZHDANSVENNOSTI'S FORMATION AND PATRIOTISM AT STUDENTS CPO: ON THE EXAMPLE OF ACTIVITY OF MILITARY AND SPORTS CLUB "PATRIOT"	181	Terentjev A.A., Terentjeva O.G. THEORY UNITY AS A BASIS SYNTHETIC CULTURE AND MULTICULTURAL EDUCATION	215
Sharov A.S. THE ONTOLOGY OF MEANING: COUPLING OUTER AND INNER WORLDS	137	Legenchuk D.V. METHODS OF EXPERIMENTAL WORK IN THE STUDY OF THE CONTINUITY OF PROFESSIONAL EDUCATION	183	Tolbatova J.V. COMPETENCE MODEL DETERMINING STUDENT INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORIES IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	219
Davydenko A.V. THE UNIVERSALISM OF THE IDEA OF CONSTANT RETURNING BY F. NIETZSCHE	139	Lipustina O.M. THE ROLE OF NORMS-STANDARDS IN THE PROFESSIONAL EDUCATION OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHER	185	Febenchukova A.V. RIGIDITY AS A CHARACTERISTIC OF BRAIN ACTIVITY IS MANIFESTED IN THE SPEED OF INFORMATION PROCESSING	220
PEDAGOGICS. PSYCHOLOGY		Lisovskaya N.B., Smolina T.L., Troshinina E.A. TECHNOLOGIES OF FORMATION OF CAREER READINESS IN TRAINING IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS (FOREIGN EXPERIENCE)	187	Kharlov M.A. FOREIGN EXPERIENCE OF TEACHER TRAINING TO REFLEXIVE ACTIVITY	222
Andreev V.N., Andreev N.V. KONTSEPTUALIZATSIYA OF MODEL OF THE BACHELOR AS WAY OF IMPROVEMENT OF PERSONAL VOCATIONAL TRAINING OF STUDENTS OF THE ARCHITECTURAL-ART PROFILE	142	Lobazov D.V., Kizesova I.V. METHODOLOGICAL BASES OF THE ROLE-PLAYING GAME	190	Chukhrova M.G., Savitzkaja N.I. YOUNG PEOPLE ALCOHOL CONSUMPTION MOTIVATION IN GENDER ASPECT	225
Bibik V.L. YOUTH UNEMPLOYMENT: PROBLEMS, DECISIONS	145	Lutchenko T.G. THE MODEL OF FORMATION OF THE INFORMATION COMPETENCE OF STUDENTS-TECHNOLOGISTS IN SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTION	193	Shvets N.A. MODEL OF STUDENTS' AND GRADUATES' TRAINING FOR INNOVATIVE BUSINESS	228
Volkova N.G. INDIVIDUAL SELF-ACTUALIZATION OF TRAINEE IN TEACHING PHYSICS IN HUMANITARIAN PROFILE OF EDUCATION	147	Magin V.A. PROFESSIONAL COMPETENCE TEACHERS OF PHYSICAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE EDUCATIONAL STANDARDS OF NEW GENERATION	197	Shibaev V.P. TEACHING POSSIBILITIES OF ONLINE LEARNING IN THE PROCESS OF ENHANCING COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS	232
Gunzunova B.A. CONCEPTUAL MODEL OF SYSTEM OF SELF-CONTROL OF EMOTIONAL CONDITIONS IN PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ACTIVITY	150	Mazaeva Y.A., Agavelyan O.K. THE CONTENT OF CONCEPT «COMPUTER LITERASY» IN SCIENTIFIC LITERATURE	198	Zuev I.V., Nazarov F.G. COMPLEX TECHNOLOGICAL METHODS OF FORMATION OF OPERATIONAL SKILLS STUDENTS OF 5 – 6 CLASSES IN THE PROCESS OF LABOUR TRAINING	234
Dominova T.N. THEORETICAL BASIS FOR THE CREATION OF THE LINGUISTIC AND REGIONAL DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS	155	Minzer I.V., Babayev E.S. DESIGNING THE PROGRAM OF THE PROFESSIONAL EDUCATION ON BASE OF THE INTEGRATIONS OF FORMAL AND INFORMAL EDUCATION	200	Karakozov S.D., Kulikova L.G. INNOVATION PROCESSES IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY: THE SOCIOCOMMUNICATIVE COMPONENT	236
Dubrovina O.S. TEACHING CONDITIONS OF FORMATION OF DESIGNING SKILLS AMONG TRAINEES DURING TRAINING ACTIVITY	158	Minnegaliev M.M. ROLE AND IMPORTANCE OF THE PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN PREVENTIVE MAINTENANCE DEVIATION BEHAVIORS TEENAGER	202	Raissova A.B. BASIC COMPONENTS IN THE MODEL FOR DEVELOPMENT OF TECHNICAL STUDENTS' PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE	239
Dudysheva E.V. DISTANCE TRAINING-AND-PROFESSIONAL PROJECTS AS WAY OF IMPLEMENTING THE VIRTUAL MOBILITY OF STUDENTS	160	Nevzorova M.S., Petelin A.S. FORMATION OF MOTIVATION OF RESPONSIBLE RELATION OF SENIOR PUPILS TO ACADEMICAL AND CREATIVE ACTIVITY	205	Makarikhina I.M. INNOVATION FORMS IN THE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' SKILLS DEVELOPMENT SYSTEM	241
Egorov A.S., Ryazantseva I.M. ETHNO-CULTURAL FEATURES OF FORMATION COLOR PERCEPTION OF THE STUDENTS OF ART FACULTY	162	Pashtaev B.D. STUDY OF THE UNIVERSITY TEACHER READINESS FOR INNOVATION AND COMMERCIAL ACTIVITY	207	Karakozov S.D., Kulikova L.G., Lopatkin V.M. MODERN APPROACHES TO LEGAL PROVISION OF EDUCATION NETWORK	242
Kapina O.A. FORMATION OF READINESS FOR CHOICE OF PROFESSION AT THE ADVANCED SCHOOLAGE	164	Petrova N. PEDAGOGICAL WORKSHOPS AS A MEANS OF ENHANCING COGNITIVE INTEREST SCHOOLCHILDREN	209	Makota E.M. PECULIARITIES OF THE MODERN MANAGER THE MOTIVATION TO WORK	245
Klescheva I.V. EDUCATIONAL RESEARCH STUDENTS THE STUDY OF MATHEMATICS AS A MEANS OF ACHIEVING NEW EDUCATIONAL PROGRESS	167			Borzenko I.L. SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS AND TEACHING FORMATION	

OF A NATIONAL SCHOOL OF ALTAI IN THE 1920-S	249
--	-----

HISTORY

Kostiakova J.B. FEATURES OF THE NATIONAL PRESS OF KHAKASSIA IN THE PREWAR AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	255
Mamontova O.S. POTTERY CRAFT OF THE ALTAI (MINING) DISTRICT IN THE LATE XIX-TH- EARLY XX-TH CENTURIES ..	258
Churkin M.K. RESETTLEMENT MOVEMENT IN WESTERN SIBERIA ESTIMATES AND DECISIONS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT (1861-1905 GG.)	261
Kuprianova I.V. OLD BELIEVERS OF ALTAI IN THE COURSE OF LIBERALISATION OF THE RELIGIOUS LEGISLATION AND ADMINISTRATIVE PRACTICE OF THE END BY XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURIES	266

CULTUROLOGY

Shrayber A.N. CARTOGRAPHIC ANALYSIS FERTILITY IN ALTAI REGION	272
--	-----

MEDICINE

Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. PERSONAL ANXIETY AND 16 YEARS RISK OF MYOCARDIAL INFARCTION AND STROKE IN FEMALE OF 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION	275
Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. INFLUENCE OF DEPRESSION ON RISK OF ARTERIAL HYPERTENSION IN FEMALE 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION	277
Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. THE INFLUENCE OF DEPRESSION AS AN INDICATOR OF FAMILY AND WORK STRESS ON RISK OF MYOCARDIAL INFARCTION AND STROKE IN FEMALE OF 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION	278
Gafarov V.V., Panov D.O., Gromova E.A., Gagulin I.V., Gafarova A.V. RELATION OF DEPRESSION WITH ATTITUDE TOWARD THE HEALTH AND OTHER PSYCHOSOCIAL FACTORS IN FEMALE 25-64 YEARS IN OPEN POPULATION	280
Gafarov V.V., Tatarinova V.V., Gorohova E.V., Gafarova A.V. MORTALITY FROM ACUTE CARDIOVASCULAR DISEASE RUSSIA IN THE ARCTIC REGION (WHO PROGRAM «REGISTRY OF ACUTE MYOCARDIAL INFARCTION»)	282
Gafarov V.V., Voevoda M.I., Gromova E.A., Maksimov V.N.,	

Gafarova A.V., Gagulin I.V., Yudin N.S., Michakova T.M. POLYMORPHISM OF CANDIDATE GENES DOPAMINERGIC (DRD4, DAT) AND SOCIAL SUPPORT (RESEARCH- BASED PROGRAM WHO MONICA- PSYCHOSOCIAL)	285
--	-----

Grohotov I.O., Oreshaka O.V., Pelganchuk T.A., Udina E.V. INFLUENCE OF OZONETHERAPY ON THE PROCESS OF ADAPTATION OF ELDERLY PATIENTS TO REMOVABLE PARTIAL LAMINAR DENTURES	288
---	-----

Mareev O.V., Lepilin A.V., Kovalenko I.P., Mareev G.O., Geivondyan M.E. BASIC CHARACTERISTICS OF FACIAL SKULL LEADING TO THE COMPLICATIONS OF ENDODONTIC TREATMENT ON MAXILLA	290
--	-----

Firsov S.A. CONCOMITANT TRAUMATIC CRANIOCEREBRAL AND SKELETAL TRAUMA: MODERN POSSIBILITY OF FORECAST	293
---	-----

Hasnulin V.I., Hasnulina A.V. INDIVIDUAL PECULIARITIES OF METABOLIC CHARACTERISTICS AND RESISTANCE TO PSYCHO-EMOTIONAL STRESS IN THE NORTH	295
---	-----

ECOLOGY.

ECOLOGY OF THE PERSON AND HYGIENE OF ENVIRONMENT

Egorov V.I., Melbert A.A., Mikhailov A.V. RANKING OF MUNICIPAL REGIONS OF THE ALTAI TERRITORY	300
--	-----

Alekseev I.A., Sambros V.V. SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF HARDWARE TECHNOLOGY ENVIRONMENTAL SAFETY COSMODROME «EAST»	303
--	-----

Galeev R.R., Chagina E.G. ABOUT ACCUMULATION OF FLUORINE BY CORN PLANTS DURING ORGANIC FERTILIZERS IN KHAKAS CONDITIONS	308
--	-----

Efremenkov A.A., Malygin A.A., Gorbachev I.V. ENVIRONMENTAL MONITORING OF SPACE ACTIVITY IN AREAS OF FALLING OF SEPARATING PARTS OF CARRIER ROCKETS (NORMATIVE AGENTS) ...	310
---	-----

Narozhnykh K.N., Efanova Y.V., Korotkevich O.S. THE CONTENT OF CADMIUM IN SOME ORGANS AND TISSUE OF HEREFORD BULL-CALVES	315
--	-----

Nikolaeva S.A., Savchuk D.A. ROOT SYSTEM AND GROWTH IN SIBERIAN STONE PINE (PINUS SIBIRICA DU TOUR) AFTER COVERING WITH DEBRIS	318
---	-----

JURISPRUDENCE

Ivanov K.K. THE SUPREME ARBITRATION COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SUBJECT OF LEGISLATIVE INITIATIVE	323
---	-----

ECONOMICS

Zhidkikh A.A. THE METHODS OF RECORDING FOR PECULIARITIES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT FOR REGIONAL SYSTEMS OF ECONOMIC REGIONALIZATION	326
---	-----

Artemkina E.V. STATE SUPPORT FOR HOUSING MORTGAGE LENDING IN THE CONTEXT OF THE SOLUTION OF SOCIO- ECONOMIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN SOCIETY	330
---	-----

Bondarenko E.N. TO A QUESTION OF MANAGEMENT OF COMPETITIVENESS OF THE REGION	332
--	-----

Gorlov S.M. THE RESULTS OF FINANCING AND CREDIT ASSISTANCE TO AGRICULTURE IN USA	335
--	-----

Zapekina N.V., Zhuravleva L.A. NATIONAL AND REGIONAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN COFFEE INDUSTRY	337
--	-----

Mirohina A.A. SUBSTANTIATION OF METHODOLOGICAL REQUIREMENTS FOR MONITORING SPATIAL DEVELOPMENT IN THE REGION	340
---	-----

Shakhbazov P.A. METHODOLOGICAL APPROACH TO THE EVALUATION OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION	343
THE INFORMATION FOR AUTORS ...	351

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ

ИСТОРИЯ

- **НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ** – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, (г. Горно-Алтайск), ГАГУ, E-mail: mns@gasu.ru
- **ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: Valbarmin@mail.ru; 8-905-985-70-35
- **ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ДАЦЫШЕН** – д-р ист. наук, профессор (г. Красноярск), Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой всеобщей истории
- **МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул) АлтГПА,
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ БУТАНАЕВ** – д-р ист. наук, профессор, зав. каф. этнографии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- **АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНТЕВ** – канд. ист. наук, доцент (г. Барнаул), АлтГПА
- **НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ИВАНЦОВА** – д-р ист. наук, профессор (г. Москва) МГПИ
- **МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ШИЛОВСКИЙ** – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором истории 19 в. института истории СО РАН, (г. Новосибирск)
- **ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБУНОВ** – д-р ист. наук, профессор (г. Барнаул), АТУ
- **АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ** – д-р ист. наук, профессор, академик РАН, , зав. каф. археологии, (г. Кемерово), КГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- **БОРТНИКОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ** – доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА** – канд. культурологи, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, проректор по научной работе (г. Барнаул)
- **ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРНОСЕНКО** – канд. культурологии, доцент, зав. каф. культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), E-mail: iaj2002@mail.ru

МЕДИЦИНА

- **МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА** – доктор мед. наук, профессор, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), НГУ, E-mail: mba@sibmail.ru
- **КУРПАТОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ** – доктор мед. наук, профессор, зав. каф. психотерапии СПбМАПО, гл. психотерапевт СПб., председатель правления СПб регион. об-ва психотерапевтов (г. Санкт-Петербург), E-mail: kafedrap@yandex.ru
- **МИРИАНА МИЛАНКОВА** – доктор медицины и философии (г. Нови Сад, Сербия), E-mail: dmirjana.milankov@gmail.com
- **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ШЕВЧЕНКО** – д-р медицинских наук, профессор, главный анестезиолог (г. Новосибирск)
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р мед.ицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, член Российской научной комиссии по радиационной защите, вед. науч. сотр. лаборатории сравнительного анализа и управления рисками, E-mail: Professor121 [professor121@rambler.ru]
- **КАЛАЧЕВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** – д-р. мед. наук, профессор (специализация - морфология), начальник научного отдела (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: gak@uni-altai.ru

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

- **АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА** – д-р педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ** – д-р педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова** – д-р психологических наук, профессор, заведующий каф. психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЬЯНЕНКО** – канд. психологических наук, доцент, зав. каф. психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

СОЦИОЛОГИЯ

- **ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ** – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)
- **СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ ГРИГОРЬЕВ** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Академии образования РФ, декан факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **РАИСА АФАНАСЬЕВНА ТРОФИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Петровской академии наук и искусств, первый проректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ДЕНИСОВНА ДЕМИНА** – д-р социологических наук, профессор, декан факультета психологии АлтГУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА ЗАРУБА** – д-р социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зам. председателя совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кузбасской государственной педагогической академии (г. Кемерово)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ УДОДЕНКО** – д-р. социологических наук, профессор, зав. каф. социологии в АлтГТУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ СТАНИСЛАВОВНА ТИМЧЕНКО** – д-р социологических наук, профессор, зав.каф. социальных наук АлтГПА (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ТРОЦКОВСКИЙ** – д-р социологических наук, профессор, зав. Барнаульской лабораторией института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЖЕЛТОВ** – д-р философских наук, профессор, проректор Кемеровского госуниверситета (г. Кемерово)
- **СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА МАКСИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. ПКПТ ФС АлтГУ (г. Барнаул)

- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОКРЕЩЕННОВ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск)
- **ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПКОВ** – д-р филос. наук, проф., зав. сектором этносоциологии отдела социологии института истории СО РАН (г. Новосибирск)
- **ВАЛЕНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ НЕМИРОВСКИЙ** – д-р. социологических наук, профессор, зав.каф. социального менеджмента Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
- **АЛИЕ МУСТАФАЕВНА СЕРГИЕНКО** – д-р социологических наук, доцент, ст. науч. сотрудник Барнаульской лаборатории института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВНА ГУСЛЯКОВА** – д-р социологических наук, профессор факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- **ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ЛУКАШЕВИЧ** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **НИНА ВАЛЕРЬЕВНА ГУБИНА** – канд. филологических наук, доцент, зав. каф. литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ** – д-р искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
- **ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ** – д-р филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ФИЛОСОФИЯ

- **АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК** – д-р философских наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)
- **ВИКТОР ИВАНОВИЧ МАРКОВ** – канд. философских наук, д-р культурологии, профессор кафедры культурологи, председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете культуры и искусств (г. Кемерово)
- **МАРГАРИТА ПАВЛОВНА АРУТЮНЯН** – доктор философских наук, доцент, зав. каф. философии Дальневосточного гуманитарного университета, E-mail: mpa@mail.ru
- **МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ШИШИН** – д-р философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), Тел.: 8-913-211-72-37

ЭКОЛОГИЯ

- **ПЕТУХОВ ВАЛЕРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ** – д-р биологических наук, профессор, председатель докторского совета по экологии (биологические науки) при Новосибирском Государственном Аграрном университете (г. Новосибирск)
- **ХАСНУЛИН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ** – д-р медицинских наук, профессор, зав. Отделом адаптации ИЦКЭМ СО РАН
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ** – д-р биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwep.asu.ru
- **ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЗМАТЕРНЫХ** – канд. биологических наук, доцент, ученый секретарь Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwep.asu.ru
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

ЭКОНОМИКА

- **ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА** – д-р экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- **ВЕРА СТЕПАНОВНА СТАРОДУБЦЕВА** – канд. экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
- **МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АПСИТЕ** – канд. экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ЛЮБАВСКАЯ** – канд. экономических наук, д-р пед. наук, профессор, директор Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ИРИНА ПАВЛОВНА ЛАПТЕВА** – канд. экономических наук, доцент Вяткинского сельскохозяйственного университета (г. Киров)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- **СТЕПАН СУЗАНОВИЧ ТЮХТЕНЕВ** – д-р юридических наук, профессор, зав. каф. уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)
- **ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ОСТАПОВИЧ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск), E-mail: ostapovich7@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного международного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования», включенного в Перечень ведущих журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, приглашает вас к публикации статей по следующим научным направлениям:

• «Искусствоведение» • «История» • «Культурология» • «Медицина» • «Педагогика» • «Психология»	• «Социология» • «Филология» • «Философия» • «Экология» • «Экономика» • «Юриспруденция»

Для публикации в журнале необходимо предоставить заявку с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. полностью, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, факс, E-mail и почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А 4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от всех сторон листа – 2,5 см.

Статья оформляется следующим образом:

- заявка на публикацию в электронном варианте;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова;
- на русском языке: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), сведения об авторе, город, E-mail, название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список.

Библиографический список (в порядке цитирования, не по алфавиту!) оформляется по ГОСТу 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ ...» [2, с. 5], [2; 3]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту в виде постраничных и концевых ссылок не допускаются. В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию. Рисунки должны выполняться по ширине текста в формате *jpg.

Рецензия должна быть выслана обычной почтой. Статья с рецензией и заявкой отправляются электронной почтой (E-mail: mnko@mail.ru).

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора с указанием города. Например, «Иванова_Челябинск». Если статья вторая, третья и т.д., то следует указывать в названии файла соответствующий номер: «Иванова_Челябинск_1», «Иванова_Челябинск_2». Размещение в одном файле нескольких статей не допускается.

После независимой научной и технической экспертизы, статья либо возвращается на доработку, либо принимается к публикации, о чем сообщается автору по электронной почте или указанному телефону.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НАПРАВЛЯЮТСЯ ПО АДРЕСУ: 649006, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 68, Офис 301, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования».

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, которые необходимо учитывать при подготовке статьи к публикации

биол.	–	биологических наук	науч.	–	научный
геогр.	–	географических наук	пед. наук.	–	педагогических наук
гл. н.с.	–	главный научный сотрудник	проф.	–	профессор
дис.	–	диссертация	психол. наук.	–	психологических наук
доц.	–	доцент	Р/д	–	режим доступа
д-р.	–	доктор	ред.	–	редактор
журн.	–	журнал	рис.	–	рисунок
зав. каф.	–	заведующий кафедрой	сельхоз. наук	–	сельскохозяйственных наук
изд-во	–	издательство	социол. наук	–	социологических наук
ист.	–	исторических	ст. преп.	–	старший преподаватель
канд.	–	кандидат	тех. наук	–	технических наук
каф.	–	кафедра	филол. наук	–	филологических наук
мед. наук	–	медицинских наук	филос. наук	–	философских наук
н.с.	–	научный сотрудник	Э/р	–	электронный ресурс
			эконом. наук	–	экономических наук
			юр. наук	–	юридических наук

С материалами журнала можно ознакомиться на официальном сайте:

<http://amnko.ru/>

Тел.: +7(38822) 4-74-44, Факс: +7(388-22) 4-74-44, E-mail: mnko@mail.ru

Отпечатано в типографии «Концепт»,
г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852)36-82-51, concept-print@yandex.ru

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

УДК 371:351.851

Ivanjva A.P., Kolosov A.E. INFRASTRUCTURES OF DEVELOPMENT OF THE PERSON AS THE FACTOR OF INCREASE OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION. In work modern contexts of innovative activity in sphere of vocational training, a problem and reference points of its development are described, the characteristics of a postindustrial epoch demanding changes in the organization of an education system, with a support on professional networks and possessed experience introductions of new forms of the organization of educational activity of students are allocated.

Key words: innovative activity, professional networks, the technology, the new educational programs, developing training, models of the management, open educational space.

А.П. Иванова, канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: ivanova@mail.ru; А.Е. Колосов, д-р психол. наук, проф., ст. н. с. Института Психологии СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: kolosov@ngs.ru

ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В работе описаны современные контексты инновационной деятельности в сфере профессионального образования, задачи и ориентиры ее развития, выделены характеристики постиндустриальной эпохи, требующие изменений в организации системы образования, с опорой на профессиональные сети и имеющийся опыт внедрения новых форм организации учебно-образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, профессиональные сети, технология, новые образовательные программы, развивающее обучение, модели управления, открытое образовательное пространство.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [1, с. 14].

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [2; 3]¹.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [3, р. 35].

Библиографический список²

1. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры. — М., 1969.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Э/п]. — Р/д: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. — 1980. — V. 5.

Bibliography

1. Baller, Eh.A. Preemstvennostj v razvitii kuljturiih. — M., 1969.
2. Nacional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [Eh/r]. — R/d: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. — 1980. — V. 5.

Статья поступила в редакцию 05.08.11

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. После написания статьи автор представляет текст доктору или кандидату наук по соответствующей специализации для рецензии, которая заверяется в отделе кадров и высылается вместе со статьей в редакцию журнала.
2. После получения редакцией статьи она проходит техническую экспертизу, в ходе которой проверяется: наличие на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова; на русском языке: УДК; Ф.И.О. автора (авторов), должность и звание, место работы, контактная информация для переписки - E-mail или номер телефона; название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список, оформленный в порядке цитирования (ответственный - технический редактор журнала, кандидат педагогических наук, международный журналист Н.С. Часовских, E-mail: mnko@mail.ru).
3. Если статья не проходит техническую экспертизу, она возвращается автору на доработку. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
4. Статья, прошедшая техническую экспертизу, отправляется на научную экспертизу специалисту по данному профилю.
5. Если статья не проходит научную экспертизу, она возвращается автору на доработку. При работе над замечаниями эксперта автор может контактировать с экспертом по E-mail. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
6. Статьи, прошедшие техническую и научную экспертизы, принимаются к публикации с соответствующим уведомлением автора по контактной связи (письма, телефон, E-mail).

¹ Все ссылки на библиографию ставятся по **порядку цитирования**, а не по алфавиту. Примеры оформления библиографического списка приведены в информационном письме на сайте журнала по адресу: <http://amko.ru/>

² Библиография приводится на **русском и латинском** языках (транслитерация). Для транслитерации мы рекомендуем использовать бесплатную программу «RusTranslit».